Міста Давньої Русі

Збірка наукових праць
пам'яті А. В. Кузи

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ

Міста Давньої Русі

«СТАРОДАВНІЙ СВІТ»

КИЇВ • 2014

УДК 904.4(4-11)“653”
ББК Т4(4Укр1)431.1-423.2я434
М-656

Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам’яті А. В. Кузи. — К.: «Стародавній Світ», 2014. — 532 с. + 2 с. вкл.

Збірка наукових праць пам’яті видатного вченого-археолога XX ст. А. В. Кузи (до 75-річчя від дня народження). Широкий спектр наукових інтересів та географія експедиційної діяльності науковця знайшли своє відображення в різноманітності наукових праць пропонованої збірки, що, певною мірою, пояснюється тим, що багато авторів починали свою наукову діяльність саме в його експедиціях. В статтях розглядаються питання генези давньоруського міста, його особливостей як соціально-економічного та культурного феномену, торгівлі та ін. Наукові роботи, які виконані провідними фахівцями Східної Європи із залученням останніх результатів археологічних розкопок ще раз доводять перспективність багатьох напрямків наукових досліджень закладених свого часу А. В. Кузою.

Для істориків, археологів, етнологів, культурологів, викладачів та студентів вузів.

Науковий редактор:
П. П. Толочко, академік НАН України, іноземний член РАН

Редакційна колегія:
В. Л. Янін, академік РАН
Н. А. Макаров, академік РАН
Г. Ю. Івакін, член-кореспондент НАН України
О. П. Моця, член-кореспондент НАН України
А. В. Петраускас (вчений секретар), кандидат історичних наук

Рецензенти:
І. Н. Данилевський, доктор історичних наук
С. О. Біляєва, доктор історичних наук

Збірку підготовлено за підтримки
Коростенської міської ради (Житомирська область)
та Національного дослідницького університету
«Высшая школа экономики» (г. Москва)

Затверджено до друку
Вченою Радою Інституту археології НАН України

© Інститут археології НАН України, 2014
© Автори статей, 2014
© Видавництво «Стародавній Світ», 2014

Зміст

Андрей Васильевич Куза — археолог и историк 9

Толочко П. П.
Еще раз о начале Древнерусского государства 11

Москаленко В. В.
Іскоростень-Коростень в історичній пам'яті 21

Моця О. П., Ситий Ю. М., Скороход В. М.
Виповзівський археологічний комплекс у світлі
нових досліджень 2009–2013 р. 26

Назаренко А. В.
Городские центры или зоны полюдья? О политической структуре
Киевской Руси первой половины — середины X в. 38

Медынцева А. А.
Надписи-графити как показатель грамотности в главных
городских центрах Древней Руси 45

Левко О. Н.
Формирование юго-западной и восточной границы полоцкой земли
и образование городов (середина X — середина XII вв.) 54

Винников А. З.
Внешнеэкономические связи донских славян в VIII — начале XI вв.
(по материалам исследования Животинного городища) 65

Щавелев С. П.
Житийно-летописный город Курск на геополитической карте
Древней Руси 72

Белецкий С. В.
Геральдические подвески Древней Руси: география находок 85

Рыбина Е. А.
Древнерусские города в новгородских берестяных грамотах 89

Кулаков В. И.
А. В. Куза и начало Балтийского отряда Института археологии АН СССР 96

Мельникова Е. А.
«Кольца клятвы» в древнескандинавской правовой традиции 103

Шинаков Е. А.
А. В. Куза и современные исследования городов Среднего Подесенья 111

Моргунов Ю. Ю.
Еще раз о северянских «протогородах» 116

Пашкевич Г. О.
Палеоботанічні знахідки на території монастирів України 132

Беляева С. А., Рябцева С. С.
Образ сирин в древнерусском и малоазийском искусстве 140

Михайлина Л. П., Пивоваров С. В., Ільків М. В.
Давньоруський Василів (підсумки і перспективи досліджень) 151

Возний І. П.
Сільська округа — складова частина давньоруських міст Північної Буковини у XII–XIV ст. 160

Енуков В. В., Енукова О. Н.
Исследования Горнальского археологического комплекса в 2012–2013 гг. 169

Лапшин В. А.
К ранней топографии Твери 181

Бережинский В. Г., Івануц М. Г.
Огонь — как средство осады в Древней Руси: тактика и техника боевого применения 187

Бубенько Т. С.
О времени возникновения средневекового Новогрудка 202

Веремейчик Е. М.
Итоги и перспективы археологического изучения Любеча 208

Вознесенская Г. А.
Археометаллография в изучении кузнечного производства Южной Руси 217

Иевлев М. М., Козловский А. А.
Оборонительные сооружения древнерусского времени в районе Копырева конца IX–X ст. 225

Капустін К. М.
Об'єкти XII–XIII ст. з Малого Городського городища
(за матеріалами розкопок 1940–1950-х рр.) 234

Кашкин А. В.
Горналь. Племенной центр или город? 251

Кедун І. С., Черненко О. Є.
Давньоруські пам'ятки Ніжина та його околиць 259

Коваленко В. П., Моця О. П.
Літописний Оргощ 265

Коваль В. Ю.
Ростиславль Рязанский — «малый город» средневековой Руси 279

Мурашева В. В., Фетисов А. А.
Портовая зона Гнездово 287

Петраускас А. В., Польгуй В.І., Хададова М. В.
Історична топографія Літописного Іскоростеня 294

Прищепа Б. А.
Археологічна колекція слов'яно-руського часу з розкопок
Є. М. Пламеницької на Замковій Горі у Кременці 302

Профантова Н.
Левы Градец, Клецаны и Прага: проблематика центральных
поселений и смены власти в Пражской котловине 310

Пуголовок Ю. О.
Планування поселенських структур сіверян 321

Романчук С. П., Тараненко С. П.
Досвід реконструкції давнього рельєфу та гідромережі
Київського Подолу 331

Сагайдак М. А., Івакін В. Г.
До питання про сакральні зони Київського Подолу 339

Сергєєва М. С.
До питання про систематизацію деревообробних спеціальностей
у Київській Русі 351

Черненко О. Є.
Про Сновськ, розкопки «княжого міста» та приєднання
сіверян до Давньоруської держави 357

Чміль Л. В., Чекановський А. А.
Давньоруське городище в Іванкові 364

Щавелев А. С.
«В самых же верховьях реки Днепр обитают росы…» (DAI. 42. 60-61): к вопросу о первом упоминании торгово-ремесленного поселения руси у д. Гнездово 369

Бібіков Д. В.
Поховальні пам'ятки Вишгорода X–XIII ст. Топографія і хронологія 374

Готун І. А., Осадчий Р. М., Нетьосов П. О.
Літописний Звенигород Київський: археологічні реалії та пам'яткоохоронні перспективи 384

Григорьев А. В.
Раскоп X на городище «Замок» г. Новгорода-Северского 398

Козюба В. К.
Китаївське городище в Києві: до питання планової структури 404

Liwoch R.
Importy staroruskie w Polsce przykłady ze zbiorów dawnych Muzeum Archeologicznego w Krakowie 415

Непомящих В. Ю.
Нові дані про оборонні споруди Білгорода Київського. 424

Ситий Ю. М.
Передгороддя Чернігова 438

Тарабукін О. О.
Археологічний відділ Волинського центрального науково-дослідного музею і дослідження коростенських старожитностей (20-ті рр. XX ст.) 447

Борисов А. В.
Городище біля села Пекарі в урочищі Заводище 460

Томашевский А. П., Павленко С. В.
Городища и укрепления средневековой Овручской волости 470

Ясновська Л. В.
До історії вивчення літописних міст Чернігово-Сіверщини в першій половині XIX ст. 513

Наші автори 524

Список скорочень 529

Андрей Васильевич Куза — археолог и историк

В 2014 году Андрей Васильевич Куза, блестящий ученый и просто обаятельный человек, отметил бы 75-летие. Он не дожил даже до своего 50-летнего юбилея — преждевременная смерть настигла ученого в 1984 году. Но и сегодня, по прошествии многих лет, память об Андрее Кузе жива, и мы, его коллеги и ученики, будем помнить о нем всегда.

Андрей Васильевич родился 25 апреля 1939 года в Москве, в семье предков национального героя Румынии Александра Кузы, потомки которого впоследствии переселились сначала в Киев, а затем в Москву. После школы он поступил в Московский университет им. М. В. Ломоносова и в 1961 году закончил его по кафедре археологии. Будучи студентом, Андрей Куза в течение нескольких лет проходил практику в составе Новгородской археологической экспедиции под руководством А. В. Арциховского, а после окончания учебы работал в лаборатории кафедры археологии родного университета. Однако уже в 1962 году молодой перспективный ученый переходит в сектор славяно-русской археологии Института археологии Академии наук СССР (сейчас — ИА РАН). С тех пор его научная деятельность была связана именно с этим институтом — одним из ведущих научных учреждений России.

В 1970 году Андрей Куза защищает кандидатскую диссертацию по теме «Рыбный промысел Древней Руси», — казалось бы, по проблеме достаточно бесперспективной для монографического исследования такого уровня. Но соискатель блестяще справился с научной задачей, а его разработки имеют огромное значение и ныне.

Одновременно Андрей Васильевич работает над актуальными проблемами истории ранних славян в целом, и Новгородской земли в частности, его научные интересы касаются также геральдики, сфрагистики, берестологии. Однако ученый не ограничивается исключительно теоретическими исследованиями — как опытный археолог-полевик он обращает свое внимание на города Южной Руси на разных этапах их формирования и развития (в первую очередь Горналь на Псле и Новгород-Северский на Десне), курганы и городища как Белорусского Поднепровья, так и Новгородщины, и даже на неолитические поселения Ирака. Постепенно вокруг исследователя начинает формироваться собственная научная школа, которой пророчили большие перспективы, но его смерть прервала этот процесс.

Разносторонние интересы в области истории Древнерусского государства — проблемы его хозяйственного развития, летописного источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, а также накопленный археологический материал привели Андрея Кузу к изучению такой важной и сложной проблемы, как формирование, функционирование и развитие древнерусского города, определение его археологических критериев.

Поэтому совершенно логичным является то, что исследователи нескольких поколений из разных стран избрали темой данного сборника научных статей именно это направление, в котором весомых научных результатов добился Андрей Васильевич Куза.

П. П. Толочко

Еще раз о начале Древнерусского государства

Статья посвящена проблеме формирования государственности в Древней Руси. Анализируя этничность Рюрика и его окружения, а также роль, которую норманны сыграли в создании Древнерусского государства, автор акцентирует внимание на том, что истоки восточнославянской государственности следует искать в племенных княжениях восточных славян. Археологические исследования укрепленных «градов» VII–IX вв. обнаружили мощные слои пожарищ, которые условно разделили их жизнь на два преемственных периода — племенной и киеворусский. Следовательно, «племенной» этап стал важной вехой в эволюции государственной и городской жизни восточных славян, поэтому есть все основания утверждать, что их политическая история началась задолго до прихода варягов.

Ключевые слова: восточные славяне, племенной союз, норманны, Рюрик, князь, древнерусские города, государственность, Древняя Русь.

Тема эта с первых лет отечественной историографии является наиболее острой и дискутируемой. В процессе ее исследования историками XVIII–XIX вв. определились два основных решения. Первое, предложенное З. Байером, Г. Миллером, А. Шлёцером, А. Куником, сводится к тому, что своей государственностью восточные славяне целиком обязаны норманнам. Впоследствии этот вывод получил развитие в трудах историков XX в. Т. Арне, А. Стендер-Петерсена, Х. Арбмана и др. Второе решение, у истоков которого стояли В. Татищев, М. Ломоносов, С. Гедеонова, утверждает исключительный приоритет в восточнославянском политогенезе внутреннего фактора развития. В XX в. к числу сторонников, преимущественно, такого подхода относились такие крупные советские историки как Б. Д. Греков, М. К. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, В. В. Вилинбахов, А. Г. Кузьмин и др.

Позже, особенно на заключительном этапе советской историографии, наметился определенный компромисс между приведенными выше полярными точками зрения. Его смысл заключался в том, что история древнерусской государственности в такой же мере немыслима без норманнского присутствия, как и без учета фактора собственного политического саморазвития восточных славян.

Казалось, такое решение изначально политизированной проблемы ранней русской истории, научно вполне корректное, должно было определить дальнейшее направление поисков. Однако этого, к сожалению, не произошло. Распался Советский Союз, образовались три суверенные восточнославянские государства, и их историки энергично занялись пересмотром концепций советского времени. Изменилось и отношение к вопросу о роли варягов в образовании Древнерусского государства. Неожиданно оказалось, что иноземное начало не только не смущает новых исследователей, но, наоборот, радует, поскольку как бы сообщает нам исконную европейскость. Подобные тенденции обозначились в новейшей историографии всех трех суверенных государств, но, пожалуй, наиболее отчетливо — в российской. Особенно в работах, появившихся в связи с празднованием 1150-летнего юбилея российской государственности.

Скорее всего, своеобразное возвращение в прошлое, когда началом всех начал русской государственности считались норманны, как раз и было спровоцировано этим юбилеем. Ведь точкой отсчета для него взят 862 г., в котором, согласно Повести временных лет, произошло призвание варягов. Правда, как будто, не первое. Из начала статьи 862 г. следует, что словенам и кривичам пришлось сначала изгнать варягов, которым они платили дань, «за море», а затем уже пригласить их на княжение. Из-за начавшихся усобиц, когда «вста родъ на родъ», было решено поискать «собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». Поиски привели к тому, что к словенам прибыли три брата-варяга, во главе со старейшим Рюриком. «И прия власть Рюрикъ» [Повесть временных, 1950, с. 18].

Очень скудная информация письменных источников, тем не менее, подвигла некоторых авторов на сочинение пространных исследований (даже и монографий), в которых норманны, в том числе и полумифический князь Рюрик, предстают первыми государственными собирателями восточнославянских земель. «Именно Рюрик и его преемники, — как утверждает российский историк А. А. Горский, — с их дружинами производили объединение «славиний» Восточной Европы под единой властью» [Горский, 2013, с. 187]. Сначала из Ладоги и Новгорода, а затем и Киева.

Неожиданно, с юбилейной щедростью, в ранг резиденции норманнских князей было возведено и Гнёздово. Не удовлетворившись его ролью одного из перевалочных пунктов на торговом пути «Из Варяг в Грекы», современные исследователи гнездовской археологии пришли к выводу, что мы имеем дело с центром самостоятельного государственного образования. Правда, небольшого, состоявшего из Гнёздова и прилегающих к нему неукрепленных поселений, но зато управлявшегося «могущественной и независимой скандинавской династией». Надо полагать, независимой от Рюриковичей, коль править ей приходилось «вплоть до последней четверти X в., несмотря на политическую и территориальную экспансию Киева» [Ениосова, Пушкина, Мурашева, 2013, с. 209]. Можно только позавидовать воображению авторов, сочинивших столь занимательный сюжет об еще одной скандинавской княжеской династии на Руси, не имея для этого ни малейшего основания.

Однако вернемся к Рюрику и посмотрим, имеются ли у него основания на роль собирателя восточнославянских земель. Из имеющихся летописных свидетельств сделать такой вывод совершенно невозможно. В летописи только сказано, что он «сѣде Новѣгородѣ» и «раздая мужемъ своим грады». Преемники его Олег, Ольга, Святослав и Владимир действительно отличились на поприще собирания восточнославянских земель в единое государство, но называть их норманнами и утверждать, что именно норманнам по происхождению принадлежит «тенденция к формированию крупного государства», как это делает А. А. Горский, оснований нет. Нет потому, что происхождение князей не находилось в прямой и обусловленной связи с их деяниями. Последние диктовались не этнической принадлежностью князей, но логикой развития того социально-политического образования, во главе которого они оказались.

Уже норманнство Игоря, который родился и вырос в восточнославянской среде, являлось весьма относительным. Ольга, ставшая его женой, и вовсе была славянкой. Летопись утверждает, что родом она из Пскова. «В лѣто 6411. Игореви възрастъшю … и приведоша ему жену отъ Пъскова» [Повесть временных, 1950, с. 23]. В достоверности этого свидетельства можно сомневаться, что и имеет место в литературе, но сколько-нибудь приемлемой ему альтернативы так никто и не предъявил.

Совершенно немыслимо называть норманнами Святослава, Ярополка и Владимира. И не только потому, что они были уже наполовину и на три четверти славянами, но, прежде всего, потому, что не являлись норманнами в культурном и политическом смыслах. Находясь во главе крупного восточнославянского государства, действовали в его интересах и вряд ли озабочивались мыслями о своем полумифическом пращуре.

Убедительным свидетельством этому может быть отношение Владимира к варягам, которые помогли ему утвердиться на киевском столе. Он не только не расплатился с ними со щедростью родственника, но и поспешил спровадить их в Царьград, предварительно предупредив византийского императора об опасности, которую они могли представлять. «Се идуть к тебѣ варязи, не мози их держать въ градѣ, оне то створять ти зло, яко и сде, но расточи я розно, а сѣмо не пущай ни единого» [Повесть временных, 1950, с. 56].

Следует сказать, что ни одна правящая династия стран средневековой Европы не была этнически тождественна своим подданным. И по происхождению и, еще больше, вследствие междинастических смешений. И, тем не менее, везде монархи именуются по странам правления или по именам основателей династий, но никогда по этническому происхождению. Это эксклюзив только нашей историографии, когда древнерусские князья, занимавшие великокняжеский стол Киева, называются «варяжскими» [Горский, 2013, с. 187]. Правда, непонятно почему только до Владимира Святославича, а не до последних киевских князей — Михаила Всеволодовича и Александра Всеволодовича (Невского).

Исследователи, выражавшие сомнения в норманнских истоках Древнерусского государства, неизменно задавались вопросом, как это норманнам удалось на восточнославянской земле создать то, чего они не имели у себя на родине? Не стал спорить с этим тезисом и А. А. Горский, правда, при этом не обнаружил «государственнообразовательных потенций» и у восточных славян [Горский, 2013, с. 189]. Мобилизовав, как он пишет, скудные данные, имеющиеся в источниках, историк пришел к оригинальному выводу, что все это от Франкской империи.

«Если Рюрик является одним лицом с Рёриком, представителем рода датских конунгов, то близость его и его людей к франкам неудивительна. Рёрик около 40 лет провел на франкской территории, послужив пятерым императорам и королям. Возглавляемый им контингент во второй половине IX столетия испытал наибольшее франкское влияние среди всех норманнов» [Горский, 2013, с. 192].

Но в том и все дело, что «если». А надо сказать, что оснований для сомнений здесь значительно больше, чем для уверенности. Гипотеза о тождестве ютландского Рёрика и Рюрика Повести временных лет, высказанная еще в начале XIX в. (Х. Холлман, Ф. Крузе), и принятая советской и нынешней российской историографией (Б. А. Рыбаков, Г. С. Лебедев, М. Б. Свердлов, А. Н. Кирпичников и др.), далеко не безусловна. Об этом тождестве в источниках нет никаких свидетельств. Факты же биографии Рёрика Ютландского скорее отрицают такое отождествление, чем подтверждают его.

Практически невозможно представить, чтобы человек, служивший в течение 40 лет франкским правителям, вдруг, на старости лет, решился на поиск приключений в восточнославянском мире. И как тогда согласовать это со сведениями летописи, что в свите Олега во время похода на Киев находился малолетний сын Рюрика Игорь. А ведь именно это следует из слов Олега, обращенных к киевским князьям Аскольду и Диру. «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа, и вынесоша Игоря: А се есть сынъ Рюриковъ» [Повесть временных, 1950, с. 20]. С историческим Рёриком, который к этому времени уже почил в Бозе, это никак не вяжется. Имеющиеся источники ничего не знают ни о том, что он отказался от службы во Фризии и ушел на Русь, ни о том, что здесь родил сына.

Отождествив Рёрика Ютландского и Рюрика русских летописей, мы оказываемся перед неразрешимыми хронологическими и смысловыми противоречиями. По летописи он уже с 862 г. был на Руси и княжил в Новгороде, а согласно европейским источникам находился в Ютландии. В 863 г. он осуществил поход по Рейну и воевал прирейнские владения Лотаря; в 867 г., изгнанный из Фризии, вновь осуществил вместе с датчанами поход на владения Лотаря; в 873 г. присягнул на верность Людовику Немецкому. После этого о нем в письменных источниках нет никаких известий. Можно,

разумеется, предположить, что между 873 и 882 (предполагаемый год смерти) годами он находился в Новгороде, но тогда придется отказаться от 1150-летия российской государственности.

Со времен В. Татищева существует версия и о славянском происхождении Рюрика. Она также не имеет убедительных оснований, а поэтому сторонники норманнства Рюрика отвергали ее, что называется, без обсуждения. По их мнению, даже простая постановка такого вопроса исключается чисто скандинавским именем Рюрика. А. Куник писал: «Имена Рюрик, Олег, Руальд, Свенельд, как вы их не мучьте, не отзовутся вам по-славянски» [Куник, 1903, с. 10].

Но ведь норманны не обладали исключительной монополией на названные имена. Согласно средневековым источникам, у венедских ободритов был торговый город Рерик. А по свидетельству Адама Бременского, это имя выступало и как второе название всего ободритского союза. Поэтому нельзя исключать того, что Рюрик древнерусских летописей мог быть выходцем или вообще из ободритского региона, или конкретно из города Рерика, от которого и получил свое имя. В средневековье это было распространенным явлением. Так, в частности, было образовано имя короля Бёрна, являвшееся производным от названия острова Бёрна (Björkö) [Arbmann, 1943, s. 11].

В какой-то мере предположение о западнославянском происхождении Рюрика находит подтверждение и в археологических материалах. Речь, прежде всего, о керамических комплексах так называемого балтийского облика, которые обнаруживаются в Новгороде, Пскове и других местах и, определенно, свидетельствуют о массовом проникновении в пределы Северной Руси в IX–X вв. поморославянского населения. Учитывая, что западные славяне (венеды) в течение столетий являлись соседями скандинавов и даже совместно проживали во многих южно-балтийских торговых городах (Хайдебу, Рерик, Волин, Зеебург и др.), ничего неестественного в таком предположении нет. В его пользу, по-видимому, свидетельствует и феномен очень быстрой адаптации северных пришельцев в славянскую жизнь. Объяснить его можно только, если предположить, что еще до прихода на берега Волхова и Днепра они уже были хорошо знакомы со славянами. Не исключено, что, в какой-то мере, и ассимилированы [Толочко, 1987, с. 20–21].

Наверное, обе гипотезы, не имеющие убедительных источниковых доказательств, будут и в будущем находить своих сторонников и противников. Хотя для темы подобных исследований это далеко и не главный вопрос. Значительно важнее здесь не этничность Рюрика и его окружения, а та роль, которую они сыграли в создании Древнерусского государства. Если основываться на летописных свидетельствах, то нельзя заключить, что она была определяющей. Однако, по предположению ряда историков, именно Рюрику восточные славяне обязаны становлением у них крупного государства. Как полагает А. А. Горский, установление масштабной системы властвования в Восточной Европе стало возможным потому, что Рюрик и его окружение унаследовали эти традиции от Франкской империи, будучи непосредственно знакомы с ними [Горский, 2012, с. 189–191].

В целом, как будто логично. Рёрик (Рюрик), чья политическая карьера всецело была связана с Франкским государством, действительно мог последовать примеру его правителей и сам заняться созиданием чего-то подобного. Но тут возникает уместный вопрос: почему не в родной Скандинавии, а в чужой и далекой земле словен, кривичей, веси и мери?

Видимо, не следует преувеличивать и «государствообразовательные потенции» Франкского государства времени службы там датского конунга. Оно как имперское образование как раз переживало кризис. После смерти Карла Великого (814 г.) Франкская империя раздробилась между его наследниками, а в 843 г. и вовсе разделилась на три независимые части. Так что Рёрик мог унаследовать, скорее, «потенцию» кристаллизации малых национальных государств, а не большого имперского. Как известно,

соседство с Франкской империей не привело к сложению масштабного единого государства ни у скандинавов, ни у западных славян, как, впрочем, не случилось этого и у южных, соседствовавших с Византийской империей.

Все это указывает на отсутствие прямой зависимости возникновения тех или иных форм государственного устройства от наличия таковых у соседних государств. Разумеется, все взаимосвязано, и какие-то внешние политические влияния восточнославянский мир, безусловно, испытывал. Правда, определенно, меньше всего франкские. Тем более, через посредство варягов. Неизмеримо больше оснований полагать, что для ранней Руси примером могла служить Византия, которая хотя и находилась в отдалении, стала первой страной, с которой Русь установила договорные отношения — политические, экономические и церковные. Традиции этих связей, судя по летописному преданию о князе Кие и свидетельству Прокопия Кессарийского об антском вожде Хильбудии и византийском посольстве 545 г. к антам, определились уже в правление императора Юстиниана I [Прокопий Кессарийский, 1950, с. 294, 337, 364, 372–373, 459].

И, тем не менее, не будь внутренних предпосылок, никакой внешний фактор не способен оказать решающего влияния на жизнь общества. Он может наложиться на происходящие в нем процессы, ускорить или замедлить их, но не определить. По существу, это хорошо иллюстрируют и ранние взаимоотношения восточных славян с норманнами. Из летописных свидетельств вовсе не следует, что скандинавы привнесли в жизнь славян что-то принципиально новое, чего они не знали до их прихода. В том числе это касается и формы правления. Из обращения словен, кривичей, чуди и веси следует, что их земля «велика и обильна», но переживает междоусобные распри, а поэтому они и решили искать «князя, иже бы володѣлъ нами и рядил по ряду, по праву» [Повесть временных, 1950, с. 18].

Из этого следует, что все названные политические институты у них были, только что-то не заладилось со справедливым правлением. Были и свои князья, что, со ссылкой на так называемую Иоакимовскую летопись, отмечал еще В. Татищев. Были и центры их власти [Татищев, 1962, с. 107 и сл.].[1] Именно в них и сел Рюрик со своими «братьями». «И приидоша; старейший, Рюрикъ, сѣде в Новѣгородѣ, а другий, Синеусъ, на Белѣ-Озерѣ, а третий Изборьстѣ, Труворъ» [Татищев, 1962, с. 107 и сл.].

В Ипатьевской летописи сказано, что Рюрик вначале сел в Ладоге, которую сам, будто бы, и построил. Многолетние раскопки А. Н. Кирпичникова неоспоримо показали, что этот укрепленный торгово-ремесленный центр существовал, по меньшей мере, лет за сто до «призвания» варягов [Кирпичников, 1996, с. 60–88]. Аналогичной была ситуация и с так называемым Рюриковым городищем. Как утверждает Е. Н. Носов, поселение здесь существовало уже в середине IX в., а его насельниками были ильменские славяне [Носов, 1990, с. 150–164].

Несомненно, этот крупный межплеменной и многоэтничный союз еще до прихода варягов имел и какое-то внутреннее административное территориальное деление. Сообщив о смерти братьев, наступившей через два года, летописец затем отметил, что Рюрик принялся раздавать мужам своим города и волости. При этом не преминул уточнить, что «перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, в Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣ-Озерѣ весь, в Муромѣ мурома» [Повесть временных, 1950, с. 18].

Схожей была ситуация и на юге восточнославянского мира. Аскольд и Дир, названные боярами Рюрика, по пути в Царьград увидели на горе городок и, после выяснения чей он, решили в нем остаться. «Аскольдъ же и Диръ остаста въ градѣ семь, и многи варяги съвкуписта, и нача владѣти польскою землею» [Повесть временных, 1950, с. 19].

---

1. Вряд ли мы можем полностью довериться сказочной истории о словенской княжеской династии, но в том, что она является отголоском определенной реальности, ничего невероятного нет.

Из ремарки летописца — «Рюрику же княжащу в Новѣгородѣ» — определенно следует, что его власть не распространялась за пределы Новгородского княжества. Следовательно, так называемая франкская «потенция» формирования крупных государств им и не была реализована.

О существовании административно-политической организации восточных славян в доваряжское время свидетельствует также летописный рассказ о походе на юг Олега в 882 г. «И приде къ Смоленьску съ кривичи, и прия градъ и посади мужь свой, оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужь свой». В Киеве он сел сам, убив Аскольда и Дира. «И сѣде Олегъ княжа въ Кыевѣ» [Повесть временных, 1950, с. 20][2].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники (письменные и археологические) убедительно свидетельствуют, что начало политической самоорганизации восточных славян приходится уже на третью четверть I-го тысячелетия н. э. Перечисляя восточнославянские племена, Нестор (или его предшественник) называет их поименно: поляне, древляне, северяне, словене и др., а там, где пытается определить социальную организацию — княжениями. После смерти полянского князя Кия «почаша родъ ихъ княженье в поляхъ, а въ деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое» [Повесть временных, 1950, с. 20]. Кроме Кия, летописец приводит также имена Радима и Вьятка, будто бы давших название радимичам и вятичам. Видимо, у северян такими же своими были князья Черные, с которыми местное предание связывает основание Чернигова, у древлян — род Мала, а у словен — некоего Славена. Следовательно, определения «родъ их» или с «родомъ своимъ», несомненно, указывают на племенные правящие княжеские династии.

Отношение к этим летописным свидетельствам в исторических исследованиях чаще всего недоверчиво-скептическое. Как к мифологическим преданиям. И, надо сказать, несправедливое. Речь здесь не столько о персонажах ранней политической истории восточных славян, сколько о самом явлении. Его существование находит подтверждение и в археологических материалах. В различных местах их расселения выявлены остатки укрепленных поселений со следами военной, а также ремесленной и торговой деятельности, которые датируются третьей четвертью I тыс. н. э.

Это Киев, Чернигов, Псков, Полоцк, Зимно, Битица, Пастырское, Колочин, Изборск, Старая Ладога и др. Типологически все они очень близки между собой и определенно являлись, прежде всего, административными средоточиями племенных союзов. П. Н. Третьяков в свое время применил к ним термин «эмбрион города» [Третьяков, 1966, с. 245]. При всей его условности, в целом, он верно выражает социальную сущность поселений, названных в летописи «градами». Видеть в них начало древнейших русских городов так же естественно, как и в племенных княжениях — истоки восточнославянской государственности.

Исследуя проблему происхождения городов, ученые уже давно пришли к выводу, что ранние восточнославянские «грады» социально и стадиально очень близки к таким же центрам западных славян — Микульчицы, Стары Замки, Старе Место, Ленчица, Шелиги, Торнов и др., а восточнославянские союзы племен напоминали раннегосударственные образования моравов и словаков (государство Само), полянский и мазовшанский союзы племен в Польше [Толочко, 1989, с. 25–28; Klaniza, 1972, s. 14].

По существу, возникновение государственности и городов было двуединым процессом, корни которого находятся в переходной эпохе общественно-политического и социально-экономического развития восточных славян. Сложение у них племенных союзов неизбежно вызывало к жизни и новую форму поселений — «градов», по летописной терминологии. В свою очередь, «грады» становились точками роста государственности.

---

2. Согласно исследованию А. А. Шахматова, князья Аскольд и Дир были потомками Кия, последними представителями местной киевской династии [Шахматов, 1908, с. 322–323]. Позже этот вывод был поддержан М. Н. Тихомировым, Б. А. Рыбаковым и другими историками.

Особенно убедительным свидетельством наличия у восточных славян раннегосударственных структур еще до прихода варягов являются рассказы летописи о собирании земель под властью Киева. «Поча Олегъ воевати древляны, и примучивъ я, имаше на нихъ дань по черной куне». «Иде Олегъ на сѣверяне, и побѣди сѣверяны, и възложи на нь дань легъку, и не дасть имъ козаромъ дани платити» [Повесть временных, 1950, с. 20]. Вслед за этим даннические отношения Олег распространил и на радимичей. Покорить уличей и тиверцев ему не удалось, о чем свидетельствует летописная фраза: «А съ уличи и тѣверци имяше рать» [Повесть временных, 1950, с. 21].

Из последующих известий летописи следует, что успехи администрации Олега по силовому объединению племен были временными. После его смерти они, судя по всему, отложились от Киева. «И древлянѣ заратишася отъ Игоря по Олговѣ смѣрти» [Ипатьевская летопись, 1988, стб. 31]. Пришлось Игорю вновь «примучивать» древлян. В результате нового похода на них была возложена дань большая, чем при Олеге. Неумеренные даннические аппетиты Игоря привели к восстанию древлян и его казни. Окончательно подчинить их власти Киева удалось только княгине Ольге.

Дважды ходил на вятичей Святослав, чтобы превратить их в своих данников. «И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе вятичи». «В лѣто 6474. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи» [Повесть временных, 1950, с. 47]. Как оказалось впоследствии, успехи Святослава также были временными. После смерти Ярополка вятичи и радимичи вышли из подчинения Киеву, и уже Владимиру пришлось их завоевывать заново. «В лѣто 6490. Заратишася вятичи, и иде на ня Володимиръ и победи я второе» [Повесть временных, 1950, с. 58]. «В лѣто 6492. Иде Володимеръ на радимичи … Быша же радимичи от рода ляховъ; пришедъше ту ся веслиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне» [Повесть временных, 1950, с. 59].

К сожалению, письменные источники не сохранили (за редким исключением) имена племенных князей, активно сопротивляющихся первым киевским Рюриковичам. На этом основании некоторые исследователи вообще не находят им места в ранней государственной структуре Руси, и здесь отдавая приоритет варягам. Между тем, административно-политическая система восточных славян, сохранившаяся практически неизменной вплоть до реформы Владимира Святославича, достаточно хорошо отражена в летописи. Говоря об укладах на Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любечь и другие города, летописец в статье 907 г. отметил, что «по тѣмь бо городамъ сѣдяху велиции князи под Олгомъ сущее» [Повесть временных, 1950, с. 24]. Содержательно близкие записи находятся и в договоре 911 г. Послы «от рода Рускаго» представляли не только Олега, но и «всѣхъ, иже суть подъ рукою его, свѣтлых бояръ», а греки должны были хранить любовь «къ княземъ же свѣтлымъ нашимъ Рускым и къ всѣмъ, иже суть подъ рукою свѣтлого князя нашего» [Повесть временных, 1950, с. 58]. В договоре 944 г. говорится, что большое русское посольство было направлено в Царьград «отъ Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья, и отъ всих людий Руския земли» [Повесть временных, 1950, с. 35].

В одной из более ранних работ я подробно остановился на разночтениях отечественных историков в понимании того, кто подразумевается в летописи под определением «князья под Олгом сущее» или «всякое княжье». Поэтому здесь ограничусь лишь констатацией, что летописец имел в виду тех самых местных славянских князей, которые были покорены киевской властью. Сказанное не исключает, что среди «всякого княжья» могли быть уже и представители варяжского племени. Как известно, некоторые из них получили столы в славянском Полоцке и племенных центрах мери, веси и муромы от Рюрика. Но во всех остальных регионах восточнославянского мира в это время, несомненно, правили местные князья.

Пожалуй, главным аргументом в пользу такого утверждения является пространный летописный рассказ о взаимоотношениях Игоря и Ольги с древлянами. Из статьи 945 г.

явствует, что древляне, вопреки не очень благосклонному их представлению летописцем, в социально-политическом отношении ничем не отличались от киевского княжества. У них был свой князь, лучшие или нарочитые мужи, дружина, вече, то есть все те институты, которые характеризуют раннегосударственную форму восточнославянской жизни. Причем, сложились они задолго до середины X в. Это следует из речи древлянских послов, обращенной к Ольге. В ней говорится не только о нынешнем князе Мале, но и о его предшественниках, которые обустроили Древлянскую землю. «А наши князи добри суть, иже распасли Деревьскую землю» [Повесть временных, 1950, с. 40].

Главным городом Древлянской земли был Искоростень. Археологические исследования Б. А. Звиздецкого показали, что как город он ничем не уступал Киеву. Имел двухчастную планировочную структуру, располагал мощными укреплениями, имел богатую материальную культуру, развитое ремесло и торговлю. На небольшой, сохранившейся от разрушений времен Великой Отечественной войны, площади были найдены золотые и серебряные височные кольца, железные фибулы и серебряные гарнитурные бляхи, серебряные дирхемы, предметы вооружения. Многие из этих находок своим происхождением связаны с Великой Моравией и Малой Польшей, Балтийским регионом и Арабским востоком. Все эти вещи обнаружены под слоем пожарища 945 г. и, следовательно, их верхние даты не выходят за пределы первой половины X в.

Сожжением Искоростеня и уничтожением племенной администрации (старѣишины же града изънима, и прочая люди овых избы) Ольга фактически покончила с древлянской автономией. Местная княжеская династия была истреблена. В Древлянской земле появились опорные пункты киевской власти. Во время княжения Святослава древлянский княжеский стол и вовсе занял князь из Киева, Олег Святославич.

Вряд ли приходится сомневаться в том, что по аналогичному сценарию развивались отношения Киева и с другими восточнославянскими землями. Вокняжением в них двенадцати сыновей Владимира Святославича, казалось, были окончательно прерваны традиции местного правления, но известие о походе на вятичей Владимира Мономаха показывает, что на этой восточнославянской окраине история собственного княжеского рода продолжалась вплоть до конца XI в. «А въ Вятичи ходихомъ (Владимир Мономах — *П. Т.*) по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его» [Лаврентьевская летопись, 1962, стб. 248].

В заключение остановимся на проблеме соотношения двух факторов развития восточнославянской государственности и городов: внутреннего — племенного и внешнего — варяжского. Она заинтересованно обсуждалась уже историками XIX в. А. Е. Пресняков утверждал, что древнерусские волости возникли постепенно, уже на глазах истории, и не представляли собой наследия «докняжеских» времен. Они явились на развалинах племенного быта, «не из него выросли, а его разрушили» [Пресняков, 1938, с. 62, 93]. Близкую мысль высказал и С. В. Юшков, считавший, что крупная феодальная сеньория Киевской державы возникла на развалинах племенных княжений [Юшков,1939, с. 172.]. Сторонники такого взгляда на начало древнерусской государственности и городов есть и в наше время.

Наверное, летописные известия о противостоянии племенных княжений и варяжской княжеской власти Киева дают основания для таких выводов. Внешне это действительно выглядело как отрицание наследия племенного этапа и создание нового строя власти. Известно ведь, что «примучивание» восточнославянских племен сопровождалось истреблением их князей и сожжением административно-политических центров. Археологические исследования укрепленных «градов» VII–IX вв. обнаружили практически повсеместно мощные слои пожарищ, которые как бы разделили их жизнь на два этапа — племенной и киеворусский [Толочко, 1989, с. 61–69].

И, тем не менее, было бы ошибкой отрицать естественную преемственность этих двух периодов отечественной истории. Изучение процессов формирования

старейших древнерусских городов показывает, что практически все они имеют культурные слои третьей четверти I тыс. Их социальное и общественно-политическое значение не пресеклось и на следующем этапе развития. Только теперь они стали средоточиями не племен, но стольными городами уделов, а Киев — столицей объединенной Руси.

Сказанное в полной мере справедливо и по отношению к новым городам, которые строились княжеской властью на необжитых ранее местах. Речь идет о необжитости конкретных топографических точек, но не территорий, где они основывались. Новый Искоростень, к примеру, был сооружен не более чем в километре от старого. Но с тем же названием и с теми же функциями. Этот и другие подобные примеры свидетельствуют, что новые города, строившиеся княжеской властью, накладывались на сформировавшуюся до них социальную округу. По существу, на княжеском этапе не претерпела каких-либо изменений и старая племенная территориальная структура. Она естественным образом трансформировалась в удельную.

Следовательно, мы не должны исключать «племенной» этап в истории восточных славян из эволюции государственной и городской жизни. Равно, как и начинать их политическую историю только с прихода варягов, что имеет место в наше время, и даже сопровождается поиском первой столицы Руси в местах оседания Рюрика и его окружения. Но это занятие скорее патриотичное, чем научное. Ладога и Новгород на севере восточнославянского мира являлись такими же локальными центрами роста ранней государственности, как Киев и Искоростень на юге, или Полоцк на северо-западе. В IX в. ни один из них не был существенно значимее другого и не мог рассматриваться как столица Руси. Первой и единственной столицей для всех восточных славян был Киев, в котором в 882 г. утвердился новгородский князь. Именно так это понимали русские летописцы XII в., положившие «числа» не от Рюрика или Аскольда, но от «первого лѣта Олгова».

Горский А. А. Возникновение русской государственности и «призвание варягов» / А. А. Горский // От Древней Руси к Российской федерации. История Российской государственности. — СПб., 2013. — С. 182–192.

Ениосова Н. В. Гнездово — раннегородской центр Смоленской земли / Н. В. Ениосова, Т. А. Пушкина, В. В. Мурашева // От Древней Руси к Российской федерации. История Российской государственности. — СПб., 2013. — С. 209.

Ипатьевская летопись / с предисл. Б. М. Клосса // Полное собрание русских летописей. Т. 2. — М., 1998. — 648 с.

Кирпичников А. Н. Старая Ладога — древняя столица Руси / А. Н. Кирпичников, В. Д. Сарабьянов. — СПб., 1996. — 199 с.

Куник А. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах / А. Куник. — СПб., 1903. — Ч. 2. — 296 с.

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. — М., 1962. — 540 с.

Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище / Е. Н. Носов. — Л., 1990.

Повесть временных лет / ч. 1 [подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова]. — М.-Л., 1950.

Пресняков А. Е. Лекции по русской истории / А. Е. Пресняков. — М., 1938. — Т. 1.

Прокопий Кессарийский. Война с готами / Прокопий Кессарийский. — М., 1950. — Кн. 7, 8.

Татищев В. Н. История Российская / В. Н. Татищев. — М.-Л., 1962. —Т. 1.

Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории / П. П. Толочко. — К., 1987. — 246 с.

Толочко П. П. Древнерусский феодальный город / П. П. Толочко. — К., 1989. — 254 с.

Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге / П. Н. Третьяков. — М.-Л., 1966. — 347 с.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводов / А. А. Шахматов. — СПб., 1908. — XX, 687 с.

Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси / С. В. Юшков. — М.-Л., 1939. — 210 с.

Arbmann H. Die Gräber / H. Arbmann. — Upsala, 1943. — 560 с.

Klaniza Z. Vorgrossmährische Siedlung in Miculčice und ihre beziehungen zum Karpatenbecken / Z. Klaniza // PV. — 1972. — S. 14.

П. П. Толочко

Еще раз о начале Древнерусского государства

Статья посвящена проблеме формирования государственности в Древней Руси. Анализируя этничность Рюрика и его окружения, а также роль, которую норманны сыграли в создании Древнерусского государства, автор акцентирует внимание на том, что истоки восточнославянской государственности следует искать в племенных княжениях восточных славян. Археологические исследования укрепленных «градов» VII–IX вв. обнаружили мощные слои пожарищ, которые условно разделили их жизнь на два преемственных периода — племенной и киеворусский. Следовательно, «племенной» этап стал важной вехой в эволюции государственной и городской жизни восточных славян, поэтому есть все основания утверждать, что их политическая история началась задолго до прихода варягов.

P. P. Tolochko

Once again on the early Rus' statehood

The article deals with the problem of state formation in early Rus'. While discussing Rurik's and his entourage's ethnic background, as well as the role played by the Normans in the emergence of the early Rus' state, the author suggests that the indigenous developments culminating in the so-called «tribal kingdoms» provide a better explanation for the rise of political organizations among the Slavs. There is an abundant archeological evidence of layers indicating fires and destruction of East Slavic fortified «castles», which divide their existence in two distinct consecutive phases: the «tribal» and the early Kievan one. The «tribal» stage should be understood as an important chapter in public and urban growth of East Slavs, and there is every reason to believe that their political history reached back long before the Scandinavian infiltration to Eastern Europe.

В. В. Москаленко

Іскоростень-Коростень в історичній пам'яті

Стародавнє місто Коростень має багаторічну історію археологічних досліджень. Серед його перших дослідників були видатні постаті вітчизняної науки — В. Хвойко, В. Антонович, С. Гамченко, Ф. Козубовський та ін. Завдяки їх зусиллям встановлено, що на території сучасного міста знаходиться археологічний комплекс літописного Іскоростеня.

Завдячуючи цілеспрямованій послідовній багаторічній програмі міста, спрямованій на дослідження його стародавньої історії, після археологічних досліджень наприкінці XX — на початку XXI ст. Б. Звіздецьким було виявлено горизонт культурних нашарувань періоду найбільшого піднесення та водночас знищення міста.

Наукова апробація виявлених старожитностей провідними науковцями Східної та Центральної Європи в Коростені створила основу проведення ряду високопрофесійних міжнародних конференцій. Все це позитивно впливає на постійне зростання рівня наукового та культурного середовища в місті та регіоні в цілому.

Ключові слова: Коростень, літописне місто, городище, культурне середовище, історичні та археологічні пам'ятки.

У мешканців Коростеня є багато підстав пишатися своїм містом. Але попри всі сучасні позитивні зміни, минуле міста, його історія є предметом найбільшої гордості коростенців.

Згаданий у літописі під 945 р. як головне місто слов'янського племені древлян, та ще й у контексті виключно цікавих та важливих подій, він завжди привертав до себе увагу багатьох дослідників.

Полюддя в деревах київського князя Ігоря, його загибель під градом Іскоростенем, довгі перемовини між древлянами та дружиною небіжчика, княгинею Ольгою, збройне протистояння та спалення нею древлянської столиці стали предметом детального вивчення не одного покоління істориків.

Аналіз літописної оповіді та інших синхронних письмових джерел дозволив науковцям зробити низку важливих висновків: древлянське князівство посідало помітне місце в давньоруській державі та певною мірою впливало на тогочасні суспільно-політичні, державотворчі процеси.

Збирач слов'янських земель князь Олег і його наступник, князь Ігор, постійно намагались мати за союзника та утримати у покорі сильного сусіда. Тому й викладений у літописі конфлікт між древлянами та полянами мав не побутовий характер, а був протестом проти порушення певних угод, на яких тримався тогочасний державний союз.

Тривалі дипломатичні перемовини між древлянами на чолі з князем Малом та київською княгинею Ольгою ще раз підтвердили, що перші намагались не тільки повернути собі належне місце у союзі слов'янських племен, а й, можливо, претендували на місце лідера у державотворчих процесах.

Спалення міста Іскоростеня княгинею Ольгою та перенесення столиці древлянської землі до міста Вручія було актом усунення суперника, а наступні реформи (встановлення

уставів та уроків) юридично унеможливили виникнення подібних конфліктів.

Такими були майже одностайні висновки істориків, що стосувались основного змісту літописного сюжету.

Набагато більше версій і суперечок виникло під час вивчення та аналізу окремих фактів цього епічного переказу — як палила, і чи взагалі палила місто княгиня Ольга, куди поділись древлянські князі та яка їх доля, чи загинуло місто остаточно, чи продовжувало існувати тощо.

Істориками було запропоновано велику кількість припущень, версій, досить обґрунтованих та аргументованих, але те, що вони будувались виключно на інформації з письмових джерел, робило їх гіпотетичними.

Лише наприкінці XIX ст. джерельна база з древлянського, коростенського питання почала поповнюватись інформацією, отриманою в ході польових досліджень безпосередньо пам'яток міста.

На жаль, початковий етап цих досліджень мав занадто вже аматорський характер. Першими дослідниками коростенських старожитностей були землевласники, чиновники, військові. Основною метою цих «досліджень» був пошук скарбів, що їх сховали від нападників древляни. «Досліджувались» городища, поселення, могильники, що завдало їм помітної шкоди. Але найбільше постраждав від них легендарний курган — «могила Ігоря». Єдиним артефактом, що підтверджує його назву, є бронзове високохудожнє оздоблення піхов меча, подароване московському історичному музею вже аж наприкінці XX ст.

Перші наукові археологічні розвідки в межах літописного Іскоростеня були проведені видатним українським істориком та археологом професором Київського університету св. Володимира В. Антоновичем. Він не тільки дослідив низку археологічних об'єктів, а й вніс їх до фундаментального реєстру «Археологічної карти Волинської губернії» (Антонович, 1900).

У 1900 р. дослідження в місті проводив археолог-аматор, меценат, барон Ф. Штейнгель (1904).

Найбільші за розмахом дослідження коростенських пам'яток у той період провів відомий археолог, один із фундаторів Київського історичного музею В. Хвойко.

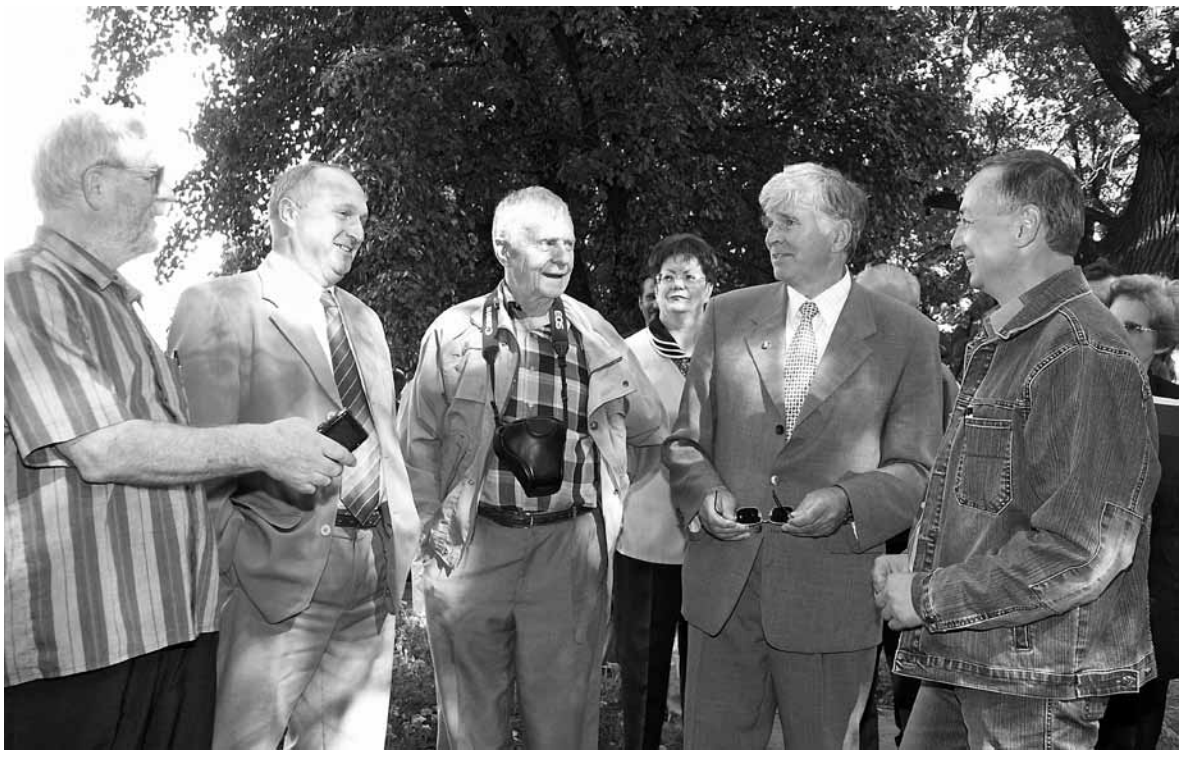


Рис. 1. Учасники археологічної конференції 2004 р.:
В. В. Москаленко, А. М. Кірпічніков, П. П. Толочко, Б. А. Звіздецький

Об'єктом усіх цих досліджень були курганні поховання древлянської столиці. Науковцями було розкопано більш ніж 30 поховань, які дали важливий матеріал та інформацію. До того ж, усі ці поховання входили до могильників, яких на сьогодні вже не існує.

Першим, хто провів дослідження пам'яток саме літописного міста, був Федір Козубовський. Саме в Коростені розпочав свою наукову діяльність відомий український археолог, перший директор Інституту історії матеріальної культури (археології) України.

У 1924 р. Федір Андрійович був призначений директором новоствореного коростенського окружного музею краєзнавства. Його першим дослідницьким проектом були археологічні розкопки І городища літописного Іскоростеня. Попри всі можливі зауваження щодо методики проведення робіт, Козубовський досліджував цю унікальну пам'ятку напередодні майже повної руйнації — невдовзі тут почав працювати кар'єр з видобутку будівельного каміння. Предметний матеріал і зроблені ним спостереження й до сьогодні не втратили наукової ваги, а новоутворений музей поповнився значною кількістю цінних експонатів (1926).

Вже керуючи інститутом, Козубовський неодноразово навідувався до міста й допомагав у дослідженнях своїм колегам — Ф. Мовчанівському, В. Довженку, підтримував пошукові акції міського музею.

«Моєю невеличкою працею я не міг перевести повних вичерпуючих дослідів такого широкого археологічного поля, яким є м. Коростень. Це був початок для послідуючої праці багатьох років коли не для мене, то принаймні для інших дослідників…». «…Зростаючий й «американізуючийся» город зітре решту пам'яток археологічних. Тому так гостро відчувається потреба в якнайскорішому археологічному дослідженні Коростенських першоджерел».

Слова дослідника, на жаль, багато в чому виявились пророчими. Місто, що швидко розбудовувалось, поглинуло чотири курганні некрополі та більшу частину площі древлянських городищ.

Спробу дослідити, з'ясувати наукову цінність старожитностей літописного міста у другій половині XX ст. робили відомі науковці І. Винокур, М. Кучера, І. Русанова та ін. Але це були тільки спроби.

У 2001 р. в м. Коростені розпочала свою роботу Житомирська експедиція ІА НАН України, яку очолював Б. А. Звіздецький.

У даному випадку поєдналися патріотичність громади міста, її прагнення встановити «історичну правду», віддати належну шану Місту, та науковий інтерес дослідника. Був започаткований сучасний етап досліджень літописного Іскоростеня.

На сьогодні відкрито й досліджено близько 600 м² історичної площі. Дослідницькі роботи проводились в основному на території городища № 3, городища № 1 та прилеглого до нього поселення (посаду). Результат робіт хоча й був частково прогнозованим, але став несподівано результативним та навіть сенсаційним. Виявилось, що навіть та незначна частина площі пам'яток, яка дійшла до нашого часу, зберігає потужний пласт інформації. Ці відомості допоможуть з'ясувати цілу низку проблемних питань, пов'язаних не тільки з історією міста, краю, а й вітчизняною історією слов'янського, давньоруського періоду [Звіздецький, 2004, с. 51–86].

З результатами досліджень коростенських пам'яток були ознайомлені й учасники двох міжнародних археологічних конференцій, що проходили в місті в 2004 та 2008 рр. Вони підтвердили унікальність коростенських пам'яток та необхідність їх подальшого вивчення.

Взагалі сучасні дослідження дали відповідь на багато питань. Сьогодні, мабуть, уже не викликає сумніву, як треба трактувати походження назви міста. Городища літописного граду займали скелясті підвищення берегу річки. Під час дослідження оборонних споруд фортець з'ясувалося, що вони являли собою міцну дерев'яну стіну у вигляді заборол, нижня частина яких була посилена потужною кам'яною крепідою. Саме назва каменю, слово «карст» і складає основу назви міста.

Місто мало досконалі для того часу оборонні укріплення та, по суті, являло собою неприступну фортецю. До того ж, їх було щонайменше три. Це цілком пояснює те, що за

літописом княгиня Ольга ціле літо простояла під стінами міста і не змогла ним оволодіти. Запеклість боїв за місто, факт його спалення теж підтверджується археологічними дослідженнями. І на першому, і на третьому городищі було зафіксовано сліди великої пожежі; зброя, предмети військового обладунку, що тоді зазвичай збиралися після бою, були полишені й також зазнали пошкодження вогнем.

Іскоростень, поза всяким сумнівом, був містом, столицею древлянського князівства, соціальним та економічним центром регіону. Як такий він сформувався щонайменше у VIII ст. Про це свідчить чисельний предметний матеріал цього періоду, що був піднятий з території І городища та під час дослідження оборонних споруд. Хоча слід зазначити, що археологами було виявлено й матеріал більш раннього часу. Це ліпний посуд, ритуальні глиняні хлібці празько-корчакського періоду. Присутність тут наших пращурів у V–VI ст. не викликає сумніву, але про існування міста Іскоростеня в той час говорити поки що рано.

Мешканці Іскоростеня були землеробами, скотарями, рибалками, мисливцями. Вони добували залізо й робили з нього різноманітні знаряддя праці; напевно, першими освоїли обробку та зрозуміли цінність такого природного мінералу як пірофіліт, червоний шифер. Він та вироби з нього трапляються на всій території древньої Русі, в багатьох країнах тогочасної Європи та Азії. Безперечною була і наявність у місті високорозвиненого ювелірного ремесла, про що свідчать знахідки керамічних ллячок, ювелірного пінцета, чисельної кількості заготовок із кольорових металів. Частина виробів древлянських майстрів — це променеві сережки з пташиними зображеннями, які сьогодні не мають аналогій серед знахідок давньоруської археології, частина — оригінали або повтори з прикрас, що потрапили до древлян з території Великої Моравії, Угорщини, Малої Польщі. Окремо необхідно виділити знахідку монети — золотого візантійського соліду та цілих і фрагментованих срібних арабських монет — дирхемів. Останні мали досить велику «пробу» та, можливо, використовувались древлянськими майстрами як сировина.

Все це свідчить про те, що Древлянщина і стародавній Іскоростень жодним чином не поступались рівнем розвитку іншим регіонам. Нічим тогочасний Іскоростень не поступався і загальновизнаній столиці стародавньої Русі — місту Києву.

Таким чином, археологічні дослідження спростували одну, дуже образливу для нащадків древлян, літописну тезу, що вони нібито мали «звіринський» (первісний) соціальний устрій і знаходились чи не на найнижчому тогочасному щаблі розвитку.

Це тільки основні висновки, які майже незаперечні і зроблені завдяки сучасному дослідженню пам'яток міста. Але головне, що вони підтвердили, — «Повість минулих літ», попри всі очевидні суперечливі моменти, є не тільки неоціненним джерелом для вивчення нашої історії, а й дорогоцінним вказівником наступних напрямків досліджень.

Здійснену дослідниками під керівництвом Б. Звіздецького роботу належно оцінила громада міста. У 2005 р., під час святкування 1300-річчя Коростеня, Богдан Андроннікович був нагороджений відзнакою «За заслуги перед містом», а у 2013 р. одну з нових вулиць міста було названо на його честь.

Сьогодні дослідження пам'яток м. Коростеня триває. Експедицією, яку очолив А. Петраускас, досліджено нову площу, зроблено важливі спостереження. Так, у 2013 р. предметна колекція Іскоростеня поповнилася новими цікавими знахідками, а головне — були зафіксовані залишки культурного шару центральної, найбільш укріпленої і захищеної частини — дитинця І городища, що вважався знищеним кар'єром у 1920-30-ті рр. і назавжди втраченим для нашої історії. Його подальші дослідження, поза сумнівом, подарують нам усім цікаві знахідки, хоча це й досить великий обсяг роботи, що потребуватиме і часу, і певних коштів.

Як уже зазначалося, стародавня історія нашого міста є найбільшим предметом гордості всіх коростенців. Тому й надалі планується всіляко підтримувати роботи з дослідження його пам'яток — городищ, поселень, курганів.

Однак не менш важливим завданням є і популяризація історії Коростеня і результатів його досліджень.

На сьогодні вже майже завершено створення скульптурної групи історичних постатей, що фігурують в літописі та пов'язані з Древлянщиною, — це князь Мал, княгиня Ольга,

ключниця Малуша та княжич Володимир, Добриня Микитич. Можливо, це й ілюструє занадто популярну гіпотезу, що всі вони — нащадки князівського роду Маловичів (за винятком княгині Ольги), однак їх участь у створенні та розбудові давньоруської держави не викликає жодних сумнівів, а отже, це є позитивним просвітницьким, виховальним моментом.

Сьогодні ведуться консультації з фахівцями, розглядаються технічні можливості делікатного впорядкування паркової території міста, що прилягає до унікальної пам'ятки, городища № 1, яке вже отримало назву «Малового городища». Безумовним є бажання не тільки максимально зберегти його науковий, дослідницький зміст, а й зробити публічним музейним об'єктом.

Проведення в місті наукових, дослідницьких, краєзнавчих форумів теж має сприяти формуванню у громадян міста почуття хорошого, здорового місцевого патріотизму. Краєзнавчі, наукові, музейні конференції, що відбулися в Коростені в 2002, 2004, 2006, 2008 рр., відкрили місто не тільки для учасників цих заходів, а й помітно пожвавили бажання коростенців дізнатись більше про історію міста, краю, дозволило їм впевненіше стверджувати, що Коростень — це їх місто, і вони ним пишаються.

Антонович В. Б. Археологическая карта Волынской губернии // В. Б. Антонович. – М., 1900. – 188 с.

Звіздецький Б. А. Нові дослідження Стародавнього Іскоростеня // Б. А. Звіздецький, В. І. Польгуй, А. В. Петраускас // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. — К., 2004. — С. 51–86.

Козубовський Ф. А. Записки про досліди археологічні коло м. Коростеня року 1925 // Ф. А. Козубовський. — Коростень, 1926. — 24 с.

Штейнгель Ф. Р. Раскопки курганов в Волынской губернии, произведенные в 1897–1900 гг. // Ф. Р. Штейнгель. - АЛЮР. — 1904. — Т. 4-5. — С. 136–182.

В. В. Москаленко

Искоростень-Коростень в исторической памяти

Летописный Искоростень имеет многолетнюю историю исследований. Среди его первых исследователей были выдающиеся ученые отечественной науки — В. Хвойко, В. Антонович, С. Гамченко, Ф. Козубовский и др. Благодаря их усилиям установлено, что на территории современного города находится археологический еквивалент летописного Искоростеня.

В результате поседовательной многолетней программы города, направленной на изучение его древней истории, после археологических работ в конце XX — начале XXI вв. Б. Звиздецким был выявлен горизонт культурных напластований периода наибольшего подъема и одновременно уничтожения города.

Научная апробація обнаруженных древностей ведучими учеными Восточной и Центральной Европы в городе Коростене создала основу для проведения ряда высокопрофессиональных международных конференций. Все это в целом позитивно влияет на повышение уровня научной и культурной среды в городе и в регионе в целом.

V. V. Moskalenko

Chronicle mentioned Iskorosten: history of archaeological research and its future prospects

The ancient city of Korosten has a long history of archaeological research. It is first researchers were prominent figures of domestic science: S. Hamchenko, F. Kozubovskyy etc. In consequence of their efforts it was revealed that the modern city is the archaeological equivalent of chronicle mentioned Iskorosten.

Due to a consistent long year city program aimed to study own ancient history, after archaeological research in the end of XXth — beginning of XXIth century. B. Zvizdetsky has found cultural layers of of greatest growth period and destruction at the same time.

Scientific approbation of revealed antiquities in Korosten by leading scientists from Eastern and Central Europe created the basis for the number of highly qualified international conferences. This has a positive effect on the steady growth of scientific and cultural environment of the city and the region.

О. П. Моця, Ю. М. Ситий, В. М. Скороход

Виповзівський археологічний комплекс у світлі нових досліджень 2009–2013 рр.

У статті розглядаються новітні матеріали розкопок Виповзівського археологічного комплексу кінця IX — середини X ст. Підсумовуються дослідження на городищі, де вдалося виділити етапи існування оборонних конструкцій та забудови майданчика. Аналіз забудови посаду дозволив виокремити поетапність його забудови та отримати матеріали планової структури окремих досліджених ділянок. Роботами у заплаві виявлений «сухий док» X ст.

Ключові слова: Виповзів, городище, посад, оборонні конструкції, забудова, житло, торгівля.

Історія дослідження Виповзівського археологічного комплексу з кінця XIX ст. до 2009 р. добре висвітлена у попередніх публікаціях авторів [Коваленко, Скороход, 2009, с. 66–70]. Тому ця публікація присвячена роботам 2009–2013 рр. експедиції Чернігівського національного педагогічного університету ім. Т. Г. Шевченка та Інституту археології НАН України під керівництвом В. М. Скорохода та О. П. Моці.

Пам'ятка розташована за 80 км від Чернігова вниз по течії р. Десна і знаходиться майже посередині відстані до Києва на старому суходільному шляху, що проходив по терасі річки біля с. Виповзів Козелецького району Чернігівської області. Виповзівський археологічний комплекс складається з городища, відкритого посаду та подолу (рис. 1, I, II).

Городище округлої форми розташоване на кінцівці мису, що на 3–4 м підвищується над рештою тераси. Воно має невеликі розміри — 75×95 м по зовнішньому обрізу валів і близько 30×40 м — власне майданчик. Рештки валів, що колись оточували городище по всьому периметру, практично повністю розвіяні (городище займає площу природної дюни, що цілком складається із сипучого річкового піску), і лише під підошвою радше вгадується, ніж фіксуються рів. З північного та південного боків рів виходить на схили тераси і утворює пандуси, що полого спускаються до заплави.

З напільного боку проходив рів, що нині практично завіяний все тим же піском і ледь простежується вздовж схилу городища.

З 2010 по 2013 рр. на Виповзівському городищі досліджено оборонні споруди з напільного боку та ділянку забудови майданчика.

З боку посаду (західний схил) виявлено рів довжиною 5,5 м і глибиною 1,7 м (від рівня материка). Його нижнє заповнення містить керамічний матеріал першої половини X ст., фрагменти ліпних сковорідок та нечисленні шматки металургійних шлаків. У шарах X ст. знайдено бронзову петельку від сумочки та фрагмент оселка з пісковику. Середнє заповнення рову містить нечисленні матеріали XII ст., серед яких фрагмент пірофілітового прясельця, уламки кераміки, стінок від амфор та остеологічні матеріали. За стратиграфічними спостереженнями, у XII ст. рів не поновлювався і був замулений природнім шляхом [Моця, 2012, с. 60–66].

На першому етапі (кінець IX — початок X ст.) оборонні споруди представлені напільним ровом, бермою завширшки від 0,7 до 2,2 м, залишками тіла валу, із внутрішньо-

Рис. 1. I — місцерозташування Виповзівського археологічного комплексу; II — план Виповзівського археологічного комплексу; III — розріз оборонних споруд у південній стінці розкопу 2 (2011 р.); IV — сліди від оборонних конструкцій городища в розкопі 2 (2011 р.)

го боку якого фіксується рівчак від вертикально поставленої дерев'яної конструкції. На рівні посаду був викопаний зовнішній рів, а на схилі розміщувалася берма та тіло насипаного валу. Рівчачок під частокіл був викопаний на схилі городища за 12 м від його підошви. Ширина рівчачка сягала 0,8–1,0 м, глибина становила щонайменше 0,45 м. На дні рівчачка зафіксовані 27 ямок від частоколу діаметром 0,2–0,3 м.

На бермі фіксувалися ямки (діаметром 0,2 м, розташовані на відстані 0,15 м одна від одної) від дерев'яних конструкцій, поставлених з нахилом у бік площадки городища. Для укріплення ґрунту на схилі дюни була зроблена підсипка ґрунтом, взятим з подолу, — темно-сірим супіском із включенням глею (товщина до 0,2 м). Наявність печини в цьому шарі може вказувати на спробу обпалення ґрунту для кращого закріплення та запобігання сповзання зі схилів городища. Після формування валу на бермі була встановлена зовнішня (західна) дерев'яна конструкція, поставлена з нахилом у бік площадки городища. Скоріш за все, вона пов'язувалася з конструкцією частоколу, встановленого у східній частині за валом. У нижній частині валу фіксується родючий шар, знятий біля підніжжя городища, — його товщина тут сягає до 0,9 м, а материковий пісок потрапив до верхньої частини валу. Ширина підошви валу по лінії схід–захід сягала 4 м (від ямок на бермі до ямок від частоколу) (рис. 1, III).

Матеріал із нижнього заповнення насипу вказує на його синхронну появу з ровиком під частокіл (кінець IX — початок X ст.).

У напільному рові фіксуються сліди пожежі початку X ст., після якої відбулася реконструкція укріплень. Залишки частоколу із внутрішнього боку валу були розібрані, і на його місце поставлено конструкції (клітей?), що виходили на майданчик городища. В плані зафіксовані сліди деревин, розташованих із внутрішнього (східного) боку від залишків валу. Однак слід зважати на тривалу ерозію схилу валу в бік рову городища. Західна частина нових укріплень, скоріш за все, доходила до місця, де знаходилася верхівка розташованої на бермі дерев'яної конструкції. Орієнтація основи нових клітей — перпендикулярно до рову та схилу городища (рис. 1, IV). Колоди були покладені в середньому на відстані 1,8 м одна від одної (крім допоміжних — підсилюючих). У складі рівчачка під частокіл попереднього етапу існування укріплень фіксуються дві ямки (діаметром 0,7 м) від стовпів, що згоріли під час другої пожежі укріплень.

Близько середини X ст. укріплення другого етапу зазнають руйнувань в ході чергової пожежі й більше не відновлюються. Залишки насипаного на схил ґрунту ще певний час утворюють по краю городища вал, із внутрішнього боку від якого фіксується велика кількість болотної руди та металургійних шлаків.

Таким чином, на першому етапі оборонні споруди були представлені ровом, бермою зі встановленою на ній дерев'яною конструкцією (скоріш за все, пов'язаною з частоколом), між якими був засипаний взятий з рову ґрунт. На другому етапі існували рів, берма зі встановленою на ній похилою дерев'яною стіною (острогом) та кліть, поставлена на ґрунті валу попереднього часу (рис. 1, V).

Унікальність укріплень Виповзівського городища полягає в тому, що вони були споруджені на схилі природної дюни, розташованої у східній частині мису, що піднімався на 4 м над поверхнею посаду. Таке вдале використання рельєфу не потребувало великої кількості ґрунту для будівництва валу, чим і можна пояснити незначні розміри напільного рову. Для запобігання можливого сповзання конструкцій по схилу його поверхня була укріплена болотним глеєм та залізною рудою, а зовнішню дерев'яну конструкцію (косий острог) зробили під нахилом у бік майданчика городища (рис. 1, V).

Забудову майданчика було досліджено розкопами 2012 та 2013 рр., в результаті чого тут виявлено залишки двох жител, а також господарські та ремісничі споруди, які можна розділити на 3 горизонти. До ранньої забудови кінця IX — початку X ст. належить житло 3,5×4,4 м, орієнтоване довгою стіною по осі південь–північ (з відхиленням на 300 до заходу), що паралельно до найближчої ділянки укріплень напільного валу. Глибина котловану будови — до 1,1 м нижче рівня материка. В північно-західному куті

знаходилася повернута устям на схід глинобитна піч (1,25×1,25 м) з двома черенями. Верхня частина печі була частково зруйнована, в завалі виявлено уламки бортиків від жаровні, що стояла над піччю. Піч ремонтувалася, в результаті було зменшено об'єм внутрішнього простору за рахунок підмазування нижньої частини склепіння і формування нового череня. В материковому дні котловану виявлено 13 стовпових ямок від конструкції стін, стелі та інтер'єру житла. В житлі знайдено ранньокругову кераміку кінця IX — початку X ст. Сліди пожежі житла добре фіксуються у стратиграфічному розрізі, глеєва підлога була встелена попелом та погорілими фрагментами посуду. Після пожежі котлован поступово замулився і використовувався під смітник у наступному будівельному періоді.

До II будівельного періоду належить частково досліджене житло та окремі господарські споруди, що гинуть у пожежі середини X ст., яка яскраво фіксується і на території посаду.

Після пожежі майданчик городища був облаштований під ремісничу зону для видобутку та переплавки заліза. Він простежується досить потужним шаром металургійних шлаків (від 0,2 до 0,4 м) та двома передгорновими ямами із залишками зруйнованих горнів. Цей шар перекриває всі попередні горизонти, що доводить існування ремісничої ділянки з обробки заліза на майданчику городища вже після загибелі пам'ятки, близько середини — на початку другої половини X ст.

На захід від городища розміщувався відкритий посад, що займав всю площу мису на довжину близько 700 м аж до корінної тераси р. Десна. Територія мала ширину, обмежену схилами мису від 110 до 350 м (рис. 1, II). Культурний шар пам'ятки значно пошкоджений у західній та східній частинах діяльністю ферми XX ст. та окопами від тренувального майданчика військового Центру «Десна». З 2009 по 2013 рр. на різних ділянках посаду досліджено 830 м². Лише під час зачисток пошкоджених ділянок культурного шару вдалося виявити 6 жител, серію господарських споруд та ділянку центральної дороги X ст.

Найбільш розкопана ділянка посаду знаходиться на південній половині мису за 160 м на захід від оборонних укріплень городища (розкопи 3–6, 2011–2013 рр.). Тут досліджено 478 м², де виявлено 11 житлових та близько 7 господарських споруд та ям кінця IX — середини X ст. Завдяки розкопкам єдиною площею отримані матеріали планової структури поселення та простежено етапи його забудови. В результаті аналізу закритих комплексів та здобутих матеріалів були виділені будівельні періоди кінця IX — середини X ст. (рис. 2, I).

Особливістю забудови посаду Виповзівського городища є висока концентрація споруд, що виявлені на ділянці розкопів 3–6. Вони зведені одна над одною, інколи в одних і тих же котлованах. Фіналом масової забудови посаду стала локальна пожежа, синхронна в часі з руйнацією укріплень городища, що за матеріалами з посаду датується близько середини X ст. Вона добре простежується за залишками згорілих будівель і дозволяє виділити одночасову забудову — III будівельний горизонт. До нього належать 6 жител та 1 господарська споруда, одне з жител було виявлене в 1989 р. А. Л. Казаковим, 5 — у розкопах 3–6 (2011–2013 рр.), а частину ще одного досліджено у східній частині посаду при зачистці силосної ями від ферми XX ст.

Внаслідок пожежі в будівлях законсервувалися обгорілі стіни з напівколод (подекуди на висоту 6 рядів), залишки дерев'яної підлоги, меблів, дерев'яного посуду, знарядь праці (рис. 2, II). Котловани були заглиблені в материк на 0,4–1,2 м, мали підквадратну форму розмірами від 4×4 до 4,5×5 м по внутрішньому простору і не були однаково орієнтовані відносно сторін світу. Відсутні й закономірності побудови опалювальних пристроїв. Це печі з болотного глею діаметром від 0,9 до 1,2 м, розміщені в одному з кутів будівлі, майже впритул до дерев'яних стін. Зі споруд цього часу походять знахідки побутових речей, знарядь праці у вигляді кістяних проколок, пірофілітових і керамічних пряселець, ножів, залізних голок, бабок для гри, кам'яних оселків, кресал тощо. Прикраси представлені сердоліковим і скляним намистом,

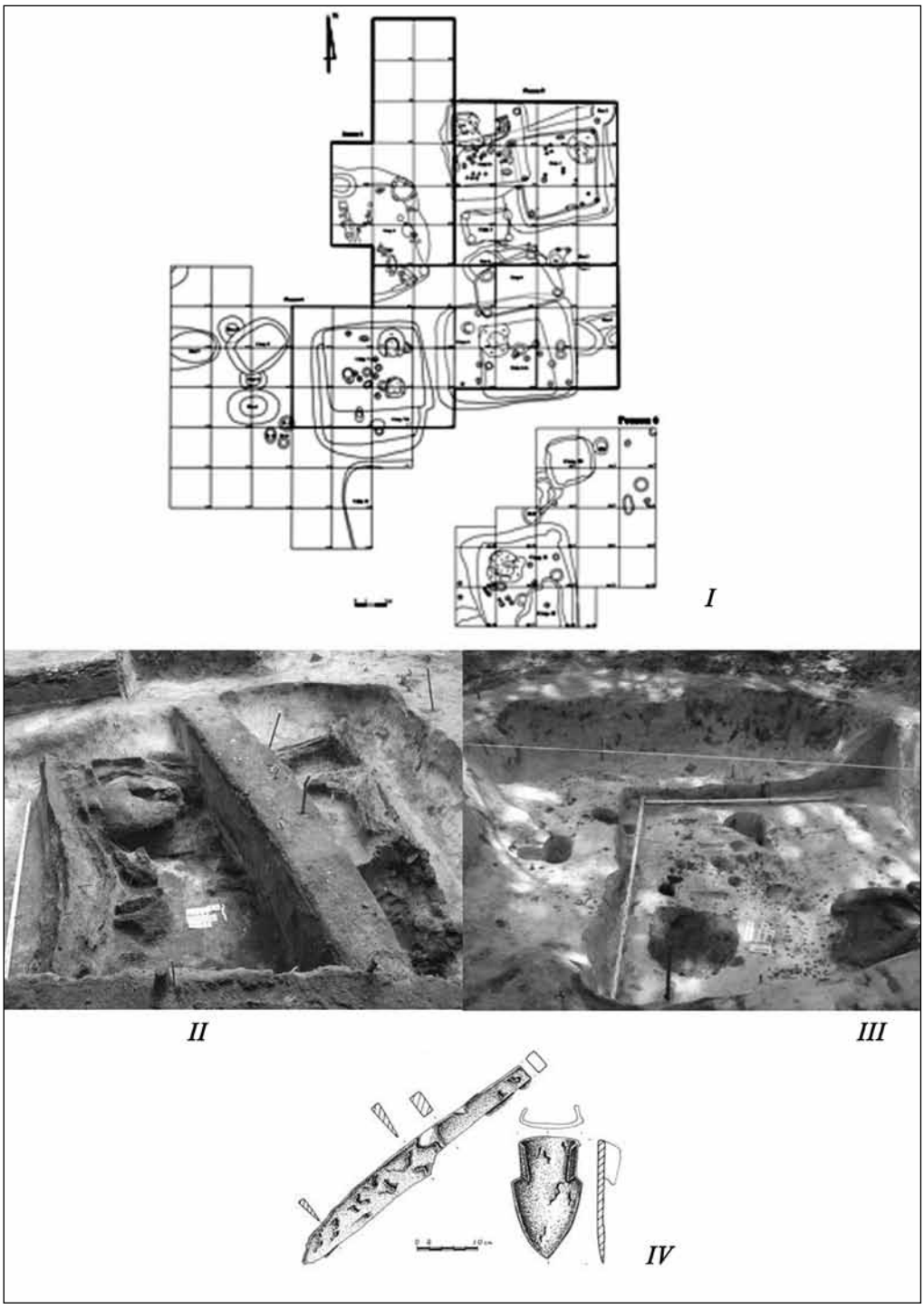


Рис. 2. I — зведений план розкопів 3–6 по материку на посаді Виповзівського городища; *II* — згорілі конструкції житла (споруда 13) у розкопі 6 (2013 р.); *III* — фото житла (споруда 7-А) по материку в розкопі 4 (2013 р.); *IV* — плужний комплект з житла (споруди 7) середини X ст.

бронзовими напівсферичними ґудзиками, уламком срібної підвіски типу «Borre» (рис. 3, 5), бронзовими ґудзиками від кафтану та ін.

У житловій споруді 6 (2012 р.) виявлено перстень зі вставкою з білого каменю чи скла (?) та шипоподібними виступами з чотирьох сторін. Такий перстень відомий і з більш раннього житла на цій ділянці та ще 2 знайдені в культурному шарі (рис. 3, 7–10). За аналогіями вони наближені до типу 12а (за класифікацією Т. Г. Сарачевої), відомі на салтівських пам'ятках кінця IX — першої половини X ст. [Сарачева, 1994,

с. 90–93; Путь из Варяг, 1996, с. 63]. У цій споруді був знайдений ніж, що має волютоподібне навершя (рис. 3, 14), що, за типологією Л. В. Королькової, належить до типу II, варіанту 3 і датується в межах VIII–X ст. [Минасян, 1978, с. 148–152; Королькова, 1994, с. 234–238].

Особливо слід відзначити знахідку плужного комплекту (рис. 2, IV) з житлової споруди 7 (розкоп 4, 2012—2013 рр.). Знахідка лежала під завалом згорілих стін на підлозі житла між стіною та піччю. Комплект, що складався з леміша та чересла типу IB2 (за типологією Ю. О. Краснова), можна датувати другою половиною I тисячоліття [Краснов, 1987, с. 40–42]. Окрім знахідок побутового і господарського інвентарю, в житлі знайдено срібну сережку «екімауцького типу» (рис. 3, 6) середини — другої половини X ст. [Новикова, 1990, с. 109–113; Рябцева, Тольков, 2010, с. 295–297].

З шару пожежі у споруді 3-Б походить дирхем Насра II Ахмада (914–943 рр.) (рис. 3, 1). Ще один, виявлений в культурному шарі, являє собою східноєвропейське наслідування саманідському дирхему X ст. (рис. 3, 2).

Керамічний матеріал зі знищених пожежею споруд останнього горизонту (III будівельний період) представлений круговими посудинами з доманжетними та манжетними вінцями різних форм, орнаментованими лінійним та хвилястим орнаментом, нігтьовими вдавленнями тощо. Посудини цього горизонту мають гарний випал та добре вимішане тісто. Серед кухонного посуду трапляються ліпні та кружальні сковорідки (рис. 4, II).

Збереженість слідів згорілих конструкцій будівель дають детальну інформацію щодо конструктивних особливостей жител давньоруського часу, облаштування їх інтер'єру, щодо форм дерев'яного посуду. У споруді 13 (розкоп 6, 2013 р.) досліджено стіни, складені з напівколод шириною 0,25–0,35 м і довжиною до 4,1 м, що збереглися у висоту на 4–5 рядів. Внутрішнє приміщення житла мало розміри 3,5×4 м, орієнтоване кутами за сторонами світу. В північному куті знаходилася глинобитна піч діаметром 1,2 м, що була повернута устям до сходу і збереглася на повну висоту 0,8 м. Підлога житла вимощена дошками шириною 28–38 см і товщиною 1,8–3,0 см, орієнтованими із заходу на схід (рис. 2, II). На підлозі у вигляді окремих скупчень були виявлені завали деревини зі слідами штучної обробки, обгорілі рештки ослону чи лавки, з північного заходу від печі лежали 4 згорілі залишки руків'їв від держаків, з півдня від печі знайдено фрагменти ківшика з ручкою та двох полумисків [Скороход, Капустін, Мироненко, Терещенко, 2013].

До більш раннього періоду забудови Виповзівського посаду належать об'єкти першої половини X ст., що інколи перекриті або частково прорізані згорілими спорудами (III горизонту).

Забудову більш ранніх горизонтів посаду дуже складно об'єднувати в будівельні горизонти, що належать до одного часу, оскільки ці житла часто перебудовуються, вміщують по 1–2 опалювальні споруди, що змінюють одна одну і мають сліди ремонтів. Котловани жител перебудовуються на одних і тих же місцях із незначним зміщенням. Для більш повного розуміння забудови вони були виділені в окремі будівельні періоди за ознаками повної перебудови оселі. Така картина дозволяє нам виділити два горизонти в межах кінця IX — першої половини X ст.

До II будівельного горизонту належать 5 житлових споруд посаду, 3 з яких досліджені єдиною площею на розкопах 3–6. Житла мали заглиблені в материк на 0,8–1,2 м котловани підпрямокутної форми розмірами від 3,5×3,5 до 4,5×4,5 м і були орієнтовані стінами по сторонах світу. Глинобитні печі розміщувалися в одному з кутів котловану без будь-яких закономірностей. У житлі 6-А (розкоп 4, 2012 р.), у північно-західному куті споруди, виявлено дві обернені устям до сходу печі розмірами від 1 до 1,2 м, що стояли одна на одній із незначним зміщенням до сходу. Вони були сформовані із сірого болотяного глею. Склепіння нижньої печі було зруйновано до рівня череня, і на її місці побудовано нову, зі змішенням на 0,3 м на схід. Така ситуація простежується і в спорудах 3 та 3-А (розкоп 1, 2011 р.) та споруді 7-Б (розкоп 4, 2013 р.) [Скороход, Капустін, Мироненко, 2013, с. 181–185]. У деяких випадках помітно підсипку материковим піском старої підлоги та формування нової.

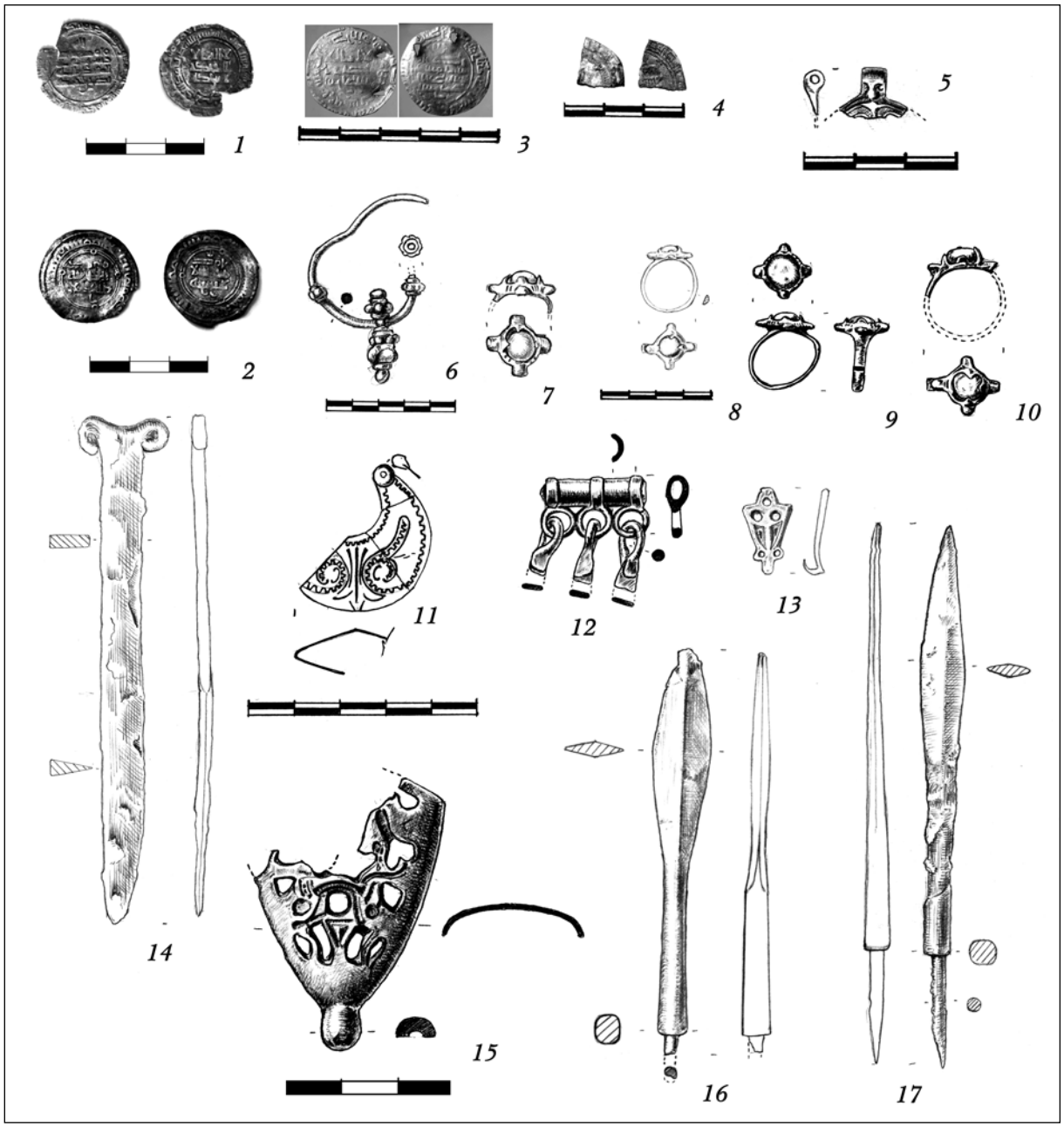


Рис. 3. Знахідки з культурного шару та об'єктів посаду Виповзівського городища

В котловані житла 6-А знайдено два дирхеми. Один цілий, з двома отворами трикутної форми, що належить до Східноєвропейського наслідування Самманідам, Ізмаїлу ібн Ахмаду, датується першою чвертю X ст. (рис. 3, 3), другий — ¼ монети — належить до династії Самманідів, Ахмаду ібн Ізмаїлу, і датується 908–912 рр. (рис. 3, 4)[1]. Із жител походить побутовий та господарський інвентар, прикраси, деталі ремінної гарнітури та кругова кераміка [Скороход, Моця, Ситий, 2012, с. 24–26].

Посуд із цього горизонту представлений уламками ранньокругових форм зі слабозагладженою поверхнею. В тісто примішано значну кількість шамоту та жорстви, горщики слабо обпалені. Вертикальні та середньовідігнуті назовні вінця посудин мають доман-

1. Автори висловлюють подяку науковому співробітнику Відділу нумізматики Державного Ермітажу В. С. Кулєшову за визначення дирхемів з посаду Виповзівського городища.

жетні та ранньоманжетні форми. В окремих випадках виділяється плавний перехід від шийки до невираженого плічка. Посуд прикрашений досить багатою орнаментацією по всій поверхні з перевагою ліній та плавної хвилі. Порівняно з керамічним матеріалом будівельного горизонту III, вона має певні відмінності у виготовленні та формах (рис. 4, I).

Найбільш ранній давньоруський період забудови (будівельний горизонт I) можна простежити на розкопі 4 (2012–2013 рр.), де котловани житлових споруд 8 та 7-А перекриті житлами більш пізнього горизонту. Житла мали опалювальні пристрої у вигляді печей із сірого глею зі слідами повних перебудов. Забудова цього давньоруського горизонту майже не відрізняється від попереднього за матеріалами та особливостями облаштування жител.

Особливо цікавим є житло 7-А (розкоп 4, 2013 р.), що досліджене під спорудою 7-Б і має прямокутний котлован розмірами 4,5×4,5 м. На материковому дні залягав шар сіро-зеленого глею (підлога житла). У північно-східному кутку розташовувалась глинобитна піч розмірами 1,25×1,4 м, повернута устям до півдня. Розріз опалювальної споруди виявив сліди її ремонту. Конструкції споруди 7-А мали два періоди існування. Під глеєвою підлогою виявлено залишки ще однієї частково заглибленої у материк печі розмірами 0,9×0,9 м, розташованої у протилежному куті споруди й повернутої щелепами до заходу. Розріз залишків печі дозволяє зробити висновок, що вона також зазнала перебудови і мала розміри 0,95×1,05 м (рис. 2, III) [Скороход, Капустін, Мироненко, Терещенко, 2013].

Керамічний матеріал не має відмінностей від будівельного горизонту більш пізнього часу (II). Серед індивідуальних знахідок слід відзначити керамічні прясельця, кістяні проколки, ножі, рибальські гачки та інші речі побутового призначення.

Складна схема періодів перебудов житлових споруд на посаді Виповзівського археологічного комплексу не дозволяє виділити чітких етапів забудови у межах I та II будівельних горизонтів, оскільки в кожному з періодів фіксуються перебудови опалювальних пристроїв по одному разу чи по двічі. Часта зміна печей може засвідчувати швидку зміну населення посаду протягом нетривалого проміжку часу. Не виключено, що зміна печі залежала не від тривалого часу її використання, а від зміни господарів будівлі, коли основні конструкції житла були ще придатними для проживання. На користь цього свідчить і перенесення печі в протилежний кут будівлі. При тривалому використанні житла, як правило, піч ремонтувалася на своєму місці (підмазка склепіння, формування нового череня поверх старого). Такі ремонти можна простежити на Шестовицькому городищі та посаді [Скороход, 2010, с. 11–19].

Випадки використання старих котлованів жител по двічі-тричі на укріплених поселеннях такого типу є нетрадиційними. Це може бути спричинено лише браком місця для нової забудови та досить швидкою зміною населення протягом кінця IX — середини X ст. Міграція чи переселення населення підтверджується індивідуальними знахідками та керамічними формами, не характерними для території Подесення (срібна сережка «екімауцького» типу, ніж, що має волютоподібне навершя).

Населення Виповзівського посаду наприкінці IX — в першій половині X ст. майже не займалося землеробством, про що свідчать лише дві знахідки орних знарядь, відсутність предметів для збору урожаю та мізерна кількість господарських споруд. У структурі господарства переважають ремесла та промисли (це підтверджують відповідні знахідки — токарні різці, залізні та кістяні шила, залишки браку та напівфабрикатів від кісткорізної справи, уламки тиглів, ллячок, матриць, металургійні шлаки, рибальські гачки та остроги, кістяне вістря стріли тощо).

Знахідки арабських дирхемів на різних етапах існування пам'ятки, візантійська сережка (рис. 3, 11), салтівські персні, фіноугорська шумлива підвіска (рис. 3, 12), скандинавська прикраса у стилі «Borre», уламок срібної гривни з ромбічним завершенням, бронзовий гачок для обмоток (рис. 3, 13), витий браслет та вістря стріл ланцетоподібних форм (рис. 3, 16, 17), залізний, обтягнутий бронзою важок діжкоподібної форми (58,3 гр.) та ін. є підтвердженням того, що населення Виповзова було включене до міжнародних торговельних зв'язків.

Предмети озброєння з Виповзова виявлені в різних частинах пам'ятки. Серед них — фрагмент бронзового наконечника скандинавських піхов меча (рис. 3, 15), вістря стріл, бойовий ніж, уламки лез від бойових сокир, кольчужні кільця, бляшки та пряжки від ремінної гарнітури [Скороход, Терещенко, 2013, с. 186–188].

Біля підніжжя городища та посаду з північного боку знаходиться відкритий поділ площею 30–100×450 м, що займає підвищення, розташоване вздовж мису із заходу на схід. У сезоні 2013 р. проведено дослідження ділянки подолу під береговою терасою в безпосередній близькості від стародавнього русла притоки р. Кримки (стариця р. Десни), де закладено стратиграфічну траншею довжиною 11 м і шириною 2 м, орієнтовану перпендикулярно давньому руслу[2]. Ділянка має сильний перепад висот (до 2,5 м) з півдня на північ від тилового шва тераси в бік русла. У ході робіт вдалося виявити три горизонти культурного шару. Верхній (горизонт I) являє собою перевідкладений культурний шар, що оплив з тераси мису. Керамічний матеріал з верхнього шару хронологічно змішаний. Безпосередньо під верхнім горизонтом залягав прошарок алювіальних відкладень потужністю до 0,4 м, що виник у результаті періодичності середньовічних паводків. Під ним зафіксовано два законсервовані горизонти культурних відкладень. Найбільш ранній (горизонт III), що лежить безпосередньо на материку, має вигляд чорної сильно гумусованої супісі зі значними включеннями вугілля. Його потужність становить до 0,25 м. Пізніший (горизонт II) залягав між алювієм та гумусованими прошарками з вугликами (горизонт III). Він представлений темно-сірою гумусованою супіссю з рідкісними включеннями вугілля й окремих алювіальних прошарків. Потужність його сягала 0,4 м. Керамічний матеріал у цих горизонтах вкрай нечисленний. Серед знахідок виявлені металеві предмети поганого збереження (2 фрагменти ножів, 2 залізні пластини, уламки керамічних пряслиць, оселків з пісковику та ін.).

В північній частині розкопу вдалося зафіксувати берегову лінію IX–X ст. У профілях західної та східної стінок у цьому місці різко обриваються прошарки паводків і культурні нашарування, і починається шар сильно заторфованного ґрунту.

У горизонті під алювіальними прошарками виявлено довгу канаву, орієнтовану з півночі на південь перпендикулярно давньому руслу, що піднімається в бік тераси. У південній частині траншеї на рівні материка вдалося виявити її закінчення. Північна її частина увійшла до давнього русла річки. Загальна довжина дослідженої частини канави становила 8 м, ширина — від 0,6 до 0,9 м, глибина — до 0,4 м. Південна половина канави врізана в материк, північна прорізає горизонти II–III й не доходить до материка. Шари заповнення канави послідовно змінюють один одного тонкими (до 0,05 м) прошарками замивів і гумусу, що свідчить про сезонний характер використання даного об'єкту.

Споруда, пов'язана з цією канавою, функціонувала в перервах між розливами річки — в ці періоди відкладалися гумусовані прошарки. Взимку й під час паводків канава не використовувалась, і відкладалися прошарки алювію.

На південній ділянці розкопу, навколо закінчення канави, виявлені стовпові ями діаметром від 0,08 до 0,12 м. Одна стовпова яма зафіксована безпосередньо в торцевій частині канави на її дні на рівні материка. Судячи з усього, це сліди стовпів, що підтримували конструкції навісу.

Північний край канави виходить за межі розкопу, однак, беручи до уваги її орієнтування і зафіксовану давню берегову лінію, можна припустити, що північний край прилягав безпосередньо до русла. В такому випадку довжина канави має становити близько 10 м.

Ймовірне призначення дослідженого об'єкту — траншея для витягування на берег суден з метою їх ремонту або ж тимчасової стоянки. Над торцевою частиною канави стояв навіс — можливо, ця частина використовувалася для зберігання ремонтних матеріалів. Стратиграфічні спостереження дозволяють стверджувати, що канава була споруджена й

2. Автори статті висловлюють подяку науковому співробітнику національного музею Сходу м. Москви О. А. Фетісову за керівництво роботами на подолі Виповзівського городища у 2013 р., а також старшому науковому співробітнику музею-заповідника «Куликово поле» О. В. Григор'єву за наукові консультації під час розкопок у 2013 р.

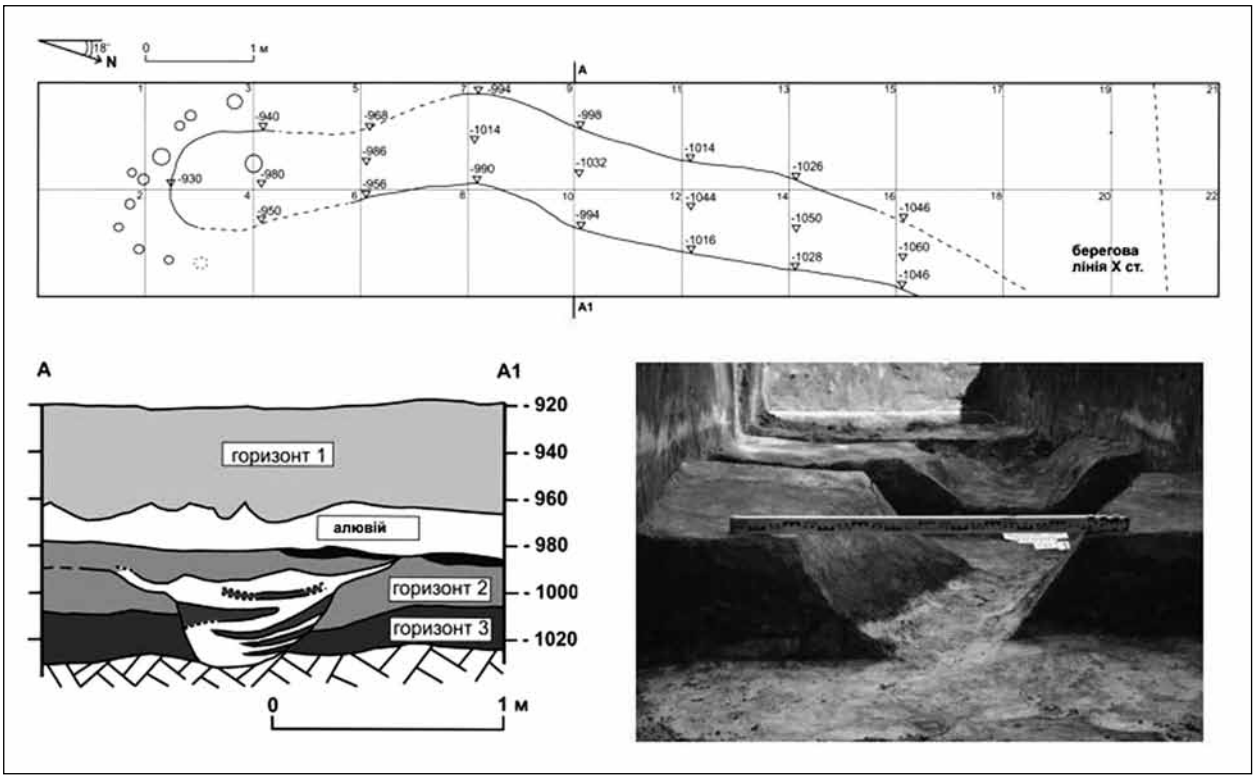


Рис. 4. План та розрізи канави у траншеї 1 (2013 р.)
для витягування човнів на подолі Виповзівського городища

використовувалася на фінальній стадії життя Виповзова — близько середини X ст.

За дослідженнями Д. Еллмерса, відомо кілька типів причальних конструкцій. Крім найбільш поширених дерев'яних пристаней, опорні стовпи яких встановлюються вже в річці за лінією зрізу води (Хедебю, Шестовиця) [Мурашева, 2007, с. 112–113; Скороход, 2008, с. 190–193], відомі «примітивні пристані» інших видів. Основу їх складають дерево-земляні або кам'яно-земляні конструкції, орієнтовані перпендикулярно до берегової лінії. За таким подовженим насипом, що доходить у воді до місця стоянки кораблів на мілководді, здійснювався під'їзд, навантаження і розвантаження товарів (Уппсала, Гластонберрі). У Дорестаді човни й невеликі кораблі витягувалися безпосередньо на берег, поблизу якого прямо на землі були покладені дощаті настили. На пам'ятках з «примітивними пристанями» ремонт і обслуговування кораблів також здійснювалися на березі (Гньоздово, Дорестад). Для ремонтних робіт могли використовуватися спеціальні канави, орієнтовані перпендикулярно до берегової лінії, якими кораблі витягувалися на берег для обслуговування, — свого роду «сухий док».

Така канава досліджена 2006 р. в портовій зоні Гньоздова, розташованій на березі озера під городищем. Вона орієнтована від берегової лінії в бік тераси, має ширину до 1,7 м, глибину 0,4–0,5 м і призначалася для переміщення суден у зв'язку з ремонтом або будівництвом [Мурашева, 2007, с. 112]. Аналогічні канави більш пізнього часу зафіксовані також на території Швеції. Подібні, але більші, споруди використовувалися в Хедебю як зимові стоянки для морських суден.

Звертає на себе увагу незвичайна конфігурація берегової канави з Виповзова — її останні (якщо рахувати від русла) 3 м вигнуті під невеликим кутом до сходу, де зафіксовані стовпи від навісу. Можна припустити, що цей відрізок використовувався для якихось господарських цілей, а човни витягали лише в ту частину канави, яка проходила по прямій лінії в бік русла. Хоча місце з'єднання канави з береговою лінією не потрапило в межі розкопу, можна припустити, що довжина тієї частини, куди витягувалися човни, становила

близько 7–8 м. За розрахунками А. Стальсберг, розміри ранньосередньовічних суден, що ходили по річках Східної Європи, були відносно невеликими — завдовжки близько 6–12 м [Стальсберг, 1998, с. 278]. При цьому лодья довжиною 8 м, згідно з реконструкцією Е. Нілена, могла вміщувати значний вантаж і корабельну команду до 11 осіб.

Результати розкопок Виповзівського археологічного комплексу дають змогу під новим кутом розглянути історичні процеси в регіоні в період формування Давньоруської держави. За топографічними особливостями та часом існування пам'ятка подібна до Шестовицького археологічного комплексу, що розташований за 62 км вгору по р. Десна [Скороход, 2012, с. 75–76]. Однак пам'ятки мають відмінності за своїми функціональними ознаками. На час X — початку XI ст. на Шестовицькому посаді виявлено 9 жител на розкопаній площі 7000 м^2. Мешканці Шестовиці мали чітку садибну забудову, що існувала протягом досить тривалого проміжку часу (близько 25–40 років), після чого були перебудовані в середині — другій половині X ст. і продовжували існувати до початку XI ст.

На посаді Виповзівського городища виявлено 19 жител кінця IX — початку X ст. на розкопаній площі у 900 м^2 (що увосьмеро менше, ніж у Шестовиці). Така щільність навіть перевищує міську забудову давньоруського часу. Для аналогії можна навести більш пізні матеріали Чернігівського Передгороддя (розкопки 1997–1998 рр. по вул. Кирпоноса), де на 2500 м^2 було досліджено 24 житла XII — початку XIII ст.

Залишаються відкритими ряд питань щодо причин і часу виникнення давньоруського Виповзова, поштовхів до постійних змін населення на ранніх етапах життя комплексу та локальної пожежі в середині — на початку другої половини X ст.

Можна лише припустити, що поява давньоруського поселення з укріпленим городищем, відкритим посадом і подолом була спричинена активною політикою князя Олега протягом 883–885 рр., а саме його походами на древлян, сіверян і радимичів [Ипатьевская летопись, 1998, стб. 16–18; Лаврентьевская летопись, 1997, стб. 22]. Це спричинило переселення частини населення з Правобережжя на завойовані території по р. Десні та р. Снов з використанням Виповзова як перевалочного пункту. Близько середини X ст. життя на посаді починає стабілізуватися, відсутні часті перебудови та перепланування аж до пожежі, що знищила забудову посаду та укріплення городища. Події середини — початку другої половини X ст. у Подесенні не потрапили на сторінки літописів, тому ми не знаємо причини знищення Виповзова. Але можемо зазначити, що цим часом (або дещо пізнішим) датуються зведення нової лінії оборони на Шестовицькому городищі та поява значної за площею укріпленої площадки в літописному Сновську. Можливо, ці події були пов'язані між собою.

Ипатьевская летопись (с предисл. Б. М. Клоса) // ПСРЛ. Т. 2. — М., 1998. — 648 с.

Коваленко В. П. Поліетнічний дружинний табір у Нижньому Подесенні кінця IX — початку X ст. / В. П. Коваленко, В. М. Скороход // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. — Чернігів, 2009. — Вип. 7 — № 6. — С. 66–82.

Королькова Л. В. Вопросы интерпретации ножей с волютообразным навершием / Л. В. Королькова // Тверской археологический сборник. — Тверь, 1994. — С. 234–238.

Краснов Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы / Ю. А. Краснов. — М., 1987. — 235 с.

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1 — М., 1997. — 498 с.

Минасян Р. С. Железные ножи с волютообразным навершием / Р. С. Минасян // Проблемы археологии. — Л., 1978. — Вып. 2. — С. 148–152.

Моця О. П. Оборонні споруди Виповзівського городища / О. П. Моця, Ю. М. Ситий, В. М. Скороход // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2011 году. — Чернигов, 2012. — С. 60–66.

Мурашева В. В. В поисках Гнездовского порта / В. В. Мурашева // Российская археология. — 2007. — № 1. — С. 106–114.

Новикова Е. Ю. О серьгах «экимауцкого типа» / Е. Ю. Новикова // Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ). — М., 1990. — С. 107–116.

Путь из Варяг в Греки и из Грек ... / Каталог выставки. — М., 1996. — 101 с.

Рябцева С. С. Алчедарский клад и центры ювелирного ремесла Восточной Европы конца IX — начала

XI вв. / С. С. Рябцева, Н. П. Тельнов // Stratum plus. — 2010. — № 5. — С. 285–300.

Сарачева Т. Г. Металлические перстни Днепровского Левобережья (конец IX — первая половина XIII вв.) / Т. Г. Сарачева // История и эволюция древних вещей. — М., 1994. — С. 85–100.

Скороход В. Дослідження причалу X—XI ст. на Шестовицькому подолі / В. Скороход // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Матеріали VII Міжнародної студентської наукової археологічної конференції. — Чернігів, 2008. — С. 190–193.

Скороход В. М. Нові дослідження на посаді Виповзівського городища / В. М. Скороход, К. М. Капустін, Л. В. Мироненко // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2012 году. — Гомель, 2013. — С. 181–185.

Скороход В. М. Археологічні роботи на північно-західній околиці посаду Виповзівського городища / В. М. Скороход, О. В. Терещенко // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2012 году. — Гомель, 2013. — С. 186–188.

Скороход В. М. Садибна забудова північної частини посаду городища Коровель у X — на початку XI ст. / В. М. Скороход // Сіверянський літопис. — № 6. — 2010. — С. 11–19.

Скороход В. М. Науковий звіт про археологічні дослідження Виповзівського археологічного комплексу біля с. Виповзів Козелецького району Чернігівської області / В. М. Скороход, О. П. Моця, Ю. М. Ситий та ін. // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № б/н. — 197 с.

Скороход В. Н. Выползовский и Шестовицкий археологические комплексы — топографические «близнецы» в Подесенье конца IX — начала XI века / В. Н. Скороход // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. Тезисы докладов международной научной конференции. — М., 2012. — С. 75–76.

Стальсберг А. О. скандинавских погребениях с лодками эпохи викингов на территории Древней Руси / А. О. Стальсберг // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина). — М., 1998. — С. 277–287.

О. П. Моця, В. М. Скороход, Ю. М. Ситий

Выползовский археологический комплекс в свете новых исследований 2009–2013 гг.

Выползовский археологический комплекс конца IX — середины X вв. состоит из городища, открытого посада и подола. С 2009 по 2013 гг. тут исследованы оборонительные укрепления городища, которые имеют 2 периода существования с конца IX до середины X вв. На первом этапе они состояли из частокола, основы вала и внешнего рва. В начале X в., после пожара, они частично перестраиваются, добавляется внутренняя клеть. На площадке городища исследованы 2 жилища и серия хозяйственных построек конца IX — середины X вв. После их гибели в пожаре середины X в. на городище был обустроен производственный участок по переплавке железа.

На запад от городища находился посад, где исследовано 19 жилищ и несколько хозяйственных построек. В результате работ удалось выделить 3 строительных горизонта. На раннем этапе (конец IX — начало X вв.) здесь прослеживается активная смена населения и перестройка жилищ.

На территории подола была выявлена канава для вытаскивания лодей из русла р. Крымки.

Результаты исследования Выползова показывают, что в конце IX — середине X вв. население было активно включено в международную торговлю и военные кампании.

O. P. Motsya, V. M. Skorokhod, Yu. M. Sytyi

The archaeological complex of Vypovziv in the light of new research 2009–2013

The archaeological complex of Vypolzov (late IXth — middle of Xth century) consists of the hill fort, open settlement and hem. From 2009 till 2013 defensive fortifications were researched. Revealed they have two periods of existence from the end of IXth to the middle of Xth century. On the first stage they consist of paling, rampart and external moat. At the beginning of Xth century, after the fire, they have been partly reformed with addition of internal cage. On hill fort's ground two dwellings and number of household buildings of IXth — middle of Xth century have been researched. In the middle of Xth century they ceased to exist being burn down by fire therefore an industrial site for iron smelting have been equipped in their spot.

Open settlement is located to the West from the hill fort. 19 dwellings and number of household buildings have been researched. As a result 3 building horizons distinguished. On the early stage (end of IXth — begining of Xth century) the intensive population changing and dwelling repair can be traced.

On the open settlement location there was evolved a ditch for dragging ships out of Krymka riverbed. The results of Vypolzov research show that in the end of IXth till the middle of Xth century the population was actively involved in international trade and military campaigns.

А. В. Назаренко

Городские центры или зоны полюдья? О политической структуре Киевской Руси первой половины — середины X в.

«Княжия» русско-византийского договора 944 г. трактуется как княжеский род в широком смысле слова, который в первой половине — середине X в. во всей своей совокупности пребывал в Киеве, имея в качестве области полюдья Русскую землю (в узком смысле слова). Эта гипотеза отстаивается в полемике с альтернативными взглядами П. С. Стефановича.

Ключевые слова: Древняя Русь, Русская земля, Киев, договоры с греками, полюдье, междукняжеские отношения.

Сейчас уже несколько подзабылись громкие дискуссии 70–80-х годов прошлого века о происхождении древнерусского города, заметный вклад в которые внес и А.В. Куза. Работы по истории градообразования на Руси и типологии древнерусских городских центров занимают существенное место в, увы, немногочисленном, но насыщенном списке трудов ученого (см. библиографию, приложенную к посмертно вышедшей книге [Куза, 1989, с. 7–10]). Впрочем, идиосинкразия к крупным, общим темам, совсем недавно господствовавшая почти повсеместно, кажется, постепенно также уходит в прошлое. Все очевиднее рост широкого исследовательского интереса к проблемам политогенеза на Руси, который проявляется как в стремлении координировать научные усилия [Сложение, 2009; Древнейшие государства, 2012], так и в попытках синтеза [Древняя Русь, 2008; Стефанович, 2012].

Однако период рефлекторного воздержания от методически предопределенных обобщений не прошел даром. Современный историк ранней Руси обычно сторонится заданных схем, ища свою правду на путях совершенствования источниковедения, как археологического, так и текстуального.

Предлагаемая заметка может служить некоторой иллюстрацией к этому наблюдению, показывая, насколько старательное вчитывание в достаточно, казалось бы, известные тексты может способствовать уяснению общих вопросов политического строя Киевского государства в период его становления.

Давно замечено, что описание приема киевской княгини Ольги в Царьграде императором Константином VII Багрянородным (944–959) [Constantini Porphyrogenneti, 1838, p. 594–598] в сентябре-октябре, вероятнее всего, 957 г. [Назаренко, 2001, с. 219–310] в отношении политического протокола и дипломатических процедур является ярким соответствием донесенному «Повестью временных лет» русско-византийскому договору 944 г., заключенному князем Игорем, мужем Ольги, и императором Романом I (919–944). Из всех возможных размышлений, на которые способно навести параллельное чтение этих двух источников, нас в данном случае будет занимать только многозначительное совпадение количества княжеских послов, явившихся в Константинополь с Ольгой в 957 г. и от Игоря в 944 г.

Действительно, несмотря на некоторую сбивчивость списка послов в договоре 944 г., состоящего из личного посла Игоря и послов от Ольги, Святослава и прочей «княжии», их надо, скорее всего, насчитывать 25, если признать, что в группе имен «Сфирка Алвадъ Гудовъ» [Полное собрание, 1928, стб. 47; 1908, стб. 36] после «Сфир-

ка» пропущена притяжательная форма [Шахматов, 1916, с. 52, примеч. к стрк. 4]. В группе же «Тудковъ Каршевъ Туръдовъ» [Полное собрание, 1928, стб. 46; 1908, стб. 35 («Тудоровъ»)] «Каршевъ» представляет собой не притяжательную форму (тогда следовало бы признать здесь два пропуска имен отправителей), а номинатив (например, др.-сканд. **Karlsefni* [Томсен, 2002, с. 222]).

На момент второго приема княгини Ольги и древнерусской делегации императором 18 октября «послов князей Руси» («οἱ τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας ἀποκρισιάριοι») значилось 22 [Constantini Porphyrogenneti, 1838, p. 598.10] (стало быть, на первом приеме 9 сентября, на котором зафиксировано 20 послов [Constantini Porphyrogenneti, 1838 p. 597.12], кто-то из них, в силу тех или иных привходящих обстоятельств, быть не смог). Сравнивая эти данные с данными 944 г., учтем, что из числа послов надо вычесть послов покойного Игоря и Ольги, которая в 957 г. присутствовала на переговорах лично. Кроме того, на втором приеме не было уже, очевидно, и посла Святослава. Думаем так вот почему: Святослав в 957 г. был представлен не только послом, как в 944 г., но еще и целой делегацией — «мужами Святослава» («οἱ ἄνθρωποι Σφενδοσθλάβου») [Constantini Porphyrogenneti, 1838, p. 597.14]. Посол как таковой не назван, но отрицать его присутствие [Стефанович, 2012, с. 409] не видим оснований, ведь в описании приема Ольги, в отличие от договора 944 г., имена князей-отправителей послов нигде не перечислены. В то же время среди получателей выплат после заключительного приема, в отличие от приема 9 сентября, «мужи Святослава» не значатся [Constantini Porphyrogenneti, 1838, p. 598.8–12]. Отсюда делаем вывод о преждевременном отъезде представителей Святослава, чему могли быть свои причины [Назаренко, 2001, с. 301–302].

Таким образом, количество княжеских послов в обоих случаях, в самом деле, оказывается одним и тем же (25–3=22).

На это обстоятельство, при некотором различии в подсчетах, уже обращалось внимание [Грушевський, 1913, с. 424–425; Литаврин, 1982, с. 82–83; 2000, с. 196–197], причем вывод делался один: в глазах исследователей стабильность количества послов служила доказательством того, что послы эти представляли правителей отдельных территориально-политических образований, составлявших в своей совокупности, естественно, достаточно устойчивую структуру.

Нельзя, однако, не видеть, что идея о «княжии», отправившей послов в Царьград в 944 г., как о совокупности правителей в каких-то зависимых от Киева политических центрах явным образом противоречит самому списку имен этой «княжии», в котором ведь есть и женские: Ольга, Передслава, некая «жена Улебля» (имя которой, «Сфандръ», похоже, искажено [Назаренко, 2012, с. 149–150]), быть может, Ута. Это красноречивое обстоятельство вынуждает признать, что «княжия» была коллективом, соединенным связями отнюдь не политическими, — во всяком случае, прежде всего не политическими, а в основе своей имущественными, частноправовыми. Ибо только в рамках частноправовых отношений место Улеба (которого, заметим, среди «княжии» нет) могла занять его вдова.

Таким образом, древнерусская «княжия» середины X в., с одной стороны, осуществляет государственно-политические функции (так, она представляет собой, вместе с киевским князем, политическую верхушку Древнерусского государства в переговорах с Империей), а с другой — наследование места в этой группе происходит по частному праву, т. е. на основе семейных и имущественных взаимоотношений. Иными словами, речь идет о династически-имущественном механизме внутри политического слоя, который, по прямому свидетельству летописи, по крайней мере, отчасти состоял из родичей киевского князя: в составе «княжии», кроме супруги и сына киевского князя, прямо названы два его племянника («нетия»).

Как понимать эти данные, которые, на первый взгляд, кажутся внутренне противоречивыми? На этот вопрос нам видится естественный, и даже непринужденный ответ. В сущности, перед нами не что иное, как ранний этап того corpus fratrum —

братского совладения государственными прерогативами и, в первую очередь, государственными доходами, которое было столь свойственно политическому строю Руси в XI–XII вв. Этот феномен, в той или иной мере присущий многим (если не всем) раннесредневековым государственным образованиям Европы, ярче и последовательнее всего развернулся у франков и на Руси. Это объясняется именно тем, что государство и связанные с политическим властвованием права и доходы рассматривались как семейная, частная, собственность правящего рода в целом, stirps regia [Назаренко, 1996, с. 58–63; 2009а, с. 417–418; 2009б, с. 47–87].

Если так, то в «княжии»-ἄρχοντες договора 944 г. и константинопольских протоколов 957 г. логично усматривать княжеский род в широком смысле слова.

В последнем монографическом исследовании на данную тему [Стефанович, 2012, с. 377–440] его автор принимает наши соображения о семейной основе отношений внутри «княжии», но предлагает ей другую интерпретацию. Предпочитая остаться в рамках традиционного взгляда на «княжию» как правителей по городским центрам, П. С. Стефанович допускает наличие на Руси в первой половине — середине X в. под верховной властью киевского князя нескольких княжеских семейств, что, собственно, и призвано объяснить появление женщин во главе локальных центров — вследствие наследования внутри отдельных династий. Насколько мы видим, главных аргументов при этом два. Во-первых, кажется неправдоподобным, чтобы княжеский род достигал численности в 25 человек. Во-вторых, и это главное, количественный состав княжеского рода — величина слишком изменчивая, чтобы обеспечить стабильность числа «княжии» на протяжении 13 лет, с 944 по 957 г.

Первому доводу, исходящему из субъективной оценки, позволительно было бы не придавать особого значения. Но все же заметим, что разницу в количестве послов между договорами Олега 911 г. (15) и Игоря 944 г. (25) (при естественном допущении, что в 911 г. число послов также отвечало числу «княжии») куда проще объяснить переменами в структуре и численности княжеского рода, чем резким ростом сети городских центров.

Величину, пусть и остававшуюся практически неизменной в течение 13 лет (к точности подсчетов числа послов и, соответственно, «архонтов» в 957 г. следует все же отнестись cum grano salis), но выросшую в полтора раза за предыдущие три с лишком десятилетия, трудно считать вполне стабильной. Это сильно релятивирует второй довод. Относительную количественную устойчивость имущественных ячеек, согласно которым распределялся государственный доход внутри княжеского рода, нет нужды объяснять непременно связью с локальными центрами. Достаточно принять к сведению ту владельческую практику, которую застаем внутри княжеского семейства в позднейшее время: княжич получал право на стол обычно в возрасте 13–15 лет. Если прибавить к этому наследование женой имущественных прав (ведь пока они еще не стали собственно политическими) умершего мужа в случае малолетства сыновей последнего, то образуется родовая структура, которой вовсе не свойственно меняться с рождением и смертью всякого ее члена мужского пола.

Нам могут возразить, что в числе «княжии» по договору 944 г. значится и княгиня Ольга (при живом муже), и малолетний Святослав. Но право Ольги и Святослава на личных послов и, вполне вероятно, на собственную долю в государственном доходе легко объяснить выделенным положением киевского князя и его семейства внутри княжеского рода.

Где же помещалась вся многочисленная «княжия» середины X в., если не по городским центрам?

Оспаривая известное свидетельство Константина Багрянородного, будто «архонты» Руси выходят по осени в полюдье не откуда-нибудь, а именно из Киева [Константин Багрянородный, 1991, с. 50–51], П. С. Стефанович руководствуется вполне резонными соображениями здравого смысла: нельзя же за одну осень объехать все обширные области полюдья «одной толпой» (если пользоваться несколько эмоцио-

нальным выражением автора) [Стефанович, 2012, с. 426–427]. Следовательно, полюдье исходило из определенного числа локальных центров, и «напрашивается мысль», что во главе сборщиков полюдья «стояли как раз те самые "архонты"», природа и статус которых подлежит выяснению.

Не скроем, нам такое рассуждение представляется логически порочным. Да, тезис о централизованном киевском полюдье, охватывавшем все податные территории Руси, который в свое время отстаивал Б. А. Рыбаков [Рыбаков, 1982, с. 316–325], надо, судя по всему, оставить. Но отсюда еще вовсе не следует, что в локальных центрах, где аккумулировалось местное полюдье, непременно сидели «князья», в смысле ли П. С. Стефановича, или в смысле А. В. Назаренко. Во всяком случае, Константин утверждает обратное, и нельзя опровергнуть его, подставляя в качестве аргумента то, что как раз и требуется доказать вопреки Константину. Тем более, что у киевоцентризма византийского автора есть и другие аспекты, никак не связанные с полюдьем.

Грамматически корректное прочтение известного пассажа об однодеревках, собирающихся к Киеву из городов «внешней Руси» («ἡ ἔξω Ῥωσία») [Константин Багрянородный, 1991, с. 44–45], заставляет относить к «внешней Руси» все названные города — Новгород, Смоленск, Любеч (?), Чернигов, Вышгород — за единственным исключением Киева. В чем причина такого противопоставления Киева в качестве некоей «внутренней Руси» (хотя это слово Константином и не выговорено) всем остальным городским центрам, включая, заметим, и ближайшие — Вышгород и Чернигов? Параллельный случай употребления оппозиции «внешний» / «внутренний» («ἔξω» / «ἔσω») у Константина применительно к Болгарии побуждает думать, что эта природа была династической: в Киеве и, возможно, ближайшей его округе целокупно сидел княжеский род [Назаренко, 2009а, с 11–425]. П. С. Стефановичу подобный акцент Константина на Киеве кажется «явно преувеличенным», но достаточно ли этого, чтобы перечеркнуть два согласных показания авторитетнейшего источника?

Логика современного исследователя, предпочитающего рассматривать «княжию» не иначе как сидящей по городским центрам, выглядит несколько анахронично не только потому, что вольно или невольно воспроизводит логику летописца начала XII в., который делал то же самое в соответствии с действительностью своей эпохи: «по тем бо градом седяху князи под Ольгом суще» [Полное собрание, 1928, стб. 31; 1908, стб. 22]. Она вынуждает к прямой модернизации, в силу которой Ольга «как "архонтисса" договора 944 г.» оказывается «главой Вышгорода» [Стефанович, 2012, с. 437]. Исследователь, очевидно, намеренно избирает политически максимально нейтральный термин «глава», но сути дела это ведь не меняет: в рамках гипотезы П. С. Стефановича Ольга оказывается политически возглавляющей Вышгород. Но как это себе представить? Не проще ли и естественней думать, что Вышгород принадлежал Ольге в смысле принадлежности ей тех даней, которые тянули к Вышгороду? Не так ли, собственно говоря, излагает дело и летопись?

Окончательно усмирив древлян, Ольга наложила на них «дань тяжку, и двѣ части дани Кыеву идет, а третьяя Вышегороду ко Олзѣ, бѣ бо Вышегород Олгинъ град» [Новгородская первая, 1950, с. 113; Полное собрание, 1928, стб. 60; 1908, стб. 48]. Княгиня, быть может, и живала в Вышгороде, имея там свой особый, наряду с киевским, двор, но то, что она не «сидела» там, как «сидел» (ἐκαθέζετο), например, в Новгороде около 950 г. Святослав [Константин Багрянородный, 1991, с. 44–45; Назаренко, 2001, с. 277], нам представляется очевидным.

В этом летописном рассказе (безусловно, в своей основе аутентичном) есть еще одна важная для нашей темы деталь. Кому предназначались две трети древлянской дани, уходившие в Киев? Только ли малолетнему Святославу с дружиной? Очень сомнительно. Если бы это было так, дружинникам князя Игоря нечего было бы жаловаться на Свенельда, который при Игоре выступал, как позднее Ольга, в качестве держателя древлянской дани: «се далъ еси единому мужевѣ много... отрочи Свѣньлжи

изодѣлися суть оружиемъ и порты, а мы нази» [Новгородская первая, 1950, с. 109–110; Полное собрание, 1928, стб. 54; 1908, стб. 42], так как только с древлян получали бы в два раза больше Свенельдовой дружины, — а были ведь еще и другие дани... Следовательно, надо думать, что в Киеве внешние дани перераспределялись среди достаточно многочисленного коллектива. Какого? Полагаем, что княжеского рода, ибо другого разумного ответа на этот простой вопрос не видно. Понятно, что такого не могло бы быть, имей члены «княжьи» свои города и, соответственно, свои дани.

Итак, мы не видим пока причин отказываться от своей трактовки «княжии» договора 944 г. как княжеского рода в его общей совокупности, и продолжаем думать, что этот род во времена Олега и Игоря пребывал «на едином хлебе» в Киеве, как догадывался еще А. Е. Пресняков [Пресняков, 1993, с. 29]. Тогда куда же ходили в полюдье все эти сидевшие в Киеве «архонты», если отказаться от идеи единого общерусского полюдья? Вот поистине принципиальный вопрос, и ответ на него способен бросить некоторый свет на одну из загадок древнерусской истории – происхождение так называемой Русской земли в узком смысле слова (далее — просто Русская земля).

Русская земля изучалась почти исключительно как территориальный феномен: главные усилия исследователей были направлены на максимально возможное уточнение ее географических пределов (см. последнюю работу в этом ряду, где приведена и предшествующая историография [Кучкин, 1995, с. 74–100]). И в XI, и в XII в., по материалам которого главным образом и очерчиваются границы Русской земли, эта последняя носила характер исторической области, которая, с одной стороны, не имела никакого реального политического наполнения, а с другой — сохраняла совершенно особый общединастический статус. Ответственность за защиту Русской земли несли не только князья киевские, черниговские и переяславские, но также суздальские, смоленские, волынские, причем обратной стороной такой ответственности было право этих князей на территориальное причастие внутри Русской земли.

Явно пережиточный характер Русской земли XI–XII вв. как в отношении границ, так и в отношении династического положения, наводит на мысль, что было время, когда эта область действительно представляла собой владение всей династии. Таким временем мы считаем именно эпоху Олега и Игоря, когда весь княжеский род сосредотачивался в Киеве (быть может, с какой-то ближайшей округой), во «внутренней Руси», а Русская земля была той территорией, на которую распространялось собственно киевское полюдье, осуществлявшееся непосредственно княжеским родом. Основу этой территории, вполне вероятно, составили земли, политически освоенные еще в IX в. до-олеговой русью (условно говоря, русью Аскольда и Дира), но это обстоятельство само по себе никак не могло стать причиной особого династического положения Русской земли при Рюриковичах.

Вряд ли собственно киевское, княжеское, полюдье представляло собой общий объезд довольно обширных земель по обоим берегам Днепра. Вероятнее думать, что Русская земля была разбита на отдельные территориальные ячейки, составлявшие зоны полюдья того или иного «архонта» Руси — члена «княжии». Со временем внутри таких зон могли возникать служившие целям полюдья погосты, некоторые из которых перерастали в города (вроде Вышгорода), но в принципе зоны полюдья отнюдь не обязаны были тянуть к какому-то городскому центру. В этом — еще одно отличие нашей схемы от схемы П С. Стефановича, который, будучи вынужден помещать существенную, если не бóльшую, часть искомых 25 городских центров на территории Русской земли, испытывает понятные затруднения с их конкретной идентификацией [Стефанович, 2012, с. 418–419, 434–436].

Понятно, что предлагаемая нами гипотеза останется неполной, пока не будет объяснено, кем осуществлялось полюдье вне Русской земли со славян-данников («пактиотов») руси, и как реализовывалась подчиненность Киеву «русских» городских (или, если угодно, протогородских) центров вне Русской земли, например, тех же «Новго-

рода» и «Смоленска» Константина Багрянородного? (кавычки призваны указать на условность континуитета между этими образованиями и позднейшими Новгородом и Смоленском в собственном смысле). Нам представляется, что политико-административное освоение Киевом и тех, и других началось позднее, во второй половине X в., что до этого времени и те, и другие имели собственное политическое возглавление, хотя и признававшее верховенство Киева, и что понимание этой структуры связано с правильным истолкованием роли и места «гостей» (πραγματευταί) среди представителей Руси на переговорах с Византией в 944 и 957 гг.

Но, как принято писать в таких случаях, это уже тема другого исследования.

Грушевський М. С. Історія України-Руси / М. С. Грушевський. — К., 1913. — Т. 1. — Вид. 3. — 628 с.

Древняя Русь: Очерки политического и социального строя / А. А. Горский, В. А. Кучкин, П. В. Лукин, П. С. Стефанович. — М., 2008. — 478 с.

Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. — М., 2012. — 712 с.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Константин Багрянородный / [под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева]. — М., 1991. — 496 с. — (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Куза А. В. Малые города Древней Руси / А. В. Куза. — М., 1989. — 169 с.

Кучкин В. А. «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. / В. А. Кучкин // Древнейшие государства Восточной Европы: 1992–1993 гг. — М., 1995. — С. 74–100.

Литаврин Г. Г. Состав посольства княгини Ольги в Константинополе и «дары» императора / Г. Г. Литаврин // Византийские очерки. Труды советских ученых к XVI Международному конгрессу византинистов. — М., 1982. – С. 71–92.

Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.) / Г. Г. Литаврин. — СПб., 2000. — 416 с.

Назаренко А. В. Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства / А. В. Назаренко // Восточная Европа в древности и средневековье. VIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто: Политическая структура Древнерусского государства. Тезисы докладов. — М., 1996. — С. 58–63.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических отношений IX–XII веков / А. В. Назаренко. — М., 2001. — 780 с.

Назаренко А. В. Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и «Внешняя Русь» Константина Багрянородного / А. В. Назаренко // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. — СПб., 2009а. — С. 411–425. — (Труды Гос. Эрмитажа, XLIX).

Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования) / А.В.Назаренко // Древнейшие государства Восточной Европы: 2007 год. — М., 2009б. — 515 с.

Назаренко А. В. Об обстоятельствах перевода договоров Руси с греками на славянский язык / А. В. Назаренко // Ruthenica. — К., 2012. — Т. 11. — С. 147–153.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. — М.; Л. — 1950. — 640 с.

Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: очерки по истории X–XII столетий: Лекции по русской истории: Киевская Русь / А. Е. Пресняков. — М., 1993. — 634 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. — Л., 1928.

Полное собрание русских летописей. — 2-е изд. — Т. 2. — СПб., 1908.

Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII веков. – М., 1982. – 592 с.

Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света: Материалы междунар. конф., 14–18 мая 2007 г. в Гос. Эрмитаже. — СПб., 2009. — 656 с. — (Труды Гос. Эрмитажа, XLIX).

Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: Военно-политическая элита Руси в X–XI веках / П. С. Стефанович. — М., 2012. — 656 с.

Томсен В. Начало русского государства / В. Томсен; пер. с нем. Н. Аммона // История русской культуры. — М., 2002. – Т. 2, кн. 1: Киевская и Московская Русь / сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. — С. 143–226.

Шахматов А. А. Повесть временных лет. — Петроград, 1916. — Т. 1. — 403 с.

Constantini Porphyrogenneti de cerimoniis aulae byzantinae libri II / E rec. I. Reiskii. — Bonnae, 1838. — T. 1. — 807 p.

О. В. Назаренко

Міські центри чи зони полюддя? Про політичну структуру Київської Русі першої половини — середини X ст.

«Княжия» руcько-візантійського договору 944 р. трактується як княжий рід у широкому сенсі слова, що в першій половині — середині X ст. у всій своїй сукупності перебував у Києві, маючи за область полюддя Руську землю (у вузькому сенсі слова). Ця гіпотеза відстоюється в полеміці з альтернативними поглядами П.С. Стефановича.

A. V. Nazarenko

Urban centers or poliudie zones? On Old Rus' political structure in first half — middle of 10th century

«Knyazhiya» of Russian-Byzantine treaty 944 is interpreted as a princely family in the broad sense of the word, which in the first half — the middle of the 10th century. in its entirety was in Kiev, with Rus' land as area of poliudie (in the narrow sense of the word). This hypothesis is defended in a controversy with P.S. Stefanovich alternative views.

А. А. Медынцева

Надписи-граффити как показатель грамотности в главных городских центрах Древней Руси

Статья посвящена обзору надписей-граффити как признака городской культуры. Сравнение тематики и социального состава опубликованных надписей Софии Киевской, Софии Новгородской и граффити Владимиро-Суздальских храмов показывает сходную картину. Несмотря на значительное территориальное расстояние, разницу в количестве надписей, распределение по времени, обнаруживается их совпадение по тематике. Так, около половины определимых надписей, в том числе и автографов, связаны с сакральным назначением самих храмов. Это предполагает молитвенное назначение и других автографов. Среди авторов надписей определению поддаются люди, связанные с клиром и высшей знатью, переписчики рукописей, квалифицированные ремесленники и воины-дружинники. Это свидетельствует о том, что грамотность была распространена, прежде всего, среди упомянутых категорий городского населения. Более демократические слои определению почти не поддаются, что, возможно, отражает меньшую степень их грамотности.

Ключевые слова: письменность, грамотность, город, археологические признаки города, храм, надписи-граффити, статистика.

В одной из последних своих работ, опубликованной уже после смерти, А. В. Куза, перечисляя археологические признаки города, называет среди них наличие письменности, о которой свидетельствуют находки памятников эпиграфики и орудия для письма [Куза, 1989, с. 52]. Там же помещены две географические карты, на которых представлены известные к тому времени эпиграфические находки и находки орудий для письма (писал): XI — начала XII вв. (рис. 9 на с. 62) и XII–XIII вв. (рис. 4 на с. 52). История сложения и развития древнерусского города являлась предметом научного интереса исследователя, начиная с 1975 г., когда молодой ученый выступил с докладом на III Международном конгрессе славянской археологии [Куза, 1975, с. 62–65]. Позднее в ряде статей и главах тома «Археологии СССР», посвященных поселениям Древней Руси, были рассмотрены классификация укрепленных поселений, археологические признаки города, представлен взгляд на город как на многофункциональное социально-экономическое явление в древнерусской истории [Древняя Русь, 1985, с. 39–66].

Эта проблематика и до выхода в свет работ А. В. Кузы была приоритетной — ей посвящено немало работ ведущих историков, археологов, этнологов XX в. Однако с тех пор поиски археологических признаков города, как и вообще проблема происхождения города, определение его роли в истории общества, надолго становится одной из насущных проблем как археологии, так и истории и культурологии. За прошедшие десятилетия по этой проблеме было высказано немало взаимоисключающих гипотез, сменились взгляды на роль формаций и классов в истории общества, а также на роль городов в историческом процессе.

В настоящее время существует много предположений по поводу происхождения городов и их роли в развитии общества (города как племенные центры, города-вики, города-замки, города — административные, торговые или ремесленные

центры, города — военные крепости и т. д.). Постепенно становится ясным, что как проблемы происхождения городов, так и их функции, не могут быть сведены к единой схеме, поскольку любой город, помимо набора общих признаков, отличается спецификой, вытекающей из его конкретной истории, географического положения, населения. Экономическому подходу к происхождению города иногда противопоставляется «культурный», согласно которому город возникает как исключительно духовное образование, некая концентрация духовной энергии, города — «суверенные общины из лично свободных людей», собиравшихся, чтобы «избежать гибельного распада» под защитой оборонительных стен [Даркевич, 1997, с. 173–174].

При всем разнообразии мнений, общим взглядом на процесс градообразования является положение, что при всей своей полифункциональности город является культурным центром, с которым связано развитие письменной культуры — летописания, литературного творчества, которые невозможны без письменности. Поэтому при самых различных взглядах на функции города, на мой взгляд, важнейшим археологическим признаком города является наличие памятников эпиграфики. Он объединяет несколько «городских» признаков — город как административный и религиозный центр, ремесленный и торговый центр, центр письменной культуры. Все эти общепризнанные функции города требуют достаточно широкого распространения письменности, археологическими признаками которой являются наличие монументальных памятников эпиграфики, надписей на различных предметах, надписей-граффити. Поэтому грамотность населения — наиболее важное отличие городского центра: находки надписей на предметах, писал, книжных застежек — важное отличие городского центра, которое только подчеркивают редкие эпиграфические находки на отдельных поселениях.

Очевидно, самым надежным показателем грамотности является наличие берестяных грамот. Они уже известны во многих городах Древней Руси, но находки их требуют определенных условий. В первую очередь, необходимым условием является сохранность органических остатков в культурном слое, степень его изученности, мобильность населения и, наконец, уровень его грамотности.

Другим массовым материалом по изучению грамотности являются надписи-граффити на стенах древних зданий. Практика создания надписей-граффити на стенах храмов характерна для византийско-славянской средневековой культуры. Многие памятники древнерусской архитектуры исчерчены многочисленными надписями. Надписи-граффити по массовости и, особенно, по распространенности в разных регионах Древней Руси иногда превосходят материалы таких важных источников как берестяные грамоты. Являясь источниками по письменной культуре в такой важной сфере как «бытовая» культура, граффити содержат материал и по политической истории, художественной культуре, истории языка и письменности, ментальности средневекового общества. Они позволяют заглянуть в такие области повседневной жизни, куда очень редко проникают взоры летописцев и авторов религиозной, житийной литературы, юридических кодексов и даже частных писем. К настоящему времени накоплен значительный эпиграфический материал по отдельным памятникам древнерусского зодчества из разных древнерусских городов, чему способствуют реставрационные и архитектурно-археологические работы, исследования древнерусской монументальной живописи.

Эпиграфический материал, рассмотренный в совокупности, по всем категориям памятников, дает картину распространения грамотности по всей территории Древней Руси. Надписи-граффити для решения этой проблемы имеют особенно важное значение, т. к. они известны практически в каждом храме, сохранившем древнюю штукатурку или росписи. Большое количество надписей-граффити на стенах храмов, выполненных разными авторами на протяжении столетий, само по себе является свидетельством распространения грамотности не только среди клириков, но и

среди других социальных слоев. Последние иногда поддаются определению либо по прямому указанию в надписи профессии писавшего (епископ, дьяк, отрок, дружинник, швец), а чаще — по косвенным указаниям (способу и месту написания, наличию сопроводительных рисунков и т. д.). Надпись на стенах храмов занимает промежуточное место между «бытовой» культурой и духовной, религиозной, очень редко выходя на чисто «бытовой» уровень. Это обстоятельство, несомненно, сказывается и на тематике, и на графике надписей-граффити. В этом и состоит основное отличие надписей-граффити от берестяных грамот, большинство которых — частные письма, написанные по разным поводам (от событий личной жизни до фактов государственного значения), прямо отражающие проблемы повседневной жизни средневековых горожан.

Далеко не всякий древнерусский город обладает этими обеими категориями нарративных источников для изучения повседневной жизни. Пожалуй, счастливым исключением является Новгород, где обширная коллекция берестяных грамот, насчитывающая более 1000 писем, дополняется не менее обширным комплексом надписей-граффити (полное издание граффити новгородских храмов только начинается, и количественно обещает быть не менее значимым) [Михеев, 2010; Гиппиус, Михеев, 2011].

Берестяные грамоты из других городов Древней Руси единичны (за исключением Старой Руссы), и их находки не обязательно дополняются материалом надписей-граффити. В какой-то мере этот пробел восполняется наличием других памятников эпиграфики, «привязанных» иногда к месту находки. Но надписи на предметах — сравнительно редкая находка, поэтому материал надписей-граффити остается (даже при наличии берестяных писем) одним из важных показателей грамотности средневекового общества, отдельных социальных слоев и конкретного человека в его повседневной жизни, в письменном исполнении и оформлении практических религиозных потребностей и обрядов.

Уже сейчас в научный оборот включены надписи-граффити многих регионов Древней Руси. Наиболее охваченными в этом отношении являются Киев, Чернигов, Новгород, затем следует Ладога, западные области Древней Руси (Полоцк, Гродно, Новогрудок). В 2008–2010 гг. было предпринято планомерное изучение рисунков и надписей-граффити как в фондах музея, так и сохранившихся in situ, на стенах белокаменных сооружений Владимиро-Суздальской земли (Владимир, Боголюбово, храм Покрова на Нерли, Рождественский собор в Суздале, храм Бориса и Глеба в с. Кидекша, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском). В результате было исследовано около 80 надписей (вновь открытых и известных ранее). Сравнительно небольшое количество открытых надписей объясняется условиями их сохранности, т. к. в большинстве белокаменных храмов не уцелела древняя штукатурка и фресковая живопись, особенно в нижних частях стен, где обычно (на уровне доступности для человека) и находятся древние граффити.

Результаты обследования уже в значительной степени изданы [Медынцева, 2008, 2009, 2011, 2012]. Большинство вновь открытых надписей и рисунков-граффити найдены на внешних стенах построек и на сохранившихся местами фрагментах древних фресок. Мы располагаем 36 надписями XII–XIII вв., 27 надписями XIV–XV–XVI вв., двумя надписями XVIII–XIX вв., а также несколькими надписями неопределенной датировки. Однако хронологическая выборка не имеет большого значения для демонстрации динамики распространения грамотности по векам, т. к. показывает лишь степень сохранности древней штукатурки в памятниках архитектуры. Можно лишь констатировать, что обычай писать на стенах храмов проходит через все время их существования. На внешних стенах сохраняются, как правило, только глубоко врезанные надписи и рисунки.

Очень показательным для исследования уровня грамотности городского населения может быть сравнение результатов по разным регионам Древней Руси.

Для наиболее достоверных выводов должны быть сравнены суммарные результаты по всем сохранившимся архитектурным сооружениям, но это пока недостижимо, т. к. процесс изучения надписей-граффити по отдельным памятникам и регионам только начинается. Первые данные может дать сравнение граффити двух главнейших и древнейших памятников архитектуры Древней Руси из соборов Софии Киевской и Софии Новгородской, что дает уже представительную выборку [Медынцева, 1978, с. 193]. Теперь к ним может быть добавлено исследование Владимиро-Суздальского региона. Суммарно по количеству надписей из разных храмов он может быть сопоставлен с материалом двух упомянутых выше соборов.

Таким образом, мы получаем материал для сопоставления надписей-граффити из трех различных регионов Древней Руси — Киева, Новгорода и Владимиро-Суздальского региона.

С. А. Высоцкий опубликовал свыше 300 надписей, причем абсолютное большинство датируется XI–XIV вв. Как говорилось выше, в настоящее время продолжается их изучение, и в корпусе В. В. Корниенко насчитывается уже около двух тысяч надписей [Корниенко, 2010]. Но, к сожалению, у специалистов много возражений по поводу методики и правильности их прочтения, датировок и воспроизведения (например, [Бобровский, 2010]), поэтому более достоверную картину дают публикации С. А. Высоцкого, представляющие хотя и количественно меньшую, но более достоверную выборку. Данные по Софии Киевской дополняют наблюдения над тематикой надписей Софии Новгородской. Из этого храма было опубликовано первоначально 253 надписи XI–XIV вв., причем большинство из них относится ко второй половине XI–XII вв. (193), менее многочисленны надписи второй половины XII — первой половины XIII вв. (около двух десятков), менее двух десятков — надписи с более широкой палеографической датой, единичны надписи второй половины XIII–XIV вв. (11 надписей).

Преобладание надписей древнейших групп объясняется строительной историей Софии, т. к. интерьер храма полностью был расписан лишь в 1108/9 гг., поэтому его внутренние стены, оштукатуренные «цемянкой», были доступны для писания в течение более полувека. Таким образом, надписи по первоначальной строительной штукатурке в центральных помещениях храма получили сравнительно точную архитектурно-строительную дату — от времени летописного упоминания начала строительства (1050 г.) до времени начала росписи в 1108/9 гг. [Медынцева, 1978]. В настоящее время исследования этого памятника продолжаются, хотя они до сих пор еще далеки от завершения. Предполагается, что количество надписей и их фрагментов будет близко к тысяче только по одному Софийскому собору, без учета граффити из других новгородских храмов. Пока еще не время подводить итоги этим исследованиям, поскольку они находятся на стадии первоначальной обработки, но продолжение ранее выявленных тенденций по тематике ясно уже по предварительным результатам.

Количественный анализ надписей из Новгородской Софии, разделенных в зависимости от содержания на тематические группы, дает следующую картину. Из 227 надписей (за исключением 26 неясного характера и нескольких надписей, написанных одним автором) 55 —молитвенные, 27 — отрывки богослужебных текстов, 3 — поминальные, 104 — надписи-автографы. Из последних около половины — с рисунками крестов и пояснительным текстом, заставляющими и в них видеть молитвенный смысл. Несколько хозяйственных надписей (8), также связанных с хозяйством и клиром Софии, к ним примыкают две надписи — обращения к владыке. Лишь 5 надписей можно отнести к летописным, среди авторов которых естественно видеть «книжных» людей. Из общего количества надписей только 10 были надписями бытового содержания, среди них — упражнения в письме и счете, загадки, считалки, иногда тоже носившие сакральный характер [Медынцева, 1978, с. 194–196; Рождественская,

1993, с. 171–173]. Таким образом, мы насчитываем не более десяти надписей, тематически не связанных с самим храмом (не считая автографов без сопроводительных текстов и рисунков, среди которых теоретически могут быть случайные автографы, не имевшие сакрального смысла).

В Софии Киевской классификация надписей по содержанию была проведена С. А. Высоцким несколько иначе. Надписи были разделены на памятные, благопожелательные, поминальные, бытовые и надписи, относящиеся к фрескам. Пересчет их по тематическим группам, аналогично надписям Софии Новгородской, неожиданно обнаруживает поразительное тематическое единство надписей этих двух главных храмов древней Руси. Из 208 надписей XI–XIV вв. (исключены рисунки и надписи неясного содержания) 130 — молитвенные, 10 — поминальные, 10 — отрывки религиозно-литературных текстов, 11 — летописные, одна надпись хозяйственная, 25 — автографы (из них 12 с пояснительным текстом) и 10 — бытовые, как и в Софии Новгородской. Различие проявляется в сравнительно меньшем количестве автографов и большем — молитвенных надписей, поминальных. Но в обоих соборах абсолютно преобладают надписи, связанные с самим храмом, с церковной обрядностью, молитвенные.

К молитвенным записям следует отнести как традиционные формулы («Господи помози») с указанием имени, так и автографы («писал имярек»). Несмотря на официальные запрещения писать на стенах церкви, такие надписи оставлялись не только прихожанами, но и самими церковниками самого различного сана, от епископа до дьячка или пономаря. Очевидно, в представлении жителей средневековой Руси такая запись приравнивалась к молитве, записанной на церковной стене, и от этого как бы постоянно действующей. О таком понимании надписей-автографов говорит как само их значительное количество, рисунки крестов рядом с автографами, так и содержание некоторых из них. Так, например, в надписи-автографе XII–XIII вв. из Софии Новгородской говорится: «Тудор молится святой Софии грешною рукою» [Медынцева, 1978, с. 160]. Другая, более пространная запись из Киевского Софийского собора, поясняет: «Это я, грешный Никола писал, моляся господу богу своему. Да избавит меня от бесчисленных грехов моих» [Высоцкий, 1966, с. 100]. Поэтому, скорее всего, и простые автографы без пояснительного текста и рисунков крестов, как следует из материалов новгородского и киевского соборов св. Софии, тоже следует считать молитвами, оставленными во время посещения храмов.

Сопоставление обнаруженных к настоящему времени средневековых граффити храмов Владимиро-Суздальской Руси с этими двумя эталонными памятниками обнаруживает сходную картину. Нет данных по граффити Владимиро-Суздальской Руси ранее второй половины XII в., т. к. сами сохранившиеся храмы были построены около середины XII в. Поэтому мы должны констатировать, что для суждения о грамотности жителей этого региона более раннего времени материал граффити не показателен. Впрочем, почти полное отсутствие других эпиграфических памятников ранее этого рубежа уже заставляет задуматься о синхронности появления белокаменной архитектуры и большого количества грамотных людей. Невозможно иногда отделить надписи конца XIV–XV вв. от XV в., поэтому они даны суммарно и включены в подсчеты. Очевидно, не имеет значения количественная динамика надписей по хронологическим группам, т. к. они лишь маркируют, как и в надписях обеих Софий, степень сохранности древней штукатурки. Хотя количественно надписи и уступают киевским и новгородским, тематические группы, свойственные двум эталонным памятникам, представлены и в граффити Владимиро-Суздальских, хотя и в значительно меньшем количестве.

Таким образом, несмотря на сравнительно немногочисленное количество Владимиро-Суздальских надписей-граффити, в них присутствуют те же тематические категории надписей, что и в двух крупнейших и древнейших соборах Древней Руси.

В плане обозначенной в названии проблемы особенно интересны наблюдения над социальным составом авторов надписей-граффити. В этом также небесполезным, опять же, является сравнение с более представительными количественно надписями софийских соборов.

Большое количество надписей-граффити, выполненных разными авторами, является прямым свидетельством широкого распространения грамотности на Руси уже в XI–XII вв. (имеются в виду Киев и Новгород). Однако мнение, что они оставлены представителями всех слоев древнерусского общества [Сотникова, 1970, с. 94], нуждается в некоторых поправках. Об этом свидетельствует социальный состав авторов граффити таких памятников как новгородский и киевский соборы, по которым возможны более или менее точные подсчеты.

В новгородской Софии, по крайней мере, половина надписей оставлена представителями клира, знати, церковно-княжеской администрации, ремесленниками, работавшими на церковь [Медынцева, 1978, с. 193].

Количественное соотношение надписей из Киевского собора по тем же социальным группам дает следующую картину. Из 208 надписей, социальный облик авторов удается определить точно или приблизительно для 74. Из них 47 — причт, переписчики, церковно-княжеская администрация, 6 — оставлены дружинниками, иногда очень знатными, такими как варяг Якун, еще 2 — знатными боярами. В 5 надписях указаны отчества, что заставляет видеть в их авторах знатных людей, в 14 надписях использованы эпитеты (грешный, многогрешный, убогий), что позволяет предположить, что их авторы — люди из церковного причта либо монахи. Таким образом, значительная часть надписей и в киевской Софии принадлежит причту, княжеской администрации, знатным людям. Особенностью этого храма является немалое количество надписей с упоминанием князей и княгинь, знатных бояр и дружинников, а также высших церковных чинов, что вполне объяснимо социальным статусом города и его главного храма.

Привлекает внимание наличие двух надписей художников, расписывавших храм, как и в новгородской Софии, только в Новгороде обнаружено таких надписей значительно больше (около 20, в том числе оставленных одним автором). Приблизительно одинаковое количество авторов-дружинников: 5 — в Новгороде и 6 — в Киеве. К ним можно добавить еще две надписи, оставленные «моряком», т. е. «гостем» (по определению Высоцкого, № 10), и пришлым «гостем» (№ 148). Почти так же мало надписей с женскими именами (1 — в Новгороде, 7 — в Киеве), причем из текста некоторых киевских надписей с женскими именами ясно, что они написаны мужчинами. Мизерное количество «женских» надписей находит объяснение не только в меньшем распространении грамотности среди женщин, но и в специфике самих надписей на церковных стенах, т. к. другие источники дают несколько иную картину [Медынцева, 1985].

Таким образом, социальный состав авторов надписей из главных храмов двух центров Руси, насколько можно судить по их текстам, более или менее совпадает. Но динамика количества надписей по векам дает противоречивую картину.

В новгородской Софии наиболее многочисленна группа надписей второй половины XI — начала XII вв. — 192 надписи; ко второй половине XII — первой половине XII в. относится 26; 19 надписей датируются довольно широким хронологическим диапазоном — XI–XIII вв.; второй половиной XII–XIV вв. — только 16 надписей. Конечно, это количественное соотношение не отражает распространения грамотности в Новгороде с течением времени, а только лишь степень сохранности граффити в новгородской Софии, связанную с особенностями ее архитектурной истории [Медынцева, 1978, с. 13, 16].

Более показательны в этом отношении граффити киевского Софийского собора, где условия для сохранения надписей были более или менее стабильными. Граффити Софии Киевской XI–XIV вв. разделены на следующие хронологические периоды:

XI, XII и XIII–XIV вв. По этим группам количественное соотношение их следующее: XI в. — 28 надписей; XII в. — 102; XIII–XIV вв. — 79 надписей. Налицо количественный рост надписей в XII в. Уменьшение их в XIII–XIV вв., вероятно, объясняется экономическим и культурным упадком Киева в результате татаро-монгольского нашествия.

Конечно, количественный состав Владимиро-Суздальских надписей не позволяет делать такие определенные выводы. Как уже говорилось выше, динамика их распределения по векам отражает лишь степень сохранности древней штукатурки, как правило, отсутствующей в белокаменных храмах. Но можно сделать попытку проследить в тех случаях, где это возможно, социальные группы среди авторов надписей.

Из 76 известных надписей-граффити исключаются сначала 3 надписи, т. к. один писец трижды написал по две надписи (2 надписи Федора, 2 надписи о попе и дьяконе из Успенского собора и 2 надписи Офоноса из Георгиевского собора). То есть автор, оставивший не одну надпись, считается за одного. Исключаются из подсчета две надписи нового времени (XVIII–XIX вв). Таким образом, остается для подсчета 71 надпись (включая и фрагменты). Из них пригодны для определения далеко не все. Нужно исключить из наблюдений над социальным составом нечитаемые фрагменты (11) надписей из фондов Суздальского музея и некоторые надписи, не поддающиеся определению.

Среди оставшихся надписей, абсолютное большинство которых связано с храмом и его сакральным значением, можно отметить только несколько социальных страт: авторы из клира или каким-либо образом с ним связанные (они выделяются в основном по местоположению в храме (алтарь), обозначению религиозных сюжетов или по содержанию); ремесленники-резчики по камню (их известно не менее 9, причем в разных храмах и разного времени), 2 надписи предположительно оставлены либо князьями, либо знатными воинами. То есть среди владимиро-суздальских надписей, несмотря на их сравнительную немногочисленность, поддаются определению те же категории грамотного населения, что и в двух крупнейших центрах Древней Руси: церковный причт, воины-дружинники и высший слой ремесленников (в данном случае — резчики по камню). Также почти полностью отсутствуют надписи с женскими именами (известна только одна надпись с женским именем «Фекла» из Рождественского собора в Суздале, но неизвестно, что она обозначает — имя святой или автора-женщину).

В Новгороде среди грамотных людей практически удается определить представителей тех же социальных слоев, что и в Киеве. Это клир, «книжные» люди — профессиональные писцы, воины и ремесленники. Особенностью Владимиро-Суздальской Руси, по сравнению с Киевом и Новгородом, является значительное количество мастеров-камнерезов. Возможно, это, связано со спецификой сохранности надписей и, конечно, большим количеством таких мастеров, что является отличительной чертой храмового строительства этого региона. Отсутствие надписей более раннего времени, вероятно, объясняется сохранностью памятников архитектуры. Показательным в этом отношении может быть распространение других памятников эпиграфики и писал. Наиболее древние инструменты для письма известны в Суздале и датируются X — первой половиной XI вв. [Седова 1987; Седова, 1997, с. 215–216].

Сопоставление уже давно изданных надписей граффити из двух крупнейших древнерусских храмов — Софии Киевской и Софии Новгородской — с надписями Владимиро-Суздальскими уже дает определенный материал для выводов как по тематике, так и по социальному составу авторов надписей-граффити, а, следовательно, и по составу грамотных людей. Насколько можно судить по надписям-граффити указанных храмов, он приблизительно одинаков в разных регионах древней Руси: это, прежде всего, представители клира — «книжные люди», аристократия, привилегированные ремесленники, связанные со строительством и украшением храмов, и воины-дружинники.

Таким образом, можно говорить о широком распространении грамотности прежде всего среди указанных категорий населения. Конечно, это не исключает того, что среди «неопределимых» автографов могут находиться автографы выходцев из более демократических слоев городского населения и жителей сел, а также паломников из других городов и сел. На это, например, указывает наличие подписи ремесленника-«швеца» «холопа» из Новгородской Софии, паломника «касожича» из Софии Киевской. Но, вероятно, их количество, судя по «определимым» граффити, будет менее значительным.

Кроме того, нужно делать поправку на специфику надписей-граффити: преобладание «церковных» людей и тематики объясняется сакральным назначением самих надписей на церковных стенах. Возможно, за пределами храмов грамотность была распространена в повседневной жизни более широко. Можно надеяться, что полное обследование и публикация надписей-граффити из других регионов и их сравнение с «бытовыми» надписями и берестяными грамотами позволит в будущем получить более детальную и объективную картину грамотности на большей территории Древней Руси.

Бобровский Т. Бреши в корпусе (заметки о монографии В. В. Корниенко «Корпус графіті Софії Київської») / Т. Бобровский // Ruthenika. — Т. IX. — К., 2010. — С.110–130.

Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской / С. А. Высоцкий. — К, 1966. — 240 с.

Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской / С. А. Высоцкий. — К., 1976. — 456 с.

Высоцкий С. А. Киевские граффити XI–XVII вв. / С. А. Высоцкий. — К.,1985. — 208 с.

Гиппиус А. А. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. II / А. А. Гиппиус, С. М. Михеев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2011. — № 3 (41). — С. 74–84.

Гиппиус А. А. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. III / А. А. Гиппиус, С. М. Михеев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — М., 2011. — № 2 (44). — С. 37–57.

Даркевич В. В К проблеме происхождения Древнерусских городов / В. В. Даркевич // Истоки русской культуры. Материалы по археологии России. Вып. 3. — М., 1997. — С. 163–177.

Древняя Русь. Город. Замок. Село / Г. В. Борисевич, В. П. Даркевич, А. Н. Кирпичников и др. — М., 1985. — 432 с. — (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20–ти т.).

Корнієнко В. В. Корпус графіті Софії Київської / В. В. Корнієнко. — К., 2010. — 272 с. (Критическое обозрение монографии см.: Матеріали Круглого столу «Заснування Софійського собору в Києві: проблеми нових датувань». — К., 2010).

Куза А. В. Русские раннесредневековые города / А. В. Куза // Тезисы докладов советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. — М., 1975. — С. 62–65.

Куза А. В. Малые города Древней Руси / А. В. Куза. — М., 1989. — 169 с.

Михеев С. М. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Часть I / С. М. Михеев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2010. — № 2 (40). — С. 91–102.

Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора / А. А. Медынцева. — М., 1978. — 312 с.

Медынцева А. А. Грамотность женщин на Руси XI–XIII вв. По данным эпиграфики / А. А. Медынцева // «Слово о полку Игореве» и его время. — М., 1985. — С. 218–240.

Медынцева А. А. Граффити Золотых ворот во Владимире / А. А. Медынцева // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. — Вып. 2. — М., 2008. — С. 155–170.

Медынцева А. А. Граффити белокаменной архитектуры Владимиро-Суздальской Руси / А. А. Медынцева // Восточная Европа в древности и средневековье. XXII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто, 14–17 апр. 2009 г. — М., 2009. — С. 187–193.

Медынцева А. А. Надписи-граффити Успенского собора во Владимире / А. А. Медынцева // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. — Вып. 3. — М., 2008. — С. 171–180.

Медынцева А. А. Имя мастера на фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском / А. А. Медынцева // Российская археология. — 2012. — № 2. — С. 149–155.

Рождественская Т. В. Древнерусская эпиграфика: текст и норма // Т. В. Рождественская // Russian Linguistics. — 1993. — Vol. 17. — С. 157–179.

Седова М. В. Эпиграфические находки из Суздаля / М. В. Седова // КСИА. — 1987. — Вып. 190. — С. 7–13.

Седова М. В. Суздаль в X–XV веках / М. В. Седова. — М., 1997. — 320 с.

Сотникова М. П. Русская эпиграфика в советское время / М. П. Сотникова // Вспомогательные исторические дисциплины. — 1970. — № 3.— С. 82–107.

А. О. Мединцева

Написи-графіті як показник освіченості в головних міських центрах Давньої Русі

Стаття присвячена огляду написів-графіті як ознаки міської культури. Порівняння тематики та соціального складу опублікованих написів Софії Київської, Софії Новгородської та графіті Володимиро-Суздальських храмів показує схожу картину. Незважаючи на значну територіальну відстань, різницю в кількості написів, розподілі по часу, фіксується їх збіг за тематикою. Так, близько половини розглядуваних написів, у тому числі автографів, пов'язані із сакральним призначенням самих храмів. Це передбачає молитовне призначення також і інших автографів.

Серед авторів написів можна визначити людей, які пов'язані з кліром та вищою знаттю, переписувачів рукописів, кваліфікованих ремісників та воїнів-дружинників. Це свідчить про те, що освіченість була поширена, перш за все, серед згаданих верств міського населення. Більш демократичні шари визначенню практично не піддаються, що, можливо, відображає менший ступінь їх освіченості.

A. A. Medyntseva

Inscriptions-graffiti as indicator of literacy in principal town centres in Old Rus'

Article reviews the inscriptions-graffiti as a sign of urban culture. The comparison of published inscriptions in St. Sophia, Sophia Novgorod and Vladimir-Suzdal shows a similar picture. Despite the significant territorial distance, the difference in the amount of inscriptions, time allocation, the match on the subject can be found — about half of definable inscriptions, including autographs, connected with the sacred purpose of temples themselves .

Among the authors of the inscriptions there appear to be people of the clergy and nobility, copyists of manuscripts, skilled artisans and soldiers. It shows that literacy was widespread, especially among the urban population of these categories. More democratic layers are almost impossible to determine what may reflect a lesser degree of literacy.

О. Н. Левко

Формирование юго-западной и восточной границы Полоцкой земли и образование городов (середина X — середина XII вв.)

В статье на основе археологических и письменных источников рассматривается взаимосвязь процесса формирования юго-восточных рубежей Полоцкой земли и становления городов (крепостей, центров волостей, уделов). Этот процесс включает в себя два этапа, первый из которых относится к середине X — началу XI вв.; второй датируется концом XI — серединой XI вв. В общих чертах характеризуются функции укрепленных пунктов на стадии зарождения и в процессе их развития в города.

Ключевые слова: порубежье, застава, погост, племенной центр, крепость, детинец, окольный город, укрепления, функции города.

Формирование порубежья Полоцкой и Киевской земель в X–XI вв. В основе государственной территории Полоцкой земли лежала волость (княжение) полочан, ядро которой занимало междуречье Уллы и Ушачи. Обе реки впадали в Западную Двину, будучи ее левыми притоками (рис. 1). Территориальный рост Полоцкой волости осуществлялся изначально в западном и южном направлениях. На западе Полоцк привлекали районы, населенные литвой и латгалами, которые могли платить дань, а также устье Западной Двины. К югу от Полоцка по притокам Западной Двины проходили водные пути, связывающие его с Днепровским бассейном через волоки. На юго-востоке в зоне волоков и левых притоков Западной Двины локализовалось племя «лукомян» с центром в Лукомле, а в бассейне р. Друть и ее притоков в Оршанском Поднепровье в это время сложилась племенная территория с центром в Друцке. На водоразделе Днепра и Западной Двины в современных Лепельском, Чашникском, Сенненском, Оршанском районах и сегодня имеются населенные пункты с названиями «Межа», «Межеево», «Полочане», «Смоляне», «Смолянцы», которые свидетельствуют о пограничье, установившемся между полочанами и кривичами из Оршанско-Смоленского Поднепровья к рубежу IX–X вв. [Левко, 2001, с. 5].

На юго-запад от Полоцка в верховьях р. Свислочь располагались сельские поселения, на территории которых к концу X в. появляется крепость Замэчек и формируются ранние городские посады древнего ***Изяславля***. Археологически установлено, что городу предшествовало два неукрепленных поселка. Один из них был основан в качестве заставы на правом берегу р. Свислочь в первой половине X в. продвинувшимися с севера в юго-западном направлении полоцкими дружинниками-кривичами. В 50–60 гг. X в. на левом берегу р. Свислочь возникает второй славянский поселок. Он был основан дреговичами, расширившими свои владения в северном направлении. На керамике могильника, принадлежавшего дреговичскому поселку, Ю. А. Заяц обнаружил клейма, которые, по мнению исследователя, указывали на выплату дани киевскому князю Святославу Игоревичу дреговичским населением. Позднее, когда Полоцкое княжество подпало под власть Владимира Святославича, клейма на днищах сосудов появляются и в правобережном (кривичском) поселке. После похода

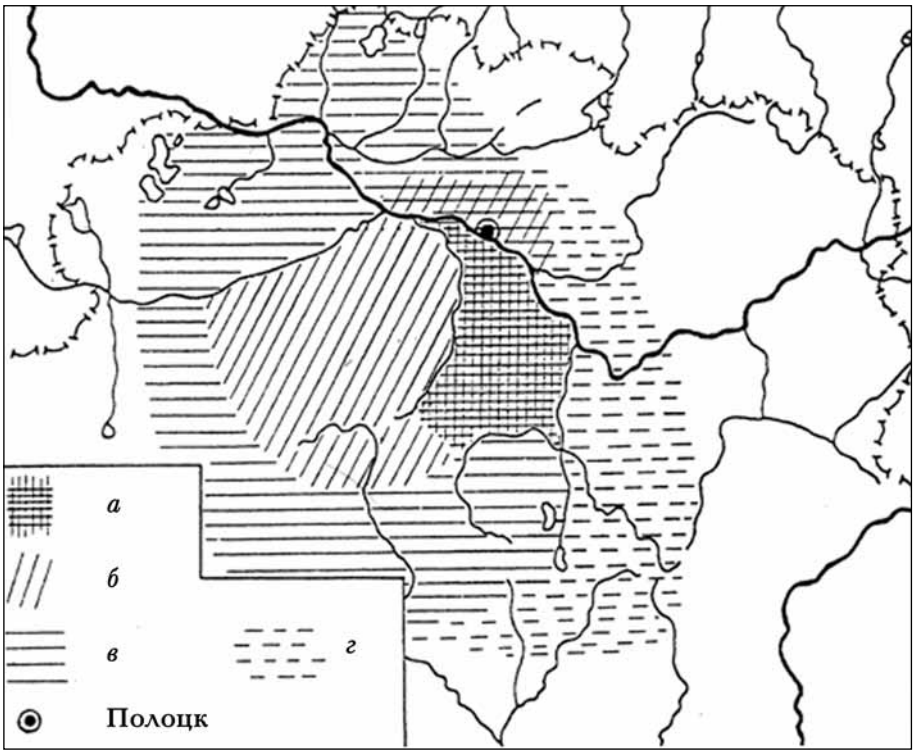


Рис. 1. Зона формирования Полоцкого княжества:
а — ядро территории полоцких кривичей VI–VIII вв.; *б* — зона княжения полочан в VIII–IX вв.; *в, г* — княжество X в. (по О. Н. Левко)

Владимира на ятвягов в 983 г. формируется северо-западный рубеж Киевской Руси, обозначенный крепостями. Видимо, и крепость Изяславль, отделившая Полоцкую землю (вотчину Рогнеды и Изяслава) от киевских владений (включая и Менскую волость, населенную дреговичами), появилась в их числе [Заяц, 1997, с. 48–49]. Таким образом, крепость Изяславль конца X в. отмечает первоначальный рубеж между Киевской Русью и Полоцким княжеством.

Град-крепость Изяславль (Замэчек), возникший на юго-западных рубежах Полоцкой земли в конце X в., положил начало Изяславской волости. Направление развития территории Изяславской волости (северо-запад) определяется по порубежной крепости ***Лошеск*** (Лоск) в верховьях р. Березины Неманской. Не позднее начала XI в. здесь возникло поселение, давшее ему начало [Заяц, 1993б, с. 14].

В конце X — начале XI вв. власть Полоцка распространилась на лежавшую к югу от него Лукомльскую волость с центром в ***Лукомле***. Это, на наш взгляд, подтверждается выявленным Г. В. Штыховым при раскопках Лукомльского городища пожаром [Штыхов, 1978, с. 44] и сооружением новых более мощных оборонительных укреплений на городище в Лукомле [Еремеев, 2007, с. 111]. Лукомльская волость, подчиненная Полоцкой земле с рубежа X–XI вв. (при Изяславе или в самом начале правления Брячислава), судя по археологическому материалу с территории Лукомльского городища, а также окрестных селищ и могильников, использовалась для содержания и обслуживания семьи полоцкого князя, его дружины. Граничившая с Полоцкой волостью, она была, видимо, домениальным владение полоцкого княжеского рода [Ляўко, 2000, с. 120]. Примечательно, что Лукомль не выполнял функции порубежной крепости, и ни один из полоцких князей в последующее удельное время не претендовал на эту волость в качестве своей вотчины.

Заселенная дреговичами Менская волость в первой четверти XI в. была самостоятельной территориально-административной единицей в составе Киевской Руси. На севере она граничила с Изяславской волостью, сформировавшейся в конце X в., после

постройки на юго-западном рубеже Полоцкого княжества с Киевской Русью крепости Изяславль, отданной Владимиром Святославичем своем сыну.

По соглашению между Ярославом Мудрым и его племянником Брячиславом полоцким в 1024 г. Менская волость вошла в состав формирующегося государственного образования Полоцкая земля [Заяц, 1993а, с. 10]. Малое городище на р. Менке выполняло функцию детинца раннесредневекового города ***Менска***. На его территории найден привезенный из Северного Причерноморья уникальный амулет из египетского фаянса цвета бирюзы в виде плоской бусины с рельефным изображением крылатого божества. К этому времени относятся раннекруговые сосуды, наконечники ножен мечей, стрел, предметы снаряжения всадника и коня, застежки плащей (фибулы). Примыкающее к детинцу плотно заселенное большое городище в XI в. выполняло функцию укрепленного окольного города. Здесь обнаружены 86 фрагментов амфор, свидетельствующих о торговле с южными землями.

На территории неукрепленного селища (раннегородского посада), окружавшего детинец и окольный город, выявлены уникальные свинцовые печати XI в. На одной из них — поясное изображение двух святых, на другой — архангела Гавриила в полный рост. Здесь же найдена костяная шахматная фигура коня наиболее раннего из известных типов с территории Киевской Руси. На селище также впервые на территории Беларуси зафиксированы мастерские по изготовлению пряслиц из овручского шиферного сланца. Стеклянные бусы, характерные для раннегородских слоев, поставлялись с южных территорий. Часть из них на поселении Менка представлена подъемным материалом (более 100 штук), другие обнаружены в культурном слое X–XI вв. Нижние слои крупных сельских поселений, выявленных по течению р. Птичи в ее верховьях в направлении современного центра г. Минска, а также на р. Лошица, датируются X–XI вв. Находки серебряной монеты, чеканенной в Германии в X в., клада, захороненного в землю около 1000 г., состоящего из серебряных арабских дирхемов и западноевропейских денариев, указывают на обслуживание местным населением волока от городища на р. Менке до р. Свислочь [Гісторыя, 2006, с. 21].

Несомненный раннегородской характер материальной культуры поселенческого комплекса на р. Менка у д. Городище, его значительные размеры (вместе с городищами около 40 га), развитая сеть окружающих его поселений вдоль волоков в период функционирования пути «из варяг в греки» указывают на неординарность этого комплекса, его ведущее положение в регионе в IX–XI вв. К концу данного периода жизнь на Менке почти прекратилась. Вероятно, этому способствовал поход Владимира Мономаха в 1084–1085 гг., ознаменовавшийся тем, что он, как отмечено в его «Поучении»: «изъехахом город и не оставихом у него ни челядина, ни скотины» [Повесть временных, 1950, с. 160].

На юге Менская волость, вошедшая в состав Полоцкой земли, граничила с волостью Дреговичи, подчиненной Киеву. Крепости этой волости (***Клеческъ, Копыль, Случескъ***) на данном участке пограничья известны по источникам, описывающим события XII в. Но, судя по археологическому материалу этих объектов [Лысенко, 1974; Калядзінскі, 2009, с. 423], они могли быть возведены вскоре после вхождения Менской волости в состав Полоцкой земли и, таким образом, обозначили новый южный рубеж между Полоцкими и Киевскими владениями, относящийся к XI в. Летопись сообщает, что в 1116 г. Глеб менский «воевал Дреговичи и Случеск». А в 1149 г. Святослав Ольгович черниговский «взя и Случьск и Клечьск и вси Дреговичи». Очевидно, что Слуцк, Клецк, а, следовательно, и находящийся между ними Копыль, в XII в. относились к волости Дреговичи, располагавшейся между Менским княжеством и Туровской землей [Левко, 2012, с. 333, рис. 1].

Преемником Менска на р. Менка стал одноименный ему город на р. Свислочь, основанный в конце XI в. и перенявший функции центра княжества. Почему произошел перенос Менска с р. Менки на р. Свислочь на расстояние 16,7 км? На территории Беларуси прослежены переносы территориально-административных центров

определенной округи в эпоху средневековья. Причины этих переносов различны. Однако в качестве основной всегда выступало изменение политико-экономической ситуации. Сложный процесс трансформации Менска из племенного центра в раннегородской центр волости-удела и перемены его местоположения схож с историческими вехами преемственности между племенным и раннегородским центрами Гнездово и Смоленском, Рюриковым городищем и Новгородом. Но имеются и различия в размещении княжеской резиденции внутри отдельных разностадиальных территориально-политических структур. Так, если подчеркивалась родовая связь князя с населением управляемой им территории, то его резиденция располагалась в пределах племенного центра и в раннегосударственный период (например, полоцкое городище). Если князь получал в управление территорию, с населением которой не был связан родовыми узами, то его резиденция располагалась в другом месте (Рюриково городище, Смоленск, Менск на Свислочи) и как бы противопоставлялась подвластной ему территории волости (княжества).

Укрепленный центр нового Менска на Свислочи имел площадь 3 га и, как показали археологические исследования, был обнесен мощным валом с въездными воротами. Ю. А. Заяцем аргументированно опровергнуто предположение Э. М. Загорульского о том, что выявленные на замчище прослойки пожаров следует связывать с военным нападением на Менск в 1067 и 1084 гг. [Заяц, 2005, с. 26–31]. Размах в возведении оборонительных укреплений, с одной стороны, свидетельствует о привлечении значительных денежных и человеческих ресурсов. С другой стороны, просматривается намерение полоцких князей упрочить свои позиции в вопросе политического противостояния Киевской Руси. Последующие события 1104 и 1116 гг. подтвердили значимость фортификационных сооружений в обороне Менска на Свислочи.

Территория минского замчища исследуется с перерывами с 1945 г., однако имеется ряд важных вопросов, на которые до сих пор не получены ответы. К ним относятся время закладки фундаментов каменного храма, определение местоположения княжеского двора. В стадии дискуссии сохраняются конструкция и время возведения оборонительных сооружений замчища, а также проблема соотношения Минского замчища с археологическим комплексом на р. Менке. Лишь в последние годы удалось найти располагавшийся за пределами замчища в районе современных улиц Кирилла и Мефодия городской неукрепленный посад XII в. [Заяц, 1996; Минское замчище, 2011].

В своем «Поучении» Владимир Мономах упоминает о том, как сжег ***Друцк*** и ***Лукомль*** (1078 г.), совершая поход на Полоцкие владения, что указывает на принадлежность в XI в. данных волостей к Полоцкой земле. Наряду с Лукомлем и Друцком в «Поучении» упомянут ***Логожск*** — центр еще одной волости, примыкающей к Изяславской волости. Логожск, Друцк, как и Клеческ, Случеск, в XI в. фиксировали пограничье Полоцокой земли с Киевской Русью. Крепость Логожска занимала Замковую гору на берегу р. Гайны. Несколько лет назад Г. В. Штыховым были проведены исследования на р. Логозе в 9 км от Логожской крепости, которую «воевал» Владимир Мономах в 1078 г. Установлено, что здесь располагался значительный по размерам племенной центр округи, впоследствии составившей Логожскую волость у южных рубежей Полоцкой земли. Как показывают археологические материалы, состав населения данной округи в IX–X вв. аналогичен населению Друцка и Лукомля (смесь культуры длинных курганов с роменско-боршевской и Лука-Райковецкой культурами). В XI в. поселение на р. Логозе приходит в упадок, видимо, после возведения крепости на р. Гайне [Штыхаў, 2011, с. 181]. Лишь в последние десятилетия XII в. Логожская волость становится уделом, о чем свидетельствует упоминание под 1180 г. в Ипатьевской летописи князя Всеслава Микулича из Логожска, а под 1186 г. в Лаврентьевской летописи назван князь «из Логожьска Василко Володаревич» [Полное собрание, 1962, стб. 403]. Возможно, позднее выделение Логожского удела повлияло на его размеры, которые соответствовали исторически сложившейся территории волости, на основе которой он был создан.

События первых десятилетий XI в. показывают развитие отношений партнерства между Киевом и Полоцком. В Киеве построен двор следующего после Изяслава полоцкого правителя — его сына Брячислава. А самому Брячиславу его дядя Ярослав Мудрый предлагает: «Буди же с мною един» [Полное собрание, 1965, с. 77]. Этот договор скреплен передачей в 1021 г. Полоцкому княжеству двух волостей на отрезке пути «из варяг в греки» в Витебском Подвинье: Витебской с центром в ***Витебске*** и Усвятской с центром в ***Усвяче***. Восточный рубеж Витебской волости со Смоленским княжеством проходил по нижнему течению р. Усвячи, затем р. Каспле, р. Рутавечь до оз. Рутавечь, где располагался волок на р. Березину. На пограничье в XI в. возникают укрепленные поселения возле деревень Кошевичи, Ковали, Микулино. Южная граница Витебской волости, отделяющая ее от Оршанского Поднепровья, обозначена р. Рубежницей, подходящей к оз. Рутавечь. Таким образом, юго-восточная граница Полоцкой земли в первой половине XI в. не доходила до р. Днепр [Ляўко, 1997, с. 175].

В Оршанском Поднепровье в междуречье Оршицы и Адрова располагался погост ***Черкасово***, являвшийся центром сбора дани в пользу киевских князей. Каменный крест с изображением древнего герба Полоцка, выявленный в д. Межево, расположенной на р. Скунья Оршанского района, а также топоним «полочане» в заболоченной зоне верховьев р. Лучесы подтверждают местоположение юго-восточной границы Полоцкой земли в XI в. С установлением в Смоленске во второй половине XI в. власти киевских наместников левобережье Верхнего Поднепровья переходит под контроль Смоленска, и здесь формируются волости, составившие западную периферию территории этого княжества в составе Киевской Руси.

Для Полоцкой земли было важным приобретение выхода в Днепр не через р. Друть, где стояла крепость Друцк, удаленная от низовьев Друти на значительное расстояние и не контролирующая их, а непосредственно вблизи юго-восточной границы с Киевскими и Смоленскими владениями. Поэтому после кровавой битвы на р. Немиге в 1067 г. и разграбления Ярославичами Менска, Всеслав предпринял попытку летом 1067 г. завладеть выходом из р. Днепр к верховьям Лучесы, впадающей в Западную Двину. Здесь, на р. Рши Ярославичи обманом взяли его в плен и посадили в Киеве в «поруб» (тюрьму). Неожиданным стал финал этих событий, когда спустя 14 месяцев Ярославичи потерпели поражение от половцев на р. Альте, и в Киеве вспыхнуло восстание. Недовольные своими князьями, препятствовавшими новому походу на половцев, киевляне освободили Всеслава из тюрьмы и возвели на киевский престол. Результатом этих неоднозначных событий были дальнейшая нестабильность княжеской власти в Киеве (бегство Всеслава в Полоцк, изгнание Изяслава Ярославича дважды из Киева, захват верховной власти Святославом и Всеволодом Ярославичами), переговоры между Изяславом и Всеславом о женитьбе Глеба полоцкого на Анастасии, внучке Изяслава. Среди трех киевских князей, наследников Ярослава Мудрого, лишь один Всеволод сохранял последовательную линию непримиримости к полоцкому князю. От него эта враждебность перешла к его сыну Владимиру Мономаху. Последние десятилетия XI в. показывают обострение борьбы между Всеволодом и Владимиром Мономахом, с одной стороны, и Всеславом полоцким, с другой. После вокняжения Всеволода в Киеве в 1078 г. Всеслав нападает на Смоленск, а Владимир Мономах делает рейд по центрам ряда волостей Полоцкой земли: Лукомлю, Логойску и Друцку, а в 1084 г. опустошает Менск. Ю. А. Заяц видит в этом противостоянии мотив соперничества в борьбе за киевский великокняжеский стол, полагая, что по княжьему праву Всеслав полоцкий должен был занять его раньше Всеволода [Заяц, 1994, с. 108–109]. Мы же считаем, что в основе усугубления конфликта между Всеволодом и Всеславом лежали, прежде всего, узкосемейные интересы, стремление обеспечить своих наследников дополнительными владениями. Именно этот аспект выступает наиболее ярко в первые десятилетия XII в., когда на сцену противостояния выходят Глеб менский и Владимир Мономах.

Юго-восточное пограничье Полоцкой земли и Киевской державы в XII в. Выделение Всеславом полоцким в конце XI в. в управление сыну Глебу на родовом праве Менского удела из числа волостей, подчинявшихся непосредственно Полоцку, стало началом необратимого процесса в историческом развитии Полоцкой земли, приведшего впоследствии к ее распаду на ряд самостоятельных уделов — княжеств. С рубежа XI–XII вв. в Восточной Европе появились уделы–вотчины на феодальном праве (начало им положило решение, принятое князьями Киевской Руси в Любече в 1097 г. о наследовании вотчин). В Полоцкой земле после смерти Всеслава полоцкого (1101 г.) также произошел раскол среди его наследников, которым хотелось получить долю отчины и определенную политическую самостоятельность.

На основе ряда волостей создаются вотчинные владения особых ветвей полоцкого княжеского дома, главными из которых были наследники Борисовичей (или Рогволодовичей) друцких, Глебовичей менских, Васильковичей витебских. Причем инициировали создание таких вотчин князья, занимавшие в какой-то период главный полоцкий стол.

Борис Всеславич, наследовавший полоцкий стол после смерти Всеслава, победив ятвягов в 1102 г., «поставил град ***Борисов*** в свое имя и людьми населил» [Татищев, 1963, с. 123]. Город был заложен на левом берегу р. Березины, а его волость располагалась вдоль обоих берегов реки в верхнем ее течении между Логожской (на западе), Лукомльской и Друцкой (на северо-востоке) волостями. Южнее ее находились земли Менского княжества — удела Глеба, севернее — территория Полоцкой волости. Границы Борисовской волости на северо-западе и востоке, видимо, отмечают так называемые «Борисовы камни» [Таранович, 1946, с. 249–260]. Один из них зафиксирован возле д. Каменка (современный Вилейский р-н Минской области) в верховьях р. Вилии на границе с Полоцкой волостью. Второй находился на пограничье с Лукомльской и Друцкой волостями возле д. Высокий Городец (современный Толочинский р-н Витебской области). Археологически установлено, что культурный слой в современной д. Старый Борисов (центр волости) датируется XII–XIII вв. и соответствует статусу данного поселения в тот период [Штыхов, 1978, с. 100–102].

Возможно, что местоположение вновь образованной волости (между Полоцкой, Логожской, Друцкой и Лукомльской волостями) и ее размеры обеспокоили Глеба менского в свете новых правил формирования феодальных уделов. В Логожской и Друцкой волостях, сопредельных с Борисовской вотчиной, удельных князей не было, и они также, как Полоцкая и Лукомльская волости, находились под властью Бориса, бывшего в это время полоцким князем. Глеб мог опасаться укрепления Бориса в роли собственника и его притязаний на большую часть территории Полоцкой земли. Поэтому ответным шагом менского князя, видимо, стал захват Друцкой волости, он также попытался закрепиться в Оршанском Поднепровье, построив для этого крепость ***Оршу*** на правом берегу р. Днепр, напротив крепости ***Копысь***, расположенной на левом берегу этой реки и отмечающей западный рубеж Смоленского княжества [Ляўко, 1997, с. 172–180]. Археологический материал, полученный нами при раскопках данных памятников, подтверждает возведение оборонительных сооружений на городищах в Копыси и Орше в конце XI — начале XII вв. Кроме того, время сооружения крепости Орша можно отождествлять со временем образования Оршанской волости, подвластной Глебу, т. к. ранее данная территория составляла округу погоста в Черкасово, бывшим центром сбора дани в пользу Киевской Руси [Левко, 2004, с. 46, 56].

В этой связи приобретает смысл сообщение летописи о новом походе южнорусских князей на Менское княжество в 1104 г. Смоленское княжество к этому времени стало вотчиной Владимира Мономаха и его наследников, поэтому захват Глебом менским Оршанского Поднепровья мешал дальнейшему расширению Смоленских владений на запад. Таким образом, в первой четверти XII в. уже личные интересы мономаховичей сталкиваются с интересами удельного князя Полоцкой земли Глеба менского. В то же время южнорусские князья видели, что Полоцкая земля поделена между двумя

наследниками Всеслава полоцкого — Борисом и Глебом, — и вознамерились вбить между ними клин в лице их родного брата Давыда Всеславича, «поемше» его на борьбу с Глебом. Незавидная участь князя-изгоя [Полное собрание, 1962, стб. 177], вместе с другими такими же князьями без отчины добывающего себе средства к существованию военными походами (в 1103 г. он участвует в походе на половцев), подтолкнула Давыда Всеславича к борьбе за шанс получить долю в отцовском наследстве. И этот шанс ему выпал: после провального похода 1106 г. объединенного войска полоцких князей на земгалов [Повесть временных, 1950, с. 186] Давыд Всеславич заменяет Бориса Всеславича на полоцком столе. Своего же сына Брячислава он сажает в Изяславле, тем самым пытаясь завладеть частью полоцкого наследства.

Археологические исследования Ю. А. Заяца показали, что на территории Изяславля был построен новый укрепленный центр — детинец (начало XII в.), а крепость-град приходит в упадок. Размеры городской территории достигли 12–13 га, и по уровню своего развития Изяславль, по мнению данного исследователя, уступал только Полоцку и Минску [Заяц, 1997, с. 48–49]. Возможно, расцвет города связан с тем, что Изяславская волость в самом начале XII в. становится уделом Брячислава Давыдовича, а впоследствии, как показывают летописи, переходит поочередно к сыновьям князей, занимающих полоцкий стол. На протяжении второй половины XII в. борьбу за этот удел ведут наследники менской и витебской ветвей Всеславичей. Однако с развитием феодальных отношений и укреплением права отчины уделы становятся более постоянными. Так, право Брячислава Васильковича (витебского) на Изяславль как на отчину поддержал в 1159 г. занимавший полоцкий стол Рогволод Борисович (друцкий).

Весь комплекс военно-политических событий, связанных с борьбой между Глебом менским и его могущественными противниками — кланом Мономаховичей, позволяет рассматривать их как стремление феодальных собственников расширить и упрочить личные владения. В 1113 г. Владимир Мономах становится киевским князем. А уже в 1116 г. Глеб менский предпринимает новый поход во владения своего противника — на этот раз в дреговичские земли, где сжигает Случеск. Видимо, он захватил и Копысь с волостью в смоленских владениях мономаховичей, т. к. в ответном походе на Менск мономаховичи сожгли крепости — «грады» Копысь, Оршу, Друцк. Итогом военного противостояния явилось пленение Глеба менского в 1119 г., заключение его в тюрьму в Киеве, где он вскоре умер. К мономаховичам переходит изначальная территория Менской волости, которая вновь была передана наследникам Глеба после 1140 г.

О том, что в 1121 г. «Владимир, князь великий, был с детьми своими в Смоленске для рассмотрения несогласий и усмирения Полоцких князей», сообщает В. Н. Татищев [Татищев, 1963, с. 134]. Результатом переговоров явилось установление в 30-е годы XII в. границы между Полоцкой землей и Смоленским княжеством, отмеченной рядом укрепленных поселений (деревни Стражево, Германы, Гончарово, Приволье вдоль правого берега р. Днепр) [Ляўко, 1997, с. 180, рис. 3] (рис. 2).

Видимо, в это же время Орша становится центром вновь созданной волости, принадлежащей Полоцку. На севере эта волость граничит с Витебской волостью, на востоке — со Смоленским княжеством. Западный рубеж Оршанской волости проходит по р. Адров, т. к. в ее состав включен и погост Черкасово, граничивший с Друцкой волостью. Здесь у д. Дятлово выявлен межевой «Рогволодов камень», установленный, судя по надписи на нем, в 1171 г. друцким князем при определении границ Друцкого княжества-удела [Ляўко, 1997, с. 176].

Образование волостей на северо-востоке современной Беларуси и их развитие в составе Полоцкой земли и Смоленского княжества сопровождалось военными конфликтами и установлением временных территориально-политических союзов. Эти события нашли отражение в письменных источниках и позволяют в совокупности с материалами археологии проследить процесс распада территории государственного образования Полоцкая земля и сложения новых территориально-административных структур, развитие их центров в XII–XIII вв.

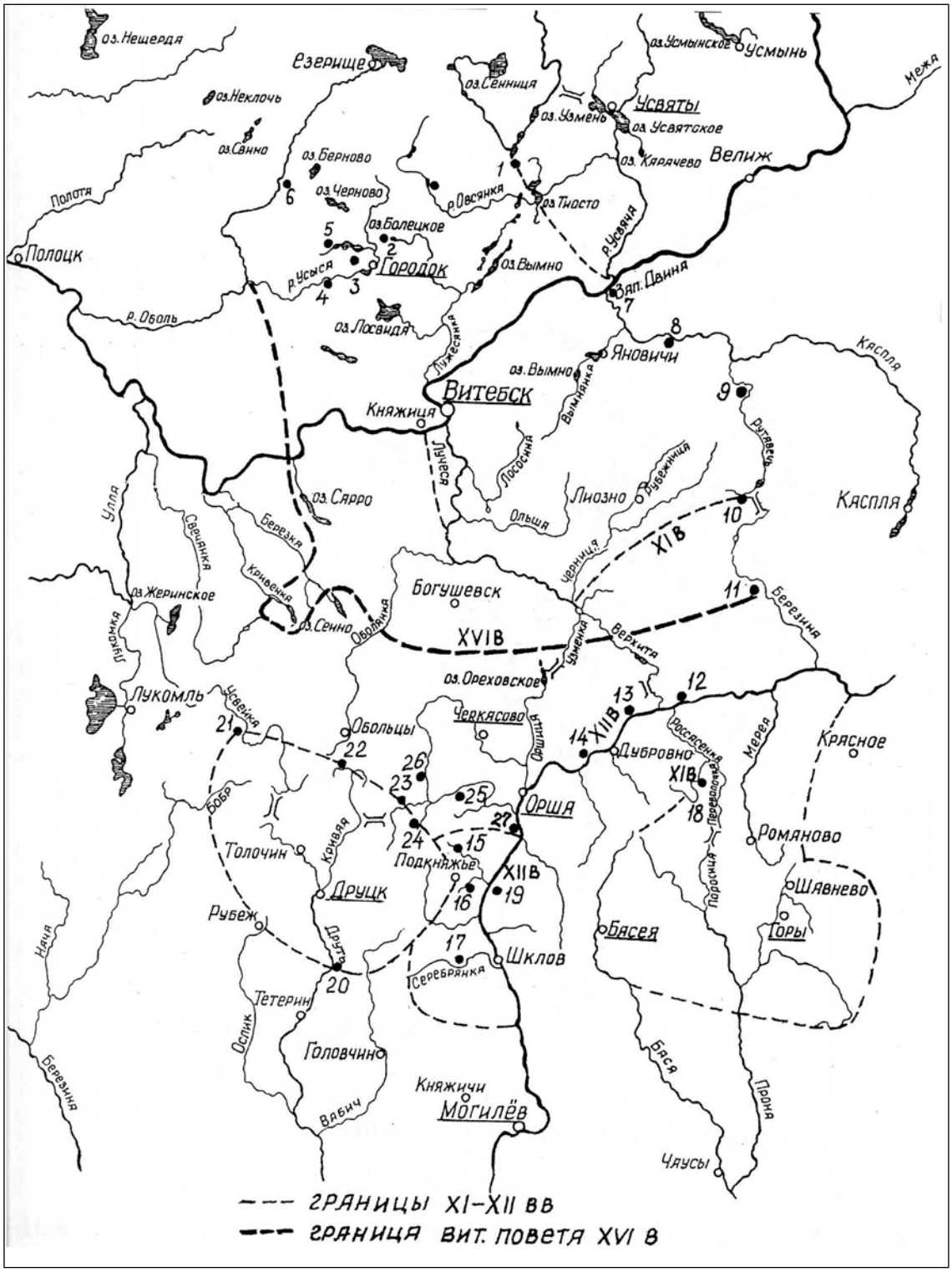


Рис. 2. Рубежи восточных волостей Полоцкой земли XI–XII вв.:
1 — Межа; *2* — Новый Болецк; *3* — Смольки; *4* — Козиново; *5* — Погост; *6* — Кисели (Пристань); *7* — Сураж; *8* — Кошевичи; *9* — Ковали; *10* — Микулино; *11* — Приволье; *12* — Гончарово; *13* — Германы; *14* — Стражево; *15* — Зубревичи; *16* — Межник; *17* — Старый Шклов; *18* — Вежки; *19* — Копысь; *20* — Тетерино; *21* — Высокий Городец; *22* — Межеево; *23* — Кисели; *24* — Дятлово; *25* — Погост; *26* — Репухово; *27* — Устье

Официальное закрепление за Полоцкой землей Оршанской волости было компенсацией за утрату ею территории Менской волости в ходе военной операции сыновей Мономаха в 1119 г. В то же время среди городов, выплачивающих десятину Смоленской епископии, в Уставной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича (1136 г.) названа Копысь. Это дает основание полагать, что по условиям перемирия она была возвращена Смоленску, как Орша — Полоцку.

Новый этап в развитии отношений между ветвями полоцкого княжеского дома и их союзниками со стороны отдельных княжеств Киевской Руси наступил после 1140 г., когда полоцкие князья вернулись на родину из византийской ссылки1 в основанные на территории Полоцкой земли Менский, Друцкий и Витебский уделы.

Начало Друцкому уделу было положено князем Борисом при его втором вокняжении в Полоцке (1127 г.). Заняв повторно полоцкий стол, князь Борис присоединил к своей вотчине (Борисовской волости) граничившую с ней Друцкую волость, которая после смерти Глеба менского вновь попала под власть Полоцка. Закреплять восточную границу Друцкого удела уже пришлось его сыну Рогволоду (Василию), поставившему по примеру своего отца в 1171 г. «Рогволодов камень» на границе с Оршанской волостью [Ляўко, 2000, с. 116–122].

В 1132 г. полоцким князем становится Василько Святославич, сын Святослава Всеславича, в числе других полоцких князей сосланного в Византию. Он правит Полоцкой землей до 1146 г. [Алексеев, 1966, с. 267]. Летописи второй половины XII в. связывают наследников Василька Святославича с Витебском. Это позволяет предположить, что именно в правление князя Василька в Полоцке и был создан Витебский удел. По археологическим данным значительные перемены в развитии Витебска наблюдаются с 40-х годов XII в. В это время возводятся мощные дерево-земляные укрепления вокруг детинца и Окольного города [Калядзінскі, 1997, с. 57]. Первоначально территория Витебского удела могла состоять из Витебской и Усвятской волостей.

Наследники Глеба, получившие в свое распоряжение после 1140 г. Менскую волость, не могли смириться с территориальными потерями Менского удела. С 1146 по 1151 гг. полоцкий стол занимал Рогволод Борисович друцкий. Однако с помощью политических интриг его сменяет Ростислав Глебович менский, который правит Полоцкой землей до 1158 г. За это время глебовичи укрепляются не только в Менске, но и захватывают Изяславль, Борисов, Друцк с волостями.

После возвращения Рогволода Борисовича на правление в Полоцк (1158–1162 гг.) он потребовал от Глебовичей возврата Брячиславу Васильковичу Изяславля на праве отчины, а также утвердился в своих правах на Друцкую волость и левобережную часть Борисовской волости. Та же часть Борисовской волости, которая располагалась на правом берегу р. Березины, вероятно, осталась в границах Менского удела после ее захвата Глебовичами. Ю. А. Заяц отмечает, что границы Менского удела, окончательно выделившегося из состава Полоцкой земли после 1185 г., почти соответствуют границам Менского повета XVI в. [Заяц, 1993б, с. 14].

Подводя итог формированию пограничья Полоцкой и Киевской земель на протяжении XI–XII вв., можно отметить следующее:

1. Изначально на рубеже X–XI вв. не существовало четко обозначенных границ между этими раннегосударственными образованиями, т. к. их территории лишь складывались в процессе подчинения близлежащих племенных структур. В Менской, Друцкой волостях на поселениях в слоях X в. встречаются клейма Владимира Святославича, взимавшего с них дань. На городище в Лукомле, а затем и в Друцке в конце X — начале XI вв. следы пожаров указывают на подчинение этих центров с их волостями Полоцку, расширившему свои границы в южном направлении.

---

1. Объединенный поход южнорусских князей в 1127(28) г. на Полоцкую землю и дальнейшая конфронтация, нежелание полоцких князей подчиняться воле Киева, привели к тому, что местное боярство позволило сослать их в Византию, а Полоцкой землей два года правили киевские наместники, пока к власти не пришел Василько Святославич [Ляўко, 2000, с. 116–122].

2. Первая треть XI в. ознаменовалась передачей Полоцку со стороны Киева Менской, Витебской и Усвятской волостей, что увеличило территорию Полоцкой земли в юго-западном и северо-восточном направлениях. На юго-западе обозначились порубежные крепости Клецескъ, Случескъ и Копыль. На северо-востоке — крепости на рубеже со Смоленской волостью по рекам Каспле и Рутавечь. Оршанское Поднепровье в XI в. продолжало оставаться под властью Киева, что создавало конфликтную ситуацию, т. к. Полоцкая земля не имела прямого выхода к р. Днепр, и оставалась угроза расширения киевских владений на его правобережье в северо-западном направлении.

3. На рубеже XI–XII вв. появляются противостоявшие друг другу на левом берегу р. Днепр крепость Копысь (Смоленское княжество), а на правом его берегу — крепость Орша (вероятно, построенная князем Глебом менским). Глеб менский активно пытается расширить свои владения и на юго-западе, нападая на волость Дреговичи, соседствующую с Менским уделом.

4. Усиление процесса образования княжеств-уделов как в Киевской земле, так и на территории Полоцкой земли в первой половине XII в. (Менский удел, Борисов с волостью, Изяславский, Друцкий, Витебский уделы) не только способствовали окончательному формированию внешних границ Полоцкой земли с Киевским государством (по правобережью р. Днепр в 30-е годы XII в.). Шел активный передел территорий этих уделов внутри Полоцкой земли за счет усобиц, ведущих к распаду раннегосударственного образования.

Алексеев Л. В. Полоцкая земля (Очерки Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев. — М., 1966. — 295 с.

Гісторыя Мінска. — Мінск, 2006. — 696 с.

Еремеев И. Древний Лукомль. Лепная керамика и раннесредневековый культурный слой / И. Еремеев, Г. Штыхов // Acta Archaeologica. — Vol. I. — Мінск, 2007. — С. 110–134.

Заяц Ю. А. Полоцкие события «Саги об Эймунде» / Ю. А. Заяц // Полоцкій летописецъ. — Полоцк, 1993а. — № 1(2). — С. 5–11.

Заяц Ю. А. Менская зямля / Ю. А.Заяц // Беларускі гістарычны часопіс. — № 4. — Мінск, 1993б. — С. 8–15.

Заяц Ю. А. Полоцкий князь Всеслав и Ярославичи в 1065–1066 гг.: от Пскова до Белгорода / Ю. А. Заяц // ГАЗ. — № 4. — Минск, 1994. — С. 88–113.

Заяц Ю. А. Оборонительные сооружения Менска XI–XIII вв. / Ю. А. Заяц. — Минск, 1996. — 78 с.

Заяц Ю. А. Основные итоги археологического изучения Заславля / Ю. А. Заяц // Заслаўскія чытанні 1995 г. — Заслаўе, 1997. — С. 48–50.

Заяц Ю. А. К проблеме первоначального Менска (сравнительная хронология поселения на реках Немига и Мена) / Ю. А. Заяц // МАБ. — Вып. 9. — Минск, 2005. — С. 26–31.

Калядзінскі Л. У. Пра абарончы вал дзядзінца летапіснага Віцебска / Л. У. Калядзінскі // Заслаўскія чытанні 1995 г. — Заслаўе, 1997. — С. 57–60.

Калядзінскі Л. У. Капыль / Л. У. Калядзінскі // Археалогія Беларусі: Энцыклапедыя: у 2 т. — Мінск, 2009. — Т. 1. — С. 422–424.

Левко О. Н. Друцк и Друцкая волость (историко-археологическая реконструкция) / О. Н. Левко // Древнему Друцку 1000 лет. Материалы к научно-практической конференции. — Витебск, 2001. — С. 5–13.

Левко О. Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси / О. Н. Левко. — Минск, 2004. — 280 с.

Левко О. Н. Древности Копыльщины в историко-культурном наследии Беларуси / О. Н. Левко // Капыль: гісторыя горада і рэгіена. Да 360-годдзя надання Капылю прывілея на магдэбургскае права / Зборнік навуковых артыкулаў. — Мінск, 2012. — С. 328–335.

Лысенко П. Ф. Города Туровской земли / П. Ф. Лысенко. — Минск, 1974. — 200 с.

Ляўко В. М. Смаленска-Полацкае памежжа ў Верхнім Падняпроўі (па археалагічных і пісьмовых крыніцах) / В. М. Ляўко // ГАЗ. — Мінск, 1997. — № 12. — С. 172–180.

Ляўко В. М. Раздрабленне тэрыторыі Полацкай зямлі на княствы- ўдзелы / В. М. Ляўко // ГАЗ. — № 15. — Мінск, 2000. — С. 116–122.

Минское замчище: материалы исследований северо-восточной части в 2009 году (участок I, раскопы 1, 2) / А. М. Медведев, И. В. Ганецкая, А. В. Войтехович и др.; гл. ред.: О. Н. Левко. — Минск, 2011. — 237 с. — (МАБ; Вып. 22).

Повесть временных лет. Ч. 1 [подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова]. — М.-Л., 1950.

Полное собрание русских летописей. Т. I: Лаврентьевская летопись. — М., 1962. — 540 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 9. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. — М., 1965.

Таранович В. П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР / В. П. Таранович // Советская археология. — Вып. VIII. — М., 1946. — С. 249–260.

Татищев В. Н. История Российская с древнейших времен. В 7 томах / В. Н. Татищев. — Т. 2. — М.-Л., 1963. — 352 с.

Штыхаў Г. В. Старажытны Лагойск у святле археалагічных раскопак // Вывучэнне археалдагічных помнікаў на тэрыторыі Полацкай зямлі (да 1150-годдзя Полацка) / Г. В.Штыхаў // МАБ. — Вып. 21. — Мінск, 2011. — С. 163–183.

Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхов. — Минск, 1978. — 160 с.

О. Н. Левко

Формирование юго-западной и восточной границы Полоцкой земли и образование городов (середина X — середина XII вв.)

В статье преимущественно на археологическом материале рассматривается взаимосвязь процесса формирования юго-западных и восточных рубежей Полоцкой земли и становления городов. Выделено два этапа в этом процессе: середина X — начало XI вв.; конец XI — середина XII вв. Основное внимание уделено характеристике функций укрепленных пунктов на стадии зарождения и в процессе их развития в города.

O. N. Levko

Shaping of the southern-west and eastern borders of the Polotsk land and formation of the towns (middle of Xth — middle of XIIth century)

In this article interaction of process of shaping of the southern-west and eastern borders of the Polotsk land and formation of towns are regarded. The research is mostly based on archaeological materials. Two stages of the process are considered: middle of Xth century — beginning of XIth century; the end of XIth century — the middle of XIIth century. Main attention is paid to description of functions of fortified sites during stage of their rise, development and turning into towns.

А. З. Винников

Внешнеэкономические связи донских славян в VIII — начале XI вв. (по материалам исследования Животинного городища)

На основании материалов, полученных в процессе раскопок Животинного городища, исследуются вопросы торговых связей славянского населения, обитавшего в последних веках I тыс. — начале II тыс. на р. Воронеже (Верхнее Подонье). Рассмотрена проблема торговых путей, связывавших донских славян с Волжской Булгарией и салтово-маяцким миром.

Ключевые слова: донские славяне, р. Дон, р. Воронеж, Животинное городище, Вантит, торговые пути, куфические монеты, клады, предметы импорта.

Животинное городище расположено на мысу правого берега р. Воронеж в 15 км вверх по ее течению от г. Воронежа в пределах Рамонского района Воронежской области, в 3,5 км от села Староживотинное. Оно исследовалось в 1974, 1977, 1982–1986 гг. (рук. А. З. Винников) и в 1996–1999, 2001 гг. (рук. В. Н. Ковалевский).

К сожалению, на Животинном городище, как и на других славянских поселениях на р. Воронеже, в отличие от среднедонских, не обнаружено ни одной монеты. Прогноз А. Н. Москаленко при подведении итогов исследования памятников донских славян к концу 60-х гг. XX в., что последующие раскопки дадут новые находки куфических монет [Москаленко, 1981, с. 105], не оправдался. Можно лишь упомянуть одну монету, сильно обожженную и практически не читаемую, найденную в одном из курганов II Белогорского могильника [Винников, 1984, с. 86–89], и одну монету, обнаруженную в болгарском погребении, раскопанном А. П. Медведевым на III Чертовицком городище эпохи раннего железного века [Винников, 1995, с. 144, рис. 42].

Не обнаружен на Животинном городище и какой-либо торговый инвентарь (весы, гирьки), как это имело место на соседних славянских территориях [Енуков, 2005, с. 158–159, рис. 44, 16–17; Григорьев, 2005, с. 112, рис. 47]. При этом А. В. Григорьев высказал предположение, что «…потребность в приеме драгоценного металла на вес возникала лишь при условии достаточно мощных потоков монет, связанных с транзитной торговлей» [Григорьев, 2005, с. 111]. Вероятно, р. Воронеж и, в частности, Животинное городище оставались несколько в стороне от «мощного потока монет», каким он был на р. Дон и на некоторых славянских памятниках, там расположенных, хотя и на них торговый инвентарь не был обнаружен.

Однако отсутствие и монет, и какого-либо торгового инвентаря не может свидетельствовать об отсутствии в какой-либо форме торговых отношений с внешним миром у славянского населения на р. Воронеже, в частности, Животинного городища. Безусловно, показателем внешней торговли (обмена) являются предметы импорта, которые не производились в славянской среде.

Среди них, прежде всего, стеклянные и каменные бусы различных типов. Их встречено в целом виде и в обломках более 30. Каких-либо ожерелий или скоплений бус не обнаружено.

При этом нужно заметить, что исследование бус на химический состав, технологию их производства может дать ответ о конкретном месте их изготовления и даже,

возможно, о путях их проникновения в славянский мир. Пока же мы по аналогии с другими авторами используем общепринятый обобщающий термин «восточный импорт».

Кроме бус, найден фрагмент стекла зеленого цвета, который был определен Ю. Л. Щаповой как обломок стеклянной чаши византийского производства и датируется первой половиной XI в. Обнаружена стеклянная вставка в перстень, также, безусловно, импортного поступления, которая, по определению Ю. Л. Щаповой, датируется XI в. М. Д. Полубояринова пишет, что в Болгаре «металлические перстни украшались стеклянными вставками, имитирующими драгоценные камни» [Полубояринова, 1988, с. 197]. Перстни со стеклянными вставками известны и на памятниках салтово-маяцкой культуры.

Безусловно, предметом импорта является обнаруженный в одной из построек амулет, изготовленный из раковины каури.

Среди предметов импорта, кроме стеклянных изделий, большое место занимает гончарная тарная керамика, которую обычно связывают с кругом памятников салтово-маяцкой культуры. Сразу отметим, что кухонной салтово-маяцкой керамики, свидетельствующей о проживании на поселении алан и болгар, на Животинном городище не обнаружено. Есть фрагменты толстостенных, вероятно, значительных по размеру гончарных салтовских горшков, но это, вероятнее всего, тарная посуда. Не исключено, что и эта керамика также являлась предметом славянского импорта в стремлении как-то дополнить ассортимент посуды. В некоторых жилищах встречены фрагменты лощеных салтовских кружек, также, возможно, являвшихся предметом импорта.

Однако наиболее массовой категорией импортной керамики являются крупные лощеные пифосы с нанесенными валиками, обломки которых обнаружены в ряде жилищ, хозяйственных ямах, погребах, в культурном слое. Подобные горшки — пифосы — были широко распространены в ареале салтово-маяцкой культуры. Встречены они и на Маяцком селище, где данный тип посуды является предметом местного производства [Винников, Плетнева, 1998, с. 51, рис. 14, с. 153–155].

Безусловно, южное происхождение имеют красноглиняные кувшины с плоскими ручками, в ряде случаев с внутренними темными поверхностями. Н. А. Якобсон подчеркивает, что этот тип кувшинов в Северном Причерноморье не древнее конца VIII — начала IX в., еще шире они были распространены в IX в., и особенно в X в. [Якобсон, 1979, с. 32]. Широкое распространение эта керамика получила и в Саркеле [Плетнева, 1959, с. 249, рис. 33, 34].

Безусловно, к предметам импорта из ареала салтово-маяцкой культуры можно отнести и некоторые орудия труда (мотыжки, ножи, у которых лезвие и спинка отделяются от черенка перекрестием под прямым углом), предметы конской упряжи, украшения.

С некоторыми оговорками к предметам импорта на Животинном городище можно отнести также ряд украшений и бытовых предметов финно-угорского происхождения. Но нужно учитывать также то обстоятельство, что на городище выявлена лепная мордовская керамика, которая вряд ли является предметом импорта, скорее свидетельствует о наличии среди населения Животинного городища незначительных групп мордовского этноса. На присутствие на салтовских поселениях лесостепного Дона каких-то групп мордвы обратила внимание и А. Н. Москаленко [Москаленко, 1965, с. 158–160].

Донские славяне, как известно, платили фиксированную дань Хазарскому каганату, не входя ни административно, ни политически в состав этого государственного образования [Винников, 2010]. Население Животинного городища не являлось в этом плане исключением. После уплаты дани оно могло поставить на внешний рынок в обмен на приобретенные товары, прежде всего, продукты земледельческого хозяйства, меха (бобра и других пушных зверей), кожи и другие продукты охотничьего и лесных промыслов.

М. М. Толмачева, анализируя состав железа, полученного и используемого донскими славянами, и сравнивая его с металлом некоторых салтовских памятников (Маяцкое селище и др.), пришла к выводу, что обе группы кузнецов в ряде случаев использовали высокофосфоритное железо. На основании этого факта она высказала предположение, что на некоторые салтовские поселения в лесостепной зоне поступал металл от донских славян [Терехова, Розанова, Завьялов, Толмачева, 1997, с. 205].

До сих пор остается предметом дискуссии вопрос о торговых путях, по которым осуществлялась торговля восточных славян с Востоком, и роли р. Дон и донских славян во внешнеэкономических связях славянского мира.

Публикуя материалы Новотроицкого городища, И. И. Ляпушкин отметил, что основная масса импортных изделий, выявленных на городище, имеет юго-восточное происхождение и связана с салтово-маяцким миром через Северский Донец [Ляпушкин, 1958, с. 222–223]. В обобщающей работе, посвященной восточным славянам накануне образования Древнерусского государства, И. И. Ляпушкин отметил, что при содействии населения салтово-маяцкой культуры славяне получали в обмен на свои продукты куфические монеты, всевозможные изделия из цветных металлов. Кроме того, он отмечал, что и сами арабские купцы проникали в землю славян, живших на Дону, Донце, в Днепровском Левобережье. Торговля, по его мнению, осуществлялась через Волгу — Дон — Северский Донец (через Хазарию). И лишь с конца IX — начала X вв. в связи с печенежским вторжением Волго-Окский путь становится главным в славяно-восточной торговле [Ляпушкин, 1968, с. 152].

А. Л. Монгайт предложил рассматривать Волго-Окский путь как путь торговли восточнославянского мира с Востоком, причем он отметил, что этот путь был главным и единственным в этих связях, в том числе и для донских славян [Монгайт, 1961, с. 87].

В. В. Кропоткин на основании анализа распространения кладов монет пришел к выводу о существовании двух торговых артерий: Волга — Дон — Северский Донец и Волга — Ока — Сейм — Среднее Поднепровье. При этом он отмечал, что первый прослеживается «менее четко», второй — «очень четко» [Кропоткин, 1978, с. 116].

А. В. Григорьев на основании картографирования монетных кладов IX в. в бассейне р. Упы (правого притока Оки) пришел к выводу, что все они, располагаясь к югу от Оки, на значительном удалении от нее, связаны с Донским торговым путем. При этом он отмечает, что в основе направления лежало движение с юга на север, а далее они расходились в Верховья Оки и на Десну, а также на север к устью р. Москвы [Григорьев, 2005, с. 147]. И дальше он рассматривает различные варианты, связывающие р. Дон с бассейном Оки, приходя к выводу, что «в IX — начале X в. активно функционировал торговый путь, связывающий Дон с верхними и средними участками течения р. Оки» [Григорьев, 2005, с. 147–152].

При рассмотрении донского торгового пути в IX — начале X вв., т. е. с территории Хазарского каганата, обращает на себя внимание концентрация монетных кладов и отдельных монет IX — начала X вв. в Среднем Подонье, в пограничной зоне каганата. Это, в частности, Девицкий клад [Быков, 1974], клады на городище Титчиха [Москаленко, 1965, с. 188; Янина, 1965, с. 270–272], на Малом Боршевском городище [Москаленко, 1981, с. 103], Острогожский клад [Москаленко, 1981, с. 104]. Здесь же мы видим и сосредоточение отдельных монетных находок (Большое Боршевское городище, Титчихинское городище и др.). Вверх по Дону на всем его протяжении вплоть до истоков, включая и его притоки и, прежде всего, р. Воронеж, где расположено Животинное городище и ряд других славянских городищ и могильников, обнаружено лишь несколько арабских монет — дирхемов [Винников, 2010, с. 205].

А. В. Фомин отмечал, «что клады могли скапливаться преимущественно в конечных или узловых пунктах торговых путей, их ближайшей периферии» [Фомин, 1988, с. 193]. Такой ближайшей периферией по отношению к Хазарскому каганату и были славянские памятники вятичей Среднего Дона, а также межэтническая территория,

не заселенная ни славянами, ни населением салтово-маяцкой культуры, между самым южным славянским городищем на Дону — Титчихинским — и северной крепостью Хазарского каганата, поставленной при впадении р. Тихая Сосна в Дон — Маяцким городищем, на котором и обнаружены все упомянутые выше клады.

Безусловно, р. Дон в IX—X вв., возможно, вплоть до конца существования Хазарского каганата (60-е гг. X в.), являлась одной из важнейших торговых артерий, во всяком случае, в ее нижнем и среднем течении до границ самого каганата и славянского мира в лице среднедонских вятических городищ.

Кроме того, не нужно забывать, что памятники донских славян стояли на пути караванной сухопутной торговли Руси с Востоком [Кропоткин, 1973]. Много внимания этому вопросу в своих работах уделил Б. А. Рыбаков [Рыбаков, 1969, 1982]. В этих работах он на основании письменных источников реконструирует сухопутный караванный путь из Булгара в Киев, в котором славянские поселения на Дону оказываются на его середине, в «самом начале пределов славянских». Здесь, по мнению Б. А. Рыбакова, и располагался город Вантит, неоднократно упоминаемый в различных арабских источниках, в названии которого, как считает исследователь, нашло отражение имя племени вятичей. О месте Вантита в районе расселения донских славян Б. А. Рыбаков высказал ряд довольно противоречивых суждений, но в большей степени он склонялся к отождествлению его с городищем «Михайловский кордон» на р. Воронеже.

А. Д. Пряхин, поддержав в целом взгляды Б. А. Рыбакова на локализацию Вантита, высказал предположение, что восточные авторы под понятием «Вантит» имели в виду не отдельно взятый населенный пункт (в их представлении город), а целый микрорегион, охватывающий серию славянских городищ на северной окраине современного г. Воронежа (Кузнецовское, «Михайловский кордон», I и II Белогорские). Но в одной из работ он высказал также предположение о возможности отождествления с Вантитом и Животинного городища [Пряхин, 1988, с. 89–95].

А. Н. Москаленко предположила, что восточные авторы под городом Вантитом могли называть поселение на месте Титчихинского городища [Москаленко, 1981, с. 79]. Гипотеза А. Н. Москаленко о локализации Вантита, безусловно, имеет ряд преимуществ перед другими, на что уже обращалось внимание [Винников, 1995, с. 72].

Проблема сухопутных торговых путей, связывающих Киев и Булгар (и наоборот), привлекла к себе внимание как украинских, так и татарских археологов. В течение трех лет (1989–1991) работала совместная экспедиция (руководители — А. Х. Халиков и А. П. Моця), выявляя возможные остановки караванов. В ходе работ экспедиции и было обращено внимание на Животинное городище как на один из возможных пунктов на этом магистральном торговом пути. Первые результаты совместных исследований были подведены в сборнике «Путь из Булгара в Киев». А. П. Моця высказал предположение, что сухопутный путь между Булгаром и Киевом интенсивно начал использоваться с начала II тыс. н. э., когда была достигнута определенная стабильность в отношениях между двумя государствами и «гарантированность безопасного прохождении караванов» [Моця, 1992, с. 8]. В этом же сборнике А. Х. Халиков отмечает переправы караванов через «Дон (Животинное городище севернее Воронежа)» [Халиков, 1992, с. 15]. Совершенно очевидно, что здесь досадная ошибка. Животинное городище расположено, как известно, на р. Воронеже, и к переправе через Дон не имеет никакого отношения.

Возможно, речь идет о расположенном на Дону Семилукском городище, на котором и выявлен славянский поселок IX–X вв. Еще в одной статье этого сборника А. П. Моця в соавторстве с М. И. Иевлевым пишут: «… реальным мазилем (остановка, станция — *А. В.*) был город Вантит, упоминавшийся в арабских источниках как первый остановочный пункт на славянской территории. Мы склонны усматривать его в Животинном городище на р. Воронеже, где помимо слоев с культурными отложения-

ми боршевской культуры и древнерусскими XII–XIII вв. (вариант типичный для многих славяно-русских памятников донского региона), встречаются многочисленные находки т. н. манжетовидной керамики X–XI вв., характерные для культуры «Русской земли» в узком значении этого термина — для территории Среднего Поднепровья [Иевлев, Моця, 1992, с. 27].

Проблеме торговых сухопутных путей в эпоху раннего средневековья в Восточной Европе, в том числе, между Киевом и Булгаром посвящена совместная монография А. П. Моци и А. Х. Халикова. Как и в предыдущих работах, здесь подчеркивается, что сухопутный путь Булгар — Киев, «являвшийся к тому же отрезком трансевропейской торговой магистрали, интенсивно начал использоваться с начала II тыс. н. э.», ибо в более раннее время его функционированию препятствовал Хазарский каганат [Моця, Халиков, 1997, с. 13]. Можно внести некоторые уточнения в такую постановку вопроса. Возможно, более эффективно этот путь начал функционировать в последние десятилетия X в., а начало его действия относится к более раннему времени. Справедливости ради нужно отметить, что несколько ниже (автор раздела А. Х. Халиков) сказано, что период X–XI вв. был временем наивысшего развития торгового пути между Булгаром и Киевом [Моця, Халиков, 1997, с. 72], и далее: «начало основной деятельности пути из Булгаров в Киев падает на конец первой четверти X века» [Моця, Халиков, 1997, с. 75], и торговые связи по этому пути продолжались в первой половине XI в. [Моця, Халиков, 1997, с. 77].

В этой работе, как и в предыдущих статьях сборника, в качестве одной из ключевых остановок (станций) рассматривается Животинное городище (раздел написан А. П. Моцей) [Моця, Халиков, 1997, с. 134–136] и, ссылаясь на мнение А. Д. Пряхина, исследователь предлагает считать указанный памятник Вантитом. Во всяком случае, на всех картах в этой книге, как и в ранее упомянутом сборнике, авторы связывают Животинное городище с Вантитом арабских авторов. Однако при этом необходимо еще раз обратить внимание читателей, что само Животинное городище на этих картах обозначено не совсем точно — оно находится на р. Воронеж, а не на Дону, как может сложиться впечатление при рассмотрении этих карт.

В то же время необходимо отметить, что в заключение этой книги А. П. Моця и А. Х. Халиков отмечают, что Вантитом (Вагнитом) могло быть не только Животинное городище, но и «Михайловский кордон», и Титчихинское городище. «Можно предполагать, — пишут авторы, — что арабы в конце I тыс. н. э. так просто обозначали первый славянский город», направляясь на южнорусские земли через низовья Волги с территории Хазарского каганата. А вначале II тыс. н. э., «когда все торговые операции проводились через район Волго-Камского междуречья, этот «первый город на востоке страны славян … переместился несколько севернее» [Моця, Халиков, 1997, с. 180].

Концепцию идентификации Животинного городища с Вантитом поддержали А. Е. Леонтьев и Е. Н. Носов в работе «Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X вв.», являющейся разделом исследования, подводящим итоги в области восточнославянской археологии для понимания эпохи формирования Древнерусского государства. Они пишут (со ссылкой на монографию А. П. Моци и А. Х. Халикова), что на протяжении X в. с ростом международного значения Волжской Болгарии возникают дороги через Поочье и сухопутный путь, соединивший Болгар и Киев, с функционированием которого «… могут быть связаны такие известные археологические памятники как Животинное городище, Гочево, Горналь». На карте «Основные пути сообщения» авторы обозначили Животинное городище как «Вантит» [Леонтьев, Носов, 2012, с. 386, 397 рис. 4 (карта)].

Вообще, как уже отмечалось, о месте локализации Вантита высказано достаточно много точек зрения. Кроме упомянутых выше, можно привести слова Е. Н. Шинакова о том, что Вантит, расположенный на востоке славянских земель, «мог находиться только в земле донских славян», точная его локализация «в данном случае значения не имеет» [Шинаков, 2000, с. 331].

И в заключение этого сюжета можно привести слова известного востоковеда Т. М. Калининой, которая, проанализировав практически весь известный корпус восточных источников по Вантиту, пришла к выводу, который нельзя не учитывать: «… никаких прочных оснований для идентификации конкретных вятических археологических памятников именно близ Воронежа с городом славян Вантитом просто нет» [Калинина, 2000, с. 206].

Независимо от того, как может быть решена проблема идентификации Вантита с тем или иным конкретным памятником, можно констатировать, что славянские поселения на р. Воронеже, в том числе и Животинное городище, находились в сфере сухопутной караванной дороги Булгар — Киев (и наоборот). Целая серия славянских поселений, располагавшихся в низовьях р. Воронеж, почти от ее впадения в Дон — это более десяти городищ. Среди них такие крупные как «Михайловский кордон», Кузнецовское, I Белогорское, Животинное, расположенные на достаточно близком расстоянии друг от друга, не могли не привлечь внимание купеческих караванов и как емкий рынок сбыта товаров, и как возможное место отдыха, пополнения запасов продовольствия и транспортных животных — лошадей.

Винников А. З. Славянские курганы Лесостепного Дона / А. З. Винников. — Воронеж, 1984. — 192 с.

Винников А. З. Славяне Лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII — начало XI в.) / А. З. Винников. — Воронеж, 1995. — 164 с.

Винников А. З. Донские славяне и алано-болгарский мир: мирное сосуществование или противостояние / А. З. Винников // Хазары: миф и история. — М., Иерусалим, 2010. — С. 189–216.

Винников А. З. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение / А. З. Винников, С. А. Плетнева. — Воронеж, 1998. — 216 с.

Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I — начале II тыс. н. э. / А. В. Григорьев. — Тула, 2005. — 207 с.

Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей / В. В. Енуков // К. край: Научно-популярная серия в 20 т. —Т.3. — Курск, 2005. — 350 с.

Иевлев М. М. «Русский» участок пути Булгар — Киев (особенности поселений и маршрута) / М. М. Иевлев, А. П. Моця // Путь из Булгара в Киев. — Казань, 1992. — С. 23–30.

Калинина Т. М. Вантит средневековых арабских писателей: попытки идентификации / Т. М. Калинина // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. — М., 2000. — С. 198–207.

Кропоткин В. В. Караванные пути в Восточной Европе / В. В. Кропоткин // Кавказ и Восточная Европа в древности. — М., 1973. — С. 226–230.

Кропоткин В. В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе / В. В. Кропоткин // Древняя Русь и славяне. — М., 1978. — С. 111–117.

Леонтьев Н. Е. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X вв. / Н. Е. Леонтьев, Е. Н. Носов // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. — М., Вологда, 2012. — С. 383–401.

Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства / И. И. Ляпушкин // МИА. — 1958. — № 74. — 328 с.

Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX вв.) / И. И. Ляпушкин // МИА. — Л., 1968. — № 152. — 192 с.

Монгайт А. Л. Рязанская земля / А. Л. Монгайт. — М., 1961. — 400 с.

Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону / А. Н. Москаленко. — Воронеж, 1965. — 308 с.

Москаленко А. Н. Славяне на Дону (Борщевская культура) / А. Н. Москаленко. — Воронеж, 1981. — 160 с.

Моця А. П. Общие закономерности торгово-экономических взаимоотношений Киева и Булгара в IX–XII вв. / А. П. Моця // Путь из Булгара в Киев. — Казань, 1992. — С. 6–12.

Моця А. П. Булгар — Киев. Пути-связи-судьбы / А. П. Моця, А. Х. Халиков. — К., 1997. — 192 с.

Полубояринова М. Д. Стеклянные изделия Болгарского городища / М. Д. Полубояринова // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. — М., 1988. — С. 151–219.

Плетнева С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи / С. А. Плетнева // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II .— МИА. —1959. — № 75. — С. 212–272.

Пряхин А. Д. Археология и археологическое наследие / А. Д. Пряхин. — Воронеж, 1988. — 183 с.

Рыбаков Б. А. Путь из Булгара в Киев / Б. А. Рыбаков // Древности Восточной Европы. — М., 1969. — С. 189–196.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и Русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. — М., 1982. — 589 с.

Терехова И. Н. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе / И. Н. Терехова, Л. С. Розанова, В. И. Завьялов, М. М. Толмачева. — М., 1997. — 317 с.

Фомин А. В. Рунические знаки и тамги на подражаниях куфическим монетам X в. / А. В. Фомин // Советская археология. — 1988. — № 4. — С. 187–198.

Халиков А. Х. Торговые пути Булгарии в IX–XIII вв. и их археологическое изучение (на примере пути из Булгара в Киев) / А. Х. Халиков // Путь из Булгара в Киев. — Казань, 1992. — С. 12–22.

Шинаков Е. А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования древнерусского государства / Е. А. Шинаков // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика. — СПб., 2000. — С. 303–347.

Якобсон Н. А. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики / Н. А. Якобсон. — М., 1979. — 164 с.

Янина С. А. Опись куфических монет из раскопок 1957–1961 гг. на городище Титчиха / С. А. Янина // Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону / А. Н. Москаленко. — Воронеж, 1965. — С. 271–277.

А. З. Вінніков

Зовнішньоекономічні зв'язки донських слов'ян у VIII — на початку XI ст. (за матеріалами дослідження Животинного городища)

На підставі матеріалів, отриманих у процесі розкопок Животинного городища, досліджуються питання торговельних зв'язків слов'янського населення, що проживало в останніх століттях I тис. н.е. — на початку II тис. н.е. на р. Воронежі (Верхнє Подоння). Розглядається проблема торговельних шляхів, що пов'язували донських слов'ян із Волзькою Булгарією та салтово-маяцьким світом.

A. Z. Vinnikov

External economic relations Don Slavs in VIIIth — the beginning of XIth century (According to the research Zhivotinnoe Hill fort)

According to materials received in the course of excavations Zhivotinnoe settlement explores the issues of trade ties of Slavic population, lived on the last centuries of the 1st Millennium — the beginning of the 2nd at the Voronezh river (the top of the Don). The problem of trade routs, linking Don Slavs with Volga Bulgarians and the Saltovo-Mayaki world is considered.

С. П. Щавелев

Житийно-летописный город Курск на геополитической карте Древней Руси*

Статья посвящена обоснованию гипотезы северного происхождения названия города Курска в Древней Руси. Географическим дубликатом южного Курска на реке Куре выступает средневековый город Курск на реке Ловати. По данным топонимики, письменных источников, нумизматики и другим археологическим находкам, автор предполагает перемещение представителей киевских князей с новгородского Севера Руси на ее юго-восток, в бассейны реки Сейм, где в начале XI в. был основан новый Курск. Первое упоминание о нем в письменных источниках (Житии св. Феодосия Печерского) автор относит к началу 1030-х гг.

Статья посвящена памяти А. В. Кузы, который проводил археологические исследования и в Новгороде, и в Курской области.

Ключевые слова: Древняя Русь, топонимика, «союзы племен» восточных славян, покорение Киевом «племенных территорий», Курск в Посеймье как летописный город.

Незабвенный А. В. Куза прошел первую школу практической археологии на Новгородском Севере, а завершал свою замечательную научную карьеру исследованием древностей Днепровского Левобережья, юго-востока Руси раскопками курского Горналя и новгород-северского городища «Замок». Поэтому я надеюсь, что будет уместно почтить память Андрея Васильевича в том числе и представлением историко-археологических параллелей в названиях, на первый взгляд, отдаленных в славяно-русские времена регионов.

Начнем с данных исторической топонимики. До недавнего времени относительно названия южнорусского города Курска бесспорным можно было считать одно: согласно общетопонимическому правилу, для такого рода ситуаций его имя является производным от названия ближайшего к его историческому центру водного потока — ручья Кура, притока р. Тускари, впадающей в р. Сейм. Этимология же гидронима «Кур» довольно противоречива. Среди предлагавшихся в научной литературе толкований имеются следующие:

балтские варианты: «куру»=«ущелье», «глубокая борозда» [Веске, 1890, с. 33–34]; «корс»=«просека» у Я. Эндзелина [Никонов, 1966, с. 222]; древнепрус. Kureyn; балт. Curicken, откуда якобы берут начало позднейшие русские гидронимы Курейка, Курица и т. п. [Нерознак, 1983. с. 99]; добавлю и «латышск. kuore, kuoris; лит. kuoras, [что] сохраняют среди прочих значений и исходный смысл «изгиб, выпуклость», из которого развились такие значения, как «вершина горы, большая веха, башня...» [Невская, 1977, с. 45];

ираноязычная трактовка: перс. «khuros»=«петух» [Липкинг, Самсонов, 1975, с. 13; ср.: Васильев, 1999, с. 21];

славянские объяснения: «кур»=«прах, пыль» [Роспонд, 1972, с. 21]; «дым» (летописный синоним отапливаемого жилища), либо тот же «петух»;

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01018 «Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты».

тюркоязычный перевод: «кур»=«устраивать, сооружать»; в том числе стену, вал, поселение [Склярук, 1994, с. 229–230; Мурзаев, 1984, с. 316; Баскаков, 1985, с. 159 (алт. kure-; кирг. kuro- — «грести землю лопатой»)].

Все перечисленные версии в принципе допустимы, поскольку носители соответствующих языков поочередно заселяли определенные участки Посеймья (балты, славяне), в древнерусскую эпоху ставшего Курским, или (как ираноязычные сарматы, затем аланы и, наконец, тюрки) примыкали к нему с юга. Однако и сколько-нибудь развернутой аргументации ни одна из перечисленных этимологий не поддавалась.

Гораздо более убедительной выглядит, на мой взгляд, еще одна гипотеза на сей счет, предложенная А. И. Ященко. Тот извлек из словаря древнерусского языка [Срезневский, 1893, ст. 1378] слово «курья» — «речной залив, затон, заводь» и предположил, что посеймский Кур назван усеченной формой этого слова [Ященко, 1969, с. 26]. Оно, добавлю, оказалось довольно рано, в начале колонизации Европейского Севера пришедшими сюда славянами заимствовано ими из аборигенных там финно-угорских языков. «Kurja» значит на них «маленькая речка», «протока», «старое русло-заводь», «глухой рукав» водоема [Подольская, 1962, с. 39].

На территории Новгородской земли и соседних с ней районов с тех пор имеется особенно много разновидностей данного топонима. Например, Великая, Афанасова, Левкова, Ленина, Лялина, Яковля, Рыболовля и т. п. курьи; Малокурье, Закурье, Быстрокурья и т. п. Причем он встречается там как в своей оригинальной — полной, иноязычной поначалу для славян форме «курья», так и в форме уже вполне «ославяненной», усеченной до «кура» и сочетанной, в частности, с общеславянским поселенческим формантом «-скъ». Сравни архангельский Шенкурск (летописная «Шенкуриа») — «город на курье Шеньге», где «Шеньга» явно чуждое, непереводимое для славян имя собственное, а «-курск» уже включенное в их словарь севернорусских диалектов имя нарицательное, с селитебным оттенком смысла. Упомяну также подобные билингвы: Валдакурья, Кунчукурья, Куростров, Кургия, Кургонема, Ламбас курья, Ламокурья, Падрокурья, Пехтокурья, Тойнокурья, Турокурья, Хабокурья.

География распространения и характер использования в словотворчестве топонимов с основой «кур» вполне удовлетворяют всем разработанным лингвистами критериям для наиболее ранних славянских пластов восточноевропейской топонимики [Агеева, 1989, с. 158–163]. Среди этих признаков: а) повторяемость топонима в разных регионах расселения славян (в случае с Куром/Курском — на юге и на севере Восточной Европы; а также на западе — в Познанском округе Польши имеется местечко Kursko); б) наличие вариантов топонима в отдельных славянских землях (см. упоминание таких аналогов имен Кура/Курска выше и ниже).

Составленные по писцовым книгам конца XV — начала XVI вв. списки селений и урочищ Новгородской земли насчитывают более полусотни названий по разным погостам одной только Шелонской пятины, явно родственных южной связке «Кур–Курск». А именно, Курецкий, Куркинский, Кюрьевский погосты; деревни Курашъ, Кургова гора, Курецко, Курея, Курохново, Куриково, Курино, Куровичи, Курово, Куровка, Курково, Курухново, Курышино, Курьяково, Курьякино и т. п.; починки Куриско, Курчев Репок и т. п.; озеро Куровское; наконец, две деревни, прямо именуемые Кур(ь)ск, одна из которых располагалась на р. Курее; а в довершение всего этого ряда однокоренных топонимов — д. Курско на р. Курянке; т. п. (Курьско, Курецко) [Новгородские писцовые, 1915, с. 153; Андрияшев, 1914, с. 419–455].

Заметны явно «курские» названия на средневековых картах и соседних с новгородской областей Новгородчины. Так, в «Алфавитном списке сел, селец, деревень, починков и пустошей, названных в писцовой книге «Водской пятины 1500 г.», находятся такие топонимы, как Куренцо, Куриково, Курско (дважды), Курята, Куровичи, Курово, Курова, Курчево [Архимандрит Сергий, 1905, с. 14–42]. И Деревская пятина знает их: «Курской погост», «Курской присуд» (где, между прочим, помещался и «Никольский монастырь с Липны», «деревня Липица», о коих речь пойдет ниже), «селцо

Старокурско на р. Ловоть»; «погост Шигринский» (ср. р. Щигор, г. Щигры в Посеймье) и другие подобные [Неволин, 1853, с. 170, 228, 251]. «Рыбная ловля» под названием «Куровица» (явно уменьшительное от Кура) зафиксирована в Двинском уезде в 1560 г.; там же имелась Куреская волость.

Археологические разведки по местам, отмеченным на Новгородчине ее писцовыми книгами и грамотами позднего Средневековья [Буров, 1993, с. 83; 1995, с. 56; Платонова, 1984, с. 173], дают основание возводить многие из этих центров к рубежу I и II тыс. н. э., когда происходило славяно-русское «окняжение» этих территорий. На это указывает и летописный термин «погост» — первоначально станция на пути сбора дани-полюдья «русью» — киевским князем и его дружиной. Затем погостом называлось в тех краях низшее звено древнерусской администрации. К сходным по древности временам установления десятинного налога в пользу христианской церкви относится и деление Новгородской земли на десятины, одна из которых — «Курская десятина разделяет, примерно по линии Ловати, Шелонскую и Деревскую десятины» [Селин, 1995, с. 276].

Кроме совпадения отдельно взятых топонимов, Приильменье (куда относится большинство «курских» названий Севера) и Посеймье (где также присутствуют такие названия) отличаются (от всех остальных регионов Восточной Европы) их дублетным и даже гнездовым повторением. Что, думается, уже никак не может быть объяснено случайным совпадением, параллельным распространением общеславянской географической терминологии, а, скорее всего, фиксирует «историко-культурную зависимость удаленных друг от друга районов с компактно дублированной гидронимией» [Булкин, 1993, с. 19] и остальной топонимикой.

Прежде всего, отмечу *Курское городище на р. Ловати*. На этом памятнике старыми раскопками выявлены слои домонгольского периода [Арциховский, 1936, с. 188–189] и описаны фортификации, характерные для малых городов древней Руси [Ивановский, 1881, с. 68–69]. Там действительно существовала крепость с названием «Курескъ на Ловати», упоминаемая в письменных источниках, по крайней мере, с XIV в. Причем наряду с южным, киевской принадлежности «Куреском на Тускоре», согласно летописному «Списку городов дальних и ближних» [Новгородская первая, 2001, с. 475, 477; Полное собрание, 2001, стб. 241], составленному не позднее 1381 г. [Янин, 1998, с. 67]. Ловатский же Курск как центр одноименной волости фигурирует и в духовных грамотах русских великих князей и царей XV–XVI вв. под названиями «Курьгород», «городок Курескъ», входивший в их как Рюриковичей наследственный домен.

Обследование этого городища экспедицией О. Н. Гей по составлению Свода памятников археологии района дало, в частности, керамику и XII–XIII вв. (любезное сообщение участника той разведки О. Л. Прошкина). Однако географический и административный центр Ловатской волости XI–XIII вв. историками локализуется в Теребынях, что поблизости от искомого мной там же раннего Кур(ск)а. Не исключено, что позднесредневековая крепость просто унаследовала имя некоего близлежащего поселения, откуда веком-другим ранее жители переселялись на юг, куда и принесли с собой привычное название — Курск. С районом этого последнего славянское население Приильменья еще с начальной для своей истории эпохи сопок было тесно связано сотрудничеством в восточной торговле, «на что указывает большое число кладов и арабских монет на поселениях» того периода [Конецкий, 1992б, с. 4–5; Щавелев, 1999] в обоих сопоставляемых регионах — взаимосвязанных участках монетного транзита и монетных рынков X в. [Фомин, 1995, с. 68, 70–71].

Топонимическая аналогия Приильменья и Посеймья продолжается следующими наблюдениями. Неподалеку от Курского городища на Ловати располагалось средневековое село Ратно — центр Ратновского погоста (стана) на этих южных границах Новгородчины [Носов, 1994, с. 167–168; Янин, 1998, с. 178, 180]. Географический тандем Курск — Ратно идентично повторяется гораздо южнее, где у Курска на Куре на таком же, примерно 20-километровом, расстоянии и тоже к востоку имеется

славянско-древнерусский спутник — городище Ратное [Ященко, 1969, с. 26]; иначе: Ратское [Самоквасов, 1892, с. III, 84]. Как и в случае с топонимом «Курск», можно доказать, что топоним «Ратно» сперва возник на Севере и лишь позднее оказался заброшен на Юг с кем-то из переселенцев. А «центр продуктивности старого форманта *-но* — Новгородско-Псковская земля (свыше 280 названий), отсюда он распространился на всю Белоруссию (291 пример) и на Волынь (95 названий). Остальные примеры образований с формантом *-но* встречаются разрозненно» [Борек, 1972, с. 111], как, в частности, наш южный Ратно.

Менее убедительной в силу значительной рассеянности на европейской карте может показаться еще одна параллель северной и южной топонимики. С одной стороны, летописное село Липно при впадении р. Мсты в Ильмень. А с другой, — село и одноименное городище X–XIII вв. Липино на Сейме, примерно на таком же расстоянии от «курского Курска» к северу, что и предыдущее Лип(и)но от Курска ловатского. Вообще-то связанные с липой топонимы очень широко распространены по всей Восточной Европе. Однако в отмеченных мной случаях их сходство усиливается одинаковой уже в древности застройкой названных тогда же мест. В первом случае это известный Николо-Липенский монастырь (в иных источниках именно монастырь *Липинский, с Липны* [Майков, 1911, с. 255, 274]), упоминаемый ранней летописью [Новгородская первая, 2001, с. 327] и затем соотносимый с Липицким (иначе: Липенским) погостом писцовых книг. А во втором случае — Льпиновская (или же Липиновская) Троицкая мужская пустынь XVI–XVIII вв., руины которой до сих пор заметны возле с. Липина и Липинского городища под Курском.

Кроме географически компактной триады «Курск–Ратно–Лип(и)но», Приильменье и Посеймье отличаются совпадением более пространной цепочки топонимов. Это прежде всего р. Севера (правый приток Шелони), соотносимая на юге с Северскими Донцом и Новгородом, вообще летописным «племенем» — северой (позднесредневековый вариант летописного термина «северяне», «север(о)». На этой новгородской реке в средние века размещалась деревня с названием Северское устье. Далее, одна р. Локня — левый приток все той же Ловати, и другая р. Локня — левый приток р. Суджи на Курщине, упоминаемая летописью в связи с одной из половецких войн на Руси. А такие южные реки, как Вырь (приток Сейма) и Рахна (новгород-северской округи, судя по летописному упоминанию за XII в.), Рахмна — приток Северского Донца находят предположительные аналогии на новгородском Севере в виде средневековых селений Выра и Рахнов той же Шелонской пятины, где больше всего и «курских» названий. В свою очередь в Посеймье документы XVI–XVII вв. отмечают слободу Ильмень, д. Ильму [Багалей, 1886, с. 264, 304].

Западный сосед Курска — Рыльск, непрерывно существовавший в качестве славянского центра с VII в. вплоть до наших дней, в свою очередь, находит прямые топонимические аналогии на Новгородчине. Имеется в виду определенная часть Бежецкого верха, располагавшегося на все той же юго-восточной окраине новгородских земель в верховьях реки Мологи, левого притока Волги. «Рыльские названия» фигурируют на карте данного микрорегиона за XV в., причем располагаются они не на боярских, а на княжеских землях: деревни Рылово и Рыльково, земля Рыловская рясина.

Самое реалистичное объяснение подобным географическим повторам, единичным и групповым, похожим и тождественным, предположительным и бесспорным, — перенос названий переселенцами, причем достаточно ранний, именно в конце I или начале II тыс., когда окончательно оформлялись основы славянской гидро- и урбонимики и Юго-Востока, и Северо-Запада Руси. Вопрос состоит в наиболее вероятном направлении такого перемещения. Применительно к рассматриваемому сюжету целый ряд объективных обстоятельств указывает на образование, по крайней мере, корня «кур», особо меня здесь интересующего, на севере и последующем его движении как топоосновы на юг. Ведь на севере топонимов с основой на «кур» во много десятков раз больше, чем на юге. Там, на севере, они раньше и обильнее перешли в гидро- и

ойконимику мелкого масштаба (ручьи, починки, деревушки); издавна до сих пор адекватно понимались населением: «кур, куры=водное рыбное угодье» [Материалы, 1937, с. 167], согласно терминологии новгородских летописей.

Ладожско-Новгородская земля, в особенности южное Приильменье, откуда, по всей вероятности, происходят топонимы «курского» звучания и связанные с ними, в раннем Средневековье представляли собой зону стыка словен, кривичей и аборигенов финно-угров (летописной «чуди»). Конфедерация этих трех народов, возглавленная приглашенными на договорных условиях скандинавами, послужила, как известно, первым и наиболее постоянным оплотом дальнейшего развития Русского государства, которое постепенно поглотило и Курское Посеймье. Так что исторический контекст движения северо-западной топонимики на Юго-Восток формирующейся Руси просматривается вполне отчетливо.

Здесь же, на Юго-Востоке славянского расселения обсуждаемые лингвистические явления безусловно вторичны. Ведь посеймские гидронимы «курского» корня крайне малочисленны; причем все они явно производны от перво-Курска на Куре; относятся к гораздо более позднему времени, нежели древнерусское. Это всего 4 речки: Куренка и Курицы — Большая, Малая и Гнилая. Последнее определение лишний раз подчеркивает непонимание коренным населением юга первоначального смысла основы «кур», этимологизированной здешним народом в доступной ему орнитологической форме (птицы семейства куриных) и дополнительно искаженной путем тавтологии (ибо в южнорусских говорах гидроним «гнилой» означает то же самое, что на севере «курья», «кур» — незначительный, пересыхающий в жару и потому дурно пахнущий поток).

Внимательное рассмотрение структуры новгородских земель периода их генезиса позволяет дать предположительный ответ даже на вопрос, казалось бы, неподвластный археологии: почему опорная топонимика южного Курска заимствована именно из бассейна Ловати? (достаточно отдаленного от Посеймья, а не какого-то иного из покоренных Русью к тому времени районов). Исследователи славянских памятников ловатского поречья обратили внимание на «отсутствие там ярко выраженного местного племенного центра. Административный центр средней Ловати, локализуемый для древнерусского времени (XI–XIII вв.) в районе д. Теребыни, не прослеживается здесь для более раннего периода — IX–X вв.» [Конецкий, 1988, с. 28]. Хотя присутствие тут ильменских словен и в этот период бесспорно, судя хотя бы по наличию здесь нескольких скоплений сопочных насыпей. Судя по гидронимии бассейна Ловати, этот район подвергся славянизации довольно рано [Агеева, 1989, с. 203]. Больше того, бассейн Ловати представлял собой в последние века I тыс. н. э. один из наиболее заселенных микрорегионов на всем протяжении Приильменья и Поволховья [Носов, 1977, с. 9]. Между тем экологические ресурсы Северо-Запада для средневекового крестьянствования были особенно ограниченными. «Отлив» отсюда под конец I тыс. н. э. части населения на обширные и плодородные почвы Юго-Востока выглядит поэтому вполне возможным.

Дополнительное объяснение подобной миграции связывается с прокладкой на рубеже IX–X вв. нового пути с Балтики к югу — «из варяг в греки», для которого именно долина Ловати выступила стартовой площадкой. «После утверждения Олега в Киеве в 882 г. Ловать окончательно становится коммуникационной артерией, подчиненной нуждам киевской княжеской власти, реализации планируемых ею акций на территории будущей Новгородской земли (и не только ее одной — *С. Щ.*). Потенциальные возможности возникновения в данном регионе центра племенной знати, противостоящему княжескому Новгороду (Рюрикову городищу), были, таким образом, пресечены» [Петров, 1996, с. 57].

В качестве же подручного людского резервуара для торгово-дипломатическо-военных акций викингского типа Половатье, напротив, оказалось для Киева самым удобным местом. Более северные, да и более южные по сравнению с ним места влияния продолжали оставаться ареной государственно-племенного противостояния. Их ополчение можно было увлечь разовой перспективой царьградской или иной добычи, но

заставить их «лучших мужей» покинуть родные места, променять привилегии дома на риск их завоевания на чужбине оставалось какое-то время для Киева мудрено. Киевский же дружинный гарнизон требовался в самой столице, ибо поначалу задействовался в ежегодном полюдье, а потом гарантировал там верховную власть князя-Рюриковича. Тогда как сошедшиеся по зову последнего на Ловати из славяно-кривичско-чудской округи люди, выбравшие службу Рюрику и его преемникам на престоле, поднаторевшие в обслуживании оживленного международного пути, подходили для участия в первоначальном «окняжении» юго-восточных территорий куда лучше. Любопытно отметить, что и сегодня деревни, расположенные непосредственно по Ловати, населены этнографически особой группой новгородского населения. Эти «ловатчане» отличаются от своих ближайших соседей «редьянов» и «залесенских» по ряду признаков (выговор, праздники и т. д.) [Зимина, 1998, с. 46].

Предполагая южное Приильменье в качестве наиболее вероятного плацдарма для «нарубания мужей», подвластных Киеву, ради переселения их в Посеймье, нельзя, конечно, исключить участия в этой акции представителей других микрорегионов Новгородчины и, конечно, не ее одной из попадавших на политическую орбиту Киева земель и народов. В качестве другой заманчивой для моих выкладок топонимической параллели упомяну комплекс памятников (городище и селище) в урочище Курская Гора в верховьях р. Луги, сравнительно недалеко от Новгорода (Битецкий район Новгородской области) [Клубова, 1992]. Находки отсюда обнаружили наиболее яркие и полные аналогии в древностях культуры смоленских длинных курганов. Причем данный поселенческий комплекс, судя по отсутствию в его культурном слое гончарной керамики, прекратил свое существование не позднее середины X в. (как и некоторые другие приильменские городища). Поскольку следов военного разгрома тут не оказалось, вероятно, жители Курской Горы и ряда соседних пунктов переселились куда-то. Не в самом знакомом ли их ближайшим предкам направлении Верхний Днепр–Десна? (–Сейм?), т. е. в зону, чья славянская культура — роменская — прямо повлияла на тех же смоленско-полоцких кривичей.

Из проделанных топонимических выкладок с достаточной, на мой взгляд, убедительностью следует *вывод о северо-западных, в особенности новгородских корнях названия древнерусского Курска* и, возможно, некоторых «привязанных» к нему в средневековье урбанонимов и вообще топонимов его ближайшей округи.

Использованный при наречении Курсков, северного и южного, суффикс «-ск» — один из самых продуктивных для древней славянской топонимики. Географические названия с его использованием хорошо известны западным и южным славянам. А среди славян восточных такое окончание в названиях их поселений явно «характерно для Северной Руси, доминируя в названиях городов в самый ранний период, используясь для образования вторичных топонимов (в частности, от гидронимов)…» [Древнерусские города, 1987, с. 124]. Предполагается, что данный суффикс отражает степень укрепленности названного с его использованием поселения [Джаксон, Рождественская, 1988, с. 226], т. е. его именно городской, по понятию Средневековья, характер.

О степени древности рассматриваемого форманта на северо-западе Восточной Европы можно судить по первым упоминаниям соответствующих названий в письменных источниках, отечественных и зарубежных. Степень эта предельная по меркам хотя бы косвенно и обобщенно датируемых известий такого рода — вторая половина IX — начало X вв. Имеются в виду летописные Полоцк (древнерусский Полтеск); Смоленск, Изборск; несколько позднее — Псков (Плесков). В иных частях Древней Руси тот же формант, в свою очередь, присущ самым древним и крупным (по региональным меркам) городским центрам (вроде Новгорода-Северска, Севска, Брянска в Подесенье; Курска, Рыльска, Липовеческа (?) в Посеймье; и т. п.). Хотя по вполне понятным обстоятельствам за пределами северо-запада формирующейся Руси эти центры в своем городском качестве как минимум на столетие (а то и более) моложе вышеупомянутых северо-западных, т. е. относятся к X в. и последующему времени (рис. 1).

Известный топонимист В. А. Никонов, рассматривая «старинный суффикс „-ск“», подметил, между прочим, любопытную деталь: и в XVII–XVIII вв. он «частым не был, оставаясь предпочтительно книжным …; его давали канцелярии: светские — городам, духовные — церковным селам»; деревни назывались с ним исключительно редко. В. А. Никонов попутно высмеивает встречавшиеся в грамматологии мнения о «-ск» как «суффиксе коллективной принадлежности», «царском», «морском», «неличном». По его убеждению, «коллектив царей» невозможен [Никонов, 1989, с. 170]. Между тем именно нечто подобное представлял собой харизматический род князей-Рюриковичей — коллективный сюзерен Руси [Назаренко, 1986]. С утверждением власти этого княжеского клана над «славиниями» Восточной Европы совпадает появление и первоначальное распространение здесь урбанонимов с таким суффиксом. Так что отнесенность старейших из них к числу городов, находящихся в личной или же родовой, династической собственности князей Рюрикова Дома, вполне вероятна.

Все высказанные мной предположения находят дополнительные подтверждения при картографировании соответствующих названий (рис. 1), выполненном в свое время Ю. Ю. Моргуновым для нашей совместной с ним работы [Моргунов, Щавелев, 1997] и дополненном мной для этой публикации. Рассмотрев их расположение на территории Восточной Европы, можно заметить, что все компактные скопления соответствующих летописных «градов» отвечают основным направлениям «окняжения» Русью так называемых «племенных территорий» славян и их ближайших соседей (рис. 1, *Д*). Эти скопления накрывают основные группировки восточных славян, наиболее развитые под конец I тыс. в социально-политическом отношении. А именно, летописные «княжнения» (словен, полочан, дреговичей) и похожие на них социумы (волынян, кривичей, северян и вятичей).

Полностью свободной от урбанонимов с формантом «-ск» осталась лишь территория Руси в собственном, первоначальном, узком смысле этого слова. Эта исходная Русь — своего рода сердцевина, домен «державы Рюриковичей» — суть Верхнее Поднепровье; от Киева и Чернигова в своем центре; до Переяславля на юге; Смоленска на севере; и, наконец, до Турова и Пинска на западе. Первоначальная Русь оказывается вытянутой преимущественно в широтном направлении; главным образом на запад — по Правобережью Днепра; ее восточные пределы наименьшие.

Кроме верхнеднепровского «просвета», от городов с таким суффиксом свободен анклав Ладога — Новгород, т. е. стартовый плацдарм для рывка войск «северной коалиции племен» на юг, по будущему «пути из варяг в греки». Этот участок — своего рода «водные ворота» на просторы Восточной Европы — был освоен скандинавами, родоначальниками здешней «руси», раньше и прочнее всего. А центры с формантом «-ск» потребовались затем, чтобы политически уравнять эту часть «державы Рюриковичей» с остальными, позднейшими по времени «окняжения» территориями.

Кроме исходной Руси, не потребовалось таких городов, что назывались с «княжеским формантом», для закрепления во власти Киева тех «племенных территорий», которые оказались покорены им первыми. Это, во-первых, поляне. А вслед за ними — древляне, радимичи и часть (западная) северян, обложенные данью еще Олегом Вещим (883–886 гг.). Как видно, эти регионы, самые маленькие по территории среди прочих восточноевропейских «славиний», просто сдались на милость победителя из Киева. И оставались в пределах быстрой досягаемости его войсками. А остальные, самые обширные «племенные территории» пришлось поэтапно покорять огнем и мечом.

Примерно по периметру данной топонимической лакуны и проходил путь русского полюдья. Как видно, городские (т. е. первоначально прежде всего крепостные, гарнизонные) центры с рассматриваемыми названиями маркируют основные направления и зоны военно-политической экспансии Киевской Руси.

Все вышеуказанные (со ссылкой на мнения лингвистов — специалистов по топонимике) оттенки значения так оформленных названий домонгольских городов вполне соответствуют обстоятельствам их основания и имянаречения. А именно, значи-

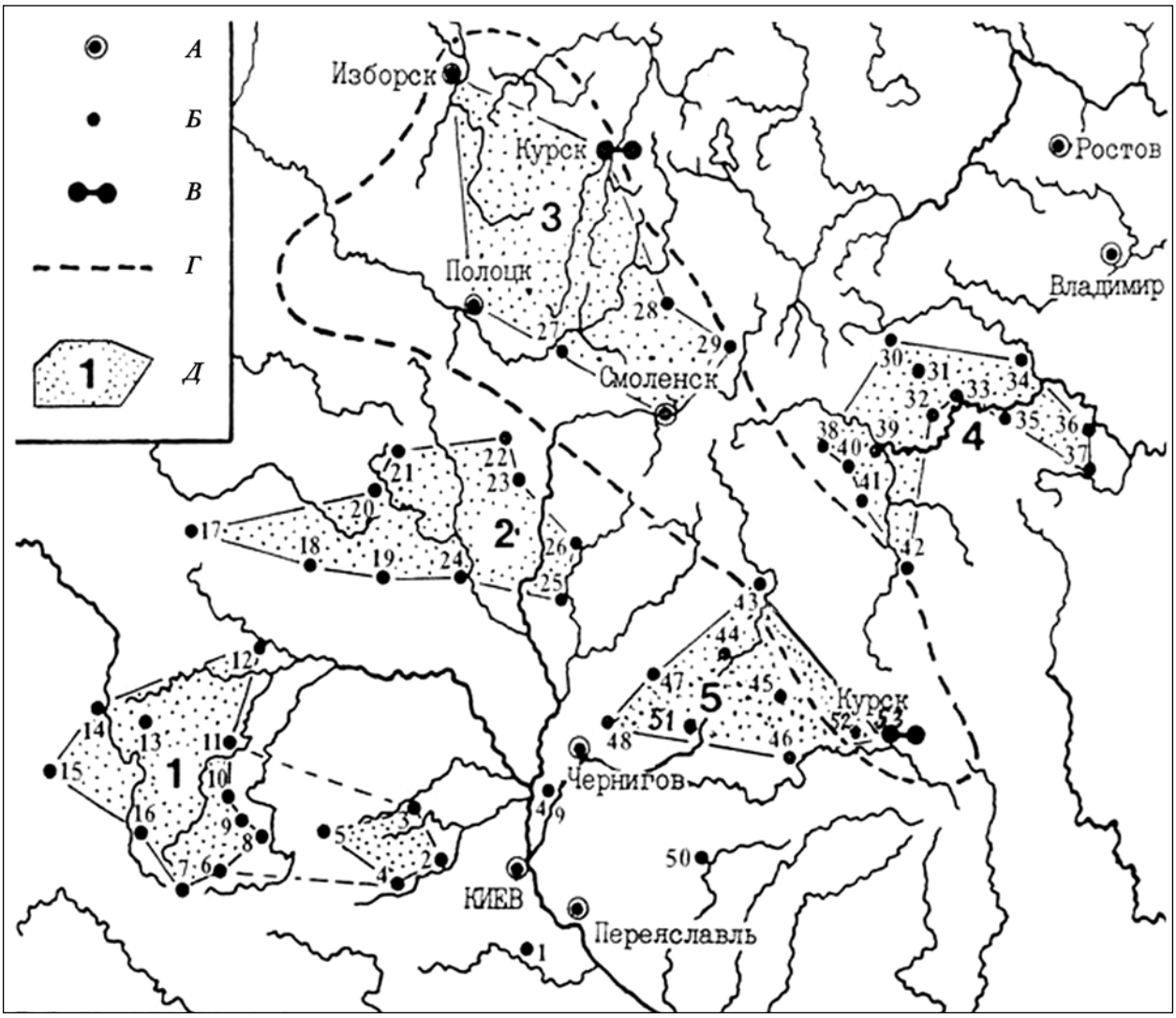


Рис. 1. Топонимическая карта урбанонимов с формантом «-скъ»
(по публикации: Моргунов, Щавелев, 1996; здесь приводится с дополнениями С. П. Щавелева (2006))
А — древнейшие города; *Б* — урбанонимы с формантом «-скъ»; *В* — дублетные топонимы: «Курск — Лип(и)но — Ратно»; *Г* — ареал распространения 4-й группы кладов куфических монет — 970-х — 980-х гг. (по А. В. Фомину); *Д* — группы скоплений урбанонимов с формантом «-скъ»:
1 — волынская; *2* — северо-дреговичская; *3* — словено-полочанско-кривичская;
4 — вятичско-поокская; *5* — деснинско-сеймская (северянская).
Урбанонимы: *1* — Торческ; *2* — Мичск; *3* — Ушеск; *4* — Городеск; *5* — Корческ; *6* — Шумск; *7* — Плеснеск; *8* — Мысльск; *9* — Зареческ; *10* — Луческ; *11* — Черторыйск; *12* — Пиньск; *13* — Турийск; *14* — Угровеск; *15* — Сутейск; *16* — Бужеск; *17* — Волковыйск; *18* — Клеческ; *19* — Случеск; *20* — Меньск; *21* — Логожеск; *22* — Дрютеск; *23* — Голотическ; *24* — Бобруеск; *25* — Чичерск; *26* — Прупошеск; *27* — Витебск; *28* — Вержавск; *29* — Верховск; *30* — Можайск; *31* — Боровск; *32* — Лобынск; *33* — Нериньск; *34* — Сверилеск; *35* — Колтеск; *36* — Ужеск; *37* — Проньск; *38* — Мосальск; *39* — Воротынск; *40* — Серенск; *41* — Козельск; *42* — Мценск; *43* — Дебрянск; *44* — Трубчевск; *45* — Севск; *46* — Рыльск; *47* — Ропеск; *48* — Сновск; *49* — Моровийск; *50* — Глинеск; *51* — Новгород-Северск(ий); *52* — Липовическ (?); *53* — Кур(е)ск; *54* — Псков (Плесков)

тельная часть названий соответствующих «градов» действительно дана по названиям рек, на берегах которых воздвигались их укрепления. Среди этих водных потоков и сравнительно крупные реки (вроде Буга, Случи, Угры и т. д.), и относительно мелкие притоки таковых (типа Менки, Витьбы, Сева, Кура, Рыла, Путивльки, Прони и т. п.). Такие — гидронимические — названия, скорее всего, давались новопоселенцами, строителями соответствующих укреплений. Ведь первое, что они могли узнать у местного населения, это название «градообразующей» реки. Даже если город получал название без помощи речной кальки, она могла в действительности иметь имяопределяющее значение. Так, все три домонгольских Переяславля стоят на реках с одинаковым названием — Трубеж [Дубов, 1998]. Водные артерии, как известно, выступали в ту эпоху основным путем передвижения мигрантов, войск и товаров.

Как свидетельствуют результаты археологических раскопок, все мало-мальски значительные укрепленные поселки — центры роменской культуры на Днепровском Левобережье — гибнут на рубеже X–XI вв. в огне пожаров при их штурмах войсками Руси [Григорьев, 2000]. Местное население частью бежит далеко на север, частью истребляется захватчиками, частью перемещается с насиженных мест в новые, более крупные центры. Поэтому других постоянных именных «привязок» к завоевываемой местности, кроме сохранившихся речных названий, у представителей корпоративной «Руси» за ее тогдашними пределами просто не было. Ни патронимные (по аборигенным этнопредкам, вроде Киева или Чернигова), ни просто древние исторические названия (Искоростень, Овруч, мерянский Ростов и т. д.) их конкурентам и завоевателям из Киева знакомы и близки не были. Такого рода более древние названия сохранились вместе с городами, в целости и сохранности перешедшими под власть торгово-дружинно-административной «руси». Города же, заново основанные представителями этой самой «руси» на пепелище старославянских «племенных» центров, выступали в роли соперников или преемников этих последних. Именно поэтому, должно быть, они в целом ряде случаев и получали имена, объединенные суффиксом «-ск». В такого рода названиях нагляден альянс славянского и русского пластов соответствующей топонимики. Рекам и прочим урочищам давали местные, прежние имена. А суффикс «-ск» имел, похоже, притяжательный оттенок смысла («Чей город? Нашенский!» — примерно так можно объяснить семантику данного форманта в древнерусскую эпоху).

Конечно, в иных случаях захватчики «племенных территорий» обходились при градонаречении без пресловутого форманта. Однако принцип привязки к безэтничным особенностям рельефа местности сохранялся, как правило, и тогда. Например, Новгороды, Великий и Нижний — по времени основания; Белгороды, право- и левобережный, — по одинаково светлому цвету мергелевой породы укрепляемого приречного холма и т. п.

Как видно из этих последних примеров, одним из последствий прослеживаемого процесса топонимизации русской социально-политической экспансии и выглядят *дублетные названия домонгольских городов*. Те, кто основали первый город с таким именем, затем отправлялись воевать и строить дальше, где и возникал урбанимический тезка. В рассматриваемом случае один Курск появлялся на одной из безымянных приток (*курье*) новгородской Ловати, а его тезка — на ручье Куре при его впадении в северянскую реку Тускарь. Реальная общность происхождения этих центров археологически подтверждается устойчивыми экономическими (торговыми) и миграционными взаимосвязями между этими достаточно удаленными друг от друга городами (рис. 1, *Г*).

Разумеется, далеко не все центры новой власти в X–XI в., а тем более в XII–XIII вв., получали интересующее нас топонимическое оформление. Чем дальше по сторонам света простиралась власть Руси, тем разнообразнее становились поводы для наименования ее форпостов. Тем не менее, прослеженный пласт урбанонимов выглядит до сих пор недооцененной исследователями публичной формой манифестации дружинно-княжеской власти в Древней Руси. Благодаря сети сравнительно новых городских центров, пришедших на смену разоренным и запустевшим в своем большинстве старым «племенным» «градам», имя и культура Руси распространились на всю огромную территорию «империи Рюриковичей».

Наконец выскажусь по поводу более точной хронологии обсуждаемого сюжета. В краеведческой и исторической литературе довольно давно утвердилось и до сих пор преобладает предположение об основании Курска в Посеймье при Владимире Святославиче (? — 1015) [Енуков, 2005, с. 303–304]. Такого рода утверждения продиктованы наивным стремлением «удревнить» возраст города, искусственно подтянуть его к «заветному» для краеведов и некоторых археологов сегодня тысячелетию (ведь такой юбилей предполагает финансирование). Выхваченные из летописного контекста сообщения о военно-политической активности крестителя Руси произвольно распространяются на слишком отдаленный от его столицы район Посеймья. Владимиру I в итоге его княжения едва удалось отстоять от печенегов район Киева — «Русь» в первоначальном его значении. Не только в Полоцке и Турове, но и в Чернигове вплоть до конца X в. явно «сидели» альтернативные Рюриковичам варяжские династии. Левобережные северяне, одним из центров которых выступал район будущего Курска, в качестве объектов киевской агрессии при Владимире в письменных источниках не упоминаются. Те соседние с ними объединения (вроде вятичей или радимичей), которые киевским князьям удалось к тому времени принудить к выплате дани, сохраняли известную автономию вплоть до XII в. Индикатором такой независимости выступает, как видно, их упоминания летописью как народов (а не просто географических мест их прежнего проживания).

Первое письменное упоминание этого города — в «Житии» Феодосия Печерского — относится к началу 1030-х гг. [Щавелев, 2008, с. 49–56]. Причем Курск представлен там уже как полноценный центр древнерусского типа. Отсюда логично предположить, что момент его строительства приходится как минимум на 5–10 лет ранее. Получается как раз конец правления Владимира Святого и начало междоусобной войны его сыновей за власть над Русью.

Археологические находки свидетельствуют о русской экспансии в пока еще вполне роменском Посеймье на протяжении конца X — начала XI вв. [Григорьев, 2000]. Соотнести их с политикой того или другого князя-Рюриковича затруднительно, равно как и оценить их геополитический статус (торговля, мирная колонизация из Киева и Чернигова, первые форпосты русской власти?). Во всяком случае, последовавшая накануне и после смерти крестителя Руси междоусобица его наследников вряд ли оставляла им возможность думать о контроле над северянским Левобережьем. На территории собственно Русской земли тогда полыхали экстраординарные политические страсти: физическое устранение Святополком более популярных среди киевлян Бориса, Глеба и Святослава (1015 г.); война между Святополком и Ярославом, в которой участвовали и поляки, и киевская дружина-«русь», и пришлые наемники-варяги, и словене, и новгородцы, и печенеги (1017–1018); затем отражение Ярославом набега на Новгород Брячислава (1021).

Все это время Левобережье оставалось, как видно, практически независимым. Вряд ли на северян распространялась хотя бы номинальная власть Мстислава Владимировича, копившего в далекой Тьмутаракани силы для броска на Киев. Зато усилившись касожской данью и воинской силой, он смог в 1023 г. пойти на Ярослава уже «с хазарами и касогами» в качестве весомого дополнения к собственной дружине. Северяне в составе его войска пока не упомянуты, что может свидетельствовать об их временном нейтралитете при дележе политического наследства Владимира I.

В 1024 г. происходит решающая битва сильнейших князей-Владимировичей при Листвене, где, наконец, на летописную сцену снова выходят северяне, одной из «столиц» которых явно выступал Курск. За нарисованной летописцем живописной картиной Лиственской битвы просматривается особый статус северян в орбите Киевской державы, который они, по всей видимости, сохраняли всю первую четверть XI в. Если посчитать северян полностью подчиненными Мстиславу по завещанию Владимира, то радость тьмутараканского князя по поводу гибели всего северянского ополчения — части его собственного войска — выглядит непонятной. Радоваться

в той ситуации можно было только устранению или ослаблению соперника или, по крайней мере, нейтрала в кровавой борьбе Рюриковичей за киевский стол. Мстиславу, скорее всего, удалось увлечь северянскую дружину перспективой посчитаться с их старым соперником — Киевом, обещаниями закрепить их автономию в том случае, если он вырвет верховную власть у Ярослава. Подставив же вооруженные силы «Севера» под удар подобного же «иностранного легиона», только Ярославова, тьмутараканский князь добивался сразу нескольких выгод: сохранял свою собственную дружину для дальнейшей борьбы за Киев и подрывал способность Левобережья противоречить его решениям, закреплял обезоруженное по сути Посеймье за собой — победителем.

Вряд ли случайно перед нами последнее упоминание северян (как народа) в летописи. Попав из огня киевской дани и угрозы полной потери автономии в полымя Мстиславова вероломства, объединение «Север», и так изрядно скукожившееся к тому времени по своей территории, явно исчерпало возможности сопротивления русскому натиску. Раздел Руси по Днепру в результате мира у Городца, заключенного Ярославом и Мстиславом в 1026 г., принес «великую тишину в страну», явно включившую, наконец, в себя и большую часть северянского Левобережья (вятичи и радимичи, впрочем, сохраняли некую автономию вплоть до XII в.). Так что именно возглавивший Левобережье Мстислав нуждался в поддержании и укреплении таких опорных пунктов, княжеских городов на Сейме, каким являлся житийный, затем и летописный Курск. Вместе с тем, именно с переходом Левобережья под руку Мстислава соблазнительно связать насильственную ликвидацию многих прежних центров этого региона, гибнущих в пожарах начала XI в., — скандинавского военного лагеря в Шестовицах под Черниговом, Переверзевского II городища на Тускари, Люшинского и Капыстического на Сейме, многих других т. п.

Раскопанные В. В. Енуковым укрепления Курска рубежа X–XI вв. могли быть сооружены вовсе не победителями-русью, а местными жителями под угрозой со стороны этой последней. Тем более что конструкция упомянутых укреплений вполне в роменских традициях. Вряд ли киевские инженеры и военные так быстро бы переучились. В. В. Енуков сам констатирует («к сожалению») отсутствие следов поновления укреплений на месте курского роменского городища.

Таким образом, именно Мстислава я предлагаю считать основателем Курска как древнерусского города (в середине 1020-х гг., когда «наступила тишина на всей Русской земле», по свидетельству летописца). Предлагаемая датировка основана на сопоставлении временных реперов летописи и жития Феодосия Печерского [Щавелев, 2012, с. 42–48].

Кончина Мстислава (последовавшая подозрительно скоро после безвременной смерти его единственного наследника Евстафия), датированная разными летописями 1033–1036 гг., расчистила Киеву путь к бесконтрольной власти на Левобережье. По определению летописца, Ярослав «стал самовластцем в русской земле». Так завершился двухвековой процесс соперничества двух сильнейших объединений, разделенных в IX–X вв. Днепром — Киевской Руси и северянского Подесенья (с Посеймьем). Превращение Курска из роменского центра в древнерусский город связано с политикой сыновей Владимира Святого — началось, должно быть, при Мстиславе «Лютом», а завершилось при Ярославе «Мудром».

Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации / Р. А. Агеева. — М., 1989. — 252 с.

Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. / А. М. Андрияшев. — [Т.] I. — Списки селений. — М., 1914. — 611 с.

Архимандрит Сергий. Черты церковно-приходского и монастырского быта в писцовой книге Водской пятины 1500 г. (в связи с общими условиями жизни) / Архимандрит Сергий. — СПб., 1905.

Арциховский А. В. Раскопки 1930 г. в Новгородской земле / А. В. Арциховский // Советская археология. — Вып. 1. — 1936. — С. 187–194.

Багалей Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVII ст. / Д. И. Багалей. — Харьков, 1886. — 614 с.

Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве» / Н. А. Баскаков. — М., 1985. — 208 с.

Борек Г. Восточнославянские топонимы с формантом *-ьн-* / Г. Борек // Восточнославянская ономастика. — М., 1972. — С. 90–143.

Булкин Вас. А. Дублетные гидронимы Верхнего Поднепровья и Подвинья / Вас. А. Булкин // Час, помінкі, людзі. Памяці рэпрасаваных археолагау. — Мінск, 1993. — С. 11–20.

Буров В. А. Новгородские писцовые книги и археология / В. А. Буров // Российская археология. — 1993. — № 3. — С. 82–87.

Буров В. А. О времени возникновения новгородского погоста Жабно / В. А. Буров // Российская археология. — 1995. — № 2. — С. 44–58.

Васильев М. А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира / М. А. Васильев. — М., 1999. — 328 с.

Веске М. В. Славяно-финские культурные отношения по данным языка / М. В. Веске // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. — Т. VIII. — Вып. 1. — Казань, 1890.

Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI в. по археологическим данным / А. В. Григорьев. — Тула, 2000. — 263 с.

Джаксон Т. Н. К вопросу о происхождении топонима «Изборск» / Т. Н. Джаксон, Т. В. Рождественская // Древнейшие государства на территории СССР. 1986 г. — М., 1988. — С. 223–229.

Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты, перевод, комментарий / [сост. Т. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон]. — М., 1987. — 210 с.

Дубов И. В. Три Переяславля (исторические судьбы: общее и особенное) / И. В. Дубов // Історія Руси–України (історико-археологічний збірник). — К., 1998. — С. 103–110.

Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей / В. В. Енуков // Курский край: научно-популярная серия в 20 т. — Т. 3. — Курск, 2005. — 350 с.

Зимин А. А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.) / А. А. Зимин. — М., 1973. — 391 с.

Ивановский Л. К. Курское городище / Л. К. Ивановский // Труды II Археологического съезда. — М., 1881. — С. 68–70.

Клубова О. В. Об исследовании комплекса памятников в урочище Курская гора / О. В. Клубова // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. — Новгород, 1992. — С. 45–58.

Конецкий В. Я. Население долины р. Ловать в процессе сложения первоначальной территории Новгородской земли / В. Я. Конецкий // Новгород и новгородская земля: история и археология. — Новгород, 1988. — С. 26–30.

Конецкий В. Я. Характер низовых социальных структур населения Приильменья в эпоху сопок / В. Я. Конецкий // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. — Новгород, 1992. — С. 124–133.

Кочин Т. Е. Материалы для терминологического словаря древней России / Т. Е. Кочин. — М.-Л., 1937.

Липкинг Ю. А. Курск — древний русский город / Ю. А. Липкинг, В. И. Самсонов // Курск: очерки истории города. 2-е изд., доп. — Воронеж, 1975. — С. 5–26.

Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. / В. В. Майков. — СПб., 1911. — 307 с.

Мельникова Е. А. Древняя Русь в исландских географических сочинениях / Е. А. Мельникова // Древнейшие государства на территории СССР. 1975 г. — М., 1976. — С. 141–156.

Моргунов Ю. Ю. «Курескъ на Тускоръ»: к вопросу о происхождении летописного города / Ю. Ю. Моргунов, С. П. Щавелев // Славянский средневековый город: Труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. — Т. VI. II. Славянский средневековый город. — М., 1997. — С. 261–271.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. — М., 1984. — 654 с.

Назаренко А. В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) / А. В. Назаренко // Древнейшие государства на территории СССР. 1985 г. — М., 1986. — С. 135–147.

Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI в. / К. А. Неволин. — СПб., 1853. — 441 с.

Невская Л. Г. Балтийская географическая терминология (к семантической типологии) / Л. Г. Невская. — М., 1977. — 229 с.

Нерознак В. П. Названия древнерусских городов / В. П. Нерознак. — М., 1983. — 209 с.

Никонов В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. — М., 1966. — 509 с.

Никонов В. А. Исторические суффиксы рязанской топонимики / В. А. Никонов // Имя — этнос — история. — М., 1989. — С. 168–175.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. III. — М., 2001. — 656 с.

Новгородские писцовые книги. Указатель к первым шести томам. — Пг., 1915.

Носов Е. Н. Поселения Приильменья и Поволховья в конце I тысячелетия н. э.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Е. Н. Носов. — М., 1977.

Носов Е. Н. Замечания о южной границе Новгородской земли / Е. Н. Носов // Псков: памятники средневековой культуры — открытия, версии. — СПб., 1994. — С. 167–168.

Петров Н. И. Поволховье и Ильменское Поозерье в IX–X вв. / Н. И. Петров. — СПб., 1996. — 100 с.

Платонова Н. И. Погосты и волости Северо-Западных земель Великого Новгорода (к проблеме формирования административной структуры) / Н. И. Платонова // Археологические исследования Новгородской земли. — Л., 1984. — С. 173–187.

Подольская Н. В. Некоторые формы славянизации иноязычных топонимов (на материале Новгородской территории) / Н. В. Подольская // Географические названия. — М., 1962. — № 58. — С. 220–228.

Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. — М., 2001. — 360 с.

Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов / С. Роспонд // Восточнославянская ономастика. — М., 1972. — С. 9–89.

Самоквасов Д. Я. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей / Д. Я. Самоквасов. — Варшава, 1892. — 158 с.

Селин А. Н. Об одном малоизвестном территориальном делении Новгородской земли в XVI в. / А. Н. Селин // Новгород и Новгородская земля: история и археология. — Новгород, 1995. — Вып. 9. — С. 272–281.

Склярук В. И. Происхождение топонимов Тускарь, Кур и Курск: к вопросу о контактах славян с тюрками / В. И. Склярук // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. — М.–Курск, 1994. — С. 229–230.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам / И. И. Срезневский. — Т. 1. — Вып. 3. — СПб., 1893. — 771 с.

Фомин А. В. Древнерусские денежно-монетные рынки в 70–80-х гг. X в. / А. В. Фомин // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 гг. — М., 1995. — С. 63–73.

Щавелев С. П. Клады арабского серебра в Курском Посеймье // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции / С. П. Щавелев. — СПб., 2002. — С. 144–149.

Щавелев С. П. Феодосий Печерский — курянин. Историко-археологические очерки / С. П. Щавелев. — Курск, 2008. — 280 с.

Щавелев С. П. Возраст житийно-летописного города Курска // С. П. Щавелев // Российское государство: истоки, современность, перспективы. Материалы межрегиональной историко-патриотической научной конференции. — Ч. I. — Липецк, 2012. — С. 42–48.

Янин В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV вв. / В. Л. Янин. — М., 1998. — 216 с.

Ященко А. И. Гидронимический словарь Курской области / А. И. Ященко. — Л., 1969. — 96 с.

С. П. Щавелєв

Житійно-літописний Курськ на геополітичній карті Давньої Русі

Стаття присвячена обґрунтуванню гіпотези північного походження назви міста Курська в Давній Русі. Географічним дублікатом південного Курська на річці Курі виступає середньовічний Курськ на річці Ловаті. За даними топоніміки, писемних джерел, нумізматики та іншими археологічними знахідками, автор припускає переміщення представників київських князів із новгородської Півночі Русі на її південний схід, до басейну річки Сейм, де на початку XI ст. був заснований новий Курськ. Першу згадку про нього в писемних джерелах (Житії св. Феодосія Печерського) автор відносить до початку 1030-х рр.

Стаття присвячена пам'яті А. В. Кузи, який проводив археологічні дослідження і в Новгороді, і в Курській області.

S. P. Shchavelev

The Historic Town Kursk on the Geopolitical Map of Old Rus'

The article is about the substantiation of the hypothesis of northern origin of name of the city of Kursk in ancient Russia. Geographical duplicate of the name is a name of the medieval city of Kursk on the river Lovat. Using toponymics, written sources, numismatic and other archaeological findings the author suggests moving representatives of the Kievan princes from Novgorod (north of Russia) to south-east, in the basin of the Seim river, where the new Kursk was founded at the beginning of the XIth century. It was first mentioned in writing (Life of St. Theodosius of the Caves), the author refers it to the beginning of 1030^{s}.

Article dedicated to the memory A. V. Cuza , who conducted archaeological research in Novgorod and in the Kursk region.

С. В. Белецкий

Геральдические подвески Древней Руси: география находок

В статье комментируется география находок древнерусских геральдических подвесок.

Ключевые слова: геральдические подвески, верительные знаки, украшения, Древняя Русь.

Геральдические подвески — это металлические или костяные подвески трапециевидной или фигурно-трапециевидной формы, на одной или на обеих сторонах которых помещены изображения древнерусских княжеских знаков (подвески-оригиналы) либо металлические подвески с изображениями имитаций этих знаков (подвески-реплики). Время бытования и назначение подвесок-оригиналов и подвесок-реплик было различным. Подвески-оригиналы датируются X–XI вв. Они являлись верительными знаками, а их держатели выступали официальными представителями князей-Рюриковичей[1]. Подвески-реплики относятся преимущественно к XII–XIV вв. Они входили в состав женских нагрудных украшений и, вероятнее всего, являлись престижным элементом убора, указывающим на особый социальный статус владелицы. Вторичный характер подвесок-реплик по отношению к подвескам-оригиналам очевиден.

К 2013 г. зафиксировано 109 геральдических подвесок: 37 подвесок-оригиналов, 51 подвеска-реплика, 7 сомнительных предметов и 11 фальсификатов. Сведения о трех предметах остаются непроверенными [Белецкий, 2004; 2014].

Подвески-оригиналы распространены как на территории древнерусского государства, так и за его пределами – от Прикамья на востоке до Понеманья и низовьев Даугавы на западе. В большинстве мест найдено по одной подвеске. Исключение составляет Киев и его округа, откуда происходят три находки, Кельгининский могильник в Мордовии, в погребениях которого найдены две одинаковые подвески, а также Новгород, где обнаружены шесть подвесок, правда, три из них — костяные[2]. Отмечу, что все находки подвесок из медных сплавов происходят с территории Руси, в то время как серебряные подвески найдены как на территории Руси, так и за ее пределами. Исключением являются медные подвески из Кельгининского могильника (Мордовия), однако обе они были покрыты полудой, т. е.

1. Догадка об официальном назначении подвесок-оригиналов была высказана еще А. В. Орешниковым: «Какое назначение было … привесок, сказать не могу, но, судя по помещению на них княжеского родового знака, привески носили официальный характер» [Орешников, 1930, с. 95]. С этим мнением осторожно согласился и Н. П. Лихачев: «Можно думать, что такая подвеска не была простым украшением, а носилась и что-то обозначала» [РА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 2, д. 444, л. 499]. Но первым отчетливо сформулировал оценку древнерусских геральдических подвесок в качестве верительных знаков княжеских чиновников Б. А. Рыбаков: «Несомненно, что они носились на шнуре. Об этом свидетельствуют наличие ушек и потертость всех привесок. Невольно вспоминаются татарские пайцзе, нагрудные знаки достоинства, которые носились чиновниками и доверенными лицами хана. На пайцзе писалось имя хана; на наших подвесках изображался знак князя. И те, и другие имели приспособление для шнура и носились на груди. Подвески с княжеским знаком найдены в крупнейших городах Киевской Руси, административно связанных с Киевом, с киевским великим князем… Вполне возможно, что киевские князья давали эти знаки, своего рода верительные грамоты, своим посадникам, даньщикам, тиунам, вирникам» [Рыбаков, 1940, с. 239]. После работ А. Л. Молчанова [Молчанов 1976; 1986; 1996] эта гипотеза получила самое широкое распространение.

2. Главным отличием костяных подвесок от металлических является то, что изображения на них были процарапаны неумело, хотя вполне осознанно и узнаваемо. Полагаю, что костяные подвески с изображениями княжеских знаков представляли собой детские игрушки, копировавшие подлинные верительные знаки княжеских чиновников точно так же, как детские деревянные мечи, копья, боевые ножи и луки со стрелами копировали подлинное оружие княжеских дружинников [Белецкий, 2011, с. 47–48].

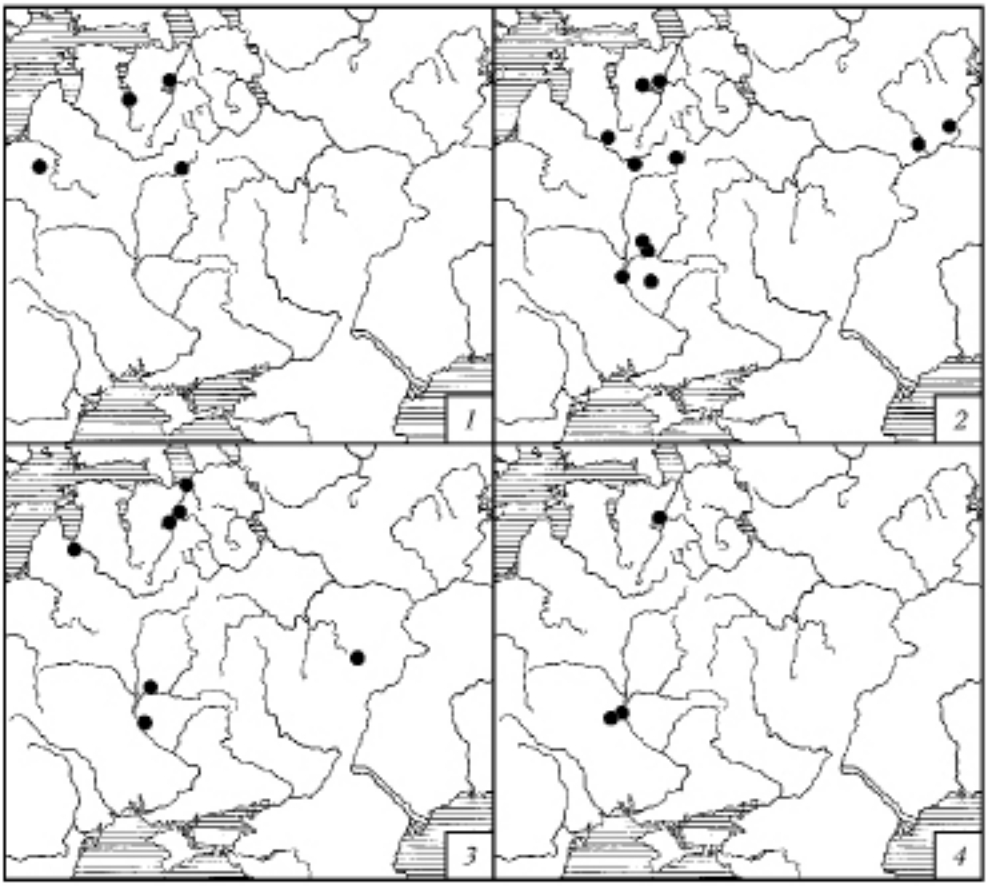


Рис. 1. Карта распространения подвесок-оригиналов X–XI вв.
1 — в годы великого княжения Игоря Рюриковича, Святослава Игоревича и Ярополка Святославича; *2* — в годы единоличного великого княжения Владимира Святославича; *3* — в годы княжения Владимира Святославича и его сыновей; *4* — в годы, последовавшие за смертью Владимира Святославича

были белого цвета, что придавало им облик серебряных. Вероятно, такая избирательность связана с полномочиями владельцев подвесок.

В годы великого княжения Игоря Рюриковича, Святослава Игоревича и Ярополка Святославича подвески зафиксированы пока только в землях Северной Руси — в Новгороде, Пскове, Гнездово. За пределами Руси найдена всего одна подвеска — на городище Каукай в Понеманье (рис. 1, *1*).

В годы единоличного великого княжения Владимира Святославича подвески были распространены на Новгородчине, в Подвинье и на Киевщине. К западу от владений киевских князей подвески этого времени пока не найдены, зато они обнаружены далеко на востоке — в Прикамье (рис. 1, *2*).

География распространения подвесок на рубеже X–XI вв., когда сыновья Владимира были посажены отцом на важнейшие столы в государстве, не претерпела существенных изменений по сравнению с предшествующим временем: находки зафиксированы на Новгородчине и Киевщине, а также к востоку от Руси — на территории Мордовии. Отмечу, что в это время вновь проявился интерес к западному пограничью Руси — об этом свидетельствует находка подвески в низовьях Даугавы (рис. 1, *3*).

Во второй четверти — середине XI в., т. е. в годы, последовавшие за смертью Владимира Святого, геральдические подвески зафиксированы в обоих центрах Руси — и в Новгороде, и на Киевщине (рис. 1, *4*). Однако для этого времени находки геральдических подвесок сравнительно немногочисленны. Не исключено, что

редкость находок объясняется начавшейся заменой верительных знаков на верительные грамоты, скрепленные печатями.

Из 28 подвесок-реплик, известных на момент написания статьи 2004 г. [Белецкий, 2004], 26 предметов, т. е. подавляющее большинство, происходило из земель, заселенных прибалтийско-финским племенем ливов (бассейн Нижней Даугавы и Гауи). Именно поэтому подвески расценивались в литературе как украшения знатных ливских женщин [Мугуревич, 1996, с. 31–32]. Однако находки последнего десятилетия [Белецкий, 2014] позволяют констатировать значительно более широкое распространение подвесок-реплик. Хотя сведения о происхождении каждого отдельно взятого предмета недостаточно надежны, в целом картина оказывается весьма показательной: местами находок подвесок-реплик называют Смоленскую, Псковскую и Новгородскую области России, Минскую, Витебскую и Могилевскую области Беларуси, Киевскую, Полтавскую и Сумскую области Украины, а также Волынь и Западную Украину. С учетом находок двух подвесок на Верхневолжье, можно утверждать, что геральдические подвески-реплики в XII–XIII вв. были распространены на всей территории древнерусского государства. Добавлю к сказанному, что одна из двух верхневолжских подвесок, по наблюдениям Ю. М. Лесмана, происходит из погребения последней четверти XI в. [Лесман, 2011, с. 105–107], т. е. является в настоящее время наиболее ранней из датированных подвесок-реплик. По-видимому, распространение этой группы женских украшений не обязательно связано с особенностями общественно-политической жизни именно ливских племен, а представляет собой общерусское явление. Не исключено, что объяснение появлению традиции ношения подобных украшений следует искать в социально-политических процессах, протекавших на Руси в середине — третьей четверти XI в.[3]

Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков / С. В. Белецкий // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. — СПб., 2004. — С. 243–319.

Белецкий С. В. Подвеска из раскопок курганов у д. Прудянка и костяные геральдические подвески Древней Руси / С. В. Белецкий // Нумизматические чтения 2011 года. Памяти А. В. Фомина, 21–22 нояб. 2011 г. — М., 2011. — С. 47–48.

Белецкий С. В. Геральдические подвески Древней Руси (новые находки) / С. В. Белецкий // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. — Вып. 4. — СПб., 2014 (в печати).

Лесман Ю. М. Подвески со знаками Рюриковичей из могильника Хилово и проблема генезиса подвесок-реплик / Ю. М. Лесман // XVI Всероссийская нумизматическая конференция. — СПб., 2011. — С. 105–107.

Маяковский В. В. Стихотворения. Поэмы / В. В. Маяковский. — Л., 1965. — 478 с.

Молчанов А. А. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы / А. А. Молчанов // Вспомогательные исторические дисциплины. — Т. VII. — Л., 1976. — С. 69–91.

Молчанов А. А. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские jartegnir / А. А. Молчанов // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. — Ч. I. — М., 1986. — С. 184–186.

Молчанов А. А. Верительные знаки в древнескандинавских сагах / А. А. Молчанов // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. — СПб., 1996. — С. 32–35.

Мугуревич Э. С. Знак Рюриковичей или подвески знатных ливских женщин / Э. С. Мугуревич // Austrvegr, 1996. — № 2. — С. 31–32.

Орешников А. В. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам / А. В. Орешников // Известия АН СССР. — № 2. — Л., 1930. — С. 87–112.

РА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 2, д. 444 (Лихачев Н. П. Сфрагистический альбом).

Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. / Б. А. Рыбаков // Советская археология. — Вып. VI. — 1940. — С. 227–257.

3. В этой связи на память приходят строки В. В. Маяковского [Маяковский, 1965, с. 74]:

«И мне с эмблемами платья
Без серпа и молота не покажешься в свете!
В чем
Сегодня
Буду фигурять я
На балу в Реввоенсовете?!»

С. В. Белецкий

Геральдические подвески Древней Руси: география находок

Геральдические подвески — это металлические или костяные подвески, на одной или на обеих сторонах которых помещены изображения древнерусских княжеских знаков (подвески-оригиналы) либо имитаций этих знаков (подвески-реплики). Подвески-оригиналы (X–XI вв.) были верительными знаками официальных представителей князей-Рюриковичей. Подвески-реплики (XII–XIV вв.) являлись престижным элементом женского убора. Находки медных подвесок-оригиналов происходят с территории Руси, в то время как серебряные подвески найдены и на Руси, и за ее пределами. Вероятно, такая избирательность связана с полномочиями владельцев подвесок. Подвески-реплики распространены как на Руси, так и в землях прибалтийских финнов. Происхождение традиции ношения подобных украшений следует искать в социально-политических процессах середины — третьей четверти XI в.

S. V. Beletskiy

Heraldic pendants in Ancient Rus: geography of finds

Heraldic pendants are metal or bone objects with one or both sides bearing representations of ancient Russian princely emblems (original pendants) or imitations of such emblems (replica-pendants). Original pendants (Xth–XIth centuries) were credential signs of official representatives of the Rurikovichi princes. Replica-pendants (XIIth–XIVth centuries) were prestigious elements of female attire. The copper original pendants come only from the territory of Rus while silver pendants are found both in Rus and beyond its limits. Possibly this difference is due to the representative competence of the owners of the pendants. Replica-pendants were widespread both throughout Rus and lands of the Baltic Sea Finns. The origin of the tradition of wearing ornaments of this type is to be linked with socio-political processes of the middle — third quarter of the XIth century.

Е. А. Рыбина

Древнерусские города в новгородских берестяных грамотах

В новгородских берестяных грамотах (23 экз.) упоминаются 12 древнерусских городов: Киев, Псков, Смоленск, Полоцк, Луки, Суздаль, Переяславль южный, Чернигов, Ростов Великий, Кучков (Москва), Ярославль, Углич. 19 грамот датируются домонгольским периодом. Лишь три письма происходят из слоев второй половины XIII в. В грамотах XIV–XV вв. (около 400 экз.) нет упоминаний городских центров древней Руси за пределами Новгородской земли. Большинство грамот домонгольского периода посвящено торговым делам или связанным с ними денежным расчетам. Рассмотренные грамоты свидетельствуют о том, что активные торговые и иные межгородские связи на Руси были характерны для раннего периода и преимущественно для XII в. В XIII в. из-за монгольского нашествия, разрушившего многие древнерусские центры, межгородские связи слабеют.

Ключевые слова: берестяная грамота, Новгород, древнерусский город.

Впервые анализ географических названий, выявленных в новгородских берестяных грамотах, был проведен А. А. Коноваловым по материалам Неревского раскопа (398 грамот) [Коновалов, 1967, с. 84–96]. Исследователь занимался главным образом локализацией топонимов, упоминаемых в грамотах, а также распределением грамот с географическими названиями по усадьбам. В процессе анализа «топонимических» берестяных грамот А. А. Коновалов установил и общие закономерности, которые заключаются в том, что количество и характер грамот XI–XIII вв. существенно отличаются от грамот XIV–XV вв.

Четверть века спустя я подготовила обзор новгородских берестяных грамот с географическими названиями, сделав акцент на анализе их содержания [Рыбина, 1993, с. 344–347]. К тому времени накопилось более 70 грамот с различными топонимами. Большую часть из них (около 60 экз.) составляли грамоты с топонимами Новгородской земли. Кроме того, имелось сравнительно небольшое количество грамот (13 экз.) с упоминанием древнерусских городов.

В настоящее время число берестяных грамот в Новгороде достигло 1050 экз. (на 2013 г.), в их числе 94 грамоты с географическими названиями. Как и прежде, «топонимические» грамоты делятся на две неравные группы: 1) с топонимами Новгородской земли (74 грамоты); 2) с упоминанием древнерусских городов или их жителей (23 грамоты).

Всего в грамотах второй группы упоминается 12 древнерусских городов, некоторые из них — по несколько раз: Киев, *кыянин* (7), Псков, *псковитин* (5); Смоленск, *смолянин* (3), Полоцк, *полочанин* (3), Луки (2), Суздаль (2). По одному разу в грамотах упоминаются Переяславль южный, Чернигов, Ростов Великий, Кучков (Москва), Ярославль, Углич.

К числу грамот с упоминанием **Киева** относятся документы № 424, 524, 675, 829, 915, 1016. Кроме того в целиком сохранившейся грамоте № 745 назван житель Киева — *кыянин*[1]. Отмечу также, что *кыянин* встречается в грамоте № 37 (XII в.) из раскопок в Старой Руссе, речь в ней идет о денежных расчетах с киевлянином.

1. Содержание этой грамоты будет рассмотрено ниже.

Таблица грамот с упоминанием древнерусских городов

№ п/п	№ грамоты	Раскоп	Дата	Город или житель
1.	69	Неревский	1280–1300 гг.	Углич, угличский, Ярославль
2.	105	Неревский	1160–1180 гг.	Переяславль южный
3.	109	Неревский	1100–1120 гг.	Псков
4.	343	Неревский	1280–1300 гг.	смолянин
5.	424	Ильинский	1100–1120 гг.	Киев, Смоленск
6.	439	Бояновский	1200–1220 гг.	Суздаль
7.	502	Троицкий	1180–1200 гг.	полочанин
8.	524	Троицкий	1160–1180 гг.	Киев
9.	636	Троицкий	1260–1280 гг.	Полоцк
10.	656	Троицкий	1160–1180 гг.	Псков
11.	675	Троицкий	1140–1160 гг.	Киев, Луки, Суздаль
12.	723	Михаило-архангельский	1160–1180 гг.	Кучков (Москва)
13.	745	Троицкий	1100–1120 гг.	Ростов Великий, кыянин
14.	776	Троицкий	1140–1160 гг.	Псков
15.	781	Троицкий	1220–1240 гг.	Псков
16.	803	Троицкий	1160–1180 гг.	Полоцк
17.	829	Троицкий	1160–1180 гг.	Киев
18.	915	Троицкий	1050–1075 гг.	Киев
19.	926	Троицкий	1200–1220 гг.	псковитин
20.	952	Троицкий	1140–1160 гг.	Смоленск
21.	1004	Троицкий	вт. пол. XII в.	Чернигов
22.	1005	Троицкий	вт. пол. XII в.	Луки
23.	1016	Троицкий	1238–1251 гг.	Киев

Впервые Киев упоминается в грамоте № 915, которая датируется третьей четвертью XI в.: «*От Рожнета к Коснятину. Ты взял в Киеве у моего отрока гривну серебра. Пришли деньги. Если же не пришлешь, то [это станет займом] в половину (т. е. под 50% роста)*»[2] [Зализняк, 2004, с. 343–344]. Иначе говоря, автор грамоты сообщает Коснятину о его долге и о возможном штрафе в полтора раза, если долг не будет возвращен вовремя.

Информационно насыщенный текст содержит грамота № 424: «*Грамота от Гюргия к отцу и к матери. Продавши двор, идите сюда — в Смоленск или Киев: дешев хлеб (здесь). Если же не пойдете, то пришлите мне грамотку, как вы живы-здоровы*» [Зализняк, 2004, с. 272]. Казалось бы, в этом письме зафиксирована простая житейская ситуация: сын беспокоится о судьбе родителей, советует им продать двор в Новгороде и приглашает к себе туда, где он будет, — в Смоленск или Киев. Однако странно, что дешевый хлеб из Смоленска или Киева не везут в Новгород, где, воспользовавшись ситуацией, его можно было бы продать по высокой цене. Представляется несомненным, что в данном случае речь идет о торговой блокаде Новгорода, что подтверждается также резким сокращением категорий южного импорта [Рыбина, 1978, с. 46–47].

2. Здесь и далее все тексты (до грамоты № 95) даны в переводах А. А. Зализняка [Зализняк, 2004].

Исключительный интерес представляет дошедшая в обрывке грамота № 675. Написанный на двух длинных строках и многократно перечеркнутый текст удалось все-таки прочитать: «(От ... к Миляте). Брат Милята! В Киеве Бог был свидетель между нами: из твоих фофудий девять выговорил я себе. Таким образом, в Луках гривен шесть... Пришел в Суздаль, раздав в долг....» [Зализняк, 2004, с. 297]. Автор письма напоминает брату Миляте о том, что в Киеве он без свидетелей (Бог — свидетель) взял себе 9 фофудий, принадлежащих Миляте. Далее в грамоте идет речь о денежной операции в Луках и раздаче в долг каких-то сумм в Суздале. Несомненно, это переписка братьев (родственников или компаньонов), ведущих торговые дела на обширном пространстве Руси — от Новгорода до Киева, Лук и Суздаля. Упоминание в данном тексте «фофудий», которые обозначают драгоценную (златотканную) восточную ткань [Срезневский, 1989, стб. 1357], по существу является единственным документальным свидетельством покупки новгородцами в Киеве дорогих византийских тканей.

Грамота № 524, к сожалению, дошла до нас в обрывке, содержащем следующий текст: «*…Пришлите 30 гривен, а иначе возьму в Киеве 60 гривен*» [Зализняк, 2004, с. 405]. Как и в грамоте № 915, здесь, очевидно, речь также идет о долге, в данном случае очень значительном. Неизвестный нам по имени автор намеревается в случае неполучения нужной суммы взыскать с адресата долг в двойном размере.

Конец письма сохранился в грамоте № 829: «*…спешно: мне ведь ехать в Киев. Сделай же милость, брат, а я уж тебе отплачу. Приветствую тебя*» [Зализняк, 2004, с. 369]. Приходится только сожалеть об утрате текста, но и сохранившаяся часть содержит для нас важную информацию о поездке автора письма в Киев, очевидно, по торговым делам. Близко по смыслу содержание грамоты № 1016, в которой сохранилось две последних строки: «*(Не) отпускайте Радослава уехать, он собрался в Киев. Получи с него деньги*».[3] Автор письма просит не допустить отъезда Радослава в Киев и получить с него деньги.

С ближайшим соседом Новгорода **Псковом** связано пять грамот. Самая ранняя из них — № 109, которая в переводе звучит так: «*Грамота от Жизномира к Микуле. Ты купил рабыню в Пскове, а теперь меня за это схватила (уличая в краже) княгиня. Но за меня поручилась дружина. А ты теперь пошли к тому мужу грамоту: есть ли у него рабыня? (у него ли рабыня?). А я вот хочу, коня (коней) купив и посадив (на коня) княжеского мужа, (идти) на очные ставки. А ты, если (еще) не взял тех денег, не бери у него ничего*» [Зализняк, 2004, с. 257].

Грамота найдена на Неревском раскопе на усадьбе новгородского боярина. Как установил А. А. Зализняк, в тексте нет характерных черт новгородского диалекта и, судя по языку, очевидно, автор грамоты Жизномир был родом из Юго-Западной Руси [Зализняк, 2004, с. 259].

Содержание грамоты не раз обсуждалось в научной литературе ввиду своей неоднозначности. Очевидно то, что речь идет о сложных взаимоотношениях среди представителей знати в связи с покупкой рабыни. Для нас в данном случае интересен отмеченный в грамоте факт покупки рабыни в Пскове.

Автор грамоты № 656 Кулотка поручает своему адресату пойти в Псков и что-то сообщить третьему лицу: «*…(От) Кулотки грамота к Худо(те)… Иди сказать во Псков*» [Зализняк, 2004, с. 357]. По версии издателей [Янин, Зализняк, 1993, с. 50], автор грамоты, тот самый Кулотка, которому адресовано целиком сохранившееся письмо № 105 (см. ниже), датирующееся второй третью XII в., что полностью совпадает с датировкой грамоты № 656. Отмечу, что грамота № 105 фиксирует переписку складников. Несмотря на отрывочность сведений рассматриваемой грамоты, логично предположить, что в ней тоже речь идет о складничестве в торговле. Кулотка поручает своему компаньону пойти в Псков и что-то сообщить их общему контрагенту.

---

3. Грамота еще не опубликована. Перевод А. А. Зализняка.

Сохранившаяся целиком грамота № 776 содержит следующий текст: «*Грамота от Ильи и от Дмитра во Псков к ливу Мостке. Итак: плащ [ценой] в полгривны, одеяло в четыре куны, платок в три куны; ты занял у Теши (?) три куны. За это пришли шесть кун. Пришли же и мою малую нитку. Если же не пришлешь, то учиню тебе рубеж (конфискацию)*» [Зализняк, 2004, с. 308]. Эта грамота интересна тем, что в ней впервые указан адрес, куда отправлено письмо: *во Псков*. Судя по содержанию, грамота представляет собой переписку новгородских складников, Ильи и Дмитра, со своим контрагентом в Пскове ливом[4] Мосткой. Тот оставил Илье и Дмитру деньги на покупку ряда предметов (плащ, одеяло, платок), кроме того взял в долг три куны у некоего Тешы. В результате он задолжал шесть кун, да еще должен прислать нитку жемчуга. В случае невозвращения долга авторы грозят Мостке *рубежом*, т. е конфискацией.

В первоначальном виде грамота № 781, в которой упоминается Псков, состояла из восьми строк, от которых сохранилась только средняя часть (длина 17 см, ширина 6,3 см); левый и правый край письма отсутствуют. Сохранившиеся отрезки делятся на слова так: « *... цто съ оу васо дье посол... ...цивши кто поедь (_)аь ... ...па конь съ охромиль бо... ...о_ако посли. Оже боуд... ...инее ко Плъсков(оу) ... ... (к)оромилице объ... ...котъ шишь ... ... (сл) овомо; и нам...*» [Зализняк, 2004, с. 520]. Очевидно, это было большое деловое письмо, от которого осталось лишь несколько понятных фраз: «что у вас делается» — *цто съ оу васо дье* ; «кто поедет» — *кто поедь*; «конь охромел» — *конь съ охромиль*. Представляет значительный интерес упоминание Пскова.

Грамота № 926 содержит список расходов, которые уже произведены или которые следует отдать: «*4 гривны за Теханова коня. Сыну его гривна. Микифору пять с половиной кун и гривна. Гюлопиничу 7 кун. Псковитину восемь с половиной кун. Домашку восемь с половиной резан. За соль куна. За рыб 2 куны. За сало (рыбий жир) 9. От (цены) рыбьих внутренностей (пластаной рыбы) 4 векши*» [Зализняк, 2004, с. 411]. Упоминание *псковитина* находится в одном ряду с рассмотренными выше свидетельствами деловых связей жителей «троицких» усадеб со Псковом.

Смоленск впервые был упомянут вместе с Киевом в грамоте № 424 (см. выше). Еще одно упоминание Смоленска содержится в грамоте № 952: «*От Радка поклон отцу. Товарец я послал в Смоленск. А Путилу-то убили. А нас с Вячешкой хотят арестовать за Фому, говоря: «Заплатите четыреста гривен или же зовите сюда Фому. Если же нет, то всадим вас в погреб. И поклон от Вячешки Лазорю. Я послал коня вьючного, а сам приготовился*». В грамоте зафиксирована драматическая ситуация, случившаяся в пути с новгородскими купцами-складниками. Автор письма сообщает отцу, что он отправил товар в Смоленск, что одного из складников убили, а его с компаньоном (Вячешкой) задержали в городе N и грозятся арестовать за вину некоего новгородца Фомы. В грамоте № 343, сохранившейся в обрывке, в числе свидетелей назван житель Смоленска (*Петр-смолянин*).

Упоминания **Полоцка** встречены в двух грамотах, кроме того в грамоте № 502 назван житель Полоцка Гавко-полочанин. Целая грамота № 636 второй половины XIII в. является военным донесением: «*Пришел выкупленный пленник из Полоцка, сообщает*, (что собралось) *большое войско. Выдайте же пшеницы для гарнизона*» [Зализняк, 2004, с. 482]. Другая грамота с упоминанием Полоцка (№ 803) сохранилась не полностью: «*Покланяние от Братилы к За……(Умер) вот в Полоцке Д…*» [Зализняк, 2004, с. 410]. Несмотря на обрывочность текста, его содержание понятно: автор сообщает своему адресату (Завиду или Захарию) о смерти в Полоцке третьего лица, хорошо известного и автору, и адресату. В целой грамоте № 502 речь идет о судебном разбирательстве: «*От Мирослава к Олисею Гречину. Тут войдет Гавко-полочанин. Спрашивай у него, где он стоит на постое. Если он видел, как я Ивана арестовал, поставь его перед свидетелями, как он скажет* (т. е. перед теми свидетелями, которых он назовет) [Зализняк,

4. Ливы (в летописи — либь) — финно-угорская народность, живущая на побережье Рижского залива. Ливы известны тем, что активно занимались торговлей.

2004, с. 406]. Отмечу, что в этой грамоте приехавший в Новгород Гавко-полочанин выступает в качестве свидетеля, как и смолянин из грамоты № 343.

Суздаль назван в двух грамотах (№ 439 и № 675), свидетельствующих о торговой деятельности новгородцев. Грамота № 439 представляет собой переписку новгородских складников о торговле воском и цветными металлами, также о поездке в Суздаль: «*От Моисея к Спирку. Если Матей не взял у тебя капъ [воска], отправь ее с Прусом ко мне. А я олово распродал и свинец и весь кованый товар. Уже мне не ехать в Суздаль. Воску куплено три капи. А тебе [нужно] прибыть сюда. Возьми с собой олова примерно четыре безмена [и] примерно два красных полотенца (*по-видимому, листы кованой меди*). А деньги плати сразу же*» [Зализняк, 2004, с. 436]. Рассмотренная выше грамота № 675 с упоминанием Киева, Суздаля и Лук со всей очевидностью фиксирует размах торговой деятельности новгородцев.

Древнерусский город **Луки** (ныне Великие Луки) впервые упомянут как пункт торговой деятельности новгородцев в рассмотренной выше грамоте № 675. Другая грамота, где названы Луки, происходит из большого комплекса торговых грамот, найденных на усадьбе Ж в 2010 и 2012 гг. Среди них автором шести писем был Лука, сообщавший своему отцу о торговых операциях и проблемах, связанных с ведением торговли за пределами Новгорода. В грамоте № 1005 Лука пишет отцу, что из Лук в Новгород отправлено вино и стеклянные сосуды: «*От Луки поклон отцу. Вот вино из Лук повезли двое. А стеклянных бокалов 30. А мы (двое) сами сидим в Луках*». На обороте: «[*А у*] *Косогора* (?) *просят по пятнадцати кун — мы оба изумились*: *от берковца! А жителей волока* (?) ...». Видимо, Луки в домонгольский период были перевалочным пунктом, где концентрировались товары, поступающие с юга по Днепру, и откуда новгородские купцы вывозили их в Новгород.

Южный **Переяславль** фигурирует в целой грамоте № 105: «*От Семка к Кулотке. Что [касается того, что] ты говорил Несде про те деньги, то когда ты приходил в Русь с Лазовком, тогда взял их у меня Лазовко в Переяславле*» [Зализняк, 2004, с. 357]. В грамоте речь идет о денежных расчетах между складниками во время их поездки на Русь (Киевскую землю) и, в частности, Переяславль южный.

Ростов Великий назван в грамоте № 745 как местонахождение ее автора: «*От Павла из Ростова к Братонежку. Если ладья киевлянина прислана, сообщи о ней князю, чтобы не было худой славы ни тебе, ни Павлу*» [Зализняк, 2004, с. 263]. Пока это единственный случай с указанием места, откуда послана грамота. Судя по контексту, новгородец Павел отправился в Ростов по торговым делам и посылает оттуда письмо в Новгород с распоряжениями своему адресату Братонежке. Это переписка новгородских складников, действующих на обширной территории от Новгорода до Ростова и Киева.

В грамоте № 723 назван **Кучков** (первоначальное наименование Москвы): «*Поклон от Душилы Насте* (?). *Я пошел в Кучков. Хотят ли ждать или не хотят* (другой вариант: *Захочу ли я ждать или нет*), *а я у Федки, отдав ей браслет, свое возьму*». Следует сказать, что глагол *ждать* в данном случае имеет финансово-юридический смысл: *соглашаться отсрочить выплату долга* [Зализняк, 2004, с. 355]. Несмотря на то, что конкретное содержание грамоты трудно интерпретировать, общий смысл ее очевиден. В грамоте речь идет о группе лиц, связанных между собой денежными расчетами и, не исключено, торговыми делами. Автор письма сообщает адресату, что он отправился в Кучков, и в своих делах не намерен зависеть от уплаты или неуплаты долга. Нельзя не отметить, что грамота № 723 является самым ранним документом, в котором упоминается Москва в ее изначальном названии.

В 2010 г. к списку городов, упоминаемых в новгородских грамотах, прибавился **Чернигов,** упомянутый в грамоте № 1004, автором которой является уже знакомый нам Лука. Это — целое письмо, состоящее из основного текста в пять строк на лицевой стороне и приписки из нескольких коротких строк на обороте: «*От Луки к отцу. Вот не отдал работник, который меня вез, денег за кожи, да я продал ему на шесть ногат сковород — итого полных две [гривны]. А он идет в ладье с товаром. Возьми же у него две*

гривны. А если отвертится, то объявив ему [об этом], введи его [в долг] в три [гривны]». Приписка на обороте: «*А это Гоймер. Ну который в Чернигове. И с женой — не помню имя*». Вторая приписка: «*И вот 10 резан с [этим] берестяным письмом*».

В деловой части письма Лука предупреждает отца о том, что человек, который «*идет в ладье с товаром*», остался должен ему (Луке) две гривны. Лука просит отца получить эти гривны, а в случае, если должник будет уворачиваться, пригрозить ему взысканием трех гривен, т. е. штрафом в 50%. В приписке на обороте Лука поясняет отцу, что письмо ему доставит некий Гоимер из Чернигова, который прибудет с женой, но ее имени автор письма не помнит.

В грамоте № 69 одновременно названы города **Углич и Ярославль**: «*От Терентия к Михалю. Пришлите коня с Яковцем — поедет Саввина дружина. Мы с Григорьем в Ярославле живы-здоровы. Угличские корабли остались во льду на зиму* (буквально: *угличане замерзли*) *в Ярославле. Так что ты* (посылай) *до Углича, и как раз там дружина*» [Зализняк, 2004, с. 513]. Трудно понять, что кроется за сообщением автора. Слово «дружина» по своему значению многозначно, но во всех случаях оно означает группу лиц, занятых одним делом. Это мог быть и военный отряд, и княжеская дружина, и община, и группа мастеров, и монастырская дружина. Упоминания в письменных источниках торговой дружины чрезвычайно редки. Есть только свидетельство в Смоленской грамоте 1229 г. о том, что утонувший товар можно вытаскивать из воды на берег только своею дружиною. В берестяных грамотах термин «дружина» встречается несколько раз, но всегда в значении военного отряда, княжеской дружины или общины (№ 109, 254, 568, 724, 850, 851, 890). Возможно, в грамоте № 69 речь идет о каком-то походе новгородцев.

Обзор содержания берестяных грамот с названиями древнерусских городов, несмотря на их небольшое количество (23 экз.), обнаруживает некую общую тенденцию в их датировке и содержании текста. Подавляющее число грамот (19 экз.) датируется домонгольским периодом (см. таблицу), при этом 16 документов обнаружены в слоях XII в. Лишь три письма происходят из слоев второй половины XIII в. Что касается берестяных грамот XIV–XV вв., которых насчитывается около 400 экземпляров, ни в одной из них нет упоминаний городских центров древней Руси за пределами Новгородской земли, а документов с топонимами Новгородской земли насчитывается более 70.

Другой примечательный факт заключается в том, что большинство рассмотренных грамот домонгольского периода посвящено торговым поездкам и связанным с торговыми делами денежным расчетам. При этом в ряде грамот зафиксированы правила ведения торговли: взимание долга в полуторном или двойном размере в случае несвоевременного возвращения (№ 524, 915) и «рубеж» (конфискация имущества или товаров). Отмечу, что «рубеж» мог быть прямым и косвенным [Рыбина, 2008, с. 69]. В первом случае он применялся к непосредственному должнику, чей товар (или имущество) забирался истцом в счет долга или за какую-то иную вину перед ним (грамота № 776), во втором «рубеж» заключался в том, что при отсутствии непосредственного должника (виновника, ответчика) наказывались третьи лица (№ 952).

Количество берестяных грамот с названиями древнерусских городов еще невелико для того, чтобы делать окончательные выводы. Вместе с тем уже сейчас можно говорить о том, что активные торговые и иные межгородские связи на Руси были характерны для раннего периода и преимущественно для XII в. В XIII в. из-за монгольского нашествия, разрушившего многие древнерусские центры, межгородские связи слабеют. Что касается Новгорода, то в XIV–XV вв. они и вовсе перестают играть какую-либо роль в новгородской экономике. В это время основные внешнеполитические и торговые интересы Новгорода устремлены на Запад.

Коновалов А. А. Географические названия в берестяных грамотах / А. А. Коновалов // Советская археология. — 1967. — № 1. — С. 84–96.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. — М., 2004. — 872 с.

Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. / Е. А. Рыбина. — М., 1978. — 168 с.

Рыбина Е. А. О содержании берестяных грамот с географическими названиями / Е. А. Рыбина // Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1983–1989 гг.) / В. Л. Янин, А. А. Зализняк. — М., 1993. — С. 344–347.

Рыбина Е. А. Акция «рубежа» в средневековой торговле Новгорода: реалии источников и их интерпретация / Е. А. Рыбина // Новгородский исторический сборник. — Вып. 11 (21). — СПб., 2008. — С. 68–82.

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка / И. И. Срезневский. — М., 1989. — Т. 3.

Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.) / В. Л. Янин, А. А. Зализняк. — М., 1986. — 311 с.

О. О. Рибіна

Давньоруські міста в новгородських берестяних грамотах

В новгородських берестяних грамотах (23 екз.) згадуються 12 давньоруських міст: Київ, Псков, Смоленськ, Полоцьк, Луки, Суздаль, Переяславль південний, Чернігів, Ростов Великий, Кучков (Москва), Ярославль, Углич. 19 грамот датуються домонгольским періодом. Лише три листи походять із шарів другої половини XIII ст. В грамотах XIV–XV ст. (близько 400 екз.) відсутні згадки міських центрів давньої Русі за межами Новгородської землі. Більшість грамот домонгольського періоду присвячена торговельним справам чи пов'язаним з ними торговельними розрахунками. Досліджувані грамоти свідчать про те, що активні торгові та інші міжміські зв'язки на Русі були характерні для раннього періоду, головним чином для XII ст. В XIII ст. через монгольську навалу, що зруйнувала багато давньоруських центрів, міжміські зв'язки слабшають.

E. A. Rybina

Kievan Rus' in Novgorod birch bark manuscripts

The twelve ancient Russian towns are mentioned in the 23 Novgorod birch bark documents. They are: Kiev, Pskov, Smolensk, Polotsk, Luky, Suzdal, Pereyaslavl the Southern, Chernigov, Rostov the Great, Kuchkov (Moscow), Yaroslavl and Uglich. The 19 of birch bark documents mentioned above date back to the pre-Mongol period and only three are of the second half of the XIIIth century. In the documents of the XIVth–XVth centuries (about 400) there are no references to the urban centers of ancient Russia outside of Novgorod land. Most of birch bark documents of the pre-Mongol period devoted to trade affairs or cash payments. Considered documents testify to the fact that the active trade and other intercity communications in Russia were characteristic of the early period, mainly for the XIIth century. In the XIIIth century intercity communication became weak because of many ancient centers were destroyed by the Mongol invasion.

В. И. Кулаков

А. В. Куза и начало Балтийского отряда Института археологии АН СССР

Статья посвящена началу полевой деятельности Балтийского отряда Института археологии АН СССР, принципам формирования маршрута его разведок осенью 1974 г. При этом была важна методологическая помощь, оказанная А. В. Кузой, принявшим личное участие в первых археологических разведках, проведенных Балтийским отрядом ИА АН СССР в Калининградской области в 1974 г. — 40 лет тому назад.

Ключевые слова: археологическая разведка, полевая методика, городище, укрепления, сембы, пруссы, Калининградская область, Балтийская экспедиция.

В 2014 году настает 40 сезон работ Балтийской экспедиции ИА РАН (с 1 января 2014 г. — ФАНО). 40 лет тому назад дирекция нашего Института, которым руководил в те уже ставшие легендарными годы академик Б. А. Рыбаков, приняла решение развернуть археологические работы в Калининградской области — в самом западном регионе современной России. В 1949–1958 гг. калининградскую археологию «поднимала» историк-медиевист по образованию Фрида Давидовна Гуревич, начальник Калининградского отряда Прибалтийской экспедиции. К началу 70-х годов, кроме этих работ (обследованы 30 памятника археологии, в основном — городища и селища [Гуревич, 1960, с. 419–447], следует отметить спорадические работы Н. Н. Гуриной [Gurina, 1959, с. 195–204] и В. С. Титова (преимущественно — разведки на Куршской косе) [Титов, 1969], связанные с древностями эпохи неолита и проводившиеся в основном в границах Зеленоградского р-на — исторической земли Самбия, культурного эпицентра западных балтов в различные эпохи.

В начале 70-х годов, которые сейчас по недоразумению именуют «эпохой застоя», Министерство культуры РСФСР, стараясь соответствовать мировым стандартам в процессе охраны и использования объектов культурного наследия, приняло решение о подготовке «Свода памятников истории и культуры РСФСР». Для выполнения этой глобальной задачи в рамках Калининградской области в сентябре 1974 г. при непосредственном участии моего тогдашнего шефа В. В. Седова в Институте археологии АН СССР был создан Балтийский отряд ИА АН СССР под руководством автора этих строк [Кулаков, 2012, с. 96]. Финансирование наших работ с 1974 г. вплоть до 1991 г. производилось за счет средств Министерства культуры РСФСР в сумме 3000 руб. ежегодно. Лишь в 1981 г. по неизвестной мне причине финансирование было проведено Институтом археологии АН СССР.

До этого момента мои научные интересы концентрировались на самой западной окраине Украины и были связаны с вельбарскими древностями. Ими я собирался заниматься под руководством В. В. Кропоткина, и уже работал в его Сокальском отряде во Львовской области. Поэтому внезапная поездка в Прибалтику (так в советское время называлась Балтия) была для меня неожиданной. Чрезвычайно важным был выбор маршрута для первых в моей жизни археологических разведок в земле пруссов. Литературы по прусской проблематике, кроме обладающей довольно скромной информацией монографической статьи Ф. Д. Гуревич [Гуревич, 1960], в СССР тогда не

было, поэтому подготовка маршрута была максимально упрощена. Я отправился в картографический магазин, расположенный на Кузнецком мосту, и купил за 14 советских копеек так называемую «областную» карту Калининградской области. В лучших картографических традициях все открытые водные пространства на ней были показаны единым голубым цветом. Поэтому, горя желанием посетить побережье Балтики, я выбрал маршрут в центре области в северном направлении. Как ни странно, это нас впоследствии и спасло: в октябре, времени наших разведок, болота стало по ночам слабо подмораживать, и наша машина ГАЗ-52 «садилась» в верховом болоте лишь один раз.

В любом случае, наша поездка с целью проведения археологических разведок в рамках составления «Свода памятников истории и культуры Калининградской области» вряд ли могла рассчитывать на какой-либо успех, если бы не Андрей Васильевич Куза. Еще в 1968 г., в экспедиции Б. А. Рыбакова, работавшей под Киевом, он стал учителем в области полевой методики для меня, для А. В. Кашкина, А. А. Узянова и других молодых тогда сотрудников Института археологии АН СССР. Работа в г. Александров (1970 г.), на городище Горналь (Курская обл.) в 1971 и 1972 гг., а также разведки в его округе показали нам все грани полевого опыта А. В. Кузы, те тонкости археологических разведок, которые отсутствовали в учебниках по полевой методике.

Учитывая все это, а также крепкие дружеские чувства, нас связывавшие, я пригласил А. В. Кузу и впоследствии непременного участника работ Балтийской экспедиции А. В. Кашкина к путешествию в неизведанные для нас балтийские дали.

Если мой старый друг с университетских времен А. В. Кашкин прошел в состав Балтийского отряда по институтскому приказу, то Андрей Васильевич поехал с нами в свой отпуск. Б. А. Рыбаков, подсознательно ощущая ту высокую степень дружеского доверия, которое испытывали к А. В. Кузе молодые сотрудники Института археологии, в те годы наши экспедиционные контакты старался, мягко говоря, «ограничить», пользуясь четким, но вполне расплывчатым определением «Они нашли друг друга!». В его устах эта, в общем-то, вполне невинная фраза звучала, как прокурорский вердикт.

Еще в ходе обсуждения маршрута разведки, проводившегося в Москве в последние дни перед выездом в поле, Андрей Васильевич предложил нам «прорываться к морю» (как оказалось, к заболоченному берегу Куршского залива) по высокому левому берегу р. Деймы, струившей свои мутные от водорослей воды по землям Гвардейского р-на Калининградской обл. и являвшейся восточной границей исторической земли Самбия. Разумеется, всей этой информации мы не знали, но, по словам Андрея Васильевича, «высокие берега использовали под устройство городищ все — и славяне, и балты». Так использование его полевого опыта еще до начала прохождения разведочного маршрута обеспечило его успех.

Наши работы затронули не только левобережье р. Дейма, но и прилегающие к нему участки правого (также высокого) берега р. Преголи — основной водной трассы земли пруссов. Несмотря на далеко не курортную октябрьскую погоду, на отсутствие минимальных картматериалов (кроме «областной» карты, на руках у нас ничего не было) нам удалось обследовать 7 памятников археологии (рис. 1). В 1974 г. и позднее в своих разведочных работах я неукоснительно следовал точке зрения В. В. Седова: исследовать в первую очередь памятники археологии, изученные в земле пруссов нашими немецкими предшественниками. Городища, обследованные нами в 1974 г., были известны немецким археологам еще на рубеже XIX–XX вв., правда, информация об этом появилась у меня лишь перед самым выездом в поле после ознакомления с известным сводом Эмиля Холлака [Hollack, 1908] — одной из немногих книг по прусской археологии, хранившихся тогда в институтской библиотеке. Как выяснилось много позднее, некоторые из обследованных нами городищ являлись свидетелями поворотных пунктов в прусской истории: «…городище-1 Шлоссберг у пос. ЗАБАРЬЕ (бывш. Gross-Keylau). Площадка городища, расположенного на высоком левом берегу Деймы, укреплена с северо-запада валом высотой до 4 м. Несмотря на то, что находки на площадке городища отсутствуют,

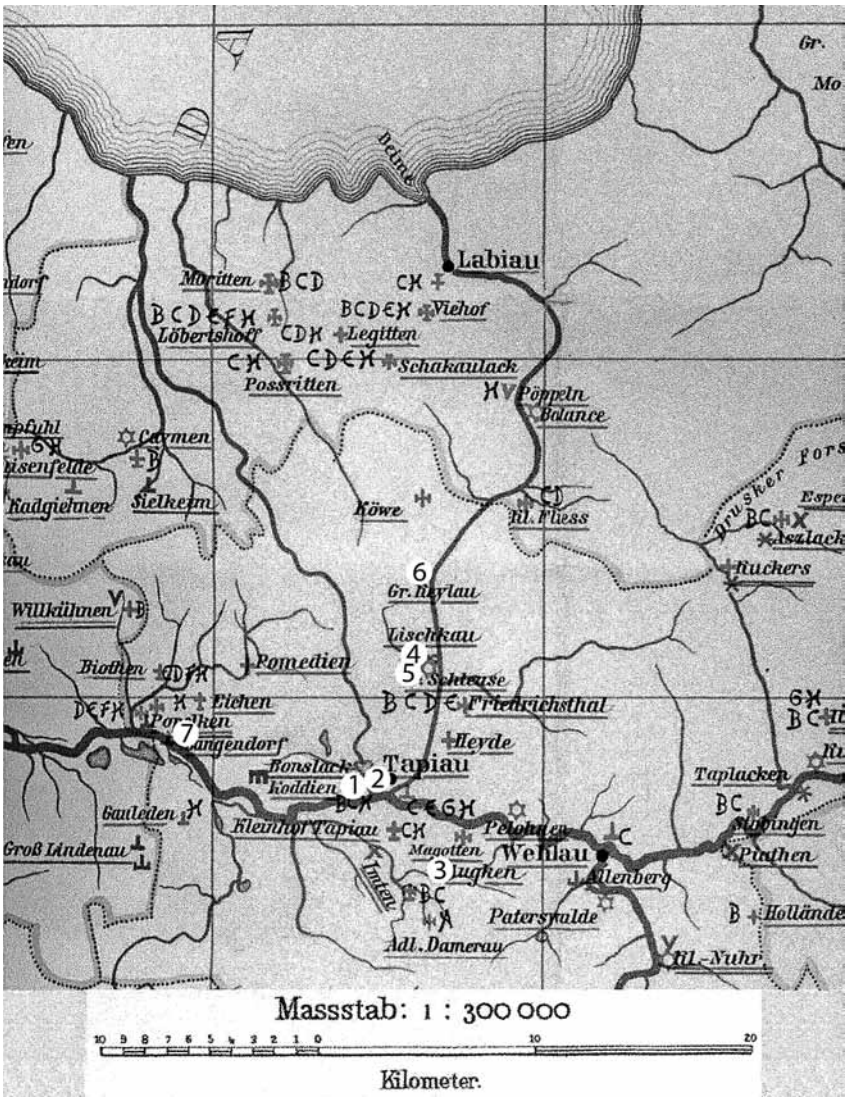


Рис. 1. Часть карты памятников археологии Восточной Пруссии (по: Hollack, 1908, Karte) с обозначением памятников, обследованных БА ИА АН СССР в октябре 1974 г.: *1* — Kleinhof-Tapiau / Гвардейск, селище-1; *2* — Гвардейск, селище-2; *3* — Augken / Гвардейск, грунтовой могильник; *4* — Lischkau / Забарье, городище; *5* — Lischkau/Забарье, курган; *6* — Groß Keylau / Поддубное, городище; *7* — Langendorf / Сокольники, городище.

можно с уверенностью полагать, что здесь перед нами — один из последних бастионов борьбы сембов за свою свободу, созданный в 1255 г.

Продвигаясь далее к югу, мы проходим по остаткам немецких оборонительных сооружений, которые надолго задержали в феврале 1945 г. части Красной Армии, в соответствии с приказом Главнокомандующего продвигавшиеся к Кенигсбергу. Нашему наступлению серьезно мешал паводок, сделавший километровую пойму р. Деймы совершенно непреодолимой. В конце концов, советские части произвели обход позиций вермахта с юга, по направлению к г. Эльбингу (ныне — г. Эльблонг) и в результате вышли в далекий тыл линии укреплений по Дейме. Уже после войны эти бетонные громады были взорваны за ненадобностью... пос. СОКОЛЬНИКИ (бывш. Langendorf). Здесь на берегу реки, не доезжая 20 м до деревни, нашим взорам предстанет городище, устроенное пруссами рода Пербанд в конце 13 в., но так, видимо, никогда не слышавшее у своих стен звона мечей. Западную часть городища составляет цитадель размерами 50×45 м. К востоку от нее на 95 м вытянулся форбург. Обе части этого замка были укреплены ныне почти полностью заплывшими валами. Цитадель дополни-

Рис. 2. А. В. Куза на фоне «курганной» насыпи к югу от пос. Забарье

Рис. 3. Полевая перебелка плана городища Забарье

Рис. 4. А. В. Кашкин записывает данные, установленные по буссоли

Рис. 5. А. В. Куза возвращается с охоты

тельно ограничена рвом глубиной до 1 м, с внешней стороны которого видны остатки еще вала. Судя по тому, что культурный слой на городище отсутствует, вытекает вывод о том, что это городище практически никогда не использовалось, и в 18 в. было занято под приусадебный парк. Он был разбит по велению представителей знатного рода Пербанд, владения которого в данной части Самбии существовали издревле. О происхождении этой славной в истории Ульмеригии фамилии существует интересная легенда. Некогда отважный рыцарь отправился на прогулку с прекрасной девицей в один из дремучих лесов, которыми так славились семьсот лет назад окрестности нынешнего пос. Сокольники. Прогулка проходила вполне благополучно до тех пор, пока на гуляющих не выскочил из густых зарослей огромный медведь. Рыцарь, идя на свидание, своего оружия, разумеется, не взял, а зря! Однако находившаяся рядом прелестная спутница так воспламенила сердце отважного юноши, что он своим рыцарским поясом задушил лесного великана. С тех пор фамилия, к которой принадлежал герой, стала именоваться Perband (старонемецкое выражение «При помощи пояса»). Правда, на самом деле это родовое имя имеет прусское происхождение. Прародителем этой фамилии был Склодо де Кведнава, чье имение первоначально располагалось в местечке Виндекайм. Единственно, в чем не ошиблась легенда — в указании факта ношения пруссом рыцарского пояса. Многие витинги, смирившиеся с властью Тевтонского Ордена, с 14 в. стали обладать рыцарским званием, обозначавшимся обретением украшенного тяжелыми железными накладками пояса» [Кулаков, 2002, с. 182, 185, 186].

Городища идентифицировать было просто, культурный слой (если он вообще на площадке существовал) в слабо оплывших бортах окопов и капониров увидеть было просто. Сложнее дело обстояло с некоторыми сооружениями антропогенного характера, подозрительно напоминавшими курганные насыпи. Лишь уходящие под одну из насыпей рельсы (рис. 2) позволили определить дату их возникновения — XX в. Как позже выяснилось, такие насыпи немецкие и советские военные инженеры сооружали, в частности, на автодромах. Правда, зачем при этом нужна была узкоколейка — выяснить нам не удалось. С Андреем Васильевичем мы посетили в Калининграде место, где за несколько лет до этого был взорван замок Кенигсберг. Наблюдая за кирпичной пылью, клубившейся над пространством, где некогда высились величественные замковые башни [Кулаков, 2008, с. 4], мы тихо сетовали на состояние исторического центра города Кенигсберга. Андрей Васильевич тогда произнес: «Ничего, тебе еще его раскапывать придется». Его слова оказались пророческими. С 1993 по 2007 гг. (с перерывами) Балтийская экспедиция ИА РАН вела работы по археологическому изучению руин Королевского замка, а в 1999 г. пришлось вести первые в истории Города на Преголе новостроечные раскопки городских кварталов в его центре [Кулаков, 2005а].

Рис. 6. Старый пивной склад, в 1974 г. — колхозный сарай, где-то к северу от г. Tapiau/Гвардейск

Чертежные работы в отряде выполнял автор этих строк (рис. 3), записью параметров памятников археологии занимался А. В. Кашкин (рис. 4). Андрей Васильевич осуществлял методологическое консультирование и стремился разнообразить наш скромный полевой рацион охотничьими трофеями (рис. 5). К сожалению, его поиски были неудачны: дичь, очевидно, была распугана ревом мотора нашей ГАЗ-52. Однако экзотики нам хватало: чего стоили неплохо сохранившиеся с 20-х годов XX в. рекламы пивных складов (рис. 6) и магазинов, то и дело встречавшиеся на нашем «пути к морю».

К морю в тот раз мы так и не добрались, будучи измотанными постоянными поисками сухих дорог и ночлега на «ровном месте». Дальше Labiau/Полесска с его орденским замком, уже тогда пребывавшем в мрачном запустении, мы не север не углубились. Но начало разведочным работам в Калининградской области было положено. С того момента и по сей день Балтийская экспедиция ИА РАН ежегодно ведет археологические исследования в земле пруссов. При этом не забываются наставления А. В. Кузы относительно важности геоморфологического анализа исследуемого отрезка территории, являющегося ключом к обнаружению и изучению местных памятников археологии. Часть из них (в том числе почти все из 7 объектов, обследованных осенью 1974 г.) были изданы в краткой версии «Свода памятников истории и культуры Калининградской области» [Кулаков, 2005б, с. 30–34].

Гуревич Ф. Д. Из истории юго-восточной Прибалтики в I тысячелетии н.э. / Ф. Д. Гуревич // МИА. — М.; Л., 1960. — № 76. — С. 328–451.

Кулаков В. И. От Восточной Пруссии до Калининградской области / В. И. Кулаков. — Калининград, 2002. — 288 с.

Кулаков В. И. Раскопки Лебенихта в 1999. Кенигсберг под Калининградом / В. И. Кулаков. — Калининград, 2005а. — 188 с.

Кулаков В. И. Памятники археологии Калининградской области / В. И. Кулаков // Памятники истории и культуры. Калининградская область. Т. 2. — М., 2005б. — С. 6–17.

Кулаков В. И. История Замка Кенигсберг / В. И. Кулаков. — Калининград, 2008. — 124 с.

Кулаков В. И. Исследования памятников археологии первой половины I тысячелетия н. э. в Калининградской области в 1946–2010 гг. / В. И. Кулаков // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. — Olsztyn, 2012. — № 1 (275). — С. 95–111.

Титов В. С. Отчет о работах Неолитического отряда в Калининградской области / В. С. Титов // Архив ИА РАН, 1969, № 3953.

Gurina N. N. Niektóre nowe materiały do pradziejów mierzei Kurońskiej i Sambii / N. N. Gurina // Rocznik Olsztyński. — 1959. — T. II. — P. 195–204.

Hollack E. Erläuterungen zur vorgeschichtlichen Übersichtskarte von Ostpreussen / E. Hollack. — Glogau-Berlin, 1908. — 234 с.

В. И. Кулаков

А.В. Куза и начало Балтийского отряда Института археологии АН СССР

В 2014 году настает 40 сезон работ Балтийской экспедиции ИА РАН. 40 лет тому назад дирекция нашего Института, которым руководил в те годы академик Б. А. Рыбаков, приняла решение развернуть археологические работы в Калининградской области — в самом западном регионе современной России.

Чрезвычайно важным был выбор маршрута для первых в моей жизни археологических разведок в земле пруссов. В любом случае наша поездка с целью проведения археологических разведок в рамках составления «Свода памятников истории и культуры Калининградской области» вряд ли могла рассчитывать на какой-либо успех, если бы не Андрей Васильевич Куза. Еще в 1968 г., в экспедиции Б. А. Рыбакова, работавшей под Киевом, он стал учителем в области полевой методики для меня, для А. В. Кашкина, А. А. Узянова, Ю. А. Смирнова и других молодых тогда сотрудников Института археологии АН СССР. Учитывая все это, а также крепкие дружеские чувства, нас связывавшие, я пригласил А. В. Кузу и впоследствии непременного участника работ Балтийской экспедиции А. В. Кашкина к путешествию в неизведанные для нас балтийские дали.

Наши работы затронули не только левобережье р. Дейма, но и прилегающие к нему участки правого (также высокого) берега р. Преголи — основной водной трассы земли пруссов. Всего было обследовано 7 памятников археологии, в основном поселенческого характера.

V. I. Kulakov

A.V. Kuza and beginning of the Baltic group Institute archaeology of Academy of Sciences of the USSR

In 2014 the 40th season of works of the Baltic expedition of Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences news agency begins 40 years ago the management of our Institute which the academician B. A. Rybakov directed those years, made the decision to develop archaeological works in the Kaliningrad region — in the most western region of modern Russia.

Extremly important was the route choice for first in my life archaeological researches on Prussian land. Anyway our trip for the purpose of carrying out archaeological researches to draw up «The arch of monuments of history and culture of the Kaliningrad Region» hardly could count on any success, without Andrey Vasilyevich Kuza. In 1968, in B. A. Rybakov's working near Kiev the expedition, he became a teacher in the field of a field technique for me, for A. V. Kashkin, A. A. Uzyanov, Yu. A. Smirnov and others young then the staff of Institute of archeology of Academy of Sciences of the USSR. Considering all this, and also strong friendly feelings, connecting us, I invited A. V. Kuza subsequently the indispensable participant of the Baltic expedition A. V. Kashkin to travel in unknown the Baltic distances for us.

Our works mentioned not only a left bank of river Deyma, but also the right (also high) coast of the Pregolya River — the main water route of the Prussian land. In total 7 monuments of archeology, generally — settlements were surveyed.

Е. А. Мельникова

«Кольца клятвы» в древнескандинавской правовой традиции *

Описывая обряд принесения клятвы «некрещеной русью» при заключении договора с Византией в 944 г., древнерусский анналист начала XII в. или, скорее, переводчик договора с греческого на русский язык конца XI в., упоминает «обручья», на которых приносится клятва, в числе «прочего оружия». «Обручья» договора рассматриваются как браслеты, шейные гривны, пояс или наручи, части военного доспеха, которые в XII в. обозначались тем же словом. В 2002 г. М. Стейн-Вилькесхюс предположила, что «обручьями» являлись «кольца клятвы», известные по древнескандинавским письменным источникам. В статье представлен широкий скандинавский контекст использования сакральных колец в судебной практике и высказано предположение, что их наименование «обручьями» обусловлено незнанием древнескандинавских реалий и судебных практик X в. переводчиком и летописцем: на протяжении второй половины X в. скандинавы активно ассимилировались в славянской среде, а распространение христианства вытесняло языческие ритуалы.

Ключевые слова: русско-византийский договор 944 г., клятва, обручье, древнескандинавские правовые практики, «кольца клятвы».

Предусмотренная для «некрещеной руси» процедура ратификации русско-византийского договора 944 г. включает принесение клятвы: «А некрещеная русь полагають щиты своя и мечѣ своѣ наги, обручѣ своѣ и [прочаа] оружья, да кленутся о всемь, яже суть написана на харатьи сеи…» [Лаврентьевская летопись, 1997, стб. 53; Ипатьевская летопись, 1998, стб. 41]. Еще И. Д. Беляев предложил понимать «обручѣ» как «особого рода броню» [Беляев, 1851, с. 111] (ср.: И. И. Срезневский: «запястье, как часть воинского доспеха» [Срезневский, 1902, с. 550]). Однако с учетом широкого распространения мужских украшений-браслетов, которые также называются в источниках «обручьями», более распространенной стала интерпретация этого слова в договоре как наручного украшения («„об-ручь" — это нечто, что надевается на руку» [Повесть временных, 1996, с. 434]; ср.: перевод Armringe [Müller, 2001, с. 64]) или даже шейной гривны. П. С. Стефанович считает «обруче» поясом, имевшим как практическое, так и символическое значение в числе воинских доспехов [Стефанович, 2006, с. 397–398]. Это снимает содержащееся при иной трактовке противоречие, на которое указал А. А. Зимин [Памятники руського права, 1952, с. 50], — сакральными предметами, на которых приносится клятва, являются предметы вооружения («и [прочаа] оружья»), а не украшения, как следует и из летописного рассказа о принесении клятвы Игорем «и его людьми», которые «покладоша оружье свое, и щиты и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его…» [Лаврентьевская летопись, 1997, стб. 54; Ипатьевская летопись, 1998, стб. 42]. Здесь на месте «обручия» стоит «золото».

Учитывая, что «русь», заключавшая договор в середине X в., — это по преимуществу скандинавы, традиции языческой клятвы договора 944 г. имели свои корни в древнескандинавской культуре. Прямые аналогии клятве на оружии в германском мире хоро-

* Статья написана в рамках работы над проектом, поддержанным РГНФ (№ 12-01-00081).

шо известны [Rožniecky, 1901, s. 490–496; *Ellis-Davidson*, 1962; Фетисов, 2002; Стефанович, 2006, с. 397–398; Мельникова, 2011, с. 181]. Упоминание же в числе предметов, на которых совершалась клятва, «обручий» не находило параллелей, пока в 2002 г. шведская исследовательница права М. Стейн-Вилькесхюс не указала на скандинавскую аналогию «обручьям» договора. В скандинавских правовых источниках и сагах многократно упоминаются сакральные обручи или кольца (*baugr* или *hringr*), которые имеют специальное название — *stallahringr* или *stallabaugr* (от *stalli* «алтарь в языческом капище») «кольцо жертвенника», «алтарное кольцо» [Stein-Wilkeshuis, 2002, p. 155–168]. Слово *hringr* имеет широкое значение, обозначая любой предмет кольцевидной формы. Оно же чаще всего используется и для именования ритуальных золотых или серебряных обручей, причем наряду со *stallahringr* использовались и такие компаунды, как *eiðhringr* «клятвенное кольцо» или «кольцо клятвы» (от *eiðr* «клятва, присяга в суде»); *baugr* предполагает массивный обруч, браслет или шейную гривну из золота или серебра, но имеет и несколько специализированных значений: так называли, например, серебряные спирали, которые рубились на части для платежей (около 100 таких спиралей найдено, например, в кладе из Спиллингса, Готланд [The Spillings Hoard, 2009]); известен и компаунд «клятва на обруче» — *baugeiðr* [Hávamál, 1922].

Сакральное значение кольца как символа вечности, целостности широко отражено в древнегерманской, а затем скандинавской культуре: в мифологии (кольцо является атрибутом Одина — его кольцо Драупнир каждый девятый день порождает восемь таких же колец; Драупнир был положен Одином на погребальный костер Бальдра [Lindow, 2001, p. 97–98] — и бога Улла [Atlakviða, 1922] и др.), в фольклоре (волшебные кольца сказочных сюжетов), в эпосе (несущее на себе проклятие кольцо карлика Андвари), в сагах и др. [Battaglio, 2009]. В мифологической этиологии важное значение имеет «клятва на кольце» Одина — он дал ее дочери великана Суттунга Гуннлег, чтобы получить мед поэзии (хотя затем и нарушил ее): «Один дал, я уверен, клятву на кольце. Кто поверит в его верность?» [Hávamál, 1922].

Кольца, интерпретируемые исследователями как сакральные, известны уже в бронзовом веке (1700–500 до н. э.): это золотые или серебряные разомкнутые кольца разного размера из круглого дрота с полусферическими полыми окончаниями, встречающиеся в значительном количестве в вотивных кладах (например, в 2009 и 2013 гг. в болоте у дер. Boeslunde на юге острова Зеландия было найдено 9 или 10 золотых колец такого типа; кольца, найденные в 2009 г., весили от 220 до 770 г, открытые в 2013 г. — от 95 до 290 г; общий вес колец 3,5 кг [Christensen, 2013]). С ритуально-магическим значением кольца связывается относимая к 100–200 гг. н. э. находка 65 колец-амулетов при раскопках в 2007 г. святилища в Lilla Ullevi в Швеции севернее Стокгольма (Lilla Ulle-vi означает «малое святилище [бога] Улла», топоним восходит, как считается, к эпохе викингов или даже более раннему времени [см.: Vikstrand, 2001, Ullberg, 2007].

В германском мире первых веков нашей эры была распространена клятва на рукояти меча, что засвидетельствовано Аммианом Марцеллином [Ellis-Davidson, 1962, p. 185]. Этот обычай сопоставляется с особым типом мечей (так называемые ring swords; рис. 1), распространенным в Англо-Саксонской Англии и Скандинавии в VI–VII вв., в богато украшенные рукояти которых

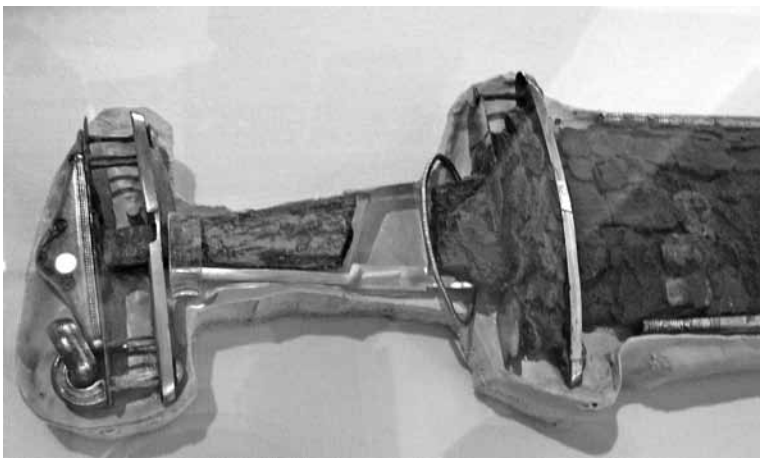


Рис. 1. Рукоять «меча с кольцом» из Сен-Дизье, Франция

было вделано одно или два кольца. В англо-саксонской поэме «Беовульф» такой меч назван *hring-mæl* «украшенный кольцом» [Beowulf, 1950]. Это были особо престижные мечи, принадлежавшие представителям высшей элиты. На рукоятях таких мечей, как считается, приносилась клятва [Ellis-Davidson, 1958; 1962, p. 75].

К сакральным предметам относится кольцо с рунической надписью из остготского клада конца IV — начала V в., найденного в круглом кургане в 1837 г. в Пьетроасе (Румыния). Клад содержал 22 золотых предмета, в том числе блюдо для жертвоприношений со скульптурной фигуркой божества в центре и вычеканенными изображениями германских (?) богов, фибулу в виде орла, сосуды, но в нем отсутствовали предметы вооружения и быта. Поэтому первоначально клад был расценен как принадлежавший языческому храму [Magoun, 1949, p. 288–290], впоследствии состав клада был сопоставлен с другими богатейшими кладами меровингского времени и охарактеризован как сокровище остготского правителя, близкого Риму и подражавшего императорскому обиходу, или дар римского императора готскому королю или вождю [Hardt, 1998; Tomescu, 1994, p. 230–235]. Однако отсутствие в нем предметов вооружения и быта и, напротив, присутствие предметов, связанных с культовой практикой (диск, кольцо), указывают на его «определенно церемониальный характер» [Looijenga, 1997, p. 28]. Кольцо из круглого дрота имеет 15,3 см в диаметре с застежкой крючком. На части, противоположной застежке, помещена надпись старшими рунами: gutani[?]wihailag. Ее интерпретации разнятся в зависимости от чтения седьмой руны (s, j или o), однако при любом ее чтении безусловно выделяются три слова: «готский» или «готы», «святилище» (гот.: *weih*) и «священное» (*hailag*), что в совокупности так или иначе указывает на связь кольца с языческим святилищем, позволившую М. МакЛеод и Б. Мизу уверенно рассматривать кольцо как *stallahringr* «алтарное кольцо» [MacLeod, Mees, 2006, p. 173–174].

В эпоху викингов (возможно, и раньше, но отсутствие письменных источников не позволяет делать ретроспективные выводы) сакральная функция кольца находит широкое применение в религиозной и, особенно, в правовой практике, прежде всего в судебном процессе, о чем рассказывается во многих сагах [Magoun, 1949]. Положив руку на алтарное кольцо, приносят клятву свидетели, истцы и обвиняемые, и клятва на «клятвенном кольце / обруче» (*eiðbaugr* или *eiðhringr*) служит безусловным доказательством в судебном процессе. В «Саге о людях с Килевого мыса» определяется, что «на алтаре (в святилище. — *Е. М.*) должно лежать большое кольцо, сделанное из серебра. Годи святилища должен иметь его на руке при каждом собрании людей. На нем все люди должны приносить клятву (*eiðr*), давая любые свидетельские показания» [Kjalnessingasaga, 1959, кар. 2]. Те же функции «алтарного кольца» (*stallahringr*) описаны в «Саге о людях с Песчаного Берега»: «Там же он (первопоселенец Торольв, почитатель Тора. — *Е. М.*) велел возвести капище; это был большой дом. В боковых стенах, ближе к углам, были прорезаны двери. Внутри стояли столбы почетной скамьи; они были закреплены гвоздями; гвозди эти звались боговыми. Внутри капища было большое святилище. В помещении была постройка вроде хора в нынешних церквях, и там посреди пола стоял жертвенник, как алтарь в церкви. Поверх него лежало незамкнутое кольцо (*hringr*) весом в двадцать эйриров. На нем следовало приносить все клятвы. Кольцо это годи капища должен был надевать на руку на всех сходках. На жертвеннике также должна была стоять жертвенная чаша с прутом наподобие кропила. Им следовало разбрызгивать из чаши ту кровь, что звалась «долей», — то была кровь умерщвленных животных, принесенных в жертву богам. Вокруг жертвенника в задней части капища стояли боги» [Cara, 2004, с. 25; Eyrbyggja saga, 1957, кар. 4]. В редакции М саги отмечено, что кольцо было серебряным. Поскольку эйрир серебра равнялся в это время примерно 26,8 г, вес кольца составлял, по приведенному тексту редакции В, около 536 г (в редакции М указано 2 эйрира, что маловероятно, т. к. по другим данным кольцо должно было весить не менее 3 эйриров). При использовании «алтарного кольца» во время жертвоприношений оно получало название *blótbaugr* «кольцо жертвоприношения».

«Книга о занятии земли» (по редакции в рукописи Hauksbók) приводит «стандартный» текст присяги: «Я подтверждаю, что я приношу клятву на кольце (*eið at baugi*), закон-

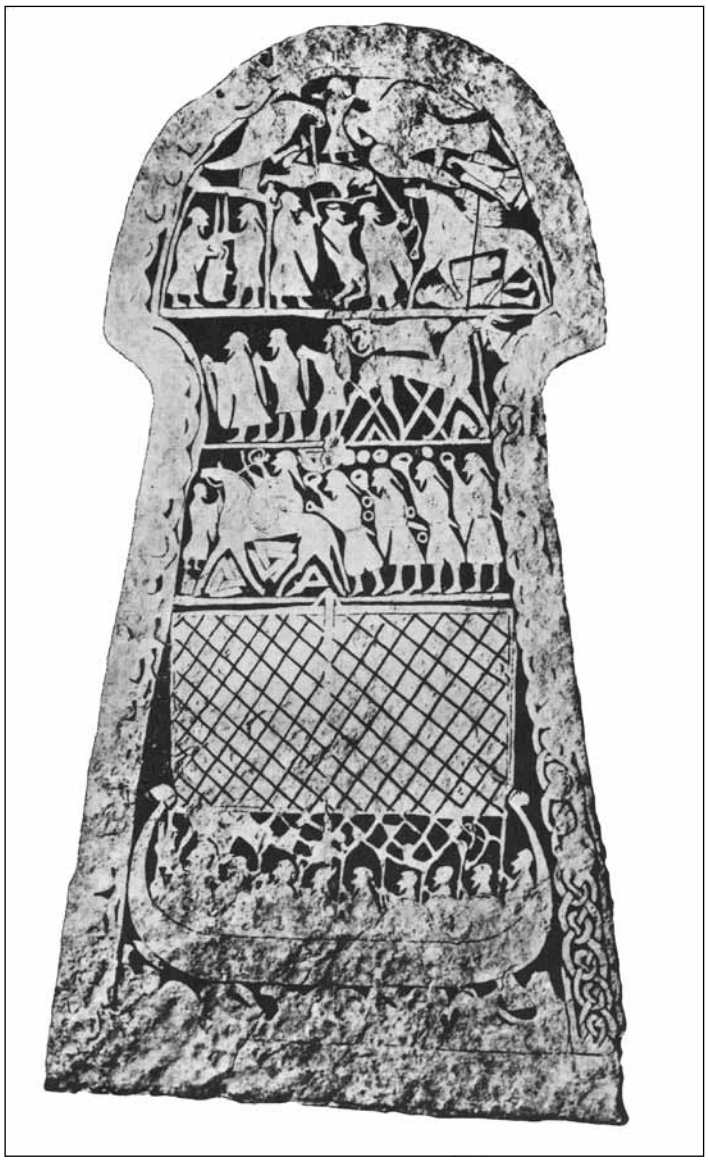


Рис. 2. Камень из Лэрбру, Готланд

ную клятву (*lǫg eið*): пусть Фрейр и Ньерд, и всемогущий ас (Один? — *Е. М.*) помогут мне в этом деле, когда я предъявляю иск или защищаюсь, или привожу свидетелей, или выношу вердикт или заключение, поскольку я знаю, как поступать наиболее правильно или верно или в соответствии с процедурой и как исполнять все судоговорение, которое выпадает мне, когда я присутствую на тинге» [Landnámabók, 1900, s. 96]. Определение клятвы на кольце как «законной», т. е. установленной в соответствии с законом, свидетельствует о ее нормативном характере.

Конкретные случаи ее использования в судебной практике упоминаются во многих сагах. Процедура клятвы на кольце описана в «Саге о Глуме Убийце», где клятве Глума, которую он обязан принести по решению суда, придается большое значение: «Каждый, кто должен был принести клятву святилища (*hofseið*), брал в свою руку серебряный обруч (*silfurbaug*), который был запятнан кровью животного, принесенного в жертву, и который должен был весить не менее трех унций (*aura*)» [Víga-Glúms saga, 1940, кар. 25].

Особой сферой правового применения алтарного кольца являлось клятвенное подтверждение соглашений и договоров. Прямую аналогию упоминанию «обручья» в договоре 944 г. представляет описание заключения мира уэссекским королем Альфредом Великим с войском Гутрума в 876 (875) г. В обстановке ожесточенной борьбы со вторгшимся еще в 866 (865) г. в Англию «большим языческим войском» правители Мерсии, Восточной Англии и Уэссекса не раз пытались договориться с викингами, но безуспешно. Столь же безрезультатной оказалась и попытка Альфреда, но в ее описании составитель Англо-Саксонской хроники приводит некоторые подробности, в том числе редкостную, по его представлениям, процедуру клятвоприношения: «Король заключил мир с ними; они поклялись ему на священном кольце (*on þam halgan beage*) — так они прежде ни одному народу не клялись, — что они быстро уйдут из его королевства» [Англосаксонская хроника, 2010, с. 70], но клятвы они не сдержали и продолжили боевые действия. Можно предположить, что хотя в самой Скандинавии клятва на алтарном кольце считалась максимально обязывающей, поскольку она освящена богами (не случайно, кольцо должно было находиться в капище на алтаре, т. е. в максимально сакральном месте), то в общении с иноземцами, скандинавы, как явствует из событий 876 г., не считали клятву на кольце нерушимой и не опасались возмездия со стороны Одина, Улла или другого бога.

«Кольца клятвы» эпохи викингов в археологическом материале Скандинавии не выделяются как отдельная категория, однако, очевидно, именно они изображены

на нескольких готландских «рисованных камнях». На двухметровом камне Tängelgårda II (Lärbro sn., Готланд) [Nylén, 1978, № 190 и p. 66–67], относящемся к VIII–IX вв., в третьем ярусе сверху изображена процессия, возглавляемая всадником (рис. 2). Его встречает валькирия с рогом (аналогичный сюжет представлен еще на нескольких готландских камнях, но в верхнем ярусе, например: Lillbjärs III; Tängvide I; Broa IV и др.). В левой руке всадник держит щит, в правой, поднятой вверх, — кольцо. За ним следуют четыре воина с мечами на поясе, держащих в одной, также поднятой, руке по кольцу. Еще несколько колец расположено над и между воинами. Между конских ног и за головой всадника изображено несколько попарно сплетенных треугольников (так называемый *valknut* «узел павших») — широко распространенного в Скандинавии символа, связанного с культом павших воинов [Simek, 2007, p. 163]. В целом эта картина может быть интерпретирована как въезд в Вальхаллу павшего в битве вождя со своими воинами, которые должны стать эйнхериями. Но прежде чем быть принятыми в «братство» эйнхериев, воины должны принести клятву Одину: об этом упоминается в поэме *Hákonarmál* («Речи Хакона», конец X в.) Эйвинда Погубителя Скальдов, цитируемой Снорри Стурлусоном в «Круге земном» [*Hákonar saga* goða, 1941, кар. 32]. Кольца в руках и вождя, и его воинов на камне из Tängelgårda II, вероятно, являются «кольцами клятвы» верности Одину. Эта интерпретация поддерживается рисунком на камне Hunninge I (Klinte sn.) того же времени [Nylén, 1978, № 153 и p. 99]. В верхнем ярусе, безусловно, изображена Вальхалла: вверху двое воинов сражаются на мечах. Ниже них расположено изображение всадника со щитом и копьем, перед которым бежит волк (или собака), его встречает валькирия с питьевым рогом, а за ним помещена фигура с кольцом в руке в летящей позе. Копье и волк могут указывать на то, что всадник является Одином (однако он едет на четырехногом коне, а не на восьминогом Слейпнире), но если это и не так, и изображен здесь павший вождь, «летящий воин» вряд ли может быть кем-то иным, нежели кандидатом в эйнхерии с «кольцом клятвы» в руке.

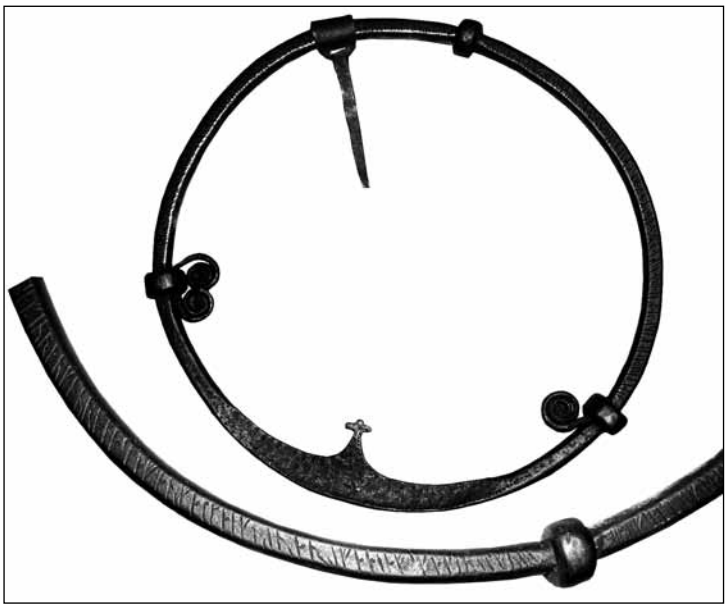


Рис. 3. Кольцо из Форса, Швеция

С мечом на поясе и кольцом в руке представлен викинг на литой фигурке, найденной на городище X в. Даугмале (Латвия). Как и воины на камне Tängelgårda II, он имеет на поясе меч и изображен идущим, но кольцо он держит в опущенной, а не поднятой руке, отведенной назад. Иконографическая традиция изображения воина (всадника) с кольцом в руке сохранялась до XII в.: всадник с кольцами в обеих руках представлен на каменном рельефе церкви в Fardhem на Готланде — одной из первых, построенных на острове, и одной из трех церквей, которые, согласно «Закону гутов», предоставляли убийце, его отцу и братьям убежище от кровной мести на 40 дней (Gutalag, 2009, VIII.2). Рельеф, вероятно, связан с этой специфической функцией церкви, при исполнении которой, вероятно, требовалось принесение клятв.

Как «кольца клятвы» интерпретируются лишь два реальных предмета. Один из них — случайно обнаруженное в 2012 г. в северной Ирландии у дер. Kircubbin (Country Down) серебряное (на 90%) разомкнутое кольцо, произведенное, вероятно, на Оркнейских островах и датированное 950–1100 гг. Другой — железное разомкнутое кольцо диаметром 43 см (рис. 3), служившее в новое время ручкой на двери церкви в Форса (Хельсингланд,

Рис. 4. Викинг из Даугмале

северная Швеция). На кольцо нанесена пространная руническая надпись. Предложенные еще в XIX в. чтения предполагали ее позднее происхождение. Но недавнее новое исследование надписи позволило датировать ее IX в. [Brink, 1996; 2003]. Надпись, согласно чтению Ст. Бринка, содержит запись юридического характера — роспись штрафов за ненадлежащее содержание святилища, которое завершается фразой: **suaþ liuþiR aku at liuþ rit is uasint fur auk halkat** «Это то, что люди имеют право требовать в соответствии с законом [этих] людей, который был ранее установлен и освящен» (перевод Ст. Бринком заключительного слова *helgat* «ratified» представляется не совсем точным, поскольку глагол *helga* значит, в первую очередь, «освящать», «придавать сакральность»). Абсолютно уникальная по своему содержанию для рунической письменности эпохи викингов надпись — тексты юридического характера (если не считать таковыми упоминания о наследовании на рунических стелах XI в. [см.: Sawyer, 2000, p. 47–91]) не известны — выполнена на столь же необычном предмете — кольце. Связь содержания надписи с функционированием святилища делает вероятным его первоначальное нахождение на алтаре этого святилища и его использование также в качестве «кольца клятвы»: «Это кольцо, вероятнее всего, использовалось на месте тинга всей области Хельсингланд в Хеге с его курганом тинга, и заманчиво думать, что оно представляет собой пример раннесредневековых клятвенных колец» [Blomkvist, Brink, Lindkvist, 2007, p. 172].

Таким образом, представляется, что «обручья», на которых языческая русь приносит клятву соблюдать договор с Византией в 944 г., соответствуют «кольцам клятвы» скандинавской правовой традиции. Как и Гутрум в Англии, Игорь и его воины должны были ратифицировать договор максимально значимым (в их системе ценностей) способом, каковым являлась клятва на сакральном кольце.

Однако кольцо как таковое не являлось предметом вооружения, и его включение в эту категорию требует объяснения. Думается, что причиной интерпретации летописцем начала XII в., а точнее, вероятно, переводчиком договора с греческого языка в конце XI в. было незнание ими скандинавской обрядовой практики столетней давности и, соответственно, отсутствие четкого представления об использованном при принесении клятвы предмете. К концу XI в., а, вероятно, и существенно раньше, осевшие в Восточной Европе скандинавы утратили большинство своих культурных традиций [Melnikova, 2003], чему в немалой степени способствовал переход к христианству. Поскольку «кольца клятвы» могли быть различного размера и надеваться на руку, то для представителей иной культуры, видевших их воочию, было естественно воспринимать их как браслеты-украшения. Для летописца же или переводчика, уже не встречавших их в реальной жизни, но описывавших клятву на предметах вооружения (мечах, щитах), было естественно связать их с браслетами-наручами, «обручьями» их времени, которые являлись частью воинского доспеха.

Англосаксонская хроника IX–XI века / [пер. с др.-англ. З. Метлицкой]. — СПб., 2010. — 288 с.

Беляев И. Д. Русь в первые сто лет от прибытия Рюрика в Новгород / И. Д. Беляев // Временник имп. Московского общества истории и древностей российских. — 1852. — Кн. 15. — 160 с.

Ипатьевская летопись / с предисл. Б. М. Клосса // Полное собрание русских летописей. Т. 2. — М., 1998. — 648 с.

Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства. X — XII вв. / [сост. А. А. Зимин; под ред. С. В. Юшкова]. — М., 1952. — 287 с.

Повесть временных лет / [подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева и М. Б. Свердлова]. — Изд. 2-ое, испр. и доп. — СПб., 1996.

Мельникова Е. А. Заложники и клятвы: Процедура заключения договоров с норманнами / Е. А. Мельникова // Именослов. История языка. История культуры / [отв. ред. Ф. Б. Успенский]. — М., 2011. — С. 111–182.

Лаврентьевская летопись / [под ред. Е. Ф. Карского, с новым предисловием Б. М. Клосса] // Полное собрание русских летописей. Т. I. — М., 1997. — 498 с.

Сага о людях с Песчаного берега / [пер. А. В. Циммерлинга] // Исландские саги / [под ред. А. В. Циммерлинга]. — М., 2004. — Т. 2. — С. 23–129.

Санников С. В. Формы употребления клятвы в древнеанглийском (англосаксонском) судебном процессе / С. В. Санников // Право в средневековом мире. — М., 2009. — С. 114–131.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам / И. И. Срезневский. — Т. 2. — СПб., 1902. — 919 с.

Стефанович П. С. Клятва по русско-византийским договорам X в. / П. С. Стефанович // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 г. — М., 2006. — С. 383–403.

Фетисов А. А. Ритуальное содержание клятв оружием в русско-византийских договорах X в.: сравнительно-типологический анализ / А. А. Фетисов // Славянский альманах 2001 г. — М., 2002. — С. 36–46.

Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt / Ammianus Marcellinus / [hrsg. von W. Seyfarth]. — Leipzig, 1978. — Bd. 1–2.

Atlakvíða // Die Edda / [hrsg. R. C. Boer]. — Haarlem, 1922. — Bd. 1. — S. 233–240.

Battaglia M. In the Beginning Was the Ring: Mythological Echoes and Heroic Allusions in the Origin of the «Nibelungen Hort» / M. Battaglia // Studi anglo-norreni in onore di John S. McKinnell: «He hafað sundorgecynd» / [a cura di M. E. Ruggerini con la collaborazione di V. Szőke]. — Cagliari, 2009. — P. 289–303.

Beowulf and the Fight at Finnsburg / [ed. Fr. Klaeber]. — 3rd ed. — Boston, 1950.

Blomkvist N., Brink S., Lindkvist T. The kingdom of Sweden / N. Blomkvist, S. Brink, T. Lindkvist // Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus c. 900–1200 / [ed. N. Berend]. — Cambridge, 2007. — P. 167–213.

Brink S. Forsaringen. Nordens äldsta lagbud / S. Brink // Beretning fra femtende tværfaglige vikingesymposium / [udg. E. Roesdahl and P. Meulengracht Sørensen]. — Højbjerg, 1996. — S. 27–55.

Brink S. Law and Legal Customs in Viking Age Scandinavia / S. Brink // Scandinavians from the Vendel Period to the Tenth Century / [ed. J. Jesch]. — San Marino, 2003. — P. 87–117.

Christensen K. Field Teeming with Bronze Age Gold Rings / K. Christensen // Skalk. — 2013. — № 6. (Sceince Nordic. September 2, 2013 http://sciencenordic.com/field-teeming-bronze-age-gold-rings)

Ellis-Davidson H. R. The Ring on the Sword / H. R. Ellis-Davidson / Journal of the Arms and Armour Society. — 1958. — Vol. 2.

Ellis-Davidson H. R. The Sword in Anglo-Saxon England: Its Archaeology and Literature / H. R. Ellis-Davidson. — Oxford, 1962. — 237 p.

Eyrbyggja saga / Einar Ól. Sveinsson and Matthías Þórðarson gáv út // [suppl. to 2nd ed. by Ólafur Halldórsson. Íslenzk fornrit]. — Reykjavík, 1957. — B. IV.

Gutalag: the Law of the Gotlanders / [ed. Chr. Peel]. — L., 2009.

Hardt M. Royal Treasures and Representation in the Early Middle Ages / M. Hardt // Strategies of Distinction. The Construction of Ethnic Communities, 300–800 / [ed. W. Pohl, H. Reimitz]. — Leiden; Boston, 1998. — P. 255–280.

Hauck K. Halsring und Ahnenstab als herrscherliche Würdezeichen / K. Hauck // Schriften der Monumenta Germaniae Historica. — 1954. — Bd. 13:1. — S. 145–212.

Hákonar saga goða / Snorri Sturluson. Heimskringla // Bjarni Aðalbjarnarson gáv út (Íslenzk fornrit. B. XXVI). — Reykjavík, 1941.

Hávamál // Die Edda / [hrsg. R. C. Boer]. — Haarlem, 1922. — Bd. 1. — S. 18–38.

Kjalnessingasaga / Jóhannes Halldórsson gáv út // Íslenzk Fornrit. — Reykjavík, 1959. — B. XIV.

Landnámabók I–III. Hauksbók. Sturlubók. Melabók / [udg. av Finnur Jónsson]. — København, 1900.

Lindow J. Norse Mythology: A Guide to the Gods, Heroes, Rituals, and Beliefs / J. Lindow. — Oxford, 2001.

Looijenga T. Runes around the North Sea and on the Continent AD 150–700: Texts and Contexts / T. Looijenga. — Groningen, 1997.

MacLeod M., Mees B. Runic Amulets and Magic Objects / M. MacLeod, B. Mees. — Woodbridge, 2006.

Magoun Fr. P. Jr. On the Old-Germanic Altar- or Oath-Ring (stallahringr) / Fr. P. Jr. Magoun // Acta philologica

Scandinavica. — 1949. — Vol. 20. — P. 277–293.

Melnikova E. The Cultural Assimilation of the Varangians in Eastern Europe from the Point of View of Language and Literacy / E. Melnikova // Runica–Germanica–Medievalia. — Berlin; New York, 2003. — P. 454–465.

Müller L. Die Nestorchronik: Die altrussische Chronik, zugeschrieben dem Mönch des Kiever Höhlenklosters Nestor, in der Redaktion des Abtes Sil'vestr aus dem Jahre 1116, rekonstruiert nach den Handschriften Lavrent'evskaja, Radzivilovskaja, Akademičeskaja, Troickaja, Ipat'evskaja und Chlebnikovskaja, und ins Deutsche übersetzt / L. Müller. — München, 2001.

Naumann H. P. Draupnir / H. P. Naumann // Reallexikon der germanischen Altertumskunde. — Berlin; New York, 1986. — Bd. VI. — S. 152–154.

Nylén E., Lamm J. P. Bildsteine auf Gotland / E. Nylén, J. P. Lamm. — Visby, 1978.

Rožniecky St. Perun und Thor: Ein Beitrag zur Quellenkritik der russischen Mythologie / St. Rožniecky // Archiv für slavische Philologie. — Berlin., 1901. — Bd. 23. — S. 462–520.

Sawyer B. The Viking-Age Rune-Stones: Custom and Commemoration in Early Medieval Scandinavia / B. Sawyer. — Oxford, 2000.

Simek R. Dictionary of Northern Mythology / R. Simek // [transl. by A. Hall]. — Rochester, 2007.

The Spillings Hoard // Gotland's Role in the Viking Age World Trade. — Visby, 2009.

Stein-Wilkeshuis M. Scandinavians Swearing Oaths in Tenth-Century Russia: Pagans and Christians / M. Stein-Wilkeshuis // Journal of Medieval History. — 2002. — Vol. 28. — P. 155–168.

Tomescu D. Der Schatzfund von Pietroasa / D. Tomescu // Goldhelm, Schwert und Silberschätze. — Frankfurt am Main, 1994. — S. 230–235.

Two Anglo-Saxon Chronicles Parallel / [ed. Ch. Plummer]. — Oxford, 1892 (repr. 1952).

The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition / [gen. ed. D. Dumville, S. Keynes]. — Cambridge, 1986. — Vol. 3.

Ullberg S. Pagan Cult Sites: Lilla Ullevi / S. Ullberg // Archaeology in Europe / http://www.archeurope.com/index.php?page=lilla-ullevi, 2007.

Víga-Glúms saga / [ed. by G. Turville-Petre]. — Oxford, 1940.

Vikstrand P. Gudarnas platser. Förkristna sakrala ortnamn i Mälarlandskapen / P. Vikstrand. — Uppsala, 2001.

О. О. Мельнікова

«Кільця клятви» у давньоскандинавській правовій традиції

Описуючи обряд принесення клятви «нехрещеною руссю» під час укладання договору з Візантією в 944 р., давньоруський аналіст початку XII ст., радше, перекладач договору з грецької на руську кінця XI ст., згадує «обруччя», на яких приносилась клятва, в тому числі «прочего оружия». «Обруччя» договору розглядались як браслети, шийні гривни, пояс чи наручі, частини військового обладунку, що в XII ст. позначалися тим же словом. У 2002 р. М. Стейн-Вількесхюс припустила, що «обруччями» були «кільця клятви», відомі за давньоскандинавськими писемними джерелами. У статі представлений широкий скандинавський контекст використання сакральних кілець у судовій практиці та висловлено припущення, що їх найменування «обруччями» обумовлено незнанням давньоскандинавських реалій та судових практик X ст. перекладачем та літописцем: протягом другої половини X ст. скандинави активно асимілювались у слов'янському середовищі, а поширення християнства витісняло язичницькі ритуали.

E. A. Melnikova

«Oath-rings» in old Scandinavian legal system

While specifying the ritual of the oath-giving by the un-Christianized Rus' after the conclusion of the treaty with Byzantium in 944, the Old Russian annalist of the early 12th century, or rather the translator of the treaty from Greek into Russian of the late eleventh century, mentions obruchja (arm-rings) among the weapons on which the oath is to be given. Obruchje was interpreted as bracelets, necklace rings, belt or armour-bracelets which in the 12th century were designated with the same word. In 2002 M. Stein-Wilkeshuis suggested that the obruchja were the so called oath-rings known to Old Norse written sources. The article provides a wide Scandinavian context for the usage of sacral rings in court practices and suggests that their designation as a detail of the warriors' armour was due to the late eleventh century translator's lack of knowledge of Old Scandinavian realities and sacral practices of the mid-10th century.

Е. А. Шинаков

А. В. Куза и современные исследования городов Среднего Подесенья *

В статье анализируется вклад А. В. Кузы в теоретическое и организационно-практическое изучение древнерусских городов брянской части Среднего Подесенья, а также современное состояние исследований этой темы. Работы А. В. Кузы были положены в основу теоретического осмысления материала и постановки задач конкретных исследований. Сам А. В. Куза приложил руку к локализации и установлению времени возникновения двух брянских городов — Стародуба и Брянска, составил карту летописных пунктов и древнерусских городищ Среднего Подесенья как части общей карты Древней Руси. Последующие (в 80-е годы XX — начале XXI вв.) систематические археологические работы продолжателей исследований А. В. Кузы позволили уточнить, дополнить, отчасти изменить его карты Среднего Подесенья. Однако основные выводы А. В. Кузы как конкретно по данному региону, так и в общетеоретическом плане, находят свое подтверждение в дальнейших исследованиях брянской части Среднего Подесенья.

Ключевые слова: Среднее Подесенье, Брянск, А. В. Куза, Древняя Русь, город, локализация.

А. В. Куза приложил руку к исследованиям древнерусских городов Среднего («северского» и брянского)[1] Подесенья как в теоретическом, так и практическом аспектах. В изданную по результатам его работ (1989 г.) монографию «Малые города Древней Руси» были включены 12 летописных центров данного региона, причем 11 из них (кроме самого Новгорода-Северского) расположены в брянской его части. Это Стародуб, Карачев, Брянск, Севск, Вщиж, Ормина (в мглинском варианте локализации) [Куза, 1989]. В разной степени изученных укрепленных пунктов с селищами-посадами, которые могли являться городами, но не все упоминаются в летописях, на карте А. В. Кузы указано около 50, причем 51 из них — в брянской части региона (правда, одно городище — Слободка — формально относится к Орловской области).

При более полной публикации материалов А. В. Кузы в 1996 г. для брянско-орловской части Среднего Подесенья отмечено наличие 55 городищ[2] с древнерусским слоем.

Занимался А. В. Куза и вопросами локализации, а также уточнением времени возникновения таких летописных городов Среднего Подесенья как Брянск и Стародуб. Он, в частности, провел датировку концом X в. керамики и иных находок из раскопок Ф. М. Заверняева в урочище «Чашин Курган», отобранных и представленных в ИА АН СССР автором данной статьи. После изучения объектов Ф. М. Заверняева А. В. Кузой была подготовлена справка ИА АН СССР за подписью его директора, академика Б. А. Рыбакова, о времени возникновения Брянска. Все сооружения и находки (из раскопок Ф. М. Заверняева на окольном городе у городища Чашин Курган — *Е. Ш.*) датируются концом X — началом XII вв.

1. Без той части Брянской области, которая относилась не к Чернигово-Северскому, а к Смоленскому княжеству, и без бассейна среднего и нижнего течения р. Снов (в Черниговской области).

2. Из них три городища на р. Навля и одно — на р. Нерусса относятся к Орловской области.

* Статья подготовлена на средства гранта РГНФ № 13–01–00222.

Из них к концу X в. относятся несколько построек и производственных комплектов (дата установлена по характерным лепным и раннегончарным сосудам, некоторым типам металлических предметов и стеклянных бус из архива Института археологии АН СССР, отчеты № 6344 и № 6800 за 1976–1978 гг. Ф. М. Заверняева).

Есть все основания полагать, что древний Брянск был основан в 80-е годы X в. После 1147 гг. центр города с поселения «Чашин Курган» переместился на Покровскую гору (Советский район), где найдены культурные отложения конца XII в. и последующих эпох [Брянску 1000 лет, 1986, с. 23].

В 1982 г. Брянским отрядом Новгород-Северской экспедиции, которую с 1980 г. возглавлял А. В. Куза, в Стародубе в строительном котловане были обнаружены древнерусские предметы. В том же году «…раскопки и зачистки стен котлована, проведенные А. В. Кузой и В. П. Коваленко, позволили внести коррективы в летописные[3] данные. Стародуб впервые упоминается под 1080 г., обнаруженная же в нижних слоях керамика датируется X в.» [Шинаков, 1984, с. 101; более подробные данные об этих раскопках см.: Коваленко, Шинаков, 1998].

К сожалению, А. В. Куза не успел внести коррективы в подготавливаемую им диссертацию и монографию о древнерусских городах, и данные о Стародубе базируются здесь еще на результатах работ Ф. М. Заверняева, который действительно не нашел древнерусских материалов на детинце Стародуба — «Солдатской горе» [Куза, 1996, с. 105].

Позднее раскопки, произведенные на «Солдатской горе» студентами и сотрудниками Брянского педагогического института, в том числе и учениками А. В. Кузы, выявили здесь не только древнерусские слои, но и остатки укреплений этого времени, а также находки X в. [Шинаков, 1995, с. 101; Шинаков, Ющенко, 1995, с. 26–27].

Именно после раскопок 1985–1989 гг., проведенных Брянским отрядом Новгород-Северской экспедиции, детища А. В. Кузы, и было точно установлено не только место, но и время возникновения Стародуба в качестве городского центра.

Что касается древнерусского Брянска, то раскопки середины 80-х — середины 90-х годов XX в. подтвердили основные выводы справки, подготовленной А. В. Кузой.

Была лишь уточнена топография поселения в урочище «Чашин Курган», время сооружения и характер его укреплений, в том числе не только детинца, но и окольного города [Поляков, 2011]. При работах 1995 г. на территории окольного города обнаружена керамика второй половины XIII–XV вв. [Шинаков, 2010, с. 175; 1997, с. 17], что существенно сдвинуло верхнюю грань времени существования этого поселения уже не в качестве города, а загородной резиденции князей [Шинаков, 1997, с. 17]. Ближайшая сельская округа комплекса «Чашин Курган» была обследована в начале — середине 90-х годов [Гурьянов, 1997, с. 23–25].

Раскопки же на посаде Брянска периода расположения его укрепленной части на Покровской горе подтвердили факт отсутствия здесь слоев ранее конца XII–XIII вв. [Гурьянов, 1996, с. 53–55; Гурьянов, Поляков, 1993, с. 29–30].

В среднедеснинскую часть карты городищ, составленную А. В. Кузой, можно внести дополнительно свыше 20 укрепленных поселений древнерусского времени, обнаруженных брянскими археологами, в том числе, учениками Андрея Васильевича, в 80-е годы XX — начале XXI вв. Эти дополнения возможны:

— за счет обнаружения новых памятников;

— за счет открытия на уже известных городищах древнерусских слоев;

— за счет изучения снивелированных валов и рвов на известных древнерусских поселениях, считавшихся неукрепленными.

Ко вновь открытым можно отнести, например, «Сказов город», Мытничи, Горислово в Стародубском ополье, Ропеск в с. Старый Ропск на р. Ирпа, Ормину на р. Немолодва в Присудостьском ополье и др. Ко вторым — Рогово, «Солдатскую Гору» в Стародубе, Лопушь под Выгоничами, окольный город Погара – Радоща и др.

3. Точнее, в данные письменных источников, т. к. Стародуб впервые упоминается не в летописи, а в «Поучении детям» Владимира Мономаха.

Остатки укреплений второго городища обнаружены в Левенке, на «окольных городах» Синина Моста и Брянска в урочище «Чашин Курган», на Ильинской Горе в Почепе и др.

Кроме появления «новых» укрепленных поселений, изменилась и отраженная на картах А. В. Кузы степень их обследованности. Стародуб из разряда исследованного разведками, раскопками и шурфами явно переходит в категорию стационарно, широкой площадью исследованных поселений (общая площадь раскопов превышает 300 м^2, и это при наличии культурного слоя толщиной 4–5 м). Рогово и Случевск из разряда памятников, обследованных без целенаправленного вскрытия культурного слоя, переходит во вторую категорию — поселений, изученных разведочными раскопками и шурфами.

Кроме Стародуба на «Солдатской горе» и прилегающих к ней кварталах, были привязаны к местности и окончательно локализованы 6 упомянутых в письменных источниках древнерусских городов и княжеских сел: Севско, Почеп, Ормина, Ропеск, Радощ, Синин Мост.

Культурный слой города (первоначально, судя по форме топонима, частновладельческого села) Севско до работ 1989 г. зафиксирован не был. Городище было полностью уничтожено крепостью XVII в., а на посаде, на территории современного Севска, раскопки не проводились. Древнерусский слой, причем не только XII в. [Куза, 1996, с. 103], но и X — начала XI вв. (позднероменского) [Зайцев, Шинаков, 1996, с. 60], был обнаружен здесь в 1989 г.

Работы в районе Почепа помогли уточнить культурно-хронологическую атрибуцию городища в селе Рогово [Поляков, Шинаков, 1997], соотношения городища Старопочепья и вновь обнаруженного городища в самом Почепе, в урочище «Покровщина» на Ильинской Горе [Слюнченко, 1995; 2004; Шинаков, 1995]. Установлено местоположение роменско-древнерусского Почепа на месте самого города и сооружение (или реконструкция) укреплений на Ильинской Горе в литовское время (XV в.) [Шинаков, 1995, с. 102].

Ропеск и Радощ были локализованы А. В. Кузой еще до их точной идентификации на местности абсолютно верно — на месте с. Новый или Старый Ропск и г. Погар [Куза, 1996, с. 106, 109]. Интуиция исследователя получила свое подтверждение при разведках 1992 и раскопках 1993 г., когда в с. Старый Ропск было обнаружено древнерусское городище со снивелированными валами, а в Погаре — окольный город Радощ рядом с городищем «Замок» с его юхновскими и «литовскими» слоями [Шинаков, Миненко, 1993; Шинаков, 1995, 2004].

Новым, по сравнению с картой А. В. Кузы, является альтернативный вариант локализации Ормины, появившийся после разведки 1992 г. На р. Немолодве, притоке Судости, у с. Вормино Почепского района было обнаружено городище со срытыми валами и керамикой XI–XIII вв. [Шинаков, Миненко, 1993, с. 41–42]. Данная локализация летописной Ормины в цепочке черниговских крепостей на северной границе Стародубского и западной Присудостьского ополья, между Росусью (Рассухой) и гнездом поселений Рогово — Старопочепье — Почеп (Покровщина), более логична для черниговского «града» (скорее всего, частновладельческого — княжеского), чем Ормина у с. Вормино Мглинского, уже в бассейне Ипути [Кашкин, 1988, с. 37]. Есть и иные аргументы в пользу «почепской», а не «мглинской» локализации летописной Ормины, упомянутой в 1142 г. в одном ряду со Вщижом [Шинаков, Миненко, Сафронов, 1993, с. 25–26].

В случае если этот вариант локализации Ормины получит дополнительные доказательства, могут быть внесены и изменения в археологическую карту Среднего Подесенья за счет переноса этого черниговского летописного центра из бассейна Ипути — Сожа в бассейн Десны. Попутно был проверен и опровергнут еще один вариант локализации Ормины — на левом притоке Судости р. Крупец. Тщательная разведка окрестностей с. Ормина в верховьях этой реки не обнаружила на ровной болотистой местности не то что городища, но и ни одного поселения древнерусского времени [Зайцев, Шинаков, 1995, с. 34].

Карта городищ и укрепленных центров городского характера также пополнилась благодаря обнаружению за счет открытия слоев древнерусского времени на городище в с. Лопушь на р. Десна в Выгоничском районе и исследованном на окружающем его се-

лище — посаде (а может быть, и окольном городе)[4]. Находки [Новожеев, Брешков, 2013; Брешков, Чубур, Поляков, 2011] свидетельствуют, что поселение это не было рядовой весью или даже боярским селом, а, как минимум, селом — погостом с церковью или даже с частновладельческим градом ранга Слободки на Навле.

В целом можно констатировать, что именно идеи и организация А. В. Кузой исследований древнерусских городов и укрепленных поселений Среднего Подесенья привели к их интенсивным исследованиям брянскими археологами, в том числе его учениками, и последователями в 80-е годы XX — начале XXI вв.

Брянску 1000 лет. Сборник документов и материалов. — Тула, 1986. — 335 с.

Гурьянов В. Н. Археологические памятники Брянска / В. Н. Гурьянов // Страницы истории города Брянска. — Брянск, 1997. — С. 18–29.

Гурьянов В. Н. Брянск конца XIII — первой половины XIV вв. по данным археологии / В. Н. Гурьянов // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. — Тула, 2005. — С. 42–59.

Гурьянов В. Н. Новые данные о древнерусском Брянске / В. Н. Гурьянов // Из истории Брянского края. — Брянск, 1995. — С. 52–57.

Гурьянов В. Н. Новые исследования древнего Брянска / В. Н. Гурьянов, Г. П. Поляков // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. — Суми, 1993. — С. 27–30.

Зайцев В. В. Денежно-весовой клад у с. Малфа / В. В. Зайцев, Е. А. Шинаков // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. — Чернігів, 1995. — С. 33–35.

Зайцев В. В. Севск и его окрестности в древности / В. В. Зайцев, Е. А. Шинаков // Из истории Брянского края. — Брянск, 1995. — С. 57–63.

Кашкин А. В. Летописные города Черниговской земли в Брянском Подесенье / А. В. Кашкин // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». Тезисы докладов. — Чернигов, 1988. — С. 36–39.

Коваленко В. П. Літописний Стародуб (до питання про локалізацію) / В. П. Коваленко, Є. О. Шинаков // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі: Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 900-літтю з'їзду князів Київської Русі у Любечі. — Чернігів, 1997. — С. 89–101.

Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. (свод археологических памятников) / А. В. Куза. — М., 1996. — 256 с.

Куза А. В. Малые города Древней Руси / А. В. Куза. — М., 1989. — 169 с.

Новожеев Р. Древности села Лопушь / Р. Новожеев, Р. Брешков // Материальная культура деревни среднего Подесенья в XI–XVII вв. — Брянск, 2013. — 80 с.

Поляков Г. П. Домонгольский Брянск по данным летописи, топонимики и археологии / Г. П. Поляков // Baltfort. Балтийский военно-исторический журнал. — 2011. — № 4 (17). — С. 59–63.

Поляков Г. П. Окольный город летописного Дебрянска (по материалам раскопок Ф. М. Заверняева) / Г. П. Поляков // Деснинские древности. Материалы I межгосударственной конференции «История и археология Подесенья», посвященной памяти Ф. М. Заверняева. — Брянск, 1995. — С. 123–127.

Поляков Г. П. Летописный Рогов / Г. П. Поляков, Е. А. Шинаков // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі: Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 900-літтю з'їзду князів Київської Русі у Любечі. — Чернігів, 1997. — С. 117–123.

Слюнченко Ю. И. Старопочепское городище / Ю. И. Слюнченко // Деснинские древности. Материалы I межгосударственной конференции «История и археология Подесенья», посвященной памяти Ф. М. Заверняева. — Брянск, 1995. — С. 110–113.

Слюнченко Ю. И. Из исследований Почепа и его округи / Ю. И. Слюнченко // Деснинские древности. Материалы межгосударственной конференции «История и археология Подесенья», посвященной памяти Ф. М. Заверняева. — Вып. III. — Брянск, 2004. — С. 236–249.

Шинаков Е. А. Археологические работы в Брянской области в 1988–1989 гг. (древнерусская эпоха) / Е. А. Шинаков // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. — Чернігів, 1995. — С. 100–104.

Шинаков Е. А. Возникновение городов в свете теории «бинарных оппозиций» и «пар городов» / Е. А. Шинаков // Страницы истории города Брянска. — Брянск, 1997. — С. 11–17.

Шинаков Е. А. О работах Брянского отряда / Е. А. Шинаков // АО 1982 г. — М., 1984. — С. 101–102.

Шинаков Е. А. Радощ-Радогощь (к вопросу о возникновении городов с «блуждающими названиями») / Е. А. Шинаков // Деснинские древности. Материалы межгосударственной конференции «История и археология Подесенья», посвященной памяти Ф. М. Заверняева. — Вып. III. — Брянск, 2004. — С. 253–268.

4. Кстати, на топографических картах съемки конца XIX — начала XX вв. это село обозначено как Армяновка.

Шинаков Е. А. Раскопки летописного Синина Моста и Погара / Е. А. Шинаков // Археологічні старожитності Подесення. — Чернігів, 1993. — С. 40–43.

Шинаков Е. А. Раскопки средневекового комплекса у села Синин в Брянской области / Е. А. Шинаков // АО 1994 г. — М., 1995. — С. 150–151.

Шинаков Е. А. Средневековые города Брянщины: современный этап изучения / Е. А. Шинаков // Из истории Брянского края. — Брянск, 1995. — С. 19–25.

Шинаков Е. А. Локализация Ормины и Ропеска — летописных центров Черниговской земли / Е. А. Шинаков, В. В. Миненко // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. — Чернігів, 1993. — С. 40–43.

Шинаков Е. А. «Города» Чернигово-Смоленского пограничья: факторы и этапы развития / Е. А. Шинаков, В. В. Миненко, И. В. Сафронов // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. — Суми, 1993. — С. 20–27.

Шинаков Е. А. Стародуб и его округа в конце X–XII вв. / Е. А. Шинаков, Н. Е. Ющенко // Проблемы социальной истории Европы: от античности до Нового времени. — Брянск, 1995. — С. 21–33.

Шинаков Е. А. Город и округа: к проблеме возникновения Брянска / Е. А. Шинаков // Вестник БГУ. К 80-летию образования БГУ им. акад. И. Г. Петровского. — Брянск, 2010. — С. 171–179.

Є. О. Шинаков

А. В. Куза та сучасні дослідження міст Середнього Подесення

У статті аналізується внесок А. В. Кузи в теоретичне та організаційно-практичне вивчення міст брянської частини Середнього Подесення, а також сучасний стан досліджень цієї теми. Роботи А. В. Кузи були покладені в основу теоретичного осмислення матеріалу та постановки завдань конкретних досліджень. Сам А. В. Куза доклав зусиль до локалізації та встановлення часу виникнення двох брянських міст — Стародуба та Брянська, склав карту літописних пунктів та давньоруських городищ Середнього Подесення як частини загальної карти Давньої Русі. Наступні (у 80-ті рр. XX — на початку XXI ст.) систематичні археологічні роботи послідовників досліджень А. В. Кузи дозволили уточнити, доповнити, та частково змінити його карти Середнього Подесення. Однак основні виводи А. В. Кузи як конкретно щодо даного регіону, так і в загальнотеоретичному плані знаходять своє підтвердження в подальших дослідженнях брянської частини Середнього Подесення.

E. A. Shinakov

Contemporary researches of towns in Middle Desna Region

This article analyses the contribution of A. V. Kuza to the theoretical and organizing and practical researches of Old-Russian cities of the Middle Desna Region and also contemporary estate of studies of this region. Kuza's works are basis for specific research and theoretical studies. Kuza himself took part in localization and finding out the foundation dates of two Bryansk's towns — Bryansk itself and Starodub. Moreover Kuza made a map of Old-Russian towns and fortified settlements of the Middle Desna Region as a part of the map of the whole Old Rus. Following (in 80^{s} years of XXth century — the beginning of XXIth century) systematic archaeological works of disciples of A. V. Kuza made his map more exact and complete and partly changed it. Nevertheless the main Kuza's conclusions as on the problems this concrete region as on the theoretical aspects are confirmed by the following investigations of Bryansk's part of the Middle Desna region.

Ю. Ю. Моргунов

Еще раз о северянских «протогородах»

Статья посвящена оценке достоверности гипотезы о «протогородах» летописного племени северян и их трансформации в древнерусские города в свете научного наследия А. В. Кузы. На основании его методик проведен анализ размещения лучше изученных городищ IX–X вв. на Левобережье Днепра. Он показал, что там не существовало равномерного («гнездового») распределения укреплений с «центрами малых племен». Их картографирование указало на существование четырех форм размещения северянских крепостей. Представлению о «гнездах» соответствуют только три обширных средоточия памятников вокруг Горналя, Курска и Путивля, но эти центры не обладали набором протогородских признаков. Более архаичны 4 примера линейной формы концентрации: это меньшие территориальные образования, где редко распознаются ведущие центры. Парная форма размещения нередко переходит в рассеянный (одиночный) тип размещения. Последняя категория — это одиночные городища скромных размеров. Таким образом, существование северянских «протогородов» остается недоказанным.

Столь же необоснована гипотеза о мирном освоении Русью земли северян и преобразовании их центров в русские города. На это указывают заброшенные крепости и следы массовых пожарищ на северянских укреплениях. В других примерах находки указывают на запустение крепостей вплоть до возобновления укреплений в конце XI–XII вв.: подобные памятники составляют около 85% от лучше изученных объектов.

Ключевые слова: городища, крепости, укрепленные поселения, летописные города, северяне, Русь, племенные центры, протогорода, эмбрионы городов, Левобережье Днепра, курганные могильники, открытые поселения.

Научное наследие рано ушедшего из жизни А. В. Кузы и сейчас заслуженно пользуется признанием археологов. Он был автором стройной системы признаков древнерусского города и создателем наиболее полного каталога городищ X–XIII вв. Несмотря на новые исследования, его работы по глубине анализа и уровню обобщения материала надолго останутся настольными книгами археологов-славистов, работающих в этой области.

Так, А. В. Куза впервые предложил шкалу информативной оценки городищ, что сделало их полноценным историческим источником [Куза, 1989а, с. 35]. Из них тип 1 включает объекты, подвергавшиеся раскопкам, к типу 2 относятся хуже изученные памятники, а также разведочно обследованные с неоднократной шурфовкой и частичными разрезами валов. Памятники типа 3 — это укрепления с ничтожным количеством находок или подъемным материалом. Этот тип не позволяет уточнить время создания северянских укреплений на «многослойных» городищах: порой их крепости принимают за этап «копирования» предшествующих руин. Подобная ошибка видна на примере добросовестной монографии. Ее автор признал, что «бесспорное соотнесение их с роменским временем невозможно» [Енуков, 2005, с. 69], но на картах и статистически он учел сомнительные памятники в качестве северянских.

И, наконец, к типу 4 А. В. Куза относил летописные пункты, идентифицированные лишь по созвучию их имен с современными топонимами, — это наименее информативная группа источников.

Известно, что к X в. на лесостепном Левобережье Днепра сформировалась обширная сеть мысовых укрепленных поселений восточносеверянского племенного союза. М. П. Кучера полагал, что только в Украине сохранилось 92 западно- и восточносеверянских городища, из них размеры почти половины площадок не превышают 0,5 га [Кучера, 1999, с. 114]. По другим вычислениям, в Посеймье площади 82% памятников не превышают 0,5 га, а крепости величиной более 1 га единичны [Енуков, 2005, с. 63]. По иной оценке, обобщающей материалы в масштабах всего Левобережья Днепра, наиболее распространенными были северянские городища размерами до 0,6 га [Григорьев, 2000, с. 59]. Вероятно, это были общинные твердиубежища.

В литературе сложилось представление, что укрепленные поселения равномерно размещались локальными «гнездами» или «кустами», внутри которых различаются более крупные, со множеством селищ и курганных могильников — это указывает на обширную и плотно заселенную округу. Их принимали за «племенные города» [Юшков, 1939, с. 134, 135] или «протогорода» с развитым ремеслом и высоким уровнем культуры, возникшие в результате экономического и социального развития [Сухобоков, 1975, с. 19; Седов, 1982, с. 135; Шинаков, 1991, с. 82]. «Эмбрионы городов» рассматривали как города и как возникшие в средоточиях «малых племен», составлявших племенные союзы [Фроянов, Дворниченко, 1988, с. 34; Казаков, 2010, с. 109, 115].

Эта тематика связана с теорией врастания племенных центров в поселенческие структуры Руси, с переносом городов и возникновением новых. Она сильно запутана теоретизированием историков, оперирующих немногочисленными летописными примерами. И на фоне недостаточно изученной территории Древней Руси археологи поспешили внести посильную лепту в эту проблематику: археологические поиски «протогородов» вошли в моду.

Я не мог пропустить эту тему хотя бы потому, что некоторые из предложенных вариантов выглядят недоказанными. Так, по А. Л. Казакову, уже в IX в. западносеверянские племенные центры приобрели городскую структуру в топографическом (детинец+посад) и социальном отношении. Исследователь утверждал, что «нет никаких причин считать эти центры недоразвитыми протогородскими средоточиями, а не полноценными городами» [Казаков, 2010, с. 109, 115]. Похоже, для подобных разработок характерны декларативные тексты с таблицами рисунков отдельных находок и планами памятников в том виде, в каком они сохранились до сих пор. Но с подробными обоснованиями таких выводов, снабженными текстовым и графическим анализом итогов исследований, мне ознакомиться не удалось.

Наиболее реалистично к поискам признаков «протогородов» подошел А. В. Куза. Судя по раскопкам Горналя, к ним могли относиться городища значительных размеров со свитой меньших укреплений, обширной сельскохозяйственной округой и курганными могильниками. Насыщенные и мощные напластования должны содержать следы специализированного ремесла, имущественного размежевания населения и дальних торговых связей. На Горнале, вероятно, осуществлялась и местная чеканка подражаний арабским дирхемам, а также был зафиксирован определенный уровень грамотности обитателей поселения. Исследователь предположил, что подобные поселенческие средоточия могли быть центрами малых племен, и при благоприятных условиях видоизменились бы в города [Куза, 1981, с. 33, 36, 38; 1983, с. 33, 34].

Согласно западным и северным аналогиям, кроме Горналя, А. П. Моця к «эмбрионам городов» добавил Зеленый Гай и Липовое: их население включало разноэтничные компоненты, но признаки дальней торговли ограничились

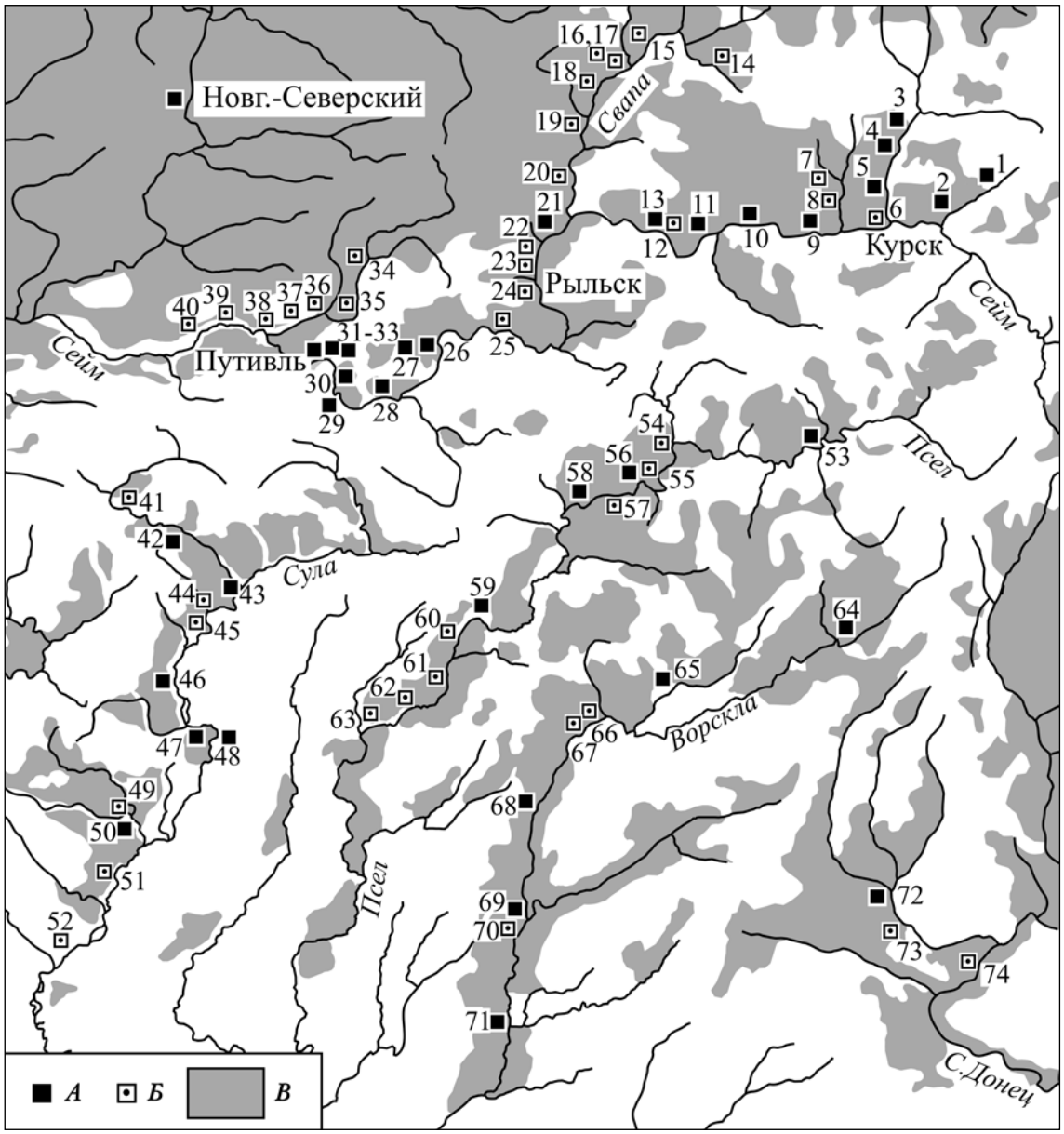


Рис. 1. Городища роменской культуры летописных северян.
А — городища информативного типа 1; *Б* — хуже изученные, условно пригодные к анализу городища типа 2; *В* — восстановленные очертания лесных массивов.
Посеймье: *1* — Титово; *2* — Беседино-Рать; *3* — Переверзево-2; *4* — Мешково-2; *5* — Шуклинка; *6* — Курск; *7* — Гнездилово; *8* — Большое Лукино; *9* — Липино; *10* — Дроняево-2; *11* — Погореловка-2; *12* — Городенск; *13* — Люшинка; *14* — Жидеевка; *15* — Гнань; *16* — Ратманово-1; *17* — Ратманово-2; *18* — Старый Город; *19* — Моисеево; *20* — Мухино; *21* — Капыстичи; *22* — Асмолово; *23* — Пригородная Слободка; *24* — Рыльск; *25* — Лещиновка; *26* — Горки-1; *27* — Бунякино; *28* — Волынцево; *29* — Лухтовка; *30* — Латышевка; *31–33* — Путивль; *34* — Будищи; *35* — Ховзовка; *36* — Волокитино; *37* — Воргол; *38* — Литвиновичи; *39* — Красное Утро; *40* — Ленинское.
Посулье: *41* — Красный Колядин; *42* — Медвежье; *43* — Ромны-Монастырище; *44* — Шумск; *45* — Глинск; *46* — Свиридовка; *47* — Гаевщина; *48* — Бодаква; *49* — Городище?; *50* — Хитцы; *51* — Лубны?; *52* — Лукомье.
Поречье Псла: *53* — Гочево; *54* — Куриловка; *55, 56* — Горналь; *57* — Великая Рыбица; *58* — Зеленый Гай (Б — городище); *59* — Каменное; *60* — Азак; *61* — Кнышевка; *62* — Броварки; *63* — Сары.
Поворсклье: *64* — Хотмыжск; *65* — Ницаха — Малый Балкан; *66* — Заречное-1 (Кукуево); *67* — Заречное-2; *68* — Журавное-1 (Демидов Бугор); *69, 70* — Глинск; *71* — Полтава.
Бассейн Северского Донца: *72* — Карачевка; *73* — Хорошево; *74* — Мохнач

«обломками необработанного овручского шифера и бракованным пряслицем из него» [Моця, 1985, с. 132: 1987, с. 164, 166]. Е. А. Шинаков насчитал у восточных северян 12 «гнезд»: Сумское и Броварское на Псле, на Ворскле городища Заречное (Петровское), Ахтырка, Чернетчина, Журавное, Глинск и Полтава, а также Городище на Мерле [Шинаков, 1991, с. 83, 84]. О. В. Сухобоков отнес к протогородам городища Рыльска, Путивля, Курска, Ромена, Лубена и Донца [Сухобоков, 1992, с. 47, 89, 147, 152; Комар, Сухобоков, 2004, с. 171]. Позже он разделил поселения городского типа на «реальные» (Горналь и Донец) и «потенциальные» (Гочево и Ницаху) [Сухобоков, 2012, с. 270]. К этому списку В. В. Приймак добавил Хотмыжск на Ворскле и обозначил 8 групп концентрации памятников, среди которых выделил центры малых племен [Приймак В.М., Приймак В.В., 2003, с. 28].

Прежде чем перейти к рассмотрению предложенных вариантов, по примеру А. В. Кузы рассмотрим степень изученности северянских городищ. Здесь я взял на себя смелость упростить схему известного предшественника, сократив ее до трех групп: информативный тип 1, пригодный для анализа тип 2 и слабоизученный тип 3. Но оказалось, что памятники группы 3 не обладают достоверными сведениями о датировке укреплений северянским временем. Поэтому я их отнес к сомнительным. Это нестратифицированные «многослойные» городища, иногда с многовальными или округлыми в плане укреплениями, применение которых северянами давно отвергнуто. Зыбко и привлечение городищ с невыразительными или утраченными валами или ничтожным количеством собранной на них роменской керамики (рис. 1).

В итоге мной было учтено 74 памятника. Из них к типу 1 удалось отнести всего 32 городища, что составляет чуть больше 43%. Но и эти цифры содержат достаточно литературных недоразумений. Отчасти это связано с тем, что материалы множества раскопок подробно не изданы, с другими памятниками связано давление историографической традиции. Напомню и о том, что подавляющее большинство объектов изучено несравненно хуже Горналя, Хотмыжска, Полтавы и Донца; слабо изучены и открытые поселения.

Картографирование в разной степени пригодных для анализа памятников показывает, что на Левобережье существовало четыре формы размещения защищенных стенами поселений[1]: обширные скопления укреплений, линейные средоточия, парные городища и одиночные укрепления.

Обширные скопления укреплений связаны с лесными массивами или прижимались к зоне широколиственных лесов. Эталонным примером является Горнальский комплекс (рис. 2, 7). В ближайшую округу Большого городища входило Малое городище «Фагор» и 18 неукрепленных поселков общей площадью до 24 га. Аэрофотосъемкой были выявлены следы недатированной второй линии укреплений, что близко к древнерусской городской структуре (детинец+окольный город). Курганный могильник в конце XIX в. насчитывал более двух тысяч насыпей. К этому добавим перечисленные выше «протогородские» признаки Большого городища.

Очевидно, вокруг Горналя существовала и «тянувшая» к нему внушительная поселенческая округа, отделенная от других северянских городищ территориальными лакунами. В радиусе 34 км от него (средний дневной переход войска или каравана) насчитывается еще 4 укрепления. Таким образом, в горнальскую зону входил и Зеленый Гай, насчитывавший два городища, большое поселение и могильник [Сухобоков, Моця, 1987, с. 85, 86, 93; Сухобоков, 1992, с. 122, 147; Моця, Халиков, 1997, с. 117].

В основании вала Большого городища содержалась роменская керамика, а развитая общерусская залегала выше. Значит, после гибели роменской крепости на

1. На карте 2 пределы гнезд и средоточий ограничены размещением городищ. На самом деле их сельскохозяйственные округи простирались значительно шире.

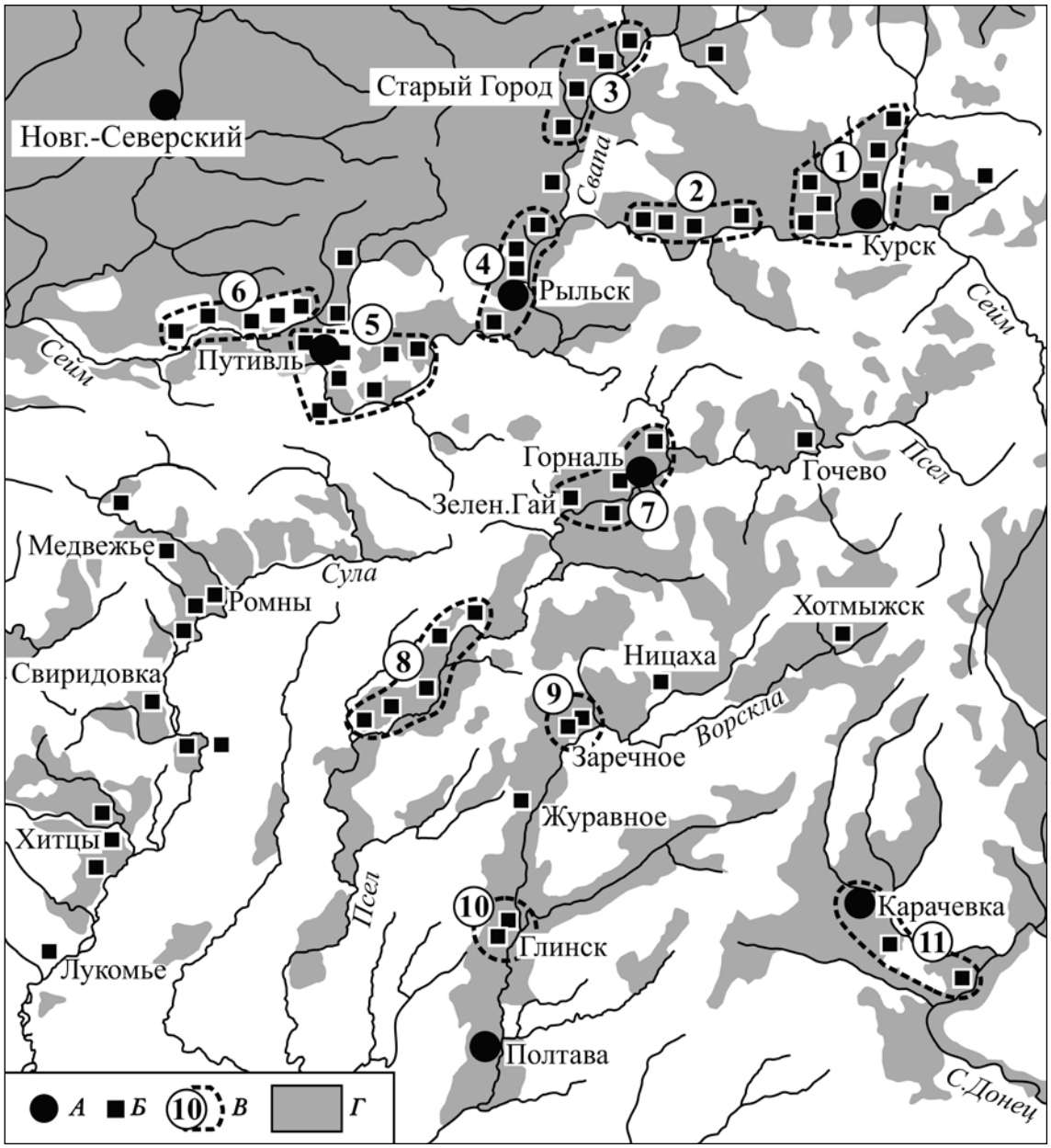


Рис. 2. Размещение северянских «протогородов».
А — «протогорода» и «центры малых племен»; *Б* — городища; *В* — гипотетические пределы поселенческих средоточий разных уровней; *Г* — древние лесные массивы.
Номенклатура городищ соответствует указанной на рис. 1

ее месте сначала возникло древнерусское селище — его напластованиями забивали городни древнерусских стен, построенных поверх северянского вала. Судя по керамике, это произошло не раньше XII в. В культурном слое Малого городища на фоне скромного количества лепного материала преобладали обломки посуды XII в. Там отсутствуют и северянские эскарпы. Похоже, это «скопление» содержало только одно северянское укрепление [ср.: Моця, 1987, с. 165; Покас, Осадчий, Приймак, 2007, с. 11, 12].

Вторая зона из 6 (или даже 8) городищ и нескольких кладов сформировалась вокруг Курска (рис. 2, *1*). На его территории археологические следы северян были скудными. А упомянутая в акте 1652 г. «старая городовая осыпь посередь острога» [Енуков, 2005, с. 237–240] — это, скорее, следы древнерусского города. Однако поиски последних лет все же обнаружили на Красной площади перекрытые пожаром

напластования конца X — начала XI в. [Енуков, Енукова, 2011, с. 141]. Третье скопление из восьми городищ размещается вокруг Путивля, ядро которого включало еще 3 (или 4) городища (рис. 2, *5*). Между тем, несмотря на проведенные раскопки, насыщенные напластования роменского времени там не обнаружены.

Эти поселенческие зоны, вероятно, могли быть малыми северянскими племенными образованиями. Но, кроме Горналя, их центры не содержат артефактов, приближающихся к набору «протогородских» признаков.

Линейная форма поселенческой концентрации более архаична. На верхнем Сейме это цепочка из четырех городищ (рис. 2, *2*), куда по созвучию с современным г. Льговом А. К. Зайцев поместил летописный Ольгов 1152 г. [Зайцев, 1976, с. 157]. Выделяется и череда слабо изученных городищ по р. Свапе, сопровождающаяся несколькими кладами (рис. 2, *3*). Исходя из площади 2 га, центром этого скопления считают Старый Город, хотя время возведения крепости неизвестно — там есть и древнерусская керамика [Енуков, 2005, с. 240; Пуголовок, 2013, с. 265].

Многолетние раскопки городища в г. Рыльске (рис. 2, *4*) раскрыли мощный северянский слой с импортными бусами. Он перекрыт древнерусским с «городскими» находками, а вдоль Сейма раскинулась недостаточно изученная цепочка городищ [Фролов, 1991, с. 83, 84]. Время возникновения рыльских укреплений не было определено, а детальная публикация итогов раскопок осталась за пределами научных планов исследователя.

На нижнем Сейме река отделила от путивльского скопления череду, состоящую из пяти городищ (рис. 2, *6*). На Среднем Псле обширной лакуной от Горнальского средоточия отделено «броварское» скопление памятников (рис. 1; 8). Три городища линейного размещения прослеживаются и в поречье Северского Донца (рис. 2, *11*). Центральной крепостью считается Карачевка, имевшая размеры всего 70×38 м и содержавшая незначительное количество северянского материала [Шрамко, 1962, с. 298, 308].

В четырех линейных средоточиях пока не обнаружены явные центральные крепости — сведений об их иерархической структуре мало. Не исключено, что такие поселенческие комплексы являлись небольшими территориальными образованиями, близкими к общинным территориальным единицам, включавшим несколько близлежащих поселений.

К средоточиям парного размещения в Посулье гипотетически можно отнести городище Медвежье с детинцем и укрепленным посадом общей площадью 0,8 га[2]. Его сопровождало несколько селищ и четыре курганных могильника [Моргунов, 1996, с. 51–53]. В 7 км к западу от него расположен известный могильник и открытое поселение в Липовом (крепостное сооружение округлых очертаний возникло поверх его руин только в начале XII в.).

Ворсклинский «комплекс» Ницаха — это два небольших городища и 500 курганов. На городище Большой Балкан (60×40 м) раскопки не производились, но там находили единичные северянские находки и керамику XII–XIII вв. Его подпрямоугольная планировка, а также два вала и рва на восточной стороне площадки нетипичны для роменских укреплений. Рядом размещается небольшое северянское селище. О. В. Сухобоковым изучался Малый Балкан размерами 38×32 м с остатками роменских и древнерусских сооружений; но на его селище преобладали керамические материалы XII–XIII вв. [Сухобоков, 1992, с. 89, 152, 154, 155]. Это было заурядное укрепление.

Комплекс Заречное 2 известен как содержащий три городища, три обширных селища и курганный могильник [Третьяков, 1947, с. 126, 131–139; Берест, Осадчий, 2001, с. 103–106; Берест, 2003, с. 85; Пуголовок, 2013, с. 265]. По другим сведениям,

2. Планиграфия останца и остатки первоначальных укреплений Медвежьего допускают, что прежде это была единая крепость, а нынешняя структура является наследием древнерусской эпохи.

это три площадки городищ раннего железного века, где под роменское поселение была занята лишь стрелка одного мыса. Две другие части отделялись от славянского и друг от друга двумя линиями укреплений скифского времени, а в их культурном слое практически отсутствует роменская керамика [Сухобоков, 2012, с. 271]. Ниже по реке исследовались два северянских городища в с. Глинск, но подробная публикация итогов их раскопок мне неизвестна [Кулатова, Гейко, Золотницька, Мироненко, Супруненко, 1998, с. 91].

Таким образом, с известной долей вероятности некоторые парные скопления можно отнести к одиночной форме размещения, которую могли сопровождать открытые поселения и могильники — признаки обширной сельскохозяйственной округи.

Посулье содержит только укрепления подобного типа. Даже соседствующие памятники разделены глубокими оврагами и болотистыми притоками реки. Тем не менее, отрицать существование в Посулье обширного племенного средоточия, отделенного водоразделами от других северянских массивов, вероятно, было бы неверно. Крупнейшим городищем являются Хитцы на р. Удай — это укрепление площадью 1,9 га снабжено мощной защитной системой, содержит насыщенный культурный слой и сопровождается обширными открытыми поселениями, остатками курганного могильника.

Археологический комплекс в Гочево на Псле состоит из двух укреплений, построенных поверх обширного скифского городища, двух открытых поселений (35 га) и могильника, насчитывавшего 3648 насыпей. Среди них известны и погребения X в. по обряду кремации на месте захоронения [Петрухин, 1995, с. 103; Моця, Халиков, 1997, с. 132, 133].

На городище Крутой Курган встречены роменские напластования и постройки, перекрытые северянским валом, содержащим роменскую керамику [Шинаков, 1982, с. 90; Куза, 1996, с. 192; Кашкин, 1998, с. 136–138]. Вероятно, это остатки разрушенной Святославом крепости. На небольшом (50×38 м) городище Царский Дворец (Городок) позднероменские древности обозначены лишь подражанием арабскому дирхему и единичными обломками лепных стенок. Большинство находок — это артефакты общерусских типов, выпадавшие в культурный слой не позже конца X — начала XI в. [Шинаков, 1982, с. 90, 96, 97; Моця, Халиков, 1997, с. 126; Кашкин, 1998, с. 136–138]. Возможно, округлая планировка его укреплений была неслучайной: подобные сооружения начали строить на Левобережье не ранее конца XI в. [Моргунов, 1986, с. 118]. Учитывая ранние дружинные погребения, можно предположить, что при Святославе там появилась не крепость, а характерный для Севера и Центра Руси обширный неукрепленный поселок с включением в северянскую основу разноэтничных переселенцев [Куза, 1989а, с. 148].

На Ворскле значительным центром было поселенческой средоточие Полтавы: там был обнаружен клад серебряных вещей, встречены и предметы импорта. Площадь открытых поселений достигала 45 га; обнаружены остатки некрополя. Этот памятник и его округа имели большое торговое значение в связи с размещением близ брода на оживленном торговом пути. Это вызвало представление о раннегородском центре одного из малых северянских племен[3] [Супруненко, 1998, с. 78, 82, 97; 1999, с. 24; Приймак, 2007, с. 78].

Следующие одиночные памятники, порой причисляемые к центрам малых племен или протогородам, невелики и не сопровождаются выразительными следами сельскохозяйственных округ. Вероятно, некоторые из них попали в эту категорию по недоразумению.

На Суле к ним относится Монастырище — крохотное и слабо укрепленное общинное убежище со скудным культурным слоем и небольшим селищем. На соседнем

3. К северу и югу от Полтавы размещаются городища Решетники (Старые Санжары) и Михайловское, которые трудно идентифицировать в качестве роменских.

высоком плато встречались остатки синхронного могильника и поселения. Прежде там были остатки позднесредневековой крепости «четвероугольной фигуры». С 20-х годов XIX в. эти валы срывали и передавали для переработки на селитру, а глубокий ров засыпали вплоть до 60-х годов [Шафонский, 1851, с. 571; Курилов, 1889, с. 17, 18, 28].

Валы в г. Лубны — это следы замка Вишневецкого и крепости Лубенского полка, но лепная керамика встречается на городище, соседнем останце и на плато. Разрез вала был доведен О. В. Сухобоковым до остатков древнерусской жилой постройки, т. е. о северянских оборонительных сооружениях мы ничего не знаем. Кроме того, согласно летописной статье 1107 г., Лубен размещался не на Верхнем Валу, а на броде — ближайший располагался в 6 км от него, напротив Мгарского монастыря [Моргунов, 1996, с. 94, 96–98].

Неясно, почему к протогородским центрам относят Хотмыжск площадью 0,2 га с селищем размерами 2 га. Существенно, что «на протяжении каждого из трех роменских периодов… на укрепленной площадке находилось не более одной-двух долговременных построек и несколько хозяйственных ям». А инвентарь, типичный для «социальной верхушки», исчерпывался бронзовой подвеской и фрагментом серебряной гривны [Дьяченко, 1990, с. 28, 29; 1993, с. 34]. Протогородским центром порой считают и Журавное, состоящее из двух шурфовавшихся городищ, двух открытых поселений площадью 7,5 га и обширных курганных могильников. К позднероменским укреплениям относят только небольшое (0,4 га) укрепление Демидов Бугор, сгоревшее в конце X в. [Моця, 1998, с. 183, 184]. По недоразумению в число северянских попало округлое в плане укрепление Городное на р. Мерл: северянское селище Мерчик и синхронные ему курганы расположены южнее городища, на правом берегу реки при впадении в нее р. Мерчик [Моруженко, 1976, с. 350; Колода, 2003, с. 130].

Таким образом, укрепленные поселения рассеянного размещения вряд ли являлись северянскими административно-племенными центрами.

В итоге приходится констатировать, что на данном этапе изученности северянских укреплений вопрос о существовании на лесостепном Левобережье «протогородов» остается необоснованным: попытки положительного решения этой проблемы имеют поверхностный характер и нуждаются в существенной поддержке археологическими методами. Напомню об актуальных и сейчас наблюдениях А. В. Кузы о том, что для IX — начала XI вв. выделить подобные центры в особый тип городских поселений нельзя — они могли обладать лишь отдельными городскими признаками и функциями [Куза, 1989а, с. 70]. К близким выводам позже пришел и А. А. Узянов [Узянов, 1993, с. 89].

Несмотря на недостаток материалов, предварительному анализу уже сейчас поддается другая сторона этой обширной проблематики, а именно, поддержанная частью археологов гипотеза о поступательном врастании крупнейших северянских укреплений в слагавшуюся систему русских городов. Прямые южнорусские сведения летописей об этом весьма скудны. Поэтому теорию обычно иллюстрируют появлением древнерусского города на месте древлянского Искоростеня. Он якобы унаследовал сформировавшуюся сельскохозяйственную округу, систему социально-экономических связей и культурно-историческую традицию [Толочко, 1985, с. 18; 1989, с. 68].

И, несмотря на то, что Искоростень сначала был сожжен, некоторые ученые считают, что археологические источники не дают оснований говорить о военных конфликтах между северянами и Русью. Так, О. В. Сухобоков настаивал на том, что на городищах отсутствуют следы хронологического разрыва между северянскими и древнерусскими напластованиями [Сухобоков, 1975, с. 56, 85, 153; 1992, с. 84, 85, 89, 100, 194, 199]. Он считал, что Владимир Святославич строил в Северщине новые укрепления и реконструировал («на что прямо указывает летописец») роменские крепостицы [Сухобоков, 1988, с. 36; Сухобоков, Юренко, 1999, с. 288].

Это означает добровольное присоединение северян, интеграцию или врастание роменской культуры в общерусскую, хотя незначительное количество мысовых городищ все же было оставлено жителями [Сухобоков, 1992, с. 50, 56, 57, 115, 144]. Эта гипотеза имеет последователей: так, по А. Л. Казакову, его раскопки также иллюстрируют процесс перерастания роменской культуры в общерусскую [Казаков, 2013, с. 86].

Выводы противников этой гипотезы всегда опирались на конкретику полевых исследований. Горнальский комплекс был уничтожен и более не возобновлялся; в Новгороде-Северском обнаружены следы гибели северянского центра в огне пожарища конца X в. А обобщение накопленных материалов показало, что подавляющая часть племенных северянских крепостей перестала функционировать в конце X — начале XI в. в результате вмешательства русских князей [Куза, 1981, с. 29, 38; 1983, с. 33; 1989а, с. 69].

Отчасти это подтвердил и М. П. Кучера, писавший о запустении на рубеже X–XI вв. не менее сорока роменских укреплений, и лишь в конце XI–XII вв. часть из них была отстроена [Кучера, 1999, с. 114]. Более кардинальны выводы подробных региональных исследований, доказавших, что на рубеже X–XI вв. жизнь прекратилась на большинстве северянских укреплений. Так было в Подесенье [Григорьев, 1988, с. 74; Григорьев, 2006, с. 100], Посеймье [Узянов, 1987, с. 256; Енуков, Енукова, 1999, с. 180; Енуков, 2003, с. 8; Кашкин, Узянов, 2006, с. 127; Енуков, 2008, с. 134], Посулье [Моргунов, 2011, с. 265], поречье Псла [Приймак, 1993б, с. 97, 98] и на Ворскле [Приймак, 1993а, с. 97, 98; 2007, с. 65]. Сходные события происходили на Правобережье Днепра [Петрашенко, 2005, с. 16, 18], а также в масштабах всей Руси [Макаров, 2012, с. 458, 459].

Действительно, наиболее показательным признаком освоения государством («окняжением») Русью северянской земли является разорение оплотов местной самостоятельности и самоуправления, средоточий племенной знати, жреческой верхушки и объектов языческого поклонения. С уничтожением общинных укреплений Русь заменила местную знать органами княжеской власти, упорядочила сбор дани и налогов и распространила суд как аппарат насилия, что характерно для любого присоединения новых территорий [Моргунов, 2011, с. 263, 264]. Это универсальное явление прослежено на материалах Германии, Польши, Чехии и Моравии [Кучера, 1999, с. 167, 168].

Поскольку в исторической и археологической литературе наибольшее внимание уделяется крупным центрам, количественный анализ гибели северянских укреплений лучше начинать с наиболее значительных памятников, которые, теоретически, могли бы перерасти в летописные города.

Итак, погибшая крепость не возобновлялась на Горнале. Вскоре поверх северянского пожарища, возможно, был отстроен Курск [Енуков, 2003, с. 9].

Любопытна эволюция датировки возникновения летописного Новгорода-Северского. Согласно исследованиям А. В. Кузы и его соратников, город возник на северянском пожарище в конце X в. На это указывают характерные для градостроительства Владимира Святославича остатки примыкавшей к городням сырцовой кладки и погибшее в пожаре последней четверти X в. роменское жилище. Среди найденной в нем керамики было обнаружено днище горшка с тамгой Святослава Игоревича [Григорьев, 1988, с. 74; Куза, 1989б, с. 20; Моця, 1995, с. 104; Куза, Коваленко, Моця, 1996, с. 5].

Позже появились заявления о гибели северянского центра в 1015 г. в процессе «карательного похода» князя Бориса [Поляков, 2001, с. 55–57] и даже шире, на протяжении всей первой половины XI в. [Григорьев, 2012, с. 117]. Другой исследователь вовсе не упомянул о пожарах на северянских укреплениях, т. к. Новгород-Северский якобы эволюционно видоизменился в летописный город [Казаков, 2010, с. 111].

Летописный Путивль, похоже, действительно был отстроен на северянском городище Городок. Изначально его исследователь О. В. Сухобоков представлял комплекс городищ как средоточие роменских поселений, а «в дальнейшем именно на нем возник… детинец древнерусского Путивля» [Сухобоков, 1984, с. 110, 111; 1986, с. 314]. Затем он настаивал на непрерывной заселенности крепости в VIII–XIII вв., хотя материалы его раскопок этого не подтвердили. Хронологический пробел мастер восполнил пассажем о том, что в «списке рек», на которых Владимир Святославич возводил города, перечисление водотоков велось «с северо-запада к востоку»[4]. Следовательно, р. Сейм «должна быть» в списке последней, но за давностью лет это было упущено летописцем [Сухобоков, 1990, с. 110; 148].

Время возникновения летописного Путивля уточнил Е. А. Шинаков, изучив коллекции В. А. Богусевича 1959 г. и Б. А. Рыбакова 1965 г. Древнерусская эпоха там представлена «городским» материалом XII–XIII вв. и общерусской керамикой середины — второй половины XII в., что согласуется с его первым упоминанием под 1146 г. [Шинаков, 1980, с. 159, 160].

Обширные лакуны между северянскими пожарами и строительством летописных городов прослежены в Лукомле и Полтаве. После северянского пожара X в. летописный Донец возник в XII в. [Дьяченко, 1983, с. 9, 13]. В Хотмыжске между напластованиями двух эпох прослежена и погребенная почва [Дьяченко, 1990, с. 29; 1993, с. 34]. В Мацковцах на Суле на сожженном роменском селище вскоре возникло общерусское открытое поселение, а летописный Снепород — только в третьей четверти XI в. [Моргунов, 2011, с. 259–262]. Открытое поселение возникло на месте северянского городища в Гочеве, а позже — и крепость Царский Дворец. Время возникновения летописного Рыльска неизвестно. Не обнаружены роменские укрепления на месте летописных Кснятина и Лубена, но на лубенском поселении прослеживается лакуна между северянской и общерусской заселенностью.

Недоразумения внесли и поисками северянской крепости на плато в г. Ромны. В урочище Подгородок (Пригородок) до конца XIX в. сохранялись остатки земляных валов по периметру площадки [Ляскоронский, 1901, с. 379]. Хронология общерусской керамики этого памятника близка к упоминанию летописного Ромена в Поучении Мономаха среди событий 1113 г. [Моргунов, 1996, с. 53]. Не обратив на этот факт особого внимания, после раскопок на Соборной площади О В. Сухобоков сначала отметил, что «ни в культурном слое, ни в расчищенных объектах почти не встречаются обломки круговых сосудов XI в. — они найдены в отдельных случаях на восточном склоне» [Сухобоков, 1993, с. 47]. Позже он же писал, что «представленная отдельными обломками» керамика XI в. встречалась в шурфах. Отсюда следовал вывод том, что «археологические материалы позволяют утверждать занятость материалами XI в. той же площади, что и городом XII–XIII вв. Следовательно, город в своих границах существовал как минимум с начала XI в.» [Сухобоков, 2004, с. 72; Комар, Сухобоков, 2004, с. 171]. Вероятно, за «древнерусский город» исследователь принял остатки позднесредневековой крепости. Таким образом, доступные для анализа материалы показывают, что в процессе далеко не мирного «окняжения» было уничтожено 7 крупных северянских укреплений.

Меньшие по размеру городища нагляднее систематизируются в две группы. К первой из них отнесены сожженные (или без следов пожаров), навсегда покинутые защитниками укрепления. Во вторую вошли погибшие городища или открытые поселения, на которых через столетие возникли новые укрепления. В эту группу также вошли памятники без видимых следов разорения, керамические

4. Цитирую по «Повести временных лет»: «…ставити городы по Десне, и по Востри, и по Трубешеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ…» [Повесть временных, 1950, с. 121].

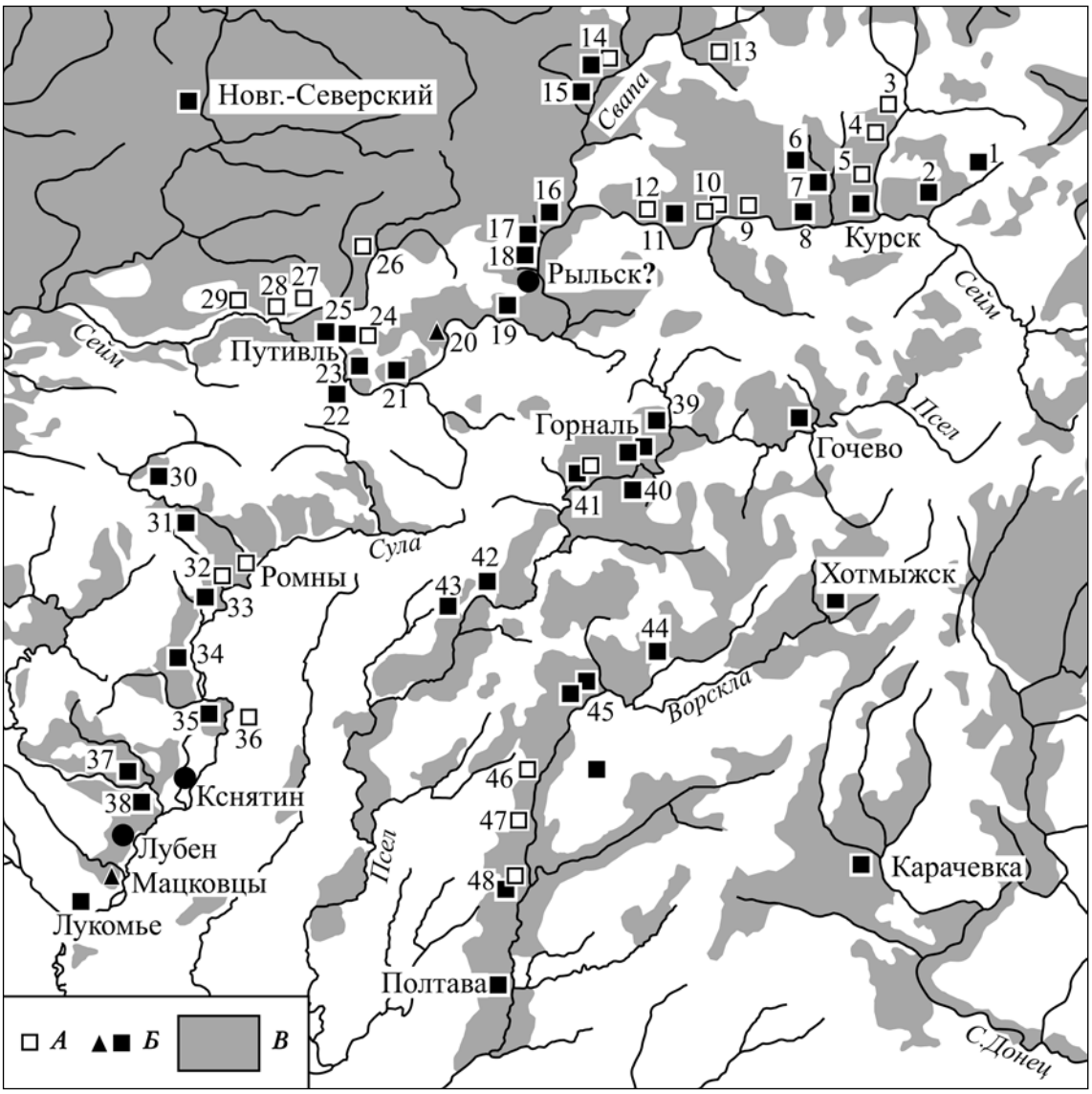


Рис. 3. Результаты «окняжения» восточносеверянской территории.
А — сожженные и навсегда покинутые крепости-убежища;
Б — укрепления, возобновленные значительно позже или содержащие в материалах следы хронологической лакуны; *В* — древние лесные массивы.
1 — Титово; *2* — Беседино; *3* — Переверзево-2; *4* — Мешково-2; *5* — Шуклинка; *6* — Гнездилово; *7* — Большое Лукино; *8* — Липино?; *9* — Дроняево-2; *10* — Погореловка 1 и 2; *11* — Городенск; *12* — Люшинка; *13* — Жидеевка; *14* — Ратманово 1 и 2; *15* — Старый Город?; *16* — Капыстичи; *17* — Асмолово; *18* — Пригородная Слободка; *19* — Лещиновка; *20* — Горки-1; *21* — Волынцево (Курган); *22* — Лухтовка; *23* — Латышевка; *24* — Путивль (Коптева Гора); *25* — Путивль (Никольская Горка); *26* — Будищи; *27* — Воргол; *28* — Литвиновичи; *29* — Красное Утро; *30* — Красный Колядин(?); *31* — Медвежье; *32* — Шумск («городище Вашкевича»); *33* — Глинск на Суле; *34* — Свиридовка; *35* — Гаевщина; *36* — Бодаква; *37* — Городище на р. Многе; *38* — Хитцы; *39* — Куриловка; *40* — Великая Рыбица; *41* — Зеленый Гай; *42* — Каменное; *43* — Азак; *44* — Ницаха (Малый Балкан); *45* — Заречное-1, 2; *46* — Журавное-1 (Демидов Бугор); *47* — Куземин; *48* — Глинск на Ворскле

серии которых фиксируют явные следы протяженной лакуны между роменскими и общерусскими напластованиями (рис. 3).

С известной осторожностью к **первой группе** можно отнести 20 памятников: Переверзево-2, Мешково-2, Шуклинку, Дроняево-2, Погореловку 1 и 2, Люшинку, Жидеевку, Ратманово-1, Путивль (Коптева гора), Будищи, Воргол, Литвиновичи, Красное Утро, Шумск («городище Вашкевича»), Бодакву, Зеленый Гай (Большое городище), Журавное-1 (Демидов Бугор), Куземин и Глинск-2 (Панский ярок).

Вторая группа насчитывает 34 памятника: Титово, Беседино (Рать), Гнездилово, Большое Лукино, Липино (?), Дроняево-2, Городенск, Ратманово-2, Старый Город, Капыстичи, Асмолово, Пригородная Слободка, Лещиновка, селище Горки-1, Волынцево, Лухтовка, Латышевка, Путивль (Никольская Горка), Красный Колядин, Медвежье, Глинск на Суле, Свиридовка, Гаевщина, Городище на р. Многе, Хитцы, Куриловка, Великая Рыбица, Зеленый Гай (Малое городище), Каменное, Азак, Ницаха (Малый Балкан), Глинск-1 (Городище) на Ворскле, Заречное 1 и 2, где в задернованный вал роменского времени была врезана двусрубная древнерусская стена [Моргунов, 2009, с. 86].

Включая значительные крепости, общая сумма составляет 63 памятника или около 85% от 74 городищ[5]. Это подтверждает мнение А. В. Кузы о гибели большинства северянских крепостей в процессе «освоения» Русью северянских земель. По Е. А. Шинакову, после массовых пожарищ жизнь на роменских городищах возобновляется лишь в XII в., а 36% крепостей сооружается только в это время [Шинаков, 1991, с. 82]. Несколько меньшее количество запустевших северянских укреплений указано М. П. Кучерой [Кучера, 1999, с. 114], что вызвано появлением новой информации.

Привлекает внимание неравномерность следов «окняжения». Так, в Посеймье погибло 32 оборонительных сооружения. Вероятно, это следствие длительности завоевания, начатого еще Святославом. На примере этого региона хорошо видно, что половина укреплений была навсегда оставлена коренным населением, в том числе и без видимых следов пожарищ[6]. Менее отчетливо прослеживается гибель племенных крепостиц в Посулье (9 единиц), на берегах Псла (9 единиц) и Ворсклы (7 единиц). Их обитателей частично переселяли для обустройства новых рубежей со степью, а оставшихся переводили на созданные близ городищенских пепелищ открытые поселения значительных размеров [Моргунов, 2011, с. 261–263]. Это прослеживается на материалах близлежащих могильников, содержащих погребения XI в.

Для большей части последнего периода на бывших восточносеверянских землях укрепленные поселения не характерны [Шинаков, 1991, с. 82, 83]. Это можно объяснить защитными свойствами лесов, отсутствием печенежской опасности в первой половине XI в. и относительно медленным перемещением половецких набегов от нижнесульского пограничья к участкам, лежавшим севернее [Моргунов, 1998, с. 42, 45, 63, 68].

Таким образом, пока нет веских оснований для утверждения о существовании северянских протогородов и их мирном перерастании в древнерусские города. В свое время это было обобщенно показано В. П. Даркевичем [Даркевич, 1994, с. 53], а применительно к лесостепному Левобережью Днепра на это указывает обширный пласт археологического материала.

---

5. Несомненно, по мере дальнейшего изучения эти цифры будут изменяться в ту или иную сторону [ср.: Моргунов, 2012, с. 67, 68].

6. Аналогичная картина прослеживается на Посулье (например, в Снепороде): в процессе ордынского завоевания с приближением опасности обитатели крепостей покидали насиженные края и уходили в места, защищенные лесами.

Берест Ю. М. Роменські городища середньої течії р. Ворскла / Ю. М. Берест // Археологія та історія північно-східного Лівобережжя. — Суми, 2003. — С. 83–88.

Берест Ю. М. Нові дані про дослідження Шпилівського та Заріченського археологічних комплексів / Ю. М. Берест, Є. М. Осадчий // АЛЛУ. — 2001. — № 1. — С. 103–106.

Григорьев А. В. О роменской культуре в Среднем Подесенье / А. В. Григорьев // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. — К., 1988. — С. 65–74.

Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным / А. В. Григорьев. — Тула, 2000. — 261 с.

Григорьев А. В. Население междуречья Днепра и Дона в VIII — первой половине XI в. / А. В. Григорьев // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. — М., 2012. — С. 94–127.

Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов Древней Руси (X–XIII вв.) / В. П. Даркевич // Вопросы истории. — 1994. — № 10. — С. 43–60.

Дьяченко А. Г. Славянские памятники VIII — середины XIII вв. в бассейне Северского Донца: автореф. дис. … канд. ист. наук. / А. Г. Дьяченко. — М., 1983. — 23 с.

Дьяченко А. Г. Хотмыжское городище / А. Г. Дьяченко // Археологические исследования в Центральном Черноземье в XII пятилетке. — Белгород, 1990. — С. 28–30.

Дьяченко О. Г. Давньоруське місто Хотмисль (деякі підсумки розкопок 1983 та 1990–92 рр.) / О. Г. Дьяченко // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. — Суми, 1993. — С. 33–34.

Енуков В. В. Русь и бывшие племенные территории (на примере Посемья) / В. В. Енуков // Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя. — Суми, 2003. — С. 7–14.

Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей / В. В. Енуков // Курский край: научно-популярная серия в 20 т. — Т. 3. — Курск, 2005. — 350 с.

Енуков В. В. О хронологии русского освоения Посемья / В. В. Енуков // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья. Материалы научной конференции, посвященной памяти А. Н. Москаленко. — Воронеж, 2008. — С. 85–87.

Енуков В. В. «Городы посемьские»: древнее Липино / В. В. Енуков, О. Н. Енукова // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. А. Ломоносова. — М., 1999. — С. 179–182.

Енуков В. В. Стратиграфия Курского городища (по материалам раскопов 5 и 6) / В. В. Енуков, О. Н. Енукова // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. — Том II. — СПб., М., Великий Новгород, 2011. — С. 141.

Зайцев А. К. Черниговское княжество X–XIII вв.: дис. … канд. ист. наук / А. К. Зайцев. — М., 1976.

Казаков А. Л. Літописна «сівера» і літописні міста Чернігово-Сіверщини / А. Л. Казаков // Археологія і давня історія України. — Вип. 1. — К., 2010. — С. 109–115.

Казаков А. Л. Чернігів — Любеч: південно-західний кордон літописних сіверян / А. Л. Казаков // Слов'яни і Русь: археологія та історія. Зб. праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України П. П. Толочка з нагоди його 75-річчя. — К., 2013. — С. 85–89.

Кашкин А. В. Курская область / А. В. Кашкин // Археологическая карта России. — Ч. 1. — М., 1998. — 297 с.

Кашкин А. В. Следы прерванного процесса градообразования на Верхнем Пле в эпоху формирования Древнерусского государства / А. В. Кашкин, А. А. Узянов // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). — М., 2006. — С. 121–130.

Колода В. В. Работы на средневековых памятниках в с. Городное / В. В. Колода // АВУ 2001–2002 рр. — К., 2003. — С. 129–131.

Комар А. В. Городище «Монастырище» и древнерусский Ромен: проблема преемственности / А. В. Комар, О. В. Сухобоков // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. — К., 2004. — С. 159–172.

Куза А. В. Большое городище у с. Горналь / А. В. Куза // Древнерусские города. — М., 1981. — С. 6–39.

Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. / А. В. Куза // Русский город (исследования и материалы). — Вып. 6. — М., 1983. — С. 4–36.

Куза А. В. Малые города Древней Руси / А. В. Куза. — М., 1989а. — 169 с.

Куза А. В. Новгород-Северский — стольный город Игоря Святославича / А. В. Куза // Новгороду-Северскому — 1000 лет. Тезисы докладов научно-практической конференции. — Чернигов; Новгород-Северский, 1989б. — С. 20–22.

Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. (свод археологических памятников) / А. В. Куза. — М., 1996. — 256 с.

Куза А. В. Новгород-Северский: итоги и перспективы исследований / А. В. Куза, В. П. Коваленко, А. П. Моця // На Юго-Востоке Древней Руси. — Воронеж, 1996. — С. 3–20.

Кулатова І. М. Дослідження Глинського археологічного комплексу // І. М. Кулатова, А. В. Гейко, Т. М. Золотницька, К. М. Мироненко, О. Б. Супруненко // АВУ 1997–1998 рр. — К., 1998. — С. 91–202.

Курилов И. А. Роменская старина / И. А. Курилов. — Ромны, 1898. — С. 17–28.

Кучера М. П. Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем / М. П. Кучера. — К., 1999. — 252 с.

Ляскоронский В. Г. Городища, курганы и длинные (змиевы) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы /

В. Г. Ляскоронский // Труды XI Археологического съезда в Киеве. — Т. 1. — М., 1901. — 54 с.

Макаров Н. А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий / Н. А. Макаров // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. — М.; Вологда, 2012. — С. 448–459.

Моргунов Ю. Ю. Круглые городища Левобережья Днепра / Ю. Ю. Моргунов // Советская археология. — 1986. — № 2. — С. 110–120.

Моргунов Ю. Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы / Ю. Ю. Моргунов // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. — Вып. 2. — Курск, 1996. — 159 с.

Моргунов Ю. Ю. Посульская граница: этапы формирования и развития / Ю. Ю. Моргунов. — Курск, 1998. — 126 с.

Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков / Ю. Ю. Моргунов. — М., 2009. — 301 с.

Моргунов Ю. Ю. О начале «окняжения» Русью юго-западной окраины племенной территории летописных северян / Ю. Ю. Моргунов // Переяславіка. — Вип. 5 (7). — Переяслав-Хмельницький, 2011. — С. 258–270.

Моргунов Ю. Ю. Еще раз о защитных акциях Владимира Святославича на переяславском Левобережье / Ю. Ю. Моргунов // НЗУІ. — Вип. 31. — Переяслав-Хмельницький, 2012. — С. 63–75.

Моруженко А. А. Исследование древнерусских памятников у с. Городное / А. А. Моруженко // АО 1975 г. — М., 1976. — С. 330.

Моця А. П. Новые сведения о торговом пути из Булгара в Киев / А. П. Моця // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (история и археология). — К., 1985. — С. 131–133.

Моця А. П. К проблеме градообразования на Левобережье Днепра в XI–XII вв. / А. П. Моця // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. — Т. 1. — Вып. 2а. — М., 1987. — С. 164–168.

Моця О. П. Становлення Новгорода-Сіверського в контексті теорії бінарних опозицій / О. П. Моця // Археологічні старожитності Подесення. — Чернігів, 1995. — С. 104–105.

Моця О. П. Матеріали журавнівського комплексу в контексті дослідження проблеми давньоруського міста / О. П. Моця // Історія Руси-України (історико-археологічний збірник). — К., 1998. — С. 182–186.

Моця А. П. Булгар–Киев: Пути-связи-судьбы / А. П. Моця, А. Х. Халиков. — К., 1997. — 191 с.

Петрашенко В. А. Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка) / В. А. Петрашенко. — К., 2005. — 263 с.

Петрухин В. Я. Славяне, варяги и хазары на юге Руси. К проблеме формирования территории Древнерусского государства / В. Я. Петрухин // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 гг. Материалы и исследования. — М., 1995. — С. 117–125.

Повесть временных лет / ч. 1 [подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова]. — М.-Л., 1950.

Покас П. М. Зелений Гай I / П. М. Покас, Є. М. Осадчий, В. В. Приймак. — Полтава, 2007. — 87 с.

Поляков А. Н. В граде Игореве / А. Н. Поляков // Новгород-Северский в конце X — начале XIII веков. — СПб., 2001. — 148 с.

Приймак В. В. Археологічні дані про включення території межиріччя Середньої Десни і Середньої Ворскли до Київської держави / В. В. Приймак // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченного 150-річчю від дня народження Д. Я. Самоквасова. — Чернігів, 1993а. — С. 96–98.

Приймак В. В. Динаміка розвитку міських центрів VIII–XIV ст. середньої течії р. Псел / В. В. Приймак // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. — Суми, 1993б. — С. 10–13.

Приймак В. В. Путивльське удільне князівство Чернігово-Сіверщини / В. В. Приймак. — Полтава, 2007. — 179 с.

Приймак В. М. Урбанізаційний процес в середній течії Псла у VIII–XVII ст. (місто Суми і його попередники) / В. М. Приймак, В. В. Приймак // Археологія та історія північно-східного Лівобережжя. — Суми, 2003. — С. 26–33.

Пуголовок Ю. О. Характеристика та основні будівельні рішення городищ літописних сіверян / Ю. О. Пуголовок // Слов'яни і Русь: археологія та історія. Зб. праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України П. П. Толочка з нагоди його 75-річчя. — К., 2013. — С. 262–270.

Седов В. В. Восточные славяне VI–XIII вв. / В. В. Седов. — М., 1982. — 326 с.

Супруненко О. Б. На землі Полтавській. Пам'ятки археології Полтави та околиць / О. Б. Супруненко. — Полтава, 1998. — 156 с.

Супруненко О. Б. Про давньруські центри Нижнього Поворскля / О. Б. Супруненко // АЛЛУ. — 1999. — Ч. 1. — С. 21–24.

Сухобоков О. В. Славяне днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники) / О. В. Сухобоков. — К., 1975. — 166 с.

Сухобоков О. В. Левобережье Днепра / О. В. Сухобоков // ДПСП. — К., 1984. — С. 103–176.

Сухобоков О. В. Путивль / О. В. Сухобоков // Археология Украинской ССР. Т. 3: Раннеславянский и древнерусский периоды. — К., 1986. — С. 310–313.

Сухобоков О. В. Население бассейнов Псла, Ворсклы и Северского Донца в эпоху Киевской Руси /

О. В. Сухобоков // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Тезисы докладов областного научно-практического семинара. — Полтава, 1988. — С. 36–37.

Сухобоков О. В. Древнерусский Путивль и его округа (по материалам археологических исследований) / О. В. Сухобоков. — Путивль, 1990. — 152 с.

Сухобоков О. В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.) / О. В. Сухобоков. — К., 1992. — 214 с.

Сухобоков О. В. Про час заснування та локалізацію давньоруського міста Ромен / О. В. Сухобоков // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченного 150-річчю від дня народження Д. Я. Самоквасова. — Чернігів, 1993. — С. 46–47.

Сухобоков О. В. Розкопки у літописному Ромні (до 100-річчя роменської археологічної культури) / О. В. Сухобоков // Археологія. — 2004. — № 4. — С. 72–80.

Сухобоков О. В. «Земля незнаема»: население бассейна Среднего Псла в X–XIII вв. по материалам роменско-древнерусского комплекса в с. Каменное / О. В. Сухобоков. — К., 2012. — 357 с.

Сухобоков О. В. Давньоруські пам'ятки поблизу хутора Зелений Гай Сумсько області / О. В. Сухобоков, О. П. Моця // Археологія. — 1987. — № 58. — С. 83–88.

Сухобоков О. В. Історія Лівобережної України I тис. н. е. в етнокультурно-археологічному аспекті / О. В. Сухобоков, С. П. Юренко // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е. — К.; Львів, 1999. — С. 277–289.

Толочко П. П. Происхождение древнейших восточнославянских городов / П. П. Толочко // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. — К., 1985. — С. 5–18.

Толочко П. П. Древнерусский феодальный город / П. П. Толочко. — К., 1989. — 254 с.

Третьяков П. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскли / П. М. Третьяков // Археологія. — 1947. — Т. 1. — С. 123–139.

Узянов А. А. Хронология и хорология роменских поселений (новые данные о памятниках верховьев Сейма и Псла) / А. А. Узянов // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов всесоюзной конференции. — М., 1987. — С. 256–257.

Узянов А. А. Освоение Среднерусской возвышенности славянами в раннем средневековье / А. А. Узянов // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. — М., 1993. — С. 81–93.

Фролов М. В. Раскопки в Рыльске / М. В. Фролов // Археология и история юго-восточной Руси. Тезисы докладов научной конференции. — Курск, 1991. — С. 83–84.

Фроянов И. Я. Города-государства Древней Руси / И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко. — Л., 1988. — 269 с.

Шафонский А. Ф. Черниговского наместничества топографическое описание / А. Ф. Шафонский. — К., 1851. — 697 с.

Шинаков Е. А. Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII в.: дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Шинаков. — РГБ, отдел диссертаций, Дк 82-7/771, 1980. — 238 с.

Шинаков Е. А. Население верхнего течения реки Псел В XI–XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) / Е. А. Шинаков // Вестник МГУ. — Серия 8. — 1982. — № 2. — С. 90–97.

Шинаков Е. А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X–XIII вв. / Е. А. Шинаков // Археология славянского Юго-Востока. — Воронеж, 1991. — С. 82–92.

Шрамко Б. А. Древности Северского Донца / Б. А. Шрамко. — Харьков, 1962. — 403 с.

Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси / С. В. Юшков. — М.–Л., 1939. — 210 с.

Ю. Ю. Моргунов

Еще раз о северянских «протогородах»

Научное наследие А. В. Кузы до сих пор заслуженно пользуется признанием археологов. В частности, исследователь ввел методику анализа городищ как полноценного исторического источника и предложил реалистичный опыт распознания признаков протогородов. На этом основана оценка верности гипотезы о «протогородах» летописного племени северян и их трансформации в древнерусские города.

Расположение городищ IX–X вв. на Левобережье Днепра изучалось схожими методами. Оно показало, что там не было равномерного распределения скоплений укреплений с «центрами малых племен». Картографирование лучше изученных памятников указало на существование четырех форм размещения северянских крепостей.

Среди них выделяется форма обширных скоплений городищ вокруг Горналя, Курска и Путивля. Возможно, они очерчивали земли малых племен, но эти центры не обладали комплексом протогородских признаков. Четыре примера линейной формы более архаичны: это меньшие территориальные образования, где редко выявляются главные центры. Изучение парной формы размещения укреплений

нередко сводит ее к рассеянному (одиночному) типу размещения городищ. Одиночная форма представлена рядовыми городищами скромных размеров. Таким образом, существование северянских «протогородов» остается недоказанным.

Столь же необоснована гипотеза о мирном освоении Русью земли северян и обращении их центров в русские города. На это указывает множество заброшенных крепостей и следы массовых пожарищ на северянских укреплениях. В других примерах находки указывают на запустение крепостей вплоть до возобновления укреплений в конце XI–XII вв. В целом подобные памятники составляют около 85% от лучше изученных объектов.

Yu. Yu. Morgunov

Once again about Siverians «protocities»

A. V. Kuza's scientific heritage still deservedly uses recognition among archeologists. In particular, the researcher entered a technique of the analysis of ancient settlements as valuable historical source and offered realistic experience of recognition of signs of protocities. The appreciation of correctness of the hypothesis about «protocities» of annalistic tribe of northerners and their transformation to the Old Russian cities is based on it.

The location of ancient settlements of the IXth–Xth centuries on the Left bank of Dnieper was studied using similar methods. It showed that there was no even distribution of accumulations of fortresses with «the centers of small tribes». Cartography of better studied monuments indicated existence of four forms of placement of siverians' fortresses.

Forms of extensive accumulations of ancient settlements are distinguished around Gornal, Kursk and Putivl. Probably, they outlined the lands of small tribes. But their centers didn't possess a complex of protocity signs. For examples of a linear form are more archaic: these are smaller territorial formations, where the main centers are seldom marked out. Studying of a pair form of placement quite often reduces it to scattered (single) type of placement of ancient settlements. The last categories are presented by ordinary ancient settlements of the modest sizes. Thus, the existence of northerners' «protocities» remains not proved.

So the hypothesis of peace development of siverians' lands by Russia and the transformation of their centers to the Russian cities also isn't proved. A lot of the abandoned fortresses and traces of mass big fires on siverans' fortresses points on it. In other examples findings show desolation of fortresses up to their renewal at the end of the XIth–XIIth centuries. As a whole, this kind of monuments make about 85% from better studied objects.

Г. О. Пашкевич

Палеоботанічні знахідки на території монастирів України

Палеоботанічні дослідження на території монастирів XI–XVIII ст. виявили низку культурних рослин, що використовувались у господарстві, — зернових із переважанням жита, голозерної пшениці й проса, бобових і технічних культур. Використовувались також ячмінь плівчастий, овес посівний, з бобових — горох, сочевиця, з технічних — льон, конопля. Доповнювали цей перелік фруктові та ягідні рослини — яблуня, груша, вишня, слива, виноград, малина, суниця тощо.

Ключові слова: палеоетноботанічні дослідження, монастирі, культурні рослини.

Значною мірою устрій життя монастирів — це часткове господарське самозабезпечення. На монастирських дворах, оточених мурами, висаджували фруктові дерева, квіти, на невеликих грядках — лікарські та пряно-ароматичні трави. Збіжжя та городні культури вирощувались поза межами монастирів на землях, що їм належали. Значну частину продуктів монахи купували. З літопису «Житие Феодосия Печерского» відомо, що монахи Києво-Печерського монастиря за виручку від продажу своїх виробів купували *жито*. Слово «жито» часто зустрічається в літописах XII–XIII ст. Ця назва вживалась стосовно хлібних злаків взагалі, тобто не тільки жита, а й пшениці та ячменю. Відомий у XIX ст. етнограф С. В. Максимов у книзі «Куль хлеба» писав: «Хлеба эти в своих местах (где их много) настоящими именами не называются, а слывут под общим прозвищем *жита***.** На юге, по черноземным местам, житом называют *рожь,* за рекой Волгой к Сибири всякое яровое зерно *жито* (и греча, и пшеница, и ячмень, и овес); на севере по Волге и Архангельской губернии жито — только один ячмень, а в Твери и по верхней Волге это только яровая рожь, как уже и сказано» [Максимов, 1985, с. 78].

У зверненні князя Святослава Ольговича Чернігівського до Юрія Довгорукого (1152 р.) зустрічаємо такий вислів: «а сяко еси волость мою погубил, а *жита* еси около города потравил». При нападі на Переяславль у 1142 р. Ігор Ольгович «много пакости створища, села пожигоша и *жита* попасоша» [Левашова, 1956, с. 59].

Про аграрну діяльність за часів Давньої Русі та в середньовіччі свідчать знахідки з археологічних розкопок. Це — серпи, зернотерки, мотики тощо. Згадки про вирощувані та вживані рослини є в літописах, текстах давніх авторів, в юридичних документах. Про склад рослин, що вживались та вирощувались, свідчать також викопні рештки рослин. Найчастіше це обвуглені зернівки й насіння або відбитки їх на глиняному посуді та в обмазці жител. Саме їх можна вважати об'єктивними свідками. З появою таких викопних матеріалів з'явилась можливість встановити, що ж саме малось на увазі під словом «жито» — чи то пшениця, чи ячмінь, чи овес. Та слід мати на увазі, що в деяких випадках відомості про ті чи інші рослини можна отримати тільки з літописів. Наприклад, про вирощування таких овочевих культур як капуста, редька, морква. Ці дворічні рослини утворюють їстівну частину в перший рік, а насіння — на другий, до того ж, воно не їстівне. Знайти таке насіння у викопному стані практично неможливо.

На території України налічується декілька монастирів, де під час археологічних робіт були відібрані зразки, що мали викопні рештки рослин.

На території **Михайлівського Золотоверхого монастиря** архітектурно-археологічні дослідження проводились у 1997–1998 рр. Інститутом археології НАНУ під керівництвом Г. Ю. Івакіна [Івакін, Козубовський, Козюба, Поляков, Чміль, 1998а, с. 79–80; Івакін, Козубовський, Козюба, Поляков, 1998б].

Михайлівський Золотоверхий Собор Києва був закладений у 1108 р. князем Святополком Ізяславовичем на місці монастиря св. Дмитра. Останній був заснований трохи раніше, у 988 р. Під час захоплення ханом Батиєм Києва Михайлівський монастир значно постраждав. Згодом монастир був обнесений кам'яною огорожею, і наприкінці XIX ст. його площа сягала 5 десятин. Монастир володів великими ділянками земель на Лівобережній Україні. Володіння Михайлівського монастиря зростали не тільки за рахунок милостивих дарувань гетьманів і козацької старшини, а й завдяки купівлі за власні монастирські кошти.

Зразки для палеоетноботанічного дослідження відбиралися в різних частинах розкопу.

Зразки, відібрані в шарах XII–XIII ст. під час розкопок у 1997 р.

Розкоп 1, споруда 1. На етикетці: «Обгоріле борошно».

Згідно з археологічними дослідженнями, споруду було полишено після великої пожежі, і протягом XII–XIII ст. вона поступово заповнювалася сміттям. В горілому нижньому шарі заповнення споруди потужністю 5–8 см знаходилась велика кількість обвугленого зерна та борошна. На аналіз було передано лише невеликий зразок із цього шару. Він мав вигляд чорної блискучої маси об'ємом 5 мл з незначною кількістю грудочок світло-сірого кольору. Під мікроскопом видно, що чорна маса складається із суміші сорока обвуглених зернівок проса (*Panicum miliaceum*) з уламками зернівок цього ж злаку, чотирьох зернівок жита (*Secale cereale*), по одній зернівці пшениці однозернянки (*Triticum monococcum*) та пшениці двозернянки (*Triticum dicoccon*), насінини бузини чорної (*Sambucus nigra*) та невеликої кількості зернівок і насіння бур'янових рослин — плоскухи звичайної (*Echinochloa crusgalli*) — 1, лободи білої (*Chenopodium album*) — 1, підмаренника чіпкого (*Galium aparine*) — 1.

Яма 5. У цьому об'єкті знайдено близько 300 мл обвугленого зерна. Абсолютну перевагу тут мали зернівки пшениці голозерної м'якої *(Triticum aestivum s. l.)*. Їх нараховано 4230 зернівок. Склад зернівок інших культурних рослин такий: плівчастої пшениці однозернянки — 4, пшениці двозернянки — 51, жита посівного — 257, проса звичайного — 11, вівса посівного (*Avena sativa*) — 5 та насінин бобових рослин: вики ервілії (*Vicia ervilia*) — 1 і сочевиці (*Lens culinaris*) — 2. Серед цієї маси були зернівки та насіння бур'янових рослин: бромус житній (*Bromus secalinus*) — 2, бромус польовий (*Bromus arvensis*) — 5, кукіль звичайний (*Agrostemma githago*) — 18, мишій сизий (*Setaria glauca*) — 1, мишій зелений (*Setaria viridis*) — 2, щавель горобиний (*Rumex acetosella*) — 4, пажитниця п'янка (*Lolium temulentum*) — 9.

Отже, в ямі зберігалася м'яка пшениця. Очевидно, що зернівки інших культурних рослин потрапили сюди разом із пшеницею (певно, як засмічувачі її посівів) ще при збиранні врожаю. Можливо також, що яму використовували неодноразово для зберігання збіжжя, склад якого з року в рік змінювався.

Розкоп 1, споруда 2. На етикетці: «Зернини обгорілі».

Зразок складався із суміші обвуглених зернівок об'ємом 175 мл і п'яти грудок, утворених спеченими в одну масу обгорілими зернівками проса звичайного. Дві інші грудки утворені з чорної губчастої маси, що нагадує бджолині стільники. Зернівок у ній не було. В середній пробі об'ємом 10 мл переважали зернівки пшениці м'якої (140 одиниць). У невеликій кількості тут ще були присутні зернівки жита (23) та одна зернівка ячменю плівчастого. З бур'янових рослин представлено тільки одну насінину кукіля звичайного.

Розкоп 1, споруда 1, кв. Б1. На етикетці: «Зерно, вугілля».

Зразок складався з вуглинок, обвуглених зернівок та грудок. Дві грудки утворені

із зернівок проса, чотири — із зернівок жита. Після видалення вуглинок та грудок об'єм обвугленого зерна становив 350 мл. У середній пробі об'ємом 10 мл переважали зернівки проса (181) та жита (101). Знайдено тут також зернівки пшениці м'якої (2), ячменю плівчастого (13), вівса посівного (44). У невеликій кількості знайдено насіння та зернівки бур'янів — плоскухи звичайної (14), мишію сизого (1) та зеленого (18), лободи білої (2).

Знайдені зернівки пшениці мають незначні варіації в розмірах та морфологічних ознаках. Можливо, тут зберігались зернівки пшениці двох видів — пшениці м'якої (*Triticum aestivum* s. l.) та пшениці твердої (*Triticum durum)*. Зернівок останньої значно менше. На думку палеоетноботаніків, зернівки в обвугленому стані розділити на ці два окремі види неможливо, так само складно це зробити й на «живому» матеріалі. Тому зазвичай таким викопним зернівкам дають подвійну назву *Triticum aestivo/durum*.

Таку саму узагальнюючу назву *Triticum aestivum* s. l.(s. l.=sensu lato, тобто в широкому розумінні) для невеликих округлих зернівок голозерних пшениць запропонували палеоетноботаніки Європи. Сюди включають такі види: *Triticum vulgare Vill., T. compactum Host, T. vulgare antiquorum Heer, T. aestivum grex aestivo-compactum Schiem* [Wasylikowa, 1991, p. 209]. Морфологічні ознаки зернівок цих пшениць в обвугленому стані дуже схожі, тому віднести їх до певного виду неможливо. Очевидно, що в описаних вище знахідках були зернівки пшениці голозерної м'якої. Палеоботаніки, які простежують походження пшениць, вважають, що тетраплоїдна тверда пшениця 4х *durum*, маючи своїх предків на Близькому Сході, пристосована до кліматичних умов цього регіону та Середземномор'я з сухою зимою та вологим літом. Гексаплоїдні м'які пшениці 6х *aestivum*, що походять із континентальних плато Азії, більш призвичаєні до прохолодних та помірних умов східної, центральної та північної Європи [Zohary, Hopf, 2000, p. 54–55].

Розкопки 1998 р.

В заглибленнях, відкритих у траншеях № 11, 14 і 15 та у спорудах № 1 і 2 (XII–XIII ст.), знайдено незначну кількість зернівок.

Траншея 7, яма 2. На етикетці: «Насіння».

У зразку об'ємом 22 мл знаходилася суміш насіння бузини з незначною домішкою землі, кісток риб та луски.

Траншея 15, споруда 1, заповнення.

Зразок (у двох пакетах, вагою близько 10 кг) після промивки складався із суміші вуглинок, кори, риб'ячої луски, кісток, грудочок землі та невеликої кількості обвуглених зернівок (пшениця двозернянка (1), пшениця м'яка (1), жито посівне (1), просо звичайне (3); бур'яни: лобода біла (1), підмаренник чіпкий (1), хрестоцвіті (1) та одна насінина бузини чорної).

Траншея 15, споруда 2, заповнення.

Зразок складався з двох пакетів. Після промивки він містив суміш об'ємом 30,5 мл з вуглинок, грудочок землі, кісток та луски риб і невеликої кількості зернівок. Встановлено такий склад: пшениця однозернянка — 2, пшениця м'яка — 5, жито посівне — 11, овес посівний — 1, просо звичайне — 15 та 3 насінини бузини чорної. Бур'яни: лобода біла — 2.

Траншея 7, яма 2 (1). На етикетці: «Насіння».

Зразок складався з насіння бузини в суміші із землею. Після промивки об'єм зразка становив 10 мл. Він повністю складався з насіння бузини. Всього нараховано 1200 насінин.

Траншея 11, поховання з 0,5 дирхема. Заповнення ями над домовиною X ст.

Після промивки зразка об'ємом близько 10 л на ситі залишилось 5 мл суміші грудочок глини, риб'ячої луски, вуглинок, уламків кісток і лише однієї зернівки проса.

Траншея 14. Шари заповнення північно-східної та північно-західної бровок.

У суміші, що залишилась після промивки двох зразків, знайдено незначну кількість зернівок такого складу: ячмінь плівчастий — 2, жито — 5, просо — 2 та дві насінини бузини чорної. Бур'яни: лобода біла — 1.

Мур, споруда 1, заповнення горщика.

Після промивки заповнення на ситі залишилось 5 мл суміші, в якій знайдено лише одну насінину бузини чорної.

Найбільша частина насіння та зернівок бур'янів, знайдена в досліджених пробах серед зернівок культурних рослин, належить до так званих сегетальних бур'янів, тобто тих, що зустрічаються в посівах. Стоколос житній та стоколос польовий, кукіль звичайний є типовими засмічувачами озимих посівів. Мишій та плоскуха звичайна найчастіше зустрічаються серед проса, а підмаренник чіпкий і лобода біла ростуть не тільки на полях, а й біля житла.

Матеріал XVIII ст.

В ямі № 2 (розкопки 1998 р.) знаходилось тільки насіння бузини чорної у досить великій кількості — 3720 одиниць.

Палеоетноботанічні дослідження показують, що насіння бузини на території України найчастіше зустрічається в матеріалах із розкопок давньогрецьких міст і Давньої Русі. В деяких випадках кількість насіння настільки велика, що можна із впевненістю говорити про спеціальній збір ягід бузини. Бузина — звичайна рослина на території України. Відомо, що ягоди бузини вживають у їжу, готують із них желе, киселі, компоти, начинку для пирогів. Відома також лікарська дія не тільки ягід, а й кори, листя, квітів. Сік із ягід є добрим фарбником червоного та фіолетового кольору, його додають до яблучних вин.

На території Золотоверхого монастиря розкопки вже проводились у 1938 р. експедицією Інституту археології АН УРСР під керівництвом М. К. Каргера. У верхній частині схилу Михайлівської гори розкопками було відкрито частину міського поселення XII–XIII ст. із житловими та господарськими будівлями. Ця ділянка спочатку була під стінами монастиря, а в XVII ст. увійшла до садиби монастиря спочатку як господарський двір, а згодом почала використовуватись як монастирський сад. Розкопками було відкрито 8 землянок, одну з яких М. К. Каргер назвав «землянкою-майстернею київського художника» та «пам'ятником видатного наукового значення» [Каргер, 1945, с. 7]. У землянці було знайдено зруйновану корчагу висотою 0,95 м та діаметром горла 0,20 м, в якій знаходилось більше пуда згорілого зерна. На думку М. К. Каргера, це була пшениця. Крім того, в одному з горщиків збереглися грудки розвареного пшона, а в залишках обгорілої діжки — обгоріла маса, що виявилась борошном [Каргер, 1945, с. 8–10]. Землянка була зруйнована пожежею під час розгрому Києва монголо-татарською навалою в 1240 р.

У 1949 р. розкопки на цій ділянці було продовжено. У ще одній розкопаній неподалік землянці знайдено залишки запасів зерна з двома жорнами [Каргер, 1953, с. 61]. До складу обгорілого зерна, на думку М. К. Каргера, входили пшениця, просо, горох тощо.

Частина зерна, зібрана під час розкопок, зберігається в Державному Історичному музеї України. В 1986 р. до Інституту археології АН УРСР було передано зразок з того зерна вагою 400 г (із «землянки-майстерні київського художника»). Для аналізу використано пробу вагою 200 г. Після видалення вуглинок, грудочок землі та глини, шлаків, обмазки, соломин та обмолочених колосків було відібрано середню пробу в 10 мл. Проба складалась із зернівок жита кількістю 406 одиниць. Домішка інших злаків дуже незначна — це зернівки ячменю плівчастого (6) та одна зернівка вівса посівного. В невеликій кількості знайдено зернівки та насіння бур'янів.

Отже, аналіз показав, що зернівок пшениці (як на те сподівався М. К. Каргер) у знахідці не було. Тут був лише запас зернівок жита. Невелика домішка зернівок вівса та ячменю плівчастого могла потрапити до збіжжя при обмолоті. Можливо, що ці рослини траплялися в посівах жита як засмічувачі.

Києво-Печерський історико-культурний заповідник розташований на території відомого з часів Київської Русі монастиря — Свято-Успенської Києво-Печерської Лаври. З початку свого заснування в XI ст. Києво-Печерський монастир був релігійним, духовним і культурним центром. У середині XVIII ст. остаточно сформувався архітектурний ансамбль Лаври.

На території Лаври в 1994 р. розкопками музейного об'єднання «Києво-Печерський державний історико-культурний заповідник» (керівник — С. А. Балакін) було відкрито вигрібну яму першої половини XVI ст. [Сыромятников, Балакин, 1994]. Тут було відібрано зразок для палеоетноботанічного аналізу об'ємом 1600 мл. Він мав вигляд рихлої маси світло-коричневого кольору, в якій було багато дрібних (від 1 до 10–15 мм) шматочків деревини, рідше — кори, пір'я птахів, уламків кісток ссавців, луски, зубів, хребців та кісток риб, вугликів. Серед цієї маси знайдено по дві муміфіковані зернівки пшениці м'якої та зернівок проса, 6 квіткових плівок проса, дві насінини (кісточки) винограду культурного (*Vitis vinifera*), чотири насінини бузини чорної, одна кісточка дерену (*Cornus mas*). Знайдено тут також насіння ріпи (*Brassica rapa*) — 1, щириці білої (*Amaranthus albus*) — 1, насіння лютика їдкого (*Ranunculus acris*) — 3. Найбільш цікава знахідка цього зразка — це три кісточки персика звичайного (*Persica vulgaris*). Дві з них мають добру збереженість. Їх розміри: 24×17,5 і 24×16 мм. Одна кісточка зруйнована.

У 1997 р. на аналіз налійшов зразок вагою 620 г, відібраний при розкопках рову Самойловича (XVIII (?) ст.). Це декілька щільних грудок чорного кольору, в середині яких можна було розгледіти зернівки гречки (*Fagopirum esculentum*) та окремі блискучі зернівки проса й квіткові плівки проса. Грудки виявились настільки щільними, що спроби відокремити з них зернівки, не зруйнувавши їх, виявились майже неможливими. Спроби зробити грудки більш рихлими за допомогою лужного розчину, соляної кислоти або інших розчинників не допомогли. Склад зернівок і насіння, яке все ж таки вдалося виділити, такий: гречка — 40, пшениця м'яка — 2, овес посівний — 17, ячмінь плівчастий — 1, жито посівне — 12, просо — 22, льон культурний (*Linum usitatissimum*) — 6, сочевиця — 5, бузина чорна — 1, малина (*Rubus idaeus*) — 1. У невеликій кількості представлено насіння та зернівки бур'янів: лобода біла — 1, мишій сизий — 4, бромус житній — 1, бромус польовий — 5, хрестоцвіті — 1, щавель, невизначений до виду — 3.

Знайдено також одну насінину, яку складно віднести до конкретної рослини — яблуні чи груші (*Pirus malus/communis*). Насінина коротка й широка, визначити з впевненістю її приналежність складно. За морфологічними ознаками відомо, що насінини яблуні широкі й пласкі, насінини груші — вужчі й видовжені. Та за однією насіниною цю знахідку із впевненістю віднести до того чи іншого виду неможливо.

Зразки з вигрібних ям мають значну кількість палеоетноботанічного матеріалу. В них добре зберігається багатий органічний матеріал, серед якого є зернівки, насіння, кісточки фруктів та ягід. Такий матеріал дає цінну інформацію про вживані рослини. К. Василікова мала такий матеріал із декількох вигрібних ям XV–XVI ст. на території Кракова [Wasylikowa, 1958; 1978; Tomczyńska, Wasylikowa, 1999]. Найстарші знахідки з таких ям, а саме римського часу, описав Кньорзер [Knörzer, 1984, 1987]. Найбільша кількість досліджених ям походить із середньовіччя. Отримані з них матеріали значно розширили список вживаних рослин, переважно за рахунок фруктів та спецій. Перелік фруктів і ягід досить великий — це інжир, яблуня, груша, слива, терен, вишня, малина, журавлина, виноград, чорниця. Спеції представлені насінням фенхелю, кропу, гірчиці, коріандру.

Чоловічий монастир **Китаївська пустинь,** що діяв у XVIII — на початку XX ст., було зведено на місці невеликого укріплення XI ст. Розкопками експедиції Інституту археології АН УРСР у 1987 р. відібрано зразок з ями № 1, кв. 36, шт. 4, шар X–XI ст., що знаходилась на місці посаду [Мовчан, Писаренко, 1988].

Після промивки одного відра із заповнення ями на ситі залишилось 25 мл залишку, до складу якого входили вуглинки, луска риб та обвуглені зернівки: пшениця голозерна — 7; пшениця плівчаста однозернянка — 1; ячмінь плівчастий — 1; жито посівне — 3; просо — 25; овес посівний — 5. Знайдено тут ще 10 насінин бузини чорної та зернівки й насіння таких бур'янових рослин: гірчак березковидний або витка гречка березковидна (*Polygonum convolvulus*) — 9; лобода біла — 27; гірчак шорсткий (*Polygonum scabrum*) — 1; півняче просо або плоскуха звичайна — 22; мишій сизий — 4; мишій зелений — 8; підмаренник чіпкий — 1.

Обвуглені зернівки знайдено у 2003 р. при розкопках спаленого монголами в XIII ст. «Княжого терему» на території **Спасо-Преображенського монастиря в Новгороді-Сіверькому** (археологічна експедиція під керівництвом О. Є. Черненко). Зразки відбирались у декількох місцях.

Зразок № 1 — це 10 мл з горілого шару з пд.-сх. стовп — сх. стінки, з гл. 1,3 м. Початок XIII ст. Весь зразок складається з 95 зернівок жита та однієї грудки розміром 20×15×4 мм із запечених в одну масу зернівок жита. Серед них була також одна зернівка плівчастого ячменю.

Зразок № 2 об'ємом 15 мл із західного кута, гл. 1,3 м, складається з невеликої кількості вуглинок, 388 зернівок пшениці м'якої та поодиноких зернівок і насіння інших рослин: проса посівного — 2 зернівки; сочевиці харчової — 1 насінина. Тут же були 2 насінини щавля горобиного (*Rumex acetosella*).

Зразок № 3 з горілого шару пн.-сх. стовп — сх. стінки, гл. 1,4 м. Зразок важить 34 г і складається з двох грудок розміром 50×30×25 мм, утворених з насінин льону.

Зразок № 4 відібрано з ями № 2, гл. 1,9 м. Це три грудки із запечених у щільну масу зернівок проса загальною вагою 22 г.

Підсумок отриманих даних дає можливість дійти таких висновків. Палеоетноботанічні дослідження з території монастирів у межах XI–XIII ст. дали можливість скласти такий список вживаних і використовуваних рослин (у порядку зменшення знахідок): жито посівне, голозерна пшениця, просо звичайне, плівчастий ячмінь, овес посівний, з бобових — горох, сочевиця, з технічних — коноплі, льон. Переважали жито, просо та голозерні пшениці. До знахідок залишків фруктів і ягід належать кісточки персика, яблуні/груші, малини, винограду. Очевидно, до цього списку можна включити ягоди бузини чорної.

Голозерні пшениці найбільш поширені в посівах на наш час по всьому світу (90% посівів). На території України вони, починаючи з кінця I тис., поступово посідають провідне місце. В масовій кількості з'являються в часи Давньої Русі [Пашкевич 1988, с. 172]. До появи голозерних пшениць на території України перевагу мали давні плівчасті пшениці — однозернянка, двозернянка та спельта. Ці пшениці були в посівах з неоліту, тобто з часу приходу сюди перших землеробських племен. Агробіологічні особливості голозерних пшениць виявились більш сприятливими, ніж пшениць плівчастих. Вони стійкі до полягання, вирощують їх як яровими, так і озимими, на відміну від переважно ярових плівчастих пшениць. Зернівки легко звільнюються від плівок і не вимагають таких великих зусиль, які необхідні для обмолочування плівчастих пшениць. Зернівки голозерних пшениць мають невеликі розміри та більш округлу форму, ніж зернівки плівчастих пшениць, завдяки чому вихід борошна з них більший, а висівок — менший. Крім того, для їх зберігання чи транспортування потрібен менший об'єм тари.

Дослідники вважають, що заміна плівчастих пшениць голозерними та збільшення площ під їх посіви та посіви жита є свідченням підвищення техніки обробітку ґрунту, а саме появи залізних наконечників. Змінились і знаряддя збору збіжжя, з'явився залізний серп.

Жито мало велике значення в давньоруський час по всій території Давньої Русі й подекуди домінувало в асортименті, що, ймовірно, значною мірою пов'язано з кліматичними умовами. Численні дані свідчать про те, що в період від IV–V ст. по XV ст. зростає зволоженість в Європі, в тому числі і в Україні. За даними, зібраними Г. І. Швецом з російських літописів, особливо багатоводними були X–XIII ст. [Швець, 1978]. Збільшення вологості призвело до змін у розташуванні поселень. Відбувається вихід на вододіли та розселення в басейнах малих річок, що пов'язано із заміною орного фонду, а саме необхідністю засвоєння важких для оранки суглинків та чорноземів вододілів. Жито вважається культурою з високими пристосувальними можливостями, невибагливою до якості ґрунтів, рослиною-піонером, що використовується при посівах на нових землях. Для вирощування потребує опадів у межах 600–700 мм. Найбільш зимостійке серед інших зернових культур, при проростанні потребує менше тепла, ніж пшениця. На думку М. І. Вавілова, жито як культура походить з бур'яну,

що засмічував посіви ячменю та голозерних пшениць у Передній Азії. Про це свідчить навіть назва цієї рослини, що походить від латинської назви «siligo», тобто «selecto» — вибирати. Здавна її вибирали з посівів пшениці або ячменю як злісний бур'ян.

Найперші свідчення вирощування жита походять із Центральної Анатолії. В горах, як більш зимостійке, жито замінювало пшеницю. Те ж саме відбувалось при просуванні його з Південно-Західної Азії в північніші райони Європи. М. І. Вавілов під час своєї подорожі до Південно-Західної Азії відзначив, що там немає культури жита: «Ее нет в посевах в Туркестане, Индии, Иране, Афганистане, Китае. Но везде в Юго-Западной Азии рожь встречается в посевах ячменя и пшеницы как сорное растение» [Вавилов, 1987, с. 23]. Виділившись із засмічувача полів на рубежі н. е. в окрему культуру, ця рослина в період до XIII ст. посіла одне з провідних місць серед зернових культур.

Третя важлива зернова культура — просо звичайне. Ця культура має висококалорійне зерно, високу харчову вартість, добрі смакові властивості. За кількістю білків (12–14%) та вуглеводів (69%) пшоно (обтовчене просо) посідає одне з перших місць серед інших круп, а за кількістю олії (1–3,5%) поступається лише вівсу та чумизі. До корисних властивостей проса (пшона) належать також швидкість і легкість приготування їжі, його приємний смак, висока поживність, добра засвоюваність.

Крім цих якостей, є ще важлива причина вирощування проса на теренах України. Ця культура погано переносить забур'янення, тому в минулому давала добрі врожаї лише на місцях, звільнених від лісу (підсіка) чи від степової рослинності (цілина). Зерно, зібране з підсік, було чистішим від бур'янів, мало добру схожість, морозостійкість. Можливо, саме з цих причин на території Правобережної України довго, аж до початку XX ст., існувало підсічне землеробство, і просо тоді було однією з головних зернових культур. Просо використовують також для післяжнивних посівів з метою отримання зеленої маси для годівлі худоби. В районах з довгим вегетаційним періодом просо встигає дати другий врожай зерна. Крім того, в непереробленому вигляді просо є високоякісним концентрованим кормом. Солома й полова за харчовими якостями наближаються до лучного сіна, і в господарстві використовуються для відгодівлі худоби, а зернівки — для годівлі птахів.

На території України просо було домінуючим у слов'ян протягом тривалого часу, починаючи з III ст. до н. е., а згодом, у V–VII ст. н. е., стало однією з найважливіших зернових культур.

Відомі на наш час дані показують, що асортимент, який склався за часів Давньої Русі, проіснував протягом тривалого часу — до XIX ст. Сприяли цьому і кліматичні умови. Деякі дослідники називають останнє тисячоліття «малою льодовиковою епохою» з двома фазами — XIII–XV ст. та XVII–XIX ст. Вологість повітря була в цей час вищою за сучасну, а температура на 2–3°С нижчою [Кренке, 1989].

Вавилов Н. И. Происхождение и география культурных растений / Н. И. Вавилов. — Л., 1987. — 440 с.

Івакін Г. Ю. Науковий звіт про архітектурно-археологічні дослідження комплексу Михайлівського Золотоверхого монастиря у Києві у 1996–1997 роках / Г. Ю. Івакін, Г. А. Козубовський, В. К. Козюба, С. Є. Поляков // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1997/103.

Івакін Г. Ю. Дослідження Михайлівського Золотоверхого монастиря та прилеглих площ у 1998 р. / Г. Ю. Івакін, Г. А. Козубовський, В. К. Козюба, С. Є. Поляков, Л. В. Чміль // АВУ 1997–1998 рр. — К., 1998. — С. 79–80.

Каргер М. К. Землянка-мастерская киевского художника XIII века / М. К. Каргер // КСИИМК. — 1945. — Вып. XI. — С. 5–15.

Каргер М. К. Древний Киев / М. К. Каргер // По следам древних культур. Древняя Русь. — М., 1953. — С. 35–74.

Кренке А. Н. Реконструкция динамик увлажнения и температуры воздуха за исторический период (по природным показателям) / А. Н. Кренке, А. Н. Золотокрылин, В. В. Попова, М. М. Чернавская // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. — М., 1989. — С. 34–38.

Левашова В. Л. Сельское хозяйство / В. Л. Левашова // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. — М., 1956. — С. 19–105.

Максимов С. Куль хлеба и его похождения / С. Максимов. — М., 1985. — 240 с.

Мовчан И. И. О раскопках Киево-окольного отряда Киевской постоянно действующей экспедиции на территории Китаево весной-летом 1988 года / И. И. Мовчан, Ю. Г. Писаренко // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций. 1988/17а.

Пашкевич Г. А. Палеоботанический анализ злаков / Г. А. Пашкевич // Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре / Е. В. Максимов, В. А. Петрашенко. — К., 1988. — С. 131–134.

Пашкевич Г. А. Палеоэтноботанические находки на территории Украины. Древняя Русь: Каталог / Г. А. Пашкевич. — Препр. — К., 1991. — 45 с.

Сыромятников А. К. Отчет об археологических исследованиях на территории Киево-печерского историко-культурного заповедника в 1994 году / А. К. Сыромятников, С. А. Балакин // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, № 1994/127.

Швець Г. І. Водність Дніпра / Г. І. Швець. — К., 1978. — 84 с.

Knörzer K.-H. Aussagemöglichkeiten von palaoethnobotanischen Latrinenenuntersuchungen / K.-H. Knörzer // [W.van Zeist, W.A.Casparie (red.) Plants and ancient man, A. A. Balkema]. — Rotterdam, 1984. — P. 331–338.

Knörzer K.-H. Geschichte der synanthropen vegetation von Köln / K.-H. Knörzer // Kölner Jahrbuch für Frühgeschichte. — 1957. — 20. — S. 271–388.

Tomczyńska Z. Rośliny znalezione w 16-wiecznej latrynie w Krakowie / Z. Tomczyńska, K. Wasylikowa // Rośliny w dawnej gospodarce człowieka. Warsztaty archeobotaniczne '97. Polish Botanical studies. Guidebook series. — 1999. — № 23. — S. 279–316.

Wasylikowa K. Szczątki roślinne ze średniowiecznego zabytku Krakowa / K. Wasylikowa // Monographiae Botanicae. — 1958. — S. 136–146.

Wasylikowa K. Plant remains from early and late medieval time found on the Wawel Hill in Cracow / K. Wasylikowa // Acta Palaeobotanica. — 1978. — 19. — P. 115–200.

Wasylikowa K. East-Central Europe / K. Wasylikowa, M. Cârciumaru, E. Hajnalová, P. Hartyányi, G. Pashkevich, Z. Yanushevich // Progress in the Old World palaeoethnobotany, A retrospective view on occasion of 20 years of International Work Group for Palaeoethnobotany / [eds. W. van Zeist, K. Wasylikowa, K.-E. Behre. A. A. Balkema]. — Rotterdam, 1991. — P. 207–239.

Zohary D. Domestication of plants in the Old World / D. Zohary, M. Hopf. — Oxford University Press, 2000. — 316 p.

Г. А. Пашкевич

Палеоботанические находки на территории монастырей Украины

Палеоэтноботанические исследования на территории монастырей (XI–XVIII вв.) выявили состав использовавшихся культурных растений: зерновых с преобладанием ржи, голозерной пшеницы и проса; бобовых и технических культур. Использовались также ячмень пленчатый, овес посевной, из бобовых — горох, чечевица, из технических — лен, конопля. Дополняли этот список фруктовые и ягодные растения — яблоня, груша, вишня, слива, виноград, малина, земляника и др.

G. O. Pashkevich

Palaeoethnobotanical findings on Ukrainian monastery grounds

Palaeoethnobotanical researches in territory of monasteries (XI–XVIII) have revealed structure of used cultivated plants with prevalence of rye, naked wheat and millet. Barley and oat, peas and lentil, flax and hemp were used also. Fruits and berry supplemented this list: apple-tree, pear, cherry, plum, grapes, raspberry, wild strawberry, etc.

С. А. Беляева, С. С. Рябцева

Образ сирин в древнерусском и малоазийском искусстве

Статья посвящена сравнительному анализу изображений сирин в Древней Руси, Византии и мусульманском искусстве Малой Азии. Особое внимание уделено изучению взаимодействия древнерусского, византийского и сельджукского прикладного искусства. В древнерусском искусстве наблюдается сочетание двух традиций — византийской и, в широком смысле, «восточной». В отличие от Византии, на Руси представление о сиринах близко пониманию этого образа в искусстве Армении, а также в искусстве мусульманских народов Малой Азии (в частности, Ирана, особенно турков-сельджуков) как райских птиц, изображавшихся в нимбе. Более того, в древнерусской трактовке сиринов они сближаются с образами серафимов и херувимов, соединяющих антропоморфное и птичье начало.

Ключевые слова: украшения, сирины, Киевская Русь, Малая Азия, античное наследие, Византия, христианство, мусульманство.

Украшения с изображением сирин входят в круг наиболее престижных предметов парадного убора Киевской Руси. В подавляющем большинстве они представлены в кладах Киева и отдельными образцами с территории Киевского и Галицкого княжеств. Благодаря фундаментальным исследованиям Н. П. Кондакова была получена информация о местонахождении и составе кладов, известных к концу XIX в., проведен сравнительный анализ не только древнерусских и византийских произведений, но и образцов малоазийского и европейского декоративного искусства. Этому способствовали результаты изучения истории византийской эмали, полученные Н. П. Кондаковым в предшествующие годы. Несомненно, они подготовили почву для анализа состава изделий и художественных характеристик русских кладов, заложили основу для их всестороннего изучения и в значительной мере не утратили своего значения до сегодняшнего дня. Среди перечня составных элементов кладов автором были подробно описаны украшения с изображением сирин, цветовая гамма эмали, особенности стиля. Также было обращено внимание на соответствие некоторых деталей малоазийским атрибутам, в особенности головного убора, высказаны некоторые существенные замечания относительно типажа лиц на разных экземплярах одного и того же типа украшений. Именно благодаря исследованиям Н. П. Кондакова изучение развития художественной школы Руси получило дальнейшие перспективы [Кондаков, 1892; 1896].

В последующих разработках в различных областях декоративного искусства существенное место занимали исследования в области русского ремесла [Гущин, 1936; Корзухина, 1946; Рыбаков, 1948; 1951 и др.]. Новым этапом в исследовании русских кладов X–XIII вв. стала монография Г. Ф. Корзухиной [Корзухина, 1954]. Автор не только дополнила список кладов находками первой половины XX в., но и представила хронологическую классификацию кладов, в основу которой был положен принцип

учета исторических обстоятельств сокрытия кладов, состав их вещевой и монетной составляющей (для каждого отдельного периода), составлены карты местоположения кладов в каждый временной отрезок. Г. Ф. Корзухина выделила четыре хронологических периода, которые, на ее взгляд, отвечают предложенным ею принципам. Эта классификация вызвала неоднозначную оценку и серьезные критические замечания ряда исследователей, в том числе Б. А. Рыбакова [Рыбаков, 1987, с. 562]. Однако до сих пор периодизация групп кладов Г. Ф. Корзухиной остается основополагающей в исследовании ювелирного дела Древней Руси. Археологические изыскания второй половины XX в. существенно дополнили перечень древнерусских кладов, в том числе находками в Киеве, Чернигове, Звенигороде, городах Северо-Восточной Руси, и дали основание подтвердить некоторые наблюдения Г. Ф. Корзухиной относительно хронологической периодизации и составов кладов каждого из периодов.

Украшения с изображением сирин представлены в четвертой группе кладов, которые по периодизации Г. Ф. Корзухиной были зарыты между 70-годами XII в. и 1240 г. (нашествием монголов) [Корзухина, 1954, с. 27]. В территориальном отношении они встречаются преимущественно в Верхнем городе Киева. Речь идет о буквально небольшом сосредоточении кладов, зарытых около Десятинной церкви, Софийского собора, Михайловского Златоверхого монастыря, т. е. района, где проживали наиболее знатные представители княжеско-боярских родов. Помимо Киева, экземпляры с изображением сирин представлены в отдельных кладах южнорусских земель, таких как Миропольский клад на Житомирщине, городище Девичья гора близ с. Сахновка на Черкащине, и наиболее отдаленный от центра клад — в юго-западном регионе (близ с. Залесье) у Каменца-Подольского. Изображения сирин характерны для нескольких типов украшений — золотых и серебряных колтов, и в меньшей мере — серебряных пластинчатых браслетов [Макарова, 1975; 1986].

Анализируя интересные наблюдения Н. П. Кондакова и коллекцию изображений сирин на древнерусских украшениях, отметим, что изображения сирин не однолики, а представлены разными чертами внешности, выражениями лиц, прическами и цветом волос, ракурсом поворота головы и туловища. Сирины выполнены мастерами в различных головных уборах, отличающихся по форме, декоративному оформлению и цветовой гамме. Оборотные стороны колтов с сиринами также разнятся по орнаментальному ряду и колориту. Несмотря на кажущуюся тождественность, колты несколько отличаются по размерам и весу. Стилевое отличие изобразительного ряда и формальных особенностей, отражающих, возможно, и некоторые характерные этнические проявления: форма носа, разрез глаз, цвет бровей и волос, цвет кожи, и в значительной степени различия в типах и дизайне головных уборов, отмеченные Н. П. Кондаковым [Кондаков, 1896, с. 130–131], позволяют высказать предположение о разном происхождении мастеров-изготовителей колтов.

Г. Ф. Корзухина при датировке колтов опиралась на сформулированный ею принцип последовательной смены ряда древнерусских металлических уборов. Исследовательница выделила два стилистически целостных убора, в которые входили колты [Корзухина, 1954, с. 27–32]. По ее мнению, в XII–XIII вв. сложился роскошный парадный убор, состоявший из золотых, украшенных эмалями вещей — колтов, рясен с круглыми и квадрифолийными бляшками, диадем и ожерелий-барм. В середине XII в. появился аналогичный убор, выполненный в серебре и украшенный чернью.

Т. И. Макарова при построении своей типологии колтов основывается на особенностях формы и декора украшений. Исходя из различий в цветовой гамме колтов с эмалями, исследовательница выделила несколько древнерусских ювелирных мастерских. Она предложила несколько иные датировки для этого типа украшений: золотые с эмалями колты датируются Т. И. Макаровой второй половиной XI–XIII вв., а серебряные с чернью — концом XI–XIII вв. [Макарова, 1975; 1986].

По мнению Г. Н. Бочарова, русские эмальерные изделия (в том числе и колты) развивались не от простого к сложному, а от сложного к простому, а уж затем от просто-

го вновь к сложному [Бочаров, 1984, с. 42]. То есть русские мастера, заимствуя форму украшений и особенности декора у византийцев, первоначально упрощали их и схематизировали, а затем на их основе создавали своеобразные варианты этих украшений.

Н. В. Жилиной выделены стилистические линии развития древнерусских украшений, рассмотрено соотношение типов головных уборов и ювелирных изделий. Исследовательница отмечает, что «с конца XI в. в уборе проявилось византийское влияние, связанное с принятием Русью христианства. На рубеже XI–XII вв. основным элитарным убором на Руси становится эмалевый» [Жилина, 2010, с. 188]. По ее мнению, во второй половине XII — первой трети XIII в. (время наивысшего развития древнерусского ювелирного ремесла) происходит типологическое и стилистическое сближение уборов, декорированных в различных техниках, появление гибридных форм украшений. Интересующие нас типы колтов укладываются в два художественных стиля, выделенных Н. В. Жилиной. Первый — «аскетически-сакральный», отличающийся геометризованностью изображений и основанный на византийской эстетике [Жилина, 2010, с. 189]. Исследовательница прослеживает два направления внутри этого стиля — сакральное (с преобладанием христианских сюжетов) и светское (с использованием зооморфных и фантастических образов). Произведения этого стиля отнесены к концу XI — середине XII в. Второй стиль определен как «криновидный». Криновидный стиль получает дальнейшее утрированное развитие и бытует вплоть до первой трети XIII в. Тип эмалевого колта с жемчужной обнизью является господствующим в обоих стилевых направлениях. Эмалевый убор оказывает влияние и на черневой, первоначально развивавшийся с ним параллельно, но постепенно дающий больше вариантов декоративного оформления украшений (это касается как обнизи колтов, так и декора их щитков) [Жилина, 2010, с. 191; 2012, с. 252–280].

Рассмотрим характерные черты образов сирин на парадных украшениях Древней Руси и изображения сирин в наиболее близких территориях евразийского ареала. К настоящему времени сложилось ясное представление об особенностях киевской ювелирной эмальерной школы домонгольского периода. По мнению Т. И. Макаровой и С. А. Плетневой, «ни разница сюжетов, ни разница в мастерстве не нарушают стилистического единства вещей, вышедших из мастерской киевских эмальеров. Особенно ярко это единство выражается в цветовой гамме эмалей киевской школы. Для киевских эмалей характерен резкий синий цвет, несвойственный, по мнению Н. П. Кондакова, византийским эмалям. Он встречается на всех киевских вещах с эмалью» [Макарова, Плетнева, 1968, с. 104]. Кроме того, в цветовой гамме киевских эмальеров господствует красно-бордовый (85% вещей) и белый (72% вещей), а также зеленый, бирюзовый, желтый, черный и др. Подобная «пестрота» может считаться специфической для произведений киевских мастеров [Макарова, Плетнева, 1968, с. 104.]. Достаточно своеобразны и наборы сюжетов, характерные для древнерусских украшений с эмалями [Макарова, 1975; 1986; 2008; Рябцева, 2005, с. 184–187].

В настоящее время есть сведения о более чем 100 золотых колтах, декорированных эмалями (в музеях Восточной Европы хранятся 43 золотых колта — 17 парных и 9 одиночных), и о примерно таком же количестве серебряных черненых колтов [Корзухина, 1954; Макарова, 1975, 1986; Pekarska, 2011]. Изображения сирин представлены на гладких золотых колтах с композиционным центром, выделенным только орнаментально (заключенным в круг изображением). Такие колты состоят из двух выпуклых половинок, соединенных боковой пластинкой — желобком. К этому желобку припаивались петельки, фиксирующие проволочную ниточку с нанизанными на нее жемчужинами. Подобные украшения декорировались также изображениями птиц, святых, женских ликов, растительно-геометрическими композициями, фигурками грифонов (пока известна лишь одна находка). Изображения сирин встречаются и на серебряных колтах с обнизью из крупных тисненых шариков. Подобные сферы припаивались к колту при помощи металлических трубочек или напрямую. В ряде случаев шарики дополнительно укреплялись металлической нитью (как жемчуг на нити) [Макарова, 1986, с. 49–62].

Сохранилось 15 золотых колтов с изображениями сиринов (6 пар и три одиночных), в той или иной мере представленных в литературе [Кондаков, 1896, с. 196, рис. 107, 108; Корзухина, 1954, с. 107; Рыбаков, 1987, с. 581; Макарова, 2008, с. 23; Pekarska, 2011, с. 189]. Фигурки сирин переданы шагающими в профиль, лицо обращено к зрителю в фас. Поднятое крыло практически всегда отделено от тела, опущенное крыло, расположенное на переднем плане, —прижато. Длинные хвосты значительно отличаются от хвостов птиц на аналогичных изделиях. Они заканчиваются тремя или двумя криновидными завитками. Хвосты длинные (сложенные павлиньи или несколько напоминающие рыбьи). Между сиринами всегда крин — маленький в круге или более высокий побег. На головах круглые или треугольные шапочки с ясно переданными вставками-каморами, из-под них выбиваются короткие волнистые волосы. Головы окружены нимбами (рис. 1, *1–4, 6, 9*). Птичье тело богато украшено эмалевыми вставками (кружки, капли, крины, имитация проработки перьев). Схема декорировки близка к аналогичной, представленной на колтах с птицами этого же круга, но более разнообразная. У птиц отсутствуют пояски из перьев на груди. На обороте колтов с сиринами — растительно-геометрическая композиция. Как правило, птицы и сирины не встречаются на одном колте. Исключение — колт из клада 1842 г. в Киеве [Макарова, 2008, с. 18, таб. 2]. У сиринов, изображенных на нем, более широкое туловище и короткие лапки. На обороте колта нестандартная композиция с птицами — две маленькие шагающие профильные птички (отличающиеся от традиционных более крупных и статичных птиц с повернутой назад головой и переданными двумя крыльями). Изображения птиц обрамлены сверху и снизу необычной композицией из растительных побегов.

Интересно, что аналогичная ситуация представлена и на колтах с птицами. У традиционных серийных колтов с устоявшейся иконографией сопоставленных у крина птиц, обернувшихся в сторону, обратную движению (как бы смотрящих на крин), на оборотной стороне расположена либо растительно-геометрическая композиция, либо женская головка в круге, обрамленная растительными побегами. У необычной пары колтов из киевского клада 1824 г., найденного у Михайловского Златоверхого монастыря [Макарова, 1975, с. 25, таб. 2, 7–10, кат. 14, 15], на одной стороне изображена своеобразная идущая профильная птица с раскинутыми крыльями, а на другой — в той же манере — шагающий грифон. В кладе 1896 г. с Княжей горы найден колт, на одной стороне которого размещена изящно проработанная одна идущая профильная птица, а на другой —павлин с раскинутыми крыльями [Макарова, 1975, с. 27, таб. 3, 8, 9, кат. 25]. И павлин, и грифон на древнерусских колтах с эмалями встречены всего по одному разу. Таким образом, мы сталкиваемся как с уникальными сочетаниями композиций, так и с примерами устоявшейся серийной иконографии.

Т. И. Макарова древнерусские колты с сиринами относит к наиболее ранним киевским изделиям с эмалями и датирует их появление второй половиной XI в. Исследовательница подметила в исполнении сиринов из киевского 1887 г. клада полосу из красной эмали, обрамляющую фигурку (рис. 1, *3*). Подобный «эмалевый бордюр» — характерная черта византийской эмали, упоминаемая Теофилом [Макарова, 2008, с. 24, рис. 2, 2]. По мнению Т. И. Макаровой, к работе автора этой пары колтов принадлежат еще 2 пары изделий, найденных в киевских кладах (1880 и 1885 г.), а также пара из сахновского клада 1990 г.

Кроме того, исследовательницей было выделено несколько пар колтов, принадлежавших, вероятно, другому мастеру (мастерам), копировавшему более совершенные образцы, но не владевшему на таком уровне ни техникой исполнения, ни навыками построения композиции. Причем в случае с упомянутыми выше колтами из киевского клада 1842 г. было отмечено отсутствие напаянных перегородок под эмаль. Перегородки выполнены путем тиснения лотка, но получились очень низкими, и эмаль почти выкрошилась [Макарова, 2008, с. 18. таб. 2].

Рис. 1. Изображения на предметах прикладного искусства Руси [по: Рыбаков, 1987, с. 581]. *1* — изображения на лицевой стороне колта, Киев, клад 1880 г., ул. Житомирская; *2* — изображения на лицевой стороне колта, Миропольский клад; *3* — изображения на лицевой стороне колта, Киев, клад 1887 г., район Златоверхого Михайловского монастыря; *4* — изображения на лицевой стороне колта, Киев, клад 1885 г., ус. Есикорского, близ Софийского собора; *5* — изображение на лицевой стороне колта, клад из с. Залесье; *6* — изображение сирина на колте, Киев, клад 1880 г., ул. Житомирская; *7* —изображение птицы на рясне с круглыми бляшками, Киев, клад 40-х гг. XIX в. близ Десятинной церкви; *8* — изображение грифона на диадеме со сценой Вознесения Александра Македонского, клад Сахновка; *9* — изображение сирина на квадрифолийной бляшке саккоса митрополита Алексея

Еще один мастер, выделяемый Т. И. Макаровой, может быть определен как «мастер миропольского клада» (рис. 1, *2*) [Макарова, 2008, с. 26]. Его произведения выполнены на столь же высоком уровне, как и у первого мастера, но несколько отличается композиционное решение (фигурки более крупные относительно размеров колта) и декоративная разработка фигур. Только на этих колтах поднятое крыло не отделено от фигурки сирина. По мнению исследовательницы, колты с сиринами и птицами относятся к наиболее совершенным образцам древнерусских украшений с эмалями. К этой же группе древностей отнесены и рясна с круглыми бляшками, отличающиеся сходной системой декора и цветовой гаммой эмалей (рис. 1, *7*). Эта система образов сложилась в недрах ранней ювелирно-эмальерной мастерской, которая была

определена как греко-русская. По мнению Т. И. Макаровой, производство подобных вещей прерывается достаточно быстро, и на смену сиринам, павлинам и грифонам приходят изображения христианских святых, которые становятся программными в условиях борьбы церкви с язычеством и формирования новой элиты христианского государства [Макарова, 2008, с. 29].

К концу XI — началу XII в. отнесла золотые колты с сиринами и Л. В. Пекарская, отметившая, что они относятся к числу совершеннейших и наиболее своеобразных произведений киевских ювелиров. Исследовательница проанализировала эту группу украшений, а также ввела в научный оборот пару колтов с сиринами, происходящих из частной коллекции и известных до сих пор лишь по кратким упоминаниям. Представляется весьма важным, что Л. Пекарская выделила 8 вариантов головных уборов сирин — 5 круглых и 3 «треугольных». Причем один из треугольных снабжен подвесками наподобие византийских препендулий [Pekarska, 2011, с. 196]. Придерживаясь мнения о персидском или египетском происхождении образов сирен, исследовательница считает, что киевские ювелиры соединяли восточную и греческую традиции, а сам образ сирин на их произведениях был наполнен благожелательным смыслом [Pekarska, 2011, p. 193–198].

Наиболее позднее эмалевое изображение сирин представлено на предмете литургического облачения. Саккос митрополита Алексея декорирован целым набором бляшек с эмалевыми изображениями — сирин, птицы у древа, орел в геральдической позе, крины, побеги, крестики. Фигурка сирин представлена на крупной квадрифолийной бляшке (рис. 1, *9*). Упрощенные изображения и цветовая гамма эмалей позволяют датировать эти произведения временем уже после монгольского нашествия [Макарова, 1975, с. 84].

Что касается серебряных колтов с чернью, то известен один экземпляр с сирин. Прекрасное фантазийное изображение одной фигурки девы-птицы в треугольном головном уборе, занимающее практически все пространство колта, значительно отличается от других колтов с эмалями (рис.1, *5*). Колт был найден в составе Залесского клада и, по всей видимости, может быть отнесен к XIII в. [Макарова, 1975, с. 54, 58]. Что касается изображений сирин на широких серебряных створчатых браслетах-наручах, то их количество незначительно, они представлены всего тремя вариантами изображений, причем один из них весьма близок к образу «змееногой богини» [Макарова, 1986, с. 65; 2008, с. 80, таб. 32, 2–5]. В целом, все ювелирные изделия с изображениями сирин относятся к лучшим образцам древнерусских ювелирных украшений. С XV в. и далее в русском прикладном искусстве, в том числе крестьянском, получает распространение иконография сирены с рыбьим или змеиным хвостом и птичьими крыльями.

Обратимся теперь к происхождению и семантике образа сирин. О сладком пении полудев-полуптиц повествуют Гомер, Овидий и Аполлодор. В период средневековья этот образ был широко известен от Северной Индии и Афганистана до Средней Азии. На Востоке — это вещая птица, приносящая счастье [Якобсон, 1950, с. 207–212]. В официальном искусстве Западной Европы преобладает отрицательное восприятие образа сирина [Муратова, 1984, с. 78]. Средневековые проповедники отождествляли сирен с Любостяжанием, Высокомерием и Сластолюбием. И «Физиолог», и «Бестиарии» описывают сладкозвучие сирен, сравнивая их с театральными действами, которые погружают души в глубокий сон, делая их легкой добычей дьявола. В соответствии с бестиариями XI–XII вв. изображали сирену-птицу или сирену-рыбу (встречаются как мужские, так и женские образы). Зачастую сиренам сопутствуют кентавры, являвшиеся одним из воплощений дьявола, олицетворением двудушных (двоедушных) людей, еретиков. Подчас фантастические существа участвуют в своеобразных концертах (кентавры аккомпанируют пляске сирен) [Даркевич, 1988, с. 204–206].

Распространенный на Руси образ сирен ближе к византийскому благожелательному значению. Однако иконография птице-дев, одетых в головные уборы, — восточная. По мнению А. Л. Якобсона, образ сирены пришел на Русь через Херсонес

и города Таврии, где подобные сюжеты часто встречаются на поливной керамике. Изображения же сирен на херсонесских поливных блюдах восходят, в свою очередь, к армяно-персидским прототипам [Якобсон, 1950, с. 209–212].

Именно связь с персидскими образцами объясняет, по всей видимости, то, что на древнерусских изделиях сирены изображены в головных уборах, а не простоволосыми, как на византийских чашах XII в. (где лишь в одном случае изображены небольшие конические шапочки) [Даркевич, 1975, с. 14, 195, рис. 1; Бочаров, 1978, с. 244][1]. На чашах встречаются как парные образы адарирующих у крина сирин, так и одиночные фигуры птиц-дев.

На чаше из с. Вильгорт изображены сирены с длинными вьющимися волосами, шейными гривнами. Их образы практически повторяют черты лица центрального персонажа — Евдокии, внимающей сладкому пению возлюбленного Дигениса, являясь поэтическим олицетворением этой пары. В Восточной церковной традиции при восхвалении церковных псалмопений их сравнивали и превозносили над мифическим Орфеем, гомеровской музой или лживыми песнями сирен. Кроме того, в византийских романах XII в. встречаются реминисценции античного образа сирен, связанные с любовными песнями, однако образ сирен принадлежал, по всей видимости, к кругу элитарных, и в произведениях народной культуры встречается нечасто [Даркевич, 1975, с. 195].

Следующим предметом прикладного искусства Византии, на котором известны изображения сирин, являются серебряные браслеты. От плоских древнерусских образцов они отличаются рельефностью чеканных изображений, стилем и формой обрамлений в виде сплетающихся медальонов, в отличие от арок или прямоугольных клейм [Даркевич, 1975, с. 274].

Как известно, отличительной чертой искусства Византии к XII в. является формировавшийся на обширном пространстве Малой Азии уникальный синтез культур с постепенным доминированием тюркско-иранских компонентов. В декоративном начале композиций прикладного искусства нарастает роль орнаментальных мотивов, в том числе ленточной плетенки, которая могла проникнуть от сельджуков, все более суживающих пространство Византии до небольшого приморского государства. Ленточные плетения, широко распространенные в византийском прикладном искусстве, по небезосновательному предположению В. П. Даркевича, могли проникнуть из сельджукского искусства Малой Азии, впитавшего иранские мотивы [Даркевич, 1975, с. 133].

Образ сирин, входивший в комплекс представлений солнечного культа Ирана и Закавказья, занимает одно из ведущих мест в художественных изделиях из металла и люстровой керамике Рея в Иране, каменной резьбе и керамических панно монументальных сооружений сельджуков, каменной резьбе и миниатюре Армении. В противоположность Византии в культурах этого обширного ареала райских дев-птиц «как носителей высшей власти изображали в короне, кокошнике или ша-

---

1. Все металлические сосуды относятся к одному типу чаш, обычно с крышкой, повторяющей форму чаши. Прием украшений чаши (рельефные лопасти-медальоны) известен еще со времен ахеменидского Ирана и характерен для многих видов прикладного искусства мусульманского мира [Даркевич, 1975, с. 127]. Сирины не занимали главных сюжетных позиций в изобразительном поле чаш и лишь служили дополнением в достаточно обширном составе бестиария, растительных и геометрических орнаментов, в значительной мере связанных с ориентализацией искусства Византии к XII ст.

Так, чаша № 1, найденная близ с. Вильгорт в Приуралье, декорирована 12 медальонами, окружающими центральное изображение, расположенное на дне чаши (юноша-арфист и девушка у него на коленях). Парное изображение сирин занимает первый и седьмой медальоны [Даркевич, 1975, с. 17, 24].

Чаша № 2 из раскопок богатой княжеской усадьбы Чернигова почти тождественна чаше из Вильгорта, но отличается несколько более грубой работой и некоторыми второстепенными деталями. Композиция с сиринами также помещена на первом и седьмом медальонах чаши и почти идентична изображениям предыдущей чаши [Даркевич, 1975, с. 48, 54]. По мнению В. П. Даркевича, сирены на этих чашах близки к образам греческой мифологии, их можно рассматривать в качестве символа любовной пары, изображение которой является главным сюжетом этих чаш [Даркевич, 1975, с. 196].

Еще на одной чаше, найденной в Березовой в Зауралье (№ 4 по нумерации В. П. Даркевича), отличающейся по композиции от ранее упомянутых, сирины расположены попарно в клеймах второго пояса поддона, занимая второстепенное место среди других изображений [Даркевич, 1975, с. 79, 81, 93].

почке. Их священное начало подчеркивают нимбы» [Даркевич, 1975, с. 110]. Изображение сирен встречается и на поливных блюдах местного производства Херсонеса. По мнению С. Г. Рыжова, это «подтверждает тесные экономические связи с ближневосточными странами» [Рыжов, 2005, с. 65]. Следует отметить и постепенное проникновение сельджукской культуры Анатолии на Крымский полуостров уже в первой половине XIII в., с дальнейшим усилением влияния сельджукского компонента в Северном Причерноморье, вплоть до Восточного Подолья в золотоордынский период, что хорошо фиксируется по архитектурно-археологическим памятникам первой половины XIV в.

Помимо анализа особенностей изображения сирин в древнерусском и византийском искусстве (в контексте ориентализации последнего), неуклонное усиление сельджукского влияния на территории Малой Азии позволяет обратиться к некоторым параллелям в изображении древнерусских и сельджукских сирин [Біляєва, 2012, с. 115]. В качестве примера изображений сирин в сельджукском искусстве можно привести подборки кафельных плиток интерьера дворцовых построек и общественных зданий. Среди них дворец Кубадабад близ Бейшегира, датирующийся 1236 г. [Öney, 1988, p. 95–100]. На примере интерьера этого дворца можно выделить две синхронные группы изображений, отличающихся, однако, по иконографии.

К первой группе относятся изображения сирин, типичные для мусульманского искусства (рис. 2, *1*). Их головы окружены белым нимбом, изображены шапочки с пальметкой посередине либо короны, аналогичные светским изображениям царственных особ в Византии и сирин на колтах Древней Руси. Волосы каштанового цвета или черного, лица округлые, брови черные, широко раскрытые глаза с характерным для востока миндалевидным разрезом [Öney, 1988, p. 96]. Особенно близким к этой группе изображений является сирин на уже упомянутой ранее квадрифолийной бляшке саккоса митрополита Алексея послемонгольского периода.

Ко второй группе относятся изображения сирин без нимба и без шапочки, с непокрытой головой, при этом с ярко выраженной деталью украшений — массивной серьгой типа калачика [Öney, 1993, p. 288, res. 8] (рис. 2, *2*). Уникальным образцом в русле исследований темы сирин в средневековом искусстве Евразии, безусловно, является скульптурная композиция на выдающемся памятнике сельджукской архитектуры — мавзолее Хюдавент Хатун, построенном в 1312 г. в Нигде, Каппадокия (рис. 2, *3*). Это парная композиция из двух сирин, между которыми расположены три розетки, одна большего размера в центре и две меньшие по бокам [Öney, 1988, p. 48].

Изображения сирин неидентичны, и каждое имеет определенные особенности: сирин справа изображен в фас, а фигура, оперение и роскошный павлиний хвост второго сирина слева — вполоборота. Первый сирин в шапочке, второй — в короне, напоминающей корону с пальметкой посередине, известную по изображению сирина на изразце из дворца Кубадабад, и одновременно близкой к представленной в типологии головных уборов сирен на колтах, предложенной Л. В. Пекарской [Pekarska, 2011, p. 196]. Таким образом, в более поздних произведениях сельджукского искусства мы видим некоторые аналогии и параллели с более ранними византийскими и древнерусскими образцами, с преобладанием при этом, конечно, и специфических этнических черт в изображении лиц дев-птиц и характерных восточных орнаментальных мотивов. Вероятно, мы можем говорить о некоторых общих прототипах изображений, а также о перекрестных взаимных влияниях.

Древнерусский набор фантастических образов, как и в Византии, ограничивается четырьмя персонажами: наиболее популярен грифон (рис. 1, *6*), реже встречаются дракон и сирин, наиболее редко — кентавры[2] (причем так же, как и на византийских произведениях, например, чаще из Вильгорт, они имеют за-

2. В западной литературе и искусстве известны также гидры, василиски, аспиды, единороги, различные гибриды животных, а также людей и животных.

Рис. 2. Изображения сирин в сельджукском искусстве.
1, 2 — изображения сирин на керамических облицовочных плитках из дворца Кубадабад, Бейшегир (Турция); *3* — рельефы с сиринами и розетками на Хюдавент Хатун Тюрбе в Нигде (Турция)

частую не конские, а львиные крупы). В отличие от византийских произведений, проникнутых античной реалистичностью и пластикой, древнерусское искусство создает свой набор символических образов, базирующийся на традициях народов Востока и населения византийских провинций [Макарова, 2008, с. 82]. По мнению Б. А. Рыбакова, изображение сиринов, фиксируемое в светском искусстве Древней Руси, связано с сохранением древнерусских языческих верований [Рыбаков, 1987, с. 580–582].

При изображении сирин древнерусские ювелиры не копируют образцы, представленные, например, на византийских чашах, но головные уборы, в которые облачены девы-птицы на древнерусских колтах, выполнены в византийских канонах. Головные уборы сирин зачастую повторяют те, что мы видим на женских головках, представленных на древнерусских золотых колтах с жемчужной или многолучевой обнизью. При этом треугольные головные уборы, подчас с шариками на трех верх-

них «углах», изображаемые и на золотых и на серебряных колтах с сиринами, находят самые близкие аналогии в византийском головном уборе. Подобные головные уборы мы видим как в облачении Дигениса, так и Александра Македонского или императриц Зои и Феодоры [Pekarska, 2011, p. 116, pl. 5.29, 190, 192]. Аналогии другому типу головного убора сирен — сочетание круглой шапочки и диадемы с невысокими выступами и драгоценными камнями представлено, например, на известном изображении Десиславы из Боянской церкви в Болгарии [Атанасов, 1999, с. 240, обр. 82]. Казалось бы, на Руси была воспринята восточная версия изображения сирин — в головном уборе, но головной убор при этом так близок к византийскому. Таким образом, это сочетание двух традиций — византийской и, в широком смысле, «восточной» лишний раз подчеркивает синкретичность образа сиринов. На Руси представление о сирин близко не только образу райских птиц, но и серафимов, и херувимов, соединяющих антропоморфное и птичье начало. Выступает образ сирина и в значении, символизирующем праведника, тогда он имеет исключительно благожелательное значение [Уваров, 1910, с. 303–305]. Вероятно, именно поэтому он был использован для декорирования священнического облачения.

Исследование прикладного искусства Восточноевропейского и Малоазийского ареала свидетельствует не только о сохранении античного наследия, но и дальнейшем переосмыслении, развитии и взаимодействии гуманистических традиций христианства и мусульманства в новых исторических условиях, что находит свое отражение в различных сферах прикладного искусства средневековья и Нового времени.

Атанасов Г. Инсигните на средновековните български владетели / Г. Атанасов. — Плевен, 1999.

Біляєва С. О. Слов'янські та тюркські світи в Україні (з історії взаємин у XIII–XVIII ст.) / С. О. Біляєва. — К., 2012. — 524 с.

Бочаров Г. Н. Русские сюжетно-орнаментальные изделия с перегородчатой эмалью / Г. Н. Бочаров // Средневековое искусство. Русь. Грузия. — М., 1978. — С. 237–249.

Бочаров Г. Н. Художественный металл Древней Руси / Г. Н. Бочаров. — М., 1984. — 320 с.

Даркевич В. П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века / В. П. Даркевич. — М., 1975. — 267 с.

Даркевич В П. Народная культура Средневековья; светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. / В. П. Даркевич. — М., 1988. — 344 с.

Жилина Н. В. История древнерусского металлического убора IX–XIII вв. / Н. В. Жилина // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). — СПб., 2010. — С. 175–198.

Жилина Н. В. Теория влияния и своеобразия на примере древнерусского драгоценного убора / Н. В. Жилина // Археологические вести. — СПб., 2012. — С. 250–280.

Кондаков Н. П. История византийской эмали / Н. П. Кондаков. — СПб., 1892. — 394 с.

Кондаков Н. П. Русские клады / Н. П. Кондаков. — Т. I. — СПб., 1896. — 237 с.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. / Г. Ф. Корзухина. — М.; Л., 1954. — 226 с.

Макарова Т. И. Перегородчатые эмали Древней Руси / Т. И. Макарова. — М., 1975. — 135 с.

Макарова Т. И. Черневое дело Древней Руси / Т. И. Макарова. — М., 1986. — 153 с.

Макарова Т. И. Перегородчатая эмаль в драгоценном уборе Древней Руси / Т. И. Макарова // Древнерусский драгоценный убор — сплав влияний и традиций IX–XIII вв. Художественные стили и ремесленные школы / Н. В. Жилина, Т. И. Макарова. — М., 2008. — С. 8–61.

Макарова Т. И. О центрах эмальерного дела Древней Руси / Т. И. Макарова, С. А. Плетнева // Славяне и Русь. — М., 1968. — С. 98–112.

Муратова К. М. Средневековый бестиарий / К. М. Муратова. — М., 1984. — 242 с.

Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. — М., 1987. — 783 с.

Рыжов С. Г. Художественная керамика XII–XIII вв. из Херсонеса / С. Г. Рыжов // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. — К., 2005. — С. 62–70.

Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный убор. Основные тенденции формирования / С. С. Рябцева. — СПб., 2005. — 385 с.

Уваров А. С. Сборник мелких трудов / А. С. Уваров. — Т. I. — М., 1910.
Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) / А. Л. Якобсон. —М.; Л., 1950. — 255 с.
Öney G. Anadolu selçuklu mimari süslemesi ve sanatlari / G. Öney. — Ankara, 1988. — 236 p.
Öney G. Türk çini ve seramik sanati / G. Öney // Başlangicindan bugüne Türk sanati. — Ankara, 1993. — P. 281–311.
Pekarska L. Jewellery of Princely Kiev. The Kiev Hoards in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and related material / L. Pekarska. — London, 2011. — 258 p.

С. А. Беляева, С. С. Рябцева

Образ сирин в древнерусском и малоазийском искусстве

Украшения с изображением сирин входят в круг наиболее престижных предметов парадного убора Киевской Руси. В подавляющем большинстве они представлены в кладах Киева и отдельными образцами с территории Киевского и Галицкого княжеств. Исследование прикладного искусства Восточноевропейского и Малоазийского ареала свидетельствует не только о сохранении античного наследия, но и о дальнейшем переосмыслении, развитии и взаимодействии гуманистических традиций христианства и мусульманства в новых исторических условиях, что находит свое отражение в различных сферах прикладного искусства Средневековья и Нового времени.

S. O. Belayeva, S. S. Pyabtseva

Sirin image in Old Rus and Asia Minor art

The article is devoted to the comparative analysis of the images of siren in the Old Russ, Byzantine and Muslim art of Minor Asia. The main attention was given to the study of the interaction between Old Russ, Byzantine and Seljuk Applied Art. The combination of two traditions — Byzantine and Oriental was adopted in the Old Russ art. As opposite to Byzantine, at Rus the image of siren is close to the Armenian Christian art and Muslim art of the peoples of the Asia Minor (in Iran, or of Turks-Seljuk), which understand the image of siren as the bird of paradise, with the nimbus, surrounded there heads. Furthermore, according to the Old Russ semantic, the siren is very close with images of seraphim's and a cherub's, connecting an anthropomorphic and bird essence.

Л. П. Михайлина, С. В. Пивоваров, М. В. Ількiв

Давньоруський Василів (підсумки і перспективи досліджень)

Важливим економічним і культурним осередком давньоруського Подністров'я виступало місто Василів. Населений пункт згадується на сторінках літопису під 1229 (1230) р. у контексті військового конфлікту Данила Галицького й угорського королевича Бели. Локалізація літописного міста була остаточно з'ясована вже наприкінці XIX ст. й тісно пов'язана з науковою діяльністю Р. Ф. Кайндля. У результаті досліджень Б. О. Тимощука в повоєнний час було з'ясовано планувальну структуру давньоруського міста та досліджено білокам'яний храм. Під час нових археологічних досліджень зафіксовано старожитності райковецької культури, молдавського періоду, а також виявлено численний матеріал XII–XIII ст.

Ключові слова: Василів, Подністров'я, давньоруська культура, білокам'яний храм, хрест-енколпіон, писало.

На землях межиріччя Верхнього Пруту й Середнього Дністра в давньоруський час знаходилося декілька літописних поселень. Серед них, очевидно, найбільшим торгово-економічним і культурним центром давньоруського Подністров'я було місто Василів.

Перша згадка про нього припадає на літо 1229 (1230) р. Літописець зафіксував поселення при описі подій, пов'язаних із боротьбою князя Данила Галицького з угорськими військами. Зазнавши розгрому від Данила з союзниками під стольним Галичем, королевич угрів Бела (майбутній король Бела IV) намагався врятуватися втечею: «оттоуда же поиде король ко Василеву и переиде Днестръ и поиде ко Проуту» [Галицко-Волынская летопись, 1981, с. 274]. Із повідомлення літопису випливає, що через Василів проходив важливий шлях, який прямував через межиріччя на південний захід, до Угорського королівства.

Вже наприкінці XIX ст. остаточно було з'ясовано, що рештки літописного поселення розташовуються на території однойменного села на Буковині, нині Заставнівського р-ну Чернівецької обл.

Археологічне вивчення старожитностей Василева було започатковано в 1899–1900 рр. професором Чернівецького університету Р. Ф. Кайндлем [Kaindl, 1901, s. 47; Фрунчак, Фантух, 1999, с. 196], який на території села виявив рештки фундаментів дерев'яної церкви, середньовічний могильник із похованнями під кам'яними плитами та в саркофагах, рештки гончарної печі тощо. Знайдені матеріали він датував середньовічним часом. Ці знахідки високо оцінив М. С. Грушевський. Вони, на його думку, підтверджували гіпотезу Д. І. Зубрицького і дозволяли локалізувати літописне місто Василів на правому березі Дністра, навпроти устя р. Серет [Грушевський, 1992, с. 470–471, 610]. У міжвоєнний час дослідження у Василеві намагався продовжити Ярослав Пастернак, проте йому цього не дозволили через політичні мотиви [Войнаровський, 1993, с. 86].

В історіографії питання про локалізацію літописного Василева не викликало суперечок, і більшість дослідників з нею погоджувалася [Квітковський, Бринзан,

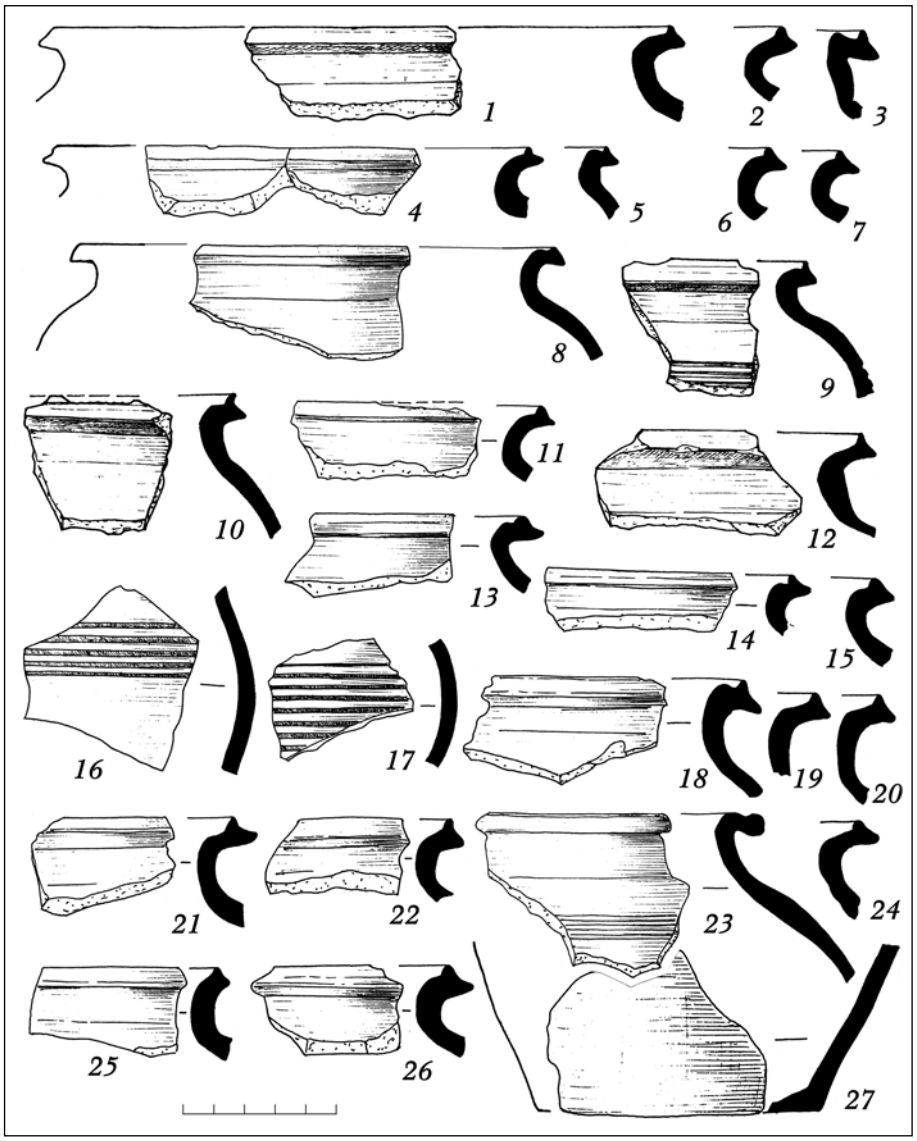


Рис. 1. Зразки кераміки XII — першої половини XIII ст. із Василева

Жуковський, 1956, с. 104, 106, 113–115; Крип'якевич, 1984, с. 36, 72], разом із тим, в окремих роботах його місцезнаходження спеціально не розглядалося.

Якісно новий етап в археологічному дослідженні Василева розпочався в 1948, 1958–1959 рр. експедиціями Чернівецького краєзнавчого музею під керівництвом Б. О. Тимощука [Тимощук, 1952, с. 395–399; 1960, с. 164–166; 1969, с. 112–113; 1975, с. 264–265; 1982, с. 138–153; 1993, с. 1–20; Логвин, Тимощук, 1961, с. 26–27]. В їх результаті була з'ясована структура літописного поселення. Б. О. Тимощуком було доведено, що в ур. Замчище знаходився дитинець, поблизу від нього розміщувалися ремісничий посад із трьохнефним білокам'яним храмом в ур. Мури, торгова площа в ур. Торговиця, а на Дністрі — пристань. До території населеного пункту входили також печерний монастир в ур. Монастир, 4 могильники, феодальний замок в ур. Хом та селища-супутники [Тимощук, 1993, с. 1–28]. Таким чином, було встановлено, що літописне поселення Василів за своїми складовими частинами відповідає структурі давньоруських міст.

Археологічне вивчення Василева було продовжено Б. П. Томенчуком у 80-х рр. минулого століття. Їх підсумком стало дослідження оборонних споруд дитинця, решток дерев'яної церкви на ньому та знахідка великої кількості полив'яних плиток із різноманітними зображеннями. Науковець також провів розкопки розташованого

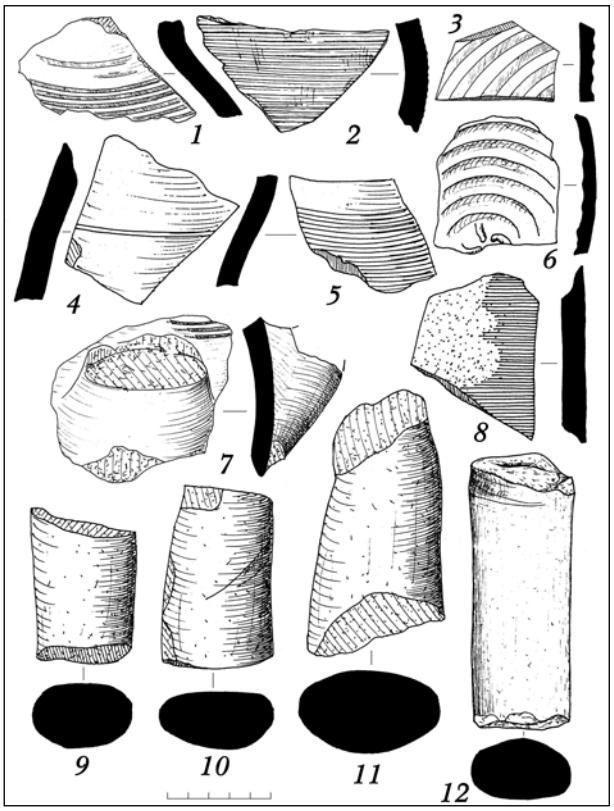


Рис. 2. Фрагменти імпортних амфор з території давньоруського Василева

поруч могильника та декількох жител і гончарних печей на посаді літописного міста [Томенчук, 1978, с. 413; 1979, с. 393; 1987, с. 422–423; 2008, с. 29–38].

Виявлений на території Василева археологічний матеріал неспростовно засвідчив існування тут у XII — першій половині XIII ст. добре укріпленого міського поселення з розвинутою інфраструктурою. На сьогодні теза стосовно Василева як міста Галицько-Волинської держави не викликає сумнівів. З нею погоджується більшість дослідників, і вона знайшла відображення у ряді колективних і монографічних публікацій [Винокур, Горішній, 1994, с. 253; Куза, 1989, с. 87–88; 1996, с. 203; Фантух, 1997, с. 29–31; Spinei, 1994, p. 89, 113, 130, 134].

Вивчення старожитностей давньоруського Василева було продовжено експедиціями Буковинського центру археологічних досліджень при ЧНУ ім. Ю. Федьковича (в 1997 р. проводилися стаціонарні дослідження об'єктів, що руйнуються) та Чернівецькою філією «ОАСУ» Інституту археології НАН України (2004, 2008, 2009, 2013 рр.) під керівництвом авторів [Пивоваров, 2000, с. 216–221; 2005, с. 135–148; 2006, с. 97–102; 2010, с. 9–13; 2011, с. 392–396; Михайлина, Пивоваров, 2013, с. 206–213].

Під час археологічних робіт 1997 р. було виявлено житла культури Луки-Райковецької, споруди молдавського періоду на території поселення та зафіксовано наявність культурних шарів давньоруського часу на протилежному (лівому) березі Дністра на території с. Городок Заліщицького р-ну Тернопільської обл., в місті впадіння р. Серет в р. Дністер [Пивоваров, 2000, с. 218–221; 2005, с. 135–148]. У результаті цих досліджень вдалося встановити, що у VIII–X ст. на території майбутнього міста вже існувало слов'янське поселення, яке, очевидно, згодом і перетворилося на літописний «град». У давньоруський період Василів розташовувався, ймовірно, на обох берегах Дністра. Це підтверджують як ряд аналогій в топографії міст XII — першої половини XIII ст., так і літописне повідомлення про прихід королевича до Василева й переправу на протилежний берег і його подальший рух до Пруту. У післямонгольський час поселення прийшло в занепад, проте наприкінці XIV — на початку XV ст. воно ще мало сліди міського життя, про що свідчить знахідка житла молдавського періоду з нумізматичним матеріалом.

У наступні роки на території села велися археологічні роботи Чернівецькою філією ДП «НДЦ «Охоронна археологічна служба України» ІА НАН України, які були пов'язані з питаннями приватизації земельних ділянок і забудови периферії сучасного села.

Археологічні дослідження здійснювалися в ур. Мури та Замчище. Так, в ур. Мури (район локалізації решток білокам'яного храму) обстежувалася земельна ділянка, що знаходиться поблизу від фундаментів культової споруди. На незабудованій частині ділянки було закладено два розкопи розмірами 10×2 м та 3×3 м. У першому було знайдено перемішані культурні нашарування (уламки кераміки XII–XVII ст., перепаленого каміння, кістки, дрібні металеві вироби, свинцеві кулі, а також польські, литовські та турецькі монети XVII–XVIII ст.). У другому розкопі, що безпосередньо межував з

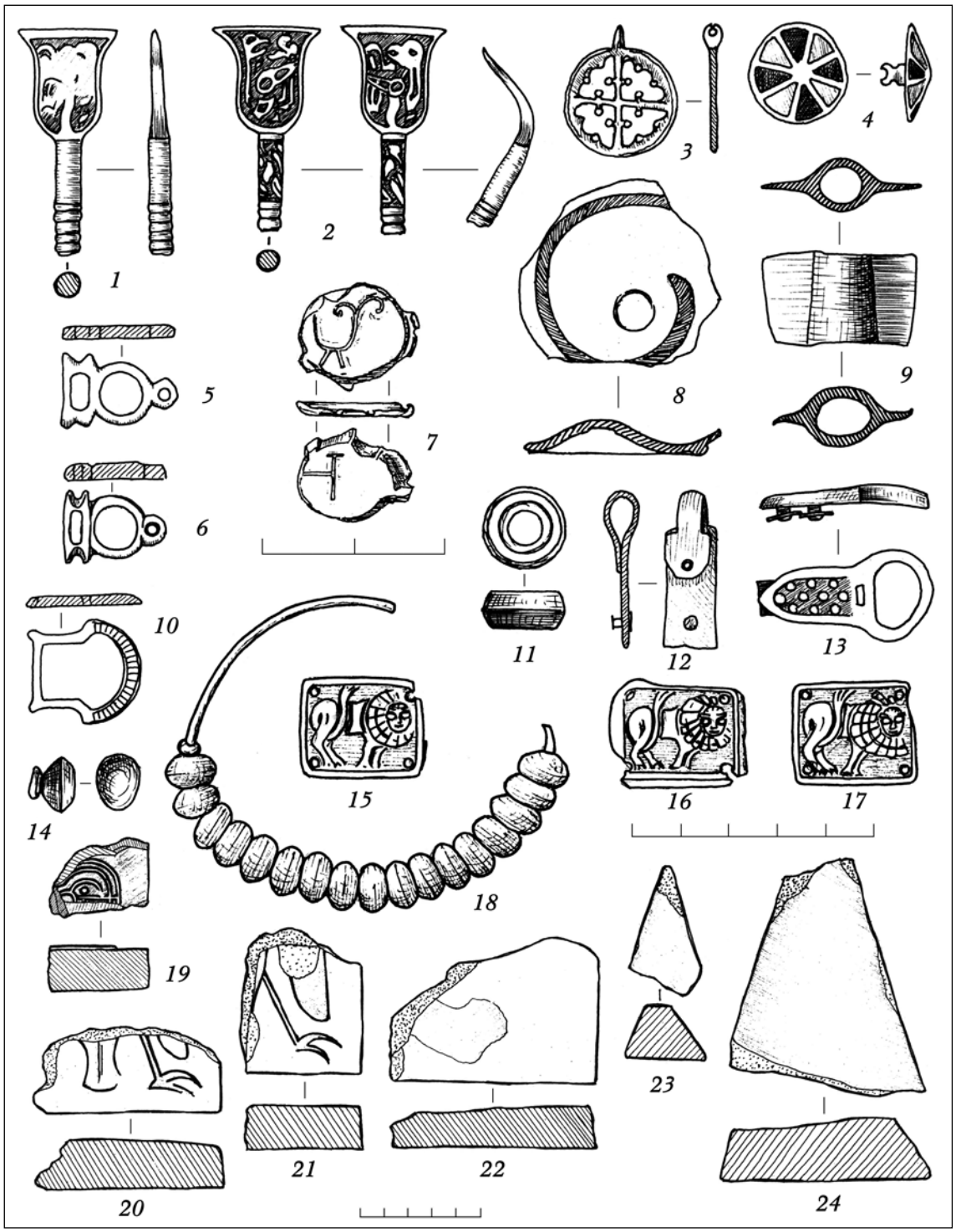


Рис. 3. Індивідуальні знахідки з Василева:
1–3, 5–7, 9–10, 12–14 — бронза; *4* — бронза, емаль; *8* — скло; *11* — пірофіліт;
15–18 — бронза, позолота; *19, 22–24* — кераміка, полива; *20–21* — кераміка

охоронною зоною храму, на глибині 0,15 м в північно-східній та північно-західній частині розкопу було зафіксовано два поховання. Свого часу поховання здійснювалися, очевидно, на більшій глибині, проте через похиле розташування ділянки земля в цій частині зсунулася. Перше з них належало дорослій людині, воно було здійснене в ґрунтовій ямі. Довжина кістяка 1,6 м, голова нахилена праворуч, руки складені на грудях. У зв'язку з тим, що поховання безінвентарне, воно може бути датоване в межах XII–XVII ст. Друге поховання — дитяче, також орієнтоване по лінії схід-захід. Довжина кістяка становить 0,70 м. Поховання безінвентарне, тому датується так, як і попереднє.

Розкопки проводилися також на території ур. Замчище, де планувалося спорудження приватного будинку. Для визначення стану збереженості культурних нашарувань було закладено декілька шурфів. В одному з них біля краю мису зафіксовані давньоруські поховання XII — першої половини XIII ст. Було досліджено 5 поховань.

Поховання № 1 орієнтоване головою на захід. Довжина кістяка — 1,78 м. Глибина поховання — 0,45 м від сучасної поверхні. Покійник лежав на спині у випростаному положенні, обидві руки покладені на грудях. Голова нахилена вліво. Поховання безінвентарне. Поховання № 2 представлене верхньою частиною черепної коробки, що знаходилася на глибині 0,40 м від сучасної поверхні. Очевидно, рештки кістяка були розтягнуті під час проведення оранки. Поховання № 3 знаходилося за 2,5 м від поховання № 1 і було розташоване паралельно до нього. Глибина поховання — 0,45 м від сучасної поверхні. Довжина кістяка — 1,65 м, головою він орієнтований чітко на захід. Руки покійника знаходилися на грудях. Поховання безінвентарне. Аналогічними (безінвентарні, орієнтовані на захід) були також поховання № 4 і № 5. Над деякими похованнями збереглися уламки пласких каменів досить великих розмірів. Очевидно, що окремі поховання були перекриті кам'яними «плитами» і належать до типу так званих підплитових поховань. Спостереження за розташуванням поховань показує, що давньоруський могильник мав 5–6 рядів поховань. У кожному з них відстань між померлими не перевищувала 0,5–1,5 м. На території могильника, безпосередньо над похованням № 3 було знайдено бронзовий медальйон із зображенням святого вершника, який прямує вліво, можливо, св. Федора (рис. 4, *6*) [Пивоваров, 2011, с. 392–396].

На орній поверхні зібрано значну кількість кружальної кераміки XII–XIII ст., серед якої чисельно переважають вінчики «галицького» типу (рис. 1). Тут же виявлено фрагменти гончарних імпортних посудин — амфор (рис. 2). Їх вивчення показало, що вони належали червоноглиняним амфорам із дугоподібними ручками, які мали сфероконічний тулуб, вкритий хвилеподібним рифленням, і амфорам із темно-червоної глини, що мали витягнуті пропорції й прикрашалися по тулубу дрібним рифленням (тип I, вид II та тип II вид 2 за В. Ю. Ковалем) [Коваль, 2003, с. 347–349, 358]. На поверхні урочища було знайдено також уламки полив'яних плиток, вкритих зеленою, жовтою і коричневою поливами, окремі з яких мали деталі зображень орла в геральдичному положенні (рис. 3, *19–24*). Трапилися тут і численні металеві вироби — підвіски із зображенням хреста в колі (рис. 3, *3–4*), уламки бронзових писал із орнаментованими щитками (рис. 3, *1–2*), книжкові застібки (рис. 3, *5–6*), пряжки (рис. 3, *10, 13*) тощо.

На території літописного поселення, яке зараз щільно забудоване, здійснювалися також численні шурфування, обстеження оголень ґрунту, місця земляних робіт. В їх результаті були виявлені цінні знахідки. В першу чергу до них належить свинцева пломба «дрогочинського типу». Вона знайдена під час огляду ями, яка була викопана для господарських потреб на подвір'ї діючої церкви в сучасному центрі села. На обох її сторонах збереглися чіткі зображення (рис. 3, *7*). Так, на одній добре проглядається знак у вигляді двозубця з роздвоєним правим відрогом і подвійною ніжкою. На зворотній стороні пломби зображення збереглося лише частково у вигляді двох з'єднаних під прямим кутом ліній, можливо, літера «Н».

Подібні свинцеві пломби широко відомі на землях Давньої Русі. За місцем найбільшого числа знахідок вони отримали назву пломби «дрогочинського типу». Знак на пломбі з Василева знаходить аналогії серед особистих родових символів князів Рюриковичів.

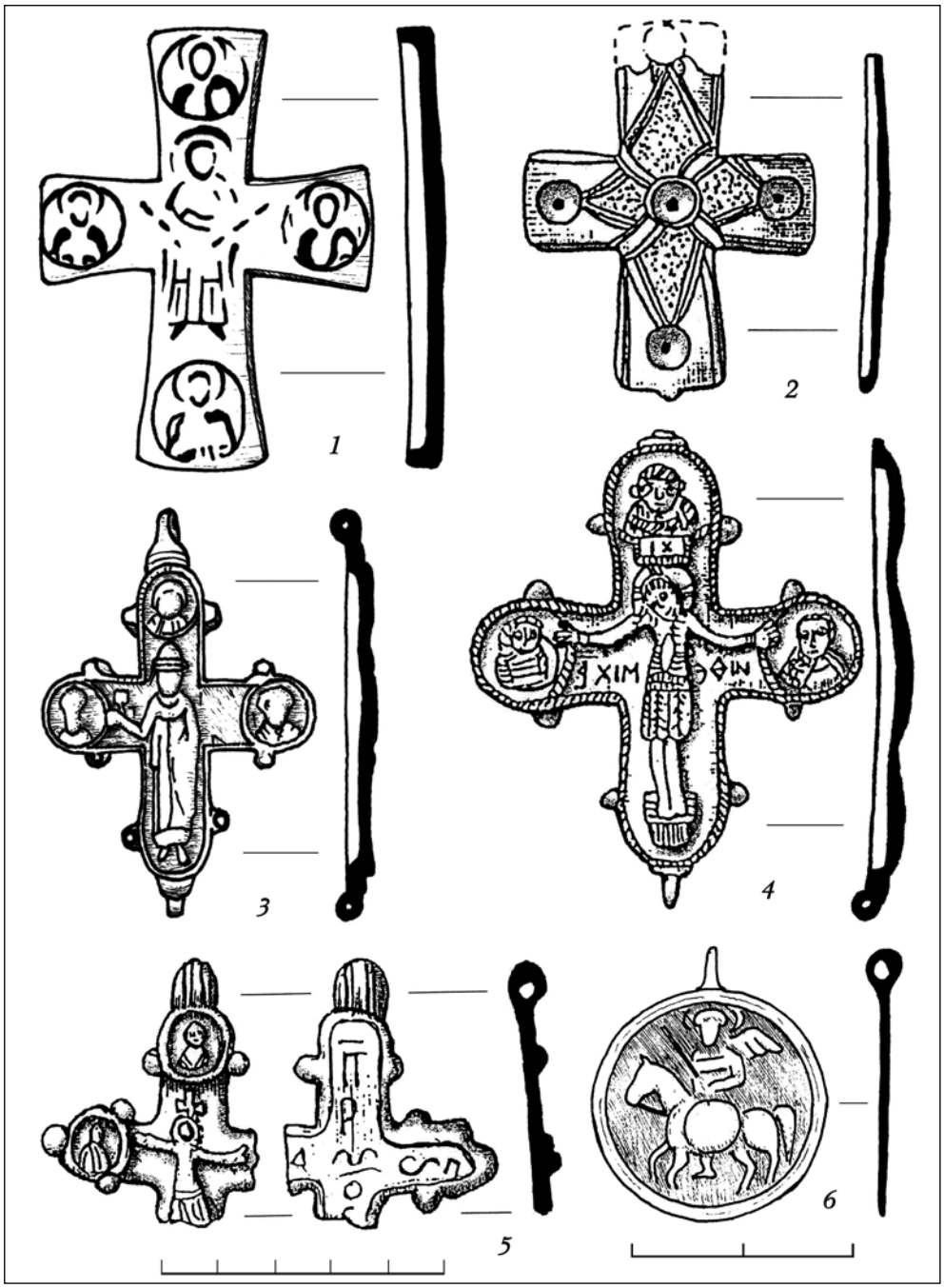


Рис. 4. Християнська металопластика з літописного Василева

Детальний аналіз зображень на свинцевих пломбах «дрогочинського типу», їх величезна як на ті часи кількість та численні повідомлення літописних джерел про використання «шкіряних» грошей привів науковців до думки, що вони використовувалися для опечатування зв'язок шкірок-кун, які виконували функції кредитних грошей у Давній Русі. Причому емітентами таких грошей були не тільки державні, а й приватні установи. Тому можемо висловити припущення, що свинцева пломба з Василева належала місцевому князівському роду, який мав право емісії шкіряних грошей.

Цілий ряд знахідок був виявлений місцевими жителями за випадкових обставин і переданий для вивчення. Так, 2013 р. під час земляних робіт було випадково виявлено поховання дівчини, яке супроводжувалося очіллям із трьох бронзових позолочених пластин із зображеннями лева, а також бронзовим браслетом зі слідами позолоти у ви-

гляді тонкого стержня з нанизаними пустотілими намистинами (рис. 3, *15–18*). Знайдені прикраси, які були передані до місцевого музею, належать до ранньомодерного часу, очевидно, XVI–XVII ст. Знахідки подібних деталей жіночого головного убору найкраще представлені на могильниках Південно-Західного Поділля та Покуття. Так, металеві бляшки з тисненими зооморфними зображеннями походять із поховань літописної Теребовлі та Городниці [Петегирич, 2011, с. 166–167, рис. 5, *8–9*]. На поверхні ріллі зібрані фрагменти кераміки давньоруської культури (XII — перша половина XIII ст.).

З території літописного Василева походять численні знахідки хрестів-реліквраріїв, виготовлених у різних центрах Давньої Русі та Візантії [Пивоваров, 2000, с. 13–15; 2003, с. 171–182; 2012, с. 26–36] (рис. 4, *1–4*). Нещодавно було виявлено ще два екземпляри, що потрапили у приватну колекцію. Перший із них представлений зворотною стулкою із зображенням у центрі Богоматері-Оранти в повний зріст із руками у вигляді однієї дугоподібної стрічки та чотирма святими у медальйонах на кінцях прямих рамен, виконаних погрудно технікою черні (рис. 4, *1*). Аналогічні вироби близькосхідного походження XII ст. із зображенням Розп'яття на лицевій стулці відомі з Канівщини та Лунки (Ботошань, Румунія), що належать до 2 типу IV групи за класифікацією Г. Ф. Корзухіної [Корзухина, 2003, с. 21, 145, табл. 85]. Другий екземпляр, представлений лицевою стулкою із заокругленими кінцями, виконаний у високому рельєфі й містить зображення князя з моделлю храму в правій руці та трьома святими в медальйонах (рис. 4, *3*). На давньоруських землях подібні Борисоглібські енколпіони виявлені у більш ніж 60 пунктах [Пивоваров, 2006, с. 190–191].

Проведеними дослідженнями на території літописного Василева були уточнені межі міста, з'ясовані основні хронологічні періоди його існування, встановлено місцерозташування багатьох давніх об'єктів, зокрема, обриси більшості могильників в ур. Мури та Замчище, а виявлений археологічний матеріал дозволив отримати додаткову інформацію про старожитності давньоруського міста в Середньому Подністров'ї. Разом із тим інтенсивна забудова і приватизація земельних ділянок в сучасному селі призводить до руйнації культурних нашарувань, продовжується знищення решток фундаментів білокам'яного храму, розорюються і розкопуються рештки валів. Все це вимагає проведення комплексних заходів із захисту давньоруських пам'яток Василева і музеєфікації його об'єктів.

Винокур І. Бакота. Столиця давньоруського Пониззя / І. Винокур, П. Горішній. — Кам'янець-Подільський, 1994. — 363 с.

Войнаровський В. Свято літописного Василева / Віктор Войнаровський // Studia archaeologica. — 1993. — № 1. — С. 86.

Галицко-Волынская летопись // Памятники литературы Древней Руси XIII в. — М., 1981. — С. 236–425.

Грушевський М. С. Історія України-Руси / М. С. Грушевський. — К., 1992. — Т. II: (XI–XIII вік). — 640 с.

Квітковський Д. Буковина: її минуле і сучасне / Д. Квітковський, Т. Бринзан, А. Жуковський. — Париж-Філадельфія-Детройт, 1956. — 936 с.

Коваль В. Ю. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) / В. Ю. Коваль // Русь в XIII веке. Древности темного времени. — М., 2003. — С. 347–358.

Корзухина Г. Ф. Древнерусские энколпионы. Кресты-реликварии XI–XIII вв. / Г. Ф. Корзухина, А. А. Пескова. — СПб., 2003. — 432 с.

Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство / І. П. Крип'якевич. — К., 1984. — 176 с.

Куза А. В. Малые города Древней Руси / А. В. Куза. — М., 1989. — 169 с.

Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников / А. В. Куза. — М., 1996. — 256 с.

Логвин Г. Н., Тимощук Б .А. Раскопки древнерусского храма в с. Васильеве / Г. Н. Логвин, Б. А. Тимощук // Строительство и архитектура. — 1960. — № 8. — С. 26–27.

Михайлина Л. П. Літописні міста та поселення давньоруської Буковини / Л. П. Михайлина, С. В. Пивоваров // Слов'яни і Русь: археологія та історія. Збірка праць на пошану дійсного члена НАН України П. П. Толочка з нагоди його 75-річчя. — К., 2013. — С. 206–213.

Петегирич В. Про одне поховання княжої доби з Волині / Володимир Петегирич // МДАПВ. — 2011. — Вип. 15. — С. 162–172.

Пивоваров С. В. Літописний Василів у Середньому Подністров'ї / Сергій Пивоваров // Середньовічна Європа: погляд з кінця XX ст. — Чернівці, 2000. — С. 216–221.

Пивоваров С. Християнські реліквії літописного Василева / Сергій Пивоваров // Буковинський історико-етнографічний вісник. — Чернівці, 2000. — Вип. 2. — С. 13–15.

Пивоваров С. Християнські старожитності в межиріччі Верхнього Пруту та Середнього Дністра / Сергій Пивоваров. — Чернівці, 2001. — 152 с.

Пивоваров С. В. Християнські культові споруди середньовічної Буковини / Сергій Пивоваров // Науковий вісник Чернівецького університету. — Чернівці, 2002. — Вип. 123–124: Історія. Політичні науки. Міжнародні відносини. — С. 104–116.

Пивоваров С. В. Предмети з християнською та язичницькою символікою у давньоруських старожитностях Буковини (нові знахідки) / С. В. Пивоваров // ЗНТШ. — 2002. — Т. CCXLIV. — С. 247–257.

Пивоваров С. В. Середньовічні нумізматичні матеріали в археологічних комплексах Буковини / Сергій Пивоваров // Науковий вісник Чернівецького університету. — Чернівці, 2003. — Вип. 173–174: Історія. Політичні науки. Міжнародні відносини. — С. 171–182.

Пивоваров С. Дослідження питань середньовічної історії Буковини (XI — перша половина XIII ст.) в працях Б. О. Тимощука / Сергій Пивоваров // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. — Чернівці, 2005. — Т. 1 (19). — С. 100–107.

Пивоваров С. В. Нові дослідження літописного Василева / С. В. Пивоваров // Наукові праці Кам'янець-Подільського державного університету: Історичні науки. — Т. 14: На пошану академіка І. С. Винокура. Кам'янець-Подільський, 2005. — С. 135–148.

Пивоваров С. Середньовічне населення межиріччя Верхнього Пруту та Середнього Дністра / Сергій Пивоваров. — Чернівці, 2006. — 300 с.

Пивоваров С. Торгово-економічні зв'язки населення межиріччя Верхнього Пруту та Середнього Дністра в XII — першій половині XIII ст. / Сергій Пивоваров // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. — Чернівці, 2006. — Т. 2 (22). — С. 61–72.

Пивоваров С. Археологічні дослідження на території літописного Василева у 2008–2009 рр. / Сергій Пивоваров // Галич і Галицька земля в доісторії і середньовіччі. Проблеми методології: Матеріали міжнародної наукової конференції. — Галич, 2010. — С. 9–13.

Пивоваров С. Медальйон зі святим вершником з літописного Василева: спроба інтерпретації / Сергій Пивоваров // МДАПВ. — 2011. — Вип. 15. — С. 392–396.

Пивоваров С. Хрести-релікварії з давньоруських пам'яток межиріччя Верхнього Пруту та Середнього Дністра / Сергій Пивоваров // Галичина. Всеукраїнський науковий і культурно-просвітній краєзнавчий часопис. — 2012. — Ч. 20–21. — С. 26–36.

Тимощук Б. О. Археологічні пам'ятки с. Василева Чернівецької області / Б. О. Тимощук // АП УРСР. — 1952. — Т. III. — С. 395–399.

Тимощук Б. А. Древнерусские поселения Северной Буковины / Б. А. Тимощук // КСИИМК. — 1955. — Вып. 57. — С. 109–114.

Тимощук Б. О. Літописні міста Буковини за археологічними даними / Б. О. Тимощук // УІЖ. — 1960. — № 6. — С. 164–166.

Тимощук Б. А. Исчезнувшие города Буковины / Б. А. Тимощук // Вопросы истории. — 1964. — № 5. — С. 213–217.

Тимощук Б. Дорогами предків / Б. Тимощук. — Ужгород, 1968. — 126 с.

Тимощук Б. Північна Буковина — земля слов'янська / Б. Тимощук. — Ужгород, 1969. — 192 с.

Тимощук Б. А. Декоративные плитки XII–XIII вв. из Василева / Б. А. Тимощук // КСИА. — 1969. — Вып. 120. — С. 112–113.

Тимощук Б. О. Археологічні дані про приналежність Північної Буковини до Галицької Русі в XII–XIII ст. / Б. О. Тимощук // Минуле і сучасне Північної Буковини. — К., 1972. — Вип. 1. — С. 7–13.

Тимощук Б. О. Зустріч з легендою / Б. О. Тимощук. — Ужгород, 1974. — 128 с.

Тимощук Б. О. Василів / Б. О. Тимощук // Археологія Української РСР. — К., 1975. — Т. 3. — С. 264–265.

Тимощук Б. О. Давньоруська Буковина / Б. О. Тимощук. — К., 1982. — 206 с.

Тимощук Б. О. Василів — місто Галицької Русі / Б. О. Тимощук. — Чернівці, 1992. — 30 с.

Томенчук Б. П. Исследования летописного Василева / Б. П. Томенчук // АО 1977 г. — М., 1978. — С. 393.

Томенчук Б. П. Охранные раскопки в Прикарпатье / Б. П. Томенчук // АО 1985 г. — М., 1987. — С. 422–423.

Томенчук Б. Археологія городищ Галицької землі. Галицько-Буковинське Прикарпаття. Матеріали археологічних досліджень 1976–2006 рр. / Богдан Томенчук. — Івано-Франківськ, 2008. — 696 с.

Фантух А. Деякі аспекти з історії досліджень та планіграфії давньоруського Василева / Андрій Фантух // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнографії. — Чернівці, 1997. — Вип. 4. — С. 29–31.

Фрунчак С. З археологічної спадщини Р. Ф. Кайндля / Світлана Фрунчак, Андрій Фантух // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. — Чернівці, 1999. — Т. 2. — С. 194–197.

Kaindl R. F. Archeologische Untersuchungen zu Wassilew und Panca in der Bucovina / R. F. Kaindl // Mitteilungen der k.k. Central-Commission fur Erforschung und Unterhaltung der Kunst — und Historischen Denkmale. — Wien, 1901. — Jg. XXVII. — S. 47.

Spinei V. Moldova in secolele XI–XIV / Victor Spinei. — Chisinau, 1994. — 384 p.

Л. П. Михайлина, С. В. Пивоваров, Н. В. Илькив

Древнерусский Василев (итоги и перспективы исследований)

Важным экономическим и культурным центром древнерусского Поднестровья выступал город Василев. Населенный пункт упоминается на страницах летописи под 1229 (1230) г. в контексте военного конфликта Даниила Галицкого и венгерского королевича Белы. Локализация летописного города была окончательно определена уже в конце XIX в. и тесно связана с научной деятельностью Р. Ф. Кайндля. В результате исследований Б. А. Тимощука в послевоенное время была выяснена планировочная структура древнерусского города и исследован белокаменный храм. В ходе новых археологических исследованиях зафиксированы древности райковецкой культуры, молдавского периода, а также выявлен многочисленный материал XII–XIII вв.

L. P. Myhailyna, S. V. Pyvovarov, M. V. Il'kiv

Ancient Russ Vasyliv (summary and future research)

Vasyliv is an important economic and cultural center of Ancient Russ Dniester region. Settlement is mentioned in the pages of the Chronicle at 1229 (1230) in the context of armed conflict Danylo Galychskij and Hungarian Prince Bela. Location of the city was finally cleared up by the end of the XIXth century and closely related to the research activities of R. F. Kayndl. The B. A. Tymoshchuk's studies in the postwar period was found the ancient city planning structure and investigated white-stone church. When new archaeological research recorded, antiquities of Raikovetska culture, Moldovan period and numerous material XIIth–XIIIth centuries founded.

І. П. Возний

Сільська округа — складова частина давньоруських міст Північної Буковини у XII–XIV ст.

У статті розглядаються важливі проблеми урбаністичних процесів на теренах між Верхнім Сіретом та Середнім Дністром протягом X–XIV ст. На прикладі аналізу писемних та археологічних джерел розглядається одна з важливих частин давньоруських міст — сільська округа. Простежується її значення в структурі міста.

Ключові слова: місто, округа, феодально-адміністративний центр, фінансовий центр, поселення-супутники, церква, сільськогосподарські угіддя.

Давньоруські міста були центрами ремесла й торгівлі — це, безсумнівно, підтверджується археологічними розкопками, які виявили чіткі сліди ремісничої і торгової діяльності міщан. Але це не означає, що лише зазначені галузі економіки визначали господарський розвиток міст. Ремесло й торгівля в X — першій половині XIII ст. перебували ще на початковій стадії відокремлення від сільського господарства і не могли створювати необхідний додатковий продукт для успішного розвитку міських форм життя. Такий додатковий продукт, безсумнівно, створювався у сфері сільськогосподарського виробництва [Толочко, 1989, с. 78–79].

Тому важливим завданням, що стоїть перед сучасними науковцями, є поглиблений аналіз проблеми «місто й округа». Від його вирішення значною мірою залежить подальша розробка і самої моделі давньоруського феодалізму [Моця, 1993, с. 24–29]. Адже на сучасному рівні знань досить складно реконструювати сам економічний механізм взаємодії міста й села, реальні розміри території, що безпосередньо і постійно «працює» на конкретний міський центр.

Останнім часом науковці розглядають місто не з точки зору його відмінностей від села, а в поєднанні з ним. Багато в чому, особливо на ранніх етапах розвитку феодальної системи, місто в економічному плані було своєрідним продовженням села. Із сільською округою його пов'язувало багато спільного. Для неї воно було господарським, адміністративно-політичним і культурним центром [Куза, 1983, с. 11–14; Толочко, 1980, с. 39–46]. На думку С. В. Юшкова, міста не могли існувати без сільської округи, оскільки вони були феодально-адміністративними, фінансовими центрами сільської волості, що їх оточувала. Міста давньої Русі, на відміну від західноєвропейських, не були бюргерськими. В них, в основному, мешкали не торгово-промислові верстви, а, в першу чергу, феодали, власники сільських помість [Юшков, 1939, с. 131–138]. Це сприяло постійному притоку додаткового продукту, що вироблявся у сфері сільського господарства, в міста. Це, по суті, і було основою їхнього бурхливого зростання й розвитку. Тому міста з їхньою сільською округою не можуть бути зрозумілими повною мірою без знання її господарської структури, економічного й демографічного потенціалу, характеру її взаємодії з містом [Толочко, 1984, с. 126–141; 1988, с. 182].

Як зазначалося, складовою частиною давньоруських міст були також поселення, які складали сільську округу. Так, навколо ранньослов'янського міста в Ревному

розташовувалися чотири сільських поселення в урочищах Гевда, Підгороддя, Ліщик та Микулинка. А літописний Василів розташовувався на обох берегах Дністра і мав досить складну структуру, оскільки прикривав гавань не тільки на правому березі ріки, а й вхід у гирло р. Серету, по якому можна було дістатися до Теребовля — столиці князівства. Відомо, що на території сіл Городок та Виноградне на лівому березі Дністра, навпроти літописного Василева, раніше було досліджено давньоруські підплитові поховання [Малєєв, 1972, с. 386–387; Ратич, 1957, с. 62]. Це підтверджено матеріалами розвідок, проведених у 1997 р. С. В. Пивоваровим, який поблизу вищеназваних сіл на берегових терасах виявив рештки культурного шару з матеріалами XII — першої половини XIII ст. [Пивоваров, 2000, с. 219].

Соціальний зміст Ленківецького городища чіткіше виступає на фоні його поселень-супутників, які виявлено в чотирьох пунктах. Поселення в урочищі Селище видовжене на 800 м. Селище згадується 23 лютого 1488 р. як «Ленцовичово село» [Documentele, 1932, с. 305], тобто село Ленци. Родина Ленци згадується в документах XVI ст. Аналіз писемних документів показує, що село походить від багатої родини Ленців [Карпенко, 1965, с. 39–40]. Очевидно, родина була власником села й у XII — першій половині XIII ст. Тут виявлено сліди наземних жител з глинобитними печами. У північній частині селища розміщувалося кладовище XII–XIII ст., на якому розкопано 16 поховань [Тимощук, 1982, с. 80].

Інше селище-супутник знаходилося за 1 км від городища на правому березі Потока, в урочищі Совиця. На його території знайдено уламки кераміки XII — першої половини XIII ст., але розкопки на ньому не проводилися [Тимощук, 1982, с. 80]. Ще два поселення зафіксовано в урочищах Старі Ленківці та Багна. Аналогічні поселення виявлено і в Перебиківцях. Так, на території селища XII — першої половини XIII ст., розташованого на першій надлуговій терасі Дністра в урочищі Обіч, розкопано давньоруське поховання. Кістяк, орієнтований головою на захід, лежав у ямі глибиною 0,8 м у дерев'яній домовині [Тимощук, 1982, с. 182]. Поховання в межах селища свідчить про існування тут кладовища, біля якого могла стояти церква. Сільські поселення досліджено поблизу більшості давньоруських міст [Мовчан, 1993, с. 3–163; Петегирич, 1985, с. 140–142; Толочко, 1970, с. 147].

Аналіз писемних і археологічних джерел показує, що безпосередній зв'язок із сільськогосподарським виробництвом характеризував економічне життя практично всіх давньоруських міст, незалежно від їхніх рангів, хоча рівень цих зв'язків був різним [Толочко, 1989, с. 81]. Дослідження палеогеографів протягом останніх років показали, що міста розташовувалися, в основному, в центрі найбільш родючих земель, а отже, в густонаселених землеробських районах, звідки вони отримували додатковий продукт [Канівець, 1985, с. 92–94]. На тісний зв'язок міста із селом вказують також писемні джерела. Наприклад, у 1152 р. Святослав Ольгович дорікав Юрію Довгорукому за недотримання союзницьких обов'язків: «Сяко еси волость мою погубилъ, а жита если около города потравилъ» [Полное собрание, 1962, стб. 458]. Городи міщан могли знаходитися неподалік від міських укріплень: «Мстиславъ же съ братею ста передъ Золотыми вороты въ огородъхъ» [Полное собрание, стб. 375]. Свої городи в Києві мав і Печерський монастир. Патерик відзначає, що частина ченців займалася рукоділлям, а «другоици въ оградъ копаху зелейного ради растения» [Патерик, 1911, с. 27]. Звідси випливає, що городи могли знаходитися не тільки в межах монастирських садиб, а й міських, а також на вільних від забудови площах.

Господарське життя давньоруського міста неможливо зрозуміти без урахування ролі в ньому церкви. Статутом Володимира Святославовича церкві віддавалася десята частина прибутків. «И по том же лътом многымъ минувшемъ създахъ церковь святыя Богородица Десятинную и дахъ си десятину по всей землъ рустъи, исъ княжения въ съборную церковь от всякого княжя суда десятую въкшу, а отъ торгу десятую неделю, а из домовъ на всякое лъто десятое от всякого стада и от всякого жита чюдному Спасу чюдьнъи его матери» [Древнерусские, 1976, с. 240].

Достатню уяву про структуру господарства Печерського монастиря, який був великим землевласником, подають літописні повідомлення. Так, незадовго до смерті ігумен Феодосій закликав до себе ченців, серед яких мали бути й ті, «еже и в селах или на иную кую потребу отошли» [Патерик, 1911, с. 45]. Цей рік був надзвичайно врожайним для монастиря: «В лъто же то молитвами блаженного отца нашого Феодосія умножились всъхъ благах въ монастыръ томъ, еще же и в области тъхъ гобино бысть, и в животных приплод» [Патерик, 1911, с. 52]. Розвивався також монастир і з пожалувань від бояр рухомого майна «от имънии своихъ на утешение братии и устроение монастирю» і нерухомого — «друзии же села вдаю ще монастыреви и братии» [Патерик, 1911, с. 31]. Аналогічним було становище і в інших монастирях Київської Русі, які, за словами літописця, «от царь, и бояр, и от богатства поставлены» [Полное собрание, 1962, стб. 148].

Можливо, такі сільськогосподарські угіддя були розташовані на міжвальному просторі Галицького монастиря в Середньому Подністров'ї. Ще у XIX ст. Д. Щеглов згадував, що скит Галиця «мав свій маєток, але наприкінці XVIII ст. був спустошений турками, і з цього часу обезлюднів» [Щеглов, 1898, с. 509–510].

Відомо, що церква була великим землевласником, а в XII — першій половині XIII ст. тривав процес формування церковного землеволодіння. У джерелах нерідко згадуються «нивы церковные», що належали київським монастирям, а також факти пожалування їм земельних ділянок.

Городи міщан могли знаходитися в незаселеній частині посаду літописних Кучелмина та Василева, оскільки культурний шар тут присутній не всюди. На жаль, у містах Сірето-Дністровського межиріччя не виявлені знаряддя рільництва, які б свідчили про зв'язок міщан із сільськогосподарським виробництвом. Але це не означає якоїсь винятковості чи локальних особливостей зазначеного регіону. Це, очевидно, пов'язано з незначною дослідженою площею на посадах давньоруських міст Сірето-Дністровського межиріччя. Можливо, при подальших розкопках широкими площами вдасться виявити такі матеріали. Адже землеробські знаряддя відомі з розкопок найбільших міст Русі — Галича, Чернігова, Києва, Новгорода та ін. [Археология, 1990, с. 97–102; Боровський, 1976, с. 85–107; Колчин, Янин, 1982, с. 74].

Городні ділянки засвідчені не тільки в малих містах, а й у великих центрах давньоруської держави, наприклад, у Новгороді, Києві та ін. [Кирьянов, 1959, с. 321; Рычка, 1984, с. 109; Толочко, 1989, с. 84]. Однак слід обумовити, що поняття «город» у давньоруських літописах має ширше значення і включає в себе також термін «сад» [Срезневский, 1902, с. 606]. Аналогічні городні ділянки та поля простежені в монастирі в Йосиповичах [Берест, 2000, с. 256].

Важливе місце в господарстві міщан посідало тваринництво, про що свідчать знахідки кісток свійських тварин. На досліджуваній території вони відомі в Ревному, Ленківцях, літописному Василеві, Хмелеві [Возний, 2000, с. 112–122; Михайлина, 1999, с. 133–139; Тимощук, 1982, с. 175–176]. Споруди для утримання худоби в Сірет-Дністровському межиріччі відомі поки що лише на поселенні-супутнику князівської фортеці в Ревному. Тут розкопана садиба X ст. розмірами 40×20 м, до складу якої входили два напівземлянкових житла та дві господарські споруди. Одна з них зі стінами у вигляді плоту, обмащеного глиною, призначалася для утримання худоби [Тимощук, 1995, с. 85]. На посадах інших міст поки що не виявлені садиби й господарські споруди, але, безперечно, в ході археологічних розкопок вони будуть досліджені. Тим більше, що на садибах великих міських центрів давньоруської держави чітко простежені сліди споруд типу хлівів, конюшень тощо. Про розвиток вівчарства в Ленківцях опосередковано можуть свідчити пружинні ножиці, знайдені на дитинці міста [Тимощук, 1982, рис. 16, 18].

Такі аграрно-феодальні міста існували в усіх давньоруських землях. Але найбільше їх розташовувалося в лісостеповій зоні, оскільки тут були поширені найродючіші земельні угіддя, а щільність населення була відносно високою.

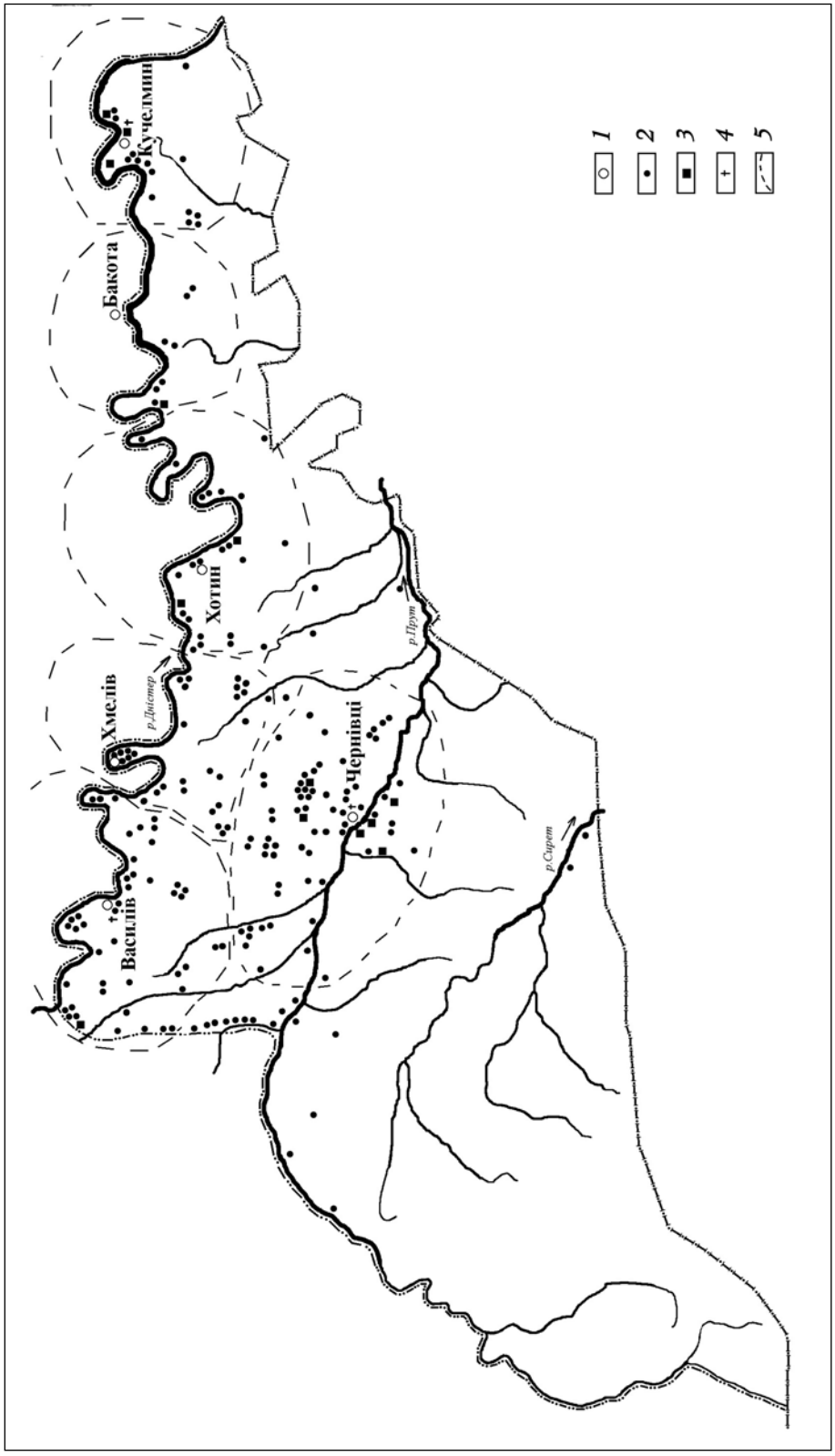


Рис. 1. Міста XII — першої половини XIII ст. з їхньою сільською округою

Існування аграрних міст характерне і для середньовічної Європи та Візантії. Наявність дрібних містечок дослідники відзначають у середньовічних країнах Центральної та Західної Європи, зокрема, в Угорщині, Англії [Бачкай, 1973, с. 114–125; Левицкий, 1960, с. 167]. Наявність орної землі, випасів для худоби у XIII–XIV ст. відзначалася в таких великих центрах, як Прага, Любек, Магдебург, Нюрнберг та ін. [Ермолаев, 1968, с. 62]. У Візантії в XI–XIII ст. багато міст імперії являли собою центри сільської округи, а їхнє населення займалося виноградарством, рільництвом, скотарством на прилеглих до міста полях і луках [История Византии, 1967, с. 249].

У дослідженні економіки міста важливо визначити розміри землеробської округи, що тяжіла до міста. На сьогоднішній день, на превеликий жаль, при сучасному стані теоретичної розробки даної проблеми зробити це неможливо. Розміри міських волостей залежали від багатьох факторів, перш за все, від щільності заселення і кількості землеробських угідь. Ряд науковців вважають, що сільськогосподарська округа навколо невеликих містечок могла становити приблизно 15–20 км в радіусі, або 800–1200 км^2 [Давня історія, 2000, с. 389; Панишко, 1993, с. 62–63; Толочко, 1989, с. 99]. Це та мінімальна округа, функціонування якої визначалося наявністю в ній міського осередку. Саме тут селяни могли реалізовувати надлишки своєї продукції, отримуючи за неї товари, що не вироблялися в селі (рис. 1).

Як видно з карти, сільська округа міст Сірето-Дністровського межиріччя охоплювала практично всі сільські поселення, відомі на досліджуваній території. Найкраще це ілюструється матеріалами стародавніх Чернівців. До їхньої округи входило більш ніж 50 відомих на сьогоднішній день сільських поселень. Що стосується округи міст Подністров'я, то їхня зона впливу могла простягатися і на лівий берег річки, оскільки всі вони розташовувалися біля переправ і легко могли бути пов'язані з лівобережжям. Відстань між містами, як і на теренах давньоруської держави, становила до 20–30 км, що дорівнювало денному переходу торгових валок.

Отже, місто не можна розглядати як відособлену від землеробства поселенську структуру.

Соціально-топографічна структура міст не обмежувалася укріпленими поселеннями — дитинцем і торгово-ремісничим посадом. Їхні кордони були значно ширшими, але визначити їх досить важко. Достовірні дані про них у писемних джерелах відсутні, і в багатьох випадках вони не визначаються за археологічними ознаками. Так, у літописі йдеться про будівництво м. Холма: «…бе жизнь, и наполниша дворы окрест города, поля, села» [Полное собрание, 1962, стб. 843]. З цього повідомлення видно, що складовою частиною міст були феодальні замки, сторожові фортеці, монастирі тощо. Це було характерною особливістю соціально-топографічної структури давньоруських міст, оточених цілою системою заміських феодальних садиб. У господарському житті міст важливу роль відігравали двори воєвод, бояр, представників адміністрації. Річ у тім, що концентрація великих вотчинників у містах була досить значною, і вони не могли всі поміститися в межах порівняно невеликих дитинців. Тому їхні садиби часто знаходилися у приміській зоні [Толочко, 1989, с. 158].

Так, у Василеві третьою складовою частиною літописного міста є пригороди: городище-феодальний замок в ур. Хом, монастир в ур. Монастир, селища в ур. Жигулівка та ін.

Городище-феодальний замок XII — першої половини XIII ст. розміщується на високому мисі правого берега Дністра, в ур. Хом, біля підніжжя якого починається міський посад. Його майданчик діаметром 80 м був укріплений оборонною стіною складної конструкції, до якої входили тристінні зруби, а четверту, зовнішню, складав частокіл. У клітях-зрубах мешкали воїни, на що вказують залишки глинобитних печей та предметів озброєння [Тимощук, 1995, с. 120]. На укріпленому майдані феодальної садиби простежено сліди наземних жител, залишки дерев'яної церкви-усипальниці феодальної родини та кладовища, розташованого неподалік. Поруч із городищем Хом, на високому мисі існувало синхронне йому поселення.

Городище-сторожову фортецю досліджено також у Кучелмині. На південь від ур. Галиця, на відстані 1,5 км в ур. Щовб, на високому мисі розташоване давньоруське городище. Його майданчик розмірами 65×50 м з напільного боку відгороджений дугоподібним ровом і валом. Експедицією Чернівецького краєзнавчого музею в насипу валу було виявлено залишки житлово-господарських зрубів шириною 3 м, що прилягали до головної оборонної лінії [Томенчук, 1979, с. 413]. В одному з них знайдено розвал глинобитної печі, металевий пластинчастий браслет, уламок глиняного тигелька із залишками металу. За характером знахідок і типом оборонних конструкцій це городище можна віднести до залишків сторожової фортеці [Тимощук, 1982, с. 84–85].

Споруджувати замки-садиби на землях, що належали місту, могли тільки великі землевласники, які прагнули таким чином брати активну участь у політичному житті міста. Тільки вони мали можливість придбати землі в передмістях, збудувати укріплену садибу. Споруджувати свої замки у передмістях давньоруських міст земельна аристократія могла почати тоді, коли посилилася її роль в економічному і політичному житті країни, тобто не раніше другої половини XI ст. [Тимощук, 1995, с. 120].

Хто ж жив на території феодальних садиб? Як правило, на відміну від феодалів Північної Європи, руські бояри не залишили міст, тобто центрів державно-політичного життя, навідуючись до своїх сільських помість лише мірою необхідності [Толочко, 1988, с. 182; Янин, 1981, с. 296]. Могутніші феодали могли мати свої володіння не тільки поблизу самого міста, а й на далекій периферії. Про високу концентрацію землевласницької знаті в давньоруських містах свідчить літопис, згідно з яким у 1208 р. князі Ігоревичі вбили в Галичі великих бояр «числом 500 а инши разбегошася» [Полное собрание, 1962, стб. 724]. Йшлося не лише про галицьких, а й перемишльських, звенигородських, теребовльських та ін. Утримуючи в своїх руках фактично всю землю, галицьке боярство було однією з головних політичних сил князівства: «Бояре же Галичские Данила княземь себе называху, а саме всю землю держаху» [Полное собрание, 1962, стб. 789]. У цьому відношенні давньоруські міста нагадували міські центри Італії, Південної Франції, Іспанії, де навіть в часи занепаду їх не залишала феодальна знать. Петро Кресценцій, італійський автор XIII–XIV ст., говорячи про власників феодальних маєтків, зазначав, що коли знатність і могутність феодала не дозволяли йому жити в одній садибі разом із своїми колонами, то він тримав там тільки управителя, а сам жив в іншому місці [Хоментовская, 1936, с. 300].

Крім Галицької землі, багаті садиби згадуються і на приміській території Києва. Так, у 1169 р. половці вдерлися на територію Подолу і «зажегоша двор Лихачевъ поповъ и Радьславль» [Полное собрание, 1962, стб. 515].

Роль феодальних замків у системі міської округи остаточно поки що не з'ясована. Але, зважаючи на їх розміщення на підступах до основної території міста, можна вважати, що вони не лише захищали майно й особу феодала, а й відігравали важливу роль в обороні міста як його складова частина. Як правило, час функціонування сторожових фортець і феодальних замків співпадає з часом існування міста.

Так, Ленківецька фортеця, враховуючи ландшафтні дані (розташування на рівнині, оточеній горами), могла виконувати роль важливого прикордонного пункту лише за умов наявності на підступах до неї сторожових постів, які б сповіщали про наближення караванів або ворожу небезпеку.

Залишками сторожових фортець на підступах до Ленківецької є невеликі городища XII — першої половини XIII ст., розташовані на ділянці 25 км на найвищих у даному районі пунктах. Це замки Спаська, Гореча, Остриця і Молодія [Тимощук, 1978, с. 13–18]. Вони прикривали Ленківецьку фортецю з півдня.

З найважливішого стратегічного напрямку — південного заходу підступи до міста прикривав Цецинський замок. Саме звідти могли надійти найзапекліші вороги Галицько-Волинського князівства — войовничі угри.

Із західної сторони, на відстані 4,5 км від Ленківецького дитинця, на найвищій точці місцевості як сигнальний пункт виступав курган висотою 1,5 м, діаметром 30 м. Під час його дослідження виявили залишки дерев'яної вежі [Тимощук, 1955, с. 113]. Такі кургани, як правило, розташовувалися поруч із сухопутними торговими шляхами. Вони були своєрідними орієнтирами-дороговказами, зручними спостережними та оборонними пунктами. Цей курган був споруджений біля Берладського шляху, що прямував з Галича через Чернівці на південь. Сторожові пункти у вигляді курганів відомі й на інших давньоруських теренах, наприклад, у районі Теребовля [Могитич, 2000, с. 132–141].

З північної сторони Ленківці могла прикривати феодальна укріплена садиба в с. Васловівці, що знаходилася на шляху до літописного Василева.

Прикладом архітектурно-планувального вирішення, що враховувало ландшафтні дані, може бути Галич. Основне ядро міста на Крилоській горі оточували розміщені на підвищеннях в радіусі 7–10 км укріплені поселення й монастирі [Черноус, 1984, с. 144].

Таким чином, видно, що сільська округа відігравала важливу роль у житті міст і була їхньою важливою складовою частиною.

Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (раннеславянский и древнерусский периоды) / В. В. Аулих и др. — К., 1990. — 192 с.

Аулих В. В. Историческая топография древнего Галича / В. В. Аулих // Славянские древности. — К., 1980. — С. 133–150.

Бачкай О. О. характере и роли аграрных городов в Венгерском государстве XV века / О. О. Бачкай // Средние века. — 1973. — Вып. 36. — С. 114–125.

Берест Р. До питання про місце чорного духовенства у суспільному житті давньоукраїнської держави / Р. Берест // Середньовічна Європа: погляд з кінця XX ст. Матеріали Міжнародної наукової конференції. — Чернівці, 2000. — С. 255–257.

Боровський Я. Є. Археологічні дослідження в «городі» Ярослава / Я. Є. Боровський // Археологічні дослідження стародавнього Києва. — К., 1976. — С. 85–107.

Возний І. П. Скотарство та полювання населення Північної Буковини XII–XIII ст. / І. П. Возний // Науковий вісник Чернівецького університету. Серія «історія». — Чернівці, 2000. — Вип. 96–97. — С. 112–122.

Давня історія України: В 3-х т. / [під ред. П. П. Толочко]. — К., 2000. — Т. 3. — 696 с.

Древнерусские княжеские уставы XI–XIII вв. / [подгот. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин]. — М., 1976. — 240 с.

Ермолаев В. А. Городское землевладение на территории Нюрнбергского бургграфства / В. А. Ермолаев // Средневековый город. — Саратов, 1968. — С. 77–93.

История Византии: В 3-х т. Т. 2: Экономическое развитие империи в IX–XII вв. — М., 1967. — 472 с.

Канівець В. І. Роль природних умов у формуванні території Чернігово-Сіверської землі (до постановки питання) / В. І. Канівець // Перша Чернігівська обласна наукова конференція з історичного краєзнавства: Тези доповідей. — Чернігів, 1985. — С. 92–94.

Карпенко Ю. Топонімія центральних районів Чернівецької області. (Конспект лекцій) / Ю. Карпенко. — Чернівці, 1965. — 76 с.

Кирьянов А. В. История земледелия в Новгородской земле X–XV вв. / А. В. Кирьянов // МИА. — 1959. — № 65. — С. 306–362.

Колчин Б. А. Хронология Новгородских древностей / Б. А. Колчин // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. — М., 1982. — С. 156–177.

Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XII вв. / А. В. Куза // Русский город. Исследования и материалы. — Вып. 6. — М., 1983. — С. 4–36.

Левицкий Я. А. Города и городское ремесло в Англии в X–XII вв. / Я. А. Левицкий. — М.-Л., 1960. — 299 с.

Малєєв Ю. М. Розвідки на півдні Тернопільщини / Ю. М. Малєєв // АДУ 1969 р. — К., 1972. — Вип. IV. — С. 386–387.

Михайлина Л. П. Скотарство у господарській діяльності східних слов'ян між Дніпром і Карпатами / Л. П. Михайлина // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. — 1999. — Т. 3. — С. 133–139.

Мовчан І. І. Давньокиївська околиця / І. І. Мовчан. — К., 1993. — 174 с.

Могитич Р. І. Теребовля (штрихи історичної топографії) / Р. І. Могитич // Археологічні студії. — К.-Чернівці, 2000. — Вип. 1. — С. 132–141.

Моця О. П. «Місто і округа» в контексті вивчення Чернігівського регіону / О. П. Моця // Старожитності Південної Русі: Матеріали III історико-археологічного семінару «Чернігів і його округа в IX–XIII ст.», Чернігів, 15–18 травня 1990 р. — Чернігів, 1993. — С. 24–29.

Патерик Киево-Печерского монастыря. — СПб., 1911. — 234 с.

Петегирич В. И. Древнерусский город Белз / В. И. Петегирич // Тез. докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии. — М., 1985. — С. 140–142.

Пивоваров С. Літописний Василів у Середньому Подністров'ї / Сергій Пивоваров // Середньовічна Європа: погляд з кінця XX ст. — Чернівці, 2000. — С. 216–221.

Панишко С. До питання про розміри і структуру сільськогосподарської округи давньоруських міст Волині в Поліській зоні / С. Панишко // Міжнародна наукова конференція «Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції»: Тези доповідей та повідомлень, Галич, 19–21 серпня 1993 р. — Львів, 1993. — С. 62–63.

Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. — М., 1962. — 938 с.

Ратич О. Древньоруські археологічні пам'ятки на території Західних областей УРСР / О. Ратич. — К., 1957. — 96 с.

Рычка В. М. О земледелии и землевладении в Киеве XI — первой половины XVI вв. / В. М. Ричка // Древнерусский город: материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева. — К., 1984. — С. 108–109.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. — Т. 2. — СПб., 1902. — 919 с.

Тимощук Б. А. Древнерусские поселения Северной Буковины / Б. А. Тимощук // КСИИМК. — 1955. — Вып. 57. — С. 109–114.

Тимощук Б. О. Твердиня на Пруті. З історії виникнення Чернівців / Б. О. Тимощук. — Ужгород, 1978. — 88 с.

Тимощук Б. О. Давньоруська Буковина (X — перша половина XIV ст.) / Б. О. Тимощук. — К., 1982. — 206 с.

Тимощук Б. А. Восточные славяне: От общины к городам / Б. А. Тимощук. — М., 1995. — 261 с.

Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Києва / П. П. Толочко. — К., 1970. — 220 с.

Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков / П. П. Толочко. — К., 1980. — 223 с.

Толочко П. П. Новые археологические открытия в Киеве / П. П. Толочко // Древнерусский город: материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева. — К., 1984. — С. 126–141.

Толочко П. П. Южная Русь: Некоторые проблемы и перспективы историко-археологического изучения / П. П. Толочко // Историко-археологическое изучение древней Руси. — Л., 1988. — С. 179–194.

Толочко П. П. Древнерусский феодальный город / П. П. Толочко. — К., 1989. — 254 с.

Томенчук Б. П. Исследование летописного Василева / Б. П. Томенчук // АО 1978 г. — М., 1979. — С. 413.

Хоментовская А. И. О выгодах сельского хозяйства Петра Кресценция / А. И. Хоментовская // Агрикультура в памятниках западного средневековья. Переводы и комментарии. — М.-Л., 1936. — С. 300.

Черноус В. Е. К вопросу о роли ландшафтного фактора в формировании архитектурно-планировочной структуры древнерусских городов Галицкой земли (X–XIII вв.) / В. Е. Черноус // Древнерусский город: материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева. — К., 1984. — С. 146–147.

Щеглов Д. Об упраздненных монастырях Бессарабии / Д. Щеглов // Кишиневские Епархиальные ведомости. — 1898. — № 6. — С. 509–510.

Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси / С. В. Юшков. — М., 1939. — 210 с.

Янин Н. Н. Новгородская феодальная вотчина / Н. Н. Янин. — М., 1981. — 296 с.

Documentele moldoveneşti înainte de Ştefan cel Mare / [ed. De M. Costăchescu]. — Jaşi, 1932. — Vol. 2. — 956 p.

І. П. Возний

Сільська округа — складова частина давньоруських міст Північної Буковини у XII–XIV ст.

Протягом X–XIV ст. на теренах між Верхнім Сіретом та Середнім Дністром активно проходили урбаністичні процеси. Тут розвивалися давньоруські міста, важливою складовою частиною у структурі яких була сільська округа. Вона забезпечувала міщан необхідними продуктами харчування. У приміській зоні розташовувалися городи, пасовиська міщан та сільськогосподарські угіддя монастирів. Немаловажне значення мали садиби феодалів, що не тільки утримували в місті своїх власників, а й відігравали важливу роль сторожових форпостів на підступах до урбаністичного центру. Розміри сільськогосподарської округи навколо невеликих містечок становили близько 15–20 км у радіусі, або 800–1200 км^2. Це та мінімальна округа, де селяни могли реалізовувати надлишки своєї продукції в міському осередку й отримати за неї товари, що не вироблялися в селі.

I. P. Vozny

Rural Districts as an part of ancient rus' cities of Northern Bukovyna in XIIth–XIVth centuries

During the Xth–XIVth centuries on the territory between the rivers of Upper Siret and Middle Dniester urban processes were active. Ancient cities evolved, with rural county as an important part in its structure. It provided townspeople with the necessary food. Orchards, pastures and farmland townspeople monasteries were located in the suburban area. The manor lords, who not only kept their owners, but also played an important role patrolling the outposts on the outskirts of the urban centers. Sizes of agricultural region were around small towns about 15–20 km in radius, or 800–1200 km^2. This was the minimum county, where farmers could sell their surplus production in the city and get a cell for those products that were not produced in the country.

В. В. Енуков, О. Н. Енукова

Исследования Горнальского археологического комплекса в 2012–2013 гг.

В 2012–2013 гг. были продолжены раскопки Большого Горнальского городища и примыкающего селища, начало которым было положено 40 лет назад масштабными исследованиями под руководством А. В. Кузы. В ходе работ были изучены сооружения разных эпох, среди которых ведущее место занимают роменские древности. В работе представлены предварительные итоги изысканий.

Ключевые слова: роменская культура, древнерусская культура, Северская земля, племенной центр, дружина, домостроительство.

Горнальский археологический комплекс получил известность еще в XIX в. благодаря исследованиям многочисленных курганов, которые образовывали три кладбища, вошедшие в историографию под названиями Белгородка-Николаевка, Рождественское и Мирополье. А. И. Дмитрюковым и Д. Я. Самоквасовым было изучено около 150 курганов, однако часть материалов имеет суммарную характеристику. Тем не менее, было установлено, что при редких кремациях подавляющее большинство курганов содержали ингумации. Трупоположения были открыты и при исследованиях Белгородки-Николаевки С. С. Ширинским и Г. Ф. Соловьевой в конце 1960-х — начале 1970-х гг. [Ширинский, 1968, л. 2–3; Соловьева, 1971, л. 1–2].

Однако особую значимость комплекс приобрел после масштабных работ в 1971–1973 гг. на Большом Горнальском городище, неразрывно связанных с именем А. В. Кузы. До настоящего времени этот памятник является фактически единственным стратифицированным поселением роменской культуры. Кроме того, А. В. Куза убедительно показал неординарный характер городища, которое в X в. представляло собой племенной центр одного из северянских регионов, имевший ряд черт городского образования [Куза, 1981]. Начиная с 2012 г. исследования комплекса были продолжены авторами. Проект, рассчитанный на 5 лет, реализуется в рамках мероприятий Еврорегиона «Ярославна», для чего была организована российско-украинская экспедиция из сотрудников, аспирантов и студентов Курского и Сумского педагогического университетов. Настоящая работа посвящена предварительным итогам изысканий первых двух полевых сезонов.

Несомненно, центральными элементами комплекса являются Большое Горнальское городище с расположенным рядом селищем 1 (рис. 1). Судя по всему, в его пределы можно включить и примыкающие селища 2 и 4, которые, согласно учетной документации, считаются отдельными памятниками. В начале 1970-х гг. селище 1 было исследовано небольшим раскопом. Обнаруженная роменская постройка 10 была опубликована А. В. Кузой, однако отчетная документация не сохранилась. В результате селище 1, которое по своим размерам является самым крупным поселенческим компонентом комплекса, отличается неизученностью, что и послужило причиной начала исследований именно с этой части памятника. В 2012 г. на южной оконечности селища были заложены два разведочных шурфа, один из которых в последующем был вписан в раскоп 1 площадью 200 м2 (рис. 1, 2). Культурный слой, заметно поврежденный распашкой, на отдельных

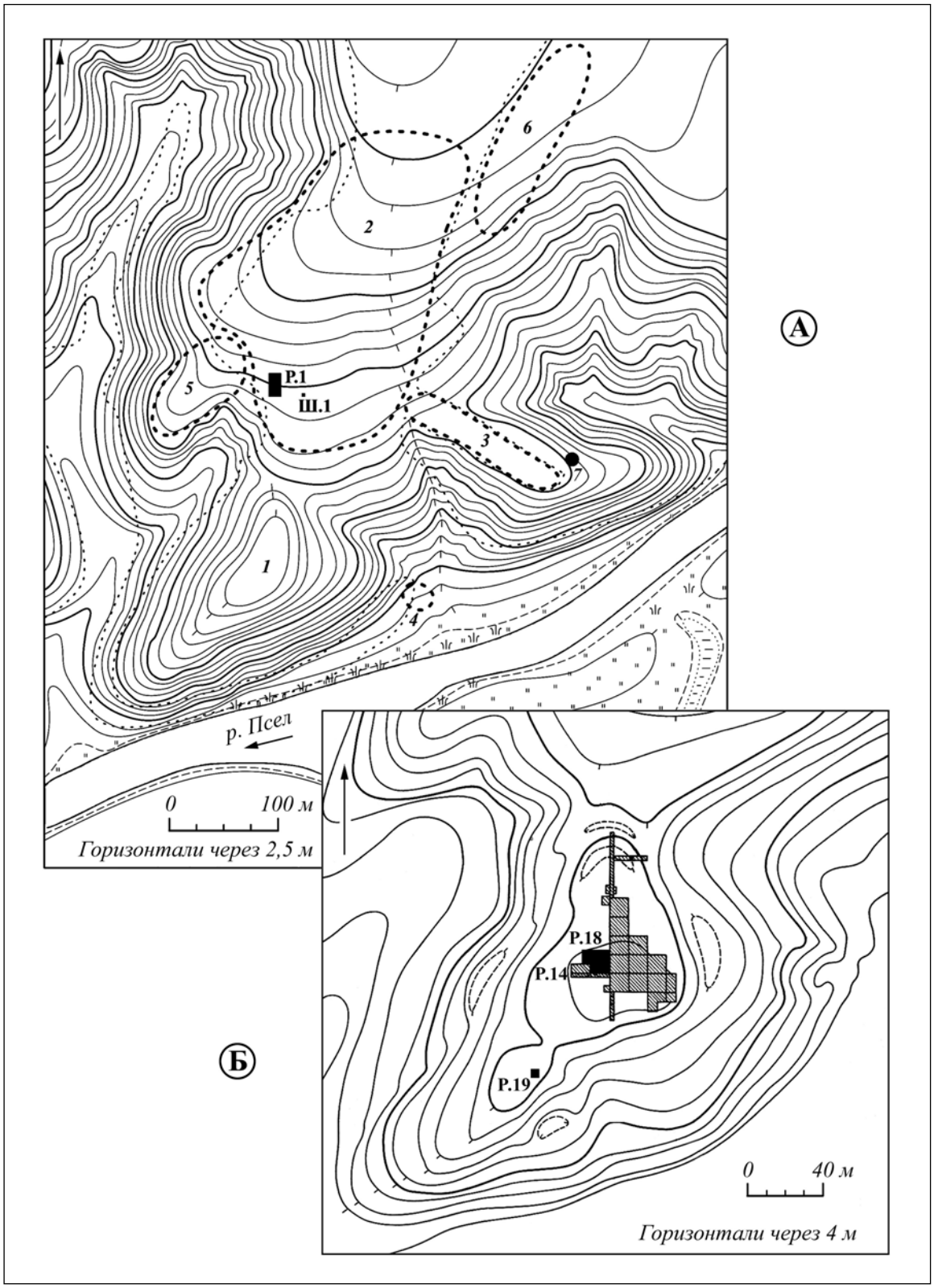


Рис. 1. Горнальский археологический комплекс.
А — план центральных памятников комплекса; *Б* — план Большого Горнальского городища (по А. В. Кузе с добавлениями).
1 — городище 1 (Большое Горнальское); *2* — селище 1; *3* — селище 2; *4* — селище 3; *5* — селище 4; *6* — курганный могильник 3; *7* — курган 1

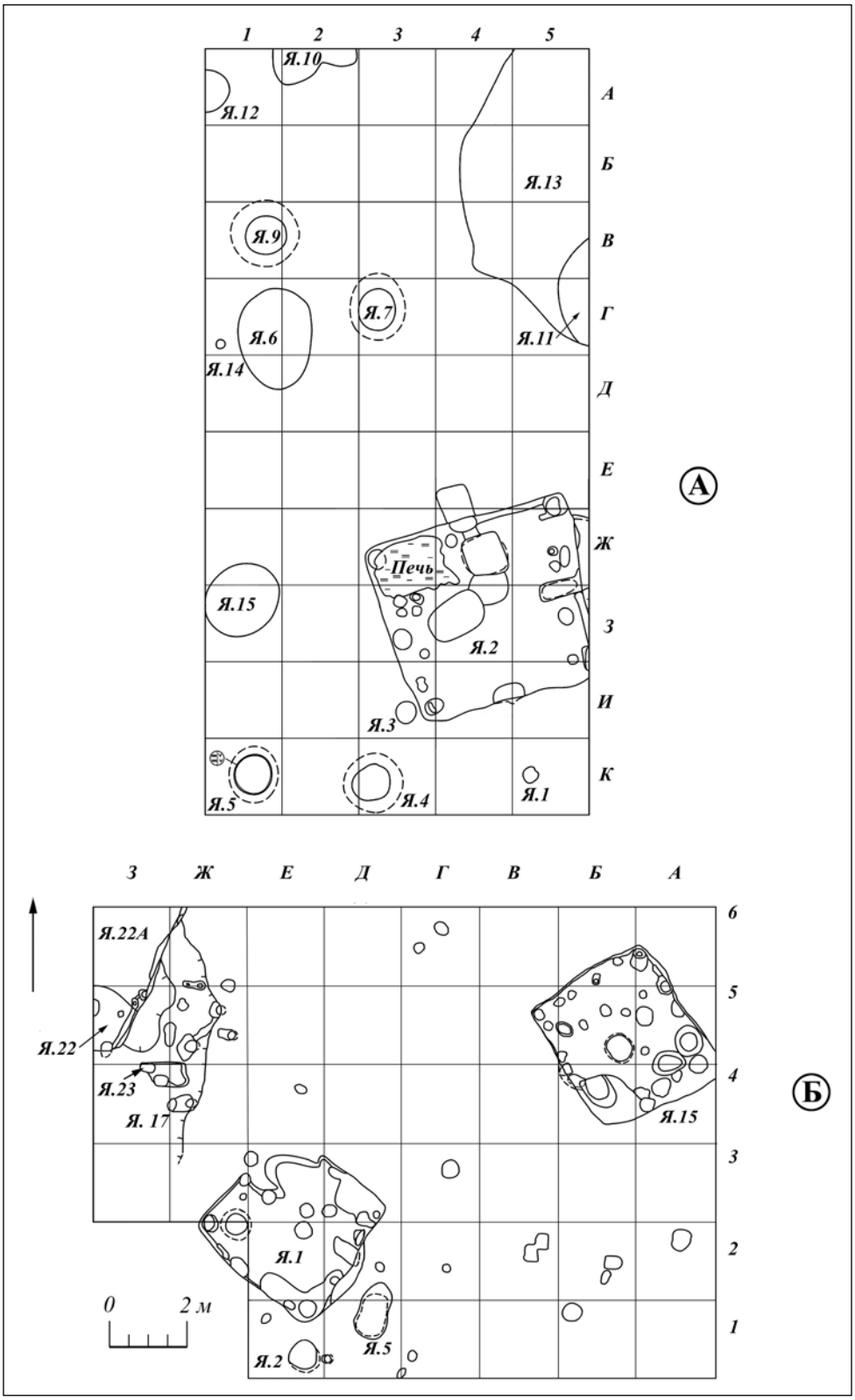


Рис. 2. Горнальский археологический комплекс. Сводные планы объектов. *А* — селище 1, раскоп 1; *Б* — городище 1 (Большое Горнальское), раскоп 18

участках вплоть до материка представлял собой единый темно-серый грунт, в котором содержались керамика и индивидуальные находки скифоидной, роменской и древнерусской культур (рис. 3, *1–19*). Отметим, что в ряде случаев разграничить роменские и древнерусские предметы практически невозможно. К их числу относятся лимоновидные пронизки, грушевидный крестопрорезной бубенчик, перстневидное височное кольцо, обломок накладки на лук из рога, шиферные пряслица и некоторые другие находки (рис. 3, *3, 4, 14, 15, 18*).

Членение на три культурно-хронологических горизонта подтверждается и комплексами, обнаруженными на раскопе 1. Центральным сооружением скифоидной лесостепной культуры в пределах исследованной площади является обширная яма 13. Она вошла в раскоп частично, поэтому ее характеристика затруднена. К этому же времени относится и колоколовидная в разрезе яма-хранилище 4.

Главным объектом следующего культурно-хронологического горизонта — роменского (IX–X вв.) — является большое жилище (яма 2 и конструктивно с ней связанная яма 3). Вполне вероятно, с функционированием этого домовладения связаны и хозяйственные ямы 7 и 11 (рис. 4, А). Верхняя часть сооружения была повреждена распашкой, которой южный край котлована был даже «подрезан». В результате большая часть постройки открылась на уровне материка, за исключением крайнего северного участка, проявившегося на фоне древнего почвенного слоя. Котлован имеет размеры 5,4×4,8 м и является самым крупным из числа всех известных в Горнале, по площади равным только «княжескому» жилищу 1 на городище. Первоначальную глубину котлована по всему периметру установить сложно из-за распашки, но по наиболее сохранившейся северной части она составляла не менее 0,96 м. Северо-восточную стенку котлована прорезал вход, северо-западную — ниша оконного проема. Около стенок котлована, по углам и в центре, располагались столбовые ямки, связанные с его обшивкой. К ней же относятся и прослеженные на отдельных участках вдоль северо-западной и северо-восточной стенок канавки О и Н. Большая часть других ямок, судя по всему, соотносится с «мебелью». Северо-восточный угол котлована занимал развал глинобитной печи, при расчистке которого были выявлены остатки двух последовательно сменявших друг друга топок. Рядом располагалась припечная яма А, которая использовалась для временного складирования продуктов горения и, частично, мусора. Она заметно пострадала при сооружении ям Б и М. Первоначально они, судя по всему, представляли собой хранилища. Однако во время ремонта печи, в ходе которого большая часть тела отопительного сооружения была срезана и затем сформована заново[1], эти ямы были засыпаны строительным мусором, в том числе обломками конусовидных вальков и бортиков жаровни. Яму М прикрывал прямоугольный щит, следы которого сохранились в виде углистого слоя.

Заполнение жилища состояло из четырех слоев (рис. 4, *А*, разрез I–II). Слой 1, судя по всему, не имеет непосредственного отношения к сооружению и связан с жизнедеятельностью следующего, древнерусского, периода. Основу собственно заполнения постройки составляли слои 2 и 3. Слой 4, расположенный вертикально, как бы «опускаясь» по стенкам котлована до его дна, был обнаружен только на отдельных участках вдоль юго-восточной и юго-западной стенок. Он соотносится с остатками обшивки.

В заполнении жилища обнаружен многочисленный по роменским меркам инвентарь: бусы-лимонки и лимоновидная пронизка, бисер, сердоликовая призматическая бусина, бронзовая и костяная пуговицы, поясная накладка, перстневидное височное кольцо, железные иголки, ножи, железная пряжка, гвоздь, ланцетовидный, ромбовидный и листовидный наконечники стрел, шиферные и глиняные пряслица, грузило, пряжка из кости, астрагалы, обломки жерновов, точильный камень (рис. 3, *20–33*). На одном из шиферных пряслиц были процарапаны две строки руноподобных знаков (рис. 3, *31*).

Керамический комплекс представлен как лепной, так и круговой посудой, при заметном преобладании первой. В топке печи находился развал лепного горшка с веревочным

1. План печи на чертеже (рис. 4, *А*) отражает вид топочной камеры после ремонта.

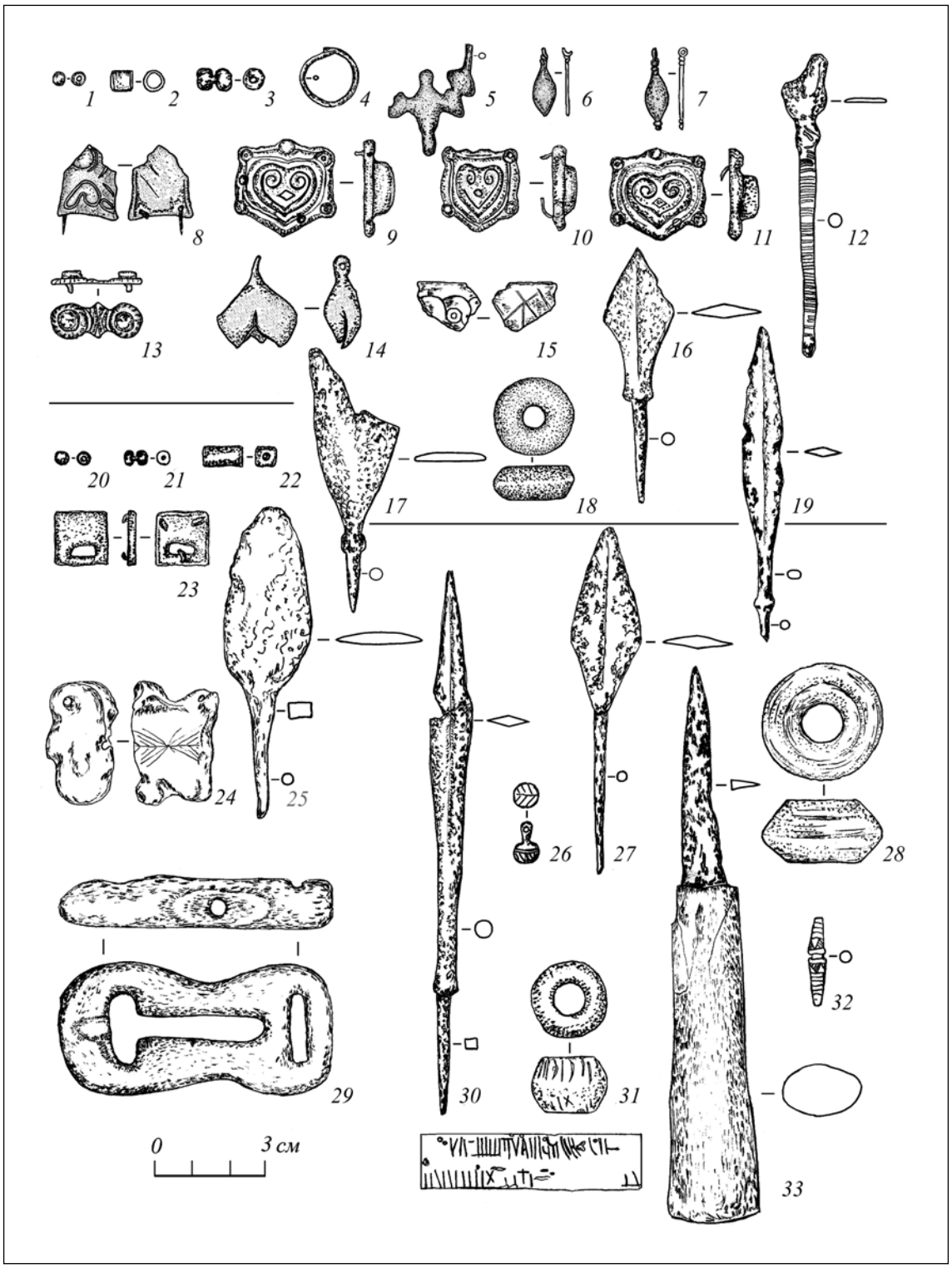


Рис. 3. Горналь, селище 1. Индивидуальные находки из культурного слоя (1–19) и ямы 2 (20–33). *1–3, 20, 21* — стекло; *4–8, 13, 14, 23, 26* – бронза; *9–11* — серебро (?); *12* — железо, бронза; *15, 24, 32* — кость; *16, 17, 19, 25, 27, 30* — железо; *18, 28, 31* — шифер; *22* — сердолик; *29* — рог; *33* — железо, кость

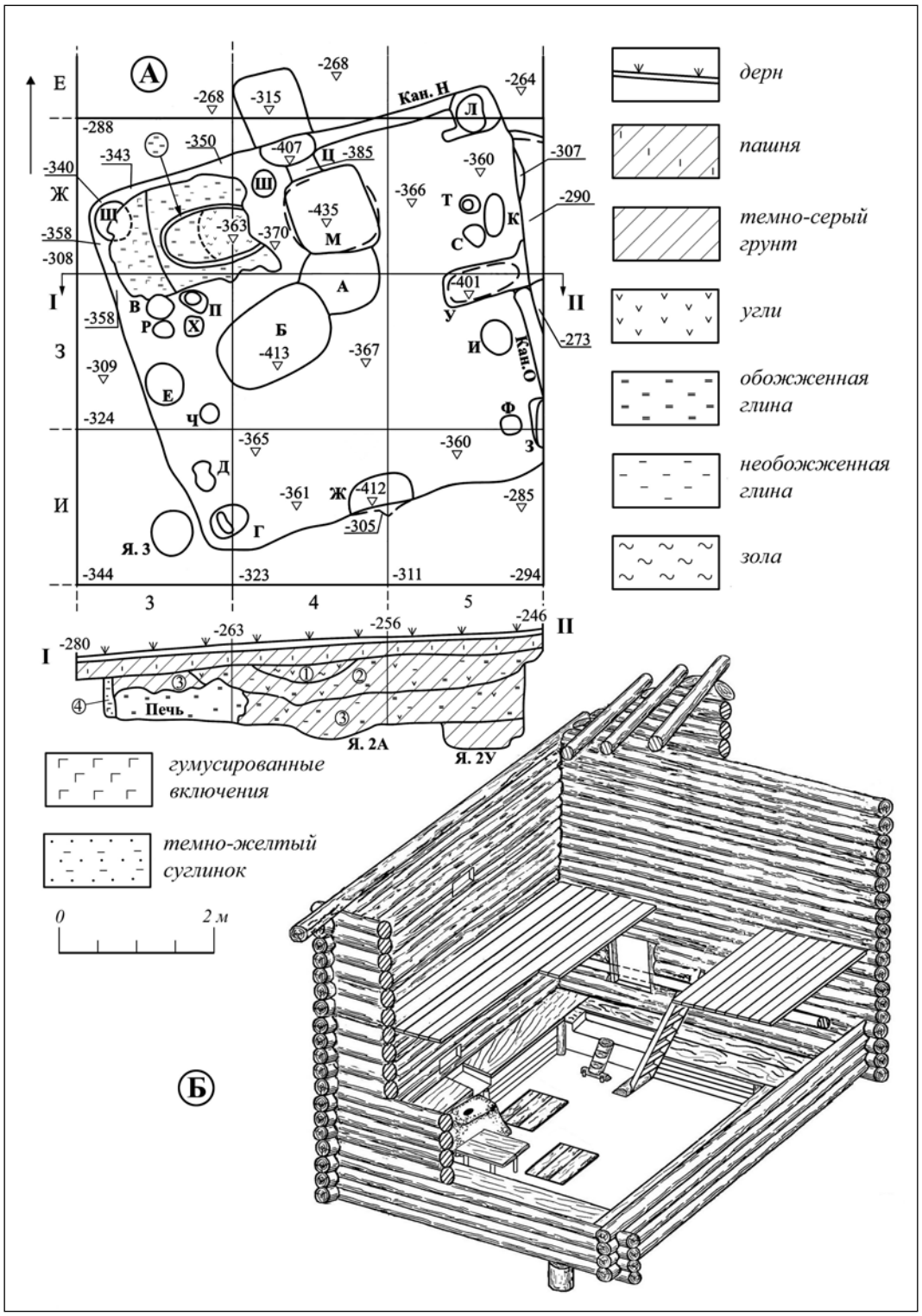


Рис. 4. Горналь, селище 1. Раскоп 1, жилище (яма 2).
А — план и разрез; *Б* — реконструкция, вид с юго-запада

орнаментом высотой 43 см и объемом 15 л (рис. 5, *2*). Такие крупные сосуды обычно трактуются как «зерновики», однако в данном случае горшок использовался явно в качестве кухонного. Сосуд служит маркером, позволяющим определить минимальную высоту топки после ремонта в не менее чем полметра. Из фрагментов слоев 2 и 3 собрался почти полный (без дна) круговой горшок (рис. 4, *1*).

По материалам Большого Горнальского городища появление круговой керамики относится ко второй-третьей четверти X в. [Куза, 1990, табл. 2]. В связи с этим показательным является распределение керамики: в ямах А, Б и М, которые перестали использоваться после ремонта печи, присутствовала исключительно лепная посуда. В то же время в яме Б было найдено шиферное пряслице. Импорт этих предметов начинается примерно в одно время с круговой керамикой. По мнению А. В. Кузы, они даже начинают поступать в Горналь, скорее, в середине-конце X в. [Куза, 1981, с. 29]. Таким образом, возведение жилища следует датировать второй четвертью X в., а, вероятнее всего, серединой этого столетия. Гибель сооружения в огне, судя по всему, была синхронна финальному пожару на городище, который А. В. Куза по находке саманидского дирхема в постройке 1 относил к 60–70-м годам X в. Однако, учитывая разрыв между датой чеканки и временем археологизации монеты [Енуков, Лебедев, 2010, с. 99, 100], предложенную хронологию следует омолодить на 10–20 лет. В результате речь идет о 970–980-х гг.

В связи с этим интересным является вопрос о социальном статусе владельца жилища. Наконечники стрел нередко принадлежат к предметам «двойного назначения», однако ланцетовидная форма одного из них (тип 62 по А. Ф. Медведеву), характерная для IX — первой половины XI в. [Медведев, 1988, с. 73, 74], свидетельствует о его использовании в качестве бронебойного. Со средой профессиональных воинов связана и ременная бляшка, а также, вероятно, подпружная пряжка из рога, прямые аналогии которой известны в древностях кочевников [Флерова, 2001, с. 65, рис. 23, *9*]. Неподалеку от жилища было найдены еще 5 предметов ременной гарнитуры, в том числе 3 бляшки из одного набора (рис. 3, *8–11, 13*). Последние имеют практически точные аналогии в Финляндии [Мурашова, 2000, рис. 47, *1*]. В результате есть основания для предположения о принадлежности обитателей дома к горнальской дружине. Отметим, что это жилище синхронно «княжеской» постройке 1 на Большом Горнальском городище.

Исследованное на селище 1 роменская постройка сопровождалась представительным набором реконструктивных признаков[2]. Пример этого сооружения особенно интересен тем, что по формальным признакам его можно было бы отнести к каркасно-столбовым сооружениям: в котловане вдоль стен имелось 8 почти «правильно» расположенных столбовых ям (рис. 4, *А*). Однако при расчистке стенок было установлено использование закладной техники, при которой стояки прижимают плахи к бортам котлована. Этот прием не позволял вывести конструкцию выше углубленной части дома, то есть стены дома и облицовка котлована не могли представлять собой единое целое. Имеются и другие признаки, свидетельствующие о возведении стен с отступом от котлована. К их числу относятся ниши входа и оконного проема. Вокруг котлована отсутствуют столбовые ямки, которые можно было бы связать с каркасной конструкцией. Исключение составляет только большая (диметром 0,7 м) яма с остатками горелого дерева. Она хорошо соотносится со стулом под сруб, что подтверждается микрорельефом, который в пределах раскопа определяется заметным уклоном с северо-востока на юго-запад. Соответственно, стул был поставлен на самом низком участке строительной площадки. В свою очередь, яма под стул, ниши входа и оконного проема позволяют определить минимальный размер отступа с трех сторон. Отметим, что все угли из заполнения ямы 2 были из дуба (определение М. С. Сергеевой), что предполагает его использование при строительстве.

---

2. Часть работы, посвященная воссозданию облика жилища, выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12–11–46000 «Домостроительство населения лесостепи Днепро-Донского междуречья в VIII–X вв.: реконструктивный анализ». Обоснование использованных реконструктивных признаков подробно изложено в работах одного из авторов [Енукова, 2007, с. 21–29; 2011].

При графической реконструкции были учтены и некоторые другие детали (рис. 4, *А*, Б). Так, ямки К, С и Т хорошо согласуются с оформлением входа: щегла, основание которой укреплялось двумя вертикальными столбиками. В нижней части слоя 2 и частично в залегавшем ниже слое 3 обнаружено скопление глины с заметными следами обжига, что, вполне вероятно, соотносится с печью, рухнувшей с верхнего жилого уровня. Ранее существование двухэтажных домов в позднероменское время было установлено на материалах Липинского городища из раскопок П. И. Засурцева и авторов [Григорьев, 2000, с. 90–101; Енукова, 2005, с. 46–53; 2007, с. 43–48]. Яма У располагается рядом с входом и как бы «отделяет» часть помещения. Она вполне может соответствовать опоре лестницы на второй этаж. Конструкции такого типа отмечены на памятниках с «мокрым» слоем, в частности, в Новгороде [Древняя Русь, 1985, табл. 53, *23*]. Из числа ямок от столбов, не связанных с обшивкой котлована, выделяются ямки В, П, Р и Х, которые вполне соотносятся с ножками столика рядом с печью.

Горизонт древнерусского времени представлен только хозяйственными ямами 5, 6 и 9, где особое внимание привлекает предпоследняя, являющаяся остатками ледника XII–XIII вв. Ранее такого рода сооружения были встречены только на селище 1 у д. Липино Октябрьского р-на. Яма овальной в плане формы с максимальным размером 1,9 м имела глубину 2,5 м[3]. В нижней части заполнения сохранились остатки перекрытия приямка в виде горелых дубовых плах и угольков (определение М. С. Сергеевой). В леднике, по определению Е. Ю. Яниш, хранилась рыба только двух видов (окунь и плотва), причем отсутствовали кости неполовозрелых и малоразмерных особей. Остальные ямы соотносятся с хранилищами продуктов, видимо, растительного происхождения. Из числа находок древнерусского времени особо отметим железное писало, стержень которого был декорирован бронзовой проволокой (рис. 3, *12*).

Культурно-хронологическая интерпретация ряда объектов оказалась возможной только в достаточно широких пределах. Так, в целом роменско-древнерусским временем датируются ямы 1, 10 и 15, хотя в последнем случае хронологический период можно сузить до позднероменского-раннедревнерусского.

В 2013 г. работы проводились на Большом Горнальском городище. Одной из важнейших задач стала «привязка» исследований к границам изысканий 1970-х гг. Единственной возможностью для этого стал раскоп 14, т. к. он был засыпан не полностью, и его края «читались». Кроме того, в его пределах прослеживался котлован постройки 12. В результате поставленная задача была решена: восточная граница раскопа 18 (2013 г.) перекрыла раскопы 5 и 6 примерно на 10 см, южная «зашла» на раскоп 14 и западную траншею на 80 см. Отметим, что этот «нахлест» был сделан специально, т. к. позволил исследовать открытое А. В. Кузой «помещение», которое только частично вошло в пределы раскопа 14, и в силу этого не вскрывалось. В результате общая площадь раскопа 18 составила 200 м^2 (рис. 1; 2).

Культурный слой имел в основном толщину до 20 см, постепенно увеличиваясь по направлению к краю городища, достигая на северо-западной оконечности раскопа 0,4–0,5 м. Стратиграфически напластования не расчленялись. Подавляющее большинство находок относится к роменской культуре, незначительная часть — к эпохе раннего железного века. Роменские древности представлены двух- и трехчастными пронизками, стеклянной глазчатой и сердоликовой дисковидной бусами, предметами из бронзы в виде накладки с заклепками, пуговицы и фрагментов перстней с орнаментом, проколками, астрагалами (рис. 5, *3–11*). На одном из кусков глиняной обмазки, заполнявшей, судя по его форме, стык бревен, имелось граффито (рис. 5, *11*), которое, по определению И. Л. Кыласова, связано со счетом. Отметим, что похожие знаки, интерпретированные аналогичным образом, хорошо известны на круглых вырезках из дирхемов [Нахапетян, Фомин, 1991, с. 171–176], которые в подавляющем большинстве происходят с территории Северской земли. В целом же обращает на себя внимание факт малого количества металлических предметов, что,

3. Статья О.Н. Енуковой, по ледникам принята к печати.

похоже, объясняется активной деятельностью кладоискателей, многочисленные следы которой видны на площадке городища.

В пределы раскопа 18 вошли три постройки, из них две, представляющие собой жилища, были полностью изучены (рис. 2, *Б*). Одна из них (яма 1), выявленная еще А. В. Кузой, частично располагалась на раскопе 14. Ее котлован имел размеры 3,8×3,8 м при глубине до 0,7 м. В дне размещались многочисленные столбовые ямки, значительная часть которых располагалась вдоль стенок и была связана с обшивкой. Печь, основа которой была вырезана в материковом останце, едином со стенками котлована, занимала северный угол. Перед ней, а также в центральной части помещения прослеживалась подмазка пола белой глиной. Овальную ямку, расположенную перпендикулярно юго-восточной стенке, можно предположительно соотнести с обустройством входа. Косвенно в пользу этого свидетельствует и «ступенька» в верхней части котлована. В западной части помещения располагалась хозяйственная яма колоколовидной формы глубиной 0,6 м.

Индивидуальные находки в заполнении имели скромный облик и представлены перстнеобразным височным кольцом, бронзовой накладкой с петлей (рис. 5, *12*), обломком глиняной льячки, частью каменного грузила и фрагментами предметов неопределенного назначения. Постройка, судя по всему, была оставлена в спокойной обстановке, и в дальнейшем использовалась для сбора бытовых отходов.

Котлован второго жилища (яма 15) также имел сравнительно небольшие размеры (3,9×3,5 м) при максимальной глубине 0,8 м. Вдоль стен располагались многочисленные столбовые ямки, кроме которых присутствовал и целый ряд сравнительно небольших ям-хранилищ. Последние, вероятнее всего, были асинхронными, причем некоторые из них засыпаны отходами ремонта печи в виде кусков пода и свода, обломков вальков. Отопительное сооружение было вырезано в материковом останце, занимавшем южный угол. Под печи овальной в плане формы был сформован на уровне пола и плавно переходил в стенки топочной камеры. Топочная камера, в которой присутствовали обломки конусовидных вальков, ремонтировалась не менее трех раз, о чем свидетельствуют следы подмазки.

В заполнении котлована присутствовали продукты горения, однако они не носили ярко выраженного характера. К числу индивидуальных находок относятся фрагмент бронзового орнаментированного браслета, трехчастная синяя пронизка, черешковый наконечник стрелы, костяные пуговица и цилиндрическая бусина, глиняное биконическое пряслице и обломки грузил, миниатюрная лепная сковородочка, а также фрагменты неопределенных предметов (рис. 5, *14, 17–19*).

В обоих жилищах не встречены находки с узкой датой, однако показателен факт отсутствия круговой керамики, ввиду чего они могли использоваться до второй четверти X в. В целом это совпадает с выводом А. В. Кузы о раннем характере построек с печами в материковых останцах (третья группа), приуроченных к слоям III и IV и датированных концом VIII — второй половиной IX в. В то же время многочисленные хранилища, присутствующие в яме 15, являются, по мнению исследователя, признаком жилищ первой группы, связанных со слоем I, который сформировался во второй–третьей четвертях X в. [Куза, 1981, с. 26–31]. Таким образом, эта постройка по своим особенностям сочетает черты разных хронологических групп.

Еще одно сооружение отличается заметной сложностью. Его котлован, имевший, вероятно, прямоугольные очертания, вошел в пределы раскопа только частично. Дно имело два уровня: южная часть (яма 22) располагалась на глубине 0,4 м от материка, северная (яма 22А) — 1 м. В центре ямы 22 имелось углубление диаметром 0,4 м, заполненное прокаленной оранжевой глиной. Вдоль стенки заглубленной части постройки сохранились следы обшивки из досок или тонких плах, выполненной в технике заклада. С юго-востока от котлована были проведены подрезки материка, в результате чего образовались уступы неправильной в плане формы. По их краям располагались столбовые ямки, которые, видимо, составляли каркас легкого хозяйственного строения. Вполне вероятно, несколько уступов с ямками по их краям отражают его ремонт, точнее, перестройку.

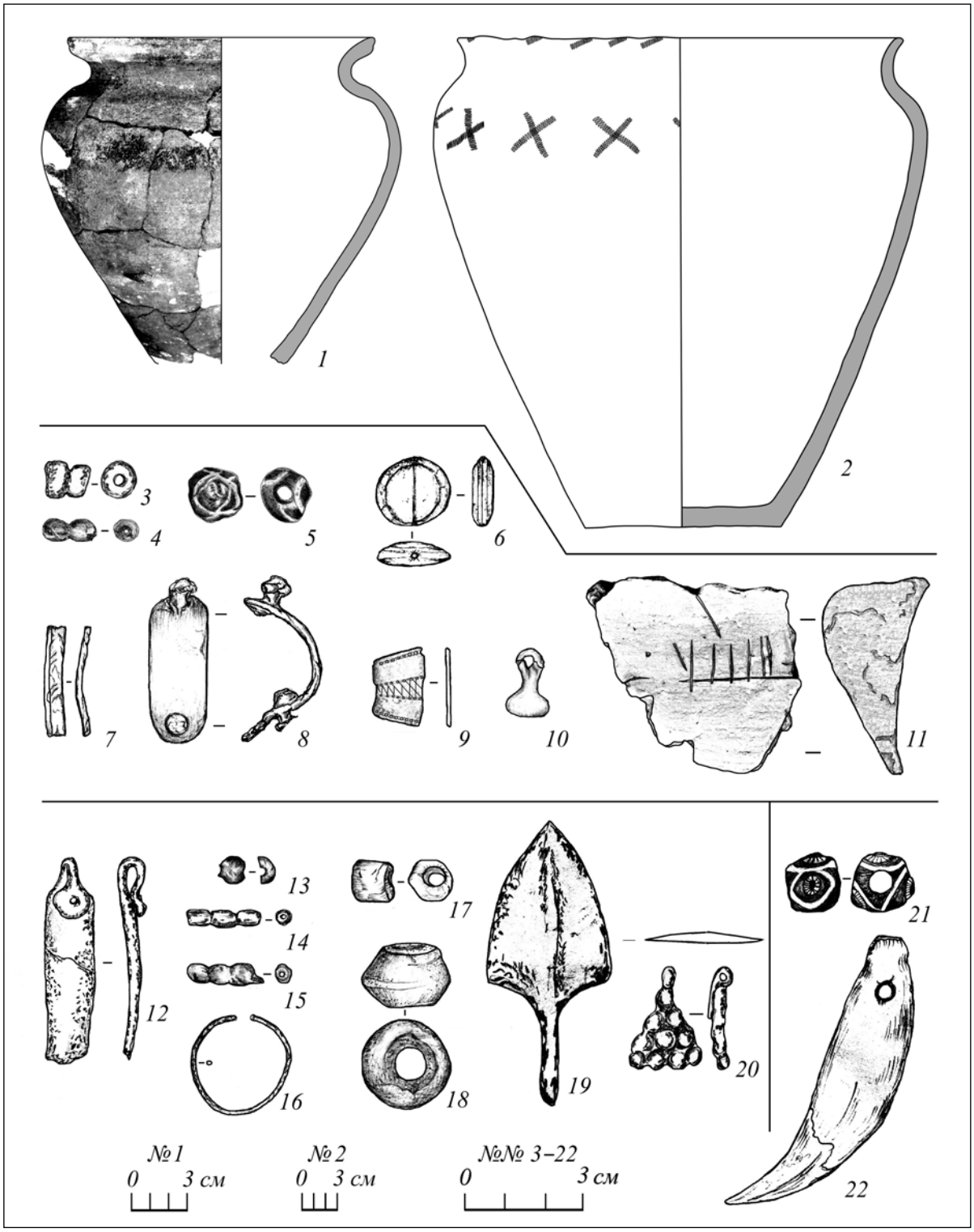


Рис. 4. Горнальский археологический комплекс. Индивидуальные находки.
1, 2 — селище 1, раскоп 1, яма 2; *3–11* — городище 1, раскоп 18, культурный слой; *12–20* — городище 1, раскоп 18, объекты (*12* — яма 1; *13, 16* — яма 2; *14, 17–19* — яма 15; *15* — яма 22; *20* — яма 23); *21, 22* — раскоп 19, культурный слой.
1, 2, 11 — глина; *3–5, 13–15, 21* — стекло; *6* — сердолик; *7–10, 12, 16, 20* — бронза; *17* — кость; *19* — железо; *22* — клык

Отметим, что яма 17, отличавшаяся несколько большими размерами, представляла собой самостоятельный объект: ее перекрывали два крупных обломка жерновов, а в заполнении, по определению С. А. Горбаненко, находились обугленные зерна проса. Индивидуальные находки малочисленны: в яме 22 была встречена стеклянная серебростеклянная пронизка, в ямке 23 — бронзовая подвеска (рис. 5, *15, 20*). Еще одно украшение, абсолютно идентичное последнему, было обнаружено в выбросе грабительской ямы.

Интерпретация объекта затруднена, и нельзя даже с уверенностью говорить об одновременности существования котлована и примыкающей хозяйственной постройки. Отметим только, что после использования по прямому назначению углубление на месте сооружения заполнялось мусором. Помимо большого количества керамики и костей, были встречены нож, железный крючок, глиняное грузило, проколки, сверленый астрагал, точильный камень, кости и рога со следами обработки, миниатюрная лепная сковородка и развал лепного сосуда.

Список сооружений дополняют хозяйственные ямы 2 и 5, расположенные рядом с жилой постройкой (яма 1). В яме 2 были найдены бронзовые перстнеобразное височное кольцо и шарик от шумящей подвески, половина стеклянной лимоновидной бусины желтого цвета, камень со следами обработки и фрагменты печных вальков (рис. 5, *13, 16*).

Площадка Большого Горнальского городища имела топографическую особенность в виде небольшой площадки в крайней мысовой части, отделенной от основной части памятника слабо выраженной седловиной (рис. 1). В 2013 г. с целью определения характера напластований здесь был заложен разведочный раскоп 19 площадью 16 м^2. Толщина культурного слоя, содержащего роменские материалы, составила около 30 см. Помимо керамики, были встречены крупная глазчатая бусина, амулет из медвежьего клыка, костяные проколки, фрагмент терочника, (рис. 5, *21, 22*). В пределы раскопа вошла часть большого сооружения в виде котлована глубиной 0,5 м, вдоль прямой стенки которого шли столбовые ямы. К нему примыкала хозяйственная яма 1 диаметром в верхней части 1,2 м, в нижней — 1,6 м при глубине 1,1 м. Не исключено, что открытое сооружение может быть связано с фортификациями: на вероятность такого рода указывают как его крупные размеры, так и расположение на мысовом «пятачке».

Результаты работ 2013 г. на Большом Горнальском городище требуют дальнейшего анализа, однако уже сейчас позволяют наметить наиболее плодотворные направления полевых исследований. На центральной площадке необходимо проведение изысканий в ее северо-западной части, примыкающей к раскопу 18. Это позволит решить частный вопрос о назначении не полностью вскрытого сооружения. Однако несравненно более важной является задача выявления стратифицированных напластований периферии площадки, поиски которых вполне закономерны именно здесь. Напомним, что в начале 1970-х гг. детальная стратиграфическая картина была выявлена на восточной оконечности городища, тогда как по направлению к центру слой истончался вплоть до минимального. Сравнение уже имеющихся результатов с новыми представляет несомненный интерес. Не менее важным направлением является и дальнейшее исследование юго-западной площадки. Даже небольшие разведочные работы на этом участке изменили представление о планиграфии городища, которое в результате превращается в «Большое» не по названию в сравнении с «Малым» (Фагор), а по своим реальным масштабам.

Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным / А. В. Григорьев. — Тула, 2000. — 263 с.

Древняя Русь. Город. Замок. Село / Г. В. Борисевич, В. П. Даркевич, А. Н. Кирпичников и др. – М., 1985. — 432 с. — (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20–ти т.).

Енуков В. В., Волобуевский клад куфических дирхемов X в. из Курского Посемья / В. В. Енуков, В. П. Лебедев // Российская археология. — 2010. — № 1. — С. 89–101.

Енукова О.Н. К вопросу о реконструкции роменского жилья (по материалам постройки Липинского городища) / О. Н. Енукова // Днепро-Донское междуречье в эпоху средневековья: сборник статей. — Воро-

неж, 2005. — С. 46–53.

Енукова О. Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. / О. Н. Енукова // Труды НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета. — Курск, 2007. — Вып. 1. — 220 с.

Енукова О. Н. Вопросы методики реконструкции славяно-русского жилья в условиях «сухого» слоя / О. Н. Енукова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2011. — № 3 (19). — Т. 2. — Режим доступа: http://scientific-notes.ru/pdf/021-005.pdf

Куза А. В. ББольшое городище у с. Горналь / А. В. Куза // Древнерусские города. — М., 1981. — С. 6–39.

Куза В. А. Некоторые уточнения в стратиграфии Большого Горнальского городища / В. А. Куза // Питання археології Сумщини: Матеріали науково-практичної конференції «Проблеми вивчення і охорони пам'яток Сумщини», Суми, квітень 1989 р. — Суми, 1990. — С. 91–95.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев // САИ. — Вып. Е1–36. – М., 1966. — 184 с.

Мурашова В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.) / В. В. Мурашова. — М., 2000. — 136 с.

Нахапетян В. Е. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. / В. Е. Нахапетян, А. В. Фомин // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991 г. — М., 1994. — С. 139–208.

Соловъева Г.Ф. Отчет о работе Деснинско-Сейминской экспедиции в 1971 г. / Г. Ф. Соловьева // НА ИА РАН, р-1, № 4916, 16 л.

Флёрова В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: Искусство и ремесло. По материалам Саркела–Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа / В. Е. Флерова. — СПб., 2001. — 352 с.

Ширинский С. С. Отчет о работах Сейминского отряда Восточно-Белорусской экспедиции в 1968 г. / С. С. Ширинский // НА ИА РАН, р-1, № 6889, л. 1–3.

В. В. Енуков, О. Н. Енукова

Исследования Горнальского археологического комплекса в 2012–2013 гг.

Археологический комплекс приобрел особую значимость благодаря масштабным работам 1970-х гг. на Большом Горнальском городище, неразрывно связанным с именем А.В. Кузы. В настоящее время на памятнике продолжены исследования. В 2012 г. раскопом 1 на селище 1 было выявлено 3 культурно-хронологических горизонта: раннего железного века, роменского и древнерусского времени. Особый интерес представляет крупное жилище 2-й половины X в., хозяином которого предположительно был дружинник. Постройка несет целый ряд признаков, позволяющих провести его реконструкцию, которая представлена в графическом виде.

В 2013 г. изыскания проводились на Большом Горнальском городище. В пределах раскопа 18, примыкающего к территории предшествующих исследований, были открыты две жилые постройки котлованного типа, которые существовали не позднее 2-й четверти X в. Еще одно роменское сооружение сложного характера было исследовано частично. На юго-западной площадке городища разведочным раскопом 19 была вскрыта часть большой постройки, которая, возможно, связана с фортификациями. Полученные результаты позволяют наметить перспективы дальнейших исследований.

V. V. Enukov, O. N. Enukova

Investigation of the Gornal archaeological complex in 2012–2013

Archaeological complex acquired a special significance due to large-scale works of the 1970^{s}. on the Big Gornalskoye hillfort inseparably linked with the name of A. Cuza. Currently on the monument continued research. In 2012 excavations at selishte identified three cultural-historical horizon: the early Iron Age, Romenskaya and Old Russian cultures. Of particular interest is a large housing the second half of Xth century, whose owner was allegedly warrior. Construction carries a number of signs are in place to its reconstruction, which is presented in graphical form.

In 2013, surveys were conducted on the Big Gornalskoye hillfort. Excavation 18 adjacent to the territory of the previous studies were open two residential buildings that existed not later than the second quarter of the Xth century. Another construction Romenskaya culture, which had complex was investigated in part. In the south-western settlement exploratory excavation 19 was uncovered part of a large construction, which may be associated with fortification. The results obtained allow to outline prospects for further research.

В. А. Лапшин

К ранней топографии Твери

Статья посвящена проблемам топографии средневековой Твери — столицы одного из великих княжений Северо-Восточной Руси XIII–XV вв.

Ключевые слова: древнерусский город, Тверь, Северо-Восточная Русь, средневековье.

Начну со студенческих воспоминаний. Г. С. Лебедев и В. А. Булкин, которые тогда вели семинар на кафедре археологии ЛГУ, имели обыкновение приглашать для встречи со студентами приезжих историков и археологов, тех, кто казался им наиболее интересными, независимо от званий. Так на семинаре оказался А. В. Куза. Андрею Васильевичу было тогда лет 35. Темой его беседы был, естественно, древнерусский город. Запомнилась она необычной манерой: выступление его не содержало каких-либо утверждений, оно состояло из череды вопросов, обрушенных на студенческие головы. Подвергались сомнению самые, казалось бы, очевидные вещи. Почему именно так считается, на чем основано, кем и как проверялось? Эти риторические в то время вопросы часто вспоминались впоследствии. После защиты диплома я впервые приехал в Суздаль. В то время господствовало кабинетное представление историков — жителей больших городов — о «центрах ремесла и торговли», совершенно оторванных от сельского хозяйства и деревни. Взобравшись на кремлевский вал, я увидел на противоположном берегу Каменки Ильинский луг, на котором, по писцовым книгам (я хорошо подготовился), в XVII в. паслось городское стадо. То, что оно продолжает пастись на том же месте и сейчас, сразу избавило от многих теоретических штампов.

Часто такие штампы влияют на исследователя, даже если противоречат конкретному материалу. До сих пор над историками и археологами довлеет схема развития древнейшей части Москвы, предложенная в начале XX в. И. Е. Забелиным [Забелин, 1905, с. 60–63]. Она предполагает, что радиально-кольцевая планировка, складывающаяся в ходе роста посадов города от детинца в напольную сторону и наиболее ярко выраженная в структуре позднесредневековых Пскова и Москвы, была присуща древнерусскому городу изначально. Согласно указанной схеме, укрепленная территория поэтапно вырастала из маленького мысового городища. Кажется, первым среди археологов подверг критике это устоявшееся мнение именно А. В. Куза [Древняя Русь, 1985, с. 61]. Для древнейшего ядра городов характерна приречно-рядовая застройка, лишь в результате длительного развития она сменялась радиально-концентрической в том или ином ее варианте. История сложения структур таких городов как Псков и Москва — это история роста посадов, а не кремля. В тех городах Северо-Восточной Руси, где на территории кремля действительно обнаружены небольшие мысовые городища, хронологически им предшествующие, как в Суздале [Седова, 1997] или Ярополче Залесском [Седова, 1978, с. 20; Михайлова, 1988], эти укрепления никак не связаны с историей собственно города.

На примере Твери поучительно проследить, как теоретические штампы влияют на направление и результаты исследований. Поскольку город должен был непременно

развиваться из небольшого городища, сложилась устойчивая историографическая традиция, состоявшая в поисках ранних мысовых укреплений Тверского кремля. Первый исследователь Твери Н. П. Милонов при частичной прорезке кремлевского вала с внутренней стороны (шурф 3/1934) по наличию стеклянных браслетов датировал его ядро, в соответствии с представлениями того времени, «не позднее XII в.». Под насыпью вала на материке лежал слой мощностью 0,3 м. В нем были найдены «ножи курганного образца» и куски шлака. Автор сделал вывод, что это слой селища, «уходящего по времени к XI в.» [Милонов, 1935, с. 150–152, рис. 10–11].

Позднее Э. А. Рикман на основании изучения письменных и графических источников пришел к справедливому выводу о том, что валы, сохранявшиеся до начала XIX в., соответствуют по очертаниям укреплениям 1317 г. По-видимому, подойдя некритически к датировкам Н. П. Милонова, он заключил, что в районе шурфа 3/1934 «территорию древнейшего ремесленного поселения перекрывают в конце XII или начале XIII в. обнаруженные при раскопках укрепления первоначального тверского кремля». Таким образом, произошло раздвоение реальной насыпи вала, и на реконструкции плана Твери возник древнейший кремль [Рикман, 1953, рис. 5, № 4].

Восточнее шурфа Н. П. Милонова в 1981–1982 гг. прорезку вала сделала Н. В. Жилина [Жилина, 1986а]. В отличие от Н. П. Милонова, она прорезала вал с напольной стороны. Нижний слой насыпи лежал непосредственно на материке. Соотнеся археологические реалии с летописными данными, исследовательница подтвердила датировку ядра вала 1317 г. [Жилина, 1986а]. В ее ранней статье не фигурируют более древние укрепления [Жилина, 1986б]. Позднее исследовательница предположила, что «наиболее ранние укрепления, ограничивающие ядро города XII в.», находились западнее Спасского собора, а находившаяся на его месте деревянная церковь Козьмы и Демьяна маркирует для конца XII–XIII вв. район посада, где жили кузнецы [Жилина, 1996, с. 67]. В следующей по времени статье Н. В. Жилина детализирует свою гипотезу. В 80-е гг. XII в. строится «Твердь на Волге» на мысу западнее Спасского собора. В 1239 г. при Ярославе Всеволодовиче укрепления расширяются к востоку от Спасского собора. Укрепления XIII в. в раскопе Н. П. Милонова «скорее всего, поворачивали на юг». Эти укрепления как сгоревшие упомянуты летописью в 1316 г. В 1317 г. князь Михаил Ярославич возвел кремль, границы которого известны как максимальные [Жилина, 2003]. Гипотеза строится на априорном убеждении, что территория кремля постепенно разрастается из небольшого мысового городища, и чем ближе к мысу, тем более древним должен быть слой. Далее делается допуск, что церковь Козьмы и Демьяна первоначально должна была находиться на территории посада. Вслед за Э. А. Рикманом устаревшие датировки Н. П. Милонова, вопреки собственным выводам[1], воспринимаются как свидетельство существования какого-то раннего вала. О том, что вал поворачивал на юг, из текста Н. П. Милонова не следует, да такой поворот и невозможно было бы проследить в шурфе.

В раскопе Кремль-7 (1991 г.) был раскрыт край углубления в материке, перерезанного котлованом бассейна XVIII в. Углубление интерпретировано как укрепления Тверского кремля конца XIII — начала XIV в. [Хохлов, Дворников, 1997; Хохлов, 1997]. «Ров» был включен в схему Н. В. Жилиной как часть укреплений второй половины XIII в. [Жилина, 2003, с. 280]. Характерно, что при масштабных охранных исследованиях 1998 г. на Советской (Миллионной) улице, пересекающей территорию Тверского кремля с запада на восток [Хохлов, Нестерова, 2003], подтверждения этой гипотезы не были обнаружены.

Имеющиеся данные противоречат гипотезе о постепенном росте территории города от мыса в сторону напольной части. Наиболее ранняя постройка на терри-

1. Ранее Н. В. Жилина писала, что «датировка Н. П. Милоновым нижнего горизонта насыпи XII в. не подтверждается» [Жилина, 1986а, с. 70].

тории Тверского кремля имеет дендродату 1192 г. и расположена на краю верхней береговой террасы Волги, в северо-восточной части кремля, максимально удаленной от его мысовой части [Дворников, 1997]. В первой половине XIII в. строятся напольные укрепления Кремля [Олейников, Дайнин, Романова, 2001]. По-видимому, их контуры изначально соответствовали валам, сохранявшимся до начала XIX в. При строительстве укреплений максимально использовался естественный рельеф: в качестве основы для рва был использован овраг, шедший от берега Волги на юг. По-видимому, первоначально была заселена узкая прибрежная полоса. Территория кремля южнее края береговой террасы Волги была освоена не ранее последней четверти XIII в. [Лапшин, 2009, с. 197]. Показательны материалы раскопок на участке прокладки коммуникаций к зданию Путевого дворца к западу от места расположения Спасо-Преображенского собора (раскоп Кремль-15, 1998 г.). Был прослежен западный склон холма, на котором находился Спасо-Преображенский собор. Выяснилось, что территория Кремля к западу от собора (т. е. в мысовой его части) была заселена не ранее конца XIII — начала XIV в., а подошва холма — не ранее последней четверти XIV в. [Лапшин, 2009, с. 197]. А. В. Куза считал, что строительство укреплений «с запасом» определялось желанием князя превратить рядовой пункт в столичный центр [Куза, 1996, с. 50]. Это мнение справедливо по отношению к Твери, столице великого княжества, как ни к какому другому древнерусскому городу [Тверской кремль, 2001, с. 223]. Также строились столицы других великих княжений — Москва [Панова, 2003, с. 16–17] и Нижний Новгород [Лапшин, 2005, с. 94].

А. В. Куза на основе анализа материалов 1327 древнерусских городищ X–XIII вв. конкретизировал археологические признаки древнерусского города XII–XIII вв. Это: «... а) укрепленная часть (около 3 га и более) с прилегающими неукрепленными поселениями; б) усадьбы феодалов и уличная планировка; в) церкви; г) торжища; д) ремесленные мастерские; е) специфический набор находок». Он подчеркивает, что «отсутствие отдельных элементов еще не служит окончательным аргументом для исключения данного памятника из числа вероятных городов, но их сочетание, безусловно, свидетельствует о его истинно городском характере» [Куза, 1996, с. 45].

Интересно проследить на примере конкретного города — Твери — процесс сложения полного комплекса признаков, длительность и порядок их оформления. Выясняется, что процесс градообразования был длителен и неравномерен. В течение XIV в. в Северо-Восточной Руси сложились три политических центра: великое княжение Владимирское (номинально, а фактически — Московское) и «местные» великие княжения — Тверское и Нижегородское. Ряд признаков характеризует новые столицы не только и не столько с точки зрения их экономического положения, сколько с точки зрения «великокняжеского» самосознания. Среди них каменная архитектура (прежде всего культовая), великокняжеские летописные своды, литературные памятники. Начало чеканки собственной монеты — показатель смешанного характера, как экономический, так и репрезентативный.

Поначалу Тверь лидировала в своих политических амбициях. Уже в первой половине XIII в. строятся укрепления, охватывающие площадь в 19 га («с запасом»). В 1285 г. в Тверском кремле закладывается первый на Северо-Востоке после монгольского нашествия каменный храм — Спаса Преображения [Троицкая летопись, 2002, с. 343]. В летописной статье о закладке храма фигурирует епископ Симеон, впервые упомянутый в 1271/72 гг. в связи с погребением в Твери великого князя Ярослава Ярославича, умершего на обратном пути из Орды [Троицкая летопись, 2002, с. 331]. Внезапное появление в Твери третьей в Северо-Восточной Руси епископской кафедры, наряду с Ростовской и Владимирской [Поппэ, 1996, с. 444–445] — явление неординарное. Э. Клюг считает, что полоцкий епископ Симеон после того как Полоцк попал под власть «латинского» архиепископа Риги (1267 г.) вынужден был переехать на Северо-Восток, и Ярослав Ярославич как великий князь Владимирский предложил ему

обосноваться в Твери. Произошло это между 1267 и 1271 гг. [Клюг, 1994, с. 66–67]. Зимой 1271/72 гг. епископ Симеон отпевает и хоронит Ярослава Ярославича в Твери, в церкви Козьмы и Демьяна. В эту зиму родился Михаил Ярославич. Вполне возможно, инициатива закладки через 13 лет (когда Михаилу шел четырнадцатый год) каменного собора на месте деревянной церкви Козьмы и Демьяна (фактически над могилой Ярослава Ярославича) принадлежала именно Симеону. Таким образом, уже в момент закладки храм освящался памятью великого князя Владимирского. Выбор посвящения храма указывает на преемственность со «старшим» по отношению к Твери городом — Переяславлем, где центральным храмом был домонгольский храм Спаса Преображения (1152 г.). Погребение великого князя, вопреки традиции, в Твери, а не во Владимире, и стало началом политической активности Твери [Малыгин, 1998, с. 46]. Начиная с 1285 г. в Лаврентьевской летописи появляются оригинальные тверские записи [Муравьева, 1983, с. 55]. В 1304 г. Михаил Ярославич Тверской получил у хана Тохты ярлык на великое княжение Владимирское. Спорным является вопрос о создании в Твери великокняжеского свода — около 1305 или 1327 г. [историографию см.: Муравьева, 1983, с. 42–83; Клюг, 1994, с. 21–25]. По заказу Михаила Ярославича была переписана и украшена миниатюрами Хроника Георгия Амартола. Завершена она была либо в промежутке между 1292–1312 гг., либо вскоре после смерти Михаила, т. е. после 1318 г. [Творогов, 1987, с. 469]. На одной из миниатюр изображен сам Михаил и его мать Ксения, стоящие по бокам от Спаса на престоле. Портрет имеет индивидуальные черты, свидетельствующие о стремлении к портретному сходству [лл. 17об/18, см.: [Вздорнов, 1980, № 18]. Таким образом, тверской князь был введен в контекст мировой истории «от сотворения мира». Иначе соотносится время начала чеканки собственной монеты. В Москве чеканка началась уже в 60-е годы XIV в., при Дмитрии Донском [Федоров-Давыдов, 1981], когда право на Владимирское великое княжение окончательно закрепилось за московскими князьями. В Нижнем Новгороде чеканка монеты началась в 70-е годы XIV в. (до 1382 г.) при Дмитрии Константиновиче [Федоров-Давыдов, 1989], а в Твери — только в первое десятилетие XV в., при князе Иване Михайловиче [Гайдуков, 1993, с. 55].

Процесс оформления городской территории Твери разительно не соответствовал столичным амбициям. Яркими археологическими признаками русского средневекового города являются усадебно-уличная планировка [Рабинович, 1978, с. 22–23; Куза, 1996, с. 45] и элементы городского благоустройства, прежде всего мостовые [Рабинович, 1978, с. 20]. На окраинах средневекового Новгорода появление мощения — показатель превращения дороги в улицу и включения территории в городскую застройку [Дубровин, Тарабардина, 2004]. При этом устойчивая усадебная застройка, в отличие от центральной части города, складывается в течение длительного периода [Дубровин, Козлова, Федорук, 2005, с. 23]. Аналогичная картина наблюдается в Тверском кремле, где большое количество дендродат позволяет детально проследить оформление городской территории. Застройка в южной и восточной частях кремля возникает в конце XIII в., границы усадеб оформляются на рубеже XIII и XIV вв., весь XIV в. характеризуется частой сменой планировки, размеров и количества усадеб. Только на рубеже XIV–XV вв. происходит стабилизация застройки, выразившаяся в преемственности территории усадеб и появлении мощения улиц [Лапшин, 2009, с. 46–80, 200].

Социальная топография Твери также находилась в процессе длительного формирования. Городской торг впервые упоминается в 1327 г. [Полное собрание, 2000, стб. 43] и, по-видимому, изначально находился внутри кремля [Малыгин, 2001, с. 82–83]. В центре Тверского кремля находился деревянный храм Козьмы и Демьяна — покровителей кузнецов. Посвященные им храмы обычно ставились в ремесленных кварталах. Наличие ремесленного квартала, в том числе кузниц, косвенно свидетельствует об отсутствии плотной застройки в кремле в этот период. На месте деревянного храма в 1285 г. был заложен главный храм Твери — Спасо-Преображенский

собор, с чего и началось оформление столичного облика города. Развитие посадов происходит в первую очередь вдоль левого берега Волги и левого берега Тьмаки. Значительный рост территории посадов, по-видимому, происходит только с конца XV в., когда кремль становится местом размещения московской администрации и гарнизона.

Таким образом, оформление Твери в центр, отвечающий всем признакам древнерусского города, продолжалось длительное время, в том числе и в период, когда она уже стала столицей великого княжения.

Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков / Г. И. Вздорнов. — М., 1980. — 552 с.

Гайдуков П. Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI веков / П. Г. Гайдуков. — М., 1993. — 293 с.

Дворников А. С. К датировке древнейших отложений раскопа № 9 в Тверском кремле / А. С. Дворников // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Тверь, 1997. — Вып. 2. — С. 95–106.

Древняя Русь. Город. Замок. Село / Г. В. Борисевич, В. П. Даркевич, А. Н. Кирпичников и др. — М.:, 1985. — 432 с. — (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20–ти т.).

Дубровин Г. Е. Работы на Никитинском раскопе в 2004 г. / Г. Е. Дубровин, А. В. Козлова, Н. С. Федорук // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Материалы научной конференции. — Новгород, 2005. — Вып. 19. — С. 22–29.

Дубровин Г. Е. Федоровский раскоп в Новгороде (некоторые итоги) / Г. Е. Дубровин, О. А. Тарабардина // Новгородские археологические чтения. — Новгород, 2004. — С. 224–234.

Жилина Н. В. Укрепления средневековой Твери / Н. В. Жилина // КСИА. — 1986а. — Вып. 183. — С. 66–70.

Жилина Н. В. К вопросу о происхождении Твери / Н. В. Жилина // КСИА. — 1986б. — Вып. 187. — С. 51–55.

Жилина Н. В. Топография храмов древней Твери по письменным источникам и в связи с данными археологии / Н. В. Жилина // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Тверь, 1996. — Вып. 1. — С. 67–71.

Жилина Н. В. Тверской кремль. Этапы строительства укреплений и роста городской территории / Н. В. Жилина // Кремли России. Материалы и исследования Государственных музеев Московского Кремля. — М., 2003. — Вып. XV. — С. 271–291.

Забелин И. Е. История города Москвы / И. Е. Забелин. — М., 1905. — 692 с.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.) / Э. Клюг. — Тверь, 1994. — 432 с.

Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. (свод археологических памятников) / А. В. Куза. — М., 1996. — 256 с.

Лапшин В. А. Нижегородский кремль по материалам раскопок 2001–2002 г. / В. А. Лапшин // Вестник Нижегородского университета. Серия История. — Нижний Новгород, 2005. — Вып. 1 (4). — С. 89–95.

Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV вв. / В. А. Лапшин. — СПб., 2009. — 540 с.

Малыгин П. Д. Ярослав Ярославич и Тверь в летописных известиях / П. Д. Малыгин // Великое прошлое. Труды научной конференции, посвященной 750-летию Тверского княжества и 725-летию Тверской епархии. — Тверь, 1998. — С. 38–48.

Малыгин П. Д. Средневековые письменные источники о топографии Твери / П. Д. Малыгин // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение. — СПб., 2001. — С. 80–100.

Милонов Н. П. Археологические разведки в Тверском кремле / Н. П. Милонов // Проблемы истории докапиталистических обществ. — М.; Л., 1935. — Вып. 9–10. — С. 145–155.

Михайлова Л. А. Дьяковское городище у села Пирровы городища / Л. А. Михайлова // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). — М., 1988. — С. 150–161.

Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV века / Л. Л. Муравьева. — М., 1983. — 215 с.

Олейников О. М. Средневековые напольные укрепления тверского кремля (по материалам исследований 1998 г.) / О. М. Олейников, В. В. Дайнин, Е. А. Романова // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Тверь, 2001. — Вып. 4. — Т. II. — С. 246–267.

Панова Т. Д. Историческая и социальная топография Московского кремля в середине XII — первой трети XVI в. (опыт комплексного исследования). К проблеме формирования территории древнерусского города: автореф. дисс. ... докт. ист. наук / Т. Д. Панова. — М., 2003. — 53 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. — М., 2000. —

432 с.

Поппэ А. Митрополиты и князья Киевской Руси / А. Поппэ // Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / Г. Подскальски. — СПб., 1996. — С. 442–499.

Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города / М. Г. Рабинович. — М., 1978. — 327 с.

Рикман Э. А. Новые материалы по топографии древней Твери / Э. А. Рикман // КСИИМК. — 1953. — Вып. 49. — С. 39–50.

Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1992–1997 гг.). — СПб., 2001. — 234 с.

Творогов О. В. Хроника Георгия Амартола / О. В. Творогов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л., 1987. — Вып. I (XI — первая половина XIV в.). — С. 467–470.

Троицкая летопись. Реконструкция текста / [ред. М. Д. Приселков]. — М.; Л., 2002. — 520 с.

Седова М. В. Ярополч Залесский / М. В. Седова. — М., 1978. — 157 с.

Седова М. В. Суздаль в X–XV вв. / М. В. Седова. — М., 1997. — 320 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси / Г. А. Федоров-Давыдов. — М., 1981. — 224 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Нижегородского княжества / Г. А. Федоров-Давыдов. — М., 1989. — 254 с.

Хохлов А. Н. К локализации укреплений Тверского кремля XIII — начала XIV вв. / А. Н. Хохлов // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Тверь, 1997. — Вып. 2. — С. 146–155.

Хохлов А. Н. Исследование рва Тверского кремля XIII — начала XIV вв. / А. Н. Хохлов, А. С. Дворников // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Тверь, 1997. — Вып. 2. — С. 135–146.

Хохлов А. Н. Белокаменные башни ограды двора Великих князей Тверских (конец XIV — первая половина XV вв.) / А. Н. Хохлов, М. Е. Нестерова // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Тверь, 2003. — Вып. 5. — С. 268–287.

В. А. Лапшин

К ранней топографии Твери

В статье рассматривается своеобразие формирования Твери — одного из важнейших городов Северо-Восточной Руси XIII–XV вв., ставшего столицей великого княжения. Ряд признаков характеризует новую столицу не только и не столько с точки зрения ее экономического положения, сколько с точки зрения «великокняжеского» самосознания. Среди них каменная архитектура (прежде всего культовая), великокняжеские летописные своды, литературные памятники, начало чеканки собственной монеты. Процесс оформления городской территории Твери разительно не соответствовал столичным амбициям. Только на рубеже XIV–XV вв. происходит стабилизация застройки, выразившаяся в преемственности территории усадеб и появлении мощения улиц. Социальная топография Твери также находилась в процессе длительного формирования. Оформление Твери в центр, отвечающий всем признакам древнерусского города, продолжалось в течение длительного времени, в том числе и в период, когда она уже стала столицей великого княжения.

V. A. Lapshin

Early topography of Tver

The present paper considers the peculiarities of the formation of Tver which, in northeastern Rus of the XIIIth–XVth century, was one of the most important cities and the capital of a Grand Princedom. A number of features distinguished the new capital not only and not so much in terms of its economic importance as rather in terms of the «Grand-Princely» Weltanschauung. These features include stone architecture (primarily the religious one), annals of grand princes, literary monuments and the beginning of independent coinage. The process of evolution of the urban territory of Tver was surprisingly inadequate to the corresponding metropolitan ambitions. Only at the turn of the XIIIth–XVth centuries, stabilization of the building activities took place as indicated by continuity of the layout of the urban estates and appearance of first paved streets. The social topography of Tver also underwent a process of long formation. The establishment of Tver as a centre bearing all the indications of an Old-Russian town lasted for a long time, even during the period when the city had already become the capital of the Grand Princedom.

В. Г. Бережинский, М. Г. Ивануц

Огонь как средство осады в Древней Руси: тактика и техника боевого применения

В статье рассмотрен вопрос использования огня как средства добывания (захвата) укрепленных пунктов в Древней Руси, показаны разнообразные способы и средства поджога, а также борьбы с ним.

Ключевые слова: Древняя Русь, огонь, поджог, средство поражения, зажигательное оружие, осада, оборона, защита от огня.

Огонь был одной из первых стихий, отвоеванных человеком у природы. Люди быстро осознали, насколько велик его потенциал и на благо, и во зло — для большего удобства для себя и страдания для врагов. Люди не могли не оценить катастрофические последствия поджога, поскольку огонь, используемый таким образом, является одной из самых разрушительных стихий, вселяющих ужас и в людей, и в животных. Его действие в первую очередь основано на нанесении людям и животным ожогов[1]. Огонь сеял ужас на полях сражений, а его влияние на животных было и того сильнее. Недаром он считался самым эффективным средством устрашения и одним из видов оружия[2].

Огонь как средство поражения людей, кораблей, укреплений применялся издревле. В разных видах его называют зажигательным оружием[3].

Применение зажигательных смесей стало частью военного искусства еще в 1000 г. до н. э. Пакля и смола являлись главными ингредиентами, зажигательные снаряды летели и на стены укреплений, и со стен осаждаемых городов на атакующих. Сера, смола, пакли были в избытке и на Руси. Возможно, использовали также живицу, древесный уголь и селитру в смеси с сосновыми стружками. Получались зажигательные смеси [Хогг, 2008, с. 90]. Эти составы бросались в горшках, пакля с ними крепилась на стрелах, копьях, сулицах.

Эней Тактик в своем труде «О перенесении осады» писал о приготовлении зажигательных средств: «Самому же устраивать сильный огонь, который нельзя погасить, следующим образом. Если хочешь что-либо поджечь у противника, то надо подносить и зажигать в сосудах смолу, серу, паклю, кусочки ладана, сосновые опилки» [Эней Тактик, 2003, с. 92]. И далее: «Если же будут подожжены ворота, то надо подносить и подбрасывать дрова, чтобы разжечь возможно более сильный огонь, пока не

1. Ожог — повреждение тканей организма, вызванное местным воздействием высоких температур (термический ожог). Тяжесть поражения при ожоге определяется глубиной и площадью пораженных участков тела. При значительных по площади и глубине ожогах поражается весь организм с нарушением функций различных его органов. При этом развивается ожоговая болезнь, сопровождающаяся шоком, отравлением организма продуктами омертвевших тканей, нарушением обмена веществ, понижением газообмена и др. Наиболее тяжелым и опасным для жизни при обширных ожогах является ожоговый шок [Советская военная, 1978, с. 29].

2. О. Хогг посвятил огню специальную главу «Зажигательные смеси» в своем труде «Эволюция оружия» [Хогг, 2008, с. 90–95].

3. Зажигательное оружие — боевые средства для поражения живой силы и военной техники противника, а также создания пожаров, действие которых основано на использовании зажигательных веществ — специальных составов (смесей), способных при горении выделять большое количество тепла и развивать высокую температуру [Военный, 1983, с. 261; Советская военная, 1977, с. 366].

будет вырыт с внутренней стороны ров. Если для этого что-либо понадобится — немедленно брать из имеющихся у тебя в наличии материалов; если же их нет, то разрушать находящиеся поблизости дома» [Эней Тактик, 2003, с. 91–92].

Аноним Византийский в «Инструкции по полиоркетике» писал: «Если какое-нибудь место останется неподожженным, надо бросать туда зажигательные снаряды, представляющие собой сухие древесные стружки, смоченные жидкой смолой или маслом» [Византийский Аноним, 2003, с. 530].

Конечно, в Древней Руси термина «зажигательные средства» не существовало, огонь еще не выделялся как особое боевое средство. Но зажигательные вещества, такие, например, как греческий огонь[4], средства и способы их боевого применения были хорошо известны, в том числе при штурме и обороне крепостей [Кирпичников, 1975, с. 197]. Н. Ф. Котляр пишет: «На Руси были знакомы как с греческим огнем, так и с зажигательными смесями, в т. ч. на основе нефти» [Котляр, 2010, с. 242–243].

Одним из способов борьбы с укреплениями, построенными из дерева, был их поджог, известный и распространенный на Руси с древнейших времен. Огонь для таких укреплений был очень страшен [Бережинский, Иванец, 2008, с. 47–48].

Во время нескончаемых войн и набегов горели города и села, гибли тысячи людей. Древнерусские князья и воеводы, дети своего жестокого времени, без малейших укоров совести жгли и грабили русские земли, часто даже свои собственные или недавно захваченные. Часто им помогали в этом их кочевые союзники.

Задача сжечь укрепление во время его осады ставилась далеко не всегда. На пепелище поживиться было уже нечем. Вряд ли стоило противнику совершать своим войском длительные и опасные переходы, целью которых могло стать лишь лицезрение большого пожара. Конечно же, и города и крепости на Руси сжигались дотла. Но не всегда и не полностью. На то были причины. В подавляющем же большинстве случаев сжигали городские стены часто уже после взятия города, просто уничтожая этим его оборонительную систему. Горел не весь город, горели укрепления [Бережинский, Иванец, 2008, с. 49]. Так, например, в 1280 г. краковский князь Лешек Черный «…пошел на Льва и взял у него город Переворск, и перебил там всех от малых до старых, и город зажег, и пошел назад к себе» [Monamenta, 1872, t. 2, p. 847; t. 3, p. 51, Шишов, 2005, с. 181]. Сначала — взял, потом ограбил, перебив жителей, и только потом поджег.

Бывало, что поджигали весь город. Так, в 1177 г. рязанский князь Глеб Ростиславич «поджег город Москву», стоявшую тогда у границ его владений [Котляр, 2010, с. 68]. Даниил Галицкий, воюя с болоховцами, «их грады предал огню…» [Котляр, 2010, с. 52]. В 1220 г. во время штурма булгарского города Ошеля воины Святослава Всеволодовича «…зажгли град, и взяли его на щит» [Раппопорт, 1954, с. 164]. В 1256 г. Холм сильно пострадал от пожара — настолько, что Галицко-Волынская летопись пишет о его восстановлении как о новом строительстве города [Фриман, 1895, с. 318].

Город или крепость поджигались с одной, с нескольких или сразу со всех сторон. Это зависело от плана нападающей стороны — штурмовать укрепление в одном или нескольких местах, а, возможно, отвлечь огнем внимание осажденных от участка действительной атаки.

При штурме главного города камских булгар Ошеля в 1220 г., по словам летописца, «…а наперед шли пещцы с огнем и с топоры, а за ними стрельцы, копейщики… оплот пожгоша… Потом к граду приступиша, отовсюду зажгоша его, и бысть буря и дым велик на сих потяну…» [Фриман, 1895, с. 42]. Русы, прежде чем поджечь ограду, раскопали ее, иначе сложно было бы поджечь деревоземляное укрепление. Поджог был совершен со всех сторон — «отовсюду». Распространению огня способствовал сильный ветер — «буря». Дым мешал пешим воинам вести бой в городе. В 1146 г.

4. Греческий огонь — зажигательный состав, применявшийся в VII–X вв. в борьбе за крепости и в морских боях. Включал селитру, серу, нефть, смолу и другие вещества, не гасился водой [Лалан, 1847; Бережинський, 1996; 2000; Энциклопедический, 2006; Еремеев, 2001; Глазырина, 1998; Лісовий, 2001].

нападающие подожгли Галич в трех местах, но его защитники сумели отбить штурм [Котляр, 2010, с. 157].

Поджог в осадном бою мог преследовать такие основные цели: бреширование стен (чаще всего), борьба с метательной артиллерией (поджог башни, на которой ее размещали), создание паники (поджог значительных строений внутри укрепленного пункта), борьба за ворота (их поджог), лишение осажденных возможности быстрого выхода из города, крепости (сжигание моста, если он был и его не разобрали или же не сожгли сами осажденные), нанесение урона противнику путем поджога его посадов и других построек вне укреплений, поджог креплений при подкопе и др.

Иногда поджечь при осаде старались все, что могло гореть — стены, башни, ворота, крыши домов и пр. В 1196 г. Всеволод Большое гнездо и смоленский Давыд Ростиславич «вятьскыя города поимали и пожьлѣ» [Зайцев, 1975, с. 25]. По легенде от огня пострадал и град Большой Китеж, подожженный монголами после упорного многодневного боя за каждый дом, каждую улицу. Именно огонь сломил обороняющихся [Резников, 2012, с. 145–147]. Может быть, поэтому его до сих пор не могут найти археологи?

Даже известные специалисты по истории Киевской Руси, такие как Н. Ф. Котляр, утверждают, что «майже щорічно, починаючи з середини XII ст., половці ... палили все на своєму шляху». Остается удивляться, как они не сожгли всю Русь, т. к. их «орди за чисельністю звичайно у кілька разів переважали руське військо» [Котляр, 2010, с. 179].

Стены часто поджигали при невозможности их разрушения. Нужна была брешь — проход через ограду. Поджог стены и был одним из способов брешированияя стен. «Достигнув подножия деревянных стен, атакующие чаще всего рубили их, пытаясь разрушить, или обкладывали хворостом и поджигали» [Котляр, 2010, с. 30].

В. Н. Татищев о поджоге стен при осаде Звенигорода писал: «Всеволод же … учинил приуготовление к добыванию его (Звенигорода), чтоб, приступя, рвы завалить и стены зажечь или пороками разбить…», т. е. целью поджога было сделать проход в стенах. «Они же биша пороки чрез весь день до вечера и на трех местах град зажигали, а воевода Захарнич огонь угошал и пороки отбивал…» [Татищев, 1967, с. 161].

Иногда для того, чтобы поджечь стены и, возможно, проездные башни, поджигались мосты. Так, при штурме Казани в 1552 г. «…атаковавшие успели зажечь мосты, и огонь сообщался близлежащим городским стенам, с уничтожением которых осыпалась и земля, наполнявшая внутренность срубов» [Котляр, 2010, с. 50].

Более других фортификационных сооружений от зажигательных стрел и горящих головешек осаждающих, как и от их метательной артиллерии, страдали деревянные заборола стен. После оборонительных боев их ремонтировали в первую очередь [Котляр, 2010, с. 165].

Поджечь ограду не всегда представлялось возможным, мокрое дерево поджечь практически невозможно. Кроме того, как писал Л. Фриман, «наружная сторона венчатой ограды не достигала дна рва, но подобно внутренней, доходила до местного горизонта или до вершины вала, где располагалась венчатая ограда, чтобы тем затруднить атакующему возможность зажечь ее; с этой же целью наружную сторону обмазывали на значительную высоту глиной, или обкладывали ее рядами дерна» [Фриман, 1895, с. 12].

Да и защитники не дремали: специально назначенные команды принимали все возможные меры сначала для того, чтобы не дать совершить поджог, а потом — чтобы его своевременно загасить, что им часто удавалось.

Не все стены были деревянными, были и каменные. П. А. Раппопорт писал: «В условиях тактики X–XIII вв. каменные стены имели перед деревянными лишь одно преимущество — огнестойкость. Однако и деревянные стены во время осады зажечь почти никогда не удавалось» [Раппопорт, 1956, с. 154]. Вероятно все же, что поджог

оборонительных сооружений во время осады вплоть до XIII в. применялся нечасто и большей частью безуспешно. Именно этим П. А. Раппопорт объяснял почему, несмотря на большое количество каменных и кирпичных церквей на Руси XI–XII вв., каменные оборонительные стены были сооружены лишь в единичных случаях.

Почти всегда при начале осады сжигался острог — отдельно стоящее вне города или крепости укрепление. В 1146 г. Всеволод Ольгович сжег острог у Звенигорода, после этого поджег город в трех местах, «но горожане с Божьей помощью загасили» [Татищев, 1967, с. 259]. Острогом в летописях называют также собственно ограду внутри города. В 1152 г. Святослав Ольгович, не взяв небольшого, но хорошо укрепленного города Вир, где держал оборону Иван Берладник, «сжег острог вокруг города» [Котляр, 2010, с. 84].

В годы войны за Киев между Изяславом Давидовичем и Ростиславом Мстиславичем в 1160 г. «Изяслав пришел к Белгороду, и стоял возле детинца 4 недели, а острог перед ним сжег Ростислав», который закрылся в Белгородском детинце.

Сожжение острога возле укрепленного града (детинца) было обычным для средневековой тактики осады городов и крепостей. Как упоминалось, в 1146 г. Всеволод Ольгович Киевский, пытаясь усмирить Владимира Галицкого, пошел на него с большим войском. Нападающие приблизились к Галичу и «пожгли возле него острог». Таким образом они наносили урон противнику, расчищали место для скопления войска непосредственно возле стен города или детинца. А позднее, в XIII в., острог иногда сжигали, чтобы иметь возможность подтянуть к укреплению осадную технику [Котляр, 2010, с. 225].

Как правило, во время осады сжигали посад, предградье. В 1139 г. Всеволод Ольгович захватил Вышгород и быстро двинулся на Киев, а войдя в город, поджег один из его посадов — Копырев конец [Рыжов, 1999]. Предградье Переяславля сожгли в 1151 г. Изяслав со Святополком и Вячеславом [Котляр, 2010, с. 63]. В 1164 г. шведы, не сумев взять осадой Ладогу, сожгли городской посад и ретировались после битвы на р. Вороной [Шишов, 2005, с. 38]. И. П. Крипьякевич писал: «Коли повелося добути довкільний, «окольний», город, часто підпалювали його, щоб присилувати оборонців здати і внутрішній город — «дитинець» [Крип'якевич, Гнатевич, Стефанів, 1992, с. 70].

Во время осады, если защитники не делали вылазок и не пытались снять блокаду, нападающие прилагали все усилия для того, чтобы нанести им максимальный урон, сжигая околицы, дома и пригородные районы. Так, например, села вокруг Чернигова в 1160 г. сжег Изяслав Давидович [Котляр, 2010, с. 19]. В 1170 г. Мстислав Изяславич осаждал Вышгород, в котором держал оборону Давид Ростиславич. «…Давид же своим (людям) велел острог сжечь…» [Котляр, 2010, с. 259]. Жгли, понятное дело, не только свои — русские — города, остроги и села, но и противника. В 1253 г. Даниил Романович в союзе с польским княжичем Владиславом осадил хорошо укрепленный чешский город Опаву. Прежде чем попытаться внезапно овладеть городом, союзники «собрались на совет и утром перешли речку, и обошли город, и сожгли все вокруг, храмы и ограды, и гумно». По сообщению галицкого автора, польский княжич сжег все, что мог, возле трех ворот Опавы [Котляр, 2010, с. 268].

Татаро-монгольские отряды «поджигали поля и нивы» [Котляр, 2010, с. 197], жгли села и города. Никто до них не оставил столько пепелищ на Руси. Татары «много святых церквей … предали огню, монастыри и села пожгли» [Лаврентьевская летопись, 1926, с. 34].

Самым страшным бичом для деревянных крепостей был огонь. 16 декабря 1237 г. татаро-монголы штурмом взяли Рязань, они пришли к городу «овин с огни» [Воинские повести, 1949, с. 12]. Археологические исследования показали, что почти всю территорию городища старой Рязани покрывал толстый слой пепла. Под остатками сожженных домов и церквей найдены останки жителей Рязани. Многие из них имели следы насильственной смерти — на костях следы сабельных ударов, черепа пробиты

стрелами и т. д.[5] [Монгайт, 1955, с. 29]. Н. Ф. Котляр утверждает, что татаро-монголы использовали при штурме Рязани огнеметы [Котляр, 2010, с. 242]. Скорее всего, это были горшки с зажигательной смесью для метательной артиллерии.

Зимой 1237–1238 гг. татаро-монголы, взяв Москву, «…город и церкви святые предали огню, и все монастыри, и села пожгли…» [Лаврентьевская летопись, 1926, с. 196]. К началу февраля 1238 г. полчища хана Батыя испепелили Рязань, Пронск, Коломну, Москву и другие города Рязанской и Владимиро-Суздальской земли.

Монголы, разграбив белокаменный замок Боголюбова, полностью разрушили его каменные стены и сожгли деревянную ограду [Шишов, 2005, с. 58]. Но в этом случае, скорее всего, говоря о том, что крепость была сожжена, летописец слегка лукавил. Какая-то (если не основная) часть укреплений оставалась. Так, например, «сожженный» в 1238 г. Переяславль Залесский ханским войскам пришлось опять брать в 1252 г., через 14 лет после «сожжения». В 1293 г. это опять пришлось делать золотоордынской «Дюденевой рати» [Шишов, 2005, с. 59].

Взяв великокняжеский Владимир-на-Клязьме и разграбив его 7 февраля 1238 г., монголы предали город огню, в котором сгорела его деревянная крепостная ограда [Шишов, 2005, с. 58]. Во время штурма Владимира монголами «… Всеволод, Мстислав (руководители обороны) и все люди бежали в Печерный город, а епископ и княгиня Юрия (Долгорукого) с дочерью, снохами и внучатами и остальные княжны (жена Владимира с детьми) и множество бояр и народа затворились в церкви святой Богородицы и там без милости сожжены. Татары силою отворили церковные двери и увидели, что запершиеся в церкви умерли от огня, а тех, кто не умер, прикончили. … Великому князю Юрию пришла весть: «Владимир и церковь соборная взяты; епископ, княгиня с детьми, снохами и внучатами погибли от огня…» [Лаврентьевская летопись, 1926, с. 198].

В 1239 г. монголы взяли Чернигов, «…зажгли его огнем» [Котляр, 2010, с. 245, 273] (опять сначала взяли, потом жгли). Батый опять же, после взятия хитростью Колодяжина и уничтожения его горожан, полностью разрушил и сжег город [Археологія, 1975, с. 274–276]. Так же был сожжен монголами город Изяславль [Археологія, 1975, с. 276–277].

В 1240 г. после приступа и разграбления монголами были сожжены Переяславль и Ярославль. Подожгли город татаро-монголы при осаде и штурме Сандомира в 1264 г. [Котляр, 2010, с. 275]. После татаро-монгольского нашествия Русь лежала в пожарищах и руинах, были сожжены «несчетное число градов, их же нельзя и посчитать» [Котляр, 2010, с. 248].

Плано Карпини в «Истории монголов» подробно описывает применение татаро-монголами поджога в осадных действиях: «И если они не могут овладеть укреплением..., то бросают на него греческий огонь[6]; мало того, они берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома; и везде, где огонь падает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо; все же его можно погасить, как говорят, полив вина или пива; если же он упадет на тело, то может быть погашен трением ладони руки… А когда они уже вошли (в укрепление), то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления» [Плано Карпини, 1911, с. 31–32].

Для поджога укреплений противника применялись различные средства. Обычно сам город и постройки внутри укреплений поджигались с помощью метательной артиллерии, зажигательных стрел и болтов с горящей паклей или брандеров — бочек с

5. Это свидетельствует о том, что город сожгли после штурма.

6. Примечательно, что о применении еще самими греками этого огня А. Н. Куропаткин писал: «В походе Игоря, когда часть судов была сожжена «греческим огнем» …сказалась отсталость нашей вооруженной силы в техническом отношении (греческий огонь, машины)» [Куропаткин, 1910, с. 21]. И далее: «Мы отставали от врагов наших на юге и юго-западе не только численно, но и в технических силах и средствах (греческий огонь, метательные машины и пр.» [Куропаткин, 1910, с. 32].

горящей смолой. То, к чему можно было подойти, поджигалось факелами или непосредственно огнем.

Одной из задач метательной артиллерии в осадном бою было создание очагов возгораний в осажденном городе [Шишов, 2005, с. 91]. Поджог мог быть вызван при непрерывном обстреле горящими головнями и копьями из метательных машин. Нет прямых указаний на то, что на Руси метательные орудия использовались для поджога стен укрепленного пункта и построек из дерева внутри него. Но то, что в Древней Руси были хорошо знакомы с этим способом поджога, неоспоримо. На это указывают те же летописи при описании метательной артиллерии половцев и монголов и способов ее боевого применения. Так, в 1184 г. половецкий хан Кончак пришел на Русь «пленити хотя грады Рускые». В его войске находился «босурменин» (т. е. магометанин, вероятно, из Хорезма) со специальной машиной, стрелявшей «живым огнем», и имелись «луци тузи самострелнии, одва 50 мужъ можашеть напрящи» [Летопись, 1871; Федоров, 1951, с. 6]. Употребление этих осадных средств не дало реальных результатов, и сам «босурменин» со своим живым огнем был захвачен русами в плен [Мелиоранский, 1902, с. 24–29; Греков, Якубовский, 1950, с. 26; Слово, 1950, с. 438].

В Новгородской I летописи старшего и младшего изводов о крестоносцах — участниках IV крестового похода говорится: «…задумали бросать огнем через стены, наполненные смолой, и, лучиной их зажегши, кидали на хоромы, так само, как и раньше, сожгли град» [Котляр, 2010, с. 262].

Известно также, что при покорении среднеазиатских городов наряду с метанием камней монголы применяли метание сосудов с зажигательной смесью. Так, при осаде города Нишабура в Средней Азии монгольское войско пустило в ход 3000 баллист, 300 катапульт, 700 машин для метания горшков с горящей нефтью [Каргалов, 1981, с. 79]. Употребляли ли монголы этот прием и при нашествии на Русь — неизвестно. Во всяком случае, в древнерусских летописях никаких сведений об употреблении огневых снарядов не имеется [Бартольд, 1900, с. 71; Иванин, 1875, с. 69]. Разве что спорадическое огнеметание в XII в. упоминает в своей работе по военному делу Руси в XIII–XV вв. А. Н. Кирпичников [Кирпичников, 1975, с. 61].

Другим распространенным средством для поджога укреплений были зажигательные стрелы для лука. Известно, что особенно широко использовали зажигательные стрелы кочевники [Бережинский, 2003, с. 92; Федоров-Давыдов, 1966, с. 27]. Некоторые стрелы из кочевнических погребений имеют прорези в широкой части. В них вставлялась пакля, поджигаемая перед выстрелом. Успешно применяли такие стрелы печенеги [Бережинский, Бороздина, 2009, с. 47, 231; Iohannes, 1985, p. 21, 44, 281] и половцы [Каргалов, 1981, с. 60]. Обычно зажигательными стрелами стреляли по стрехам укрытых соломой и камышом домов, поленницам, сеновалам.

С помощью вязанок хвороста — «примета»[7] — у стен осажденного города или крепости пытались развести огонь. Такие костры и воины, одновременно рубящие стены, изображены на многих летописных миниатюрах [Бережинський, 1998, с. 67; Рабинович, 1951, рис. 57]. Прекрасным материалом для примета служили деревянные строения посадов, расположенных с напольной стороны, со стороны «приступа». При благоприятном ветре, тянущем в сторону крепости, огонь быстро разгорался и перекидывался на сухие деревянные укрепления. В. В. Яковлев писал: «При приступе на деревянную ограду прибегали к рубке или к зажжению стен; для последней цели, по-видимому, у подошвы стены складывались связки из сухих сучьев, которые и зажигались; средство это потом было в большом употреблении и известно под именем приметов» [Яковлев, 2000, с. 43].

7. «Хрестоматия по русской военной истории», составленная Л. Г. Бескровным, в словаре военно-исторических терминов дает: «Примет — зажигательные стрелы; способ уничтожения крепостных стен путем обкладывания их бревнами и хворостом, которые затем поджигались» [Хрестоматия, 1947, с. 629]. Иногда слова «примет» и «приспа» как средства осады укреплений путают даже в летописях. Так, штурмуя Владимир, татары «…взошли у Святого Спаса у Золотых ворот по примету на стены…» [Лаврентьевская летопись, 1926, с. 197].

В 1253 г. при штурме города Глубчицы (Глубочичей) Даниилом с Болеславом в Силезии «…все воины хотели взять город приметом[8]», но это сразу не удалось [Котляр, 2010, с. 207].

В том же 1253 г. ливонские рыцари, не сумев взять внезапным налетом Псков, сожгли городской посад («пожгоша посадъ») [Шишов, 2005, с. 25]. В другой раз ливонцы, не сумев разбить стены Пскова, решили поджечь город. Были собраны в два «учана» (кострища) оставшиеся в Завеличье «древеса и жердье и солому». Все это было обильно полито смолой. Когда сильный ветер со стороны Завеличья подул на город, «учаны» были подожжены. Однако поджечь город таким образом ливонцам не удалось [Шишов, 2005, с. 28].

Поджог обыкновенно производили во время штурма при помощи примета — сухого дерева и вязанок хвороста, которые штурмующие несли с собой. Одновременно при подходе к стенам примет защищал осаждающих и от поражения. В позднем описании осады Хлынова (Вятки) московской ратью в 1498 г. рассказывается, как «воеводы всей силе велели приступ готовити и примет к городу: всякому человеку по бремени (связке) смол та берест, да на 50 человек по 2 сажени плетня, и в городу плетни поставляти». Князь Михаил Тверской, разбив в 1373 г. полк новоторжцев и подойдя к Торжку, «зажгоша с поля посады у города, и удари со огнем ветрь силен на град, и поиде огнь по всему граду, и погоре въскоре весь град» [Летописный сборник, 1863, стб. 432]. В случае опасности посады сжигали сами горожане.

Для защиты бревенчатых стен от поджога их обмазывали глиной и обкладывали снизу дерном. Загоревшиеся участки стен удавалось тушить; для этого существовали специальные водохранилища в виде осадных прудов и озер внутри крепостей.

Огонь к примету в зимнее время мог доставляться в санях. Подобным образом развивались события в 1281 г. под деревянными стенами Терведена: «Они (крестоносцы) разграбили и разорили всю округу… На следующий день осадная башня была собрана и выдвинута ко рву… В ров сбросили множество повозок с бревнами, а затем это все было подожжено. Замок загорелся в нескольких местах, но защитники храбро тушили пожары» [Жарков, 2008, с. 16].

Укрепления могли также поджигать следующим образом. Подкатывали брандеры[9], зажигали их и сбрасывали в ров. Загорались палисады. Огонь быстро распространялся на деревянные части укрепления [Кирпичников, 1966]. Широко применялись «повозки с горючими веществами, которые, по достижении вала, предполагалось зажечь» [Котляр, 2010, с. 66].

Святополк, поморский князь, воюя за крепость князя Пшемыслава Накло, «…намеревался захватить эту крепость поджогом. Но когда его люди принесли дрова, побросали в ров и пошли, (чтобы) принести еще больше, (жители крепости), выйдя из крепости, подобрали эти дрова изо рва и подожгли их. После того как они сгорели, поморяне больше не стали приносить дров и начали осаду крепости под прикрытием щитов с помощью бревен и других приспособлений. Пращники бросали камни и из маленьких машин метали снаряды» [«Великая хроника», 1987, с. 173].

Поджогом не брезговали даже цари, самолично поджигая брандеры. Так, Петр I во время Кожуховских маневров, «сделал длинную, крытую хворостом телегу, которую наполнил различными зажигательными составами и которую раскатили и пустили через ров, заваленный хворостом…» [Котляр, 2010, с. 66].

Примечательно, что по наблюдению Н. Ф. Котляра, совершать поджог стены не рекомендовалось делать ранее, чем за сутки до штурма, из-за возможности закрытия защитниками прогоревшей бреши [Котляр, 2010, с. 90].

---

8. Н. Ф. Котляр, комментируя это место в Галицко-Волынской летописи, пишет, расширяя понятия «приметом»: «Штурмом, забрасывая город снарядами метательной артиллерии и стрелами, как известно из летописного рассказа, — зажигательными» [Котляр, 2010, с. 207].

9. Брандеры — деревянные постройки, пропитанные смолой и маслом.

Во время штурма булгарского города Ошеля в 1219 г. поджог осуществляли специально снаряженные для этого факелами воины, которые в боевом порядке штурмующих двигались вслед за секирниками. Иногда поджечь деревянные городские постройки или вызвать пожары внутри города удавалось при помощи разведчиков и лазутчиков.

Хорошо известен летописный рассказ об осаде столицы древлян Искоростеня (современный Коростень Житомирской обл.) княгиней Ольгой, мстящей за смерть своего мужа. В 946 г. она с большим войском двинулась в Древлянскую землю. Храбро сражались древляне, но все же пришлось им укрыться за городскими стенами. Долгой была осада, пока Ольга не предложила вместо дани дать ей по три голубя и по три воробья от каждого двора. После этого княгиня велела своим людям привязать нитками трут к лапе каждой птицы. Когда начало смеркаться, она велела отпустить птиц на волю. И каждая полетела к своему дому. Осажденный город загорелся. «Ольга взяла город и сожгла его; старшин городских взяла в плен, а прочих людей иных убила, других отдала в рабство своим приближенным, остальных обложила тяжелой данью» [Чекалов, 2009, с. 167–168].

Характерно, что это была четвертая, последняя месть княгини, которая, наконец, ее удовлетворила. Этого не сделало ни захоронение живыми древлянских послов, ни сожжение в бане лучших мужей древлян, ни уничтожение 5 тыс. древлян после тризны по Игорю. Сожжение Искоростеня положило конец мести Ольги.

Летописное предание о мести княгини Ольги вошло и в учебники истории, хотя многие историки считают способ уничтожения Коростеня только красивой легендой. Но, как говорят в народе, в каждой сказке есть доля истины.

Скорее всего, славяне переняли такой способ поджога осажденных крепостей у датчан. По крайней мере, именно с датчанами связано самое раннее упоминание об этом. Саксон Грамматик рассказывал, как его применял легендарный датский герой Халдинг, сын короля Грамма, воспитывавшийся, правда, в Швеции. Халдинг для датчан — это примерно то же, что Геракл для греков или Эней для римлян. Конечно, нельзя слепо принимать на веру написанное о нем. Невозможно датировать связанные с ним события, хотя путем довольно сложных и не очень убедительных сопоставлений можно прийти к выводу, что речь идет о рубеже IX–VIII вв. до н. э. В этом случае Халдинг оказывается современником Ромула. Согласно легендам, во время своих странствий, не уступающих странствиям Геракла, Халдинг уничтожил некий славянский город Хандван (или Хольмгард, или Дина) в Геллеспонте при помощи горящей смолы, привязанной к лапкам ласточек.

В 1038 г. норвежский конунг Харальд Суровый во главе флота отбыл на Сицилию и овладел четырьмя крупными городами, считавшимися неприступными. Здесь Харальд проявил незаурядную тактическую смекалку.

Первый город имел такие прочные стены, что об осаде нечего было и думать. Харальд разбил лагерь у близлежащего леса и стал наблюдать. Вскоре решение было найдено. Норманны наловили городских ласточек, то и дело прилетавших в лес на поиски пищи, привязали к их спинкам сосновые стружки, смазанные воском и серой, подожгли их и отпустили обезумевших птиц к их гнездам. Через очень короткое время пылающий город распахнул свои ворота и попросил пощады. Для диверсий подобного рода пытались использовать и других птиц, например, соколов [Пономарев, 2006, с. 189–191].

Подобные способы поджога с помощью птиц и животных содержатся и в Библии. Библейский богатырь Самсон, как следует из книги судей Израилевых, «…пошел… и поймал триста лисиц, и взял факелы, и связал хвосты с хвостом, и привязал по факелу между двумя хвостами; и зажег факелы, и пустил их на жатву Филистимскую, и выжег и копны, и нежатый хлеб, и виноградные сады, и масличные» [Понамарев, 2006, с. 3].

В древнеиндийском трактате «Артхашастра» министра царя Чандрачупы Маурильи Каутилья Вишнегупта написано: «Поймав соколов, ворон, кобчиков, ястребов,

попугаев, галок, сов и голубей, следует привязать к их хвостам воспламеняющиеся вещества и пустить во вражеское укрепление.

Также возможно, чтобы охранные части из далеких пунктов лагеря зажгли укрепления врага «человеческим» огнем (то есть огнем, бросаемым людьми), подняв знамена и луки. Шпионы под видом воинов пограничной и крепостной охраны, привязав горючие вещества к хвостам ихневмонов, обезьян, кошек и собак, должны пускать их в помещения, где хранится сложенная солома.

Положив горючие вещества вовнутрь сушеных рыб или в сушеное мясо, делая вид, что кормишь птиц, можно таким образом добиться, чтобы птицы перенесли эти горючие средства в укрепление врага. Зажигательными веществами являются шарики из елового дерева, или «девадару» из «вонючей травы», из черной смолы, из еловой смолы, из смолы дерева сарджа и лака, а также навоз ослиный, верблюжий, козий и овечий.

…Однако если есть надежда на победу в открытом бою, то не следует метать огня. Ведь огню нельзя доверять: он может принять характер стихийного бедствия и может привести к несчетным потерям в людях, хлебных запасах, скоте, деньгах, сырье, в ценных предметах. А власть, даже сделавшая приобретение, стоит перед угрозой гибели, если истощены запасы» [Артхашастра, 1959, с. 466–467].

На Западе во времена Киевской Руси поджог замка могли осуществить даже осадные пловцы, вероятно, первые подводные диверсанты. «Эти специалисты также были известны нашим предкам», — пишет Ф. Функен в своей «Энциклопедии вооружения и военного костюма». Гийом Бретанский сообщает о том, как один опытный пловец по имени Гальберт перетащил на веревке несколько глиняных горшков, наполненных горючей смесью, для поджога замка Шато-Гайар в Анделисе в 1203 г. [Функен, 2002, с. 66].

Важным средством осады был также дым от так называемых дымных костров. Так, в феврале 1238 г. при осаде города-крепости Владимира старики, женщины, дети, епископ Митрофаний и княгиня Агафья спрятались от врага в Успенском соборе. Но монголы разожгли дымные костры вокруг храма, и все в нем задохнулись от дыма [Торопцев, 2008, с. 387].

К. Липа пишет: «А чтобы долго не морочиться с осадой, кочевники с помощью тех же стрел еще и поджигали поселения. Строения на Руси в те времена были большей частью деревянными, крыши — крыты соломой и камышом. Поэтому они вспыхивали, как спички, и сгорали примерно с такой же быстротой. Спасти их мог лишь внезапный и очень сильный ливень, но такая помощь от богов, ясное дело, случалась крайне редко» [Липа, 2007, с. 13].

Почему-то принято считать, что деревоземляные укрепления легко сжечь. К. Носов даже пишет: «…земляные насыпи имели деревянный каркас, который легко можно было сжечь» [Носов, 2003, с. 17]. Интересно, как это можно сделать практически? В жизни это получалось далеко не всегда. Так, например, известно, что во Владимирском княжестве войсками Батыя зимой 1238 г. было сожжено всего 14 деревянных городов (из общего числа около 300) [Гумилев, 2007, с. 492].

Другое дело собственно деревянные постройки. Русь рождалась и жила деревянной. Города и дома рубились из дерева, их окружали деревянным частоколом. Дерево согревало жилище в глинобитных очагах, деревянные стены охраняли от вражьих стрел. Этот находившийся в изобилии строительный материал был благом для людей. Деревянная Русь непрестанно горела. Подсечное и переложное земледелие на правобережье Днепра и на славянском Севере заставляло каждые два-три года бросать снижавшие плодородие поля, отвоеванные у леса, и снова врубаться в обширные леса. Это не содействовало созданию больших устойчивых поселений вне городских стен. Лесные заимки не представляли ценности для людей, они их бросали, сжигали и строили новые. Пожары[10] возникали и в мирное время. Так, известно, что только в 1211 г.

10. Пожары — стихийное (или вызванное преднамеренно) распространение огня, сопровождающееся уничтожением материальных ценно-

в Новгороде во время пожара сгорело 4300 дворов и 15 церквей [Соловьев, 1960, с. 12; Новгородская, 1950, с. 52, 250].

От огня могли пострадать не только постройки внутри города, но и деревянные мостовые. Обычно их срок службы составлял 15–30 лет, но меняли их чаще. «За это время мостовые, как правило, не изнашивались. Строительство новых мостовых предпринималось …после сильных пожаров, во время которых верхняя часть плах обгорала…» [Древняя Русь, 1985, с. 170].

Не случайно при раскопках Новгорода обнаружено порядка 30 слоев новых мостовых один над другим за период с XV вв. [Древняя Русь, 1985, с. 171]. Боясь пожара, в мирное время деревянные мостовые в городах поливали водой [Лаврентьевская летопись, 1926, с. 158]. Дровяные склады и сеновалы также были потенциально опасными местами для пожаров.

Поэтому деревянные стены снаружи покрывали обмазкой, сделанной обычно из глины. Такая обмазка предохраняла стены от поджога. Кроме того, она придавала деревянным оборонительным сооружениям вид каменных построек, напоминая внешне побелку [Косточкин, 1962, с. 204].

С пожарами боролись всем миром. «Пожары, происходившие в городе, были немедленно тушимы» [Котляр, 2010, с. 206]. Огонь тушили землей в первую очередь, «понеже земли довольно» [Котляр, 2010, с. 90].

Пожары могли вызвать панику в осажденном городе, что способствовало реализации планов нападавших. С ними и попытками поджогов оборонявшиеся всегда боролись.

Наиболее действенным средством против попыток осаждавших совершить поджог или вызвать пожары в укрепленном городе или крепости была вылазка. В 1375 г. при штурме москвичами Твери они «мост и стрельницю зажгоша». Угроза поджога стен была предотвращена смелой вылазкой под командованием самого князя Михаила, в результате которой осаждаемые разрушили туры, потушили пожары [Шишов, 2005, с. 64].

Ростислав Мстиславич, в 1161 г. оборонявший Белгород, сам сжег свой острог, вероятно, для того, чтобы расчистить пространство для своих сил во время вылазки и в предвидении возможного штурма [Котляр, 2005, с. 392]. После одержанной в битве у Ярослава победы «Данило созданный Ростиславом город поджог» — обычно во время осады город или крепость ограждали «тыном» для того, чтобы затруднить вылазки осажденных или возможную помощь им извне. В данном случае книжник назвал это сооружение «городом». Наверное, были уничтожены и сами осадные машины, и окружающий их «тын» [Галицько-Волинський, 2002, с. 108].

В случае внезапного нападения противника на город обороняющие, не имея времени на разрушение моста, просто сжигали его [Рабинович, 1951, с. 237]. Осажденные прежде всего сжигали все посады, их жители пополняли гарнизон укрепленного пункта [Котляр, 2010, с. 39]. Иногда, не успев подготовиться к осаде, жители сами сжигали свои жилища, уходя в город, но «имели неосторожность оставить не разрушенными густые сады и рощи, которые послужили для русских закрытиями и обеспечили самое приближение к крепости верхом» [Котляр, 2010, с. 55].

Как писал Маврикий в своей «Тактике и стратегии», «надо следить за перебежчиками от неприятеля в осажденные города, потому что неприятель часто посылает их для производства пожаров; когда же гарнизон будет занят тушением их, то неприятель может легко овладеть городом» [Маврикий, 1903, с. 114].

В укреплениях есть особо опасные места, в которых следует ожидать поджога: туда и направлялось внимание защитников, туда стаскивались запасы воды, подводили трубы и др. Возможно, труба на новгородской миниатюре именно для этого и

стей и угрожающее жизни людей. Физическое воздействие пожаров на людей (ожоги) дополняется сильным психологическим эффектом, способным вызвать панику, привести к значительным потерям [Морозов, 1978, с. 391–392].

была предназначена. Для борьбы с поджогами создавались специальные пожарные команды.

«Наружная сторона венчатой ограды не достигала дна рва, но, подобно внутренней, доходила до местного горизонта или до вершины вала, где располагалась венчатая ограда, чтобы тем затруднить атакующему возможность занять ее; с этой же целью наружную сторону обмазывали на значительную высоту глиной, или обкладывали ее рядами дерна» [Котляр, 2010, с. 12].

В ходе оборонительного боя для поджога осадной техники осажденные сбрасывали на нее горящие головни и пропитанную смолой паклю.

Покорившись захватчикам, защитники города или крепости иногда сами, своими руками сжигали свои же укрепления. Чтобы быстро выполнить приказ Бурундая о немедленном разрушении всех галицко-волынских укреплений их городов и крепостей, Василий Романович приказал сжечь деревянные укрепления Владимира [Фриман, 1895, с. 255].

Необходимость строительства каменных крепостей стала особенно очевидной после сожжения таких окраинных городов, как Юрьев в Эстонской земле (1061 г.), Торчин (1093 г.) и Юрьев в Поросье (1095 г.) [Кирпичников, 1984, с. 67]. Однако «поджигали и каменные крепости: в 997 г. норвежский ярл Эйрик «…крепость ту всю разрушил и сжег» [Ридзевская, 1945, с. 55].

В 1206 г. русские впервые в боевой практике штурмовали западноевропейский каменный замок Гольм (Саласпилс). «…Они собрали большой костер из бревен и старались поджечь укрепления, но старания эти были напрасны, а при сборе леса многие из них пали раненые баллистариями», — писал Генрих Латвийский [Генрих Латвийский, 1938, с. 90].

В. В. Амельченко писал: «Если в Западной Европе, одетой в камень, сохранились благодаря этому многочисленные следы обитания, жизни, культуры, документы, хроники и другие первоисточники, то деревянная архитектурная среда наших предков оказалась подвержена огню, гниению, тлену, не уберeглась сама и не сохранила потомкам многих материальных свидетельств жизни наших предков» [Амельченко, 1992, с. 97].

Таким образом, на Руси хорошо знали и успешно применяли огонь в качестве средства для борьбы за укрепления противника. Для этого использовались разнообразные способы и средства поджога. При этом зачастую сжигались не только сами укрепления, но и целые крепости и даже города, построенные в основном из дерева. Полностью выжигались остроги и посады, предградье и околицы. Не щадил огонь и посевы мирных жителей, обрекая их на голод и лишения.

Позже этот опыт применения огня в осадном бою нашел воплощение в боевых уставах. Так, например, в указе (статье) 81 «Устава ратных и пушечных дел» 1607 г. говорится, что если «…туры привести столь близко, что рукою мочно к стене дрова бросати, а как то зделается и изготовя дрова со соломою и с хворостом збити стена городовая и учрежати людей к приступу, да как стены собьются и падут и дрова запалятся и сгорят, потом приступати елико возможно» [Устав, 1777, с. 81; Хрестоматия, 1947, с. 89].

Еще позже появились специальные огнеметно-зажигательные средства — вид оружия, предназначенный для поражения живой силы и военной техники противника, а также для создания очагов пожаров посредством воздействия пламени и высокой температуры горения специальных зажигательных смесей. Огнеметно-зажигательные средства и сегодня считаются действенным средством поражения живой силы, военной техники и объектов тыла противника. В очагах применения зажигательных средств возникают многочисленные пожары, что лишает войска возможности располагаться в лесах и населенных пунктах с легковозгораемыми постройками, вынуждает постоянно проводить противопожарные мероприятия, отвлекая для этого силы и средства. В настоящее время огнеметно-зажигательные средства вклю-

чают зажигательные вещества (боеприпасы) и средства их доставки к цели[11]. В зависимости от способа доставки к цели огнеметно-зажигательные средства применяются авиацией (зажигательные баки, бомбы, кассеты), артиллерией (зажигательные снаряды, мины), мотострелковыми войсками (гранаты, фугасы); танковыми и химическими войсками (огнеметы) [Ардашев, 2002, с. 33–35].

Противопожарная защита при обороне укрепленных пунктов прочно вошла в систему мероприятий, направленных на поддержание в постоянной готовности всех противопожарных средств и систем, строгое выполнение организационно-технических мероприятий, а в случае возникновения пожара — умелые действия личного состава по борьбе с ним и ликвидации последствий [Шувалов, 1971; Грабовой, 1969; Откидач, 1968].

Рис. 1. Половцы захватывают Торческ. 1093 г.
Миниатюра из Радзивилловской летописи

Рис. 2. Нападение половцев на Киев. 1096 г.
Миниатюра из Радзивилловской летописи

11. Эти средства были известны с глубокой древности и постоянно совершенствовались. Еще Фукидид в своей «Истории» рассказывал об очень любопытной изобретенной беотийцами огневой машине, с помощью которой они успешно сожгли лагерь афинян в Делии (424 г. до н. э.). Машина представляла собой выдолбленное внутри бревно, к одному концу которого был привешен котел с углями, смолой и серой, а на другом конце располагались меха. С помощью этого приспособления беотийцы сожгли деревянные укрепления афинян. Огонь прогнал защитников со стены, открыв дорогу для штурма беотийцам [Фукидид, 1999, с. 31].

Рис. 3. Половцы сжигают Юрьев.
Миниатюра из Радзивилловской летописи

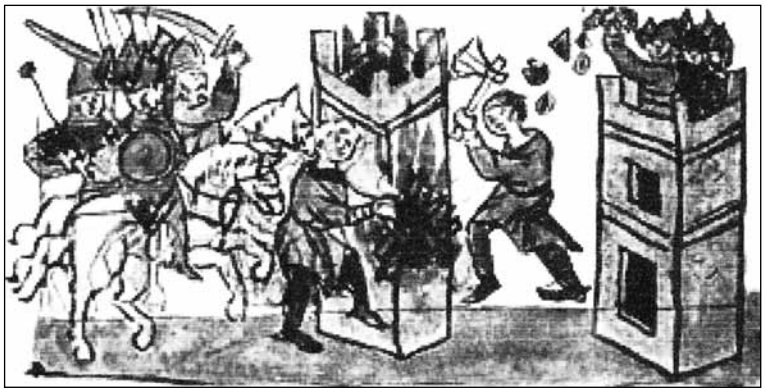


Рис. 4. Князь Владимир Мономах штурмует Чернигов.
«...Черниговцем же не отворявшимся, приступите ко граду;
Володимер же приступил ко вратам восточным... и отвориша
окольний и пожогша и...». Миниатюра летописи по Ипатскому списку

Рис. 5. Взятие Искоростеня Ольгой.
Миниатюра из Радзивилловской летописи

Амельченко В. В. Дружины Древней Руси / В. В. Амельченко. — М., 1992. — 144 с.

Аноним Византийский. Инструкция по полиоркетике / Аноним Византийский // Военное искусство античности / [сост. К. Королева]. — М.; СПб., 2003. — С. 519–564.

Ардашев А. Огонь врага огнем поправ… / А. Ардашев // Техника и вооружение. — 2002. — № 1, 3–5, № 6. — С. 33–35.

Артхашастра или наука политики. — М.; Л., 1959. — 802 с.

Археологія Української РСР. — К., 1975. — Т. 3. — 501 с.

Бартольд В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / В. Бартольд. — СПб., 1900. — Т. 2. — 582 с.

Бережинский В. Г. Вооружение печенегов / В. Г. Бережинский. — К., 2003. — 346 с.

Бережинський В. Г. Зброя Київської Русі / В. Г. Бережинський. — К., 2000. — 296 с.

Бережинський В. Г. Озброєння Київської Русі: «Грецький вогонь» / В. Г. Бережинський. — К., 1996. — 31 с.

Бережинський В. Г. Озброєння війська Київської Русі: Облогова техніка / В. Г. Бережинский. — К., 1998. — 125 с.

Бережинский В. Г. Оружие и оснащение войска печенегов / В. Г. Бережинский, А. К. Бороздина. — К., 2009. — 301 с.

Бережинский В. Г. Искусство осады городов и крепостей в Древней Руси (IX–XIII вв.) / В. Г. Бережинский, М. Г. Ивануц. — К., 2008. — 137 с.

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв.: (перевод и комментарии) / [под ред. В. Л. Янина]. — М., 1987. — 264 с.

Военный энциклопедический словарь / [председатель гл. ред. комиссии Н. В. Огарков]. — М., 1983. — 863 с.

Воинские повести Древней Руси / [под ред. В. П. Адриановой-Перетц]. — М.; Л., 1949. — 377 с.

Галицько-Волинський літопис: Дослідження. Текст. Коментар / [за ред. М. Ф. Котляра]. — К., 2002. — 400 с.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Генрих Латвийский / [введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского]. — М.; Л., 1938. — 608 с.

Глазырина Г. В. Описание «греческого огня» в Саге об Ингваре / Г. В. Глазырина // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. — СПб., 1998. — С. 40–43.

Грабовой И. Д. Действия в условиях массовых пожаров / И. Д. Грабовой. — М., 1969. — 120 с.

Греков Б. Д. Золотая Орда и ее падение / Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. — М.; Л., 1950. — 500 с.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона / [редактор-составитель И. Е. Арясов]. — М., 2006. — 640 с.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Лев Гумилев. — М., 2007. — 839 с.

Древняя Русь. Город. Замок. Село / Г. В. Борисевич, В. П. Даркевич, А. Н. Кирпичников и др. — М., 1985. — 432 с. – (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20–ти т.).

Еремеев И. От греческого огня до напалма / И. Еремеев // Зброя та полювання. — 2001. — № 3(20). — С. 8–9.

Жарков С. Рыцарские ордена в бою / Сергей Жарков. — М., 2008. — 151 с. — Режим доступа: http://bookz.ru

Зайцев А. К. Домагощ и границы «вятичей» XII в. / А. К. Зайцев // Историческая география России XII — начала XX в. — М., 1975. — С. 21–31.

Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-Хане и Тамерлане / М. И. Иванин. — СПб., 1875. — 277 с.

Каргалов В. В. Народ-богатырь / В. В. Каргалов. — М., 1981. — 200 с.

Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси XIII–XV вв.: дисс... докт. ист. наук / А. Н. Кирпичников. — Л., 1975.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // САИ. — Вып. Е1-36. — М-Л., 1966. — 183 с.

Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли / А. Н. Кирпичников. — Л., 1984. — 289 с.

Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII — начала XVI веков / В. В. Косточкин. — М., 1962. — 286 с.

Котляр М. Ф. Воєнне мистецтво Давньої Русі / М. Ф. Котляр. — К., 2005. — 414 с.

Котляр М. Ф. Нариси воєнного мистецтва Давньої Русі / М. Ф. Котляр. — К., 2010. — 280 с.

Крип'якевич І. Історія українського війська (від княжих часів до 20-х років XX ст.) / І. Крип'якевич, Б. Гнатевич, З. Стефанів та ін. / [упор. Б. З. Якимович]. — Львів, 1992. — 712 с.

Куропаткин А. Н. Задачи русской армии / А. Н. Куропаткин. — СПб., 1910. — Т. 1.

Лаврентьевская летопись / [перевод М. Н. Тихомирова] // Полное собрание русских летописей. — Л., 1926. — Т. 1.

Лалан Л. Исследование о греческом огне и о введении пороха в Европе / Л. Лалан. — СПб., 1847. — 122 с.

Лісовий А. С. Дещо про порох / А. С. Лісовий // Колега. — 2001. — № 1. — С. 27–29.

Липа К. Під захистом мурів / К. Липа. — К., 2007. — 184 с.

Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью / [под ред. А. Ф. Бычкова] // Полное собрание русских летописей. Т. 15. — СПб., 1863. — 503 с.

Летопись по Ипатскому списку // Полное собрание русских летописей. — СПб., 1871. — Т. 2. — 350 с.

Маврикий. Тактика и стратегия / Маврикий. — СПб., 1903. — 241 с.

Мелиоранский П. Н. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» / П. Н. Мелиоранский // ИОРЯС. — СПб., 1902. — Т. 7. — Кн. 2. — С. 273—302.

Монгайт А. Л. Старая Рязань / А. Л. Монгайт // МИА. — 1955. — № 49. — 232 с.

Морозов К. В. Пожары / К. В. Морозов // Советская военная энциклопедия. — М., 1978. — Т. 6. — 786 с.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.; Л., 1950. — 659 с.

Носов К. С. Осадная техника античности и средневековья / К. С. Носов. — М., 2003. — 368 с.

Откидач А. А. Средства и способы тушения пожаров в очаге ядерного поражения / А. А. Откидач, Б. Я. Улановский. — М., 1968. — 180 с.

Плано Карпини. История монголов / Плано Карпини. — СПб., 1911. — 232 с.

Понамарев В. Т. Боевые животные: Секретное оружие всех времен и народов / В. Т. Понамарев. — Донецк, 2006. — 304 с.

Рабинович М. Г. Осадная техника на Руси в X–XV веках / М. Г. Рабинович // Известия Академии наук СССР: Серия истории и философии. — 1951. — №. 1. — Т. 8. — С. 61—75.

Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. / П. А. Раппопорт // МИА. — 1956. — № 52. — 184 с.

Раппопорт П. А. Холм / П. А. Раппопорт // Советская археология. — 1954. — Т. 20. — С. 313–323.

Ридзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге в древне-северной литературе / Е. А. Ридзевская // КСИИМК. — М.; Л., 1945. — Вып. 11. — С. 51–65.

Резников К. Ю. Русская история: мифы и факты. От рождения славян до покорения Сибири / К. Ю. Резников. — М., 2012. — 448 с.

Рыжов К. Все монархи мира. Россия. 600 кратких жизнеописаний / К. Рыжов. — М., 1999. — 640 с. — Режим доступа: http://www.hrono.info/libris/lib_r/ryzov00.php

Слово о полку Игореве / [отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц]. — М.; Л., 1950. — 164 с.

Советская военная энциклопедия: В 8 т. — М., 1977. — Т. 3. — 672 с.

Советская военная энциклопедия: В 8 т. — М., 1978. — Т. 6. — 678 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. — М., 1960. — Т. 3.

Татищев В. Н. История Российская / В. Н. Татищев. — М.; Л., 1967. — Т. 2.

Торопцев А. П. Мировая история крепостей и замков / А. П. Торопцев. — М., 2008. — 752 с.

Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. — СПб., 1777. — Ч. 1. — 236 с.

Федоров В. Г. Военные вопросы «Слова о полку Игореве» / В. Г. Федоров. — М., 1951. — 103 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники / Г. А. Федоров-Давыдов. — М., 1966. — 276 с.

Фриман Л. История крепости в России / Л. Фриман. — СПб., 1895. — Ч. 1. — 248 с.

Фукидид. История / Фукидид. — М., 1999. — 736 с.

Функен Ф. Средние века. VIII–XV века: Доспехи и вооружение — Крепости и осадные машины — Рыцарские турниры и гербы / Ф. Функен, Л. Функен. — М., 2002. — 151 с.

Хрестоматия по русской военной истории / [сост. Л. Г. Бескровный]. — М., 1947. — 640 с.

Хогг О. Эволюция оружия. От каменной дубинки до гаубицы / О. Хогг / [пер. с англ. Л. А. Игоревского]. — М., 2008. — 250 с.

Чекалов Д. Амазонки: истоки феминизма / Денис Чекалов. — М., 2009. — 320 с.

Шишов А. В. Твердыни России: От Новгорода до Порт-Артура / А. В. Шишов. — М., 2005. — 416 с.

Шувалов М. Г. Основы пожарного дела / М. Г. Шувалов. — М., 1971. — 352 с.

Эней Тактик. О перенесении осады / Эней Тактик // Военное искусство античности / [сост. К. Королева]. — М.; СПб., 2003. — С. 38–97.

Яковлев В. В. История крепостей / В. В. Яковлев. — М.; СПб., 2000. — 400 с.

Iohannes de Thurocz. Clironica Hungarorum / [textug, eds. E. Galanta and I. Kristo]. — Budapest, 1985. — Т. 1.

Monamenta Polonine Historica. — Lwow, 1872. — Т. 2, 3.

В. Г. Бережинський, М. Г. Івануц

Вогонь як засіб осади в Давній Русі: тактика та техніка бойового застосування

У статті розглядається питання використання вогню як засобу здобуття (захоплення) укріплених пунктів у Давній Русі, показані різноманітні способи та засоби підпалення, а також боротьби з ним.

V. G. Berezhinskiy, M. G. Ivanuts

Fire as a means of siege in Ancient Russia, Tactics and techniques of combat application.

In this article the question of fire usage as the means of the fortress seizure in Ancient Rus is considered. Various methods and facilities of arson and ways of dealing with it are shown.

Т. С. Бубенько

О времени возникновения средневекового Новогрудка

Результаты новых исследований в различных частях древнего Новогрудка и переосмысление материалов предшественников позволяют сегодня не только уточнить время перенесения административного центра средневекового города на Замковую возвышенность, но и предпринять попытку локализации политического центра более раннего времени (X–XI вв.) — предшественника Новогрудка, в противовес которому и было основано новое поселение.

Ключевые слова: дреговичи, детинец, древнерусский город, Борисоглебская церковь, внутривальные конструкции, культурный слой, вещевые комплексы, оборонительный вал, торгово-ремесленный посад, фортификация.

Впервые летописный Новогородок (Новоугородок) в письменных источниках появляется относительно поздно (1212 г.) [Тихомиров, 1956, с. 204]. К 1235 г. относится первое косвенное упоминание Новогрудка как центра удельного княжества, в котором княжил Изяслав Новгородский [Полное собрание, 1962, стб. 776]. Следующий раз город появляется в летописях лишь в 1252 г., когда в связи с военными действиями против Литвы Даниил Галицкий и его сын, князь Василько, «поидовста к Новоугородоу» [Полное собрание, 1962, стб. 816].

Позднее упоминание Новогрудка в летописях и этимология названия наталкивают на мысль о существовании в данном районе раннего городского образования, которое являлось центром округи в XI — начале XII вв. и было по отношению к летописному Новогрудку предшественником, т. е. Старым городком.

К проблеме локализации этого долетописного Новогрудка X–XI вв. впервые обратилась Ф. Д. Гуревич, на протяжении 30 лет изучавшая детинец, окольный город и округу средневекового города. Она неоднократно предпринимала попытки поиска старого городка, однако безрезультатно. Ни одно из исследованных в окрестностях Новогрудка городищ (у деревень Городечно, Радогоща) не могло претендовать на роль первоначального политического центра. Исходя из этого, Ф. Д. Гуревич предположила, что «Новым городом» памятник стал называться «относительно ранее существовавших догородских поселений на новогрудских возвышенностях» [Гурэвіч, 2003, с. 71].

Данная гипотеза получила развитие в публикациях С. А. Пивоварчика, который усмотрел здесь процесс синойкизма: два соседних родовых поселка объединяются в один город, который и стал «новым» не только в отношении неукрепленных догородских поселений, но и «новым» вообще в данном регионе [Піваварчык, 1996, с. 11].

Действительно, в последние века I тыс. н. э. в историческом центре Новогрудка существовало две топографические доминанты — Замковая возвышенность и небольшой холм, расположенный южнее нее. На момент заселения славянами Замковая возвышенность представляла собой четырехугольное плато площадью около 3,6 га, вытянутое в широтном направлении. Судя по древнему рельефу, уклон ее в восточном и юго-восточном направлении был не менее 4–8 м. Распределение древнейшего слоя и его довольно широкий хронологический диапазон свидетельствуют о заселении дреговичами в X — начале XI вв. западного

и северо-западного склонов и прилегающего к ним края площадки. Восточная оконечность возвышенности стала обживаться славянами не ранее XI в. [Гурэвіч, 2003, с. 275].

В то же время исследователи Новогрудка единодушны в том, что раннесредневековый город возник в середине или в первые десятилетия второй половины XI в. после возведения в восточной части Замковой возвышенности фортификации и превращения ее в детинец, известный как Замковая гора [Гуревич, 1980, с. 98]. Столь раннее превращение дреговичского поселения в раннесредневековый город выглядит, по крайней мере, неубедительно, поскольку на материке и в предматериковом слое Замковой горы отсутствуют находки древнее XII в. [Гуревич, 1974, с. 20]. По наблюдениям Ф. Д. Гуревич, сооружение вала в середине или в первые десятилетия второй половины XI в. никак не отразилось на жизни обитателей Замковой горы, и вплоть до XII в. городской характер поселения практически не прослеживается. «Следы жизни второй половины XI в. на новогрудском детинце крайне неинтенсивны. Это маловыразительные очаги и отдельные ямы. Видимо, в это время площадка Замковой горы, огражденная валом, служила крепостью для городского посада, в который превратилось первоначальное поселение на Малом замке» [Гуревич, 1991, с. 45].

Возникает справедливый вопрос: во второй ли половине XI в. была возведена фортификация вокруг практически пустующей площадки? Тем более что исследователи, осуществлявшие прорезки оборонительного вала, к единой дате возведения первоначальных укреплений так и не пришли.

Первые исследования оборонительных укреплений Новогрудского замка были проведены в 1965 г. П. А. Раппопортом в северной части Замковой горы недалеко от башни Щитовка. Однако «как в насыпи вала, так и в слое погребенной почвы под валом (насколько это удалось проверить в небольшом шурфе) культурных остатков не содержалось» [Раппопорт, 1967, с. 122]. Несмотря на это, исследователь сделал вывод, что вскрытый им земляной оборонительный вал, состоящий из песка и мелкой речной гальки, следует датировать X в., т. е. временем заселения Замковой возвышенности дреговичами. В то же время Ф. Д. Гуревич приводит иную датировку укреплений, исследованных П. А. Раппопортом, — это конец XII — рубеж XII–XIII вв., поскольку считает, что фортификация по краю площадки была возведена после гибели первоначальных укреплений [Гурэвіч, 2003, с. 76].

В 1969–1970 гг. Ф. Д. Гуревич в северной части раскопа 1 также были изучены остатки ранней фортификации будущего детинца. Исследователь утверждает, что насыпь высотою 2,5 м состояла из песка, в верхней части насыпи смешанного с камнями. С тыльной стороны к насыпи примыкали клети, которые лежали на насыпном сером грунте мощностью до 1 м. Датировка внутривальных конструкций осуществлена на основании материала, встреченного в насыпи вала и при разборке клетей, — керамика типов I–V, которая бытует на Малом замке в конце X–XII вв., и втульчатый двушипный наконечник стрелы, имеющий широкий хронологический диапазон (VIII–XIII вв.) [Гурэвіч, 2003, с. 73]. Ниже описанной подсыпки на материке были зафиксированы напластования, относящиеся к неукрепленному дреговичскому поселку. Судя по немногочисленным находкам, культурный слой под валом может быть датирован рубежом X–XI вв. или началом XI в. На основании приведенных материалов время сооружения первоначальных укреплений Ф. Д. Гуревич относит к первым десятилетиям второй половины XI в. [Гуревич,1991, с. 45].

Аналогичный по структуре участок раннего вала, состоящий из серого песка мощностью до 1 м с примесью камней, был вскрыт и в южной части Замковой горы в небольшом по площади раскопе 2 (1959, 1962 гг.). Бревна, зафиксированные в профиле восточной стенки раскопа, Ф. Д. Гуревич связывает с внутривальными конструкциями, аналогичными клетям, вскрытым в северной части детинца. Находок в данном слое, как и в раскопе 1, не было, однако в напластованиях под насыпью наряду с керамикой типов I и II были найдены вещи (половецкий крюк для шнуровки, пряжка),

временные рамки которых не опускаются ниже XII в. [Кызласов 1978, с. 139; Зильманович,1965, с. 97]. Их присутствие в инситном слое Ф. Д. Гуревич объясняет «случайностью» (или, возможно, более ранним происхождением данных вещей) и датирует южный участок вала, по аналогии с северным, второй половиной XI в. [Гуревіч, 2003, с. 302]. В первоначальной публикации материалов из раскопа 2 руководитель работ на этом участке Н. Д. Зильманович считал данный слой возможной подсыпкой первоначального вала или другим земляным сооружением, насыпанным до начала XII в., поскольку выше насыпи был исследован первый горизонт застройки, датируемый первой четвертью XII в. [Зильманович, 1965, с. 96; Гуревіч, 2003, с. 313].

Исследования фортификации новогрудского детинца были продолжены в 1969–1970 гг. М. А. Ткачевым на восточном склоне площадки, где на глубине 5,5–5,3 м им обнаружены остатки первоначального вала высотою около 1 м. Обугленные плахи, лежащие параллельно и перпендикулярно насыпи, исследователь связывает с древнейшими внутривальными конструкциями и датирует их концом X в. Позднейшие подсыпки насыпи М. А. Ткачев относит к XI — началу XII и XIII вв. [Ткачев, 1970, с. 312]. Серый слой с содержанием мелких камней и полным отсутствием вещевого материала исследователь связывал со вторым периодом строительства вала, т. е. с XI — началом XII вв. Как и в раскопе 1, в данном слое исследователь зафиксировал остатки внутривальных клетей, аналогичных клетям из раскопа 1 [Гурэвіч, 2003, с. 75]. Во второй половине XIII в. вокруг детинца были сооружены мощные дубовые срубы с двойной передней стенкой. К сожалению, датировку фортификационных сооружений исследователь не подкрепляет артефактами, в отчетах полностью отсутствуют чертежи и прорисовки материалов. Возможно, поэтому Ф. Д. Гуревич поставила под сомнение столь раннюю дату возведения укреплений на Замковой горе — X в.

Завершают историю изучения оборонительных укреплений новогрудского детинца архитектурно-археологические исследования В. Е. Соболя, проводившиеся в 1995 г. и 2000–2002 гг. по заказу Комитета по реставрации и консервации памятников истории и культуры при Министерстве культуры РБ. В раскопе 2 и траншее 4, примыкающих к башне «Щитовка», исследователь дважды прорезал насыпь земляного вала. В статье «Некаторыя вынікі даследаванняў мураванага замка ў Навагрудку» он приводит ничем не обоснованную датировку вала XI–XIV вв., в то время как в тексте имеется информация о том, что собранная в ходе работ коллекция датируется XIII–XIX вв. [Собаль, 2006, с. 228]. Опираясь на результаты собственных исследований, В. Е. Соболь пришел к выводу, что трасса оборонительного вала с момента сооружения и до XVI в. не менялa своего направления, а, следовательно, факт переноса фортификации в начале XII в. к краю площадки данными исследованиями не подтвержден [Собаль, 2006, рис. 3–4].

Таким образом, предшественниками достоверно установлено, что первоначальный вал был возведен поверх напластований догородского периода. Однако вопрос о времени возведения укреплений, по сути, остается открытым, а, следовательно, не установлено и время оформления детинца на Замковой горе. По мнению П. А. Раппопорта и М. А. Ткачева, это событие имело место в конце X в. Ф. Д. Гуревич время сооружения раннего вала связывала с серединой или первыми десятилетиями второй половины XI в. Тогда же, по мнению исследователя, были возведены клети на внутреннем склоне первоначального вала [Гуревич, 1974, с. 99]. Иной датировки клетей и северного участка вала придерживался основной исследователь фортификации Новогрудка М. А. Ткачев — XII в. [Ткачев, 1971, с. 307].

В 1991–1992 гг. автором были возобновлены археологические исследования в южной части Замковой горы. Раскоп частично перекрыл участок, изученный в 1962 г. Ф. Д. Гуревич, что дало возможность сопоставить стратиграфию и соотнести строительные горизонты двух раскопов. В юго-западном углу раскопа 1991–1992 гг. нами вскрыт небольшой по площади участок древнего вала, состоящий из желтого песка с добавлением камней (т. н. «жвир»). В течение древнерусского времени насыпь не менее трех раз подсыпалась, что подтверждает вывод М. А. Ткачева о нескольких

этапах строительства укреплений. Наиболее ранняя подсыпка из песка серого цвета, армированного мелкими камнями, произведена одновременно с сооружением основной насыпи, на что указывает отсутствие между слоями как сезонного ряда, так и отложившегося культурного слоя. Найденные под серым «безинвентарным» слоем несколько венчиков керамики XII в. позволяют определить предположительное время подсыпки внутреннего склона — это начало — первая четверть XII в.

Совмещение чертежей двух раскопов (1962 и 1992 гг.) показало, что именно эта подсыпка была принята Ф. Д. Гуревич за первоначальный вал. По своей структуре обнаруженный нами вал идентичен насыпи, исследованной в раскопе 1 (1968 г.) и раскопе № 2 (2000 г.). Наличие закрытых хорошо датированных комплексов и вещевой материал, обнаруженный в нижней части слоя, перекрывавшего вышеописанную подсыпку, позволяют сегодня установить время возведения последней. Здесь встречены вещи, временные рамки бытования которых не опускаются ниже второй половины XII в. (например, три замка типа «В»), однако и не поднимаются выше конца XII в. (бронзовая спиралька, фрагменты византийской стеклянной посуды).

Таким образом, новейшие археологические материалы и анализ материалов предшественников указывают, что оборонительный вал вокруг восточной части Замковой возвышенности мог быть сооружен не ранее начала XII в. Дополнительными аргументами, подтверждающими столь позднюю дату возникновения укреплений вокруг т. н. Замковой горы, могут служить слабая заселенность участка (мощность напластований конца X–XI вв. составляет 20–25 см), почти полное отсутствие бытовой застройки второй половины XI — начала XII в., бедность слоя находками, указывающими на городской характер поселения.

Ф. Д. Гуревич отмечает, что во второй половине XI в. Замковая гора практически оставалась незастроенной. «Активная застройка Замковой горы-детинца начинается лишь с начала XII в. Раскопки 1985 г. показали, что юго-восточная часть площадки детинца начала застраиваться не ранее конца этого столетия» [Гуревич, 1991, с. 48].

В западной части Замковой возвышенности (территория Малого замка) первоначальные укрепления также были возведены поверх напластований догородского периода и датированы П. А. Раппопортом XII в. Структура насыпи на всех исследованных участках идентична, что указывает на единовременное возведение фортификации вокруг всей площадки Замковой возвышенности [Раппопорт, 1967, с. 122]. Первоначальный вал состоял из двух слоев: желтого песка и серого пылеватого слоя, дополнительно армированного со стороны внутреннего склона множеством мелких камней. С лицевой стороны вал усилен подсыпкой из чистого желтого песка без всяких включений. Ширина первоначального вала в основании колебалась от 9–10 м до 16–17 м, высота на отдельных участках достигала 2,5–3 м.

Детинец средневекового города, являясь административным центром, как правило, имел оборонительные укрепления, которые отделяли его от посада-окольного города. Здесь располагалась резиденция князя (его представителя) и дома городской элиты. Для детинцев характерна плотная (допустимо, что и не усадебная) застройка, наличие вотчинного ремесла, обилие импорта и предметов материальной культуры, указывающих на высокий социальный статус его обитателей. Отсутствие вышеуказанных признаков делает очевидным то, что до XII в. поселение на Замковой возвышенности было лишь открытым торгово-ремесленным поселением.

Одновременно с заселением западной части Замковой возвышенности возникает поселение на Борисоглебском холме. Учитывая незначительное расстояние между этими поселками (до 100 м), логично рассматривать их как составные части единой поселенческой структуры, существовавшей в историческом центре Новогрудка на предгородской и раннегородской стадии.

Каким образом распределялись функции между данными поселками сегодня можно предполагать лишь в гипотетической форме.

Поскольку на предгородской стадии развития на Замковой возвышенности существовало неукрепленное торгово-ремесленное поселение, на базе которого в дальней-

шем сформировался средневековый восточнославянский город, то вполне допустимо, что княжеская резиденция могла существовать где-то неподалеку. Примеры парного существования двух центров — экономического и политического — не единичны: Тимерево (Ярославль), Сарский городок (Ростов), Новгород (Рюриково городище) и др. Рядом с большим по площади поселением догородской эпохи существовало небольшое городище — опорный пункт древнерусской княжеской власти. Оба центра могли сосуществовать какое-то время, в течение которого первый возвышался, второй приходил в упадок [Толочко, 1989, с. 162].

Роль городского ядра раннего Новогрудка вполне могла взять на себя небольшая по размерам Борисоглебская возвышенность (площадь 2 га). Топографически она вполне отвечала данным требованиям, поскольку ее площадка в древности возвышалась над уровнем Балтийского моря на 307–308 м и фактически не уступала Замковой горе (309–305 м).

Археологически установлено, что мощность напластований конца X — начала XII вв. здесь составляет 0,4–0,6 м. Верхняя граница древнейшего слоя фиксируется строительным мусором времени сооружения Борисоглебской церкви (вторая четверть XII в.). Материалы нижнего горизонта и материковых ям представлены явно выраженными «городскими» материалами, временные рамки бытования которых не выходят за пределы X — начала XII вв. Встреченные здесь же кусочки белого металла (серебра?) и обломки сосуда с застывшей на внутренней стенке стекломассой указывают на занятие населения бронзолитейным делом.

Одним из аргументов в пользу возможной локализации на этой возвышенности первоначального политического центра может служить строительство здесь каменного храма во имя святых мучеников Бориса и Глеба. Являясь патрональными храмами, они, как правило, возводились на княжеском подворье. Время сооружения каменного храма в Новогрудке М. К. Каргер относит к середине — второй половине XII в. [Каргер, 1977, с. 81]. Ф. Д. Гуревич датирует его второй четвертью XII в., ссылаясь на схожесть строительной техники новогрудского храма и витебской церкви Благовещенья и на артефакты из культурного слоя [Гуревич, 1986, с. 36–41]. Если исходить из того, что строительство новогрудского храма начинала витебская архитектурная артель, то произойти это могло ближе к середине XII в., после завершения строительных работ в Витебске [Раппопорт, 1987, с. 527]. Не исключено также, что каменный храм был возведен на месте более раннего деревянного. Косвенным подтверждением тому может служить факт размещения восточнее церкви кладбища, где нижний ярус погребений отделен от захоронений XII–XIII вв. стерильной прослойкой желтого речного песка. Кроме того, отдельные костяки были перекрыты доломитовыми плитами времени сооружения Борисоглебского храма. Подобная картина характерна и для Гродно, где Борисоглебская церковь была возведена на месте ранней Нижней церкви.

Строительство в Новогрудке церкви во имя святых Бориса и Глеба позволяет предположить, что после смерти Всеволодки Городенского новогрудский удел мог достаться его сыну Глебу. Косвенно на его возможное правление в Новогрудке указывают находка в богатой постройке первой половины XII в. фрагмента фрески с изображением молодого князя, а также иконка с изображением Бориса и Глеба, держащего в руке макет храма [Гурэвіч, 2003, с. 238].

Выделение в XII в. Новогрудка в самостоятельное княжество требовало обустройства его столицы. Поселение на Замковой возвышенности как нельзя лучше подходило и по площади и по социально-экономическому развитию, поэтому сюда во второй четверти — середине XII в. переносится административный центр, вошедший в историю под названием Новый городок.

Гуревич Ф. Д. Детинец и окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956–1977 гг. / Ф. Д. Гуревич // Советская археология. — 1980. — № 4. — С. 87–101.

Гуревич Ф. Д. Некоторые итоги археологического исследования детинца древнего Новогрудка / Ф. Д. Гуревич // КСИА. — 1974. — Вып. 139. — С. 93–99.

Гуревич Ф. Д. О планировке и застройке древнего Новогрудка / Ф. Д. Гуревич // КСИА. — 1991. — Вып. 205. — С. 44–49.

Гуревич Ф. Д. О времени постройки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке / Ф. Д. Гуревич // КСИА. — 1986. — Вып. 187. — С. 36–41.

Гуревич Ф. Д. Отчет о работе Новогрудской экспедиции за 1973 г. / Ф. Д. Гуревич // ААНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», № 456, 72 с.

Гурэвіч Ф. Д. Летапісны Новгородок (Старажытнарускі Наваградак) / Ф. Д. Гурэвіч. — СПб.-Наваградак, 2003. — 323 с.

Зильманович И. Д. Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г. / И. Д. Зильманович // КСИА. — 1965. — Вып. 104. — С. 93–98.

Каргер М. К. Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке / М. К. Крагер // КСИА. — 1977. — Вып. 150. — С. 79–85.

Кызласов И. Л. Курганы средневековых хакасов *XIII*–XIV вв. (Азкизская культура в монгольское время) / И. Л. Кызласов // Советская археология. — 1978. — № 1. — С. 122–141.

Піваварчык С. Беларускае Панямонне ў раннім сярэднявеччы (X–XIII ст.) / Сяргей Піваварчык // Białoruskie Zeszyty Historyczne. — 1996. — № 2 (6). — S. 5–21.

Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись / [под ред. А. А. Шахматова]. — 2-е изд. — М., 1962. — 648 с.

Раппопорт П. А. Витебская Благовещенская церковь / П. А. Раппопорт // Памятники культуры. Новые открытия 1985 г. — М., 1987. — С. 522–528.

Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. / П. А. Раппопорт // МИА. № 140. — Л., 1967. — 242 с.

Собаль В. Е. Некаторыя вынікі даследаванняў мураванага замка ў Навагрудку / В. Е. Собаль // ГАЗ. — 2006. — № 22. — С. 220–230.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города / М. Н. Тихомиров. — М., 1956. — 475 с.

Ткачев М. А. Исследования памятников военного зодчества Беларуссии / М. А. Ткачев // АО 1969 г. — М., 1970. — С. 312.

Ткачев М. А. Исследования памятников оборонного зодчества Беларуссии / М. А. Ткачев // АО 1970 г. — М., 1971. — С. 307–308.

Толочко П. П. О торгово-ремесленном пути становления древнерусских городов / П. П. Толочко // История и культура древнерусского города. — М., 1989. — С. 159–167.

Т. С. Бубенъко

О времени возникновения средневекового Новогрудка

Статья посвящена проблеме локализации первоначального Новогрудка и времени превращения поселения на новогрудской возвышенности в раннесредневековый город. Городская материальная культура четко прослеживается в западной части Замковой возвышенности с конца X–XI вв., в то же время восточная ее часть остается слабозаселенной до XII в. Разногласия исследователей в датировке первоначального вала, исследованного в восточной части Замковой возвышенности (так называемой Замковой горы), привели к ошибочному мнению о формировании средневекового Новогрудка во второй половине XI в. Анализ материалов предшественников с учетом результатов новых исследований в различных частях города позволил автору статьи предложить иной вариант генезиса средневекового Новогрудка, согласно которому только в начале XII в. после возведения фортификации Замковая возвышенность превращается в административный центр города — детинец, известный под названием Новогрудок.

T. S. Bubenko

About the time of the origin of medieval Novogrudok

The article is devoted to the issue of localization of original Novogrudok and the period of transformation of the settlement on Novogrudok hills into Early Medieval town. Urban material culture has been distinctly retraced in western part of the Zamok hill since Xth–XIth centuries.At the same time its Eastern part remains underpopulated till the XIIth century. Differences in the dating of the original researchers shaft investigated in the eastern part of the Castle hill , so called. Castle Hill , led to the mistaken belief about the formation of medieval Novogrudka in the second half of the XIth century. Analysis of precursor materials in the light of new research in various parts of the town allowed us to offer a version of the genesis of medieval Novogrudka. Only after the building of fortification it develops into the administrative centre of the town — citadel known as Novogrudok.

Е. М. Веремейчик

Итоги и перспективы археологического изучения Любеча

В статье полно отображена история исследования Любеча — одного из ключевых пунктов Древней Руси, археологические исследования которого начались в конце XIX — начале XX вв., и были связаны с раскопками курганов. Наиболее масштабные исследования Любеча осуществлены экспедицией АН СССР под руководством Б.А. Рыбакова в 1957–1960 гг., в результате которых было практически полностью исследовано городище Замковая (Мазепина) Гора.

С 2009 г. в Любече работает экспедиция Черниговского национального педагогического университета им. Т.Г. Шевченко, силами которой обследована территория Любеча и его округи, исследованы не раскопанные ранее участки Замковой (Мазепиной) Горы, начаты исследования городища Монастырище. В зоне внимания экспедиции также позднесредневековые древности Любеча.

Ключевые слова: Любеч, археологические исследования, Замковая (Мазепина) Гора.

Значение Любеча в истории Древней Руси трудно переоценить. Расположение его выше Киева по течению р. Днепр позволяло контролировать один из важнейших путей Древней Руси. Именно поэтому на протяжении всей средневековой истории Любеч был ключевым пунктом, упоминания о котором рано попали на страницы летописей (882 г.) [Полное собрание, 1962, с. 23] и зарубежных источников [Константин Багрянородный, 1991, с. 45]. Эти и последующие упоминания в источниках, а также важные события, произошедшие в Любече на протяжении средневековой истории, обратили внимание историков и археологов на древности населенного пункта.

Несмотря на то, что итоги археологического изучения Любеча конца XIX — 90-х гг. XX вв. были подведены в специальном исследовании Л. В. Ясновской [Ясновская, 1997, с. 171–174], на некоторых аспектах исследований этого периода хотелось бы остановиться подробнее.

Древности Любеча и его округи привлекли внимание исследователей еще в конце XIX в. Этому способствовал ряд обстоятельств, основными из которых, на наш взгляд, являлись общий интерес к древнерусским древностям в этот период, а также случайные находки, происходящие из Любеча. Среди последних необходимо назвать клад дирхемов, обнаруженный в 1845 г. [Марков, 1910, с. 50], и кадило, найденное в 1896 г. и приобретенное А. А. Бобринским в 1898 г. для Эрмитажа [Залесская, 1998, с. 44]. В немалой степени интерес к любечским древностям обусловлен владением Любечем графом Г. А. Милорадовичем, который был известным историком и собирателем древностей. Его работы, посвященные истории Любеча, с видоизмененными названиями и некоторыми дополнениями, переиздавалась 6 раз на протяжении 1855–1905 гг. [Милорадович, 1905; Коваленко, 2006, с. 103].

Именно в этот период в Любече были проведены археологические исследования курганных могильников В. Б. Антоновичем в 1881 г. и Н. Е. Бранденбургом в 1888 г. [Антонович, 1906, с. 28–31; Бранденбург, 1908, с. 194–196]. С В. Б. Антоновичем Г. А. Милорадович поддерживал связи и после проведения археологических

исследований, консультировался с ним по поводу случайно обнаруженных находок [Коваленко, 2006, с. 104].

После смерти Г. А. Милорадовича исследования Любеча продолжал М. К. Якимович, который, кроме раскопок курганов, обследовал обнаруженную пещеру. «Отчет о раскопках и разведках произведенных в 1907 году у м. Любеча Городнянского уезда Черниговской губернии» М. К. Якимовичем хранится в Рукописном архиве НА ИИМК РАН [Якимович, 1907, л. 96–100].

Лишь в середине XX в. исследователи уделили внимание топографии Любеча и провели там небольшие раскопки на Замковой Горе. А. А. Попко в 1947 г. обследовал Любеч и его округу, составил первые глазомерные планы городищ и могильников [Попко, 1947, с. 1–12].

В 1948 г. В. К. Гончаров провел обследование и небольшие раскопки в разных частях Любеча — на Замковой Горе и посаде. При обследовании стенок окопов времен Второй мировой войны были выяснены характер, насыщенность и хронологическая принадлежность культурных наслоений памятника. Раскопки на городище Замковая Гора продемонстрировали перспективность исследования именно этой части древнего Любеча [Гончаров, 1952, с. 134–138].

Полевой дневник, опись находок и отчет по раскопкам в Любече за 1948 г. хранится в Научном архиве ИА НАНУ. В полевом дневнике, написанном на русском языке в тетрадке в клеточку, отмечено, что экспедиция Института археологии в составе В.К. Гончарова и Д.Т. Березовца выехала в Любеч 14 октября и планирует провести там 15 дней [Гончаров, 1948/25, арк. 2]. В отчете, написанном на украинском языке, содержится общая информация об упоминаниях Любеча в письменных источниках и информация о работах, проведенных на разных участках памятника [Гончаров, 1948/25, с. 1–8].

Коллекция из раскопок В.К. Гончарова 1948 г. поступила в Черниговский исторический музей в начале 1950-х гг. вместе с другими материалами исследований ИА АН СССР на Черниговщине. Инвентаризация коллекции была проведена только в 1997 г., в результате которой выяснилось, что часть материалов из раскопок утрачена [Черненко, 1997, с. 175–176]. Фотографии наиболее интересных находок из коллекции В.К. Гончарова, сохранившиеся в музее, вошли в состав набора открыток, посвященных Любечским древностям из собрания Черниговского исторического музея им. В.В. Тарновского [Блакитний, Коваленко, Коваленко, 2011]

В 1954 г. И.И. Едомаха и М.А. Попудренко тоже приняли участие в разведочных работах в Любече [Ясновская, 1997, с. 172].

Развернувшиеся в 1957–1960 гг. масштабные археологические исследования экспедиции АН СССР под руководством Б.А. Рыбакова в основном были сосредоточены на Замковой Горе, в результате которых городище было исследовано практически полностью. Внимание уделялось и исследованию других частей древнего города, а также обследованию окрестностей Любеча.

Несмотря на то, что во всех обобщающих работах по древнерусской истории и археологии, содержатся разделы по Любечу с учетом работ Б.А. Рыбакова [Рыбаков, 1966. с. 522–532; Древняя Русь, город, замок, село, 1985, с. 94–96], материалы раскопок практически не опубликованы, за исключением двух небольших статей [Рыбаков, 1960, с. 27–33; Рыбаков, 1964, с. 21–23].

Отдельные аспекты были отражены в ряде работ Т.И. Алексеевой, Г.А. Вознесенской, В.П. Коваленко, Т.И. Макаровой, Т.В. Николаевой Н.Г. Недошивиной, С.С. Ширинского, Ю.Л. Щаповой, посвященных древнерусской материальной культуре и антропологическому составу населения Любеча [Недошивина, 1999, с. 190–197; Ширинский, 1997, с. 156–161; Ясновская, 1997, с. 173]. Однако полной публикации по материалам работы экспедиции Б.А. Рыбакова в Любече так и не появилось.

Более подробная информация о раскопках содержится в отчетах Южно-Русской экспедиции за 1957–1960 гг., хранящихся в Научном архиве ИА НАНУ. Отчеты

состоят из текстовой части, представляющей собой машинопись, и альбомов иллюстраций — наклеенных в фотоальбомы чертежей, фотографий объектов и наиболее интересных находок.

Отчет о раскопках за 1957 г. [Рыбаков, 1957/17а] содержит общую информацию о Любече и его значении для Древнерусского государства, в нем перечисляется состав экспедиции. В тексте отмечено, что раскопами на Замке руководила Т. И. Макарова, вал на посаде исследовал Л. П. Гуссаковский, а разведку вокруг Любеча проводили В.П. Даркевич и В. К. Пудовин. Среди студентов МГУ, которые приняли участие в экспедиции, в тексте отчета упомянуты впоследствии известные исследователи — Г. А. Вознесенская, В. П. Даркевич, А. А. Медынцева [Рыбаков, 1957/17а, с. 13].

Отчет за 1958 г. содержит информацию о раскопках в Любече и Чернигове. В тексте отчета за этот год не указаны руководители раскопами в Любече. В целом работы велись на Замке, посаде, городище Лысица, курганах, а также продолжались разведки в окрестностях Любеча [Рыбаков, 1958/25]. Черниговским отрядом руководили И. И. Едомаха и А. А. Попудренко. Отчет содержит также определение А. В. Кирьянова «Материалы по земледелию из раскопок городища Любеч 1958 г.».

Работы в 1959 г. в Любече продолжались на Замке (руководители раскопов Т. И. Макарова, В. П. Даркевич, И. П. Русанова) и на посаде (В. К. Пудовин). В отчете есть также определение материалов по земледелию и результаты исследований в Чернигове [Рыбаков, 1959/20 б].

В 1960 г. работами на Замке руководили С. А. Плетнева, Т. И. Макарова, В. П. Даркевич, И. П. Русанова, И. К. Фролов, а раскопками курганов — С.С. Ширинский [Рыбаков, 1960/37].

В начале XXI в. были предприняты попытки выяснить судьбу коллекций находок, описей и документации по результатам раскопок Б. А. Рыбакова в Любече. Наиболее интересные находки хранятся в Государственном историческом музее, одна витрина которого посвящена Любечу. По словам Н. И. Асташовой и Т. Г. Сарычевой, сделавших доклад «Археологические находки из раскопок Древнего Любеча в коллекции Государственного исторического музея» на «Первых Любечских исторических чтениях» в 2009 г., основная коллекция находок пополнилась массовым материалом, хранившимся в Институте археологии. Были отобраны вещи с шифром, не пострадавшие от плесени, покрывшей большинство артефактов после нескольких затоплений хранилища. В 2012 г. в Чернигове при содействии Государственного исторического музея был издан комплект открыток, презентующий наиболее интересные находки из раскопок Б. А. Рыбакова в Любече [Асташова, Веремейчик, Коваленко, 2012]. Оставшаяся часть массового материала из Института археологии попала в Тулу.

В 1979 г. из ИА АН СССР в фонды Черниговского исторического музея была передана на временное хранение часть массового материала из раскопок Б. А. Рыбакова в Любече в 1957–1960 гг. В музей попало 34 ящика керамики и описи (акт передачи от 14 сентября 1979 г.) [Сытый, 2010, с. 350–351]. По результатам проведенной в 2010 г. сверки оказалось, что индивидуальные находки в ящиках практически отсутствуют. Керамический материал в ИА АН СССР сортировался с целью поиска фрагментов керамики с поливой, которые были извлечены из своих пакетов и после обработки не разложены по местам. Иногда фрагменты из разных комплексов и разных лет попадали в один пакет [Сытый, Сытая, 2011, с. 67–68]. Для отправления в Чернигов пакеты керамики разных раскопов и разных лет складывались в ящики бессистемно.

В Черниговский исторический музей вместе с частью коллекции массового материала были переданы и копии описей находок. К сожалению, описи не всех раскопов 1959 г. были скопированы полностью [Сытый, Сытая, 2011, с. 67]. Описи на протяжении всех четырех лет велись по раскопам. Переданные описи за 1957–1959 гг. представляли собой ксероксы рукописей, за 1960 г. — были перепечатаны. В 1957 г. и 1960 г. выделялись такие графы: «№№/пп», «описание вещи», «место находки», «рис.»

и «примечания». В 1958 и 1959 гг. в описях отсутствует графа «рис.», но в описи 1958 г. отдельно указывается номер «штыка». Любопытно, что в 1960 г. по поводу одного из двух найденных кладов в раскопе XXVIII, в яме 2, жилища 28 под № 569–573 отмечено, что вещи «сданы в музей им. Рублева».

Остальная документация по раскопкам Любеча хранится в Институте археологии РАН. По сообщению В. Н Чхаидзе[1] в группе средневековой археологии евразийских степей ИА РАН хранились материалы из раскопок Б. А. Рыбакова в Любече — это полевые дневники, чертежи, рисунки, фотографии, негативы и индивидуальные находки. В мае 2013 г. они были переданы в архив ИА РАН вместе с документацией из других городов. В документе «Материалы раскопок древнерусских городов, отобранных для обработки Т. И. Макаровой и С. А. Плетневой и хранившихся в группе средневековой археологии евразийских степей (обобщающий перечень)» отмечено, что материалы из Любеча составляют «Большой формат (А 3) —2 папки; папок — 14; негативы (стекла): 13×18 — 1 коробка, 18×24 — 6 коробок; скоросшиватели — 2; тетрадей — 20; стопка миллиметровой; стопка больших листов (А 3) — 1; фотоснимок большого формата (А 3), лотки с индивидуальными находками (предметы) — 2. Итого: 50 единиц». Список подписан руководителем группы средневековой археологии евразийских степей ИА РАН И. Л. Кызласовым с припиской: «передано в АИА 05.07.2013 г. (кроме лотков)». Таким образом, вся полевая документация по раскопкам в Любече с 2013 г. хранится в Научном архиве ИА РАН.

С. С. Ширинский в 1962 г продолжил археологические исследования курганов в ур. Высокое поле и других курганных групп в округе Любеча [Ширинский, 1962].

Последующие изучения Любеча проводили черниговские археологи. А. В. Шекун обследовал территорию Любеча в 1988 г., а А. Л. Казаков на протяжении 1989–1990 гг. провел масштабные работы по исследованию посада на площади 2300 м^2. [Казаков, Марченко, 1993, с. 30–37; Ясновская, 1997, с. 173]. Коллекция материалов по раскопкам посада ныне хранится в фондах историко-археологического музейного комплекса «Древний Любеч», а отчеты — в Научном архиве ИА НАНУ [Казаков, Гребень, Марченко, 1989/202; Казаков, Потапов, 1990/124].

С 2009 г. в Любече начала работы Любечская постоянно действующая археологическая экспедиция Черниговского национального педагогического университета им. Т. Г. Шевченко. Заданием экспедиции было изучение комплекса археологических памятников, расположенных на территории современного Любеча и его округи.

В 2009 г. экспедиция работала в зоне реконструкции памятника архитектуры первой половины XVIII в. — Каменицы П. Полуботка и пещеры, сооруженной в честь Св. Антония [Веремейчик, Бондар, 2010, с. 50–52; Руденок, Новик, 2010, с. 361–362]. В результате работ вокруг Каменицы П. Полуботка обнаружены следы перестроек и реставраций памятника на протяжении XIX–XX ст.

С 2010 г. экспедиция начала исследования участков Замковой Горы, не раскопанных экспедицией Б. А. Рыбакова. Замковая (Мазепина) Гора находится в центре местечка на высоком (до 36 м над уровнем поймы) и крутом останце (110×30–42 м) левого берега р. Днепр, вытянутом в направлении юго-запад — северо-восток [Веремейчик. Бондар, 2011, с. 60–61].

Одновременно были обследованы два городища: в Любече — городище Монастырище и Онуфриев скит в с. Горки. На первом из них уточнена датировка, на втором — выяснены особенности планировки [Веремейчик, Бондар, Осадчий, 2011, с. 335–338].

В 2011 г. экспедиция продолжила работы на Замковой Горе. Были исследованы участки на въезде, площадке и склонах городища [Веремейчик, Бондар, Терещенко, 2012, с. 485–486].

В полевом сезоне 2012 г. продолжались работы на площадке городища Замковая Гора, начаты исследования городища Монастырище и завершены раскопки ближней

1. Пользуясь случаем, выражаем благодарность В. Н. Чхаидзе за предоставленную информацию.

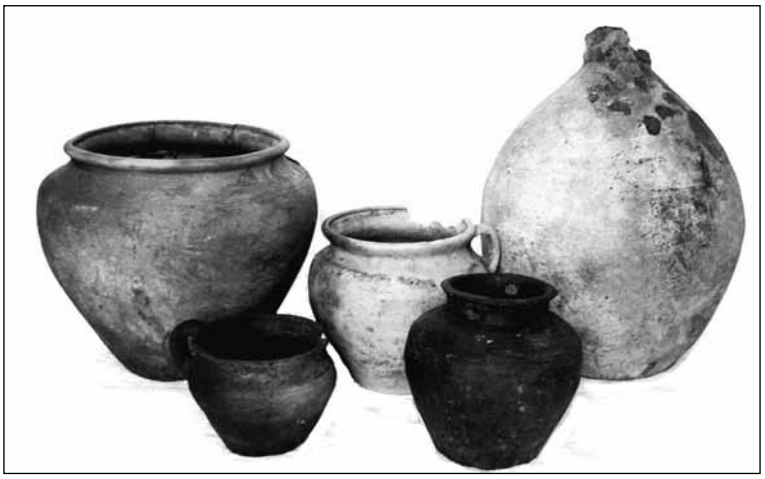


Рис. 1. Сосуды из раскопок 2010 г. на Замковой Горе в Любече

Рис. 2. Сосуды из раскопок 2011 г. на Замковой Горе в Любече

пещеры, сооруженной в честь Прп. Антония. Кроме этого, были обследованы остатки позднесредневековой крепости в Любече. [Веремейчик, 2013, с. 141–143; Веремейчик, Бондарь, 2013, с. 143–145].

Исследования 2013 г. охватили территорию посада Любеча возле Каменицы П. Полуботка и городище Монастырище.

Таким образом, в течение 2010–2012 гг. на городище Замковая Гора было исследовано 712 кв. м. Основные работы были сосредоточены на северо-восточном участке городища, не полностью исследованном в результате работ экспедиции Б. А. Рыбакова. Кроме этого, заложены разведочные траншеи (вдоль юго-восточного склона и в западном углу городища, целью которых было найти нераскопанные участки, особенно в районе бровок), а также раскоп на въезде. Практически во всех частях городища наряду с раскопанными участками обнаружены неисследованные фрагменты культурного слоя. Это позволило уточнить стратиграфию памятника, исследовать ряд построек, ям и погребений разного времени. Учитывая то, что часть культурного

слоя была уничтожена при нивелировании раскопов 1957–1960 гг., насыщенность его находками при исследованиях 2010–1012 гг., естественно, была ниже, чем в центральной части Замковой Горы. И, тем не менее, в целом, городище имеет высокую насыщенность находкам. За три года обработано около 130 000 артефактов, среди которых практически половину составлял керамический материал, в том числе и целые сосуды (рис. 1, рис. 2). В коллекцию из раскопок на Замковой Горе взято 10 527 артефактов, из которых 1660 составляют индивидуальные находки.

В культурном слое городища обнаружены фрагменты керамики эпохи бронзы, раннего железного века и ранних славян. Объектов этих периодов на исследованных участках не обнаружено. Из наиболее ранних раскопанных объектов следует назвать три жилища X в с печами-каменками (два исследованы полностью и одно доисследовано после раскопок Б. А. Рыбакова). В заполнении жилищ и в печах выявлены фрагменты лепной керамики роменской культуры и раннегончарной древнерусской.

Наиболее репрезентативными оказались материалы конца XII — середины XIII вв. На северо-восточном участке городища исследованы остатки жилой постройки на подклете, окруженной рядом ремесленных и хозяйственных сооружений. В заполнении жилой постройки и в расположенной рядом хозяйственной обнаружены каменные формы для изготовления ювелирных украшений (рис. 3). Около десятка целых и фрагментированных тиглей разной формы, куски медного сплава (один из них весом около 6 кг), 2 слитка серебра (рис. 4) найдены в заполнении жилой постройки, а также непосредственно прилегающих к ней хозяйственных постройках и в культурном слое. Здесь же обнаружена постройка с остатками печи, в которой зафиксированы скопления стекловидной массы и стеклянных браслетов [Веремейчик, 2014]. Таким образом, на северо-восточном участке Замковой Горы исследованы объекты, позволяющие дать дополнительные сведения о ювелирном и стеклоделательном ремесле. Постройки этого участка городища погибли в пожаре середины XIII в.

В культурном слое обнаружены многочисленные находки разного назначения — ремесленные инструменты, украшения, предметы вооружения и снаряжения всадника, бытовые вещи, предметы христианского культа (церковная утварь и предметы личного благочестия) и т. д. Среди последних вызывает интерес каменная резная иконка с изображением «Гроба Господня», ставшая объектом специального исследования (рис. 5) [Веремейчик, Пуцко, 2012, с. 30–38].

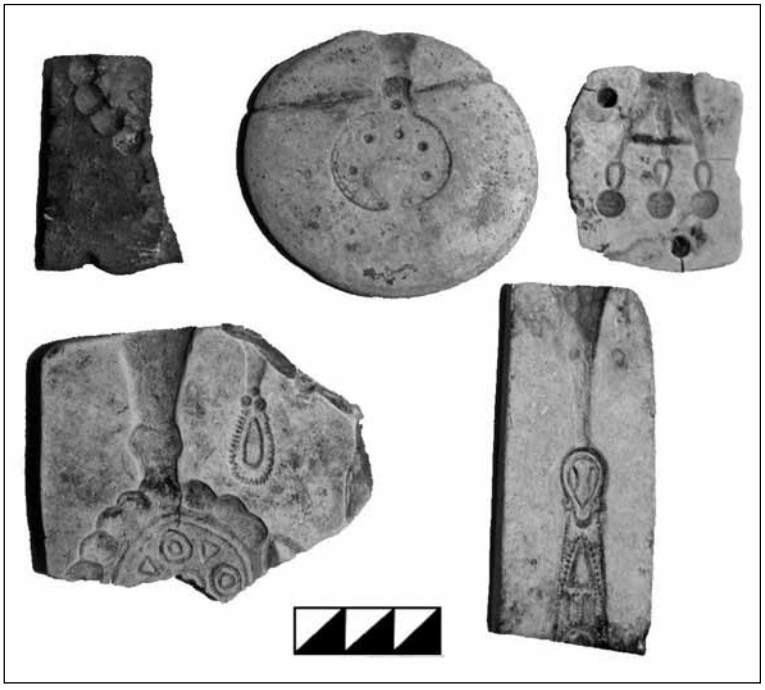


Рис. 3. Литейные формы

В результате работ 2010–2012 гг. на Замковой Горе исследовано 51 грунтовое погребение разной степени сохранности. Выявленные погребения являются продолжением христианского кладбища, зафиксированного экспедицией Б. А. Рыбакова.

На основании стратиграфических наблюдений, инвентаря и сопровождающего материала, на кладбище выделяются погребения двух хронологических периодов: XII–XIII вв. и XVII–XVIII вв. В тех случаях, когда не поврежденной застройкой

Рис. 4. Литейные формы

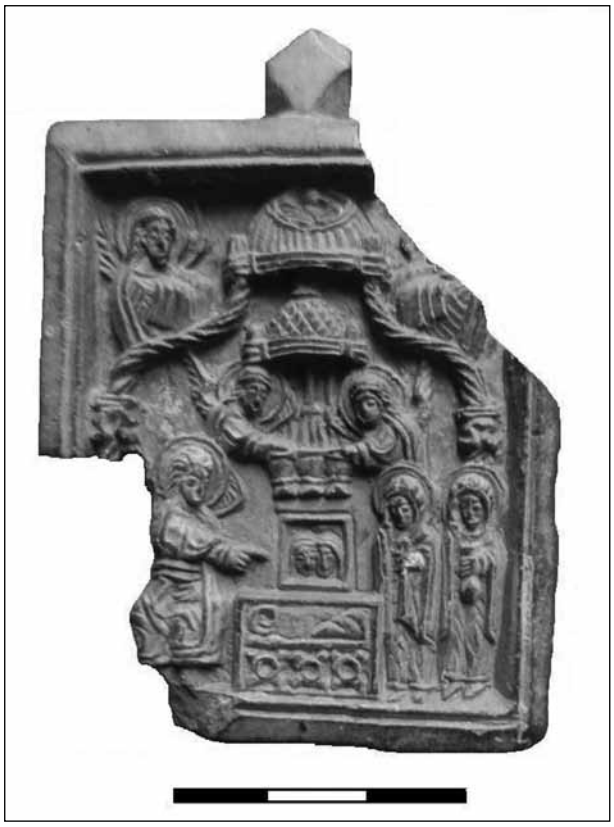


Рис. 5. Иконка «Гроб Господень»

XII–XIII вв. и XVI–XVIII вв. оказывалась хотя бы часть костяка, все погребенные лежали на спине, головой на запад со сложенными на груди, животе или тазу руками.

На Замковой Горе исследованы также оборонительные сооружения и объекты разного назначения XVI–XVIII вв.

На городище Монастырище в результате работ 2012–2013 гг. обнаружены остатки двух построек, погибших в пожаре середины XIII в. В XVII–XVIII вв. на этом месте существовал Антониевский мужской монастырь. В 2013 г. была зафиксирована кладка XVIII в., вероятно, от трапезной церкви Иоакима и Анны [Веремейчик, Бондарь, 2013, с. 143–145].

Большое внимание уделено и позднесредневековым древностям Любеча, в том числе и укреплениям этого периода [Бондарь, Веремейчик, 2014].

Таким образом, в результате работ Любечской археологической экспедиции Черниговского национального педагогического университета им. Т. Г. Шевченко на протяжении 2009–2013 гг. в разных частях поселка выявлены элементы планировки, особенности застройки и фортификационных сооружений средневекового Любеча, получены многочисленные артефакты, которые пополнят фонды и экспозицию созданного историко-археологического музейного комплекса «Древний Любеч».

В дальнейшем планируется продолжить археологические исследования разновременных памятников Любеча и его округи. Важным заданием, на наш взгляд, является обобщение археологических исследований разных лет и их введение в научный оборот.

Антонович В. Б. Дневник раскопок, произведенных в Черниговской губ. в 1881 г. / В. Б. Антонович // Труды Московского предварительного комитета по устройству XIV Археологического съезда. — М., 1906. — Вып. 1. — С. 28–35.

Асташова Н. И. Древности Любеча из собрания Государственного исторического музея в Москве: Набор листовок / Н. И. Асташова, Е. М. Веремейчик, А. Б. Коваленко. — Чернигов, 2012. — 12 л.

Блакитний М. М. Любецькі старожитності із зібрання історичного музею ім. В. В. Тарновського: Набір листівок / М. М. Блакитний, О. Б. Коваленко, О. О. Коваленко. — Чернігів, 2011. — 12 л.

Бондарь А. Н. Среденевековые укрепления Любеча / А. Н. Бондарь, Е. М. Веремейчик // Оборонительные сооружения и монументальное зодчество Древней Руси. — СПб., 2014. — (В печати).

Веремейчик О. М. Археологічні дослідження кам'яниці П. Полуботка у смт Любеч Ріпкинського р-ну Чернігівської обл. / О. М. Веремейчик, О. М. Бондар // АДУ 2009 р. — К., 2010. — С. 50–52.

Веремейчик О. М. Археологічні дослідження Замкової Гори біля с–ща Любеч Ріпкинського р-ну Чернігівської обл. / О. М. Веремейчик, О. М. Бондар // АДУ 2010 р. — К.-Полтава, 2011. — С. 60–61.

Веремейчик О. М. Онуфріївський скит біля Любеча / О. М. Веремейчик, О. М. Бондар, Є. М. Осадчий // Могилянські читання 2010 року. — К., 2011. — С. 335–338.

Веремейчик О. М. Археологічні дослідження Замкової Гори у смт Любеч Ріпкинського р-ну Чернігівської обл. у 2011 р. / О. М. Веремейчик, О. М. Бондар, О. В. Терещенко // АДУ 2011 р. — К., 2012. — С. 485–486.

Веремейчик Е. М. Каменная иконка «Гроб Господень» из летописного Любеча / Е. М. Веремейчик, В. Г. Пуцко // Родная старина: поиск, находки, открытия. — 2012. — № 4. — С. 30–38.

Веремейчик О. М. Археологічні дослідження Замкової Гори у смт Любеч Ріпкинського району Чернігівської області / О. М. Веремейчик // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2012 году. — Гомель, 2013. — С. 141–143.

Веремейчик О. М. Археологічні дослідження в ур. Монастирище в смт Любеч Ріпкинського району Чернігівської області / О. М. Веремейчик, О. М. Бондар // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2012 году. — Гомель, 2013. — С. 143–145.

Веремейчик Е. М. Стеклянные браслеты средневекового Любеча (по материалам раскопок 2010–2011 гг. на Замковой Горе) / Е. М. Веремейчик // Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время: изучение и реставрация. — М., 2014. — (В печати).

Гончаров В. К. Любецька експедиція 1948 р. Щоденник / В. К. Гончаров // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, 1948/25, № 1805, 8 арк.

Гончаров В. К. Розкопки древнього Любеча 1948 р. / В. К. Гончаров // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, 1948/25, № 1056, 8 с.

Гончаров В. К. Раскопки древнего Любеча / В. К. Гончаров // АП УРСР. — К., 1952. — Т. III. — С. 134–138.

Древняя Русь. Город. Замок. Село / Г. В. Борисевич, В. П. Даркевич, А. Н. Кирпичников и др. – М., 1985. – 432 с. – (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20–ти т.).

Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. / Н. Е. Бранденбург. — СПб., 1908. — 224 с.

Залесская В. Н. Христиане на востоке. Мелькиты. Монофиситы. Несториане / В. Н. Залесская // Христиане на востоке. Искусство мелькитов и инославных христиан. — СПб., 1998. — С. 12–59.

Казаков А. Л. Отчет об охранных археологических исследованиях Любечского посада в 1989 г. / А. Л. Казаков, П. Н. Гребень, В. Н. Марченко // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, 1989/202, № 23762, 138 с.

Казаков А. Л. Отчет об охранных археологических работах на Любечском посаде в 1990 г. / А. Л. Казаков, И. А. Потапов // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, 1990/124, № 24167, 103 с.

Казаков А. Л. Південно-західна частина Любецького посаду в IX–XIII вв. / А. Л. Казаков, В. Н. Марченко // Старожитності Південної Русі. — Чернігів, 1993. — С. 30–37.

Коваленко О. Давньоруські старожитності Північного Лівобережжя у науковій спадщині Г. Милорадовича / О. Коваленко // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави IX–XI ст.): Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару. — Чернігів, 2006. — С. 103–109.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Константин Багрянородный / [под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева]. — М., 1991. — 496 с. — (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Константин Багрянородный / [под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева]. — М., 1991. — 496 с. — (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Марков А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических) / А. Марков. — СПб., 1910. — 148 с.

Милорадович Г. А. Любеч и его святыни / Г. А. Милорадович. — СПб., 1905. —105 с.

Недошивина Н. Г. Любечский клад //Археологический сборник. Труды ГИМ / Н. Г. Недошивина. — Вып. 111. — М., 1999. — С. 190–197.

Попко А. А. Археологические памятники по Днепру в р-не Любеча / А. А. Попко // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, 1947/20, № 882, 21 с.

Полное собрание русских летописей. Т. I: Лаврентьевская летопись. — М., 1962. — 540 с.

Руденок В. Я. Дослідження печери Антонія в Любечі у 2009 р. / В. Я. Руденок, Т. Г. Новик // АДУ 2009 р. — К., 2010. — С. 361–362.

Рыбаков Б. А. Отчет о раскопках в Любече в 1957 г. / Б. А. Рыбаков // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, 1957/17 а, № 2959, 45 с.

Рыбаков Б. А. Отчет о работе Южно-Русской экспедиции за 1958 г. в г. Любече / Б. А. Рыбаков // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, 1958/25, № 3169, 108 с.

Рыбаков Б. А. Отчет о работах Черниговской экспедиции в городах Любече и Чернигове в 1959 г. / Б.А. Рыбаков // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, 1959/20 б, № 3357, 87 с.

Рыбаков Б. А. Отчет Черниговской экспедиции ИА АН СССР за 1960 г. (раскопки в Любече) / Б. А. Рыбаков // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, 1960/37, № 3534, 94 с.

Рыбаков Б. А. Раскопки в Любече в 1957 году / Б. А. Рыбаков // КСИИМК. — 1960. — Вып. 79. — С. 27–33.

Рыбаков Б. А. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей / Б.А. Рыбаков // КСИА. — 1964. — Вып. 99. — С. 21–23.

Рыбаков Б. А. Феодальный замок / Б. А. Рыбаков // История СССР. — М., 1966. — Т. 1. — С. 522–532.

Сытый Ю. Н. Материальная культура Любечского Замка времени Великого княжества Литовского / Ю. Н. Сытый // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. — Брянск, 2010. — С. 350–356.

Ситий Ю. М. Колекція кераміки з розкопок Б. О. Рибакова 1957–1960 рр. в Любечі / Ю. М. Ситий, Л. Ф. Сита // Тези доповідей міжнародної наукової археологічної конференції «Середньовічні міста Полісся». — Київ-Олевськ, 2011. — С. 66–68.

Черненко О. Є. Колекція з розкопок В. К. Гончарова у Любечі у фондах Чернігівського історичного музею / О. Є. Черненко // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі: Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 900-літтю з'їзду князів Київської Русі у Любечі. — Чернігів, 1997. — С. 175–176.

Ширинский С. С. Отчет о раскопках, произведенных в 1962 году Черниговским отрядом Приднепровской экспедиции Института археологии АН СССР / С. С. Ширинский // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, 1962/56, № 4211, 13 с.

Ширинский С. С. Клад 1958 г. из окрестностей Любеча / С. С. Ширинский // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі: Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 900-літтю з'їзду князів Київської Русі у Любечі. — Чернігів, 1997. — С. 156–161.

Якимович М. К. Отчет о раскопках и разведках, произведенных в 1907 году у м. Любеча Городнянского уезда Черниговской губернии / М. К. Якимович // РА ИИМК РАН, ф. 1, 1907, № 69, л. 96–100.

Ясновская Л. В. З історії археологічного вивчення Любеча / Л. В. Ясновская // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі: Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 900-літтю з'їзду князів Київської Русі у Любечі. — Чернігів, 1997. — С. 171–174.

Е. М. Веремейчик

Итоги и перспективы археологического изучения Любеча

Археологические исследования Любеча начались в конце XIX — начале XX вв. В. Б. Антоновичем, Н. Е. Бранденбургом, М. К. Якимовичем с изучения курганных древностей. В середине XX в. были осуществлены обследования территории Любеча и проведены первые раскопки в разных частях населенного пункта (А. А. Попко, В. К. Гончаров). Наиболее масштабные исследования Любеча осуществлены экспедицией АН СССР под руководством Б. А. Рыбакова в 1957–1960 гг., в результате которых было практически полностью исследовано городище Замковая (Мазепина) Гора.

С 2009 г. в Любече проводит археологические исследования экспедиция Черниговского национального педагогического университета им. Т. Г. Шевченко. За этот период была обследована территория Любеча и его округи, исследованы не раскопанные ранее участки Замковой (Мазепиной) Горы, начаты исследования городища Монастырище. В зоне внимания экспедиции также позднесредневековые древности Любеча.

E. M. Veremeychyk

The results and prospects of archaeological studies of Lyubech

Archaeological investigations in Lyubech have been started in the late XIXth — early XXth centuries by V. Antonovytch, N. Brandenburg, M. Yakymovytch, who paid attention to the burial antiquities. Surveys of the Lyubech territory and first excavations in different parts of the town were conducted in the middle of the XXth century (A. Popko, V. Goncharov). The most extensive researches were carried out by the expedition of the USSR Academy of Sciences headed by B. Rybakov in 1957–1960. Almost entire Castle (Mazepina) Mountain was investigated then.

Since 2009 archaeological expedition of Chernihiv National Shevchenko Pedagogical University has conducted investigations in Lyubech. The territory of Lyubetch and its suburbs was surveyed, not excavated before areas on the Castle (Mazepina) Mountain were investigated, researches of the site Monastyrische were started. Lyubech late medieval antiquities also get into the focus of attention of the expedition.

Г. А. Вознесенская

Археометаллография в изучении кузнечного производства Южной Руси

В статье приведены итоги многих исследований в области техники и технологии кузнечного ремесла Южной Руси. Сравнительный анализ технологических особенностей южнорусской та севернорусской кузнечной продукции позволяет утверждать наличие региональных особенностей у производственных традициях, которые сложились с появлением технологических инноваций привнесенных на Русь в IX веке выходцами из Скандинавии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: кузнечное производство, металлография, Северная Русь, Южная Русь, металлообработка, производственные традиции, технологические схемы, трехслойный пакет.

Изучение особенностей кузнечного производства восточнославянского юга средневекового времени в последние десятилетия XX — начале XXI вв. достигло новых результатов, что, в свою очередь, позволило выйти на новый уровень исследований. Хотя (и это также следует отметить) основные методологические принципы в этом направлении, а также попытки исторической интерпретации были заложены еще Б. А. Колчиным на протяжении 40–50 гг. XX в. и до сих пор сохранили свое значение. Но в целом можно констатировать, что на сегодня накоплен достаточно большой фактологический и аналитический материал начиная с эпохи становления железной индустрии и до времен развитого средневековья.

Изучение технического строя кузнечного ремесла (т. е. техники, технологии и форм их организации) археологических культур рубежа и первой половины I тыс. н. э. позволило заключить, что производственная культура восточных славян испытывала определенное влияние скифской среды, латенской культуры и провинциально-римского мира. Наиболее четко фиксируется влияние кельтских технологических традиций, особенно заметное в позднеримское время [Вознесенська, Недопако, Панькoв, 1996, с. 17–23].

Богатое наследие скифского мира, в том числе ремесленных традиций, не могло пройти бесследно для населения этих территорий в последующую эпоху. Однако в области железообработки улавливать их трудно, поскольку в технологическом отношении кузнечное ремесло скифов не обладало устойчивыми чертами. Ни одну технологическую операцию, направленную на улучшение рабочих качеств изделия, нельзя считать определяющей для скифской кузнечной техники — слишком редко они употребляются.

Технологическое изучение кузнечных изделий скифов показало, что спорадически появляется использование активной сварки железа и стали в одном предмете с конструктивной целью. Эта техника определяет наиболее высокую ступень профессиональных знаний в области горячей обработки железа и стали. Но в последующие столетия у населения украинской лесостепи конца I тыс. н. э. и начала I тыс. н. э. эта технологическая новация не находит своего дальнейшего развития.

К середине I тыс. н. э. материальная культура раннесредневековых славян претерпевает известную архаизацию. В производственной деятельности восточнославянского

населения и, прежде всего, в области металлургии железа поступательное развитие замедляется. Однако несомненно, что в третьей четверти I тыс. н. э. добыча и кузнечная обработка железа, требующие профессиональных знаний и навыков, имели ремесленный характер.

После VI–VII вв. н. э. у славянских племен украинской лесостепи наблюдается постепенный подъем железоделательного производства, который неизбежно вел к тому же в области металлообработки — к развитию ремесленной техники, возрастанию объема продукции. Технологическое изучение кузнечных изделий третьей четверти I тыс. н. э. показало, что в технике кузнечного дела появились новые конструктивные решения (активная сварка железа и стали в одном предмете), которые надолго определяли ее развитие в последующие столетия. При существенном прогрессе в уровне развития производства и заметной идентичности общего поступательного развития восточнославянского кузнечного ремесла в формировании его технологических традиций к концу I тыс. н. э. заметны определенные различия [Вознесенська, Недопако, Паньков 1996, с. 42–60].

За последнее время значительно расширилась география исследований, накоплен огромный банк аналитических данных, в результате чего появились новые перспективы для характеристики металлообрабатывающего производства Древней Руси. Наиболее значимыми следует считать постановку и решение проблемы о путях формирования производственных традиций в различных землях древнерусского государства.

Исследования, осуществленные в научных центрах России и Украины, велись практически одновременно при тесных научных контактах и творческом взаимодействии, и привели к безусловному утверждению тезиса о своеобразии технологических традиций в кузнечном ремесле северной и Южной Руси.

Это положение базируется на обобщении и сравнительном анализе обширных аналитических материалов.

Для северорусских земель — это металлографическое изучение кузнечной продукции, прежде всего, из раскопок Новгорода Великого и археологических памятников Новгородской земли и Юго-Восточного Приладожья — Старой Ладоги, Изборска, Пскова, Белоозера (работы Б. А. Колчина, Л. С. Хомутовой-Розановой, В. И. Завьялова). Для южнорусских земель — кузнечной продукции Киева и городов Киевской земли, Чернигова, городов и поселений Черниговской земли, порубежных городов-крепостей Изяславля, Райковецкого, Чучина, Иван-города, Воиня; сельских поселений Черниговщины и Каневского Поднепровья (работы Г. А. Вознесенской, В. Д. Гопака, Д. П. Недопако).

Приняты во внимание металлографические исследования кузнечной продукции из Старой Рязани, Смоленска и Гнездова, городов и поселений Ростово-Суздальской и Полоцкой земель (работы М. М. Толмачевой, Л. Г. Хомутовой-Розановой, М. Ф. Гурина).

Технологическое изучение кузнечной продукции с применением методов металлографии проводилось преимущественно на материалах домонгольского времени, технологическая характеристика кузнечного дела разных древнерусских земель составлялась в основном по итогам изучения продукции XI–XIII вв. И уже на этом этапе работ четко проявились существенные отличия в технологии производства кузнечных изделий этого времени на территории Древней Руси, что входило в противоречие с известным тезисом Б. А. Колчина о единой общерусской технике обработки черного металла [Колчин, 1953, с. 184–185].

Обзор аналитических данных показал, что в кузнечном ремесле Южной Руси, несомненно, преобладают простые технологические решения — отковка изделий целиком из железа или сырцовой стали, использование цементации (науглероживания) в качестве упрочняющей операции и термообработки для повышения эксплуатационных качеств орудий труда и инструментов. Сохранение этих древних производственных традиций позволяет думать, что техническая культура кузнечного ремесла

древнерусского населения складывалась на основе наследия племен рубежа и I тыс. н.э., проживавших на территории лесостепи Юго-Восточной Европы.

Для кузнечного ремесла Северной Руси характерно широкое освоение сварных конструкций из железа и стали в одном изделии. Для периода X–XI вв. — это доминирование трехслойного (реже пятислойного) пакета, стальной варки в нижнюю часть лезвия; для XII–XIII вв. — технологии стальных наварных лезвий. Особенно показательны в этом отношении материалы Новгорода Великого: многослойные технологические схемы в X–XI вв. занимают 90% в ножевенном производстве, в XII в. — 41% наварных лезвий, к XIII в. доля наварных лезвий возрастает до 81% [Терехова, Розанова, Завьялов, Толмачева, 1997, с. 284].

О том, сколь сильны традиционные особенности в средневековом ремесле, свидетельствует приверженность новгородских кузнецов к изготовлению ножей с наварными стальными лезвиями в послемонгольское время (XIV — первая половина XV вв.): доля изделий, выполненных по технологии наварных лезвий, по-прежнему остается высокой [Завьялов, Розанова, Терехова, 2007, с. 18–33].

Распространение простых (цельнометаллических) конструкций в новгородском ножевенном производстве Л. С. Розанова связывает с притоком в Новгород носителей южнорусских традиций. Но дело не только в этом. Как известно, еще Б. А. Колчин установил зависимость технологических предпочтений от экономических причин: требования растущего рынка диктовали увеличение количества продукции, и это вело к упрощению технологии изготовления и, соответственно, к удешевлению изделий широкого спроса. Согласно Б. А. Колчину упрощение технологии изготовления напрямую связано с возрастанием производительности труда [Колчин, 1959, с. 54]. Поэтому трудовые затраты на изготовление цельнометаллического ножа, по сравнению с любой сварной конструкцией, будут самыми низкими.

Что касается южнорусского кузнечного ремесла, то вплоть до середины XIII в. преобладало изготовление цельнометаллических ножей. Сварные конструкции (стальная наварка лезвия на железную основу инструмента) всегда занимали подчиненное положение, а доля трехслойной технологической схемы даже в X–XI вв., в пору ее абсолютного доминирования на Севере, на Юге Руси была гораздо ниже.

Данные по состоянию металлообработки на Юге Руси в послемонгольское время ограничены. Можно указать только на исследования кузнечных изделий из сельских поселений Рашков-I в Среднем Поднестровье (Вознесенская, 1981, с. 24–25), Озаричи в Посемье (Беляева, Недопако, 1981, с. 49–65), Комаровское в Среднем Поднепровье (Кубишев, Недопако, 2005, с. 66–68). На основании их структурного изучения установлено, что, как и в домонгольское время, технология изготовления сводится, в основном, к упрощенным решениям. Изделия ковались целиком из кричного железа или сырцовой стали, использовалась цементация сырья и поковки, термическая обработка изделий. Встречаются также качественные изделия с наварными стальными лезвиями.

Поэтому можно говорить о сохранении древнерусских производственных традиций в металлообработке послемонгольского времени на территории Южной Руси. Это положение согласуется с выводами исследователей, изучавших состояние кузнечного дела золотоордынского времени на большом аналитическом материале городов и сельских поселений Северной и Северо-Восточной Руси. Они пришли к выводу, что в железообрабатывающем производстве не произошло разрыва традиций, который можно было бы предполагать в результате татаро-монгольского нашествия [Завьялов, Розанова, Терехова, 2007, с. 129].

Итак, различие в производственных традициях в кузнечном ремесле разных древнерусских земель состоит, в сущности, в степени использования сварных технологий, которые нашли более четкое выражение в ножевенном производстве.

Первые сварные технологии железо+сталь в одном предмете выступают в виде так называемого трехслойного пакета: в середине клинка ножа проходит высокоуглеродистая полоса стали, по бокам ее — полосы твердого железа. Встречается иногда

вариант многослойного пакета в виде пятислойной технологической схемы. Наиболее ранние ножи с трехслойным клинком, датируемые 60 гг. VIII — 30 гг. IX вв., отмечены в древнейшем горизонте Старой Ладоги [Кочкуркина, Розанова, 1987, с. 91].

Внезапное появление психологической инновации в кузнечестве северорусских земель в виде конструктивной схемы трехслойного пакетирования вызвало пристальное внимание исследователей. Оказалось, что большинство ножей с трехслойным клинком можно отнести к типу узколезвийных удлиненных пропорций, с толстой спинкой и длинной рукоятью. Ножи такой формы Р. С. Минасян выделяет в особую группу раннесредневековых ножей Восточной Европы и отмечает, что они характерны, в первую очередь, для германоязычного населения Северной Европы [Минасян, 1980,с. 72–73]. Ножи этого типа с трехслойной технологией изготовления клинка получили широкое распространение в североевропейской кузнечной технике в последней четверти I тыс. н. э. Металлографическими исследованиями таковые выявлены среди кузнечных изделий, найденных на территории Англии, Северной Германии, Скандинавии, Средней и Восточной Европы.

Исследования кузнечной продукции из древнерусских памятников IX–XI вв. позволили заключить, что трехслойные клинки ножей наиболее многочисленны в торгово-ремесленных поселениях протогородского типа, существование которых на Руси связано с бурным развитием трансъевропейских торговых связей. Прежде всего, многослойные ножи появляются на тех поселениях (и могильниках), где отмечено наличие смешанного славяно-скандинавского населения. Поэтому естественно было предположить, что появление новой технологии в кузнечном деле связано с приходом на Русь скандинавских викингов.

Технология сварных многослойных лезвий господствовала в кузнечном ремесле поселений Северной Европы в VII–XI вв. Об этом свидетельствует анализ кузнечной продукции таких известных археологических памятников как Бирка, где ножи с трехслойным клинком встречаются уже в древнейших погребениях (конец VIII–IX вв.) [Arrhenius, 1989, с. 79–80] и Хедебю, где они известны среди ножей IX в. [Pleiner, 1983].

Исследования ножей из могильников позднего железного века в Дании (датские викинги) показали, что в VI–X вв. местные кузнецы знали все виды сварных и наварных лезвий [Lyngstrom, 1995, с. 81].

Примечательно, что несколькими столетиями ранее на территории Ютландии в кузнечном производстве местных племен также использовалась технология трехслойных, вварных и наварных лезвий, о чем говорит металлографическое изучение ножей из торфяника Иллеруп с жертвенными кладами римского времени [Youttijärvi, 1994, s. 45].

В подтверждение тезиса о скандинавских технологических влияниях на кузнечное ремесло Древней Руси и формирование его производственных традиций большое значение имело металлографическое изучение кузнечных изделий из раскопок близких по характеру археологических памятников конца IX — начала XI вв. Гнездова в Смоленском Поднепровье и Шестовицы на Десне под Черниговом.

Кузнечные изделия Гнездова в количестве 190 предметов из раскопок курганных погребений и центрального поселения исследовали Л. С. Розанова и Т. А. Пушкина. Они представляют несколько категорий кузнечных изделий, большинство из которых — хозяйственные ножи. В результате типологического и технологического изучения были выделены две основные производственные традиции в металлообработке — славянская и скандинавская. Исследователи полагают, что славянская традиция в кузнечном деле Гнездова проявляется в изготовлении цельножелезных и цельностальных предметов, в использовании приемов цементации и технологии наварки стальных лезвий. Для скандинавской традиции характерна технология трехслойных или пятислойных лезвий и варки стального лезвия в нижнюю часть клинка. Изделия из Гнездова, откованные по славянской технологической традиции, составляют около 42%, а по скандинавской — около 58% от всех исследованных (Розанова, Пушкина, 2001, с. 81–82).

Из раскопок поселения и погребений курганного могильника в Шестовице мною металлографически исследовано 262 предмета, большинство из них — хозяйственные ножи. Основной вывод из проделанной работы состоит в том, что технология кузнечного ремесла в Шестовице характеризуется, с одной стороны, наличием цельнометаллических конструкций (цельножелезные и цельностальные изделия) и использованием цементации для упрочнения рабочих частей орудий труда. С другой стороны, значительная часть инструментов изготовлена по технологии трехслойного пакетирования. Как уже говорилось, эти технологические особенности присущи соответственно производственным традициям славянского населения Юго-Восточной Европы и скандинавского населения Северной Европы.

Среди шестовицких ножей и ножниц (при изготовлении именно этих клинковых инструментов наиболее часто применялась технология многослойных лезвий) исполнены в славянской технологической традиции около 56%, в скандинавской — около 44% [Вознесенская, 2005, с. 110; 2006, с. 39–44].

Таким образом, шестовицкие аналитические материалы выявляют полное сходство основных технологических характеристик кузнечной продукции Гнездова и Шестовицы, и еще раз подтверждают справедливость вывода о наличии разных производственных традиций в кузнечном деле торгово-ремесленных поселений IX — начала XI вв.

Внезапное появление новой технологии в начальный период формирования древнерусской государственности являет собой редкий пример инокультурных влияний в производственной сфере. Бытование на Руси технологии трехслойных клинков практически совпадает с существованием торгово-ремесленных поселений протогородского типа: к моменту, когда они приходят в упадок (конец X — начало XI вв.) в кузнечном деле начинает появляться технология вварных и наварных лезвий, и к началу XII в. трехслойные клинки редко встречаются среди кузнечной продукции, продолжая существовать в производстве окраинных земель древнерусского государства, не затронутых еще бурным развитием экономики и рыночных связей.

В заключение сюжета о распространении производственных идей вспомним, что бурное развитие разных ремесел в средневековой Европе обязано, в сущности, наследию античного мира. Р. Плейнер еще 40 лет тому назад писал, что там, где традиции римской провинциальной культуры пустили корни (от Британии до Подунавья), произошел позднее колоссальный расцвет кузнечного ремесла [Pleiner, 1967, s. 137–138]. Прогрессивные технологии в металлообработке, рожденные мастерами античного мира, своим распространением и развитием на территории древнерусского государства в значительной степени обязаны влиянию скандинавской ремесленной культуры.

Одной из важных задач в изучении древнерусского ремесла является решение проблемы взаимоотношения городского и сельского производства.

Как известно, Б. А. Колчин полагал, что продукцией деревенских кузниц был так называемый некачественный инвентарь (сошники, лемех, мотыга и т. п.) и прочие несложные поковки. Качественные орудия труда, инструменты и прочие изделия, изготовленные с применением сложных сварных технологий, деревенский смерд получал по линии свободного обмена от городского специализированного ремесленника (Колчин, 1953, с. 190–193). Подобного взгляда придерживался Р. Плейнер, который изучал остатки кузнечного производства, ассортимент и технологию изготовления изделий на поселении XIII в. в Мутеёвице (Средняя Богемия) и пришел к выводу, что деревенское и городское кузнечное ремесло экономически социально и технологически резко различались [Pleiner, 1979a, s. 400–402].

Однако изучение ассортимента и технологических особенностей кузнечной продукции из южнорусских сельских поселений домонгольского времени (XI–XIII вв.) показало, что вопрос этот не столь однозначен, как кажется.

Мною были исследованы 350 кузнечных изделий из поселений Черниговщины (Автуничи, Лесковое, Очеретяная гора) и Каневщины (Григоровка, Бучак, Ревутово) [Вознесенская, 1999, с. 119; 2003, с. 104; 2005, с. 219]. При составлении репрезентативной коллекции для исследования учитывалось, что древнерусские поселения неоднородны по своему социально-экономическому содержанию, также имеют свое значение хронологические рамки их существования. Таким образом, была представлена продукция больших владельческих сел княжеско-боярского круга — Григоровки, Бучака, Лескового, материальная культура которых в известной степени имеет городской характер [Петрашенко, 2005, с. 145–148, 155, 170–171; Моця, 2003, с. 193; Шекун, Веремейчик, 1999, с. 64–65]; типично сельского поселения Автуничи [Моця, 2003, с. 196] и небольшого рядового поселения Ревутово [Петрашенко, 2005, с. 155].

Сравнительный анализ данных показал безусловное преобладание цельнометаллических конструкций (цельножелезные или цельностальные изделия) в кузнечной продукции как южнорусского села, так и города. Это соотношение верно как для периода X–XI вв., так и для XII–XIII вв., что установлено при анализе кузнечных изделий из хорошо датируемых объектов и слоя.

Вторичная цементация готовых изделий употребительна в кузнечном производстве и села, и города как X–XI вв., так и в более позднее время. В общем объеме кузнечных технологий ее удельный вес невелик и падает он, вероятно, с XIII в., когда резко возрастает масса кузнечных изделий с наварными стальными лезвиями.

Принципиальной разницы в использовании сварных конструкций (изделий, выполненных по схеме трехслойного пакетирования и наварки стальных лезвий) в кузнечном производстве города и деревни нет.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что технология трехслойного пакетирования, в основном применявшаяся в кузнечной технике X–XI вв., в южнорусских поселениях встречается даже чаще, чем в городе. И это в эпоху раннего феодализма, когда деревня жила натуральным хозяйством, товарное производство было развито очень незначительно, и связь города с деревней оставалась слабой. П. П. Толочко подчеркивал, что на раннефеодальном этапе развития древнерусского города ремесленное производство было сосредоточено в руках зависимых мастеров, включенных в хозяйственную структуру феодального поместья и обслуживавших его нужды — вотчинное ремесло (Толочко, 1989, с. 100–104). Форма работы вотчинного ремесленника — преимущественно на заказ, что предполагает изготовление технологически сложных изделий в ограниченном количестве. Проблематично предположение, что трехслойные клинки попадали в сельские поселения X–XI вв. в результате рыночного обмена между городом и деревней. Владение сложной техникой многослойного пакетирования не было привилегией только городских мастеров. Многослойные клинки ножей могли быть продукцией вотчинных ремесленников, работавших в княжеских и боярских усадьбах или больших селах при них.

Древнерусское городское ремесло лишь постепенно приобретает мелкотоварный характер, когда усиливается роль свободного посадского ремесла, которое работает в основном на рынок и обслуживает потребности не только горожан, но и сельской округи. Как известно, эти сдвиги в развитии городского ремесленного производства приходятся на вторую треть XII в. и характеризуются резким расширением ассортимента продукции, значительной рационализацией производства, внутриотраслевой специализацией. И только тогда, по-видимому, начинает ощущаться нарастающее различие между деревенским и городским кузнечным ремеслом как в плане технологическом, так и социально-экономическом. Именно с середины XII в. городские ремесленники переходят к изготовлению инструментов с наварным стальным лезвием, обеспечивая массовый выпуск качественной продукции.

Для деревенских кузнецов, по-видимому, не составляло технических сложностей изготовление изделий с наварными стальными лезвиями, но все же в сельских посе-

лениях таковые встречаются реже, чем в городе. В силу более консервативного быта деревни вообще, деревенские мастера дольше сохраняли старые производственные традиции изготовления цельнометаллических изделий. Сказался и недостаток высококачественного сырья (твердой стали, в значительной степени привозной), которое шло на наварные лезвия.

Однако с расширением товарных связей между городом и деревней на деревенский рынок все активнее проникает продукция городского производства, в том числе качественные кузнечные изделия с наварными стальными лезвиями.

Свидетельством того, что в феодальные усадьбы попадали изделия западноевропейских кузнецов, является находка на поселении Бучак в жилище второй половины XII в. редкого экземпляра ножа с дамаскированным клинком и наварным стальным лезвием. Эти первоклассные изделия кузнецов-ножевщиков известны в Европе с XI в., но наибольшее распространение их производство достигло к XIII в. [Pleiner, 1979b, s. 249–250; Вознесенская, 1990, с. 89].

Подводя итоги историко-технологических исследований в этом направлении, следует отметить, что достигнут определенный прогресс по сравнению с предыдущим этапом изысканий. Однако это совершенно не соответствует тем возможностям, которые заложены в археологических материалах, накопленных на протяжении многих десятилетий. Как говорится, «осталось совсем немного» — количества специалистов по данной проблематике и материального обеспечения разработок. Оба эти фактора позволят развивать аналитическую базу в нужном направлении с целью получения новых исторических знаний.

Беляева С. А. О металлообработке в Посемье в XIII–XIV вв. / С. А. Беляева, Д. П. Недопако // Использование методов естественных наук в археологии. — К., 1981. — С. 49–65.

Вознесенская Г. А. Кузнечное производство на славянских поселениях Среднего Поднестровья / Г. А. Вознесенская // Использование методов естественных наук в археологии. — К., 1981. — С. 20–35.

Вознесенская Г. А. Технология производства древнерусских ножей в первой половине XIII в. / Г. А. Вознесенская // Проблемы археологии Южной Руси. — К., 1990. — С. 83–91.

Вознесенська Г. О. Чорна металургія та металообробка населення східноєвропейського лісостепу за доби ранніх слов'ян і Київської Русі / Г. О. Вознесенська, Д. П. Недопако, С. П. Паньков. — К., 1996. — 187 с.

Вознесенская Г. А. Железообработка на поселении в Шестовице. Технологические традиции / Г. А. Вознесенская // Археология и естественнонаучные методы. — М., 2005. — С. 101–113.

Вознесенская Г. А. Технологические особенности ножей из раскопок Шестовицкого могильника / Г. А. Вознесенская // Русь на перехресті світів. Міжнародні впливи на формування Давньоруської держави IX–XI ст. — Чернігів, 2006. — С. 39–44.

Завьялов В. И. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху московского государства / В. И. Завьялов, Л. С. Розанова, Н. Н. Терехова. — М., 2007. — 280 с.

Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // МИА. — № 32. — М., 1953. — 257 с.

Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого / Б. А. Колчин // МИА. — № 65. — М., 1959. — С. 7–119.

Кочкуркина С. И. Итоги технологического изучения кузнечной продукции древней корелы (по материалам городищ Паасо и Тиверск) / С. И. Кочкуркина, Л. С. Розанова // КСИА. — М., 1987. — Вып. 190. — С. 88–93.

Кубишев А.І. Технологічні дослідження залізних виробів з Комарівського поселення / А. І. Кубишев, Д. П. Недопако // Археологія. —2005. — № 2. — С. 66–68.

Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) / Р. С. Минасян // АСГЭ. — Л., 1980. — № 21. — С. 69–74.

Моця О. П. Селянська община / О. П. Моця // Село Київської Русі. — К., 2003. — С. 196.

Петрашенко В. А. Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка) / В. А. Петрашенко. — К., 2005. — 263 с.

Розанова Л. С. Производственные традиции в железообрабатывающем ремесле Гнездова / Л. С. Розанова, Т. А. Пушкина // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. — Труды ГИМ. — Вып. 124. — М., 2001. — С. 77–82.

Терехова Н. Н. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе / Н. Н. Терехова, Л. С. Розанова, В. И. Завьялов, М. М. Толмачева. — М., 1997. — 315 с.

Толочко П.П. Древнерусский феодальный город / П. П. Толочко. — К., 1989. — 254 с.

Шекун О. В. Давньоруське поселення Ліскове / О. В. Шекун, О. М. Веремейчик. — Чернігів, 1999. — 184 с.

Arrhenius B. Arbeitmesser aus den Gräbern von Birka / B. Arrhenius // Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde. — Stockholm, 1989. — S. 79–92.

Lyngstrom H. Knives from the Late Iron Age in Denmark / H. Lyngstrom // Archaeology East and West of the Baltic. Papers from the Second Estonian-Swedish Archaeological Symposium. Sigtuna, May 1991. — Stockholm, 1995. — S. 81.

Pleiner R. Die Technologie des Schmiedes in der Groβmährischen Kultur / R. Pleiner // Slovenska archeologia. — XV–1. — Bratislava, 1967. — S. 77–188.

Pleiner R. Die Technik des Schmiedehandwerks im 13 Yahrhundert im Dorf und in der Stadt / R. Pleiner // Geschichtswissenschaft und Archäologie. Vorträge und Forschungen. — XXII. — 1979a. — S. 393–402.

Pleiner R. K vyvoji slovanské nořiřské techniky v Čechách / R. Pleiner // Archeologické rozgledy. — Praha, 1979b. —№ 3. — S. 245–256.

Pleiner R. Zur Technik von Messerklingen aus Haithabu / R. Pleiner // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. — Bericht 18. — Neumünster, 1983. — S. 63–92.

Youttijärvi Arne. Metalanalyser / Arne Youttijärvi // Illerup Ådal. Proveniensbestemmelse af jern fra illerup ädal — et pilotprojekt. Jysk Arkaeologisk Selskab. Moesgård Museum. 1994. — S. 79.

Г. О. Вознесенська

Археометалографія у вивченні ковальської справи Південної Русі

В статті підведені підсумки численних досліджень в області техніки і технології ковальського ремесла Південної Русі. Порівняльний аналіз технологічних особливостей південноруської та північноруської ковальської продукції дозволяє стверджувати наявність регіональних особливостей у виробничих традиціях, які склалися з появою технологічної інновації, привнесеної на Русь в IX столітті вихідцями із Скандинавії.

G. A. Voznesenskaya

Archeomatallography in studying of smithcraft South Rus

In the article summed up numerous researches in area of technique and technology of smithcraft of South Rus. The comparative analysis of technological features of SouthRus and NorthRussian blacksmith's products allows to assert the presence of regional features in productive traditions, that consisted of appearance of the technological innovation introduced on Rus in IXth century by natives from Scandinavia.

М. М. Иевлев, А. А. Козловский

Оборонительные сооружения древнерусского времени в районе Копырева конца IX–X ст.

Предложенная статья посвящена оборонительным сооружениям, существовавшим в районе Копырева конца, которые датируются концом IX–X вв.

Ключевые слова: оборонительные сооружения, эскарп, ров, стена, башня

Копырев конец, согласно имеющимся материалам, полученным при проведении археологических исследований, и летописным свидетельствам, является одним из древнейших районов Киева. До настоящего времени точные границы и площадь Копырева конца окончательно не установлены. Одним из элементов их определения могут послужить фортификационные сооружения, остатки которых были открыты на его территории при проведении археологических исследований в конце XX в.

Сохранившиеся участки оборонительных сооружений, которые были открыты на территории Копырева конца, предоставляют важные свидетельства о его развитии как отдельного района древнего Киева. При проведении археологических исследований было установлено, что, кроме укреплений отдельных усадеб, упоминаемых в летописных источниках, на территории Копырева конца также существовала система оборонительных сооружений. На протяжении их существования — с конца IX в. до первой половины XIII в. — они пережили ряд изменений, обусловленных демографическими и политическими процессами, которые происходили в этот период в древнем Киеве. К сожалению, установить точную дату начала строительства фортификационных сооружений на территории Копырева конца в данный момент практически невозможно из-за отсутствия необходимых для этого точно датированных археологических материалов и летописных свидетельств. Рассматривая имеющиеся в настоящее время археологические материалы, можно предположить, что строительство оборонительных сооружений на территории Копырева конца могло начаться, вероятно, в конце IX — начале X вв.

Согласно данным, полученным при проведении археологических исследований, топография древнего Киева, начиная с древнерусского времени, претерпела значительные изменения в результате хозяйственной деятельности населения, а также вследствие геологических процессов, произошедших на его территории. Поэтому при восстановлении фортификационных сооружений Копырева конца IX–X вв. необходимо учитывать этот фактор.

Основная историческая часть Копырева конца располагалась между Кудрявской балкой (современный Кудрявский спуск) и урочищем Гончары и Кожемяки, которые имели очень крутые склоны и защищали Копырев конец с запада и востока. С северной стороны находилась долина реки Глыбочица, склоны которой также были достаточно крутыми. С южной стороны граница Копырева конца проходила в районе современной ул. Артема и Львовской площади. Здесь проходит водораздел между притоками р. Днепр, реками Лыбеди и Глыбочицы. Необходимо отметить, что в древнерусское время гидрографическая сеть Киева была более густой и разнообразной, по сравнению с существующей в настоящее время. На территории, которую занимал Копырев конец,

находилось большое количество источников пресной воды (ручьев, родников). Их наличие во многом могло способствовать заселению этой части Верхнего города в древности.

При строительстве оборонительных сооружений городища конца IX–X вв. на территории Копырева конца, как и на других древнерусских городищах, максимально использовались природные особенности местности. Оно располагалось на плато, которое на севере возвышалось над современным Кияновским переулком не менее чем на 4–6 м. На востоке от него находилось урочище «Гончары и Кожемяки». На юге, исходя из летописных свидетельств, а также материалов, полученных во время проведения археологических исследований, находилось небольшое озеро [Мовчан, Боровський, Гончар, Сыромятников, 1996; Шепітько, Рутковська, 2003]. При проведении археологических исследований на территории Копырева конца во второй половине XX в. было исследовано несколько участков оборонительных сооружений, время построения которых можно отнести к IX–X вв. Наиболее сохранившимися фортификационными сооружениями, исследованными на территории Копырева конца в районе Кияновского переулка, были оборонительные рвы и остатки деревянных конструкций укрепления стен.

Кияновский переулок проходит на двух уровнях, ниже плато, вдоль терассы, которая постепенно понижается в сторону урочища «Гончары и Кожемяки». Само плато, на котором располагалось городище, тоже понижается в сторону Кияновского переулка, уровень понижения на различных участках составляет до нескольких метров. На склоне этого плато были найдены многочисленные фрагменты лепной керамики, которая датируется VII–VIII в., гончарная и стеклянная посуда, изделия из железа. Эти находки свидетельствуют о том, что на данной территории существовало поселение указанного времени [Боровський, Мовчан, Писаренко, 1991, с. 4–5].

Время сооружения открытых фортификационных сооружений их исследователи относят к X в. Общая длина исследованной части оборонительных сооружений достигает 70 м. Они находились с южной стороны Кияновского переулка. В связи с тем, что природные склоны в этом месте имели недостаточную крутизну (20–25°), верхняя часть склона была подрезана под углом 45–60°. Можно предположить, что первоначальная подрезка имела угол наклона до 60° к горизонту, а угол 45° получился в результате более позднего оползания склонов эскарпа. Таким образом, с южной стороны Кияновского переулка был открыт и частично исследован эскарпированный склон под углом до 60° к горизонту, высотой до 5 м. Общая длина исследованной части этого склона составляла 30 м и имела направление восток-запад, с небольшим отклонением на юг, в сторону современной Львовской площади [Боровський, 1975, с. 17]. При проведении исследований территории перед эскарпом были зафиксированы прослойки угля с золой и обгоревшая древесина. Кроме того, на эскарпе были найдены куски обожженной глины с отпечатками деревянных плах и слой золы с угольками.

Эскарп находился на расстоянии 8–9 м от древнего склона [Боровський, 1975, с. 8–9; Сагайдак, 1982, с. 53]. Такие искусственно подрезанные склоны достаточно часто использовались для усиления обороны многих древнерусских городищ. Нужно отметить, что подрезка склонов часто применялась при строительстве оборонительных сооружений городищ роменской культуры. Такие укрепления были хорошо исследованы на городищах Битица I и Битица II [Сухобоков, 1992, с. 118]. Эскарпированные склоны также широко использовались на городищах салтовской культуры, в частности, на Теплинском городище, расположенном на Северском Донце, [Михеев, 1985, с. 20], Опошнянском и Донецком городищах [Сухобоков, 1992, с. 135–140].

Перед эскарпом находилась горизонтальная площадка шириной 8–9 м, сделанная параллельно древнему склону. Такие площадки существовали на многих древнерусских городищах. Например, в городище возле с. Заречье ширина площадки перед эскарпом равнялась 8 м, в городище возле с. Ярополчи — 9–11 м [Раппопорт, 1956, с. 109–112]. Для создания большей неприступности, кроме подрезки склона, на площадке под эскарпом на расстоянии около 1,8–2 м был выкопан ров шириной 4,5 м и

глубиной около 2 м. Этот небольшой ров имел округлое дно и треугольный профиль, со скошенной под углом до 50° к горизонту южной стенкой. Северная сторона рва составляла угол до 30° к горизонту.

Проведенные на оборонительных сооружениях в районе Кияновского переулка исследования дают возможность сделать вывод о том, что открытый эскарп был укреплен деревом и обмазан глиной. Вероятно, это было обусловлено тем, что склоны, сложенные из супесчаного грунта, не моли стоять под углом до 60° и нуждались в дополнительном укреплении. Находка золы и древесных углей в заполнении рва под эскарпом, а также наличие слоя темного гумуса с золой вдоль его южного борта дает возможность предположить, что его стены также были укреплены деревянными плахами. Подобный тип укрепления стенок рва был зафиксирован при исследовании укрепленной усадьбы начала XI в., располагавшейся примерно на расстоянии 450–500 м к юго-западу между улицей Артема и Нестеровском переулком [Мовчан, Козловський, Івлев, 2005, с. 106–107].

Над участком эскарпа, исследованного в районе Кияновского переулка, находилась деревянная стена, от которой сохранилось несколько столбовых ям. Две из них располагались на расстоянии 2 м одна напротив другой. Стена была сооружена из толстых досок или брусков, отпечатки которых были зафиксированы при ее исследовании. Бруски крепились в деревянных столбах диаметром до 0,4 м. Их обгоревшие остатки были найдены при проведении археологических раскопок.

Исследованная стена каркасно-столбовой конструкции состояла из внешнего и внутреннего панцирей, пространство между которыми было забутовано грунтом. Толщина стены составляла 2 м. Подобные оборонительные стены в X в. часто использовались для укрепления древнерусских городищ. Подобного типа стены открыты в древнем Галиче и Ярополче Залесском, где диаметр ям деревянных столбов составлял 0,3 м, а толщина стен — около 1,5 м [Седова,1978, с. 18; Томенчук, 2010, с. 337]. Такой тип постройки крепостных стен был также характерен для группы городищ в районе Северского Донца, где проживало болгаро-аланское население (Теплинское городище входит в их число). На этих городищах стены (из дерева или камня) создавали внешний и внутренний панцири, а пространство между ними забутовывалось на определенную высоту. Нижняя часть внутреннего и внешнего панциря из дерева засыпалась землей. В наземной части оба панциря стягивались перегородками. Деревянные стены штукатурились и белились [Михеев, 1985, с. 23].

Оборонительная стена, зафиксированная в районе Кияновского переулка, была похожа на крепостную стену, открытую на Теплинском городище, которое входило в состав Хазарского каганата. На этом городище была исследована деревянная стена шириной 1,5 м, состоявшая из двух параллельных рядов деревянных стен, связанных между собой плахами или брусками. Пространство между этими стенами было забутовано землей. Стены были сложены из деревянных брусков, закрепленных в вертикальные деревянные столбы толщиной 0,3–0,4 м, которые были вкопаны на глубину до 0,7 м [Михеев, 1972, с. 8; 1985, с. 21, 112, рис. 3, *9*]. Такого же типа система укреплений была зафиксирована на многих исследованных городищах роменской, а позже — северянской культур на Днепровском левобережье [Сухобоков, 1992, Пуголовок, 2011, с. 116–118]. Наиболее хорошо сохранившиеся фортификационные сооружения роменской культуры были зафиксированы на Опошнянском городище VIII в. (Полтавская обл.), Донецком городище VIII–X в. (Харьковская обл.), на городище «Великий Балкан» VIII–X ст., которое входит в состав комплекса памятников возле с. Ницаха (Сумская обл.). На Опошнянском городище толщина стены составляла 1 м. Она имела каркасно-столбовую конструкцию и была составлена из двух рядов деревянных бревен. Эти бревна были вставлены в столбы диаметром до 0,35 м, вкопанные на глубину до 1,5 м. Промежуток между двумя деревянными стенами был забутован светлой спондиновой глиной. Под стеной находился ров шириной 5,5 м и глубиной 2,1 м [Сухобоков, 1992, с. 135–137, рис. 24].

Укрепления Донецкого городища роменской культуры располагались вдоль эскарпированных на высоту 3–5 м склонов. На них находилась стена из горизонтально сложенных бревен толщиной 0,2–0,3 м, которые были укреплены в вертикально вкопанных столбах [Сухобоков,1992, с. 140].

На городище «Великий Балкан» было исследовано несколько строительных периодов постройки фортификационных сооружений. На первом этапе стена состояла из двух рядов параллельно вкопанных стояков диаметром 0,2–0,4 м, ширина стены составляла немногим более 2 м [Сухобоков, 1992, с. 154–155]. Ряд исследователей, в частности, Б. А. Шрамко, С. А. Плетнева, О. В. Сухобоков объясняют подобность фортификационных сооружений роменской и салтово-маяцкой культур влиянием последней [Сухобоков, 1992, с. 139].

Кроме остатков оборонительной стены при проведении исследований в районе Кияновского переулка был открыт очень интересный и важный объект обороны. Судя по полученным результатам, это была башня, которая выходила за границы эскарпа. Она размещалась над въездом на территорию городища. Въезд зафиксирован в виде углубления с отвесными стенами длиной около 9 м, начинался он за границами эскарпа и выходил на территорию городища. Ширина проезда в нижней части рва, которая находилась под башней, составляла около 3 м. Ширина углубленного въезда, который подходил по территории городища к башне, равнялась около 4,5 м. Таким образом, въезд в городище с его северной стороны состоял из двух частей. Первая часть въезда шириной приблизительно 3 м находилась под башней и являлась ее составной частью. Вторая часть въезда шириной около 4,5 м начиналась сразу за башней. Стены въезда находились под углом 90° к горизонту, что, несомненно, указывает на то, что они были укреплены деревом. Таким образом, этот вход (или въезд), вероятно, представлял собой спуск под углом 20–30°. Судя по толщине слоя обугленных бревен, древесного угля и золы, найденных в углублении въезда, общая толщина которых составляла более 2 м, башня имела несколько этажей (вероятно, три или четыре). Она частично находилась на территории эскарпа, а частично выходила за его границы, доходя до южного края оборонительного рва под эскарпом.

Исходя из того, что на всех исследованных участках этого въезда был зафиксирован слой угля с золой, древесного тлена, можно сделать вывод, что он представлял собой единый построенный из дерева оборонительный комплекс, который защищал въезд в городище с севера. В настоящее время, к сожалению, исходя из имеющихся данных, невозможно установить точные размеры этой башни. Можно только сделать предположение о том, что если ширина въезда под ней составляла до 3 м, то ее параметры должны были быть не менее 5×5 или 6×6 м. В пользу этих предположений свидетельствует также то, что башня начиналась от рва, который находился под эскарпом, и заканчивалась на территории городища. Расстояние от рва до верхней части эскарпа составляло около 4 м, и с учетом того, что зафиксированная толщина стены равнялась 2 м, это предположение выглядит полностью обоснованным. Башня, вероятно, имела срубную конструкцию. На это косвенно указывает отсутствие столбовых ям (за исключением столбовых ям стены) в районе расположения въезда в городище. Перед башней мог находиться деревянный мостик через ров. Такое прикрытие въезда башней также известно по раскопкам.

Въезд с расположенной над ним башней соединял городище с находившимся ниже мысом между Петровской балкой и урочищем Гончары и Кожемяки. На территории этого мыса, согласно данным археологических исследований, с VII в. постоянно проживало славянское население. Подобный въезд был открыт при проведении археологических исследований на городище Слободка на р. Навля, поблизости от деревни Слободка (Шаблинский р-н Орловской обл. в России). Там башня находилась на въезде в окольный город, проходившем по дну оврага и рва [Никольская, 1987, с. 33]. Такое прикрытие въезда на городище башней также известно по раскопкам В. В. Седова в Воищине [Седов, 1960, с. 60].

Проведенные исследования показали, что оборонительные сооружения городища вдоль Кияновского переулка на месте усадьбы № 6 состояли из эскарпированного склона (высота эскарпа около 5 м), деревянной стены шириной 2 м и высотой до 5 м на нем, и оборонительного рва под ним (шириной 4,5 м и глубиной до 2 м). Согласно предположению Я. Е. Боровского, общая высота этих оборонительных сооружений (эскарпа и стены) достигала 10 м [Боровський, 1975, с. 10–12]. Отдельным элементом открытых фортификационных сооружений была башня с несколькими этажами. Исходя из того, что высота эскарпа со стеной могла составлять до 10 м, башня должна была быть высотой не меньше 15 м (от подошвы эскарпа).

Продолжение этих оборонительных сооружений было открыто в ходе археологических исследований на Кияновскому переулке, № 4, № 6, № 8 в 1990 1991 гг. При проведении раскопок в 1990 г. на территории усадеб № 4 и № 6 были исследованы оборонительные сооружения на участке протяженностью до 40 м, время постройки которых исследователи относят к X — началу XI вв. [Боровський, Мовчан, Писаренко, 1990, с. 12, 13]. На этом участке вдоль древних склонов был прослежен ров, повторяющий направление естественных склонов восток-запад.

При исследовании разреза рва было установлено следующее:

1. Ширина рва составляла от 9 до 10 м, глубина — около 5 м. В Древнем Галиче ширина оборонительного рва, датируемого серединой X в., составляла до 10 м при глубине 4,5 м [Томенчук, 2010, с. 337].

2. В заполнении рва было зафиксировано два слоя, состоящих из золы и угольков. Первый слой длиной около 5 м находился на глубине от 0,8 м до 1,4 м (в середине рва) и начинался от углубления в материк. Указанное углубление шириной 2 м располагалось с южной стороны рва. Толщина этого горелого слоя доходила до 0,5 м. Второй золистый слой длиной до 6 м и мощностью до 0,3 м начинался от южного края рва и находился на глубине 1,5–1,75 м от современной поверхности. Он состоял из золы, угольков и обожженной глины. Между этими слоями находился слой, насыщенный обожженной глиной, или печиной. Вдоль южной стенки рва фиксировался горелый слой с печиной. После этой прослойки был зафиксирован слой глины мощностью до 1 м в центральной части рва. На дне рва находился слой из гумусированного грунта с золой и угольками.

3. 2. С южной стороны рва находилась слабонаклонная площадка шириной до 2 м. За этой площадкой зафиксированы углубления в материк шириной приблизительно 2 м и глубиной 0,2–0,3 м.

Таким образом, рассматривая стратиграфический разрез, можна сделать следующие выводы:

1. С южной стороны рва отсутствует вал. На месте вала была расположена оборонительная стена, состоящая из двух параллельных деревянных стен, пространство между которыми было забутовано грунтом, который доставали из рва. Ширина этой стены составляла примерно 2 м (как и ширина стены, зафиксированной на эскарпе восточнее, на территории усадеб №6 и №8 по Кияновскому переулку). Стена находилась на расстоянии около 2 м от южной стороны рва.

2. Первые две прослойки образовались при разрушении деревянных стен после пожара. Судя по составу этих прослоек и их размещению, можно сделать вывод, что данная стена с внешней стороны была обмазана слоем глины. На это указывают находки обожженной глины во второй прослойке.

3. Склон рва со стороны городища был укреплен деревом (как и склон исследованного эскарпа) и, вероятно, также обмазан толстым слоем глины.

Благодаря этим исследованиям можно утверждать, что фортификационные сооружения на Кияновском переулке на территории усадьбы № 4, которые состояли изо рва и находящейся над ним стены толщиной 2 м, имели очень похожие конструктивные особенности с примыкающим эскарпом и размещенной на нем стеной, и составляли единую систему обороны. Нужно также отметить, что при проведении исследований на территориях усадеб № 4 и № 6 остатки оборонительного вала зафиксированы не были. Исходя

из этого факта, можно сделать предположение, что оборонительная стена находилась непосредственно над южным краем рва. При проведении археологических исследований было установлено, что на территории усадьбы № 4 ров поворачивал на север в сторону Петровской балки.

В начале XI в. этот ров прекращает свое существование, его засыпают, и на этом месте строят несколько наземных жилищ XI–XII вв., следы от которых были зафиксированы на глубине 1,45 м от современной поверхности. С двух сторон рва над его материковыми бортами находился культурный слой XII в. мощностью 0,4–0,6 м [Боровський, Мовчан, Писаренко, 1990, с. 14; 1991].

Рассматривая время сооружения всех открытых фортификационных укреплений в районе Кияновского переулка, следует отметить, что эскарпированный склон в нескольких местах был перерезан хозяйственными ямами начала XI–XII вв., что указывает на более раннее время его постройки. При установлении времени существования открытых фортификационных сооружений нужно обратить внимание на находку в стене эскарпа на усадьбе № 8 производственной печи, датируемой исследователями концом X — началом XI в. Судя по материалам, зафиксированным при археологических исследованиях рва, он был засыпан в начале XI ст. [Боровський, 1975, с. 13–15; 1991. с. 6, 14]. Это указывает на то, что с начала XI в. оборонительные сооружения, расположенные в этой части Копырева конца, полностью потеряли свое оборонительное значение. В пользу этого свидетельствует также то, что в конце XI — начале XII вв. на месте площадки перед эскарпом и на южном склоне рва возникает христианский могильник, который существует здесь до первой половины XIII ст. [Боровський, Мовчан, Писаренко, 1991, с. 10–12]. По мнению Я. Е. Боровского, деревянные оборонительные сооружения городища, зафиксированные в районе Кияновского переулка, погибли в результате пожара в X в., хотя дата пожара нуждается в уточнении [Боровський, 1975, с. 10].

Продолжение открытого оборонительного рва было зафиксировано в 1998 г., во время проведения археологических исследований на ул. Возвиженский спуск, № 11. На этом участке был найден край рва, ориентированного на северо-запад – юго-восток, глубиной до 4 м. Ширину рва, к сожалению, определить не удалось, т. к. его северная стенка находилась за границей котлована. Рассмотрев археологический материал засыпки этого рва, можно утверждать, что он был засыпан в первой половине XI в. По мнению исследователей, он утратил свои функции еще в начале XI в. [Івакін, Гончар, Сиром'ятников, 1999, с. 10–11]. Еще одна часть рва, которую можно отнести к этим фортификационным сооружениям, была открыта в районе Нестеровского переулка № 13–17. Ров в верхней части имел ширину до 18 м и глубину 6 м. В нижней части заполнения рва попадались археологические материалы X — первой половины XIII в. Ров имел направление север-юг в сторону современного Дома торговли [Боровський, Мовчан, Писаренко, 1990, с. 2–3]. Анализируя размеры этого рва и археологический материал, найденный при его исследовании, можно сделать вывод, что ров, сооруженный в X в., был использован при постройке рва в XI в., а затем в XVII — начале XVIII в.

Открытые фортификационные сооружения над Кияновским переулком состояли из двух частей рва и эскарпа, над которыми находилась деревянная стена, а также деревянной башни, расположенной в месте их соединения. Всего на этом участке было исследовано около 90 м оборонительных сооружений. Они шли вдоль Кияновского переулка к усадьбе № 4, где поворачивали на север в сторону Петровской балки. От Петровской балки эти фортификационные сооружения шли на юг вдоль Вознесенского спуска по направлению к Львовской площади. Нужно отметить также то, что Петровская балка до настоящего времени имеет достаточно крутые склоны, в некоторых местах до 60°, что дает повод высказать предположение о возможности их эскарпирования в древнерусское время.

Таким образом, на участке от Кияновского переулка № 4, угла Нестеровского переулка и ул. Вознесенский спуск расстояние между фортификационными сооружениями составляло от 40 м на юге до 10–15 м на севере. Эти фортификационные сооружения создавали узкий коридор, по которому проходил путь от места пересечения Кияновского переулка с

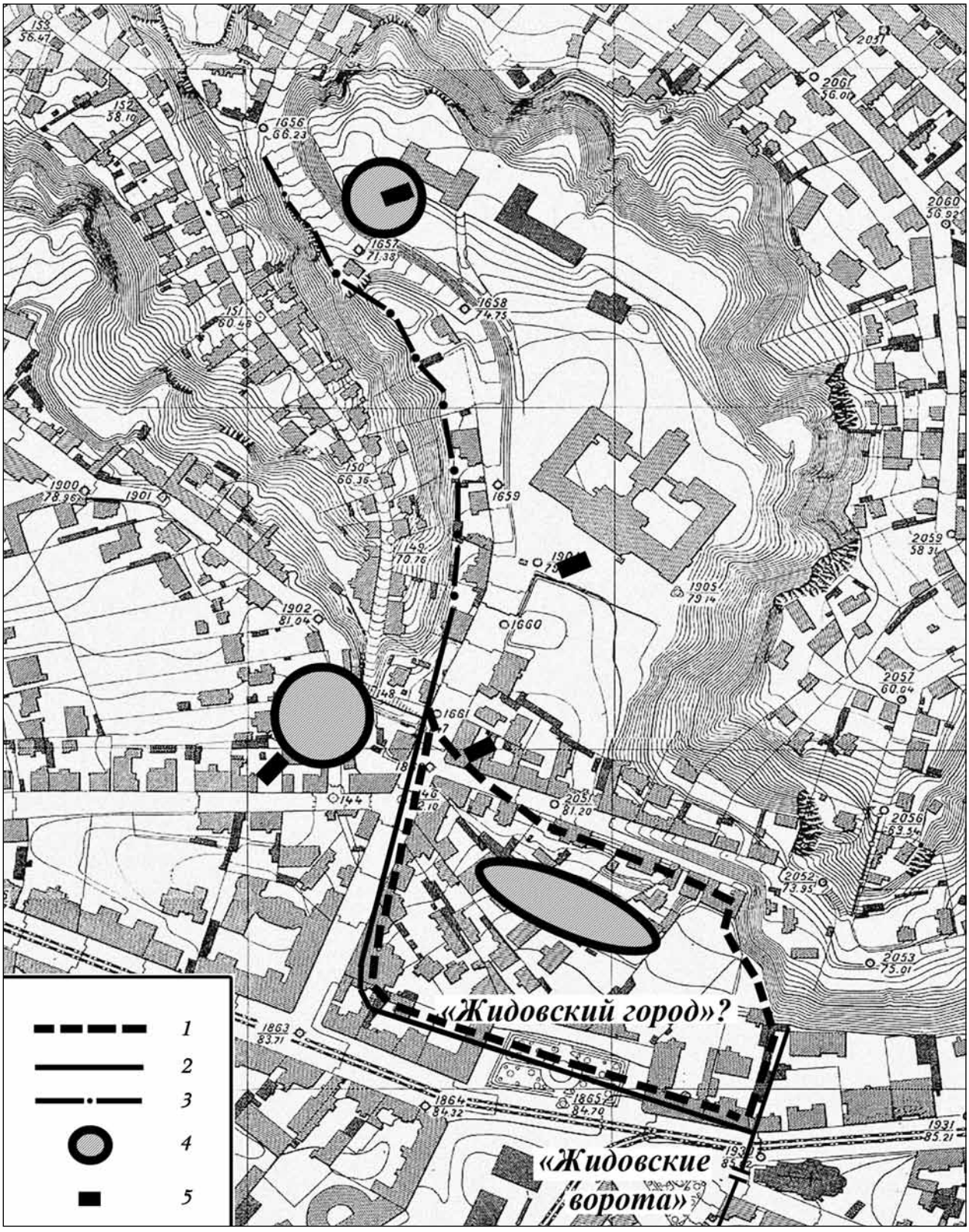


Рис. 1. Укрепления Копырева конца.
1 – фортификационные укрепления IX–X вв.;
2–3 – фортификационные укрепления первой половины IX в.;
4 – поселения; *5* – Древнерусские храмы

Вознесенским спуском до Петровской балки. Такие оборонительные конструкции въездов на городище известны на средневековых городищах этого времени. В частности, подобные укрепления въезда были исследованы на городище в с. Гочево Беловского р-на Курской обл. в России [Моця, Халиков, 1997, с. 125–126]. В случае нашего городища такой коридор создавала Петровская балка, которая в верхней части, вероятно, могла быть эскарпирована. Именно поэтому к этой балке и были продлены фортификационные сооружения на расстояние около 100 м от главных укреплений городища. Подобного типа укрепления вдоль въезда на городище были открыты и при исследовании Любецкого замка [Рыбаков, 1960].

Городище в южной части Копырева конца с северной и восточной сторон было защищено эскарпом с находившимся под ним рвом и деревянной стеной на нем. Эскарп и ров, находившиеся с северной стороны городища, были укреплены деревянными конструкциями. С южной и восточной сторон городище, вероятно, было окружено рвом с деревянной стеной, установить точные размеры которых в настоящее время невозможно (рис. 1). В первой половине XI в. южная часть укреплений городища входит в состав общих укреплений Киева и, видимо, полностью перестраивается. На сегодняшний день не установлено, существовал ли надо рвом, по всему периметру городища, вал в IX–X вв. Поэтому предположения о том, что оборонительная стена в рассматриваемое время находилась непосредственно надо рвом, может соответствовать действительности. Можно также предположить, что в состав фортификационных сооружений городища входило несколько деревянных башен, которые располагались в местах соединения эскарпированных склонов с деревянными стенами и рвами, а также над въездами на его территорию. Принимая во внимание место расположения этого городища и топографию местности, на которой оно находится, можно сделать вывод, что, кроме ворот, которые, вероятно, были под исследованной башней над Кияновским переулком, могли существовать еще две башни с воротами. Первая башня с въездом, вероятно, располагалась на юго-западном углу укреплений, на месте современного торгового центра, на углу улиц Большая Житомирская и Вознесенский спуск. Она связывала городище с торговым путем, который шел с запада в Киев. Вторая башня, вероятно, находилась на северной стороне городища, в месте пересечения его западных и южных укреплений в районе начала Петровской балки. Именно по этой балке проходил путь, соединявший городище с районом, занимаемым древним Подолом, в котором находилась торговая гавань. Еще одна башня могла существовать в месте соединения укреплений восточной и южной сторон городища.

Рассматривая оборонительные сооружения, отделявшие южную часть Копырева конца от северной, нужно отметить, что, исходя из существующих археологических данных, они были построены в X в., или, возможно, несколько раньше, примерно в середине или в конце IX в.

Открытые оборонительные сооружения относились к одному городищу, которое располагалось между Львовской площадью, Кияновским переулком и Вознесенским спуском. Судя по имеющемуся археологическому материалу, оборонительные сооружения этого городища (с его северной стороны) использовались до середины или второй половины X в., после чего они теряют свое значение. Южная и западная части укреплений, вероятно, были использованы при постройке оборонительных сооружений «города Ярослава» в первой половине или середине XI в.

Необходимо отметить, что исследованные остатки фортификационных сооружений имеют достаточно много общих черт с аналогичными укреплениями, исследованными на территории Хазарского каганата и на территории распространения роменской культуры. Одновременно с городищем, существовавшим в районе Львовской площади в IX–X вв., на территории «Верхнего города» в Киеве в это же время функционировало еще одно городище на Старокиевской горе. Фортификационные сооружения этого городища имеют аналоги на территории Северной Руси в Ладоге и Новгороде (Рюриковом городище) [Михайлов, 2010, с. 314].

Боровський Я. Є. Звіт про археологічні розкопки на Копиревому кінці (Киянівський провулок, №6) 1975 / Я. Є. Боровський // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 7238/1975, 19 с.

Боровский Я. Е. Нове про Копирів кінець стародавнього Києва / Я. Е. Боровский, В. М. Зоценко // Наука і культура. — К., 1988. — Вип. 22. —С. 260–261.

Боровський Я. Є. Звіт про археологічні розкопки на Копирівому кінці (Киянівський провулок № 4–8) в 1991 р. / Я. Є. Боровський, І. І. Мовчан, Ю. Г. Писаренко // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, 1990/9, 16 с.

Боровський Я. Є. Звіт про археологічні розкопки на Копирівому кінці (Киянівський провулок № 4–8) в 1992 р. / Я. Є. Боровський, І. І. Мовчан, Ю. Г. Писаренко // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, 1991/10, 9 с.

Івакін Г. Ю. Дослідження оборонних споруд XI–XVII ст. Копирівa кінця у 1998 р. / Г. Ю. Івакін, В. М. Гончар, О. К. Сиром'ятников // Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр. — К., 1999. — С. 10–11.

Михайлов К. А. Реконструкция древнейших укреплений Старокиевского городища / К. А. Михайлов // Археологія і давня історія України. — К., 2010. — Вип. 1. — С. 308–315.

Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. — Харьков, 1985. — 147 с.

Мовчан И. И. Отчет об археологических исследованиях в 1996 г. в Киеве (Львовская пл., 6) / И. И. Мовчан, Я. Е. Боровский, В. Н. Гончар, А. К. Сыромятников // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, 1996, 62 с.

Мовчан І. І. Локальні оборонні споруди верхнього Києва X–XI ст. / І. І. Мовчан, А. О. Козловський, М. М. Ієвлев // Наукові записки з української історії. Збірник наукових статей пам'яті В. В. Сєдова. — Вип. 16. — Переяслав-Хмельницький, 2005. — С. 105–115.

Моця А. П. Булгар — Киев. Пути-связи-судьбы / А. П. Моця, А. Х. Халиков. — К., 1997. — 192 с.

Пуголовок Ю. О. До історії вивчення фортифікації літописних сіверян / Ю. О. Пуголовок // Старожитності Лівобережного Подніпров'я. —К.- Полтава, 2011. — С. 116–119.

Раппопорт П. А. Археологические исследования памятников русского зодчества X–XIII ст. / П. А. Раппопорт // Советская археология. — 1962. — № 2. — С. 61–80.

Раппопорт П. А. Военное зодчество западно-русских земель X–XIV вв. / П. А. Раппопорт // МИА. — 1967. — № 140. — 242 с.

Рыбаков Б. А. Раскопки в Любече в 1957 г. / Б. А. Рыбаков // КСИИМК. — М., 1960. — Вып. 79. —С. 27–36.

Сагайдак М. А. Великий город Ярослава / М. А. Сагайдак. — К., 1982. — 94 с.

Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XIV вв.) / В. В. Седов // МИА. — 1960. — № 92.

Седова М. В. Ярополч Залесский / М. В. Седова. — М., 1978. — 157 с.

Сухобоков О. В. Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968–1989 рр.) / О. В. Сухобоков. — К., 1992. — 214 с.

Никольская Т. Н. Городище Слободка XII–XIII вв. / Т. Н. Никольская // М., 1987. — 184 с.

Томенчук Б. П. Фортифікація Давнього Галича / Б. П. Томенчук // Археологія і давня історія України. — К., 2010. — Вип. 1. — С. 335–344.

Шепітько Н. Нотатки з історії церкви Стрітення Господнього на Львівській площі в Києві / Н. Шепітько, О. Рутковська // Вісник [інституту «УкрНДІпроектреставрація»]. — К., 2003. — Вип. 1. — С. 81–90.

М. М. Иевлев, А. А. Козловский

Оборонительные сооружения древнерусского времени в районе Копырева конца IX–X вв.

При проведении археологических исследований в районе Копырева конца были открыты фортификационные сооружения, которые состояли из эскарпированных склонов с оборонительным рвом под ними, а также оборонительные рвы и остатки от деревянной стены, находившейся над эскарпом и рвом. Под эскарпом был исследован оборонительный ров. Над местом соединения эскарпа и рва, над которыми находилась деревянная оборонительная стена, были найдены остатки оборонительной башни с въездом. Анализ археологических материалов позволяет отнести эти оборонительные сооружения к концу IX–X вв.

M. M. Ievlev, A. A. Kozlovskiy

Old Rus fortifications in Kopyrev region in late IXth–Xth centuries

During the archaeological researches in the area of Kopyrev Kinetz were discovered fortifications which consisted of scarped slopes with a moat beneath them, defensive ditches, the remains of a wooden wall, which was above the escarpment and a moat. Under the escarpment was investigated a defensive ditch . Above the junction of the escarpment and the moat, over which a wooden defensive wall was located, were found the remains of defensive tower with an entrance. Analysis of archaeological materials enables to attribute these fortifications to the end of the IXth–Xth centuries.

К. М. Капустін

Об'єкти XII–XIII ст. з Малого Городського городища (за матеріалами розкопок 1940–1950-х рр.)

У статті проаналізовано знахідки давньоруського часу, виявлені за час археологічних розкопок Малого Городського городища на Житомирщині протягом 1940–1950-х років. Простежено особливості забудови пам'ятки та специфіку домобудівництва населення у XII–XIII ст.

Ключові слова: Городськ, Мале Городище, давньоруський час, забудова, житла, господарські споруди.

Комплекс археологічних пам'яток біля с. Городське Коростишівського р-ну Житомирської обл. складається з трьох городищ, неукріпленого поселення та залишків курганного могильника.

Перше городище площею 1,25 га знаходиться у центральній частині сучасного села в урочищі Вали на мису лівого берега р. Тетерів. Від плато воно відділене валом висотою 6,5–7,0 м, довжиною 78 м. У культурному шарі пам'ятки (товщиною 0,5–0,7 м) та в заповненні об'єктів виявлено матеріали, що датуються XII–XIII ст. [Древнерусские поселения, 1984, с. 37].

Друге городище має площу близько 4 га, воно розташоване за 0,5 км на схід від першого і займає мис лівого берега р. Тетерів (урочище Червона Гора). З напільної сторони воно укріплене неглибоким ровом глибиною 1,5 м. В культурному шарі пам'ятки у значній кількості виявлено фрагменти кераміки доби енеоліту (трипільська культура) та давньоруського часу[Древнерусские поселения, 1984, с. 37].

Надзвичайно інформативними виявились археологічні розкопки третього Городського городища, розташованого в урочищі Мале Городище. Воно займає високий мис лівого берега р. Тетерів. Як відзначив Р. І. Виєзжев, укріплений майданчик, витягнутий із південного заходу на північний схід, підпрямокутної форми (розміром 80×28 м), має площу близько 2,2 га. Із напільної сторони він укріплений ровом глибиною 5 м, а з інших обмежений стрімкими схилами [Виєзжев, 1962, с. 131; Древнерусские поселения, 1984, с. 37].

Неукріплене поселення давньоруського часу (XII–XIII ст.) оточує II та III городища з півночі та південного заходу і має площу близько 6 га. Незначні шурфування на території пам'ятки проведено В. К. Гончаровим у 1947 р. [Древнерусские поселения,1984, с. 37].

Курганний могильник поблизу села вперше описав В. Б. Антонович. Дослідник виділив 4 курганні групи: I група знаходилась в урочищі Курганці Нужного (14 насипів), II — біля дороги до с. Козіївка (9 насипів), III — в урочищі Королів огород (9 насипів), IV — за р. Тетерів на галявині перед лісом (17 насипів) [Антонович 1895, с. 12]. У 1887 р. В. Б. Антонович розкопав 7 курганів у першій групі та 5 у четвертій (небіжчики, як правило, лежали на спині, спрямовані головою на захід). Поховальний інвентар складався із залізних цвяхів, бронзових та срібних кілець [Антонович 1895, с. 12].

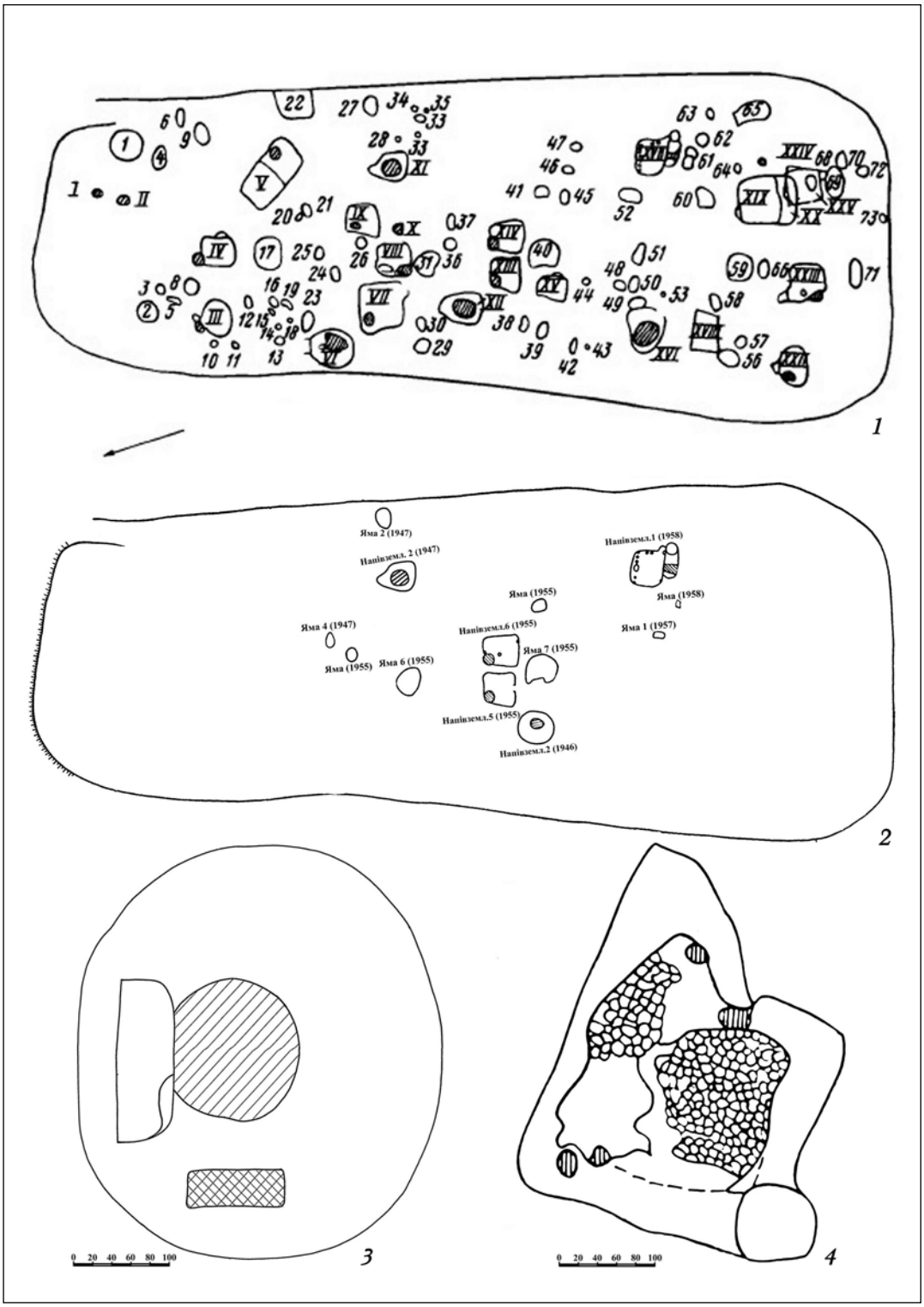


Рис. 1. Схематичний план майданчика Малого Городського городища із розкопаними об'єктами та плани «напівземлянок» № 2 (1946 та 1947 рр.).
1 — план майданчика городища із розкопаними об'єктами згідно з Р. І. Виєзжевим;
2 — об'єкти XII–XIII ст.;
3 — план «напівземлянки» № 2, 1946 р.;
4 — план «напівземлянки» № 2, 1947 р.

Серед усіх пам'яток регіону найбільший інтерес для сучасних дослідників становлять матеріали, здобуті за час археологічних розкопок Малого Городського городища (рис. 1). Пам'ятка неодноразово вивчалася експедиціями Ф. М. Мовчанівського (1936, 1937 рр.), А. В. Дмитревської (1940, 1946 рр.), В. К. Гончарова та М. Ю. Брайчевського (1947 р.), Р. І. Виєзжева (1955, 1957–1958 рр.) [Макаревич, 1959, с. 173–174; Петров, 1936, с. 2–3; Полесская экспедиция, 1936; Третьяков, 1941, с. 124; Дмитревская, 1946; Гончаров, 1947; Выезжев, 1955; 1957; 1958]. Упродовж багаторічних досліджень було вивчено площу завбільшки 2000 м^2, зафіксовано 24 житлових та 20 господарських споруд, а також 57 ям різноманітного призначення (рис. 1, *1*), фрагменти гончарних горщиків, вироби із заліза, кольорових металів, дерева, кістки, каменю та скла [Виєзжев 1962, с. 131]. Протягом досить тривалого часу у фаховій літературі городище датували X–XIII ст. Наприкінці 1980-х — на початку 1990-х рр. Б. А Звіздецьким та М. П. Кучерою на основі комплексного аналізу виявлених матеріалів вдалося виділити два культурно–хронологічних горизонти — давньоруського та післямонгольського часів [Звиздецкий, 1990, с. 42–56; Кучера, 1999, с. 94, 95]. В останні роки ведуться роботи з публікації знахідок та об'єктів другої половини XIII–XIV ст. [Капустін, 2012, с. 108–114; 2013, с. 47–53; 2013а, с. 100–108]. Щодо давньоруського горизонту пам'ятки, то він вивчений недостатньо. Зважаючи на це, постала необхідність у повторній атрибуції та публікації матеріалів XII–XIII ст., розкопаних протягом 1940, 1946–1947, 1955, 1957–1958 рр.

Проведений аналіз керамічних колекцій, що зберігаються у наукових фондах ІА НАН України, дозволив датувати XII — першою половиною XIII ст. такі об'єкти: «напівземлянки» № 1 (розк. А. В. Дмитревської, 1940 р.), № 2 (розк. А. В. Дмитревської, 1946 р.), № 2, ями № 2, 4 (розк. В. К. Гончарова, 1947 р.), «напівземлянки» № 5, 6, ями № 6, 7 (розк. Р. І. Виєзжева, 1955 р.), яма № 7 (розк. Р. І. Виєзжева, 1957 р.), а також «напівземлянка» № 1 (розк. Р. І. Виєзжева, 1958 р.). Тож детальніше охарактеризуємо виявлені житлові та господарсько–побутові комплекси.

Отже, пляма «**напівземлянки**» **№ 2 (1946 р.)** знаходилась у центральній частині городища, за 2,5 м на південний захід від «напівземлянки» № 5 (1955 р.). Заглиблена частина будівлі (розміром 4,2×3,6 м), мала овальну форму і була орієнтована довгою віссю за лінією північний схід — південний захід (рис.1, *3*). Стінки об'єкту похилі. Вхід у вигляді материкової приступки (розмірами 1,0×0,55×0,45 м) влаштовано в південно-західній стіні [Дмитревська, 1946а, арк. 12]. Біля північно-східної стіни зафіксоване материкове підвищення (лежанка) розмірами 1,7×0,6 м і висотою 0,45 м [Дмитревська, 1946а, арк. 13].

Долівку споруди виявлено на глибині 0,9 м від рівня денної поверхні. У центральній частині котловану простежено залишки вогнища, обкладеного камінням, розміром 1,4×1,2 м і глибиною 0,2 м [Виєзжев 1962, с. 145].

Знахідки кераміки з об'єкту представлено фрагментами гончарних горщиків давньоруського часу (вінця, стінки, денця). Останні мали округлі з середньо- та добре вираженою закраїною вінця, плічка прикрашені 2–4 паралельними лініями, доповненими іноді нігтьоподібними вдавленнями (рис. 2, *1–15, 24*). Згідно з типологією В. М. Тимощука, верхні частини посудин належать до виробів типу I, варіанту 1 (масивні валикоподібні круглі у перетині із вираженою закраїною), типу II, варіанту 1 (округлі в перетині з добре вираженою закраїною), варіанту 2 (овальні в перетині з добре вираженою закраїною), типу V, варіанту 2 (ребристі із загнутим до середини вінцем, так званим дзьобом) [Тимощук 2001, с. 68, 70]. Такий посуд добре відомий за матеріалами розкопок поселення біля с. Григорівка (тип 14 згідно з типологією В. О. Петрашенко) та інших населених пунктів Південної Русі, і датується другою половиною XII — першою половиною XIII ст. [Петрашенко, 2004, с. 61]. У верхній частині заповнення котловану знайдено фрагменти кераміки другої половини XIII–XIV ст. (рис. 2, *10, 13*), що потрапили до будівлі вже після припинення її функціонування. Індивідуальні знахідки репрезентовані двома залізними вістрями стріл, цвяхом, залізною хрестоподібною накладкою на дерев'яну скриню,

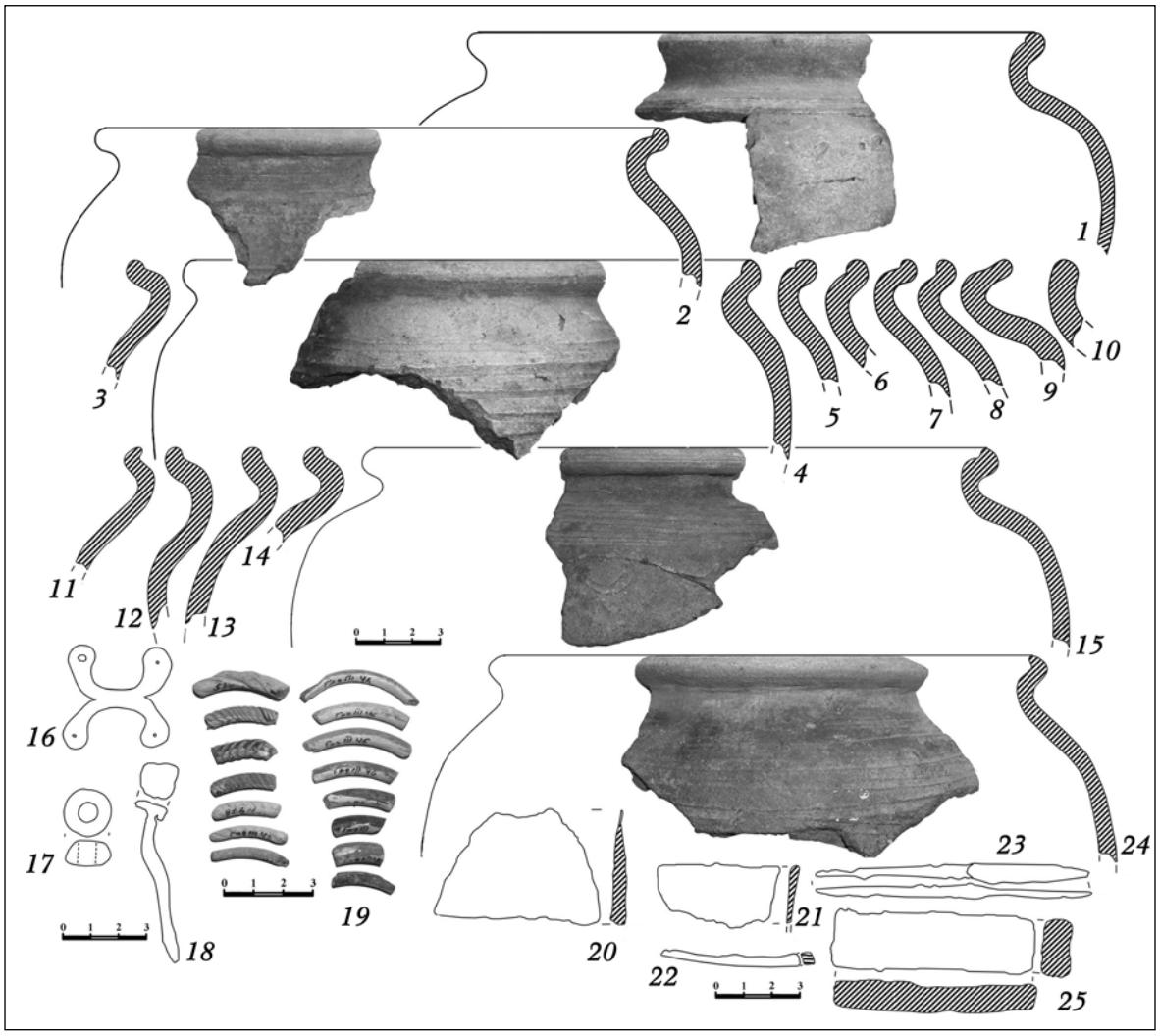


Рис. 2. Знахідки із заповнення «напівземлянки» № 2, 1946 р.

фрагментом вінця мідного казана, ланцюжком, трьома оселками, шиферним пряслицем, уламком сопла, 49 фрагментами скляних браслетів, намистиною, а також денцем скляної посудини [Виєзжев, 1962, с. 145].

«**Напівземлянка» № 2 (1947 р.)** знаходилась за 6 м від східного краю мису та за 4,3 м на північний захід від ями № 4 (1947 р.). Вона підпрямокутної форми (розміром 2,8×2,5 м) із виступом у північній частині, орієнтована довгою віссю за лінією північ–південь, заглиблена в материк на 0,2 м (рис. 1, *4*). У центрі приміщення зафіксовано черінь великої теплотехнічної споруди розміром 1,9×1,8 м, на якому лежав завал печини від зруйнованого склепіння [Гончаров, 1947, с. 18]. В. К. Гончаров слушно зауважив, що це залишки гончарного горна «великокнязівського» часу. Кераміка з об'єкту представлена фрагментами горщиків, які за особливостями профілювання верхньої частини належать до типів I–1, I–2а (масивні валикоподібні овальні у перетині із вираженою закраїною), II–1, II–2, II–5а (округлі у перетині та дещо сплощені по горизонталі з ребром із зовнішньої сторони) і, згідно з типологією В. М. Тимощука, датуються серединою XII — першою половиною XIII ст. (рис. 3, *6–13*) [Тимощук, 2001, с. 68, 70]. З огляду на те, що звіт про розкопки в архіві ІА НАН України відсутній, а щоденник начальника експедиції містить неповну інформацію про досліджений об'єкт, важко здійснити більш-менш точну реконструкцію теплотехнічного пристрою. Наявні дані дозволяють віднести його до типу горизонтальних одноярусних із зворотним полум'ям. Аналогічні горни, датовані XII–XIII ст., досліджено О. І. Черепніним

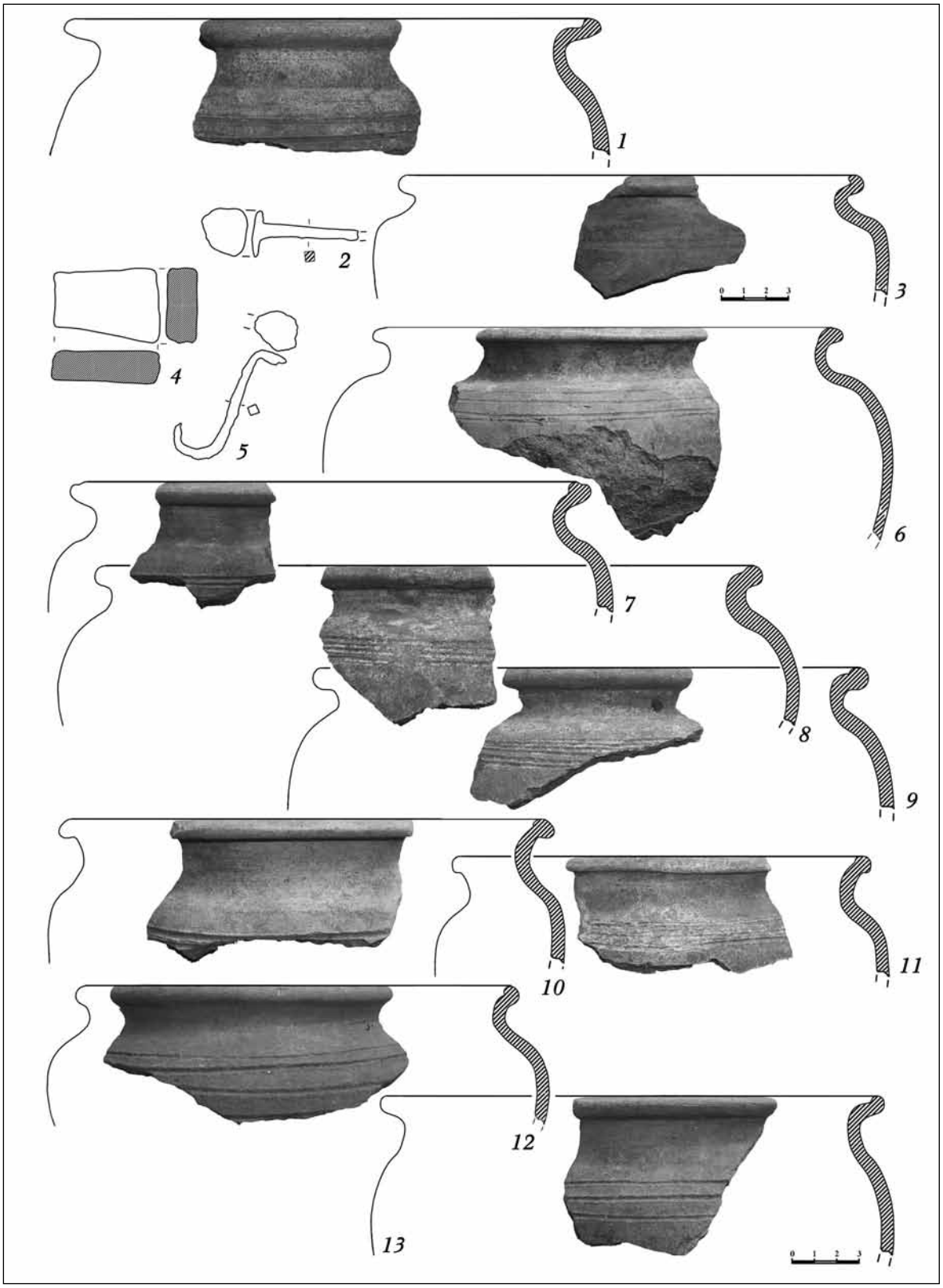


Рис. 3. Знахідки із заповнення ями № 2, 1947 р. (*1–4*) та «напівземлянки» № 2, 1947 р. (*5–13*)

у Старій Рязані та В. В. Хвойкою у с. Білогородка під Києвом [Колчин, 1985, с 273; Рыбаков, 1948, с. 351, 352].

Давньоруським часом слід датувати господарську споруду **(яма № 2, 1947 р.)**., розташовану за 3,7 м на схід від гончарного горну. Вона овальної форми, витягнута довгою віссю за лінією північний захід — південний схід, розміром 2,0×1,45 м, заглиблена в материк на 0,5 м. Із об'єкту походять фрагменти гончарних горщиків з округлими в перетині вінцями та добре вираженою закраїною (тип II–1 згідно з типологією В. М. Тимощука) [Тимощук, 2001, с. 68], уламок точильного бруска та залізний цвях (рис. 3, *1–4*).

У цьому ж польовому сезоні досліджено **яму № 4**. Вона знаходилась у західній частині розкопу (кв. 6 Е, Ж — 7 Е, Ж), мала овальну форму і була витягнута довгою віссю за лінією схід–захід [Гончаров, 1947, с. 28]. Її розміри — 2,1×1,34 м, глибина — 0,6 м. Колекція гончарного посуду з об'єкту включає вінця горщиків типу II–1, II–2, II–5а (округлі в перетині, сплощені у горизонтальній площині з ребром ззовні та добре вираженою закраїною), типу V–2, які, згідно з типологією В. М. Тимощука, слід датувати серединою — другою половиною XII — першою половиною XIII ст. (рис. 4, *1–4,6–13*) [Тимощук, 2001, с. 68, 70]. Викликає інтерес верхня частина банкоподібної посудини із слабовираженими плічками, майже вертикальною короткою шийкою та загнутим до середини краєм. Плічка виробу прикрашені двома паралельними лініями та нігтеподібними вдавленнями (рис. 4, *5*). Горщики цього типу добре відомі за матеріалами розкопок Григорівки, Ліскового та інших пам'яток Південної Русі і датуються кінцем XII–XIII ст. [Виногродська, Петрашенко, 1993, с. 59; Шекун, Веремейчик, 1999, с. 56].

Окрім кераміки в ямі знайдено фрагмент точильного бруска, виготовленого із дрібнозернистого сланцю, керамічне прясельце круглої форми, фауністичні рештки [Гончаров 1947, с. 28].

«**Напівземлянка**» **№ 5 (1955 р.)** — підпрямокутної форми (розміром 2,85×3,10 м) розташовувалась за 7 м на південний захід від «напівземлянки» № 4 (1955 р.) і була заглиблена в материк на 0,6 м. Стінки вертикальні: північно-західна та північно-східна — прямі, південно-західна та південно-східна — мають незначний нахил до середини котловану [Выезжев, 1955, с. 10]. *У* північному кутку на материковому останці висотою 0,33 м знаходилась глинобитна піч. На добре збереженому черені овальної форми розміром 1,0×0,9 м і товщиною 0,14 м лежав завал глини від зводу потужністю близько 0,1 м. Вхід до приміщення у вигляді двох материкових сходинок (розмірами 0,1×0,5×0,22 м, висотою 0,25 м, довжиною 0,60 м, шириною 0,18 м) було влаштовано у центральній частині південно-західної стіни (рис. 5, *16*). Біля південно-східної стінки викопано господарську яму овальної форми, витягнуту довгою віссю за лінією південний захід — північний схід (розміром 0,7×0,6 м, глибиною 0,36 м) [Выезжев, 1955, с. 11].

Верхні частини горщиків (рис. 5, *1–13, 15*), знайдені в заповненні «напівземлянки», мають масивні валикоподібні круглі й овальні у перетині (тип I, варіант 1, 2а), округлі й овальні в перетині з добре вираженою закраїною вінця (тип II, варіант 1, 2). Такий посуд добре відомий за результатами розкопок городищ та неукріплених поселень Південної Русі і датується XII — першою половиною XIII ст. [Толочко, 1981, с.299; Тимощук, 2001, с. 68, 70]. Індивідуальні знахідки репрезентовані залізним долотом, ножем, точильним бруском тощо [Выезжев 1955, с. 11].

«**Напівземлянка**» **№ 6 (1955 р.)** — підпрямокутної форми (розміром 3,3×2,85 м) розміщувалась за 2,5 м на південь від напівземлянки № 5 і була заглиблена в материк на 0,5 м. Північно-західна та південно-східна стінки будівлі — похилі, південно-західна та північно-східна — прямі. Глинобитну піч, найімовірніше, було збудовано у північному кутку житла (рис. 5, *27*). Про це свідчить скупчення обпаленої до червоного кольору глини та залишки череня діаметром 1,0 м. Опалювальна споруда стояла на материковому підвищенні висотою 0,3 м [Выезжев, 1955, с. 11]. Біля неї влаштовано

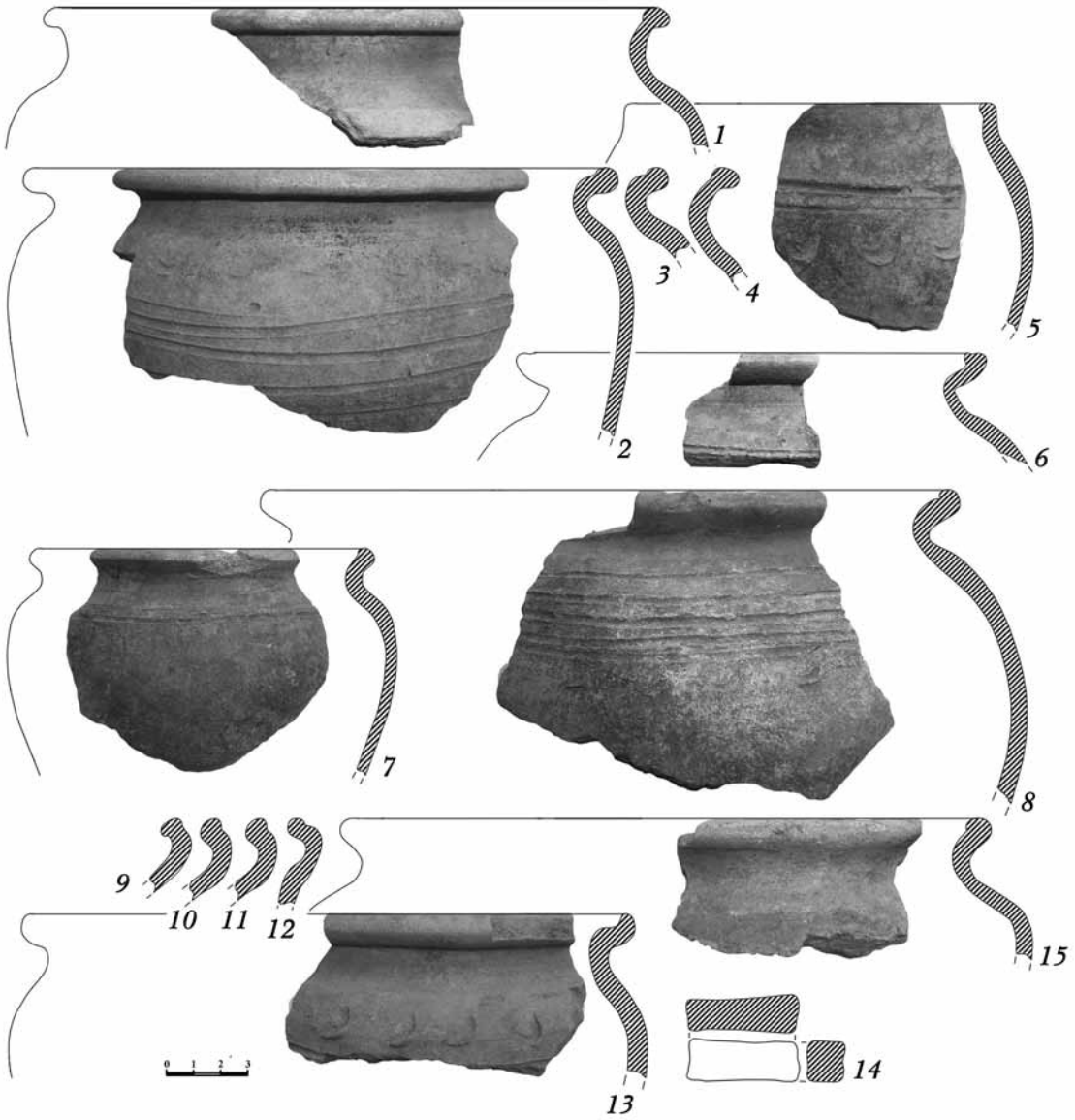


Рис. 4. Знахідки із заповнення ями № 4, 1947 р.

«припічок» розмірами 0,85×0,3×0,12 м та викопано передпічну яму (діаметром 0,3 м, заглиблену в материк на 0,5 м), заповнену золою та дрібними вуглинками [Выезжев, 1955, с. 12].

Біля північно-західної та південно-західної стінок простежено залишки дерев'яних конструкцій: стовпові ями діаметром 0,17 м, заглиблені в материк на 0,2–0,25 м.

На підлозі біля передпічної ями лежали нижні частини двох горщиків давньоруського часу, в південно-західному кутку — уламок жорна розміром 0,22×0,15 м, товщиною 0,04 м [Виєзжев, 1962, с. 140]. Із «напівземлянки» походять фрагменти горщиків (рис. 5, *17–25*) з масивними вінцями, круглими або овальними у перетині, з добре вираженою закраїною (тип I–1, I–2а, згідно з типологією В. М. Тимощука), що датуються XII — першою половиною XIII ст. [Тимощук, 2001, с. 68]. На долівці виявлено точильний брусок, виготовлений із дрібнозернистого сланцю, а також фрагменти скляних браслетів [Выезжев 1955, с. 12].

Яма № 6 (1955 р.) — овальної форми, витягнута довгою віссю за лінією північ–південь, мала розміри 2,65×2,00 м і була заглиблена в материк на 0,4–0,7 м. Стінки — прямі [Выезжев, 1955, с. 9]. Кераміка з об'єкту (рис. 6, *1–24, 26*) представлена верхніми

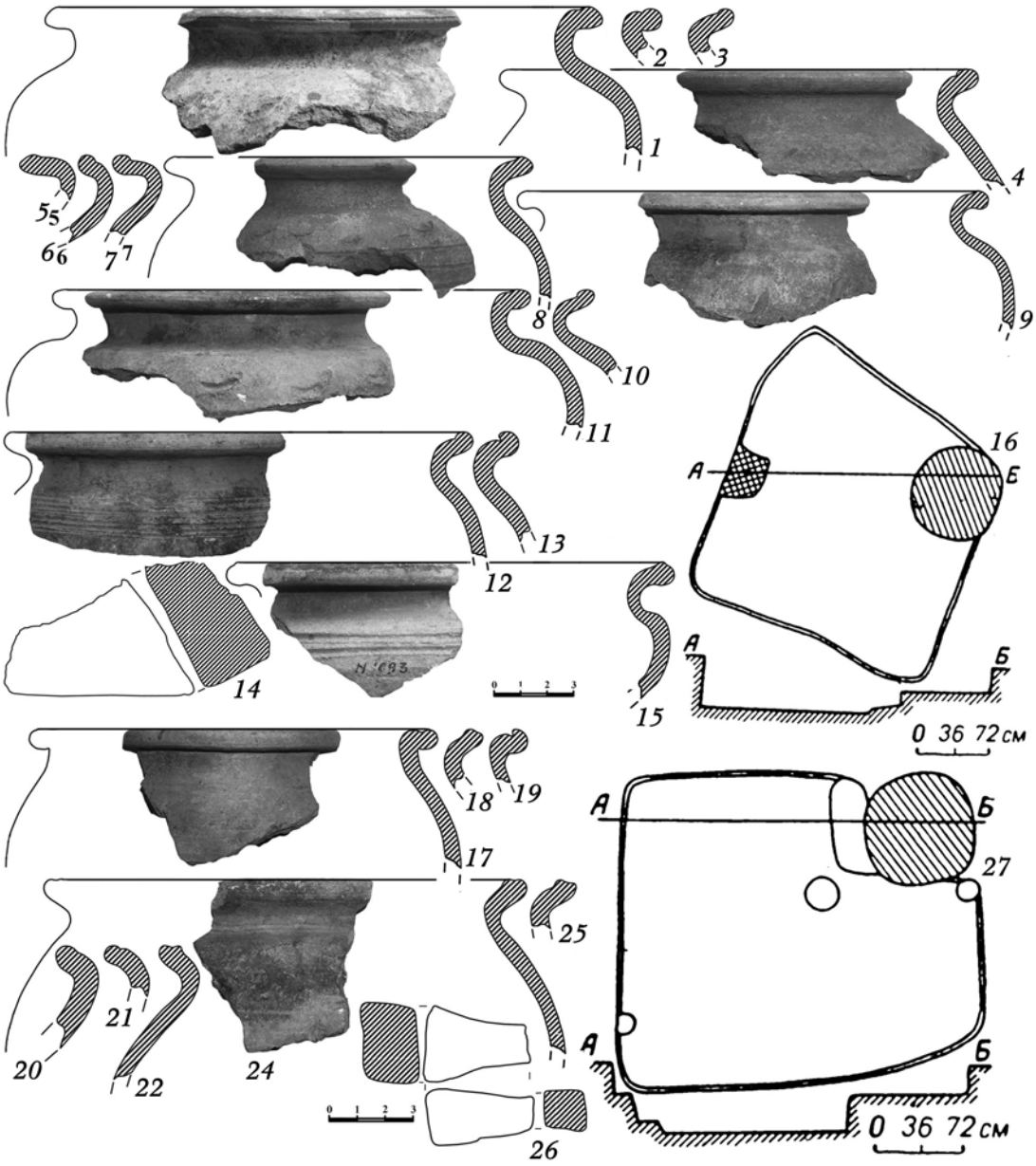


Рис. 5. План та знахідки із заповнення «напівземлянки» № 5, 1955 р. (*1–16*), № 6, 1955 р. (*17–27*).

частинами горщиків із вінцями типу I–1, I–2а, II–1, II–2, II–5, V–2, які, відповідно до типології В. М. Тимощука, можна датувати серединою XII — першою половиною XIII ст. [Тимощук, 2001, с. 68, 70]. У незначній кількості траплялися також фрагменти гончарного посуду другої половини XIII–XIV ст. (виключно у верхній частині заповнення котловану) (рис. 6, *25*).

Індивідуальні знахідки не чисельні: залізний ніж, цвях, фрагменти 5 точильних брусків, виготовлених із дрібнозернистого сланцю, 3 кам'яних жорна, 24 скляних браслетів, глиняне прясельце трипільської культури, а також верхня частина залізного циліндричного замка (тип В). Згідно із класифікацією Б. О. Колчина, запірні механізми цього типу з'являються у другій половині XII ст., найбільшого поширення набувають наприкінці XII–XIII ст. і зникають на початку XV ст. [Колчин, 1982, с. 162; Выезжев, 1955, с. 10].

Яма № 7 (1955 р.) неправильної овальної форми, витягнута довгою віссю за лінією північ–південь (розміром 2,9×2,1 м, глибиною 0,65 м), розташовувалась за 1 м на пів-

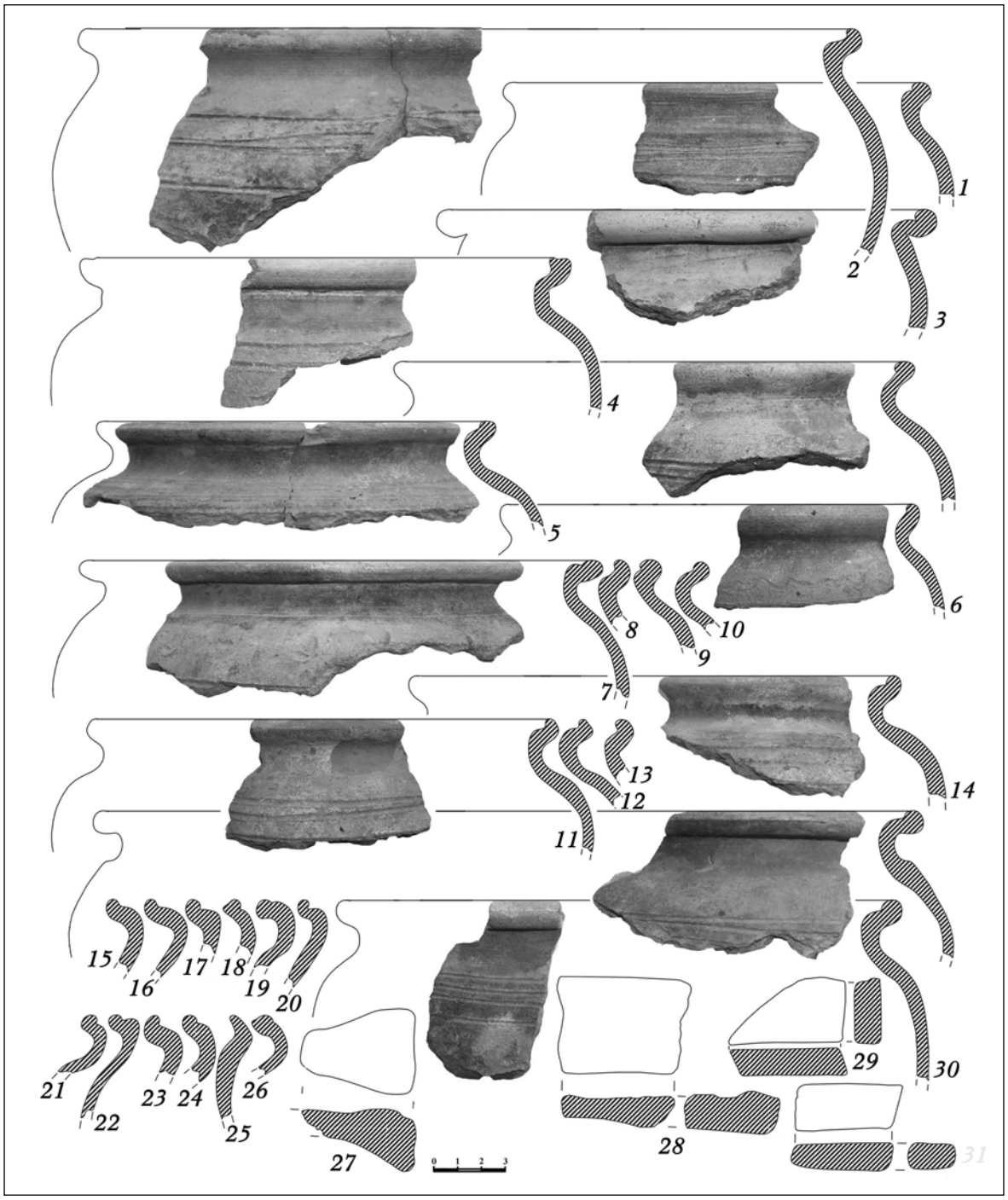


Рис. 6. Знахідки із заповнення ями № 6, 1955 р.

день від напівземлянки № 5. Стінки її похилі, дно — пласке [Выезжев, 1955, с. 14].

Заповнення ями однорідне. У нижній частині виявлено фрагменти гончарних горщиків (вінця кількох типів: масивні валикоподібні круглі й овальні в перетині, округлі й овальні в перетині з добре вираженою закраїною) середини XII–XIII ст. (рис. 7), пірофілітове прясельце, залізний ніж, 2 криці (одна — овальної форми розміром 11×9 см, друга — кругла, діаметром 9 см), уламок кам'яного жорна та 7 скляних браслетів [Выезжев, 1955, с. 14].

У 1957 р. у південній частині майданчика городища розкопано господарську **яму № 1**. Вона розташовувалась у східній частині розкопу (кв. 12), мала підпрямокутну форму (розміром 0,70×0,65 м) і була заглиблена в материк на 0,35 м [Выезжев, 1957, с. 2]. Під час вибірки об'єкту траплялись фрагменти гончарних горщиків

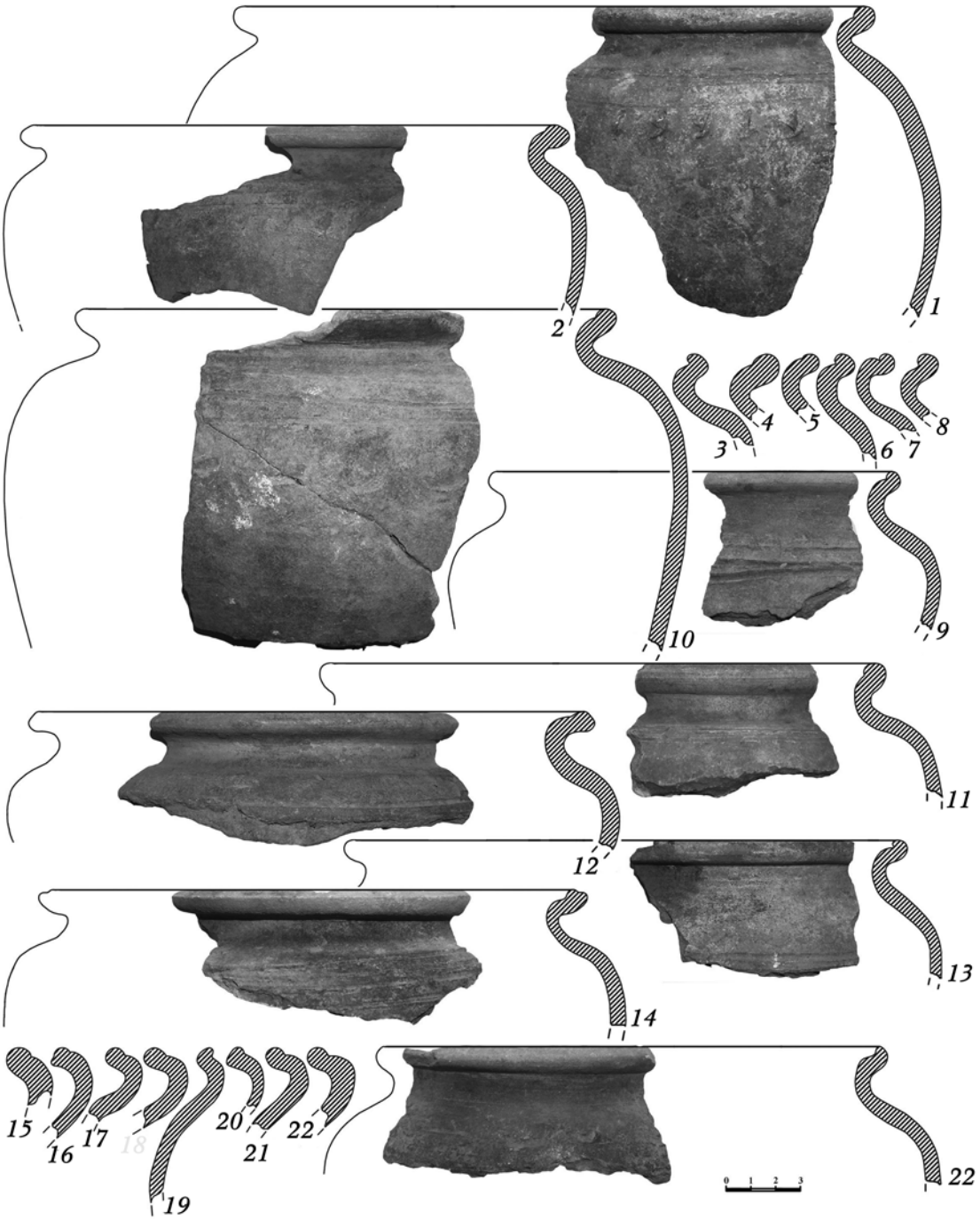


Рис. 7. Кераміка із заповнення ями № 7, 1955 р.

(рис. 8, *4–7*) з масивними округлими в перетині вінцями та добре вираженою закраїною із внутрішнього боку [Тимощук, 2001, с. 68, 70]. На долівці знайдено фрагмент нижньої частини амфорки «київського» типу. На території Середнього Подніпров'я такий посуд з'являється в XI ст., існує протягом XII–XIII ст. і зникає вже у післямонгольський час (друга половина XIII — початок XIV ст.) [Кучера 1986, с. 450; Петрашенко, 2004, с. 52].

Цікаві матеріали вдалося отримати за результатами розкопок котловану «**напівземлянки» № 1 (1958 р.)**, розташованої за 5,5 м від східного краю мису. Споруда підпрямокутної форми із заокругленими кутами, розміром 2,95×3,50 м, була заглиблена у материк на 0,9 м (рис. 8, *1–3*). Вздовж північної, західної та східної стін виявлено земляне підвищення (шириною 0,20–0,30 м, висотою 0,15 м) обма-

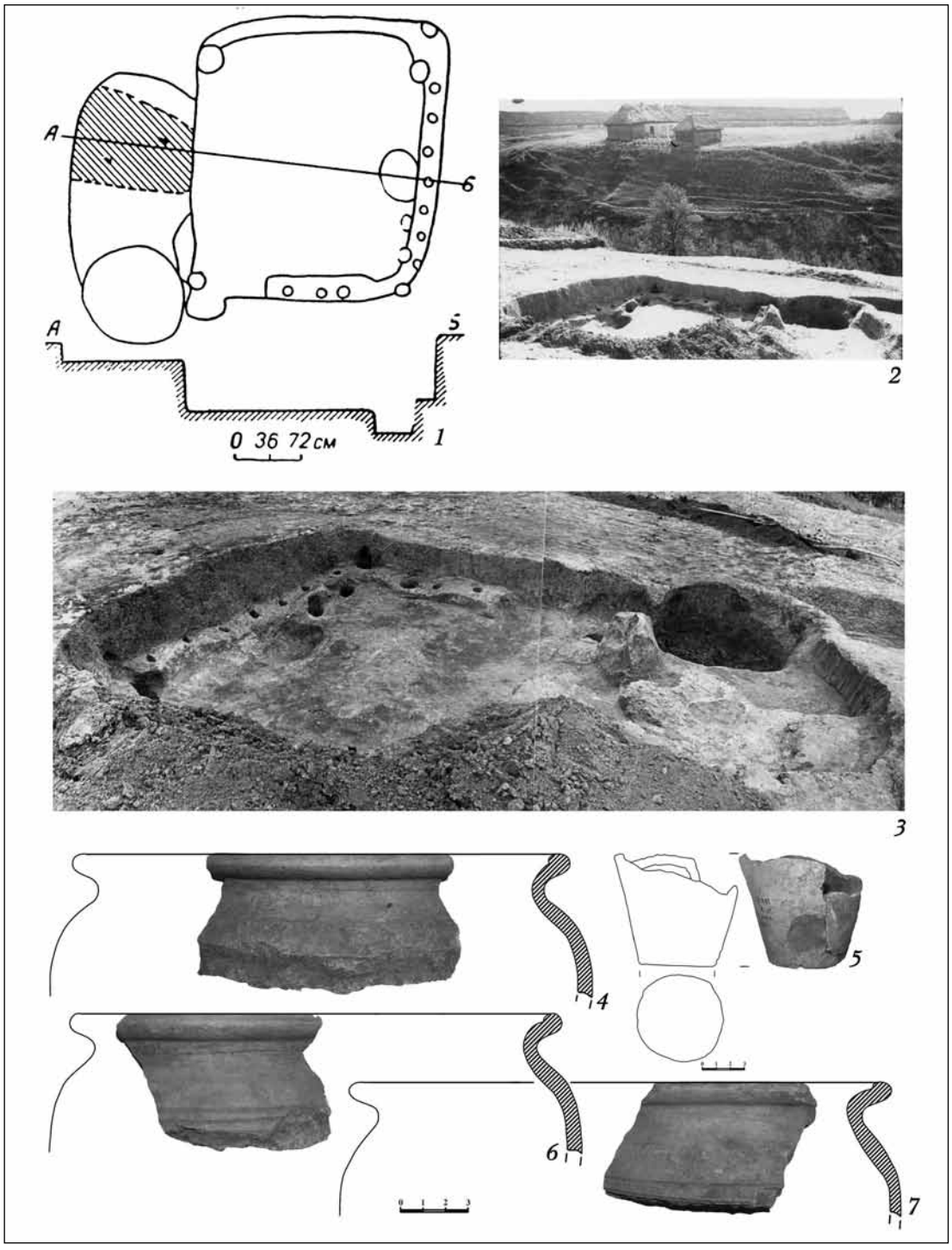


Рис. 8. План та фотографії «напівземлянки» № 1, 1958 р. та знахідки із ями № 1, 1957 р.

зане тонким шаром глини рожевого кольору, в якому зафіксовано стовпові ямки округлої форми (діаметром 0,08–0,1 м, заглиблені в материк на 0,05–0,1 м), віддалені одна від одної на 0,23–0,32 м. За периметром котловану зафіксовано ще 7 стовпових ям (діаметр 0,15–0,30 м, глибина 0,1–0,5 м): 4 — по кутах житла, 3 — біля північної стінки, 1 — на підвищені поряд із східною. Неподалік від північної стінки влаштовано господарську яму овальної форми, розміром 0,60×0,45 м, заглиблену в материк на 0,25 м.

Із півдня до напівземлянки прилягала споруда овальної форми розміром 3,2×1,45 м. Її долівка фіксувалась на глибині 0,55 м від рівня денної поверхні. Завал

перепаленої глини із фрагментами череня площею 1,4×1,0 м знаходився на материковому підвищені у західній частині приміщення. У північно-східному кутку будівлі вибрано зернову яму діаметром 1,5 м, заглиблену в материк на 1,15 м. Її стінки добре загладжені, в перетині вона грушоподібної форми, дно — увігнуте [Выезжев, 1958, с. 5, 6].

Із заповнення об'єкту походять такі матеріали: фрагменти гончарного посуду (з масивними валикоподібними круглими або овальними в перетині або округлими, іноді сплощеними в горизонтальній площині вінцями) середини XII — першою половиною XIII ст. [Тимощук, 2001, с. 68, 70], уламки полив'яного виробу, 2 шиферні прясельця, 4 точильних бруска, виготовлених із дрібнозернистого сланцю, 5 уламків кам'яних жорен, 98 фрагменти скляних браслетів, залізна пластина, скручена у спіраль, вістря двох стріл, фрагмент залізного серпа, ніж, 8 цвяхів, уламок залізних вудил (належить до IV типу 1 групи, згідно з класифікацією А. М. Кірпічнікова, і датується XII–XIII ст.) [Кирпичников, 1973, с. 16, 17], 2 кістяні заготовки, а також скроневе кільце (рис. 9). М. В. Сєдова відносить прикраси цього типу до перснеподібних дротових скроневих кілець із кінцями, що заходять одне за одне, і датує їх кінцем XI — кінцем XIII ст. [Седова, 1981, с. 13].

Окремо проаналізуємо матеріали із «напівземлянки», дослідженої А. В. Дмитревською у 1940 р. Протягом тривалого часу жодної більш-менш точної інформації про результати розкопок віднайти не вдавалось, адже польова документація була втрачена у роки Другої світової війни. Факт відкриття заглибленого у материк житла XI ст. на Малому Городському городищі зафіксовано в публікації результатів робіт Слов'янської експедиції під керівництвом П. М. Третьякова [Третьяков, 1941, с. 124]. Нещодавно в архіві ІА НАН України вдалося розшукати інвентарний опис артефактів з розкопок А. В. Дмитревської. Це дозволило виділити матеріали, знайдені в заповненні житла та прилеглих об'єктах.

Як показали дослідження, з об'єкту походить велика кількість фрагментів гончарних горщиків (рис. 10, *1–29*), які за особливостями профілювання верхньої частина належать до типів I–1, I–2а, II–1, II–2, II–6 (округлі в перетині з канелюром та ущільненням у середній частині), згідно з типологією В. М. Тимощука, і датуються серединою XII — першою половиною XIII ст. [Тимощук, 2001, с. 68].

Індивідуальні знахідки досить чисельні: 2 залізні дверні пробої, фрагмент залізних вудил (належить до IV типу, згідно з класифікацією А. М. Кірпічнікова, і датується XII–XIII ст.) [Кирпичников, 1973, с. 16, 17], точильний брусок, 3 залізні пластини, уламок ножа, 2 прясельця (керамічне та пірофілітове), 24 фрагменти скляних браслетів, кістяний гостроконечник та цілий кам'яний натільний хрестик з прямокутними лопатями. Звідси ж походять 2 кістяні вістря стріл: перше належить до типу пулеподібних конічних (тип 1), друге — до типу кілеподібних із пласким черешком (тип 7). Згідно з типологією А. М. Кірпічнікова, вироби 1 типу слід датувати IX–XIV ст., 7 типу — XII — першою половиною XIII ст. [Медведев, 1966, с. 64]. На долівці об'єкту лежали цілий залізний ключ від циліндричного замка другої половини XII–XIV ст. (тип В, згідно з типологією Б. О. Колчина) та ключ від суцільнометалевого замка кінця XI — першої половини XIII ст. [Колчин, 1982, с. 161]. Привертають увагу фрагменти мідних казанів (всього 5) підциліндричної форми, виготовлених із кількох листів міді та з'єднаних між собою за допомогою заклепок (тип 2, підтип 1, згідно з типологією М. Л. Швецова), що датуються XII–XIII ст. [Швецов, 1980, с. 195, 196].

Зауважимо, що до опису не було включено 3 ями: 2 розкопані Р. І. Виєзжевим у 1955 р., ще одна — у 1958 р. (на плані вказано лише рік досліджень — *К. К.*). У заповненні виявлено дрібні фрагменти кераміки XII–XIII ст., що свідчить про досить короткий час їхнього існування.

Отже, за шість років досліджень на території Малого Городського городища вивчено 14 об'єктів XII — першої половини XIII ст. Всі вони розташовувались у

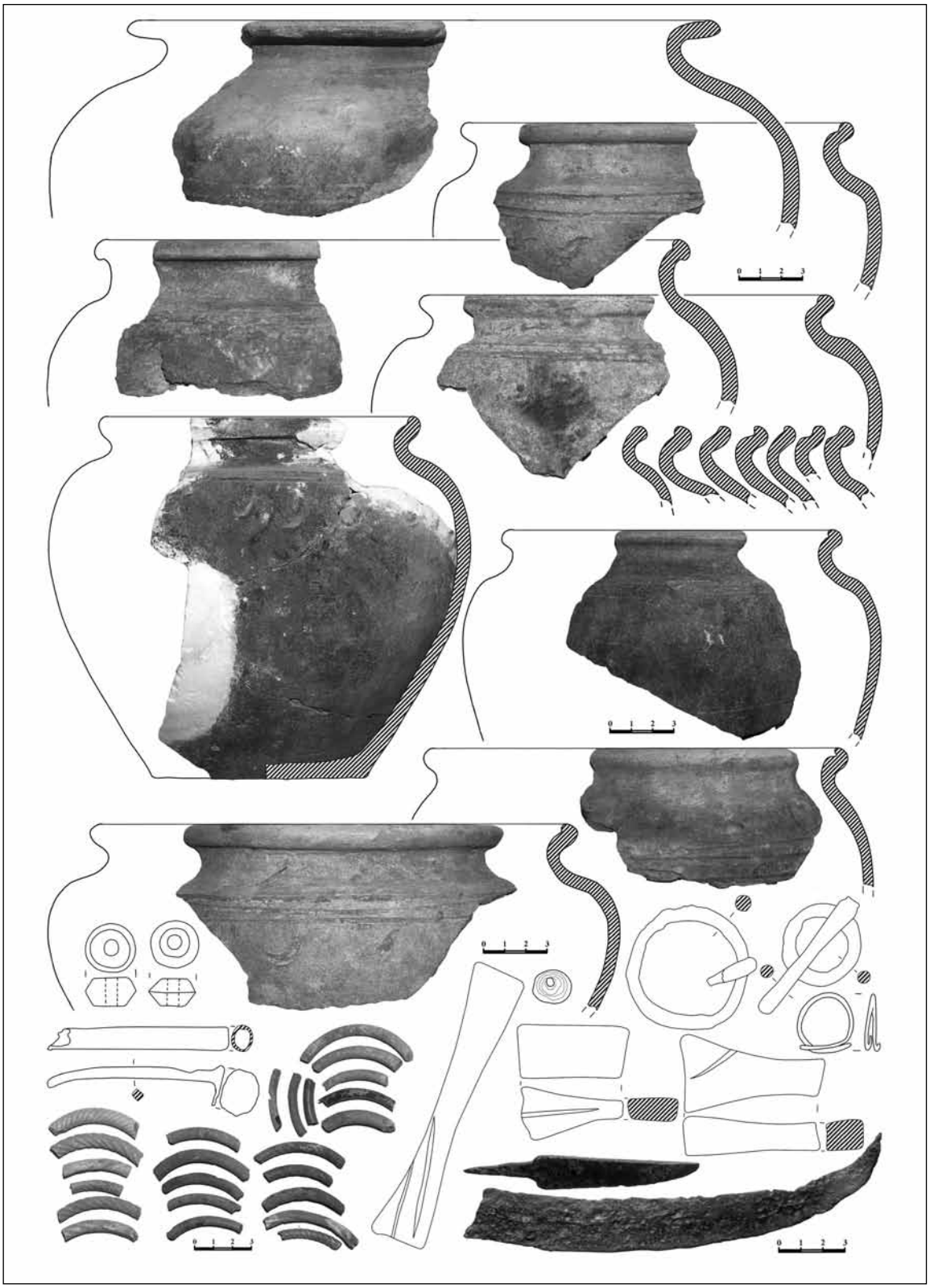


Рис. 9. Знахідки із заповнення «напівземлянки» № 1 (1958 р.).

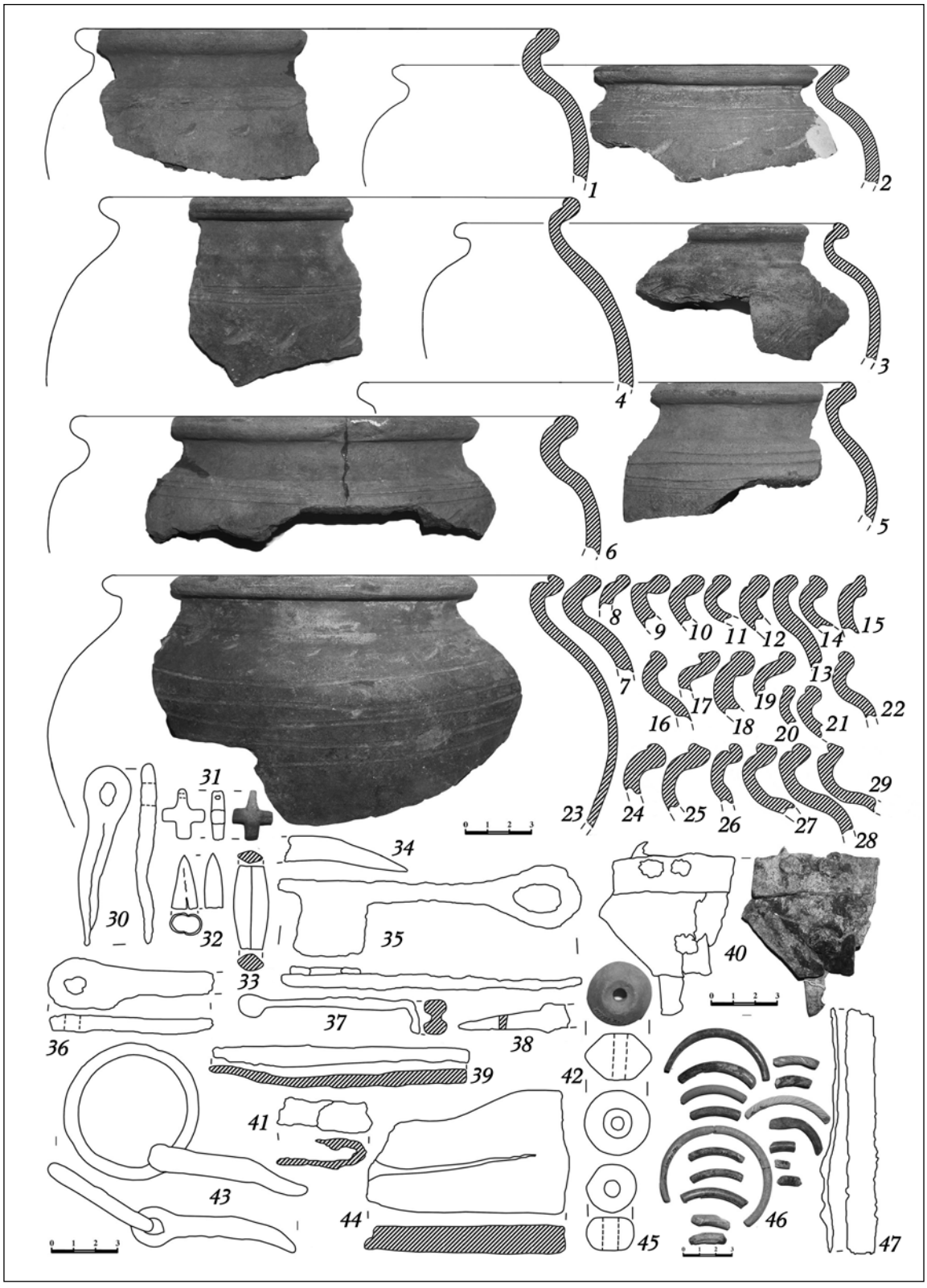


Рис. 10. Знахідки із заповнення «напівземлянки» 1940 р.

центральній частині укріпленого майданчика й утворювали 3 відокремлені групи. До першої з них належать 3 ями (№ 4,1947 р.; № 6, 1955 р., а також яма без номеру, досліджена у 1955 р.); до другої групи — 3 «напівземлянки» (№ 2, 1946 р.; № 5, № 6, 1955 р.) та 2 ями (№ 7, 1955 р.; яма б/н, 1955 р.); до третьої — «напівземлянка» № 1 (1958 р.) і дві ями (№ 1, 1957 р. та б/н, 1958 р.). На деякій відстані від житлової забудови розташовувався виробничий комплекс, що складався з гончарного горна і ями («напівземлянка» № 2, 1947 р.; яма № 2, 1947 р.). Виділені скупчення об'єктів, найвірогідніше, маркують залишки садибної забудови пам'ятки.

Детальний аналіз польової документації дав змогу з'ясувати особливості домобудівництва населення Городська в середині XII–XIII ст. Зокрема, «напівземлянки» № 5, 6 (1955 р.) було інтерпретовано як однокамерні житла із частково заглибленим котлованом. Аргументів для такого твердження досить багато: по-перше, в досліджених об'єктах глинобитні печі розташовувались впритул до стінок котловану; по-друге, не виявлено жодних слідів дерев'яних конструкцій стін, за винятком 2 невеликих стовпових ям у «напівземлянці» № 6. Враховуючи те, що за час досліджень не виявлено залишків дощатих підлог, глиняної обмазки або дерев'яних перекриттів, розкопані об'єкти, ймовірно, були конструктивними складовими більших за площею наземних частин жител. Стіни, вірогідно, зводились у зрубній техніці. Свідченням цього є неодноразова фіксація гумусованого шару із включеннями вуглинок та перетрухлого дерева від стін у заповненні котлованів.

Зовсім іншою є ситуація із «напівземлянкою» № 1 (1958 р.). Р. І. Виєзжев, а згодом Б. А. Звіздецький вбачали в ній однокамерну будівлю із господарською прибудовою з каркасно-стовповою конструкцією стін [Виєзжев, 1962, с. 142; Звиздецкий, 1990, с. 52]. Стратиграфічний розріз та особливості внутрішнього планування дозволили висловити припущення про те, що в цьому випадку вдалося зафіксувати залишки наземного житла з холодним підклітом. У такому разі площа наземної частини становила 4,40×3,50 м, заглибленої — 2,95×3,50 м. Стіни котловану із трьох сторін було укріплено дерев'яними плахами, підпертими стовпами діаметром 0,15–0,20 м. Глинобитна піч округлої форми стояла у південно-західному кутку. Наземна частина об'єкту, як і у випадках із «напівземлянками» № 5, 6 (1955 р.), також мала зрубну конструкцію стін.

На незначній відстані від жител розташовувались господарські споруди та ями, господарсько-побутового призначення, заглиблені у материк на 0,2–0,7 м від рівня материка. За 10 м від найближчого житла досліджено залишки гончарного одноярусного горна. Не визначеним досі залишається призначення «напівземлянки» № 2 (1946 р.). Вона могла бути як підклітом наземної будівлі, так і залишками господарської споруди XII–XIII ст.

Із заповнення об'єктів походять такі знахідки: фрагменти гончарного посуду, характерного для середини XII — першої половини XIII ст., чисельна колекція залізних (ножі, цвяхи, ключі від навісних та суцільнометалевих замків, вістря стріл), бронзових (казани, скроневі кільця), кам'яних (точильні бруски, пірофілітові прясельця, натільний хрестик), кістяних (вістря стріл) та скляних виробів (намистина, браслети, посуд).

Наведені вище матеріали уможливлюють уточнення хронології та реінтерпретацію розкопаних протягом 1940–1950-х рр. об'єктів Малого Городського городища. Подальший аналіз матеріалів, що зберігаються у наукових фондах ІА НАН України, відкриває перед науковцями нові можливості для вивчення процесу еволюції та розвитку конкретної пам'ятки протягом середини XII–XIV ст.

Антонович В. Б. Археологическая карта Киевской губернии / В. Б. Антонович. — К., 1895. — 159 с.

Виногродська Л. І. Нові дослідження давньоруського поселення неподалік с. Григорівка на Дніпрі / Л. І. Виногродська, В. О. Петрашенко // Старожитності Південної Русі: Матеріали III історико–археологічного семінару «Чернігів і його округа в IX–XIII ст.», Чернігів, 15–18 травня 1990 р. — Чернігів, 1993. — С. 49–60.

Выезжев Р. И. Отчет о раскопках Малого городища в с. Городское Житомирской обл. в 1955 г. / Р. И. Выезжев // НА ІА НАНУ, 1955/11, 16 с.

Выезжев Р. И. Отчет Городского отряда Древнерусской экспедиции 1957 г. / Р. И. Выезжев // НА ІА НАНУ, 1957/7, 7 с.

Выезжев Р. И. Отчет Древнерусской экспедиции 1958 г. о раскопках Малого городища в с. Городске Житомирской обл. / Р. И. Выезжев // НА ІА НАНУ, 1958/12а, 15 с.

Виєзжев Р. І. Будівлі «Малого городища» X–XIII ст. в с. Городську / Р. І. Виєзжев // Археологічні пам'ятки УРСР. — К., 1962. — Т. 12. — С. 131–154.

Гончаров В. К. Дневник начальника Городской Археологической экспедиции Института Археологии Академии Наук УССР о раскопках на территории с. Городск Коростышевского р-на Житомирской обл. / В. К. Гончаров // НА ІА НАНУ, 1947/24, 48 с.

Дмитревская А. В. Отчет о раскопках Малого Городского городища 1946 г. / А. В. Дмитревская // НА ІА НАНУ, 1946/27, 12 с.

Дмитревська А. В. Дневник раскопок Малого Городского городища в с. Городске Коростышевского р-на Житомирской обл. 1946 г. / А. В. Дмитревська // НА ІА НАНУ, 1946/27, 36 с.

Древнерусские поселения среднего Поднепровья: археологическая карта / [отв. ред. В. Д. Баран]. — К., 1984. — 196 с.

Звиздецкий Б. А. О времени существования летописного Городеска / Б. А. Звиздецкий // Советская археология. — 1990. — № 1. — С. 42–56.

Капустін К. М. Комплекси післямонгольського часу з Городська (за матеріалами розкопок 1946 р.) / К. М. Капустін // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні: Збірка наукових праць. — К., 2012. — Вип. 21. Ч. І. — С. 108–114.

Капустін К. М. Керамічні вироби Городська другої половини XIII–XIV ст. / К. М. Капустін // Магістеріум. Археологічні студії. — К., 2013. — Вип. 53. — С. 47–53.

Капустін К. М. Асортимент залізних виробів середини XIII–XV ст. з «Малого» Городського городища / К. М. Капустін // Археологія. — 2013. — № 3. — С. 100–108.

Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников. — Л., 1973. — 140 с.

Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. — М., 1982. — С. 156–177.

Колчин Б. А. Гончарное дело / Б. А. Колчин // *Древняя Русь.* Город. Замок. Село. — М., 1985. — С. 272–273.

Кучера М. П. Керамика / М. П. Кучера // Археология Украинской ССР. — К., 1986. — Т. 3. — С. 446–454.

Кучера М. П. Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем / М. П. Кучера. — К., 1999. — 252 с.

Макаревич М. Л. Раскопки древнерусских железоплавильных горнов IX–XI вв. в Городске / М. Л. Макаревич // КСИА АН УССР. — К., 1959. — Вып. 8. — С. 173–174.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев // Археология СССР. Свод археологических источников: Вып. Е1–36. — М., 1966. — 184 с.

Петрашенко В. О. Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка) / В. О. Петрашенко. — К., 2005. — 263 с.

Петров В. П. Житлова кліть XI–XIII ст. в с. Городську Коростишівського р-ну Житомирської обл. / В. П. Петров // НА ІА НАНУ, ф. 12, спр. № 95.

Полесская экспедиция 1936 г. // НА ІА НАНУ, архів ІІМК, спр. №1–4.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси / Б. А. Рыбаков. — М., 1948. — 792 с.

Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) / М. В. Седова. — М., 1981. — 196 с.

Тимощук В. М. Деякі питання типології київської кухонної кераміки X–XШ ст. / В. М. Тимощук // АЛЛУ. — 2001. — № 2. — С. 67–71.

Толочко П. П. Гончарное дело / П. П. Толочко // Новое в археологии Киева. — К., 1981. — С. 284–301.

Третьяков П. Н. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. / П. Н. Третьяков // КСИИМК. — М.,1941. — Вып. 10. — С. 120–124.

Шекун О. В. Давньоруське поселення Ліскове / О. В. Шекун, О. М. Веремейчик. — Чернігів, 1999. — 184 с.

Швецов М. Л. Котлы из погребений средневековых кочевников / М. Л. Швецов // Советская археология. — 1980. — № 2. — С. 192–202.

К. М. Капустін

Об'єкти XII–XIII ст. з Малого Городського городища (за матеріалами розкопок 1940–1950-х рр.)

Упродовж багаторічних археологічних розкопок Малого Городського городища (експедиції під керівництвом Ф. М. Мовчанівського, А. В. Дмитревської, В.К. Гончарова, М. Ю. Брайчевського та Р. І. Виєзжева) було досліджено площу завбільшки 2000 м², розкопано 24 житлових та 20 господарських споруд, а також 57 ям різноманітного призначення.

За результатами аналізу керамічних колекцій 14 об'єктів (4 житла, 2 господарські споруди та 7 ям) було датовано XII — першою половиною XIII ст. Усі вони знаходились у центральній частині майданчика городища й утворювали 3 відокремлені групи. До першої з них належать 3 ями (№ 4,1947 р., № 6, 1955 р., а також яма без номеру, досліджена у 1955 р.); до другої групи — 3 «напівземлянки» (№ 2, 1946 р., № 5, № 6, 1955 р.) та 2 ями (№ 7, 1955 р., яма б/н, 1955 р.); до третьої — «напівземлянка» № 1 (1958 р.) і дві ями (№ 1, 1957 р. та б/н, 1958 р.). За 12 м від житлової забудови розташовувався виробничий комплекс, що складався з гончарного горна і ями («напівземлянка» № 2, 1947 р., яма № 2, 1947 р.).

Із заповнення об'єктів походять такі знахідки: фрагменти гончарного посуду, характерного для середини XII — першої половини XIII ст., чисельна колекція залізних (ножі, цвяхи, ключі від навісних та суцільнометалевих замків, вістря стріл), бронзових (казани, скроневі кільця), кам'яних (точильні бруски, пірофілітові прясельця, натільний хрестик), кістяних (вістря стріл) та скляних виробів (намистина, браслети, посуд).

K. M. Kapustin

Objects of the XIIth–XIIIth centuries of Male Horodsk hillfort (based on excavations of the 1940^{s}–1950^{s})

For many years of archaeological excavations of Small Horodsk hillfort (expeditions headed by F. M. Molchanov, A. V. Dmytrevska, V. K. Goncharov, M. J. Braychevsky, R. I. Vyiezzhev) the area of 2000 m² was investigated. 24 dwellings, 20 outbuildings and 57 pits for various purposes were excavated.

Due to pottery analysis of 14 objects (4 dwellings, 2 outbuildings and 7 pits) were dated XIIth — the 1st half of the XIIIth century. In the central area of the settlement they formed three separate groups: the first one included 3 pits (№ 4, 1947, № 6, 1955, and the pit without number, investigated in 1955), the second group included 3 dwellings (№ 2, 1946, № 5, 6, 1955) and 2 pits (№ 7, 1955; pit w/n, 1955), the third one included dwelling № 1 (1958) and 2 pits (№ 1, 1957 and w/n, 1958). Manufacturing complex consisting of pottery furnace and the pit (dwelling № 2, 1947; pit № 2, 1947) was located at a distance of 12 meters from the closest dwelling.

From the content of the objects the following findings take place: fragments of pottery of the XIIth–XIIIth centuries, collection of iron (knives, nails, keys and arrows), bronze (cauldrons, temporal rings), stone (grinding bars, pyrophyllite spinners, crosses), bone (arrows) and glass products (bead, bracelets, dishes).

А. В. Кашкин

Горналь. Племенной центр или город?

Статья посвящена анализу Горнальского археологического комплекса (Курская обл., Суджанский р-н). На основании материалов раскопок и разведок автор приходит к выводу, что Большое Горнальское городище и примыкающее к нему селище 1 в IX–X вв. находились на пути перехода от племенного центра к раннегородской структуре, но этот процесс так и не был завершен.

Ключевые слова: северяне, городище, роменская культура, раннегородской центр, Горнальский комплекс.

Не всем городам в земле северян суждено было быть зафиксированным на страницах древнерусских летописей. Так, например, их поразительно мало в Курском Посеймье. Здесь достоверно известны лишь Курск, Рыльск и, возможно, Липовическ. Однако археологические материалы дают возможность по-новому взглянуть на процесс градообразования в Посеймье. В IX–X вв. микрорегиональная структура и иерархия выявленных на этой территории поселений предполагают потенциальную возможность возникновения раннегородских центров на северянской территории.

Широкомасштабные разведочные работы, проведенные на территории Курской области в 1979–1990 гг., позволяют представить себе не только динамику заселения этого региона, но и выделить ряд комплексов памятников, которые по многим параметрам могли бы реально стать городами. Одним из таких пунктов, несомненно, является Горналь на р. Псел.

Исследование Горналя в значительной степени связано с именем Андрея Васильевича Кузы. Экспедиция под его руководством исследовала Большое Горнальское городище и примыкающее к нему селище 1 в 1971–1973 гг., хотя в силу разных обстоятельств держателями Открытых листов на этот памятник были Г. Ф. Соловьева (в 1971 г.) и А. А. Узянов (в 1973 г.).

Горнальский археологический комплекс расположен в Суджанском р-не Курской обл. и состоит из двух городищ (Большое и Малое Горнальские городища), большого селища-посада (селище 1), 12 небольших селищ и трех курганных могильников (из них наиболее крупный и исследованный — могильник 1). Все памятники комплекса представляются взаимосвязанными и являют собой определенные этапы развития комплекса в период с VIII по начало XI в. История комплекса представляется следующим образом. В конце VIII в. на месте ранее существовавших городищ скифского времени возникают укрепленные поселения роменской культуры. Главную роль в комплексе, несомненно, играет Большое Горнальское городище и примыкающее к нему селище 1, вероятно, один из племенных северянских центров. В сельскую округу данной агломерации входил также ряд хуторов (селища 2–13).

Большое Горнальское городище (далее — БГГ) расположено в 0,9 км к северо-востоку от села, в 0,4 км к востоку от Горнальского Николаево-Белогорского монастыря (далее — монастыря), на мысу правобережной террасы р. Псел. Его обследовали

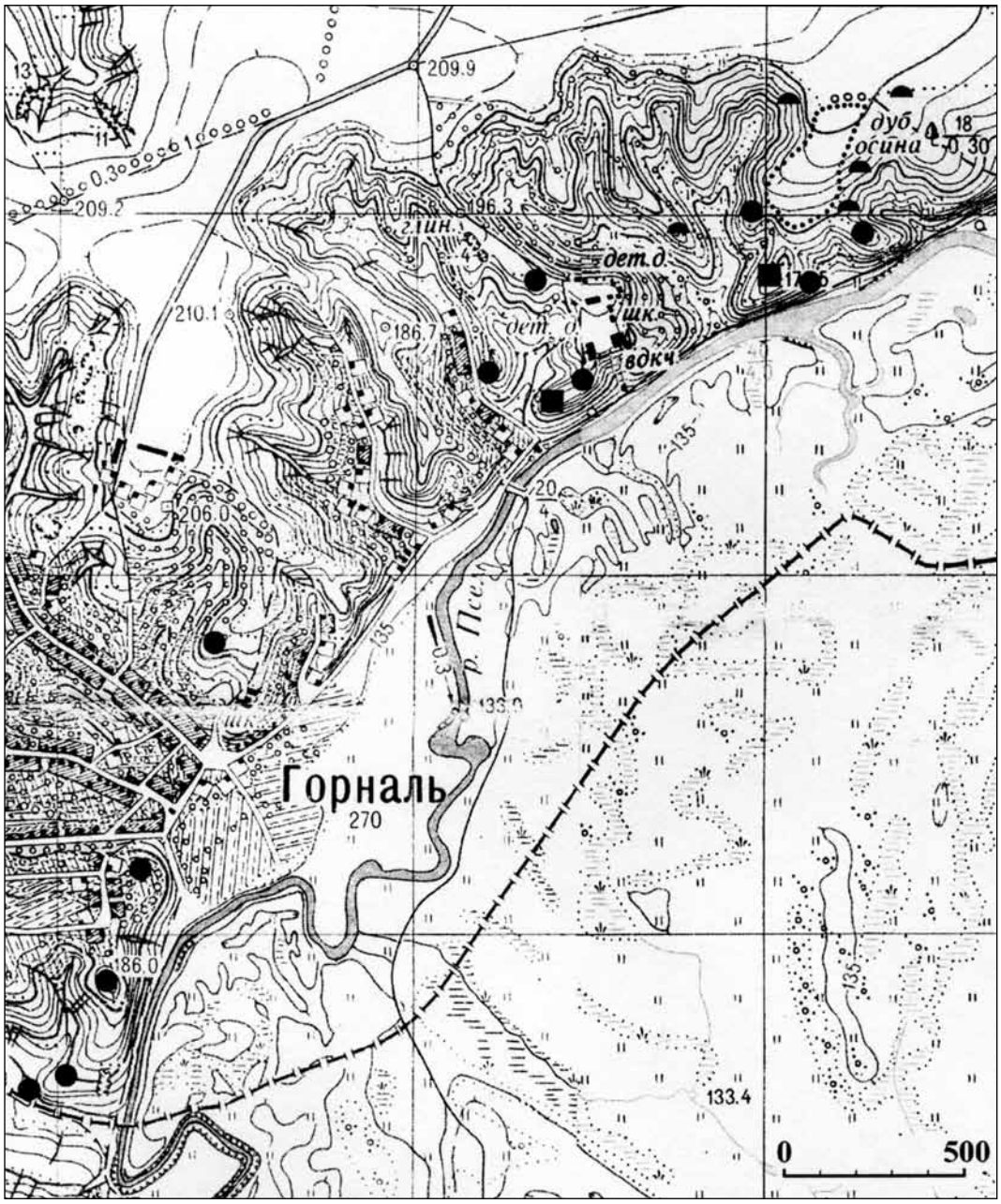


Рис. 1. Горнальский археологический комплекс

А. Дмитрюков в 20-е годы XIX в., Д. Я. Самоквасов в 1872 г., И. И. Ляпушкин в 1948 г., С. С. Ширинский в 1968 г., А. В. Кашкин в 1979 г., исследовали Г. Ф. Соловьева в 1971 г., А. В. Куза в 1972 г., А. А. Узянов в 1973 г., В. В. Енуков в 2013 г. [Дмитрюков, 1854, с. 26; 1863, с. 506, 507; Самоквасов, 1878, с. 225–235; 1908б, с. 212–213; Ляпушкин, 1961, с. 252; Башилов, Куза, 1977, с. 17–23; Куза, 1981, с. 6–39; Кашкин, Узянов, 1994; Кашкин, 2000, с. 128–133]. Площадка имеет в плане форму неправильного треугольника со сторонами около 100×160×125 м, высота от реки 40–45 м. С напольной северной стороны она укреплена валом и рвом. В процессе раскопок вал был выявлен также с восточной стороны. Склоны эскарпированы. Въезд на площадку осуществлялся по пандусу с восточной стороны. Раскопками вскрыто около 1500 м². Культурный слой толщиной от 0,25 м в центре площадки до 2,2 м у восточного края. Выявлены остатки 22 жилых и хозяйственных построек, а также многочисленные ямы-хранилища и погреба. Как правило, жилища были столбовой конструкции, подквадратной в плане формы, размерами от 3,0×3,5 до 4,0×4,5 м, углублены в грунт на 0,2–1,5 м. В большинстве построек прослежены остатки

глинобитных печей, сложенных с использованием керамических конусов. Наиболее ранние жилища (4–3-й периоды по А. В. Кузе — см. ниже) представляют собой классические полуземлянки роменской культуры, жилища 1–2 периода — практически наземные, с несколько заглубленным полом.

Особый интерес представляет двухкамерная постройка 1 прямоугольной в плане формы размерами 6,5×4,0 м. Внутри нее выявлены шесть колоколовидных ям-хранилищ со стенками, обмазанными глиной, а также обнаружены три пары каменных ручных жерновов. Вероятно, постройка была связана с хранением и помолом зерна.

Исследован участок вала с северной стороны. Первоначальный вал шириной 5,5 м и высотой 1,1 м, перед ним — ров шириной 2,5 м и глубиной 1,7 м. В основе вала — бревна, уложенные параллельно и перпендикулярно его продольной оси. После пожара первый ров был засыпан, высота вала увеличена, перед ним установлен частокол с наклоном внутрь площадки (на высоту до 2 м сохранились бревна диаметром до 30 см, стоящие на расстоянии 20 см друг от друга, а пространство между ними забито мелом и глиной). На следующем этапе вал вновь подсыпается, а его склон облицовывается сплошными дубовыми плахами шириной до 60 см. Затем вал вновь усиливается, ширина его основания доводится до 15 м, а высота достигает более 4 м. Для укрепления насыпи вдоль вала укладываются бревна, возобновляется и частокол с внешней стороны. Вал с восточной стороны площадки также имел деревянные конструкции. Многочисленные находки позволяют судить о разнообразной деятельности обитателей городища. О развитом ремесле свидетельствуют кузнечные инструменты, литейная форма, тигли, льячки, многочисленные пряслица из глины, шифера и мела. Многочисленны поделки из кости — проколки, кочедыки, рукояти ножей, лощила, кистень, пуговицы, пряслица, амулеты из клыков лисицы, медведя. Подлинное произведение искусства — острие с изображением головы волка. Сельскохозяйственные орудия представлены серпами, косами, фрагментом наральника, жерновами. Орудия охоты (стрелы) и рыболовства (крючки, пешня, острога, грузила для сетей) свидетельствуют о большом значении этих промыслов в жизни обитателей поселения. Интересен набор предметов вооружения — топоры, стрелы, копья, сулица, костяная накладка лука. Были найдены также украшения из серебра и бронзы (семилучевые височные кольца, браслеты, перстни, бубенчики), стеклянные бусы и пронизки. Уникальна находка астрагала с прочерченными на нем буквами И и Н. Культурный слой насыщен керамикой, представляющей собой обломки и целые формы горшков, мисок, сковородок, миниатюрных сосудиков.

Стратиграфические наблюдения, типология построек, находок и керамики позволили реконструировать динамику развития поселения, проследить его хронологию. А. В. Куза определил пять периодов существования городища, что соответствует пяти горизонтам культурного слоя. Впервые территория городища была заселена в скифское время. В большинстве раскопов зафиксирован незначительный по мощности (около 0,2 м) слой с керамикой скифоидной культуры, датированный по скифским наконечникам стрел и ажурному навершию булавки IV–I вв. до н. э. Вновь городище заселяется в конце I тыс. н. э. славянским племенем северян. Четыре горизонта культурного слоя принадлежат роменской культуре конца VIII — начала XIX в. (4-й слой) до 60–70-х гг. X в. (1-й слой). Верхняя дата определена по находкам саманидских дирхемов (914–932 гг.) и их подражаниям (60–70-е годы X в.).

Исследование Большого Горнальского городища было возобновлено в 2013 г. экспедицией Курского государственного университета под руководством В. В. Енукова.

Малое Горнальское городище (далее МГГ) расположено в 50 м к северо-востоку от села, в 0,1 км к ЮЮЗ от монастыря, в 0,6 км к юго-западу от БГГ, на мысу правобережной террасы р. Псел. Его обследовали А. Дмитрюков в 20-е годы XIX в., Д. Я. Самоквасов в 1872 г., И. И. Ляпушкин в 1948 г., А. В. Куза в 1972 г., А. В. Кашкин в 1979 г. Площадка овальная в плане размерами 80×37 м, высотой от подошвы до 50 м, с напольной стороны укреплена рвом глубиной до 7 м. Склоны эскарпированы. Вдоль западного края прослеживается возвышение (до 0,4 м), возможно, следы снивелированного вала.

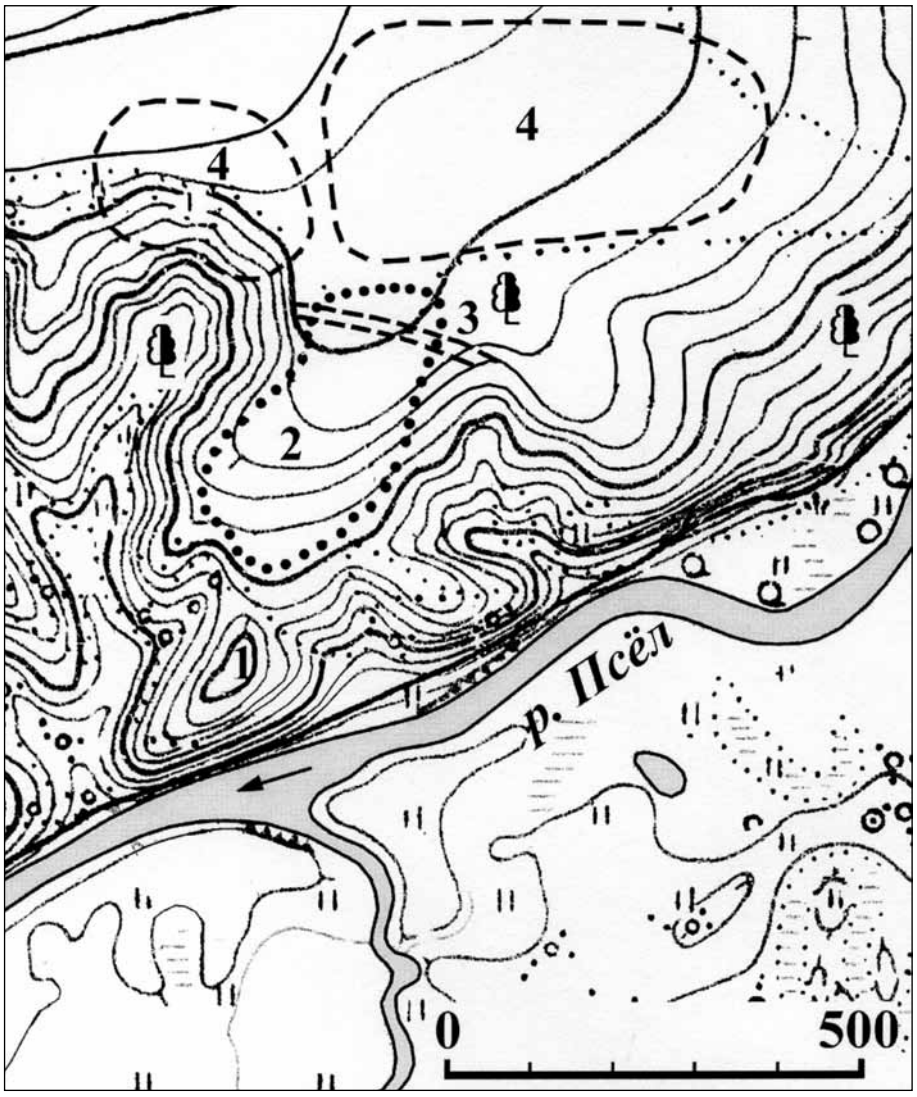


Рис. 2. Основное ядро Горнальского археологического комплекса:
1 — Большое Горнальское городище; *2* — селище 1;
3 — территория курганного могильника по данным аэрофотосъемки

Ниже площадки на 15 м с северной стороны на естественном уступе прослежены остатки вала высотой 2–3 м. Культурный слой толщиной до 0,5 м содержит материалы раннего железного века, роменской культуры и, возможно, древнерусского времени (найдены только И. И. Ляпушкиным).

Селище 1 расположено в 1 км к северо-востоку от села, в 0,4 км к северо-востоку от монастыря, к ССВ от оборонительных сооружений БГГ, на склоне правобережной террасы р. Псел. Его обследовали И. И. Ляпушкин в 1948 г., Г. Ф. Соловьева в 1971 г., А. В. Кашкин в 1979 г., исследовали Г. Ф. Соловьева в 1971 г. и О. Н. Енукова в 2012 г. Размеры селища 330×125–235 м, высота от реки 38–51 м. Поверхность поката к ЮЮЗ, распахивается. Вскрыта площадь 30 м². Культурный слой толщиной до 1 м. Вскрыты остатки постройки подквадратной в плане формы размерами около 4×4 м, углубленной в грунт на 1 м, с двумя глинобитными печами. Найдены железный нож, бронзовая обоймица, амулет из клыка лисицы, костяные проколки, кости животных, глиняные конусы, керамика роменской культуры (фрагменты горшков, мисок, сковородок). Селище датируется IX — началом XI в., оно связано с Большим Горнальским городищем и, вероятно, являлось его посадом.

Исследование селища 1 было возобновлено в 2012 г. экспедицией Курского государственного университета под руководством В. В. Енукова.

Селище 2[1] расположено в 1,1 км к северо-востоку от села, в 0,16 км к ВСВ от БГГ, на мысу правобережной террасы р. Псел. Обследовано А. В. Кашкиным в 1979 г. Размеры селища 140×50 м, высота от реки 38 м. Западная часть распахивается, восточная поросла лесом. Культурный слой толщиной 0,6 м содержит керамику роменской культуры и древнерусского времени.

Селище 3 расположено к северо-востоку от села, у подножья восточного склона БГГ, на первой надпойменная террасе правого берега р. Псел. Размеры селища 75×55 м, высота от реки 2 м. Культурный слой толщиной 1,65 м содержит керамику роменской культуры.

Селище 4 расположено в 0,8 км к северо-востоку от села, в 60 м к северо-востоку от БГГ, на отроге правобережной террасы р. Псел. Размеры селища 60×30 м, высота от реки 45–49 м. По краю площадки прослеживается возвышение, возможно, остатки вала. У восточного края видна конусообразная воронка диаметром 5 м и глубиной 2 м — вероятно, остатки колодца. Поверхность поросла лесом. Культурный слой толщиной 0,25 м содержит керамику роменской культуры и древнерусскую.

Селище 5 расположено в 0,13 км к северо-востоку от села, в 50 м к юго-западу от монастыря, к востоку от рва МГГ, на мысу правобережной террасы р. Псел. Размеры селища 80×30 м, высота от реки 41–42 м. Найдена керамика раннего железного века, роменской культуры и древнерусская XII-XIII вв. В настоящее время территория селища полностью застроена жилыми и хозяйственными постройками.

Селище 6 расположено на северо-восточной окраине села, в 0,8 км к западу от монастыря, в 0,2 км к ЗСЗ от МГГ, на останце правобережной террасы р. Псел. Размеры селища 40×25 м, высота от реки 46–48 м. Культурный слой толщиной 0,2–0,3 м содержит керамику раннего железного века и роменской культуры.

Селище 7 расположено в 0,2 км к северо-западу от здания бывшей школы в селе, на территории сада, на правобережной террасе р. Псел. Размеры селища 50×30 м, высота от реки 45–48 м. Культурный слой толщиной 0,4 м содержит керамику раннего железного века и роменской культуры.

Селище 8 расположено в 50 м к востоку от домов южной окраины села, на правобережной террасе р. Псел. Размеры селища 80×50 м, высота от реки 40–42 м. Поверхность распахивается. Культурный слой толщиной 0,25 м содержит керамику роменской культуры.

Селище 9 расположено в 0,1 км к югу от южной окраины села, на правобережной террасе р. Псел. Размеры селища 45×40 м, высота от реки 48 м. Найдена керамика роменской культуры.

Селище 10 расположено в 0,45 км к ЮЮЗ от южной окраины села, на сниженном участке правобережной террасы р. Псел и левобережной террасы безымянного ручья. Размеры селища 30×25 м, высота от реки 15–16 м. Культурный слой толщиной 0,25 м содержит керамику раннего железного века и роменской культуры.

Селище 11 расположено в 0,7 км к ЮЮЗ от южной окраины села, на сниженной террасе правого берега безымянного ручья. Размеры селища 120×80 м, высота от ручья 6–7 м. Найдена керамика раннего железного века и роменской культуры.

Селище 12 расположено в 0,25 км к северо-востоку от села, в 0,1 км к северо-западу от монастыря, на склоне правобережной террасы р. Псел. Размеры селища 55×45 м, высота от реки 40–42 м. Найдена керамика раннего железного века, роменской культуры и древнерусская.

Курганный могильник 1 расположен в 1,1 км к северо-востоку от села, в 0,7 км к северо-востоку от монастыря, в 0,5 км к северу от БГГ, на правобережной террасе р. Псел. Известен с XIX в. как могильник у Белогорско-Николаевской пустыни. Тогда он насчитывал

1. Это и последующие селища Горнальского археологического комплекса, а также отдельные курганы и курганные могильники (кроме могильника 1) были обнаружены и обследованы в 1979 г. Центрально-Черноземным отрядом под руководством А. В. Кашкина и повторно им же обследованы в рамках мониторинга в 2013 г.. Полные сведения о памятниках комплекса опубликованы [Кашкин, 2000, с. 128–136].

около 300 курганов. Памятник обследовали А. Дмитрюков в 20-е годы XIX в., И. И. Ляпушкин в 1948 г., С. С. Ширинский в 1968 г., А. В. Кашкин в 1975 и 1979 гг., исследовали А. Дмитрюков в 1829 г., Д. Я. Самоквасов в 1872 г. (раскопано 86 курганов), С. С. Ширинский в 1968 г. (2 кургана), Г. Ф. Соловьева в 1971 г. (5 курганов) [Дмитрюков, 1854, с. 26; 1863, с. 506, 507; Самоквасов, 1878, с. 225–235; 1908б, с. 212–213; Ляпушкин, 1961, с. 252; Ширинский, 1969, с. 68; Кашкин, Узянов, 1994, с. 16–18; Кашкин, 2000, с. 134–136]. В настоящее время в южной части могильника сохранились 20 курганов диаметром 4–13 м и высотой 0,3–1,4 м. По данным аэрофотосъемки А. В. Кашкиным было определено, что могильник простирался к северу и северо-востоку от ныне существующих курганов, состоял из двух групп, расположенных на площади 400×250 и 200×200 м [Кашкин, Узянов, 2006, с. 130]. Большая часть сохранившихся курганов повреждена ямами (в том числе, и от раскопок «колодцем»), поросла деревьями. Раскопанные курганы содержали погребения по обряду кремации (урновые и безурновые захоронения в насыпи) и трупоположения у основания кургана (в одном случае — в прямоугольной могильной яме глубиной 35 см) с западной ориентировкой (в одном случае — с восточной). Погребальный инвентарь представлен бронзовыми спиральными височными кольцами и бубенчиком, железными ножами, стеклянными бусинами. Курганы принадлежат северянам и датируются X–XI вв. Могильник является некрополем Горнальского комплекса.

Курганный могильник 2 расположен к северо-востоку от села, в 0,25 км к северо-западу от БГГ, в 0,3 км к северо-востоку от монастыря, на гребне отрога правобережной террасы р. Псел. Состоит из двух округлых в плане курганов диаметром 13 и 8 м, высотой соответственно 1,2 и 1,0 м. Насыпи повреждены ямами.

Курганный могильник 3 расположен в 1,2 км к северо-востоку от села, в 0,25 км к северо-востоку от БГГ, у восточного края селища 1, на склоне правобережной террасы р. Псел. В 1979 г. здесь было зафиксировано два кургана. Тогда же в 40 м к востоку от края селища 1 было обнаружено еще три кургана (они зафиксированы как курганный могильник 4), что нашло отражение в публикации 2000 г. Однако в 2012 г. В. В. Енуковым было установлено, что эти курганы принадлежат одному могильнику, который насчитывает еще около 20 курганных насыпей диаметром от 5 до 8 м, высотой от 0,5 до 0,8 м (точное их число будет установлено в процессе съемки нового топографического плана). Большая часть курганов повреждена ямами, поросла деревьями.

Курган 1 расположен в 1,1 км к северо-востоку от села, у северного края селища 2, на правобережной террасе р. Псел. Курган округлый в плане, диаметром 10 м и высотой 0,6 м, порос деревьями.

Ядро Горнальского комплекса памятников имеет вполне четкие пространственные границы. На востоке это широкая лощина с протекавшей по ней ручьем, на западе — лес, который, вероятно, существовал и в древности. На это указывают наличествующие здесь серые лесные почвы. Южная граница проходит по руслу р. Псел. Характерно, что за рекой, на левом берегу, никаких поселений не обнаружено, хотя в других регионах (и на Сейме, и на Тускари и на Реуте) роменские поселения в пойме нами были зафиксированы [Кашкин, 1985]. Северная граница комплекса маркируется территорией курганного могильника 1, который и был расположен за пределами селитебной зоны.

Методика, примененная А. В. Кузой при определении статуса города, позволяет выделить Горнальский археологический комплекс из числа рядовых поселений. Ядро поселения имеет двухчастную структуру и состоит из городища и селища, защищенных с севера общим внешним валом. Этот полностью распаханный вал был выявлен по данным аэрофотосъемки А. В. Кашкиным. Площадь городища составляет 0,5 га, площадь внутри внешнего вала — более 5 га. Из семи признаков древнерусского города [Куза, 1996], помимо показателей укрепленной территории, по материалам раскопок реально прослеживаются еще три (наличие ремесла и торговли, предметы вооружения и элементы письменности).

Несомненно, что Горнальский комплекс представляет собой определенную агломерацию. В зону влияния этого центра попадают еще 12 малых поселений, расположенных

на протяжении 5 км вдоль террасы Псла. Роль Малого Горнальского городища в общей структуре комплекса пока не ясна. Может быть, оно выполняло функцию святилища, но без раскопок это доказать невозможно.

Горнальский комплекс роменской культуры в IX–X вв., несомненно, развивался как раннегородской центр. Однако ему так и не было суждено превратиться в настоящий город. Включение территории северян в состав нарождающегося древнерусского государства начиная с походов Олега привела к первым столкновениям государственной и родоплеменной структур. Возможно, что с этим противостоянием связаны и неоднократные перестройки оборонительных сооружений Большого Горнальского городища. Но и они не помогли. В эпоху князя Владимира окняжение территории северян, да и других племенных образований, заканчивается. Большая часть роменских поселений на всем пространстве Днепровского левобережья прекращает свое существование. Не избежал этой участи и Горналь. В 70-х годах X в. жизнь на городище прекращается. Значительная часть населения покидает этот регион. Большая часть малых поселений Горнальского комплекса, равно как и МГГ, также перестают существовать.

Впоследствии, в XI–XII вв. жизнь возобновляется (или продолжает существовать) лишь на отдельных селищах 1, 2, 4, 5, 16, но это жизнь рядовых сельских поселений. Часть погребений курганного могильника 1 также относятся к этому хронологическому периоду.

Политические интересы киевских князей не позволили Горналю вырасти из племенного центра и состояться как древнерусскому городу. Аналогичная картина наблюдается в Посемье повсеместно. Большинство городищ роменской культуры навсегда прекратили свое существование. Жизнь продолжилась лишь в крупнейших укрепленных центрах, которые и превратились в настоящие города (Гочево, Беседино, Курск, Липино, Рыльск и др.), а некоторые — и в столицы удельных княжеств (Курск, Рыльск).

Башилов В. А. Стратиграфические исследования на Большом Горнальском городище / В. А. Башилов, А. В. Куза // КСИА. — 1977. —Вып. 150. — С. 17–23.

Вознесенская Г.А. Раскопки славянских памятников на р. Псел / Г. А. Вознесенская, А. В. Куза, Г. Ф. Соловьева // АО 1971 г. — М., 1972. —С. 95–96.

Дмитрюков А. И. Городища и курганы, находящиеся в Суджанском и Рыльском уездах / А. И. Дмитрюков // Вестник Императорского Русского географического общества. Ч. II. Кн. 4. — СПб., 1854. — С. 20–35.

Дмитрюков А. И. Городища и курганы в Суджанском и Рыльском уездах / А. И. Дмитрюков // Труды Курского губернского статистического комитета. — Вып. 1. — Курск, 1863. — С. 505–512.

Куза А. В. Работа Суджанского отряда / А. В. Куза // АО 1972 г. — М., 1973. — С. 70–72.

Куза А. В. Большое городище у с. Горналь / А. В. Куза // Древнерусские города. — М., 1981. — С. 6–39.

Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. (свод археологических памятников) / А. В. Куза. — М., 1996. — 256 с.

Кашкин А. В. Динамика освоения поймы одного из микрорегионов Посеймья / А. В. Кашкин // Археологические памятники Европейской части РСФСР. — М., 1985. — С. 17–28.

Кашкин А. В. Археологическая карта России. Курская область. Часть 2 / А. В. Кашкин. — М., 2000. — 240 с.

Кашкин А. В., Узянов А. А. Об одном «несостоявшемся городе» на Верхнем После / А. В. Кашкин, А. А. Узянов // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я: Матеріали наукової конференції, присвяченої 900-річчю Вира-Білопілля. — Білопілля, 1994. — С. 16–18.

Кашкин А. В., Узянов А. А. Следы прерванного процесса градообразования на Верхнем После в эпоху формирования древнерусского государства / А. В. Кашкин, А. А. Узянов // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). — М., 2006. — С. 121–130.

Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа / И. И. Ляпушкин // МИА. — 1961. — № 104. — 383 с.

Самоквасов Д. Я. Историческое значение городищ / Д. Я. Самоквасов // Труды III Археологического съезда. Т. I. — К., 1878. — С. 225–235.

Самоквасов Д Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам / Д. Я. Самоквасов. — М., 1908. — 119 с.

Ширинский С. С. Разведки в Курской области / С. С. Ширинский // АО 1968 г. — М., 1969. — С. 68–69.

А. В. Кашкин

Горналь. Племенной центр или город?

Микрорегиональная структура и иерархия выявленных на Верхнем Псле поселений предполагают потенциальную возможность возникновения раннегородских центров на северянской территории.

Широкомасштабные разведочные работы, проведенные на территории Курской области в 1979–1990 гг., позволяют выделить ряд комплексов памятников, которые могли бы реально стать городами. Одним из таких пунктов, несомненно, является Горналь на р. Псел.

Исследование Горналя в значительной степени связано с именем Андрея Васильевича Кузы. Экспедиция под его руководством исследовала Большое Горнальское городище и примыкающее к нему селище 1 в 1971–1973 гг.

Горнальский археологический комплекс состоит из двух городищ (Большое и Малое Горнальские городища), большого селища-посада (селище 1), 12 небольших селищ и четырех курганных могильников. Все памятники комплекса представляются взаимосвязанными и являют собой определенные этапы развития комплекса в период с VIII по начало XI в.

Методика, примененная А. В. Кузой при определении статуса города, позволяет выделить Горнальский археологический комплекс из числа рядовых поселений. Из семи признаков древнерусского города реально прослеживаются четыре (размеры укрепленной площади, наличие ремесла и торговли, предметы вооружения и элементы письменности).

Горнальский комплекс роменской культуры в IX–X вв., несомненно, развивался как раннегородской центр. Но ему так и не было суждено превратиться в настоящий город. Включение территории северян в состав нарождающегося древнерусского государства привела к столкновениям государственной и родоплеменной структур. Не избежал этой участи и Горналь. В 70-х годах X в. жизнь на городище прекращается. Значительная часть населения покидает этот регион. Политические интересы киевских князей не позволили Горналю вырасти из племенного центра и состояться как древнерусскому городу.

A. V. Kashkin

As Gornal the tribal centre or the town?

Microregional structure and hierarchy of settlements identified in the Psel-river basin suggest the potential existence of the early towns on the Severian's territory.

Large-scale surveys in the Kursk region in 1979 and 1990, allow to find out a number of complexes of sites that could really become early towns. Undoubtedly one of them is Gornal at the Psel-river.

The study of Gornal is connected first of all with the name of A. V. Kuza. Expedition under his leadership had investigated the Main Gornal wall settlement and nearest village in 1971–1973.

Gornal's archaeological complex consists of two ancient settlements (Large and Small Gornal settlements), a large village (posad), 12 small villages, and four burial grounds. All the monuments of the complex are appeared as interrelated and reflect certain stages of the development in the period from VIIIth to the beginning of the XIth century.

The method for determination of status of this site as a town, used by A. V. Kuza, allows to point out Gornal's archaeological complex among the other rural settlements. Four of the seven features typical of the Ancient Russia towns are traced here (dimensions fortified area, the presence of crafts and trade, weapons and elements of writing).

Undoubtedly, Gornal complex of the Romenskaya culture was developed as early town centre during IXth–Xth centuries. But the process was not finished because of inclusion the Severian's territory in the sphere of the appearing Ancient Russian state. In the result a conflict between state and tribal structures took place. The same situation was with Gornal, which life time was finished in 70^{s} of the Xth century.

Most part of the population left the region. Political interests of the Kiev's princes not allowed Gornal to expand from tribal center into a real Ancient Russian town.

І. С. Кедун, О. Є. Черненко

Давньоруські пам'ятки Ніжина та його околиць

У статті наведений стислий історіографічний огляд археологічних досліджень на території сучасного міста Ніжин до початку XXI ст. Також аналізуються археологічні пам'ятки давньоруського періоду на території міста Ніжин та його найближчих околиць. Розглядається топографія поселень, їх розміри, культурний шар, оборонні споруди. Здійснюється спроба уточнити статус (городище чи селище) та хронологію пам'яток. У дослідженні використані як загальновідомі факти, так і матеріали останніх археологічних досліджень. Особлива увага звертається на нещодавно відкриту пам'ятку поселення «Нове місто».

Ключові слова: Ніжин, Ніжатін, Унєніж, укріплення, кераміка, поселення.

Інтерес до віддаленого минулого Ніжина зародився ще в XVIII ст. Одним із перших до його вивчення звернувся О. Ф. Шафонський. У праці «Черниговского наместничества топографическое описание» він спробував визначити час виникнення міста й на підставі ототожнення назви «Ніжин» з літописними топонімами Ніжатин та Ніжатина Нива відніс його до давньоруської доби [Шафонский, 1851, с. 486]. До цього питання згодом звертались також М. Є. Марков, М. М. Карамзін, М. П. Погодін, С. М. Соловйов, М. Н. Петровський та ін. [Морозов, 2007, с. 5–23]. Більшість із них поділяли точку зору О. Ф. Шафонського. Однак така думка не була прийнята всіма істориками одностайно. П. В. Голубовський вважав висновок щодо спорідненості назв Ніжин і Ніжатин та Ніжатина Нива необґрунтованим. Він піддав його різкій критиці на XIII Археологічному з'їзді у виступі, присвяченому локалізації літописних центрів Чернігово-Сіверщини: «Наш труд мы считали бы вполне вознагражденным, если бы в русской исторической науке навсегда прекратил свое существование антинаучный метод, в основах которого лежат такие сближения, как Русотин–Ряботин, Нежатин–Нежин» [Голубовский, 1907–08, с. 3].

Загалом, протягом досить тривалого часу розшуки першопочатків Ніжина обмежувались аналізом кількох співзвучних назві міста топонімів у літописних джерелах (Нежатин, Ніжин, Уненеж). Таким розшукам присвячена досить значна література. З другої половини XIX ст. інформацію літописів зазвичай стали доповнювати відомостями про ніжинські скарби — знайдений у 1852 р. скарб срібників Ярослава Мудрого [Сотникова, 1983, с. 64–80] та виявлений у 1873 р. монетно-речовий скарб гунського часу [Засецкая, 1975, с. 29, 76, 77]. Вони сприймались науковцями як свідчення існування Ніжина вже у віддалені часи, однак не спонукали дослідників до розшуків матеріальних решток давнього міста, тобто до археологічних досліджень.

Наприкінці XIX — на початку XX ст. в Ніжині виник науковий осередок, до якого належали відомі історики та археологи, співробітники Ніжинської вищої школи І. С. Орлай, М. А. Тулов, М. І. Лілеєв, М. М. Бережков, А. В. Добіаш, В. Г. Ляскоронський, І. Г. Спаський [Самойленко, 2005, с. 99–105]. За їх участі в місті було створено ряд наукових товариств, найбільшої уваги серед яких заслуговує Археологічна

комісія (діяла з 1900 р.), очолювана професором А. В. Добіашем [Самойленко, 2005, с. 101]. Її співробітники співпрацювали з Імператорською археологічною комісією та Московським археологічним товариством і брали участь у дослідженнях багатьох археологічних пам'яток на території Чернігівської, Полтавської та Київської губерній. Натомість досліджень у самому Ніжині вони не започаткували, обмежуючись суто історичними розшуками. Відомо, що І. С. Орлай спробував організувати археологічні роботи в місті, однак невдало [Любченко, 1995, с. 26].

Археологічні дослідження в Ніжині розпочались тільки у другій половині XX ст. Наприкінці 50-х — на початку 60-х років співробітник Чернігівського державного історичного музею І. І. Єдомаха кілька разів відвідував Ніжин і спостерігав за прокладкою траншей під комунікації. В ході огляду дослідник виявив невелику кількість уламків гончарних та скляних посудин XVIII–XIX ст., про що є згадки в документах Чернігівського обласного музею імені В. В. Тарновського [Пояснювальна записка, II–37].

Найважливішим результатом робіт І. І. Єдомахи була фіксація випадкової знахідки решток поховання воїна з конем, відкритого в 1961 р. під час риття траншеї на південній околиці міста. Досліднику вдалося оглянути місце знахідки та зібрати частину поховального інвентарю. Всі речі (шабля, вістря стріл, кольчуга, деталі складного луку, стремена, залишки збруї тощо) надійшли до Чернігівського історичного музею. Досить довго вони зберігались у фондосховищі та не привертали уваги фахівців. Натомість у 90-х роках після реставрації шаблі на її лезі виявили унікальне клеймо, що зацікавило багатьох спеціалістів.

Сьогодні ця шабля, що датується XII–XIII ст., є однією з найвідоміших ніжинських археологічних знахідок [Кирпичников, 1993].

Відомо також, що археологічні спостереження за роботами на території Ніжина були продовжені в 70-х роках XX ст. студентом історичного факультету Ніжинського педінституту В. М. Зоценком (сьогодні В. М. Зоценко — відомий археолог, науковий співробітник Інституту археології НАН України), який зафіксував наявність давньоруських матеріалів у центральній частині міста [Ситий, 2005, с. 7]. Однак ця інформація довго лишалась незадіяною.

Планомірні дослідження Ніжина та його околиць розпочалися тільки у 80-х роках XX ст. у зв'язку з підготовкою «Зводу пам'яток Чернігівської області» (до сьогодні не виданий). В ході цієї роботи співробітниками сектору археології Чернігівського історичного музею (В. П. Коваленко, В. В. Простантинова (Мултанен), А. А. Мултанен, Ю. М. Ситий) було проведено численні розвідки. В результаті дослідникам вдалося відкрити й обстежити переважну більшість відомих на сьогодні пам'яток Ніжинського району, в тому числі, кілька давньоруських поселень у передмісті сучасного Ніжина (Магерки-1, Магерки-2, Пташник-1, Переяславське) [Сытый, 2007, с. 13, 14, 22].

Дещо пізніше, в 1989–1991 рр., в Ніжині здійснювала розкопки експедиція Чернігівського державного педагогічного інституту імені Т. Г. Шевченка під керівництвом Ю. М. Ситого та В. П. Коваленка. Метою робіт було встановлення часу заснування міста та визначення зони поширення давнього культурного шару. Для цього в різних частинах Ніжина розбили кілька траншей, шурфів та невеликих розкопів. Загальна площа робіт була досить невеликою і становила близько 150 м^2. Отримані матеріали дозволили дослідникам скласти уявлення про археологічні пам'ятки в межах сучасного Ніжина, та послугували основою для визначення їх охоронних зон.

Більш істотну інформацію щодо археологічних пам'яток Ніжина вдалось отримати в ході археологічних досліджень, що систематично здійснюються в місті в зоні новобудов з 2003 р. співробітниками ДП НДЦ «Охоронна археологічна служба України» ІА НАН України. Результати цих робіт дають змогу не тільки суттєво доповнити, а й дещо скорегувати уявлення про давні поселення, що існували в межах сучасного міста.

В. П. Коваленко та Ю. М. Ситий дійшли висновку, що на території сучасного Ніжина існували два городища давньоруського часу, розташовані по обох берегах р. Остер, — в ур. Замок та в ур. Комуна. На їхню думку, це, відповідно, літописний Нежатін та Уненеж [Сытый, 2005, с. 7–12].

Городище в ур. Замок розташовується на лівому березі р. Остер. Воно займає площадку округлої форми, підвищену над заплавою річки на 3–4 м. Із заходу, півдня та сходу ця площадка обмежена западинами — засипаними ровами, по яких сьогодні проходять вулиці ім. Подвойського та 50 років Жовтня.

У XVII–XVIII ст. в ур. Замок знаходилась Ніжинська фортеця (Ніжинський замок). Збереглося кілька її планів та описів XVIII ст.; більшість із них — у складі описів Чернігівщини та Малоросії: «Описание города Нежина, его улиц и домов» (1776), «Топографическое описание городов Чернигова, Нежина и Сосницы» (1783), «Черниговского наместничества топографическое описание» О. Ф. Шафонського (1787), «Сокращенное описание Черниговской губернии вообще и каждого города особо» (1787), «Описание Черниговского наместничества» (1779–1781), «Топографическое описание Малороссийской губернии 1798–1800 гг.» тощо [Добровольский, 1903, с. 171–182]. Залишки фортифікації Замку було ліквідовано в ході генерального межування на початку XIX ст., в наш час його територія знаходиться під міською забудовою.

Спираючись на результати археологічних досліджень, Ю. М. Ситий визначив, що на території ур. Замок збереглися рештки культурного шару давньоруської доби (XI — початок XIII ст.). Згідно з його висновками, вони знаходяться нижче рівня нашарувань часу існування фортеці (XVII–XVIII ст.), на глибині 2–4,5 м від сучасної поверхні. Дослідник також висловив припущення, що наприкінці X ст. на місці майбутнього Замку існував населений пункт (селище), на основі якого з часом сформувалось місто (за Ю. М. Ситим — Ніжатин, згаданий у літописі під 1071 р.) [Ситий, 2005, с. 7–12]. Натомість охоронні археологічні дослідження, здійснені автором даної статті протягом кількох останніх років на городищі в ур. Замок, дозволяють констатувати відсутність давнього культурного шару в центральній частині площадки городища. Можливо, він був знищений у ході перепланування території Замку в новітній час. Таким чином, питання про час виникнення укріпленого поселення на Замку лишається відкритим.

Не досить чітко визначена також межа посаду городища в ур. Замок. Вона була окреслена В. П. Коваленком та Ю. М. Ситим виходячи з припущення, що територія посаду має відповідати зоні поширення знахідок фрагментів гончарного посуду XI — початку XIII ст. [Сытый, 2005, с. 7–12]. Натоміть горизонт цього часу ніде зафіксувати не вдалося. Водночас нашарування XVI–XIX ст., навпаки, виявились дуже потужними й подекуди перевищували 4 м, у багатьох випадках вони залягали безпосередньо на материку [Кедун, 2010, с. 66–74]. Можна припустити, що ці відкладення утворилися внаслідок поширення забудови на заболочену заплаву р. Остер в ході численних підсипок. Не виключено, що для підсипок використовували ґрунт з площадки городища в ур. Замок чи з іншого розташованого неподалік поселення XI — початку XIII ст. У цьому випадку до підсипки могли потрапити й уламки гончарних посудин давньоруської доби. Таким чином, необхідні подальші дослідження, спрямовані на більш чітку локалізацію межі поширення давньоруського шару та, відповідно, уточнення місцезнаходження і хронології найдавнішого посаду городища.

Ще одне давне городище відоме на північно-східній околиці Ніжина. Воно розташоване в ур. Комуна (Городок) на останці мису корінної тераси правого берега р. Остер (висота 4–5 м), серед заболоченої заплави. Городище займає майданчик округлої форми (діаметром близько 100 м), що із заходу та півдня обмежений ровом. У XIX — на початку XX ст. на території городища існував поміщицький маєток, від якого вціліли залишки окремих цегляних будівель.

У 1981 р. пам'ятку обстежував В. П. Коваленко [Коваленко, 1988, с. 9–10]. Її розкопки започаткував у 1989 та 1990 рр. Ю. М. Ситий [Сытый, 2005, с. 7–12]. Було встановлено, що культурний шар городища сильно ушкоджений внаслідок неодноразових перепланувань і будівельних робіт XIX–XX ст. Він слабо насичений знахідками й містить матеріали XI–XIII ст. Розкопані археологічні комплекси представлені спорудами та ямами давньоруського часу. Було також вивчено укріплення городища, дослідження яких продовжено автором цієї статі у 2012–2013 рр. [Черненко, 2011, с. 109]. Можна визначити, що городище було оточене ровом із встановленим на його дні частоколом. Виникли укріплення, скоріш за все, в XI ст.

З півдня, заходу та сходу до городища в ур. Комуна прилягає посад. Він розташований при вигині невисокої тераси правого берега р. Остер, що в цьому місці повертає з півночі на захід. Це підвищення з півночі та заходу огинає неглибока низовина шириною 30–50 м, за якою культурний шар поселення продовжується в північному, південному та західному напрямках. Загальна площа посаду становить до 13 га. Згідно з матеріалами досліджень, культурний шар пам'ятки має потужність понад 1 м, слабко насичений знахідками. Пам'ятка багатошарова, датується добою неоліту (VI–III тис. до н. е.), бронзи (II тис. до н. е.), раннього залізного віку (VII–III ст. до н. е.) та XI — серединою XIII ст. На території посаду також було виявлено залишки забудови (господарські будівлі, ями) XII–XIII ст. [Ситий, 2005, с. 7–12].

У 2011 р. на території Ніжина вдалося відкрити ще одну ділянку давньоруської забудови — вірогідно, окреме поселення XI — початку XIII ст. в ур. Нове місто.

Нове місто — район, розташований у центральній частині Ніжина на правому березі р. Остер, навпроти городища в ур. Замок (у районі вулиць Тургенєва, Дзержинського, Редьківської, Чернігівської, пл. Гоголя). Площа Нового міста становить 25 га. Згідно з планами та описами Ніжина, у XVIII ст. тут знаходився старий форштадт (передмістя), заселений не пізніше XVI ст. (джерела вказують на його давність). Форштадт був оточений неглибоким ровом. Рів знищили у XIX ст. в ході генерального межування, і в сучасному рельєфі він майже не простежується [Описание, 2008, с. 17, 19].

Дослідження Нового міста здійснювались Ю. М. Ситим у 1990 р. та автором у 2004–2012 рр. Загальна потужність культурного шару тут, як і на інших ділянках у центрі Ніжина, є досить значною — понад 2 м. Верхній горизонт нашарувань утворений у XVII–XIX ст. Під ним у ході археологічних робіт 2011 та 2012 рр. було виявлено залишки нашарувань давньоруської доби: на глибині близько 1,5 м від сучасної поверхні залягає шар потужністю до 0,7 м, що містить уламки гончарної кераміки XI–XII ст. Цьому горизонту відповідають археологічні об'єкти, представлені залишками впущених у материк котлованів напівзруйнованих перекопами споруд. У ході їх розчистки було знайдено різноманітний речовий інвентар — уламки гончарного посуду, пірофілітові прясельця, вістря стріли, точильні бруски тощо. Виявлені матеріали дозволяють засвідчити заселення Нового міста вже в до монгольський період — принаймні з XI ст. При цьому потужність культурного шару (до 0,7 м) дає підстави для висновку щодо значної інтенсивності життя на цьому поселенні. Втім, встановлення його статусу (городище чи селище; зв'язок з поселенням в ур. Замок тощо) та уточнення хронології потребують подальших розшуків [Черненко, 2012, с. 109].

Окрім згаданих пам'яток існують відомості щодо ще кількох поселень давньоруської доби на території Ніжина та в його найближчих околицях. Більшість із них були виявлені співробітником Ніжинського краєзнавчого музею О. С. Морозовим під час археологічних розвідок у 1993–1995 рр. Це, перш за все, поселення Воздвиженське, розташоване в центральній частині Ніжина, яке за знахідками уламків гончарного посуду датується кінцем X–XIII ст. Ще одне поселення відкрите на західній околиці міста, в ур. Ветхе. Судячи за матеріалами розвідки, пам'ятка є багатошаровою — тут зібрано уламки посудин доби бронзи (II–I тис. до н. е.) та XIII–XIV ст.

Неподалік від Ветхого виявлено ще одне багатошарове поселення — Селище, де знайдено фрагменти ліпної кераміки доби бронзи (II–I тис. до н. е.), гончарного посуду післямонгольського часу (друга половина XIII–XIV ст.) та нового часу (XVIII–XIX ст.). На північній околиці Ніжина давньоруські матеріали знайдені на поселеннях Магерки-1 та Магерки-2 [Морозов, 2007, с. 5–33].

Таким чином, на сьогодні в межах сучасного Ніжина відомо кілька поселень домонгольської доби. Це свідчить про активне заселення цієї місцевості ще за давньоруських часів.

Голубовский П. В. Историческая карта Черниговской губернии до 1300 г. / П. В. Голубовский // Труды XIII Съезда в Екатеринославле в 1905 г. / [под ред. П. С. Уваровой]. — М., 1907–08. — Т. 2. — С. 2–50.

Добровольский П. Топографические описания городов Чернигова, Нежина и Сосницы с их поветами (рукописи 1783 года) / П. Добровольский // Труды Черниговской губернской архивной комиссии. — Вып. 4. — Чернигов, 1902. — С. 137–222.

Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. По материалам особой кладовой государственного Эрмитажа / И. П. Засецкая. — Л, 1975. — 80 с.

Любченко В. Г. Науково-педагогічна діяльність І. С. Орлая в Ніжині / В. Г. Любченко // Література і культура Полісся. — Ніжин,1995. — Вип. 6. — С. 23–33.

Кедун І. Археологічні дослідження «Охоронної Археологічної служби України» в м. Ніжин впродовж 2004–2009 років / І. Кедун, Р. Крапивний, Я. Крапивний // Ніжинська старовина. — 2010. — Вип. 09 (12). — С. 66–74.

Кирпичников А. Н. Орнаментированные и подписные клинки сабель раннего средневековья (по находкам в России, на Украине и в Татарстане) / А. Н. Кирпичников, В. П. Коваленко // Археологические вести. — СПб., 1993. — Вып. 2. — С. 122–134.

Коваленко В. П. До питань про першопочатки Ніжина / В. П. Коваленко // Тези II Чернігівської обласної конференції з історичного краєзнавства. — Вип. I. — Чернігів-Ніжин, 1988. — С. 9–10.

Коваленко О. Неопублікований опис Ніжина початку 80-х рр. XVIII ст. / О. Коваленко, І. Петриченко // Ніжинська старовина. — 2006. — Вип. 2 (5). — С. 51–61.

Морозов О. Археологічні пам'ятки Ніжина та околиць / О. Морозов // Ніжинська старовина. — 2007. — Вип. 3 (6). — С. 5–33.

Мултанен А. О. Отчет о работах в Черниговской обл. в 1986 г. / А. О. Мултанен // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1986/88, 19 с., 84 рис.

Описание города Нежина, его улиц и домов. Перепись населения по домам, составленная 15 февраля 1776 г. в городской магистратуре (підготовка до друку, зауваження до тексту документа та покажчик топонімів і географічних назв С. Зозулі та О. Морозова) // Ніжинська старовина. — 2008. — Вип. 7 (10). — С. 15–209.

Описи Лівобережної України кінця XVIII — початку XIX ст. — К., 1997. — 324 с.

Самойленко О. Г. Участь вчених Ніжинської вищої школи в археологічних дослідженнях Лівобережної України у 2-й пол. XIX — 1-й третині XX ст. / О. Г. Самойленко //Література і культура Полісся. — Ніжин, 2005. — Вип. 30. — С. 99–105.

Ситий Ю. До питання про локалізацію літописного Ніжатина та Уненіжа / Ю. Ситий // Ніжинська старовина. — 2005. — Вип. 1 (4). — С. 7–13.

Сокращенное описание Черниговской губернии вообще и каждого города особо» 1787 р. / [підгот. до друку О. Коваленка та І. Петриченко] // Сіверянський літопис. — 1995. — № 2. — С. 82–96.

Сотникова М. П. Тысячелетие древнейших монет России: сводный каталог русских монет X–XI вв. / М. П. Сотникова, И. Г. Спасский. — Л., 1983. — 239 с.

Сытый Ю. Н. Отчет об охранных археологических работах 1991 г. на Черниговском Задесенье / Ю. Н. Сытый // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, № 1989/137, 31 с., 154 рис.

Сытый Ю. Н. Отчет об археологических работах 1990 г. на Черниговском Задесенье / Ю. Н. Сытый // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, № 1991/38, 29 с.

Черненко О. Є. Археологічні дослідження літописних міст Чернігово-Сіверщини / О. Є. Черненко, І. С. Кедун // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2011 г. — Чернигов, 2012. — С. 156–158.

Пояснювальна записка до колекції Арх II–37 // Чернігівський обласний історичний музей імені В. В. Тарновського. — 2 арк.

Шафонський А. Ф. Черниговского намесничества топографическое описание / А. Ф. Шафонский. — К., 1851. — 697 с.

И. С. Кедун, Е. Е. Черненко

Древнерусские памятники Нежина и его околиц

В статье приводится краткий историографический обзор археологических исследований на территории современного города Нежина в начале XXI в. Также анализируются археологические памятники древнерусского периода на территории города Нежина и его ближайших околиц. Рассматривается топография поселений, их размеры, культурный слой, оборонительные сооружения. Уточнены статус (городище или город) и хронология памятников.

В исследовании использованны как общеизвестные факты, так и материалы последних археологических исследований. Особое внимание уделяется н недавно открытому поселению «Новый город».

I. S. Kedun, O. Ye. Chernenko

Old Rus sites of Nezhin and it's suburbs

The article is a brief historiographical review of archaeological research in the territory of the modern town of Nizhin before the beginning of the XXIth century. The archaeological sites of Old Rus period on the territory of the town and its immediate environs in terms of the topography and size of the settlements, their cultural layer and fortifications are analyzed. The study also attempts to clarify the status of the settlement (town or village) and the chronology of landmarks, using as a basis both generally known facts and materials of recent archaeological research. Special attention is drawn to the recent open archaeological site, the settlement «New Town».

В. П. Коваленко, О. П. Моця

Літописний Оргощ

У статті вперше публікуються результати багаторічних археологічних досліджень літописного міста Чернігівської землі X–XI ст. Оргоща та його некрополя в с. Табаївка на Чернігівщині.

Ключові слова: літописне місто Оргощ, курганний некрополь у с. Табаївка, археологічні дослідження, водний шлях Любеч–Чернігів.

Під 1159 р. Іпатіївський літопис вміщує розлогу дискусію Ізяслава Давидовича (на той час — Великого князя Київського) зі своїм кузеном Чернігівським князем Святославом Ольговичем, під час якої Ізяслав погрожував, що в разі непоступливості останнього (а Святослав всіляко відмовляв Ізяслава йти на Галич) «...тогда не жалуй на мя, оже ся почнешь пополызывати и [из] Щернигова к Новугороду [Северскому] и пожалися велми о том слове». На це Святослав Ольгович відповідав: «Господи! Вижь мое смирение! Колико на ся поступах, не хотя крови пролити хрьстьянски и отчины своея погубити, взяти Черниговъ съ 7-ю городъ пустыхъ: Моровиескъ, Любескъ, Оргощь, Всеволожь, а в нехъ седять псареве же и Половци, а всю волость Черниговьскую собою держить и съ своимъ сыновцемъ. И то ему не досыти, но велить ми еще и Щернигова поити, а хрестъ ко мне целовалъ, яко не подозрети подо мною Чернигова никимже образомъ, да Богъ буди за всимъ и хрестъ честный. Егоже съступаеши ко мне, а я брате не лиха хотя тобе бороню не ходити, но хотя ти добра и тишины земли Рускые» [Полное собрание, 1962, стб. 499–500].

В історіографії питання про локалізацію Оргоща було вирішене не відразу. М. М. Карамзін [Карамзин, 1816, № 388] та М. С. Арцибашев [Арцыбашев, 1838, с. 163, № 1020] зараховували його до місць невідомих. М. П. Погодін [Погодин, 1848, с. 454–455; 1850, с. 242], М. П. Барсов [Барсов, 1865, с. 154], Д. І. Багалій [Багалей, 1882, с. 149–150] та інші вказували, як на рівнозначні, на два пункти — с. Рогоща Чернігівського повіту та с. Оржище Прилуцького повіту. Філарет вперше припустив [Филарет, 1874, с. 142–143], а П. В. Голубовський документально довів, що літописний Оргощ знаходився на місці с. Рогоща [Голубовский, 1903, с. 118–120; 1908, с. 29].

Городище в с. Рогоща відоме в літературі з XVIII ст. [Шафонский, 1851, с. 234], хоча вперше було детально описане на початку XX ст. П. М. Добровольським, який і провів тут перші розвідки. Городище розташоване в західній частині села, на зниженій ділянці лівого берега р. Білоус. Городище мало в плані округлу форму (200×180 м, загальною площею близько 3,2 га), до нього вели 2 в'їзди (східний та західний). Пам'ятка була оточена по периметру досить високим (до 9 м, при ширині підошви 20–24 м) валом (рис. 1, *1*, *3*). Добре простежуються зовнішній (завширшки 10–13 м при глибині від 1 до 2,5 м) і внутрішній (ширина 6–8 м, глибина 1–3 м) рови [Бондар, 2012, с. 13]. У 1964 р. частина городища знищена при прокладці дороги, в 1979 р. кар'єром був значно пошкоджений посад.

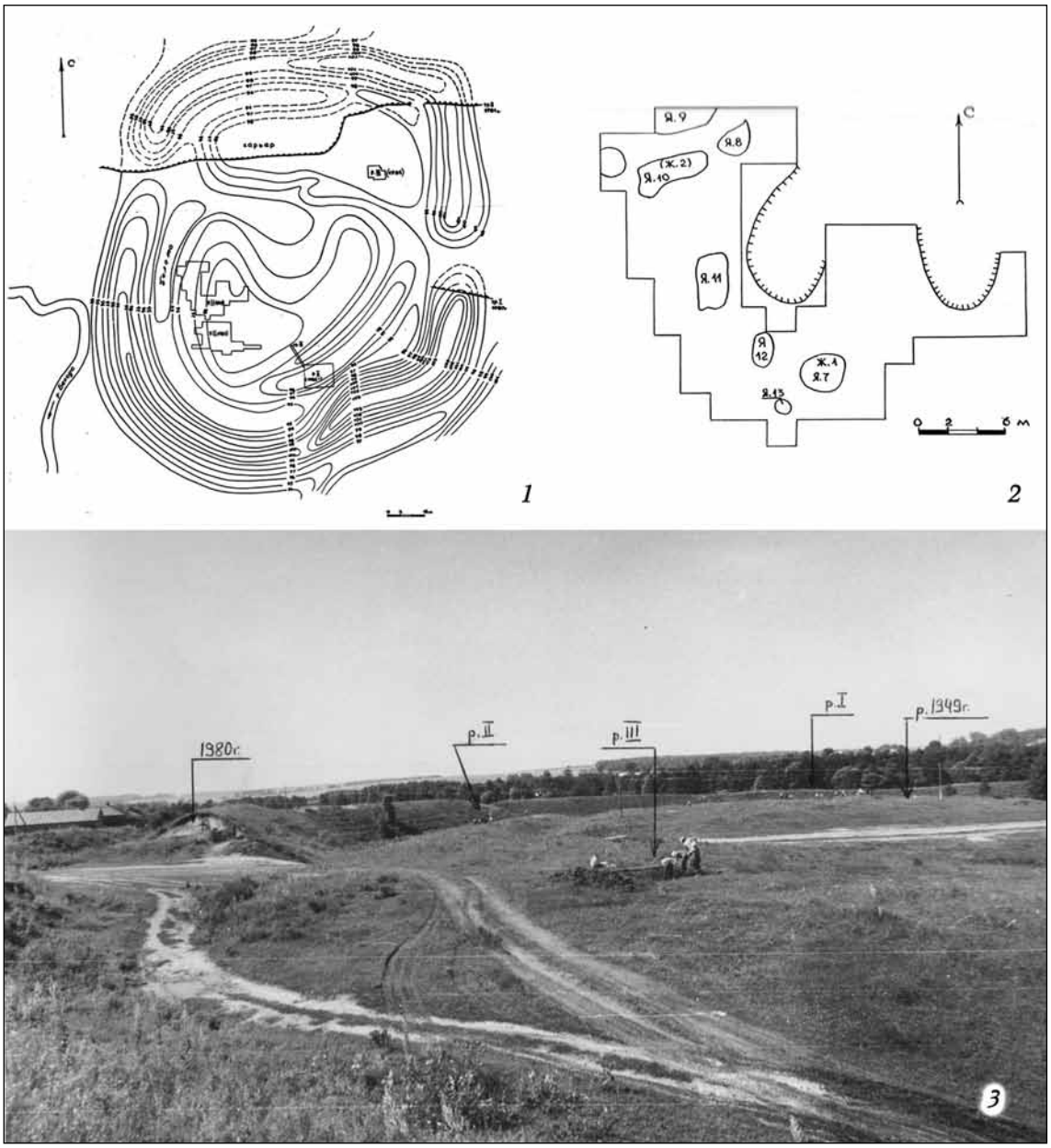


Рис. 1. Городище літописного Оргощa:
1 — план городища з розкопами 1949, 1979–1985 рр.; *2* — план по материку розкопу 1949 р.
3 — загальний вигляд південної частини городища з розкопами

У 1949 р. городище досліджувалось Д. І. Бліфельдом, який розкрив 312 м^2 (рис. 1, *2*). На цій ділянці зафіксовано рештки двох напівземлянок та двох наземних жител IX–XIII ст. З-поміж знахідок відзначимо бронзову шумливу підвіску з качиними лапками; ключ від нутряного замка (тип I) X — початку XII ст. [Колчин, 1981, с. 162]; два ключі (тип «А») X — першої половини XIII ст. [Колчин, 1981, с. 162]; калачеподібне кресало з язичком; підковоподібну фібулу; бронзове навершя руків'я канчука у вигляді голівки хижого птаха тощо [Блифельд, 1949].

У 1979–1981 рр. та 1985 р. городище обстежувалось експедицією Чернігівського історичного музею [Коваленко, 1979; 1981; Коваленко, Моця, Ильяшенко, Покас, Простантинова 1986].

В ході робіт зроблено два розрізи валів (у місцях пошкоджень будівельниками), зачистка стін кар'єру та закладено три розкопи і три розвідувальні траншеї загальною площею 371 м^2. Розріз I (східний) виконаний у південно-східній частині городища (рис. 2, *3*).

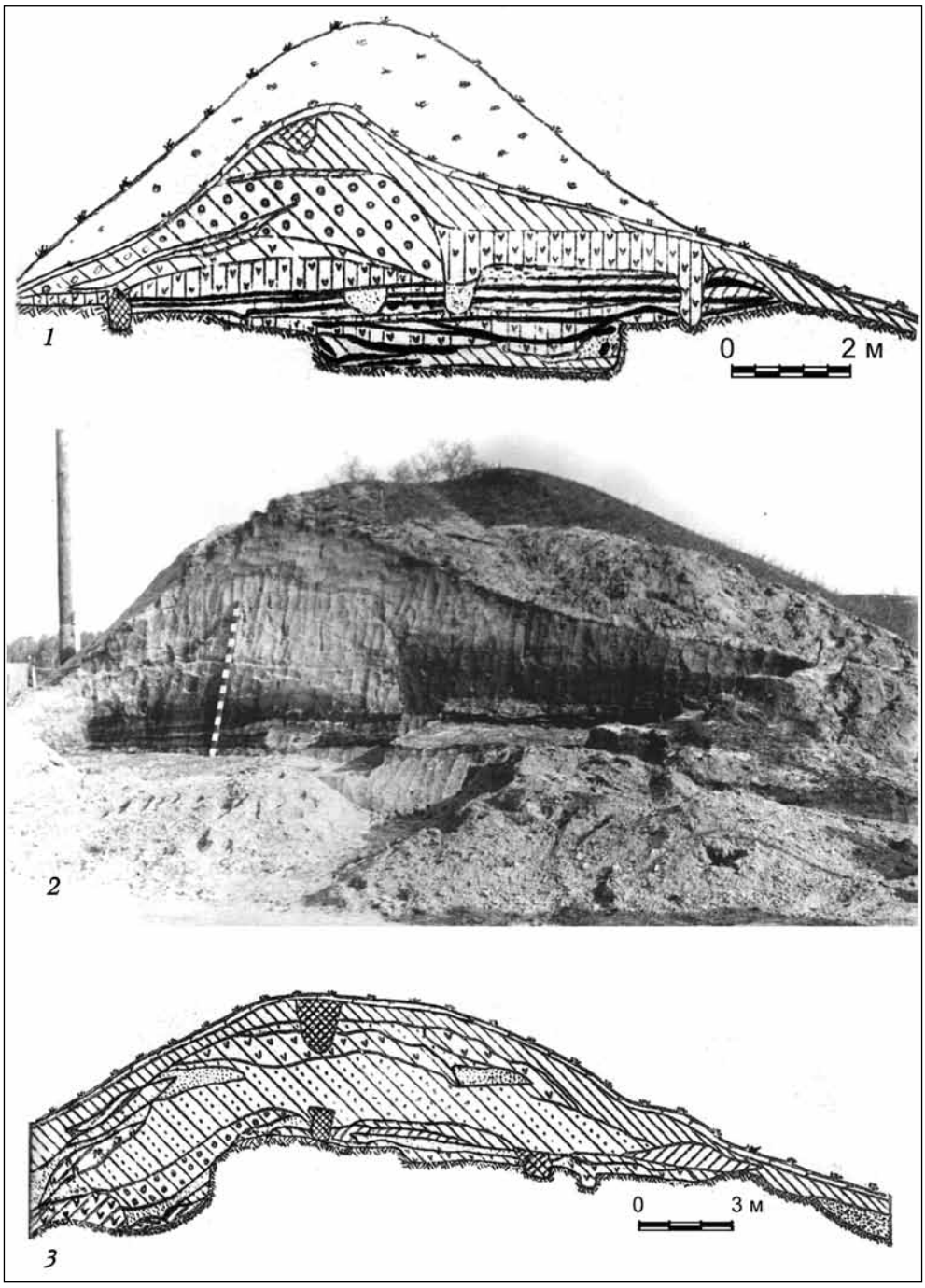


Рис. 2. Розрізи валу Оргоща: *1–2* — північний розріз; *3* — східний розріз.

Він дозволив з'ясувати основні етапи спорудження оборонних споруд Оргоща. Судячи з керамічного матеріалу, зібраного в підніжжі валу, він був насипаний не пізніше X ст. З-поміж знахідок особливо відзначимо два вістря стріл (тип 38, варіант 4), характерних для середини XIII ст., що їх пов'язують зазвичай з монголо-татарською навалою [Медведев, 1966, с. 64]. Розріз II (північний) здійснений у північно-східній частині городища. Тут вдалося зафіксувати сліди дерев'яних конструкцій з двох ліній зрубів, з яких зовнішній був глухим («городні»), а внутрішній — житловим («кліті»). Насип валу перекрив землянку IX–X ст., що згоріла в пожежі. В її заповненні, крім кераміки, знайдений залізний токарний різець, ніж, пірофілітове прясельце та дві кістяні проколки (рис. 2, *1–2*).

Розкоп I був закладений у південній частині південно-західного пагорба, за 1 м південніше розкопу Д. І. Бліфельда 1949 р., контури якого добре помітні досьогодні.

Спочатку площа розкопу становила 10×10 м, та оскільки після зняття дерново-орного шару з'ясувалося, що плями ряду споруд виходять за межі розкопу, розкоп був розширений до 191 м². Вже орний шар дав близько 600 уламків кераміки (в тому числі ліпної кераміки милоградської культури), значну кількість шматків печини, шлаки заліза, кістки тварин. Давньоруська кераміка в більшості випадків датується X–XI ст., хоча присутні й уламки XII–XIII ст. Крім того, тут же знайдено синю гранчасту намистину, залізне вістря стріли ромбовидне гньоздівського типу (тип 41 за О. Ф. Мєдвєдєвим), уламки залізних та бронзових пластин тощо [Медведев, 1966, с. 65].

За результатами зачистки зафіксовано плями 7 споруд та близько 90 стовпових ям. Споруда I мала видовжену в плані форму (3,42×0,88–1,0 м) і була витягнута по лінії північний схід – південний захід. При подальшій роботі з'ясувалося, що тут знаходились дві самостійні споруди — № 2 та № 7, перекриті спільним культурним шаром. Споруда № 2, розташована в південній частині плями, мала овалоподібну в плані форму (6,2×2,75 м по верху, і 4,4×1,2 м — по дну), витягнуту по лінії північний схід – південний захід. У північно-західній частині споруди зафіксований чималий завал печини (в тому числі уламки бортиків глиняних жаровень) та крупних кавалків дикого каменю, 7 шматків криць, уламки пірофіліту, ковані цвяхи, уламок пірофілітового оселка з отвором, 4 цілих та фрагментованих залізних ножі, шиферні прясельця, залізні гачок та половинка залізного пінцету, мідний литий хрестик, уламки залізних та мідних пластин тощо. Споруда № 7 мала неправильну видовжену форму (5,40×1,8–2,74 м), була орієнтована по лінії північний захід – південний схід і складалася з двох частин: входу (1,2×1,1 м при глибині 0,22 м від рівня материка) та основної частини (4,2×1,8 м, при глибині 0,7–0,85 м). Зі споруди, крім понад 300 фрагментів кружальних посудин, походять залізні світець, булавка з рухомою кільцевою голівкою, бронзовий браслет із загостреними кінцями, уламок оселка, уламок дужки відра, фрагмент скляної посудини.

Споруда № 3 мала підквадратну в плані форму, орієнтовану кутами за сторонами світу, в котлован якої було впущено зруб (2,65×2,65 м), що, судячи за шматками обпаленої печини, був обмазаний глиною. Вздовж північної і південної стін котловану зафіксовано сліди лаг у вигляді вузьких канавок (8–15 см завширшки і 0,10–0,12 см завглибшки). Проміжки між стінами котловану і зрубом засипані материковим піском. У східній частині споруди зафіксовані рештки нижньої частини металургійного горну. В центрі нього — сильно пошкоджений розтрісканий черінь овальної форми (0,50×0,40 м, до 3 см завтовшки), покладений на піщану подушку, насичену дрібними кавалочками печини. Стінки горну збереглися на висоту декількох сантиметрів. Поряд зафіксований великий розвал печини, стінок жаровень та чимала кількість металургійних шлаків. Окремо відзначимо уламок денця з двома просвердленими отворами та слідами смоли, 2 кістяні проколки та «ковзан», 2 астрагали з отворами, калачеподібне кресало, невеличку підвіску із синього скла, прясельце з пірофіліту тощо. За керамічним матеріалом споруду можна віднести до першої половини X ст.

Споруди № 4 (3,9×1,2 м, при глибині 04–0,55 м), № 5 (частково виходить за межі розкопу, глибина 0,15–0,42 м) та № 6 (частково виходить за межі розкопу, досліджено 3,0×2,7 м) мали, скоріш за все, господарське призначення, і особливих знахідок, окрім уламків кераміки, не утримували.

Таким чином, переважна більшість споруд на розкопі I мала господарське чи промислове призначення. Лише споруди № 3 та № 6 умовно можна віднести до решток жител, хоча сліди печей тут не виявлені. Горн зі споруди № 3 належить, вірогідно, до часу після її загибелі.

Крім того, на розкопі № 1 досліджено 86 стовпових і господарських ям глибиною від 0,1 до 0,75 м, переважна більшість з яких знахідок, окрім уламків кераміки, не утримували. Частина з них була, вірогідно, деталями наземних конструкцій над котлованами споруд.

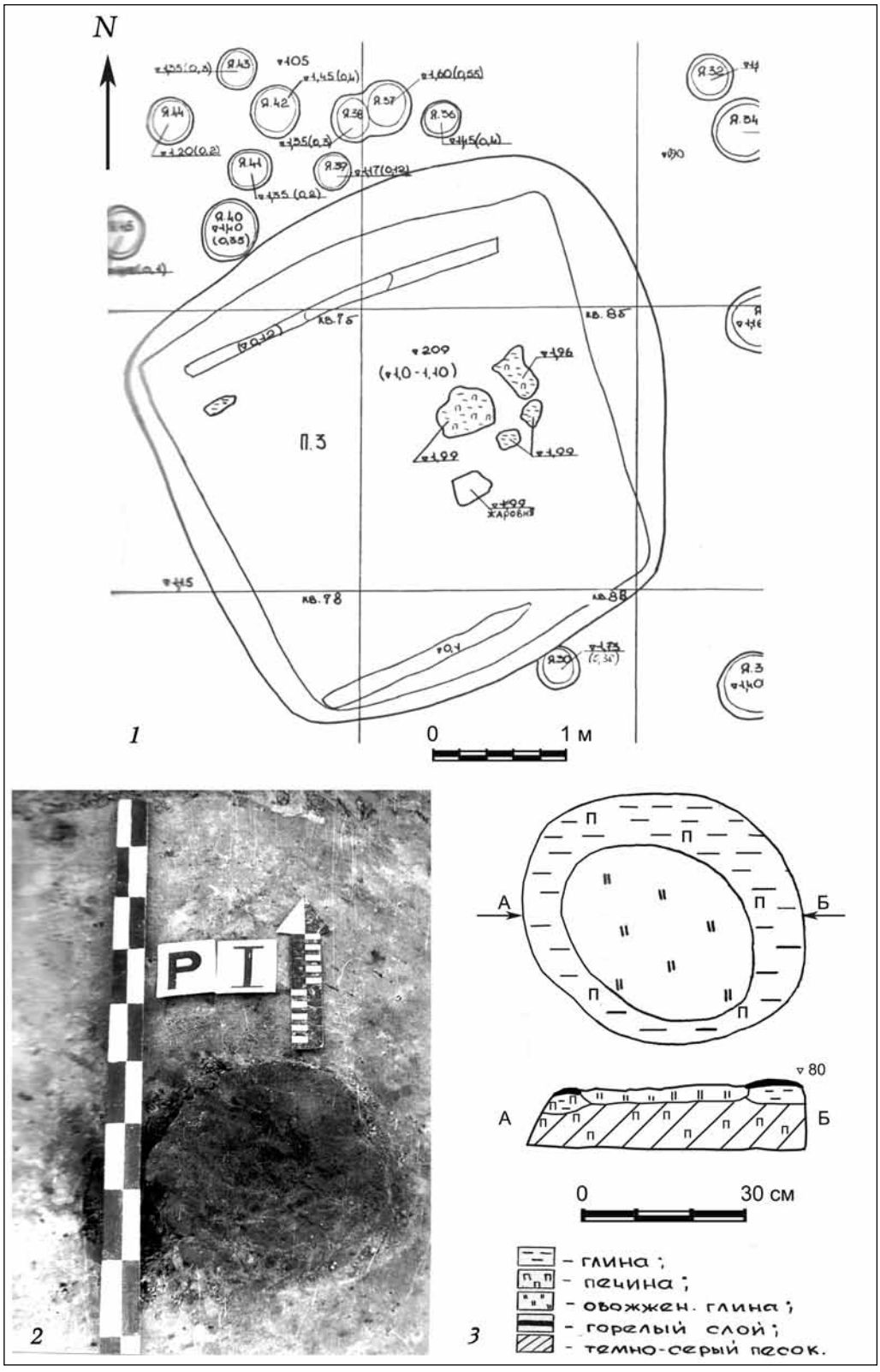


Рис. 3. План споруди № 3 (розкоп I на городищі):
1 — план споруди № 3 по материку; *2* — загальний вигляд решток горну;
3 — план та розріз решток металургійного горну зі споруди № 3

З метою з'ясування характеру заповнення так званого внутрішнього рову до південно-західної частини розкопу I була прирізана траншея I (5×1 м), доведена приблизно до середини цього рову, а в південно-західному напрямку від кв. 12 — траншея II (7×1 м). Перша з них мала глибину 1,70 м від поверхні, заповнення її складалося з потужного шару замиву. У заповненні, крім уламків кераміки X ст., кісток тварин та шлаків, у придонному шарі знайдено невеличку срібну блешню з обламаним гачком, тоді як у траншеї II, безпосередньо під шаром оранки — лишень 3 стовпових ями завглибшки 0,16–0,35 м, без будь-яких знахідок.

Розкоп II (10×12 м) закладений у південній частині південно-східного пагорба, що являє собою довге овалоподібне підвищення, витягнуте по лінії північний схід – південний захід, завдовжки близько 90 м і завширшки 10–12 м, і відокремлене від інших підвищень ровоподібними пониженнями. Південно-східний куток розкопу увійшов краєм до заповнення рову (глибина його частково дослідженої частини становить 0,73 м від рівня сучасної денної поверхні). В ньому зафіксовані рештки перетлілих згорілих дерев'яних конструкцій, що впали у рів; зібрані уламки кераміки IX–XI ст. та уламок калачеподібного кресала.

На площі розкопу виявлені плями 3 споруд та 41 господарської і стовпових ям. Дві з цих споруд були наземними (виявлені лишень сліди нижніх вінців стін); відповідно, 3,5–4,0×4–5 м; 4,0×4,5 м; третя (підпрямокутних обрисів, 1,90×1,20 м) — 1,28 м завглибшки. Перша зі споруд не відрізнялась нічим особливим: окрім уламків кераміки, тут знайдено уламок верхнього жорна з вулканічного туфу, фрагмент пірофілітового оселка з отвором, уламок ножа та значна кількість фрагментів кераміки. У другій, що була зрублена «в обло із залишком», розчищені рештки двох печей. Піч № 1, підпрямокутних обрисів (1,30×1,20 м, висота стін, що збереглися, — до 0,25 м при 0,25–0,35 м завтовшки) стояла в північному куті споруди, на великому масиві глини, до 2,5 м завтовшки. Устям піч була обернена до півдня, всередині — завал склепіння; рештки череня не виявлені, при тому, що всередині вона обпалена до червоного кольору. В основі стін розчищені 13 ямочок від кілочків каркасу, на якому споруджувалися стіни. Судячи зі стратиграфічних спостережень, піч стояла на опічку у верхньому поверсі споруди. Піч № 2 стояла в північно-західному кутку споруди. Вона мала, вірогідно, підпрямокутну форму, але була сильно поруйнована. Розміри частини, що збереглася, — 1,25×0,92 м при збереженій висоті стін 0,12 м і товщині 0,23–0,28 м. Устям піч була обернена на схід (тобто до середини будівлі). Як і в попередньої, слідів череня не виявлено — вона була поставлена на каркасі з дротин прямо на шар заповнення споруди. В заповненні споруди виявлено кілька розвалів горщиків, у тому числі один цілий початку X ст. (висота 26,5 см, діаметр горла 23,3 см, максимальний діаметр — 25 см, діаметр дна — 9,5 см).

У споруді, у вуглистому шарі, виявлено поховання підлітка 10–14 років, від якого зберігся лише череп. У споруді та поряд із нею також знайдено 2 прясельця з пірофіліту, 3 фрагменти орнаментованої кістяної накладки руків'я з отворами для кріплення, кістяна проколка, нечисленні уламки кераміки X ст.

У північній частині розкопу II, в ямі № 4, під завалом печини виявлене ще одне дитяче поховання, від якого також збереглися лише череп і частина грудної клітини. У більшості з 41 господарської та крупних стовпових і 35 дрібних стовпових ям знахідки були відсутні.

Таким чином, у цілому за результатами робіт на розкопі II можна виділити три періоди існування забудови.

I період — кінець IX — початок X ст. Споруда № 3 та більшість ям. Споруда загинула в пожежі, котлован був знівельований піском з рову.

II період — початок — середина X ст. Споруди № 1, 2, поховання № 1, 2. Загибель у пожежі.

III період — кінець X–XI ст. Піч I (II ?), ями № 1, 2, 5–7, 10.

З метою вивчення характеру ровоподібної канави, що розділяє південно-захід-

ний і південно-східний пагорби, була закладена траншея III (10×1 м), від південно-західного кута розкопу II перпендикулярно до траси рову. Роботи показали, що цей рів мав значну (понад 3 м) глибину і близько 4 м ширини по дну. Таким чином, внутрішні рови на городищі в давньоруські часи дійсно існували, і мали значні розміри. Пояснити їх існування потребою створення дренажних канав, як це хотіли зробити автори у звіті, навряд чи можна. Скоріш за все, як і в інших випадках (Шестовицьке городище Коровель, Звеничів, городище на Цитаделі в Чернігові тощо), їх появу спричинили надзвичайно стислі терміни спорудження укріплень, при яких часу на підйом ґрунту із заплави не було, а землі, вийнятої з напільних ровів, катастрофічно не вистачало.

Розкоп III (38 м^2) був закладений на городищі у південно-східній частині північного пагорба, сильно пошкодженого при прокладці дороги. Зачистка стінок кар'єру 1980 р. показала, що культурний шар тут на значній площі зруйнований при дорожньому будівництві. Зачистка дозволила виявити пляму підпрямокутних обрисів 3,70×3,20 м. Вхід до споруди знаходився у південно-західній частині (1,50×1,40 м). В котловані зафіксовано 13 стовпових ям глибиною 0,12–0,35 м, а в південно-західній частині споруди — велику (2,10×0,9 м) яму овалоподібної форми, заповнену горілим шаром з великою кількістю вугликів, до 0,36 м завглибшки (можливо, рештки відкритого вогнища). Зі споруди походять калачеподібне кресало, керамічне та пірофілітове прясельця, залізний ніж та кородований бронзовий предмет, а також близько 200 уламків посудин X ст. Крім того, в різних частинах розкопу III розчищено 8 стовпових ям різних розмірів, що жодних знахідок не утримували.

На північ, схід та південь від городища розташовувався посад рогощинського городища загальною площею близько 35 га. Як довів на підставі аналізу аерокосмічних знімків О. М. Бондар, на протилежному — правому — березі р. Білоус, навпроти городища, плями культурного шару фіксуються ще на площі 3–4 га [Бондар, 2012, с. 13]. Територія посаду досліджувалась у 1986 р. А. Л. Казаковим [Казаков, Коваленко, 1986] та в 2011 р. невеличкі розвідкові роботи (3 шурфи 2,0×1,0 м) здійснював у південній частині посаду О. М. Бондар.

А. Л. Казаковим у різних частинах посаду закладені три розкопи загальною площею близько 80 м^2. Розкоп I (5×5 м) розбитий на північ від городища, за 107 м від західного кута церкви XIX ст. Розкопом частково досліджено наземну споруду I (тільки її східний кут) та 5 господарських ям (загальна потужність культурного шару — до 0,85 м). Із знахідок відзначимо залізне ромбічне вістря стріли, уламки двох залізних ножів, фрагмент кістяної накладки з циркульним орнаментом, уламок оселка із сірого пісковику, пружинні ножиці, уламок вінця мідної орнаментованої посудини, пастову намистину, фрагмент денця посудини жовтого скла, а також уламки кружальних посудин IX–X та XII–XIII ст., серед яких помітно домінують перші. Окремо відзначимо знайдене в піддерновому шарі бронзове тригранне вістря скіфської стріли (нечисленні уламки кераміки милоградської культури трапляються як на городищі, так і в різних частинах посаду). Всі 5 господарських ям, розчищених на розкопі, дали лише поодинокі фрагменти посудин IX–XI ст.

Розкоп II (2×5 м^2) закладений у північно-східній частині посаду, за 90 м від північно-східного кута церкви. Потужність культурного шару тут становила до 0,85 м. У південній частині розкопу на глибині 0,60 м частково досліджена споруда підквадратної форми, глибиною від краю розкопу до 1,25 м. Зафіксовані кілька стовпових ям та канавки від лаг глибиною 0,1–0,15 м і шириною 0,12–0,15 м, що дозволяють визначити орієнтацію споруди по лінії південний захід – північний схід. Із знахідок на розкопі та в заповненні споруди відзначимо два залізні ножі та уламок третього, срібний перстень з невеликим (3,0×4,5 мм) прямокутним щитком, кістяну проколку, калачеподібне кресало, відерну дужку з вушком та відносно чисельну серію уламків кераміки. Остання чітко ділиться на три групи: IX — початку XI ст. (чисельно домінує; цим же часом датується і досліджена на розкопі споруда), XI — середини XIII ст. та

XVII–XVIII ст., що зустрічається переважно в шарі оранки та у верхніх пластах культурного шару.

Розкоп III (загалом 25 м^2) розбитий у південно-східній частині посаду, за 67 м від західного кута огорожі кладовища. Загальна потужність культурного шару — до 0,45 м. З цього шару походять два ножі, уламок серпа, уламки свинцевої платівки, фрагмент персня із синього скла з масивним округлим щитком, прясельце з пірофіліту та серія уламків кераміки X–XII ст. і XVII–XVIII ст. Після загальної зачистки на площі розкопу виявлені 4 споруди та 3 господарських ями, що потрапили до досліджуваної ділянки лише частково.

Споруда I, прямокутної форми, до 1,65 м завширшки, глибиною в материку до 0,3 м, знаходилась у південно-східній частині розкопу. Біля східної стінки розкопу розчищені 2 стовпові ями, що, на думку А. Л. Казакова, може свідчити про її каркасно-плотову конструкцію. В заповненні споруди, крім серії кераміки кінця X ст., знайдені залізні ніж та уламок відерної дужки. Споруда 2, прорізана будівлею № 1, виявлена в південному куті розкопу на глибині 0,4 м. Судячи з розташування частин, що збереглися, споруда була орієнтована за сторонами світу. За керамічним матеріалом споруду можна датувати першою половиною X ст.; речові знахідки відсутні. Споруда III, більша частина якої знищена спорудою IV, займала північно-західну частину розкопу (глибина в материку — 0,3 м). Вона була зорієнтована стінками за сторонами світу і, судячи за спостереженнями, мала підпрямокутну форму. За керамічним матеріалом може датуватися X ст. Споруда IV, зорієнтована стінками за сторонами світу, також виявлена в північно-західній частині розкопу (досліджено її східний кут). Глибина в материку — 0,4 м. Підлога будівлі була обмазана жовтою глиною. Судячи за рядом ознак, вона мала стовпову конструкцію і згоріла в пожежі. На дні споруди знайдені уламок коси (довжиною 34,6 см), що був загорнутий у грубу тканину, залізний ніж з упором та деталі поясного набору (бронзові ліроподібна пряжка та 3 поясних кільця), що за М. В. Сєдовою датуються першою чвертю XI–XII ст. [Седова, 1981, с. 144]. В цілому комплекс можна датувати рубежем X–XI ст. Усі 3 виявлені в розкопі господарські ями, крім окремих уламків кераміки, знахідок не утримували й можуть бути віднесені до давньоруського періоду.

На північ від городища, на краю кар'єру, за 44 м від південного кута храму, було розбито траншею 12×1 м (в ході робіт її розширено за рахунок прирізок до 23 м^2), зорієнтовану по лінії північ-південь, з метою з'ясування розмірів руйнації культурного шару. В результаті робіт було встановлено, що потужність культурного шару становить тут до 1,0 м. Після зачистки тут зафіксовано контури 3 споруд і 5 господарських ям. Перша зі споруд мала овалоподібну видовжену форму (1,2×2,4 м, глибина в материку 0,4 м), зі сходинкою в південно-східній частині. За нечисленним керамічним матеріалом може бути віднесена до X ст. Споруда II розташована в північній частині траншеї, глибина в материку 0,4 м. Вона мала неправильну підпрямокутну форму і була зорієнтована по лінії південний захід – північний схід. За поодинокими уламками кераміки може бути датована X ст. Споруда III локалізується в південній частині траншеї (глибина в материку 0,15 м). Вона мала витягнуту овалоподібну форму і була зорієнтована по лінії схід-захід. За окремими уламками кераміки також може бути датована X ст. Всі 5 ям, виявлені в траншеї, за поодинокими знахідками уламків кераміки чи за стратиграфічними спостереженнями також датуються X — початком XI ст.

Дослідження 2011 р. велися у південній частині посаду з метою виявлення кордонів поширення культурного шару. Для цього було закладено 3 шурфи 2×1 м, відповідно, за 340, 240 і 190 м на південний схід від городища. Потужність культурного шару сягає тут від 0,15 м до 0,5 м; в шурфах (окрім першого, що був порожнім) знайдено уламки кераміки X–XIII ст. та шматки металургійних шлаків. У підйомному матеріалі зібрано також уламки кераміки XVII–XVIII ст.

Таким чином, археологічні дослідження в цілому підтвердили справедливість образи Святослава Ольговича на свого кузена за те, що той передав йому лише «...7 городъ

пустыхъ: Моровиескъ, Любескъ, Оргощь, Всеволожь, а в нехъ седять псареве же и Половци...». Оргощ, який у X — на початку XI ст. був значним дружинним центром із чималим курганним некрополем і контролював середню течію р. Білоус, навпроти впадіння в нього невеличкого правого допливу р. Свишень, на кінець XI ст., як і Шестовиця, перетворився на третьорозрядне городище з незначною кількістю населення і нерегулярною забудовою, оскільки потреба в існуванні тут потужного контрольного пункту відпала.

Курганний могильник в с. Табаївка — некрополь літописного Оргощa — складається із трьох груп і відомий з кінця XIX ст. завдяки описам М. О. Константиновича [Константинович, 1878, с. 181–184]. Він розташовувався на правому березі р. Білоус, приблизно за 0,5 км від городищенських укріплень. Перші дослідження на ньому провів В. Б. Антонович — 2 насипи в групі I [Антонович, 1881], а потім П. М. Добровольський, який розкопав тут у 1904 р. 5 насипів. Про це свідчить невелика, але промовиста колекція знахідок з його розкопок на Табаївському некрополі, що зберігається у фондах Чернігівського історичного музею під 1905 р. (Колекційний опис № 22). До колекції входять 6 бронзових поясних серцеподібних бляшок з серцеподібним прорізом у центрі та трьома штифтами на зворотному боці, 2 фрагменти подібних бляшок, бронзовий литий наконечник пояса, бронзові ж поясне кільце та ліроподібна пряжка та 8 уламків залізних сильно окислених предметів. Схоже, якісь розкопки в Табаївці вів і М. Є. Макаренко: у фондах ІІМК у Санкт-Петербурзі (ф. 1, № 94 за 1915 р.) зберігається його звіт на 9 сторінках із доданим до нього «Перечнем предметов, исследованных в Табаевских курганах», в якому значаться 2 глиняних посудини (одна з них — з перепаленими кістками молодого барана), 2 неповних людських кістяка, ручка від бронзової посудини, 10 маленьких серцеподібних бляшок, окислений залізний предмет і золота (?) прикраса, «...похожая на пряжку». В кінці припис: «Все предметы находятся в Черниговском музее». Принагідно зазначимо, що після Другої світової війни знайти їх сліди в Чернігові не вдалося.

В середині XX ст. Д. І. Бліфельд у ході робіт Деснянської археологічної експедиції розкопав 2 насипи в групі I і 3 — в групі II (Бліфельд, 1955, с. 16–18). З-поміж останніх особливо відзначимо знахідки залізних лодійних заклепок у кургані № 1, 2 тілоспалення воїна з конем, що супроводжувалися чудовою серією бронзових (з інкрустацією сріблом та міддю) бляшок (тільки в кургані № 2, що містив поховання в камерній гробниці, — 60 бронзових бляшок двох типів) від поясного набору (у тому числі орнаментована застібка від поясної сумки-ташки) й кінського спорядження, пірофілітову формочку для лиття різноманітних прикрас (бляшок, ґудзиків, лунниць тощо) з прокресленими циркулем трьома концентричними колами на зворотному боці, намистини, предмети озброєння, фрагмент срібного арабського дирхама (фонди ІА НАН України, колекційні описи № 119 та № 139), що дозволило віднести некрополь до розряду так званих «дружинних» могильників X ст.

Останні польові роботи на Табаївському могильнику були проведені в 1985 р. спільною експедицією ІА НАН України та Чернігівського історичного музею [Коваленко, Моця, Ильяшенко, Покас, Простантинова, 1986, с. 2–8.]. У XIX ст. в першій курганній групі нараховувалося близько 70 насипів, де на кінець 90-х років XX ст. фіксувалося вже лише 47 (в давнину група була значно більшою за розмірами). У 2011 р. О. М. Бондар нарахував тут лише 17 «візуально помітних насипів та 7 розкопаних курганів» (Бондар, 2012, с. 14). У другій групі наприкінці позаминулого століття нараховувалося 24 кургани, але зберігся лише один. Можливо, разом із першою обидві групи в давнину утворювали єдиний могильник. У третій групі на кінець XX ст. в урочищі Попове також зберігся один курган. На відміну від попередніх двох груп, він був розміщений на південь від села на високому правому березі р. Свишень (правий доплив р. Білоус), на південній окраїні лісу. Але його культурна приналежність ще не до кінця з'ясована (можливо, він і не мав відношення до давньоруських часів). У 1985 р. роботи

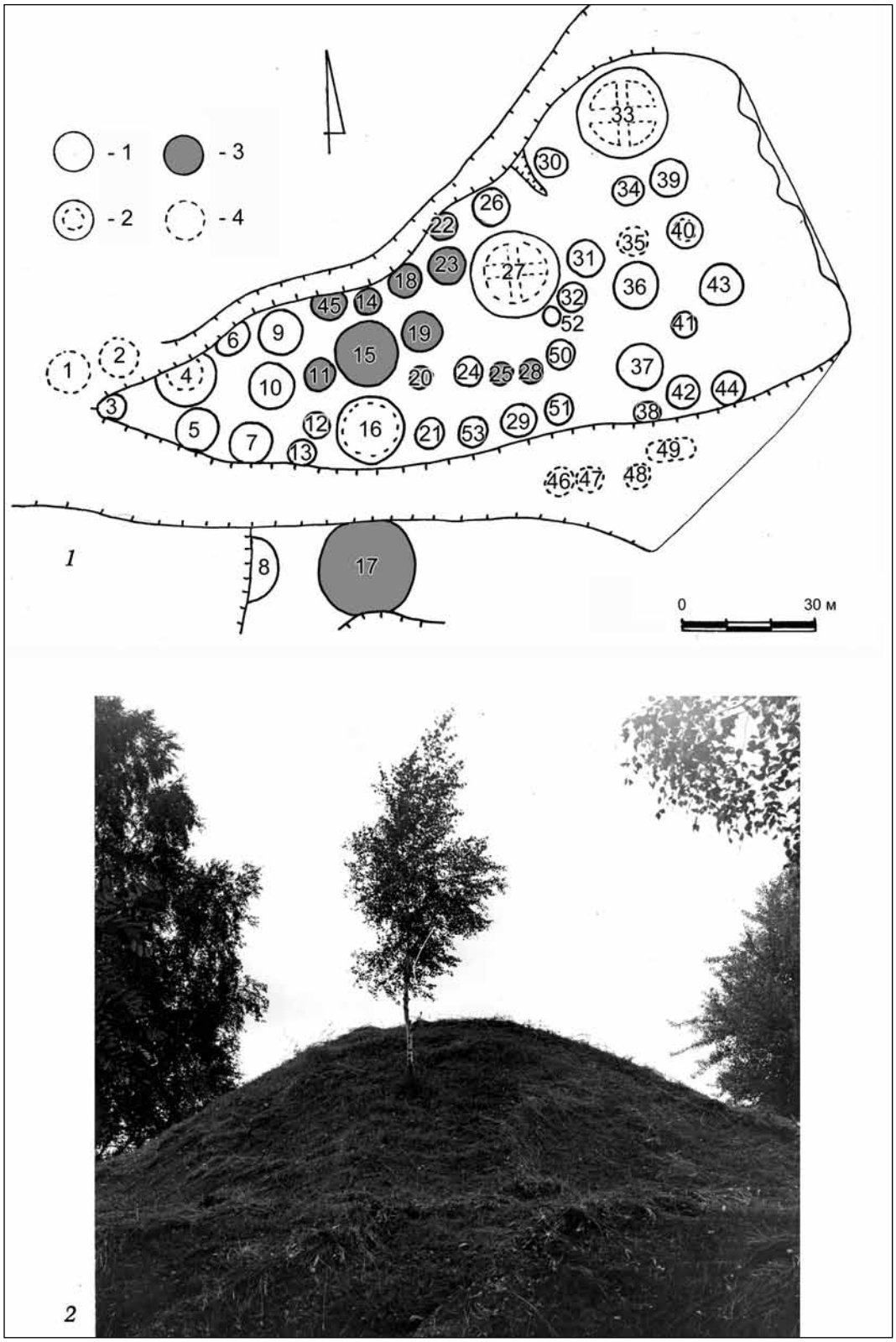


Рис. 4. Некрополь літописного Оргоща:
1 — план могильника в ур. Волотуха
(1 — цілі на 1985 р. кургани; 2 — кургани, розкопані 1949 р.;
3 — кургани, розкопані 1985 р.; 4 — знищені насипи);
2 — курган № 15.

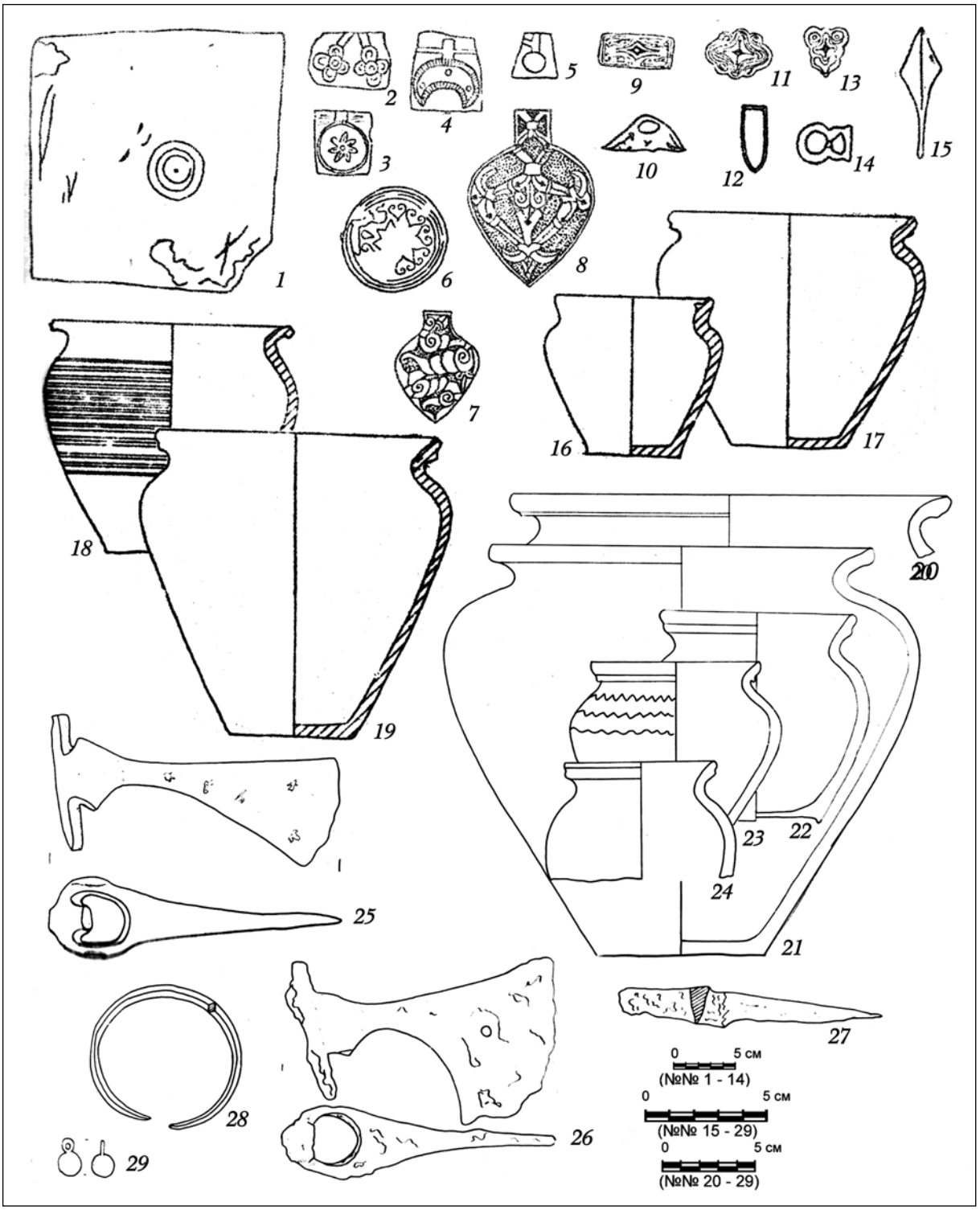


Рис. 5. Знахідки з Табаївських курганів:
1 — ливарницька формочка з пірофіліту (зворотний бік); *2–5* — гіпсові відливки прикрас з формочки; 6–14 – зразки предметів поясної фурнітури з курганів, досліджених у 1949 р.; *15* — вістря стріли з кургану № 1 1949 р.; *16–17* — посудини з кургану № 4; *18–19* — горщики з кургану № 5; *20–24* — посуд з курганів, досліджених 1985 р.; *25* — залізна сокира з кургану № 3 (1985 р.); *26–28* — предмети озброєння і мідний браслет з кургану № 10 (1985 р.); *29* — ґудзик з кургану № 5 (1985 р.).

проводилися лише на площі першої групи, і це дало нові й цікаві результати (всього вивчено ще 12 насипів).

Усі насипи невеликих розмірів, висотою близько 1 м, за винятком окремих, більших за розмірами (рис. 4). У чотирьох із них комплексів поховань не виявлено — вірогідно, це були меморативні споруди (№ 1, 2, 4, 8). Опис усіх інших подано нижче.

Курган № 3. В насипу виявлено фрагмент давньоруської гончарної посудини, під якою на глибині 2,4 м зафіксовано сліди дерев'яного гробовища і 4 цвяхи. Тут було поховано чоловіка 50–55 років, орієнтованого на спині у західному напрямі (як і у всіх інших випадках). Біля його правого коліна виявлено бойову сокиру, а біля правого стегна — залізний ніж із залишками дерев'яного руків'я у піхвах (рис. 5, *27*).

Курган № 5. В насипу знайдено уламок гончарного горщика давньоруських часів, в якому знаходилися фрагменти перепалених кісток тварин. На давній поверхні зафіксовано кострище завтовшки 10 см і розмірами 3,6×2,2 м, на якому знайдено кальциновані кістки людини і тварин (вірогідно, коня). Тут же — розвали давньоруського гончарного горщика й окремі фрагменти аналогічної кераміки. Крім того, було виявлено уламки крупної срібної орнаментованої зерню намистини (типу трилопатевої) і фрагмент бронзового предмета. Під час зачистки кострища під ним виявлено підсипку з піску.

Курган № 6 був одним із найбільших на могильнику — висота його становила 2,8 м, а діаметр дорівнював 14 м. На глибині 1,2 м від вершини зафіксовані сліди кострища площею приблизно 5 м² і товщиною 10–15 см, на якому знаходилися кальциновані кістки тварин та чоловіка зрілого віку. Під час розчищення кострища виявлені залізні кородовані пряжка прямокутної форми, фрагмент сокири, ніж, а також срібний круглий ґудзик, оплавлений бронзовий предмет, три розвали гончарних горщиків. Під низом знаходилася піщана підсипка завтовшки 5 см.

Курган № 9. На рівні давньої поверхні виявлено сліди поховальної ями прямокутної форми розмірами 2,6×0,8 м і глибиною 0,9 м. На дні її розчищено кістяк чоловіка і сліди домовини. Під час зачистки курганного насипу в його нижній частині виявлено фрагменти гончарного горщика із штампованим орнаментом — хрест у колі, що було характерним для вихідців з Європейської Півночі.

Курган № 10. Мав по центру заглибину діаметром близько 1 м — сліди грабіжницького розкопу. В центрі його виявлено могильну яму прямокутної форми із заокругленими кутами, розмірами 2,55×1,2 м. На дні її, на глибині 0,9 м від рівня поховального шару, виявлено залишки зотлілого перекриття — плах діаметром 15–20 см; сліди дерев'яної обкладки виявлено й на стінках ями — вірогідно, тут була зрубна гробниця. У ній знаходилися кістки людського остову, порушені в районі черепа грабіжниками. На правій руці кістяка виявлено срібний бронзовий браслет із загостреними кінцями — звичай, характерний для Скандинавії (рис. 5, *28*), біля правого коліна — залізну бойову сокиру, а біля лівого стегна — залізний ніж. Окрім того, на приступці 1×0,4 м, біля західної стінки, на глибині 0,2 м від рівня давньої поверхні зафіксоване скупчення вугликів і розвал давньоруського горщика.

Курган № 11. На рівні давньої поверхні виявлено сліди поховального кострища 1,6×2,6 м із залишками кремації на місці людини і тварин, біля яких виявлено залізну сокиру.

Курган № 12. На рівні давньої поверхні зафіксовано сліди могильної ями 2,2×0,9 м глибиною 0,9 м, на дні якої зафіксовані фрагменти поховання людини.

Аналіз отриманих матеріалів дозволяє інтерпретувати цей некрополь як дружинне кладовище, інтенсивне використання якого відбувалося від середини X ст. і до офіційного введення християнства на Русі наприкінці цього ж століття. Зафіксовано також цікаву закономірність: усі великі насипи (2–3 м заввишки) утримували тільки залишки кремації — особливості обряду літописних сіверян практично до останніх десятиліть X ст. Водночас прибульців, похованих за обрядом інгумації, ховали під невеликими насипами [Моця, 1986, с. 54–55].

Антонович В. Б. Императорский Российский исторический музей. Указатель к первым десяти залам / В. Б. Антонович. — М., 1883.

Арцыбашев Н. С. Повествование о России / Н. С. Арцыбашев. — Т. I. — М., 1838. — 69 с.

Багалей Д. И. История Северской земли до половины XIV ст. Историческая монография / Д. И. Багалей. — К., 1882. — 313 с.

Барсов Н. П. Материалы для историко-географического словаря России. Географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.) / Н. П. Барсов. — Вильно, 1865. — 220 с.

Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи / Н. П. Барсов. — Варшава, 1885. — 371 с.

Бліфельд Д. І. Звіт про роботу Деснянської археологічної експедиції 1949 р. / Д. І. Бліфельд // НА ІА НАН України, ф. експедицій, № 1949/7.

Бліфельд Д. І. Деснянська археологічна експедиція 1949 р. / Д. І. Бліфельд // АП УРСР. — К., 1995. — Т. 5. — С. 12–21.

Бондар О. М. Археологічні розвідки на території Чернігівського району / О. М. Бондар, О. В. Терещенко // Археологические исследования в Еврорегионе «Днепр» в 2011 году. — Чернигов, 2012. — С. 11–15.

Голубовский П. В. Где находились существовавшие в домонгольский период города: Воргол, Глебль, Зартый, Оргощь, Сновск, Уненеж, Хоробор? / П. В. Голубовский // Журнал Министерства народного просвещения. — 1903. — Вып. 5. — С. 111–135.

Голубовский П. В. Историческая карта Черниговской губ. до 1300 г. / П. В. Голубовский. — М., 1908. — 50 с.

Добровольский П. М. Село Рогоща Черниговского уезда / П. М. Добровольский. — Чернигов, 1904. — С. 3–13.

Добровольский П. М. Табаевские курганы (археологическая экскурсия) / П. М. Добровольский. — Чернигов, 1905. — С. 3–21.

Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. — М., 1962. — 938 с.

Карамзин Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. — СПб., 1816. — Т. II.

Казаков А. Л. Отчет о разведочных работах на посадах летописных городов в междуречье Белоуса и Снова в 1986 г. / А. Л. Казаков, В. П. Коваленко // НА ИА НАН Украины, ф. экспедиций, 1987, 75 с.

Коваленко В. П. Отчет об охранных работах в Чернигове в 1979 г. / В. П. Коваленко // НА ИА НАН Украины, ф. экспедиций, 1979/81.

Коваленко В. П. Отчет об исследованиях летописных городов на Черниговщине в 1981 г. / В. П. Коваленко // НА ИА НАН Украины, ф. экспедиций, 1981/31.

Коваленко В. П. Отчет о раскопках Чернигово-Северской экспедиции в 1985 г. / В. П. Коваленко, А. П. Моця, Э. М. Ильяшенко, П. М. Покас, В. В. Простантинова // НА ИА НАН Украины, ф. экспедиций, 1986, т. I, 77 с.; т. II, 175 с.

Коваленко В. П. Літописний Оргощ / В. П. Коваленко, О. П. Моця // Роль ранніх міських центрів в становленні Київської Русі. Матеріали польового історико-археологічного семінару. — Суми, 1993. — С. 16–18.

Колчин Б. А. Хронология Новгородских древностей / Б. А. Колчин // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. — М., 1982. — С. 156–177.

Константинович Н. А. О курганах Черниговского уезда / Н. А. Константинович // Труды III Археологического съезда в России. — К., 1878. — С. 181–184.

Макаренко Н. Е. Перечень предметов, найденных в Табаевских курганах / Н. Е. Макаренко // НА ИИМК РАН, ф. 1, 1915, № 94.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев // САИ Вып. Е1–36. — М., 1966. — 184 с.

Моця А. П. Табаевские курганы (по данным археологических исследований и музейных фондов) / А. П. Моця // Тезисы Черниговской областной научно-методической конференции, посвященной 90-летию Черниговского исторического музея. — Чернигов, 1986. — С. 54–55.

Погодин М. П. Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств, с 1054 по 1240 г. — II. Княжество Черниговское / М. П. Погодин // Журнал Министерства внутренних дел. — 1848. — № 9. — С. 429–471.

Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) / М. В. Седова. — М., 1981. — 196 с.

Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Черниговской епархии / Филарет (Гумилевский). — Чернигов, 1874. — Кн. 5. — С. 142–143.

Шафонский А. Ф. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России, из части коей оное наместничество состоит / А. Ф. Шафонский. — К., 1851.

В. П. Коваленко, О. П. Моця

Літописний Оргощ

Мале літописне місто Оргощ (площа городища становить близько 3,2 га та близько 35 га відкритого посаду), що ототожнюється з городищем у с. Рогощі на лівому березі невеличкого правого допливу Десни р. Білоус, у X ст. було одним із чисельних дружинних таборів, котрі блокували підходи до Чернігова з усіх боків. Оргощ контролював середню течію Білоусу, по якому можна було, використовуючи систему волоків, потрапити в Дніпро в районі Любеча, оминаючи Київ. Після погрому в першій половині XI ст. місто швидко втрачає своє значення, і під 1159 р. чернігівський князь Святослав Ольгович скаржиться, що у складі його вотчини, крім Чернігова, лише «7 городов пустых, в которых седят псари да половцы», називаючи серед них і Оргощ. Місто в 1239 р. було спалене монголо-татарами і відродилося вже як село.

V. P. Kovalenko, O. P. Motsya

Chronicle mentioned Orgoshch town

Small chronicle mentioned town Orgoshch (area of the site is near 3,2 hectares + about 35 hectares of opened trading quarter) is identified with the site of an ancient city in the village Rogoshchi on the left bank of the river Bilous right inflow of the Desna river. In the Xth century it was one the numerous war camps, which blocked access to Chernihiv from all sides. Orgoshch controlled the middle flow of the river Bilous which gave a possibility to reach Dnipro river near Lubech (using a system of trails) getting round Kyiv. The town lost its significance very quickly after the pogrom in the early XIth century and in 1156 Chernihiv prince Svyatoslav Ol'govytch complained that his patrimony consisted, except Chernihiv, of only «7 desolated towns, in which only hounds and polovtsi have left» and Orgoshch was named among them. In 1239 the town was burned by Mongol-Tatars and it relived only as a village.

В. Ю. Коваль

Ростиславль Рязанский — «малый город» средневековой Руси

В статье рассматривается проблема «малых городов», дефиниции которых не предложено до сих пор. Главной трудностью для решения этой проблемы является недостаток хорошо исследованных на значительной площади древних городов. В качестве одного из эталонных памятников такого рода характеризуется Ростиславль Рязанский (ныне городище в Московской области), исследованный автором в 1991–2013 гг.

Ключевые слова: средневековый русский город, «малые города», признаки города.

На проблему «малых городов» первым обратил внимание А. В. Куза, но и он подошел к ней не сразу. В ходе составления карты всех городищ средневековой Руси (в число которых вошли как летописные города, так и известные только по археологическим данным памятники) им была проведена первичная классификация укрепленных поселений. Результатом этого фундаментального труда стало выделение из состава 1395 городищ группы памятников, которые в различной степени соответствовали городам как в том смысле, который вкладывался в это понятие летописными источниками, так и по современным представлениям о сущности города в социально-политическом смысле [Куза, 1983; 1989; 1996]. Опираясь на исследования предшественников, А. В. Куза выделил основные археологические признаки древнерусского города и предложил его научное определение, которое, разумеется, было сформулировано в духе господствовавшей в те годы марксистской идеологии: *древнерусский город — постоянный населенный пункт, в котором с обширных территорий концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась значительная масса прибавочного продукта* [Куза, 1983, с. 13]. И хотя само это определение практически бесполезно в том случае, когда ставится задача определить, является ли то или иное поселение городом, оно стало фундаментом для разработки **признаков древнерусского города**, к числу которых А. В. Куза отнес *наличие развитой экономики (ремесла, сельского хозяйства, торговли), административного управления, военного дела, культовых сооружений, свидетельств грамотности и культуры, быта феодалов, усадебно-дворовую планировку и сложную плановую структуру города* [Куза, 1983, с. 24]. Предложенный перечень признаков в целом следовал наработкам Б. А. Рыбакова, который полагал «типичным» «сочетание в городе следующих элементов: крепости, дворов феодалов, ремесленного посада, торговли, административного управления, церквей» [Рыбаков, 1982, с. 433].

В соответствии с перечисленными признаками (скорее — принципами рассмотрения имевшихся археологических материалов) и было проведено исследование древнерусских городов. Всего на Руси, по подсчетам М. Н. Тихомирова, только для домонгольской эпохи летописи упоминают 271 город [Тихомиров, 1956, с. 32–43], к которым примыкают еще 1124 городища (1395–271=1124), не упомянутых в летописях, часть из которых могла быть остатками городов. Исследование А. В. Кузы и было направлено на выяснение того, какие из этих укрепленных населенных пунктов мож-

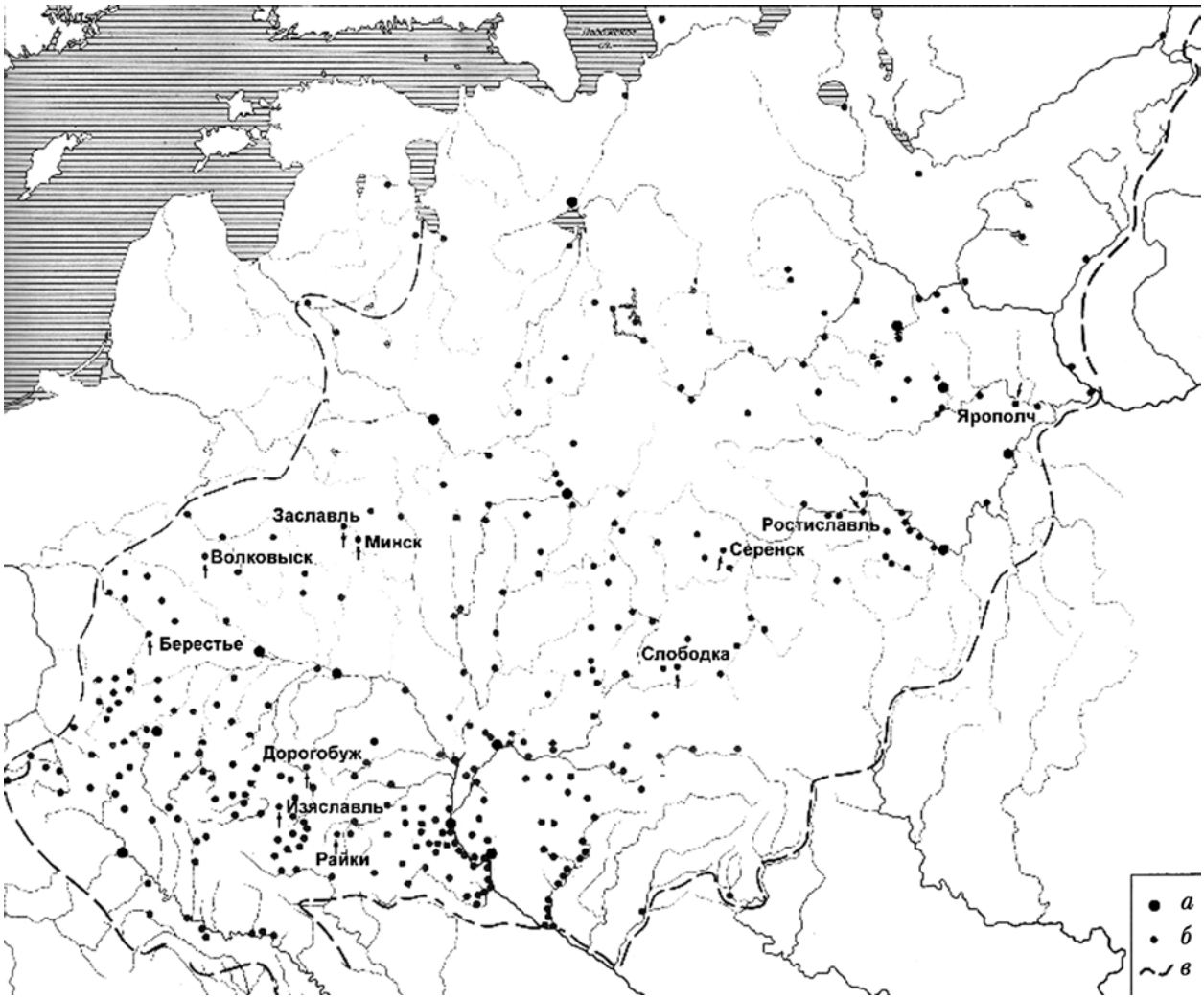


Рис. 1. Города средневековой Руси (по А. В. Кузе)
а — крупные города (столицы княжеств домонгольской эпохи);
б — прочие города; *в* — граница Руси в XII–XIII вв.

но было бы считать «городами» в социально-экономическом и политическом смысле. Сложность состояла в том, что некоторые из летописных «городов» по результатам их археологического обследования оказались небольшими крепостями, не имевшими постоянного населения, или феодальными замками, население которых ограничивалось дворней феодала. В то же время лишь небольшая часть из числа археологически зафиксированных городищ подвергалась археологическим раскопкам в масштабах, достаточных для того, чтобы можно было применить к ним перечисленные выше принципы определения городского характера этих поселений.

Несмотря на всю сложность поставленной задачи, она была успешно решена в ходе исследований А. В. Кузы. Однако, рассматривая вопрос о «малых городах», Андрей Васильевич имел в виду не их, а города вообще. За пределами его внимания остался вопрос о том, какие же именно города можно относить к числу «малых». Во всех работах уважаемого автора речь шла обо всей совокупности древнерусских городов, причем часто использовались данные, касающиеся Киева, Великого Новгорода и других крупнейших центров, которые никак нельзя причислить к «малым». Создается впечатление, что под «малыми» А. В. Куза понимал все города Руси, не являвшиеся столицами земель-княжений. К сожалению, исследование А. В. Кузы осталось незавершенным, может быть, поэтому в нем не было сформулировано четкое определение «малого города», не выделены его специ-

фические признаки и пояснены отличия «малого города» от крупного, от «крепости» или иного локального укрепления (например, той же укрепленной усадьбы феодала). Таким образом, проблема «малых городов» осталась все же не разрешенной.

Для решения обозначенной проблемы необходимо не только определиться с их дефиницией, но и подробно изучить хотя бы несколько таких городов. Обзоры городов, предпринятые А. В. Кузой, несомненно, дали необходимый «фон» научного исследования, однако в распоряжении ученого имелись только разрозненные сведения (письменные данные и археологические свидетельства), из которых выстраивалась лишь самая приблизительная картина, на основании которой никаких определенных выводов получить было невозможно.

Какие же памятники могут быть использованы для углубленного изучения «малых городов» сегодня? Прежде всего, те, на которых исследования проводились широкими площадями, а материалы были опубликованы. С этой точки зрения наиболее важны следующие памятники (рис. 1):

1) Райковецкое городище — раскопки Ф. Н. Мовчановского 1929–1935 гг., площадь детинца — 1,25 га, вскрытая площадь — 1,25 га (100%). Окружающая детинец территория изучена слабо, материал раскопок опубликован [Гончаров, 1950]. Окружающая детинец территория практически не изучена.

2) Городище у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой обл. (предполагаемый Изяславль) — раскопки М. К. Каргера 1957–1964 гг., общая площадь детинца и окольного города — 3,6 га; вскрытая площадь — 3,6 га (100%). Территория посадов не изучена, материал не опубликован.

3) Городище у с. Слободка Шаблыкинского района Орловской обл. — раскопки Т. Н. Никольской 1959–1966 гг., общая площадь детинца и окольного города — 2 га; вскрытая площадь — более 5 тыс. м² (25%). Материал опубликован [Никольская, 1987], территория посадов не изучена.

4) Волковыск — раскопки В. Р. Тарасенко, Я. Г. Зверуго и Г. И. Пеха 1948–1970 гг.; общая площадь детинца и окольного города — 1,5 га, вскрытая площадь — 2,7 тыс. м² (18%). Материал опубликован [Зверуго, 1975], посад исследован слабо.

5) Ярополч Залесский (городище у с. Пировы Городища Вязниковского района Владимирской обл.) — раскопки В. В. Седова и М. В. Седовой 1956–1970 гг., площадь детинца — 2,8 га, вскрытая площадь — 4,7 тыс. м² (17%). Материал опубликован [Седова, 1978]. Территория посадов изучена хорошо (на площади 2,3 тыс. м²), но материалы этих раскопок в публикацию не вошли.

6) Берестье (г. Брест, Беларусь) — раскопки П. Ф. Лысенко 1969–1980 гг., площадь детинца — около 1 га, вскрытая площадь — 1700 м² (17%). Материал опубликован [Лысенко, 1985], территория посада изучена слабо.

7) Заславль (Изяславль) — раскопки Г. В. Штыхова 1967–1971 гг. и Ю. А. Зайца 1977–1991 гг.; площадь детинца (городища «Замок») 1,5 га, вскрытая площадь — 1,8 тыс. м² (12%). Материал опубликован [Заяц, 1995]. Территория посада и других структурных частей города обследована хорошо (раскопками на площади 2,6 тыс. м²), но эти материалы почти не опубликованы.

8) Воинь — раскопки В. Й. Довженка и В. К. Гончарова 1956–1959 гг.; площадь детинца 4,6 га, вскрытая площадь 5 тыс. м² (10%), материалы опубликованы [Довженок, Гончаров, Юра, 1966]. Территория посада исследована на площади более 2,7 тыс. м², но сами материалы практически не опубликованы.

9) Минеск (современный Минск) — раскопки В. Р. Тарасенко и Э. М. Загорульского 1945–1961 гг.; площадь детинца 2,5 га; вскрытая площадь 1800 м² (7%). Материал раскопок детинца опубликован [Загорульский, 1982], территория посада изучена неполно.

10) Дорогобуж — раскопки Ю. Н. Никольченко и Б. А. Прищепы 1972–2003 гг.; площадь детинца и окольного города до 3 га, вскрытая площадь 1572 м² (5%). Посад исследован недостаточно (на площади всего 358 м²), материал опубликован [Прищепа, Нікольченко, 1996; Прищепа, 2011].

11) Серенск — раскопки Т. Н. Никольской 1965–1985 гг., Т. М. Хохловой 1986–1998 гг., площадь детинца и окольного города — 4 га, вскрытая площадь — 1500 м² (4%). Посад не исследовался, материалы опубликованы фрагментарно [Никольская, 1981].

Таким образом, на сегодняшний день подробно археологически исследованы только 11 «малых городов» Руси, однако изучены на них в основном детинцы, тогда как посады исследованы недостаточно. Важно заметить также, что далеко не для всех городов из представленного списка в полной мере применимо определение «малый город», поскольку на определенном этапе своего развития они занимали значительную площадь и становились центрами княжений (Минеск, Дорогобуж). На двух памятниках детинцы вскрыты практически полностью (Райки и предполагаемый Изяславль на Волыни), но первый из них опубликован слишком кратко, а второй не опубликован вовсе (отсутствует даже ряд отчетов о раскопках). Не опубликованы также материалы раскопок Серенска. Кроме того, вряд ли могут быть полноценно использованы материалы тех городов, где даже детинцы исследованы менее чем на 1/10 их площади. Такие памятники (Воинь, Минеск, Дорогобуж) должны привлекаться лишь для решения отдельных вопросов (например, при изучении древнерусской фортификации), но полноценным источником для изучения «малых городов» их раскопки стать не могут. Получается, что из 11 «малых городов» для дальнейшей работы в обозначенном направлении применимы материалы раскопок лишь 5 памятников — Слободки, Волковыска, Заславля, Ярополча, Берестья. В этих условиях каждый новый памятник такого рода представляет исключительно важное значение.

Именно в этом смысле представляет интерес Ростиславль Рязанский — «малый город» Рязанской земли, ныне городище на территории Московской области. Детинец Ростиславля (размерами 2,5 га) исследован на площади более 4000 м² (17%). Раскопки этого памятника проводились на протяжении 1991–2013 гг., причем исследованию подвергался не только детинец, но и посад, а материалы раскопок регулярно публиковались.

Прежде всего, необходимо рассмотреть Ростиславль с точки зрения его соответствия тем признакам, которые были приняты А. В. Кузой в качестве основных для причисления поселений к категории «городов».

1. Развитая экономика. На посаде Ростиславля исследованы остатки гончарной мастерской с горном и следы ювелирной мастерской с большим количеством обломков тиглей, обрезками и оплавками цветных металлов. На территории детинца также встречены отдельные тигли и их обломки, литейные формы, но выраженных следов мастерских пока не обнаружено. О сельскохозяйственной составляющей деятельности жителей Ростиславля свидетельствует большое количество карбонизированного зерна в заполнениях котлованов построек и различный инструментарий (косы, серпы). Торговый инвентарь представлен на Ростиславле обломками весов (чашечки и держателя), гирьками-разновесами и многочисленными монетами, среди которых преобладают серебряные дирхемы золотоордынской чеканки второй половины XIV в. и рязанские деньги XV в.

2. Свидетельства административного управления. До сих пор на территории городища не обнаружено печатей, а найденные пломбы (так называемого «дрогичинского» типа) относились, вероятно, к числу товарных.

3. Военное дело. Фортификация Ростиславля, при всей кажущейся простоте, была достаточно развитой и постоянно эволюционировавшей. Кроме дерево-земляной стены, перегораживавшей мыс и формировавшей площадку детинца, она включала стену из полых клетей на той стороне мыса, что была обращена к образующему его оврагу, а также дополнительные укрепления на оконечности мысовой площадки, где для этого был приспособлен вал городища дьяковской культуры.

4. Количество предметов вооружения и воинского снаряжения на Ростиславле характеризуется сериями находок. Наступательное оружие представлено наконечниками копья и стрел, доспех — обломками панцирных пластин и обрывками кольчуг.

Особенно много найдено ременных накладок, конских удил, стремян, шпор, входивших в состав воинского снаряжения, причем почти все находки такого рода относятся к золотоордынской эпохе (XIII — начало XV вв.).

5. Монументальное зодчество. На Ростиславле никогда не было каменных храмов или других каменно-кирпичных построек. В центре городища размещалась деревянная церковь, возведенная при основании города в 1153 г. Церковь была окружена небольшим, явно элитарным, кладбищем, вплотную примыкавшим к ее стенам.

6. Письменность. Памятники эпиграфики домонгольской эпохи представлены на Ростиславле обломком каменного креста с надписью и обломком горшка с кириллической надписью, выполненной по сырой глине, до обжига. Встречены также орудия письма (железные писала) и остатки книг (части книжных застежек). Особенно важна находка горшка с надписью, свидетельствующая о широком распространении грамотности.

7. Присутствие феодалов фиксируется на городище по находкам дорогой привозной посуды (золотоордынских полихромных и иранской люстровой чаши, стеклянного сирийского кубка), а также высокохудожественных предметов прикладного искусства (наперсных крестов, в том числе рогового, и бронзовых энколпионов). Вместе с тем, здесь не найдено никаких предметов княжеско-боярского парадного убора, предметов из драгоценных металлов.

8. Внутренняя топография города характеризуется усадебно-дворовой застройкой и существенной дифференциацией жилых построек по местоположению, размерам и устройству. Наиболее крупные и богатые постройки имели обширные глубокие погреба под жилыми объемами и располагались они в полосе вдоль берегового склона площадки, а также вдоль главной улицы, пересекавшей центр города.

9. Ростиславль относится к городищам мысового типа, окруженным посадами, однако его планировочная схема усложнена наличием мысового узла фортификации в детинце и включением в число посадов прибрежной части (подола).

Таким образом, Ростиславль соответствует подавляющему большинству признаков города, выделенных А. В. Кузой, однако один признак из этого списка отсутствует. Речь идет о свидетельствах административного управления — пломбах и печатях с актовых документов. Обращает на себя внимание также отсутствие предметов княжеско-боярского убора. К этому можно добавить полное отсутствие вещевых кладов, известных не только в столичных центрах, но и во многих «малых городах». По этому признаку Ростиславль более всего сближается с Ярополчем Залесским, где также не было обнаружено ни кладов, ни предметов богатого убора, ни каменных храмов, а печать была найдена только одна.

Достаточно полное соответствие Ростиславля признакам древнерусского города позволяет добавить его шестым номером к выделенному выше списку «эталонных» «малых городов» Руси. По крайней мере, по уровню исследованности детинца он не уступает пяти остальным подобным пунктам (рис. 2). Однако использование даже этого крайне небольшого числа памятников для выяснения отличий «малых городов» от укреплений негородского характера и крупных столичных центров сталкивается с целым рядом различных методических проблем, связанных с трудностями адекватного сравнения этих памятников, прежде всего, из-за их поливариантности, разнородности по целому ряду признаков.

По мнению А. В. Кузы, для периода XII–XIII вв. полным набором признаков города обладали только те городища, площадь укрепленной территории которых превышала 2,5 га — таких пунктов насчитывалось 83. Вместе с тем, среди одних только летописных городов имеется еще 174 памятника, площадь укрепленной площадки которых колеблется от 0,2 до 2,5 га, причем в их число входили не только городища-убежища и феодальные замки (правда, значительная часть этих городов относится к периоду X–XI вв.). Половина летописных городов имела укрепленную площадь меньше 2,5 га. Достаточно привести пример Суздаля, детинец которого

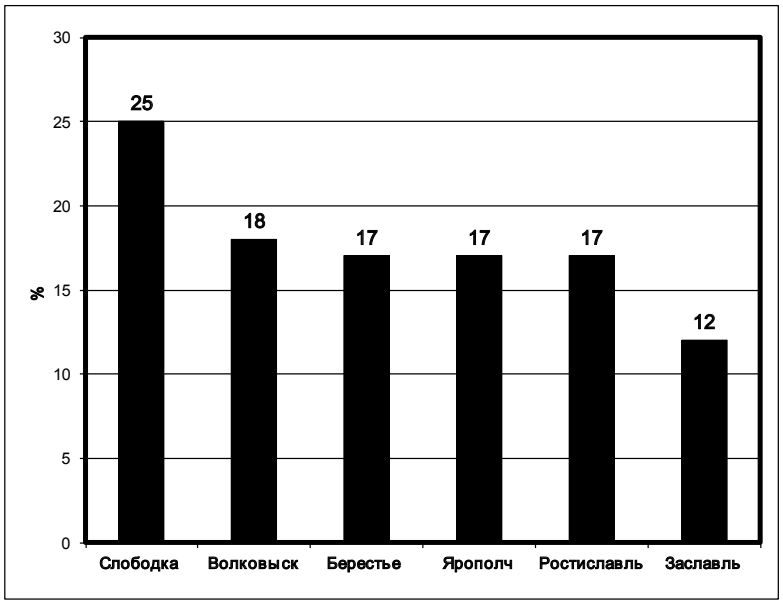


Рис. 2. Степень изученности детинцев в 6 наиболее полно исследованных «малых городах» Руси

на начальном этапе истории города имел площадь 1,5 га. Площадь менее 2,5 га имели детинцы таких известных городов как Мстиславль (1,5 га), Ростиславль смоленский (1,3 га), Волковыск (1,5 га), Василев (1,3 га), Юрьев на Роси (2 га), Логойск (1,5 га), Берестье (около 1 га) и многие другие [Куза, 1989, с. 57]. Таким образом, площадной признак не является единственным и даже, пожалуй, самым главным, если учитывать только площади детинцев и не принимать во внимание общую площадь города, со всеми его посадами. Но именно посады средневековых русских городов исследованы в наименьшей степени, что создает существенные проблемы при их взаимосопоставлении.

Не менее важным представляется установить отличия «малых городов» от крупных сельских поселений, среди которых имеются такие, площадь которых близка или даже превышает территорию многих «малых городов». Подобные сравнения никогда не проводились, но уже сейчас очевидно, что по многим критериям, выделенным А. В. Кузой, крупные сельские поселения сближаются с городами. Главным их отличием остается отсутствие сложных и мощных фортификационных сооружений, однако даже этот вопрос недостаточно изучен (известны очень крупные города без фортификации — Белоозеро, Усть-Шексна, Старая Русса, размещавшиеся, правда, только на Севере Руси). Между тем, количество сельских поселений, исследованных на широких площадях (часто превышающих те площади, которые вскрывались на городских памятниках), сейчас уже достаточно велико и не уступает числу детально обследованных «малых городов».

Не меньшие проблемы создают различия в общей планировке «малых городов». Семь из 11 перечисленных выше городов имели кольцевой или овальный в плане замкнутый периметр стены, 4 других относились к городищам мысового типа, но среди них одно не сохранило укреплений (Берестье), а у остальных (Серенск, Волковыск, Дорогобуж) не исследована не только система фортификации, но остается неясной и внутренняя планировка. Получается, что сравнивать фортификацию и планировку Ростиславля с другими «малыми городами» пока практически невозможно. Не помогает и обращение к более широкому кругу аналогий. Владимир-на-Клязьме, например, имевший близкую по форме треугольную площадку, не подходит для сравнения, поскольку являлся крупным городом, изначально обладавшим существенно более мощной фортификацией и обширной территорией, структурирование которой не может быть сравниваемо с тесной площадкой Ростиславля. Новейшие исследования древней Москвы показали, что на начальном этапе своего существования она отнюдь не являлась городищем мысового типа, как это представлялось ранее, — ее детинец имел, видимо, кольцевую планировку [Панова, 2011]. Наиболее близким по планировке и топографии к Ростиславлю выглядит поокский город Любутск, но он исследован в существенно меньшей степени и пока не может использоваться для сравнения.

Если говорить об отличиях «малых городов» от крупных, то они также прослеживаются по целому ряду признаков. Площадь детинца Ростиславля составляет 2,5 га, однако раскопки показали, что даже эта территория не была полностью застроена в домонгольскую эпоху: полноценно застроенной эта площадка стала только в XIV в. Ростиславль не имел окольного города, обладал относительно небольшими посадами (которые лишь в 2–3 раза превышали площадь детинца). Обращает на себя внимание также небольшое количество специализированных мастерских (зафиксированы остатки только двух — гончарной и бронзолитейной) и заметное преобладании среди населения города в золотоордынский период военно-служилого сословия, что видно по большому количеству воинского снаряжения, сохранившегося в культурном слое. Нельзя обойти вниманием также следы присутствия в детинце ордынцев, что видно по многочисленным (около десятка) обломков бронзовых зеркал, свидетельствующих о проживании здесь женщин-степнячек. Очевидно, что эти женщины могли попасть в русский город только как жены ордынцев, а, значит, общее количество нерусского населения здесь было весьма заметным.

В то же время, отличие Ростиславля от столичных или просто крупных городских центров средневековой Руси на всех этапах его существования носило прежде всего «количественный» характер (размеры, площадь, численность населения и уровень его богатства). Большинство качественных характеристик этого города соответствовали «общегородским».

Итак, «малые города» имеют существенные отличия как от крупных (столичных) центров средневековой Руси, так и от сельских неукрепленных поселений, но сами эти отличия еще недостаточно подробно исследованы и четко не сформулированы. При этом в составе «малых городов» могут и должны быть выделены разные группы и типы по размерам, фортификации, исполнявшимся функциям, планировке. Границы между этими группами наверняка будут «размытыми», но это не является причиной для их игнорирования. В этом смысле значение Ростиславля Рязанского многократно возрастает, поскольку на современном этапе развития археологической науки, при отсутствии большого числа хорошо исследованных поселений, группировка «малых городов» возможна только на базе использования «эталонных» памятников. Ростиславль же остается сегодня **единственным** «малым городом» мысового типа, изученным с высокой степенью полноты, поэтому его характеристика имеет важное значение для дальнейших штудий в этой области научных знаний.

Гончаров В. К. Райковецкое городище / В. К. Гончаров. — К., 1950. — 219 с.

Довженок В. Й. Древньоруське місто Воїнь / В. Й. Довженок, В. К. Гончаров, Р. О. Юра. — К., 1966. — 146 с.

Загорульский Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. — Минск, 1982. — 355 с.

Заяц Ю. А. Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. — Минск, 1995. — 205 с.

Зверуго Я. Г. Древний Волковыск / Я. Г. Зверуго. — Минск, 1975. — 142 с.

Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. / А. В. Куза // Русский город (исследования и материалы). — Вып. 6. — М., 1983. — С. 4–36.

Куза А. В. Малые города Древней Руси / А. В. Куза. — М., 1989. — 169 с.

Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. (свод археологических памятников) / А. В. Куза. — М., 1996. — 256 с.

Лысенко П. Ф. Берестье / П. Ф. Лысенко. — Минск, 1985. — 396 с.

Никольская Т. Н. Земля вятичей / Т. Н. Никольская. — М., 1981. — 294 с.

Никольская Т. Н. Городище Слободка XII–XIII вв. / Т. Н. Никольская. — М., 1987. — 184 с.

Прищепа Б. А. Дорогобуж на Горині у X–XIII ст. / Б. А. Прищепа. — Рівне, 2011. — 250 с.

Прищепа Б. А. Літописний Дорогобуж в період Київської Русі / Б. А. Прищепа, Ю. М. Нікольченко. — Рівне, 1996. — 245 с.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. — М., 1982. — 589 с.

Седова М. В. Ярополч-Залесский / М. В. Седова. — М., 1978. — 157 с.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города / М. Н. Тихомиров. — М., 1956. — 475 с.

В. Ю. Коваль

Ростиславль Рязанский — «малый город» средневековой Руси

В статье рассматривается проблема «малых городов» Руси, для которых пока не предложено никакого научного определения, не установлены их отличительные признаки. Главной трудностью для решения этой проблемы является недостаток хорошо исследованных на значительной площади древних городов. Удалось получить список лишь 5 городов, удовлетворяющих этим требованиям. В качестве шестого эталонного памятника такого рода может выступать Ростиславль Рязанский (ныне городище в Московской области), исследованный автором в 1991–2013 гг. Детинец этого городища исследован на 17%, изучены посады, фортификация, материальная культура.

V. Yu. Koval

Rostislavl Ryazansky — «the small city» of medieval Rus'

The problem of «the small cities» Russia is the main purpose of the article. Any scientific definition of «the small cities» or, distinctive signs aren't established. The main difficulty for the solution of this problem is the lack of well investigated ancient cities. The list of only 5 cities that matches these requirements exist. The hillfort of Rostislavl Ryazansky (nowadays in the Moscow region) is the sixth such monument, investigated by the author in 1991–2013. The central fortificated part («Detinets» in Russian) of this ancient town is investigated for 17% of its square, outskirts, fortification and material culture of this town are researched too.

В. В. Мурашева, А. А. Фетисов

Портовая зона Гнездово

Статья посвящена исследованиям прибрежной части гнездовского селища. Здесь была открыта вторая в Гнездово портовая зона, и большинство объектов интерпретируется как сооружения, связанные с обслуживанием речного пути.

Ключевые слова: Гнездово, пристань, портовая зона.

Вся система торгово-ремесленных поселений Древней Руси была привязана к речным путям, и их базовой функцией было осуществление речной торговли и коммуникаций. Первые попытки на археологическом материале охарактеризовать эти памятники именно как пункты на *речных путях*, т. е. попытки выявления в структуре этих центров портовых зон и определение их деятельности по приему и обслуживанию речных судов, начались относительно недавно[1]. Так, К. А. Михайлов, рассматривая топографию торгово-ремесленных поселений IX–X вв., прослеживает прямую связь ранней застройки этих центров с функциями их как речных торговых портов. Насколько нам известно, такая закономерность прослежена автором впервые в отечественной историографии [Михайлов, 2012, с. 5–20].

Однако попытки определить расположение пристани или портовой зоны для конкретных памятников в ряде случаев являются только гипотезами. Практически на всех раннегородских и дружинных центрах на торговых путях наличие портовых зон можно лишь предполагать, но не констатировать, поскольку они вовсе не найдены и не исследованы. Археологически достоверные портовые зоны открыты лишь на двух древнерусских памятниках — в Гнездово [Мурашева, Панин, Фетисов, 2009] и Шестовице [Скороход, 2008].

Первый участок, который может быть связан с «портовым хозяйством» Гнездова, расположен на берегу небольшого озера Бездонка, лежащего на территории высокой поймы Днепра у подножия Центрального городища. Водоем соединяется протокой со Свинцом, притоком Днепра. Естественным было предположение, что озеро могло использоваться в качестве внутренней гавани древнего Гнездова. Раскопки 2005–2006 гг., материалы которых частично опубликованы [Мурашева, 2007, с. 106–114], выявили систему деревянных настилов, которые могут быть интерпретированы как «тверди» для подхода к воде, как примитивная пристань. Среди находок на этом участке — деревянная уключина, орнаментированная в скандинавском стиле. Однако масштабы памятника обусловили необходимость исследовать и саму береговую линию Днепра с целью выявить систему освоения прибрежной зоны реки.

Перспективный для исследования участок был определен в ходе разведочного бурения (напластования гнездовского времени перекрыты речными отложениями

1. В западноевропейской науке «портовая археология» уже более четверти века существует как отдельное направление исследований. См.: Waterfront archaeology in Britain and northern Europe. — London. 1981; Ellmers D. Frühmittelalterliche Handelsschiffahrt in Mittel- und Nordeuropa / D. Ellmers. — Neumünster, 1972.

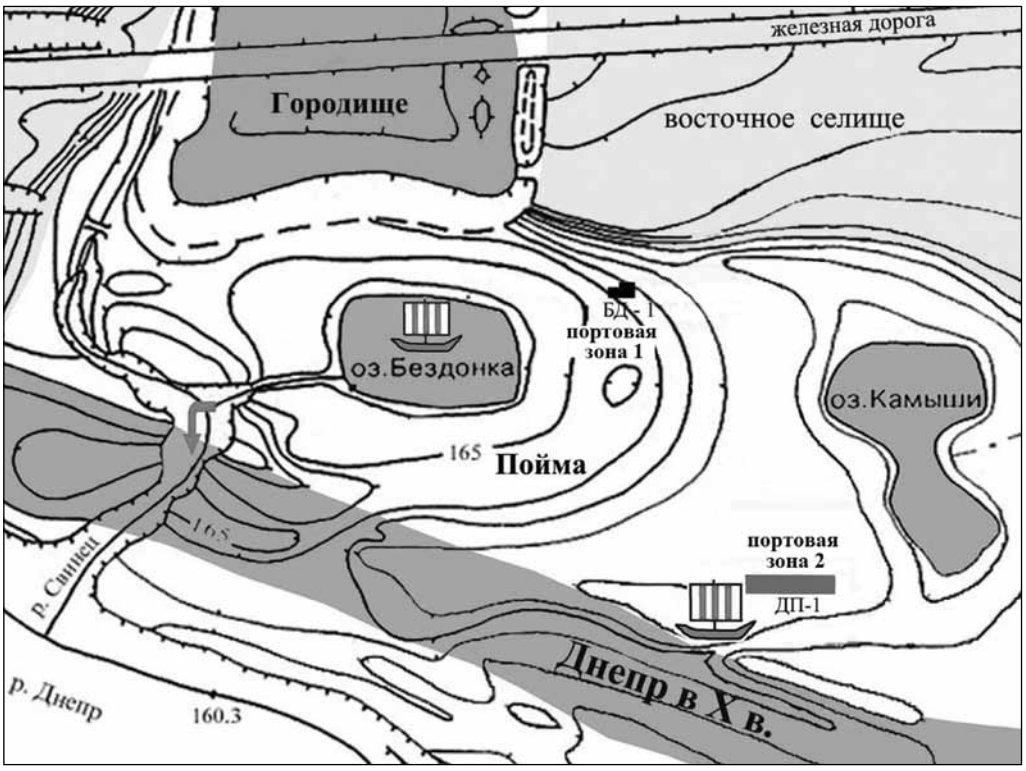


Рис. 1. Гнездово. Портовые зоны

мощностью до 2,5 м). Был выявлен «островок» культурного слоя за пределами ранее определенной южной границы поселения. Он расположен в районе современного берегового вала Днепра близ древнего русла реки, местоположение которого было определено в ходе комплексного исследования пойменной части памятника [Александровский, Кренке, Нефедов, 2006, с. 112–123; Мурашева, Панин, Фетисов, 2009, с. 135–140]. Полевые исследования 2007–2013 гг. позволили предложить реконструкцию системы использования прибрежной зоны Днепра в эпоху существования древнего Гнездова.

Общая площадь исследованного участка (раскоп ДП-1) составила 257,6 м². На всей исследованной площади культурные напластования делятся на две свиты слоев: поздние слои отделены от ранних прослойкой аллювия мощностью до 20 см, что в условиях слабой поемности в гнездовское время [Бронникова, Зазовская, 2000, с. 199–201] может свидетельствовать о довольно длительном периоде, в течение которого участок не использовался, территория находилась в запустении. В ходе исследований постепенно сложились представления о стратиграфии участка: было выделено 6 строительных горизонтов (СГ). К раннему этапу относятся горизонты 4–6, к позднему — горизонты 1–3. Система организации пространства и объекты, выявленные в ходе исследований, существенно отличаются от сооружений центральной (жилой и производственной) зоны пойменного сектора поселения Гнездова — их специфика, очевидно, связана с особым характером прибрежной деятельности жителей.

***

Судя по составу керамического материала, начало портовой деятельности на прибрежном участке относится ко второй четверти X в. В составе строительного горизонта 6 лепная керамика составляет от 60 до 80%, в СГ 5 — от 76 до 46%, в СГ 4 — от 65 до 42%. Во всех строительных горизонтах раннего этапа найдено до-

статочно большое количество ладейных заклепок, которые можно рассматривать, как своеобразный индикатор «портовой активности» (см. табл. 1).

Строительный горизонт 6 представлен лишь отдельными ямами, стратиграфически лежащими под СГ 5. Возможно, этот самый ранний этап освоения береговой зоны хронологически отделен от СГ 5 лишь одним паводковым сезоном.

К начальным этапам освоения прибрежного участка относится чрезвычайно интересный объект — дощатый настил пристани. Он был открыт на берегу древнего русла Днепра в 20 м от зоны обрушения слоев (зафиксирована во время полевых исследований 2010 г. [Мурашева, Стефутин, 2011, с. 49–50], маркирующих местоположение древнего русла Днепра (по состоянию на X в.). Доски были уложены вплотную друг к другу в направлении север–юг (с небольшим отклонением к северо-западу), т. е. перпендикулярно линии русла. Ширина досок достигала 24 см, длина — более метра. В слое, связанном с этим настилом, найдены 9 фрагментов ладейных заклепок и фрагмент железного ключа. В непосредственной близости от восточного края настила зафиксирована система столбовых ям (диаметром от 8 до 20–30 см), возможно, относящаяся к какой-то легкой наземной постройке.

В слое настила найдена только лепная (80%) и грубая раннегончарная (20%) керамика, что позволяет датировать его второй четвертью X в. и стратиграфически соотнести со строительными горизонтами 4 и 5.

Полная аналогия такой причальной конструкции была предложена в 1980 г. В. А. ван Эсом и В. Х. Ферверсом по материалам раскопок гавани Дорестада. Согласно их реконструкции, в Дорестаде на берегу были уложены доски настила, ориентированные перпендикулярно береговой линии и установленные таким образом, что между краем настила и урезом воды оставалось пространство земляного берега. Непосредственно на берег к краю настила вытягивались лодки и небольшие корабли для ремонта, стоянки и обслуживания [Kalmring, 2012, s. 27].

Следующая зона концентрации хозяйственных объектов в ранних слоях портовой зоны находится примерно в 20 м к западу от зоны настила/пристани.

Строительный горизонт 5. В юго-западной части исследованного участка фиксируется легкая наземная сезонная постройка, огражденная частоколом. От конструкций сгоревшей постройки сохранилось лишь обширное пятно угля и прокала площадью 3,6×4,2 м (западная и южная части постройки уходят за пределы раскопа). Судя по большому количеству прокала и кускам обожженной обмазки, постройка имела турлучную конструкцию — ее легкие, возможно, плетеные стенки, были обмазаны глиной. К западу от постройки зафиксирован небольшой каменный очажок, сооруженный в неглубокой яме диаметром около 30 см. Еще один подобный каменный очажок, углубленный в яму, располагался в пределах постройки. Состав находок достаточно невыразителен (бусы-лимонки, бисер, нож, ледоходный шип) и не позволяет судить о назначении этой постройки. К северу от постройки расположена длинная узкая канава, проходящая с востока на запад и расширяющаяся в западной части. Нижние ее слои сформировались еще на этапе СГ 6, однако судя по насыщенности слоев, основной этап ее хозяйственного использования относится к СГ 5. Назначение канавы неизвестно (возможно, дренаж?).

Строительный горизонт 4. В юго-западной части исследованного участка в составе СГ 4, там, где на предыдущем этапе (СГ 5) располагалась легкая турлучная постройка, зафиксирован развал открытого большого каменного очага размером 2×2 м. С запада к очагу примыкала легкая наземная прямоугольная в плане постройка, которая с запада была отгорожена частоколом. Размеры постройки — около 1,5×1,5 м; никаких ее конструктивных особенностей проследить не удалось — само сооружение зафиксировано по угольному пятну прямоугольной формы. В пределах постройки находился небольшой каменный очажок, расположенный в неглубокой яме диаметром 40 см. Среди находок в составе большого очага и постройки — фрагменты ладейных заклепок и оселков.

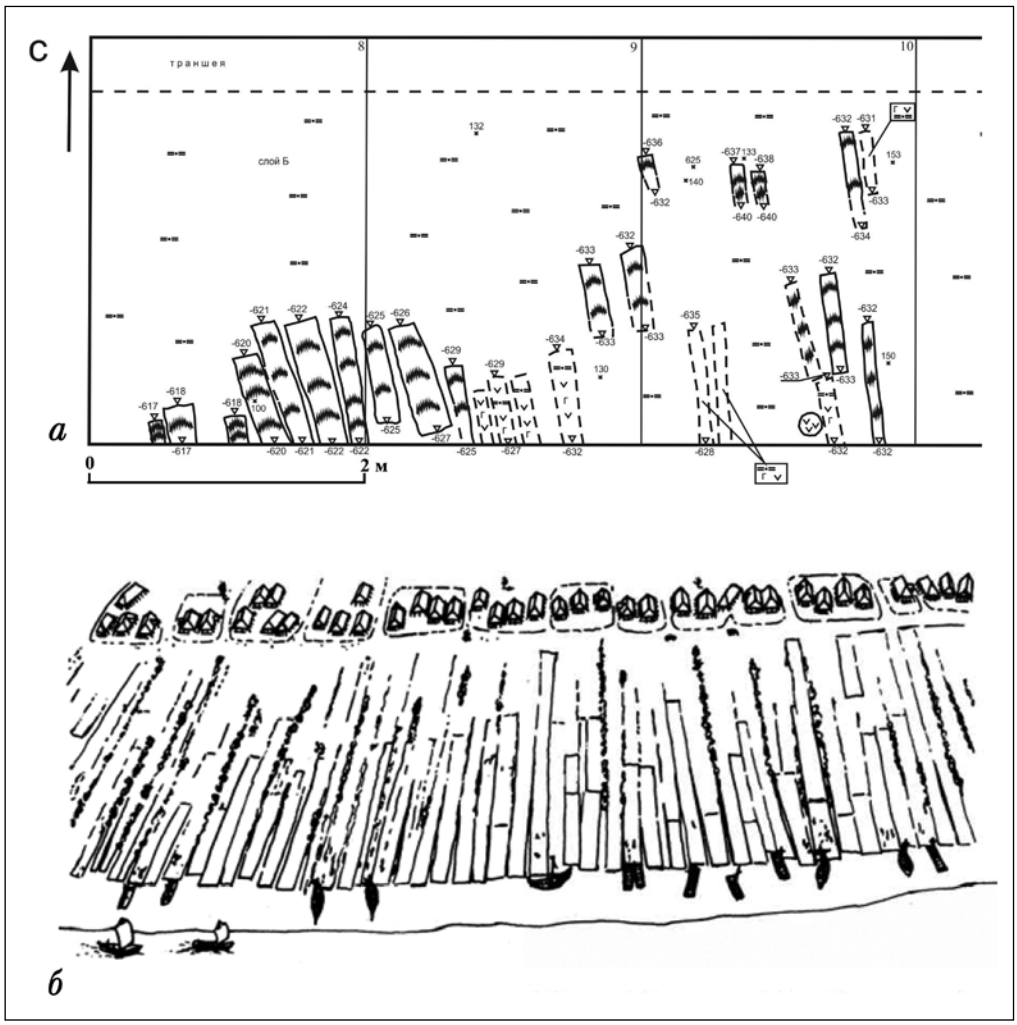


Рис. 2. а — доски настила пристани. Гнездово. Вторая четверть X в.
б — пристань Дорестада (по: Kalmring S. Dorestad Hoogstraat. Ein Diskurs gegen das Verschwinden des Hafens des «vicus famosus» / S. Kalmring // 29. Tværfaglige Vikingesymposium Schleswig. — Højbjerg, 2012)

К северу от очага продолжала функционировать длинная узкая глубокая канава, подновлявшаяся на протяжении нескольких этапов жизни на этом участке. На этапе СГ 4 через канаву были проложены дощатые мостки — выявлены их сгоревшие останки по обеим сторонам канавы.

Характеризуя ранний этап прибрежной портовой зоны (около второй четверти X в.), можно отметить несколько моментов: уже с самого начала освоения прибрежной зоны здесь была сооружена примитивная пристань, имеющая аналогии на североевропейских памятниках. «Портовая деятельность» здесь была сезонной, и осуществлялась только в период навигации. Об этом свидетельствуют паводковые затеки в составе заполнения многих объектов. В связи с сезонностью здесь фиксируются лишь временные легкие постройки. В качестве вспомогательных отопительных средств на ранних этапах использовались небольшие открытые каменные очаги, углубленные в ямы диаметром до 40 см. Судя по соотношению в слоях находок ладейных заклепок и их фрагментов, до середины X в. интенсивность «портовой жизни» здесь была не настолько активной, как во второй половине X в., когда количество таких находок возрастает почти вдвое.

На следующем этапе (строительные горизонты 1–3), после периода запустения, характер сооружаемых на прибрежном участке сооружений меняется. Одним из

первых сооружений позднего этапа является столбовая конструкция. Размеры сооружения (в пределах исследованного участка) 3,2×6,6 м. Конструкция имеет подпрямоугольную форму и вытянута в направлении север–юг, перпендикулярно урезу воды. Выделяются четыре линии столбов, расстояние между южными линиями столбов около 2,5 м, северная линия столбов отстоит на 1,6 м. Наиболее внятно читаются две южные линии мощных столбов, четко ориентированных по линии запад–восток. Диаметр столбовых ям от 25 до 40 см, расстояние между ними от 10 до 60 см, некоторые из ям примыкают друг к другу. Глубина ям от уровня современной им дневной поверхности колеблется от 20 до 67 см. Несколько отдельных столбовых ям зафиксировано между двумя средними линиями столбов. Отсутствие следов отопительного устройства, слишком мощная система опор, разделяющая внутреннее пространство конструкции, позволяют охарактеризовать этот объект как остатки «пирса», который мог использоваться для швартовки судов во время весеннего половодья, — в то время, когда, по свидетельству Константина Багрянородного, и осуществлялись основные передвижения по пути «из варяг в греки» [Константин Багрянородный, 1982, с. 272]. Пирсы, построенные перпендикулярно береговой линии, — обычная конструкция для раннесредневековых портовых городов Северной и Западной Европы [Kalmring, 2010, s. 91; Pilø, 2007, p. 137]. В период между половодьями «пирс» мог использоваться для подвоза грузов к береговой линии. Такого рода сооружения известны, например, в Дорестаде, где для подъезда от торговых складов к пристани сооружались земляные дамбы, укрепленные рядами столбов и фашин (связок прутьев), которые протянулись на 200 м от поселения к реке [Ellmers, 1985, s. 5–19].

Можно предположить, что «пирс» являлся дерево-земляным сооружением — слой, связанный с конструкцией (СГ 3), представляет собой аморфную однородную гумусированную супесь с включением отдельных угольков, в составе которого — достаточно большое количество бессистемно лежащих находок и битой посуды. Вероятно, это переотложенный культурный слой, который использовался для засыпки деревянного каркаса, а после гибели сооружения он был размыт весенними разливами. Сооружение, очевидно, погибло в пожаре, т. к. в заполнении всех столбовых ям отчетливо читаются фрагменты прокаленной супеси.

По исследованиям Д. Эллмерса известно несколько типов причальных конструкций раннего средневековья. Помимо наиболее привычных деревянных пристаней, уходящих от берега в воду, опорные столбы которых устанавливаются уже в реке/заливе за линией уреза воды (Хедебю [Kalmring, 2010, s. 85–104], Волин [Filipowiak, 2012], Шестовица [Скороход, 2008, с. 190–193]), известны так называемые «примитивные пристани» иных видов. Основные сооружения таких пристаней — дерево-земляные или каменно-земляные конструкции, ориентированные перпендикулярно береговой линии. По таким удлиненным насыпям, доходящим в воде до места стоянки кораблей на мелководье, осуществлялся подъезд, погрузка и разгрузка товаров (Уппсала, Гластонберри) [Ellmers, 1985, s. 5–19]. Аналогичную картину мы видим и в Гнездово.

К третьему строительному горизонту относится еще один объект, связанный с «портовым хозяйством» Гнездова, — смолокуренная яма, расположенная к востоку от «пирса». Диаметр ямы в верхней части — 1,4 м; глубина — 1,4 м. В придонной части зафиксировано дополнительное углубление для установки сосуда, в который должна была стекать смола. Заполнение смолокуренной ямы составлял уголь, анализ которого показал, что он принадлежит древесине хвойных пород (скорее всего, сосны). После того как смолокурня отработала, оставшуюся яму использовали, вероятно, как помойную. В верхних слоях заполнения найдено 18 ладейных заклепок и их фрагментов — можно предположить, что сюда выбрасывали непригодные после ремонта корабельные доски обшивки бортов. Что примечательно, аналогичная смолокурня была исследована и в рамках другой портовой зоны на берегу оз. Бездонка под Гнездовским городищем [Фетисов, Мурашева, 2008, с. 213–220].

На следующем этапе организации прибрежного пространства (строительные горизонты 1–2), точно на месте сгоревшего «пирса», жители Гнездова начинают возводить насыпной «вал» — своего рода дамбу, на южной оконечности которой поэтапно сооружаются производственные очаги, связанные с кузнечным делом. В процессе полевых исследований выявлены два сменявших друг друга очага. Более ранний очаг (СГ 2) был разрушен, и пережженные камни и железные шлаки сброшены в ямы, окаймляющие «вал». Сверху был подсыпан еще один слой супеси. Очаг финального горизонта сохранился прекрасно — это большая каменная конструкция площадью около 4 м². В районе очага найдены многочисленные железные шлаки, в том числе округлые выпукло-вогнутые. Такая форма типична для шлаков, образующихся на дне очага при кузнечных работах [Bayley, Dungworth, Paynter, 2001, p. 15, fig. 21]. Еще одним индикатором мастерской являются кузнечные клещи, лежавшие около очага [Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012, с. 253]. Расположение кузнечной мастерской на вершине насыпного вала (дамбы) в прибрежной зоне позволяет предположить ее связь с судостроительной и судоремонтной деятельностью.

К финальному этапу относится и целая серия ям, часть из которых — хозяйственные, а часть, возможно, являлась углубленными частями прибрежных складских построек. Подтверждением этому является развал византийской амфоры, найденный в заполнении одной из построек. Разумеется, углубленные постройки прибрежной части могли использоваться только в летне-осеннюю межень, когда участок не подвергался подтоплению.

Итак, в рамках структуры «портового хозяйства» древнего Гнездова выделяются две зоны. Одна из них — более ранняя (нижние слои напластований не содержат круговой керамики) — находится на берегу внутреннего озера Бездонка, расположенного в отдалении от основной водной артерии.

Прибрежная портовая зона начинает функционировать позже — в самых ранних напластованиях, наряду с лепной керамикой, зафиксировано небольшое количество раннегончарной. Вероятно, оз. Бездонка уже не могло удовлетворить потребностей обслуживания Гнездова как речного порта, и центр «портовой активности» перемещается на берег Днепра, где выявлена сложная микротопография прибрежной зоны. Исследования позволили проследить динамику изменения характера использования берегового пространства и реконструировать различные сооружения, связанные с многообразными нуждами обслуживания речного пути.

Табл. 1.
Распределение ладейных заклепок и их фрагментов в строительных горизонтах

Строительный горизонт	**1**	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	Всего
Кол-во заклепок	9	16	37	14	20	3	99
	62			37			

Александровский А. Л. Палеорельеф высокой поймы Днепра на территории Гнездовского археологического комплекса / А. Л. Александровский, Н. А. Кренке, В. С. Нефедов // Российская археология. — 2006. — № 1. — С. 112–123.

Зазовская Э. П. Палеоландшафты Гнездова: реконструкции, перспективы исследования / Э. П. Зазовская, М. А. Бронникова // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. — Труды ГИМ. — Вып. 124. — М., 2001. — С. 197–201.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Константин Багрянородный // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. — М., 1982. — С. 267–320.

Михайлов К. А. Сравнительная топография первых древнерусских городов IX–X вв. (к юбилею одной статьи) / К. А. Михайлов // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: сборник материалов Международной научной конференции. Вологда—Кириллов — Белозерск, 6–8 июня 2012 г. — Вологда, 2012. — С. 5–21.

Мурашева В. В. Междисциплинарные исследования в археологии (по результатам исследования Гнездовского археологического комплекса) / В. В. Мурашева, А. В. Панин, А. А. Фетисов // Средние века. — Вып. 70 (3). — М., 2009. — С. 132–148.

Мурашева В. В. К вопросу об исторической топографии Гнездова: исследование береговой линии Днепра / В. В. Мурашева, С. А. Стефутин // Археология древнерусского города XI–XV вв. Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза. Тезисы докладов международной научной конференции, Рязань, 6–9 апреля 2011 г. — М., 2011. — С. 49–50.

Пушкина Т. А. Гнездовский археологический комплекс / Т. А. Пушкина, В. В. Мурашева, Н. В. Ениосова // Русь в IX–X вв. Археологическая панорама. — М.–Вологда, 2012. — С. 242–273.

Скороход В. Дослідження причалу X–XI ст. на Шестовицькому подолі / В. Скороход // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: Матеріали VII Міжнародної студентської наукової археологічної конференції. — Чернігів, 2008. — С. 190–193.

Фетисов А. А. Смолокуренное производство Гнездова / А. А. Фетисов, В. В. Мурашева // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. — Коростень, 2008. — С. 213–220.

Bayley J. Archaeometallurgy / J. Bayley, D. Dungworth, S. Paynter // English Heritage. — 2001. — 36 p.

Ellmers D. Von der Schiffslände zum Hafenbecken / D. Ellmers // Jahrbuch der Hafenbautechnischen Gesellschaft. Volume 40. 1983–1984. — Hamburg, 1985. — S. 5–19.

Filipowiak W. Wolin Vineta — die tatsächliche Legende vom Untergang und Aufstieg der Stadt / W. Filipowiak. — Rostock, 1992. — 137 s.

Kalmring S. Der Hafen von Haithabu / S. Kalmring // Ausgrabungen in Haithabu. Volume 14. — Neumünster, 2010. — 1216 s.

Kalmring S. Dorestad Hoogstraat. Ein Diskurs gegen das Verschwinden des Hafens des «vicus famosus» / S. Kalmring // 29. Tværfaglige Vikingesymposium Schleswig. — Højbjerg, 2012. — S. 22–49.

Pilø L. Evidence from the settlement Area 1956–1984 / L. Pilø // Kaupang in Skiringssal. Kaupang Excavation Project. Publication Series. Vol. 1. — Aarhus, 2007. — P. 127–140.

Schietzel K. Stand der siedlungsarchäologidchen Forschung in Haithabu — Ergebnisse und Probleme / K. Schietzel. — Neumünster, 1981. — 124 s.

В. В. Мурашева, А. А. Фетисов

Портовая зона Гнездово

С 2005 г. до настоящего времени в Гнездово исследуются участки памятника, связанные с обслуживанием судов, проходящих по речному пути. Первая портовая зона была открыта непосредственно под Гнездовским городищем на берегу озера Бездонка, являвшегося внутренней гаванью поселения. Вторая портовая зона была открыта на берегу древнего русла Днепра. В ходе исследований этого участка выявлены объекты, предназначенные для ремонта кораблей, погрузки/разгрузки и временного хранения товаров.

V. V. Murasheva, A. A. Fetisov

Port area Gnezdovo

The investigation of waterfront structures associated with landing places started in Gnezdovo settlement (archaeological site) in 2005. First «port zone» was discovered just near Central Hill-fort on the bank of the lake Bezdonka which is interpreted like the inner harbor of Gnezdovo. The second «port zone» was revealed near the ancient Dnepr channel riverbank. The structures connected with maintenance, loading/unloading of boats, temporary goods warehousing were found during the excavation of this area.

А. В. Петраускас, В. І. Польгуй, М. В. Хададова

Нові дані про історичну топографію літописного Іскоростея

Історія дослідження старожитностей літописного Іскоростеня нараховує більш ніж 100 років. Серед науковців, які займалися археологічними розкопками пам'яток на території міста, можна назвати Б. А. Антоновича, В. В. Хвойки, С. С. Гамченка, Ф. А. Козубовського. Головну увагу археологів привертали курганні некрополі, тоді як городища практично не досліджувались. Початок вивчення цих городищ широкими площами пов'язаний з роботами Б. А. Звіздецького, що дозволили отримати нові цікаві матеріали до історії древлянської землі напередодні утворення давньоруської держави.

Особливий інтерес становить городище № 1, що збереглося в первинному вигляді без пізніших нашарувань. Відкриття в 2013 р. залишків культурних нашарувань зруйнованого будівельними роботами дитинця, що вважалися втраченими безповоротно, дозволяє отримати матеріали, необхідні для розуміння найважливішої складової археологічного комплексу літописного міста.

Ключові слова: літописне місто, городище, дитинець, культурний шар.

На території центральної частини сучасного міста Коростеня, районного центру Житомирської області, знаходяться чотири городища. Відомі вони як археологічні об'єкти ще з XIX ст., але досліджуються планомірно шляхом розкопок широкими площами практично лише протягом останніх десяти років. Особливий інтерес викликає городище в урочищі Червона гірка. Саме ця пам'ятка визнана дослідниками найбільш перспективною для вивчення історії племінного древлянського центру — Іскоростеня, який був знищений у результаті каральної експедиції київської княгині Ольги в 946 р.

Довести зв'язок цієї пам'ятки з літописними повідомленнями стало можливо в результаті досліджень 2001–2006 рр., проведених співробітниками Житомирської археологічної експедиції Інституту археології НАН України під керівництвом Б. А. Звіздецького. Дослідження ускладнювались тим, що на сьогодні фактично залишилось лише ¼ від початкових розмірів усього об'єкта. До того ж поверхня дитинця існуючої частини городища практично повністю позбавлена культурного шару. Однак, незважаючи на ці труднощі, було отримано цінний матеріал, що характеризує хронологічні рамки існування поселення, його оборонні конструкції, житлові та господарські споруди, а також має виразні сліди одночасного припинення існування пам'ятки внаслідок військового штурму [Звіздецький, 2004, с. 51–86].

Зазначене городище знаходиться на північно-східній околиці м. Коростеня, на першій надзаплавній терасі правого берега р. Уж. На сьогодні воно являє собою останець гранітної скелі, що значно підвищується над рівнем річки та утворює домінуючу над низинною навколишньою місцевістю висоту. Більш збереженою є північна сторона городища, простежуються два «в'їзди» на його територію — з південно-східного та північно-західного боку. Оборонні споруди, що збереглися, являють собою два ескарпи та берми з північного боку городища. Біля городища знаходиться посад площею близько 3 га.

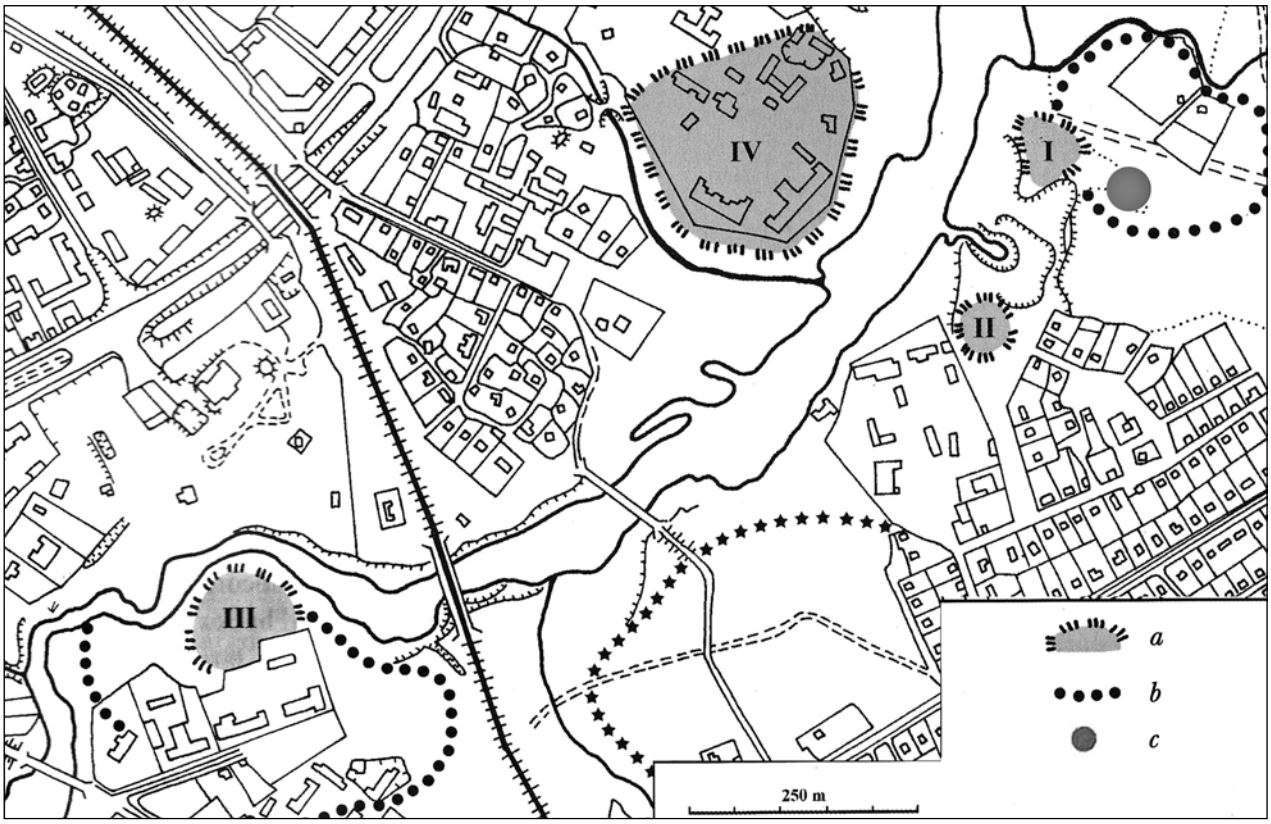


Рис. 1. План розташування городищ № 1–4 в м. Коростені (*a* — межі городища; *b* — межі посадів; *c* — місце розташування переміщених нашарувань дитинця городища № 1)

Слід зазначити, що про коростенські городища згадував ще В. Б. Антонович. Він встановив їх приблизні розміри, відзначив наявність валів, та припустив, що одне з них, найбільше, є укріпленням давнього Іскоростеня [Антонович, 1900, с. 13, 74]. Відомий науковець здійснював археологічні розкопки курганних некрополів на території міста, а городища розкопками не досліджувались.

Археологічні старожитності Коростеня вивчались і такими відомими науковцями як В. В. Хвойка, Ф. Р. Штейнгель, С. С. Гамченко [Штейнгель, 1904, с. 136–182; Виєзжев, 1954, с. 145–153]. Проте вони також зосередили свою увагу на вивченні курганних могильників літописного міста.

Надзвичайно важливими були дослідження, здійснені Ф. А. Козубовським у 1924–1925 рр. на першому городищі та городищах № 2 і 3 в 30-ті рр. XX ст. [Козубовський, 1926]. На городищі № 1 дослідником було знято план пам'ятки і проведено археологічні розкопки (рис. 2). На плані городище зображено ще до руйнації його внаслідок видобування каміння. Лише південний край, що впритул прилягає до струмка, на плані позначений як «каменоломня». Можна припустити, що напис «каменоломня» позначає місця видобутку каміння на гранітній скелі городища місцевими мешканцями ще до початку його масштабного видобутку для промислових потреб радянськими державними підприємствами. Слід зазначити, що місцеві мешканці для господарських потреб і сьогодні використовують каміння з городища № 1 в м. Коростені.

Ф. А. Козубовський на плані позначив два в'їзди на городище з північного сходу та північного заходу (рис. 2, *г, д*). З північного краю городища позначено три лінії валів (рис. 2, *а, б, в*). Вірогідно, південні вали «а» та «б» відповідають краю другої та першої берми ескарпів городища № 1. На сьогодні ми не маємо на місцевості візуальних ознак валу, позначеного літерою «в» на плані Ф. А. Козубовського. Окремо зауважимо, що на плані на північний схід від городища та навпроти північно-східного в'їзду до городища чітко показана заболочена низовина (рис. 2, *е*).

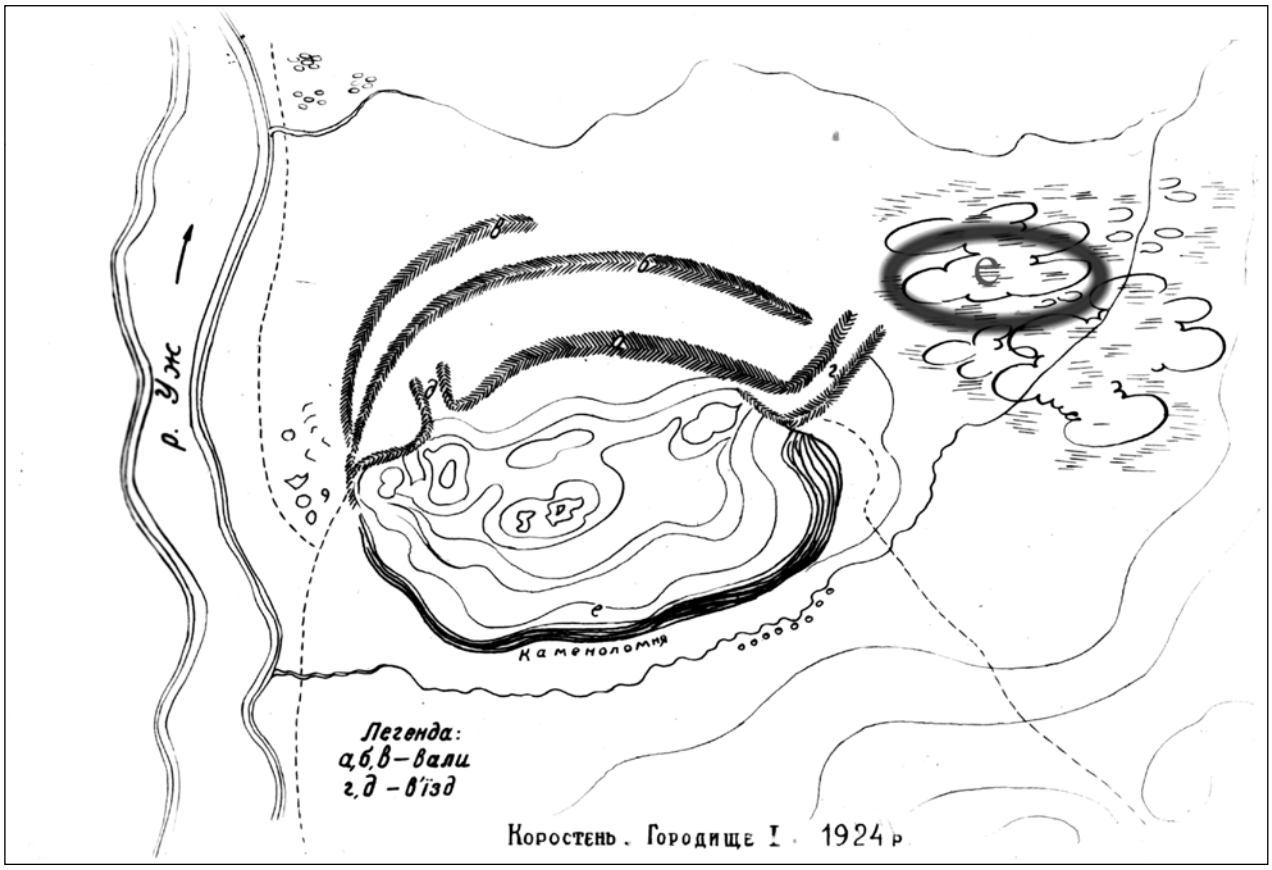


Рис. 2. План городища № 1 1924 р. до знищення кар'єром дитинця (*а, б, в* — вали, *г* — в'їзди; *е* — місце, куди переміщуватимуться осадові породи та культурні нашарування з дитинця)

На початку 1931 р. Комісією Оборони було прийнято рішення про будівництво військових об'єктів — 5 нових укріпрайонів у західних військових округах, серед них і Коростенського. Директивою штабу РККА № 053171 від 16 квітня 1931 р. було розпочато вказане будівництво. На це потрібна була величезна кількість залізобетону та інших матеріалів, що відповідали б суворим нормам оборонного будівництва. А якщо взяти до уваги терміни (закінчити будівництво УРів потрібно було до кінця 1932 р.) та жорстку економію коштів, то стають зрозумілими пошуки близьких об'єктів для видобутку сировини [Кудяк, Каминский, 2005, с. 11–13].

Саме таким кар'єром для потреб військового будівництва стає Коростенське городище. В результаті підривних робіт було знищено приблизно ¾ від його первинного розміру. Культурний шар городища вважався назавжди втраченим, однак навіть у такому вигляді воно вабило до себе дослідників. Протягом XX ст. ряд археологів звертались до цієї пам'ятки, а з 2001 р. по 2006 р. тут працювали співробітники Житомирської експедиції Інституту археології НАН України під керівництвом Б. А. Звіздецького [Звіздецький, Польгуй, 2008, с. 113].

За цей період розкопки проводились, головним чином, на окремих ділянках рову, ескарпу, берми та посаду городища. Для виявлення профілю рову було прокладено траншею шириною 2 м та довжиною 35,5 м. Виявлено, що середня глибина його становила 2–2,2 м, а ширина — від 4,5 м біля в'їзду в городище до 6 м з північного боку. Стінки рову достатньо круті, мали ухили від 45 до 50° [Звіздецький, 2004, с. 51–86].

Вивчення стратиграфії дозволило зробити висновок про те, що земля з рову під час його копання переміщалася вгору, таким чином було утворено достатньо широку берму (близько 10 м). На першій бермі було виявлено кам'яну кладку шириною 1,2–1,3 м, що, вірогідно, являла собою фундамент стіни. В центрі наступного розкопу,

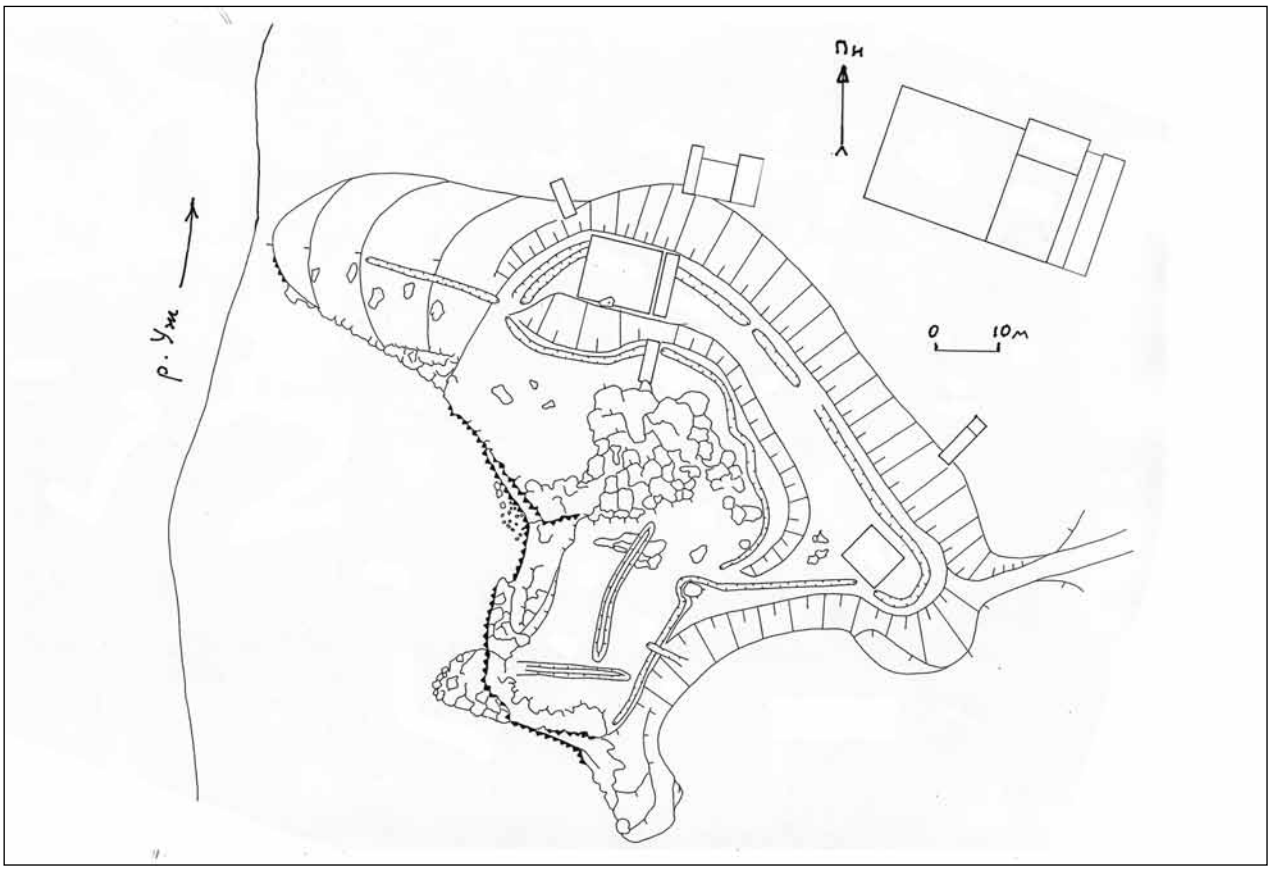


Рис. 3. План сучасного стану залишків городища № 1

продовженого в західний бік, було зафіксовано рештки печі-кам'янки, що прилягала до бойових споруд ескарпу № 2. Це дозволяє уявити, що споруди на бермі являли собою два ряди поздовжніх клітей [Звіздецький, 2008а, с. 9].

Слід зазначити, що на всій території розкопів простежувалися сліди пожежі — обгоріле дерево, перепалене каміння, попіл. У рові також був виявлений шар перегорілого каміння та деревного вугілля. Ці рештки потрапили до рову в результаті руйнації від пожежі стін та кам'яної крепіди. Крім того, серед знахідок є й такі, що свідчать про військові сутички безпосередньо на городищі, — обпалені людські рештки, срібні й бронзові бляхи поясів дружинників, наконечники стріл та списів тощо. Подібна картина спостерігалася і в розкопах на території посаду.

На думку Б. А. Звіздецького, життя на городищі після його спалення вже не відновлювалося, оскільки відсутні матеріали пізнішого періоду. З цього часу, а саме з другої половини X ст., починається занепад древлянських «градів», причому таке явище спостерігається на 15 укріпленнях із 20 [Звіздецький, 2008б, с. 67]. На дитинці городища розкопки не проводились, за винятком пошукового шурфу в південній частині майданчика, що зафіксував керамічні знахідки, тотожні знахідкам з берми 1 та 2.

З 2008 р. Житомирською експедицію були продовжені розкопки на бермі № 2 з метою дослідження оборонних споруд. Під час вивчення стратиграфії бровки зазначеного розкопу було виявлено сім шарів, що сформувалися протягом існування городища. Серед іншого були виявлені рештки господарських споруд і стовпової ями, що, вірогідно, використовувалась для утримування дерев'яної оборонної стіни на другій бермі ескарпу. На цій ділянці розкопу фіксувався сильно пропечений шар жорстви, в якому кераміка практично спеклася з гранітною крихтою. На пам'ятці були виявлені також матеріали корчацької, Лука-Райковецької культур, а також матеріали, що датуються IX — серединою X ст. [Звіздецький, Польгуй 2008, с. 114–116].

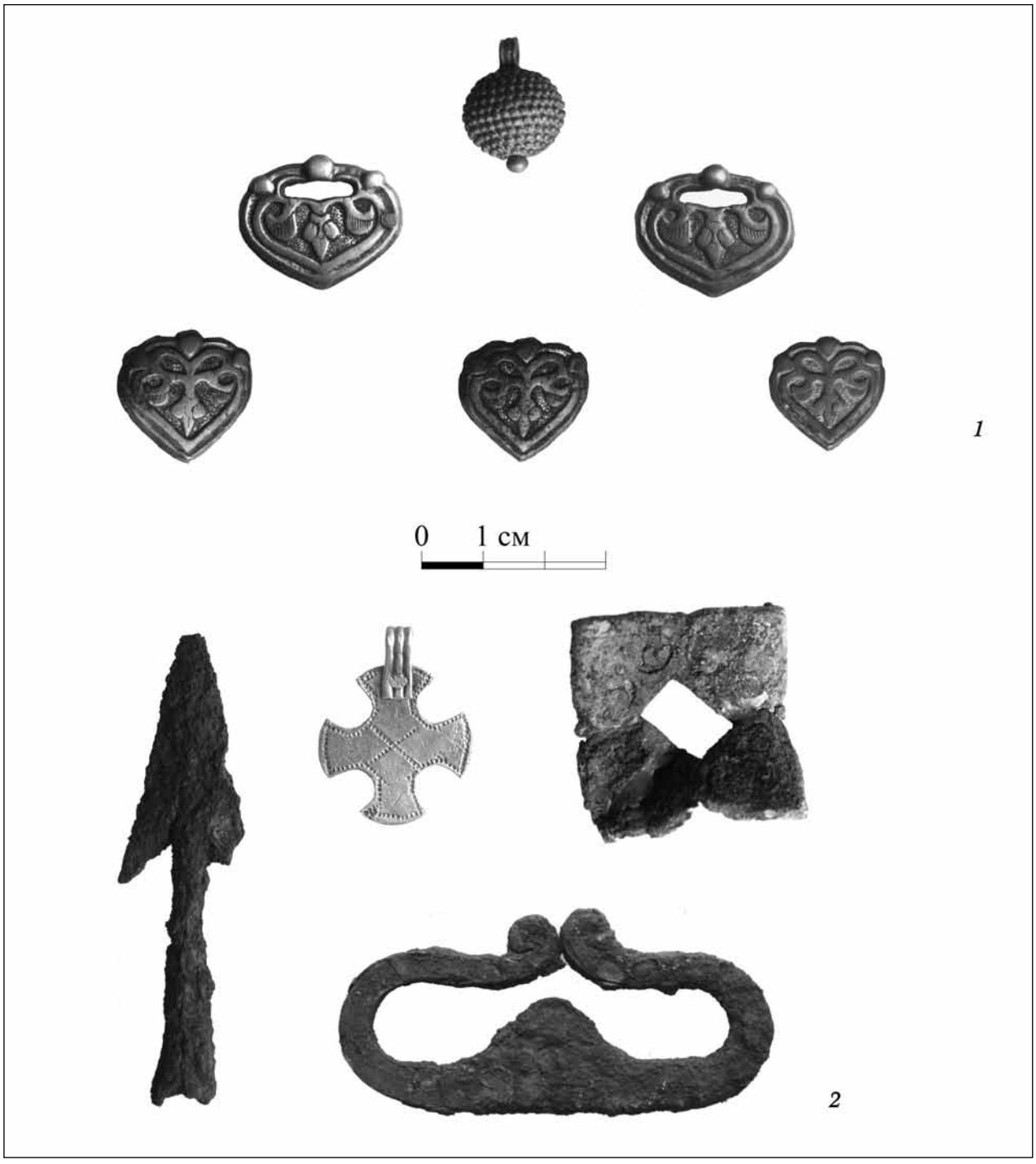


Рис. 4. 1 — знахідки із заповнення оборонного рову;
2 — знахідки з культурних нашарувань дитинця городища № 1

У результаті проведених досліджень можливо реконструювати первинний вигляд городища № 1 до його знищення в середині X ст. Городище знаходилось на високому мисі р. Уж, що омивала його з південного заходу. З іншого боку до нього майже впритул підступало русло струмка із заболоченою заплавою, а з півночі основною перепоною слугував рів. Оборонна система городища підсилювалась двома потужними ескарпами та дерев'яною стіною з кам'яною крепідою. Отже, на думку П. П. Толочка, захопити городище було дуже складно без застосування нестандартного підходу, зокрема, його спалення [Толочко, 2008, с. 154].

З 2010 р. дослідження коростенського городища № 1здійснюється за участі викладачів та студентів історичного факультету Житомирського державного університету ім. І. Франка. Були продовжені розкопи попередніх років у північній частині рову та на посаді. Зокрема, в польовому сезоні 2013 р. були виявлені нові знахідки та зроблені важливі спостереження щодо топографії городища.

Серед цікавих знахідок, що походили з рову, слід відзначити срібні з позолотою бляшки від поясного набору дружинника. Предмети мають виразні ознаки перебування в горілому шарі. З усіх знахідок гарну збереженість мають лише п'ять бляшок, що підтверджують високий соціальний статус свого власника (рис. 4, *1*).

Найбільшою несподіванкою виявились результати розкопок на ділянці посаду, що прилягає до городища з північного сходу. Вона була обрана для досліджень з урахуванням цікавих знахідок, виявлених під час візуальних обстежень поверхні в попередні роки (срібний хрестик варязького типу та ін.) (рис. 4, *2*), а також її топографічного виокремлення серед заболоченої низовини, з якої бере початок невеличкий струмок — притока р. *Уж*.

За низкою ознак на вказаній площі (приблизно 20×60 м) можна було очікувати розміщення окремої садиби з чіткими межами розташування житлових та господарських споруд. Проте вже відразу після початку роботи стало очевидним, що розрахунки отримати цілісний комплекс садиби середини X ст., знищеної внаслідок військового нападу, виявились марними.

Так, глибина розкопу до рівня давнього горизонту, на якому були виявлені дві господарські ями, становила приблизно 2,2 м (проти 0,25–0,5 м на інших ділянках посаду). Вже в ході поглиблення розкопу привертали увагу нехарактерні для культурних нашарувань поселення залягання шарів гумусу, суглинків та супісків у вигляді «падаючих» прошарків. Причому практично всі знахідки у цих прошарках (фрагменти кераміки, наконечники стріл різних типів, огнива, бронзова нашивка на сумку тощо) датувалися серединою X ст. (рис. 4, *2*). Однак на глибині приблизно 1 м було виявлено монету 1924 р., ще нижче — кілька гільз, попередньо датованих 30-ми рр. XX ст. Штучне походження насипу не викликало сумнівів. Остаточне вивчення стратиграфії розкопу та аналіз знахідок наштовхнули нас на думку щодо походження та причин утворення вказаного насипу.

Вже згадувалося, що городище було зруйноване в 30-х рр. XX ст. в ході робіт з видобутку каміння. Однак технологія розробки кар'єрів вимагає відсутності осадових порід на камінні. Тому, за нашими припущеннями, гумусний шар (він же культурний шар) та інші осадові породи з поверхні городища збиралися вручну й вивозилися по з'їзду з північного боку городища та висипались на відстані приблизно 40–50 м на посаді. Візуальний огляд місцевості дозволяє визначити межі штучного насипу, а також пояснити появу другого в'їзду на городище.

Підтвердженням вказаного припущення можуть слугувати:

1) особливості залягання шарів та прошарків на зазначеній території, що засвідчують поступове засипання ґрунту в напрямку від так званого «в'їзду» на городище до заболоченої низовини;

2) характер ґрунту, що залягав на ділянці, також відповідає шарам темно-сірого гумусованого культурного шару, жовто-сірих супісків та суглинків, сіро-зелених суглинків, відзначених під час стратиграфічних розрізів на ділянках городища № 1, городища № 2 та прилеглих до них територій;

3) натомість відзначимо відсутність на майданчику дитинця вказаної послідовності залягання шарів. Весь осадовий комплекс на майданчику, за результатами пробних шурфувань Б. А. Звіздецького та А. В. Петраускаса в 2005, 2008 та 2013 рр., представлений сірим однорідним супіском зі знахідками гончарних посудин середини IX ст., що залягає безпосередньо на материковій гранітній скелі. Подібна ситуація може були лише наслідком знімання на майданчику осадових нашарувань до кристалічних порід;

4) на користь цього припущення також свідчить одна плавна лінія падіння висоти від верхнього краю майданчика на городище № 1, через «в'їзд» і аж до самої крайньої точки ділянки, що могла утворитися внаслідок переміщення шарів із дитинця городища на посад;

5) під час візуального огляду на першому та другому в'їздах майже по всій їх довжини відзначені дві паралельні досить глибокі канавки. Не виключено, що останні утворилися внаслідок використання як колій для переміщення ґрунту ручними тачками — широко поширеним у передвоєнний період транспортним будівельним засобом. Дві канавки можуть бути відображенням двох колій для одноколісних тачок, що позначають напрямок руху вниз та вгору;

6) на протилежному боці заболоченої низовини нами було зафіксовано подібне штучне «мисоподібне» підвищення. Можливо, що засипання низовини з протилежних боків відображає незавершений етап будівництва переправи через низовину для вивозу каміння напряму до вул. Шатрищанської і далі на місця використання;

7) знахідки, виявлені під час розкопок на ділянці, за своїм характером та хронологічними показниками в цілому співпадають із матеріалами, виявленими на інших ділянках городища;

8) поодинокі знахідки 20–30 х рр., представлені монетою та гільзами патронів, також можуть бути використані для підтвердження припущення про утворення цієї ділянки в 30-ті рр. XX ст.

Таким чином, ми припускаємо, що культурні нашарування з дитинця городища № 1, що вважалися назавжди втраченими, збереглися поруч із городищем у перевідкладеному стані.

Антонович В. Б. Археологическая карта Волынской губернии / В. Б. Антонович. – М., 1900. — 188 с.

Виєзжев Р. І. Розкопки курганів у Коростеня та поблизу Овруча в 1911 р. / Р. І. Виєзжев // Археологія. — 1954. — Т. IX. — С. 145–153.

Звіздецький Б. А. Нові дослідження стародавнього Іскоростеня // Стародавній Іскоростень і слов'янських градів VIII–X ст. / Б. А. Звіздецький, В. І. Польгуй, А. В. Петраускас. — К., 2004. — С. 51–86.

Звіздецький Б. А. Археологічні дослідження в північно-східних районах Житомирського полісся (матеріали та дослідження до археологічної карти області: Коростенський, Овруцький та Народицький райони) / Б. А. Звіздецький. — Коростень, 2008а. — 129 с.

Звіздецький Б. А. Городища IX–XIII ст. на території літописних древлян / Б. А. Звіздецький. — К, 2008б. — 175 с.

Звіздецький Б. А. Дослідження Іскоростеня 2005–2008 рр. / Б. А. Звіздецький, В. І. Польгуй, А. В. Петраускас, О. В. Сірко, Є. М. Осадчий // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. — Т. 1. — Коростень, 2008. — С. 113–117.

Козубовський Ф. А. Записки про досліди археологічні коло м. Коростеня року 1925 / Ф. А. Козубовський. — Коростень, 1926. — 24 с.

Кудяк А. Г. Железобетонные сооружения укрепленных районов СССР на территории Украины / А. Г. Кудяк, В. В. Каминский // Крепость Россия. Историко-фортификационный сборник. — Вып. 2. — Владивосток, 2005. — С. 6–75.

Толочко П. П. Київ та Іскоростень в процесі становлення давньоруської держави / П. П. Толочко // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. — Т. 2. — Коростень, 2008. — С. 153–155.

Штейнгель Ф. Р. Раскопки курганов в Волынской губернии, произведенные в 1897–1900 гг. / Ф. Р. Штейнгель // АЛЮР. — 1904. — Т. 4–5. — С. 136–182.

А. В. Петраускас, В. И. Польгуй, М. В. Хададова

Новые данные об исторической топографии летописного Искоростеня

История исследования древностей летописного Искоростеня насчитывает более 100 лет. Среди ученых, которые проводили археологические раскопки памятников на территории города, следует назвать Б. А. Антоновича, В. В. Хвойко, С. С. Гамченко, Ф. А. Козубовского. Главное внимание археологов привлекали курганные некрополи, в то время как городища практически не исследовались. Начало изучения городищ широкими площадями связано с работами Б. А. Звиздецкого, позволившими получить важные материалы по истории древлянской земли накануне образования древнерусского государства.

Особый интерес представляет городище № 1, сохранившееся без более поздних напластований. Открытие в 2013 г. остатков культурных слоев разрушенного строительными работами детинца, которые считались безвозвратно потерянными, позволило получить материалы, необходимые для понимания наиболее важной составляющей археологического комплекса летописного города.

A. V. Petrauskas, V. I. Polgui, M. V. Hadadova

New data on historical topography of chronicle mentioned city Iskorosten

History of researching the antiquities from chronicle mentioned city Iskorosten has more than 100 years. Among the scientists who carried out archaeological excavations in the city should be called B. Antonovich, V. Hvojko, F. Kozubovski. The main attention archaeologists paid to burial mounds while settlements remained unexplored. The study of settlements intensively related with the work of B. Zvizdetski. He have yielded important material on the history of the drevlyan land before Ancient Rus' state. Of particular interest interest is the settlement № 1, that had survived without the later stratification. The reveal of the remnants of cultural layers that belong to citadel, that was considered irretrievably lost, allowed us to obtain materials needed to understand the most important part of the archaeological complex of chronicle mentioned city.

Б. А. Прищепа

Археологічна колекція слов'яно-руського часу з розкопок Є. М. Пламеницької на Замковій Горі у Кременці

Охарактеризовано основні групи середньовічних речових джерел, здобутих під час розкопок 1973–1975 рр. Проведено типологічну класифікацію масової категорії знахідок — глиняного посуду. Виділено найбільш ранні матеріали, що дозволяють датувати початок функціонування поселення на Замковій Горі X ст. Намічено основні етапи розвитку поселення у X–XIII ст.

Ключові слова: Волинь, Кременець, фортеця, середні віки, археологічні джерела.

Через брак джерел питання про час виникнення та основні етапи розвитку поселення на Замковій Горі (горі королеви Бони) в Кременці залишаються дискусійними. Кременець згадується в літописах у XIII ст. як потужна фортеця на південних рубежах Волинської землі. Перше повідомлення про місто у Галицько-Волинському літописі пов'язане з подіями, що датовані дослідниками кінцем 1226–1227 р. [Галицко-Волынская летопись, 2005, с. 92, 214].

Площадка замку неправильної у плані форми повторює контури вершини гори (рис. 1). Її довжина із заходу на схід становить 135 м, максимальна ширина з півночі на південь — 64 м, довжина прямолінійного відрізку оборонних укріплень із напільної східної сторони — 40 м. Площа замку — близько 0,8 га.

Наявність на Замковій Горі в нижніх пластах культурного шару матеріалів епохи Київської Русі засвідчили випадкові знахідки та матеріали, здобуті під час археологічних розвідок у 30-х роках XX ст. [Cynkałowski, 1961, s. 182]. Зібрані в різні роки речі давньоруського часу із Замкової Гори зберігаються у фондах Кременецького краєзнавчого музею [Ратич, 1957, с. 65].

Розвідкою Дубно-Кременецької експедиції Інституту археології АН УРСР у 1948 р. під час обстеження Замкової Гори було виявлено кілька фрагментів ліпної та архаїчної кружальної кераміки. Вони були зафіксовані не на території самого замку, а перед ним, на поверхні скелі. Ці знахідки дозволили висловити припущення про заселення Замкової Гори ранніми слов'янами наприкінці I тис. н. е. [Брайчевський, 1952, с. 407; Ауліх, 1976, с. 117]. М. П. Кучера відзначив відсутність відомостей про наявність матеріалів XI–XII ст. на Замковій Горі, але судячи зі знахідок кераміки першої половини XIII ст., можливо, що життя тут було відновлене після значної перерви. Він датував два періоди функціонування укріплення — IX ст. і XII–XIII ст. [Кучера, 1999, с. 141, 191]. П. О. Раппопорт вважав, що фортеця в Кременці була збудована на початку XIII ст. [Раппопорт, 1967, с. 34]. Цю думку підтримали М. Ф. Котляр, А. В. Куза [Котляр, 1985, с. 152–153; Куза, 1996, с. 157–158].

У 1973–1975 рр. архітектурно-археологічні дослідження на Замковій Горі в Кременці проводила відома українська архітектор-реставратор Євгенія Михайлівна Пламеницька. Сформована в ході цих робіт археологічна колекція протягом тривалого часу зберігалася в Києві, а згодом була передана до Кременецько-Почаївського державного історико-архітектурного заповідника. Ця колекція була опрацьована у 2011–2012 рр. групою співробітників Рівненської філії «Охоронної археологічної служби

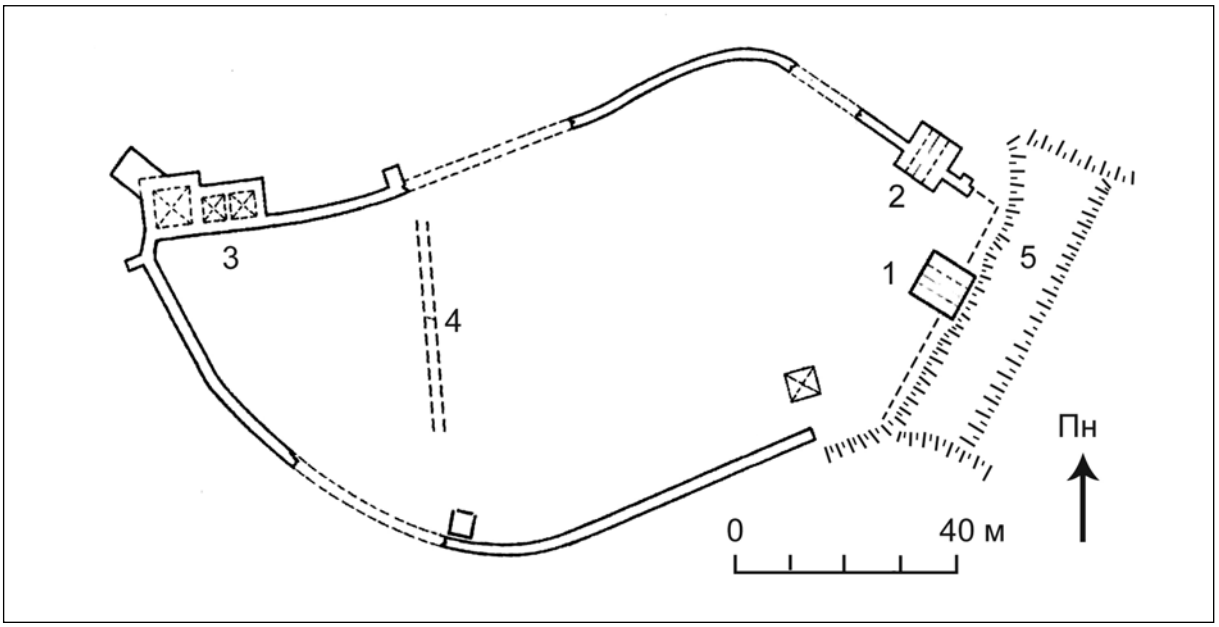


Рис. 1. План Кременецького замку (за В. Д. Собчуком): *1* — стара надбрамна вежа (Черлена); *2* — надбрамна (Шляхетська) вежа; *3* — мурований будинок з оборонною вежею; *4* — фрагмент стіни, виведений у 1970-х роках на поверхню; *5* — оборонний рів.

України» Інституту археології НАНУ, до якої, крім автора, входили також В. С. Чекурков і О. П. Войтюк [1].

Колекція нараховує понад 4 тис. одиниць археологічних знахідок, більшість із них — це уламки керамічних виробів, є також вироби з металів, скла, кістки, каменю. Речі були складені в пакети разом із паспортами — це прямокутники щільного картону розмірами приблизно 10×15 см із чіткими записами, в яких зазначені рік робіт, номер шурфу чи траншеї, квадрат, глибина, на якій виявлено знахідки. Вірогідно, це не польові паспорти, а їх копії, що були підготовлені в Києві. Первинні польові паспорти виявлені в деяких пакетах з індивідуальними знахідками. Вони були написані на звичайному папері, тому збереглися значно гірше.

Ми не мали можливості познайомитися з польовою документацією з розкопок Є. М. Пламеницької на Замковій Горі, тому навіть подати точну схему розміщення шурфів і траншей не можемо. Відсутня й інформація про потужність та характеристику культурних шарів на різних ділянках, а також про виявлені археологічні об'єкти. Лише з приміток на деяких паспортах і з публікації О. А. Пламеницької [Пламеницька, 2010, іл. 3–6] можемо зробити висновок, що роботи були проведені на ділянках, де могла знаходитись стара надбрамна вежа (рис. 1, *1*), навколо надбрамної вежі (рис. 1, *2*), біля мурованого будинку та в його приміщеннях (рис. 1, *3*), траншеї були прокопані вздовж стіни, що розділяла замок на західну і східну частини (рис. 1, *4*).

Найбільше речових знахідок із колекції належать до литовсько-польського періоду (XIV–XVIII ст.); значною є також колекція артефактів слов'яно-руської доби (X–XIII ст.); найбільш ранні уламки ліпних глиняних посудин і вироби із кременю датовані раннім залізним віком.

Серед знахідок слов'яно-руського часу є глиняний посуд, вироби із заліза, кістки, каменю, скляні браслети.

Глиняний посуд представлений переважно уламками горщиків, лише кілька вінець належать посудинам із вертикальним горлом, трапились також фрагменти кришок і

1. Висловлюємо вдячність директору В. В. Микуличу, заступнику директора з наукової роботи В. Д. Собчуку, а також співробітникам Кременецько-Почаївського державного історико-архітектурного заповідника за сприяння у проведенні цієї роботи.

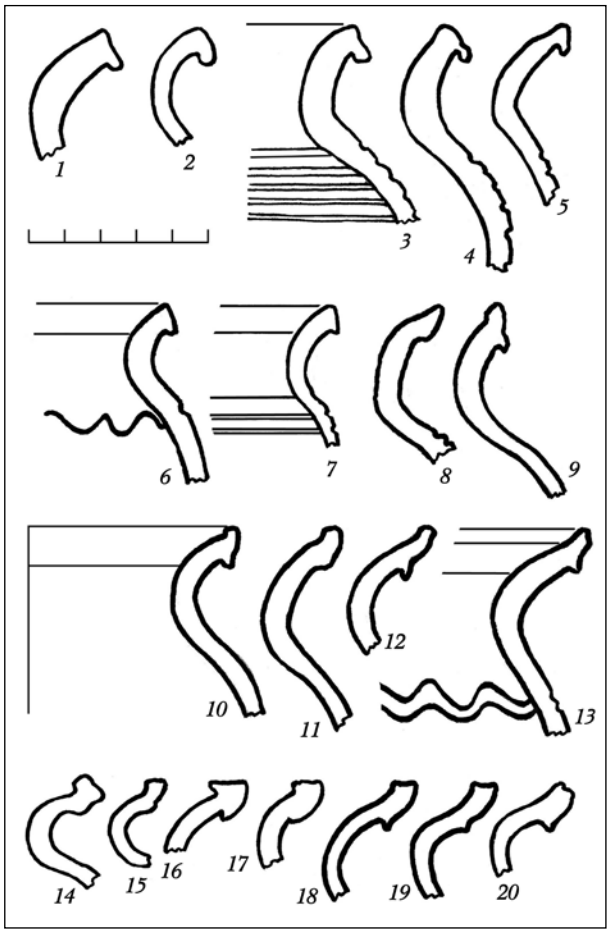


Рис. 2. Горщики I і II типів

петельчастих ручок від посудин, стінки північно-причорноморських амфор. Всього опрацьовано 325 вінець, близько 600 стінок і 85 денець. Поділ горщиків на типи проведено за профілюванням верхньої частини посудини та особливостями технології виготовлення. У роботі використано хронологічну типологію гончарної кераміки IX–XIII ст. Південної Русі [Кучера, 1986, с. 446–452; Петрашенко, 1992], Києва [Толочко, 1981, с. 293–301; Зоценко, Брайчевська, 1993], Волинської та Галицької земель [Малевская, 1969; Малевская, 1971; Тимощук, 1982, с. 14–36; Прищепа, 2011, с. 34–37, 140–147].

Колекція включає уламки гончарних посудин, лише кілька стінок належали виробам, сформованим вручну або ж підправленим на гончарному крузі. За формою вінець та іншими ознаками гончарні горщики поділяються на п'ять типів.

Горщики першого типу (23 вінця) мають на зовнішньому краї вінець потовщення («манжетку»), стрілоподібне чи підтрикутне у профілі (рис. 2, *1–8*). Іноді внутрішній край вінця сформований так, що утворює закраїну для кришки (рис. 2, *9–12*). Формовка виробів якісна, тісто відмучене, зустрічаються вироби з домішками дрібних зерен піску чи вапняку. Випал недостатній, на зломі черепок має чорний колір, лише тонкий поверхневий шар коричневого чи рудого кольору. Вони належать до кераміки так званого «курганного типу». Враховуючи, що в колекції відсутній ліпний посуд райковецької культури, що був поширений у VIII–IX ст., датуємо ці горщики X — початком XI ст.

До другого типу належать горщики, у яких вінця із зовнішньою закраїною складнопрофільовані, у них верхній край манжета широкий, плаский, підквадратний у профілі, нагадує карниз (11 вінець). Більшість таких виробів виготовлені з добре відмученої глини, що містить лише природні домішки. Залежно від нахилу площини зрізу можна виділити два види таких вінець: 1) верхній плаский зріз манжета нахилено назовні (рис. 2, *14, 20*); 2) цей зріз горизонтальний, або ж слабо нахилений до середини (рис. 2, *15–19*). Горщики другого типу датуються XI ст.

Вінця горщиків третього типу значно відігнуті назовні, край загнутий до середини так, що утворює округлий валик (рис. 3, *10–26*). Вони світло-глиняні, мають якісну формовку і гарний випал, глиняне тісто відмучене, іноді з домішкою дрібного піску. На зломі черепок трьохшаровий чи одношаровий. У колекції вони переважають і становлять близько 65% від усіх вінець. Такі горщики зустрічаються по всій території Русі в XII–XIII ст. Відзначимо вид 2 цього типу із приплюснутою закраїною (рис. 3, *2–7*), на Волині такі вінця знайдені в комплексах кінця XI–XII ст. [Прищепа, 2011, рис. 49, *3*; 56, *6*; Прищепа, Нікольченко, 2001, рис. 23, *3, 8*].

У горщиків четвертого типу внутрішній край вінець має вигляд тригранного валика (рис. 4, *1–12*). Виділяємо три види таких вінець. До першого належать помітно відігнуті назовні вінця з відтягнутим по вертикалі валиком (рис. 4, *1–6*). Вінця з тонкою гострою закраїною були поширені на Волині наприкінці XI–XII ст. (рис. 4,

1–3), а з масивною закраїною близькі до вінець третього типу і також датуються XII–XIII ст. Вінця другого виду короткі, значно відігнуті назовні, край скошений плаский чи увігнутий (рис. 4, *8–12*). Вони трапляються в комплексах другої половини XII–XIII ст. на пам'ятках Волині та Прикарпаття. Горщики з такими вінцями знайдені в Данилові, Дорогобужі, Возвяглі, Губині, Галичі, Василеві, на інших поселеннях Подністров'я [Малевская, 1971, рис. 7, *2*; Прищепа, 2011, рис. 24; 56, *16*; Коваль, Петраускас, Польгуй, 2008, рис. 25; 28; Винокур, Журко, Мегей, Якубовський, 2004, рис. 63, *2*; 73, *8*; Тимощук, 1982, рис. 11, *2*; Томенчук, 2006, рис. 66, *4*; 106, *8, 9*]. Вінця третього виду мають широкий край, горизонтальний чи слабо скошений (рис. 4, 7). Подібні горщики характерні для Галицької землі [Малевская, 1969, рис. 2, *7, 8*; Томенчук, 2006, рис. 62, *1*; 95, *9*].

Горщики п'ятого типу мають різко відігнуті назовні прості вінця без закраїни, іноді потовщені (рис. 4, *13–20*). Край вінець округлий чи скошений, зустрічається відтягнутий вниз. Вони трапляються в комплексах другої половини XII–XIII ст. на пам'ятках Волині та Прикарпаття [Малевская, 1969, рис. 3, *8–14*; Малевская, 1971, рис. 3, *4*].

Серед горщиків четвертого і п'ятого типів переважають вироби сірого та темно-коричневого кольорів, глиняне тісто цих виробів відмучене, без домішок, або ж у нього додавали дрібний пісок. Окремі вінця горщиків п'ятого типу прикрашені по краю смугами ангобу червоного кольору (рис. 4, *19, 20*).

Глеки мали циліндричної форми вертикальну горловину і конічний тулуб. За профілем це посудини з прямими, ледь відігнутими назовні або слабо нахиленими до середини вінцями, прикрашені по горловині заглибленим орнаментом, нанесеним штампом (рис. 4, *21*), багаторядними заглибленими прямими лініями на плічках (рис. 4, *22*), насічками по краю

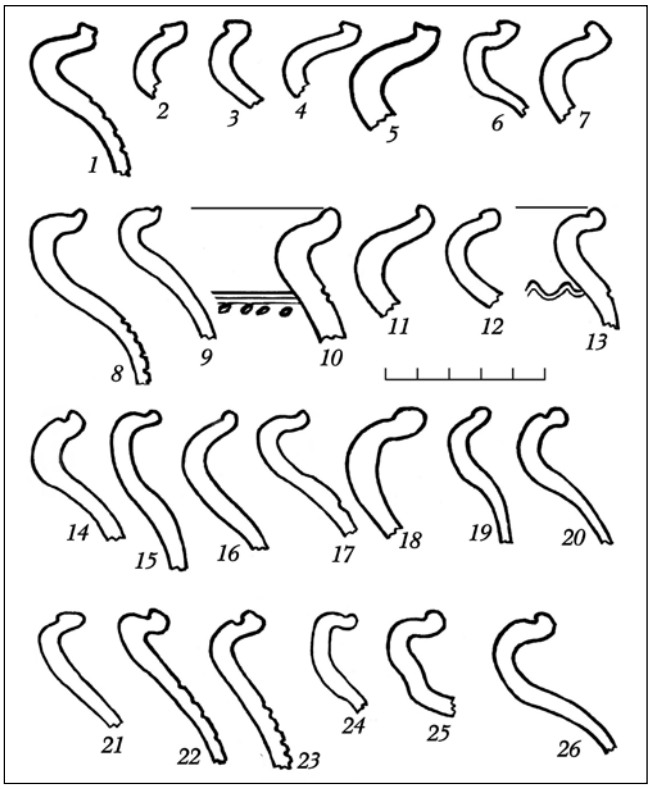


Рис. 3. Горщики III типу

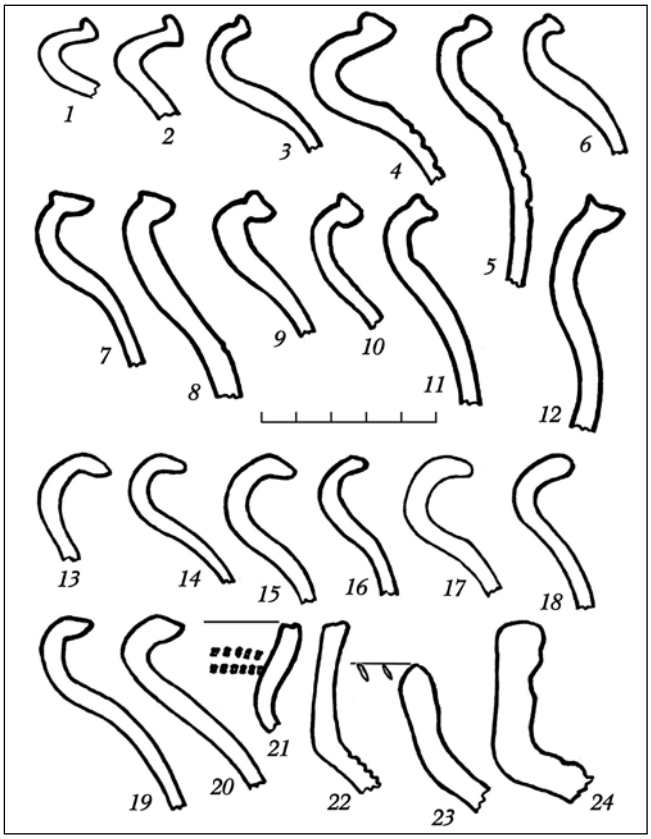


Рис. 4. Горщики IV (*1–12*) і V типів (*13–20*) та посудини з вертикальними вінцями (*21–24*)

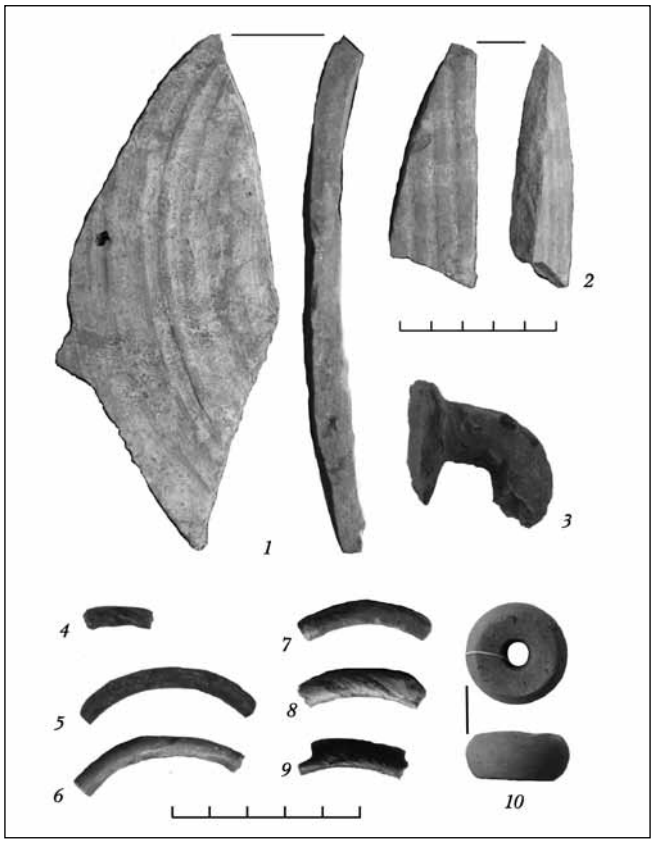


Рис. 5. Вироби із глини (*1–3*), скла (*4–9*) та рожевого шиферу (*10*). *1, 2* — уламки північно-причорноморських амфор; *4–9* — браслети; *10* — прясельце

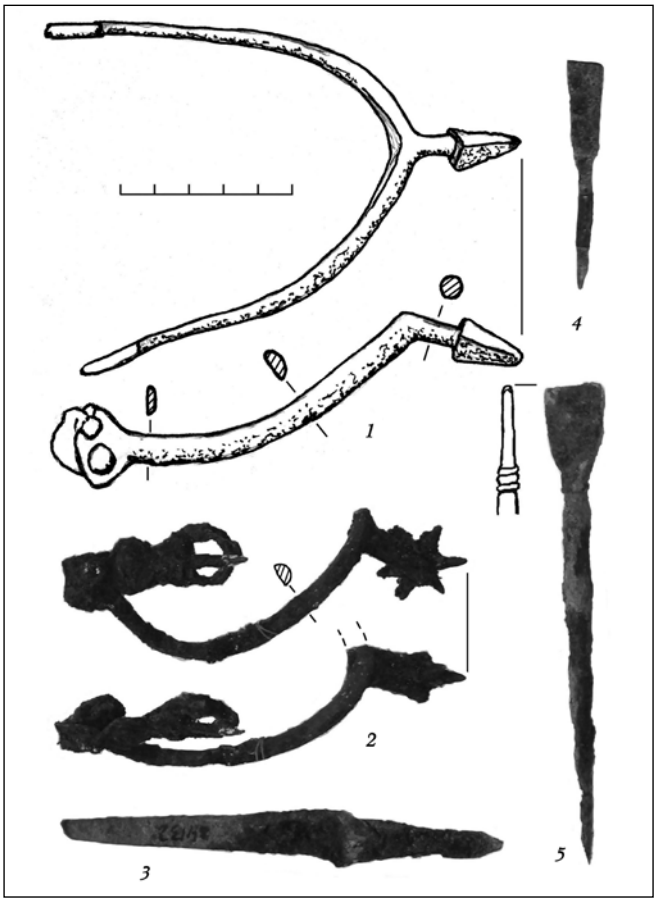


Рис. 6. Вироби із заліза: *1, 2* — шпори; *3* — ніж; *4* — наконечник стріли; *5* — писало

вінець (рис. 4, *23*). На території Південної Русі такі вироби датуються XI–XIII ст. [Малевская, 1969, рис. 4, *1–3*; Малевская, 1971, рис. 7, *8*; Зоценко, Брайчевська. 1993, с. 70; Прищепа, 2011, с. 143]. Кілька уламків належать глекам із високим вузьким горизонтальним валиком на вертикальному горлі. Ще одне вертикальне вінце та кілька уламків стінок належать посудинам великих розмірів — корчагам (рис. 4, *24*).

Дві стінки північно-причорноморських амфор виготовлені з добре відмученої глини, на зломі вони одношарові, колір поверхні оранжевий. У містах Південної Русі їх знаходять у комплексах XII — першої половини XIII ст. Наприклад, у Дорогобужі під час розкопок на дитинці зібрано понад 600 уламків таких амфор [Прищепа, 2011, с. 165].

В колекції є залізні черешкові ножі, уламок підковоподібної фібули зі спірально закрученими кінцями, писало, наконечник стріли та дві шпори.

Писало має лопатку у формі перевернутого трикутника, перехід до стержня прикрашений трьома поперечними валиками. Його довжина — 14 см, ширина лопатки 1,6 см (рис. 6, *5*). Належить до типу 13 за класифікацією А. Ф. Медведєва [Медведев, 1960, с. 78, 79]. Писала цього типу знайдені в культурних шарах XII–XIII ст. Новгорода, Волковийська, Чернігова, Ленківецького городища, Галича, Дорогобужа.

Повністю збережена шпора має плавний у профілі вигин дуг і шип у формі чотиригранної піраміди, нахилений під тупим кутом (рис. 6, *1*). Дужки закінчуються подвійними округлими петлями для ремінців кріплення. Загальна довжина виробу — 14,3 см, довжина шипа — 3,5 см. Датуються такі шпори XII — першою половиною XIII ст. [Кирпичников, 1973, с. 66].

Друга шпора має рухому зірочку на кінці шипа (рис. 6, *2*). Шип завдовжки 2,2 см, зірочка шестипроменева, діаметром 2,7 см. Збереглась лише одна дужка з подвійними округлими петлями. До петлі за допомогою металевої пластини прикріплена напівкругла пряжка. Загальна довжина виробу становить 10,5 см. Такі шпори на Русі з'явилися в першій половині XIII ст., їх знаходять на городищах, знищених монголо-татарами [Кирпичников, 1973, с. 67–68].

В колекції є сім уламків скляних браслетів. Два з них — від круглих у перетині гладеньких виробів зеленого кольору (рис. 5, *5, 6*). Інші три кручені коричневі (рис. 5, *7*), бірюзовий (рис. 5, *9*) і зелений, перевитий чорною ниткою (рис. 5, *8*). Скляні браслети були поширеною прикрасою у XII — першій половині XIII ст.

Із кістяних виробів інтерес представляють вигнуті вістря, накладка на лук та кістень.

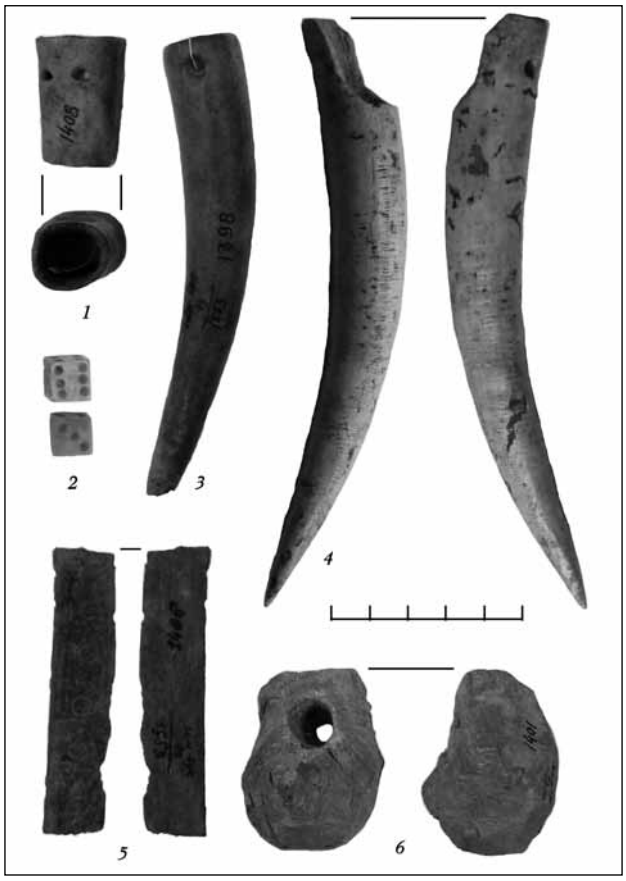


Рис. 7. Кістяні вироби: *1* — снувавник; *2* — гральний кубик; *3, 4* — вигнуті вістря; *5* — кістень

Вигнуті вістря виготовлені з кінчика рогу, товстий кінець у них рівно зрізаний, має конічне заглиблення з торця та бокові отвори для шнурка (рис. 7, *3, 4*). Довжина краще збереженого виробу — 15 см. Такі предмети знаходили на поселеннях і в похованнях у різних регіонах Київської Русі, Скандинавії, на пам'ятках кочівників. На думку О. П. Моці, вигнуті вістря слід віднести до групи кістяних амулетів, їх підвішували до пояса чи носили в торбинках [Моця, 1990, с. 127–129]. У той же час, вірогідно, це були універсальні знаряддя, що використовувалися воїнами-дружинниками, наприклад, як швайки, та для розв'язування вузлів [Зоценко, 2008, с. 135–138].

Накладка на лук виготовлена з рогу оленя, прямокутна, в розрізі має форму сегмента, розмірами 7,2×1,6 см (рис. 7, *5*). Лицьова сторона прикрашена вирізаними колами з крапкою в центрі, на зворотній пласкій стороні є поздовжні заглиблені лінії для кращого скріплення з дерев'яними деталями лука.

Кістень виготовлений із рогу оленя чи лося, має округлий отвір, через який пропускали шкіряний ремінь (рис. 7, *6*). Його розміри 5×3 см. На поверхні виробу збереглися сліди грубої обробки сокирою та ножем. Виготовлені з кості кістені використовувалися на Русі з X до XIII ст. [Кирпичников, 1966, с. 59–62].

Аналіз слов'яно-руських знахідок із розкопок Є. М. Пламеницької на Замковій Горі в Кременці дозволяє провести попередню культурно-хронологічну та функціональну характеристику цього поселення. Виявлені уламки гончарних горщиків «курганного типу» свідчать, що територія замку була заселена у X ст. Топографічні умови розміщення поселення (на вузькому виступі гори зі стрімкими схилами, на висоті близько 100 м над долиною) вказують на те, що в цей час воно вже було укріпленим. Вірогідно, слов'яни спочатку пристосували для своїх потреб якісь оборонні споруди, що лишилися від поселення раннього залізного віку, а згодом обороноздатність фортеці була посилена. Вона функціонувала в XI ст., а в XII ст. інтенсивність життя тут значно зростає, про що свідчать численні знахідки гончарного

глиняного посуду. Археологічні джерела вказують на подальше зростання значення цієї фортеці у першій половині XIII ст. Про перебування тут князівських дружинників свідчать знахідки озброєння та спорядження воїнів (кістень, шпори, вигнуті вістря).

За повідомленнями літописів, Кременець вистояв під час погрому Галицько-Волинського князівства військами Батия в 1241 р. і під час війни з Куремсою у 1254 р. Але в ході чергового протистояння з монголами у 1259–1260 рр. руські князі змушені були за наказом Бурондая зруйнувати укріплення багатьох волинських міст, у тому числі й Кременця [Галицко-Волынская летопись, 2005, с. 109, 128, 137]. Вірогідно, якийсь час після цих подій фортеця перебувала в занепаді [Крощенко, 1996, с. 256]. Про це свідчить і відсутність в археологічній колекції знахідок кінця XIII–XIV ст. Нове пожвавлення життя на Замковій Горі за археологічними джерелами датується кінцем XIV–XV ст.

Ауліх В. В. Матеріальна культура населення Прикарпаття і Волині у VIII–IX ст. / В. В. Ауліх // Населення Прикарпаття і Волині за доби розкладу первіснообщинного ладу та в давньоруський час. — К., 1976. — С. 108–121.

Брайчевський М. Ю. Розвідка слов'янських пам'яток на Волино-Подільському прикордонні / М. Ю. Брайчевський // АП УРСР. — 1952. — Т. 3. — С. 401–408.

Винокур І. С. Літописний Губин XII–XIII ст. Болохівська земля. Вип. 1. За матеріалами археологічних досліджень 1997–2003 років / І. С. Винокур, О. І. Журко, В. П. Мегей, В. І. Якубовський. — Київ–Кам'янець-Подільський–Хмельницький–Старокостянтинів, 2004. — 208 с.

Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / [под ред. Н. Ф. Котляра]. — СПб., 2005. — 422 с.

Зоценко В. М. Скандинавські старожитності Київського Подолу «Дружинної доби» / В. М. Зоценко // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 1. — Коростень, 2008. — С. 118–142.

Зоценко В. М. Ремісничий осередок XI–XII ст. на Київському Подолі / В. М. Зоценко, О. А. Брайчевська // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989. — К., 1993. — С. 43–103.

Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников // САИ. — Вып. Е1-36. — М-Л., 1966. — 183 с.

Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников. — Л., 1973. — 140 с.

Коваль А. О. Північне городище літописного Возвягля: розкопки 2007 р. / А. О. Коваль, А. В. Петраускас, В. І. Польгуй // Літописний Возвягль. Дослідження 1988–2007 рр. — К., 2008. — С. 45–68.

Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. / Н. Ф. Котляр. — К., 1985. — 184 с.

Крощенко Л. Визначення часу побудови мурованого замку в Кременці / Л. Крощенко // З історії української реставрації. Додаток до щорічника «Архітектурна спадщина України». — К., 1996. — С. 254–258.

Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. (свод археологических памятников) / А. В. Куза. — М., 1996. — 256 с.

Кучера М. П. Керамика / М. П. Кучера // Археология Украинской ССР. — К., 1986. — Т. 3. — С. 446–454.

Кучера М. П. Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем / М. П. Кучера. — К., 1999. — 252 с.

Малевская М. В. К вопросу о керамике Галицкой земли XII–XIII вв. / М. В. Малевская // КСИА. — 1969. — Вып. 120. — С. 3–14.

Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII–XIII вв. / М. В. Малевская // КСИА. — 1971. — Вып. 125. — С. 27–34.

Моця А. П. Некоторые сведения о распространении христианства на юге Руси по данным погребального обряда / А. П. Моця // Обряды и верования древнего населения Украины. — К., 1990. — С. 114–133.

Пламеницька О. До питання про розвиток мурованих фортифікацій Західної України в IX–XIII ст. / О. Пламеницька // Українська академія мистецтва. Дослідницькі та науково-методичні праці. Вип. 17. — К., 2010. — С. 208–217.

Прищепа Б. А. Муравицьке городище / Б. А. Прищепа, Ю. М. Нікольченко. — Маріуполь, 2001. — 80 с.

Прищепа Б. А. Дорогобуж на Горині у X–XIII ст. / Б. А. Прищепа. — Рівне, 2011. — 250 с.

Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV в. / П. А. Раппопорт // МИА. — Л., 1967. — Вып. 140. — 242 с.

Ратич О. О. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР / О. О. Ратич. — Львів, 1957. — 96 с.

Собчук В. Кременецький замок / В. Собчук // Студії і матеріали з історії Волині. 2012. — Кременець, 2012. — С. 73–114.

Тимощук Б. О. Давньоруська Буковина (X — перша половина XIV ст.) / Б. О. Тимощук. — К., 1982. — 206 с.

Толочко П. П. Гончарное дело / П. П. Толочко // Новое в археологии Киева. — К., 1981. — С. 284–301.

Томенчук Б. Археологія некрополів Галича і Галицької землі. Одержавлення. Християнізація / Б. Томенчук. — Івано-Франківськ, 2006. — 328 с.

Cynkałowski O. Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego / O. Cynkałowski. — Warszawa, 1961. — 265 s.

Б. А. Прищепа

Археологическая коллекция славяно-русского времени из раскопок Е. М. Пламеницкой на Замковой Горе в Кременце

Дана характеристика и определена хронология основных групп средневековых вещественных источников, полученных во время раскопок 1973–1975 гг. Они представлены бытовыми изделиями, украшениями, оружием, предметами снаряжения воина. Проведена типологическая классификация массовой категории находок — глиняной посуды. Выделены наиболее ранние материалы, которые позволяют датировать начало функционирования поселения X в. Намечены основные этапы развития поселения в X–XIII вв. Отмечено, что в коллекции отсутствуют находки конца XIII–XIV вв., вероятно, это было время упадка крепости. Начало нового периода оживления жизни на Замковой Горе по археологическими источниками датируется концом XIV–XV вв.

B. A. Pryshchepa

The archaeological collection of slavic-rus age from E. M. Plamenyts'ka's excavations on Castle Hill in Kremenets

The article gives characteristics and defines the chronology of major groups of medieval material sources found during the excavations in 1973–1975. They are represented by household goods, jewelry, weapons and items of warrior's equipment. The article suggests typology classification of pottery which is the most numerous category of finds. The article singles out the earliest sources which allow to date the beginning of the settlement by the X century. The article outlines the main stages of settlement development in X–XIII centuries. It is noted that there are no finds in the collection dated by the end XIII–XIV centuries, as it likely was the time of the fortress decline. The beginning of a new period of revival on Castle Hill according to the archaeological sources is dated by the late XIV–XV centuries.

Н. Профантова

Левы Градец, Клецаны и Прага: проблематика центральных поселений и смены власти в Пражской котловине

В конце IX в. происходит значительное смещение основных городищ к центру Пражской котловины (Левы Градец — Пражский град, наиболее важные города государства). Появление первых княжеских захоронений происходит в храме Богоматери на Пражском граде, в X в. происходит установление новых — Клецаны, Краловице, Прага Винорж. В этом заключается еще одна гипотеза о том, что Клецаны возникли до средины X в. В последней трети X в. был построен Вышеград как противовес Пражскому граду. Движение центра города в конце X в. привело к его значительному смещению к центру Пражской котловины и включению в так называемую среднечешскую сферу власти пржемысловичей.

Ключевые слова: городища, Чехия, княжеская резиденция, кладбища внутри городищ.

В Пражской котловине в центре Чехии можно выделить две группы городищ — более ранние и более поздние (рис. 1). В нашей работе мы сосредоточимся на данных о двух городищах на севере Праги, представляющих в X в., вероятно, общую селищную агломерацию — Левы Градец и Клецаны.

Городище Левы Градец возникло в IX в. в виде трехчастного комплекса, где как минимум акрополь и самостоятельно укрепленное предградие были соединены деревянным мостом. По легендам (прежде всего так называемого Кристияна, конец X в.) [Ludvíkovský, 1978] известно, что он назывался Градец и позже получил прозвище Левы [Bretholz, 1923, s. 23, 26], вероятно потому, что лежит на левом берегу Влтавы. В 983–985 гг., после возвращения из моравского изгнания князь Борживой († 889 / весна 890 г.) построил на акрополе этого городища самый старый костел в Чехии (по данным письменных источников) и поселил при нем священника Каиха. Этот храм пока не удалось найти. Ротонда св. Климента датируется XI в. на основе традиции использования специального фундаментного камня с выгравированным крестом [Sommer, 1997] и присутствия погребений не старше XI и XII вв. с височными кольцами диаметром 20,5–46,5 мм [Tomková, 2012, с. 250]. Акрополь городища, к сожалению, исследован хуже, он сильно поврежден средневековой застройкой. Более подробно был изучен лишь костел/ротонда [Tomková, 2001, с. 191, реконструкция рис. 81]. Жители града со второй половины IX в. использовали два могильника вне укреплений в с. Жалов [Tomková, 2012]. На обоих были найдены типы моравских украшений — гроздьевидные и корзиновидные серьги, гомбики, столбиковидные серьги (только в Жалов I, рис. 8), а также шпоры, топоры (рис. 7) из погребений воинов. Левы Градец был местом поселения князя Борживоя († 889 г.), несмотря на то, что к концу своей власти он построил другой костел Богоматери (или только мавзолей) на Пражском граде, в месте в то время менее укрепленном — лишь рвом и частоколом [Boháčová, 2001, рис. 201]. Не позже чем во время правления его сына Спытигнева (895–915 гг.) княжеское селение было перенесено на Пражский град, окруженный кольцом синхронных могильников [Tomková, 2005]. В 908–917 гг. построено новое укрепление Пражского града

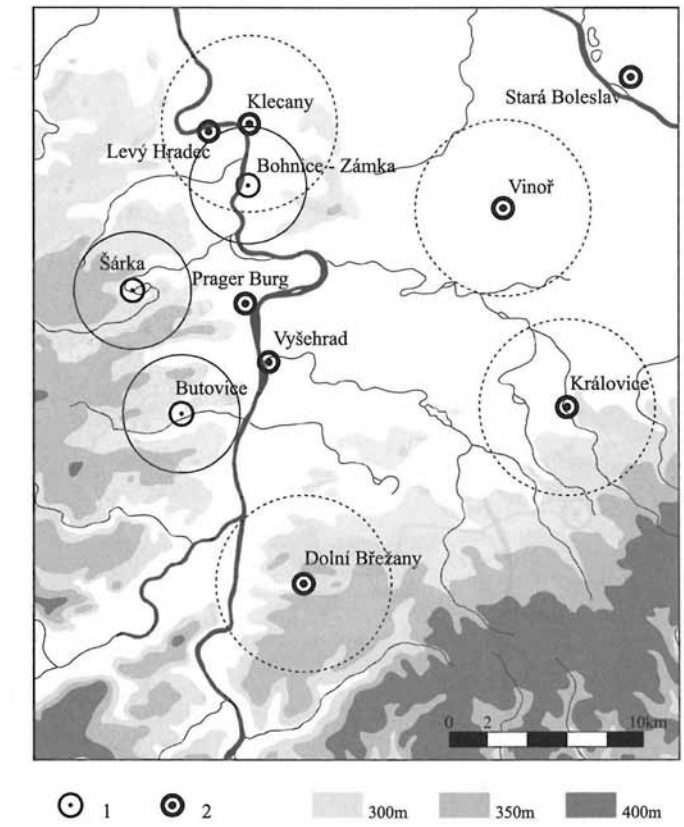


Рис. 1. Городища в Пражской котловине со схематическим представлением их фонов [Neustupný, 2008]: 1 — старшие городища; 2 — Более молодые городища с отделенным фоном около 6 км

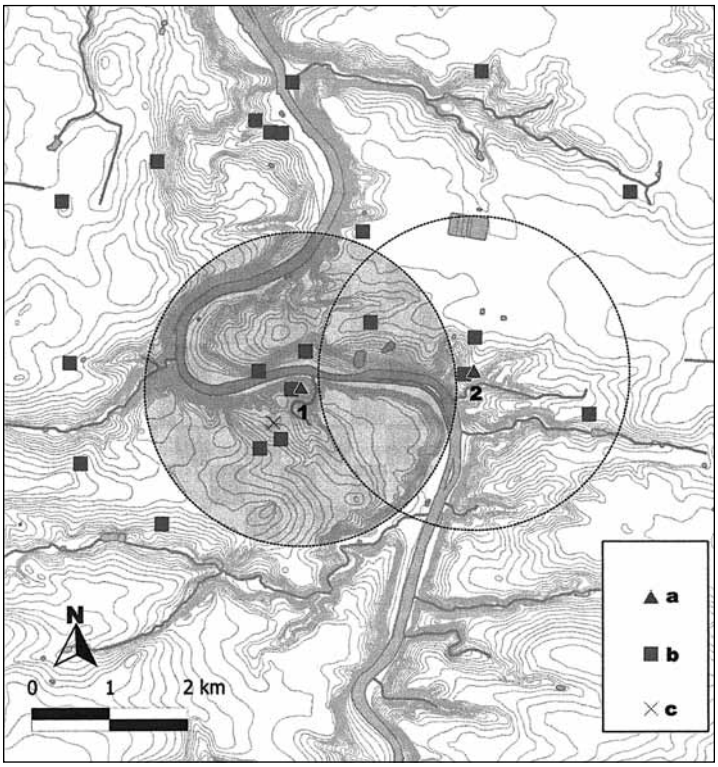


Рис. 2. Левы Градец и Клецаны: a — со схематическим представлением их фонов; b — кладбище; c — 1 погребение [Tomková, 2013]

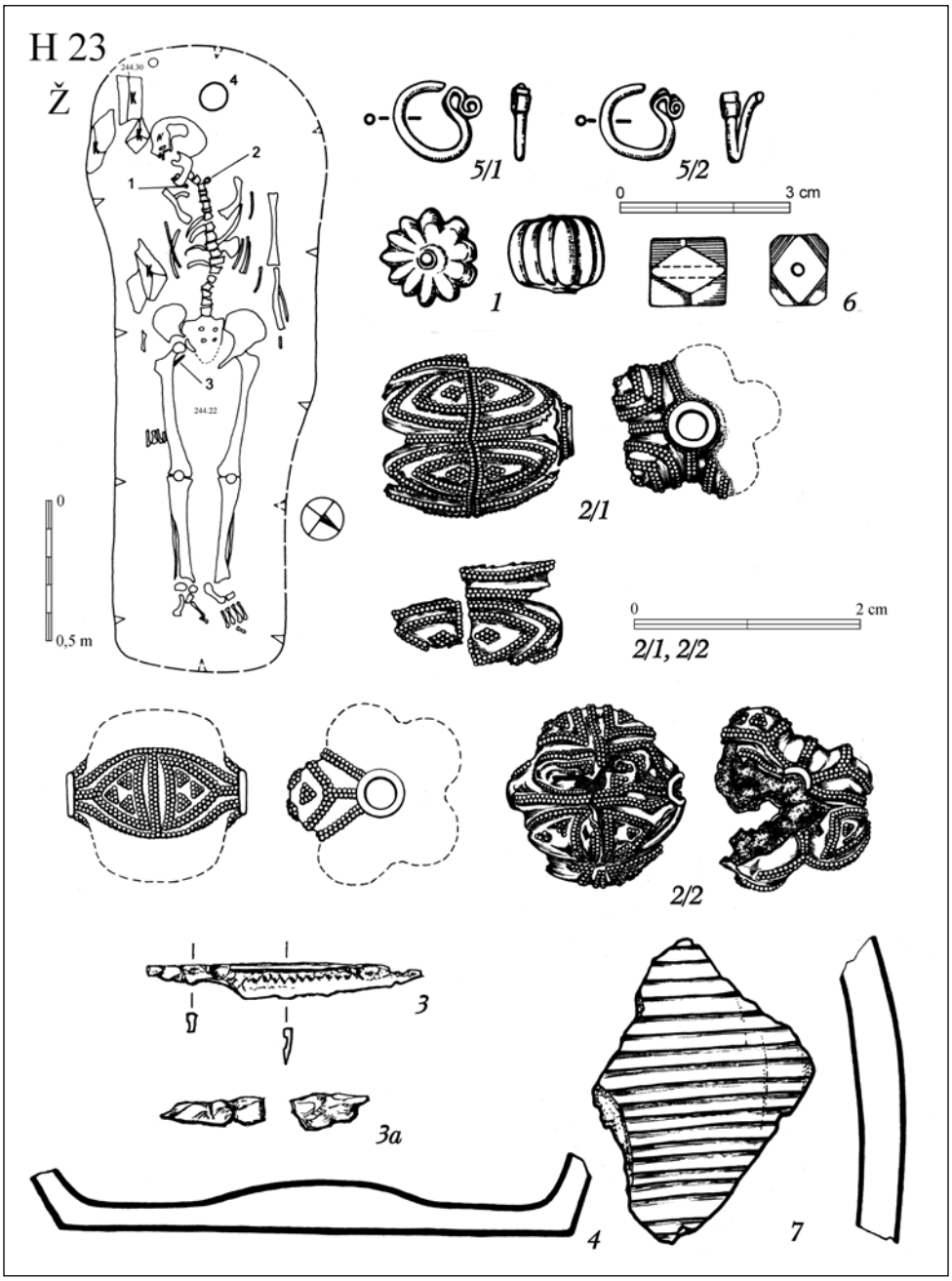


Рис. 3. Клецаны 2. Погребение 23 с золотыми височными кольцами показывает высокий статус погребенной женщины X в. [Profantová, 2011]

в виде деревянно-глиняной конструкции с передней каменной стеной, предшествующим рвом, после чего он становится наиболее важным городом государства [Boháčová, 2001, с. 279].

Только в первой половине X в. — во время, когда Левы Градец уже не был княжеским, было построено укрепление напротив, на правом берегу Влтавы, — в г. Клецаны, возможно, это был Правы Градец [Profantová, 2011, рис. 2, *5*]. Городище было укреплено деревянно-глиняной конструкцией с каменной стеной на перешейке, в остальных частях городища на краях стена была возведена не везде, иногда отсутствовал даже ров (например, в местах, где был крутой обрыв, в сооружении стены не было нужды). Жителей городища хоронили за стенами (могильник Клецаны 1), а с начала X в. — внутри городища (могильник Клецаны 2, на котором было обнаружено только около 41 погребений (рис. 3, *4*).

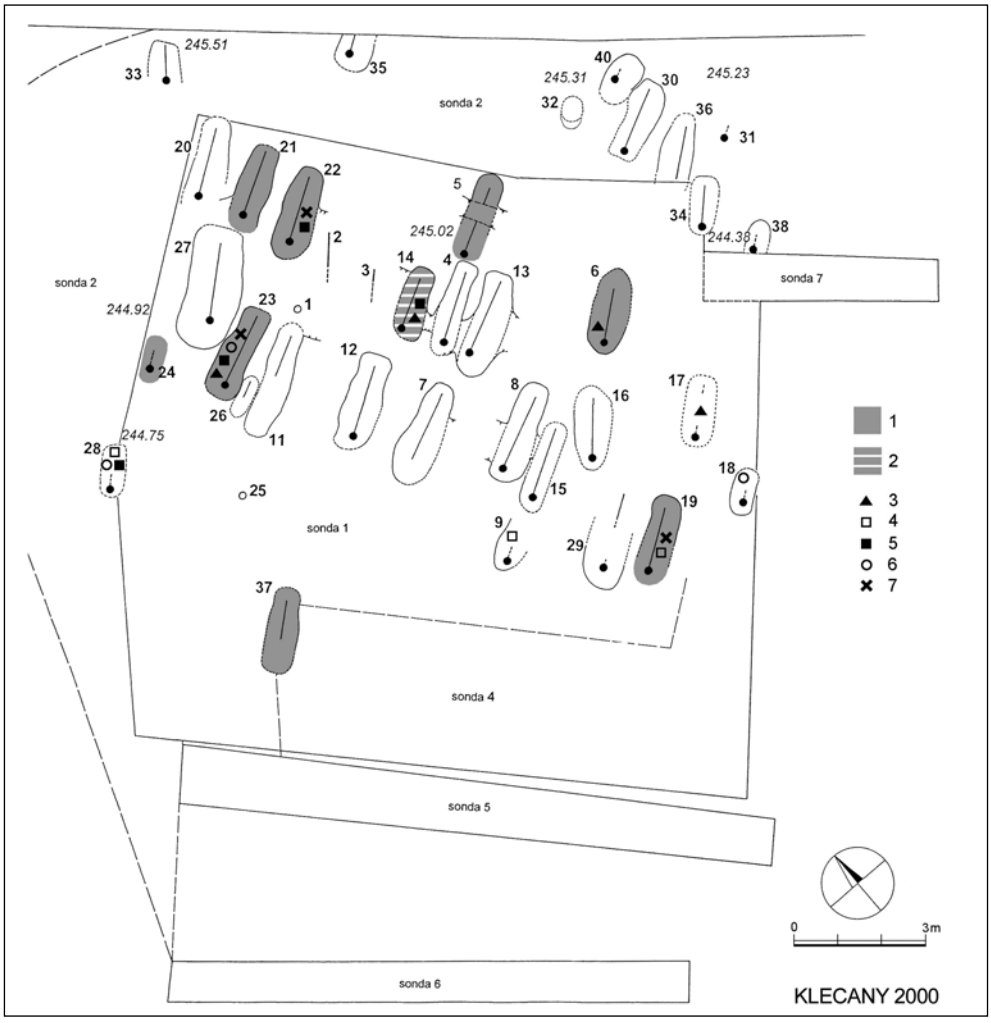


Рис. 4. Клецаны 2. План могильника с обозначением социально выдающихся захоронений женщин и детей (1–2); 3 — бусы, 4 — серьги с глазком, 5 — височные кольца, 6 — бусины, 7 — полудрагоценные бусы [Profantová, 2011]

На г. Левы Градец с конца IX в. существовал храм, хотя расположение его неизвестно (возможно, он был деревянный). В г. Клецаны храм X в. не найден, однако могильник Клецаны 2 по многим параметрам напоминает кладбище при храме. Самый важный вывод, к которому пришли в результате исследования, заключается в том, что на могильнике не использовались жертвенные продукты, т. е. не совершалась тризна. Также там не были обнаружены семейные могилы, а только единичные погребения, в том числе даже захоронение недоношенного плода (рис. 6).

В XI в. очень сложно представить городище в прямой видимости от Пражского града без костела. Поэтому я уверена, что на г. Клецаны хотя бы в ранней фазе существования (вне укрепления сохранились два селищных горизонта) функционировал некий храм, но, к сожалению, мы не представляем как он выглядел.

Форму княжеской резиденции мы не знаем ни в Левом Градце, ни в Пражском граде. Нам неизвестна даже форма резиденции второго ранга из г. Клецаны. О резиденции второго ранга мы можем судить по многокомнатной наземной постройке из г. Левы Градец-предградие (рис. 6, 2).

На г. Левы Градец задокументирован слой пожара, случившегося во второй половине IX в., а также пожара (но в меньшей мере) X в. на г. Клецаны. Городища в северной части Пражской котловины имеют различную форму, но их общей чертой, начиная с г. Прага-Шарка и г. Левы Градец, является деревянно-глиняное

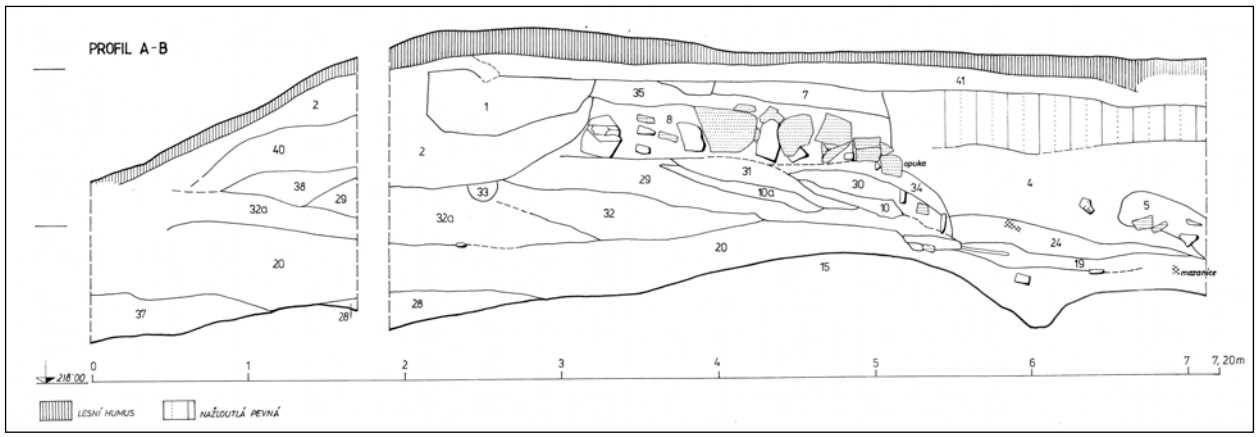
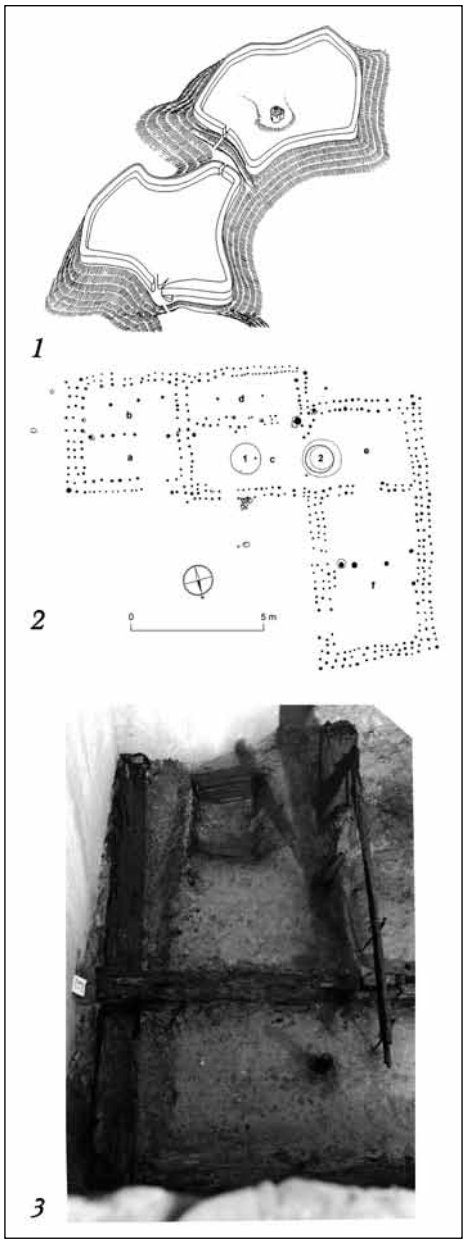


Рис. 5. Разрез укрепления городища Клецаны в 2011 г. Слои 29, 32, 32a, 10, 10a, 31a, 36 из укрепления, каменная стена может быть моложе



укрепление с каменной, сухой укладки, стеной. Дендрохронологически датированы только части укрепления Пражского града (907–916 гг.) и поселения под градом на улице Й. Неруды (942 г.). Новая дата происходит из Краловице (918 г.)[1].

По сравнению со сложным процессом в центре Пражской котловины, мы наблюдаем сравнительно резкие перемены в ее северной части, где с рубежа VI–VII вв. появляется чрезвычайно большое поселение с хорошо выраженной ремесленной деятельностью в г. Розтоки [Kuna, Profantová, 2005, с. 177, рис. 22; рис. 267, *4*]. Там же, в Пражской котловине, возникло старейшее городище Богнице–Замка [Profantová, 1996], и наконец, немного позже там возникло г. Левы Градец (60–90 гг.), которое по фрагментарным письменным источникам можно определить как второе по величине наиболее раннее княжеское поселение (после града Вистраха, упомянутого в 857 г.) и первое достоверно выявленное (рис. 6, *1*, *2*). Тем не менее, только данные из могильников свидетельствуют о присутствии элит (рис. 7), из городища происходит лишь железное украшение с отверстием в форме креста, 1 ключ, 1 копье, 1 динар князя Владислава II [Tomková, 2001, рис. 64 и 66].

Левы Градец и Клецаны, вероятно, контролировали дальние торговые пути, которые не позднее рубежа IX–X вв. (иногда даже ранее) устремлялись из разных регионов в Пражскую котловину, и с этого же времени — в Прагу.

Рис. 6. Левы Градец. *1* — реконструкция ситуации после 885 г., *2* —многокомнатный деревянный дом — резиденция члена социальной элиты (но не князя) вторая половина IX в. [Vařeka, 2001], *3* — Пражский град, деревянный дом, X в. [Boháčová, 2001]

1. Благодарю Й. Гасила за информацию.

С 90-х годов IX ст. или с рубежа IX–X ст. главным населенным пунктом становится Прага — Пражский град, и г. Левы Градец в политическом отношении приходит в упадок (таб. 1), однако, судя по материальным артефактам погребений из его окрестностей, он наоборот, кульминирует (рис. 7). Первые княжеские захоронения совершаются в храме Богоматери (князь Спытигнев † 915 и его жена), а также в базилике св. Иржи (Вратислав I † 921, княгиня Людмила † 921, вероятно, князь Яромир). Прага уже в первой половине X в. была настоящей столицей, несмотря на то, что первое не легендарное упоминание о ней относится к 929 г., когда саксонский летописец Видукинд назвал ее «градом Чехов».

Табл. 1. Движение центра в северо-западной части Пражской котловины: Розтоки–Богнице Замка, Прага–Шарка и Левы Градец– Пражский град.
Передвижение центра сложное, мы его прослеживаем в 3–5 слоях по времени. Только о Розтоках и Пражском граде можно уверенно сказать, что это памятники первой категории в рамках всей Чехии. Городище Прага-Шарка имеет иной характер значительности и «центральности» [Profantová, 1999, c. 103].

Сравнительный временной горизонт	Место-нахождение	Величина	Характер	Примечания
1. Временной горизонт конца IV–VII вв.	Розтоки	24 га, 600–700 домов	Огромное селище с ремесленной и стратегической функцией	Брод
2. Временной горизонт VIII —первая треть IX в.	Богнице Замка	6,5 га + ?	Городище с сельской застройкой (полуземлянки, зернохранилища)	Размеры без магнитометрически определенного фона, не датировано
3. Временной горизонт, IV в.	Прага Шарка	25 га	Трехчастное городище, элита, монеты	Монета Карла Лысого, чек. 845 г.
Вторая половина IV в.	Левы Градец	6,5 га + X (2 предградие)	Трехчастное городище, многоместные наземные жилища, храм	Селение князя Борживоя (мин. 872–882/3 гг.), богатые кладбища. Жалов I — присутствуют находки из золота. Жалов II — брод
3. Временной горизонт 885/900 — высокое средневековье	Пражский град	Минимальная площадь 21 га (исключение — Градчаны (вместе 32 га)	Трех- четырехчастное городище, храм Богоматери, каменный трон, дворец 920 построек, базилика св. Иржи, монетный двор	Селение князя Борживоя после 883/4 г. Ранее — захоронение воина с мечом, погребение Спитигнева I и т. п. Брод, в X в. деревянный мост
4. Временной горизонт последняя треть X в.	Вышеград	Минимум 10 га	2 храма (I этап) Монетный двор	Селение князя Вратислава II (1061–1092). Кратковременно конкурировал с Пражским градом (вторая половина XI — средина XII вв.)

Еврейский торговец и дипломат Ибрагим бен Якоб посетил Прагу в 965–966 гг. (или уже в 961–962 гг.) и оставил нам описание «города из камня и извести», «меньше чем города, которые знал из Средиземноморья», «над которым крепость/форт и в ней источник воды, текущей по поверхности...» [Ibrahim ibn Ya'qub, 1969, s. 420].

Под этой крепостью, несомненно, подразумевается Пражский град (его площадь составляла примерно 6 га). Далее он отметил существование заметного торга, иногда локализованного в просторах г. Мала Страна[2]. О присутствии еврейской общины на правом берегу реки (возможно, уж"е X в.) свидетельствует особое кладбище на Бартоломейской улице, интерпретируемое как кладбище иностранцев, скорее всего, евреев. В пользу этого свидетельствуют специальные каменные ограждения, подковы на

2. Была обнаружена большая дорога X в., датированная с помощью дендрохронологии, однако пока не удалось найти, в частности, железные, покрытые бронзой грузила северного типа, хоть они были обнаружены, например, в г. Ливице

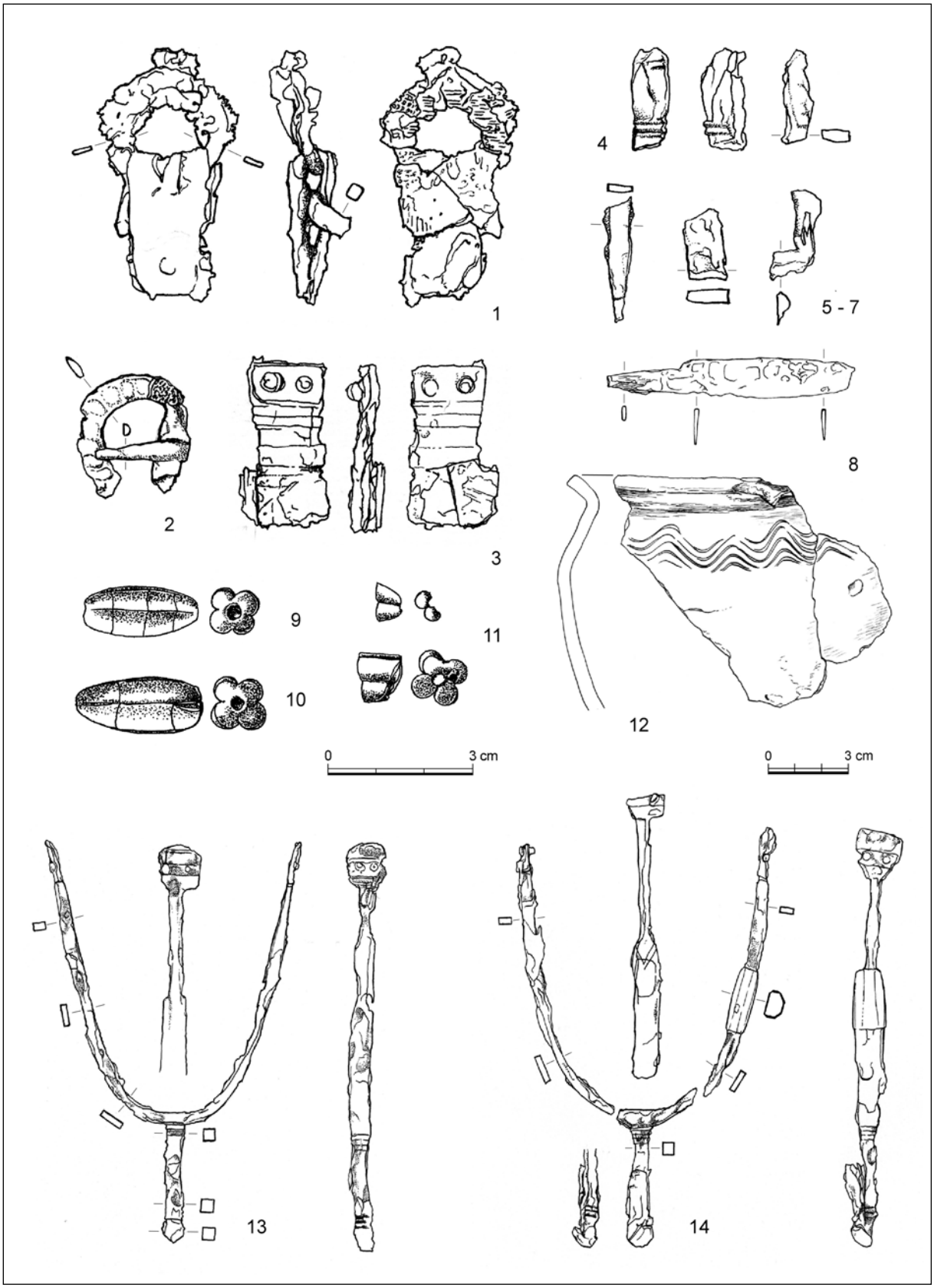


Рис. 7. Жалов II, погребение 15 со шпорами [Profantová, 2013]

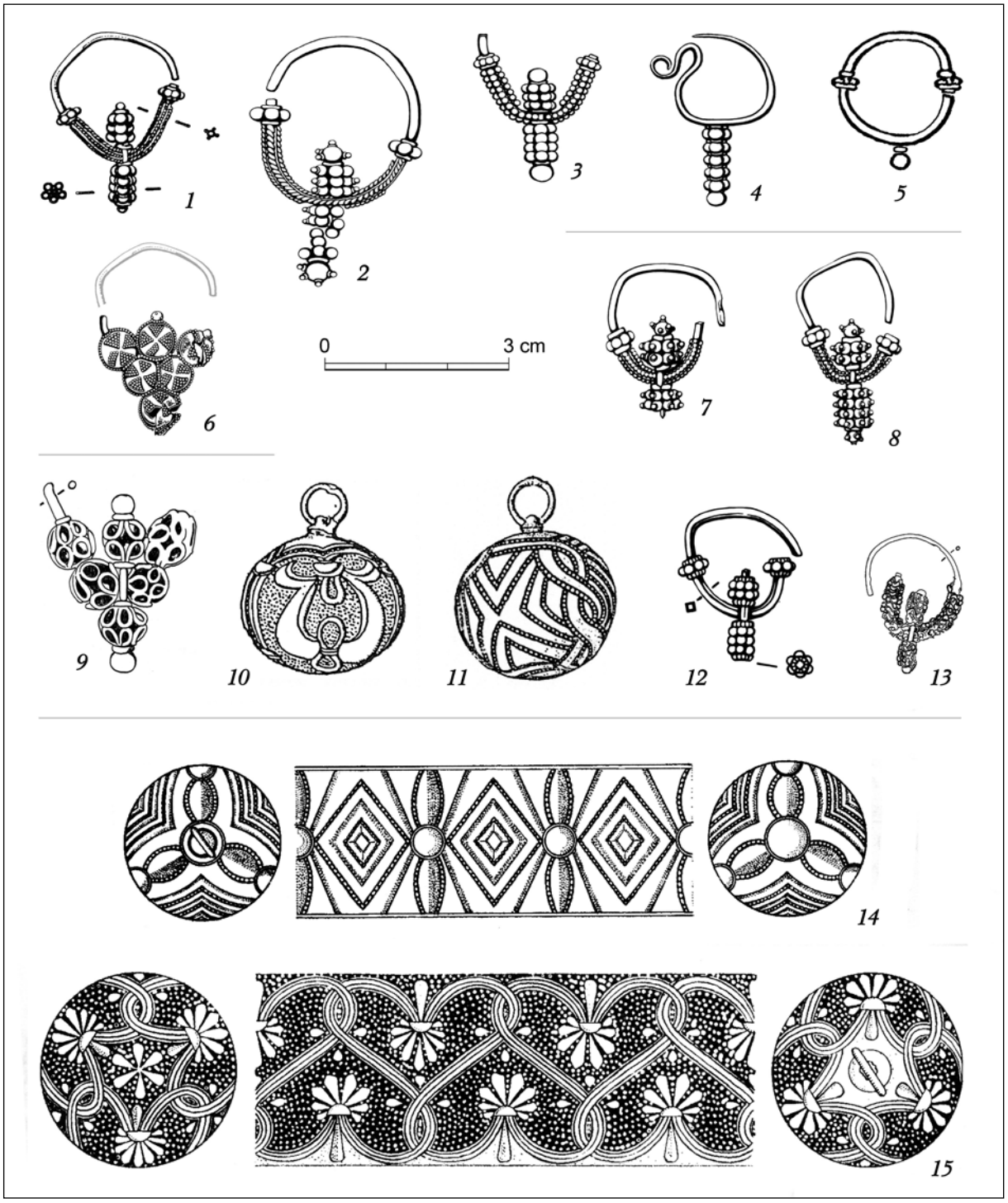


Рис. 8. Жалов и Клецаны: выбор украшений второй половины IX — начала X вв.,
1–6 — Клецаны, *7–15* — Жалов/Левы Градец, моравские типы украшений,
4, 13, 14 (?) — уже чешские (по Н. Профантовой и К. Томковой)

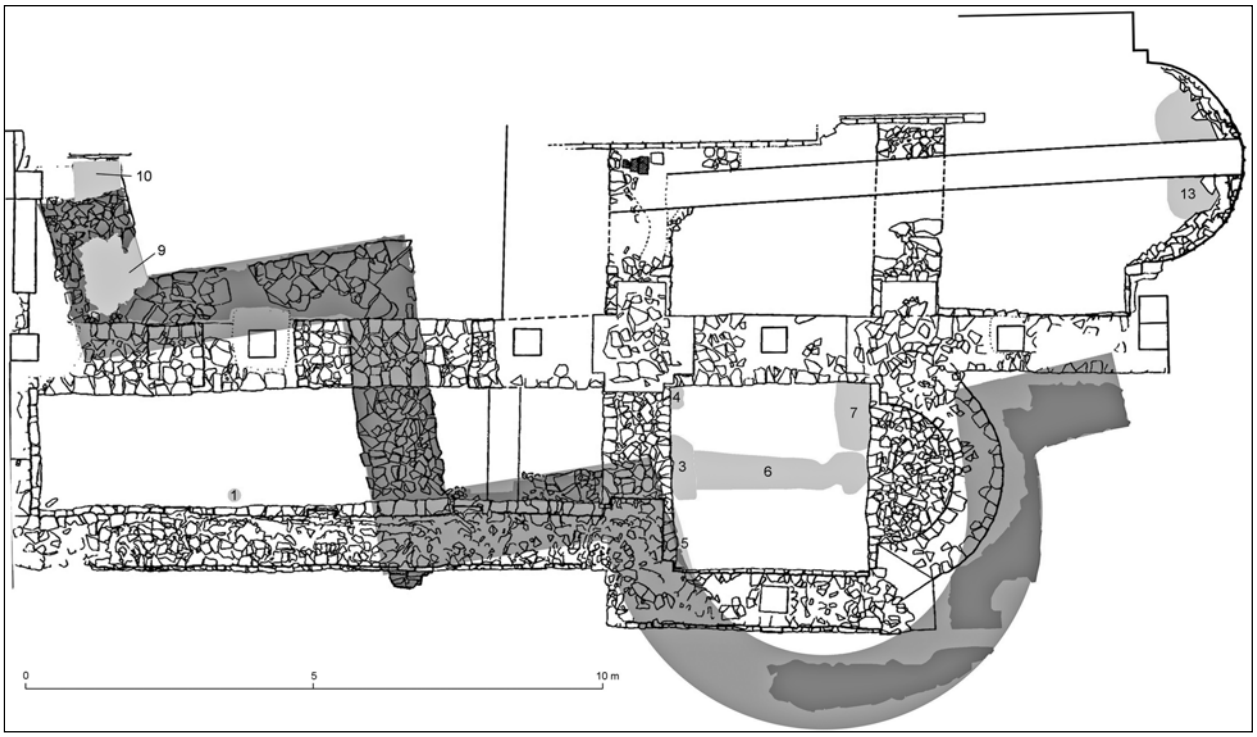


Рис. 9. Вышеград: центральный храм под базиликой — реконструкция ситуации (2011). [Varadzin, Nechvátal, 2012]

гробах, а также золотые и серебряные женские височные s-видные кольца (вероятно, домашнего производства) и т. п.

Одновременно в 900–960 гг. происходила постройка второстепенного центра — г. Клецаны (рис. 5), который охранял вместе с г. Левы Градец брод и подход к Праге с севера (рис. 1, 2). Вместе же они дополняли ее значительность и функциональность. Что касается импортов, то на г. Левы Градец и в его окрестностях их больше (меч типа Y с дамаском, короткий меч — сакс?). Из Жалов 2 происходит больше янтаря [Tomková, 2012], чем из Клецаны, но при этом следует учитывать, что Левы Градец изучен полнее.

Сооружение городищ на окраине Пражской котловины могло происходить непрерывно: примерно в 918 г. возникает укрепление на противоположной стороне котловины в Краловице [Štefan, Hasil, 2014, рис. 1]. Точного времени возникновения городища Прага Винорж мы не знаем, однако можем предположить, что оно появилось в пределах X в.[3] Об этом свидетельствует находка романской плиты и т. п., что позволяет говорить о функционировании там храма не позже рубежа X–XI вв.

В последней трети X в. был построен Вышеград как противовес Пражского града. Первое письменное сведение о нем принадлежит летописцу Косме († 1125) и относится к 1003 г. [Bretholz,1923]. В 1004 г. там уже был возведен храм, т. к. звон колокола служил указанием для военных действий против польского гарнизона.

В XI в. Вышеград был резиденцией князя, и накануне 1070 г. там стояло несколько храмов, возможно, даже 2–3 [Nechvátal, 1983, s. 8–19]. Одним из старших мог быть храм Яна Евангелиста, помещенный позже «in curia regis» [Nechvátal, 1992, с. 113]. Самым выдающимся был центральный храм с тремя апсидами под базиликой св. Вавржинца [Varadzin, Nechvátal, 2012, рис. 9]. В конце X в. Вышеград (примерно с 80-х годов X в. на монетах чеканки князя Болеслава II уже значится название

3. Из городища происходит чеканка пржемысловичей (возможно, Яромир, начало XI в.). К сожалению, она пока не опубликована [Varadzin, 2010, s. 544–545].

Vissegrad, Vsigrad и т. п.)[4] был монетным двором, так что пражская агломерация имела два княжеских монетных двора [Petráň, 1998, s. 104, 181].

Также Вышеград имел княжеские захоронения в каменной камере, помеченной крестом (камера св. Лонгина, XI в.).

Движение центра города в конце X в. привело к значительному смещению к центру Пражской котловины и к так называемой среднечешской сфере власти пржемысловичей. В этом заключается еще одна дополнительная гипотеза о том, что Клецаны возникли в первой половине X в.

Постоянным центром Чехии Пражский град стал с середины XII в., хотя еще в IX и X вв. центр ее быстро менялся.

Табл. 2. Избранные могильники внутри ареалов городищ (средняя Чехия) — основные данные.
X — присутствие выводов.
Городища, обозначенные «*», принадлежат Пржемысловичам.

Местонахождение	Расположение	Количество погребений	При храме	Могильник вне града	Датировка	Раскопки укреплений	Находки украшений на могильнике внутри града
Будеч*	акрополь	Больше 60	Св. Петр	3x	X в.	2x	X
Клецаны*	фон?	40	Нет	1x	X в.	2x	X
Пражский град*	Жижи	12	Нет	12x	IX в.	Многочасное городище	–
		Могила элит/2 глав.	Храм Богом.	12x	IX–X вв.		X
Стара Коуржим	1. фон	158	В младшей фазе??	1x	IX — нач. X вв.	X	X
	акрополь	38 неполных	??	1x	Не ранее середины X в.	X	–

Boháčová I. Pražský hrad a jeho nejstarší fortifikační systémy . Die Prager Burg und ihre ältesten Befestigungssysteme / *Ivana Boháčová* // Mediaevalia archaeologica. — Praha, 2001. — № 3. — S. 179–301.

Bretholz B. Die Chronik der Böhmen des Cosmas von Prag / B. Bretholz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Nova series. — Berlin, 1923. — T. 2.

Havrda J. Předběžné výsledky archeologického výzkumu v Nerudově ulici čp. 249/III na Malé Straně / J. Havrda, J. Podliska // Státní památkový ústav v hlavním městě Praze, Výroční zpráva 2002. — Praha, 2003. — S. 89–97.

Ibrahim ibn Ya´qub ´. Magnae Moravice Fontes Historici III // Ibrahim ibn Ya´qub in Al Hlumjarí. — Прага-Брно, 1969. — S. 410–420.

Kuna M. Počátky raného středověku v Čechách // M. Kuna, N. Profantová. — Praha, 2005.

Ludvíkovský J. P. Život a umučení sv. Václava a jeho báby sv. Ludmily / J. P. Ludvíkovský. — Praha, 1978.

Nechvátal B. Vyšehrad. Stručný průvodce / B. Nechvátal. — Praha,1983.

Nechvátal B. Vyšehrad a archeologie / B. Nechvátal // Královský Vyšehrad. Sborník příspěvků k 900. výročí úmrtí prvního českého krále Vratislava II. (1061-1092). — Praha, 1992. — S. 112–139.

Neustupný Z. Frühmittelalterliche Burgwälle im Prager Becken in Bezug auf die Entwicklung und Struktur der Besiedlung / Zdeněk Neustupný // Das wirtschaftliche Hinterland der frühmittelalterlichen Zentren. Internationale Tagungen in Mikulčice VI. — Brno, 2008. — S. 153–164. — (Spisy Archeologického Ústavu AV ČR Brno, 31).

Petráň Z. První české mince / Z. Petráň. — Praha, 1998.

Profantová N. Slovanské osídlení hradište Bohnice-Zámka a jeho zázemí. Na základě výzkumu N. Maška. Die slawische Besiedlung des Burgwalls Bohnice-Zámka und seines Hinterlandes. Auf Grund der Ausgrabungen

4. Очень вероятно, что священник там был уже в 80 годы, т. к. он знал грамоту и должен был контролировать чеканку монет. Старейший костел должен быть построен в это время, но нам пока не удалось его археологически идентифицировать.

N. Mašeks / Nadja Profantová // Archaeologica Pragensia. — 1996. — T. 12. — S. 65–140.

Profantová N. New Evidence concerning Dating, Importance and Hinterland of Early Medieval Hillfort of Klecany, district of Prague-East / N. Profantová // Frühgeschichtliche Zentralorte in Mitteleuropa / ed. J. Macháček, Š. Ungerman. — Bonn, 2011. — S. 355–370. — (Studien zur Archäologie Europas; bd. 14).

Profantová N. Gräber mit Sporen aus Böhmen / N. Profantová // Sozialle Gruppen und Gesellschaftstrukturen im westslawischen Raum, BUFM 70 / [ed. F. Biermann,T. Kersting, A. Klammt]. — Langenweissbach, 2013. — S. 57–76.

Sommer P. Der Grundstein der Rundkirche von Levý Hradec / Petr Sommer // Život v archeologii středověku. — Praha, 1997. — S. 586–595.

Štefan I. Raně středověké hradiště v Praze-Královicích. Výsledky výzkumu vnějšího opevnění / I. Štefan, J. Hasil // Archeologické rozhledy. — 46. — 2014. (в печати).

Tomková K. Levý Hradec v zrcadle archeologie I / K. Tomková. — Praha 2001.

Tomková K. Raně středověká pohřebiště na severní a západním předpolí Pražského hradu, Castrum Pragense 7, I–1 / K. Tomková. — Praha, 2005.

Tomková K. Levý Hradec v zrcadle archeologie. Pohřebiště I / K. Tomková. — Praha, 2012.

Tomková K. Urbs Praga und Levý Hradec — von Sklaven zum Fürstem / K. Tomková // Sociale Gruppen und geselschaftsstrukturen in westslawiscchen Raum, BUFM 70 / [ed. F. Biermann, T. Kersting, A. Klammt]. — Langenweissbach, 2013. — S. 43–55.

Varadzin L. K vývoji hradišť v jádru Čech se zřetelem k přemyslovské doméně (příspěvek do diskuse) On the development of strongholds in the heart of Bohemia in regard to the Přemyslid domain (A Contribution to the Discussion) / Ladislav Varadzin // Archeologické rozhledy. — 2010. — Vol. 62. — S. 535–554.

Varadzin L. Nové poznatky o předrománském kostele centrální dispozice na Vyšehradě (předběžná zpráva) / L. Varadzin, B. Nechvátal // Průzkumy památek. — Praha 2012. — S. 170–176.

Vařeka P. Stavební kultura předhradí Levého Hradce / P. Vařeka // Levý Hradec v zrcadle archeologie I / K. Tomková. — Praha, 2001. — S. 254–272.

N. Profantova

Levý Hradec, Klecany and Prague: problems of central settlements and power change in Prague basin

At the end of the IXth century there occurred a significant shift to the center of the main strongholds of the Prague Basin (Levý Hradec — Prague Castle, the most important city of the state). Appearance of the first princely burials in the church of Godmother happens at Prague Castle, in the Xth century new burials are established — Klecany, Kralovice, Prague Vinorzh. According to the hypothesis Klecany appeared until mid-tenth century. In the last third of Xth century Vysehrad had been built as a counterweight to the Prague Castle. Movement of the city center at the end of the Xth century led to considerable shift to the center of the Prague Basin and the inclusion in so-called Central Přemyslid sphere of authority.

Ю. О. Пуголовок

Планування поселенських структур сіверян

У процесі аналізу планіграфічних особливостей поселень роменської культури простежуються закономірності в їх забудові. На ранньому етапі планування поселень, імовірно, регламентувалося родинними зв'язками і здійснювалося на підставі лінійних закономірностей. Пізніше спостерігається процес виділення садибних комплексів, що, вірогідно, слід пов'язувати із соціальними змінами у суспільстві.

Ключові слова: Дніпровське Лівобережжя, роменська культура, сіверяни, поселення, планування, садиба.

Важливим питанням, що прямо пов'язане з будівельною діяльністю сіверянського населення, є організація внутрішнього простору поселення та розташування компонентів його забудови.

Питання взаємного розміщення жител на роменських пам'ятках постало практично відразу після досліджень М. О. Макаренка на городищі Монастирище. Але вчений зазначав, що найбільш плідними для розуміння розміщення жител одне відносно одного були б розкопки городища великими площами. Дослідником зафіксовано, що відстань між розкопаними житлами коливалася від 1,3 до 3,2 м, але внаслідок певної обмеженості у площі розкопів встановити взаємозв'язки між відкритими комплексами М. О. Макаренку не вдалося [Макаренко, 1925, с. 10].

Вже після перших широкомасштабних розкопок на пам'ятках роменської археологічної культури І. І. Ляпушкін намагався знайти певні закономірності в розміщенні житлових будівель, проте крім їх скупченості нічого іншого виділити не зміг [Ляпушкін, 1961, с. 234–235]. Засади певного планування були виокремленні Д. Т. Березовцем після вивчення Волинцівського поселення. Виявлені тут житла розташовувалися рядами, вздовж берегів мису, з півдня на північ, залишаючи незабудованою центральну частину [Березовець, 1953, с. 33; 1955, с. 65].

У більшості випадків відзначалася повна хаотичність у розміщенні жител. Так, О. В. Сухобоков зазначав, що на поселеннях роменської культури відсутнє спеціальне планування у розміщенні споруд за їх призначенням, а розташування жител та господарських споруд залежало виключно від потреб окремої сім'ї [Сухобоков, 1975, с. 75; Этнокультурная карта, 1985, с. 126].

У статті, присвяченій розвитку домобудівництва VIII–X ст. на Лівобережжі Дніпра, С. П. Юренко звернула увагу на взаємне розташування жител регіону [Юренко, 1984]. Аналізуючи матеріали з трьох поселень, розкопаних широкими площами — Волинцівського, Опішні та Новотроїцького, дослідниця приходить до висновку, що житла тут розташовуються вільно, без будь-яких слідів спланованої забудови. Водночас акцентується увага на врахуванні умов рельєфу при розміщенні жител [Юренко, 1984, с. 34–35, 44].

У новітніх дослідженнях, присвячених розвитку роменської культури, автори повертаються до поглядів своїх попередників стосовно проблеми планування на ромен-

ських поселеннях. На думку О. В. Григор'єва, головною проблемою у пошуках планувальних схем була відсутність внутрішньої хронології поселень. Це призводило до того, що дослідники намагалися знайти систему в розташуванні різночасових будівель. Розглядаючи пам'ятки з розробленою внутрішньою хронологією (Велике Горнальське, Новотроїцьке городища та поселення біля с. Горбове), дослідник приходить до висновку своїх попередників: жодної помітної системи у взаємному розташуванні синхронних у часі жител немає, але водночас він критикує твердження про скупчене розміщення будівель, аргументуючи свою критику тим, що одночасні комплекси знаходилися на значній відстані один від одного. У своїх побудовах він ставить під сумнів навіть сам пошук закономірностей у розміщенні житлових споруд. Проте зазначений автор висуває гіпотезу про наявність садибної забудови, існування якої, на його думку, дозволило б по-новому розглянути питання забудови поселень роменської культури [Григорьев, 2000, с. 76-79]. Подібні погляди на планування сіверянських поселень має В. В. Єнуков, стверджуючи, що закономірностей у розташуванні об'єктів не спостерігається, оскільки не завжди можна встановити їх синхронність [Енуков, 2005, с. 119–120].

Отже, практично всі дослідники, що торкалися питання забудови поселень роменської культури, одностайні у своїх думках щодо відсутності певної планувальної системи. Однак пошуки закономірностей у розміщенні будівель не припинялися. З кількох причин. Передусім це стосується правильного розміщення будівель на майданчику Донецького городища, що є унікальним явищем для роменської культури. Іншим важливим моментом стали дослідження на Великому Горнальському городищі, в результаті яких з'ясувалося різночасове існування житлових комплексів у межах території одного поселення. Тому для визначення закономірностей у розміщенні жител дослідники звернулися до хронології пам'яток.

Такий підхід застосовували Г. В. Борисевич та О. О. Узянов для з'ясування фаз забудови Новотроїцького городища [Борисевич, 1987]. З часу розкопок пам'ятки це питання так і не було остаточно вирішене. І. І. Ляпушкін зазначав, що житлові будівлі розміщувалися тут скупчено, без певної системи, хоча й припускав наявність декількох хронологічних етапів у його забудові (рис. 1, *1*).

Аналізуючи взаємне розташування об'єктів, Г. В. Борисевич та О. А. Узянов виділили декілька етапів у його забудові. На першому, на думку авторів, було зведено не менше двадцяти жител, сім з яких розташовані вздовж північного схилу в західній частині городища, інші тринадцять зосереджені на східному плато. Групи жител роз'єднані неглибоким ровом та валом.

На другому етапі збільшується кількість жител у західній частині городища, до двадцяти, тоді як східна частина забудована лише трьома житлами. В цей ж час було засипано рів, а в його південній частині збудоване житло. У цьому періоді відзначається зміна характеру забудови — будівлі західної групи розташовуються двома концентричними колами вздовж східного схилу пагорбу, а два найбільші за площею житла знаходяться на його вершині. Східна ділянка у цей час розмежована новим ровом та валом, цілком ідентичним до попереднього. Цей етап датується серединою IX ст., наприкінці якого всі будівлі гинуть у пожежі.

На третьому етапі найбільш заселеною залишається західна частина городища. Там збудовано вісім жител, що розташовуються двома рядами вздовж південного схилу та на вершині пагорба. В східній частині відзначено наявність двох споруд та закиданий поперечний рів. Цей етап датується кінцем IX — першою чвертю X ст. Таке планування дослідники пов'язали з топографічними умовами місцевості й виділили дві системи розташування споруд: на всій території городища житла орієнтовані довшими стінами вздовж горизонталей рельєфу, а на підвищенні, у західній частині — довільно [Борисевич, 1987, с. 60–61]. Проте, незважаючи на такий детальний аналіз, узагальненої публікації з наведеним планом забудови за хронологічним етапами в історіографії так і не з'явилося. Варіант забудови, що був запропонований вище, піддани критиці з боку М. Є. Персова, який відкидає наявність поперечних валів та ровів

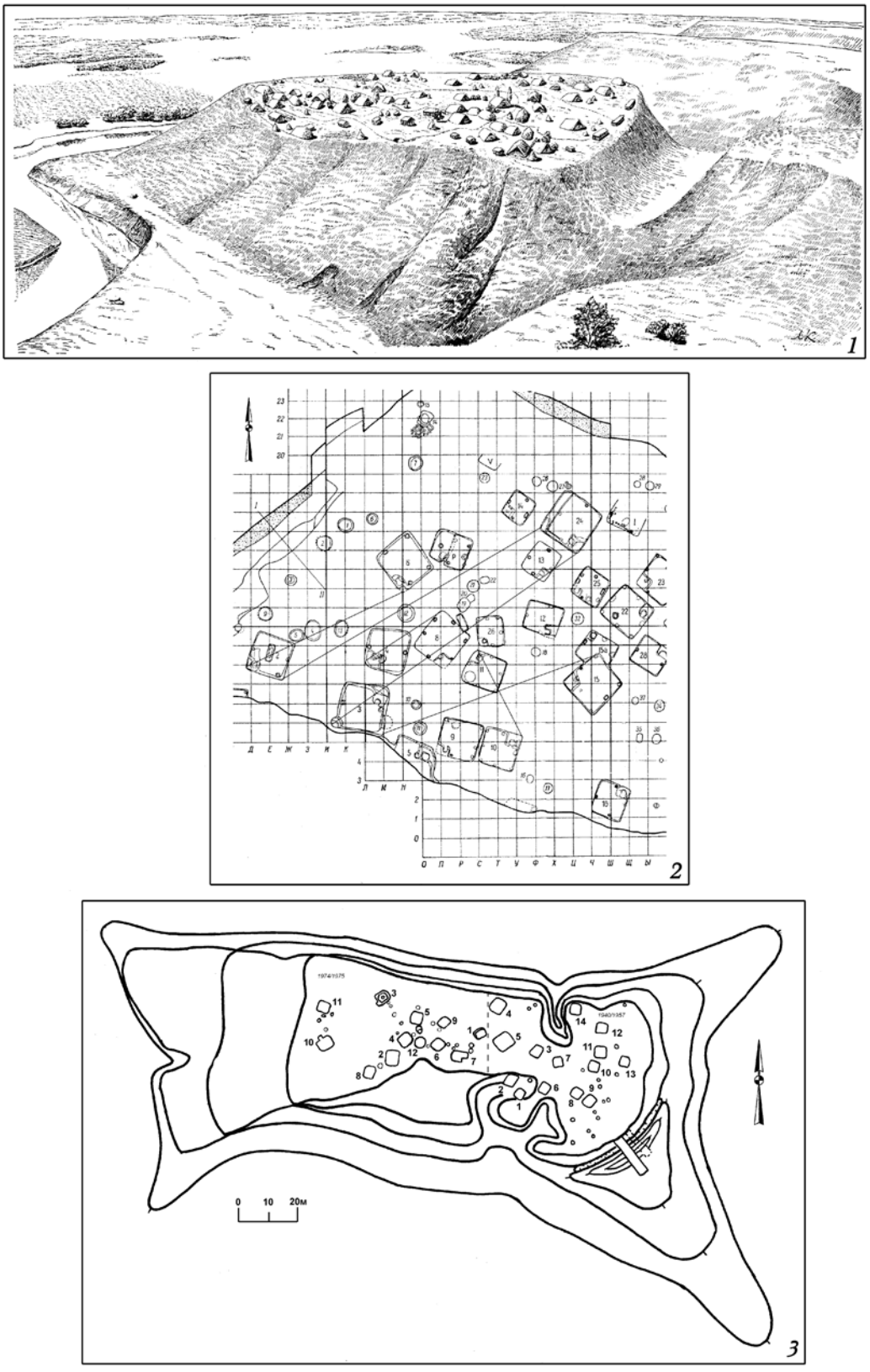


Рис. 1. Приклади городищ з лінійними зв'язками в забудові.
1 — реконструкція забудови Новотроїцького городища (за І. І. Ляпушкіним);
2 — схема лінійних зв'язків у забудові на Новотроїцькому городищі (за Я. В. Бараном);
3 — план Опішнянського городища (за О. В. Сухобоковим)

і пропонує свій погляд на хронологію житлових комплексів. Стосовно розміщення жител він дотримується думки, що забудова була довільною, споруди розташовувалися одна від одної на відстані не менше 3 м [Персов, 1991, с. 85].

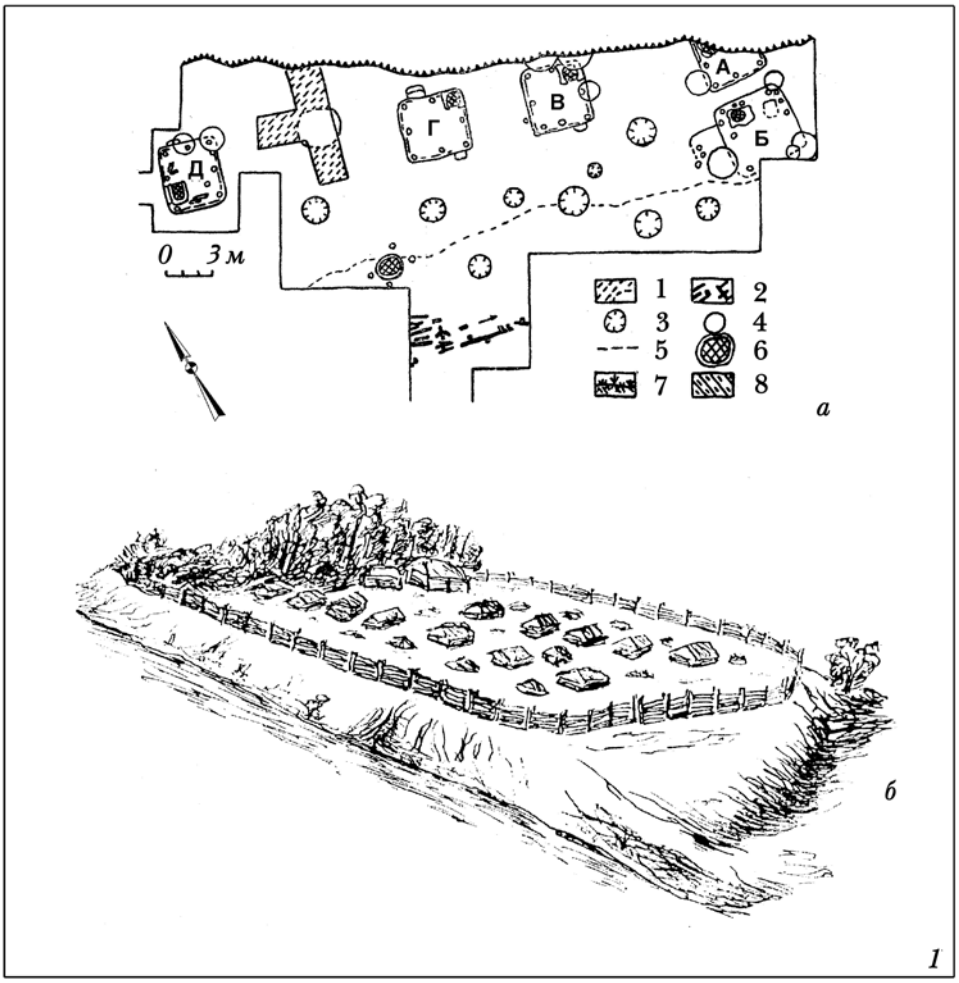
Дещо інше бачення забудови слов'янських поселень I тис. н. е. загалом та Новотроїцького городища зокрема має Я. В. Баран. Використовуючи у своїх побудовах систему діагональних прив'язок, дослідник досить ґрунтовно наводить приклади взаємного розташування жител у межах одного поселення на основі родинних зв'язків його мешканців. Погоджуючись із висновком А. К. Байбуріна про діагональний принцип організації житлового простору у слов'ян [Байбурин, 1983, с. 184], Я. В. Баран відзначає особливу роль маркування кутів — північного та протилежного від нього за діагоналлю — красного — для орієнтування майбутнього житла в межах поселення [Баран, 2004, с. 35]. На підкріплення своєї гіпотези дослідник наводить цілу низку етнографічно зафіксованих обрядових дій, що передували зведенню житла [Баран, 2004, с. 33–36]. Ці кути при будівництві мали знаходитися на одній лінії з одним із кутів більш раннього житла, визначаючи у такий спосіб місце розташування майбутнього будинку [Баран, 2004, с. 36]. Стосовно Новотроїцького городища Я. В. Баран зафіксував такі лінійні зв'язки серед групи будівель, розміщених у західній частині городища [Баран, 2004, с. 26]. Окрім цього, частина з них ув'язується в дві групи, характерні для підсистеми лінійно ув'язаних дугоподібних структур (рис. 1, *2*). Незважаючи на те, що дослідником розглянуті окремі житла, можливість існування такої системи підкріплюється аналогіями з пам'яток празько-корчацької та райковецької археологічних культур, а також подібним плануванням синхронних у часі слов'янських поселень Польщі, Німеччини та Чехії [Die Slaven, 1970, p. 126–138; Баран, 2004, с. 26–27].

Вірогідно, що така ж система розміщення жител характерна для іншої пам'ятки ранньороменського часу — Опішнянського городища. Остаточно підтвердити її існування на пам'ятці неможливо з кількох причин. По-перше, територія городища вивчена не повністю, по-друге, тут відсутня внутрішня хронологія та присутні житлові комплекси, що не пов'язані зі слов'янським етносом. З іншого боку, система планування видається вірогідною, з огляду на культурну та хронологічну тотожність пам'ятки з поселеннями, де лінійна система добре фіксується (рис. 1, *3*).

До висновків, зроблених Я. В. Бараном, необхідно додати також те, що житла зводилися не впритул одне до одного, як це вважалося раніше, і мали чітко регламентований порядок розміщення. Варто відзначити існування табу на зведення нових будинків на місці старих, що добре простежується на Опішнянському та Новотроїцькому городищах, де лише у двох випадках нові житла перекривали попередні. Це житло № 15, що врізалося в кут житла № 15а, а також № 39, що перерізає кут житла № 44.

Для середнього етапу існування роменської культури надзвичайно інформативним стосовно характеру забудови є Донецьке городище. В ході археологічних досліджень 1955–1957 та 1959–1961 рр. тут було розкопано практично весь майданчик городища, забудова якого мала досить послідовний характер. Житлові комплекси розташовувалися у лінію вздовж берега річки. Поруч із кожним житлом на відстані 3–7 м знаходилася господарська яма. Таке розміщення об'єктів наштовхнуло Б. А. Шрамка на думку про наявність вуличної забудови [Шрамко, 1962, с. 299–300] (рис. 2, *1*). Зазначене трактування розглядалось як виняткове, але було прийняте більшістю дослідників сіверянських старожитностей. Проте, теза про наявність вуличної забудови була піддана критиці з боку О. Г. Дяченка. Він наголошував на тому, що вуличне планування передбачає окреме розташування житлових та господарських будівель на протилежних боках вулиці, чого на Донецькому городищі не відзначено. Автор висуває припущення, що внутрішнє влаштування городища повністю відповідає лінійній чи рядовій забудові давньоруського села, яка склалася у VIII–X ст. на території лісової смуги Східної Європи. Її специфічними рисами було розташування жител вздовж берега, фасадами до річки [Дьяченко, 1991, с. 42].

Для пізнього етапу роменської культури опорною пам'яткою є Полтавське поселення, на характеристиці якого варто зупинитися більш детально. Заснування сіверян-



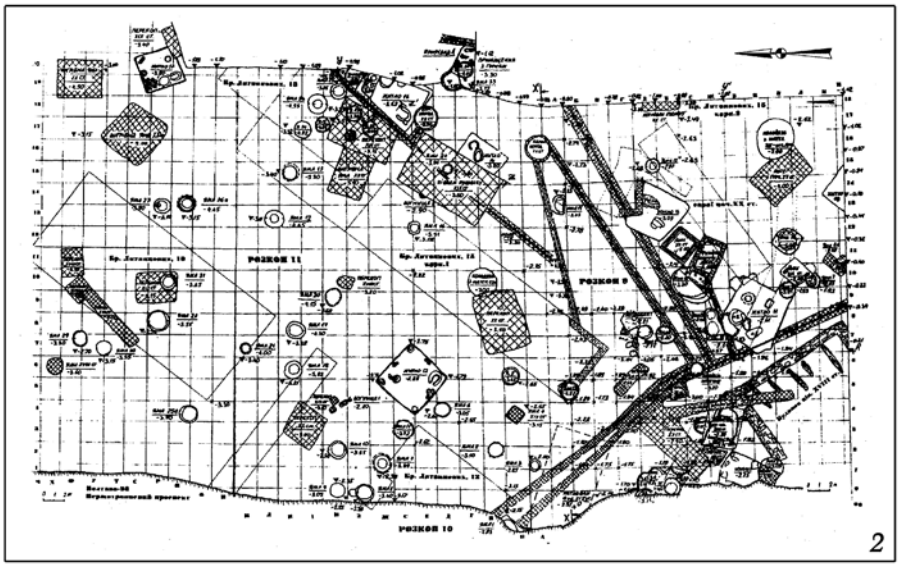


Рис. 2. Приклади поселень з лінійно-рядовою та садибною забудовою. *1* — план збереженої частини Донецького городища (а) та варіант реконструкції забудови (б) (за Б. А. Шрамком та В. В. Скирдою). Умовні позначення: 1 — рештки траншеї 1902 р. (В. О. Городцова), *2* — рештки оборонної стіни IX — початку X ст., 3 — роменські ями, 4 — давньоруські ями (вибірково), 6 — межі засипки щебенем, 7 — піч для випалу кераміки, 8 — дерн, 9 — материк;
2 — Полтава, селище на Інститутській горі (за О. Б. Супруненком)

ського поселення у Полтаві пов'язується з носіями роменської археологічної культури в IX ст. З цього часу починається формування території сіверянського, а згодом і давньоруського центру [Супруненко, 1999, с. 9].

Залишки садибної забудови виявлені в ході охоронних археологічних досліджень на посаді літописної Лтави в 1998 р. у двох розкопах — № 9 та № 11, котрі належать до пізньороменського часу (рис. 2, *2*). Розкопками виявлені рештки шести напівземлянкових жител та значна кількість господарських об'єктів. У цілому житлові та господарські об'єкти складають окремі житло-господарські комплекси — садиби, що розташовуються одна навпроти одної і майже збігаються за напрямком із сучасною вулицею Братів Литвинових [Кулатова, Мироненко, Приймак, Супруненко, 1999, с. 47–68].

Більш-менш чітко виділяються межі чотирьох таких житлово-господарських комплексів. Це житло № 9 та три прилеглі до нього господарські ями. Наступний комплекс включає у себе житло № 12, шість господарських ям, а також розташоване поруч із житлом відкрите вогнище. Зазначені комплекси утворюють правий бік «вулиці». Лівий бік цієї «вулиці» включає дещо більшу кількість комплексів — житло № 11 та розташовані поруч три господарські ями й котлован; житло № 14 — три господарські ями й вогнище. Щодо жител № 13 та № 17, то з ними не вдалося пов'язати якихось господарських комплексів, причиною чого могла бути деструкція останніх спорудами більш пізніх епох (рис. 2, *2*). Таке взаємне розміщення житлових та господарських споруд можна пов'язати із садибою чи двором. Що стосується їх меж, то вони могли бути огороджені природною зеленою огорожею або тином чи огорожею з дощок.

Таким чином, розташування виявлених об'єктів передбачає забудову, наближену до вуличної, оскільки вулицею в населених пунктах називається простір між двома рядами будинків для проходу та проїзду. На користь висунутого припущення свідчить хронологія існування виявлених об'єктів. Поява житлових та господарських комплексів на цій ділянці посаду датується в межах X ст., а їх загибель припадає на початок XI ст., коли сіверянська Лтава зазнає військового погрому. Опосередкованими свідченнями цього є сліди від пожежі, відзначені у всіх без винятку будівлях. У подальшому, приблизно з середини та кінця XI ст. і до XIII–XIV ст., ця ділянка посаду використовувалася переважно у побутових цілях. Підтвердженням цьому є значна кількість господарських ям різноманітного призначення та існування двох житлових комплексів (рис. 2, *2*).

Отже, на підставі наявних на сьогоднішній день археологічних матеріалів видається доречним виокремити в процесі розвитку Полтавського сіверянського поселення принаймні два умовні етапи заселення. Перший припадає на середину IX ст., коли створюються укріплення на території Соборного майдану — заселяється мис Старополтавської гори, що захищається з боку поля валом та ровом [Супруненко, 1999, с. 9]. До цього етапу належать рештки житлово-господарських комплексів, виявлених як на майданчику городища, так і на місці одного із селищ-посадів. Датування означених комплексів здійснюється на підставі керамічного матеріалу, а також на характерних особливостях житлобудування того часу, а саме на конструкції опалювальних пристроїв (тип I). На користь того, що ця територія була освоєна найраніше, свідчить і кількість знахідок салтівських імпортів та арабських монет другого періоду обігу куфічного срібла в землях Східної Європи [Пуголовок, 2012, с. 113–116].

У подальшому, ймовірно, з середини X ст., розпочинається другий етап розвитку сіверянського центру. Він пов'язується із розширенням меж початкового поселення. Заселяється Інститутська гора, створюється щільна забудова на цій ділянці, з елементами вуличного планування [Пуголовок, 2007, с. 143–147]. Цей етап маркується появою характерної давньоруської кераміки, а також зміною в конструкціях печей — вони стають цілком виліпленими із глини, переважно із застосуванням каркасу і, що характерно, втрачають зв'язок зі стінами котловану (тип II). На цьому етапі простежується відсутність знахідок салтівських речей у комплексах, досліджених на Інститутській горі.

На цьому етапі завершується формування території сіверянської Лтави. Від середини X ст. всі елементи поселення співіснують до часу погрому у перших десятиріччях

XI ст. Звісно, що запропонована схема розвитку Полтавського поселення не є кінцевою і відповідає рівню розвиту джерельної бази. Вірогідно, що в подальшому, з розробкою більш чітких хронологічних схем та розширенням джерельної бази, відбудеться уточнення виділених етапів [Пуголовок, 2011].

Засади певного планування були простежені також на Великому Горнальському городищі. Там будівлі були вишикувані по периметру стін оборонних споруд, утворюючи на ранньому етапі існування городища в його центрі незабудований майданчик, який, на думку А. В. Кузи, слугував місцем проведення загальних зборів чи язичницьких свят [Куза, 1981, с. 27–28] (рис. 3, *1*; 4, *3*). Садибні комплекси пізньороменського часу фіксуються в плануванні городища Переверзево-II. До складу таких дворів входила значна кількість присадибних споруд, відокремлювалися вони парканами [Узянов, 1981, с. 86; 1983, с. 93]. Схожа з лінійно-рядовою забудова була простежена на городищі Титчиха боршевської культури [Москаленко, 1965, с. 61–62].

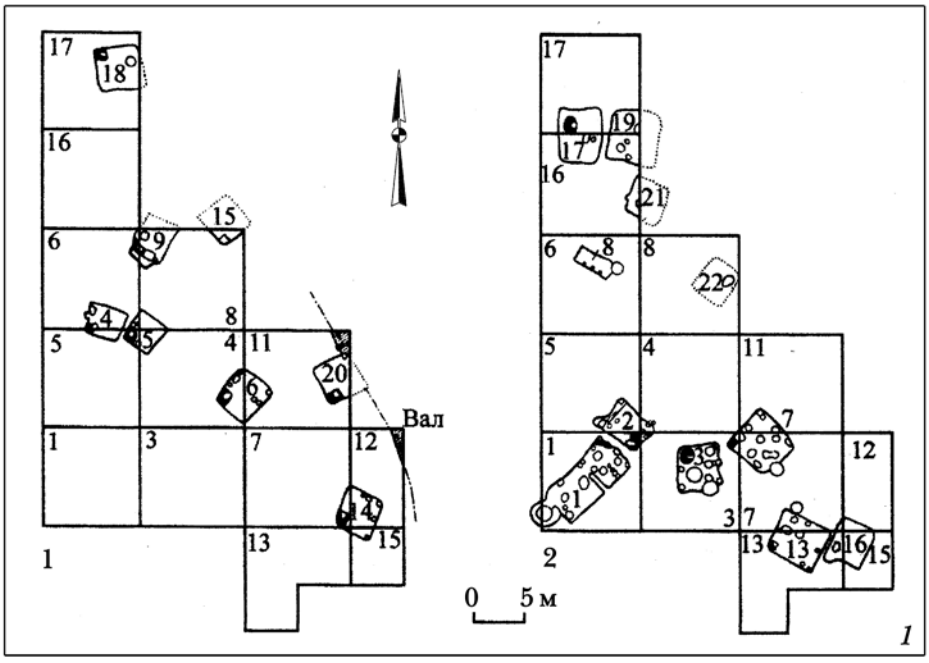
Досить незвичне розміщення житлово-господарських комплексів було зафіксовано Ю. Ю. Моргуновим у процесі досліджень на городищі Сампсоніїв Острів. На підставі аналізу розміщення жител та господарських об'єктів, а також речового матеріалу, дослідник дійшов висновку, що формування роменського неукріпленого поселення, а в подальшому і давньоруської фортеці, відбувалося вздовж давньої дороги [Моргунов, 2003, с. 151–159] (рис. 3, *2*).

Наведений вище огляд планової схеми трьох різночасових роменських поселень дозволяє стверджувати існування певних закономірностей у процесі освоєння сіверянами меж населеного пункту. Якщо на ранньому етапі (городище Новотроїцьке) забудова поселення регламентувалася родинними зв'язками і здійснювалася на підставі лінійних зв'язків (рис. 4, *1*), то для наступного етапу (Донецьке городище) планувальна закономірність вже є дещо іншою: житла розташовані відповідно до лінійно-рядової забудови й мали між собою проходи шириною близько 5 м і більше (рис. 4, *2*). О. Г. Дяченком висловлене припущення, що всі житла утворювали один ряд, який міг складатися з 25–30 будівель [Дьяченко, 1991, с. 42]. Варто відзначити, що поруч із кожним житлом було виявлено господарську яму, що окреслювало межі садиб (житлово-господарських комплексів). Більш чітко існування таких житлово-господарських комплексів фіксується у матеріалах Полтавського поселення. Житла, що належать до пізньороменського етапу, оточені, переважно, декількома господарськими ямами. Найбільш показовим є житлово-господарський комплекс № 11, до складу якого, крім ям, входила ще й господарська споруда. Щодо розміщення цих комплексів, то воно є наближеним до вуличного (рис. 4, *4*).

Щодо матеріалів, отриманих у результаті аналізу забудови поселень сіверян, видається слушним звернути увагу на сусідні території, а саме на поселенські об'єкти Хозарського каганату та Київської Русі, де урбанізаційні процеси відбувалися дещо швидше.

Рештки садибної забудови були виявлені С. О. Плетньовою під час досліджень Дмитрієвського археологічного комплексу. На одному з прилеглих до городища селищ біля підніжжя Миронової гори в результаті розкопок були виявлені рештки житлових та господарських будівель, що розташовувалися хаотично. Все ж дослідниця зуміла виділити декілька дворів, хоча, на її думку, досить умовних. До такого двору входило декілька жител, господарські споруди та ями. В кожному такому дворі виділялося житло з гончарним кругом, яке, на думку С. О. Плетньової, було центром такого комплексу [Плетнева, 1989, с. 60–61].

В іншому регіоні Хазарського каганату — степах Наддінців'я — поява садиб, на думку Л. І. Красильнікової, свідчить про седентаризацію та виникнення окремого господарства з правом його власників на окрему частину селища. Спираючись на археологічний матеріал, дослідниця встановлює приблизний розмір таких садиб, що становить 50–60 м^2. За характером споруд, що супроводжують житло, виділяються три типи садиб — прості, до яких входило виключно житло та невеликій простір навколо нього; садиби з житлами та господарськими спорудами, побудованими окремо від нього, та садиби, аналогічні до другого типу, але з наявними будівлями ремісничого призначення, що датуються IX ст.



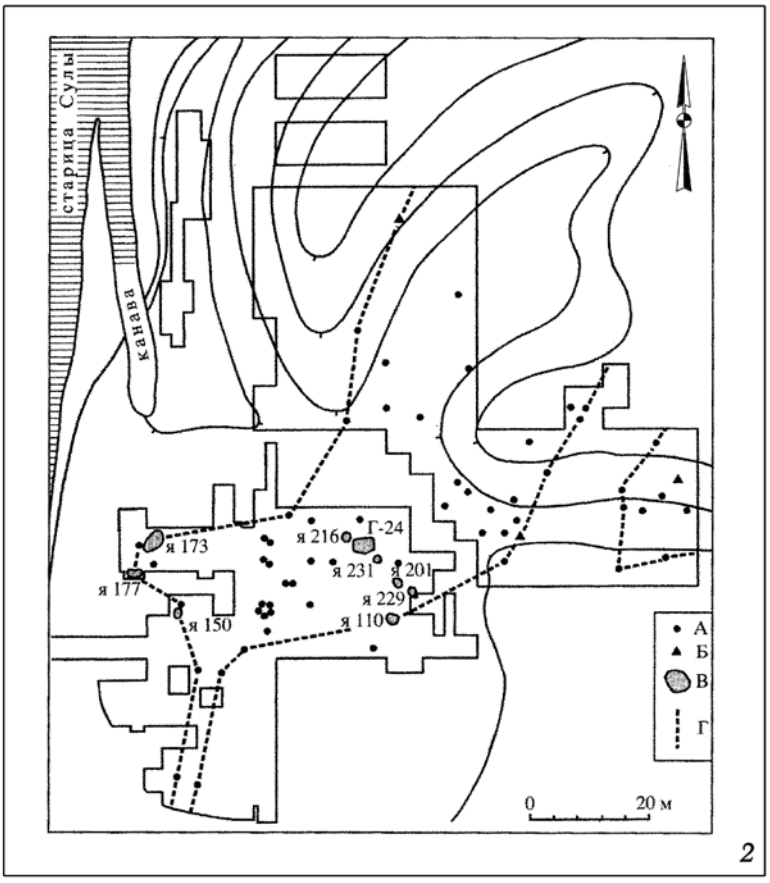


Рис. 3. 1 — план Великого Горнальского городища (за А. В. Кузою); *2* — схема розміщення матеріалів роменського часу на городищі Сампсоніїв Острів (за Ю. Ю. Моргуновим). Умовні позначення: А — місцезнаходження кераміки: Б — індивідуальні знахідки; В — житлові та господарські споруди; Г — простежені межі поширення датуючих знахідок

Планіграфія поселень у цілому залежала від рельєфу місцевості й передбачала декілька варіантів: кутовий, у вигляді півкільця та лінійний (за якого споруди розташовувалися з елементами вуличного планування). [Красильнікова, 2005, с. 13–15].

Традиційно археологи, що досліджували ґенезу східнослов'янських міст, пов'язували появу вулиць та садибної забудови з утворенням Київської Русі. Давньоруські вулиці мали вигляд проїздів поміж двох рядів огорожі, що визначали контури садиби, будівлі якої розташовувалися, як правило, у глибині двору. Що ж до напряму вулиць, то в переважній більшості він залежав від умов місцевості. Вулиці сходилися до головної торгової площі, до міських воріт або до дитинця. Головним елементом забудови давньоруського міста вважалася садиба, поява якої в системі міста припадає на X–XI ст. [Кутовой, 1984, с. 67; Кучера, 1999, с. 105–109]. Відносно планування та забудови садиб відзначалися ознаки майнової диференціації. Садиба пересічного мешканця давньоруського міста розміщувалася на невеликій земляній ділянці і складалася з помешкання та розташованих поруч господарських споруд [Асєєв, 1969, с. 20–22].

Таким чином, характер забудови сіверянських поселень дозволяє стверджувати, що роменське поселення від початку свого існування мало певні закономірності в розміщенні жител на своїй території. З плином часу та розвитком суспільних відносин такі закономірності змінювались. Цілком імовірно, що зміна планування поселення — поява садиб — пов'язана з розпадом родоплемінного ладу, який завершився на межі X–XI ст. [Фроянов, 1996, с. 292].

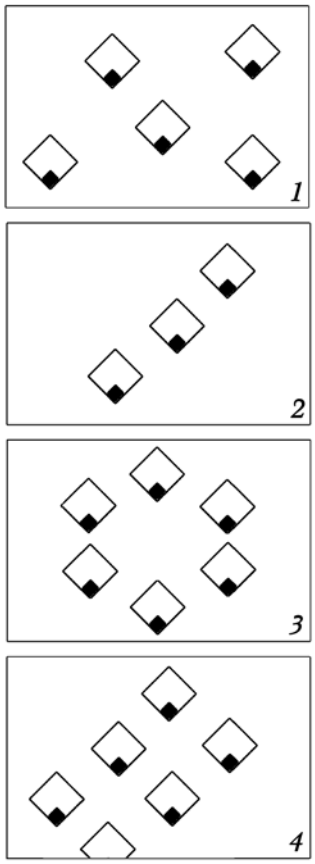


Рис. 4. Варіанти забудови поселень сіверян: *1* — з лінійними зв'язками; *2* — лінійно-рядова; *3* — кільцева; *4* — вулична

Асєєв Ю. С. Архітектура Київської Русі / Ю. С. Асєєв. — К., 1969. — 192 с.

Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. — Л., 1983. — 188 с.

Баран Я. В. Слов'янська община / Я. В. Баран. — К.-Чернівці, 2004. — 192 с.

Березовець Д. Т. До питання про літописних сіверян / Д. Т. Березовець // Археологія. — 1953. — Т. VIII. — С. 28–44.

Березовець Д. Т. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949–1950 рр. / Д. Т. Березовець // АП УРСР. — 1955. — Т. V. — С. 49–66.

Борисевич Г. В. Микрорельеф и грунт как вспомогательные источники для реконструкции этапов застройки Новотроицкого городища / Г. В. Борисевич, А. А. Узянов // Методы естественных наук в археологии. — М., 1987. — С. 56–61.

Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным / А. В. Григорьев. — Тула, 2000. — 263 с.

Дьяченко А. Г. О характере жилищно-хозяйственной архитектуры и планировке Донецкого городища в IX — начале X в. / А. Г. Дьяченко // Археология славянского Юго-Востока: материалы к межвузовской научной конференции. — Воронеж, 1991. — С. 37–43.

Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей / В. В. Енуков // Курский край: научно-популярная серия в 20 т. — Т. 3. — Курск, 2005. — 350 с.

Красильнікова Л. І. Будівлі салтово-маяцької культури Наддінців'я: автореф. дис. … канд. іст. наук / Л. І. Красильнікова. — К., 2005. — 22 с.

Куза А. В. Большое городище у с. Горналь / А. В. Куза // Древнерусские города. — М., 1981. — С. 6–39.

Кулатова І. М. Житлово-господарські комплекси X–XIV ст. з розкопок посаду літописної Лтави 1998 р. /

І. М. Кулатова, К. М. Мироненко, В. В. Приймак, О. Б. Супруненко // АЛЛУ. — 1999. — № 1 (5). — С. 47–68.

Кутовой А. И. Усадьбы как основные элементы градостроительной структуры древнерусского города / А. И. Кутовой // Древнерусский город: материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева. — К., 1984. — С. 65–67.

Кучера М. П. Подвірно-рядова забудова на давньоруських городищах / М. П. Кучера // Археологія. — 1999. — № 2. — С. 105–110.

Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства / И. И. Ляпушкин // МИА. — 1958. — № 74. — 328 с.

Макаренко Микола. Городище «Монастирище» / Микола Макаренко // Науковий збірник Історичної секції ВУАН. — К.,1925. — Вип. 19. — 23 с.

Моргунов Ю. Ю. Сампсониев Остров: Пограничная крепость на посульській окраине Южной Руси в XI–XIII вв. / Ю. Ю. Моргунов. — М., 2003. — 187 с.

Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону / А. Н. Москаленко. — Воронеж, 1965. — 308 с.

Персов Н. Е. Относительная хронология жилищ городища Новотроицкого / Н. Е. Персов // Вестник московского университета. — 1991. — № 4. — С. 77–86. — (Серия 8. История).

Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс) / С. А. Плетнева. — М., 1989. — 288 с.

Пуголовок Ю. Про планування посаду літописної Лтави у X — на початку XI ст. / Юрій Пуголовок // Середньовічні старожитності Центрально-Східної Європи: матеріали VI Міжнародної студентської наукової археологічної конференції. — Чернігів, 2007. — С. 143–147.

Пуголовок Ю. О. Динаміка формування території сіверянської Лтави / Ю. О. Пуголовок // Исторические этюды: сборник научных трудов. — Дніпропетровськ, 2011. — Вып. 3. — С. 196–199.

Пуголовок Ю. А. Ранние комплексы северянской Лтавы (некоторые итоги изучения) / Ю. А. Пуголовок // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения И. И. Ляпушкина, Санкт-Петербург, 3–5 декабря 2012 г. — СПб., 2012. — С. 113–116.

Супруненко О. Б. Літописна Лтава (до 1100-річчя міста Полтави за даними археологічних досліджень) / О. Б. Супруненко // Полтавський археологічний збірник — 1999 (до 1100-ліття м. Полтави за результатами археологічних досліджень): Збірник наукових праць. — Полтава, 1999. — С. 9–27.

Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники) / О. В. Сухобоков. — К., 1975. — 166 с.

Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. / В. Д. Баран, Е. В. Максимов, А. Т. Смиленко и др. — К., 1985. — 184 с.

Узянов А. А. Переверзевское II городище / А. А. Узянов // АО 1980 г. — М., 1981. — С. 85–86.

Узянов А. А. Памятники роменской культуры на р. Тускарь / А. А. Узянов // АО 1981 г. — М., 1983. — С. 93–94.

Фроянов И. Я. Рабство и данничество у восточных славян / И. Я.Фроянов. — СПб., 1996. — 512 с.

Шрамко Б. А. Древности Северского Донца / Б. А. Шрамко. — Харьков, 1962. — 403 с.

Шрамко Б. А. Рождение Харькова / Б. А. Шрамко, В. В. Скирда. — Харьков, 2004. — 118 с.

Юренко С. П. Домобудівництво населення Дніпровського Лівобережжя в VIII–X ст. / С. П. Юренко // Археологія. — 1984. — Вип. 45. — С. 34–46.

Die Slaven in Deutschland. Geschichte und kultur der slawischen stamme westlich von Oder und Neisse vom 6 bis 12 jahrhundert / herausgegeben von Joachim Herrmann. — Berlin, 1970. — 530 p.

Ю. О. Пуголовок

Планирование поселенческих структур северян

В процес се анализа планиграфических особенностей поселений роменской культуры прослеживаются закономерности в их застройке. На раннем этапе планирование поселений, вероятно, регламентировалось родственными связями и осуществлялось на основе линейных закономерностей. Позднее наблюдается процес выделения усадебных комплексов, что вероятно, следует связывать с социальными изменениями в обществе.

Yu. O. Pugolovok

Severian settlement structure planning

The article reviews planning scheme of Romens'ka culture settlements. Certain patterns are identified during the development of settlement boundaries. Site development suggests that on early phase of culture it is regulated by kinship and implemented based on linear patterns. Later process of extracting manor complexes was associated with the collapse of the tribal system, which ended at the turn of the Xth–XIth centuries.

С. П. Романчук, С. П. Тараненко

Досвід реконструкції давнього рельєфу та гідромережі Київського Подолу

На базі археологічних джерел та історико-ландшафтної методології розглядаються питання сумісного розвитку рельєфу, гідромережі та планувальної структури Подолу Києва у давньоруський час.

Ключові слова: Київський Поділ, Давня Русь, розкоп, Ручай, рельєф.

Залежність формування планувальної структури давньоруського Подолу Києва від давнього рельєфу неодноразово відзначалася дослідниками Києва [Толочко, 1981, с. 93; Сагайдак, 1991, с. 126; Сагайдак, 2001, с. 8, 10]. Перевірка цієї гіпотези вимагає розгляду всієї джерелознавчої бази. Адже історичні матеріали (у першу чергу картографічні) відбивають ситуацію на XVII–XVIII ст., яка навряд чи є ідентичною ситуації досліджуваного періоду. Крім того, залишаються невідомими особливості похованого рельєфу згаданого часу (локальні форми мезорельєфу, їхні обриси, кути нахилу, динаміка тощо). По-третє, археологічні матеріали, які фактично є найбільш надійними, фрагментарні, оскільки археологічні дослідження на Подолі практично завжди мають рятувальний характер і не є цілеспрямованим пошуком. З іншого боку, застосовуючи підходи й методи історико-ландшафтного аналізу, можна одержати цілком задовільні, як на сучасний рівень дослідженості, результати.

Для вирішення цього питання, на наш погляд, необхідно провести аналіз об'єкту на основі методологічних здобутків природничих та гуманітарних наук щодо дослідження давнього культурного ландшафту в період стрімкого переформування його літогенної основи та гідрологічного режиму. Оскільки територія Подолу до X ст. була частиною заплави Дніпра, передусім необхідно розглянути природні процеси, що формують структуру заплави та її присхилові комплекси. Тобто уявити «анатомію» об'єкту дослідження з теоретичної точки зору. Наступний найважливіший етап дослідження — сумісний аналіз ландшафтних реалій Подолу з археологічними об'єктами із застосуванням методів картографічних реконструкцій похованого ландшафту та ландшафтного профілювання із залученням історичних матеріалів тощо.

Заплавою вважається найнижча частина річкової долини, яка під час повені вкривається водою (низька заплава — завжди, висока — не кожен рік). Найвищі елементи заплави відповідають максимальним рівням водопілля. Тераси ніколи не вкриваються водою, не мають сезонного режиму зволоження і не поповнюються алювієм. Тобто, якщо ділянка заплави виходить із заплавного режиму, вона автоматично стає терасою за визначенням.

Формують заплаву два невіддільні один від одного флювіальні процеси — русловий процес, або постійний процес меандрування русла (річища), та процес розподілу алювіального матеріалу під час водопілля. Меандруванням називають процес переформування вигинів річища в межах заплави. Річка постійно зміщує своє річище в процесі розвитку його синусоідних вигинів-меандр у майже замкненій петлі. Меандрування відбувається завдяки різниці у швидкості потоку біля зовнішнього (увігнутого) берега та внутрішнього (опуклого), яка виникає, у свою чергу, через відцентровані та інерційні

сили, що діють на водні маси. В результаті зовнішній прямовислий берег весь час розмивається і збільшує свій вигин. Біля внутрішнього відлогого берега відбувається процес акумуляції руслового алювію, утворюється мілина. Для кожної петлі-меандра процес закінчується проривом перешийка й утворенням нового русла — «прорви» зі стрімкою течією та старого русла — «стариці» (старорічища) з уповільненою течією. Таким чином, матеріал заплави постійно переміщується вниз за течією, сортується і перевідкладається, утворюючи з внутрішнього боку меандр серію серпоподібних підвищень (грив) та знижень між ними, узгоджених щодо річища.

Вхід в старе річище закривається відкладами спочатку з одного входу, утворюючи затоку — «затон» (зручну гавань), а потім з іншого. Подальша доля такого «кривого» озера — перетворення на болотне заплавне зниження.

Річка, меандруючи по всій заплаві, періодично досягає своїми петлями терас та корінних берегів, залишаючи згодом притерасні болота і зниження. Сліди меандрувань різного віку створюють мереживо заплавних озер, боліт, знижень, гривистих форм тощо.

Не менш важливими для формування заплавного ландшафту є процеси, викликані водопіллям. Саме в цей час відбуваються прориви меандр і перерозподіл зваженого матеріалу на всій площі заплави. Розміри твердих часток, що можуть бути утримані потоком у зваженому стані, залежать від його швидкості. Швидкість потоку води в руслі під час повені швидко зростає і сприяє його насиченню зваженими частками (пісок, дрібний пісок, глинисті частки, органіка тощо). Коли вода розливається з русла на заплаву, її швидкість зменшується що далі від русла. За цією закономірністю зменшується можливість води утримувати зважений матеріал. Найбільші частки випадають безпосередньо біля русла, формуючи прируслови́й вал або найвищу місцевість заплави — прируслову заплаву. Ширина смуги прируслової заплави може сягати десятків і сотень метрів, а висота на Дніпрі — до 5 м. Далі від русла відкладаються більш дрібні частки. І, нарешті, у давньоруслових зниженнях під корінним берегом осідають найдрібніші зважені частки (притерасна заболочена заплава). Тобто, спостерігається певна інтерференція процесів і морфологічних структур заплави, що викликані меандруванням та водопіллям. З часом картина лише ускладнюється у зв'язку з біотичними і ґрунтоутворюючими процесами, залежно від складу відкладів та рівня ґрунтових вод.

Заплава у безпосередній близькості від підрізаного колишнім річищем корінного берега залучається до сфери схилових процесів. Тобто, у першу чергу, гравітаційних та ерозійних процесів. Обвали, зсуви, осипи, конуси виносу формують підошву схилу. У разі виходу її поверхні вище рівня найвищих повеней цю ділянку заплави можна вважати пролювіально-зсувною терасою. За наявності виходів ґрунтових вод терасу перетинають невеликі струмочки і значні струмки, що прямують до найближчих знижень заплави.

Така теоретична модель може дати уявлення про те, як виглядала (тепер похована) поверхня Подільської заплави на момент появи перших поселенців. З абсолютною впевненістю можна сказати, що її поверхня не була рівною, а являла собою безсистемне чергування заболочених знижень, поверхня яких не набагато перевищувала звичайний рівень Дніпра, та підвищень неправильних обрисів і грив відповідно з перевищенням 2–3 м, а іноді на залишках прируслових валів абсолютні позначки могли сягати 95–96 м за Балтійською шкалою висот. Тобто за своєю структурою ця територія не відрізнялася від типових ділянок заплави поблизу Києва в середині минулого століття. Не виключено, що існувало попід схилами Київських гір часткове заболочене зниження (одна із старих меандр Почайни), подібно до притерасових боліт, що тягнулися суцільною смугою в північному напрямку, як це видно на топокартах Києва першої половини XX ст. (вздовж Плоського, Куренівки, Приорки).

Однак теоретична реконструкція є доволі приблизною щодо конкретних деталей та особливостей первинної структури і стратиграфії подільської ділянки заплави.

Один з ефективних методів дослідження стратиграфії ландшафтів, їх історії та динаміки є метод ландшафтного профілювання. Цей метод дозволяє узагальнити й уточнити просторово-часові закономірності залягання природних, природно-антропогенних та культурних шарів.

Побудова ландшафтного профілю починається з обґрунтування його траси щодо мети дослідження та репрезентативності для досліджуваної території. Як правило, профіль прокладається перпендикулярно (в плані) до характерних форм рельєфу, в даному випадку Подолу і, відповідно, горизонталей. Крім того, має бути врахована різноманітність ландшафту вздовж профілю, дослідженість території тощо. У зв'язку з цим лінія профілю може складатися з окремих відрізків, які разом створюють ламану лінію.

Другий етап профілювання — побудова гіпсометричної лінії (тобто лінії поверхні). Цей процес базується або на великомасштабній топокарті (з якої беруть відстані між горизонталями по лінії профілю та їхні висотні позначки), або на інструментальній зйомці (нівелювання, або вимірювання кутів нахилу й відстаней теодолітом). Лінія поверхні будується з використанням вертикального та горизонтального масштабів. Для виразності сприйняття профілю і зручності його аналізу вертикальний масштаб (для рівнинних територій) може бути більшим за горизонтальний на один-два порядки.

Безпосередньо під лінією поверхні зображується (з урахуванням вертикального масштабу) ґрунтовий покрив, його склад та генезис. Над поверхнею зазвичай показують рослинність і техногенні елементи ландшафту. Між денною поверхнею і рівнем підземних вод фіксуються результати буріння, шурфування, описів відкладень природного і штучного походження. Ці результати можуть бути показані на профілі у вигляді стратифікованих колонок, ідентичні прошарки яких з'єднують між собою у суцільні (іноді клиноподібні) смуги та лінзи. У випадку незначного забезпечення фактичними даними реконструкція стратифікації матиме дещо гіпотетичний чи концептуальний характер.

Профілювання на терені Подолу мало на меті не стільки відтворити стратифікацію відкладів (даних замало), а реконструювати поховані колишні денні поверхні за культурними шарами та здійснити кореляцію з ними ділянок похованих русел постійних і тимчасових водотоків, вивчення яких знаходиться на початковій фазі [Тараненко, 2012, с. 73].

Слід зауважити, що рельєф і гідрографія давньокиївського Подолу не можуть розглядатися окремо. Тому лінія профілю має комплексно враховувати й особливості сучасної поверхні. Наявність підвищення (пасма) перпендикулярного до краю плато неодноразово привертало увагу дослідників [Сагайдак, 2001, с. 8; Занкін, 2009, с. 70]. Крім того вздовж згаданого пасма було археологічно виявлено значну кількість похованих річищ давніх водотоків і залишків гідротехнічних конструкцій від Житнього ринку до вул. Волоської: Житній ринок, 1973 р. [Толочко, 1976, с. 29]; вул. Волоська, 17–19, 1974–1975 рр. [Гупало, 1979, с. 44]; вул. Хорива, 30, 1985 р. [Сагайдак, 1991, с. 48]; вул. Хорива, 40, 1985 р. [Сагайдак, 1991, с. 50]; вул. Героїв Трипілля, 21, 1987 р. [Сагайдак, 1988, с. 40]; вул. Волоська, 18, 1987 р. [Сагайдак, 1988, с. 46–47]; вул. Волоська, 40, 1987 р. [Сагайдак, 1988, с. 23].

В результаті лінія профілю була побудована з двох відрізків. Перший (A–B) сполучає Житній ринок та, практично, ріг вулиць Костянтинівської і Спаської довжиною 300 м. Другий (B–C) відрізок профілю довжиною 1200 м тягнеться від закінчення першого, вздовж вододільної лінії згаданого вище підвищення через ріг вулиць Хорива та Набережно-Хрещатицької до гавані.

Для «наповнення» профілю були використані стратиграфічні колонки з розкопок Житнього ринку 1973 р., Червоної площі 1971–1973 рр., вул. Героїв Трипілля–Хорива, 1972 р. [Сагайдак, 1991, рис. 35], вул. Межигірської, 3/7, 2003 р. [Тараненко, 2008], вул. Спаської, 35, 2011 р. [Khamaiko, 2012, с. 133–135] та даних з хронології давньоруських культурних шарів з розкопів у стометровій смузі вздовж профілю: вул. Волоська, 17–19, 1974–1975 рр. [Гупало, 1979, с. 44]; вул. Нижній Вал, 41, 1987 р. [Зоценко, 1993]; вул. Хорива, 30, 1985 р. [Сагайдак, 1991, с. 48]; вул. Хорива, 40, 1985 р. [Сагайдак, 1991, с. 50]; вул. Героїв Трипілля, 21, 1987 р. [Сагайдак, 1988, с. 40] (рис. 1). Це дозволило скласти уявлення про послідовність і етапи зростання висоти поверхні цієї частини Подолу, походження пасма та розвитку гідромережі.

Ми дійшли висновку, що у X ст. заплавна частина Подолу за висотою поверхні мало відрізнялась від типових заплавних ділянок сучасної долини Дніпра (нижче рівня максимальних водопіль). До речі, висота пересічних водопіль мала бути нижчою за сучасну

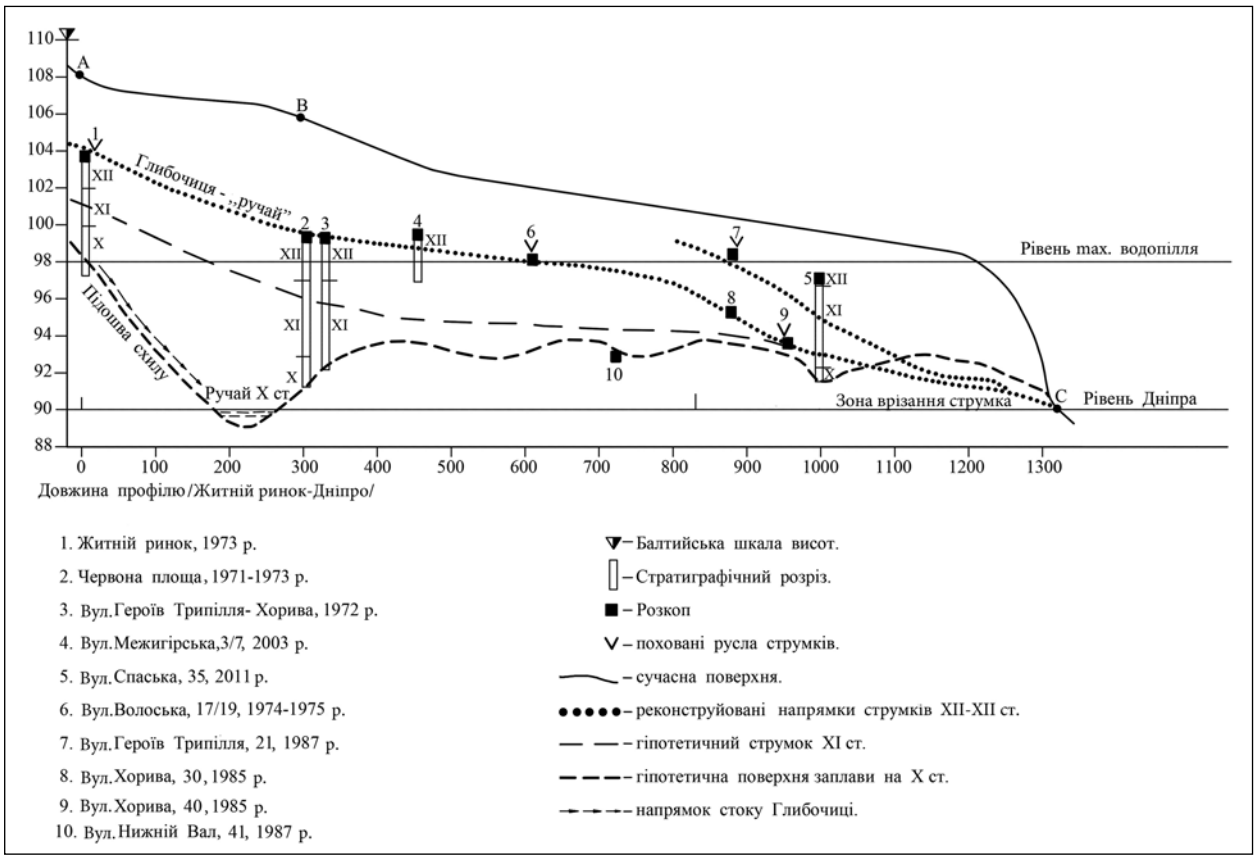


Рис. 1. Схематичний профіль Київського Подолу

у зв'язку з високою лісистістю басейну Дніпра у той час. Існує обернений зв'язок між лісистістю басейнів і висотами повеней (ліс — регулятор стоку).

Заплавна частина Подолу заселялася, починаючи з найвищих елементів рельєфу, які тільки зрідка вкривались повенями (головним чином, це — прируслові вали активних і колишніх русел). Тоді почався процес інтенсивного накопичення алювію під час повені у зв'язку зі сповільненням течії біля підтоплених і затоплених споруд, парканів та інших штучних перепон.

Пролювіальні відклади в цьому процесі відігравали зовсім незначну роль, оскільки помірний рідкий і твердий стік зі схилів гір, русел тимчасових водотоків та струмків у X ст. формував головним чином підошву схилів, а ближче до заплави перехоплювався давньорусловим зниженням, що простяглося вздовж гір на південний схід. Твердий стік поступово заповнював це зниження, а вода створювала постійний водотік (літописний «Ручай» — логічне продовження Глибочиці, найбільшого з його допливів). Можливо, назва «Ручай» стосувалася всього водотоку від витоків сучасної Глибочиці до впадіння в Почайну. Слід думати, що під час повеней ця улоговина перетворювалась на рукав Почайни, яким вона й була в попередні віки (тільки постійно діючим) (рис. 2). Почайна на той час була притерасним рукавом Дніпра на північ від Подолу, і досить крутим вигином оточувала його з півночі, північного сходу та сходу (рис. 3) [Сагайдак, 2010, с. 45].

Існування давньоруслового зниження під Горою — це прояв загальної закономірності розвитку заплав і долин великих рівнинних річок. Такі зниження, переважно заболочені й заторфовані, простежуються скрізь уздовж тераси лівого берега Дніпра і вздовж плато й терас правого.

В цьому випадку стають зрозумілими деякі факти: згадка у літописі, що Дніпро (або Почайна) протікав безпосередньо біля височин; відсутність знахідок русел тимчасових і постійних водотоків у центральній частині Подолу, датованих X ст.; літописна згадка про «Ручай» та її археологічні підтвердження [Повесть временных, 1950; Сагайдак,

1991]; прошарки болотного походження в будівельних котлованах у південно-східній смузі Подолу тощо.

Наступний етап розвитку території Подолу пов'язаний з початком активізації ерозійних процесів на рубежі X–XI ст. навколо ядра Стародавнього Києва та водозбірного басейну Глибочиці. Для забудови схилів Гори, підошви та схилів і дна Глибочицької балки така ситуація не була сприятливою і вимагала певних гідротехнічних заходів та ліквідації наслідків катастрофічних залпових викидів пролювію з ярів. Пролювіальні відклади відносно швидко заповнили згадану улоговину біля підніжжя гір і почали поширюватись по заплаві у бік Дніпра, чергуючись з його алювіальними відкладами.

Головним джерелом (магістраллю) надходження пролювію на Поділ, як і раніше, була Глибочиця-Ручай, яка, втративши нижню частину русла в давньорусловому зниженні, почала прокладати нове в межах Подолу. В суто природних умовах (без забудови і втручання людини) заплава у таких випадках перекривається конусом виносу пролювіальних відкладів з «віялом» розгалужених постійних і тимчасових водотоків (аналог дельтових утворень). Але в межах уже забудованого Подолу його мешканці не могли пустити цей процес буквально на «самотік». Можна припустити, що головне (постійне) русло Глибочиці–Ручая намагались утримувати у стані магістрального каналу, коригуючи його русло й укріплюючи береги, що підтверджується археологічними даними. Підлаштовували русло під забудову й підлаштовували забудову під русло.

Під час екстремальних паводків Глибочиці–Ручая насичений зваженими частками потік переливався через укріплення берегів і розливався на значні відстані від русла, передусім провулками, а іноді й через паркани. Можливо, що провулки теж були прилаштовані для регулювання потоків. Як би там не було, періодично, хоча й нерегулярно, розливи підвищували рівень поверхні Подолу, і найбільше в перших десятках метрів від головного русла, формуючи прируслові вали. Одночасне підвищення дна русла врешті-решт призводило до ситуації, коли струмок уже протікав не по найнижчих, а по найвищих каркасних

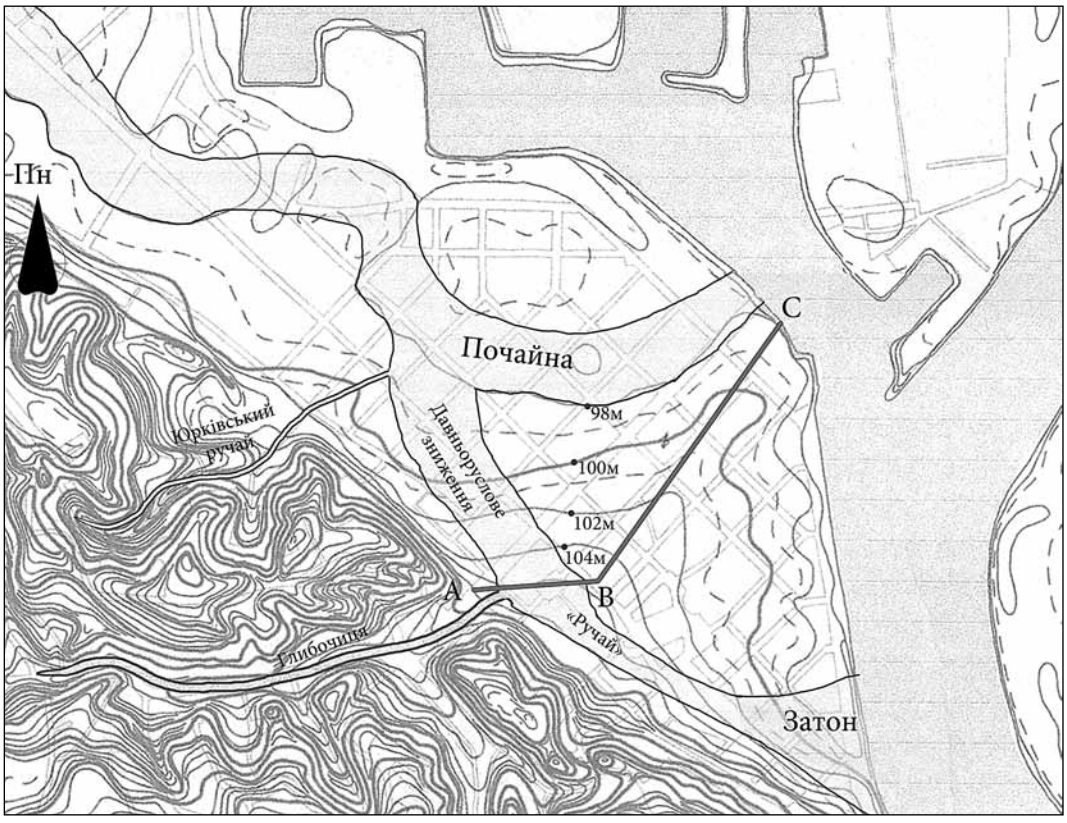


Рис. 2. Реконструкція гідрографії Подолу на X ст.

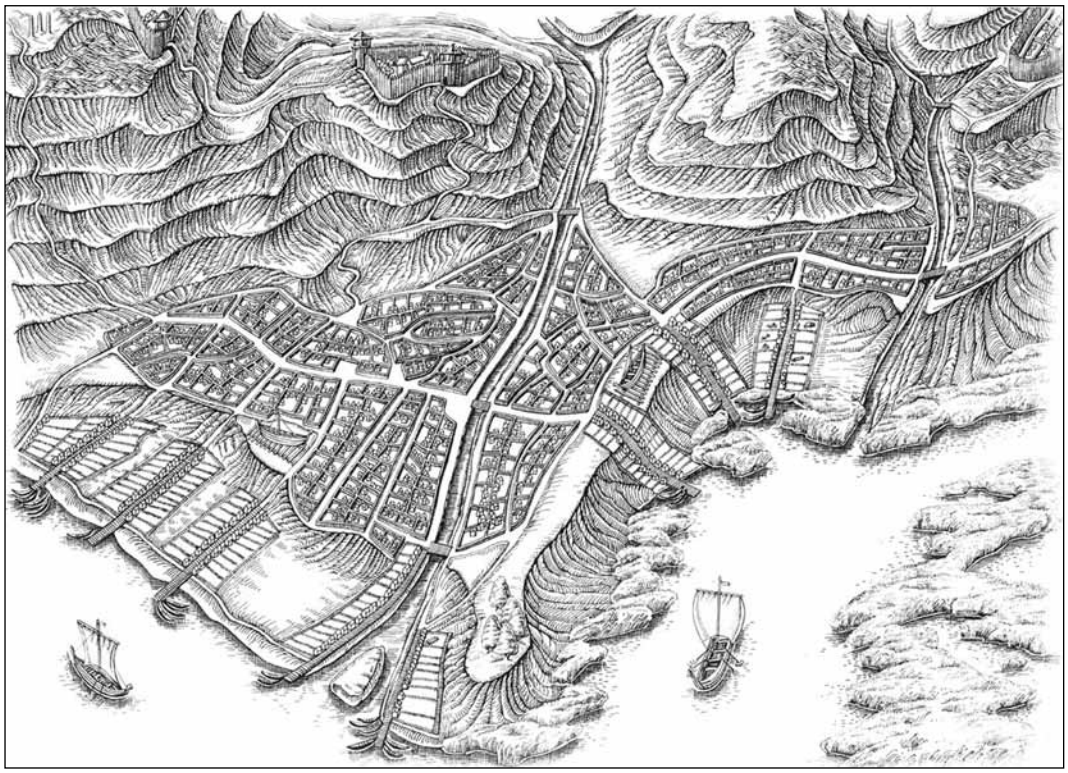


Рис. 3. Реконструкція Подолу Києва IX–X ст. (автор — М. Сагайдак)

лініях рельєфу. Це явище спостерігається на всіх річках, які несуть велику кількість зважених часток і береги яких укріплені дамбами. В цих випадках повені завжди небезпечні можливими катастрофічними наслідками, проривами дамб, а інколи й змінами русла.

У випадку Глибочиці–Ручая колишні заповнені відкладами й поховані русла XI–XII ст. виявлені в центральній частині Подолу у смузі від Житнього ринку до вул. Волоської.

На нашу думку, ці фрагменти русел, віднесені дослідниками до безіменних струмків, насправді належать стародавній Глибочиці–Ручаю [Романчук, 2013, с. 199]. По-перше, між Замковою горою та Щекавицею, де було виявлене таке русло, в балці шириною не більше 100 м не могли паралельно протікати два водотоки. По-друге, параметри викопного русла безіменного струмка дуже близькі до описаних у другій половині XVIII ст. параметрів Глибочиці: «речка Кудрявець, она же и Канава.... Ширина оной бывает от одной сажени и до двух сажен, глубиною — на один аршин» [Описание, 1989, с. 167]. Ці параметри русла Глибочиці роблять зрозумілою можливість штучних його змін і перенесень у давньокиївський час, а також у XVIII та XIX ст. (технічні можливості були майже однаковими). М. Сагайдак слушно називає цей потік «Ручаєм» [Сагайдак, 1991, с. 15], і в картографічних реконструкціях гідрографії Подолу та на малюнках однозначно ототожнює його із сучасною Глибочицею.

Вірогідно, що смуга розвантаження твердого стоку вздовж вказаної траси могла існувати до XVIII ст., коли русло Глибочиці перемістили під оборонний вал [Сагайдак, 1991, с. 11]. За деякими реконструкціями, це відбулося в XVII ст. [Алферова, 1982].

Очевидно, що інші струмки Подолу за своїми можливостями щодо нарощування поверхні Подолу не йдуть у жодне порівняння з Глибочицею, басейн якої перевищує 3 км. Струмок, показаний на карті Ушакова («переулок, по нем же ручей течет») [Алферова, 1982], з витоком біля Покровської церкви, явно мав джерельне живлення, а під час сніготанення і злив не ніс великої кількості матеріалу. Він мусив існувати вже з XII ст., але був надійно «зафіксований» у провулках.

Археологічну фіксацію Юрківського струмка пов'язують з дослідженнями на вул. Юрківська, 12/59 [Занкин, 1993, с. 18] та вул. Оболонська, 5 [Тараненко, 2012, с. 73], про-

веденими у 1992 р. Сам струмок можна розглядати як дуже зменшену копію Глибочиці, який виносив занадто мало матеріалу, щоб заповнити притерасну улоговину колишньої Почайни. Тобто, використання цієї території могло бути сезонним і пов'язаним з осушувальними меліораціями [Романчук, 2013, с. 199].

Таким чином, відбулася диференціація заплавної частини Подолу за висотою поверхні залежно від надходження матеріалу з боку плато. В кінцевому результаті, як показав аналіз висотних рівнів відповідних культурних шарів, пролювіальні потоки, що заливали вулиці, подвір'я і споруди, вже в XII ст. підняли поверхню значної частини Подолу вище рівня максимальних водопіль Дніпра. Це створило можливість для використання більшої частини Подолу протягом усього року, будівництва мурованих храмів і наступного його перетворення (на кілька століть) на головну частину міста.

Аналіз залягання культурних шарів різного віку вздовж профілю дозволив дійти деяких висновків щодо природно-антропогенного розвитку Подолу у давньоруський час:

– культурні шари X ст. займають висотне положення, що відповідає гіпотетичній поверхні заплави до її заселення (аналог — заплавне довкілля Подолу до його сучасної забудови). Враховуючи висотну диференціацію заплави, це становить 1–3 м над поверхнею Дніпра;

– найнижче розташовані культурні шари цього періоду тяжіють до віддалених від сучасного русла Дніпра шурфів (уздовж траси метрополітену). Ця ситуація підтверджує гіпотезу щодо давньоруслового зниження біля підніжжя Київських гір, що існувало до X ст. включно;

– підвищення в сучасному рельєфі Подолу, який тягнеться від підошви Київських гір на північний схід, знижуючись до урізу Дніпра (гавані), і по якому прокладено лінію профілю, не простежується на заплаві X ст., що свідчить про його пізнє походження. Суттєвий приріст поверхні цієї структури припадає на XI–XII ст., після чого наступає поступове сповільнення цього процесу;

– алювіальні відклади Дніпра й Почайни відігравали незначну роль у формуванні цієї структури. Головні маси піщаного, суглинкового та глинистого матеріалу (балковий алювій та пролювій) були винесені з водозбірного басейну Глибочиці, враженого ерозійними процесами;

– згадане видовження підвищення вочевидь є конусом виносу, у свій час вкритим мережею розгалужених русел тимчасових і постійних водотоків, сліди яких деінде виявлені в розкопках;

– мережа вулиць Подолу, що існувала до початку XIX ст., певним чином корелює зі згаданим підвищенням. Тобто від долини Глибочиці (між Замковою та Щекавицею) в північно-східному напрямку вулиці розходяться «віялом». Їх розгалуження нагадують біфуркацію потоків на конусі виносу яру або річищ у дельтовій зоні акумуляції річкового алювію. Вулиці XVIII ст. частково «спускаються» з нього на північ і схід перпендикулярно горизонталям сучасної поверхні, що цілком відповідає напрямкам і законам стоку. У зв'язку з цим можна зробити висновок про синхронне взаємопов'язане формування вуличної мережі, мережі колишніх водотоків і формування рельєфу Подолу;

– центральна частина Подолу стала першим регіоном Києва, який завдяки природно-антропогенному гідронамиву вийшов з-під рівня водопіль і перетворився на терасу, придатну для капітальної забудови за 800–900 років до гідронамивів на Оболоні й лівобережних житлових масивах.

– не виключена можливість, що південно-східна частина давньоруської улоговини біля Київських гір протягом певного часу була давньокиївською гаванню (затоном), і для її збереження (під час вибуху ерозійних процесів) пролювіальні потоки Глибочиці (Ручая) потрібно було спрямувати Подолом на північний схід. Завдяки цьому і сформувався гідронамив.

Подальше накопичення інформації і новітні методи її аналізу, можливо, дозволять зробити більш обґрунтовані висновки щодо природно-антропогенних подій у Стародавньому Києві.

Алферова Г. В. Киев во второй половине XVII века / Г. В. Алферова, В. Т. Харламов. — К., 1982. — 159 с.

Гупало К. М. Дослідження Київського Подолу / К. М. Гупало, В. Г. Івакін, М. А. Сагайдак // Археологія Києва. — К., 1979. — С. 38–62.

Занкин А. Б. Отчет научно-производственного кооператива «Археолог» об исследованиях на киевском Подоле в 1991–93 гг. / А. Б. Занкин, А. П. Калюк // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, № 1993/15.

Занкін А. Б. Історична топографія та геоморфологія стародавнього Київського Подолу IX–XVIII ст. (історико-природознавчий аспект) / А. Б. Занкин // Археологія. — 2009. — № 2. — С. 61–74.

Зоценко В. М. Ремісничий осередок XI–XII ст. на київському Подолі / В. М. Зоценко, О. А. Брайчевська // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989. — К., 1993 — С. 41–103.

Описи Київського намісництва 80-х років XVIII ст.: описово-статистичні джерела / [упоряд. Г. В. Болотова та ін.]. — К., 1989. — 390 с.

Повесть временных лет / ч. 1 [подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова]. — М.-Л., 1950.

Романчук С. П. До історично-ландшафтних реконструкцій стародавнього Києва / С. П. Романчук // Фізична географія та геоморфологія. — 2013. —Вип. 2 (70). — С. 194–201.

Сагайдак М. А. Отчет Подольской постоянно действующей экспедиции / М. А. Сагайдак, А. Б. Занкин, В. Н. Тимощук // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1988/22487.

Сагайдак М. А. Давньокиївський Поділ: Проблеми топографії, стратиграфії, хронології / М. А. Сагайдак. — К., 1991. — 168 с.

Сагайдак М. А. Актуальні питання зародження та формування раннього Києва / М. А. Сагайдак // Магістеріум. Археологічні студії. — К., 2001. — Вип. 6. — С. 6–18.

Сагайдак М. А. Звіт Межигірського загону Подільської постійно діючої археологічної експедиції за адресою вул. Межигірська, 3/7 у 2002–2004 рр. / М. А. Сагайдак, С. П. Тараненко, В. М. Тимощук, В. М. Зоценко, Ю. Ю. Башкатов, О. Ю. Журухіна // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 2004/236.

Тараненко С. П. Про находку двух деревянных культовых сооружений древнерусского времени на Киевском Подоле / С. П. Тараненко, В. Г. Ивакин // Acta Archaeologica Albarutenika. Vol. IV. — Мінск, 2008. — С. 153–162.

Тараненко С. П. Гідрологія давньоруського Подолу Києва за археологічними даними / С. П. Тараненко // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII Международной научной конференции (Харьков, 9–10 ноября 2012 г.). — Харьков, 2012. — С. 73.

Толочко П. П. Розкопки Києвоподолу X–XIII ст. / П. П. Толочко, К. М. Гупало, В. О. Харламов // Археологічні дослідження стародавнього Києва. — К., 1976. — С. 19–46.

Толочко П. П. Массовая застройка Киева X–XIII вв. / П. П. Толочко // Древнерусские города. — М., 1981. — С. 63–94.

Khamaiko N. V. The stratigraphy of the riverside area of Kiev Podol (excavations at the 35, Spaska str.) / N. V. Khamaiko, O. V. Komar // Геоморфологические процессы и геоархеология: от ландшафтной археологии к археотуризму. — М.-Смоленск, 2012. — С. 133–135.

Sahaydak M. The origin and characteristic features of the kyivan rus'early urbanization / M. Sahaydak, V. Zotsenko // Ант. Вісник археології, мистецтва, культурної антропології. Вип. 22–24. — К., 2010. — С. 44–58.

С. П. Романчук, С. П. Тараненко

Досвід реконструкції давнього рельєфу та гідромережі Київського Подолу

У статті запропонована реконструкція давнього рельєфу Подолу Києва для X ст. та варіанти його природно-антропогенного розвитку. Такий результат отриманий завдяки міждисциплінарному дослідженню ландшафтознавства та археології.

S. P. Romanchuk, S. P. Taranenko

Experience of Kiev Podil relief and hydro system reconstruction

This paper focuses on reconstruction of the landscape of Kyiv Podil in X century AD. Different variants of the environmental and anthropogenic development of Podil are presented. Conclusions were obtained in the result of interdisciplinary studies.

М. А. Сагайдак, В. Г. Івакін

До питання про сакральні зони Київського Подолу

У статті розглядаються проблеми локалізації сакральних зон середньовічного Києва. На основі всебічного аналізу особливостей розвитку давньоруської столиці, вивчення поховальних традицій та матеріальної культури її мешканців підкреслюється континуїтет між могильником на Старокиївській горі та населенням Подолу. Проблему святості окремих місцевостей — конкретних районів і урочищ — пропонується досліджувати у площині міждисциплінарного вивчення образно-уявних сфер давніх суспільств, менталітету середньовічної людини.

Ключові слова: сакральна зона, поховальні пам'ятки, історична топографія, середньовічна урбаністика, поховальний інвентар.

І. Загальний погляд на проблему

Вивчення проблем, пов'язаних із сакральністю (сакральне — святе, священне) [Философия, 2004, с. 483] давніх суспільств, є предметом численних досліджень. Деякі з напрямків, як, наприклад, вивчення місць поховань, є предметом дослідження окремого розділу археології, що зосереджує увагу на вивченні обряду поховання померлих, складі супроводжуючих знахідок матеріальної культури, антропології кістяків тощо. Могильники можуть цікавити дослідників історичної топографії, оскільки ця наука робить спроби поєднати дані про місцевість та розміщені на ній пам'ятки. Важливим є врахування не тільки практично-раціональних мотивів — зручності доступу, безпеки, а й інших причин, зокрема, наявності дії певних «табу», що могли діяти у ставленні соціуму до місця розташування могильників. Наприклад, якщо християнська релігія приходила на зміну язичницьким віруванням, виникала потреба швидше викоренити пам'ять про будь-які священні місця останніх, зокрема, про їхні святилища. Є приклади, які показують, що у деяких випадках намагаються зберегти сакральність місцевості того чи іншого об'єкту: його перебудовують на новий лад, прикрашають новими реліквіями, однак залишають і символічні знаки попереднього. Такий спосіб співіснування нового і традиційного демонструють найвидатніші з християнських святинь — церква Св. Катерини на горі Синай, що стоїть на місці Неопалимої Купини, а також ротонда Анастасія в Єрусалимі, що накрила місце гробниці Христа.

Проблема святості окремих місцевостей або конкретних районів і урочищ, швидше за все, належить до площини міждисциплінарного вивчення образно-уявних сфер давніх суспільств. Як зазначає А. Гуревич, смерть і загробне життя є одним із корінних параметрів колективної свідомості, компонентом картини світу, що побутує у членів даного суспільства в даний момент [Гуревич, 1989, с. 114]. Так, згідно з уявленнями дохристиянської доби, світ мертвих уявлявся цілком особливим об'єктом, з яким смертна людина могла зіткнутися тільки за особливих обставин. Проникнення у цей світ ставало можливим тільки в окремих священних місцях (так званих лімінальних зонах), а також у сакральну пору, що часто співпадала з одним із календарних свят. Людина, яка могла відвідати світ мертвих, мала сама перебувати у критичному стані (хвороба, транс, сон). Під час такої подорожі (від-

відини сприймалися як подорож із супроводжуючим) час сповільнювався або й зовсім зупинявся. Землю мертвих, як правило, розміщували навколо підвищення — горба, в окремих випадках — за морем. Наприклад, в Уельсі земля мертвих сприймалась як єдиний, неподільний простір. В Ірландії, де такий об'єкт мав назву «Sid», його розділяли на кілька світів, кожен з яких мав свого господаря. У кельтській космології, як вважається, уявлення про царство мертвих походить від міфу про створення двочленного світу. У так званих генеалогічних поемах язичницької доби Ірландії, яких, на думку дослідників, найменше торкнулася рука християнських правок, є свідчення особливих топографічних прикмет Сідів: герой поеми Арт Мес Делман споруджує стіни навколо горба Аленн «antea ciuitas regalis». Місцевість описується як місце битви між літаючим страховиськом Айлена, за іншою версією — трьохголовим змієм «Elen» та Фінном мак Кумалом, ще одним героєм поеми.

Протягом останніх десятиліть ведеться багато досліджень в історичній науці, зокрема, у медієвістиці в напрямку вивчення народної культури та ментальностей середньовічної доби. Дослідники щораз частіше наголошують на «цільності» середньовічної культури, маючи на увазі, що середньовічну культуру не можна членувати так, як ми це робимо із сучасною культурою. Йдеться про єдність виробничого, етичного й естетичного: образно кажучи, у середньовіччі жодна праця ще не була позбавлена інтересу до її змісту. Коли мова заходить про працю середньовічного ремісника, то його ремісничу діяльність просто неможливо відділити від його життя. А якщо праця була «розчинена» у житті, то вірування, картини світу, проблема смерті тощо, мали колосальне значення для самої праці. За доби варварства коваль — змієборець — міг виступати в ролі божественного майстра, культурного героя, який приносив блага і захищав людей. У скандинавській міфології головний змієборець Тор — переможець, бог-громовик. У більшості розповідей поруч із змієборцем співіснує коваль, який кує головну зброю для боротьби Тора з потворою — молот Мьєлнір.

Ми нагадали ці сюжети у зв'язку з тим, що згаданий у скандинавських сагах «молот Тора» є однією з поширених знахідок серед складу речей, що клалися до могил померлих киян у IX–X ст. Очевидно, що ці кияни могли належати до ремісничого стану або ж близького з ним торгового. Перший вид діяльності належав до одного з найважливіших у середньовіччі, оскільки володів здатністю організовувати світ. Недарма ремісниче термінологія «кувати», «золотити», «підточувати» тощо постійно трапляється у середньовічній поезії. У давніх кельтів ковалі вважалися наймогутнішими чаклунами, у скандинавів та англосаксів прирівнювалися до жерців і скальдів, а у валлійців мали право сидіти поруч із жерцями в присутності короля [Харитонович, 1989, с. 90–91].

Культуру ранніх міських центрів Східної Європи на зламі I–II тис. н. е. у вітчизняній археологічній історіографії називають дружинною культурою, а суспільний устрій племен, які населяли ці території, характеризується як стан «військової демократії». Саме «дружинна доба» на Сході Європи, як і «доба вікінгів» на її Півночі, зіграли велику роль у становленні нових політичних форм на цих територіях. Можна погодитись і з твердженнями, що первісні дружинні об'єднання були багатофункціональними, поліетнічними територіальними утвореннями. Вони оселялися в торговельно-ремісничих центрах із широкими міжетнічними зв'язками та відповідним соціальним кліматом, головним чином розташованих уздовж магістральних шляхів Східноєвропейської рівнини [Зоценко, 2003, с. 26]. Це суспільство, аналогічно до багатьох варварських народів Західної Європи у середні віки, пережило стрімке поширення християнства, а разом із ним — вплив унормованої писемної культури та права. Все це стає поштовхом до розвитку економіки й політичного життя. В результаті економічного пожвавлення виникають первісні державні об'єднання, одним з осередків яких у Середньому Подніпров'ї стає літописна «Руська земля».

У похованнях цієї доби, як правило, присутній набір предметів, яким підкреслювалась приналежність небіжчика до військового середовища, — зброя, спорядження вершника, кістяк коня. Спільнота людей, об'єднаних таким світоглядом, формувалася у складній взаємодії кількох культурних зв'язків. Нагадаємо, що всі київські князі були норманами за своїм походженням, як і частина їхніх дружинників. Отже, недивним є той факт, що місцезнаходження скандинавського речового імпорту кінця IX–X ст. фіксується на всій

міській території, а поховальні комплекси демонструють, що відбувалося також залучення елементів скандинавських поховальних традицій. У західних слов'ян письмовими джерелами зафіксована традиція розміщувати свої святилища серед старих дерев, переважно дубових дібров. Стосовно Русі вона зафіксована у Констянтина Багрянородного: рухаючись до Константинополя, вони здійснюють жертвоприношення на острові Св. Георгія, де росли багатовікові дуби.

II. Історія вивчення

До середини XIX ст. включно на території Києва зберігалося багато пам'яток, що наочно демонстрували майже повний масштаб середньовічного Києва, зокрема, сакральний ландшафт. Залишки земляних курганів, які здебільшого були насипані за дохристиянської доби, було видно на території Старокиївського плато — ділянці Верхнього міста, що простягалася на кілька кілометрів, починаючи від крутосхилу правого берега Дніпра з півночі на південний захід, практично до схилу лівого (північного) боку долини річки Либідь. На правому гористому березі цієї ж річки, в урочищі Батиєва могила, концентрувалася ще одна курганна група, що, дуже ймовірно, дала назву урочищу. Цілі групи курганів можна було побачити на захід і північ від центру: вони здіймалися на території давнього урочища Верхня Юрковиця, частину курганного некрополя було розосереджено на північно-східному схилі так званої Лисої гори та прилеглої до нього території ще одного давнього урочища — так званої Плоскої частини міста [Антоновичъ, 1895, с. 30–41].

Починаючи з 40-х років XIX ст. розпочалася радикальна зміна забудови Верхнього Києва — формуються нові прямі вулиці, обабіч яких споруджуються нові цегляні будинки, що приходять на зміну одно-двоповерховій дерев'яній забудові. Як писав з цього приводу Михайло Максимович: «Під цими черговими шарами заселення Старого міста скоро не можна буде розпізнати тих небагатьох місць, на котрих ще у XVII ст. зберігалися рештки давньоруських старожитностей. При тодішньому оновленні Старого міста рештки будівель розійшлися на нове житло, а решта їх покрилась шарами землі — під садами, що на них виросли, та під будинками, що на них збудовані» (переклад з рос. — М. Сагайдак).

Велика кількість поховань загинула недослідженою, хоча зусиллями археологів (у тому числі й археологів-любителів) вдавалося врятувати деякі з них від повної загибелі. Основна робота здійснювалась Музеєм старожитностей разом із Мінц-кабінетом при Київському університеті за підтримки Археографічної комісії, створеної у 1845 р. У стінах університету було розроблено план дослідження курганів, а завідувач Мінц-кабінетом Я. Волошинський взявся за облік уцілілих пам'яток, яких на той час у центральній частині міста налічувалось близько трьох сотень. Слід зауважити, що археологія Києва як науковий напрямок тільки зароджувалась, і свою увагу дослідники старожитностей в основному концентрували на пам'ятках церковної архітектури домонгольського Києва (Десятинна церква, церква св. Ірини, монастир св. Димитрія тощо). В результаті під знесення потрапляли не тільки цілі курганні групи, а й величезні ділянки збережених земляних укріплень X–XVII ст. Саме збіг таких обставин спричинив те, що протягом другої половини XIX ст. було забудовано практично всю територію середньовічного міста, і воно зникло під фундаментами нових будівель.

Ситуація трохи покращилася на початку XX ст., коли на кошти інвесторів Вікентієм Хвойкою були проведені успішні розкопки частини Старокиївської гори (так званої садиби доктора Петровського). Поруч із відкриттям залишків княжих палаців, решток загадкової споруди у вигляді еліпсоподібної за формою фундаментної площадки, складеної з різних за розміром каменів сірого пісковику, названого «капищем», тут була розкопана ціла група ранніх поховань [Каргер, 1958, с. 131].

Починаючи з 1908 до 1914 рр. Імператорська Академія наук Росії почала щорічно виділяти кошти на археологічні дослідження Києва, що дали можливість розпочати розкопки північно-західної частини Десятинної церкви. І знову розкопки виявилися надзвичайно результативними: знайдено залишки фундаментних ровів Десятинної церкви, перші найдавніші поховання, частину поховальної камери під південною апсидою, рів

давнього городища з дерев'яними конструкціями. Одним із найбільш вагомих результатів (усього вдалося розкопати понад 4 тис. м²) стало з'ясування вигляду цієї частини міста безпосередньо перед початком спорудження першого християнського храму. По-перше, вже тоді стало зрозуміло, що городище на північному мисі Старокиївської гори припинило своє функціонування задовго до початку спорудження церкви. По-друге, на самому майданчику, де наприкінці X ст. було поставлено кам'яний храм, та довкола нього не вдалося виявити жодного житлово-господарського комплексу, який би показував наявність тут міської забудови, що існувала до початку будівництва. Натомість на північний схід та схід від церкви в найнижчій частині культурного шару (на межі материка) вдалося зафіксувати сліди горілого прошарку. Тут же виявлено 43 поховання у ґрунтових могилах, чотири кремації та два камерних поховання, одне з яких мало розмір зрубу, опущеного в котлован 4,8×4,2 м (поховання 109) [Козюба, 2005, с. 178–179].

Розкопки могильника були продовжені за радянської доби. Вони тривали протягом 1937 р., але остаточно завершити справу не дали репресивні дії влади: керівника робіт Т. Мовчанівського заарештували, звинуватили у підривній діяльності та розстріляли.

Узагальнені матеріали щодо могильника на Старокиївській горі, названого автором Могильник I, вперше були детально опубліковані в першому томі книги «Древний Киев» М. Каргера, що вийшов друком у 1958 р. Включивши до зведення власні дослідження, М. Каргер підтвердив тезу про те, що більшість курганних поховань Верхнього міста були здійснені ще до початку побудови тут так званого київського дитинця (рис. 1). Посилаючись на численні знахідки монет, виявлених у складі поховань, дослідник робив спробу уточнити дату функціонування могильника, звужуючи її до рамок першої половини X ст. [Каргер, 1958, с. 226]. Цікавим виглядало звернення автора до наступних генерацій дослідників київських курганів, перед якими ставилось немаловажне за своїм змістом завдання — віднайти в межах основного ядра міста те населення, котре залишило цей київський некрополь. Із відомих (на той час) науці поселень у межах всього Верхнього міста жодне ані за масштабом, ані за кількістю курганів не виглядало адекватними могильнику [Каргер, 1958, с. 135].

Можна припустити, що на погляди відомого дослідника київських старожитностей суттєво впливала і загальноісторична концепція походження та формування давньоруських міст, згідно з якою початок раннього міського життя мав обов'язково розпочинатися з дитинця. Вказані думки стверджував академік М. Тихомиров, який писав про більш пізнє заселення Подолу, що лежав біля підніжжя київських гір. На його думку, район був заселений одночасно із освоєнням під нову забудову поля «вне града» у Верхньому місті, коли Ярослав Мудрий розпочав будівництво нового центру столиці [Тихомиров, 1956, с. 20]. Недаремно М. Каргер практично не звернув уваги на надзвичайно цікаві з цього погляду археологічні матеріали з розкопок Подолу (вул. Волоська, 16), здійснені тут у 1950 р. під керівництвом В. Богусевича та опубліковані ним у 1954 р. Як і більшість дослідників, М. Каргер дотримувався думки, що вся історія київського містобудування пов'язана виключно з Верхнім містом. Саме тому пошуки такого поселення, що відповідало б дохристиянському некрополю у Верхньому місті, велися в межах Старокиївського плато.

Тільки на початку XXI ст. знову постало питання: де проживало те населення, що залишило дохристиянський могильник на Старокиївській горі? Проблема відродилася в рамках більш широкої дискусії про нижню дату виникнення Києва. На цей період в історії дослідження київських старожитностей вже відбувся суттєвий поступ, що обумовлювався як проведенням (починаючи з 70-х років XX ст.) цілого ряду широкомасштабних досліджень історичної території Подолу, так і нових розкопок у Верхньому місті. Вказані роботи дозволяли переглянути положення вищезгаданої концепції радянської доби.

З'ясувалося, що приблизно з кінця IX — початку X ст. на ділянці річкової тераси Подолу активно формувалося та функціонувало велике міське поселення, котре вже на кінець X — початок XI ст. обіймало площу не менше 130 га. Небачений для цієї доби середньовіччя масштаб, плюс швидкісні темпи освоєння території промовляли самі за себе:

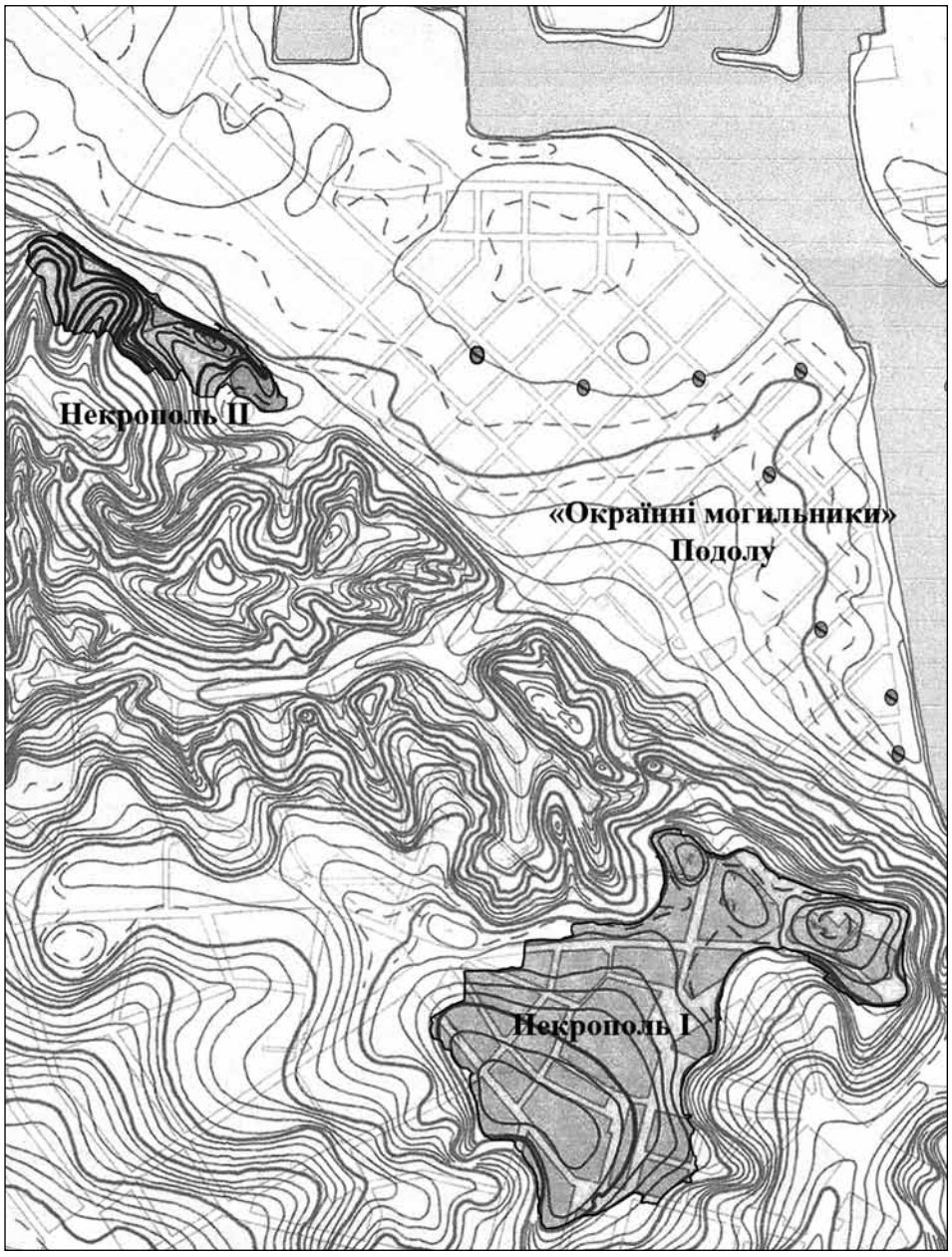


Рис. 1. План могильників Києва

подільське поселення виявилося практично єдиним репрезентантом доби дохристиянського Києва, котра, як ми згадували вище, у Верхньому місті була представлена величезним курганним могильником. Отже, у моделі, що її запропонував стосовно Києва спочатку М. Тихомиров, а за ним і М. Каргер, згідно з якою спочатку виникав «дитинець», а тільки згодом з'являвся «посад» як вторинний елемент розвитку міської структури, з'явилася доволі суттєва неузгодженість. Вторинний «посад» за датою свого заснування насправді виявився старшим за «дитинець». Інакше кажучи, з моменту виявлення найдавнішого горизонту заселення Подолу, який за археологічними даними та дендрохронологією було віднесено до останньої чверті IX ст., подільське поселення почало претендувати власне на роль того міста, про яке ми довідуємося з літописних текстів, де йдеться про добу Аскольда, Олега, Ігоря, Ольги, Святослава. В межах більш ніж століття, починаючи з останньої чверті IX ст., коли виникає перший міський квартал біля підніжжя Замкової гори, включно до кінця 80 років X ст., коли забудовою було освоєно понад 130 га території, Київ як місто розвивався на просторі берегової тераси Дніпра, між течією літописної Почайни та підніжжями київських гір.

За такого розвитку Києва як топографічної структури Поділ IX–X ст. слід сприймати як перший етап розвитку міського життя Києва, котрий віддзеркалював типологічні риси міських осередків зазначеної доби. Однією з таких рис є децентралізована планувальна сітка, що розвивається, враховуючи топографічні межі річкової тераси, вздовж берегової лінії та головних вулиць. Поки що немає підстав говорити про наявність регулярного плану в забудові раннього Подолу, проте кожного року ми отримуємо нові підтвердження того факту, що планувальна система (садиба — квартал, вулиця — провулок), яка склалася вже при першому освоєнні району під масову забудову, виявилася настільки вдалою, що зберігалася надалі практично без принципових змін протягом більше дев'яти століть (до великої пожежі 1811 р.). Так само стійко витримувалися межі садиб-дворів, площа яких коливається від 350–400 м². Вдалося виявити не лише важливі деталі планування, такі як лінії парканів, що відділяють міські садиби від вулиць і провулків, а й значні фрагменти міських кварталів площею до 1,5 тис. м².

Отже, гнучкість трасування вулиць, що оминають природні перешкоди, не є підставою для заперечення регулярного плану. Можна говорити і про планувальні рішення, що були пов'язані з міською функцією, зокрема, використання зручних підйомів у горішню частину міста, берегової лінії ріки та найзручніших її зон для влаштування гавані та переправи на лівий берег Дніпра. У формуванні розмаїття міських функцій, що мали забезпечувати функціонування міського організму, важливим залишалося питання використання певних міських територій під міський некрополь.

Місто почало формуватися вздовж берегової лінії Дніпра–Почайни та вулиць, що здавна були першими водними й сухопутними шляхами Середнього Подніпров'я. З міського майдану, що утворився на перетині кількох вуличних магістралей, названого літописцем «Торговищем», розпочиналися «головні» вулиці, одна з яких виводила на точку переправи через Дніпро, дві інші — на «узвози» (один з них виводив на південний напрямок, інший — на північний та північно-західний) [Сагайдак, 2010, с. 398–403].

Якщо ж далі вести мову про деякі особливості побутування життя на Подолі, слід підкреслити, що жителям району довелося призвичаюватися до специфічних природних умов. Насамперед, довелося зіткнутися із сезонними паводками, під час яких води Дніпра періодично заливали всю територію подільської тераси. Ситуація погіршувалася ще однією обставиною. На цей же період припадає активізація дії ерозійно-акумулятивних процесів, що їх періодично переживають підвищені ділянки правого берега, складені з достатньо легких і пластичних ґрунтів. Її наслідками стають доволі регулярні зсуви у бік берегової лінії, під час яких зволожені маси лесу, піску та глини опинялися внизу, покриваючи вулиці й цілі міські квартали. Товщина разових відкладень сягала подекуди понад 1 м. Серед причин зазначених катастроф можна назвати, перш за все, масову вирубку навколишніх лісів. До неї активно вдалися в тому числі й жителі Подолу, які мали потребу в будівельних матеріалах. Встановлено, що основним будівельним матеріалом, застосовуваним у масовому будівництві, переважно були хвойні породи дерева — в основному це сосна, регіоном поширення якої були північні (поліські) ландшафти околиці Києва. Проте це не єдина причина виникнення катаклізмів. Ерозію ґрунтів могли спричиняти й неотектонічні процеси, що їх неодноразово фіксують літописи. Велике значення мало також помітне зволоження місцевості, пов'язане із загальним потеплінням клімату, що спостерігалося на території всієї Європи протягом останньої чверті I тис. — першої чверті II тис. н. е. [Борисенков, 1988, с. 62–67].

Повертаючись до теми сакральної зони міста, зазначимо, що достатньо впливовим елементом, котрий явно впливав на вибір такого місця, був сам поховальний обряд. Якраз починаючи з IX–X ст. спостерігається масове поширення у Середньому Подніпров'ї курганного способу поховання: небіжчиків починають ховати під достатньо великими курганними насипами — іноді діаметр кургану досягав 40 м. Використовували спосіб покладення тіла померлого (інгумації) або спалення його на спеціально підготовленому вогнищі (кремації). При застосуванні першого способу до спорудження земляного насипу нижче рівня давнього денного горизонту облаштовувалася поховальна камера значних розмірів — пло-

ща поховальної камери поховання 109, виявленого під південною апсидою Десятинної церкви, як уже згадувалось вище, становила понад 30 м² [Каргер, 1958, с. 172]. Як правило, стінки камери обов'язково укріплювалися дерев'яною конструкцією, що комбінувалася у вигляді зрубу чи стовпової конструкції. Вона служила місцем покладення померлого, тут концентрувався весь супроводжуючий інвентар та рештки поховальної тризни.

Місцем формування таких курганних некрополів, як правило, обирали підвищені ділянки ландшафту. Важливою обставиною вважалося природне оточення ділянки: як відомо, в дохристиянських віруваннях слов'янських спільнот був культ рослинного оточення. Перша сакральна зона Києва (могильник), на нашу думку, могла бути розміщена серед реліктових рослинних угрупувань, які в язичницьких віруваннях виконували роль «священних дібров». Саме підвищені рівнинні площадки Старокиївського плато, що здіймалися на висоту понад 80 м у порівнянні з рівнем Лівобережжя, за даними історичного ландшафтознавства, були вкриті листвяною рослинністю, в якій домінували дубові ліси. Характерною рисою цього ландшафту було чергування лісових масивів із невеличкими степовими ділянками [Ландшафты, 1983, с. 104–111].

Цілком природно виглядають обставини, за якими місцем формування першої сакральної зони Києва було обрано Старокиївське плато, про що ми згадували вище. Площа, що її обіймав перший міський курганний некрополь, становила близько 60 га і була цілком адекватною розмірам і кількості населення міста на березі літописної Почайни. Рухаючись за цим дороговказом, з урахуванням нових матеріалів розкопок Подолу та Верхнього міста, публікації щоденників Д. Мілєєва, про які згадувалося вище, можемо, ще раз стверджувати: упродовж останньої чверті IX ст. і протягом майже всього X ст. міське життя (маємо на увазі масову забудову) у Києві зосереджувалося виключно на Подолі. Старокиївській частині було відведено роль сакральної (священної) зони міста.

Такий погляд цілком суперечить концепції історичного розвитку Києва, який пропонують відраховувати від середини I тис. н. е. І справді, в цей час (V–VI ст.) тут, у північній частині Старокиївської гори, якраз виникло поселення празької археологічної культури. Проте мало звертається увага на ту обставину, що вже на початку VII ст. воно припинило своє існування. Спроби освоїти північну та північно-західну частину Старокиївського плато відновлювалися й наприкінці VII — початку VIII ст., на що вказують знахідки фрагментів ліпленої кераміки в районі Львівської площі та залишки жител на схилах Старокиївської гори. Ці знахідки репрезентують побутування в Середньому Подніпров'ї населення, що залишило так звану волинцевську археологічну культуру. Цю культуру більшість дослідників пов'язують із літописними сіверянами. Припускається також, що пам'ятки волинцевського типу залишили вихідці з неслов'янських тюрських чи іранських народностей, котрі переселились у Дніпровське Лівобережжя й утримувалися тут як окрема група до першої половини VIII ст. [Приходнюк, 1998, с. 76].

Як ми вже згадували, результати новітніх розкопок демонструють, що тільки на рубежі IX–X ст. на північному мисі Старокиївської гори будуються перші укріплення, котрі системою рів – вал охоплюють площадку 2 га. З чим можна пов'язати таку діяльність? Дуже ймовірно, це був вияв активізації владних структур, які намагаються посилити свій вплив на життєдіяльність міста. Можливо, ми маємо справу з однією зі спроб перенесення князівської резиденції на Старокиївську частину. Протягом другої половини IX ст. — першої половини X ст. такі резиденції будувалися на північних підступах до центрального ядра (район Лисої гори), є всі дані про функціонування такої резиденції на Замковій горі. За версією дослідників оборонної лінії на Старокиївській горі, укріплене городище виникає тут як результат чергової зміни населення в Києві. Припускається, що тепер це були носії роменської археологічної культури, основним ареалом побутування якої наприкінці I тис. н. е. було також Лівобережжя Дніпра [Русь, 2012, с. 319].

В рамках другої половини X ст. можна відзначити ще дві спроби посилити обороноздатність городища на Старокиївській горі. Перша пов'язується з облаштуванням у цій частині міста резиденції княгині Ольги, наступна — з черговим зростанням печенізької експансії у Середнє Подніпров'я наприкінці 60-х років X ст.

Модернізації піддавалися переважно оборонний рів та дерев'яно-земляні укріплення, проте саме площадка городища незмінно залишалася в одних межах. Отже, стримуючим (лімітуючим) фактором територіального розростання городища залишався сакральний елемент: жоден із представників княжої верстви не наважувався порушити кордон сакральної зони міста. Враховуючи, що основна маса населення міста ще сповідувала язичництво, така конфронтація могла бути вкрай небезпечною. Навіть владна й рішуча християнка княгиня Ольга не наважилася переступити цю межу.

Швидше за все, могильник почав формуватися в останній чверті IX ст., і далі — протягом майже цілого століття — на Старокиївському плато постійно здійснювався обряд поховання небіжчиків під курганними насипами. Кургани розташовувалися окремими групами, що формувалися на відкритих ділянках мальовничого плато, вперемеж із залишками реліктових дубових дібров. Сліди курганних полів на сьогодні виявлені майже на всій території Старокиївського плато. Найбільш яскравими серед цієї категорії поховальних комплексів є поховання в підземних «камерах», поховальний інвентар яких — це, як правило, зброя, кінська упряж, фібули, гральні шашки, сумки або шкатулки. Ми вже згадували, що в літературі цю категорію пам'яток пов'язують із військово-дружинною знаттю міста. Щодо самого обряду поховання, то його вважають норманським за своїм походженням [Андрощук, 2012, с. 56–109].

За останні десятиліття топографія і розміри Могильника I суттєво уточнені. У південно-східному напрямку він простягався до Михайлівської гори, у північно-західному напрямку — до району Золотих воріт. Робляться припущення, що протягом другої половини IX–X ст. на плато було споруджено понад 5–6 тис. курганів. Але найважливішою є та обставина, що типологія і хронологія інвентарю Могильника I з документальною коректністю корелюється лише з речовим матеріалом житлово-господарських комплексів третьої чверті IX –X ст. київського Подолу. Отже, ймовірно, формування великого некрополя на території майбутнього Верхнього міста відбувалося здебільшого саме за рахунок населення цього району.

Тільки у зв'язку з початком спорудження у 80-х роках X ст. нового культово-адміністративного комплексу Києва на Старокиївській горі оборонні споруди згадуваного городища й кургани Могильника I піддаються радикальній реконструкції: сакральна зона (Могильник I) поступово перетворюється на квартали та вулиці міста. Така зміна ставлення до священного місця Києва IX–X ст. потребує окремого роз'яснення. Зрозуміло, що таке стало можливим лише після акту «охрещення» всього населення міста, що спричинило структурні зміни міського життя. Тепер князівська влада суттєво збільшує свій авторитет і силу. Утверджуючи радикальні зміни поховальної обрядовості, християнське населення тепер має об'єднуватися навколо нових культових споруд, що виникають на місцях язичницьких «капищ». Курганні поля перетворюються на міські квартали, що, як гадаємо, напряму можна пов'язувати з посиленням адміністративної функції міста: влада розпочинає свій наступ на дохристиянську сакральну зону, займаючи територію під двори-садиби нової міської та державної адміністрації.

У зв'язку з активною розбудовою нового міста на горішній місцевості жителям Подолу, тепер уже в переважній більшості християнам, довелося шукати іншого місця для поховання своїх небіжчиків. Вони змушені були перенести свій могильник частково на вільні від забудови підвищені ділянки правого берега Дніпра або відшукувати на території Подолу найбільш високі ділянки відносно рівня вод Дніпра. На цьому історичному етапі, тобто наприкінці X — початку XI ст., завдання полегшувалось масовим переходом до християнського обряду поховання, котрий не потребував спорудження громіздкого курганного насипу, індивідуальні могили християн потребували помітно меншої площі.

Дослідження останніх років поховальних старожитностей дозволяють виділити два періоди розвитку міського життя Києва. Перший (остання чверть IX — кінець X ст.) розпочався з утворення на березі Дніпра–Почайни достатньо великого за середньовічними масштабами житлового осередку, котрий швидко розгорнув тут торговельно-ремісничу діяльність, незважаючи на складні природні умови. Другий етап насамперед був пов'язаний

з розвитком княжої династії та становленням її адміністративної функції. Що ж до змін у топографії Києва, то їх можна пов'язувати з реформуванням системи князівсько-державницького володарювання і становленням монархічних та міських форм суспільного побуту, здійсненого впродовж 980–988 рр. X ст. Володимиром Святославичем. Під кінець X ст. адміністративна функція Києва, його роль як опори політичної влади та християнізації населення стрімко зросла. Це супроводжувалося тотальним знесенням під нову київську забудову курганних насипів Могильника I. Верхнє місто перетворюється на фортецю, на місці колишніх великих язичницьких курганів будуються княжі покої, двори княжої адміністрації, а головний християнський храм — Десятинну церкву — було встановлено на площадці, де до того розміщувалася група із семи курганних насипів. Так закінчилася доба майже 150-річного існування язичницької сакральної зони на Старокиївському плато.

Коли курганний Могильник I припинив своє функціонування, померлих з подільського поселення починають ховати в різних місцях. Очевидно, що жителі північно-західних кварталів Подолу розосереджують свою зону поховань на місці ще одного з язичницьких курганних могильників Києва (Могильник II) та поблизу гирла одного з подільських ручаїв [Сагайдак, 1991, с. 96–100].

Могильник II утворився дещо пізніше Могильника I, його початок пов'язують із серединою X ст. Район формування — поблизу так званої Плоської частини (на північний захід від Подолу) та на Лисій горі (Юрковиці). Найбільш пізніми тут є старожитності з кургану Могикан, які можна віднести до 70–80-х років X ст. Графіті на дирхемах, виявлених у складі поховань поряд із суто скандинавськими виробами, переконливо засвідчують, що серед небіжчиків, похованих у зоні Могильника II, були вихідці зі Скандинавії. Разом із тим, тут простежується також наявність предметів східного походження (намистини із сердоліку та гірського кришталю або пастові намистини). Є тут і візантійські імпорти, зокрема, поховання 124 мало міліарісії та скроневі кільця так званого «волинського типу», виконані у візантійській художній традиції. Доволі вузькі рамки побутування могильника дозволили зробити припущення, що в зоні Могильника II здійснено поховання групи військових людей, які свого часу були учасниками військової експедиції на територію південно-західного Надкаспію, що в середині X ст. була тісно пов'язана з центральними провінціями саманідського Мавераннахра. У цьому регіоні, згідно з писемними джерелами, торговим осереддям було місто Дербент, куди, за версією істориків, у 945 р. з Києва спорядили військову експедицію на чолі з Ігорем Рюриковичем. Повернувшись назад до Києва, дружинникам було запропоновано оселитися на північно-західній околиці. Саме з цього боку завжди можна було очікувати нападу на місто з боку племені древлян, відомих своїм ворожим ставленням до Києва. Наприкінці X ст. — початку XI ст. Могильник II трансформується в християнський цвинтар, що формується навколо християнського храму, побудованого у XI ст. та, за літописною версією, міг належати культу Миколи Святителя.

III. Нові дослідження

У XI–XII ст. Київський Поділ стрімко розвивається. Забудова Подолу залежала від рельєфу та гідрологічної сітки району. В центрі розташовувалася головна торгова площа, навколо якої стояли храми. Крім найдавнішої християнської церкви на Подолі — св. Іллі, літопис згадує церкви Бориса і Гліба, св. Михайла, Успіння Богоматері Пирогощі. Під час археологічного дослідження району відкрито залишки безіменних мурованих храмів на вулицях Волоській, 21–23 та Юрківській, 3. Дерев'яні споруди сакрального призначення були знайдені на вул. Межигірській, 3–7 та Набережно-Хрещатицькій, 1а. За християнською традицією, біля подільських храмів мали розташовуватися цвинтарі. Проте археологічні матеріали не завжди фіксують наявність цвинтарів у районах згаданих церков та, навпаки, інколи біля кладовищ не виявлені залишки храмових споруд. Не виключено, що цей феномен пов'язаний із фрагментарністю археологічного вивчення давньоруського Подолу, невеликими площами розкопів, обмежених сучасною забудовою.

Подільські могильники відіграють значну роль у формуванні міської структури середньовічного Києво-Подолу. На тісний зв'язок між елементами планувальної системи

давньоруського міста та локалізацією київських могильників уже неодноразово звертали увагу дослідники Давнього Києва.

На сьогодні археологічними розкопками виявлено одинадцять давньоруських кладовищ та декілька поодиноких поховань. Низка ґрунтових могильників розташовувалася на крайніх точках заселення Подільської частини (останця), які через заболоченість і загрози повеней вважалися малопридатними для життя. Такі могильники виявлені на горизонтах, де на момент функціонування кладовища не існувало планувальної садибно-вуличної системи з елементами масової забудови (житлових та господарських споруд, парканів, вулиць). Для визначення таких могильників у структурі давньоруського Подолу було запропоновано застосувати термін «***окраїнні могильники***» [Івакін, 2010, с. 257]. Саме таку картину відображає сучасна геодезична карта Подолу: могильники розташовані майже чітко за контуром конусоподібного останця, на основі якого сформувався цей район міста.

Палеоантропологічні аналізи кісткового матеріалу із зазначених могильників, проведені О. Козак, показали цікаві результати. Характерні травми й захворювання у поєднанні з наявністю професійних деформацій вказують на зайняття важкою фізичною працею (підняття та перенесення тягарів, веслування) та складні умови життя похованих (високий ступінь побутового травматизму, постійне перебування на холодному й вологому повітрі, часте занурення у холодну воду), що призводили до повного виснаження організму і високої смертності. Цілком вірогідно, що на «окраїнних могильниках» Подолу Києва ховали представників нижніх соціальних верств давньоруської столиці — портових робітників та особисто залежних людей. Цілком вірогідно, ці люди не були тубільними мешканцями Києва, а набиралися за рахунок сільського населення Київської землі. Швидше за все, переважна більшість могил на «окраїнних могильниках» належала людям нижчих соціальних верств давньоруського Києва (незаможним киянам, портовим робітникам, особисто залежним людям) [Козак, 2012, с. 457–468].

Можна припустити, що у XI — на початку XII ст. ці міські могильники ще не входили в межі масової забудови, тобто залишалися поза містом, як і за язичницьких часів. Розташування могильників поза житловою забудовою є відлунням язичницької традиції, згідно з якою місто живих і місто мертвих мала розділяти певна відстань. Заборона ховати небіжчиків неподалік від житлових споруд обумовлювалася традиційним страхом перед мерцями, неможливістю їхнього співіснування з живими, що збереглися і в християнський період. Схожі розміщення міських могильників біля міських валів або на міській околиці зафіксовані і в інших давньоруських містах XI–XIII ст. (Чернігів, Переяслав-Хмельницький, Суздаль, Псков, Полоцьк та ін.) [Каргер, 1958, с. 146]. У Візантійській імперії заборону на поховання померлих у межах міської території скасували тільки за часів правління імператора Льва VI наприкінці IX ст. Все це свідчить про дуже повільні зміни в поховальних традиціях середньовічної Східної Європи, які вважаються найбільш сталими й консервативними.

На XII ст. ситуація на Подолі корінним чином змінюється — настає загальна стабілізація тектонічної ситуації в регіоні. У поєднанні зі швидким соціально-економічним розвитком Києва це призводить до збільшення території Нижнього міста [Сагайдак, 2005, с. 10]. Відбуваються відчутні зміни і у світогляді, вони пов'язані з подальшим проникненням християнства у поховальні традиції киян — могильники починають розміщуватись на території міста. «Окраїнні могильники» Подолу в більшості своїй зникають під житловими кварталами міста. Ці процеси добре фіксуються у стратиграфії культурних горизонтів давньоруського Подолу. У шарах XII ст., що перекривають могильники, зафіксовані елементи загальноміської планувальної структури — паркани, споруди, господарські ями, пов'язані з садибами мешканців Подолу [Івакін, 2010, с. 257].

Висновки

Тема сакральних зон середньовічного Києва належить до категорії найбільш контроверсійних. Перші дискусії, що не затухають і до сьогодні, стосуються хронології побутування старожитностей цього типу та їхньої етнічної і соціальної інтерпретації. Здається, в останні десятиліття у даному питанні зроблено великий поступ: дослідники констатують,

що в Середньому Подніпров'ї на зламі I–II тис. н. е. набули поширення предмети, виконані у стилі Борре, Еллінг / Мамен та Урнес. Це, у свою чергу, ставить питання про те, що у IX ст. вказана територія ще не зазнавала прямого культурного впливу скандинавських художніх традицій. Натомість, починаючи з X ст., зазначена географічна область у певному сенсі переживає процес колонізації вихідцями з північних країн Європи, а сам процес, що тут відбувався, багато в чому нагадував колонізацію данцями Східної Англії. Нагадаємо, однією з характерних рис цього процесу було активне витіснення місцевої знаті.

Дослідники звертають увагу ще на одну рису, яка характеризує взаємовідносини Середнього Подніпров'я і Скандинавії. Йдеться про те, що з X ст. тут поширюється виключно багатий склад речей з камерних поховань і скарбів, що може свідчити про переміщення в регіон знатних скандинавських родів. У зв'язку з цим Ф. Андрощук сумнівається у наявності континуїтету між камерними похованнями Могильника I та населенням Подолу, аргументуючи свою думку аналогіями з території Швеції: приклади зв'язку між курганами з багатими похованнями і садибною забудовою автор знаходить на таких могильниках як Вендель, Вальсєерде, Туна. Дослідник вважає, що Верхнє місто X–XI ст. виглядало як зона, на якій існували садибно-господарські комплекси, на території яких стояли кургани більш ранньої доби [Андрощук, 2004, с. 8, 22–27]. Це зауваження ми вважаємо досить слушним, але не можемо погодитися з тим, що традиції скандинавських прибульців механічно переносилися на інші території. Аналіз багатьох інших напрямків у взаємовідносинах скандинавів з іншими етносами демонструє нам дещо іншу ситуацію: скандинави охоче переймали багато місцевих традицій.

Не всі з розглянутих і поставлених проблем можуть бути вирішені в рамках однієї статті. Ми ставили перед собою завдання ще раз торкнутися цього дискусійного питання, намагаючись розглядати його в рамках урбанізації як соціального процесу. Остання, як відомо, є наслідком, але, разом із тим, і фактором соціально-економічного та соціокультурного розвитку людства, проникнення урбаністичної свідомості. На багатьох «зламних» етапах історичного розвитку вона є потужним механізмом зміни традиційних структур, перебудови способу життя та форм соціальної організації всього суспільства на міський лад. Інакше кажучи, це означає, що в рамках формування нових міських культур родова свідомість замінюється міською свідомістю. Розрив із родовими святинями, як і загалом з родовими формами життя, що, як правило, співпадало з різким збільшенням кількості жителів міста, означало ніщо інше як, за термінологією М. Федорова, «зраду предків», що формувало в середньовічному суспільстві специфічну психологію, зокрема почуття провини [Федоров, 1982, с. 175].

Як відомо, гра гріха й покаяння нерідко парадоксальним чином формує благодатну основу для активізації господарської діяльності та розбудови держави. Таке твердження, на наш погляд, можна підкріпити та проілюструвати прикладом розквіту Києва у XI–XII ст. Місто, що починалося з торгової факторії на березі Почайни, з широкими міжнародними зв'язками, з прийняттям християнства, яке у своїй глибинній суті сприймалося як відмова від усіх благ земного, виросло до значного адміністративного, політичного та духовного центру Східної Європи, заснованого на безперервних війнах, жорстокому гнобленні переможеного супротивника, примусі до праці. Можна сказати, що почуття гріха, що його змушені були масово пізнати кияни наприкінці X ст., не сприяло їхньому приниженню — навпаки, в реальному житті воно стало потужним імпульсом підйому життєдіяльності.

Андрощук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева / Федор Андрощук // Ruthenica. — Т. III. —К., 2004. — С. 7–47.

Андрощук Ф. Скандинавские древности Южной Руси / Федор Андрощук, Владимир Зоценко. — Париж, 2012. — 368 с.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта Кіевской губерніи / В. Б. Антоновичъ. — М., 1895. — 139 с.

Борисенков Е. П. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы / Е. П. Борисенков, В. М. Пасецкий, — М., 1988. — 522 с.

Гупало К. М. Давньокиївський Поділ у світлі нових археологічних досліджень / К. М. Гупало, П. П. Толочко // Стародавній Київ. — К., 1975. — С. 40–80.

Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии / А. Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. — М., 1989. — С. 114–135.

Зоценко В. Н. Скандинавские древности и топография Киева «дружинного периода» / В. Н. Зоценко // Ruthenika. — Т. II. — К., 2003. — С. 26–52.

Івакін В. Г. Давньоруські могильники Подолу в планувальній структурі / В. Г. Івакін, С. П. Тараненко // Болховітіновський щорічник 2009. — К., 2010. — С. 251–259.

Каргер М. К. Древний Киев / М. К. Каргер. — М.–Л., 1958. — 579 с.

Козак О. Могильники Київського Подолу за даними палеоантропологічних досліджень / О. Козак, В. Івакін // Funeralia Lednickie. Spotkanie 14. — Poznan, 2012. — С. 457–468.

Козюба В. Дослідження садиби Десятинної церкви у Києві в 1908–1914 рр. (за матеріалами щоденників Д. В. Мілеєва) / Віталій Козюба // Ruthenica. — Т. IV. — К., 2005. — С. 169–214.

Ландшафты пригородной зоны Киева и их рациональное использование / [под ред. В. И. Галицкого]. — К., 1983. — 242 с.

Приходнюк О. М. Пеньковская культура / О. М. Приходнюк. — К., 1998. — 170 с.

Русь в IX–X веках: археологическая панорама / [отв. ред. Н. А. Макаров]. — М.-Вологда, 2012. — 496 с.

Сагайдак М. А. Давньокиївський Поділ / М. А. Сагайдак. — К., 1991. — 168 с.

Сагайдак М. А. Нові відкриття на Подолі та деякі дискусійні питання історичної топографії середньовічного Києва / М. А. Сагайдак // Ант. Вісник археології, мистецтва, культурної антропології. — К., 2005. — № 13–15. — С. 6–30.

Сагайдак М. А. Містобудування / М. А. Сагайдак // Історія українського мистецтва: у 5 т. / [під ред. Г. Скрипник]. — К., 2010. — Т. 2: Мистецтво середніх віків. — С. 390–426.

Философия: Энциклопедический словарь / [под ред. А. А. Ивина]. — М., 2004. — 1072 с.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города / М. Н. Тихомиров. — М., 1956. — 457 с.

Федоров Н. Сочинения / Н. Федоров. — М., 1982. — 709 с.

Харитонович Д. Э. В единоборстве с василиском / Д. Э. Харитонович // Одиссей. Человек в истории. — М., 1989. — С. 77–97.

М. А. Сагайдак, В. Г. Івакін

До питання про сакральні зони Київського Подолу

На думку авторів, упродовж останньої чверті IX ст. та протягом майже всього X ст. міське життя (масова забудова) у Києві зосереджувалося виключно на Подолі — Старокиївській частині було відведено роль сакральної (священної) зони міста. Тільки у зв'язку з початком спорудження у 80-х роках X ст. нового культово-адміністративного комплексу Києва на Старокиївській горі Могильник I поступово перетворюється на квартали та вулиці міста. Така зміна ставлення до священного місця стала можливою тільки після охрещення населення Києва. У зв'язку з активною розбудовою нового міста на горішній місцевості жителям Подолу, тепер уже у переважній більшості християнам, довелося шукати іншого місця для поховання своїх небіжчиків. Вони змушені були перенести свій могильник на вільні від забудови підвищені ділянки правого берега Дніпра.

M. A. Sagaidak, V. G. Ivakin

To the question of the sacred zones of Kiev Podol

According to the authors, during the last quarter of IXth century, and most of the Xth century urban life (mass building) in Kiev focused solely on Podil, Old Kiev part was given in the role of sacred (holy) zone of the city. Only due to the beginning of construction of the new religious-administrative complex of Kiev on the hill 80^{s} of the Xth century, Necropol I gradually turns into city blocks and streets. This change of attitude to the Holy place was made possible only after the baptizing of the people of Kiev. In connection with active development of the new city on top of the upper terrain, the inhabitants of Podol, Christians in majority had to find another place for the burial of their dead. They had to move the burial ground on the free from buildings upper area of right Bank of the Dnieper river.

М. С. Сергєєва

До питання про систематизацію деревообробних спеціальностей у Київській Русі

Стаття ставить питання про виділення і систематизацію деревообробних ремесел у Київській Русі. Досліджується ремісничий інструмент, особливості використання різних видів деревини та особливості технології її обробки.

Ключові слова: Давня Русь, давньоруське ремесло, деревообробка, деревообробні галузі.

Значення деревини як основного будівельного та виробничого матеріалу в матеріальній культурі Київської Русі обумовлює актуальність дослідження давньоруської деревообробної справи. Проте стан вивчення зазначеної галузі давньоруського ремесла залишається далеким від задовільного, що особливо стосується південних регіонів Русі, де дерево погано зберігається. У цьому плані Північ Русі знаходиться у кращому стані. В Новгороді дерев'яні вироби виявлені у великій кількості, що свого часу дозволило досить докладно репрезентувати новгородську деревообробку [Колчин, 1968; 1971]. Тим не менше, отримані на сьогодні археологічні дані з території Південної Русі дозволяють зробити принаймні попередній аналіз деревообробки в регіоні й виділити основні деревообробні спеціальності, що відокремлюються в зазначений час. Систематизації давньоруських деревообробних ремесел і присвячена ця стаття. Предметом аналізу є тільки механічна обробка деревини. Лісохімічні промисли можуть бути темою окремого розгляду.

Зазвичай деревообробка давньоруського часу розглядається як єдине ремесло. Це знайшло відображення, наприклад, в узагальнюючому розділі у відповідному томі Археології СРСР [Колчин, 1985, с. 254–260]. З одного боку, такий підхід має рацію, оскільки йдеться про виробництво на основі одного матеріалу. Проте деревина має свою специфіку, яка не повною мірою розкривається при зазначеному підході. Особливістю деревної сировини є її неоднорідність. Основним її видом була стигла деревина, що могла використовуватись як: 1) будівельний ліс (стовбури дерев та їх спеціально підготовлені частини (кругляки й колоди, бруси, пластини, дошки); 2) окремі частини стовбурів для дрібних робіт; 3) клепка. Крім стиглої деревини, з різною метою використовували гілки, прутття, кору (зокрема бересту), луб тощо — як похідні матеріали обробки деревини або предмет спеціальної заготівлі. Кожен із різновидів деревної сировини вибирається залежно від необхідності створення певного кінцевого продукту й потребує специфічної техніки обробки. Отже, деревину використовують у різних галузях виробництва, що не пов'язані одна з одною.

Безсумнівно, відомий універсалізм давньоруської деревообробки не можна заперечувати, особливо на рівні домашнього виробництва. Деревина виступає як основний матеріал для спорудження житла і для створення його наповнення, включаючи умеблювання, хатнє начиння та прилади для домашніх робіт. Така продукція виготовлялася в рамках кожного господарства й обумовлювала обізнаність господарів з основними деревообробними операціями. Проте діапазон ремесла міг бути достатньо широким і передбачав різні рівні майстерності. Враховуючи наявність наборів дерево-

обробних інструментів лише в окремих будівлях, не пов'язаних зі спеціалізованим деревообробним виробництвом [Каргер, 1958, с. 469; Сергєєва, 2011, с. 104–106], варто припустити, що навіть у межах домашнього ремесла цей вид діяльності могли практикувати окремі особи, які забезпечували своєю продукцією не лише власне господарство, а й певне коло споживачів. Поява професійного ремесла пов'язана з відокремленням різних напрямків роботи з деревиною.

На колишніх територіях Давньої Русі вузька спеціалізація в галузі деревообробки задокументована починаючи з XVI ст. [Колчин, 1977, с. 43; Богомазова, 1999, с. 29–30]. Етнографічні матеріали дають уявлення про численні, іноді дуже дрібні (на рівні виготовлення якогось одного виду продукції) спеціальності ремісників-кустарів XVII–XIX ст. [Муравьева, 1971; Гусарова, 2002]. Проте щодо давньоруського часу таких даних не засвідчено. Отже, систематизація давньоруських деревообробних ремесел має будуватися на принципах виділення основних деревообробних галузей, і вже у межах цих галузей можна виділяти більш вузькі спеціальності.

Власне, єдина більш-менш задовільна спроба класифікації давньоруських деревообробних ремесел належить Б. О. Рибакову. Він припускав існування у Давній Русі таких міських спеціальностей (у межах деревообробки) як будівельники великих споруд (огородники), теслярі, столяри, які одночасно могли бути токарями й бондарями. Особливою галуззю деревообробки могло бути суднобудування [Рыбаков, 1948, с. 413].

Корисним є звернення до систематизації деревообробних ремесел, репрезентованих у деяких етнографічних роботах, де вузькі спеціальності згруповані в кілька окремих галузей. Однією з перших робіт у цьому напрямку було фундаментальне дослідження М. А. Філіппова з деревообробної промисловості Росії [Филиппов, 1913]. Автор не залучає до розгляду теслярство; серед іншої продукції він виділяє в окремі групи такі вироби: столярні, токарні й різьблені, бондарні й тирсові, екіпажні, плетені, вироби з лубу, лика та берести. Окремо розглядаються суха перегонка дерева (лісохімічні промисли) та суднобудування. В узагальнюючій праці «Промисли та ремесла Білорусі» виділяються такі традиційні ремесла білорусів як теслярство, столярне, стельмашне, бондарне, токарне ремесла, виготовлення довбаного посуду, різьблення по дереву, виготовлення дахових матеріалів, вироблення луб'яних та плетених виробів, а також лісовий та лісохімічний промисли [Бандарчик, 1984, с. 112].

Зрозуміло, повністю переносити ситуацію XVIII — початку XX ст. на ту, що ми спостерігаємо за давньоруських часів, було б некоректно, як і застосовувати для давньоруської доби термін «кустарне ремесло» — явище, цілком пов'язане з розвитком капіталістичних відносин [Бетехтина, 1993]. Проте середньовічне ремесло за технічним рівнем загалом відповідає пізнішим селянським промислам, отже, з деякими застереженнями досвід етнографів цілком слушно мати на увазі.

На нашу думку, в основі класифікації давньоруських деревообробних спеціальностей варто виділяти окремі галузі, що відрізняються за використанням того чи іншого виду сировини та асортиментом продукції. Ці компоненти взаємопов'язані.

1. Використання будівельного лісу. Теслярство. Виробництво транспортних засобів та інших габаритних виробів. Робота будівельників і теслярів цілком базувалася на використанні будівельного лісу. Основною продукцією зазначених спеціальностей були великі об'єкти — як побутові (житлові та господарські споруди), так і об'єкти загальносуспільного й державного значення (насамперед фортифікаційні та інженерні споруди). Проте варто відзначити, що будівництво, яке загалом базується на різних матеріалах і має власне завдання, не може розглядатись як власне деревообробна спеціальність. Переважне використання деревини у давньоруському будівництві зумовлене її доступністю в лісовій та лісостеповій зоні й майже повною відсутністю інших будівельних матеріалів. У межах вивчення деревообробки точніше було б говорити про застосування теслярських технологій у будівництві, а отже, виділяти як деревообробну спеціальність тільки теслярство. Це стосується також фортифікаційних робіт.

Теслярство, з одного боку, відігравало одну з найважливіших ролей у підтримці культури життєзабезпечення (житлова споруда є одним з її основних компонентів) та, з іншого боку, виступало як ремесло державного значення. Відповідно, воно рано виділяється у самостійну галузь. Теслярі-професіонали вперше згадуються в літописі під 1016 р., проте відокремлення теслярства як спеціалізованого ремесла могло відбутися не пізніше X ст. у зв'язку з містобудівельною політикою князя Володимира. Спеціалізовані артілі теслярів XI ст., пов'язані з будівництвом, вивчені досить добре [Рыбаков, 1948, с. 408–409; Каргер, 1958, с. 468; Пеняк, 1998, с. 91–92]. З будівельними роботами асоціюються також городники (огородники). Вони належать до нечисленних спеціальностей, окремо виділених у «Руській Правді». Судячи зі всього, городники були представниками князівської адміністрації, а не власне ремісниками [Раппопорт, 1956, с. 177; Poppe, 1962, s. 10]. Проте існування такої посади свідчить про високий ступінь організації будівельної справи, а отже, й теслярського ремесла в межах державного будівництва.

Роботу з габаритною деревиною передбачало також виготовлення транспортних засобів — наземних і водних. Їх виробництво мало власну специфіку. В кустарному ремеслі XIX–XX ст. роботи з виготовлення сухопутного та водного транспорту відокремлені у самостійні галузі, якими займалися окремі села та навіть окремі райони [Филиппов, 1913, с. 257–296, 462–470; Гусарова, 2002, с. 3–10, 24–25]. При цьому спостерігається дуже дрібна спеціалізація. Наприклад, у різних селах виготовляли окремі частини возів. Опис суднобудування на Русі, що міститься у відомій праці Костянтина Багрянородного «De administrando imperii», дозволяє припускати аналогічну ситуацію: корпуси суден будували на одних поселеннях, а їх оснастку виготовляли в інших місцях. Тобто можна говорити про регіональну специфіку робіт, пов'язаних із суднобудуванням. Разом із цим не можна заперечувати державного значення суднобудування за часів Київської Русі [Пеняк, 1998, с. 36]. Можна припускати, що суднобудування могло бути однією з повинностей відповідних регіонів, як це відбувалося, наприклад, у середньовічній Швеції [Сванидзе, 1967, с. 137–139]. Проте нас у даному випадку цікавить можливість відокремлення зазначеної галузі від теслярства у його широкому значенні.

Загалом технологічні засоби, що їх практикували суднобудівники, за винятком окремих специфічних технологічних операцій, можна вважати різновидом теслярських робіт. Проте ускладнення конструкції суден зокрема поява кораблів з палубою (кораблі Ізяслава Мстиславича, згадані в літописі під 1151 р.), неминуче мало сприяти появі спеціалістів-суднобудівників, які принаймні керували створенням таких кораблів. Разом із цим основні роботи могли виконуватися звичайними теслярами. Загалом суднобудування доцільно розглядати як ремесло, що існувало в рамках теслярства й поступово відокремилося від нього.

Ще одним видом теслярських робіт було виробництво камнеметних машин, але вони з'являються тільки у XIII ст. [Раппопорт, 1956, с. 159–160].

2. Столярні роботи. Сировиною для столярних робіт слугує як габаритна деревина (дошки, бруси), так і дрібніші деревні фрагменти. Основна продукція столярства — хатнє вмеблювання та різноманітне обладнання, тобто відносно габаритні речі достатньо складної конструкції. Питання про виділення столярства як окремої спеціальності у Київській Русі (і взагалі за часів середньовіччя) поки що залишається під сумнівом.

Дослідження традиційного інтер'єру слов'янського й давньоруського житла та спеціально давньоруських меблів [Кравченко, Струнка 1984; Максимов, Петрашенко, 1988, рис. 66; Сергєєва, 1994; 1999; 2001] дозволили встановити переважання нерухомих меблів, що були складовою частиною конструкції будівлі. Саме вони створювали специфічний вигляд інтер'єру народного житла від середньовіччя до майже наших часів. Можна досить впевнено твердити, що виробництвом вбудованих нерухомих меблів, котрі були частиною будівлі, займалися ті самі особи, які будували житло. Майстри, обізнані в теслярстві, також могли виготовляти великі рухомі меблі (столи

та скрині). Елітні меблі складної конструкції, відомі за образотворчими джерелами (фресковий живопис та мініатюри ілюстрованих рукописів), використовувалися тільки в інтер'єрі князівсько-боярських хоромів. Попит на таку продукцію був обмежений і не потребував спеціалізованого виробництва. Отже, не виключено поєднання столярської справи з іншими ремеслами.

За схожістю техніки обробки можна припускати, що значну частку столярських робіт виконували теслярі. Така ситуація є типовою для середньовіччя, що можна пов'язувати з примітивністю середньовічної столярської продукції. Наприклад, у середньовічній Швеції столярні роботи протягом тривалого часу існували в межах домашнього виробництва. Навіть у XVI ст. столярську роботу виконували теслярі [Сванидзе, 1967, с. 122].

3. Використання суцільних фрагментів стиглої деревини. Різьбярська й токарна справа. З окремих підготовлених частин стиглої деревини виготовляли різноманітні предмети хатнього начиння, знаряддя праці та їх деталі, багато інших виробів. Використання однакової сировини, схожого інструментарію (додатковим знаряддям токарів є лише токарний верстат), іноді однакова продукція (наприклад, столовий посуд) дозволяє припускати, що ці дві галузі могли поєднуватися в руках одного майстра. Нечисленні збережені вироби з деревини вказують на застосування токарного верстату загалом у слов'ян принаймні з IX ст. [Давидан, 1970; Kaván, 1962, s. 222–230]. У західних регіонах Русі поява токарного верстату в VIII–IX ст. засвідчена точеними пряслицями з мергелю [Баран, 2004, с. 57]. Матеріали з Південної Русі репрезентовані єдиним точеним пряслицем, виявленим поблизу с. Бучак Черкаської обл. у будівлі, що здогадно може датуватися ранньослов'янським часом [Петрашенко, Козюба, 1997, с. 6]. Токарний посуд X ст., виявлений у Києві, свідчить про розвиток токарної справи у цей період. У XII–XIII ст. токарна справа отримує значний розвиток, що підтверджують матеріали як із Києва, зокрема зосередження великої кількості точеного посуду в «будинку токаря» на Подолі [Богусевич, 1954, с. 47], так і матеріали з інших пам'яток. Вивчення матеріалів Воїнської Греблі [Сергєєва, 2012] свідчить, що такі спеціальності як різьблення і токарні роботи були професійними ремеслами. Вдалося навіть простежити дві манери обробки точеного посуду [Сергєєва, у друці].

Окремим видом різьбярства було виготовлення дерев'яних гребенів. На думку Н. І. Асташової, термін «гребінники», що згадується в документах XVI ст., вказує на існування такої спеціальності як гребінництво. Гребінники могли працювати як з деревом, так і з кісткою [Асташова, 1993, с. 78]. На користь такого припущення нібито говорить спільна техніка виготовлення гребенів з різних матеріалів, а також відносно невелика кількість знахідок рогових гребенів навіть у великих містах. Слідів їх спеціалізованого виробництва, відомого у Північній та Центральній Європі [Cnotliwy, 1973; Ambrosiani, 1981], не виявлено. Це дозволяє припускати, що основна маса гребенів вироблялася з деревини. З іншого боку, гребінки з рогу іноді зустрічаються у косторізних комплексах. Не виключено, що могли співіснувати обидва варіанти виробництва гребенів, але це питання потребує додаткових досліджень.

Характеристика різьбярських робіт була б неповною без урахування деяких ремісничих спеціальностей, що не належали до власне деревообробних, але ремісники володіли навичками обробки деревини в рамках вузької спеціалізації. Насамперед слід згадати зброярів (вони виготовляли луки, древки стріл, щити та сагайдаки), спеціалістів з кінського спорядження (дерев'яні частини сідла) та ін.

4. Роботи на основі клепки. Бондарство. Використання клепки є специфічною технологією бондарства. Немає даних про ранню появу бондарства на Русі. У Південній Русі перші бондарські вироби засвідчені археологічним матеріалом (знахідки відер, насамперед у могильниках) і писемними джерелами у X ст. Навички, необхідні для бондарного виробництва, пов'язані з високою точністю в роботі, а отже, можна говорити про високий ступінь спеціалізації. Бондарське ремесло могло відокремитись у самостійну галузь уже на перших стадіях свого розвитку.

Використання інших частин дерева, ймовірно, могло відбуватися переважно у межах домашнього виробництва і не пов'язано з виділеними ремісничими спеціальностями. Про це опосередковано може свідчити простота роботи з такою сировиною. Зокрема, з домашнім ремеслом можна пов'язувати такі техніки як плетіння (від плетених кошиків до огорож), роботу з берестою та іншими видами кори, виготовлення виробів з лубу тощо. Виготовлення видовбаних речей зі стиглої деревини (ночви, тарні ємності) також можна вважати домашнім виробництвом.

Отже, запропонована класифікація ремесел, що відокремлюються за давньоруських часів (або перебувають на стадії виділення в окреме ремесло) включає в себе кілька основних галузей, усередині яких міг відбуватися розподіл праці. До основних давньоруських деревообробних спеціальностей належать такі:

1) професійні теслярі. Теслярське ремесло принаймні з X ст. існувало одночасно з домашніми промислами. У рамках теслярських робіт можна розглядати будування транспортних засобів, що поступово виділяються в окремі галузі. Пізніше з'являються інші спеціальності з виготовлення деяких окремих габаритних виробів (наприклад, стінобитних машин);

2) столяри. Однак про цю спеціальність слід говорити з деякими застереженнями, оскільки столярна справа могла поєднуватися з іншими видами деревообробних робіт;

3) різьбярі й токарі. Ці дві спеціальності, основані на обробці суцільних фрагментів дерева, могли поєднуватися в межах єдиного виробництва. Різьбярські роботи могли практикуватися також ремісниками, пов'язаними не з деревообробними спеціальностями, а з виготовленням специфічної продукції на підставі різної сировини (наприклад, зброярів). Виділення гребінництва як окремої спеціальності в рамках різьбярства залишається під сумнівом;

4) бондарі.

Початок відокремлення основних деревообробних спеціальностей припадає на X–XI ст.

Асташова Н. И. Костяные изделия средневекового Смоленска / Н. И. Асташова // Средневековые древности Восточной Европы / Труды ГИМ. — Вып. 82. — М., 1993. — С. 69–78.

Бандарчик В. К. Промыслы і рамёствы Беларусі / В. К. Бандарчик, В. С. Цітоў, Л. І. Мінько. — Мінск, 1984. — 192 с.

Баран Я. В. Слов'янська община / Я. В. Баран. – К., Чернівці, 2004. — 192 с.

Бетехтина Т. Г. К вопросу об определении понятия «кустарные промыслы» / Т. Г. Бетехтина // Этносы и этнические процессы. — М., 1993. — С. 321–328.

Богомазова Т. Г. Кустарные деревообрабатывающие промыслы украинцев в конце XIX — начале XX вв. (Производство деревянной утвари) / Т. Г. Богомазова. — СПб., 1999. — 164 с.

Богусевич В. А. Археологічні розкопки в Києві на Подолі в 1950 р. / В. А. Богусевич // Археологія. — 1954. Т. IX. — С. 42–53.

Гусарова М. Е. Кустарные промыслы крестьян Муромского уезда XVIII века / М. Е. Гусарова. — Препр. — Муром, 2002. — 36 с.

Давидан О. И. О времени появления токарного станка в Старой Ладоге / О. И. Давидан // АСГЭ. — Л., 1970. — № 12. — С. 81–88.

Каргер М. К. Древний Киев / М. К. Каргер. — М.–Л., 1958. — 579 с.

Кравченко Н. М. Реконструкція інтер'єру слов'янського житла VIII–IX ст. / Н. М. Кравченко, М. Л. Струнка // Археологія. — 1984. — Вип. 45. — С. 84–95.

Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия / Б. А. Колчин // САИ. — Вып. Е1-55. — М., 1968. — 184 с.

Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево / Б. А. Колчин // САИ. — Вып. Е1-55. — М., 1971. — 115 с.

Колчин Б. А. Ремесло и ремесленники Древнего Новгорода / Б. А. Колчин // La formation et le développement des métiers au Moyen Age (V^{e}–XIVe siècles). — Budapest, 1977. — P. 41–46.

Колчин Б. А. Обработка дерева / Б. А. Колчин // Древняя Русь. Город. Замок. Село. — М., 1985. — С. 254–260.

Максимов Е. В. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре / Е. В. Максимов, В. А. Петрашенко. — К., 1988. — 148 с.

Муравьева Л. Л. Деревенская промышленность Центральной России второй половины XVII в. / Л. Л. Муравьева. — М., 1971. — 208 с.

Пеняк П. С. Ремесло Київської Русі: структура і організація / П. С. Пеняк. — Ужгород, 1998. — 136 с.

Петрашенко В. А. Звіт Канівської експедиції про розкопки в ур. Рожана Криниця поблизу с. Бучак Канівського р-ну Черкаської обл. на території Трахтемирівського заповідника / В. А. Петрашенко, В. К. Козюба // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1997/26, 76 с.

Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. / П. А. Раппопорт // МИА. — 1956. — № 52. — 184 с.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси / Б. А. Рыбаков. — М., 1948. — 792 с.

Сергєєва М. С. До реконструкції меблів часів Київської Русі / М. С. Сергєєва // Археологія. — 1994. — № 1. — С. 48–60.

Сергєєва М. С. Формування інтер'єру середньовічного міського житла / М. С. Сергєєва // Українці. — Опішне, 1999. — Кн. 2. — С. 65–74.

Сергєєва М. С. Житло / М. С. Сергєєва // Історія української культури. — К., 2001. — Т. 1. — С. 966–976.

Сергєєва М. С. Дерев'яні вироби повсякденного вжитку з Колодяжина / М. С. Сергєєва // Археологія. — 2011. — № 4. — С. 98–107.

Сергєєва М. С. Матеріали до історії деревообробної справи у давньоруському місті Воїні (Воїнська Гребля) / М. С. Сергєєва // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII международной конференции (Харьков, 9–10 ноября 2012 г.). — Харьков, 2012. — С. 72–73.

Сергєєва М. С. Деревообробка у давньоруському місті Воїнь / М. С. Сергєєва. — (здано до друку).

Сванидзе А. А. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции (XIV–XV вв.) / А. А. Сванидзе. — М., 1967. — 380 с.

Филиппов Н. А. Кустарная промышленность России. Промыслы по обработке дерева / Н. А. Филиппов. — СПб., 1913. — 473 с.

Ambrosiani K. Viking Age Combs, Comb Making and Comb Makers in the Light of Finds from Birka and Ribe / K. Ambrosiani // Stockholm Studies in Archaeology. — Vol. 2. — Stockholm, 1981. — 174 p.

Cnotliwy E. Rzemiosło rogownicze na Pomorzu wczesnośredniowiecznym / E. Cnotliwy. — Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1973. — 331 s.

Kaván J. Nálezy zlomků dřevěných nádob a nábytku ze 13. st. / J. Kaván // Památky archeologické. — 1962. — № 1. — S. 219–240.

Poppe A. Materiały do słownika terminów budownictwa staroruskiego X–XV w. / A. Poppe. — Wrocław, Warszawa, Kraków, 1962. — 96 s.

М. С. Сергєєва

До питання про систематизацію деревообробних спеціальностей у Київській Русі

Стаття присвячена питанню відокремлення деревообробних ремесел у Київській Русі та їх систематизації. Основні деревообробні галузі виділяються на підставі ставлення до різних видів деревної сировини, за способами її обробки та асортиментом продукції. Усередині кожної з них міг відбуватися розподіл праці. До основних давньоруських деревообробних спеціальностей належать: 1) теслярі та спеціалісти з виробництва транспортних засобів, які поступово виділяються в окремі галузі; 2) можливо, столяри, проте столярство могло поєднуватися з іншими видами деревообробних робіт; 3) різьбярі й токарі, іноді обидва види робіт могли зосереджуватися у межах єдиного виробництва; 4) бондарство.

Початок відокремлення різних деревообробних спеціальностей припадає на X—XI ст.

M. S. Sergeyeva

On the question of the classification of woodworking specialties in Kievan Rus

The article focuses on the question of devision of woodworking crafts in Kievan Rus and their classification.

The principal wood working industries are distinguished on the basis of the relationship to different types of raw wood material, its processing methods and assortment of product. Within each of them the division of labor took place.

The main Old Rus' wood working specialties are: 1) carpenters and experts in manufacturing vehicles that are gradually separated into individual branch; 2) possibly joiners, but joinery could be compatible with other kinds of wood processing; 3) turners and carvers. Sometimes these two industries could focus within a single workshop; 4) coopers.

Separation of different wood working specialties accounted in Xth—XIth centuries.

О. Є. Черненко

Про Сновськ, розкопки «княжого міста» та приєднання сіверян до Давньоруської держави

Стаття присвячена аналізу археологічних матеріалів, отриманих під час розкопок на території посаду літописного Сновська, в урочищі Княжий Город. Обґрунтовується висновок про те, що Сновськ відігравав роль опорного пункту в ході включення земель літописних сіверян до адміністративної системи давньоруської держави.

Ключові слова: Сновськ, городище Коронний Замок, археологічні розкопки, споруди, давньоруська культура, сіверяни.

Зі Сновським (Сновеським), згаданим у літописі під 1068 р., традиційно ототожнюють городище в ур. Коронний Замок у смт Седнів Чернігівського р-ну. Городище займає мисоподібний виступ високої правобережної тераси р. Снов. Воно було захищене кількома лініями оборонних споруд, сліди яких досі простежуються на поверхні.

До останнього часу наукове бачення початкового періоду історії Сновська базувалось на матеріалах розкопок седнівського курганного некрополю. В період з 1874 р. до кінця XX ст. в околицях містечка Седнів було досліджено 73 кургани, датовані IX–XI ст. [Моця, 1987, с. 140–141; Коваленко, 2007, с. 46–52; Ясновська, 2007]. Матеріали цих робіт дозволили обґрунтувати висновок щодо різноетнічного характеру населення городища Коронний Замок та наявності у його складі воїнів-дружинників. З огляду на це, в науковій літературі затвердилась думка щодо заснування Сновська як опорного пункту руських князів у землі сіверян. При цьому Б. О. Рибаков вважав його боярським володінням, безпосередньо залежним від чернігівського князя [Рыбаков, 1949, с. 52]. А. К. Зайцев також припускав існування безпосереднього зв'язку між раннім Сновським і Черніговом та значну роль «дружинного елементу» в обох поселеннях. Втім, дослідник висловлював жаль з приводу того, що городище Сновська досі ще не досліджено, що дозволило б перевірити цей висновок [Зайцев, 2009, с. 53].

Дійсно, археологічні дослідження Коронного Замку протягом тривалого часу не проводились, хоча пам'ятка в різні роки неодноразово обстежувалась археологами. Розкопки городища розпочалися тільки у 80-х роках XX ст.: 1982 р. невеликі за обсягом дослідження здійснив В. П. Коваленко [Коваленко, 1984; Коваленко, 2007, с. 41], 1986 р. — А. Л. Казаков [Казаков, 1986].

У 1982 р. під час розкопок залишків оборонних споруд на південно-західному схилі дитинця вдалося зафіксувати культурні нашарування, які В. П. Коваленко датував X ст. [Коваленко, 1984]. У 2006–2007 рр. він продовжив розкопки Коронного Замку та дійшов висновку, що городище виникло на зламі IX–X ст. До цього часу дослідник відніс також формування другої лінії укріплень на західному краї посаду [Коваленко, 2007, с. 42–43]. Формування південної частини посаду в урочищі Княжий Город він пов'язував зі зростанням Сновська у другій половині XII ст., після перетворення його на столицю удільного князівства [Коваленко, 2007, с. 44].

Площа Княжого Городу становить близько 27 га (900×380 м). З південного боку його обмежує штучний насип, так званий Батиєв Вал, який до сьогодні зберігся на

окремих ділянках до висоти 3 м при ширині до 20 м. Із зовнішнього та внутрішнього боку від нього помітні рови. Внутрішній рів заплив та ледь помітний на рівні сучасної поверхні, зовнішній і сьогодні має значні розміри — його глибина до 2 м, а ширина більш ніж 20 м. Виникнення Батиєвого Валу та рову, що оточували Княжий Город, традиційно відносили до доби козаччини або новітнього часу, коли в цьому місці було створено парковий ансамбль маєтку Лизогубів. Проте знахідки, зроблені 2000 р. під час спостереження за земляними роботами В. В. Мултанен, дозволили припустити, що вал споруджено ще в X ст. [Мултанен, 2007, с. 19].

Археологічні дослідження території Княжого Городу були започатковані 2007 р. Вони проходили в його південній частині, у безпосередній близькості від лінії Батиєва Валу. Внаслідок цих робіт вдалось отримати нові матеріали до вивчення початкової історії Сновська.

Загальна площа, розкрита 2007 р., склала близько 4 тис. м². В ході робіт було досліджено археологічні комплекси X — початку XIII ст. та XVII — початку XIX ст. Найбільшу увагу привертають рештки забудови X — початку XI ст. (5 споруд житлового й господарського призначення та ями), виявлені на південній ділянці досліджуваної території, неподалік від лінії валу (рис. 1). Вони утворювали досить компактну групу. Споруди 1, 2, 3 розташовувалися в ряд уздовж лінії захід-схід на відстані 0,5–3,0 м одна від одної. Споруди 5 та 6 знаходились навпроти споруди 2, за 3 м від неї. Взаємне розташування об'єктів наводить на думку про вуличну забудову цієї частини посаду. Втім, споруди могли існувати не синхронно, а в наближені проміжки часу. Так, стратиграфія дозволяє визначити, що споруда 6 є більш ранньою, ніж споруда 5.

У сухому ґрунті на території Княжого Городу дерево майже не зберігається: є двох випадках в заповненні об'єктів було зафіксовано тільки сліди деревного тліну, а ще в одному — незначну кількість горілого дерева. Однак конструктивні особливості та стратиграфія заповнення котлованів дозволяють визначити характеристики споруд, використовуючи аналогії із синхронними комплексами, дослідженими на суміжних територіях.

Серед розкритих 2007 р. будівель найкраще збереглася споруда 1 (рис. 1). Від неї вцілів котлован, що в плані мав форму, наближену до квадрату зі сторонами 4 м,

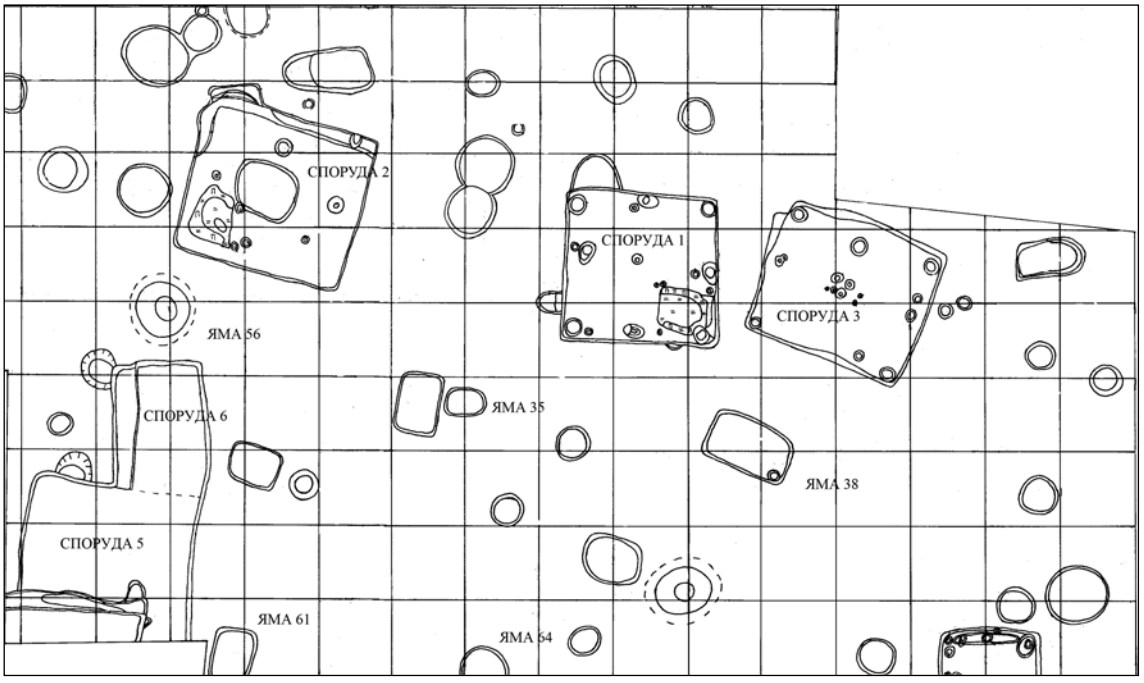


Рис. 1. Седнів, 2007 р. Урочище Княжий город.
План частини розкопу 1 з комплексом давньоруських споруд

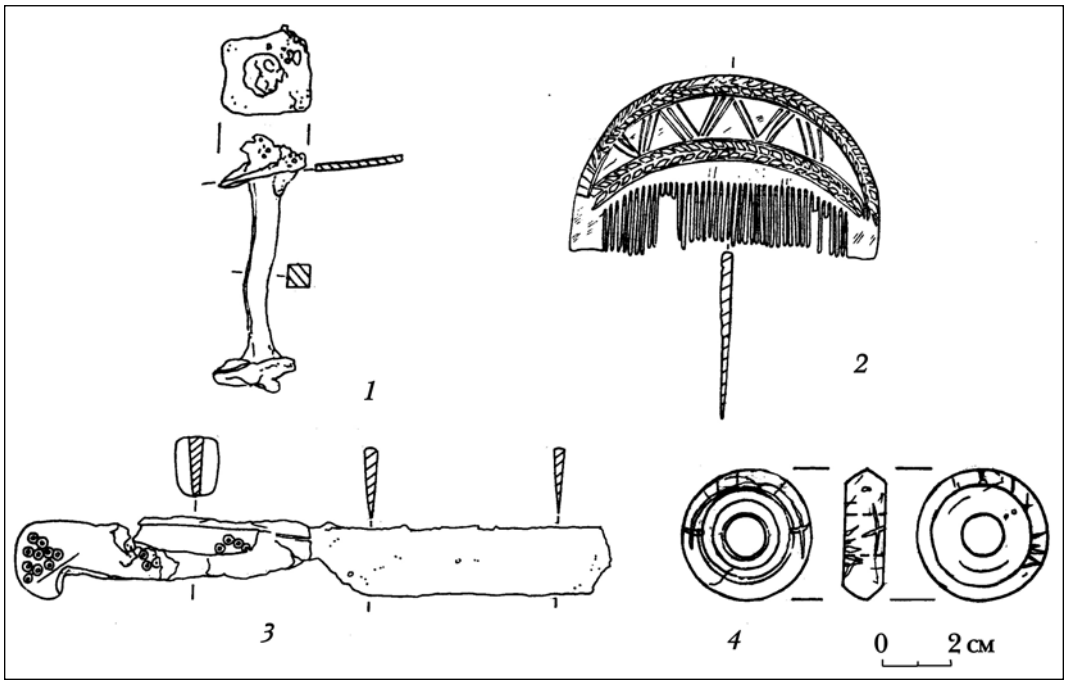


Рис. 2. Седнів, 2007 р. Урочище Княжий город. Знахідки з розкопу 1:
1 — лодійна заклепка; *2* — гребінець; *3* — ніж; *4* — прясельце

орієнтованого кутами по сторонах світу. Він був впущений в материк на 1 м. У його північній стінці, безпосередньо поблизу східного кута, простежувався вхід у вигляді заглиблення.

Судячи з наявності характерних стовпових ям, котлован мав каркасно-стовпову обшивку стін. При цьому кутові стовпи були достатньо масивними (діаметр 0,4–0,5 м), щоб витримати перекриття. Менші стовпи (діаметр 0,2 м) розташовувались по центру стінок та посилювались підпорними стовпчиками. Вони слугували для закріплення обшивки.

Крім заглибленого котловану, споруда мала й наземний поверх: в її заповненні фіксувалися рештки перекриття, що впало, та уламки глиняної обмазки (від підлоги на другому ярусі?). Дещо вище цього рівня, неподалік від північного кута, знаходилось округле скупчення печини та золи від розбитої печі, яка впала зверху під час руйнації будівлі. Тобто можна дійти висновку, що наземний поверх опалювався.

Дно споруди було підсипане піском та, можливо, перекрите деревом: простежувались окремі ділянки деревного тліну. На дні котловану, в його східному куті, знаходились рештки глинобитної печі підпрямокутної форми. Її нижня частина була вирізана в материковому останці, стінки глинобитні, споруджені на каркасі з лози. Піч була орієнтована щелепами на північний схід.

Останець із пічкою з'єднувався зі стінкою котловану перемичкою. Її прорізала вузька (0,15 м) поперечна канавка. Вірогідно, в канавку встановлювалась горизонтально обшивка печі чи короба-димника; з цією ж конструкцією, напевно, пов'язані також чотири ямки від стовпчиків в основі зовнішніх кутів печі. У цьому зв'язку можна згадати житлові підкліти-зруби з коробами-димниками з оббивкою з дощок, відомі за етнографічними даними та матеріалами археологічних розкопок [Вознесенська, 1984, с. 22–23].

Більшість знахідок містилася в заповненні між дном котловану та рештками обваленого перекриття. Нечисленний керамічний матеріал представлений уламками кругових посудин X — початку XI ст. Знайдено також три пірофілітових пряслиця (одне, що лежало на дні ями під опорний стовп, — з графіті того типу, який Г. О. Мельникова визначає як псевдорунічний [Мельникова, 2001, с. 101] (рис. 2, *4*), фрагменти ножів, рештки корозованих залізних предметів.

Конструкція споруди 1 має аналогії серед пам'яток Сіверщини кінця X — початку XI ст. (Горбове, Ліпіно). Згідно з реконструкцією О. В. Григор'єва, подібні будівлі були двоярусними, зі зрубними зовнішніми стінами, спорудженими за межами котловану [Григорьев, 2000, с. 90–95]. Встановлені в котловані масивні стовпи слугували опорою для міжповерхового перекриття.

Котлован споруди 2 також мав квадратну форму (рис. 1). Його було орієнтовано стінками по сторонах світу. Довжина стінок дорівнювала 4,5 м. В південно-східному куті фіксуються дві вирізані в материку сходинки для входу. Таке розташування входу в куті, згідно з висновками О. М. Єнукової, може свідчити про спорудження стін будівлі поза межами її котловану — інакше «замкнути» стіни було неможливо [Енукова, 2007, с. 23].

Заповнення споруди було пошкоджене великою ямою XVIII ст., тому встановити характер її перекриття складно. Кілька стовпових ямок, розчищених на дні, розташовувались безсистемно. Можливо, котлован мав зрубну обшивку. Як і в споруді 1, у споруді 2, скоріш за все, мала була дерев'яна підлога, покладена на піщану підсипку: збереглися рештки підсипки, перекриті прошарком деревного тліну.

У північно-східному куті котловану споруди 2 зафіксовані залишки глинобитної печі підпрямокутної форми, повернутої щелепами на захід. Вона відстояла від стінок на 0,5 м, що також відповідає припущенню щодо зрубної обшивки стін. Піч споруджена на материку таким чином, що її черінь знаходився врівень із підлогою. Склепіння печі (глинобитне, на каркасі) обвалилося всередину та утворювало її заповнення. В цьому завалі знайдено кілька шматків краю глиняної жаровні, а на рівні череня — розвал гончарного горщика X ст.

Практично всі знахідки концентрувались у придонній частині споруди: уламки гончарних посудин X–XI ст., точильний брусок, кістяні проколки, астрагал із просвердленим отвором, ніж, рибальський гачок, корозовані бронзові та залізні предмети. Окремої уваги заслуговує кістяний гребінець, що лежав на дні котловану (рис. 2: *2*). Він однопластинчастий, однобічний, з високою напівкруглою спинкою, декорованою геометричним орнаментом. Прямих аналогій цьому виробу знайти не вдалося. Найближчими за формою та стилем декору є гребені кола фіно-угорських старожитностей [Давидан, 1962, с. 101–108; Кондратьева, 1981].

За всіма ознаками споруда 2 — житлова зрубна будівля із заглибленим, обшитим деревом котлованом, найбільш характерним для сіверянській території (до XI ст.) типу [Григорьев, 2000, с. 88].

Споруда 3 в плані мала форму ледь витягнутого прямокутника (4,5×4 м) та була орієнтована довгою віссю вздовж лінії захід–схід (рис. 1). Стінки її котловану вертикальні, дно рівне, впущене в материк на 0,9 м. Він мав каркасно-стовпову обшивку, про що свідчать розташовані на дні, по кутах та вздовж стін, стовпові ями. При цьому кутові ями були достатньо великими (діаметр — близько 0,4 м) та могли лишитися від опорних стовпів перекриття.

Стратиграфія заповнення споруди дозволяє розділити його на дві частини, розмежовані рештками горілого обваленого перекриття (уламки дощок). Можна припустити, що будівля була наземна, на холодному підкліті. За матеріалами розкопок у Новгороді-Сіверському та на Горбівському городищі О. В. Григор'єв простежує поширення споруд такої конструкції в Подесенні з межі X–XI ст. [Григорьев, 2000, с. 95–96].

Всі археологічні знахідки у споруді 3 (фрагменти гончарних посудин, кістяні проколки) містилися на рівні дна котловану.

Споруда 5 збереглася не повністю (рис. 1). Вціліла тільки південна частина її котловану, орієнтованого кутами по сторонах світу, завширшки 4,5 м. Його стінки прямовисні, впущені в материк на 0,6 м. Дно рівне. Зі споруди походять проколка та пірофілітове пряслице.

Споруда 6 так само виявилась напівзруйнованою (рис. 1). Та її частина, що вціліла, мала вигляд прямокутника 2,7×3,75 м, орієнтованого кутами по сторонах світу.

Стінки котловану вертикально спускались донизу, при цьому в основі північно-східної стінки виявлений уступ шириною 0,7 м, висотою 0,1 м. В ході дослідження заповнення будівлі знайдені окремі фрагменти гончарних посудин X ст. та уламок стінки ліпної роменської посудини.

На жаль, значне руйнування споруд 5 та 6 не дозволяє впевнено зробити висновки щодо їх конструкції. Можна припустити, що вони були зрубної конструкції (враховуючи відсутність характерних ям як у котлованах, так і навколо них) та мали господарське призначення.

Поруч зі спорудами 1–6 було відкрито близько десятка ям, в заповненні яких містився матеріал X — початку XI ст. (ями 35, 38, 56, 61, 64 та ін.; рис. 1). Вони були розосереджені по досліджуваній території. З них дві (ями 27, 56) — зернові, характерної грушоподібної форми, глибиною близько 1,7 м. Інші, різної форми та розмірів, могли бути заглибленими частинами невеликих споруд, погребами, спеціально виритими смітниками тощо.

Виявлені в ямах знахідки — це в переважній більшості уламки гончарних посудин; у кількох випадках разом із ними знайдено окремі фрагменти ліпних роменських горщиків (менше 0,01% від загальної кількості кераміки). Серед знахідок окремо слід відзначити лодійну заклепку (рис. 2: *1*).

Як уже відзначалося, всі згадані об'єкти можна віднести приблизно до одного періоду: X — початок XI ст. Точніше встановити їх хронологію важко, оскільки датуючий матеріал досить невиразний. Не викликає сумнівів, що споруди 1 та 5, де знайдено пірофілітові пряслиця, виникли не раніше другої половини X ст. — часу поширення цього типу виробів у Лівобережжі [Григорьев, 2000, с. 47]. Можливо, вони репрезентують більш пізній етап існування житлового комплексу на території Княжого Городу, а споруди 2 та 6 — більш ранній (з огляду на доволі архаїчний тип споруди 2). В цілому період існування будівель відповідає часу найбільш активного функціонування сеннівського курганного некрополю та появі там дружинних могил. Відзначимо також, що конструкція всіх розкритих 2007 р. споруд є типовою для Середнього Подесення в період поширення давньоруської культури.

Так само, як і матеріали могильника, матеріали розкопок на території Княжого Городу дозволяють засвідчити різноетнічний характер місцевого населення. Окремі знахідки роменської кераміки дають підстави припустити наявність серед місцевих мешканців певної кількості роменського населення або ж контакти з територією, заселеною носіями цієї культури, а кістяний гребінь фіно-угорського стилю — зв'язки з північно-східними регіонами. Цікавою є і знахідка лодійної заклепки з чотирикутною клинкшайбою. Подібні заклепки зазвичай походять з пам'яток, де постійно або епізодично перебували вихідці зі Скандинавії (Ладога, Рюриково городище, Новгород, Гньоздово, Псков, Білозеро, Полоцьк, Шестовиця, Чернігів [Коваленко, 2008, с. 184–185]).

Звертає на себе увагу той факт, що археологічні матеріали другої половини XI — початку XIII ст., на дослідженій ділянці нечисленні. Складається враження, що ця частина посаду була заселена в початковий період існування Сновська, у X ст., а потім мешканці її залишили. На таку думку наводить і те, що знайдений у заповненні будівель матеріал виявися надзвичайно бідним. Знову територія Княжого Городу почала використовуватись у XII — на початку ст., але вже не так активно.

Звертаючись до ранньої історії Сновська, треба відзначити, що існують різні погляди щодо його статусу: М. А. Сагайдак вважає його відкритим торговельно-ремісничім поселенням [Сагайдак, 2007, с. 91], Є. О. Шинаков — погостом, який згодом перетворився на дружинний табір [Шинаков, 2004; Шинаков, 2008, с. 88–89], В. П. Коваленко — дружинним табором [Коваленко, 2007, с. 51–52]. Втім такі висновки спираються виключно на результати розкопок могильника. Археологічні матеріали, отримані в ході розкопок 2007 р., дозволяють констатувати ознаки, що свідчать про наявність дружини та різноетнічний характер населення. Водночас можна засвідчити значну укріплену площу тогочасного поселення.

Сучасні дослідники одностайно визнають, що ранній період існування Сновська був безпосередньо пов'язаний з процесом одержавлення літописних сіверян. Поселення виникає після знищення розташованого неподалік сіверянського городища Орешня [Коваленко, 2007, с. 38]. Така заміна старого племінного центру новим, підлеглим княжій владі, є типовою для періоду включення слов'янських територій до адміністративної системи Давньої Русі [Толочко, 1989, с. 54–67; Моця, 1995, с. 105].

З процесом одержавлення Північного Лівобережжя, напевно, пов'язане зростання Чернігова: у другій половині X — на початку XI ст., де будується лінія укріплень дитинця, що оточує площу в 16 га, та фортифікація, що замикає Окольний град [Черненко, 2010; 2012]. Звертає на себе увагу той факт, що стрімке зростання міста у другій половині X ст. відповідає часу виникнення найбагатших дружинних поховань чернігівського некрополю. Напевно, це явище відбиває процес становлення Чернігова як провідного центру давньоруської державності Лівобережного Подніпров'я.

Сьогодні є археологічно підтвердженим магістральний напрямок поширення пам'яток дружинного типу вздовж лінії Чернігів–Сновськ–Стародуб [Григорьев, 1992; Шинаков, 1990, с. 147–148; Моця, 1995, с. 105]. Вважається, що наприкінці IX та у X ст. на цьому напрямку виникають табори дружини «середнього» рівня. Вони слугували місцем концентрації значних сил, що використовувались для остаточного включення племінних територій в'ятичів, радимичів та сіверян до Руської землі [Шинаков 1990; 2004]. Давньоруський Сновськ виникає у стратегічно важливому пункті, на шляху, що вів від Чернігова до верхів'я Оки та до Волзької Булгарії. Ця траса добре маркується знахідками скарбів куфічних монет [Фомин, 1988, с. 77–79; Шпилев, 2003, с. 347].

На думку О. В. Григор'єва, тимчасова межа між Руссю та західними сіверянами в X ст. проходила в міжріччі річок Снов та Мена [Григорьев, 1992; Григорьев, 2000, с. 216–217]. Хронологічно це відповідає часу виникнення поселення на території Княжого Городу. Можна припустити, що на той час Сновськ слугував базою, де концентрувалия сили для подальшого наступу на територію західних сіверян, неподалік від її кордонів. Надалі, після приєднання до Давньоруської держави регіону Новгород-Сіверського Полісся, потреба в ньому відпадає, що призвело до тимчасового занепаду Сновська в XI ст.

Вознесенська Г. О. Дослідження літописного Блистовита / Г. О. Вознесенська, В. П. Коваленко, Р. С. Орлов // Археологія. — № 48. — 1984. — С. 19–34.

Григорьев А. В. О границе Руси и Северы в Подесенье / А. В. Григорьев // Слов'яни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 150-річчю від дня народження Д. Я. Самоквасова. — Чернігів, 1993. — С. 98–99.

Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным / А. В. Григорьев. — Тула, 2000. — 263 с.

Давидан О. И. Гребни Старой Ладоги / О. И. Давидан // АСГЭ. — № 4. — 1962. — С. 96–108.

Енукова О. Н. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. / О. Н. Енукова // Труды НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета. — Курск, 2007. — Вып. 1. — 220 с.

Зайцев А. К. Черниговское княжество X–XIII вв.: избранные труды / А. К. Зайцев. — М., 2009. — 226 с.

Казаков А. Л. Отчет о разведочных работах на посадах летописных городов в междуречье Белоуса и Снова в 1986 г. / А. Л. Казаков, В. П. Коваленко // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1986/144.

Коваленко В. П. Исследования летописного Сновска / В. П. Коваленко // АО 1982 г. — М., 1984. — С. 271–272.

Коваленко В. Сновськ і «Сновська тисяча» / Володимир Коваленко // Містечко над Сновом. — Ніжин, 2007. — С. 25–85.

Коваленко В. Дослідження Шестовицького подолу / В. Коваленко, О. Моця, Ю. Ситий, В. Скороход // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Збірка наукових праць. — Т. І. — Коростень, 2008. —

С. 178–191.

Кондратьева О. А. Зооморфные гребни IX–X вв. / О. А. Кондратьева // КСИА. — Вып. 166. — М., 1981. — С. 103–109.

Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации.Тексты, перевод, комментарий / Е. А. Мельникова. — М., 2001. — 495 с.

Моця О. П. Становлення Новгорода-Сіверського в контексті теорії бінарних опозицій / О. П. Моця // Археологічні старожитності Подесення. Матеріали історико-археологічного семінару, присвяченого 70-річчю від дня народження Г. О. Кузнецова. — Чернігів, 1995. — С. 104–106.

Моця А. П. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. (по данным погребальных памятников) / А. П. Моця. — К., 1987. — 168 с.

Мултанен В. В. Археологічні пам'ятки Седнева та його околиць / Валентина Мултанен // Містечко над Сновом. — Ніжин, 2007. — С. 12–25.

Рыбаков Б. А. Древности Чернигова / Б. А. Рыбаков // МИА. — 1949. — № 11. — С. 7–99.

Сагайдак М. А. К истории градообразования на территории Древней Руси. VI – первая половина XI века / М. А. Сагайдак (при участии В. В. Мурашевой и В. Я. Петрухина) // История русского искусства. — Т. 1. — М., 2007. — С. 82–108.

Толочко П. П. Древнерусский феодальный город / П. П. Толочко. — К., 1989. — 254 с.

Фомин А. В. Топография кладов куфических монет X в. междуречья Днепра и Десны / А. В. Фомин // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Материалы историко-археологического семинара. — Чернигов, 1988. — С. 74–80.

Черненко Е. Е. Исследование оборонительных сооружений древнего Чернигова / Е. Е. Черненко // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5–8 июля 2010 г. (г. Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде. — Брянск, 2010. — С. 341–350.

Черненко Е. Е. Чернигов и Новгород-Северский в эпоху создания древнерусского государства / Е. Е. Черненко, И. С. Кедун // Начала русской государственности в IX веке и ее возрождение в первой четверти XVII века. Материалы международной научной конференции. — Брянск, 2012. — С. 80–86.

Шинаков Е. А. Северные границы «Русской земли» X века / Е. А. Шинаков // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Материалы историко-археологического семинара. — Чернигов, 1990. — С. 146–149.

Шинаков Е. А. «Дружинные лагеря» / Е. А. Шинаков // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Збірка наукових праць. — К., 2004. — С. 307–311.

Шинаков Е. А. Пути формирования городов в Деснинском регионе Древней Руси / Е. А. Шинаков // Русский сборник. — Вып. 4. — Брянск, 2008. — С. 86–104.

Шпилев А. Г. Курские клады куфических монет и северянское Посеймье / А. Г. Шпилев // Куликово поле. Исторический ландшафт. Природа. Археология. История: Сб. статей в 2 т. — Т. 1. — Тула, 2003. — С. 344–362.

Ясновська Л. З історії вивчення Седнівського некрополя давньоруської доби / Людмила Ясновська // Містечко над Сновом. — Ніжин, 2007. — С. 85–90.

Е. Е. Черненко

Про Сновск, раскопки «княжего города» и присоединение северян к древнерусскому государству

Статья посвящена анализу археологических материалов, полученных во время раскопок 2007 г. на территории посада летописного Сновска, в урочище Княжий город. Обосновывается вывод о том, что Сновск играл роль опорного пункта в ходе включения земель летописных северян в административную систему древнерусского государства.

O. Ye. Chernenko

About Snovsk, excavation of «prince citi» and joining of siveryanys' lands to Old Rus state

The article is devoted to the analysis of archaeological materials obtained during excavations in 2007 on the territory of the annalistic Snovsk's Posad (trading quarter), in the natural boundary «Prince City». The conclusions that Snovsk was played the role of a strong point in inclusion of land chronicles Siveryany to the administration of Old Rus.

Л. В. Чміль, А. А. Чекановський

Давньоруське городище в Іванкові

Стаття присвячена топографічній ситуації в центрі Іванкова (Київська обл.), де знаходилося городище X–XIII ст. і на тому ж місці — замчище XIV–XVIII ст., а також археологічному підйомному матеріалу, зібраному на цій території під час розвідок 2013 р.

Ключові слова: давньоруське городище, замчище литовсько-польської доби, кераміка, Іванків, історична топографія.

У центрі м. Іванків (Київська обл.) на території міського парку розташовано залишки давньоруського городища. Воно займало високий берег р. Тетерів. Уперше його обстежив П. Третьяков у 1940-х роках. Він бачив землянки в обриві над річкою і зібрав давньоруську кераміку XI–XIII ст. на площі городища. *«… Древнее городище имеется в Иванкове. Оно также очень плохо сохранилось — на его месте в старое время была усадьба, а ныне находится городской сад. Городище занимает треугольный мыс высокого берега, с двух сторон ограниченный крутыми склонами. По основанию мыса в древности проходили вал и ров. Очень может быть, что городище занимало и соседний мыс берега. На берегу Тетерева, у основания городища, видны в обнажениях многочисленные землянки, однако не «древлянского» времени, а более поздние, XI–XIII вв. В этот период здесь было, по-видимому, очень значительное поселение»* [Третьяков, 1952, с. 64].

На місці городища за литовсько-польської доби був замок. Можливо, побудований з використанням давньоруських валів. Маємо опис цього замку, опублікований у 1848 р. І. Фундуклеєм: «*В местечке Иванков есть замок. В 1834 году он разрушен до основания тамошним управителем. … в прежние времена был он обведен высокими валами и глубоким рвом, в который входила вода из реки Тетерева. Для въезда устроены были два моста и двое ворот, из которых над одними возвышалась башня с часами. Во время раскапывания валов (в 1834 году) находимы были человечьи кости*» [Фундуклей, 1848, с. 40–41].

У 1970 р. тут проводив розвідки М. Кучера, який виконав схематичний план городища. Його площу він визначив у 0,75 га (довжина приблизно 120 м, ширина — 60–70 м). В обриві над річкою М. Кучера зібрав кілька уламків вінець посудин XI–XIII ст. і грубих стінок горщиків з широким заглибленим лінійним орнаментом, що належать до часу не пізніше рубежу X–XI ст. [Кучера, 1970, с. 3, щоденник — с. 6; 1976, с. 176–177; 1999, с. 197].

За планом М. Кучери на місцевості можна визначити залишки ровів: один — це глибокий яр, що розрізає високий берег р. Тетерів, з півночі від городища; інший — майже засипаний ярок перед краєзнавчим музеєм у південній частині. Поперечна частина рову, яка з'єднувала ці два яри, позначена на плані як пониження поверхні, що зараз вже не фіксується. Зараз поблизу цього місця є сходинка-ескарп, що проходить майже рівною лінією з півночі на південь. Висота цього ескарпу становить до 2 м. На захід від нього поверхня похила в напрямі до річки, тоді як на

схід, навпаки, майже рівна горизонтальна. Заглибини на місці залишків ярів заходять північніше ескарпу більше ніж на 40 м. Тож логічно припустити, що західна межа городища-замчища не співпадала з ескарпом. Можливо, ескарп знаходиться на місці внутрішнього краю залишків валу.

На нашу думку зовнішній розмір городища-замчища становив 121×118 м, площа, що збереглась, — до 11 083,4 м² (Рис. 1). Характерно, що продовження цього ескарпу є і за межами ярів, з півночі й півдня від них. Можливо, що це — сліди планування території навколо панського будинку. Тобто поверхню було вирівняно і знівельовано двома широкими терасами. Це пояснює відсутність археологічних знахідок на північних і центральних частинах терасованих ділянок. Шар ґрунту тут було переміщено. Так, значні роботи були проведені ще управителем князя Любомирського в 1834 р., коли було розкопано вали й, очевидно, цією землею засипано рови. У валах тоді знаходили багато людських кісток [Фундуклей, 1848, с. 40; Гордієнко, Лапенко, 1971]. Потрапити туди вони могли в XVI ст., коли знову підсипались вали для побудови замку. А брати землю для цього могли із старого могильника, що знаходився десь неподалік. Роботи з благоустрою парку проводились і за радянських часів, зокрема, в 1950-х рр. У результаті всіх цих перепланувань первісний вигляд городища дуже змінився. Так, у нього вже немає валів, а з ровів залишились лише частини ярів біля річки. Культурний шар давньоруського городища теж дуже поруйнований, але місцями він все ж таки зберігся.

Ця територія обстежувалася також у 1993 р. П. Покасом та О. Сєровим, але їхні дані щодо городища в основному повторюють інформацію М. Кучери.

Обстеження 2013 р. показали, що на території, обмеженій ярами (можливими залишками ровів), знахідки підйомного матеріалу майже не трапляються. Але за межами цієї території культурний шар зберігся краще. Найбільше кераміки давньоруського часу зібрано на території біля місцевого музею, на південь від городища. Це фрагменти гончарного посуду X–XII ст. Тут також знайдено ліпну кераміку, поки що невизначеного часу (хоча деякі товстостінні фрагменти з домішкою крупної жорстви можуть датуватись другою половиною I тис. н. е.). Кераміка пізньосередньовічного та ранньомодерного часу тут поодинока. Так, є одне вінце з досить великим округлим валиком, що нагадує вінця горщиків XV ст., але воно дуже дрібне, і таке датування є, звичайно, дуже гіпотетичним. Ще одне вінце може датуватись першою половиною — серединою XVII ст. На північ від будівлі музею зроблено зачистку на місці, де пошкоджено верхній шар ґрунту. В стратиграфії простежується чорний гумусований шар потужністю 0,40–0,50 м, який нижче переходить у білий материковий супісок. (Рис. 2).

З північного боку городища, в парку біля школи мистецтв, кераміка X–XII ст. представлена поодинокими

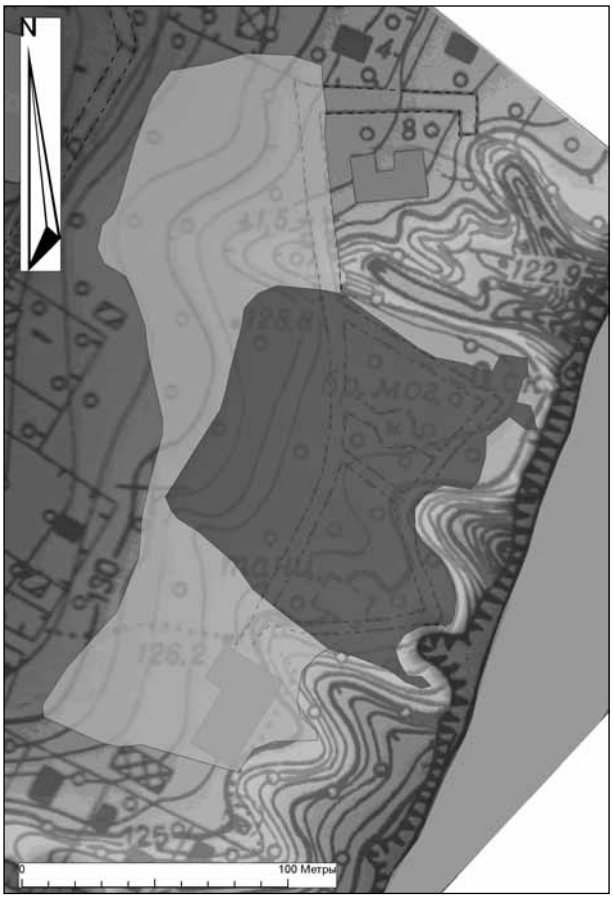


Рис. 1. План городища та поширення культурного шару

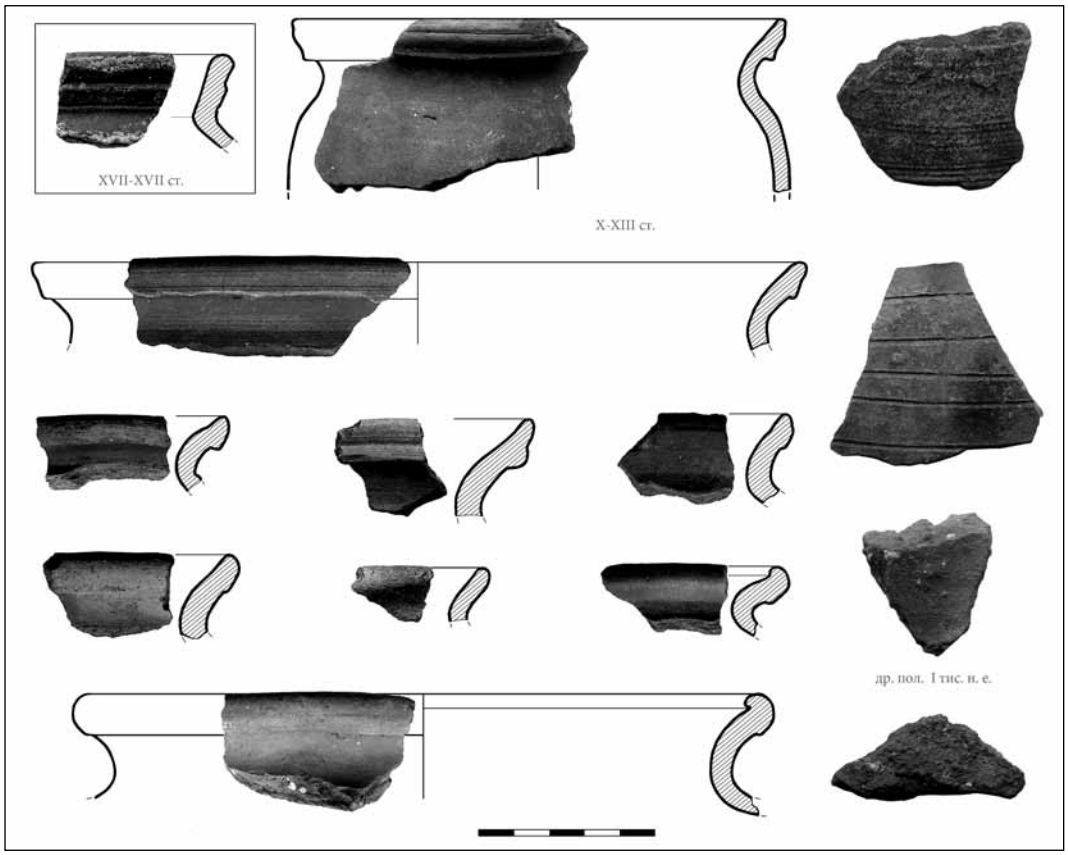


Рис. 2. Кераміка з південної частини городища в Іванкові

знахідками. Зате тут масово зустрічаються фрагменти посуду кінця XVII–XVIII ст., деякі вінця горщиків можна віднести до рубежу XVI–XVII ст. (рис. 3).

Нечисленні фрагменти давньоруської кераміки також трапляються в осипах крутого схилу біля річки, але слідів землянок, що їх бачив П. Третьяков, вже не помітно — край мису з того часу дуже сильно змінився через постійні зсуви ґрунту. Лише в північній частині, одразу за братською могилою, де стався зсув ґрунту навесні 2013 р., ми змогли зробити зачистку невеликого відрізку обриву. Стратиграфія цього місця схожа з попередньою. Потужність чорного шару становить до 0,50 м, під ним залягає жовтий материковий супісок. У самому шарі є лінзи горілої глиняної обмазки й вугликів, багато кісток тварин та давньоруської кераміки. Можливо, це заповнення житла. Пізніх матеріалів на цьому місці поки що не виявлено.

Поодинокі фрагменти кераміки давньоруського часу та XVII–XVIII ст. трапляються також у садибах по вул. Шевченка та на самій вулиці, що пролягає біля міського парку (приблизно до будинку № 42). В 1970-х роках на одній із цих садиб, на відстані не менше, ніж 200 м від замчища, місцевими мешканцями було знайдено лівонський солід Карла Густава 1655 р. (визначення Г. А. Козубовського).

Загалом на городищі зібрано понад 250 фрагментів кераміки. Співвідношення фрагментів кераміки давньоруського часу до пізньосередньовічних становить 101 : 152.

Крім археологічних матеріалів, цікавим є документ 1624 р., де згадується, ймовірно, Іванківське городище. Це позов архімандрита Києво-Печерської лаври Єлисея Плетенецького до тодішньої власниці Іванкова Анни Лозки «*про забрання грунтів костельних по обидві сторони Тетерева, ...де її батько замок і містечко Іванів заселив*» [Zródł, 1894, s. 365]. Спірна земля тут названа «*Іменя, з городищем старим Іменсъкім*». Можливо, це і є давньоруське городище, на якому наприкінці XVI ст. Іван Проскура

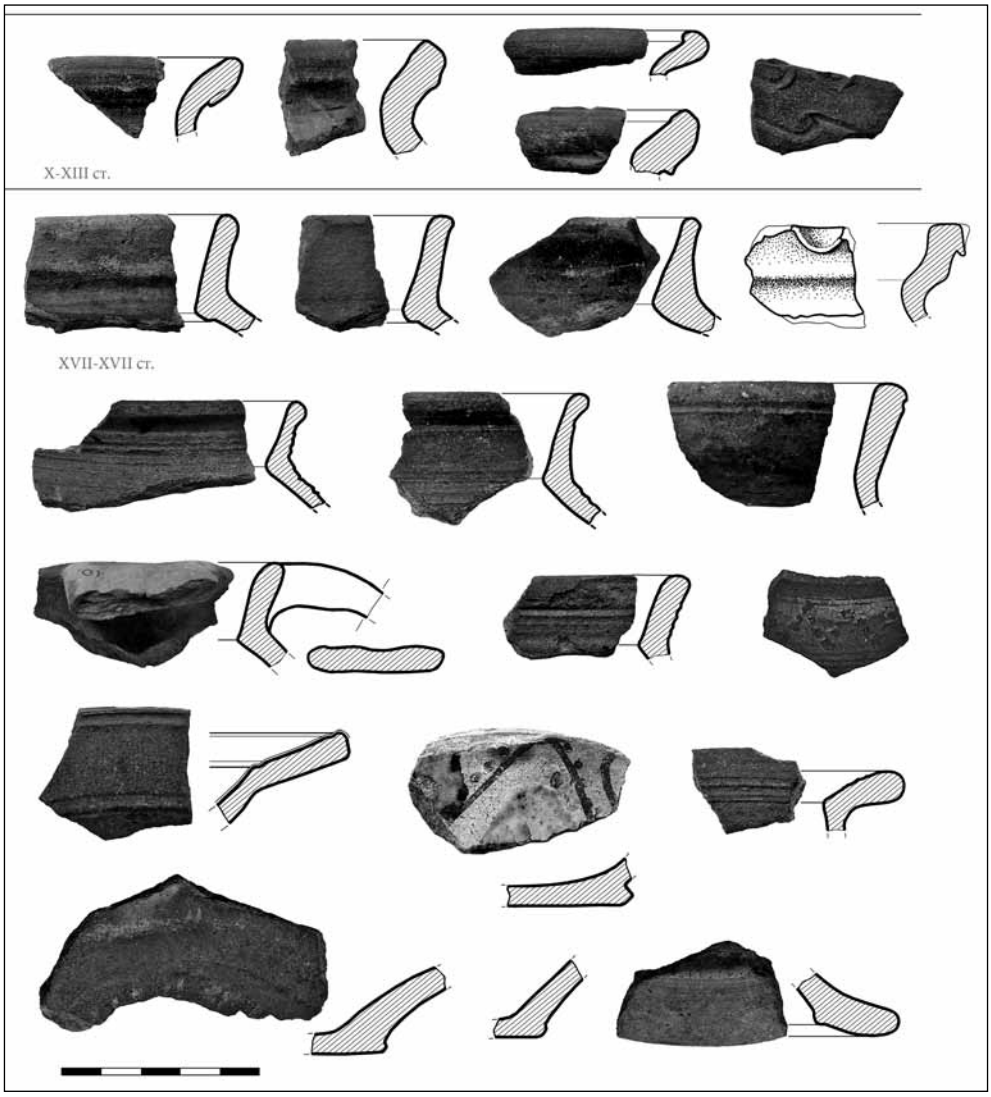


Рис. 3. Кераміка з північної частини городища в Іванкові

збудував замок. Загадковим є село Іменя. Воно неодноразово і досить довгий час, аж до XVIII ст. включно, фігурує в документах як лаврська маєтність. Перераховується завжди між Шибеним і Ораним та локалізується десь на р. Тетерів у районі Іванкова. Але точне його місцезнаходження та відношення до Іванкова встановити наразі неможливо.

Крім цієї інформації існують перекази про підземні ходи, місця виходу яких знаходилися в ровах з півночі та з півдня від замку. Інші перекази вказують на знахідки людських кісток у різних частинах сучасного міського парку: на сусідньому з городищем мисі на північ від городища-замчища й на місці знесеної церкви, та на крайніх садибах по вул. Шевченка, де, вірогідно, був цвинтар пізнішого часу.

Отже, в X–XIII ст. на цій території існувало давньоруське городище, хоча питання про час першого поселення залишається відкритим. Ймовірно, з використанням залишків старої фортифікації, наприкінці XVI ст. тут споруджується замок, знесений у 1834 р. при будівництві нового маєтку. Незважаючи на досить давні відомості про пам'ятку, масштабні наукові дослідження на ній не проводились. Розкопки широкими площами тут зараз, звичайно, недоречні з огляду на існування на цій території міського парку. Але цілком можливо закласти невеликі розвідкові шурфи на пам'ятці та за її межами для того, щоб мати краще уявлення про її планування, хронологію та історію.

Гордієнко Б. Історичне минуле Іванкова / Б. Гордієнко, І. Лапенко // Трибуна праці. — 1971. — 19 січня.

Кучера М. П. Звіт про археологічну розвідку на Київщині в 1970 р. / М. П. Кучера // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1970/20.

Кучера М. П. Давньоруські городища на Правобережжі Київщини / М. П. Кучера // Дослідження з слов'яно-руської археології. — К., 1976. — С. 176–197.

Кучера М. П. Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем / М. П. Кучера. — К., 1999. — 252 с.

Третьяков П. Н. Древлянские «грады» / П. Н. Третьяков // Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. Сборник статей. — М., 1952. — С. 64–68.

Фундуклей И. Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии / И. Фундуклей. — К., 1848. — 573 с.

Zródła dziejowe. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym // Ziemie Ruskie. Ukraina (Kijów-Braclaw). Opisane przes Aleksandra Jabłonowskiego. — T. XXI. — Warszawa, 1894.

Л. В. Чмиль, А. А. Чекановский

Древнерусское городище в Иванкове

Статья описывает топографическую ситуацию в центре Иванкова (Киевская обл.) на месте городища X–XIII вв. и расположенного там же замчища XIV–XVIII вв., а также археологический подъемный материал, собранный здесь в 2013 г.

L. V. Chmil, A. A. Chekanovskyi

The Old Rus hilltop fortified settlement in Ivankiv

The article describes the topographic situation in the center of Ivankiv (Kyiv region) on the place of ground remains of the castle Xth–XIIIth and XIVth–XVIIIth centuries, archaeological materials collected in 2013.

А. С. Щавелев

«В самых же верховьях реки Днепр обитают росы…» (DAI. 42. 60-61)[1]: к вопросу о первом упоминании торгово-ремесленного поселения руси у д. Гнездово

В статье рассматриваются два фрагмента главы 42 из византийского трактата X в. «Об управлении империей» императора Константина Багрянородного. Данные фрагменты восходят к источнику начала X в. — ко времени Льва VI Мудрого. В одном фрагменте есть указание на место обитания росов «в верховьях реки Днепр», что позволяет сделать вывод, что это первое упоминание в письменных источниках торгово-ремесленного поселения руси у д. Гнездово. В другом фрагменте есть указание на широтный путь, которым пользовались росы, и который вел от их поселения в Хазарию и Волжскую Булгарию, а затем на юг в Сирию.

Эта информация замечательным образом совпадает с выводами археологов о том, что широтный торговый путь «Западная Двина – Днепр – Ока – Волга» был главной коммуникационной артерией в истории раннего Гнездова, а «путь из варяг в греки» стал основной торговой магистралью только с середины X в. В статье также представлены тексты о росах, которые отразились в справочной литературе времени Льва VI и датируются началом X в. — трактате о морских сражениях и росписи военных сил, а также материальных затратах морской критской экспедиции патрикия Имерия.

Ключевые слова: Константин VII Багрянородный, Лев VI Мудрый, трактат «Об управлении империей», Византия, росы, ранняя русь, Гнездовский археологический комплекс, торговые пути древней Руси.

Трактат императора Константина VII Багрянородного *De administrando* представляет собой компиляцию разнообразных разновременных материалов [Jenkins, 1962, p. 1–8; 1967, p. 7–14; Sode, 1994, s. 147–260; Howard-Johnston, 2000, p. 301–336]. Согласно выводам Р. Дженкинса, развитым Дж. Ховардом-Джонсоном, в трактате можно выделить два редакционных этапа сложения текста («two editorial stages») [Howard-Johnston, 2000, p. 303]. Первый Дж. Ховардом-Джонсоном датируется «между 900 и 910 гг.», т. е. временем правления императора Льва VI Мудрого (886–912), второй — связан с авторско-редакторской работой императора Константина VII Багрянородного «между 948 и 952 г.» [Howard-Johnston, 2000, p. 314, 330–331]. Исходя из этих текстологических предпосылок, необходимо анализировать известия о росах, которые до сих пор изучались исследователями только совокупно — как единый единовременный комплекс известий [см. последнюю работу: Мельникова, 2009].

Разделяя в общем виде убедительное текстологическое заключение Дж. Ховарда-Джонсона о двух этапах редактуры текста в начале и в середине X в., мы исходим из собственной атрибуции (либо условно «Льву VI», либо «Константину VII») фрагментов текста, в которых упомянуты росы. Глава 9, по нашему мнению, полностью принадлежит ко второму этапу развития текста трактата, связанному с авторско-редакторской работой императора Константина VII Багрянородного [Howard-Johnston, 2000, p. 312–314, 334;

1. Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. I. Greek Text and English Translation / [ed. by R. G. H. Jenkins & Gy. Moravcsic]. — Washington, 1967 (Здесь и далее по тексту — DAI-I); Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. II. Commentary / [ed. by R. G. H. Jenkins]. — L., 1962 (здесь и далее по тексту — DAI-II).

Мельникова, 2009, с. 207–208]. Поэтому мы не рассматриваем эту главу, которая целиком посвящена росам и отражает самую актуальную информацию о Руси, т. е. ситуацию 40-50-х годов X в., когда полностью сформировалась система взаимодействия Киева и городов «внешней Росии», а также полюдья по землям пактиотов-славян [Константин Багрянородный, 1989, с. 291–293; Shepard, 1999; Мельникова, 2009, с. 206–208].

В главе 42 есть два фрагмента текста, в которых содержатся несколько иные сведения о месте обитания росов. Глава 42 принадлежит к первому текстологическому слою трактата [Howard-Johnston, 2000, p. 330–331; см. подробнее об исторической ситуации, представленной в 42 главе, и историографию вопроса: Щавелев, 2014]. Мы не разделяем идею Дж. Ховарда-Джонсона о том, что пассажи о росах в 42 главе могут быть вставками времени Константина Багрянородного [Howard-Johnston, 2000, p. 330, 335], ведь это совершенно органичная часть связанного и выстроенного по определенной логике текста.

Текст главы 42 создавался явно во время сложных отношений с болгарами, т. е. до 927 г., а не после [Ср.: DAI-II, p. 153–154; Константин Багрянородный, 1989, с. 400]. Текст начинается с описания пути из Фессалоник на Дунай по самому краю территории болгар, фактически минуя хартленд Болгарии. Путь через Белград к устью Дуная вдвое длиннее, чем при оптимальной логистике. Этот путь явно был выбран византийцами как оптимальный по соотношению: длина маршрута и степень болгарской опасности. После 927 г. такой обходной путь был просто не нужен. Текст, видимо, датируется периодом после некоторой стабилизации византийско-болгарских отношений 896–904 гг., но до смерти Льва VI в 912 г., когда война возобновилась (Browning, 1975, p. 60–61; Boñilov, 1980; Божилов, 1983, с. 94–97; Tougher, 1997, p. 40, 175–189). В качестве нижней даты можно предпочесть именно 904 г. — время заключения мира на условиях выплаты дани и территориальных уступок со стороны Византии. Временной отрезок 904–912 гг. был отмечен лишь локальными византийско-болгарскими конфликтами, которые не перерастали в полномасштабные военные действия и вполне поддавались урегулированию. Кстати, именно перенос торговли с болгарами из Константинополя в *Фессалоники* стал причиной войны 894–896 гг. Болгарии против Византии [Продолжатель Феофана, 2009, с. 223].

Текст 42 главы, если не учитывать явные вставки, представляет собой последовательное описание географических локусов от Фессалоник до Кавказа, а также народов, которые с ними связаны. Если не учитывать заголовок, в этой главе дважды идет речь о росах:

«…Εἰς δὲ τὰ ὑψηλότερα τοῦ Δανάπρεως ποταμοῦ μέρη κατοικοῦσιν οἱ Ῥῶς δι' οὗ ποταμοῦ ἀποπλέοτες, πρὸς Ῥωμαίους ποιοῦνται τὴν ἄφιξιν» (DAI. 42. 60–61).

«В самых же верховьях реки Днепр обитают росы, через эту реку отплывающие, [когда] к ромеям отправляются».

«…πρὸς μὲν τὸ ἀρκτῷον αὐτῆς μέρος ὁ Δάναπρις ποταμὸς ἐξ οὗ καὶ οἱ Ῥῶς διέρχονται πρός τε τὴν μαύρην Βουλγαρίαν καὶ Χαζαρίαν καὶ Συρίαν…» (DAI. 42. 76–78).

«В северной же стороне от него [Меотидского моря] река Днепр, от которой и росы проходят и в черную Вулгарию и Хазарию и Сирию».

Направление правильной интерпретации этих пассажей было намечено Е. А. Мельниковой, которая предположила, что «росы верховьев Днепра» должны быть отождествлены с известным крупным открытым торгово-ремесленным поселением руси у д. Гнездово на Днепре около современного Смоленска [Мельникова, 2009, с. 202]. Но мы не можем согласиться с Е. А. Мельниковой в том, что информация о росах отрывка 42. 60–61 лишь «аллюзия» на информацию главы 9. А также с тем, что согласно тексту (и представлениям византийцев) Днепр якобы «позволял росам попадать» в «Черную Булгарию и Хазарию». Таких географических искажений текст 42 главы не содержит [подробнее см.: Щавелев, 2014].

Мы считаем, что в двух рассматриваемых пассажах указана точная локализация росов в верховьях реки Днепра, в них описаны два разных пути, которыми пользуются эти росы. Наш вариант реконструкции исторической ситуации, стоящей за рассматриваемыми пассажами *De administrando*, следующий. Росы, которые описаны в 42 главе, обитают в верховьях Днепра. Идентификация места обитания вполне очевидна: это действительно крупнейшее открытое торгово-ремесленное поселение — Гнездово, появившееся, как сей-

час понятно по данным археологии, только с начала X в. [Пушкина, Мурашева, Ениосова, 2012, с. 243, 270; Мурашева, 2012, с. 397–398; Фетисов, 2013]. Эти росы могут по Днепру приходить «к ромеям», т. е. спускаться по южному отрезку классического маршрута «из варяг в греки». Одновременно им известен и *второй маршрут* — на восток. Причем его описание в тексте 42 главы вполне логично и выстроено как своеобразный краткий итинерарий: река Днепра (старт) — Волжская Булгария (выход на Волгу) — Хазария (ниже по Волге) — Сирия (итог пути). То есть, согласно тексту, путем вниз по Днепру росы попадали в Византию, а через Волжскую Булгарию и Хазарию по Волге — «в Сирию».

Иными словами, получается, что росы с верховьев Днепра отправляются широтным путем «в черную Вулгарию и Хазарию» на Волгу. Замечательно, что именно такой широтный путь по археологическим свидетельствам был основной торговой артерией на ранних этапах существования открытого торгово-ремесленного поселения у д. Гнездово [Булкин, Дубов, Лебедев, 1978, с. 51–52]. Именно этим объясняется сдвиг места расположения Гнездова на восток от волоков, который обеспечивали функционирования пути «из варяг в греки». Направление «Западная Двина – Днепр – Ока – Волга» было главным в истории раннего Гнездова. А путь «из варяг в греки» стал играть свою ведущую роль со второй половины X в. [Мурашева, Довгалюк, Фетисов, 2009, с. 530–555; Щавелев, Фетисов, 2014]. Таким образом, давно известные выводы археологов и текст византийского источника *совершенно независимо* подтверждают друг друга. Поэтому считаем, что текст 42 главы трактата *De administrando* можно считать древнейшим упоминанием открытого торгово-ремесленного поселения руси у д. Гнездово (в будущем — Смоленска) и историческим подтверждением существования «широтного торгового пути», связанного с этим крупным русским эмпорием. Это упоминание зафиксировано в памятнике середины X в., но восходит к источнику начала X в. времени императора Льва VI Мудрого.

Как раз при императоре Льве VI росы были отмечены в его трактате «Ναυμαχικά», в некоторых рукописях включенном в виде главы в текст «Тактики» Льва VI, причем была дана очень точная оценка плавательных средств росов:

«Μικροὺς δὲ καὶ μεγάλους δρόμωνας κατὰ τὴν ποιότητα τῶν πολεμίων ἐθνῶν κατασκευάσεις. Οὐ γὰρ ὁ αὐτός ἐστιν στόλος τῶν πλοίων τε Σαρακηνῶν καὶ τῶν λεγομένων Ῥῶς βορείνων Σκυθῶν. Οἱ μὲν γὰρ Σαρακηνοὶ κουμβαρίους χρῶνται μείζοσι καὶ ἀργοτέρις οἱ δὲ οἷον ἀκατίοις μικροῖς καὶ ἐλαφροτέροις καὶ γοργοῖς, οἱ Σκύθαι· διὰ ποταμῶν γὰρ εἰς τὸν Εὔξεινον ἐμπλίμτοντες οὐ δύνανται μείζονα ἔχειν πλοῖα.» [Pryor, Jeffreys, 2006, p. 512, 514; упоминание росов есть только в одной из двух дошедших до нас рукописей X в., содержащих этот текст, но в данном пассаже в любом случае имеются в виду именно росы и их суда, есть все синтаксические и логические основания считать, что этноним «росы» был в изначальном тексте времени Льва VI [ср.: The Taktika, 2010, p. 532].

«Малые же или большие дромоны по качеству вражеского народа снаряжать надо. Ибо не есть одно и то же снаряжение кораблей сарацинов или [снаряжение] так называемых росов северных скифов. Ибо если сарацины кумварии используют большие и медленные, скифы же акатии малые, и легкие, и быстрые: поскольку через реки в Евксинское море попадают, они не могут большие суда иметь».

Для обозначения ладей росов применен термин ὁ ἀκατός μικρός, т. е. маленькая «малая торговая галера» — *akation / akatos* [Pryor, Jeffreys, 2006, p. X; 164, 253]. В упомянутом определении сконцентрированы все возможные тавтологические указания на небольшие размеры этого весельного плавательного средства. В трактате указано, что росы попадают в Черное море по рекам во множественном числе, что совпадает с информацией о двух маршрутах — по Днепру и по Волге — в главе 42 *De administrando*. При Льве Мудром росы впервые попали в состав императорских войск в 911–912 гг. [Васильев, 1902, с. 164–184; Jenkins, 1970, № XIV, p. 277–281]. 700 росов участвовали в морской экспедиции логофета дрома патрикия Имерия на Крит [*Constantine Porphyrogennetos*, 2012, p. 651–652, 654; Haldon, 2000, p. 202–205, 247]. В «Житии патриарха Игнатия», написанном в начале X в., Никиты Давида Пафлагонского, деятельность которого датируется как раз первой половиной X в. [Jenkins, 1970, № IX, p. 241–247; Каждан, 2012, с. 102–114], находим точно такое же определение, как в трактате Льва VI о морском деле: «οἱ λεγόμενοι Ῥώς» (речь идет о нападении 860 г.) [Кузенков, 2003, с. 104].

В «Житии…» отмечены конкретные этнографические детали, склонность росов к пыткам и использование топоров (ἡ ἀξίνη) для расправ над пленными (Кузенков, 2003, с. 106–107).

Итак, в начале X в. у византийцев появилась достоверная, хотя и краткая информация о росах, отразившаяся в «справочной» литературе Льва VI. В этом комплексе сведений была точная локализация нового места поселения росов в верховьях Днепра, которое сейчас является Гнездовским археологическим комплексом, и идентификация двух маршрутов передвижения росов — вниз по Днепру и на восток на Волгу. Название ἡ Μιλινίσκα (от славянского урбанонима *Смольньскъ*) еще не было известно в Византии, а может быть, поселение росов тогда именовалось по-другому (ср.: Джаксон, 1986; Джаксон, Глазырина, 1987, с. 120, 122–124).

Божилов Ив. Цар Симеон Велики (893–927): златният век на Средновековна България / Ив. Божилов. — София, 1983.

Булкин В. А. Археологические памятники Древней Руси IX–X вв. / В. А. Булкин, И. В. Дубов, Г. С. Лебедев. — Л., 1978.

Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. Императоры Василий I, Лев VI Философ и Константин Багрянородный (867– 959 гг.) / А. А. Васильев // Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. LXVI. — СПб., 1902.

Джаксон Т. Н. Sørnes и Garpar / Т. Н. Джаксон // Scando-Slavica. — 1986. — № 32. — С. 73–83.

Глазырина Г. В. Древнерусские города в древнескандинавской письменности: Тексты. Перевод. Комментарий / Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон. — М., 1987.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Константин Багрянородный / [под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева]. — М., 1989. — 496 с. — (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Каждан А. П. История византийской литературы (850–1000 гг.). Эпоха византийского энциклопедизма / А. П. Каждан. — СПб., 2012.

Кузенков П. Ю. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках / П. Ю. Кузенков // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. Проблемы источниковедения. — М., 2003. — С. 3–172.

Мельникова Е. А. Росия и росы в «De administrando imperio» Константина Багрянородного / Е. А. Мельникова // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти член-корр. В. Т. Пашуто. Материалы конференции. — М., 2009. — С. 201–209.

Мурашева В. В. Актуальные проблемы исследования Гнездова / В. В. Мурашева // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. — М., 2012. — С. 389–405.

Мурашева В. В. Византийские импорты с территории пойменной части Гнездовского поселения / В. В. Мурашева, Н. П. Довгалюк, А. А. Фетисов // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. — СПб., 2009. — Т. 1. — С. 530–555.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / [перевод и комментарии Я. Н. Любарского]. — СПб., 2009.

Пушкина Т. А. Гнездовский археологический комплекс / Т. А. Пушкина, В. В. Мурашева, Н. В. Ениосова // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / [отв. ред. Н. А. Макаров]. — М.; Вологда, 2013. — С. 242–273.

Щавелев А. С. Два сообщения о росах в 42 главе трактата «Об управлении империей» Константина VII Багрянородного / А. С. Щавелев. — Екатеринбург, 2014. — (В печати).

Щавелев А. С. К исторической географии Восточной Европы IX в. начала X в. (карта кладов и конфигурация торговых путей) // А. С. Щавелев, А. А. Фетисов // Историческая география. — Вып. 2. — М., 2014. — (В печати).

Browning R. Byzantium & Bulgaria. A Comparative Study across the Early Medieval Frontier // R. Browning. — L., 1975.

Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. I. Greek Text and English Translation / [ed. by R. G. H. Jenkins & Gy. Moravcsic]. — Washington, 1967.

Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. II. Commentary / [ed. by R. G. H. Jenkins]. — L., 1962.

Constantine Porphyrogennetos. The Book of Ceremonies. In 2 vol. / [trans. by A. Moffart, M. Tall. With Greek ed. of CSHB (Bonn, 1829). Vol. 2. Book II] // Byzantina Australiensia 18 (1). — Canberra, 2012.

Haldon J. F. Theory and Practice in Tenth-Centure Military Administration: Chapter II, 44 and 45 of the *Book of Ceremonies* / J. F. Haldon // Travaux et Memoires. — № 13. — Paris, 2000. — P. 201–352.

Howard-Johnston J. The De administrando imperio: a Re-examination of the Text and a Re-evaluation of its Evidence about the Rus / J. Howard-Johnston // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient / [ed.

M. Kazanski, A. Nercessian et C. Zuckerman]. — P., 2000. — P. 301–336.

Jenkins R. J. H. № IX: A Note on Niketas David Paphlago and the Vita Ignatii / Studies of Byzantine History of the 9th and 10th centuries (Variorum Reprints) // R. J. H. Jenkins. — L., 1970. — P. 241–247.

Jenkins R. J. H. № XIV: The Date of Leo VI's Cretan Expedition // Studies of Byzantine History of the 9th and 10th centuries (Variorum Reprints) / R. J. H. Jenkins. — L., 1970. — P. 277–281.

Jenkins R. J. H. General Introduction / R. J. H. Jenkins // De Administrando Imperio. Vol. II. Commentary / Constantine Porphyrogenitus. — L., 1962. — P. 1–8.

Jenkins R. J. H. Studies of Byzantine History of the 9th and 10th centuries (Variorum Reprints) / R. J. H. Jenkins. — L., 1970.

Moravcsic Gy. General Introduction, Critical Introduction / Gy. Moravcsic, R. J. H. Jenkins // De Administrando Imperio. Vol. I. Greek Text and English Translation / Constantine Porphyrogenitus. — Washington, 1967. — Washington, 1967. — P. 7–39.

Pryor J. H. The Age of the ΔΡΟΜΩΝ. The Byzantine Navy ca 500–1204 / J. H. Pryor, E. M. Jeffreys. — Leiden; Boston, 2006.

Shepard J. Constantine VII's Doctrine of Containment of the Rus / J. Shepard // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ. К 70-летию Г. Г. Литаврина. — М., 1999. — P. 264–283.

Sode C. Untersuchungen zu De administrando imperio Kaiser Konstantins VII. Porphyrogennetos / C. Sode // ΠΟΙΚΙΛΑ BYZANTINA. —Bonn, 1994. — Bd. 13 (Varia V). — S. 147–260.

The Taktika of Leo VI / [text, translation and commentary by G. Dennis] // Dumbarton Oaks Texts XII. — Washington, 2010.

Tougher Sh. The Reign of Leo VI (886–912). Politics and People / Sh. Tougher. — Leiden; N. Y.; Keln, 1997.

О. С. Щавелєв

«В самих же верхів'ях річки Дніпро мешкають роси…» (DAI. 42. 60–61): до питання про першу згадку торгово-ремісничого поселення румі біля с. Гньоздово

В статті розглядаються два фрагмента глави 42 з візантійського тарктата X ст. «Об управлении империей» імператора Константина Багрянородного. Дані фрагменти мають витоки у джерелі початку X ст. — часів Льва VI Мудрого. В одному фрагменті є вказівка на місце проживання росів «в верхів'ях річки Дніпро», що дозволяє зробити висновок, що це перша згадка в письмових джерелах торгово-ремісничого поселення русі біля с.Гньоздово. В іншому фрагменті є вказівка на широтний шлях, яким користувались роси, і який вів від їх поселення до Хазарії та Волжської Булгарії, а потім на південь в Сірію.

Ця інформація співпадає з висновками археологів про те, що широтний торговий шлях «Західна Двіна — Дніпро — Ока — Волга» був головною комунікаційною артерією в історії раннього Гньоздова, а «шлях із варяг до греків» став основною торговою магістраллю тільки з середини X ст. В статті також представлені тексти про росів, які відобразились в довідковій літературі часів Лва VI і датуються початком X ст. — трактаті про морські бої та розписи військових сил, а також матеріальні затрати морської критської експедиції патрікія Імерія.

A. S. Schavelev

«On the higher reaches of the Dnieper river live the Rhoses…» (DAI. 42. 60–61): about the first reference of emporia near the village Gnezdovo

The paper examines two fragments of the chapter №42 of the Byzantine treatise Xth century «De Administrando Imperio» of the Emperor Constantine Porphyrogenitus. These fragments date back to the source of the beginning of the Xth century to the time of Leo VI the Wise. In one fragment is an indication of the habitat of Rus' in the upper reaches of the Dnieper River, which leads to the conclusion that this is the first mention in written sources of Rus's emporium near the contemporary village Gnezdovo. In another fragment there is an indication of the latitudinal route which was used by Rus's, that led from their settlement in the Khazars and Volga Bulgars, and then south to Syria.

This information remarkably coincides with the conclusions of archaeologists that the latitudinal trade route «Zapadnaja Dvina – Dnepr – Oka – Volga» was the main artery of communication in the history of early Gnezdovo, and the route «from the Vikings to the Greeks» was the main trade route until the mid Xth century. The article also contains the analyses of texts about Rhoses, which were reflected in the texts of Leo VI and date back to the beginning of the Xth century — a treatise on naval tactics and a list of military forces and material costs of Patrician Himerios's Cretan sea expedition.

Д. В. Бібіков

Поховальні пам'ятки Вишгорода X–XIII ст.: топографія та хронологія

У статті розглядаються всі відомі нині поховальні комплекси Вишгорода X–XIII ст. Акцент робиться на хронологічному й топографічному аспектах. Пропонується спроба визначення особливостей розміщення та поховального обряду вишгородських некрополів на окремих історичних етапах.

Ключові слова: поховальні комплекси, Вишгород, топографія, поховальний обряд, хронологія, X–XIII ст.

Найбільш ранні прояви зацікавленості поховальними пам'ятками Вишгорода знаходимо ще в давньоруських літописах та «Сказанні про Бориса і Гліба», всі вони пов'язані з обставинами захоронення названих князів. Перші відомості про курганні старожитності Вишгорода подає в 1820–х роках П. П. Свиньїн [Свиньин, 1827, с. 7–8]. Приблизно в цей же час здійснено перші аматорські розкопки курганів. Дослідники другої половини XIX ст. — М. В. Закревський, а слідом за ним Е.-Л. Руліковський, перераховують старі могили поблизу Вишгорода: «Варавина», «Хрещата», «Воронова», «Мала» [Закревский, 1868, с. 264; Дегтяр, Орлов, 2005, с. 25]. У творах І. І. Фундуклея та М. В. Закревського, а також у тогочасній пресі коротко описуються любительські розкопки підкурганних поховань [Киевские, 1847, с. 4; Фундуклей, 1848, с. 35]. В. Б. Антонович не тільки розкопав кілька курганів, а й здійснив першу спробу систематизації поховальних комплексів Вишгорода [Антонович, 1895, с. 15]. У подальшому розкопками вишгородських поховань давньоруської доби займались Т. М. Мовчанівський, В. Й. Довженок, О. В. Сєров [Довженок, 1950, с. 90–92, Серов, 1989]. Дані поховальних пам'яток розглядали В. Й. Довженок, Р. С. Орлов, а О. П. Моця присвятив їм окрему оглядову статтю [Дегтяр, Орлов, 2005; Моця, 2004]. Поховальний інвентар, зокрема скандинавські старожитності, а також місце некрополів у топографічній структурі Вишгорода аналізував В. М. Зоценко [Андрощук, Зоценко, 2012, с. 83–84; Зоценко, 2000, с. 25–27; 2007, рис. 1, табл. 1].

При розгляді поховальної обрядовості давнього населення Вишгорода в її динаміці перед дослідником постає ряд проблем. Оскільки переважна більшість робіт здійснювалась ще в XIX — першій третині XX ст., давалася взнаки слабкість методичної підготовки тогочасних археологів, у результаті чого багато з них є вкрай погано документованими. Особливо це стосується поховань так званого «дружинного кола». Про розкопки останніх відомо лише з коротких повідомлень у пресі та пізнішій літературі, що суперечать одне одному. Не всі кургани та курганні групи вдалося переконливо локалізувати, адже переважна їх частина до нашого часу не збереглася.

1. Хронологічно найбільш раннім вважаємо поховання, виявлене в 1985 р. на місці майбутнього кінотеатру «Мир» (вул. Київська, 5), на терасі, на відстані 1,5 км на південний захід від городища. Під час будівельних робіт були випадково виявлені перепалені людські кістки та білястий попіл, а також бронзова черепахоподібна фібула, білонова підвіска та срібне скроневе кільце з рубчастою поверхнею, на яке була

натягнута велика намистина гірського кришталю. Підвіска являла собою литий диск розміром 23×20 мм, лицеве поле якого було орнаментовано золотистого кольору сканню, укладеною у чотири волюти. За висновками В. М. Зоценка, прикраса належить до групи північноєвропейських підвісок «з чотирма волютами» і має прямі аналогії серед поховань Бірки [Зоценко, 2007, с. 61]. Від черепахоподібної фібули залишилась лише половина верхньої шкаралупи з бічним розломом та слідами перебування у вогні; її розміри — 67×85 мм [Андрощук, Зоценко, 2012, с. 84]. Цей різновид застібок був одним із найяскравіших елементів скандинавського жіночого костюму. Фібула належить до типу 51 (за Петерсеном) і датується першою половиною — серединою X ст. [Зоценко, 2007, с. 60].

Р. С. Орлов розглядав цей комплекс як залишки поховання дружинника у супроводі жінки [Дегтяр, Орлов, 2005, с. 78] (третя група дружинних поховань за Д. І. Бліфельдом, [Блифельд, 1954, с. 153]). Такий висновок викликає сумніви, адже виявлено лише жіночий інвентар. Черепахоподібні фібули зустрічаються і в інших жіночих похованнях Південної Русі (Київ, Шестовиця), найвідомішими з яких є поховання № 124 та 125 київського Некрополю II, виділені М. К. Каргером в окрему групу «поховання знатних жінок» [Каргер, 1958, с. 208–211]. Хоча до числа дружинних прийнято зараховувати лише чоловічі поховання зі зброєю чи кінським спорядженням [Блифельд, 1954, с. 148], немає сумніву, що померла була пов'язана з дружинним середовищем. О. П. Моця вважав, що на місці кінотеатру «Мир» знаходилось жіноче поховання у підкурганній ямі, а небіжчиця мала скандинавське походження [Моця, 2004, с. 49]. З огляду на наявність перепалених людських кісток та слідів вогню на предметах вірогідною є інтерпретація комплексу як трупоспалення [Зоценко, 2007, с. 61]. Курган, вочевидь, був поодиноким. За топографічними характеристиками він аналогічний чернігівським курганам Гульбище та Безіменний: приблизно в 1,5–2 км на південний захід від городища, на краю одного із сусідніх пагорбів. За супроводжуючим інвентарем датується серединою X ст.

2. Найдавніший курганний могильник, очевидно, знаходився на місці сучасного кладовища по вул. Ватутіна. Подібно до інших ранніх міст (Київ, Чернігів), перший вишгородський некрополь безпосередньо прилягав до плато городища. П. П. Свиньїн, який відвідав Вишгород у 1825 р., описав три великі кургани із західної сторони села (на момент візиту в селі нараховувалось лише 40 хат). Також мандрівник згадує про аматорські розкопки в 1819 р. «однією зацікавленою особою» (очевидно, поміщицею Турчаніновою) одного з великих курганів, найближчого до села. Під час робіт було знайдено людські кістки й вугілля разом зі стременами та «ефесом» (руків'ям меча?). Навколо кургану знаходились насипи менших розмірів [Свиньин, 1927, с. 7–8]. М. В. Закревський ініціатора розкопок не називає, проте вказує іншу дату — 1814 р., зазначаючи, що розкопано кілька високих курганів [Закревский, 1868, с. 262]. Нині практично всі курганні насипи сплановано або ж зруйновано пізніми могильними ямами. На території сучасного цвинтаря залишився лише один курган, але й він у 1991 р. зазнав сильної руйнації [Орлов, 2011, с. 13]. Можна припустити, що більшість поховань могильника були кремаційними.

3. Ще один некрополь розташовувався на відстані 0,5 км на північ від схилів городища (по сучасній вул. Ватутіна). В 1936 р. на садибі Михайла Дорошенка було виявлено три вцілілих та низка зруйнованих поховань. Поховання були здійснені в могильних ямах, розташованих на відстані 3–4 м одна від одної. Дослідники припускали наявність над похованнями курганних насипів, знівельованих ще в давнину [Моця, 2007, с. 48, Зоценко, 2004, с. 58]. Небіжчики лежали випростано на спині, руки були витягнуті до тазу.

В похованні № 2 кістяк, верхня частина якого була знищена внаслідок земляних робіт, мав північно-західну орієнтацію. У головах знайдено перекинутий горщик, а в заповненні могильної ями — кілька фрагментів ліпного посуду, амфорні вінця та цілу амфору [Довженок, 1950, с. 90]. На думку О. П. Моці, це — сліди поминальної «страви» [Моця, 2004, с. 48–49], тобто в горщиках могла знаходитись ритуальна їжа для померлого.

В похованні № 3 зафіксовано нетипову для слов'ян східну орієнтацію кістяка. Поховання було жіночим, на що вказують знахідки срібних скроневих кілець з обох боків черепа [Довженок, 1950, с. 90].

Найцікавішим виявилось поховання № 1. Могильну яму, розмірами 1,83×1,47 м, вдалося простежити на глибину 0,7 м (верхня частина поховальної споруди, як і курганний насип, могли бути знищені в давнину). Чоловічий кістяк лежав головою на захід. Навколо нього в кількох місцях зафіксовано сліди зотлілого дерева. Між черепом і правим плечем померлого виявлено залізний ніж із залишками дерев'яного руків'я, залізне калачеподібне кресало та кільцева фібула із залишками тканини [Довженок, 1950, с. 90]. Фібула була виготовлена з бронзового дроту й мала дві «будякові» намистини, фіксовані на незамкнутих кінцівках корпусу; діаметр ободу — 70×65 мм [Андрощук, Зоценко, 2012, с. 83]. Орнаментальний сюжет намистин В. М. Зоценко розглядав як суто локальну трансформацію декору застібок ірландсько-норвезького кола й датував фібулу, як і комплекс у цілому, серединою X ст. [Зоценко, 2004, с. 58–59].

За параметрами могильної ями, в першу чергу, за співвідношенням її довжини та ширини, поховання № 1 близьке до групи зрубних (або камерних) гробниць (термін «зрубні гробниці» є умовним, адже частина поховальних споруд мала каркасно-стовпову конструкцію). У двох інших випадках розміри могильної ями не вказано, але зазначається, що поховальні споруди були аналогічними. На думку про зрубні гробниці наштовхує і сукупність елементів поховального обряду, таких як наявність предметів скандинавського імпорту та амфорної тари, східна, «неслов'янська» орієнтація одного з кістяків та значна кількість зотлілої деревини.

Варто відзначити, що інгумаційні поховання розташовувались окремою групою, віддалік від городища. Схожа ситуація, коли група поховань за обрядом трупопокладення у підкурганних ямах була ізольованою від основної маси могил, спостерігається на Клонівському некрополі на Чернігівщині [Моця, 1988, с. 112]. Протягом останніх років могильник виключно з камерними похованнями, розташований на певній відстані від городища та основної групи поховань, виявлено і у Пскові [Яковлева, 2009, с. 11–12]. Характерно, що всі три могильника виникають синхронно — у середині X ст. Якщо на Дніпровському Лівобережжі зрубні гробниці вважаються могилами представників великокнязівської адміністрації, тобто переселенцями [Моця, 1993, с. 62–64], то в решті випадків ми схильні вбачати в них ранні християнські впливи, що й зумовило «ізольованість» камерних поховань.

Початкові етапи поширення християнської релігії пов'язують із рухом варязьких дружин, що з'єднував християнську Європу зі слов'янським світом [Івакін, 2008, с. 77]. У Вишгороді прихильники нової віри могли з'явитись після хрещення Ольги. До речі, в одній зі згаданих псковських камер було знайдено срібну підвіску зі знаком Рюриковичів та ранньохристиянською символікою. Підвіска, на думку авторів розкопок, могла належати представникові княгині Ольги [Ершова, Яковлев, 2013, с. 23].

4. До числа зрубних поховань О. П. Моця відносить поховання в кургані Хрещатий [Моця, 2004, с. 49]. Про місцезнаходження кургану відомо лише, що він розташовувався по дорозі в Межигір'я [Антонович, 1895, с. 18], тобто десь на північно-західній околиці сучасного Вишгорода. Хрещатий був розкопаний Я. Ф. Ставровським у 1845 р. Відомості про хід робіт також доволі суперечливі. Збереглись акварельні малюнки кургану, на яких зображено зрубні конструкції в курганному насипу. І. І. Фундуклей повідомляє про дубові зруби з вугіллям і попелом, кістки людини та коня, а Я. Я. Волошинський — про скелети людини та коня [Фундуклей, 1848, с. 35; Моця, 2004, с. 49]. В. Б. Антонович же, посилаючись на відомості графа С. С. Уварова, описує шар утрамбованої глини, під яким був розташований дерев'яний поміст із шаром вугілля та спаленим людським черепом [Антонович, 1895, с. 18].

Повідомлені В. Б. Антоновичем обставини (кострище у середній частині насипу та шар глини над ним) наближують обряд поховання в кургані Хрещатий до поховального обряду великих курганів Чернігова. Останній, за Б. О. Рибаковим, реконструюється так: після того як догоріло поховальне вогнище, курганний насип спорудили на дві третини. На його вершині поклали останки померлого з обрядовими речами, справили поминальну тризну, і лише після цього глиною курган досипали на повну висоту [Рыбаков, 1989, с. 310–314]. Вірогідно, поховальний комплекс кургану Хрещатий являв собою поховання X ст. дружинника з конем (друга група за класифікацією Д. І. Бліфельда) [Блифельд, 1054, с. 152]. Утім, Р. С. Орлов констатував, що зараз важко визначити культурну приналежність поховання, зазначаючи, що «подібний обряд поховання у великих дерев'яних гробницях характерний для населення Київщини раннього залізного віку» [Дегтяр, Орлов, 2005, с. 15]. У пізнішій праці дослідник датує курган середнім етапом середньодніпровської культури XXIII–XVIII ст. до н. е., або «скіфами-орачами»VI ст. до н. е. [Орлов, 2011, с. 12].

Також урядова газета «Київські губернські відомості» за 1847 р. повідомляє про розкопки в 1844 р. Я. Ф. Ставровським поблизу Вишгорода великого кургану Воронова могила. В ньому було виявлено «товсті дерева, покладені у вигляді паралелограму на вкопаних у землю палях», між котрими знаходилось кострище продовгуватої форми та «кілька черепів людських» [Киевские, 1847, с. 4]. Пізніше газетну статтю цитував М. В. Закревський [Закревский, 1868, с. 264].

Р. С. Орлов вважав великі кургани Хрещатий і Воронова могила окремими пам'ятками [Дегтяр, Орлов, 2005, с. 15)]. Однак характерно, що в усіх наявних джерелах йдеться про розкопки тільки одного насипу. Лише М. В. Закревський (оскільки він використовував і газетну статтю, і працю І. І. Фундуклея) поряд із повідомленням про розкопки Воронової могили згадує інші могили: Хрещату, Варавину та Малу [Закревский, 1868, с. 264]. П. П. Свиньїн описує три великих вишгородських кургани: це Варавина могила, курган, розкопаний г. Турчаніновою біля села, та курган, на якому знаходився «хрест із дикого каменю» [Свиньин, 1827, с. 7]. Про курган Хрещатий В. Б. Антонович повідомляє, що на ньому раніше стояв «стовп» із червоного шиферу [Антонович, 1895, с. 18]. Очевидно, йдеться про той самий хрест, від якого й походить топонім «Хрещатий». Поряд із ним могла використовуватись і назва «Воронова могила».

5. У порівнянні з комплексами X ст., інформація про поховання християнського періоду більш однозначна. Найбільшим вишгородським курганом П. П. Свиньїн називає Варавину могилу [Свиньин, 1827, с. 8]. Р. С. Орлов локалізував курган у районі сучасної інфекційної лікарні по вул. Кургузова, приблизно в 2 км на південний захід від городища. Дослідження його залишків у 1989 р. встановили майже повну зруйнованість [Орлов, 2011, с. 12]. Навколо Варавиної могили П. П. Свиньїн описав кілька курганів значно меншого розміру [Свиньин, 1827, с. 8]. Через півстоліття після його візиту В. Б. Антонович нарахував у цій групі лише чотири насипи, зазначаючи назву урочища — Костина Нивка [Антонович, 1895, с. 18]. Два з них, а також один курган в ур. Батишева могила В. Б. Антонович розкопав у 1874 р. В усіх випадках кістяки лежали випростано на спині, головою на захід, стіни могильних ям були обмазані глиною. В одному з курганів виявлено три кістяка. Автор не зазначає, в якій саме групі, але більш вірогідно, що йдеться саме про могильник Костина Нивка (пізніші розкопки в ур. Батишева Могила виявили лише уніфіковані поховання у простих могильних ямах). Під головами померлих було виявлено підсипку з білого піску, а над кістяками — шар дерева — залишки труни. Ступні одного з кістяків «опирались на кружки з пісковику». Знайдено фрагмент кам'яного полірованого знаряддя (оселок?) [Антонович, 1895, с. 18].

Низка зазначених вище архаїчних рис поховального обряду вказує на досить ранній період функціонування могильника. Схожої думки дотримувався Р. С. Орлов, датуючи його XI ст. [Дегтяр, Орлов, 2005, с. 244]. Великий курган Варавина могила міг бути насипаний і в X ст. (хоча Р. С. Орлов відносить його спорудження, як і кургану

Хрещатий, до ранньозалізної доби [Орлов, 2011, с. 12]). Випадки, коли християнські некрополі виникали навколо великих курганів «дружинного періоду», відомі в Середньому Подніпров'ї (наприклад, чернігівський могильник на Болдіних горах).

6. Хронологічно близькою є курганна група в ур. Батишева могила (пізніше — ур. Могилки у Ставках, сучасний Парк «Берізки» по вул. Шолуденка), розташована в 2 км на захід від городища. Ця ділянка відділена від території гончарного посаду XI — початку XII ст. двома глибокими ярами. В 70-х роках XIX ст. В. Б. Антонович нараховував тут 96 курганів [Антонович, 1895, с. 18]. В середині XX ст. насипи було повністю зруйновано оранкою, а їх місцезнаходження можна було визначити лише за рудуватими плямами на землі [Довженок, 1950, с. 91]. Поховання, розкопане в 1874 р. В. Б. Антоновичем, за свідченнями автора робіт, нічим не відрізнялось від досліджених в ур. Костина Нивка [Антонович, 1895, с. 18].

Ще чотири насипи дослідив у 1936 р. Т. М. Мовчанівський. Усі померлі мали західну орієнтацію. Кістяки лежали на спині, руки витягнуто до тазу. Про наявність домовини свідчать виявлені цвяхи зі слідами дерева. Будь-яких інших предметів у похованнях не знайдено [Довженок, 1950, с. 91]. Ці поховання, як зазначалось, є більш уніфікованими у порівнянні з поховальними комплексами в ур. Костина Нивка. Проте, з огляду на наявність курганних насипів, їх доцільно датувати в межах XI–XII ст.

7. Чотири поховання давньоруського часу були частково зруйновані в 1989 р. під час риття водопровідної траси вздовж вул. Першотравневої (сучасна вул. Межигірського Спаса) й досліджені О. В. Сєровим. Ділянка знаходиться в 130 м південніше згадуваного сучасного цвинтаря. Могильні ями фіксувалися з глибини 0,5–0,6 м від сучасної поверхні й були заглиблені в жовтуватий суглинок на 0,35–0,4 м. Усі небіжчики мали західну орієнтацію і знаходились у витягнутому положенні. Поховання розташовувались в один ряд — на думку автора розкопок, вони являли собою одне підкурганне захоронення.

Два кістяка (поховання № 1 і №2), верхня частина яких була зруйнована траншеєю водопроводу, знаходились в одній могильній ямі розміром 2,35×2,5 м. На південному кістяку, котрий зберігся найкраще, зафіксовано значну частину кольчужної сорочки. В районі таза зафіксовано два бронзових поясних кільця. Біля правого стегна знайдено залізний ніж, біля лівого — шабля із залишками піхов та набор наконечників стріл. Трохи нижче лежав ще один ніж. Зліва від поховання виявлено передні й задні кінцівки коня, на яких лежала пара стремен, дві підпружні пряжки, а трохи далі на схід — кресало та кремінь від нього.

Від другого кістяка залишились лише фрагменти довгих кінцівок. Зліва від нього також знаходились рештки коня з вудилами в зубах та парою стремен біля кінцівок. Поруч виявлено набор наконечників стріл. У відвалі водопровідної траншеї було знайдено круглі нашивні бляшки з отворами по периметру і в центрі, бронзовий прорізний бубонець, фрагменти кольчуги та фрагменти людських черепів.

В 0,2 м на північ від великої поховальної ями була розташована ще одна (шириною 0,63 м), більша частина якої була знищена траншеєю. Від кістяка (поховання № 3) залишились лише фрагменти нижніх кінцівок.

Так само зруйнованим виявилось і поховання № 4, розташоване в 0,3 м на північ від попереднього. Збереглася частина могильної ями шириною 0,5 м, на дні якої лежали кістки нижніх кінцівок людини. В заповненні ями траплялись фрагменти давньоруської кераміки [Серов, 1989, с. 45–46].

За сукупністю датуючих речей поховання у великій камері датується кінцем XI–XII ст. О. В. Сєров слушно пов'язав їх з могилами печенігів, котрі як представники «чорноклобуцького союзу» входили до складу вишгородської дружини [Серов, 1989, с. 47]. Окрім характерного поховального обряду та інвентарю, на користь такого висновку свідчить і вигин стегнових кісток, притаманний вершникам-кочовикам. Датування двох інших поховань дослідник вважав неможливим через відсутність інвентарю. Однак стратиграфічні дані, а також розташування всіх могил за рядним

принципом дозволяють вважати їх синхронними. Параметри могильних ям і відсутність супроводжуючого інвентарю вказують на те, що поховання № 3 та № 4, на відміну від перших двох, були здійснені за християнським обрядом. А наявність над усіма чотирма могилами спільного курганного насипу (в Середньому Подніпров'ї подібних випадків відзначено лише трохи більше десятка [Моця, 1987. с. 15] дозволяє обережно припустити, що всі небіжчики представляли інтернаціональну дружину й загинули під час бойових дій.

8. Топографія християнських могильників тісно пов'язана з проблемою локалізації давньоруських храмів у середньовічних містах. Так, переважна більшість київських поховань XI–XIII ст. здійснювалась при парафіяльних та княжих храмах, на території міських монастирів. Без сумнівів, у середньовічному Вишгороді, за аналогією з іншими значними містами Південної Русі, крім церкви свв. Бориса та Гліба функціонували й інші храми. Однак загальновизнано, що переважна більшість тогочасних церков була дерев'яною, що значно ускладнює інтерпретацію цих споруд [Иоаннисян, 1996, с. 5–6]. Враховуючи характерні особливості поховального обряду, при реконструкції церковної топографії Вишгорода важливими стають дані некрополів.

Так, із церковним кладовищем можна пов'язати поховання, виявлені на північно-східному краї Вишгородського городища, за 150 м на схід від апсид церкви свв. Бориса та Гліба. Він розташовувався прямо на схилах одного з ярів, що спускаються у бік Дніпра. Влаштувати кладовище безпосередньо біля церковних стін не дозволяла щільність тогочасної міської забудови (так, усі виявлені поблизу храму поховання належать до пізньосередньовічної епохи). Ґрунтовий могильник був відкритий В. Й. Довженком у 1947 р. Розчищено три поховання, зафіксовано залишки ще кількох. Усі поховані були випростані на спині, орієнтовані головою на захід, руки складені на грудях. Оскільки в могильних насипах, окрім давньоруської кераміки, траплялись поодинокі фрагменти посуду XV–XVII ст., автор розкопок датував цвинтар пізньосередньовічним часом [Довженок, 1947, с. 11]. Однак частину поховань Р. С. Орлов відносить до XI–XIII (XIV?) ст. [Дегтяр, Орлов, 2005, с. 244]. Всі деталі поховального обряду (захоронення у простих могильних ямах, схрещення рук на грудях, відсутність поховального інвентарю та ін.) цілком відповідають церковним канонам. Більш точно датувати некрополь не дозволяє відсутність поховального інвентарю.

Окремий цвинтар міг належати до церкви св. Василія, що згадується під 1015 р. [Полное собрание, 1998, с. 121].

Решту нині відомих давньоруських поховань з території Вишгорода важко віднести до церковних кладовищ через ряд таких ознак, як наявність курганних насипі (урочища Могилки у Ставках, Костина Нивка), «незахідна» орієнтація похованих або наявність серед поховального інвентарю зброї та іноетнічних речей (садиба М. Дорошенка, вул. Межигірського Спаса та ін.).

9. Наостанок згадаємо ще один поховальний комплекс, пов'язаний із церквою свв. Бориса і Гліба. В 1853 р. на городі священика, поблизу храму, було випадково знайдено саркофаг із пірофілітових плит, зв'язаних залізними скобами [Антонович, 1895, с. 18]. Цей тип шиферних саркофагів являє собою прямокутний ящик із шести плит, і на теренах Південної Русі є найпоширенішим [Івакін, 2008, с. 122–123]. Біля похованого лежала бронзова церковна печать, а на пальці — перстень [Антонович, 1895, с. 18]. Сам факт поховання у пірофілітовому саркофазі вказує на високий соціальний статус померлого, а наявність церковної печаті — на його приналежність до числа священнослужителів. Датується поховання XII–XIII ст.

У церкві свв. Бориса і Гліба могли знаходитися й інші поховання в саркофагах. Так, М. В. Закревський розповідає про знахідки місцевими жителями, крім побутових предметів та церковного начиння, «давніх шиферних гробів» [Закревский, 1868, с. 262]. З плити давньоруського саркофагу міг бути зроблений і шиферний хрест, встановлений на кургані Хрещатий.

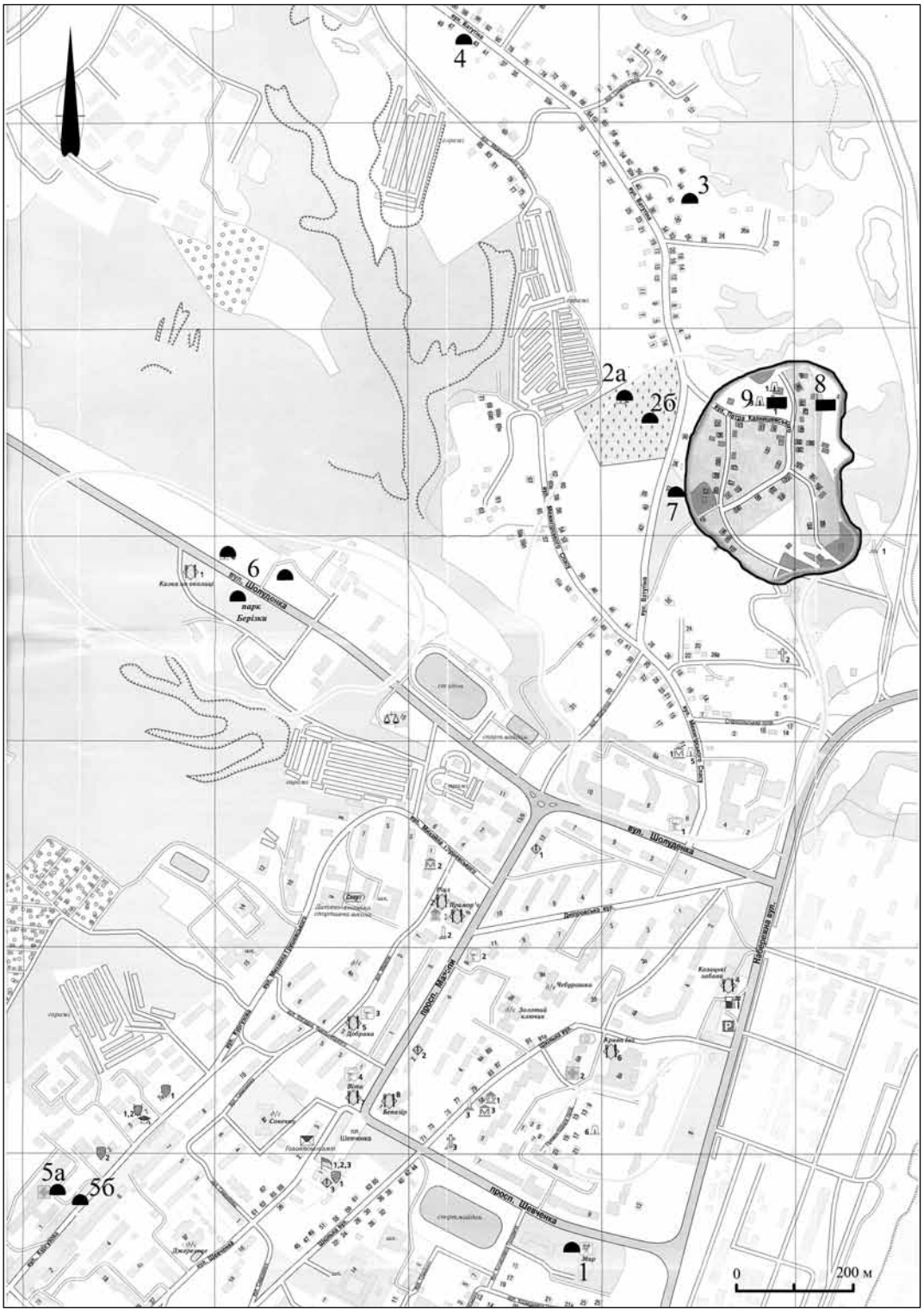


Рис. 1. Схема розміщення поховальних пам'яток Вишгорода X–XIII ст.
1 — поховання на місці кінотеатру «Мир»; 2а — курган на сучасному цвинтарі; 2б — могильник з курганом, розкопаним поміщицею Турчаніновою; 3 — могильник у районі садиби М. Дорошенка; 4 — приблизне місце розміщення кургану Хрещатий; 5а — курган Варавина могила; 5б — могильник в ур. Костина Нивка; 6 — могильник в ур. Батищева Могила (пізніше — ур. Могилки у Ставках); 7 — поховання по вул. Межигірського Спаса; 8 — цвинтар на східному краю городища; 9 — поховання у церкві свв. Бориса і Гліба

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Підкурганні поховання									
1	Кінотеатр «Мир» (сучасний к-т Т. Шевченка)			К		Ж	?	Черепаховидна фібула, білонова підвіска, срібне скроневе кільце	Перша половина – середина X ст.
2	Сучасне кладовище	Кілька		К		Ч	?	Стремена, руків'я меча	X ст.
3	Садиба Дорошенка (сучасна вул. Ватутіна)	> 4	1	І		Ч	Підквадратна могильна яма	Ніж, кресало, кільцева фібул	Середина X ст.
			2	І		?	Так само	Ліпний посуд, амфора	Середина – друга половина X ст.
			3	І		Ж	Так само, східна орієнтація	Срібні скроневі кільця	
4	Хрещатий			К		Ч	Шар глини над прямокутним кострищем, кістки коня	?	X ст. (?)
5	«Костина Нивка», «Варавина могила» (сучасна вул. Кургузова)	Кілька	1	І	{	?	Глиняна обмазка ями, залишки труни, піщана підсипка під головою	«Кам'яне поліроване знаряддя» (оселок?)	XI ст.
			2	І		?	Так само		
			3	І		?	Так само		
			4	І		?	Так само		
6	«Батишева могила», «Могилки у ставках» (сучасний парк «Берізки»)	96	1	І		?	Залишки труни, проста могильна яма	–	XI–XII ст.
			2	І		?	Так само	–	
			3	І		?	Так само	–	
			4	І		?	Так само	–	
7	Вул. Межигірського Спаса		1	І	{	Ч	Спільна могильна яма; два верхових коня з вудилами, стременами та підпружними пряжками	Кольчуга, шабля, два бронзових поясних кільця, два ножі, набір наконечників, кресало і кремінь	XII ст.
			2	І		Ч		Фрагменти кольчуги, круглі нашивні бляшки, набір наконечників, бронзовий бубонець	
			3	І		Ч	Проста могильна яма	–	
			4	І		Ч	Так само	–	
Ґрунтові поховання									
8	Церква свв. Бориса та Гліба	Кілька		І		Ч	Саркофаг із шиферних плит, зв'язаних залізними скобами	Перстень, церковна печать	XII–XIII ст.
9	Східний край городища	Кілька		І		?	Залишки труни	–	Друга половина XI–XIII ст. (?)

Табл. 1. Основні дані за поховальними пам'ятками Вишгорода X–XIII ст.
Цифрами позначено: 1 — номер на карті; 2 — місце розташування, курганна група; 3 — кількість поховань на могильнику (у випадку з курганними могильниками — за даними XIX ст.); 4 — номер поховання; 5 — поховальний обряд (К — кремація; І — інгумація); 6 — наявність спільного курганного насипу («{» — спільний курганний насип); 7 — статева приналежність (Ч — чоловік; Ж — жінка); 8 — конструкція поховальної споруди, примітки; 9 — поховальний інвентар; 10 — датування

Отже, поховальні комплекси Вишгорода репрезентують всі етапи історії міста за давньоруської доби. Аналіз їх обрядових і топографічних особливостей на кожному етапі дозволяє розглядати поховальний обряд у його динаміці. Досліджувані матеріали вписуються в загальну концепцію еволюції поховального обряду на південно-руських землях, що пов'язана зі зміною ідеологічних уявлень [Моця, 1993, с. 43]. У X ст. у поховальному обряді Вишгорода панує трупоспалення. З середини означеного століття з'являються інгумаційні поховання у підкурганних ямах, що можемо пов'язати з раннім етапом поширенням християнства. Обряд поховання у ґрунтових могилах стає домінуючим після введення християнської релігії як офіційної. Протягом XI–XIII ст. у поховальному обряді вишгородського населення продовжує поступово посилюватися вплив християнських канонів: відбувається перехід до простих могильних ям, зникає поховальний інвентар.

Стосовно топографії давньоруських могильників, у цілому, вірною є схема, запропонована В. Й. Довженком на основі аналізу розкопок 1936 р.: спочатку вишгородський некрополь розташовувався безпосередньо поблизу міста й функціонував до кінця X або початку XI ст. У XI ст. на його місці виникає великий міський посад, а могильник перенесено далі від міста, в урочище Могилки у Ставках [Довженок, 1950, с. 91].

Залучення більшого числа поховальних комплексів дозволяє доповнити реконструкцію В. Й. Довженка. Найдавніший курганний могильник, що включав у себе кремаційні поховання, прилягав до городища із західної сторони. В середині X ст. віддалік від нього виникає некрополь із камерними гробницями. Одночасно на відстані 1,5–2 км від городища споруджуються поодинокі великі кургани з дружинними похованнями (Хрещатий, курган на місці кінотеатру «Мир» та ін.), котрі, вірогідно, були розташовані на давніх шляхах (на думку Ф. О. Андрощука, дружинні поховання Верхнього Києва могли знаходитися поблизу садиб вихідців із Північної Європи [Андрощук, 2004, с. 26–27, 34]). За християнської доби приблизно на такій самій відстані від городища виникають два інгумаційних некрополі, що оточують місто ніби півколом. Могильники поблизу городища припиняють функціонування.

Андрощук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Києва / Ф. Андрощук. — Ruthenica. — Т. III. — К., 2004. — с. 7–47.

Андрощук Ф. Скандинавские древности Южной Руси. Каталог / Ф. Андрощук, Владимир Зоценко. — Paris, 2012. — 368 с.

Антонович В. Б. Археологическая карта Киевской губернии / В. Б. Антонович. — М., 1895. — 20 с. (Приложение к т. 15 «Древности»).

Блифельд Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX–X вв. / Д. И. Блифельд // Советская археология. — 1954. — Т. 20. — С. 148–164.

Дегтяр Т. Вишгород. Минуле та сучасне / Т. Дегтяр, Р. Орлов. — К., 2005. — 295 с.

Довженок В. Й. Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934–1937 рр. / В. Й. Довженок // Археологія. — 1950. — Т. 3. — С. 64–92.

Довженок В. Й. Розкопки древнього Вишгорода в 1947 р. / В. Й. Довженок // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1947/18, 18 с.

Ершова Т. Е. Подвеска с двузубцем Рюриковичей из камеры 6 Старовознесенского некрополя Пскова и христианская символика времен княгини Ольги / Т. Е. Ершова, А. В. Яковлев // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции (Бахчисарай, 3–7 сентября 2013 г.). — Симферополь, 2013. — С. 22–23.

Закревский Н. Описание Киева / Н. Закревский. — М., 1868. — Т. 1. — 455 с.

Зоценко В. Древнерусский Вышгород. Историко-археологический обзор / В. Зоценко // Борисо-Глебский сборник (Collectanea Borisoglebica). — Paris, 2000. — Вып. 1. — С. 15–56.

Зоценко В. М. Скандинавські старожитності Вишгороду / В. М. Зоценко // Старожитності Вишгородщини. Зб. тез, доповідей і повідомлень XIII науково-практичної конференції, присвяченої «Дню пам'яті Ярослава Мудрого», 24–25 травня 2007 р., м. Вишгород. — Вишгород, 2007. — С. 43–70.

Івакін В. Г. Християнські поховальні пам'ятки давньоруського Києва / В. Г. Івакін. — К., 2008. — 272 с.

Иоаннисян О. Деревянные храмы домонгольской Руси / О. Иоаннисян // Успенская церковь в Кондопоге. — Кондопога-СПб., 1996. — С. 4–47.

Каргер М. К. Древний Киев / М. К. Каргер. — М.-Л, 1958. — 579 с.

Каргер М. К. К истории киевского зодчества XI века. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде / М. К. Каргер // Советская археология. — 1952. — Т. XVI. — С. 77–99.

Киевские губернские ведомости. — 1847. — № 1. — Отдел второй. Часть официальная. — С. 1–2.

Моця А. П. Курганный могильник X в. у с. Клонов / А. П. Моця // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. — К., 1988. — С. 110–118.

Моця А. П. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. (по данным погребальных памятников) / А. П. Моця. — К., 1987. — 168 с.

Моця О. П. Могильники давньоруського Вишгорода / О. П. Моця // Старожитності Вишгородщини: Зб. тез, доповідей і повідомлень XI науково-практичної конференції, присвяченої «Дню пам'яті Ярослава Мудрого», 3 березня 2004 р., м. Вишгород. — Вишгород, 2004. — С. 47–51.

Моця О. П. Населення південно-руських земель IX–XIII ст. (за матеріалами некрополів) / О. П. Моця. — К., 1990. — 160 с.

Орлов Р. С. Історичний ландшафт Вишгорода / Р. С. Орлов // Старожитності Вишгородщини. Зб. тез, доповідей і повідомлень XVI науково-практичної конференції 27–28 травня 2010 р., м. Вишгород. — Вишгород, 2011. — С. 5–22.

Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. — М., 1998. — 648 с.

Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. — М., 1987. — 783 с.

Свиньин П. Вышгород (Из живописного путешествия по России) / П. Свиньин // Отечественные записки. — 1827. — № 11. — С. 3–22.

Серов О. В. Отчет об охранных археологических исследованиях Археологической экспедиции Киевского областного Управления культуры в Киевской области в 1989 г. / О. В. Серов // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1989/207, 49 с.

Фундуклей И. Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии / И. Фундуклей. — К., 1848. — 128 с.

Яковлева Е. А. Псковский археологический центр в 2007 году / Е. А. Яковлева // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы 54 заседания. — Псков, 2009. — С. 5–33.

Д. В. Бібіков

Поховальні пам'ятки Вишгорода X–XIII ст.: топографія та хронологія

Аналіз обрядових і топографічних особливостей поховальних комплексів Вишгорода на кожному конкретному історичному етапі дозволяє розглядати поховальний обряд у його динаміці. Найдавніший курганний могильник прилягав до городища і включав у себе кремаційні поховання. В середині X ст. віддалік від нього виникає некрополь з камерними гробницями, в чому автор схильний вбачати ранньохристиянські впливи. Одночасно споруджуються поодинокі великі кургани з дружинними похованнями, котрі, вірогідно, були розташовані на давніх шляхах. Протягом XI–XIII ст. у поховальному обряді вишгородського населення поступово посилюється вплив християнських канонів (перехід до простих могильних ям, відмова від поховального інвентарю), а самі некрополі перенесено далі від міста.

D. V. Bibikov

Funerary monuments of Vishgorod of Xth–XIIIth centuries: topography and chronology

The analysis of ritual and topographical features of funerary complexes in Vishgorod at each historical stage can be considered as burial ritual in its dynamics. The oldest burial cemetery had adjoined to the settlement and included cremation burials. In the middle of the Xth century away from it arises a necropolis with chamber tombs in it, in which the author is inclined to see early Christian influences. At that exact time single large burial mounds with compound burials are built that are likely to be located on the ancient ways. During XIth–XIIIth centuries increases gradually the influence of the Christian canons in funeral rites of population of Vishgorod (switch to simple burial pits, a rejection of the burial equipment), and necropolises were moved away from the city.

І. А. Готун, Р. М. Осадчий, П. О. Нетьосов

Літописний Звенигород Київський: археологічні реалії та пам'яткоохоронні перспективи

Публікацію присвячено відомому з 1912 р., хоч і недостатньо вивченому археологічно, городищу на південний захід від Києва в с. Віта-Поштова Києво-Святошинського р-ну. Археологічна своєрідність пам'ятки, наявність у пагорбі, на якому вона розміщена, унікальної фортифікаційної споруди часів Другої світової війни, поєднання вказаних об'єктів культурної спадщини з навколишніми пам'ятками дозволяє ставити питання про необхідність спеціального охоронного статусу означеної території.

Ключові слова: пам'ятка, городище, могильник, довготривала вогнева споруда, Віта-Поштова, Київський укріпрайон, змійовий вал.

Аналіз літописних свідчень привів дослідників до висновку, що найнебезпечнішим напрямком печенізьких і половецьких вторгнень до мікрорегіону Києва був не південний, вздовж Дніпровської оборонної лінії, а південно-західний, в обхід Стугни. Причина цьому — не стільки потужні фортечні заслони поблизу столиці, скільки природні рубежі першої надзаплавної тераси Дніпра: широка заболочена заплава Стугни, майже 25-кілометрова смуга лісу — «бору великого», драговини невеликої річечки Віти. З південного заходу Київ не мав настільки надійного природного прикриття, оскільки величезне Перепетове поле, що починалось від берегів Росі, переходило тут в лісостеп, невеликі переліски якого не могли перегородити шлях ворожій кінноті. Річки, яка огороджувала б далекі підступи до Києва з південного заходу, прикриваючи утворений верхів'ями Ірпеня та Стугни коридор, тут також не було [Толочко, 1980, с. 141]. Взяття Василева відкривало шлях до столиці, і єдиною перепоною на цьому стратегічному напрямі було городище у Віті-Поштовій, визначене фахівцями як мале місто [Толочко, 1980, с. 119, 121; Куза, 1989, с. 75; 1996, с. 171, 172; Кучера, 1999, с. 173].

Означена пам'ятка детально охарактеризована Л. П. Добровольським. Дослідник звернув увагу на чергування на краю похилої рівнини, що тягнеться від самого Києва, на лівому березі р. Віти у місці впадіння до неї безіменного струмка в урочищі «Мочи хвіст» глибоких ярів зі спрямованими на південний захід гострими пальцеподібними виступами при наявності в інших місцях по сусідству звичайного зниження у напрямку річкової долини. Саме вказана обставина сприяла створенню тут захисної твердині. В урочищі «Звіринець» виявлено земляну споруду, що панувала над місцем переправи через Віту, за 500 кроків від останньої. Вона зорієнтована вздовж річки і мала видовжені, неправильно-прямокутні обриси. Місцевим населенням вона названа «городок». Краї укріплення підсипані, височіють над навколишньою місцевістю на 4–5 сажнів, в'їзд влаштований з боку плато, сліди берми і рову біля підніжжя не збереглись. Схили споруди круті, майже прямовисні. З майданчика добре оглядається долина і височини «Білокняжого поля» на протилежному березі. До коротких сторін «городка» примикають підпорядковані рельєфу підковоподібні насипи, які оточують площу 125×150 кроків, захищаючи близько десятини території. Вони виходять до рів-

нини, яка сягає Либеді. З південного заходу та північного заходу вздовж валів зафіксовано залишки ровів, глибиною місцями до 1 сажня. Ззовні наявна додаткова лінія укріплень висотою 2–3 сажні, що охоплює територію в кілька десятин. Особливості фортифікаційних споруд вказують на їх давньоруське походження. Неподалік на площі 5–7 десятин розміщений курганний могильник з насипами висотою 2 аршини і діаметром біля сажня, названий місцевими «старі могилки». Сліди поховань відзначені і за межами його вцілілої частини. Неподалік городища по лівому березі Віти проходить лінія Вітянсько-Бобрицького змійового валу [Добровольский, 1908а, с. 62, 63; 1908б, с. 20; 1912, с. 4–15]. І хоч у літературі висловлено думку, що на цій території останній не зберігся [Кучера, 1987, с. 19], його відрізок довжиною близько 500 м на південний схід від Віти-Поштової наявний, хоч загалом постраждав при спорудженні у 1941 р. перешкод для танків. Він уцілів у ширину на 4–5 м при висоті близько 1,5 м [Петрашенко, 1991, с. 13, 46, 48; 1993, с. 11, 36, 38].

Схожий до наведеного вище опис городища залишений і В. Є. Козловською, яка конкретизувала характеристику некрополю цього пункту, звернула увагу на специфіку матеріалу урочищ «Городок» і «Пасічище», акцентувала на наявності урочища «Селище» на південний схід від городища, поблизу «Звіринця» [Козловська, 1925, с. 24, 25].

Розташування пам'ятки у поєднанні зі Змійовим валом у стратегічному місці в напрямку Поросся й Постугняння, на півдороги до Василева, складність інших шляхів у київському трикутнику, переважання її площі над розмірами сусідніх укріплень (крім Хотівсько-Феофаніївського) привели до спроби ідентифікації городища з одним із міст, згаданих давньоруським літописанням. Автор ідентифікації підкреслював, що поза Приірпінням і Постугнянням на південь біля Києва існували лише Пересічен і Звенигород. Відкинувши Ходосівське й Лісниківське городища, які вважали зниклими, незначні пункти в Будаївці, Плисецькому, Дзвонковому, городище-майдан у Гвоздові, дослідник вказував, що із числа укріплень в Китаєво, Пирогові, Хотові-Феофанії і Віті-Поштовій, які можна ототожнити зі Звенигородом, згаданим літописною розповіддю 1097 р. про осліплення князя Василька Теребовльського, перші два ймовірніше ідентифікувати як Пересічен, третє, незважаючи на думку В. Б. Антоновича (підтриману іншими дослідниками, зокрема М. С. Грушевським [Грушевський, 2003], хоч прийняту і не всіма [Похилевич, 2007, с. 71]), менш відповідає свідченням джерел щодо цього пункту. Як додатковий аргумент ототожнення дослідник наводив археологічний контекст мікрорегіону [Добровольский, 1912, с. 30–42]. Варто відзначити, що точка зору про ідентифікацію з літописним Звенигородом городища у Віті-Поштовій підтримана і такими авторитетними вченими, як А. В. Куза та М. П. Кучера [Куза, 1989, с. 75; 1996, с. 171, 172; Кучера, 1999, с. 173].

Незважаючи на наближеність пункту до Києва, він тривалий час залишався поза увагою дослідників, а проведені на ньому роботи були епізодичними і незначними за обсягом. Зокрема, історія вивчення городища обмежується ще одним зверненням до нього Л. П. Добровольського [Добровольський, 1918, с. 49], розкопками В. Є. Козловської на некрополі, оглядом укріплень П. П. Єфіменком (хоч у відповідній публікації і згадано фіксацію великої кількості кераміки XI–XII ст. і залишків житлових споруд тих же часів [Лінка, 1952, с. 50, 51]) і розвідковими роботами П. О. Раппопорта [Рапопорт, 1952, с. 142]. Варто відзначити, що і в подальшому пам'ятка залишалась вивченою недостатньо: її поверхнево обстежували у 1972 р. — М. П. Кучера, який виготовив паспорт городища, у 1991 р. — В. О. Петрашенко з В. К. Козюбою; в останньому випадку поруч зі знахідками часів Київської Русі констатовано наявність кераміки доби раннього заліза [Древнерусские, 1984, с. 53, 54; Кучера, 1972, с. 12, 13; Петрашенко, 1991, с. 10, 11, 46, 48; 1993, с. 9, 36, 38; Колекції, 2007, с. 340].

П. О. Раппопорт у 1950 р. зняв окомірний план городища на останці (рис. 1, *2*), відзначив наявність двох концентричних ліній валів, прилеглих до дитинця («городка» — пагорба висотою близько 10–12 м) з північного сходу, а зі сходу і південного сходу від останнього простежив наявність селища. Дослідник зафіксував на «городку» майдан-

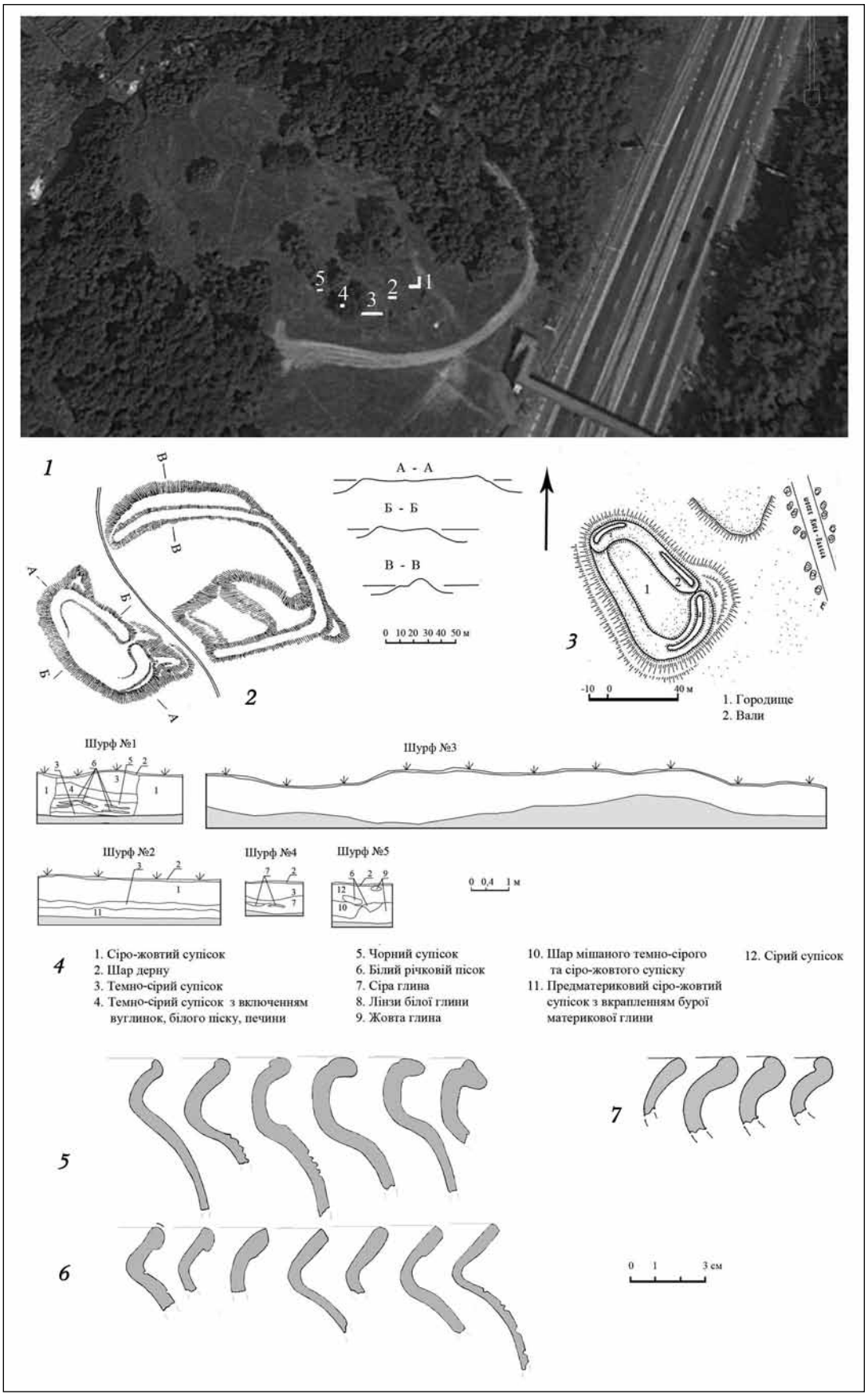


Рис. 1. Космознімок городища у Віті-Поштовій за матеріалами Google Earth з позначенням «шурфів» Північної експедиції 2013 р. (*1*), плани пам'ятки за П. О. Раппопортом (*2*) та М. П. Кучерою (*3*), стратиграфія шурфів 2013 р. (*4*), матеріал з верхнього і нижнього шарів пункту за П. О. Раппопортом (*5, 6*) та з оборонних споруд Другої світової війни за результатами робіт 2013 р. (*7*)

чик площею близько 90×40 м з дещо підвищеними краями. Після шурфування і здійснення розрізу вершини валу означені підвищення визнані природними, за винятком підсипаної землею північно-східної частини, де простежено простий земляний вал без будь-яких спеціальних дерев'яних конструкцій. Природними були і вали, прилеглі до останця: у даному випадку давні фортифікатори дещо підправили й підсипали складки рельєфу. Пам'ятку віднесено до мисових городищ складної системи оборони. Умови місцевості продиктували у даному випадку дуже своєрідне вирішення фортифікаційної схеми. Невеликий пануючий над заплавою р. Віти пагорб-останець був укріплений як дитинець, з північного сходу до нього примикало окольне місто. За відсутності поруч плато, яке б підходило впритул до дитинця, останнє було розташоване частково на височині, частково — у більш низькому місці. Планування оборонних споруд демонструє явне прагнення наблизитись до звичної схеми мисового укріплення — у даному випадку складно-мисового типу. Пагорб-останець відіграє роль мису, природна улоговина — рову, що відділяє мис від плато, а майданчик з використаними для влаштування зовнішньої лінії оборони пагорбами — роль прилеглої до мису ділянки плато. На площі пам'ятки, в межах обох ліній валів та поза ними зібрано однорідний матеріал доби Київської Русі. Розкопи і зачистки стінок траншей та бліндажа на «городку» дозволили простежити культурний шар потужністю біля 1,2–1,5 м: 65–75-сантиметровий сіруватo-рудий прошарок на материку і темний, майже чорний, 50–90-сантиметровий вище; межа між ними простежується досить чітко. З шарів походили фрагменти скляних браслетів, наконечник стріли, дрібні шматки пірофіліту та уламки кружального посуду, причому у верхньому шарі залягав матеріал, характерний для XII–XIII ст. і особливо для часів монгольської навали, у нижньому — притаманний X — початку XI ст. (рис. 1, *5, 6*). Під час робіт зафіксовано і перехідні типи моделювання вінець, фрагменти амфор, інші синхронні предмети. Сліди пожежі у шарах кінця XI ст. вчений пов'язував із нападом половців у 1096 р., підкреслюючи, що з огляду на суттєву різницю між керамікою нижнього і верхнього прошарків, повторне заселення цього укріплення відбулось не відразу після розгрому. Не підтримавши ототожнення пункту зі Звенигородом, дослідник, однак, наголошував на його значенні для вивчення культури Давньої Русі і підкреслив, що це — один з небагатьох пунктів у Середньому Подніпров'ї, які мали окольне місто [Раппопорт, 1952, с. 142–145; Раппопорт, 1950, с. 2, 3; 1954, с. 22; 1956, с. 52–54, 70; 1967, с. 168, 189, 190; Колекції, 2007, с. 303, 306].

У паспорті нерухомої пам'ятки М. П. Кучера відзначав, що городище збудоване наприкінці X ст. як опорний пункт у оборонній лінії «Змійового валу» на північному березі р. Віти — найближчій лінії від Києва, яка захищала з півдня столицю Русі від набігів печенігів, і наголошував, що це — одне з найбільш ранніх міст на правобережжі Київщини і єдине — в оборонній лінії по р. Віта. Вчений вказував, що воно проіснувало до середини XIII ст., констатував знищення при спорудженні у 60-х роках XX ст. шосе Київ-Васильків його зовнішньої укріпленої частини («окольного граду»), відзначав, що на час обстеження городище овальне, 90×45 м, займає ізольоване підвищення, у його шарі з матеріалами X–XIII ст. наявні сліди пожежі, а у валі по периметру виявлено дерев'яні конструкції в обвугленому стані (рис. 1, *3*). За межами городища було простежено культурний шар селища [Кучера, 1975].

Важлива складова пам'ятки — обширний курганний могильник, вивчення якого, незважаючи на бойові дії поруч із Києвом, започатковано у 1919 р. Суспільно-політична ситуація не дозволила здійснити заплановану зйомку планів городища та некрополя, але все ж було розкопано 14 комплексів на північний схід від городища в урочищі «Казарми», 11 із яких репрезентували тілопокладення на горизонті, а 3 виявились порожніми. Насипи розташовані досить близько один від одного, їх середня висота становила 0,8 м, найбільший сягав 2,0–2,2 м, навколо крупних простежено рівчачки. Відзначено випадки спарених насипів — відповідно, з чоловічим і жіночим похованнями. В окремих виявлені фрагменти грубого керамічного посуду. Небіжчики покладені на ґрунт, орієнтовані на захід, іноді — з відхиленням, випростані на

спині. Антропологічний матеріал уцілів вкрай погано, місцями він взагалі відсутній. У 10 могилах зафіксовано цвяхи, причому — різну кількість. Супровідний інвентар дуже бідний: сережки, застібки, скроневі кільця (у 3 жіночих похованнях) — прості й «есоподібні», дротяні, з низькопробного срібла. Вивчені комплекси віднесені дослідницею до XI ст. [Козловська, 1925, с. 25–28]. Характеристику пам'ятки доповнюють два кенотафи, простежені О. П. Моцею у 1977 р. під насипами діаметром 8,0–9,2 м та 8,25–9,3 м [Моця, 1977, с. 11, 12; 1987, с. 136, 137; 1990, с. 120, 121; Колекції, 2007, с. 340]. Станом на 1991 р. у лісі за 1 км на північний схід від села нараховано близько 100 насипів, що залишились від описаного некрополя [Петрашенко, 1991, с. 12, 13, 46, 48; 1993, с. 10, 11, 36, 38].

Попри деяку територіальну віддаленість, не виключене входження до структури описаного пункту селища площею 125×300 м, що розташоване за 0,7 км на північ від села і займає західний схил обводненої балки, витягнутої вздовж траси Київ-Одеса за 600 м західніше останньої. Пам'ятка відкрита О. В. Сєровим, у 1989 р. на ній розкопано 260 м^2, де вивчено три житла, наземна піч, господарські ями, зібрано кераміку XII–XIII ст., уламки скляних браслетів, залізні серпи, мотики, замки, ключі, інші вироби [Серов, 1982, с. 12, 13; Петрашенко, 1991, с. 10, 46, 48, 69; 1993, с. 8, 9, 36, 38]. Крім звичайних однокамерних осель на пам'ятці досліджене двочасне житло, у матеріальному комплексі непоодинокими є соціально престижні предмети. Функціональна диференціація наконечників орних знарядь свідчить про досконаліть організації сільськогосподарського виробництва. А комплекси, пов'язані з виготовленням плінфи і полив'яної плитки для сіл Південної Русі взагалі залишаються винятком, незважаючи на широкомасштабні розкопки цієї категорії пам'яток протягом останньої чверті XX ст. [Серов, 1997, с. 106, 111, 113, 114]. Саме такими особливостями матеріальної культури обґрунтовано висновок щодо високого рівня розвитку селищних структур півдня Русі, паритетних відносин між містом і селом у середньовічні часи [Моця, 1995, с. 140; 2003, с. 209].

За 1 км на схід від мосту у Віті-Поштовій згадується поселення скіфського часу, обстежене у 70-х роках А. С. Бугаєм, у 80-х — О. В. Сєровим, у 1991 р. — В. О. Петрашенко з В. К. Козюбою [Петрашенко, 1991, с. 13, 14, 46, 48, 72; 1993, с. 11, 36, 38], а на терасі у верхів'ях безіменного струмка (правого допливу р. Віти) за 1,3 км на південний захід від дороги на Круглик та за 1 км на схід від Південного кладовища — поселення III–II тис. до н. е., виявлене у 1995 р. Р. М. Осадчим та О. В. Філюком [Перелік].

У зайнятий фортифікаціями часів Русі пагорб у 1930 р. було врізано ДВС № 179 Київського укріпленого району — розгалужену систему підземних галерей із вхідним блоком і одним бойовим оголовком на три станкових кулемети, що забезпечував захист при влученні 155 мм снаряда або 100 кг авіабомби. Фортифікаційна термінологія такий тип укріплень класифікує як «мінну групу» або «міну» (від фр. «mine» — шахта). На міні № 179 КиУРу — одній із перших експериментальних споруд цього типу в СРСР — було випробувано технологію будівництва, конструкцію і внутрішнє обладнання системи життєзабезпечення гарнізону. При музеєфікації споруди виявлені залишки рейок, шпал і вагонеток, використаних при будівництві. Довжина підземних галерей міни — 227 м, глибина залягання — 8 м [Нетесов, 2013; План-схема, 2013; Еще один, 2013] (рис. 2, *2, 3*)[1]. Споруда розрахована на 11 осіб гарнізону та 35 осіб особового складу спостережного пункту, що мав міститись на пагорбі. У період артобстрілів та авіанальотів вона також слугувала укриттям для польового заповнення і могла вмістити 100–150 осіб. Бойове завдання ДВС — спостереження за переднім краєм укріпрайону та обстріл підходів до нього по долині р. Віта, а також мосту через останню у Віті-Поштовій. Влітку 1941 р. топографічно вище ДВС було розміщено радянську артилерійську батарею, а по валу городища прокладено траншеї.

1. Маючи нагоду, автори висловлюють щиру вдячність А. В. Кулику, А. Г. Кузяку та М. А. Нехорошеву за можливість скористатись виконаними ними графічними матеріалами.

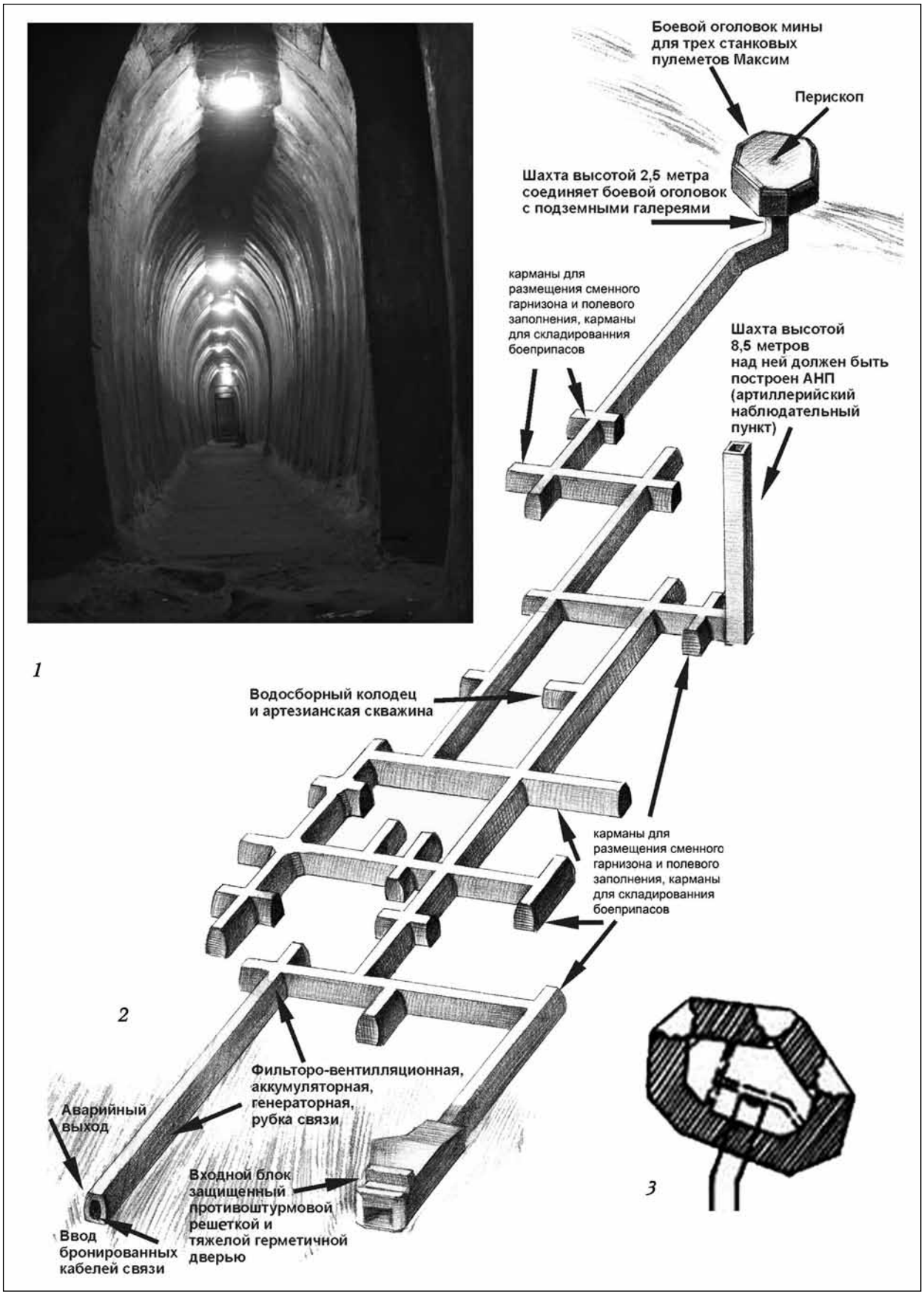
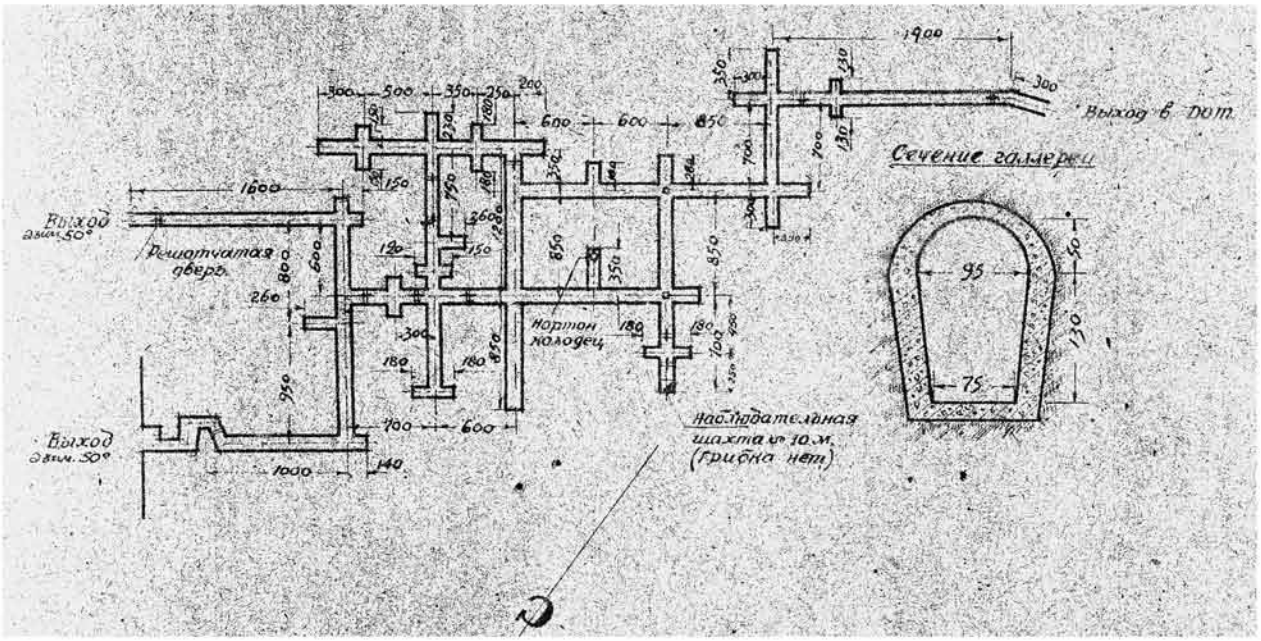
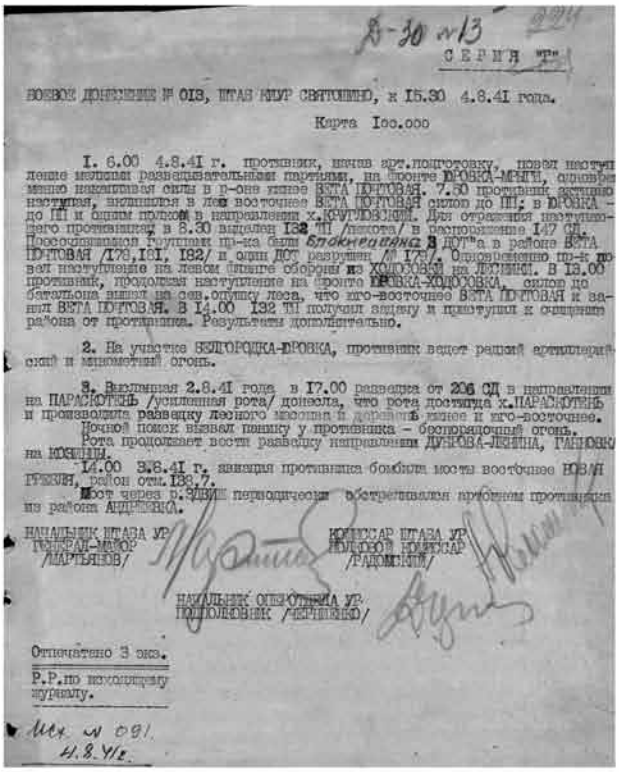


Рис. 2. Музеєфікована галерея ДВС № 179, фото П. О. Нетьосова (*1*), схема її потерн за А. В. Куликом (*2*) та план бойового оголовка за А. Г. Кузяком (*3*)

Київський укріплений район, до якого входила ДВС № 179, створений як військова одиниця наказом № 273/52 від 28 серпня 1928 р. Його будували у 1929–1932 рр. одним з чотирьох перших УРів в СРСР, вдосконалюючи до 1937 та 1941 рр. включно. Він отримав № 1 серед УРів українських військових округів (до початку війни в Європейській частині СРСР було збудовано майже 40 укріпрайонів, які в німецькій пропаганді отримали назву «Лінія Сталіна», із них на території України — 16, ще кілька — на Далекому Сході). Київський УР — пояс укріплень довжиною 85 км, шириною 3 км — з комплексу польових і довготривалих фортифікаційних споруд. Його передовий рубіж починався в гирлі Ірпеня, проходив по його правому берегу, потім вздовж лівого берега Віти, замикався на хуторах Заспа та Мриги в урочищі Конча. Призначення УРу — захист підступів до Києва з півночі, заходу, півдня. За структурною організацією 1930-х років він складався з 14 батальйонних районів оборони, в яких до 1941 р. було збудовано 257 довгочасних споруд різних типів. З усіх укріпрайонів на Україні саме КиУР викликає зацікавлення з огляду на найбільшу різноманітність фортифікаційних споруд від найменших окремих до потужних ансамблів укріплень. Це — унікальний об'єкт, на прикладі якого простежується еволюція інженерної думки в галузі оборонного будівництва 20–30-х років XX ст. В КиУРі зустрічаються по-справжньому ексклюзивні споруди без аналогів на теренах колишнього СРСР та інших країн. ДВС КиУРу затримали ворога на підступах до Києва більш ніж на 70 днів (для порівняння: вся Польща захоплена за 36 днів, Франція — за 44). Із 257 ДВС збереглось 250, переважна більшість — зруйнована або сильно пошкоджена. Відносно або повністю вцілілих трохи більше 50. Зняті з військового обліку споруди були занедбані, протягом десятиліть їм не приділялось жодної уваги. Відсутність державних заходів з охорони КиУРу призвела до фактичного знищення низки об'єктів. Парадоксальність ситуації в тому, що для держави, столиця якої отримала статус міста-героя саме за оборону в 1941 р., бойові фортифікаційні споруди, завдяки яким така тривала та запекла оборона стала можливою, не існують.

У фондах РГВА знайдено унікальне архівне креслення даної споруди — єдине відоме для Київського укріпрайону [Эскизный] (рис. 3, *1*), а у ЦАМО — низку документів КиУРу та 37-ї армії щодо перебігу подій біля ДВС № 179 у липні–серпні 1941 р. В оперативних зведеннях, бойових наказах, бойових донесеннях та ін. на кінець дня 01.08 відзначено скупчення піхоти та артилерії противника перед Вітою-Поштовою і атаки його розвідчастин, 02.08 — відновлення ситуації після наступу німецьких військ на село, 04.08 — успішний черговий наступ гітлерівців одночасно на Віту-Поштову і з Ходосівки на Лісники, після чого з Віти-Поштової вони знову були вибиті, 07.08 — нові контратаки радянських військ у напрямку зайнятої ворогом Віти-Поштової [Оперативные сводки Киевского; Оперативные сводки полевого та ін.]. Оперативна карта бойових дій на липень 1941 р. фіксує тут область відповідальності 28-го окремого кулеметного батальйону (виділено коричневим олівцем), що займав південний сектор оборони укріпрайону [Оперативная] (рис. 4, *1*), бойове донесення штабу КиУр за 04.08.1941 р. — руйнування ДВС № 179 [Боевое] (рис. 3, *2*), а витяг із оперзведення № 10 від 18.08.1941 р. — перебування ДВС № 179 на території, зайнятій ворогом [Выписка] (рис. 3, *3*). У німецьких джерелах описано штурм мінної групи № 179 саперними підрозділами вермахту: «Дві штурмові групи 3-ої моторизованої роти 171-го саперного батальйону під командуванням лейтенанта Куні і фельдфебеля Єсковіца були надані 2-ій і 3-ій роті 191-го піхотного полку на ділянці 1-го батальйону 191-го піхотного полку і 194-го піхотного полку, що наступав лівіше. Лейтенант Куні спершу за допомогою кілограмового заряду і ручних гранат з тилу атакував 3-амбразурний дот, розташований у невеликому ліску приблизно за 900 метрів на південний схід від моста в Поштовій. Атака була успішною і з доту вийшли 12 росіян. Проте, оскільки незабаром з доту знову було відкрито вогонь, штурмова група знову атакувала його близько 8 годин 15 хвилин і за допомогою 3-кілограмових зарядів, подовжених зарядів і димових шашок вивела його з бою. При цьому були





Д-30 №13

СЕРИЯ "Г"

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ № 013, ШТАБ КИУР СВЯТОШИНО, к 15.30 4.8.41 года.

Карта 100.000

1. 6.00 4.8.41 г. противник, начав арт.подготовку, повел наступление мелкими разведывательными партиями, на фронте ЮРОВКА-МЫШИ, одновременно накапливая силы в р-оне южнее ВЕТА ПОЧТОВАЯ. 7.50 противник активно наступая, вклинился в лес восточнее ВЕТА ПОЧТОВАЯ силою до ПП; в ЮРОВКА – до ПП и одним полком в направлении х.КРУГЛОВСКИЙ. Для отражения наступающего противника в 8.30 выделен 132 ТП /пехота/ в распоряжение 147 СД. Просочившимся группами пр-ка были блокированы 3 ДОТ"а в районе ВЕТА ПОЧТОВАЯ /178,181, 182/ и один ДОТ разрушен /№ 179/. Одновременно пр-к повел наступление на левом фланге обороны из ХОДОСОВКИ на ЛЕСНИКИ. В 13.00 противник, продолжая наступление на фронте ЮРОВКА-ХОДОСОВКА, силою до батальона вышел на сев.опушку леса, что юго-восточнее ВЕТА ПОЧТОВАЯ и занял ВЕТА ПОЧТОВАЯ. В 14.00 132 ТП получил задачу и приступил к очищению района от противника. Результаты дополнительно.

2. На участке БЕЛГОРОДКА-ЮРОВКА, противник ведет редкий артиллерийский и минометный огонь.

3. Высланная 2.8.41 года в 17.00 разведка от 206 СД в направлении на ПАРАСКОТЕНЬ /усиленная рота/ донесла, что рота достигла х.ПАРАСКОТЕНЬ и производила разведку лесного массива и деревень южнее и юго-восточнее.
Ночной поиск вызвал панику у противника – беспорядочный огонь.
Рота продолжает вести разведку направлении ДУНРОВА-ЛЕНИНА, ГАННОВКА на КОЗИНЦЫ.
14.00 3.8.41 г. авиация противника бомбила мосты восточнее НОВАЯ ГРЕБЛЯ, район отм.138,7.
Мост через р.ЭДВИШ периодически обстреливался арточным противником из района АНДРЕЕВКА.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА УР ГЕНЕРАЛ-МАЙОР /МАРТЬЯНОВ/

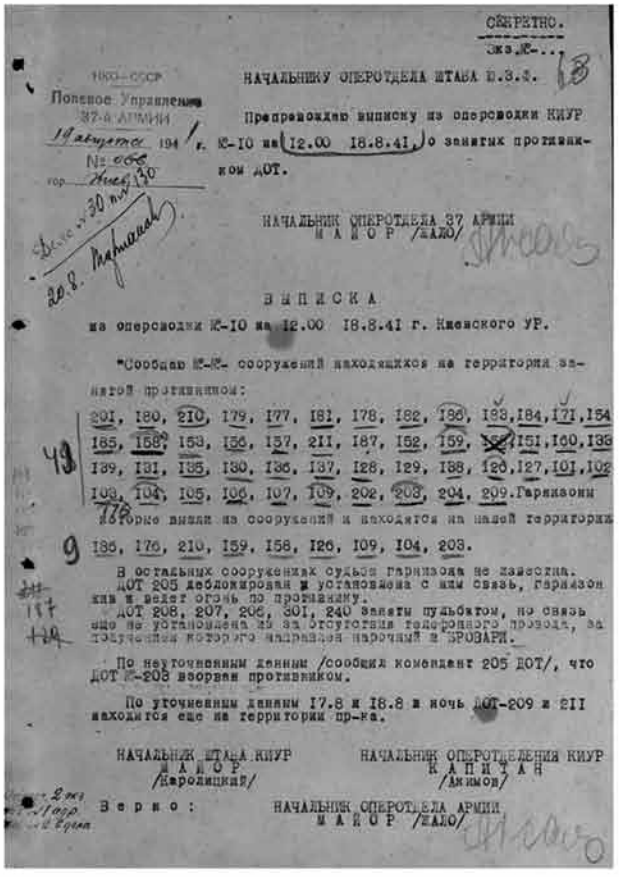
КОМИССАР ШТАБА УР ПОЛКОВОЙ КОМИССАР /РАДОМСКИЙ/

НАЧАЛЬНИК ОПЕРОТДЕЛА УР ПОДПОЛКОВНИК /ЧЕРНЩЕНКО/

Отпечатано 3 экз.

Р.Р.по исходящему журналу.

Исх. № 091. 4.8.41 г.



СЕКРЕТНО.
Экз.№-...

НКО-СССР
Полевое Управление
37-й АРМИИ
19 августа 1941 г.
№ 066
гор. Киев 30

НАЧАЛЬНИКУ ОПЕРОТДЕЛА ШТАБА Ю.З.Ф.

Препровождаю выписку из оперсводки КИУР №-10 на 12.00 18.8.41, о занятых противником ДОТ.

НАЧАЛЬНИК ОПЕРОТДЕЛА 37 АРМИИ
МАЙОР /ЖАЛО/

ВЫПИСКА

из оперсводки №-10 на 12.00 18.8.41 г. Киевского УР.

"Сообщаю №-№- сооружений находящихся на территории занятой противником:

201, 180, 210, 179, 177, 181, 178, 182, 186, 183, 184, 171, 154
185, 158, 153, 156, 157, 211, 187, 152, 159, 151, 160, 133
139, 131, 135, 130, 136, 137, 128, 129, 138, 126, 127, 101, 102
103, 104, 105, 106, 107, 109, 202, 203, 204, 209. Гарнизоны
которые вышли из сооружений и находятся на нашей территории
186, 176, 210, 159, 158, 126, 109, 104, 203.

В остальных сооружениях судьба гарнизона не известна.
ДОТ 205 деблокирован и установлена с ним связь, гарнизон жив и ведет огонь по противнику.
ДОТ 208, 207, 206, 301, 240 заняты пульбатом, но связь еще не установлена из за отсутствия телефонного провода, за получением которого направлен нарочный в БРОВАРИ.

По неуточненным данным /сообщил комендант 205 ДОТ/, что ДОТ №-203 взорван противником.

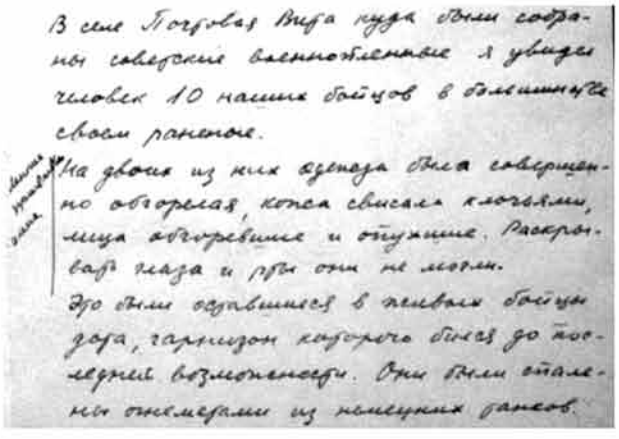
По уточненным данным 17.8 и 18.8 в ночь ДОТ-209 и 211 находится еще на территории пр-ка.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА КИУР
МАЙОР
/Каролицкий/

НАЧАЛЬНИК ОПЕРОТДЕЛЕНИЯ КИУР
КАПИТАН
/Акимов/

Верно:

НАЧАЛЬНИК ОПЕРОТДЕЛА АРМИИ
МАЙОР /ЖАЛО/



В селе Почтовая Вита куда были собраны советские военнопленные я увидел человек 10 наших бойцов в большинстве своем раненые.
На двоих из них одежда была совершенно обгорелая, кожа свисала клочьями, лица обгоревшие и опухшие. Раскрывать глаза и рты они не могли.
Это были оставшиеся в живых бойцы дота, гарнизон которого бился до последней возможности. Они были спалены огнеметами из немецких танков.

Рис. 3. Ескізне креслення підземної частини міни № 179 із фондів РГВА (*1*), бойове донесення і витяг із оперативного зведення із фондів ЦАМО (*2, 3*), фрагмент спогадів лейтенанта К. І. Односума із експозиції Меморіального комплексу «Національний музей історії Великої Вітчизняної війни 1941–1945 років» (*4*)

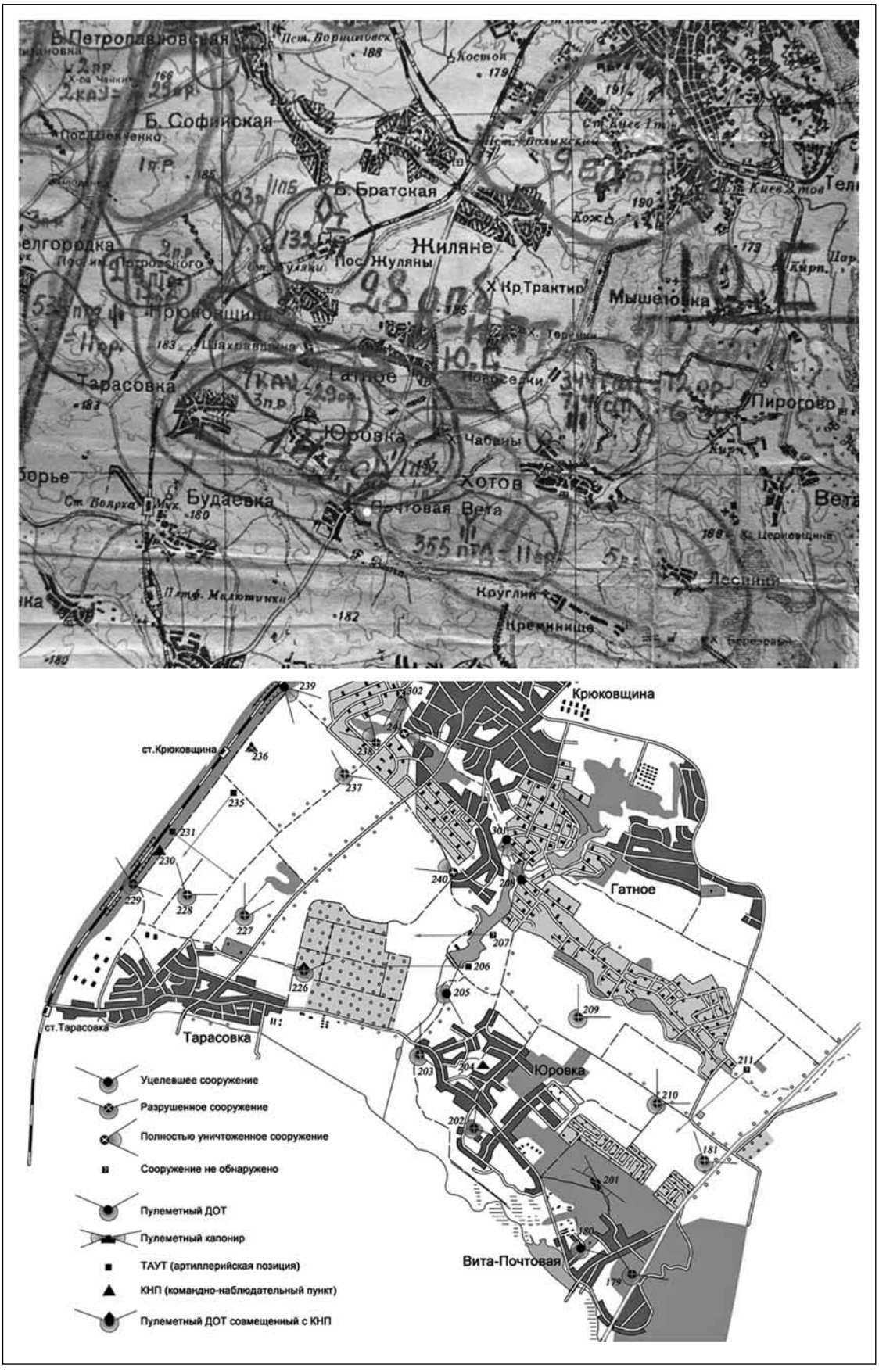


Рис. 4. Фрагмент оперативної карти бойових дій на липень 1941 р. із фондів ЦАМО (*1*) та картосхема екскурсійного маршруту «Пояс Слави. Опорний пункт "Крим"» за М. А. Нехорошевим із сайту МАДФ «Цитадель» http://relicfinder.io.ua/ (*2*)

захоплені ще 13 полонених» [Die 71, 2006, s. 149, 150]. У Меморіальному комплексі «Національний музей історії Великої Вітчизняної війни 1941–1945 років» експонується фрагмент спогадів командира вогневого взводу 244-го артилерійського полку 147 стрілецької дивізії лейтенанта К. І. Односума про захисників ДВС: «В селе Почтовая Вита, куда были собраны советские военнопленные, я увидел человек 10 наших бойцов в большинстве своем раненых. На двоих из них одежда была совершенно обгорелая, кожа свисала клочьями, лица обгоревшие и опухшие. Раскрывать глаза и рты они не могли. Это были оставшиеся в живых бойцы дота, гарнизон которого бился до последней возможности. Они были спалены огнеметами…» [Фрагмент, 2013; Бобровский, 2008; Бобров, 2011] (рис. 3, *4*).

Міжнародною асоціацією дослідників фортифікації «Цитадель», яка музеєфікувала ДВС № 179, об'єкт включено до екскурсійного маршруту «Пояс Слави. Опорний пункт "Крим"» [Картосхема, 2013] (рис. 4, *2*). Це — втілений громадською організацією один із кроків реалізації державної політики у сфері охорони культурної спадщини, музейної роботи, створенні умов для відродження й розвитку культури, підвищення культурного рівня і естетичного виховання громадян, в'їзного і внутрішнього туризму. Елементи «Поясу Слави» успішно функціонують як майданчики для патріотичних заходів, військово-історичних реконструкцій, можуть бути використані для зйомок художніх фільмів на військову тематику, програм з історії.

У 2013 р. незначні роботи на городищі проведені Північною експедицією Інституту археології НАНУ. Оскільки музеєфікація ДВС передбачала крім спеціального охоронного статусу реставрацію самого об'єкту (рис. 2, *1*) з наданням навколишній території вигляду, близького до 1941 р., у тому числі відновленням окопів, ходів сполучення тощо, ці роботи здійснено під наглядом археологів. Останній полягав у фіксації стратиграфії стін земляних споруд польового заповнення та опрацюванні виявлених знахідок (рис. 1, *1*, *4*).

У результаті вдалось встановити, що уламки гончарного посуду з перевідкладених нашарувань, зібрані при розчистці засипаних окопів і ходу сполучення на майданчику городища та замитих основного і запасного входів до ДВС, за хронологією відповідають виявленим раніше (рис. 1, 7). Стосовно стратиграфії: у південно-західній та південній частині городища, на його майданчику та схилах простежено шар темно-сірого та сіро-жовтого суглинку — результат замивання земляних споруд польового заповнення, а також поєднання вказаних шарів з чергуванням суглинистих і супіщаних прошарків чорного, темно-сірого, жовтого та білого кольорів — залишків насипу валу часів Русі. Планіграфічні спостереження дозволяють висловити думку, що вал був споруджений і по південній кромці майданчика, але згодом його знівельовано, найімовірніше — у період Другої світової війни для кращого огляду і влаштування сектору обстрілу.

Незалежно від ступеня археологічного вивчення пункту, важко не погодитись із думкою А. С. Бугая, що городище — чудова пам'ятка за розташуванням, послідовністю укріплень, зв'язком із Вітянсько-Бобрицьким Змійовим валом, величезним курганним могильником; воно було б унікальним елементом історико-археологічного комплексу навколо Києва [Бугай, 1972, с. 22, 23]. Наявність у товщі пагорба, на якому розташоване городище, музеєфікованої довготривалої фортифікаційної споруди КиУРу, а на його поверхні — відновлених польових позицій дозволяє вбачати у даному пункті втілену крізь тисячоліття оборону Києва від зовнішнього ворога. Попри наявний охоронний статус складових цього комплексу (городище взято під охорону Рішенням виконкому Київської обласної Ради депутатів трудящих від 23 листопада 1970 р. № 806, 10 листопада 1970 р. з радгоспом «Тарасівський» щодо нього було укладене охоронне зобов'язання № 20, хоч і не включене до чинного Державного реєстру нерухомих пам'яток України; ДВС № 179 занесено до Державного реєстру нерухомих пам'яток України як пам'ятка історії, науки та техніки Наказом Міністерства культури України від 04 липня 2013 р. № 604), сам він у поєднанні з навколишніми пам'ятками заслуго-

вує більш високого рівня охорони. Репрезентуючи визначне місце, що як територія донесло до нашого часу археологічну, історичну та архітектурну цінність з наукової точки зору, пам'ятки у Віті-Поштовій обґрунтовано можуть претендувати на комплекс здійснюваних державою, її органами, закладами, установами і організаціями, громадянами заходів, спрямованих на облік (виявлення, наукове вивчення, класифікацію, картографування, державну реставрацію), захист, збереження, належне утримання, відповідне використання, консервацію, реставрацію та музеєфікацію, а також поширення знань про спадщину серед широкого загалу. Подібне передбачено національними правовими актами України та Європейською конвенцією з охорони археологічної спадщини (переглянутою, 1992 р.). Конкретним проявом цього комплексу заходів могло б стати створення на основі описаної сукупності пам'яток історико-археологічного заповідника з оголошенням тут до реалізації такого проекту охоронюваної археологічної території, що дозволить зменшити ризики, пов'язані з динамікою розвитку навколишньої забудови та господарського освоєння угідь, які несуть загрозу пам'ятці та її археологічному оточенню.

Для цього, з метою визначення меж території та зон охорони пам'ятки археології — городища X–XIII ст. і пам'ятки історії, науки і техніки – ДВС № 179, а також режимів їх використання, згідно зі ст. 32 Закону України «Про охорону культурної спадщини», необхідно провести комплекс науково-дослідних робіт. Результатом розробки має стати впровадження конкретних охоронних заходів щодо пам'яток та їх оточення, зокрема віднесення їх території до земель історико-культурного призначення і включення відповідно до ст. 34 згаданого Закону до державних земельних кадастрів, планів землекористування, проектів землеустрою, іншої проектно-планувальної та містобудівної документації. При цьому, згідно зі ст. 24 вказаного Закону, використання пам'ятки повинно здійснюватися у спосіб, що потребує якнайменших змін і доповнень пам'ятки та забезпечує збереження її матеріальної автентичності, просторової композиції, а також елементів обладнання, упорядження оздоби тощо. А згідно з цитованою ст. 34, на землях історико-культурного призначення забороняється будь-яка діяльність, яка негативно впливає або може впливати на стан природних та історико-культурних комплексів та об'єктів чи перешкоджає їх використанню за цільовим призначенням. Відповідність об'єктів культурної спадщини у Віті-Поштовій критеріям для занесення до Державного реєстру нерухомих пам'яток України визначає їх цінність, автентичність і цілісність, при цьому цінність виступає базовою, оскільки на цей критерій спирається методика оцінки будь-яких об'єктів нерухомої спадщини. Крім того, охарактеризовані об'єкти вплинули на розвиток культури і пов'язані з історичними подіями. Вказане дозволяє констатувати відповідність Порядку визначення категорії пам'яток для занесення об'єктів культурної спадщини до Державного реєстру нерухомих пам'яток України, затвердженого Постановою Кабінету Міністрів України від 27.12.2001 р. № 1760.

Бобров О. «Где мирное детство их было убито» / О. Бобров // Український благодійний фонд пошуку «Пам'ять», 2011. — Режим доступу: http://www.ufp-pamyat.org.ua/index.php?option=com_content&view=category&id=44&layout=blog&Itemid=50.

Бобровский О. «Где мирное детство их было убито» / О. Бобровский // Киевский вестник, 2008. — Режим доступу: http://kyiv-vestnik.com.ua/public_s6602.html.

Боевое донесение № 013, штаб КиУР, Святошино, к 15.30 4.8.41 года // ЦАМО, ф. 229, оп. 161, ед. хр. 61, л. 224 (Общедоступный электронный банк документов МО РФ «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». — Режим доступу: http://podvignaroda.ru/).

Бугай А. С. Звенигород Київський / А. С. Бугай // Знання та праця. — 1972. — № 8. — С. 22, 23. — Режим доступу: http://zmievi-valy.in.ua/?p=171.

Бугай А. С. Летопись земли Киевской / А. С. Бугай // Дніпро. — 1970. — № 6. — С. 124–137. – Режим доступу: http://zmievivaly.com.ua/letopis-zemli-kievskoy/.

Выписка из оперсводки №10 на 12.00 18.8.41 г. Киевского УР // ЦАМО, ф. 229, оп. 161, ед. хр. 43, л. 63

(Общедоступный электронный банк документов МО РФ «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». — Режим доступу: http://podvignaroda.ru/).

Грушевський М. С. Волинське питання 1097–1102 рр. / М. С. Грушевський // Твори у 50-и томах. — Львів, 2003. — Т. 5. — С. 182–209. — Михайло Грушевський. Енциклопедія життя і творчості. — Режим доступу: http://www.m-hrushevsky.name/uk/History/1890/VolynskePytannja1097-1102.html.

Добровольський Л. Забуті межі давньої Київщини / Л. Добровольський // ЗУНТ. — 1908а. — Кн. ІІІ. — С. 54–78.

Добровольский Л. Змиевы валы вблизи Киева / Л. Добровольский. — К., 1908б. — 30 с., карта.

Добровольский Л. Городище у д. Почтовой Виты (Справка о прошлом одной из киевских окрестностей) / Л. Добровольский. — К., 1912. — 42 с., карта.

Добровольський Л. Проектовані нові під'їзні залізниці в межах Київської губернії з історично-археологічного погляду / Л. Добровольський // Записки історичної і філологічної секції Українського наукового товариства в Києві. — 1918. — Кн. XVII. — С. 41–50.

Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (Археологическая карта) / М. П. Кучера, О. В. Сухобоков, С. А. Беляева и др. — К., 1984. — 196 с.

Еще один музей-ДОТ будет создан под Киевом // Союз «Народная память». Всеукраинская общественная Организация поисковиков, 2013. — режим доступу: http://ru.unm.org.ua/Еще-один-музей-ДОТ-будет-создан/; http://ru.unm.org.ua.

Картосхема екскурсійного маршруту «Пояс Слави. Опорний пункт "Крим"» / М. А. Нехорошев // МАИФ Цитадель — Пояс Славы, 2013. — Режим доступу: http://relicfinder.io.ua/album615665_1; http://io.ua/25211869.

Козловська В. Археологічні пам'ятки часів князівської доби коло с. Поштова-Віта на Київщині / В. Козловська // Науковий збірник за рік 1924. — К., 1925. — С. 24–28 (Записки Українського наукового товариства в Києві тепер історичної секції ВУАН / [під ред. голови секції М. Грушевського]. — Т. XIX).

Колекції Наукових фондів Інституту археології НАН України. Каталог / Н. В. Блажевич, Н. Б. Бурдо, І. С. Вітрик та ін. — К., 2007. — 360 с.: рис., 16 с. табл.

Куза А. В. Малые города Древней Руси / А. В. Куза. — М., 1989. — 169 с.

Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. (свод археологических памятников) / А. В. Куза. — М., 1996. — 256 с.

Кучера М. П. Городище… Віта Поштова… / М.П. Кучера // Міністерство культури Української РСР. Пам'ятники історії та культури СРСР (нерухомі). Паспорт. — І.1.1278-2.10.11 від 02.12.1975 р.

Кучера М. П. Звіт про роботу розвідзагону по обстеженню городищ Київщини у 1972 р. Щоденник начальника загону / М. П. Кучера // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1972/24, 92 с.

Кучера М. П. Змиевы валы Среднего Поднепровья / М. П. Кучера. — К., 1987. — 208 с.

Кучера М. П. Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем / М. П. Кучера. — К., 1999. — 252 с.

Лінка Н. В. Роботи експедиції «Великий Київ» за 1947 р. / Н. В. Лінка // АП. — 1952. — Т. ІІІ. — С. 39–53.

Моця А. П. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. (по данным погребальных памятников) / А. П. Моця. — К., 1987. — 168 с.

Моця А. П. Отчет о работе Полесской экспедиции (исследование славянских могильников) 1977 г. / А. П. Моця // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1977/8, 12 с., 9 черт.

Моця А. П. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. / А. П. Моця. — К., 1990. — 156 с.

Моця А. П. Южнорусское село: результаты и перспективы исследований / А. П. Моця // Славянская археология 1990. Раннесредневековый город и его округа. — М., 1995. — С. 136–141 (Материалы по археологии России, Вып. 2).

Моця О. П. Висновки / О. П. Моця // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель) / С. О.Біляєва, О. М. Веремейчик, Г. О. Вознесенська та ін. — К., 2003. — 232 с.

Нетесов П. Восстанавливая ДОТы — мы сохраняем историю / П. Нетесов // МАИФ Цитадель — Пояс Славы, 2013. — Режим доступу: http://relicfinder.io.ua/album636561; http://relicfinder.io.ua/s421349/vosstanavlivaya_doty_-_my_sohranyaem_istoriyu; http://i.io.ua/img_su/large/0042/13/00421349_n5.jpg; http://io.ua/26215519р.

Оперативная карта боевых действий // МАИФ Цитадель — Пояс Славы, 2013. — режим доступу: http://relicfinder.io.ua/album615665_0; http://io.ua/25211870р.

Оперативные сводки Киевского укрепленного района // ЦАМО, ф. 229, оп. 161, д. 43, 61, 63 (Общедоступный электронный банк документов МО РФ «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». — Режим доступу: http://podvignaroda.ru/; див. також: http://tashv.nm.ru/).

Оперативные сводки полевого управления 37 армии // ЦАМО, ф. 229, оп. 161, д. 43, 61, 86, 135 (Общедоступный электронный банк документов МО РФ «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». — Режим доступу: http://podvignaroda.ru/; див. також: http://tashv.nm.ru/).

Перелік пам'яток культурної спадщини Київської області до Державного реєстру нерухомих пам'яток України // Архів діловодства Київського обласного центру охорони і наукових досліджень пам'яток культурної спадщини.

Петрашенко В. А. Отчет о разведке бассейна р. Виты в Киевской области в 1991 г. / В. А. Петрашенко, В. К. Козюба // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1991/25в., 86 с.

Петрашенко В. О. Археологічні пам'ятки басейну р. Віти в Київському Подніпров'ї / В. О. Петрашенко, В. К. Козюба. — Препр. — К., 1993. — 56 с. (Бібліотечка «Пам'ятки археології», Вип. 2).

План-схема подземных галерей ДОТ № 179 / А. В. Кулик // МАИФ Цитадель — Пояс Славы, 2013. — режим доступу: http://io.ua/25206682;_http://relicfinder.io.ua/album615665_0.

Похилевич Л. Уезды Киевский и Радомысльский / Л. І. Похілевич // Краєзнавчі праці. — Біла Церква, 2007. — С. 1–182.

Рапопорт П. О. Обстеження городищ в районі Києва у 1950 р. / П. О. Рапопорт // Археологія. — 1952. — Т. VII. — С. 142–145.

Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV в. / П. А. Раппопорт // МИА. — Л., 1967. — Вып. 140. — 242 с.

Раппопорт П. А. К вопросу о системе обороны Киевской земли / П. А. Раппопорт // КСИАУ. — 1954. — Вып. 3. — С. 21–25. — Режим доступу: http://www.russiancity.ru/hbooks/h074.htm (Русский город. Архитектурно-краеведческая библиотека).

Раппопорт П. А. Обследование городищ в районе Киева (Отчет разведочно-маршрутного отряда экспедиции Большой Киев в 1950 г.) / П. А. Раппопорт // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1950/1ж, 7 с., 8 с. прил., 9 рис.

Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. / П. А. Раппопорт // МИА. — 1956. — № 52. — 184 с.

Серов О. В. Отчет о разведках в Киевской области в 1980–1982 годах / О. В. Серов // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1982/41, 16 с., 16 рис.

Сєров О. В. Давньоруські селища X — середини XIII ст. Київського Подніпров'я / О. В. Сєров // Південноруське село IX–XIII ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури): Навчально-методичний посібник / О. П. Моця, В. П. Коваленко, В. О. Петрашенко та ін. — К., 1997. — С. 99–114.

Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков / П. П. Толочко. — К., 1980. — 224 с.

Фрагмент спогадів лейтенанта К. І. Односума // МАИФ Цитадель — Пояс Славы, 2013. — Режим доступу: http://relicfinder.io.ua/album615665_1; http://io.ua/25208446p.

Эскизный чертеж подземной части мины № 179 // МАИФ Цитадель — Пояс Славы, 2013. — Режим доступу: http://relicfinder.io.ua/album636561; http://io.ua/26215747p.

Die 71. Infanterie-Division 1939–1945: Gefechts- und Erlebnisberichte aus den Kämpfen der «Glückhaften Division» / Hans Noelke. — Eggolsheim: Dörfler Verlag GmbH, 2006. — 480 s.

И. А. Готун, Р. Н. Осадчий, П. А. Нетесов

Летописный Звенигород Киевский: археологические реалии и памятникоохранные перспективы

Анализ летописных сообщений привел П. П. Толочко и других исследователей к выводу, что в древнерусские времена регион Киева был наиболее уязвимым не с юга, где существовали естественные преграды в пойме Днепра, а с юго-запада, из лесостепного коридора в верховьях Ирпеня и Стугны. Взятие Василева открывало нападавшим доступ к столице, и задержать их мог только находившийся на полпути укрепленный пункт на левом берегу р. Вита. Он был единственным в системе Витянско-Бобрицкого Змиевого вала, занимал господствующее стратегическое положение и отождествлялся В. А. Кузой, М. П. Кучерой и некоторыми другими исследователями с летописным Звенигородом. Его детинец (90×45 м) занимает холм-останец в с. Вита-Почтовая, к которому с северо-востока примыкает окольный город, окруженный цепочкой возвышенностей, адаптированных к условиям обороны. На городище отмечено наличие культурного слоя мощностью 1,2–1,5 м с материалами X — начала XI в. в нижней его части и XII–XIII вв. в верхнем горизонте. Несмотря на его значение и невзирая на более чем столетнюю историю исследований (Л. П. Добровольский, нач. XX в.; В. Е. Козловская, 1919 г.; П. А. Раппопорт, 1950 г.; М. П. Кучера, 1972 г.; В. А. Петрашенко и В. К. Козюба, 1991 г.), пункт остается недостаточно изученным. Некрополь городища раскапывался В. Е. Козловской и А. П. Моцей, в 1991 г. в нем еще насчитывалось около сотни насыпей. В инфраструктуру пункта могло входить и селище, при исследовании которого в 1989 г. О. В. Серовым получены материалы, нехарактерные для сельских поселений.

В 1930 г. в толще холма городища на глубине порядка 8 м была сооружена долговременная огневая точка № 179 Киевского укрепленного района, «минная группа» по тогдашней классификации. Она

состояла из 227 м подземных галерей, основного и запасного входов и бетонного боевого каземата на три станковых пулемета. В 1941 г. на площадке городища оборудовали позицию советской артиллерийской батареи и отрыли земляные сооружения полевого заполнения.

В 2013 г. Международной ассоциацией исследователей фортификации «Цитадель» проведены работы по музеефикации ДОТа № 179 и архивные поиски документов периода Великой Отечественной войны, относящиеся к сооружению. Параллельно Северной экспедицией Института археологии НАНУ проведены охранные исследования, в ходе которых собран синхронный выявленному ранее материал и зафиксирована стратиграфия стенок восстановленных фронтовых объектов.

Сосредоточение на локальной территории уникальных археологических объектов и неординарного памятника истории, науки и техники приводит к постановке проблемы о ее специальном памятникоохранном статусе. На базе указанных пунктов возможно создание историко-культурного заповедника с объявлением до его учреждения занимаемой ими площади охраняемой археологической территорией.

I. A. Gotun, R. M. Osadchyi, P. O. Netyosov

Annalistic Zvenigorod-Kievskyi: archeological realities and prospects of monument protection

The analysis of annalistic reports led P. P. Tolochko and other researchers to the conclusion that at the times of Ancient Rus the Kiev region was most vulnerable not from the south, where natural obstacles existed in Dnieper's floodplain, but from the south-west, from the forest-steppe passage in the headstreams of Irpin and Stugna. Capturing Vasilev gave the attackers access to the capital, and only the fortified point on the left bank of Vita River could hold them. It was the only such point in the Vityansko-Bobritskyi Zmiyiv rampart, it also had the dominant strategic position and was identified by V. A. Kuza, M. P. Kuchera and some other researchers as the annalistic Zvenigorod. Its citadel (90×45 m) is located on a butte in Vita Pochtova village, to which a town, surrounded by a chain of mounds is adjacent from north-east. There is a cultural stratum on the mound with the capacity of 1,2–,.5 m with materials of Xth–XIth centuries in its lower part, and of XIIth–XIIIth centuries in it's upper horizon. In spite of its importance and more than a hundred year old history of investigation (L. P. Dobrovolskyi, XX cent.; V. E. Kozlovska, 1919; P. A. Rappoport, 1959; M. P. Kuchera, 1972; V. A. Petrashenko and V. K. Kozyuba, 1991), the point is still not thoroughly studied. The settlement's necropolis was excavated by V. E. Kozlovska and A. P. Motsya. In 1991 there were still approximately one hundred mounds. The infrastructure of the point could include the settlement, during the study of which in 1989 O. V. Serov received materials which were uncharacteristic for rural settlements.

The № 179 pillbox of the Kiev fortified area was constructed in 1930 inside the mound at a depth of approximately 8 m. It consisted of 227 m of underground tunnels, main and reserve exits, and a concrete casemate for 3 machine guns. In 1941, the site was equipped with a Soviet artillery battery.

In 2013, the International Association of Fortification Researchers «Citadel» worked on the museumification of the № 179 pillbox and archival document searches of the World War II period, that relate to the structure. At the same time the Northern expedition of the Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine had carried out studies of monument protection, during which simultaneous with previously identified material had been collected, and the wall stratigraphy of restored front-line objects had been recorded.

The clustering of unique archeological objects and an extraordinary historic and technologic monument on a local territory leads to the question of it's special status of monument protection. On the basis of these points it is possible to create a historical and cultural reserve with previous announcement of the occupied land as a protected archeological territory.

А. В. Григорьев

Раскоп X на городище «Замок» г. Новгорода-Северского

Раскоп X являлся последним из исследованных российско-украинской экспедицией под руководством Андрея Васильевича на городище «Замок» г. Новгорода-Северского. В 1984 г., сразу после кончины А. В. Кузы, новгород-северская экспедиция была официально расформирована. Однако работы были продолжены под руководством автора. В целях доследования объектов к северу и востоку от раскопа была сделана прирезка. Общая площадь раскопа составила 57 м².

Основным итогом раскопа X можно считать подтверждение и уточнение хронологии существования города, и прежде всего, его детинца.

Первое стационарное поселение на городище относиться к юхновской культуре V–II вв. до н.э. С этим временем связаны слои 3 и 4 в раскопе X, а также яма 3. Материалы колочинской культуры на городище встречались, но не образовывали отдельных слоёв или комплексов. Наибольшее количество комплексов относится к роменской культуре, точнее, к её финальному этапу. Большой процент в керамическом комплексе этого периода составляют фрагменты древнерусских круговых сосудов. По всем показателям, время возникновения славянского поселения в урочище «Замок» вряд ли может быть определено ранее X в. Бурное развитие северянского города (более 20 га, с учётом посада) было прервано пожаром (слой 2).

Материал последующего периода, развитого XI в., представлен в раскопах относительно слабо. К периоду становления Новгорода-Северского, как столицы княжества, можно отнести постройку 2. Обращает на себя внимание изменение конструкций построек после гибели раннего города.

Ключевые слова: раскоп, слой, керамика, город, замок.

Раскоп X являлся последним из исследованных российско-украинской экспедицией под руководством Андрея Васильевича Кузы на городище «Замок» г. Новгорода-Северского. Он был заложен в западной части площадки городища в 1983 г.[1] В этот год было вскрыто 32 м² слоя, частично изучены котлованы двух построек, фрагмент наземной постройки и одна хозяйственная яма. В 1984 г., сразу после кончины А. В. Кузы, Новгород-Северская экспедиция была официально расформирована. Однако работы были продолжены под руководством автора. В целях доследования объектов к северу и востоку от раскопа была сделана прирезка площадью 25 м² (рис. 1).

За прошедшие с момента окончания работ 30 лет материалы сохранились не в лучшем виде. Часть чертежей и фотоматериалов 1983 г. утрачена, дневники этого периода крайне лаконичны. Судьба подготовленного отчета весьма туманна. Поэтому публикация основных материалов раскопа представляется достаточно обоснованной.

В результате работ были доследованы указанные выше объекты, а также одна хозяйственная яма [Григорьев, Коваленко, Моця, 1986, с. 229]. Разборка слоя в 1983 г. велась по штыкам (0,20 м), фиксация массового материала — по квадратам 2×2 м. В следующем, 1984 г., методика раскопок была несколько скорректирована.

1. Начальник раскопа — Е. А. Королюк.

Прирезка разбиралась по слоям, с фиксацией массового материала по квадратам 1×1 м.

Отличительной чертой раскопа являлась малая мощность верхнего, мешаного слоя, содержавшего материалы позднесредневекового времени. Толщина его почти нигде не превышала 1 м, а в основном составляла 0,30–0,40 м. Непотревоженная часть делилась на четыре основных слоя (рис. 1).

Слой 1а (под слоем 1 подразумевается верхний мешаный слой) был во многих местах поврежден позднесредневековыми наслоениями. Он состоял из серой среднегумусированой легкой супеси с включениями материкового суглинка и печины. От верхнего слоя его отличало большее содержание гумуса и, как следствие, — более темный цвет и большая однородность.

В этом слое у южной стенки раскопа (и частично заходя в нее) находилось скопление крупных колотых камней с включениями угольков и фрагментов древнерусской керамики XI–XII вв. Овальная форма завала (размеры вошедшей в раскоп части 1,20×0,60 м) и следы обжига камней позволяют интерпретировать его как остатки отопительного сооружения.

Со временем начала формирования слоя может быть связана и исследованная в 1983 г. постройка. Она была перекрыта этим слоем, но прорезала нижележащие слои 2–4. Судя по профилю южной стенки раскопа, постройка была углублена в них на 0,20–0,35 м, но не доходила до материка. Сооружение имело прямоугольную форму и было ориентировано углами по сторонам света. Вдоль стен постройки отчетливо прослеживалась прослойка глины, печины и сгоревшего дерева. Параллельно юго-восточной стене котлована, на расстоянии 2,4 м от нее была прослежена полоса, состоящая из пепла и оконтуренная с обеих сторон углем. Возможно, она определяла размеры наземной части постройки. Неглубокий котлован размерами 3×2,4 м характерен для застройки Новгорода-Северского XI–XIII вв.

Найденные в заполнении котлована (рыхлая серая земля с углем) фрагменты керамики характерны для XI в. Не противоречат этой дате и железные пружинные ножницы для стрижки овец, также происходившие из заполнения. Датировку слоя 1а подтверждает и найденный в нем топор. Данный тип топоров, с опущенным лезвием и выемкой у шейки, бытовал в Новгороде Великом в X — первой половине XII в. [Колчин, 1982 , с. 163, 164].

К несколько более позднему времени, чем слой Iа, относится постройка 2. Она находилась в центральной части раскопа, непосредственно над более ранним жилищем I.

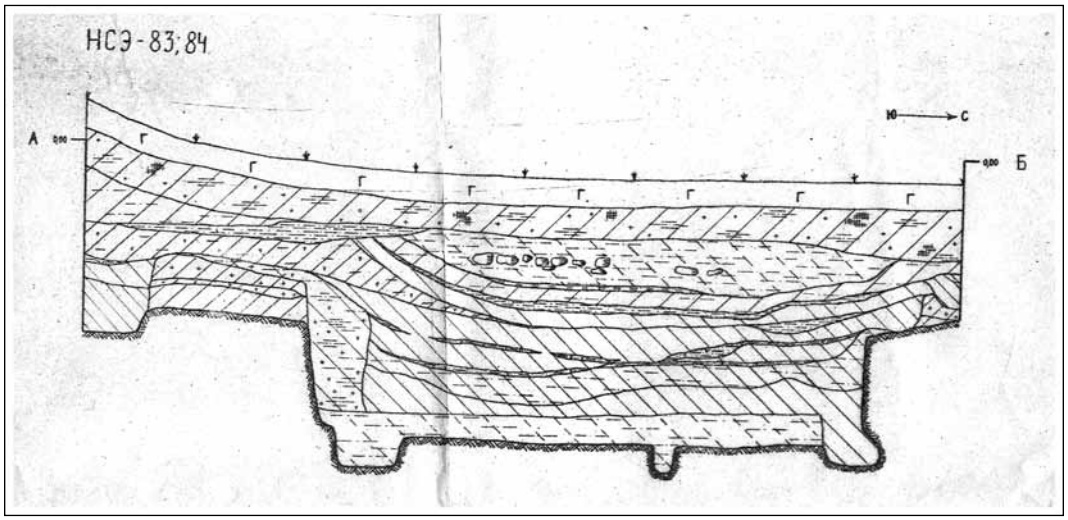


Рис. 1. Стратиграфия раскопа X на городище «Замок» Новгорода-Северского

К сожалению, в раскопе 1983 г. контуры этой постройки прослежены не были. В материалах к отчету было лишь указано, что «в северо-западной части кв. 1 и юго-западной части кв. 7 (центр раскопа) … было прослежено скопление крупных колотых камней в форме полукруга, частично уходящего в западную стенку раскопа. Камни шли вперемешку с печиной, углем и фрагментами керамики. Размеры завала по линии север–юг — 1,30 м, по линии запад–восток — 0,60 м (в самой широкой части)»[2]. Северо-западная часть этого завала была доследована в 1984 г.

По степени обожженности камней, наличию угля и керамики, а также по прослойке прокаленного суглинка под завалом можно предположить, что это остатки крупного очага или, что вероятнее, печи-«каменки». В плане постройка (в пределах раскопа 1984 г.) повторяла контуры нижележащего жилища 1. Последнее обстоятельство может объясняться проседанием грунта в районе котлована. Реальные границы сооружения установить не представлялось возможным. За пределами раннего котлована она была полностью уничтожена мешаным слоем 1. Материал представлен древнерусской керамикой XII–XIII вв. Это подтверждает датировку нижележащего слоя 1а XI — нач. XII в.

Слой 2 представлял собой светло-серую золистую супесь с многочисленными включениями золисто-углистых линз и прослоек. По своему характеру и материалу он был совершенно идентичен слою пожара рубежа X–XI — начала XI в., прослеженному в других раскопах на городище. Этим слоем были перекрыты жилища 1 и 1а, а также две хозяйственные ямы.

Жилище I занимало всю центральную часть раскопа. Судя по стратиграфическим наблюдениям, оно носило следы крупной перестройки и может рассматриваться как две самостоятельных постройки — ранняя, обозначенная как жилище Iа, и позднейшая — жилище I. Примеры прямого перекрытия близких по времени жилищ в Среднем Подесенье неизвестны. Возможно, в данном случае это объясняется ограниченностью пространства городища и, соответственно, плотностью его застройки.

Как и у всех построек этого времени на городище, котлован раннего жилища Iа был ориентирован углами по сторонам света. Его размеры — 4,50×4,50 м, глубина от уровня древней дневной поверхности 1,30–1,40 м (0,90–1,10 м от уровня материка). По углам и центру стен находились столбовые ямки диаметром 0,20–0,30 м, при глубине 0,40–0,50 м, что явно указывает на столбовую конструкцию нижней части жилища.

Печь раннего жилища располагалась в северном углу котлована. Под печи, размерами 0,75×0,85 м, был углублен в материковый пол на 0,07–0,09 м. Он представлял собой обожженный докрасна материк (суглинок). Позже углубление было заполнено камнями и печиной, а поверх забутовки был пущен новый под, состоявший из глины, замешанной на известняковой щебенке и сильно обожженной. Остатки стен печи сохранились лишь в северо-западной ее части на высоту до 0,25 м. В этом месте толщина их у основания не превышала 0,20 м. Сложены стенки печи были из суглинка с включениями криц. Использование подобной смеси — глина/суглинок+щебень или крицы — характерно для памятников региона.

Направление устья печи установить не удалось, однако, судя по форме пода, оно выходило в сторону входа. Вход в жилище на раннем этапе его существования находился в северо-восточной части юго-восточной стены котлована. Он был сделан в виде коридорчика шириной 0,80 и длиной 1,10 м. Две ступеньки находились на глубине 0,35 и 0,45 м от уровня материка. Слева от входа была ямка от столба полукруглой в плане формы. Возможно, этот столб служил опорой для дверного косяка.

В заполнении раннего жилища была встречена немногочисленная лепная роменская и круговая древнерусская керамика, причем роменская явно преобладала.

В ходе перестройки котлован жилища был перемещен на 0,30–0,40 м к северо-востоку. При этом его размеры не изменились. Промежуток между юго-западной стеной

2. Из материалов к Отчету Е. А. Королюк.

нового жилища и стеной старого котлована был забутован материковым суглинком вперемешку с культурным слоем. Пол нового котлована был поднят путем забутовки относительно старого на 0,20–0,40 м. Таким образом, глубина котлована стала равняться 0,90–1,10 м от уровня древней дневной поверхности. Конструкция стен котлована осталась прежней, т. е. столбовой. Новые столбы были вкопаны в непосредственной близости от старых, и в ряде случаев отчасти их перекрыли. Поскольку старые столбовые ямы перекрывались слоем забутовки, очевидно, что прежние стены были полностью разобраны. Печь располагалась в южном углу нового жилища I. В связи с недостаточной графической фиксацией ниже приводится описание печи автором раскопок 1983 г.

«Печь была подквадратной формы, с округленными углами. Была сложена из глины, крупных колотых камней и железистых камней. Свод рухнул внутрь печи, и в завале от него обнаружено несколько обломков глиняных вальков, камни. Устье размерами 0,40×0,30 м было обращено вдоль юго-западной стенки, внутрь жилища. Нижняя часть печи толщиной 0,30 м состояла из плотного светло-коричневого слоя с включениями глины, угля, мела. Этот слой был прослежен по всей вскрытой площади полуземлянки. Он был образован в результате подсыпки жилища во второй строительный период. Верхняя часть печи четко выделялась от нижней по цвету и составу.

Высота остатков печи от уровня 2-го пола составляла 0,40–0,45 м. Под — прямоугольной формы, размерами 0,40×0,70 м. Он был подмазан глиной толщиной 2 см и возвышался над уровнем 2-го пола на 10 см. Общие размеры печи на уровне пола — 1,40×1,10 м, в верхней части — 1,10×0,80 м. Толщина стенок печи на уровне пола 0,25–0,30 м, а в верхней части — 0,20 м.

При разборке печи были обнаружены вмонтированные в ее стены фрагменты как лепной (роменской), так и гончарной (со стреловидными венчиками конца X в.) керамики, причем обломки лепной оказались от одного горшка».

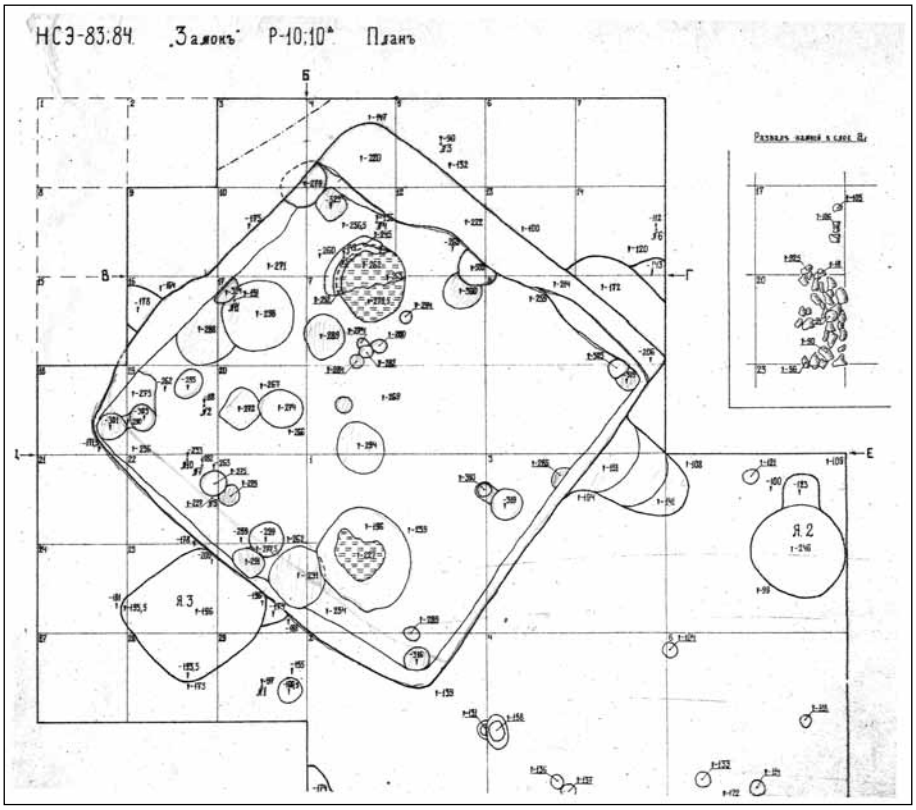


Рис. 2. Жилище I в раскопе X

Вход в жилище был перенесен на северо-восточную стену. Он состоял из двух ступенек глубиной 0,23 и 0,52 м от уровня материка. Причем нижняя ступень была значительно шире верхней.

В заполнении котлована помимо нижнего слоя «Г», представлявшего собой забутовку ранней постройки, было выделено три основных слоя.

Слой «А» состоял из темно-серой весьма однородной супеси с многочисленными линзами угля и золы. Нижняя граница слоя была очерчена прослойкой золы и угля. Слой «А» выходил за пределы котлована на 0,40 м по каждой из стен (рис. 2). Вероятно, размеры жилища по слою «А» отражают параметры его наземной части [Григорьев, 2000, с. 96, рис. 35]. В пользу этого предположения говорят как стратиграфические наблюдения, так и большое количество керамического материала, залегавшего по нижней границе слоя. В этом же слое было найдено большое количество бус, разбросанных по всей площади постройки, но относящихся к одной низке. Часть ее была найдена in situ. Ожерелье состояло из мелких желтых стеклянных бус, перемежавшихся с более крупными двучастными, также желтыми. По определению Ю. Л. Щаповой, все эти бусы сирийского производства и датируются временем до конца X в.

Слой «Б» состоял из серой среднегумусированой супеси и залегал исключительно в пределах котлована. Слой «В» залегал по полу позднего жилища. По структуре он был близок слою «А». Концентрация керамики в слоях «Б» и «В» была значительно ниже, чем в слое «А». Керамический материал с пола жилища идентичен материалу слоя «А».

Как стратиграфически, так и по материалу время гибели постройки может быть соотнесено со временем гибели всего городища (рубеж X–XI — начало XI в.), до начала строительства первого древнерусского оборонительного сооружения.

Тем же слоем 2 («слоем пожара») были перекрыты две хозяйственных ямы. Одна, яма 3, была вскрыта не полностью. Можно лишь отметить, что она была углублена исключительно в нижележащие культурные напластования, не затрагивая материка. В заполнении содержались фрагменты лепной роменской и круговой древнерусской керамики, идентичные находившимся в слое 2. Другая, яма 2, к моменту образования слоя уже прекратила свое функционирование и была засыпана. Она имела колоколовидную форму, что позволяет отнести яму к категории зерновых. В заполнении были найдены кости крупных животных, железные шлаки и лепная роменская керамика.

Следующий слой 3 залегал по всей площади раскопа, за исключением его северо-восточной части, сильно поврежденной поздними напластованиями. По керамическому материалу время формирования слоя может быть отнесено к юхновской культуре. К тому же периоду относится и нижний слой 4. Последний перекрывал и яму 1, прорезанную жилищем I.

Основным итогом раскопа X можно считать подтверждение и уточнение хронологии существования города и, прежде всего, его детинца.

Первое стационарное поселение на городище относится к юхновской культуре V–II вв. до н. э. (городище Юхново, давшее название культуре, находится в 10 км от города). С этим временем связаны слои 3 и 4 в раскопе X, а также яма 3. Материалы колочинской культуры на городище встречались, но не образовывали отдельных слоев или комплексов. Вероятно, в это время (V–VII вв.) активной жизни на останце не было.

Наибольшее количество комплексов относится к роменской культуре, точнее, к ее финальному этапу. Большой процент в керамическом комплексе этого периода составляют фрагменты древнерусских круговых сосудов. Сильное влияние Руси ощущается и в вещевом материале. По всем показателям, время возникновения славянского поселения в урочище «Замок» вряд ли может быть определено ранее X в. Бурное развитие северянского города (более 20 га, с учетом посада) было прервано пожаром (слой 2).

Материал последующего периода, развитого XI в., представлен в раскопах относительно слабо. В раскопе X это постройка 1 и соответствующий ей слой 1а. К периоду становления Новгорода-Северского как столицы княжества можно отнести постройку 2. Обращает на себя внимание изменение конструкций построек после гибели раннего города.

Григорьев А. В. Работы Новгород-Северской экспедиции / А. В. Григорьев, В. П. Коваленко, А. П. Моця // АО 1984 г. — М., 1986. — С. 229, 230.

Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным / А. В. Григорьев. — Тула, 2000. — 263 с.

Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. — М., 1982.

О. В. Григор'єв

Розкоп X на городищі «Замок» м. Новгорода-Сіверського

Розкоп X був останнім, який досліджувався російсько-українською експедицією під керівництвом Андрія Васильовича на городищі «Замок» м. Новгорода-Сіверського. В 1984 р., одразу після смерті А. В. Кузи, новгород-сіверська експедиція була офіційно розформована. Однак роботи були продовжені під керівництвом автора. В цілях дослідження об'єктів на північ та схід від розкопу була зроблена прирізка. Загальна площа розкопу склала 57 м².

Головним результатом роботи на розкопі X можна вважати підтвердження та поточнення хронології існування міста, та перш за все, його дитинця.

Перше стаціонарне поселення на городищі відноситься до юхнівської культури V–II ст. до н. е. З цим періодом пов'язані шари 3 та 4 на розкопі X, а також яма 3. Матеріали колочинської культури на городищі зустрічались, але не утворювали окремих шарів та комплексів. Найбільша кількість комплексів відноситься до роменської культури, точніше, до її фінального етапу. Великий процент в керамічному комплексі цього періода складають фрагменти давньоруських кругових посудин. По всім показникам, час виникнення слов'янського поселення в урочищі «Замок» навряд чи може бути визначеним раніше X ст. Бурхливий розвиток сіверянського міста (більше 20 га, з урахуванням посаду) було перевано пожежею (шар 2).

Матеріал наступного періода, розвиненого XI ст., представлений в розкопах відносно слабо. До періоду становлення Новгорода-Сіверського, як столиці князівства, можна віднести будівлю 2. Звертає на себе увагу змінення конструкцій будівель після загнибелі раннього міста.

A. V. Grigoriev

The excavation X on the settlement «Zamok» of Novgorod-Severskiy town

Excavation X was the last one of those explored by Russian-Ukrainian expedition under the guidance of Andey Vasilievich on the settlement «Zamok» of Novgorod-Severskiy town. In the year 1984, after A. V. Kuza's demise, the Novgorod-Severskiy expedition was officially disbanded. The excavations, however, were continued under the author's control. Some addition was made in purpose of supplementary examination of the objects. Total square of the excavation reached 57 m².

The main result of the excavation X might be the confirmation and elaboration of the chronology of the existence of the settlement and, what's more important, of its detinets.

The first stationary colony on the settlement is related to the Yukhnovskaya culture from the Vth to the IInd centuries BC. Layers 3 and 4, and also pit 3 in the excavation X are associated with this time. The material of the Kolochinskaya culture was found as well, but it didn't form any separate layers or complexes. The majority of complexes relates to the final stage of the Romenskaya culture. A large percentage of the ceramic complexes of this period are made up by the fragments of the ancient-russian circular vessels. All the evidences indicate that the time of the emergence of the Slavic settlement in the «Castle» may hardly be determined earlier than by the Xth century. The tempestuous development of the Severyansky settlement (more than 20 ha in total, including posad) was interrupted by fire (layer 2).

The material of the subsequent period — the IXth century — was comparatively weekly presented in the excavations. The building 2 may be related to the period of becoming Novgorod-Severskyi the capital of the principality. The changes in the constructing of buildings after the collapse of the early town also attract attention.

В. К. Козюба

Китаївське городище в Києві: до питання планової структури

Статтю присвячено розгляду питання планової структури відомого Китаївського городища давньоруського часу. На основі нових досліджень уточнено його площу і кількість укріплених частин.

Ключові слова: городище, майданчик, укріплена частина.

Китаївське городище X–XIII ст. на південній околиці Києва є однією з найбільш відомих археологічних пам'яток. Вона неодноразово досліджувалась археологами, але ці роботи мали переважно розвідковий характер. З XIX ст. побутує думка, що Китаївське городище можна ототожнити з містом Пересіченом, яке згадується в літописі під 1154 та 1161 роками.

Через складні структури плану городища та рельєфу місця його розташування дослідники по-різному оцінювали як площу городища, так і навіть кількість його укріплених частин. Відповідно, відомі плани цього городища суттєво відрізняються один від одного. Крім того, незважаючи на вивчення пам'ятки протягом майже століття, досі не було зроблено детального опису як укріплень, так і елементів рельєфу цієї території.

Під час проведення автором археологічних розвідок на території м. Києва восени 2012 р. вдалося ретельно оглянути всі частини Китаївського городища, зробити опис та фотофіксацію його укріплень, уточнити окремі деталі планувальної структури пам'ятки. Результатом цієї роботи стала комплексна характеристика городища, якій присвячено цю публікацію. Також пропонується новий план Китаївського укріплення, створений нами на основі топозйомки 1927 р. (масштаб 1:2100). Останню обрано не тільки через гарне відображення укріплень городища (вали, рови, ескарпи) в рельєфі, а й через присутність на плані траншей, пов'язаних, вірогідно, з археологічними дослідженнями майданчика городища О. Д. Ертелем у 1911, 1912, 1914 рр. (рис. 1).

Городище розташоване на мисі високого корінного берега Дніпра в 9,25 км (по прямій) від стародавнього Києва (Лядські ворота) та в 3,4 км від виходу р. Либідь до заплави Дніпра. Мис має стрімкі схили, які із західного та північного боків виходять до долини Китаївського струмка, зі сходу — до давньої заплави Дніпра.

Територію городища для зручності подачі його опису розбито нами на шість складових — майданчиків, які топографічно відокремлені один від одного і які, вірогідно, мали різне функціональне призначення та хронологічне походження (рис. 1, *I–VI*).

З північно-східного боку до городища прилягає майданчик I, зайнятий гаражами. Він був оточений валом, від якого збереглися 2 відрізки — північний (висота валу — 2,5 м із внутрішнього боку, ширина — до 8–9 м, довжина — близько 20 м) та південно-східний (рис. 1, *1*). Вважається, що з боку майданчика I був один із в'їздів на городище і, таким чином, той виконував функцію додаткового укріплення перед воротами. Можна припустити, що головна причина появи майданчика I — забезпечення городища водою, адже він знаходиться під горою фактично в заплаві устя Китаївського струмка.

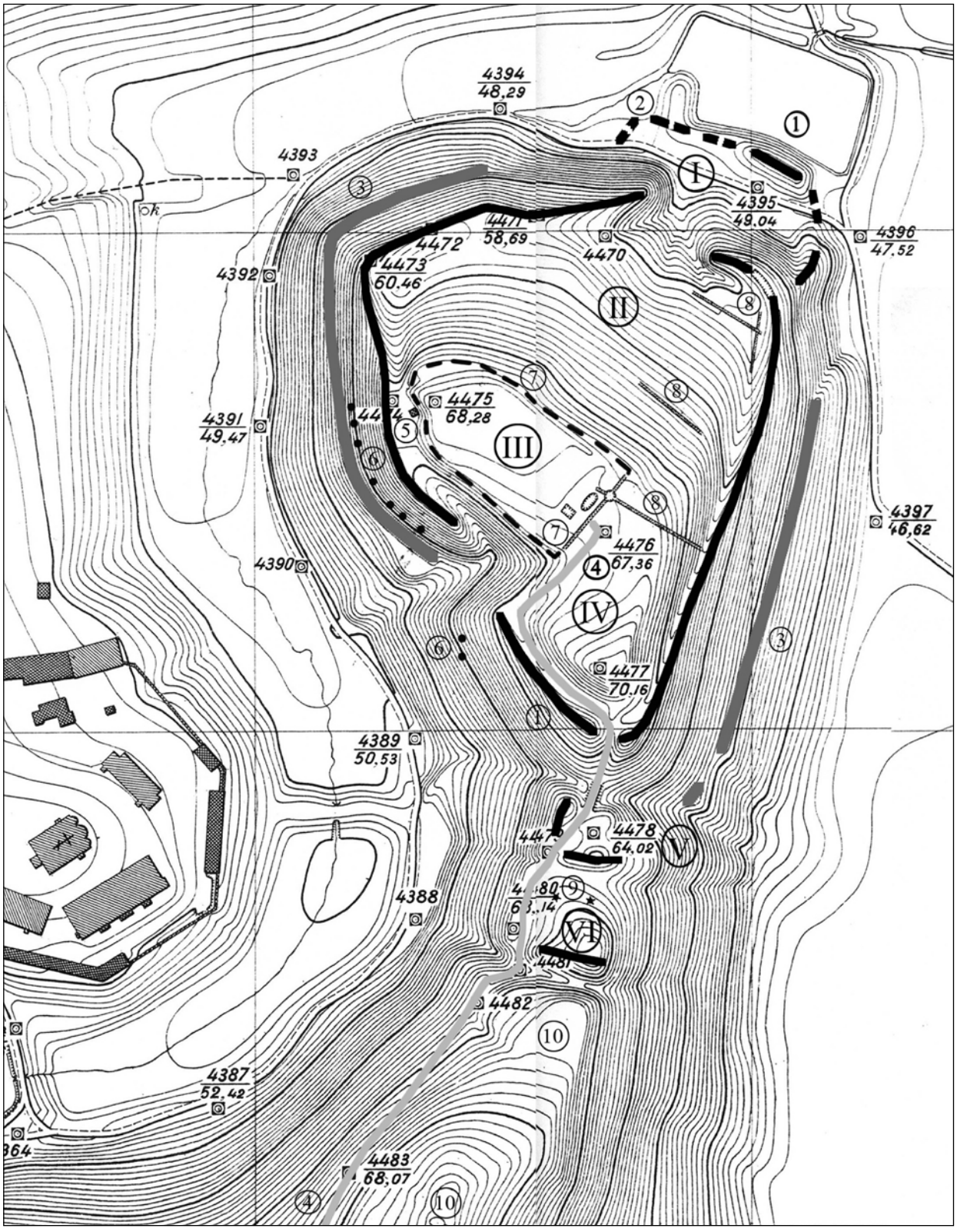


Рис. 1. План Китаївського городища, нанесений на топозйомку 1927 р:
I–VI — частини городища; *1* — лінія валу; *2* — реконструкція лінії валу; *3* — лінія ескарпу; *4* — давня дорога – в'їзд на городище; *5* — вхід до печерного лабіринту, що діє нині; *6* — сліди входів до печер; *7* — лінія пізньосередньовічного межового окопування; *8* — траншеї розкопок О. Ертеля; *9* — кургани всередині городища; *10* — курганний могильник 1

Інші частини пам'ятки розташовані на узгір'ї корінного берега. Майданчик II займає північну та північно-східну частину городища. При цьому західна частина майданчика досить рівна, як і східна, що прилягає до валу із внутрішнього боку, тоді як більша частина його площі — це схил (у північно-східному напрямку) найвищої частини гори. Вся східна частина майданчика II прорізана напівзасипаними пошуковими траншеями, що проходять паралельно до схилу, а нижня, четверта, траншея, майже перпендикулярно перетинається з іншою, що проходить уздовж валу (рис. 1, *8*). Враховуючи те, що частину цих траншей позначено на плані Києва 1927 р. і, отже, вони не мають відношення до війни, можна майже напевно припустити, що ці траншеї пов'язані з дореволюційними дослідженнями городища О. Д. Ертеля.

Майданчик III, який з часів О. Д. Ертеля носить назву «Дитинець», займає центральну (трохи зміщену в південно-західний бік) частину городища в найвищій частині гори, на висоті 40 м над долиною Китаївського струмка. Розміри майданчика — 80×40 м (рис. 1, *III*). Він плаский, трохи підвищується вздовж свого північно-східного боку і помітно, майже сходинкою, понижується у південній частині. Під північно-західною частиною майданчика розташований печерний лабіринт, який діє нині і вентиляційні труби якого виходять на поверхню (рис. 1, *5*).

У східній частині майданчика III його край перерізаний перпендикулярною траншеєю 6×1,5 м невідомого походження, що з'явилася не раніше кінця XX ст. При зачистці північно-західного борту цієї траншеї зафіксовано гумусований культурний шар товщиною понад 1,2 м, що містив кілька уламків стінок посудин давньоруського часу. У стратиграфії борту відсутні жодні ознаки (шаруватість, наявність світлих нашарувань) насипу вздовж північно-східного боку майданчика, що свідчить про відсутність слідів валу в цій частині городища.

Із південно-східного боку майданчик III обмежений невеликим (ширина — 2–2,5 м, глибина — до 1,5 м) рівчаком лінійної конфігурації, що виходить до довших сторін майданчика під прямим кутом. У рівчака є перемичка — в'їзд на майданчик, яка трохи зміщена в південно-західний бік від довгої осі останнього. На майданчику вздовж рівчака відсутні залишки насипу валу, не враховуючи кількох підвищень землі, пов'язаних із викидами ґрунту з траншеї (О. Д. Ертеля?) та з великого підпрямокутного заглиблення на самому майданчику.

Кінці рівчака виходять на ескарп-уступ, що простежується з трьох боків майданчика приблизно на 2 м нижче від останнього (рис. 1, 7). Крім того, в південно-західній частині над ескарпом по краю майданчика зберігся невеликий (висотою до 0,5–0,6 м, шириною 1–1,2 м) земляний бруствер. Ширина ескарпу — 1–2 м; тільки з північно-західного боку він розширюється до 4–5 м.

Вхід до печерного лабіринту верхнього ярусу, про який згадувалось вище, розташований у північно-західній частині «дитинця», на схилі майданчика III. У своїй верхній частині вхід перетинається з трасою описаного ескарпу, при цьому останній не доходить до виїмки на схилі, в якій розміщено вхід. З цього можна зробити висновок, що ескарп з'явився пізніше, ніж печерний комплекс, тобто, у XVIII чи XIX ст. Це спостереження, зв'язок ескарпу з рівчаком у південно-східній частині майданчика, відсутність валу з цього ж боку свідчать про помилковість ототожнення майданчика III з «дитинцем». Згадані елементи (рівчак, ескарп, бруствер) за своїми розмірами не мають нічого спільного із захисними спорудами Китаївського городища і можуть бути датовані Новим часом. Вони тотожні окопуванням меж земельних ділянок, які датуються XIX ст. і збереглися в різних частинах Китаєво-Голосіївської лісової дачі Києво-Печерського монастиря кінця XVIII–XIX ст. [Козюба, 2013].

Майданчик IV займає найвищу ділянку гори в південній частині городища. З південного боку він має природне підвищення висотою 5 м (загальна висота — до 45 м), за яким знаходиться головний в'їзд на городище. На підвищенні відсутні сліди валу, і тільки вздовж східного краю майданчика помітне підняття, яке, скоріш за все, має

природне походження. Майданчик IV, як і майданчик II, сильно зіпсований воронками від вибухів часів оборони Києва 1941 р.

У північно-східній частині майданчика IV по лінії північний захід–південний схід проходить траншея, подібна до розташованих на майданчику II. Один її край виходить до рівчака межового окопування, що розділяє майданчики III та IV, інший спускається по схилу природного підвищення до нижньої тераси, по якій проходить кільцевий вал городища. Довжина траншеї — до 40 м. Місце її розташування добре підтверджує припущення про зв'язок цієї траншеї з дореволюційними розкопками, причому саме О. Д. Ертеля, оскільки він вивчав Китаївський комплекс (городище, могильники, печери) кілька сезонів, і допомагали йому в цьому військові.

Китаївське городище обнесено кільцевим валом, який, крім головного в'їзду з південного боку, має розриви тільки в двох місцях — з північного сходу, де за розривом (другим в'їздом?) розташований майданчик I, та з північного заходу (тут у гору врізається балка, по якій зараз прокладено бетонні сходи до верхнього печерного комплексу). Вал проходить по краю гори, вдало використовуючи природний рельєф. Висота насипу із внутрішнього боку — від 0,5 до 2,5 м (біля головного в'їзду), біля північно-східного розриву — до 3–4 м. Оскільки сама гора має нахил у північний бік, то і рівень валу поступово понижується в цьому напрямку. Верх вала майданчика I, що прилягає до головного укріплення, у місці стику на 4 м нижчий від рівня основного кільцевого валу.

У 8–15 м нижче від рівня вершини кільцевого валу по схилах гори проходить ескарп на двох ділянках — у північно-західній та південно-східній частинах, і він не є суцільним (рис. 1, *3*). Ескарп плаский або має незначний нахил.

Північно-західний сегмент ескарпу починається біля згаданого вище ярка зі сходами до верхньої печери. На початку він має вигляд широкої (до 6–7 м) тераси, далі на північ ескарп звужується до 3–4 м, але в північно-західній частині гори знову розширюється до 5–6 м. Ескарп закінчується приблизно в 25 м від північно-східного розриву у валах.

Південно-східний відрізок ескарпу розпочинається в 40 м на південь від місця з'єднання валу майданчика I із кільцевим валом. Ескарп у цій частині абсолютно плаский та широкий (6–7 м). Він практично доходить до лінії в'їзду з південного боку, де має невеликий розрив, і далі закінчення, що виходить до балки — продовження рову перед в'їздом.

Дуже важливою є зазначена особливість переривання ескарпу в північно-східній частині городища. Гарна збереженість схилів гори виключає варіант пошкодження ескарпу через зсуви. Розрив було зроблено свідомо, щоб ескарп не підходив до валів майданчика I і не зменшував обороноздатність останнього. Таким чином, переривання ескарпу на схилах Китаївського городища об'єктивно підтверджує входження майданчика I до системи укріплень пам'ятки.

На південь від в'їзду, за ровом, розташований майданчик V. Він дуже маленький. Його корисна площа має довжину (схід-захід) 15 м і ширину 12 м. З південного і, слід звернути увагу, із західного боків майданчика зберігся насип валу висотою до 2,5 м (із внутрішнього боку) та шириною до 8 м. Глибина рову перед валом становить 3 м (у східній частині — 4 м), а ширина — до 10 м.

На південь від попереднього знаходиться майданчик VI, який є зовнішнім напільним укріпленням городища. Він має прямокутну форму 40 (захід-схід)×20 м, у його західній частині проходить дорога-в'їзд на городище. Зовнішній вал дуже потужний (висота із внутрішнього боку — понад 3 м). Його особливістю є те, що профіль валу зовсім не схожий на вали інших частин городища: його схили (особливо внутрішній) дуже круті, неприродно стрімкі. Не виключено, що подібний профіль зберігся завдяки внутривальній конструкції (кліті та сирцева кладка?).

Є ще дві надзвичайно цікаві особливості майданчика VI. Він, як і майданчик V, розташований у природній сідловині між більш високими ділянками гори — узгір'ям на південь від городища, зайнятим курганним могильником , та підвищенням на городищі (майданчик IV). Ця специфічна топографія призвела до того, що рівень напільної

частини гори перед ровом майданчика VI знаходиться приблизно на одному рівні з гребенем валу цього майданчика і, відповідно, внутрішня частина останнього на кілька метрів нижча за напільну.

Іншою особливістю є те, що на майданчику VI всередині городища добре помітні два курганні насипи. Курган 1 (висота 0,6 м, діаметр 5 м) розташований праворуч (на схід) від стежки, що веде до в'їзду на городище, впритул до зовнішнього краю рову майданчика V. Курган 2 знаходиться в західній частині майданчика, над дорогою-в'їздом. Його розміри: висота 0,5 м, діаметр — 5 м. Оскільки поверхня майданчика VI не досить рівна, не виключено, що тут є залишки і менших курганних насипів: ще 2 насипи позначено на плані могильника зі звіту І. І. Мовчана 1988 р.

Найбільш простим поясненням існування курганів у площі Китаївського городища є припущення про появу майданчика VI пізніше за інші складові частини городища. В такому випадку північний край могильника 1 доходив до зовнішнього рову тодішніх напільних укріплень городища (майданчик V), але пізніше було вирішено додати ще одну оборонну лінію (майданчик VI) для зміцнення захисту в'їзду на городище. Можливо, саме цим пояснюється і незвичний профіль валу майданчика VI. З'ясування цих питань (підтвердження курганних поховань на майданчику і вивчення конструкції його валу) має бути пріоритетним при плануванні в майбутньому стаціонарних досліджень пам'ятки.

В'їзд на городище. У монографії І. І. Мовчана, присвяченій давньокиївській околиці, в короткому описі Китаївського городища зазначено, що в'їзд до останнього розташовувався з північного боку, а з південного його не було [Мовчан 1993, с. 139]. Насправді ситуація зовсім інша. Про північний в'їзд, що з'єднував майданчики I та II городища, вже згадувалось вище. Головний (можливо, і єдиний) в'їзд на пам'ятку знаходився з південного боку. Чудово збереглися не тільки сам в'їзд, а й траса давньої дороги, що проходила з напільного боку до укріплень (рис. 1, *4*).

Ворота розташовувались на південь від майданчика IV, де знаходиться розрив у кільцевому валу городища. Перед ними через рів проходить земляна перемичка-переїзд шириною 2,5 м. Далі дорога-в'їзд повертала праворуч (на південний захід) і в південно-західній частині майданчика V проходила крізь лінію валу. Цей розрив, що ділить вал згаданого майданчика на 2 відрізки — південний і західний, існує досі. Пройшовши через рів майданчика, дорога знову повертала трохи праворуч і йшла вздовж схилу гори по західному краю майданчика VI. На цій ділянці дорога-в'їзд розташована дещо нижче рівня останнього майданчика городища. Оминувши край валу і рову зовнішнього напільного укріплення, дорога пішла далі на південь уздовж краю гори. Ширина дороги на цій напільній ділянці — 3 м; дорога-в'їзд добре читається в рельєфі, оскільки із східного боку над нею розташоване підвищення гори, зайняте курганним могильником 1. Загальна довжина давньої дороги-в'їзду, що простежується зараз, сягає 200 м.

Плани городища. Розглянемо відомі плани Китаївського городища. Серед них найбільш популярним, хрестоматійним є план 1914 р. усього комплексу (до якого, крім городища, увійшли і 2 курганні групи), створений під час досліджень О. Д. Ертеля [Военно-археологический, 1914]. Його, з певними редагуваннями, використали А. І. Кубишев [Кубишев, 1964, с. 44, табл. 1], П. П. Толочко [Толочко, 1971, с. 52; 1980, с. 128] (рис. 2), І .І. Мовчан [Мовчан, 1993, с. 138, рис. 46]. На початку 50-х років XX ст. П. О. Раппопорт зробив новий, судячи з суттєвих викривлень, окомірний план [Раппопорт, 1956, с. 48, рис. 20, в] (рис. 3, *2*). Схематичність цього плану відзначив М. П. Кучера, вказавши, що той «настільки неточний, що його важко ототожнити з городищем» [Кучера, 1973, с. 26; 1976, с. 197]. Дослідник під час обстеження цієї пам'ятки у 1973 р. зняв свій план, який серед інших найбільш наближений до реалій [Кучера, 1976, с. 182, рис. 5] (рис. 3, *3*). Нещодавно було опубліковано ще один варіант плану городища, авторство якого нам невідоме [Свято-Троицкий, 2004, с. 15] (рис. 3, *4*).

Одже, у травні 1914 р. з'явився «Военно-археологический план Китаевского городища и прилежащей к нему местности, с могильниками и пещерами» [Военно-

Рис. 2. План Китаївського городища та курганних могильників за топозйомкою 1914 р.

археологический, 1914]. Зйомку було здійснено підпоручиком 6 понтонного батальона В. Т. Чеботарьовим — вірогідно, саме цей інженерний підрозділ брав участь у розкопках О. Д. Ертеля. Редагував план капітан М. Ф. Наркевич, який із середини 1911 р. був головним редактором «Военно-исторического весника» — часопису київського відділення Імператорського російського військово-історичного товариства. Саме М. Ф. Наркевичу, ймовірно, належить, текст експлікації («краткий военно-археологический комментарий»), що супроводжує план 1914 р. В ньому подані цифрові й літерні позначення частин та елементів як Китаївського археологічного комплексу в цілому, так і городища зокрема.

Запропонований у цьому коментарі поділ городища на 3 частини — «Детинец», «Кром» і «Охабень» — не відповідає як конкретному плану пам'ятки, так і історико-фортифікаційним реаліям часів Давньої Русі. Більше того, на плані 1914 р. присутні елементи, яких на Китаївському городищі не було, тобто він фактично є планом-рекострукцією

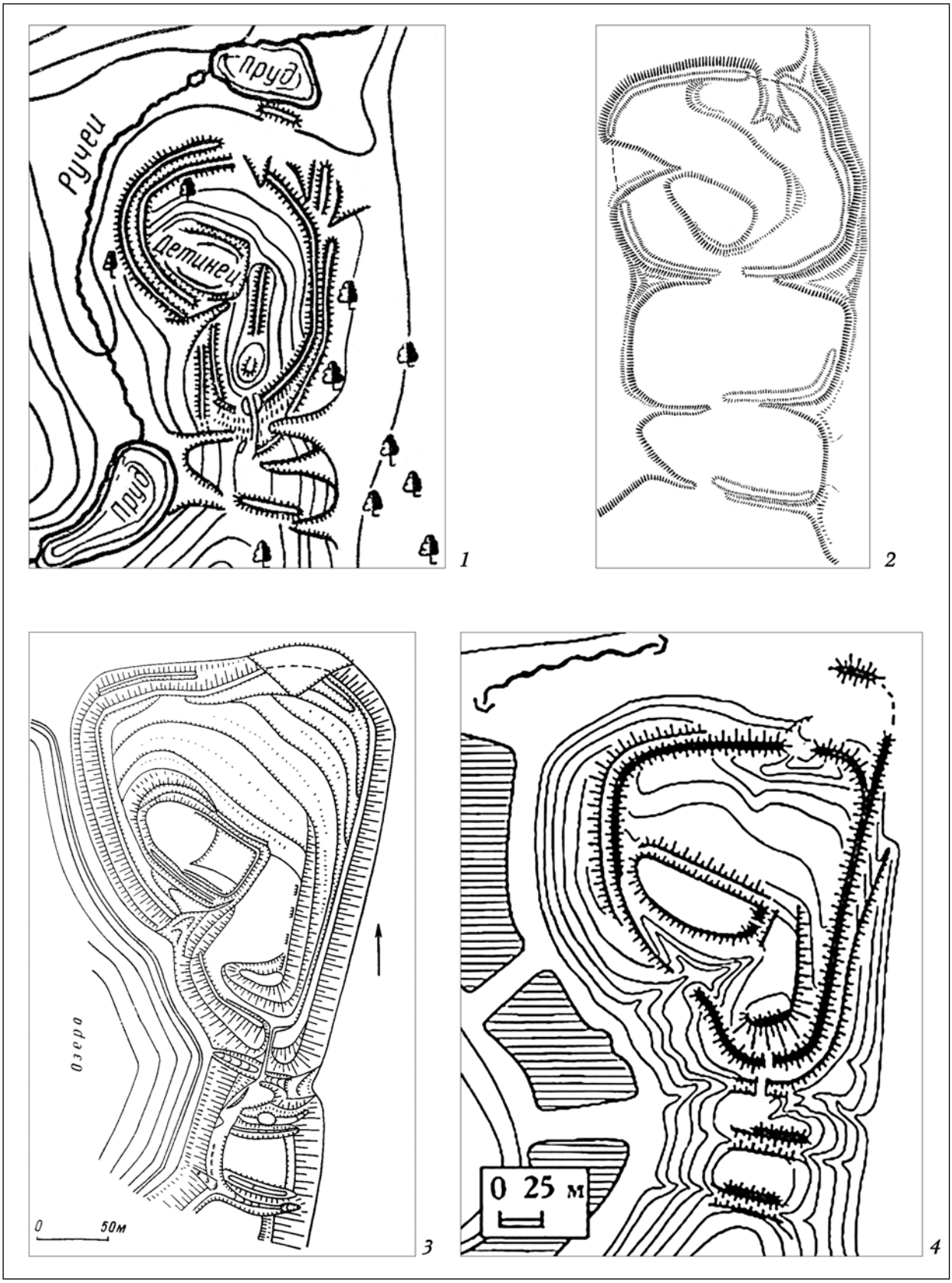


Рис. 3. Плани Китаївського городища різних років: *1* — В. Чеботарьова, М. Наркевича (1914); *2* — П. Раппопорта (1953); *3* — М. Кучери (1973); *4* — невідомого автора (2004)

(рис. 3, *1*). Зокрема, ескарп на схилах городища перетворився на третю, зовнішню лінію валів, яка нібито й утворює «охабень» (захаб) і яка тягнеться від нижнього майданчика I городища до його напільної частини, утворюючи укріплення майданчика V. Зазначимо також, що в подальших копіях плану 1914 р., використаних П. П. Толочком та І. І. Мовчаном, західна частина цієї лінії укріплень на майданчику V не була відтворена. Також у реальності відсутній відрізок ескарпу («валу охабня») на південно-західному схилі майданчика IV.

Сам «дитинець» (майданчик III) на плані 1914 р. захищений кільцевим валом. У коментарях зазначено, що в його східній частині помітні «следы усовершенствований XVII в.» — так у той час інтерпретували лінійний характер пізнього окопування майданчика III та в'їзд до останнього, прорізаний «в недавнее время».

Призначення північно-східного укріплення (майданчик I) — в інтерпретації М. Ф. Наркевича — як порту, навіть важко коментувати. З його західного боку, на думку укладача коментаря, розташовувався головній вхід «с водной пристанью». Далі узвіз проходив уздовж внутрішнього боку валу майданчика II («Кром») у північно-західній частині городища і підіймався до воріт, що знаходились у північно-західній частині «дитинця». Південні ворота городища було віднесено до пізнього часу, а гребля через рів перед ними названа «гатью», насипаною із землі, взятої з валу при прорізанні останнього.

Перерахування помилок, що їх містить план Китаївського городища 1914 р., здійснений нами з огляду на його (плану) велику популярність.

План М. П. Кучери, як уже зазначалося вище, є найбільш точним серед усіх планів, створених у XX ст. (рис. 3, *3*). Але й він має кілька неточностей. Серед них:

1) відсутність північно-східного укріплення (майданчик I). Очевидно, М. П. Кучера вважав його пізнім;

2) наявність часткового обвалування «дитинця» (майданчик II);

3) відсутність західного відрізку валу на майданчику V;

4) відсутність ліній ескарпу із західного та східного боків городища;

5) наявність ровоподібної виїмки із внутрішнього боку «валу» на південному закінченні майданчика IV.

Відсутність точного, інструментального плану городища породила різні описи його планової структури й розбіжності в оцінці кількості укріплених частин і площі пам'ятки. Щодо кількості складових Китаївського городища, то тут називалися дві цифри — 3 і 5 укріплених частин. Першої з них дотримувались П. О. Раппопорт і П. П. Толочко [Раппопорт, 1956, с. 49; Толочко, 1980, с. 139], другої — М. П. Кучера та І. І. Мовчан [Кучера, 1976, с. 181–182; Мовчан, 1993, с. 138]. М. П. Кучера до окремих укріплень зарахував майданчики III («дитинець») та IV, а також майданчики II, V, VI. Проміжну позицію зайняв А. В. Куза, який писав про три майданчики (вірогідно, II, V та VI), але згадував ще про два «небольших укрепления» (майданчики III, IV).

Як показано в наведеному нами описі Китаївського городища, воно складається з *чотирьох* укріплених частин: майданчика I (не зарахованого до укріплень М. П. Кучерою та І. І. Мовчаном), центральної (головної) частини, що включає майданчики II–IV без окремого «дитинця», та двох напільних частин (майданчики V, VI) з південного боку.

Дослідники по-різному оцінювали загальну площу городища — йшлося про 3 [Куза, 1996, с. 171], 4 [Древнерусские, 1984, с. 51] і навіть 8 га [Толочко, 1980, с. 139]. За нашими підрахунками, площа пам'ятки по лінії валів становить: частини I — 0,15 га, частини II — 2,45 га, частини III — 0,03 га, частини IV — 0,1 га, загальна площа — менше 2,75 га. Корисна площа городища, не зайнята укріпленнями та стрімкими схилами гори, за підрахунками М. П. Кучери, склала 2,25 га [Кучера, 1999, с. 145, 199], за нашими — до 1,5 га.

Давні укріплення. На південь і південний захід від Китаївського городища розташовані три курганні групи, біля яких збереглися залишки давніх укріплень (рис. 4). Вони зображені на плані 1914 р. та його копіях, використаних наступними дослідниками. Біля південного завершення курганної групи 1 показано вал, який сильно

потовщується у північно-західному напрямку (так невдало автори плану зобразили, за висловом його експлікації, «полный „расплыв"» у цій частині траси валу), та ділянку рову біля південно-східного завершення валу. На плані, що його подав А. І. Кубишев, цей рів також позначено [Кубишев, 1964, с. 44, табл. 1], на копіях плану 1914 р. в публікаціях П. П. Толочка та І. І. Мовчана — ні (рис. 2, *8*).

Сліди штучних укріплень у цьому місці, в 335 м від городища, збереглися і особливо помітні біля краю гори. Далі на північний захід, у напрямку до балки, вал і рів поступово, мірою падіння схилу, зникають і фіксуються протягом 50 м тільки за підйомом із зовнішнього боку. Висота валу сягає 1 м (із внутрішнього боку), ширина — до 6 м; ширина рову 4–5 м, глибина — до 0,6–0,7 м. На плані 1914 р. кургани підходять впритул до валу, що не відповідає дійсності, оскільки вони не доходять до цієї лінії укріплень на кілька десятків метрів. Така ж неточність цього плану стосується північного краю могильника — в реальності кургани підходять впритул до рову зовнішнього укріплення городища (що також є непрямим свідченням більш пізнього походження укріплень майданчика VI), тоді як на плані їх зображено майже за сотню метрів від нього (рис. 2).

У південно-західній частині могильника 2, на відстані 0,9 км від городища, також збереглися укріплення. На плані 1914 р. тут позначено невеликий відрізок валу. Уважний огляд цього об'єкту дозволив з'ясувати таке. Згадане укріплення складається з двох відрізків. Перший із них добре помітний і тому зафіксований на плані 1914 р. Вал починається на захід від найбільшого кургану могильника 2 і тягнеться на північний захід на кілька десятків метрів, де переривається стежкою. Висота валу — до 1 м (із внутрішнього боку), ширина — 5–6 м. Зовні, з південно-західного боку, помітний рів, який заплив, шириною 3–4 м та глибиною до 0,5 м. Продовження цих укріплень, менш виразне, проходить за стежкою ще далі у північно-західному напрямку. Довжина цього відрізку становить 50–70 м. Закінчення валу й рову виходить просто у верхів'я одного з відрогів балки, що впадає до долини Китаївського струмка. Вал на цій ділянці сильно осунувся і не перевищує 0,5 м у висоту; рів добре помітний і аналогічний першому відрізку, розташованому вище по схилу. Загальна довжина описаного укріплення в південно-західній частині могильника 2 становить близько 100 м (рис. 4, *1*).

Не виключено, що описана лінія укріплень мала продовження і в південно-східному напрямку, але була знівельована при спорудженні насипу найбільшого кургану могильника 2. Можна припустити, що обидві ліні оборонних споруд в районі курганних могильників належать до більш раннього, ранньозалізного (?) часу. На можливість спорудження Китаївського городища у скіфський час вказував М. П. Кучера, посилаючись на знахідки кераміки цього періоду на майданчику городища [Кучера, 1999, с. 145, 146].

Давні дороги. В районі могильника 2 розташовані ще два об'єкти штучного походження. Це рівчаки-заглиблення від доріг, які давно не функціонують. Дорога 1 проходила майже по центру могильника. Вона починалась від сучасного розгалуження між існуючою дорогою і двома стежками, навпроти могильника 3, йшла на північний схід повз найбільший курган, за яким по схилу повертала на північ. Ця ділянка дороги добре читається в сучасному рельєфі пласкою смугою. Далі по схилу, де укіс рельєфу помітно збільшився, дорога утворила рівчак, що йде чітко на північ і тільки при закінченні повертає праворуч (на північний схід). Довжина цього відрізку близько 130 м. Оскільки рівчак проходить під кутом до схилу, він не може бути природною промоїною. Ширина рівчака — 3–4 м, його глибина поступово збільшується по схилу і сягає 1,8 м у районі повороту дороги на північний схід. Важливо відзначити, що рівчак не перерізає жодного з насипів курганів, з чого можна зробити висновок про його існування в час функціонування могильника або навіть ще до того.

Подальше проходження давньої дороги 1 вгадується за рельєфом: після виходу з рівчака-узвозу вона йшла на північний схід і, огинаючи із західного боку балку-яр (по якій зараз проходить дорога), по західному схилу останнього (де зберігся відрізок подібного рівчака-узвозу) спускалась до долини Китаївського струмка в районі вер-

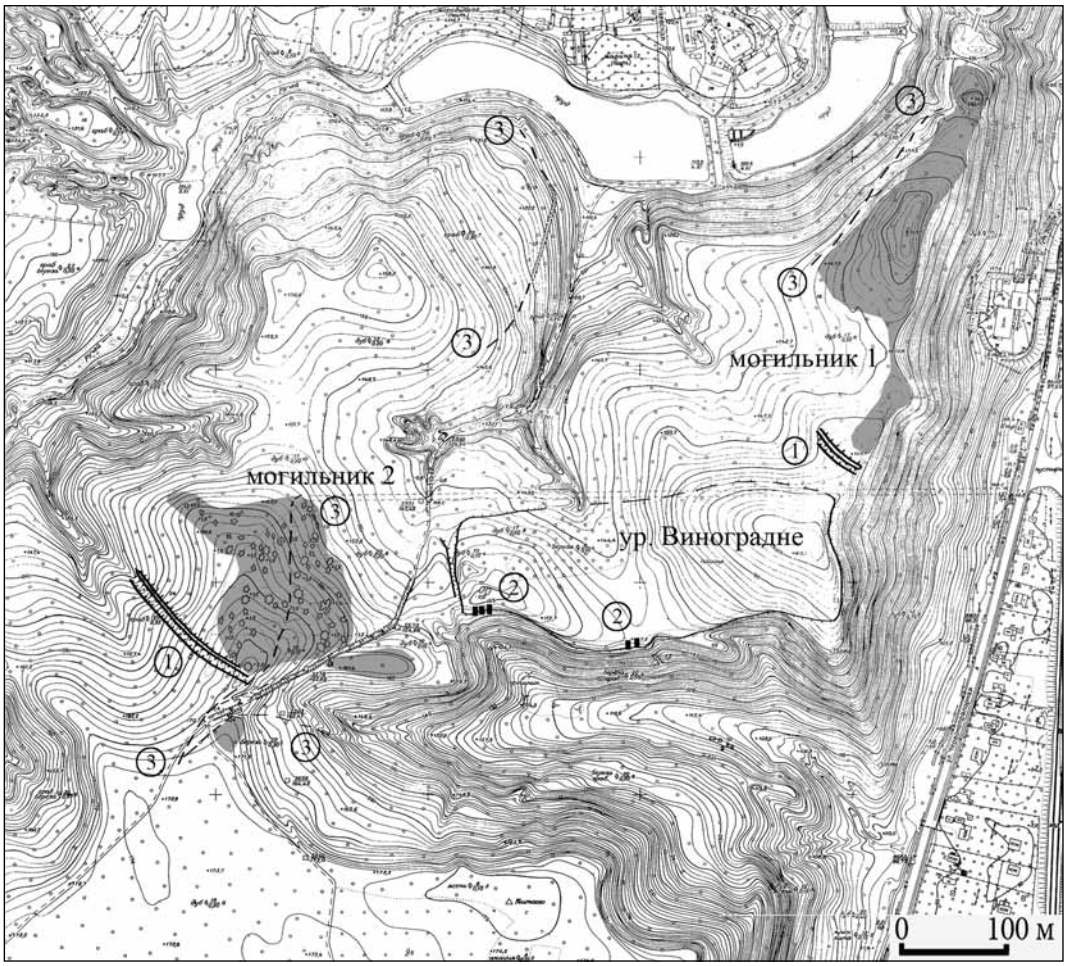


Рис. 4. Археологічні об'єкти на південь і південний захід від Китаївського городища:
1 — сліди давніх укріплень; *2* — входи до печер XVIII ст.; *3* — сліди давніх доріг

хньої (західної) частини ставка 2. Таким чином, дорога 1 з'єднувала Китаївське давньоруське поселення з синхронним йому могильником 2, а її продовження виходило на плато у бік сучасного Пирогова (рис. 4, *3*).

Слід відзначити, що саме заглиблену частину дороги 1 в районі могильника 2 позначено на плані 1914 р. як укріплення, що обмежувало курганний могильник із північно-східного боку (рис. 2, *10*). Насправді, як уже було зазначено, її траса розділяє могильник практично навпіл, що також підтверджує неточність плану 1914 р. Третього відрізку укріплення, зображеного на плані 1914 р. із північно-західного краю могильника, не існує. На плані А. І. Кубишева ці міфічні лінії укріплень прибрано, на планах П. П. Толочка та І. І. Мовчана їх відтворено за планом 1914 р.

Біля південного закінчення могильника 2 є заглиблення-рівчак іншої дороги. Дорога 2 розпочиналася біля того ж роздоріжжя в 50 м на південний захід від найбільшого кургану могильника 2 і, огинаючи групу курганів (могильник 3) з північного заходу та півночі, виходила на схил верхів'я глибокої долини. Довжина рівчака — 20–25 м, ширина — до 4–5 м. Далі на схід дорога спускалась по схилу долини (сліди траси дороги помітні й зараз) до її дна і йшла по ній до заплави Дніпра.

Таким чином, можна констатувати, що навколо Китаївського городища збереглися елементи, які входять до Китаївського археологічного комплексу (поселення, 3 курганні могильники, давні дороги), що існували за давньоруської доби і органічно поєднані між собою. Їх паралельне вивчення може відкрити шлях до науково обґрунтованої реконструкції формування структури і функціонування як самого городища, так і всього комплексу.

Военно-археологический план Китаевского городища и прилежащей к нему местности, с могильниками и пещерами. Киев. Отдел Императорского Русского Военно-Исторического Общества / [съемка В. Т. Чеботарева, ред. Н. Ф. Наркевич]. — К., 1914 // НБУВ, відділ картографії, № 1170.

Кубишев А. І. Стародавній Китаїв / А. І. Кубишев // Археологія. — 1964. — Т. XVII. — С. 43–55.

Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (Археологическая карта) / М. П. Кучера, О. В. Сухобоков, С. А. Беляева и др. — К., 1984. — 196 с.

Козюба В. К. Межові кордони та історико-географічна характеристика Китаєво-Голосіївської лісової дачі кінця XVIII — початку XX ст. / В. К. Козюба, А. О. Ізотов // Церква — наука — суспільство: питання взаємодії. Матеріали XI Міжнародної наукової конференції 29–31 травня 2013 р. — К., 2013. — С. 20–24.

Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. (свод археологических памятников) / А. В. Куза. — М., 1996. — 256 с.

Кучера М. П. Давньоруські городища на Правобережжі Київщини / М. П. Кучера // Дослідження з слов'яно-руської археології. — К., 1976. — С. 176–197.

Кучера М. П. Звіт про роботу розвідзагону по обстеженню городищ Київщини у 1973 р. / М. П. Кучера // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1973/18а, щоденник.

Кучера М. П. Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем / М. П. Кучера. — К., 1999. — 252 с.

Мовчан І. І. Давньокиївська околиця / І. І. Мовчан. — К., 1993. — 171 с.

Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. / П. А. Раппопорт // МИА. — 1956. — № 52. — 184 с.

Свято-Троицкий Китаевский монастырь. Взгляд через века / [авт.-сост. О. А. Крайняя]. — К., 2004. — 164 с.

Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков / П. П. Толочко. — К., 1980. — 224 с.

Толочко П. П. Тайны киевских подземелий / П. П. Толочко. — К., 1971. — 84 с.

В. К. Козюба

Китаївське городище в Києві: до питання планової структури

У статті розглянуто планову структуру Китаївського городища X–XIII ст., розташованого біля Києва. Проаналізовано плани городища XX ст., різні погляди дослідників щодо площі пам'ятки і кількості її укріплених частин.

На основі нових досліджень створено уточнений план Китаївського городища, з'ясовано площу і кількість його укріплених частин.

V. K. Kozyuba

Kitaevske fortification in Kiev: to the issue of structure

The article considers planning of the Kitaevo hillfort of the Xth–XIIIth century located near Kyiv. The paper analyses hillfort plans of the XXth century, different views of researchers regarding the area of settlement and the number of its fortified parts.

On the basis of new research author proposes revised plan of the Kitaevo hillfort, new area measurement and analisys of fortification structure.

R. Liwoch

Importy staroruskie w Polsce przykłady ze zbiorów dawnych Muzeum Archeologicznego w Krakowie

W artykule omówione są przechowywane w zbiorach dawnych Muzeum Archeologicznego w Krakowie wczesnośredniowieczne importy z Rusi do Polski: przęśliki łupkowe (XI — 1. połowa XIII w.), fragmenty szklanych bransolet (1. połowa XIII w.) oraz miniaturowy toporek brązowy (XI w.).

Słowa kluczowe: Polska, Ruś, wczesne średniowiecze, importy, przęśliki łupkowe, bransolety szklane, miniaturowy toporek brązowy.

Na przełomie I i II tysiąclecia n.e. zarysował się w Europie nowy — trwający po dzień dzisiejszy — odcinek granicy cywilizacyjnej. Oddzielił Polskę, która przyjęła chrzest w obrządku łacińskim i uznała zwierzchność religijną Rzymu, od Rusi ochrzczonej przez Bizancjum [Liwoch, 2012, s. 611–612]. Ten religijny podział nie przeszkadzał w wielorakich kontaktach — politycznych, wojskowych i handlowych — między monarchiami Piastów i Rurykowiczów. Ich ślad jest czytelny nie tylko w ruskich latopisach i polskich łacińskojęzycznych kronikach, ale też w materiale archeologicznym. Przykłady *rutheniców*, które trafiły na zachód są liczne, a coraz to nowe znaleziska przynoszą prowadzone obecnie badania. Najwyższy czas zatem, aby przedstawić wyimek z owego materiału archeologicznego — niewielką grupę zabytków ruskiej proweniencji: łupkowe przęśliki, fragmenty szklanych bransolet oraz miniaturowy toporek z brązu, które odkryto wiele lat temu na ziemiach we wczesnym średniowieczu polskich, a które przechowywane są w Składnicy Archeologicznej Zbiorów Dawnych Muzeum Archeologicznego w Krakowie (dalej MAK).

Przęśliki z łupku owruckiego[1] — niemal symbol archeologiczny kultury staroruskiej — są zapewne najliczniejszą grupą zabytków ruskich poza granicami państwa Rurykowiczów. Wytwarzano je głównie w okolicy latopisowego grodu Owrucz[2]. Do niedawna przyjmowano[3] za B. A. Rybakovem [Рыбаков, 1948, с. 194–196], że te proste narzędzia przędzalnicze produkowano od końca w. X do połowy w. XIII — czasu najazdu mongolskiego. Obecnie uważa się [Томашевський, Павленко, Петраускас, 2003, с. 134; Петраускас, 2006, с. 82], iż początek wytwórczości tego rodzaju przęślików nastąpił przed połową X w., o czym świadczy ich obecność w zwartych zespołach Korostenia, a także na kilku innych stanowiskach z materiałem IX–X w., schyłek zaś przypadł na koniec XIII–XIV w. S. Ters´kij [Терський, 2001, с. 142, 145, рис. 10: *1, 2*] określa czas używania takich przedmiotów w miastach położonego przy polskiej granicy Wołynia na koniec X-XIV w. Dodać można, że R.L. Rozenfeldt [Розенфельдт, 1964, с. 222–224] i G. Goncharova [Гончарова, 1996] sugerują różnicę w

1. Nb. E. Rulikowski [Rulikowski, 1881, s. 49–50] podaje, że XIX-wieczny lud ruski (ukraiński) z niektórych okolic (pow. wasylkowski i owrucki) wykorzystywał je – zgoła niezgodnie z zamysłem ich wczesnośredniowiecznych wytwórców — jako amulety oraz jako – najpewniej dający tylko efekt placebo — lek.

2. Obecnie miasto w obw. żytomierskim, przy granicy z Białorusią. Autor z przyjemnością wspomina pobyt w Owruczu i krótką przechadzkę z ukraińskimi Kolegami po polach jednej z podowruckich wsi, w czasie której zauważył kilka przęślików i odpadów z ich produkcji.

3. M.Û. Brajčevs´kij [Брайчевський, 1950] mniemał, że przęśliki z łupku owruckiego produkowano już w VII–VIII w., jednakże do poglądu tego w literaturze podchodzi się sceptycznie [Томашевський, Павленко, Петраускас, 2003, с. 134].

chronologii łupkowych przęślików w zależności od wielkości okazu i średnicy jego otworu (od najstarszych — sporych i z dużym otworem, po najmłodsze — niewielkie, z małą średnicą otworu), ale propozycja ta wymaga weryfikacji. Chronologia przęślików z łupku owruckiego na obszarze dawnej Polski zapewne nie jest tak szeroka, jak na ich macierzystym obszarze. Przypuszczać można, że wyroby te napływały od w. XI[4], wtedy bowiem ich produkcja przybrała skalę masową [Петраускас, 2006, с. 82], do pierwszej połowy w. XIII, ponieważ najazd mongolski w 1240 r. przyczynił się do osłabienia południowoworuskiego rzemiosła i handlu. W artykule o wyrobach z łupku owruckiego w Europie Środkowej i Północnej [Michalik, Pavlenko, Paszkowski, Tomaševs´kij, Wołoszyn, 2003, s. 57] szacuje się liczbę przęślików z łupku owruckiego w Polsce — zdaje się z uwzględnieniem ziem niegdyś ruskich — na 800–1000, jednak przypuszczać można, że jest ich znacznie więcej.

W zbiorach dawnych MAK-u znajduje się dziesięć (nry kat.: 1–4, 6, 7, 9, 10, 12, 13) przęślików z łupku owruckiego znalezionych na obszarze wczesnośredniowiecznej Polski. Są to okazy zróżnicowane pod względem wielkości i formy oraz chronologii. Przęśliki te mogły być drobnymi przedmiotami zbytku dawnych Polek lub osobistymi drobiazgami Rusinek przybyłych do Polski za mężem lub w otoczeniu Rurykowiczówien wydawanych za polskich książąt.

Szklane bransolety są dla kultury staroruskiej prawie tak emblematyczne jak łupkowe przęśliki. Do niedawna przyjmowano, że datowanie tych ozdób kobiecych — przynajmniej w wypadku wyrobów z pracowni kijowskich względnie południoworuskich — można zawęzić do okresu od ok. połowy XII w. po niszczący najazd mongolski 1240/1241 r., z możliwością nielicznego ich występowania nieco wcześniej i przeżytkowego później[5] [Щапова, 1997, с. 87–89]. Obecnie sprawa nie jest tak pewna, ponieważ S. Ters´kij [Терський, 2001, с. 146] pisze o produkcji ozdób także po 1241 r., czego dowodem ma być ich obecność w warstwach kulturowych i obiektach z 2. połowy XIII–XIV w. w Peresopnicy, Włodzimierzu Wołyńskim i Łucku. Zdecydowana większość bransolet ruskiej produkcji ma chronologię XIII-wieczną — w Nowogrodzie głównie z lat 20. –70. tego stulecia (warstwy 13–15), przy czym najczęściej używano ich w latach 20. i 30. (warstwa 15) [Полубояринова, 1963, с. 170–171]. Zasadne jest przypuszczenie, że znaleziska południoworuskie pochodzą przeważnie — a prawdopodobnie niemal wszystkie — z dwudziestolecia przed najazdem mongolskim w 1240 r. Liczba ułamków ruskich bransolet ze szkła na obszarze wczesnośredniowiecznej Polski jest prawdopodobnie znacznie mniejsza, niż liczba przęślików z łupku owruckiego.

W kolekcji MAK-u znajdują się trzy (nry kat.: 5, 8, 14) fragmenty szklanych bransolet przywiezionych we wczesnym średniowieczu z Rusi do Polski, przy czym jedna może być wyrobem bizantyjskim. Dwa ułamki tych dość egzotycznych ozdób znaleziono w podkrakowskich jaskiniach, co nasuwa przypuszczenie, iż ich właścicielki szukały tam schronienia (może przed najazdem mongolskim 1241 r.?). Trzeci odkryto niedaleko ruskiej granicy, świadczyć więc może o lokalnych kontaktach ponadgranicznych.

Miniaturowe toporki z brązu[6] — nieliczne i nader interesujące wytwory metaloplastyki staroruskiej — były w ostatnich latach przedmiotem licznych publikacji [m.in.: Panasiewicz, Wołoszyn, 2002; Kucypera, Pranke, Wadyl, 2011; tam lit.]. Ich monografiści podsumowali swe rozważania następująco: *…zabytki wymagają raczej ponownego rozpatrzenia możliwości ich interpretacji przy równoczesnym zaznaczeniu, że żadna z dotychczas proponowanych koncepcji nie „posiada" argumentów na tyle twardych, aby uznać je za rozstrzygające w dyskusji nad objaśnianiem funkcji miniaturowych toporków we wczesnym średniowieczu. Wydaje się, że najsłuszniejszym rozwiąza-*

4. Wydaje się, że podawane niekiedy w publikacjach datowanie łupkowych przęślików z polskich stanowisk na w. X jest zbyt wczesne. Być może pierwsze przywieziono w związku z wyprawami Bolesława Chrobrego na Ruś.

5. Nie było wątpliwości, że w grodach z lokalną wytwórczością szklarską, których nie zniszczyli Mongołowie — np. połocku i Nowogrodzie – bransolet szklanych używano jeszcze w XIV w. [Щапова, 1972, с. 193].

6. Toporki takie mogły być zawieszane na szyi lub umocowywane przy pasie, odnotowano bowiem okazy z pozostałościami toporzyska, raczej nienadające się do zawieszania na szyi, w grobach zaś znajdowano je zwykle przy boku zmarłego na wysokości bioder lub ud [Kucypera, Pranke, Wadyl, 2011, s. 36–37].

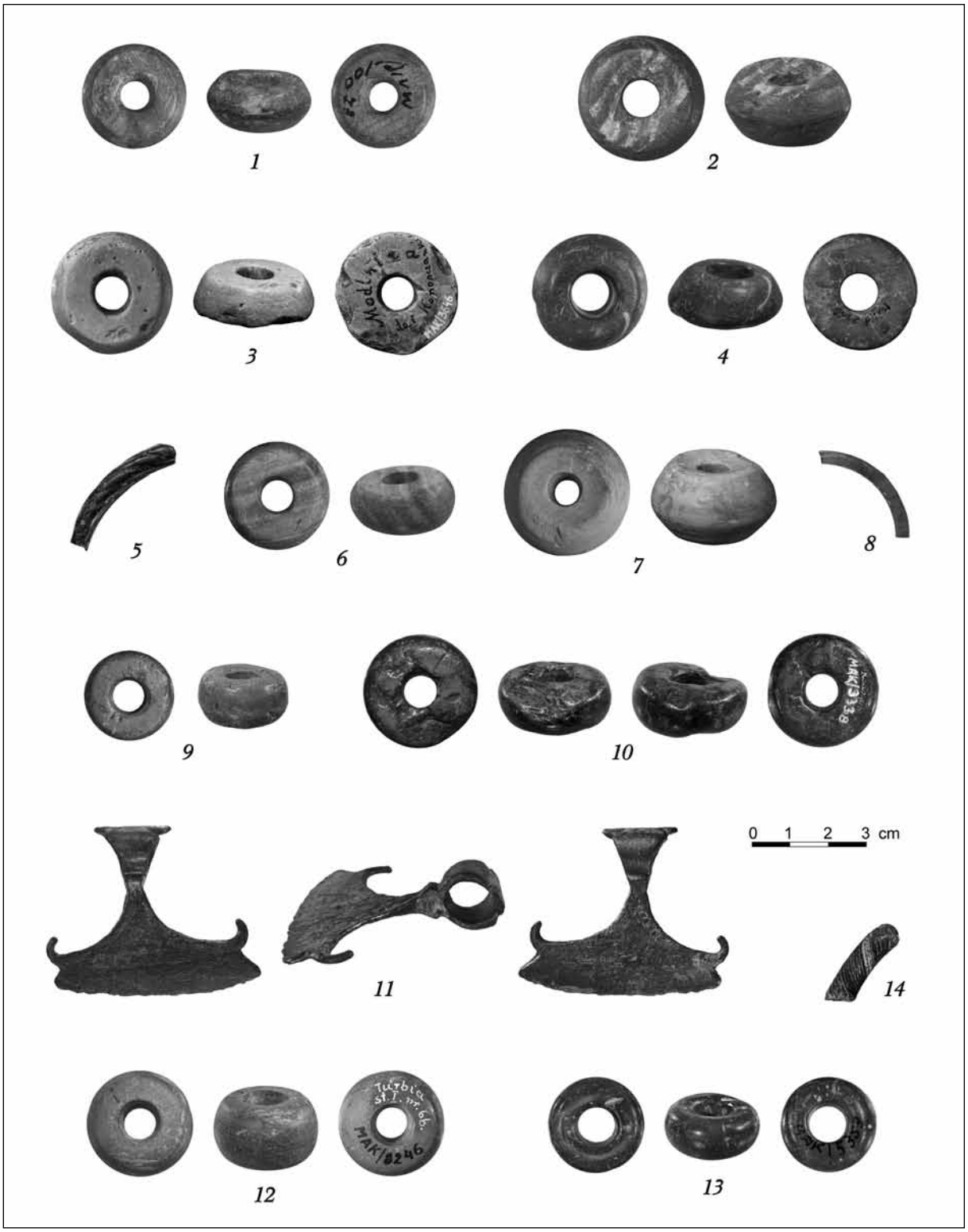
niem będzie zasugerowanie zmiennej atrybucji toporków miniaturowych [Kucypera, Pranke, Wadyl, 2011, s. 54]. Zdaniem autora nie ma takiej potrzeby, natomiast konieczne jest uściślenie chronologii tych zabytków. Najprawdopodobniej obie ich klasyczne formy — typy I i II wg N. A. Makarova — były swego rodzaju wczesnośredniowiecznym epizodem, niewiarygodne jest bowiem przypuszczenie, by te stosunkowo nieliczne i niemające funkcji utylitarnej przedmioty wytwarzano aż przez ponad dwa stulecia — od końca X do XIII w. Wydaje się, że miniaturowe toporki były w użyciu ok. połowy i w 2. połowie XI w., może jeszcze przez część w. XII[7]. Warto zacytować zdanie N. A. Makarova [Макаров, 1992, с. 52]: «По-видимому, миниатюрные топорики принадлежат к тому кругу вещей — бытовых предметов, украшений и культових символов, которые появились как инновации на волне мощного обновления материальной культуры восточных славян в XI в.». Tak określona chronologia pozwala odrzucić rozpowszechnioną przez V. P. Darkeviča [Даркевич, 1961] interpretację miniaturowych toporów jako symboli gromowładnego Peruna. Zauważyć trzeba, że pomysł, by epigoni pogańskich wierzeń ostentacyjnie — tworząc niefunkcjonujące wcześniej w życiu codziennym symbole dawnych bogów — manifestowali swój światopogląd religijny w chrześcijańskim państwie, jest niedorzeczny. Inaczej może być tylko na nieschrystianizowanych w XI w. ziemiach bałtyjskich. Dokładniejsza chronologia uwiarygodnia objaśnianie miniaturowych toporków jako dewocjonaliów — chrześcijańskich amuletów związanych z kultem norweskiego *konunga* św. Olafa[8], którego jednym z atrybutów jest topór, a który rozwinął się po elewacji relikwii w 1031 r. i ich depozycji w Trondheim (Nidaros). W uzasadnieniu odwołać się można do opinii znawców symboliki hagiograficznej: *Toporowi lub siekierze używanym przez Olafa przypisywano cudowną moc. Między innymi używano ich do leczenia chorób i ran. Pocierano nimi dziewięciokrotnie chore części ciała a następnie zwracano je Olafowi, aby odzyskiwały swą moc* [Marecki, Rotter, 2009, s. 473]. *Nb.* w najmniejszym stopniu nie kłóci się z taką interpretacją łączenie miniaturowych toporów typu II z symboliką łodzi, co zasugerował w oparciu o znalezisko z Kałdusa W. Chudziak [Chudziak, 2004, s. 193], łódź bowiem również należy do atrybutów św. Olafa [Marecki, Rotter, 2009, s. 472]. Postać wojowniczego władcy chrystianizatora — znanego w Skandynawii i na Rusi za życia, a po śmierci czczonego jako męczennik [Panasiewicz, Wołoszyn, 2002, s. 262; Kucypera, Pranke, Wadyl, 2011, s. 48–49; Gąssowska, 2012] — doskonale nadawała się na patrona drużynników książęcych i ich synów, miniaturowe toporki zaś na jej symbol, może nawet wyróżnik wojów wareskiego pochodzenia [Макаров, 1992, с. 51; Wołoszyn, 2006, s. 598–602]. Zauważyć trzeba, że rolę w propagowaniu kultu Olafa odegrać mógł jego przyrodni brat Harald III Srogi Sigurdsson, zięć Jarosława Mądrego i król Norwegii, który przez długi czas był najemnikiem na Rusi i w Bizancjum.

Miniaturowy toporek brązowy przechowywany w MAK-u (nr kat. 11) jest przedmiotem z grupy dewocjonaliów chrześcijańskich — świadectwem wyznawania nowej wówczas nad Dnieprem i Wisłą religii, zwłaszcza czci żywionej dla św. Olafa. Należał prawdopodobnie do przedstawiciela jednego z pierwszych pokoleń zdeklarowanych chrześcijan, może osiadłego w państwie piastowskim Skandynawa lub Słowianina z Rusi. Jego właściciel był też nosicielem fenomenu określanego mianem «kultury drużynnej» w schyłkowej fazie, już po dwu zasadniczych etapach (I etap — IX/X — 2. połowa X w., II etap — koniec X — 1. połowa XI w.) wyodrębnionych przez A. A. Fetisova [Фетисов, 2012, с. 409–411]. Zjawisko to w różnym nasileniu wystąpiło w wielu krajach Europy, także w Polsce, ale szczególnie ważne było dla Rusi, gdzie jest doskonale obserwowalne archeologicznie.

---

7. Podstawą do takiego przypuszczenia jest zestawienie stosunkowo dobrze datowanych obiektów sporządzone przez P. Kucyperę, P. Prankego i S. Wadyla [Kucyperк, Prankego, Wadyla, 2011, s. 55–63]: dla typu I grób z Dziekanowic (2. połowa XI —1. połowa XII w.), dwa groby z miejscowości Nikol´skoe (3. ćwierć XI w., połowa XI w.) oraz grób z Sarkela — Białej Wieży (XI w.), dla typu II zaś dwa kolejne groby z Nikol´skiego (połowa XI w., 2. połowa XI w.) i grób z Kolčina (2. połowa XI — początek XII w.). Wiele miniaturowych toporów obu typów pochodzi z XI-wiecznych warstw kulturowych na osadach (Sigtuna, Hjelmsølille, Nowogród, Suzdal).

8. Olaf II Haraldsson, 995–1030, król Norwegii w latach 1016–1028, zginął 29 lipca 1030 r. w bitwie z wojskami Kanuta Wielkiego (Duńczycy i norweska opozycja antyolafowska) pod Stiklestad.



Tabl. 1. Wczesnośredniowieczne importy z Rusi do Polski w zbiorach dawnych Muzeum Archeologicznego w Krakowie wg miejsc znalezienia: *1, 2* — Kraków; *3* — Modlnica; *4, 5* — Ojców; *6, 7* — Podegrodzie; *8* — Przędzel; *9, 10* — miejscowość nieznana w Radomskiem; *11* — Siemienice; *12* — Turbia; *13, 14* — Wierzchowie (fot. A. Susuł)

Niniejsze przedstawienie zabytków staroruskich odkrytych w środowisku kultury wczesnopolskiej jest kolejnym przyczynkiem potwierdzającym ich stosunkowo obfity — co odnotowano już we wstępie — napływ do Polski. Wydaje się, iż istniała znaczna dysproporcja w wymianie, autorowi bowiem nie są znane wyroby niewątpliwie polskie, które eksportowano na Ruś[9]. Zauważyć można, że obecność importów ruskich w Polsce nie jest wyjątkowa, ponieważ znajdowane są one także na ziemiach plemion bałtyjskich i fińskich, w Szwecji, Czechach, na Węgrzech i w innych krajach.

KATALOG ZABYTKÓW[10]

1. KRAKÓW, woj. małopolskie
- nr inw. MAK/10073
- Rynek Główny; osada wczesnośredniowieczna; badania wykopaliskowe G. Leńczyka w latach 1943–1944
- **przęślik** toczony z łupku owruckiego; dwustożkowaty (nieco ukośny w przekroju) — bok o załomie zaoblonym, podstawy płaskie z kanciastym przejściem w bok, niestarannie wykonane wyloty otworu, barwa wiśniowa (poszarzała przez zniszczenie powierzchni), widoczne pionowe uwarstwienie (pasy w dwu odcieniach); dobrze zachowany; wymiary: wysokość — 11 (6+5) mm, średnica — 26 mm, średnica otworu — 7 mm, średnica podstaw — 21 mm, kąt nachylenia boku — ok. 54º i 56º, waga — 11,1 g
- XI — 1. połowa XIII w. (może 1. połowa XIII w.?)
- tabl. I.1

2. KRAKÓW-PODGÓRZE, woj. małopolskie
- nr inw. MAK/7287
- ul. Stawarza (dawna ul. Widok 12); osada wczesnośredniowieczna (materiał z warstwy: ułamki naczyń glinianych XI–XIII w., prawdopodobnie z XII — 1. połowy XIII w.); badania wykopaliskowe J. Bartysa 25 VI 1935 r.
- **przęślik** toczony z łupku owruckiego; dwustożkowaty — bok o ostrym załomie, podstawy lekko wklęsłe, barwa ciemnoróżowa (zmatowiała), na części widoczne ukośne uwarstwienie (jasno- i ciemnoróżowe pasy); bardzo dobrze zachowany (niewielkie uszkodzenia powierzchniowe); wymiary: wysokość — 10 (5+5) mm, średnica — 21 mm, średnica otworu — 5 mm, średnica podstaw — 16 mm, kąty nachylenia boku — ok. 60º i 58º, waga — 6,4 g
- XII — 1. połowa XIII w. (może 1. połowa XIII w.?)
- tabl. I.2

3. MODLNICA, gm. Wielka Wieś, pow. krakowski, woj. małopolskie
- nr inw. MAK/3646
- znalezisko przypadkowe; dar Konopczanki
- **przęślik** toczony z łupku owruckiego; w przekroju bliski ściętej półkuli — bok lekko łukowaty, barwa jasnoróżowa; stan zachowania dobry(?) — zapewne egzemplarz wybrakowany lub uszkodzony o częściowo wygładzonej większej podstawie (drobne uszkodzenia powierzchniowe, na większej podstawie znaczne ubytki); wymiary: wysokość — 10 mm, średnica — 30 mm, średnica otworu — 8 mm, średnice podstaw — 30 i 23 mm, waga — 14,0 g
- XI — 1. połowa XIII w. (może XI–XII w.)
- tabl. I.3

9. Być może polskiej proweniencji są charakterystyczne dla zachodu Słowiańszczyzny esowate kabłączki skroniowe, które spotyka się licznie w XI–XII w. na południowo-zachodniej Rusi, jednak mogą być również produkcji miejscowej.

10. Kwestionariusz noty katalogowej zabytku: nr porządkowy, dane administracyjne miejscowości, nr inwentarzowy, okoliczności odkrycia (kontekst archeologiczny, znalazca, czas znalezienia), nazwa i opis, chronologia, nr ilustracji, uwagi.

4. OJCÓW, gm. Skała, pow. krakowski, woj. małopolskie
- nr inw. MAK/2516
- Jaskinia Ciemna — Oborzysko Wielkie; stanowisko jaskiniowe — zapewne schronisko; badania wykopaliskowe S. J. Czarnowskiego w latach 1901–1912
- **przęślik** toczony z łupku owruckiego; stożkowaty (nieco ukośny w przekroju), podstawy płaskie, przejście podstaw w bok zaoblone, barwa bladowiśniowa (dwa odbarwienia), widoczne uwarstwienie (skośne pasy); dobrze zachowany (drobne ubytki powierzchniowe, nierówna, niestarannie obrobiona powierzchnia większej podstawy — może egzemplarz wybrakowany?); wymiary: wysokość — 12 mm, średnica — 30 mm, średnica otworu — 9 mm, średnice podstaw — 21 i 30 mm, kąt nachylenia boku — 53º, waga — 13,9 g
- XI — 1. połowa XIII w.
- tabl. I.4

5. OJCÓW, gm. Skała, pow. krakowski, woj. małopolskie
- nr inw. MAK/6735
- Jaskinia Łokietka; stanowisko jaskiniowe — zapewne schronisko (z powierzchni osadu, stamtąd także ułamki naczyń wczesnośredniowiecznych i z okresu wpływów rzymskich); dar K. Kowalskiego
- **bransoleta** ciągniona ze szkła; w przekroju niemal kolista, lekko skręcona wokół własnej osi, barwa czarna*, nieprzejrzysta; zachowany w dobrym stanie fragment; wymiary: długość fragmentu — 35 mm, średnica pręta — 6–7 mm, waga — 3,1 g
- prawdopodobnie 1. połowa XIII w.
- tabl. I.5
- *nietypowa dla palety kolorów bransolet ruskich — może import bizantyjski

6. PODEGRODZIE, pow. nowosądecki, woj. małopolskie
- nr inw. MAK/8881
- st. 1 — Grobla; grodzisko z 2. połowy XI — 2. połowy XIII w. (wykop I/m 17–19/ głębokość 60–80 cm, strop warstwy XIII); badania wykopaliskowe G. Leńczyka w 1955 r.
- **przęślik** toczony z łupku owruckiego; bok zaokrąglony, podstawy płaskie, barwa jasnoróżowa (z lekkim połyskiem), widoczne uwarstwienie (ukośne pasy w różnych odcieniach); bardzo dobrze zachowany; wymiary: wysokość — 12 mm, średnica — 27 mm, średnica otworu — 8 mm, średnica podstaw — 21 mm, waga — 12,9 g
- 2. połowa XI — 1. połowa XIII w.
- tabl. I.6

7. PODEGRODZIE, pow. nowosądecki, woj. małopolskie
- nr inw. MAK/8881
- st. 1 — Grobla; grodzisko z 2. połowy XI — 2. połowy XIII w. (wykop I/m 17–19/ głębokość 60–80 cm, strop warstwy XIII); badania wykopaliskowe G. Leńczyka w 1955 r.
- **przęślik** toczony z łupku owruckiego; dwustożkowaty bok o zaoblonym załomie, podstawy lekko wklęsłe, barwa jasnoróżowa (bez połysku); dobrze zachowany (ubytki powierzchniowe, w tym większy na przejściu boku w jedną z podstaw); wymiary: wysokość — 18 (10+8) mm, średnica — 31 mm, średnica otworu — 6 mm, średnice podstaw — 20 i 21 mm, kąty nachylenia boku — ok. 54º i 52º, waga — 23,5 g
- 2. połowa XI — 1. połowa XIII w.
- tabl. I.7

8. PRZĘDZEL, gm. Rudnik nad Sanem, pow. niżański, woj. podkarpackie
- nr inw. MAK/4729
- dar A. Korda
- **bransoleta** ciągniona ze szkła; w przekroju kolista, gładka, barwa niebieska, przejrzysta; zachowany w dobrym stanie fragment; wymiary: długość fragmentu – 32 mm, średnica

pręta — 3,5 mm, waga — 1 g
- 1. połowa XIII w.
- tabl. I.8

9. RADOMSKIE — miejscowość nieznana, woj. mazowieckie
- nr inw. MAK/3338
- **przęślik** toczony z łupku owruckiego; bok zaokrąglony (widoczne dwa łagodne załomy), podstawy płaskie, barwa różowa; dobrze zachowany (uszkodzenia powierzchniowe, zwłaszcza na podstawach, w tym u wylotów otworu); wymiary: wysokość — 12 (7+5) mm, średnica — 22 mm, średnica otworu — 7 mm, średnice podstaw — 18 i 16 mm, waga — 7,9 g
- XI — 1. połowa XIII w.
- tabl. I.9

10. RADOMSKIE — miejscowość nieznana, woj. mazowieckie
- nr inw. MAK/3338
- **przęślik** toczony z łupku owruckiego; nieco ukośny w przekroju, bok zaokrąglony, podstawy płaskie, barwa ciemnoróżowa o fioletowawym odcieniu; średnio zachowany (podstawy ze znacznymi ubytkami — może w procesie produkcji?, małe ubytki na boku); wymiary: wysokość — 12 mm, średnica — 27 mm, średnica otworu — 8 mm, średnice podstaw — 23 i 25 mm, waga — 13,8 g
- XI — 1. połowa XIII w.
- tabl. I.10

11. SIEMIENICE, gm. Krzyżanów, pow. kutnowski, woj. łódzkie
- nr inw. MAK/3664
- pole nieopodal Bzury, niegdyś w majątku W. Krasińskiego; wczesnośredniowieczne cmentarzysko kamienne (pozostały inwentarz z grobu /grobów?/ kamiennego: żelazny grot włóczni typu V wg A. Nadolskiego, żelazne fragmenty wiadra, miniaturowe naczynie gliniane); przypadkowe znalezisko podczas prac polowych zapewne w 1852 r., od 1853 r. w kolekcji B. Podczaszyńskiego, w 1880 r. zakupiony do Muzeum Archeologicznego Akademii Umiejętności w Krakowie (obecnie MAK)
- **miniaturowy toporek** odlany z brązu (typ II wg N. A. Makarova); część ostrzowa wysoka, wachlarzowata, z haczykowatymi występami skierowanymi ku szyjce, nieco asymetryczna, z ostrzem łagodnie łukowatym, obustronnie zdobiona — wzdłuż łukowatych krawędzi bordiura (wzór geometryczny, ledwie widoczny po jednej stronie) oraz centralne koliste wgłębienie (niewyraźne z jednej strony), szyjka przy obuchu uformowana w żeberko, obuch symetryczny, z kapturkiem i słabo zaznaczonymi wąsami, kolor zgniłozielony z odbarwieniami; zachowany bardzo dobrze (z jednej strony zarysowania); wymiary: wysokość całkowita — 5,2 cm, wysokość ostrza — 5,0 cm, długość — 4,2 cm, najmniejsza wysokość szyjki — 0,4 cm, szerokość szyjki — 0,7 cm, wysokość kapturka — 1,9 cm, wysokość wąsów — 1,4 cm, szerokość obucha — 1,2 cm, średnica światła osady —0,8 cm, waga — 12,2 g
- ok. połowy XI — początek XII w.
- tabl. I.1

12. TURBIA, gm. Zaleszany, pow. stalowowolski, woj. podkarpackie
- nr inw. MAK/8245
- stanowisko II «Dąbrówka»; grób(?) nad jamą nr 66 na gł. 40–60 cm (pozostały inwentarz: fragment srebrnego denara krzyżowego, dwa srebrne kabłączki skroniowe esowate, nóż żelazny; XI–XII w., może 2. połowa XI w.); badania R. Jamki w 1941 r.
- **przęślik** toczony z łupku owruckiego; beczułkowaty — bok zaokrąglony, podstawy płaskie, przejścia podstaw w bok zaoblone, barwa wiśniowa (matowa, poszarzała, niewielkie odbarwienia; dobrze zachowany (drobne uszkodzenia powierzchniowe); wymiary: wysokość — 16 mm, średnica — 26 mm, średnica otworu — 8 mm, średnice podstaw — 21 i 20 mm, waga — 17,1 g

- prawdopodobnie 2. połowa XI — 1. połowa XII w.
- tabl. I.12

13. WIERZCHOWIE, gm. Wielka Wieś, pow. krakowski, woj. małopolskie
- nr inw. MAK/5354
- Jaskinia Mamutowa; stanowisko jaskiniowe — zapewne schronisko
- **przęślik** toczony z łupku owruckiego; bok zaokrąglony, podstawy płaskie, przejścia podstaw w bok zaoblone, barwa ciemnoczerwona (z połyskiem, słabo czytelne plamy odbarwień); dobrze zachowany (powierzchniowe ubytki i zarysowania); wymiary: wysokość — 11 mm, średnica — 24 mm, średnica otworu — 9 mm, średnice podstaw — 20 i 18 mm, waga — 9,4 g
- XI — 1. połowa XIII w.
- tabl. I.13

14. WIERZCHOWIE, gm. Wielka Wieś, pow. krakowski, woj. małopolskie
- nr inw. MAK/4267
- Jaskinia Wierzchowska Górna
- **bransoleta** ciągniona ze szkła; w przekroju kolista, dość mocno skręcona wokół własnej osi, barwa ciemnozielona, nieprzejrzysta, ozdobna owijka ze zdwojonej nici szkła żółtawego; zachowany fragment lekko spatynowany; wymiary: długość fragmentu — 25 mm, średnica pręta — 7 mm, waga — 2 g
- 1. połowa XIII w.
- tabl. I.14

Брайчевський М. Ю. Про датування шиферних пряслиць / М. Ю. Брайчевський // Археологія. — 1950. — Т. IV. — С. 91–98.

Гончарова Г. Пряслиця з колекції «Десятинна церква» / Г. Гончарова // Церква Богородиці Десятинна в Києві. — К., 1996. — С. 104.

Даркевич В. П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве / В. П. Даркевич // Советская археология. — 1961. — № 4. — С. 91–102.

Макаров Н. А. Древнерусские амулеты-топорики / Н. А. Макаров // Российская археология. — 1992. — № 2. — С. 41–56.

Петраускас А. В. Ремесла та промисли сільського населення Середнього Подніпров'я в IX–XIII ст. / А. В. Петраускас. — К., 2006. — 200 с.

Полубояринова М. Д. Стеклянные браслеты древнего Новгорода / М. Д. Полубояринова // МИА. — М.–Л., 1963. — № 117: Новые методы в археологии. Труды новгородской археологической экспедиции. Т. III. — С. 164–199.

Розенфельдт Р. Л. О производстве и датировке овручских пряслиц / Р. Л. Розенфельдт // СА. — 1964. — № 4. — С. 220–224.

Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси / Б. А. Рыбаков. — М., 1948. — 792 с.

Терський С. В. До проблеми датування археологічного матеріалу періоду Галицько-Волинської держави / С. В. Терський // Наукові записки Львівського історичного музею. — Львів, 2001. — Вип. X. — С. 130–158.

Томашевський А. П. Овруцька середньовічна пірофілітова індустрія / А. П. Томашевський, С. В. Павленко, А. В. Петраускас // Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). — К., 2003. — С. 131–136.

Фетисов А. А. «Дружинная культура» Древней Руси / А. А. Фетисов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. — М., 2012. — С. 406–436.

Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси / Ю. Л. Щапова. — М.,1972. — 215 с.

Щапова Ю. Л. Украшения из стекла / Ю. Л. Щапова // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. — М., 1997. — С. 80–92, 308–311, (табл. 62–65).

Chudziak W. Niektyre okolicznoњci przepiywu rzeczy i idei we wczesnym њredniowieczu – instruktywne przykiady «cheimicskie» / W. Chudziak // Wкdrywki rzeczy i idei w њredniowieczu / [red. S. Moцdzioch]. — Wrociaw, 2004. — S. 183-197. — (Spotkania Bytomskie, t. 5).

Gąssowska M. Der Heilige Olaf und Holmgerd — Novgorod als Grenzraum zwischen Ost und West im 11.-

12. Jahrhundert / M. G№ssowska // Rome, Constantinople and newly-converted Europe. Archaeological and historical Evidence / red. M. Salamon [i in.]. — Krakyw–Leipzig–Rzeszyw–Warszawa, 2012. — Vol. II. — S. 263–273. — (U źrodeł Europy Środkowo-Wschodniej / Frühzeit Ostmitteleuropas; t. I, cz. 2).

Kucypera P. Wczesnośredniowieczne toporki miniaturowe / P. Kucypera, P. Pranke, S. Wadyl. — Toruc, 2011. — 150 s.

Liwoc R. On the new border of Christian civilisations. Archeological material from the early Rus' Plisnesk / R. Liwoch // Rome, Constantinople and newly-converted Europe. Archaeological and historical Evidence / [red. M. Salamon [i in.]]. — Krakyw–Leipzig–Rzeszyw–Warszawa, 2012. — Vol. II. — S. 611–619. — (U źrodeł Europy Środkowo-Wschodniej / Frühzeit Ostmitteleuropas; t. I, cz. 2).

Marecki J. Jak czytać wizerunki świętych. Leksykon atrybutów i symboli hagiograficznych / J. Marecki, L. Rotter. — Krakyw, 2009.

Michalik M. Wyroby uznane za wykonane z łupku owruckiego w Europie Środkowej i Pyinocnej — import czy wyrób lokalny? / M. Michalik, S. V. Pavlenko, M. Paszkowski, A. P. Tomaševskij, M. Woioszyn // FNP dla archeologii. Podsumowanie programów Trakt i Archeo. — Lublin, 2003. — S. 55–59.

Panasiewicz W. Staroruskie miniaturowe toporki z Grydka, pow. Hrubieszyw / W. Panasiewicz, M. Woioszyn // Archeologia Polski. — 2002. — T. XLVII, z. 1-2. — S. 245–286.

Rulikowski E. O paciorkach kamiennych znajdowanych na prawém dorzeczu Dniepru / E. Rulikowski // Zbiyr Wiadomości do Antropologii Krajowéj. — Krakyw, 1881. — T. V. — S. 46–54.

Woloszyn M. Ze studiów nad obecnością ruską i skandynawską na ziemiach polskich w X–XII wieku / M. Wołoszyn // Świat Slowian wczesnego średniowiecza / red. M. Dworaczyk [i in.]. — Szczecin–Wrociaw, 2006. — S. 595–613.

R. Liwoch

Importy staroruskie w Polsce przykłady ze zbiorów dawnych Muzeum Archeologicznego w Krakowie

W artykule omówione są przechowywane w zbiorach dawnych Muzeum Archeologicznego w Krakowie wczesnośredniowieczne importy z Rusi do Polski: przęśliki łupkowe (XI — 1. połowa XIII w.), fragmenty szklanych bransolet (1. połowa XIII w.) oraz miniaturowy toporek brązowy (XI w.).

R. Liwoch

Old ruthenian imports in Poland examples from the old collections of Archaeological Museum in Kracow

The paper discusses the early mediaeval imports from Rus' to Poland which are stored in the old collections of Archaeological Museum in Kracow: slate spindle whorls (XIth — the first half of the XIIIth century), fragments of glass bracelets (first half of the XIIIth century) and a miniature bronze axe (XIth century).

В. Ю. Непомящих

Нові дані про оборонні споруди Білгорода Київського

Стаття присвячена дослідженню захисних споруд Білгорода Київського. Аналізуються результати археологічних розкопок валів і в'їзду міста. Розглядаються їх конструктивні особливості та час зведення. Подано огляд результатів досліджень пам'ятки, що представлені археологічним матеріалом та інформацією зі звітної документації.

Ключові слова: вали, в'їзд, дерево-земляні конструкції, острог, зруб, археологічний матеріал.

За останні п'ятдесят років завдяки систематичним розкопкам, що проводились у с. Білогородка під керівництвом Г. Г. Мезенцевої (1966–1976 рр.), Є. А. Ліньової (1982, 1983, 1991 рр.), В. Ю. Непомящих (2007–2009 рр.) здобуто масив археологічного матеріалу, який надає нові відомості про Білгород та оборонні споруди в тому числі. До них належать не тільки вали, а й в'їзди та мости. Здобутий матеріал з розкопок у поєднанні з даними письмових, картографічних джерел і відомостей топоніміки допоможе встановити час зведення оборонних укріплень та особливості конструкцій, а також прослідкувати динаміку їх будівництва як невід'ємної складової ланки розвитку структури міста.

Вперше вали Білгорода стали предметом археологічного дослідження у 1909 р. під керівництвом В. В. Хвойко. В результаті виявлено, що вони складаються з дерево-земляних конструкцій із застосуванням при їх будівництві сирцю, причому це стало сенсаційним відкриттям. Надалі в історіографії дослідники присвятили багато уваги цьому питанню, тому в нашій роботі ми не зупинятимемося на ньому.

Вперше Білгород згадується в літописі під 980 р., де він фігурує разом із Вишгородом як місто порівняно з Берестовим, що його літописець називає «сільце» [Полное собрание, 1997, с. 34]. Про дату закладин Білгорода літописець повідомляє під 991 р., що пов'язано з державотворчою діяльністю князя Володимира Святославича: «Володимир заложи град Білгород, и наруби в нь от инех городов, и много людий сведе во нь; бе бо любя град сь» [Повесть временных, 1950, с. 83]. Термін «град» У давньоруський час мав значення не тільки міста як такого, а означав оборонні укріплення. Тому, вочевидь, вислів «заложи град Білгород» засвідчує момент зведення нових оборонних споруд. Щодо тези літописця про «и наруби в нь от инех городов, и много людий сведе во нь», то, на думку М. М. Тихомирова, вона означає не тільки переселення людей з інших міст, а створення особливих умов для Білгорода як улюбленого князівського міста. Тобто постійне надходження населення в міста підтримувалося пільгами, що їх зазвичай князі надавали поселенцям [Тихомиров, 1956, с. 50].

Літописне повідомлення 980 р. про Білгород доповнюють археологічні джерела. Зокрема, Г. Г. Мезенцева проводила обстеження території дитинця у 1967 р. з метою зйомки нового топографічного плану пам'ятки. В результаті робіт встановлено, що показана на плані дорога, яка проходить по центру дитинця, — це залишки валу та рову, вони простягаються зі сходу на південний захід (рис. 1, Б, *а*). Між іншим, він

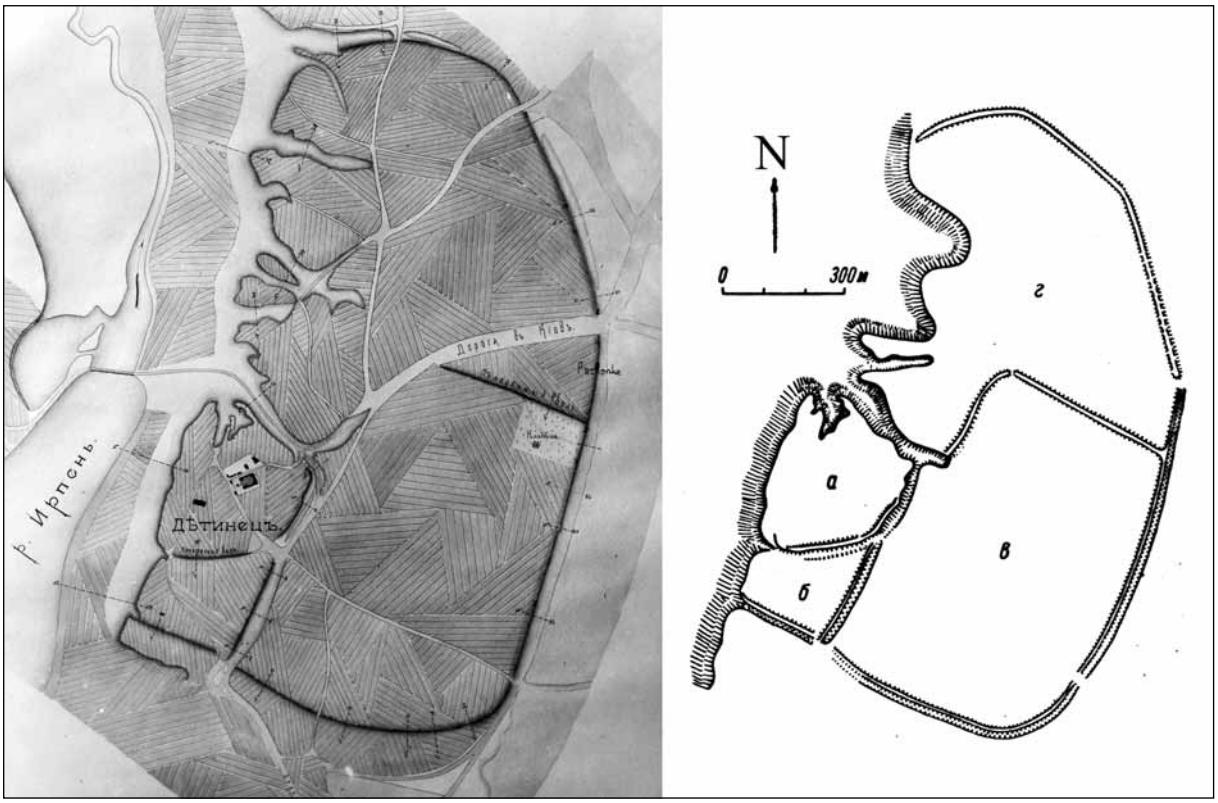


Рис. 1. Топографічні плани Білгорода Київського.
А — план знятий у 1910 р. за В.В. Хвойко; Б — план знятий у 1973 р. (за Г.Г. Мезенцевою)

відзначений на плані В. В. Хвойко у 1910 р., але на це ніхто з дослідників пам'ятки не звертав уваги (рис. 1, А). Зберігся рів глибиною 2 м (зараз по його дну проходить дорога), а також залишки валу, який місцями сягає до 2 м висоти, а в більшій частині зораний під городи. На момент зняття топографічного плану хату мешканців села на прізвище Брички, що знаходиться на цьому місці, місцеве населення так і називає: «Хата на валу» [Мезенцева, 1967, с. 3].

Таким чином, північний мис городища, який займає дитинець, мав неправильну круглу форму і мав площу 8,5 га, з південного боку захищений укріпленням. За визначенням Г. Г. Мезенцевої, це був «первісний» дитинець Білгорода. З південного боку до нього прилягав посад (рис. 1. Б, *а, б*) [Мезенцева, 1967, с. 2–4]. Розріз валу у 1967 р. не проводився, тому відсутність археологічного матеріалу ускладнювала з'ясування питання про його хронологічну приналежність. Проте дослідниця відзначала наявність підйомного матеріалу у вигляді фрагментів знайденого в цій частині дитинця ліпного посуду, датуючи його і сам вал із городищем VIII–IX ст. [Мезенцева, 1974, с. 39]. Питання археологічних знахідок цієї групи ми розглянемо окремо.

Деякі з дослідників пам'ятки вважали, що Білгород виник у результаті безперервного розвитку укріпленого ранньослов'янського поселення [Дяденко, 1962, с. 86; Мезенцева, 1974, с. 39]. У 1958 р. В. Д. Дяденко проводив розвідки в с. Білогородка на східному схилі балки, що відокремлювала дитинець від окольного граду з північного боку, де утворився новий яр. Тут виявлено яму, яку вдалося зафіксувати в результаті обвалу. Вона заглиблена в материковий лес на глибину 2 м, має діаметр по верху — 1,1 м, дна — 2,1 м. На думку дослідника, вона використовувалася для зберігання зерна [Дяденко, 1962, с. 85]. Інвентар заповнення ями репрезентований залишками кісток тварин, значної кількості чистої крейди з невеликими домішками піску та фрагментами ліпної і кружальної кераміки. Залишки гончарного посуду, на думку дослідника, за своїми особливостями близькі до знахідок кераміки VIII–IX ст., що виявлені на Пастирському городищі у Черкаській області поблизу с. Пеньківка, с. Верхній Салтів

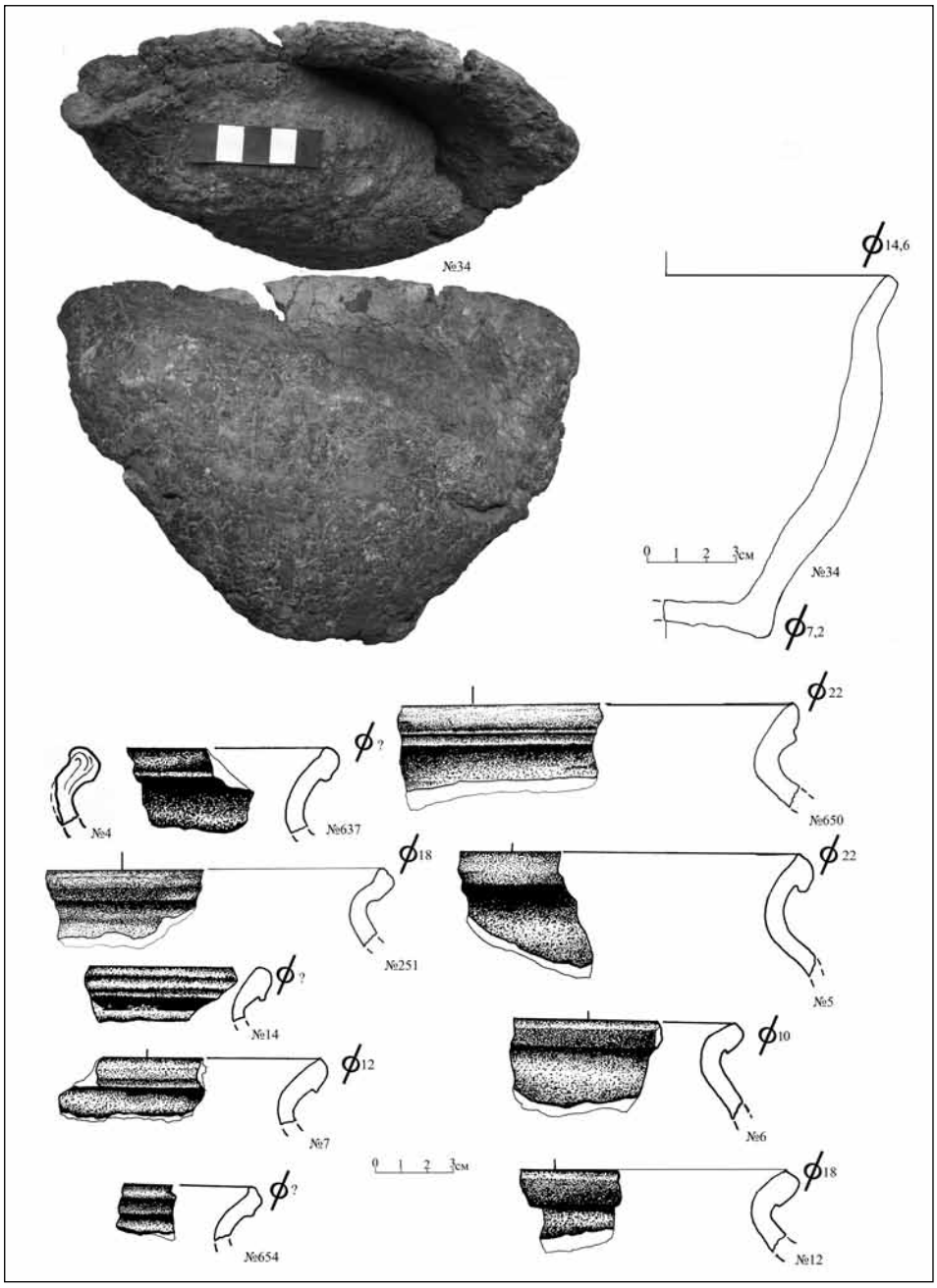


Рис. 2. Знахідки ліпного та гончарного посуду

Харківської області тощо [Дяденко, 1962, с. 86]. Знахідки фрагментів ліпної кераміки та одного цілого горщика (рис. 2, № 34) мають аналогії серед посуду з культурного шару ранньослов'янського часу Княжої гори під Каневом, матеріалів Волинцівського могильника та інших пам'яток VII–IX ст. В. Д. Дяденко зазначає, що матеріал цієї групи розповсюджується не тільки на території окольного граду та дитинця. Зокрема, у східному обриві вже згаданої балки зафіксовані декілька господарських ям, у заповненні яких виявлено фрагменти ліпного ранньослов'янського посуду. Аналогічні знахідки у вигляді підйомного матеріалу знайдено на території, що знаходиться південніше городища на підвищенні правого корінного берега р. Ірпінь [Дяденко, 1962, с. 86].

Під час розкопок у 1970 р. на території дитинця на розкопі Д-2 було знайдено ліпний посуд, який Г. Г. Мезенцева відносить до ранньої історії Білгорода. Репрезентований він фрагментами горщиків, покришок та сковорідок. За своїми ознаками це — товстостінний посуд з нерівною горбкуватою поверхнею, з майже прямим слабо розви-

неним вінцем. На деяких фрагментах стінок горщиків міститься так званий мотузковий орнамент, притаманний керамічному ліпному посуду з Новотроїцького городища. Фрагмент ліпної сковорідки з темно-сірої глини з низьким товстим бортиком цілком ідентичний ліпним сковорідкам з Канівського поселення, Райковецького, Новотроїцького та інших поселень і городищ VII–IX ст. [Мезенцева, 1970, с. 16].

Таким чином, на території Білгорода виявлено матеріал, який автори досліджень датують VII–IX ст. З цього зроблено висновок, що до виникнення Білгорода існувало ранньослов'янське поселення і, ймовірно, не одне. З'ясувати його межі та площу складно. Натомість автор цієї роботи обробив відомий і доступний археологічний матеріал з розкопок на території літописного Білгорода. Колекції, в яких він зберігається, не містять знахідок з території пам'ятки, що датуються IX ст., рубежем IX–X ст. та першою половиною або серединою X ст. Зокрема, наведені вище артефакти, датовані дослідниками VII–IX ст., викликають сумнів щодо правильності їх хронологічного визначення у світлі досліджень останніх десятиліть. Тому говорити, що виявлені залишки ліпного та ранньокружального посуду мають безперервний культурний зв'язок із давньоруським матеріалом Білгорода Київського, некоректно. Археологічний матеріал, який знайдено на території пам'ятки і щодо якого можна прослідкувати безперервний розвиток (мається на увазі зміна форми профілю вінець гончарних горщиків), має нижню дату, що визначається останньою чвертю X — початком XI ст., а верхня — першою половиною XIII ст. Відзначимо, що виключно на території дитинця Білгорода знаходяться культурні нашарування, що датуються XV–XVIII ст., тоді як південно-східна частина посаду має чітку хронологічну межу — рубіж X–XI ст. — перша половина XIII ст.

У 1972 р. під час розширення дороги на дитинці бульдозером було пошкоджено залишки південного валу «первісного» дитинця. Під керівництвом Г. Г. Мезенцевої

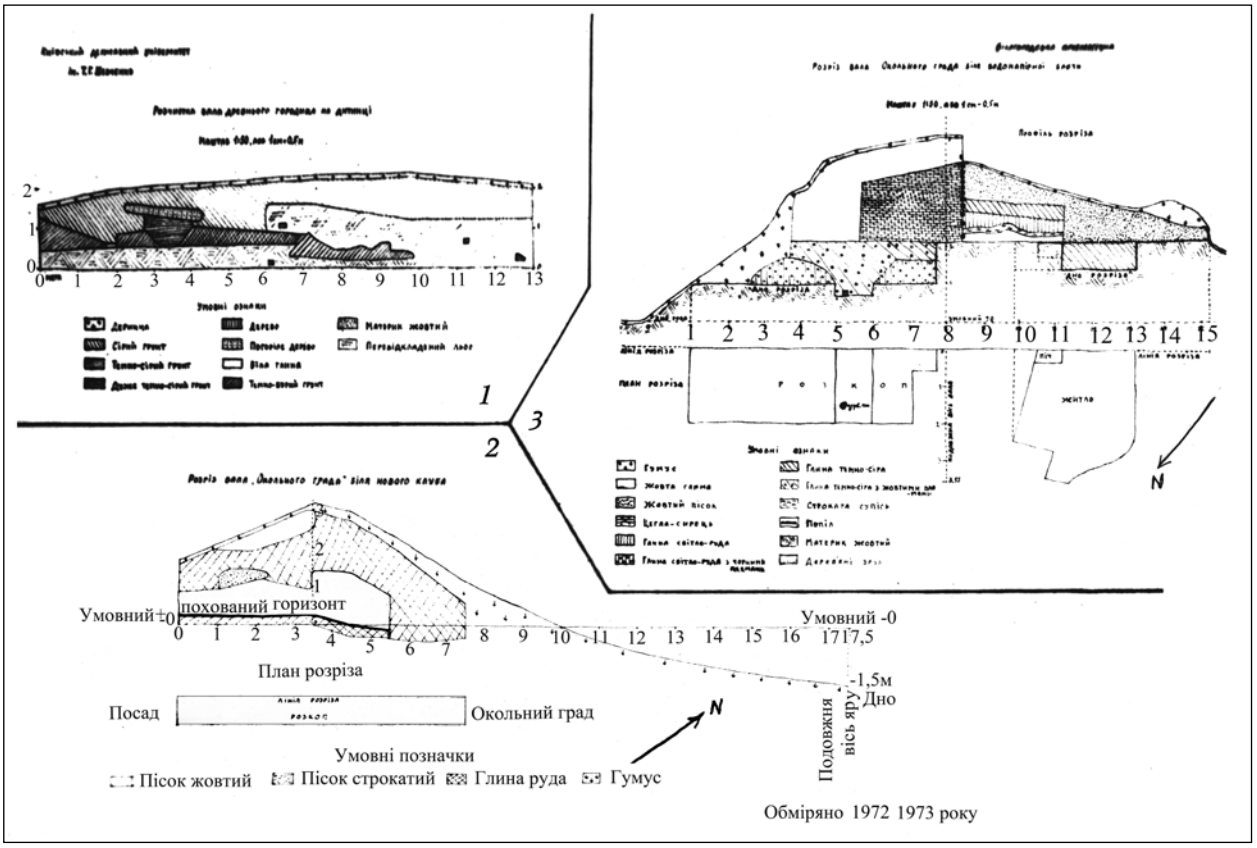


Рис. 3. Креслення розрізів валів.
1 — вал «первісного» дитинця; *2* — вал окольного міста біля клубу;
3 — вал біля водокачки (за Г. Г. Мезенцевою)

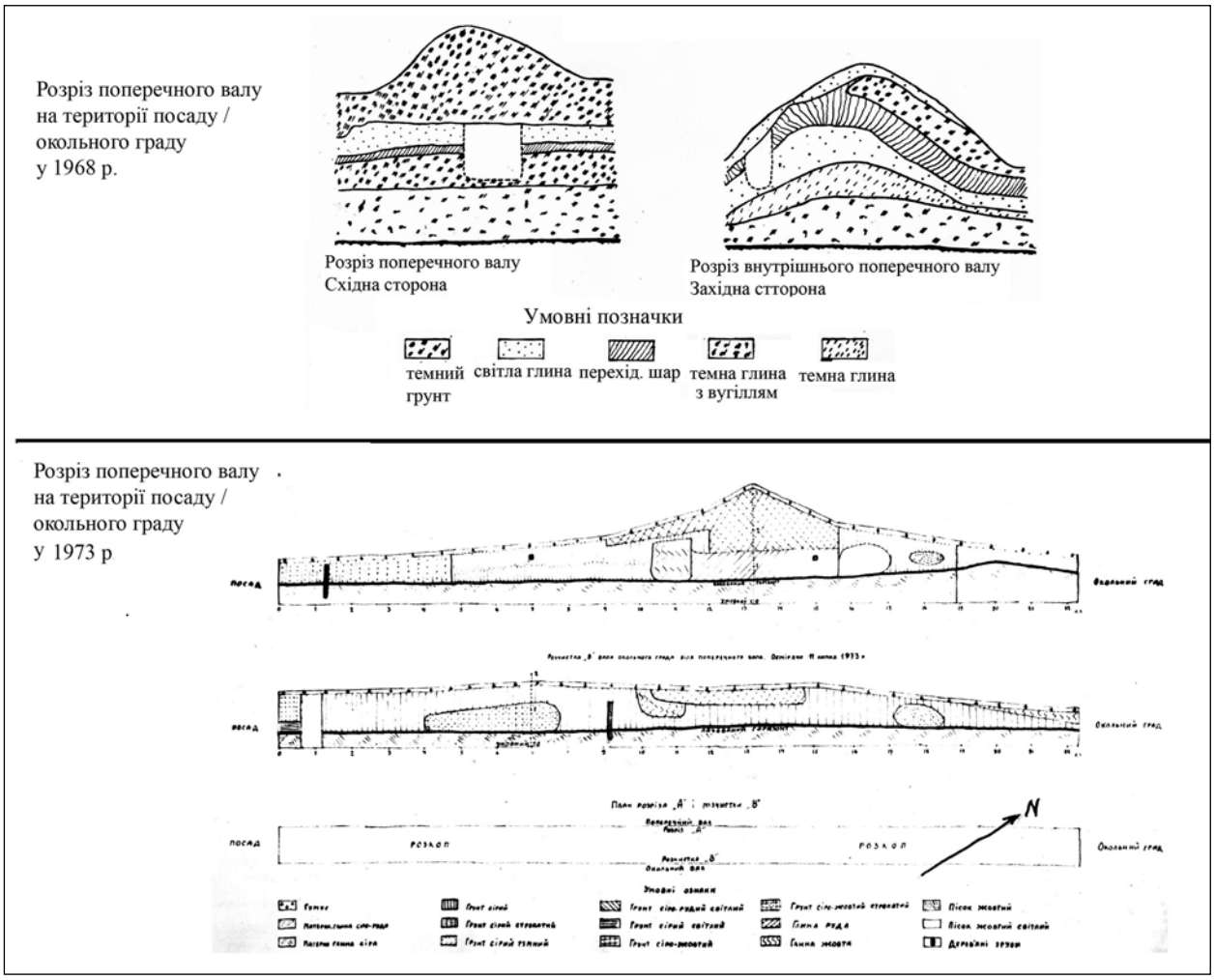
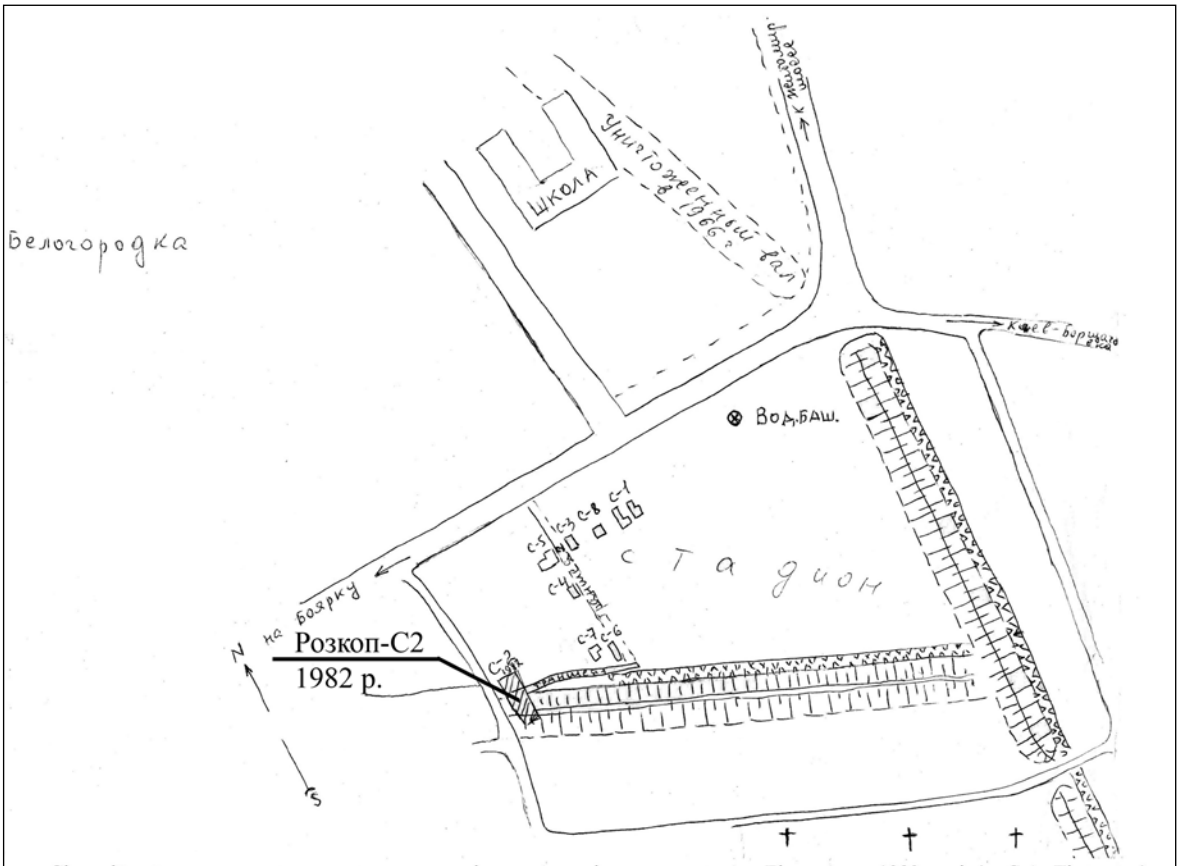


Рис. 4. Креслення розрізів поперечного валу.
1 — розріз 1968 року; *2* — *Р*озріз 1972 року (за Г. Г. Мезенцевою)

місце руйнування було досліджене, в результаті чого встановлено, що насип у внутрішній будові не мав залишків сирцю, але на кресленні зафіксовано залишки деревини (рис. 3, *1*) [Мезенцева, 1972, с. 14]. Виявлений тільки на його поверхні археологічний матеріал представлений фрагментами гончарного посуду XII–XIII ст. та пізньосередньовічного часу (рис. 2, № 4). На нашу думку, залишки цього валу можна ототожнювати з укріпленнями Білгорода, який вперше згадується в літописі під 980 р. Щодо конструкції валу, то залишки деревини, відзначеної на кресленні розрізу, свідчать про його дерево-земляну будову, однак більш конкретно про це можна буде говорити після додаткових досліджень. Вали, насипані із самого ґрунту, були збудовані на більш ранніх городищах. Також вони відомі в багаторядних оборонних лініях городищ давньоруського часу [Кучера, 1999, с. 76].

Таким чином, «первісний» дитинець Білгорода та посад, що прилягає до нього з південного боку, виникли в останній чверті X ст. Проте вони проіснували недовго, а були розширені територіально й захищені новою дворядною лінією оборони, при будівництві якої використано поєднання дерево-земляних конструкцій із сирцевою кладкою. В результаті це відобразилося на структурі та збільшенні площі міста, що наочно можна побачити на топографічному плані пам'ятки (рис. 1, *Б*). Збереження валу посередині дитинця, очевидно, свідчить про його потребу в загальній системі нових захисних споруд дитинця, зокрема, його в'їзду, про що йтиметься далі.

За літописними повідомленнями, з другої половини XI ст. Білгород часто фігурує в ролі пункту для переховування князів або місця, куди приходила військова підмога



Ситуаційний план-схема розташування розкопів на території окольного града Білгорода у 1982 році. (за Є.А. Ліньовою)

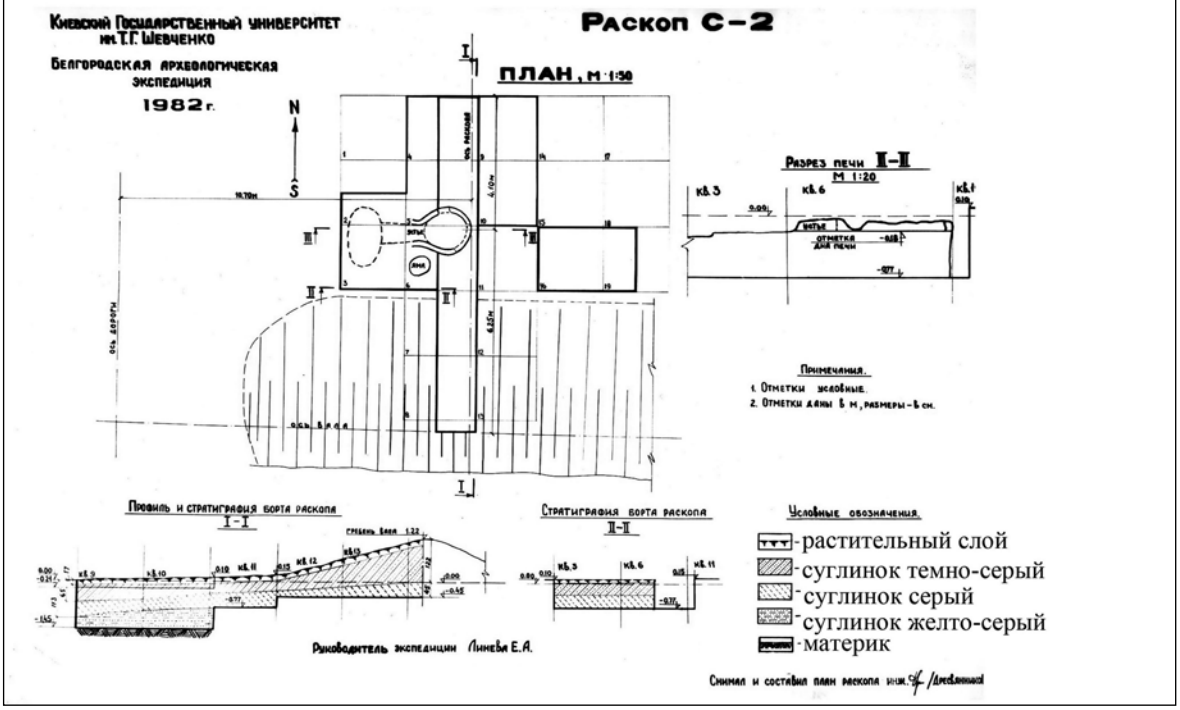


Рис. 5. Креслення розрізу поперечного валу 1982 р. та план території окольного міста з розкопками 1982–1983 рр. (за Є. А. Ліньовою)

під час міжусобних війн за київський стіл. Літописна згадка 1161 р. розповідає про боротьбу між князями Ростиславом Мстиславичем та Ізяславом Давидовичем за владу в Києві, ці події відбуваються взимку, на початку лютого. Програючи у силі та чисельності військо Ізяслава, Ростислав опиняється у скрутному становищі, але його військова дружина радить відійти з Києва до Білгорода, де йому на допомогу підійдуть сили братів та прибічників. Ростислав послухався поради й відступив у Білгород, а коли до міста прийшов Ізяслав, то стояв біля дитинця чотири тижні, тому що острог було спалено Ростиславом. «Изяславу же пришедшу къ Белугороду, и стоя около детинца 4 недели, а острогъ бяше до него пожеглъ Ростиславъ» [Полное собрание, 2001, с. 74].

Літописне повідомлення про острог доповнюють археологічні дослідження. На території посаду та окольного граду існує так званий поперечний вал, призначення якого було незрозумілим для дослідників пам'ятки, і викликало питання, коли й навіщо його було побудовано. Вперше цей вал показаний ще на плані військового інженера-топографа Б. Стелецьокого у 1909 р., а також на плані В. В. Хвойко 1910 р. Простягається вал з північно-східного у південно-західному напрямку й посередині різко обривається (рис. 1, *А*). В такому стані це укріплення збереглося до сьогоднішніх днів. Його було тричі досліджено в різних його частинах.

У 1968 р. встановлено, що в будові зазначеного валу відсутні дерев'яні конструкції та залишки сирцевої кладки. Натомість тіло валу було насипане з темного суглинку, що розташовувався на шарі світлої глини, його підстеляла глиняна подушка, насипана на глину із включеннями вуглинок (рис. 4, *А*).

У 1973 р. проведено повторний розріз східного краю поперечного валу (рис. 6). Його внутрішня будова складалася з тонкого шару гумусу, що перекривав насип глини рудого кольору, під якою із внутрішнього боку валу знаходився шар сірого суглинку; в його заповнені зафіксовано залишки деревини. Шар жовтої глини підстеляв цей суглинок, очевидно, зміцнюючи внутрішній бік валу. Основою всього насипу слугував темно-сірий суглинок, в якому із зовнішнього боку також зафіксовано залишки деревини. Ззовні вся конструкція має вид вертикальної стінки 90°, висотою 1 м від рівня похованої поверхні (згідно з кресленням Г .Г. Мезенцевої 1973 р.). З внутрішнього боку насипу зафіксовано залишки вертикально встановлених дерев'яних колод (рис. 4, *Б*). На нашу думку, ці залишки, а також пряма стінка із зовнішнього боку валу — це залишки двох рядів частоколу, між якими розташовувався вал. Не виключено, що це був один ряд зрубів, засипаний суглинком. Ширина підошви валу — 3 м. Місцями його висота збереглася більш ніж на 2 м. У насипу валу знайдено фрагменти гончарного посуду X–XI ст. (рис. 2, № 637) [Мезенцева, 1973, с. 16].

Втретє поперечний вал було досліджено у 1982 р. на південно-західній ділянці поля, біля дороги, де його було пошкоджено бульдозером у 1980 р. (рис. 5, *А*). Під час розчистки встановлено, що він не складався з дерев'яних конструкцій і сирцю. Тіло валу було насипано з шару темно-сірого ґрунту, під яким розташовувався суглинок сірого кольору, який, у свою чергу, перекривав жовто-сірий суглинок. Висота його в місці розрізу становила 1,22 м. Археологічний матеріал представлений фрагментом денця і стінки гончарного посуду давньоруського часу. Під тілом вала розкопано дуже

Рис. 6. Фото розрізу поперечного валу у 1972 р. (за Г. Г. Мезенцевою)

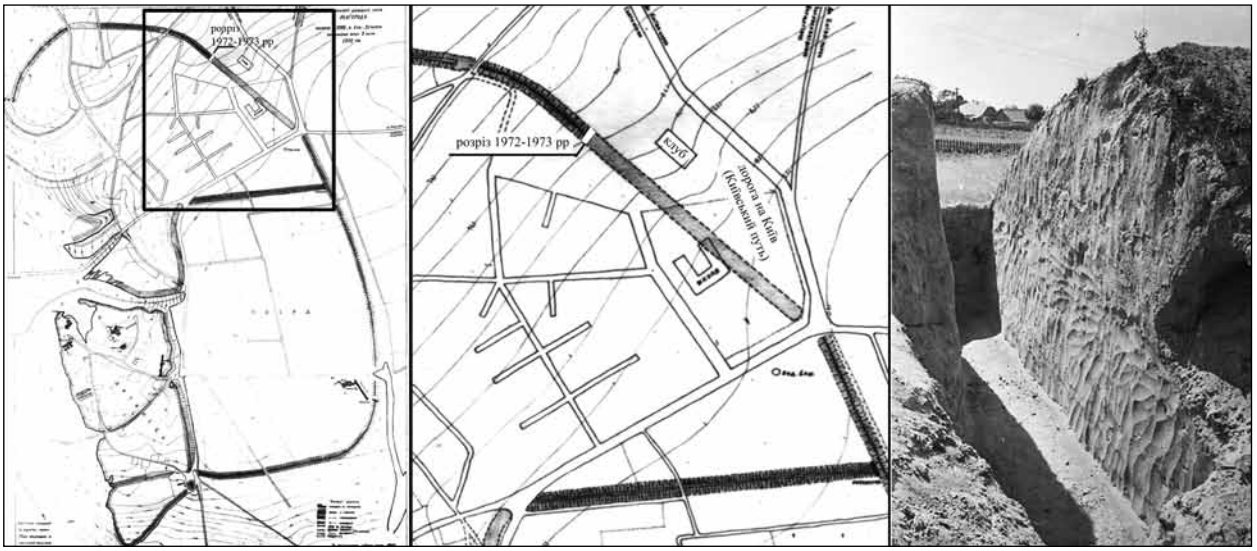


Рис. 7. План Білгорода Київського та розріз валу біля клубу (за Г. Г. Мезенцевою)

поруйнований гончарний горн з передпічною ямою (рис. 5, *Б*). Під час їх розчистки виявлено велику кількість металургійних шлаків (300 шт.), знайдено фрагменти вінець, стінок та денець гончарних горщиків XI ст., кальциновані кістки тварин [Линева, 1982, с. 4–6]. Таким чином, поперечний вал, судячи з археологічного матеріалу, було побудовано не раніше XI — початку XII ст. З огляду на те, що він не має складної внутрішньої конструкції, насипаний з глини та суглинку, в яких зафіксовано включення вуглинок та залишки горілого дерева, очевидно, частоколу, що прилягав ззовні до засипаного ґрунтом зрубу, цей вал є нічим іншим, як залишками літописного острога.

Як зазначалося вище, поперечний вал обривається посередині посаду. Проте, на думку Г. Г. Мезенцевої, він продовжувався у західному напрямку до перехрестя сучасних доріг, а потім робив поворот і простягався у південний бік до яру, за яким знаходиться дитинець. Дослідниця зробила такий висновок на підставі результатів зачисток і розчисток останців валу у 1970 р. [Мезенцева, 1970, с. 22; Мезенцева, 1974, с. 40]. Натомість виявлено залишки серцевої кладки, якої немає в конструкції самого поперечного валу. Тому, на нашу думку, останці, досліджені біля яру, — це залишки оборонної лінії західного валу посаду, зведеної наприкінці X ст., а поперечний вал простягався зі східного боку посаду в напрямку південного заходу, до перехрестя доріг.

Неодноразово літопис повідомляє про облогу чи напади на Білгород кочівників — печенігів, половців, або військової дружини тих чи інших князів. Жодних повідомлень у письмових джерелах про руйнування оборонних ліній Білгорода немає, на відміну від спаленого острога. В Іпатіївському літописі згадується 29 грудня 1135 р. в контексті спустошливих набігів Ольговичів з половцями: «Паки же Олговичи съ Половци переидоша Днепръ, декабря въ 29, и почаша воювати отъ Трьполя около Красна и Васильева и до Бьлагорода, оли же до Кіева и по Желане и до Вышьгорода и до Деревъ, и чрезъ Лыбедь стреляхуся» [Полное собрание, 1998, с. 14]. Вдруге літописець повідомляє про велику облогу Білгорода та бій Ольговичів з половцями проти Мономаховичів, що відбувся 10 грудня у 1158 р. Ізяслав Давидович тоді відмовився видати галицькому князю Ярославу Осмомислу його суперника, двоюрідного брата — Івана Берладника, який був давно вигнаний зі свого наділу і, блукаючи по Русі і степах, служив по найму іншим князям. У відповідь Ярослав утворив проти Ізяслава коаліцію з волинським князем Мстиславом Ізяславичем і Володимиром Андрійовичем Пересопницьким. Ольговичі відмовилися підтримати Ізяслава Давидовича. Він залучив на свою сторону половців, але в битві біля Білгороду берендеї зрадили, і Ізяслав змушений був тікати в землю в'ятичів. Важливий момент полягає в тому, що

Ізяслав прийшов до Білгорода і «став на Київській путі». В Іпатіївському літописі про це повідомляється: «А Ізяслав, дійшовши [до города] Мунарева, тут ждав синівця свого [Святослава Володимировича], бо його він послав був назустріч половцям диким, велячи їм поїхати до нього вборзі. Та прийшла йому вість, що Мстислав [Ізяславич], і галичани ідуть до Києва. І [коли] був він коло [города] Василева, то тут догнав [його] Святослав, синовець його, з багатьма половцями. І звідти пішов він до Білгорода, і прийшов до Білгорода, став на Київській путі.

Мстислав же [Ізяславич] із двома братами увійшов у Білгород. [І] стали [вої Ізяслава Давидовича] битися кріпко, приїжджаючи до города, а ті, з города виїжджаючи, билися завзято. Ізяславу тим часом прийшла більша підмога до Білгорода: прибув же до нього [хан] Башкорд із двадцятьма тисячами, отчим Святослава Володимировича, — бо його мати втекла була в Половці і вийшла за нього, [Башкорда]. Ізяслав тоді показував їм, [Мстиславу Ізяславичу з братами], полки свої, велячи їм вийти з города. [Але] вони не вийшли і стояли в городі дванадцять днів» [Полное собрание, 1998, с. 85].

Відомо, що вали, побудовані за Володимира Святославича, у своїй внутрішній конструкції мають сирцеву кладку. Суцільною оборонною лінією ці вали простягаються навколо дитинця та посаду. Археологічні розрізи повністю підтверджують цей факт. Дослідження північного валу окольного граду, Білгорода свідчать про інше. Північно-східний відрізок, що знаходився біля приміщення клубу та розташовувався неподалік від давньої дороги, названої у літописі «Київський путь», був досліджений у 1972–1973 рр. (рис. 7). По-перше, цей вал частково було зруйновано у 1966 р. під час будівництва школи та стадіону. По-друге, вже у 70-х роках від нього залишились невеликі відрізки, які можна було досліди; на сьогоднішній день він зберігся частково по вул. Вишнева. Виявилося, що в тій частині, де його було розкопано, не знайдено дерево-земляних конструкцій і сирцевої кладки. Вал у місці його розрізу зберігся на висоту 3,5 м, ширина підошви становить більш ніж 4 м. У його основі було насипано подушку з піску 1 м завтовшки, зовнішня стінка її вертикальна, 90°. Поверх нього було насипано шар рудої глини 2 м завтовшки (рис. 3, *2*). У насипу валу виявлено фрагменти вінець горщиків початку XI ст. (рис. 2, № 650) У 1983 р. на території окольного міста було проведено розкопки по вул. Калініна, розкоп О-1 і зроблено розчистку валу. У звіті експедиції за цей рік про ці дослідження не згадується, але в інвентарній книзі польового опису матеріалу записані знахідки, що представлені фрагментом вінця горщика XI ст. а також цілою формою сирцю світло-жовтого кольору (рис. 2, № 251; рис. 8).

Східний вал посаду, що проходить з північного боку від поперечного валу, із західного боку якого знаходиться водонапірна вежа, а з північного — розвилка доріг у напрямку м. Києва та с. Софіївська-Борщагівка, був у цьому місці розкопаний у 1910 р. під керівництвом В. В. Хвойко, у 1972–1973 рр. досліджений під керівництвом Г. Г. Мезенцевої (рис. 1, *А; 3. 3*). З напільного боку цей вал має сирцеву кладку, а з внутрішнього — засипані ґрунтом дерево-земляні конструкції. За останніми виявлено котлован житла, викопаного в материку з рівня горизонту, на якому зведено сам вал. Виявлений археологічний матеріал у його заповненні та насипі валу (зокрема, вінця горщиків) датується кінцем X — першою половиною XI ст. (рис. 2, № 5, 6, 7, 12, 14, 654) Вочевидь, це житло існувало в момент будівництва укріплень, про що свідчать знахідки, а після закінчення робіт необхідності в ньому більше не було.

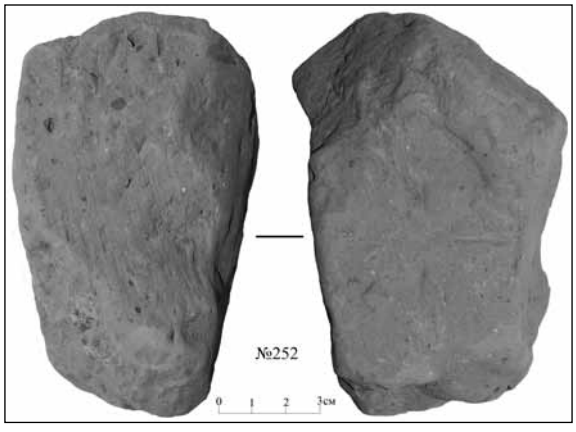


Рис. 8. Сирець знайдений під час розчистки валу окольного міста у 1983 р. (за Є.А. Ліньовою

Лінія оборони проходила далі на північ, оточуючи територію окольного міста, і завершувалась із західного боку над р. Ірпінь. Наведений відрізок валу має у своїй внутрішній будові як дерево-земляні конструкції із застосуванням сирцевої кладки, так і звичайний ґрунтовий насип. Виходячи з цього, північна лінія укріплень окольного міста була зведена наприкінці X ст. (991 р.). Однак той її відрізок, що знаходився біля клубу, насипаний із звичайної материкової глини, але під ним знаходиться похований горизонт культурного шару XI ст. В даному випадку маємо сліди ремонту захисних укріплень Білгорода Київського. Беручи до уваги археологічний матеріал із насипу валу, а також враховуючи наведені повідомлення літопису про внутрішній розбрат князів та вирішення його військовим шляхом, можемо дійти висновку, що відрізок валу посаду і, очевидно, територія біля Київського путі були зруйновані в ході міжусобних війн між Ольговичами та Мономаховичами у першій половині XII ст. Ще одним свідченням на користь цієї думки, виступають результати археологічних розкопок, що проводились на території окольного міста у 1982–1983 рр. Зокрема, виявлені споруди датуються не пізніше XI ст. і мають сліди пожежі [Линева, 1982; Линева, 1983].

До системи захисних споруд Білгорода крім валів належать в'їзди. На території дитинця Г. Г. Мезенцева виділяє три в'їзди. Перший — зі східного боку від території посаду, другий — з південно-західного від р. Ірпінь і, можливо, третій — у північно-східному кутку, саме тут яром проходила стародавня дорога з Києва на Галич.

У 1968 р. проводились розкопки на дитинці зі східного його боку, де розташовувався в'їзд (рис. 9). Він мав зручне центральне положення і добре укріплення. Вали в цьому місці повертали всередину дитинця і тягнулися ще на 20–27 м, утворюючи вузький проїзд (зараз він майже 2 м завширшки). За результатами розкопок Г. Г. Мезенцевій вдалося знайти залишки горілого дерев'яного приміщення, що розташовувалося на валу біля в'їзду. Було зафіксовано залишки зрубної конструкції прямокутної в плані форми із стінами 0,30 м завтовшки. Виявлено її глинобитну підлогу на глибині 0,20 м від рівня сучасної поверхні. Довжина споруди становить 3,75 м, ширина — 2,7 м, зорієнтована вона з північного заходу на південний схід. На думку Г. Г. Мезенцевої, це були залишки наземної вежі, що розташовувалася на валу [Мезенцева, 1967, с. 6].

У 2008–2009 рр. автором цієї роботи проводились охоронні дослідження на дитинці, по вул. Поштовій, поруч із розкопом «В» 1967 р. Результатом дослідження стало відкриття залишків дерево-земляних конструкцій валу, що розташовувалися на відстані 26–27 м від повороту вглиб дитинця. Зафіксовано міжкліття шириною 1 м та залишки двох городень, але повністю їх розміри встановити не вдалося, оскільки частково вони знаходились за межами розкопу.

Верхній ярус валу (маються на увазі дерев'яні конструкції, що стояли поверх нього) не зберігся. Натомість зафіксовано прошарок попелу та вуглинок, частково його перекриває культурний шар пізньосередньовічної доби. Під цим шаром пожежі на глибині 0,40 м від сучасної поверхні було зафіксовано знахідки черенів теплотехнічних споруд, виявлених у кв. Ж/1, Ж/2 у 2008 р. (рис. 10). За виявленим матеріалом один із них датується XI ст., другий — XII XIII ст. Частково залишки захисних конструкцій перекриває споруда XII — першої половини XIII ст. За стратиграфічними спостереженнями котлован її було викопано безпосередньо в тілі валу.

Щодо особливостей залишків внутрішньої конструкції валу, то зруби встановлювались на спеціально вирівняній площадці. Вона споруджувалась із шару коричнево-жовтого суглинку 10–20 см завтовшки, насиченого знахідками трипільської культури. На нього було насипано шар глею товщиною 20–30 см. Зверху було встановлено зруби, дерево збереглося у вигляді зітлілих нижніх колод, рублених «вобло». Їх, у свою чергу, засипали глеєм товщиною 20–60 см, що прилягав до внутрішніх поперечних колод зрубу, а зверху на нього зсипали темно-коричневу глину (товщина шару 85 см), що прилягала до зовнішньої стіни зрубу. Таким чином, городні заповнені ґрунтом у певному порядку, що позначалося на міцності всієї конструкції. В шарі глини і глею траплялися фрагменти вінець гончарної кераміки рубежу X–XI ст. та вінець і стінок ліпних гор-

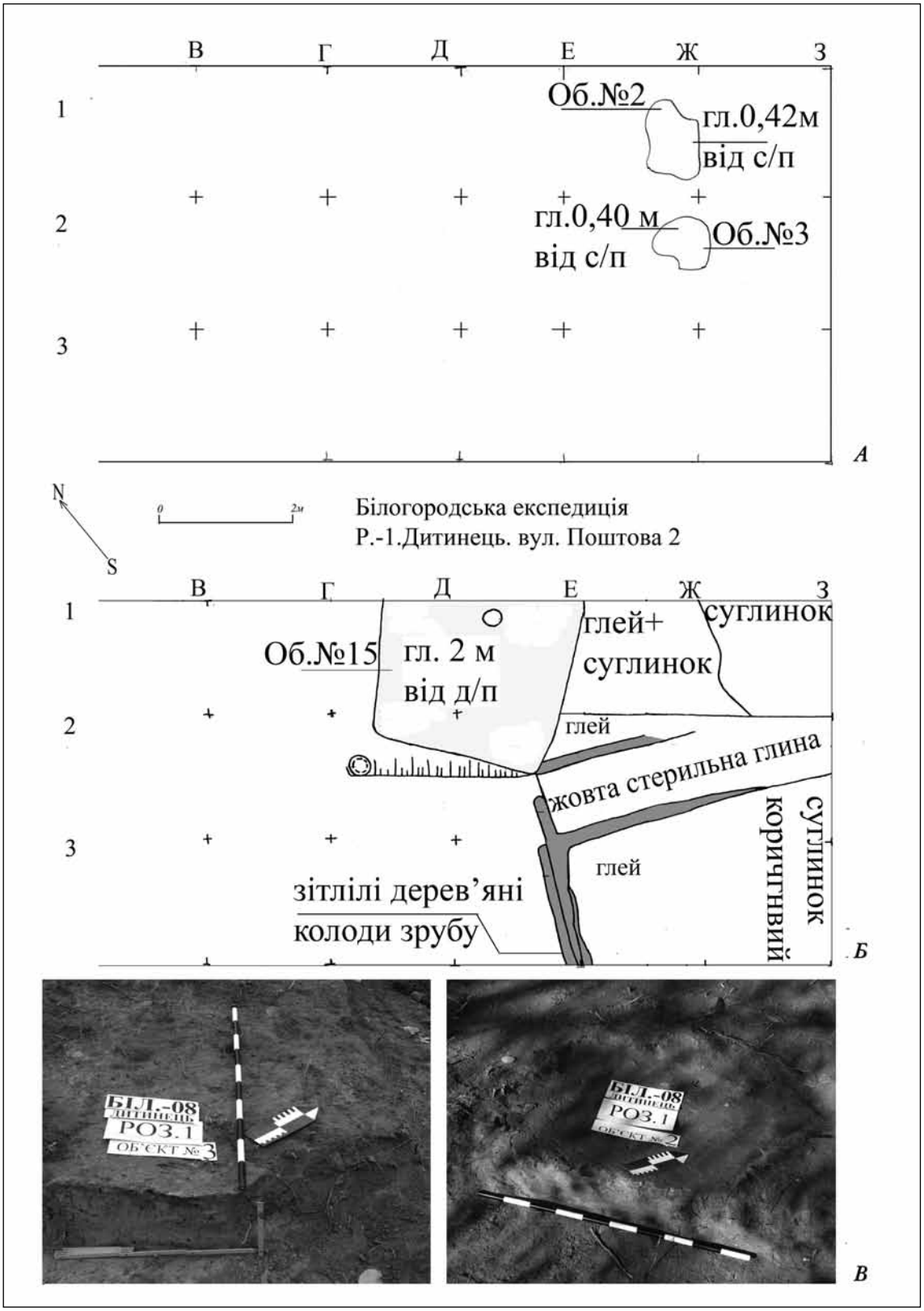


Рис. 9. Фрагмент плану розкопу № 1 на дитинці 2008–2009 рр.
А — залишки черенів XII–XIII ст. на валу східного в'їзду; Б — залишки городень та міжкліття із спорудою XII–XIII ст., яка їх перекрила; В — фото залишків черенів на валу східного в'їзду дитинця

щиків трипільської культури. Поверх городень було засипано жовту глину 40–80 см завтовшки. Загальна висота конструкції становить 1,60–1,80 м від рівня материка.

Зруби не були пов'язані між собою, а стояли окремо, на відстані 1,1 м, тим самим утворюючи міжкліття, яке було щільно засипане стерильною жовтою глиною 60 см завтовшки, поверх якої знаходився шар сірої глини товщиною 30 см. Розміри клітей, які нам вдалося зафіксувати: довжина кліті в кв. Ж/3, З/3 — 4,30 м; в кв. Ж/1, З/1 — 5,30 м; довжина міжкліття — 4,80 м. Ширина міжкліття в кв. Ж/3, З/3 — 2,8 м, в кв. Ж/1, З/1 — 2,40 м; довжина зітлілої поперечної колоди в кв. Е/3 — 2,80 м [Непомящих, 2009].

Зверху над міжкліттям на рівні фіксації 0,90 м від сучасної поверхні виявлено залишки відкритого вогнища (об'єкт № 11). Під час його розчистки знайдено фрагменти вінець горщиків рубежу X–XI ст. Призначення цього об'єкту невідоме, можливо, ним користувались у період сезонної експлуатації, коли будували вал. Рештки таких знахідок у валах невідомі, крім цього випадку та залишків вогнищ у засипці валу на Замковій горі в м. Біла Церква (літописний Юр'їв) [Квітницький, Непомящих, Петраускас, 2013, с. 93–94].

Центральний в'їзд у дитинець зі східного боку проходив у вигляді двох доріг, що розділяли середину території дитинця на умовний трикутник. Обидві вони захищені складною системою укріплень. Східні вали побудовані наприкінці X ст. із застосуванням сирцевої кладки, повертали углиб дитинця, де продовжувалися у вигляді зрубної конструкції, яка по обидва боки дороги утворювала вузький коридор приблизно 2 м завширшки та загальною довжиною 26–27 м від зовнішнього краю підошви валу. В місці, де вали утворюють клиноподібну западину, знаходиться край земляного валу «первісного» дитинця (80–ті рр. X ст.), довжина його збереженої нині частини становить більш ніж 200 м. Очевидно, його залишили під час перепланування території і пристосували для укріплення східного в'їзду дитинця. В такий спосіб вал «первісного» дитинця відігравав важливу роль у системі оборонних споруд з рубежу X–XI ст. до першої половини XIII ст. Попід ним знаходився рів, по дну якого проходила дорога у напрямку від східного в'їзду дитинця до південно-західного, де починався крутий схил городища і продовжувалася стежка до р. Ірпінь.

Складний за конструкцією в'їзд дитинця Білгорода дуже близький до укріплень, що називаються захабами. Це вузький, шириною близько 2–5 м та завдовжки 20–40 м коридор, що нагадує рукав. На вході в цей коридор розташовувались зовнішні ворота. Такий укріплений проїзд мав один або декілька поворотів для уповільнення руху атакуючих під час його проходження. Прорвавшись крізь них, ворог опинявся у пастці. В такому коридорі затісно, що ускладнює ведення спостереження противником. Під перехресним вогнем захисників фортеці нападників, як правило, або знищували або завдавали їм значних втрат. Можливо, саме тому князь Ізяслав у 1161 р. не міг взяти приступом дитинець, а простояв чотири тижні навколо нього. Вважається, що час використання такого типу укріплень на території давньоруської держави — близько XII ст. [Раппопорт, 1961, с. 151]. Тому такі в'їзди Білгорода дослідники називають «протозахабними». Так, Ю. Ю. Моргунов пов'язує їх раннє виникнення із залученням до будівництва Білгорода закордонних майстрів з півдня [Моргунов, 2001, с. 129–131].

На підставі викладеного вище можна дійти висновку, що Білгород Київський має складну систему оборонних споруд. На нашу думку, вони можуть бути розподілені на чотири групи:

1. Оборонні споруди 80-х років X ст., до яких належить південний вал «первісного» дитинця.

2. Оборонні споруди кінця X ст. з потужними дерево-земляними конструкціями та сирцевою кладкою.

3. Оборонні споруди XII ст., що складаються з ґрунтового насипу та дерев'яного частоколу (острог);

4. Оборонні споруди другої групи, що мають сліди ремонту в XII ст., до яких належить відрізок валу на розташованому біля Київського путі посаді.

Таким чином, оборонні споруди виступають як джерело для вивчення топографії Білгорода, а також дають змогу прослідкувати динаміку розвитку міста. У 80-х роках X ст. Білгород розташовується на краю мису, займає невелику площу; укріплений валом та ровом, з південного боку яких розташовувався посад. Тобто має всі характерні риси, притаманні замку. Проте реформаторська політика Володимира Святославича відображається у розбудові Білгорода, закладаються нові лінії захисних споруд у 991 р., які, вочевидь, не обійшлися без втручання іноземних інженерів-будівельників. У результаті вали міста було збудовано із застосуванням дерево-земляних конструкцій та сирцевої кладки, а також споруджено потужний неприступний східний в'їзд на дитинець (такий тип на території Київської Русі поширюється лише у XII ст.). Територія дитинця та посаду збільшується, він займає загальну площу більш ніж 100 га і заселяється населенням з інших міст та сел.

Князівські міжусобні війни у XII ст. загострюють військово-політичну ситуацію у давньоруській державі. Це позначається на Білгороді, зокрема, частково зруйновано відрізок північно-східного валу й територію посаду, яку він захищав. Очевидно, в результаті такої ситуації виникла потреба у зведенні острога на території посаду, що відбулося в першій половині XII ст. В результаті територія Білгороду була розділена на дві частини — на посад та окольний град, причому останній отримав таку назву в історіографії. Проте цей острог проіснував недовго, і в другій половині XII ст. був спалений. Крім того, населення, що мешкало на території дитинця, селиться попід укріпленнями, про що свідчать знахідки споруди у 2009 р., котлован якої буквально викопано в городні східного валу в'їзду дитинця.

Оборонні споруди Білгорода Київського відіграють важливу роль в історії пам'ятки, дослідники вивчають їх більш ніж сто років, але кожного разу нові відкриття надають нову інформацію, що доповнює відомості про них. Тому залишки укріплень мають перебувати під пильним наглядом і охороною держави.

Дяденко В. Д. Раннеславянские памятники на территории древнего Белгорода / В. Д. Дяденко // КСИА. — № 12. — К., 1962. — С. 85-86.

Квітницький М. В. Археологічні дослідження літописного Юр'єва / М. В. Квітницький, В. Ю. Непомящих, А. В. Петраускас. — К., 2013. — С. 90–103.

Кучера М. П. Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем / М. П. Кучера. — К., 1999. — 252 с.

Линева Е. А. Отчет о работах археологической экспедиции Киевского госуниверситета им. Т. Г. Шевченко в 1982 г. / Е. А. Линева // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1982/152.

Линева Е. А. Отчет о работах археологической экспедиции Киевского госуниверситета им. Т. Г. Шевченко в 1983 г. / Е. А. Линева // Архів кафедри археології та музеєзнавства Київського Національного університету імені Тараса Шевченка.

Мезенцева Г. Г. О некоторых особенностях планировки древнего Белгорода / Г. Г. Мезенцева // Культура средневековой Руси. — Л., 1974. — С. 38–41.

Мезенцева Г. Г. Звіт про роботу Бєлгородської археологічної експедиції Київського ордена Леніна державного університету ім. Т. Г. Шевченка в 1967 р. / Г. Г. Мезенцева // *НА ІА НАНУ*, ф. експедицій, № 1967/72.

Мезенцева Г. Г. Звіт про роботу Бєлгородської археологічної експедиції Київського ордена Леніна державного університету ім. Т. Г. Шевченка в 1970 р. / Г. Г. Мезенцева // *НА ІА НАНУ*, ф. експедицій, № 1970/68.

Мезенцева Г. Г. Звіт про роботу Бєлгородської археологічної експедиції Київського ордена Леніна державного університету ім. Т. Г. Шевченка в 1972 р. / Г. Г. Мезенцева // *НА ІА НАНУ*, ф. експедицій, № 1972/89.

Мезенцева Г. Г. Звіт про роботу Бєлгородської археологічної експедиції Київського ордена Леніна державного університету ім. Т. Г. Шевченка в 1973 р. / Г. Г. Мезенцева // *НА ІА НАНУ*, ф. експедицій, № 1973/87.

Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков / Ю. Ю. Моргунов. — М., 2009. — 301 с.

Непомящих В. Ю. Звіт про охоронно-рятувальні розкопки в с. Білогородка Києво-Святошинського р-ну Київської обл. по вул. Поштова, 2 у 2008 р. / В. Ю. Непомящих // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 2008/113, 120 с.

Непомящих В.Ю. Звіт про охоронно-рятувальні розкопки в с. Білогородка Києво-Святошинського р-ну Київської обл. по вул. Поштова, 2 у 2009 р. / В. Ю. Непомящих // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 2009/52, 225 с.

Повесть временных лет / ч. 1 [подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова]. — М.–Л., 1950.

Полное собрание русских летописей. Т. I: Лаврентьевская летопись. — М., 1997. — 498 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. — М., 1998. — 648 с.

Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. — М., 2001. — 360 с.

Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. / П. А. Раппопорт // МИА. — 1956. — № 52. — 184 с.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города / М. Н. Тихомиров. — М., 1956. — 475 с.

В. Ю. Непомящих

Нові дані про оборонні споруди Білгорода Київського

Дослідження Білгорода Київського за останні п'ятдесят років здобули результати, які доповнюють інформацію про різні аспекти його історії, зокрема, оборонні споруди пам'ятки. Встановлено, що вали міста були зведені в різний час. Не всі з них у своїй внутрішній будові мають складну дерево-земляну конструкцію із застосуванням сирцевої кладки. Виділено чотири етапи зведення захисних споруд. За їх допомогою прослідковано динаміку розвитку Білгорода. Встановлено, що в'їзди на дитинець були абсолютно не приступними та випередили час створення за своєю військово-інженерною інновацією на століття. Вивчення археологічного матеріалу отриманого в результаті розрізів поперечного валу у порівнянні з літописними повідомленнями, надали змогу з'ясувати яку роль він відігравав в загальній системі захисних споруд. Встановлено, що посад з моменту закладин 991 року мав велику площу, і тільки після XI ст. був розділений на дві частини острогом. З'ясовано причину його будівництва, зокрема, це військові сутички під час міжкнязівського розбрату у XII ст. В результаті чого постраждала частина посаду та було частково поруйновано північно-східний відрізок валу.

V. Yu. Nepomiashchykh

New data on defense constructions of Bilgorod Kyivskyi

Research of Bilgorod Kyivskyi in the last fifty years have received results that complement the various aspects of its history, including defensive structures. Established that the city ramparts were built at different times. Not all of them in it's internal structure with a complex wood and earth structure were using mud masonry. Identified four stages of the construction of protective structures. They allow to examine the dynamics of the Bilgorod. Established that entry into the citadel were completely inaccessible and surpassed by creating it's military engineering innovation for centuries. The study of archaeological material derived from the sections of the shaft compared to the chronicles reportedly given an opportunity to find out what role heplayed in the overall system of protective structures. Established that posad since the foundation of the 991 year had a large area, and only after the XIth century was divided into two by ostrog. The reasons for its construction, in particular, was a military clashes during contention between princes in the XIIth century. As a result, posad and North-Eastern section of the shaft were ruined.

Ю. М. Ситий

Передгороддя Чернігова

У статті аналізуються матеріали археологічних досліджень з топографії та забудови Передгороддя давньоруського Чернігова.

Ключові слова: Чернігів, забудова, археологічні дослідження.

У 2012 р. в Москві відбулася конференція, присвячена утворенню давньоруської державності, на якій автор виголосив доповідь, присвячену структурі міста X ст. та визначив розмір укріпленої площі Чернігова давньоруського часу. Зокрема було зазначено, що територія Передгороддя напередодні подій 1239 р. становила 285 га [Сытый, 2012, с. 80–81], а з формуванням цих укріплень територія міста досягла 350 га. Кордони Передгороддя є найбільш віддаленими (до 1750 м) від Дитинця. Під час обговорення доповіді колеги висловили сумніви щодо таких розмірів міста, наявності та щільності забудови на всій площі в межах укріплень. Сумніви ці щодо існування укріплень потребують пояснень. Слід нагадати про роботи з вивчення укріплень та показати результати досліджень виявленої на території Передгороддя забудови.

Чернігів XVIII–XIX ст. був значно менший за місто давньоруського часу й розвивався вздовж шляхів, що йшли на Стародуб, Новгород-Сіверський та Київ. Укріплення давньоруського Передгороддя в цей час знаходилися на віддаленому орному полі й не потрапляли на карти міста. Лише один план кінця XVIII ст. фіксував найближчі околиці міста (рис. 1). На ньому позначені сади й городи містян у кордонах, що співпадають з лінією древніх укріплень Передгороддя. Дослідники Чернігова XIX ст., мешканці маленького міста, не мали уявлення про розміри міста давньоруського часу. Перша знахідка скарбу (виявленого у 1887 р. під час розбудови Олександрівської площі), що походить з території Передгороддя [Корзухина, 1954, с. 137–138; Пуцко, 2006, с. 190], та спостереження, зроблені під час прокладання першого водогону [Труды, 1903, с. 15–16], дозволили скласти перші уявлення про розмір міста у XII–XIII ст. З накопиченням нових археологічних матеріалів поступово змінювалися уявлення про розмір міста давньоруського часу.

Під час підготовки до XII Археологічного з'їзду А.К. Яригін склав перший план давньоруського Чернігова [Ярыгин, 1905, с. 173–177; Ярыгин, 1998, с. 139–144]. На ньому були нанесені Дитинець, укріплення Окольного міста та оборонна лінія Передгороддя, яка ще була подекуди помітною на полях навколо забудови міста. Укріплення Передгороддя були описані у XVIII ст. О. Ф. Шафонським [Шафонський, 1851, с. 278], у XIX ст. М. Е. Марковим [Марков, 1816, с. 19–20] та у ювілейному виданні Чернігівської міської управи, надрукованому в 1908 р. [Очерк, 1908, с. 34–35]. Після опису місця розташування укріплень фортеці (Дитинця), нового міста (східна частина Окольного міста) та «Третяка» (західна частина Окольного міста) зроблено опис «внешнего города» (Передгороддя). Зокрема зазначалося: «…обнесен 3-м валом, окружавшим по обрыву горы Елецкий монастырь, усадьбу Духовного училища и далее мимо Демореновского кирпичного завода (следы вала сохранились) охватывавшим усадьбу

Рис. 1. План Чернігова 1797–1802 рр.

Богоугодных заведений; через Ковалевку вал выходил на Ростиславскую ул. (следы на Елецком огороде) и от «Пяти углов», огибая городскую усадьбу сборного пункта, усадьбу земства, Снигиревой и губернаторскую, вал шел к Красному мосту» [Очерк, 1908, с. 34 – 35].

Укріплення Передгороддя на правому березі р. Стрижень (на місці побудови нового костьолу) досліджувалися співробітниками заповідника «Чернігів стародавній» під керівництвом І. М. Ігнатенка. Згідно зі свідченнями В. П. Коваленка, А. А. Карнабед фіксував рови Передгороддя на розі вулиць Пирогова та Леніна та на розі вулиць Леваневського та Урицького (сучасна П'ятницька) [Коваленко, 1995, с. 41]. На лівому березі р. Стрижень укріплення досліджувалися в трьох місцях: на перехресті «П'яти кутів» А. Л. Казаковим та А. А. Василенком у 1990 р. [Казаков, 1990, с. 4]; на північний захід від перехрестя у 2000 р. В. В. Сохацьким [Сохацький, 2000, с. 6–8]; рів у траншеї по вул. Гетьмана Полуботка у 2003 р. [Моця, 2005, с. 233].

Таким чином, можна стверджувати, що укріплення, нанесені на план А. К. Яригіна та описані у XVIII — на початку XX ст., мають археологічне підтвердження в матеріалах розкопок. Складений А. К. Яригіним план Чернігова давньоруського часу ліг в основу плану, запропонованого Б. О. Рибаковим [*Рыбаков*, 1949, с. 9–14], на базі якого складалися подальші плани міста та етапів його розвитку [Богусевич, 1951, с. 116–125; Карнабед, 1980, с. 15; Мезенцев, 1980, с. 59; Коваленко, 1988, с. 22–33; Ситий, 2007, с. 199–210; Шекун, 2007, с. 106–118; Моця, 2011, с. 110] (рис. 2).

Розміри Передгороддя були настільки великими, що упродовж тривалого часу вважалося, що значна його площа була незабудованою. Уявлення археологів про цю частину міста змінювалися мірою накопичення матеріалів археологічних робіт. Після виявлення скарбів наприкінці 50-х років (у дворі будинків № 55, 57 по вул. Щорса) були проведені археологічні дослідження, що дозволили припустити існування на території Передгороддя багатої садиби посеред, як тоді вважалося, незабудованої території. Це було відображено на картині Г. О. Петраша, що змальовує Чернігів давньоруського часу [Лепявко, 2012, с. 68–69].

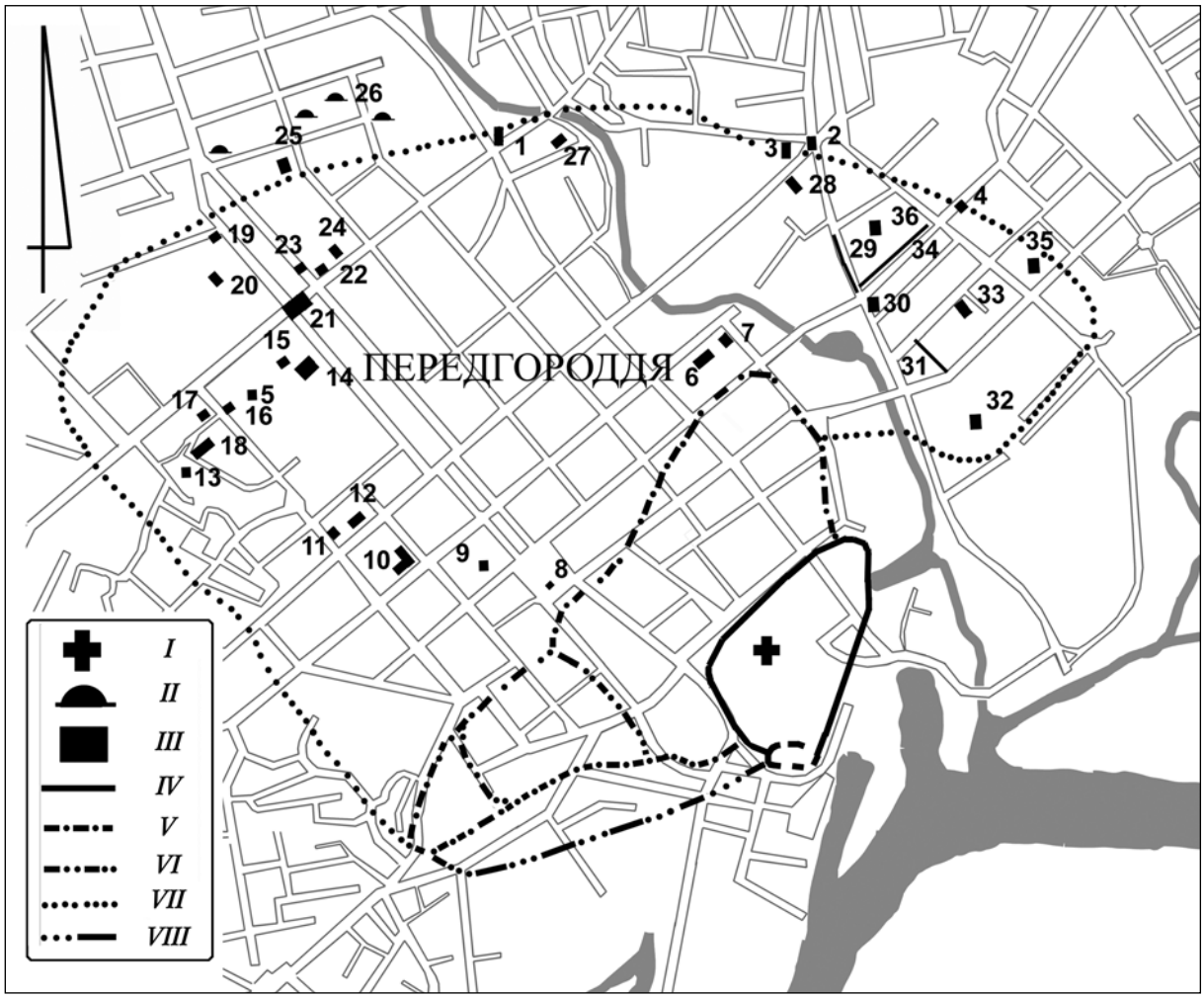


Рис. 2. Розташування розкопів на території Передгороддя Чернігова:
1 — Київська, 73 (костел); *2* — перехрестя «П'ять кутів»; *3* — Дзержинського; *4* — Гетьмана Полуботка (рів); *5* — місце знахідки скарбів 1957 р.; *6* — Коцюбинського, 81; *7* — Пушкіна, 34-А; *8* — початок Алеї Героїв; *9* — Магістратська, 1; *10* — Кирпоноса, 24; *11* — Комсомольська, 37–39; *12* — Примакова, 10; *13* — Папанінців, 18-А; *14* — Леніна, 40 (сш № 1); *15* — Щорса, 2-А; *16* — Комсомольська, 57; *17* — Комсомольська, 58; *18* — Комсомольська, 56 (подвір'я ПТУ № 5); *19* — перехрестя Пирогова та Леніна; *20* — Леніна, 44; *21* — перехрестя Щорса та Миру; *22* — Київська; *23* — Леніна; *24* — Київська, 48; *25* — 9 Січня, 25; *26* — «Стриженська» курганна група; *27* — Зелена; *28* — Жовтневої революції, 182; *29* — Воїнів Інтернаціоналістів, 31–53; *30* — Воїнів Інтернаціоналістів, 21; *31* — Шевченка, 24; *32* — Савчука; *33* — Лермонтова, 16; *34* — Гетьмана Полуботка, 35–47; *35* — перехрестя Шевченка, та Молодчого; *36* — Воїнів Інтернаціоналістів, 39

Зі створенням у Чернігівському історичному музеї Відділу археології розгорнулися широкі археологічні роботи, й уявлення про поширення забудови Передгороддя почали змінюватись, але навіть у 1995 р. В. П. Коваленко писав: «…виявлені лише окремі садиби, між якими знаходилися чималі площі, вільні від забудови». Він виключав заплаву р. Стрижень з площі Передгороддя як непридатну для заселення [Коваленко, 1995, с. 42–44]. Дослідження 1995 р. О. В. Шекуна по вул. Коцюбинського, 81-А заперечили таку думку, виявивши під краєм тераси р. Стрижень щільну забудову XI — середини XIII ст. [Ситий, 2007, с. 199–210]. А роботи І. А. Готуна у 2001 р. по вул. Пушкіна, 34-А зафіксували давньоруську забудову ще на 50 м на схід у заплаву р. Стрижень [Готун, 2002, с. 111–113].

Розглянемо характеристики забудови однієї з основних містоутворюючих осей — древньої вулиці, що йшла від Київських (Любецьких) воріт Дитинця в бік виїзду на

Любеч (рис. 3). Між Черніговом та Любечем знаходилися доменіальні володіння («вся жизнь») Чернігівських князів. Дорога на Любеч виникла ще до забудови цієї частині міста [Ситий, 2012, с. 114–120]. Від воріт Окольного міста до виїзду з укріплень Передгороддя ця вулиця була виявлена в розкопах на Красній площі. Так, до її забудови належать житло на початку Алеї Героїв (дослідження А. А. Карнабеда) та житло, досліджене під час будівництва кафе по вул. Магістратська, 1 (дослідження 1997 р. А. Л. Казакова). А далі, в бік Любеча, вулиця фіксувалася під час розкопок у 1997–1998 рр. на місці будинку податкової інспекції (вул. Кирпоноса, 24, розкопки А. Л. Казакова), де на площі 2500 м^2 було досліджено 22 житла, розташованих з північного боку вздовж проїжджої частини древньої вулиці. На захід розкопувалися ще дві ділянки: перша (1500 м^2) — по вул. Комсомольській, 37–39, де у 2005 р. були виявлені залишки кургану X ст. з діаметром майданчика близько 20 м та 11 котлованів житлових і господарських споруд XII–XIII ст. [Моця, 2006, с. 294–295]; друга ділянка досліджена О. Є. Черненко у 2009 р. по вул. Примакова, 10, де зафіксована садибна забудова з півночі від древньої вулиці [Черненко, 2010, с. 461–462]. Житла розташовувалися вздовж проїжджої частини вулиці майже впритул одне до одного.

У 1988 р. під час будівництва гуртожитку ПТУ № 5 (вул. Папанінців, 18-А) на площі 2000 м^2 зафіксовано 5 садиб з обох боків від проїжджої частини [Казаков, 1988, с. 1–52]. Ця ділянка Передгороддя знаходиться на відстані 1650 м від Спаського собору і включає меншу кількість жител, ніж та, що була розташована ближче до центру міста. Швидше за все, це пояснюється більш пізнім часом утворення забудови.

Забудова головної вулиці Чернігова, безперечно, відрізнялася від інших ділянок міста, про що свідчать матеріали археологічних робіт на території Передгороддя, опубліковані А. Л. Казаковим [Казаков, 1990, с. 23–28]. У 1987 р. на площі 1500 м^2 по вул. Леніна, 40 (на подвір'ї школи № 1) досліднику вдалося виявити щільну садибну забудову XI — середини XIII ст.

Отже, залишається питання, чи існували незабудовані ділянки між цим розкопом та давньоруською Любецькою вулицею, як це уявлялося після робіт кінця 50-х років XX ст.? Щоб відповісти на це питання, слід згадати результати робіт всередині сучасної забудови, обмеженої вул. Щорса, проспектами Миру (колишня Леніна) та Перемоги та верхів'ями Холодних ярів, що виходять на автостанцію № 2 (вул. Мурінсона). В середині XX ст. роботи на цій ділянці проводились у трьох місцях. У 1959 р. на захід від подвір'я школи № 1 (вул. Щорса, 2-А) С. О. Плетньова досліджувала кладовище XVIII ст., що перекрило 5 жител та ровик від огорожі XII–XIII ст. [Рыбаков, 1959, с. 1–16]. І. І. Єдомаха провів розкопки зі східного боку вул. Комсомольської (біля будинків № 55, 57) і виявив забудову XII — середини XIII ст. [Едомаха, 1958, с. 76–106]. Слід згадати й місце виявлення скарбу в траншеї газопроводу 1957 р. на території подвір'я будинків № 55, 57 по вул. Комсомольській [Попудренко, 1975, с. 82–86]. Забудова із західного боку вул. Комсомольської фіксувалася автором біля будинку № 58 (котлован житла XII ст.) та А. Л. Казаковим у траншеї теплотраси на подвір'ї ПТУ № 5 (в бік збудованого гуртожитку). Можемо констатувати, що між просп. Миру та вул. Папанінців виявлена різноманітна забудова, а вільних від забудови ділянок зафіксовано не було.

Чи існувала забудова на північ від сучасної вул. Щорса? На території міської лікарні № 1 є неглибока, помітна і сьогодні, западина в рельєфі. У давньоруський час вона являла собою русло струмка, що впадав у р. Стрижень. У 1992 р. на території лікарні (вул. Леніна, 44) проводилися дослідження на місці прибудови до хірургічного корпусу та навколо нього. Вдалося зафіксувати садибу XII — середини XIII ст. Її господар — слюсар-універсал — мав набір ремісничих інструментів і готові вироби, що засвідчують його високий професійний рівень [Гребень, 1992, с. 1–32]. Ця ділянка досліджень знаходиться на відстані 1850 м від Спаського собору. Швидше за все, забудова, що сформувалася навколо русла струмка, розташованого на території міської лікарні, значною мірою і зумовила контури укріплень Передгороддя на північно-західній межі міста.

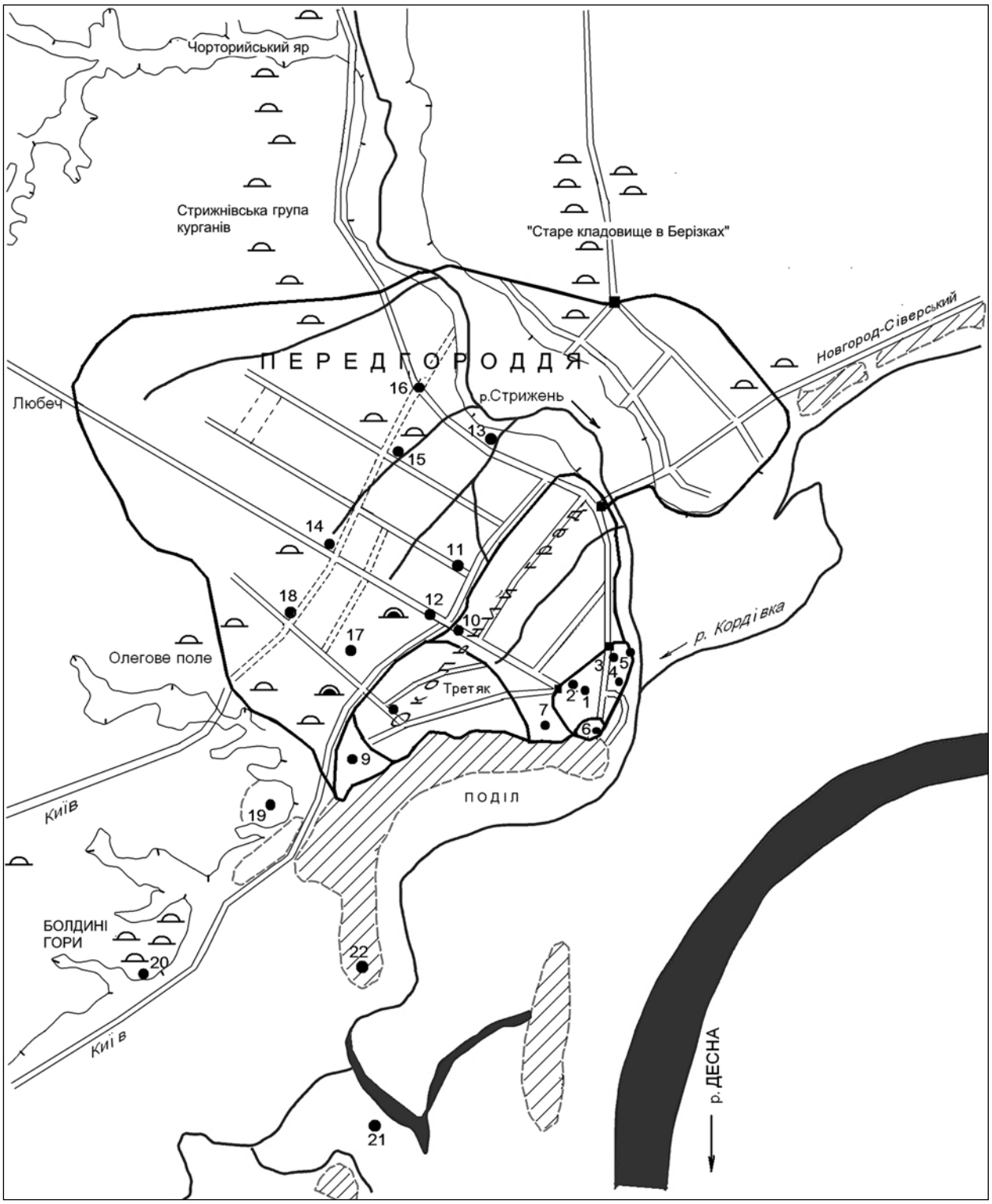


Рис. 3. Вулична мережа та розташування цвинтарів і церков на території давньоруського Чернігова: *1* — Спаський собор; *2* — Борисоглібський собор; *3* — храм-усипальниця; *4* – Михайлівська церква; *5* — Благовіщенський собор; *6* — церква на Верхньому Замку; *7* — церква на місці Катерининської церкви; *8* — цвинтар Кирпоноса, 7; *9* — Успенський собор; *10* — брама Окольного міста; *11* — П'ятницька церква; *12* — гробниці біля Театрального скверу; *13* — цвинтар Коцюбинського, 81; *14* — цвинтар Кирпоноса, 24; *15* — цвинтар Леніна, 35-Б; *16* — цвинтар Фрунзе, 47; *17* — цвинтар Куйбишева, 13; *18* — цвинтар Коцюбинського, 32; *19* — «Сіверянська» церква; *20* — Іллінська церква; *21* — цвинтар на березі оз. Млиновище; *22* — надбрамна церква на Подолі

Можливо, будуть зауваження, що вздовж струмка забудова існувала, але вглиб території вона не поширювалася. Тому одразу нагадаємо результати досліджень О. В. Потаповим у 1988–1989 рр. на ділянці підземного переходу (перехрестя вул. Щорса та просп. Миру (колишня Леніна)) [Потапов, 1989, с. 1–30]. Йому вдалося на площі 1220 м^2 виявити забудову, представлену підклітами жител першої половини XIII ст., господарськими спорудами та залишками садибних огорож. У 2005 р. [Моця, 2006, с. 294] та у 2008 р. А. Л. Казаковим були довивчені ділянки, що прилягали до підземного переходу [Казаков, 2009, с. 98]. На площі 1600 м^2 було виявлено 18 житлових і господарських споруд та 20 ям. Ділянка була розташована на північ від школи № 1 та на схід від міської лікарні. Окремо відзначимо об'єкти давньоруського часу, виявлені А. А. Карнабедом по вулицях Київській та Леніна (навколо будівлі сучасного Мегацентру) [Карнабед, 1973, с. 14].

Уявлення про розташування забудови на території Передгороддя змінювалися поступово. У 80-х роках існувала думка, що об'єктів давньоруського часу північніше вул. Київської не існувало, тому спостереження за ходом будівельних робіт не велися. Єдиними дослідженнями, проведеними у кварталах сучасної забудови, обмежених вулицями Київська та 9 Січня (сучасна Софії Русової), були роботи, здійснені в 1984 р. Г. А. Мудрицьким. Йому вдалося зафіксувати котлован споруди, пов'язаної з обробкою заліза [Мудрицький, 1993, с. 96–98]. Лише у 1994 р. Г. В. Жаров зупинив розпочате будівництво та провів дослідження по вул. 9 Січня, 25. У розкопі зафіксовані залишки курганів XI ст. та ґрунтові поховання XII — середини XIII ст. [Жаров, 1994, с. 1–19]. Слід зазначити, що укріплення Передгороддя в цій частині міста зафіксовані лише під час спостережень А. А. Карнабедом у 70-х роках XX ст., тому однозначно відповісти на питання, входить ділянка досліджень по вул. 9 Січня, 25 до складу Передгороддя, чи ні — досить складно. Якщо не входить, то ми маємо залишки курганної групи, названої Д. Я. Самоквасовим «Стрижневською», та ґрунтові поховання за межами міста. Протилежна відповідь дозволяє визнати факт наявності біля укріплень ще не заселених ділянок Передгороддя.

На північний схід від підземного переходу досліджувалися ділянки забудови по вул. Зелена, 13 (роботи І. А. Готуна 2001 р.) і на подвір'ї по вул. Київська, 23 (роботи Т. П. Валькової та В. В. Сохацького 2000 р.). Автор не має даних про всі роботи на території Передгороддя, тому картина може бути неповною, але є всі підстави вважати, що лінія укріплень Передгороддя існувала, а територія, обмежена укріпленнями, заселялася поступово протягом XII — першої половини XIII ст.

Щодо забудови Застриження А. Л. Казаковим нещодавно була оприлюднена думка про наявність подібної забудови й на лівому березі р. Стрижень [Моця, 2011, с. 118]. Східна ділянка Передгороддя, розташована на лівому березі р. Стрижень, окрім ділянок уже згаданих робіт з виявлення укріплень, досліджувалася значно менше, ніж розташована на правому березі річки. Тим не менше, можна згадати розкоп по просп. Жовтневої революції, 133 (будівля Промінвестбанку біля Театру ляльок), де на площі понад 1000 м^2 була виявлена регулярна садибна забудова XII — середини XIII ст. [Ситий, 2007, с. 199–210].

На схід від розкопу по просп. Жовтневої революції, 133 дослідження проводилися А. Л. Казаковим за напрямком траншеї, що пройшла по вул. Воїнів Інтернаціоналістів від перехрестя «П'яти кутів» до вул. Гетьмана Полуботка. Досліднику вдалося зафіксувати 9 споруд та 2 ями XII–XIII ст., розташовані на цій ділянці посаду [Казаков, 1990, с. 13]. На північний схід була виявлена ділянка проїжджої частини вулиці [Моця, 2006, с. 294]. Далі на схід роботи проводилися на вул. Воїнів Інтернаціоналістів, де у 2000 р. Г. В. Жаровим на площі 140 м^2 зафіксовано давньоруську забудову [Валькова, 2001, с. 89]. У 1979 р. в районі будинку Культури товариства сліпих В. П. Коваленком здійснювалися спостереження за прокладкою теплотраси від старої котельні по вул. Лермонтова, 5 до будинку № 26 по вул. Шевченка [Коваленко, 1979, с. 1–7]. Вдалося зафіксувати котловани жител та господарських споруд, розташованих за 1050 м

від Спаського собору. Ближче до краю тераси р. Десна біля будинку, де працює кабінет флюорографії (вул. Савчука), В. В. Сохацьким виявлено об'єкти давньоруського часу. Отже можна констатувати, що на Застриженні забудова давньоруського часу в межах Передгороддя поширювалася вздовж країв тераси річок Стрижень та Десна.

Траншея, що пройшла по проїжджій частині вул. Гетьмана Полуботка від мосту, розташованого біля військового шпиталю, спочатку зафіксувала забудову, потім розрізала ділянку (між будинками № 32–47) з ґрунтовими похованнями за християнською обрядовістю і вийшла на верхній край тераси, де й виявила рів Передгороддя. Поховання ґрунтового могильника були розташовані на відстані 180 м від краю лівого берега р. Стрижень (по вул. Лермонтова, 16) та фіксувалися, починаючи з 140 м до 350 м по вул. Гетьмана Полуботка. Можна дійти висновку, що ґрунтовий могильник займав ділянку, розташовану вище по схилу берега річки за межами поширення забудови Передгороддя. Поховання курганного та ґрунтового могильників були виявлені під час досліджень котлованів на перехресті вулиць Шевченка та Молодчого, де забудова відсутня [Моця, 2006, с. 294]. Матеріали цих досліджень вказують на існування в межах Передгороддя ґрунтового могильника, який у домонгольський час так і не був забудований.

Судячи з розташування укріплень, саме на території Застриження існувала ще одна ділянка ґрунтового могильника, яка мала значні розміри. Можемо констатувати, що укріплення Передгороддя у східній частині міста, як і в західній, мали незабудовані території, зайняті ґрунтовим могильником, який утворився ще до появи цих укріплень. На думку В.П. Коваленка, побудова укріплень Передгороддя відбулася наприкінці XII — на початку XIII ст., і в її складі (вздовж укріплень) залишилася смуга ще не забудованої території [Коваленко, 1995, с. 42–44].

На середину XIII ст. Чернігів був одним з найбільших міст Європи, укріплена площа якого становила приблизно 350 га, але у складі Передгороддя існувало кілька ділянок кладовищ, які так і не були забудовані до монгольської навали.

На ділянці ґрунтового могильника в західній частині міста укріплення Передгороддя логічно проходили по краю Холодних ярів, а з північного та східного боків міста його мешканці чи зумисне включили територію ґрунтового могильника в межі укріплень, чи збудували укріплення з урахуванням швидкого розширення забудови до нових кордонів.

Останнім часом на території Валу (Дитинець древнього міста) співробітниками заповідника «Чернігів стародавній» встановлені інформаційні щити, що ілюструють розвиток Чернігова. Давньоруський Чернігів презентує репродукція картини О. Г. Петраша, написана після археологічних робіт кінця 50-х років XX ст., зображення якої продовжує формувати у свідомості мешканців та гостей міста уявлення про його забудову та економічний розвиток. Однак накопичений на сьогодні археологічний матеріал змушує відмовитись від застарілих стереотипів.

Богусевич В. А. Про топографію древнього Чернігова / В. А. Богусевич // Археологія. — К., 1951. — Т. 5. — С. 116–125.

Валькова Т. П. Охранные археологические раскопки в Чернигове / Т. П. Валькова, Г. В. Жаров, Т. Н. Жарова, В. В. Сохацкий // АВУ 1999–2000 рр. — К., 2001. — С. 87–89.

Валькова Т. П. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Предгородья древнего Чернигова (ул. Киевская, — Фрунзе) в 2000 г. / Т. П. Валькова, В. В. Сохацкий // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 2000/139, 16 с.

Готун І. А. Роботи Північної експедиції 2001 р. / І. А. Готун, С. О. Сорокін, О. С. Дудко // АВУ 2000–2001 рр. — К., 2002. — С. 111–113.

Готун И. А. Отчет об охранных археологических исследованиях посада древнего Чернигова (ул. Зеленая, 13) в 2001 году // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 2001/192, 19 с.

Гребень П. Н. Отчет об охранных археологических работах 1992 г. на посаде г. Чернигова по просп. Октябрьской революции, 133. Т. II / П. Н. Гребень, Ю. Н. Сытый // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1992/224, 59 с.

Гребень П. Н. Отчет об охранных археологических работах в северо-западной части посада древнего

г. Чернигова в 1992 г. / П. Н. Гребень, Ю. Н. Сытый // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1992/155, 43 с.

Едомаха И. И. Отчет о «Южно-Русской» экспедиции за 1958 г. / И. И. Едомаха // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1958/25, 32 с.

Жаров Г. В. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства жилого дома по ул. 9 Января, 25 в 1994 году / Г. В. Жаров, Т. Н. Майборода // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1994/89, 19 с.

Казаков А. Л. Археологічні дослідження на території Чернігова у 2008 р. / А. Л. Казаков, О. Є. Черненко, С. О. Сорокін // АДУ 2008 р. — К., 2009. — С. 98–99.

Казаков А. Л. К вопросу об усадебной застройке Черниговского Предградья XI–XIII вв. / А. Л. Казаков // Проблемы археологии Южной Руси: Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.», Чернигов, 26–28 сентября 1988 г. — К., 1990. — С. 23–28.

Казаков А. Л. Научный отчет об археологических раскопках на территории Черниговского посада по ул. Куйбышева, 1 в 1997 году // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1997/123, 14 с.

Казаков А. Л. Охранные раскопки 1990 г. в Чернигове (по улицам 1 Мая и Папанинцев) / А. Л. Казаков, А. А. Василенко // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1990, 14 с.

Карнабед А. А. Научный отчет об архитектурно-археологических исследованиях 1973 года на территории охранной зоны Черниговского государственного архитектурно-исторического заповедника в г. Чернигове / А. А. Карнабед // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1973/116, 14 с.

Карнабед А. А. Чернігів. Архітектурно-історичний нарис / А. А. Карнабед. — К., 1980. — 128 с.

Коваленко В. П. Основные этапы развития древнего Чернигова / В. П. Коваленко // Чернигов и его округа. Сборник научных трудов. — К., 1988. — С. 22–33.

Коваленко В. П. Отчет об охранных работах в г. Чернигове в 1979 г. / В. П. Коваленко // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1979/81, 12 с.

Коваленко В. П. До вивчення чернігівського Передгороддя / В. П. Коваленко // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. — Чернігів, 1995. — С. 40–44.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. / Г. Ф. Корзухина. — М.;Л., 1954. — 158 с.

Лепявко С. Чернігів. Історія міста / С. Лепявко. — К., 2012. — 432 с.

Марков М. О достопамятностях Чернигова / М. Марков // Об успехах народного просвещения. — № XLI. — СПб., 1816. — 56 с.

Мезенцев В. І. Про формування міської території давнього Чернігова / В. І. Мезенцев // Археологія. — 1980. — Т. 34. — С. 53–64.

Моця О. Давньоруський Чернігів / О. Моця, А. Казаков. — К., 2011. — 316 с.

Моця О. П. Охоронні археологічні дослідження в м. Чернігів у 2005 р. / О. П. Моця, О. Є. Черненко, А. Л. Казаков, С. О. Сорокін // АДУ 2004–2005 рр. — К.–Запоріжжя, 2006. — С. 293–295.

Моця О. П. Охоронні археологічні дослідження в Чернігові в 2003 р. / О.П. Моця, О. Є. Черненко, А. Л. Казаков, С. О. Сорокін // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. — Запоріжжя, 2005. — С. 233.

Мудрицький Г. А. Ковальське ремесло літописних міст Чернігово-Сіверської землі / Г. А. Мудрицький // Старожитності Південної Русі: Матеріали III історико–археологічного семінару «Чернігів і його округа в IX–XIII ст.», Чернігів, 15–18 травня 1990 р. — Чернігів, 1993. — С. 95–101.

Очерк истории города Чернигова 907–1907. Юбилейное издание Черниговской Городской Управы. — Чернигов, 1908. — 71 с.

Попудренко М. А. Стародавні знахідки з Чернігова / М. А. Попудренко // Археологія. — 1975. — Т. 16. — С. 82–86.

Потапов А. В. Охранные раскопки по ул. Ленина в 1989 г. (посад древнего Чернигова) / А. В. Потапов // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1989/152, 31 с.

Пуцко В. Г. Ювелирные изделия в средневековом Чернигове (состав, происхождение, вопросы хронологии) / В. Г. Пуцко // Археология Юго-Востока Руси. Материалы IV научной конференции. — Елец, 2006. — С. 189–210.

Рыбаков Б. А. Древности Чернигова / Б. А. Рыбаков // МИА. — 1949. — № 11. — С. 7–99.

Рыбаков Б. А. Отчет о работах Черниговской экспедиции в городах Любече и Чернигове в 1959 г. / Б.А. Рыбаков // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, 1959/20 б, № 3357, 87 с.

Ситий Ю. До питання про взаємозв'язок водопостачання і росту території давньоруського Чернігова / Ю. Ситий // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. — Чернігів, 2007. — С. 199–210.

Ситий Ю. М. Поховання біля древньої Любецької вулиці давньоруського Чернігова / Ю. М. Ситий // Сіверщина в історії України: Збірник наукових праць. — К.–Глухів, 2012. — Вип. 5. — С. 114–120.

Сохацкий В. В. Отчет об археологических раскопках на территории некрополя и Передгородья древнего Чернигова в 2000 г. / В. В. Сохацкий // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 2000/109. — 12 с.

Сытый Ю. Н. Планировка северо-западной части Черниговского Передгородья / Ю. Н. Сытый // Гомельщина: археология, история, памятники. Тезисы докладов II Гомельской областной научной конференции по историческому краеведению, 1991 г. Секция археологии и нумизматики. — Гомель, 1991. — С. 56–60.

Сытый Ю. Н. Укрепления древнерусского Чернигова X века / Ю. Н. Сытый // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. Тезисы докладов международной научной конференции (Москва, 6–8 ноября 2012 г.). — М., 2012. — С. 80–81.

Труды Черниговской губернской архивной комиссии. Чернигов, 1903. — Вып. 5. — 130 с.

Черненко О. Є. Дослідження на території Чернігова у 2009 р. / О. Є. Черненко, А. Л. Казаков, В. В. Рижий // АДУ 2009 р. — К.–Луцьк, 2010. — С. 461–462.

Шафонський А. Ф. Черниговского наместничества топографическое описание / А. Ф. Шафонський. — К., 1851. — 740 с.

Шекун О. В. Нові дослідження Чернігівського курганного некрополя / О. В. Шекун // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. — Чернігів, 2007. — С. 106–118.

Ярыгин А. Былое Черниговской земли / А. Ярыгин. — Чернигов, 1998. — 144 с.

Ярыгин А. К. Изыскания о древнем расположении г. Чернигова // Труды XII Археологического съезда. — М., 1905. — Т. III. — С. 173–177.

Ю. М. Ситий

Передгороддя Чернігова

Аналізуються матеріали розкопок, що походять з території (площа 285 га) Передгороддя Чернігова. Поява укріплень Передгороддя датується В. П. Коваленком кінцем XII — початком XIII ст. На території Передгороддя простежуються міські квартали, окреслені давньоруськими вулицями. Забудова садиб не фіксується вздовж країв обмеженої укріпленнями території. Можливо, укріплення були зроблені з розрахунком на подальше зростання міста. У західній та східній частинах території Передгороддя виявлені ділянки ґрунтового могильника, які так і не були забудовані.

Yu. M. Sytyi

The Peredgoroddya of Chernihiv

Materials of excavations that took place on the territory of Peredgorodje of Chernigov are being analyzed in the article. Fortifications overcame a new growing district on the area of 285 ha. Dates of the fortification appearance after V. P. Kovalenko are the end of XIIth — beginning of XIIIth century. Old Rus' streets with dense buildings were found on the territory of Peredgorodje. We can also trace city quarters bounded by streets. Estate buildings are not fixed along the edges of the territory measured by the fortifications. Perhaps the fortifications were made taking into consideration the future growth of the city. Parts of burial ground were found on the western and eastern part of Peredgorodje.

О. О. Тарабукін

Археологічний відділ Волинського центрального науково-дослідного музею і дослідження коростенських старожитностей (20-ті роки XX ст.)

У статті висвітлюється діяльність археологічного відділу Волинського центрального науково-дослідного музею у вивченні пам'яток давнини м. Коростеня та його околиць.

Ключові слова: археологічний відділ, секція археологічних дослідів, Коростенський окружний музей краєзнавства, археологічні дослідження, старожитності.

На початку 20-х років XX ст. головним і, фактично, єдиним осередком з вивчення археологічної спадщини на теренах Східної Волині був Волинський центральний музей. У його структурі з червня 1919 р. функціонував археологічний відділ, який очолював відомий знавець Волинської старовини, археолог С. С. Гамченко. За досить короткий період діяльності працівникам відділу вдалося організувати й провести широкомасштабні археологічні дослідження, в ході яких було обстежено території і околиці 88 населених пунктів краю, виявлено й зареєстровано понад 286 пам'яток давнини. Започатковані роботи з вивчення пам'яток періодів кам'яного віку, трипільської і мегалітичної (кулястих амфор) культур доби енеоліту, епохи бронзи, ранньосередньовічних старожитностей корчацького типу та комплексу об'єктів доби пізнього середньовіччя.

У період з 1919 по 1923 рр. дослідження археологічного відділу переважно охоплювали території сучасного м. Житомира, Житомирського, Черняхівського, частково Андрушівського, Бердичівського і Чуднівського районів Житомирської області, які у той час належали до Житомирської (Волинської) округи [Вікторовський, 1925, с. 19–20, Гнатюк, 1926, с. 226].

З 1924 р., незважаючи на відсутність коштів, географія досліджень археологічного відділу значно розширюється і, крім Житомирської (Волинської) округи, поступово охоплює північні регіони Східної Волині. З цього часу започатковуються роботи з систематичного і планомірного вивчення старожитностей на території Коростенської округи. Цьому значною мірою сприяло заснування в м. Коростені окружного музею краєзнавства. Його першим завідувачем було призначено вчителя, працівника Коростенського повітового відділу Наросвіти, колишнього співробітника Овруцького повітового музею, співробітника-уповноваженого Волинського центрального музею Ф. А. Козубовського. Незначний бюджет і штат музею не давали можливості налагодити планомірну роботу з вивчення Коростенської округи. На початковому етапі існування музею дослідження мали епізодичний характер і здебільшого проводилися Ф. А Козубовським самотужки. Давалася взнаки й відсутність сталого практичного досвіду в організації і проведені досліджень, обліку, зборі, фіксації, наукової обробки та визначені археологічних матеріалів. Маючи намір у подальшому будувати діяльність музею на науковій основі, Ф. А. Козубовський почав налагоджувати зв'язки з центральними й місцевими науково-дослідними установами. Однією з перших серед них став Волинський центральний музей. У середині літа 1924 р., як відзначає Ф. А. Козубовський, Коростенський окружний музей краєзнавства «увійшов до складу Волинсько-

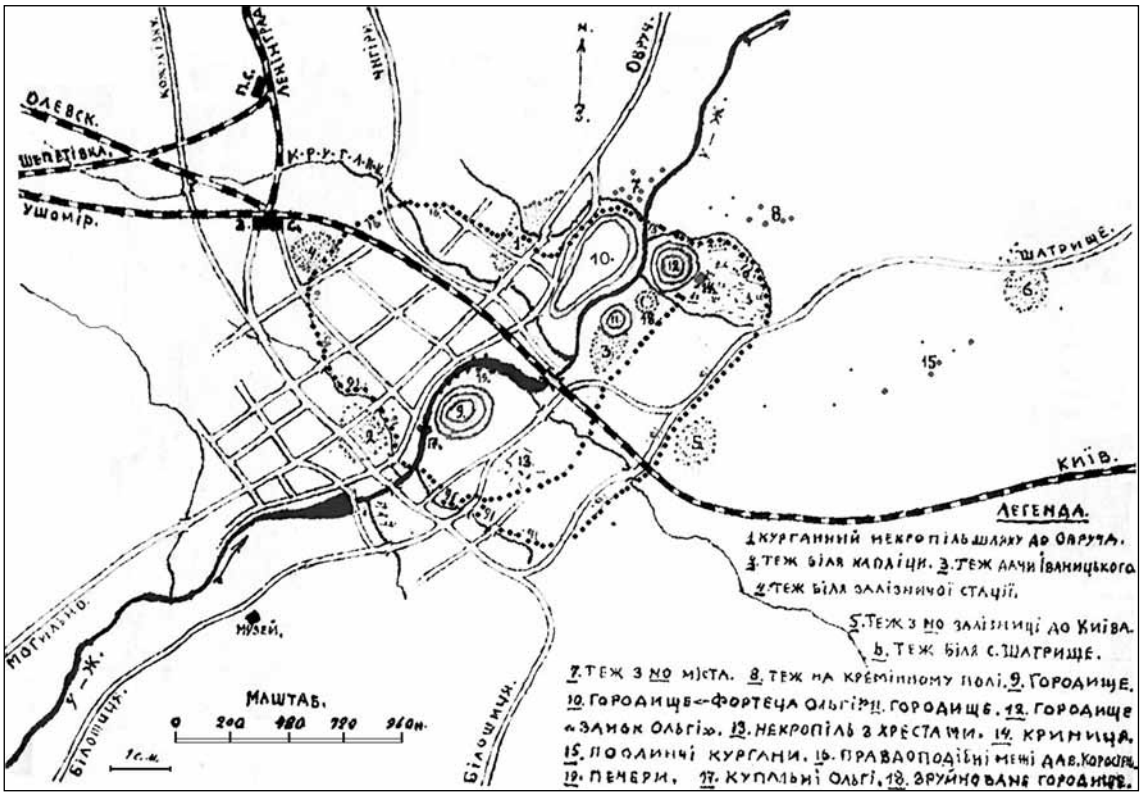


Рис. 1. Археологічна карта м. Коростеня і його околиць (за С. С. Гамченко, 1924–1925 рр.)

го центрального музею як його філія» [Козубовский, 1925, с. 21]. Згодом завідуючого Коростенського осередку, очевидно, за сприяння С. С. Гамченка, обрано до членів секції археологічних дослідів і Волинської вільної археологічної школи, яка в той час функціонувала в м. Житомирі при археологічному відділі, а також введено до складу Ради Волинського центрального музею.

Важливу роль у налагоджені науково-дослідної праці музею в галузі археології відіграв С. С. Гамченко. Саме він, на думку окремих дослідників, став першим наставником Ф. А. Козубовського, переконував його в тому, що пріоритетним напрямком у діяльності окружного музею має стати вивчення і охорона археологічних старожитностей м. Коростеня та його околиць [Звіздецький, Петраускас, Польгуй, 2004, с. 58].

Завдячуючи співпраці С. С. Гамченка та Ф. А. Козубовського, за ініціативою останнього, з 1924 р. археологічний відділ Волинського центрального музею активно долучається до вивчення Коростенських старожитностей. Слід відзначити, що цей напрямок у діяльності археологічного відділу Волинського центрального музею в науковій літературі не відображено взагалі. Лише окремі дослідники побіжно згадують про роботи С. С. Гамченка на території Коростеня, називають і коротко характеризують його праці з означеної тематики. Тому маємо на меті, ґрунтуючись переважно на архівних матеріалах, висвітлити діяльність археологічного відділу Волинського центрального науково-дослідного музею у вивчені старожитностей м. Коростеня і його околиць, ввести до обігу маловідомі широкому загалу й науковцям матеріали.

Свої дослідження на теренах Коростеня археологічний відділ Волинського центрального музею, за ініціативою і запрошенням Ф. А. Козубовського, розпочав з огляду міста і його околиць, обстеження відомих на його території археологічних об'єктів. Активну участь у роботах відділу, крім Ф. А. Козубовського, брали І. Ф. Левицький, місцеві краєзнавці і шанувальники старовини. Упродовж 24–27 липня 1924 р. було оглянуто і зареєстровано більш ніж 10 пам'яток давнини. Серед них — городища № 1–3 та 4 (замчище), ділянка з кам'яними хрестами біля городища № 3, курганні могильники

в урочищі «Кургани», на якому проводив розкопки В. Б. Антонович, на колишній дачі Іваницького, на кладовищі біля ст. Коростень, а також біля католицької каплички по вул. Урицького.

Неподалік від городища № 1 «Замок Ольги» С. С. Гамченку вдалося виявити сліди ще одного давнього укріплення. Серед оточуючих його городищ воно було найменшим. Однак внаслідок видобування граніту його культурний шар і укріплення були повністю зруйновані. Крім того, оглянуто місцевість на ділянці Коростень-Шатрище, де виявлені знахідки крем'яних виробів палеолітичної доби. Хід і результати проведених робіт ретельно фіксувалися в польовому щоденнику. Зйомку і складення планів обстежених пам'яток здійснював особисто Ф. А. Козубовський. За результатами обстеження було складено загальний план м. Коростеня з позначенням на ньому всіх відомих на той час пам'яток (рис. 1) [Дневник, арк. 1; Справа, арк. 53].

Після розвідувальних робіт було вирішено провести розкопки в місцевості, відомій під назвою «Дачі Іваницького» (рис. 1, *3*). На цій території було зафіксовано чималий курганний могильник. Знаходився він серед дубового лісу на східній околиці Коростеня, приблизно за 0,5 км на північний схід від залізничного мосту. Могильник розміщався південніше городища № 2, вздовж ґрунтової дороги на с. Шатрище і займав плато правого берега р. Уж. Складався він з 120 насипів пласкої, майже розпливчастої, напівсферичної або усічено-конічної в перетині форми. Насипи в плані округлої форми висотою від 0,35–0,71 до 1,42–2,13 м. По периметру підошви насипів спостерігалися кільцеві, іноді з перетинками, ровики. На поверхні багатьох курганів росли дерева 40–50-річного віку.

Цілком очевидно, що на цьому етапі дослідження мали розвідувальний характер. Роботами керував безпосередньо С. С. Гамченко. Участь у вивчені пам'ятки й розкопках взяли Ф. А. Козубовський, К. Г. Черв'як, І. Ф. Гусак та М. Л. Загоровський. На початку було ретельно оглянуто, складено опис, визначено стан пам'ятки, а Ф. А. Козубовським проведено детальну зйомку і складено план (рис. 3, *1*). Під час огляду було зафіксовано, що насипи курганів № 54 і 66 майже наполовину зрізано ґрунтовою дорогою, а № 106 — землекопом. У насипі кургану № 107 мешканцями було влаштовано погріб. Кургани № 12, 45, 70 і 119 — пошкоджені ямами, що їх залишили шукачі скарбів.

14 серпня 1924 р. було розкопано один курган № 115 (за щоденником — № 1). Подробиці дослідження цього кургану викладені в праці С. С. Гамченка «Раскопки 1924 г. на Волыни», рукопис якої досі не опубліковано, зберігається в науковому архіві Інституту археології НАН України [Гамченко, 1925, № 46]. Курган № 115 знаходився у західній, ближче до краю, частині могильника (рис. 3, *2*). Насип напівсферичної в перетині форми, висотою — 0,77 м, діаметром 6–7 м. По периметру підошви — кільцевий ровик шириною 2,42–3,55 м, глибиною 0,22–0,35 м. У північно-східній та північно-західній частинах зафіксовані перетинки довжиною 1,74–1,97 м. Порівняно з дореволюційним періодом, коли насипи курганів розкопувалися методом «колодязя», охоплюючи лише його центральну частину, співробітниками археологічного відділу було застосовано новий спосіб дослідження поховальних насипів. Площу кургану було розбито на чотири сектори за сторонами світу. Розкопки проводи-

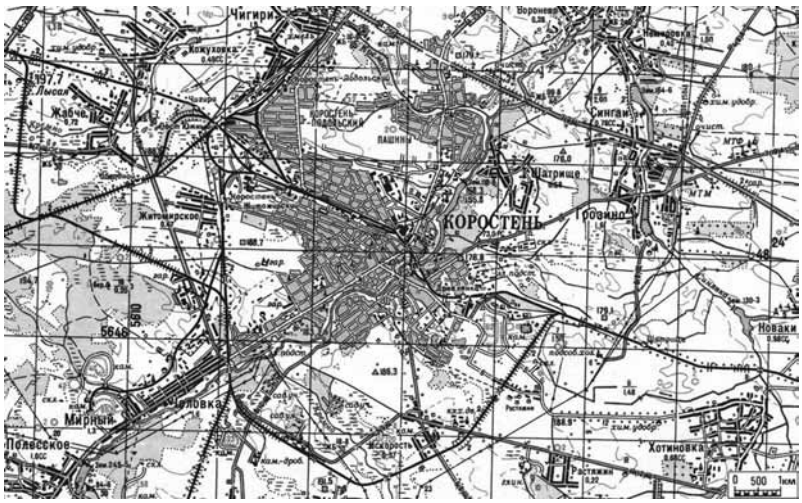


Рис. 2. Місто Коростень і його околиці на сучасній топографічній карті

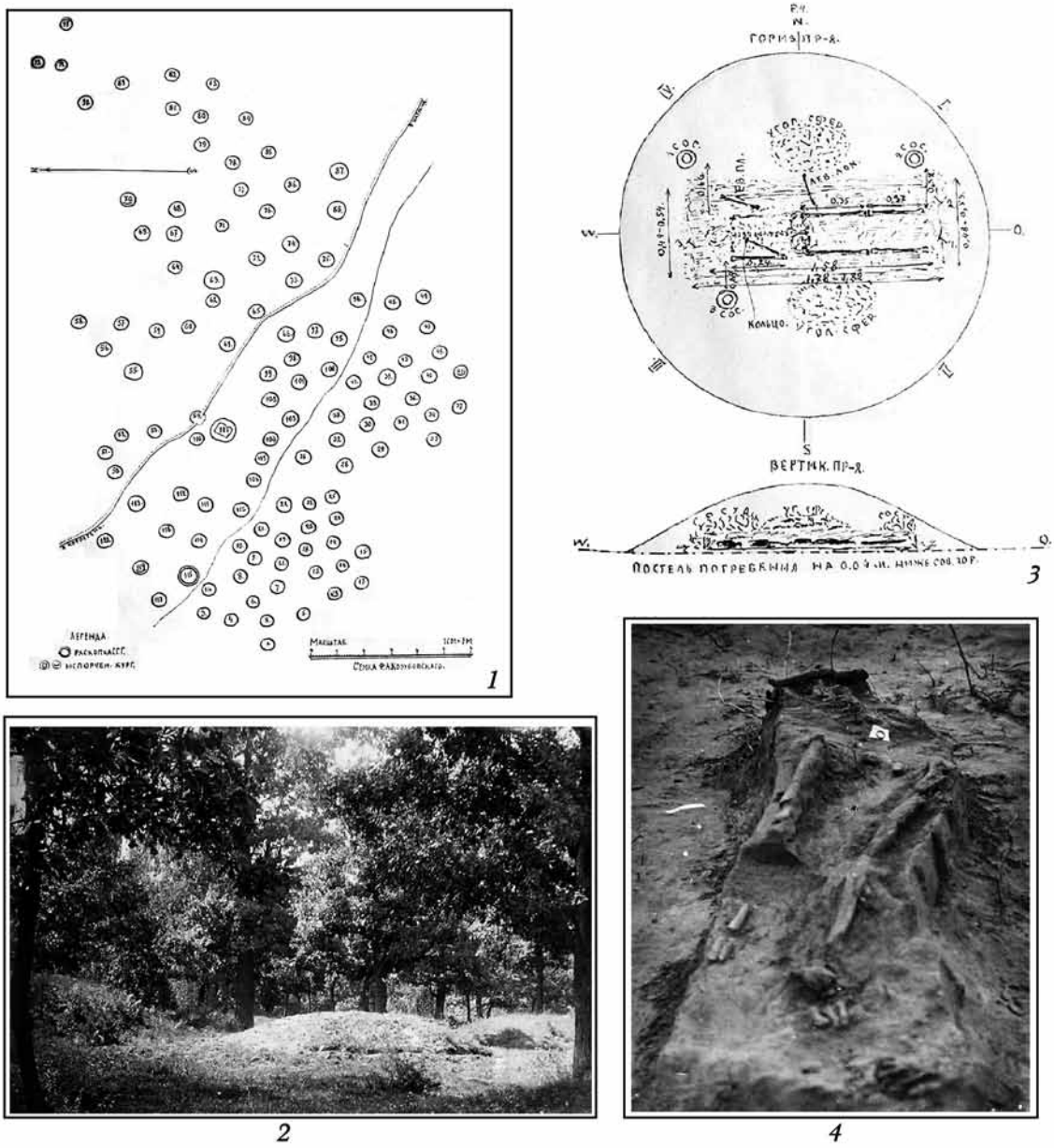


Рис. 3. Курганний могильник «Дачі Іваницького»: *1* — план могильника, за Ф.А. Козубовським, 1924 р.; *2* — загальний вигляд на могильник і курган № 115 (на першому плані, по центру); *3–4* — План, профіль і фото поховання в кургані № 115

лись пошарово одночасно по всій площі насипу. В центрі, для спостереження за стратиграфією, залишалася ділянка землі, так звана «попа», діаметром 0,40 м, яку знімали після виявлення поховання. Ґрунт знімався лопатою пошарово на пів-штика до глибини 0,13 м із наступною зачисткою поверхні до глибини до 2 см. Розкопки продовжувалися до глибини 0,88 м.

На глибині 0,55–0,77 м у I, III та IV секторах знайдені уламки глиняного посуду. У північній і південній частинах, по боках залишків дерева труни, зафіксовані плями («сфероїди») вугілля і золи розмірами: північний — 1,12×0,84×0,04 м та південний — 1,15×0,74×0,06 м. У східній частині на глибині 0,60 м знайдено два залізних цвяхи, на 0,17 м глибше у західній — ще один цвях із залишками та відбитками дерева на них. У центральній частині насипу, на глибині 0,62 м, знайдено залишки дерев'яної труни прямокутної в плані форми, витягнутої по осі захід-схід, розмірами 1,86×0,52–0,15 м. На глибині 0,74 м виявлено залишки скелету незадовільного стану (рис. 3, *3–4*). Кістяк жіночої статі, лежав на спині у випростаному стані, орієнтований головою на захід.

Права рука зігнута в лікті й покладена на правій половині грудної клітини. На одній із фаланг знайдено срібне, пласке, стрічкового типу, цільнолите кільце.

На думку С. С. Гамченка, тіло жінки помістили у видовбану дубову колоду, яку було прикрито кришкою і забито трьома цвяхами — два в ногах, а третій — в головах. Труну встановили у центральній частині насипу на рівні давнього горизонту. Поруч з труною, на рівні плечей і лівої ступні, поставлені горщики культового призначення. По боках, на рівні тазу, поховання було густо посипаною вугіллям і золою. За даними С. С. Гамченка, горщики виготовлені на гончарному крузі, висотою 0,22–0,26 м, діаметром у верхній частині тулуба 0,13–0,17 м. Поверхня від шийки до низу покрита врізним лінійним орнаментом [Гамченко, 1925, № 46, арк. 4–8]. Такий тип орнаменту, що покривав майже всю поверхню, був характерним для посуду так званого курганного типу з манжетоподібними вінцями, датованого в межах X — першої половини X ст. [Кучера, Сухобоков, Беляева, 1984, с. 10–11, Кучера, 1986, с. 448, 451]. Про можливість датування розкопаного С. С. Гамченком кургану цим часом свідчать результати досліджень 1994 р. У тій самій групі Б. А. Звіздецьким було розкопано курган, у насипу якого знайдено фрагментований керамічний горщик, який за способом моделювання вінець датовано кінцем X — першою половиною XI ст. [Звіздецький, Польгуй, 1998, с. 119, Звіздецький, 2008, с. 13].

Більша частина зібраних під час досліджень 1924 р. матеріалів була передані до Коростенського окружного музею краєзнавства. Лише невелика їх кількість надійшла до археологічної лабораторії Волинського центрального музею [Гамченко, 1925, № 46, арк. 2, Гнатюк, 1926, с. 226]. Яка саме частина, і з чого вона складалася, встановити поки що не вдається.

Загалом розкопки на території Коростеня та Коростенської округи, як зазначає С. С. Гамченко, проводилось усупереч його бажанням і «...носили спорадичний і переважно пробний та показовий характери, щоб дослідженнями охопити якомога більше число географічних точок і на місцях популяризуючи археологічну справу ширше, зупинити самовільні розкопки любителів і пошуки скарбів» [Гамченко, 1925, № 46, арк. 1]. Виходячи з цього, можна з великою долею ймовірності стверджувати, що археологічний відділ Волинського центрального музею не мав намірів і не ставив за мету в польовому сезоні 1924 р. досліджувати пам'ятки давнини на теренах Коростеня. Лише збіг обставин і велике бажання завідуючого Коростенського окружного музею краєзнавства Ф. А. Козубовського організувати діяльність осередку на науковій основі і спрямувати її на дослідження місцевих старожитностей, врешті-решт дозволили мобілізувати сили та спільно з науковцями Волинського центрального музею розгорнути широкомасштабні роботи з вивчення місцевих старожитностей.

У 1925 р. діяльність археологічного відділу Волинського центрального музею на чолі з С. С. Гамченком привернули увагу центральних наукових установ. За підсумками науково-дослідної роботи музей було віднесено до провідних осередків Радянської України в галузі дослідження археологічної спадщини. Згодом, на Всеукраїнській конференції краєзнавства, що відбулася 28–31 травня 1925 р. в м. Харкові, музей отримує статус науково-дослідного закладу, а згодом Укрнаукою при двох відділах затверджено аспірантуру [Ланчук, 1995, с. 13]. З того часу науково-дослідна робота з вивчення пам'яток давнини на Волині координується і здійснюється за плановими завданнями Всеукраїнського археологічного комітету. Тоді ж завідуючого археологічним відділом С. С. Гамченка приймають до складу дійсних членів цієї установи.

На нараді співробітників археологічної секції та Волинської вільної археологічної школи було обговорено і складено план досліджень польового сезону 1925 року. Під час його підготовки були враховані директиви ВУАКу

і Київського підготовчого комітету з організації I Всеукраїнської археологічної конференції, яку планувалося провести в Одесі. Заплановані роботи були скореговані таким чином, щоб відповідати тематиці, запропонованій центральною науковою установою. При цьому С. С. Гамченко наголошував на необхідності зробити рішучі й

невідкладні дослідження передусім у тих місцевостях, яким загрожує небезпека руйнування чи повного знищення. Одним із таких пунктів був Коростень. Коростенською філією в особі Ф. А. Козубовського було запропоновано й розглянуто на спільній нараді членів археологічної секції музею план досліджень на ділянці Коростень-Шатрище, який складався з чотирьох пунктів і передбачав таке:

«1. Розвідки й розкопки городища в урочищі «Ловище» біля Коростеня, яке щоденно руйнується роботами каменоломень, а між тим має значення як неолітичне-слов'янське городище осередку Коростеня і дослідження якого відповідає 2-му та 8-му питанням ВУАКу і Підготовчого комітету;

2. Розкопки в курганній групі с. Шатрище, що розорюється, розкопується для греблі та розпорошується вітром;

3. Розкопки культурного шару в тім же місці (небезпека руйнування від зсувів та еолового навіювання;

4. Розкопки в Коростенському некрополі нашої ери з глибокими, ще недослідженими могилами давнього минулого Коростеня (руйнується оранками й загрожує небезпека від селян-кладошуків)» [Гамченко, 1925, № 46/4, арк. 2]. Відповідальним за організацію і проведення археологічних досліджень на зазначеній ділянці, а також за фіксацію, обробку матеріалів, виготовлення експонатів, підготовку наукових звітів та рефератів, визначено завідуючого Коростенською філією Ф. А. Козубовського. Дослідник, спостерігаючи за бурхливим розвитком міста, швидкими темпами господарського освоєння, проведенням численних земляних та будівельних робіт на його території, під час яких знищувалися безцінні свідки минулого, усвідомлював, що «зростаюче й американізуюче місто зітре решту пам'яток археологічних. Тому так гостро відчувається потреба в як найскорішому археологічному досліджені Коростенських першоджерел». Однак самотужки «моєю невеличкою працею я не міг перевести повних вичерпуючих дослідів такого широкого археологічного поля, яким є м. Коростень. Це був початок для послідуючої праці багатьох років коли не для мене, то принаймні для інших дослідників» [Козубовський, 1925, с. 8, Колеснікова, 2011, с. 37].

До вивчення пам'яток давнини Коростеня та його околиць активно долучаються завідуючий і працівники археологічного відділу Волинського науково-дослідного музею. Упродовж 1925 р. С. С. Гамченко проводив дослідження спільно з Ф. А. Козубовським. Роботи переважно мали розвідувальний характер, здійснювалися за участю місцевого археологічного гуртка, на кошти, виділені для цієї мети з мізерного бюджету окружного музею [Звіт, 1924/25, арк. 17].

У червні 1925 р. дослідник обстежив 6 пам'яток, у тому числі городища № 1–3, ур. «Селище» біля городища, кремінне поле та стоянку біля урочища «Стойла» на околицях с. Шатрище. Під час огляду території в урочищі «Ловище» зібрав 16 крем'яних виробів доби неоліту. Усі зібрані артефакти надійшли до археологічного відділу Волинського науково-дослідного музею [Реєстр, 1930, арк. 3, 26; Звіт, 1924/25, арк. 16].

Пізніше, у присутності 102-х вчителів Коростенської округи, які приїхали до Коростеня на перепідготовку, С. С. Гамченко провів показові розкопки у двох пунктах. У південній частині городища «Замок Ольги» (воно ж «Замчище» або урочище «Ловище») вчений показав як треба проводити наукові дослідження городища, збирати, сортувати й вивчати здобуті під час розкопок артефакти тощо. Роботи супроводжувалися поясненнями й лекційними повідомленнями. Крім цього, вчителям було продемонстровано оточуючий городище ландшафт із показом навколишніх археологічних об'єктів.

Наступним пунктом досліджень 1925 р. було обрано курганний могильник «Дачі Іваницького», на території якого також показово було досліджено курган № 2. Під час розкопок було виявлено поховання, здійснене за обрядом тілопокладення, що знаходилося в ямі глибиною 0,22 м, викопаної нижче рівня давнього горизонту. Покійник літнього віку лежав на спині у випростаному стані головою на захід у дерев'яній домовині, складеної з дощок і збитої залізними цвяхами. Права рука зігнута в лікті, а кінцівка лежала на лівому боці на рівні грудної клітки. Кістка лівої руки була зруйно-

вана й розтягнута корінням дерев, через що встановити її положення було неможливо [Гамченко, 1925, № 46/4, арк. 5–6].

Упродовж 1925 р., під безпосереднім керівництвом С. С. Гамченка, Ф. А. Козубовський самостійно здійснив розвідувальні розкопки городища № 1 в урочищі «Ловище», кургану № 3 в урочищі «Дачі Іваницького» та некрополю з кам'яними хрестами, розташованого на південь від городища № 3. Результати цих робіт дослідник висвітлив у праці «Записки про досліди археологічні коло м. Коростеня року 1925», виданій у видавництві «Нове село» в 1926 р. [Козубовський, 1926].

Крім С. С. Гамченка і Ф. А. Козубовського, на території Коростеня і його околиць проводив дослідження співробітник археологічного відділу Волинського науково-дослідного музею І. Ф. Левицький. На відміну від перших, які надавали перевагу дослідженням пам'яток слов'яно-руського часу, він зосередився на вивчені первісних старожитностей регіону. У квітні 1925 р. дослідник обстежив відслонення ґрунту в кар'єрі на західному схилі городища в урочищі «Ловище», де зібрав крем'яні вироби доби неоліту (рис. 4, *1*). Подібні вироби були також зібрані в урочищі «Крем'яниця» (місцевість у напрямку до с. Шатрище) та на стоянці біля урочища «Стойла» в околицях с. Шатрище (Рис. 4, *3*) [Реєстр, 1930, арк. 3]. На початку липня того ж року І. Ф. Левицький виявив нове місцезнаходження неолітичної доби на плато правого берега р. Уж, розташованої на схід від колишньої будівлі музею, зайнятої на той час військовими касарнями, де зібрав крем'яні знаряддя праці (рис. 4, 5) [Реєстр1930, арк. 3].

Роботи з вивчення первісних старожитностей Коростеня, як стверджував дослідник, він проводив і в наступних 1926–1928 рр. Однак результати цих робіт вдається встановити лише за 1928 р., оскільки у звітах вченого за 1926–1927 рр. Коростень та його околиці не згадуються. У 1928 р. І. Ф. Левицький провів на території міста і його околицях низку додаткових розвідувальних робіт і спостережень. У цих роботах брали участь студент Житомирського Інституту народної освіти А. Попович та лаборант

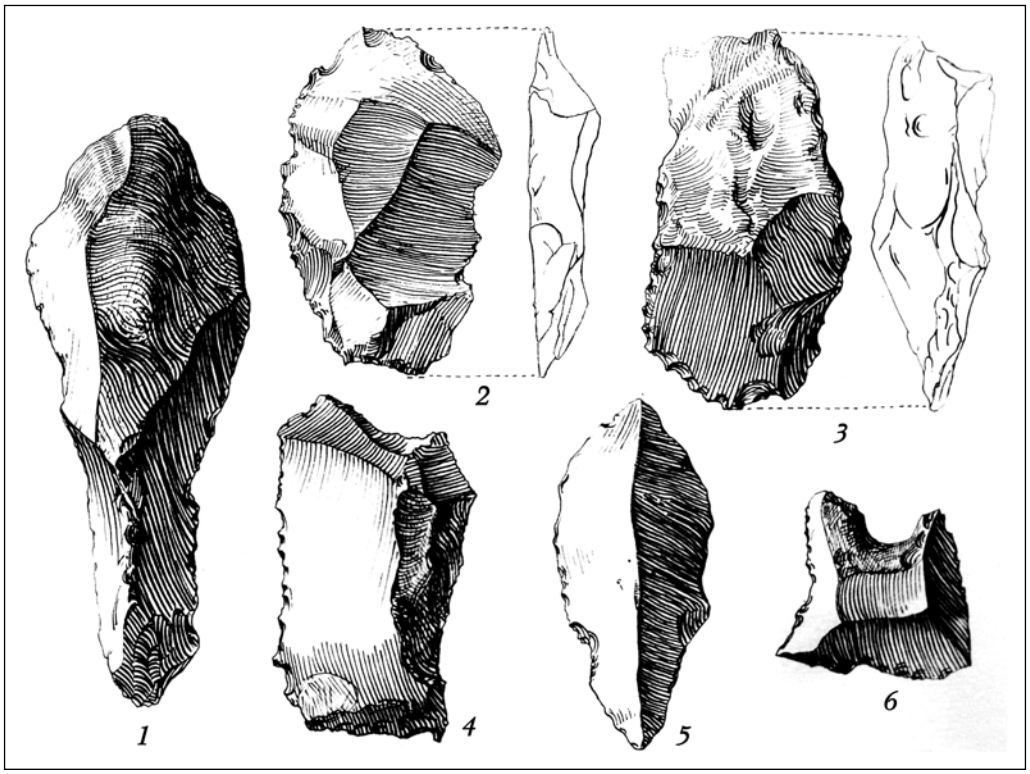


Рис. 4. Знахідки, зібрані І.Ф. Левицьким на ділянці Коростень-Шатрище: *1* — городище в урочищі «Ловище»; *2, 4, 6* — пункт IV-3, північно-західний кут садиби касарень; *3* — стоянка біля урочища «Стойла» в околицях с. Шатрище; *5* — садиба Коростенського музею

археологічного відділу Волинського науково-дослідного музею О. П. Червінський. В ході розвідок було виявлено шість нових археологічних об'єктів із типовим інвентарем доби неоліту (пункти IV 3–8) [Левицький, 1928, арк. 4, 30–32].

Пункт IV-3. Стоянка у північно-західній частині садиби військових касарень, нижче млина. Займає підвищення правого берега р. Уж. На ділянці розмірами 30×30 м (0,09 га) зібрані уламок крем'яного відбійника, 8 нуклеусів призматичного типу, 11 пластин, декілька скребачок і сокиру (рис. 4, *2, 4, 6*) [Левицький, 1928, арк. 30-31, Реєстр, 1930, арк. 3].

Пункт IV-4. Біля мосту зі східного боку, розташованого на шляху до с. Хотинівки, на підвищені правого берега р. Уж. У відслоненнях культурного шару, у зрізі стінки канави, на глибині 0,70–0,80 м від сучасної поверхні, зібрані крем'яні вироби неолітичної доби [Левицький, 1928, арк. 31, Реєстр, 1930, арк. 4].

Пункт IV-5. Сліди стоянки на території садиби семирічної школи, де зібрані крем'яні вироби неолітичної доби [Реєстр, 1930, арк. 4].

Пункт IV-6. Біля електростанції, на схилі лівого берега р. Уж, зібрані крем'яні вироби доби неоліту [Реєстр, 1930, арк. 4].

Пункт IV-7. Зі східного боку електростанції, на схилі лівого берега р. Уж, у зрізі стінки канави, в шарі суглинку на глибині до 0,35 м від сучасної поверхні, зібрані грубо оброблені знаряддя. Далі на північ у місцях, де відзначається тонкий прошарок ґрунту, який підстеляє жорства, і на поверхні виявлено крем'яне начиння та відходи виробництва неолітичної доби (можливо, сліди майстерні) [Левицький, 1928, арк. 31–32].

Пункт IV-8. Окремі знахідки неолітичної доби зафіксовані між головною вулицею і скелястими схилами р. Уж, на ділянці від церкви до садиби літнього театру [Левицький,, 1928, с. 32]. Загалом у 1925 р. на території Коростеня та на його околицях І. Ф. Левицький зафіксував близько десятка пам'яток з матеріалами доби палеоліту й неоліту, що значно доповнило археологічну карту регіону.

Таким чином, працівниками археологічного відділу Волинського центрального науково-дослідного музею упродовж 1924–1928 рр. було проведено низку розвідувальних робіт і спостережень за земляними роботами, внаслідок яких на теренах Коростеня та його околицях було зареєстровано близько 30 різночасових археологічних пам'яток, від кам'яного віку до пізнього середньовіччя включно. На окремих пам'ятках, переважно слов'яно-руського періоду, здійснені невеличкі розкопки розвідкового характеру, які фактично започаткували систематичні дослідження середньовічних пам'яток стародавнього Коростеня. При цьому слід відзначити, що С. С. Гамченко спрямовував свої зусилля здебільшого на вивчення пам'яток періодів раннього середньовіччя і Київської Русі. Водночас, І. Ф. Левицький зосередився на вивчені первісних старожитностей доби палеоліту, неоліту, енеоліту та бронзи. Членом секції археологічних досліджень Ф. А. Козубовським започатковуються роботи з дослідження пізньосередньовічних пам'яток у місті. Вперше проводяться розкопки на старовинному некрополі неподалік від городища № 3, який виділявся на поверхні наявністю надмогильних пам'ятників у вигляді кам'яних хрестів [Козубовський, 1926, с. 15–18].

За підсумками проведених робіт було складено карту Коростенських старожитностей. Результати досліджень працівники відділу фіксували в наукових звітах і працях, рукописи яких нині зберігаються в науковому архіві Інституту археології НАН України. При цьому більшість із них досі не опубліковані. Примітною серед них є рукописна стаття С. С. Гамченка «Археологічні першоджерела м. Коростеня і його околиць», написана вченим у Києві 27 квітня 1930 р. [Гамченко, 1930].

У невеликій за об'ємом праці, що нараховує лише 4 аркуші, у стислій формі наводяться відомості про старожитності м. Коростеня та його околиць, зібрані в результаті досліджень, проведених вченим упродовж 1924–1925 рр. Дослідник подає перелік відомих на той час пам'яток давнини й цікавих з історико-археологічної точки зору місцевостей та об'єктів. На початку тексту статті вміщено детальну картосхему, на яку під окремими номерами нанесено описані в тексті археологічні об'єкти та легенду. Важли-

вим також є те, що С. С. Гамченко на підставі зібраних матеріалів і власних спостережень вперше за всю історію вивчення Коростенських старожитностей робить спробу визначити межі стародавнього Іскоростеня. Подаючи опис пам'яток, С. С. Гамченко звертав увагу на результати попередніх досліджень, свідчення старожилів, стан збереження об'єктів, фіксував чинники, внаслідок яких пам'ятки давнини руйнувалися або знищувалися. Відзначав, що відсутність матеріальних засобів не дозволяли оперативно і в повному обсязі досліджувати пам'ятки на теренах Коростеня. «Коростень американізується, — писав С. С. Гамченко, — ламання каміння й будування все нищать», а тому наголошував на необхідності проведення детальної фіксації та опису пам'яток у місті, публікації в академічних виданнях результатів археологічних досліджень, «аби хоча щось збереглося для науки» [Гамченко, 1930, арк. 4].

Згадана праця вченого неодноразово привертала увагу дослідників, які так чи інакше займалися вивченням Коростенських старожитностей. Зокрема, І. М. Самойловський, у статті «Стародавній Коростень», надрукованій у часописі «Археологія» в 1970 р., використовуючи матеріали С. С. Гамченка, систематизував дані і склав карту пам'яток Коростеня, акцентуючи увагу передусім на об'єктах давньоруського періоду [Самойловський, 1970, с. 191, рис. 1]. Про статтю С. С. Гамченка також згадують у своїх дослідженнях Б. А. Звіздецький та І. І. Ярмошик. Автори розглядають її в контексті діяльності вченого, наводять її назву, подають коротку характеристику [Звіздецький, Петраускас, Польгуй, 2004, с. 58, Ярмошик, 2006, с. 103]. Однак ця надзвичайно важлива праця дослідника й досі залишається не опублікованою. Її значення в контексті вивчення стародавнього минулого Коростеня відзначали відомі дослідники Коростенських старожитностей Б. А. Звіздецький, А. В. Петраускас і В. І. Польгуй [Звіздецький, Петраускас, Польгуй, 2004, с. 58]. Введення до наукового обігу й ознайомлення широкого загалу з працею С. С. Гамченка може прислужитися дослідникам для вивчення минулого міста, стати основою для подальших більш поглиблених досліджень і створення археологічної карти надзвичайно цікавої і малодослідженої в історико-археологічному відношенні місцевості, яку займав літописний Іскоростень.

Нижче наводимо статтю науковця, зберігаючи при цьому стилістичні та інші особливості тексту. Оскільки пам'ятки, відомості про які наводяться в тексті, не завжди мають позначення, у квадратних дужках, після назви об'єкту, подаємо його порядковий номер, що відповідає номеру на картосхемі.

«АРХЕОЛОГІЧНІ ПЕРШОДЖЕРЕЛА м. КОРОСТЕНЯ І ЙОГО ОКОЛИЦЬ»

Арк 1. «В 1924 і 1925 р.р. мені довелося, завдяки Коростенському музею, провадити архдосліди у Коростеню та його околицях. Рекогносцірівками досліджена вся місцевість. Розкопом досліджено три кургани некрополя «дачі Іваницького» (3. легенди). Крім того, показано розкопом, як треба досліджувати городище «Замок Ольгі (12. легенди).

«**Курганний некропіль шляху на Овруч**» **[№ 1]** досліджував у 1888 р. Антонович В. Б. За народньою пам'яттю, цей некрополь досліджувався ще раз у 1912 р. кімсь з Київа. Знаходили: скелети на горизонті, на спині, головою на W з інвентарем — залізні цвяхи, горшки, шкляні буси, кручені дротяни каблучки, залізні ножики тощо. Зберіглося 41 курган. З них не розкопано біля десятка. Кургани круглого пляну. Розміри: височина 0,5–1 м, окружність кола основи 8–15 м. Навколо насипу ясний лотковий рівчак (цільний чи преривчастий). Кургани тягнуться низкою в 3–4, на віддалені один від одного 4–6 м.

«**Курганний некрополь, що рештки його зберіглися біля каплиці**» **[№ 2]**, був великий, але його зруйновано будуванням. До останнього часу існувало ще чотири кургана. Насипи круглого плана, навколо рівчак, височина 6–6,5 м, окружність кола основи 50–60 м, профіль усічений конус. З них три розкопані у 1914 р. [1 — Де стояла каплиця: Хвойка та Штенгель і Біляшівський...] (кимсь з Київа). В одному знайдено багато поховань трупопокладення (в різних положеннях). Серед решткив помітні сліди дубових дошок (W-O напрямку). В найбільшому кургані теж були поховання.

Зали-

Арк. 2. шився курган, на котрому каплиця та обіч його рештки кургана, що досліджувалися у 1914 р. Чорноземля курганів здавна звозиться на огороди. За народною пам'яттю під одним курганом відкрилася стація кам'яної індустрії ?

«**Некропіль дачи Іваницького**» **[№ 3]** розташовувався серед гранітових скель. Кургани, по формі, 3х типів: великі — усічено-конічні, середні — півкулясті й малі — низенький зрізок кулі. Навколо рівчака (цільни чи преривчасті). Некропіль вкрито чорноліссям. Надзвичайно гарна місцевість, де заснували дачі, яких огороди зруйнували де-які кургани. В одному кургані льох дачи. Всіх курганів в 1924 р. зареєстровано 120ть. З них — великих 49 (височина 1–1,5 м і окружність кола основи 25–30 м), середніх 44 (височина 0,75–1 м і окружність кола основи 20–25 м) і малих 27 (височина 0,25–0,5 м і окружність кола основи 15–20 м). В розкопаних мною курганах: трупопокладення W-O, на спині, ноги й руки протягнутих, постіль на поверхні піску (підґрунтя), інвентарь: биндові ? ... срібні каблучки, залізні цвяхи з слідами дерева ...труни, кавалочки фрагментованого (під час поховання) посуду, вуглі, зола, сохраність кісток середня.

«**Курганний некропіль біля залізничної стації**» **[№ 4]**, за даними р. 1924, з 52х курганів. Круглої основи. Навколо кільцевий рівчак, переважно преривчастий. Насипи 3х типів: великі (10ть: височина 2–4 м і окружність кола основи 50 80 м), середні (28м: височина 1–1,5 м і окружність кола основи 30–40 м), і малі (14ть: височина 0,5–0,75 м і окружність кола основи 20–30 м). Великі зовні ідентичні з новгородськими сопками. Середні півкулясті. Малі — низенькій зрізок кулі. Насипи вкрити чорноліссям. На великих і середніх могилах сучасні могили з пам'ятниками теперішнього часу. Вигляд існуючого кладовища.

«**Курганний некропіль з NO залізниці на Київ**» **[№ 5],** зареєстрований т. Козубовським Ф. А., у 1925 р., мені не відомий.

«**Курганний некропіль с. Шатрище**» **[№ 6].** Складається з 15ти насипів. З них 6ть великих (усічений конус, височина 2–4 м і окружність кола основи 20–40 м), 4ри середніх (форми півкулястої, височина 0,5–1,5 м і окружність кола основи 15–30 м) і малих 5ть (низенький зрізок кулі, височина 0,4–0,5 м і окружність кола основи 10–20 м). Навколо рівчак, в більшості цільний. Вкритий дубовим лісом (два у полі). П'ять під оранкою.

Низка великих «курганів з NO міста» [№ 7]. Майже всі розкопані центральним колодязем. Хто копав і що знайдено не відомо?

На «кремінному полі», що з NO сусідить з городищем «Замок Ольги» [№ 8] один ясний і кілька неясних насипів улаштованих з кременя.

Арк. 3. «Городище № 3 біля «купалінь Ольгі» [№ 9]. На скелястий кручі правобережжя Ужа. Майже круглого пляна. Вал і рів. Діаметр площі біля 80 м. Височина вала 10–14 м. З S в'їздні ворота (пізнішого походження). З N краю площі велика яма. За народною пам'яттю, — це слід розкопів поміщика Прушинського, який тут шукав древлянський колодязь.

«**Городище 4 «Фортеця Ольги**» **[№ 10]**, над скелястою кручею лівобережжя Ужа. З NO і SW кручи та яр. N сторона має вал і рів. План нагадує пів овал. Розміри — 300×400 м. Височина 2–4 м і ширина в основі 14 м. Має чотири вхіди (пізнішого походження). Вал місцями нагадує вогнепальні фортіфікаційні спорудження. З боку Ужа зіпсовано ломанням гранітних скель на будування. Площа, як вал і рів, мають багато ям скарбошуків.

«**Городище № 2 на NO від некрополя дачі Іваницького**» **[№ 11]** має виразний вал і рів. З боку річки зіпсовано ламанням гранітових скель. Площа біля 30×50 м=1.500 км. Під випасом, а раніш була заорана. З N сторони, місцями, сліди ламання граніту. План округлий. Деніде ями скарбошуків. Височінь вала 2–3 м. Широчина його основи 10–12 м.

«**Городище «Замок Ольги**» **[№ 12]** описано в брошурі т. Козубовського Ф. А. «Записка про досліди археологічні коло м. Коростеня року 1925». Видав. «Нове село» р. 1926. З S боку зруйновано ламанням порфірового граніту, що було препінено у р. 1925. З цьогож боку мною було показано як треба копати городище, як сортувати арх. матеріали, вивчати їх тощо. Але т. Козубовський після мене копав це городище,

як зазначено в його «Записці».

«**Некропіль з хрестами**» **[№ 13]** із серацітового, фіалкового кольору, лупака**.** Він розташовувався в 40–60 м на S від городища, що біля «купалінь Ольги». За народною пам'яттю, тут була в давні часи церкви та навколо її цвинтарь. От цього збереглися: напіврозкопаний бугорок, в оголеннях якого вигнлядають кістки людини та ще далі на S серацітовий хрест і основа другого хреста, верхня частина якого лежала під тином сусіднього будинка. В цьому некрополі виконав досліди т. Козубовський Ф. А., що й описав в своїх зазначених вище «Записках».

«**Криниця**» **[№ 14]**, що біля основи горба городища «Замок Ольгі» теж описана в «Записках».

«**Поодинокі кургани**» **[№ 15]** типу курганів Шатрище, «на SW» від останіх, серед поля, де під давнею оранкою.

«**Зруйноване городище**» **[№ 18]** загінуло через ломання граніту й знаходилося, за струмком, на SW від городища «Замок Ольгі». Воно було самим малим з городищ.

Арк. 4. правобережжя *Ужа* біля м. Коростеня. Коли мені приходилося його оглядати у р. 1924, від його оборонній огорожі майже ні чого не залишилося, так що не можна було уявіть собі його плана та форм.

«**Печери**» **[№ 19]**, за народними переказами, існують в кручах прямовісних гранітових скель узбережжів *Ужа* (переважно правого) між городищем, що біля «купалінь Ольгі» й мостом залізниці. Добратися до них не було змогі через відсутність необхідних техничних пристосувань. Розщілини гранітового каньйону в зазначеному місці дійсно може й привабливими для людини споконвічних часів. Але нема їх реєстра. Нема й плана їх розміщення. Через що з археологічного погляду ничого за них невідомо.

«**Купальні Ольги**» **[№ 17]** на *Ужу*, серед скель його порогів. Це велетенські казани вироблені, протягом тисячоліть, водою річки. Їх чинемало. Процес виробу казанів продовжується й зараз, що можна бачить, коли по скелям забратися на річку. Деякі казани залишилися. Діти й дорослі використовують казани під час купання.

«**Правдоподібні межи давнього м. Коростеня**» **[№ 16]** зазначені на

плані. Стверджувати їх важко! Низка некрополів оточує межі. Городища, може типу оборонних дворищ, більш на правобережжю. На лівому березі маємо одне, да й то трохи віддає пізнішим пристосуванням. Культурний шар житла давніх часів закрито сучасним містом, що швидко росте. Тільки випадково, роками, можна дослідити характерні матеріали житлового давнього шару й потім зазначити межи давнього міста. Форми курганів, крім некропіля шляху на Овруч, майже однакови. Останній найдавніший, але не дуже (може 9–10 ст.). Інші некрополі відповідають багато пізнішим часом (14-17 ст.). Новішим можемо лічити некропіль біля залізничної станції, де й тепер ховають мерців, за сучасними формами поховання.

Може більш доцільна думка, що культурних шарів кілька? Але де їх некрополі? Правда, існуючі некрополі, крім некрополів 1–3 і 5 легенди, ще не

досліджені? Все ж чекати від них давніх часів, маючи на увазі форми курганів, неможливо. Незнаємо, що дадуть кургани кремінного поля? Городища не досліджені. Між тим знищуються й мабуть скоро загінуть.

Дехто із дослідників Коростеня й його околиць фіксував стації кам'яної індустрії: під курганами біля каплиці, на NW від залізничної станції, на кремінному полю, по шляху до с. Шатрищ, біля садибі Коростенського музею... Але все це не досліджено й невідомо чи встигнемо їх дослідити.

Коростень американізується. Ломання каміння й будування все нищать.

Чи не краще було б тепер все археологічне добре зафотографувати, засняти інструментально пляну й відповідно (масштабно, з проміжками) описати та надрукувати в академічних виданнях, аби хоча щось збереглося для науки?

27/IV 1930 р. Сер. Гамченко
Київ

Вікторовський В. Житомир / В. Вікторовський // Бюлетень кабінету антропології та етнології ім. Хв. Вовка. — Число І. — К., 1925. — С. 19–20.

Звіт за 1924/25 академічний рік (з 1/X–1924 року по 1/X–1925 року). Документи Житомирського обласного краєзнавчого музею. Житомир, 1979. Кн. II // Фонди Житомирського обласного краєзнавчого музею, КП 6820, арк. 4–16.

Гамченко С. Раскопки 1924 г. на Волыни [Житомир, 17.02.1925 р.] / С. Гамченко // НА ІА НАНУ, фонд Гамченка, № 46, 130 арк.

Гамченко С. Дослідна робота археологічного відділу Волинського н/д музею в 1925 році [Житомир, 07.12.1925 р.] / С. Гамченко // НА ІА НАНУ, фонд ВУАК, № 46/4, 7 арк.

Гамченко С. Археологічні першоджерела м. Коростеня і його околиць [Київ, 27.04.1930 р.] / С. Гамченко // НА ІА НАНУ, фонд Гамченка, № 62, 4 арк.

Гнатюк В. Наукова праця на Волині 1914–24 рр. / В. Гнатюк // Україна. — Число 17. — Кн. 2–3. — К., 1926. — С. 223–228.

Дневник археологических исследований Коростенщины. Записная книжка № 4 // НА ІА НАНУ, фонд Гамченка, № 61, 73 арк.

Звіздецький Б. А. Історична топографія стародавнього Іскоростеня (за матеріалами розвідки 1994 р.) / Б. А. Звіздецький, В. І. Польгуй // Історія Русі-України (історико-археологічний збірник). — К., 1998. — С. 111–119.

Звіздецький Б. А. Археологічні дослідження в північно-східних районах Житомирського Полісся / Б. А. Звіздецький. — Коростень, 2008. — 130 с.

Звіздецький Б. А. Нові дослідження стародавнього Іскоростеня / Б. А. Звіздецький, А. В. Петраускас, В. І. Польгуй // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. — К., 2004. — С. 51–86.

Козубовський Ф. А. Коростенський окружний музей краєзнавства / Ф. А. Козубовський // Бюлетень кабінету антропології та етнології ім. Хв. Вовка. — Число І. — К., 1925. — С. 21–22.

Козубовський Ф. А. Записки про досліди археологічні коло м. Коростеня року 1925 / Ф. А. Козубовський. — Коростень, 1926. — 24 с.

Колеснікова В. А. Ф. А. Козубовський та Коростенський музей / В. А. Колеснікова // Середньовічні міста Полісся. Тези доповідей міжнародної наукової археологічної конференції. — К.-Олевськ, 2011. — С. 35–37.

Кучера М. П. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья / М. П. Кучера, О. В. Сухобоков, С. А. Беляева. — К., 1984. — 196 с.

Кучера М. П. Керамика / М. П. Кучера // Археология Украинской ССР. — К., 1986. — Т. 3. — С. 446–455.

Ланчук Н. В. 130 років Житомирському обласному краєзнавчому музею (1865-1995) / Н. В. Ланчук // Матеріали та тези наукової конференції до 130-річчя Житомирського краєзнавчого музею. — Житомир, 1995. — С. 10–14.

Левицький І. Археологічні досліди в Коростенській і Волинській округах року 1928 [Житомир, 29.12.1928 р.] / І. Левицький // Фонди Житомирського обласного краєзнавчого музею, КП 38656/6, ІД-11187, 39 арк., табл. I–VI.

Реєстр № 1 загальної перевірки інвентаря археологічного відділу Волинського Державного музею в р.р. 1929–1930 (Вироби з кременю, граніту, сієніту, діориту, базальту та інших порід [Житомир, 1 17.11.1930 р.] // Фонди Житомирського обласного краєзнавчого музею, КП 38656/7, ІД-11188, 30 арк.

Самойловський І. М. Стародавній Коростень / І. М. Самойловський // Археологія. — К., 1970. — Т. XXIII. — С. 190–200.

Справа про Коростенське городище [1930 р.] // НА ІА НАНУ, фонд ВУАК, № 360, 53 арк.

Ярмошик І. І. Волинь в історико-краєзнавчих дослідженнях XIX–XX століть / І. І. Ярмошик. — Житомир, 2006. — 216 с.

А. А. Тарабукин

Археологический отдел Волынского центрального научно-исследовательского музея и исследования коростенских древностей (20-е годы XX в.)

В статье рассматривается деятельность археологического отдела Волынского центрального научно-исследовательского музея в изучении памятников древности на территории г. Коростеня и его окраин.

На начальном этапе деятельности, в период с 1919 по 1923 годы, исследования отдела не выходили за пределы Житомирской округи. С 1924 г. география исследований расширяется и распространяется на северные регионы Восточной Волыни. Этому в значительной мере способствовало создание в г. Коростене окружного музея краеведения на правах филиала Волынского центрального научно-исследовательского музея, а также активная деятельность его заведующего Ф. А. Козубовского.

Заведующий и сотрудники археологического отдела, при содействии и участии Ф. А. Козубовского, развернули широкомасштабные работы по изучению древностей г. Коростеня и его окраин. В достаточно короткий период было зарегистрировано и обследовано около 30 археологических объектов, составлена детальная карта Коростенских древностей. При этом С. С. Гамченко занимался изучением памятников славяно-русского периода, а сотрудник отдела И. Ф. Левицкий сосредоточился на изучении первобытных древностей.

Результаты своих исследований сотрудники археологического отдела освещали на страницах научных отчетов и рефератов, рукописи которых до сих пор не опубликованы и ныне хранятся в научном архиве Института археологии НАН Украины. Среди них и статья С. С. Гамченко «Археологические первоисточники г. Коростеня и его окраин». Введение ее в научный оборот будет способствовать изучению прошлого города, может стать основой для организации и проведения последующих, более углубленных, исследований, а также для создания археологической карты одного из самых интересных и малоисследованных регионов Украины.

O. O. Tarabukin A.

To the history of study of archaeological antiquities Olevsk district, Zhytomyr region XIXth-1|3 XXth cent.

Over the past decade, interest in the study of the history of domestic archeology has grown considerably. On this background, there are works on the history of the various institutions, scientific societies and individual personalities who have made a significant contribution to the development of archeology in Ukraine.

However, to highlight the process holistically and objectively is difficult because of the abcense of works that are considering the development of an archaeological case of certain regions of Ukraine. The least studied among them still remains Zhytomyr region and areas that belong to it, in particular, and Olevskii. The history of archaeological study of this region has not yet been covered in the literature and, therefore, the aim of this publication is an attempt to highlight the main landmarks of the archaeological study of the territory within the boundaries of modern Olevskyy district of Zhytomyr region during the nineteenth — one third of the twentieth century, organize data and compile a catalog of monuments and locations identified for the specified time, that will be the basis for the creation of a full archaeological map of the study area.

Antiquities of the region have always attracted the attention of researchers. Their study involved as professional scientists and also amateurs. Among them, V. Rogge, Y. Voloshinsky, A.Uvarov, I.Orlov, V. Antonovich, Y. Yarotskiy, I. Levitsky, F. Kozubovsky other. Due to their efforts during the mid-nineteenth - one third of the twentieth century. on the territory of modern Olevskyy district were conducted extensive archaeological work, as a result of which it became possible to register more than 80 different historical and archaeological sites, which cover the period from the Stone Age to the late Middle Ages.

Thus the foundation for further, more in-depth study of the region has been laid.

А. В. Борисов

Городище біля села Пекарі в урочищі Заводище

Статтю присвячено огляду історії польового дослідження пам'ятки та введенню до наукового обігу інформації про пам'ятку. Розглянуто можливість ототожнення городища з літописним Роднем. Подано детальний опис археологічної пам'ятки. Запропоновано перспективні напрямки досліджень пам'ятки та її округи. У статті робиться висновок про важливість цього давньоруського городища для дослідження системи заселення Нижнього Поросся.

Ключові слова: городище, Давня Русь, літописний Родень, с. Пекарі, польові дослідження, нижня течія р. Рось.

Дослідницький інтерес до археологічного вивчення давньоруських пам'яток нижнього Поросся зумовлений їх перебуванням на першому плані оборони правобережної частини Південної Русі. Ці укріплення були складовою так званої «Поросської оборонної лінії», деякі з них (наприклад, городище в ур. Дівиця біля с. Сахнівка) виконували функцію міст. Саме «гради»-городища, згідно з археологічними даними, становили основу системи розселення літописного «Поросся». Одним із таких об'єктів є городище біля сучасного села Пекарі Канівського району Черкаської області.

Пам'ятка розташована за 1,4 км на південний захід від центру с. Пекарі, 4,7 км на північний схід від будинку сільської ради в с. Хмільна, 200 м на північний захід від дороги між селами Хмільна та Пекарі, на південно-західному кінці останнього (рис. 1).

Городище займає високий (близько 45 м від заплави) корінний лівий берег р. Рось. Територія обмежена з заходу заболоченим гирлом Криниччиного яру та меншим безіменним яром (рис. 2). З північного сходу розташований невеликий ярок. По його схилу помітні залишки колишньої ґрунтової дороги. Таким чином, це мис із досить крутими (місцями обривистими) південними схилами. Більша частина мису має південну експозицію. Городище складається з двох ліній укріплень, що виокремлюють два майданчика.

Розташування пам'ятки біля гирла р. Рось пов'язує її з проблематикою літописного Родня, питання локалізації якого досі залишається відкритим. Гіпотезу про розташування літописного міста Родень біля с. Пекарі висловив в середині XIX ст. Л. І. Похилевич. Дослідник вважав, що городище в урочищах Бичаки та Княжа Гора є частинами одного міста [Похилевич, 2005, с. 500]. П. П. Толочко у своїй монографічній праці висловив припущення, що, судячи з літописного повідомлення, Родень не може бути надійно ідентифіковано з городищем в ур. Княжа Гора. Адже ця пам'ятка знаходиться не «на оустьи Ръси» [Полное собрание, 1908, стлб. 65], а фактично на березі Дніпра, вище гирла. Кераміка X–XI ст., зібрана дослідником на городищі біля с. Пекарі в ур. Заводище, та місце розташування пам'ятки дозволили висловити припущення, що саме це городище може бути ідентифіковане з літописним Роднем [Толочко, 1980, с. 150]. З точки зору історії гідрографічної ситуації гирла ріки Рось, це припущення є достатньо обґрунтованим.

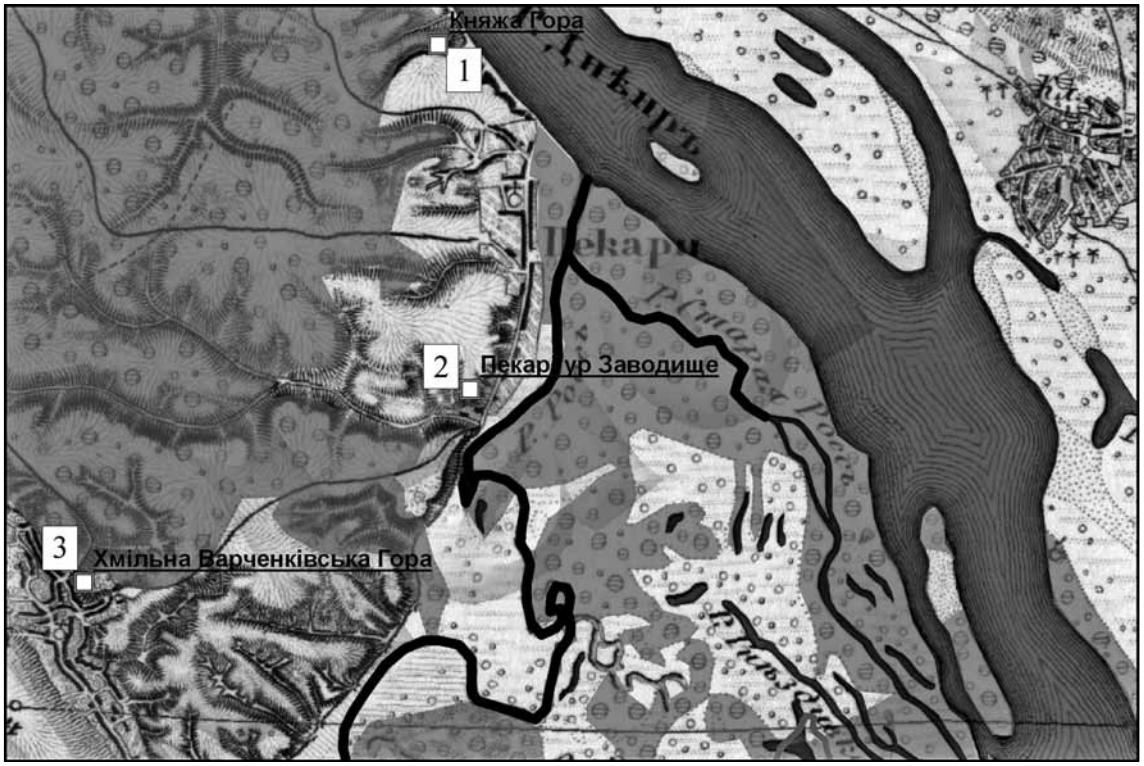


Рис. 1. Давньоруські пам'ятки нижньої течії р. Рось на «трьохверстовій» карті XIX століття

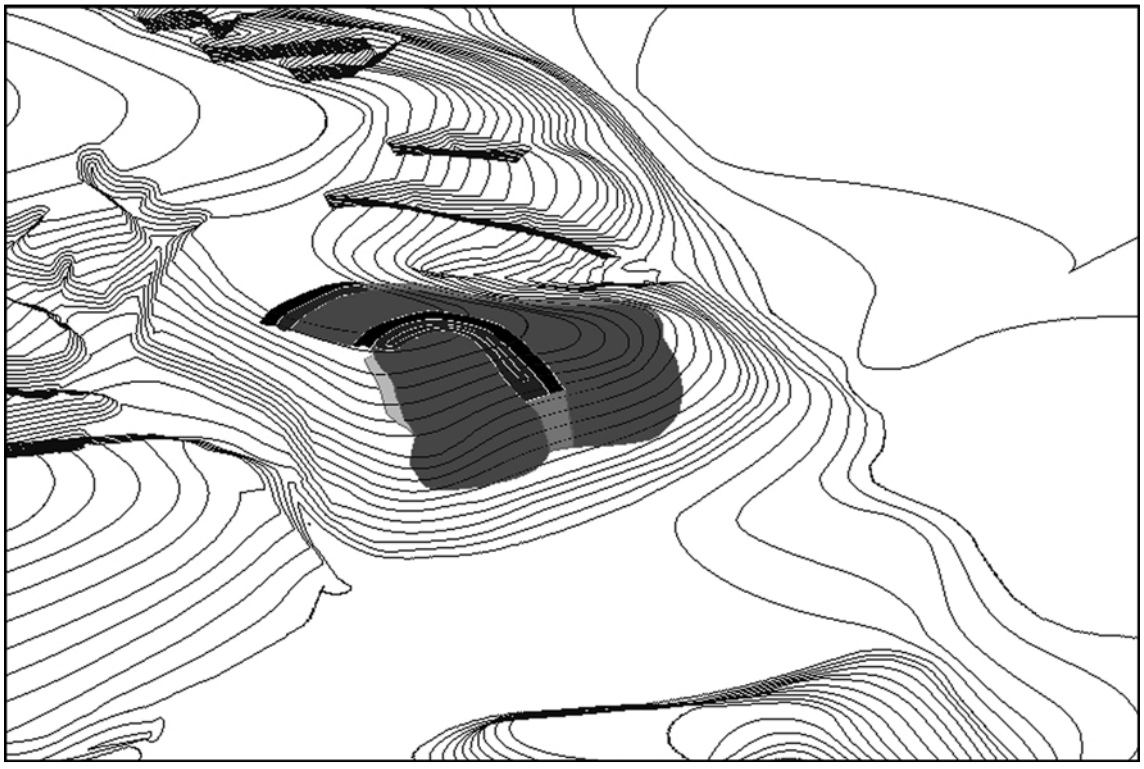


Рис. 2. Ділянка нижньої Росі на «Плане Поросия восточнаго…» 1897 року.
1 — гора Московка; 2 — Мале Скіфське городище; 3 — ур.Княжа Гора;
4 — городище в ур. Бичаки.; 5 — городище в с. Кононча

Сучасне гирло р. Рось знаходиться на значній відстані від корінного правого берега. Рось впадає в Дніпро в районі с. Хрещатик. Про таку ж топографію свідчать карти 1940-х років XX ст. Карта середини XIX ст. (так звана трьохверстівка) зображує гирло р. Рось біля с. Пекарі і, відповідно, русло ріки проходить уздовж високого правого берега, на якому розташоване городище. Таке розташування річища р. Рось фіксується і на картах XVI ст. Отже, є достатні підстави стверджувати, що за давньоруських часів русло р. Рось також знаходилось біля підніжжя високого лівого берега. Кардинальна зміна русла річки була спричинена так званою «Хмілянською катастрофою» через різке знищення лісового покриву Канівського плато (вирубування лісів у XIX ст.). Ліси вирубувались для потреб цукроварень. Внаслідок цього активізувались ерозійні процеси. У 1904 р. кількаденна грозова злива викликала величезний об'єм змиву з розгалуженої системи Хмілянського яру. Потужний конус виносу перегородив греблею русло Рось. Нове, сучасне, русло було прорізано на значній відстані від канівських гір [Сліпець, 2004].

Питання про ідентифікацію городища біля с. Пекарі в ур. Заводище з літописним Роднем не може бути вирішене без звернення до археологічних матеріалів. Аналіз цих матеріалів слід розпочинати з історії вивчення цієї пам'ятки.

Щодо археологічних пам'яток с. Пекарі маємо інформацію з археологічної карти В. Б. Антоновича 1895 р. У тексті є повідомлення про 5 городищ в околицях с. Пекарі [Антонович, 1985, с. 101]. Одне з них описується як «лежащее на горе Бучак, над Росью, состоит из двух концентрических параллелограмов», саме воно, на нашу думку, і є городищем біля с. Пекарі в ур. Заводище. На користь цього свідчить сама конструкція двох оборонних ліній пам'ятки, які можна інтерпретувати як два «концентрических параллелограма». Щодо городища в «ур. Бычак» є інформація і в праці Л. І. Похилевича 1864 р. У тексті про с. Пекарі повідомляється, що біля села існують два укріплення: одне на Княжій Горі, інше «на урочище Бычаке» [Похилевич, 2005, с. 500]. Знаходяться городища одне від одного на відстані трьох верст. Урочище

Рис. 3. Ділянка нижньої Росі на «Археологической карте обох берегов Днепра» 1874 року.
1 – ур.Княжа Гора; 2 – ур. Городок; 3 – ур. Варченківська Гора

Рис. 4. Поселення скіфського часу та фрагмент городища за В.Г. Петренко (1963 р.)

Заводище, дійсно, розташоване за 3,2 км від ур. Княжа Гора (1 веста = 1,0668 км). Більш конкретно місце розташування ур. Бичаки зображено на карті-додатку до праці І. А. Хойновського «План Пороссья восточнаго…» 1897 р. [Хойновский, 1986]. Біля села Пекарі позначено два городища: «Бычаки» (розташоване на лівому березі р. Рось) та «Пекары» (знаходиться на березі Дніпра) (рис. 3). У тексті зазначається, що пам'ятка в урочищі «Бычаки» розташована за 3 версти від Княжої Гори. Додатковим свідченням щодо взаємного розташування городищ в околицях гирла р. Рось є «Археологическая карта обоих берегов Днепра» 1874 р. [Археологическая карта, 1874]. На околицях с. Пекарі зображено три городища (рис. 4). Одне з них розташоване на березі Дніпра й підписане як «Гора Княжья Городок Родня» (більшість городищ на ній має підпис «городок»), друге — в глибинах Криниччиного Яру. Третє — на лівому березі р. Рось — має назву «Городок» і може бути ототожнене з городищем в ур. Бучак та ур. Заводище. Таким чином, можна констатувати, що принаймні з середини XIX ст. пам'ятка в ур. Заводище була відома дослідникам під назвою «городище в ур. Бичак», «ур. Бичаки».

Перші задокументовані археологічні дослідження на пам'ятці здійснювала 1963 р. В. Г. Петренко. У рамках пошуку пам'яток скіфського часу на Пороссі автор здійснила обстеження валу та рову городища, заклала шурф розміром 1,5×2 м на його території. У культурному шарі товщиною 0,35 м виявлено гончарну кераміку з хвилястим орнаментом [Петренко, 1963, с. 31]. Кераміка дозволила віднести городище до «славянских». Серед ілюстрацій подано схематичний план розташування сусіднього поселення скіфського часу та частини території давньоруського городища (рис. 5).

У 1973 р. П. П. Толочко здійснив розвідку на пам'ятці. Дослідником зафіксовано наявність двох укріплених частин і посаду, розташованого на південних схилах пагорбу, та кераміку X–XI ст. [Толочко, 1980, с. 150; Древнерусские поселения, 1984, с. 77].

1987 р. експедиція по Зводу пам'яток археології під керівництвом Г. Т. Ковпаненко обстежила городище. До складу розвідкового загону експедиції входи-

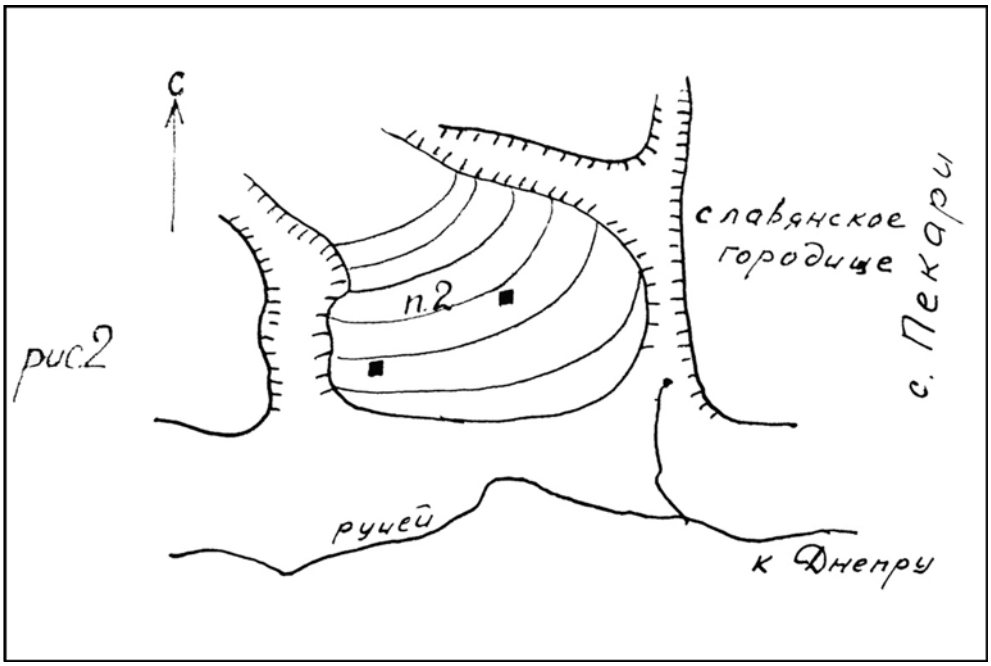


Рис. 5. План городища в ур. Заводище (креслив А.Т. Томашевський) 1987 р.

Рис. 6. Городище в ур. Заводище. 1 — вал; 2 — рів; 3 — тераса-ескарп; 4 — реконструйована траса укріплень; 5 — територія городища

ли Я. В. Баран (керівник), Л. І. Іванченко, А. П. Томашевський, О. Павлюченко, Н. Ткач. А. П. Томашевський зняв окомірний план пам'ятки та сусіднього поселення скіфського часу в масштабі 1:20 (висловлюємо вдячність Л. І. Іванченко за можливість скористатися копією плану) (рис. 6.). На городищі було зібрано підйомний матеріал та закладено 4 шурфи розміром 1×1 м. Два шурфи — на внутрішньому майданчику городища, і два — між лініями укріплень, ближче до зовнішнього валу. Отримані матеріали датувалися давньоруським часом.

На початку 1990-х років (ймовірно, до 1995 р.) С. І. Климовський здійснював попередній огляд території для підготовки маршруту експедиції в акваторії Дніпра. Метою цих робіт були пошуки однієї з перших січей, так званої «Роської січі». Загін рухався на невеликому катері, здійснюючи короткочасні зупинки для огляду територій (зокрема, дніпровських островів навпроти Канівського Державного природного заповідника та с. Пекарі). У рамках цих робіт В. К. Козюба здійснив пошук та візуальне обстеження городища в ур. Заводище.

У вересні 2004 р. розвідзагін Канівської археологічної експедиції у складі В. О. Петрашенко, О. М. Петрашенко, В. К. Козюби та В. О Крижановського обстежили пам'ятку. Було закладено кілька шурфів на території внутрішнього майданчика городища, один із них — на незаросліій лісом частині мису зі степовою рослинністю. У результаті шурфування знайдено залізні цвяхи, невелику кількість стінок гончарної кераміки.

Внаслідок об'єктивних та суб'єктивних обставин здобуті в процесі польових досліджень матеріали й майже вся супутня документація були втрачені або виявились недоступними для наукового опрацювання та не були опубліковані.

Для отримання перевірених даних автором розпочато повторні дослідження на пам'ятці у 2010 р. До дослідницької групи входили: А. В. Борисов, В. К. Козюба, О. В. Манігда. [Борисов, 2010, с. 8–9]. Здійснено роботи з фіксації розмірів та конфігурації частин городища. В. К. Козюба здійснив зйомку окомірного плану внутрішньої лінії укріплень. Закладено шурф № 1 розміром 1×1 м на майданчику городища. У шурфі, зачистках уступів та на городах знайдено невелику кількість кераміки доби бронзи, давньоруського часу XI–XII та XVIII–XIX ст.

Роботи з дослідження городища було продовжено 2012 р. [Борисов, 2012]. У різних частинах пам'ятки закладено 5 зондажів для з'ясування меж поширення давньоруського культурного шару. Зондажі, закладені в південно-східній частині городища, за межами першої лінії укріплень, майже не дали давньоруського матеріалу.

На місці зондажу № 2 (в якому виявлено кераміку епохи бронзи) для більш чіткого хронологічно визначення було вирішено закласти шурф (1×1 м). Після виявлення на глибині 1,15 м частини тазових кісток поховання ранньоскіфського часу [Гречко, у друці] шурф № 2 вирішено розширити. Із заходу було прирізано лінію квадратів по 0,5 м, на півдні — дві лінії квадратів по 0,5 м. Таким чином фінальний розмір шурфу становив 1,5×2 м.

Шурф виявив, що до глибини 0–0,2 м трапляються невиразні пізньосередньовічні матеріали. До глибини 0,45 м йде мішаний коричнево-сірий шар, насичений уламками ліпного посуду канівської групи середньодніпровської культури. На глибині 0,5–0,45 м у східній частині шурфу вдалося зафіксувати чіткий контур поховальної ями. Яма опущена у твердий світло-коричневий супіщаний материковий лес на глибину 1,15–1,06 м від сучасної поверхні. Східний та південний контури поховальної ями чітко простежуються. Західний контур дуже невиразний, поруйнований давніми норами. Заповнення могили складалося з мішаного шару, що включав ліпну кераміку доби бронзи. У заповнені, на глибині 0,37 м, виявлено бронзове трилопасне вістря стріли скіфського часу.

Скелет небіжчика, очевидно, лежав на лівому боці і був орієнтований головою на південь. Ноги підігнуті в колінах. Положення рук прослідкувати важко. Грудна клітка та кістки рук рознесені давніми норами. Череп розчавлено ґрунтом. Кістяк

належить дитині або підлітку, ймовірно жіночої статі. Між кістками ніг у засипці поховання виявлено уламки кераміки епохи бронзи. Інвентар поховання складався з типового для ранньоскіфського часу набору речей [Гречко, у друці].

За історіографічною традицією пам'ятка має умовну назву Пекарі-2, на відміну від городища в ур. Княжа гора, що називається Пекарі-1 [Древнеруские поселения, 1984, с. 76–77]. Стосовно цієї пам'ятки в літературі вживалися також назви «ур. Городки», «ур. Городок», городище «на урочище Бычаке», «на горе Бучакъ». Оскільки до сьогодні назва урочища «Бичаки» не використовується, а поряд існує поселення трипільської культури Пекарі-2, автор пропонує надалі використовувати для пам'ятки назву «городище Пекарі в ур. Заводище». Використання топоніма «Заводище» в назві дозволить виокремити пам'ятку серед багатьох інших «городищ в ур. Городище».

Майже вся сучасна площа городища поросла акацією, кленом, ясеном, місцями дубом. Густий підлісок складається з кущів, зокрема бузини. На крайній південно-східній частині мису є невелика ділянка, заросла степовим різнотрав'ям і кущами шипшини. У південній частині мис підрізаний сільськими городами та двома подвір'ями. Перепад висот між поверхнею мису та городами складає до 1 м і має вигляд сходинки. Частина городніх ділянок і садків знаходяться в занедбаному стані. З півночі на територію городища пролягає ґрунтова дорога, що веде через буферну зону Канівського природного заповідника вглиб його території.

Пам'ятка складається з двох укріплених ділянок. Південний майданчик має форму видовженого мису, орієнтованого вздовж осі північ–південь, з деяким відхиленням на схід. Таким чином, «дитинець» займає південно-західну частину мису. Поверхня майданчика підвищена в західній частині («гребінь» мису) і має пониження в південно-східній ділянці. Із заходу мис обмежений крутими схилами яру та має терасу-ескарп шириною до 6–8 м. Перепад висот між «гребенем» мису та терасою ескарпу становить близько 4–6 м. Поверхня цієї штучної тераси сплощена, починається біля західного краю внутрішнього валу городища. Ширина «дитинця» становить близько 35–50 м, довжина 100–140 м (рис. 7).

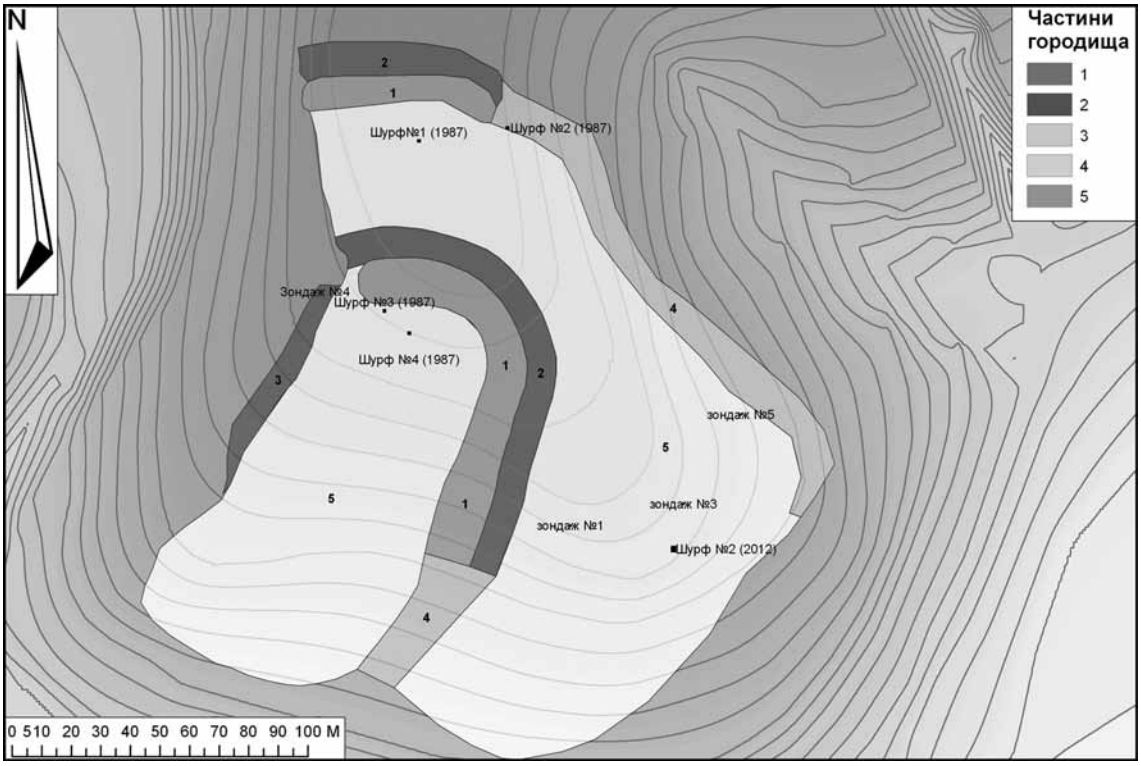


Рис. 7. Вигляд території городища з південного-заходу (об'ємна реконструкція)

З півночі майданчик оточено дугоподібним валом (довжиною 130 м), з напільного боку якого простежується рів. Залишки валу опливли, мають висоту 1,6–2 м, ширина від 8 до 10–12 м на кінцях. Ширина рову — 8–10 м при глибині 1–1,5 м (у південно-східній частині до 10 м). Західний кінець валу на 2–3 м не доходить до урвища яру. Можливо, цей проміжок використовувався для в'їзду на городище. Східний кінець внутрішньої лінії укріплень зруйновано. Завдяки аналізу аерофотознімку 1943 р. переконуємося, що лінія укріплень продовжувалась на південь до закінчення мису [Козюба, 2012, с. 94, 98, рис. 1.]. На той час городище не було заліснене, а використовувалось як поля чи випас. Реконструйована площа «дитинця» становить 0,91 га (без урахування реконструкції знищеного внутрішнього валу — площа близько 0,7 га).

За 45 м від рову внутрішньої лінії укріплень знаходиться зовнішній вал. Збережена частина укріплень (довжиною близько 60 м) перетинає перешийок мису на північ та схід від дитинця. Висота валу становить 1,4 м, ширина — 8–9 м; рів має ширину до 8–10 м, глибину 1–1,2 м. Ця лінія має трохи вигнуту форму, і південно-східним краєм загинається в бік долини р. Рось. Рів плавно переходить у схил яру. На аерофотознімку 1943 р. бачимо, що зовнішня лінія проходила вздовж північно-східного краю мису [Козюба, 2011, с. 98, рис. 1]. Вал виходив на край високого берегу долини р. Рось (рис. 8). Ймовірно, залишки рову ми спостерігаємо у вигляді невеликого ескарпу-тераси зі східного боку, по якій проходить занедбана ґрунтова дорога. Швидше за все вал було повністю знищено під час посадки лісу в післявоєнний період. Зовнішня лінія укріплень своєю конфігурацією окреслює дві ділянки. Перша розташована на «основному гребені» мису. Інша ділянка відділена пониженням від першої і має форму підквадратного мису довжиною до 100 м, що виходить до долини р. Рось. З півдня мис підрізаний городами села, а з південного сходу закінчується урвищем у долину р. Рось, де розташовано вулицю с. Пекарі. Площа першої ділянки між двома лініями укріплень — 0,47 га, площа підквадратного мису —1,21 га. Таким чином, сукупна площа пам'ятки (з урахуванням усієї території, обмеженої реконструйованою трасою зовнішньої лінії укріплень) становить близько 3,29–3,5 га.

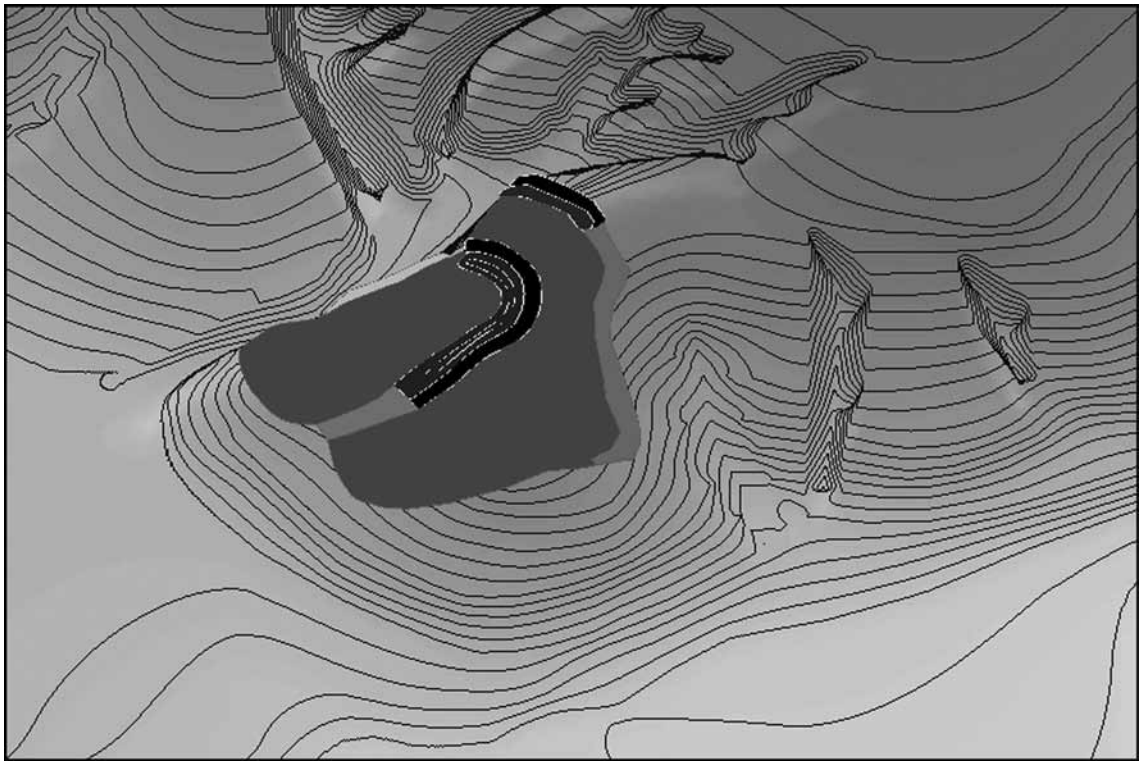


Рис. 8. Вигляд території городища з півдня (об'ємна реконструкція)

Культурний шар дитинця має товщину 0,2–0,40 м. Шар слабо насичений давньоруською та пізньосередньовічною керамікою. На городах садиб, що безпосередньо знаходяться на території городища та на похилому південному-східному схилі мису, знахідки давньоруської кераміки також мають спорадичний характер.

Отже, спираючись на наявні матеріали, можна схематично реконструювати історію виникнення та функціонування цієї пам'ятки. Перші сліди заселення ми фіксуємо за доби бронзи. Судячи з наявного матеріалу, на цій ділянці правого берега р. Рось існувало поселення канівської групи середньодніпровської культури. За ранньоскіфських часів це місце використовувалось для поховань. Синхронні поселення скіфського часу розташовані на захід від городища за яром [Петренко, 1963, с. 31]. Слабка насиченість культурного шару городища давньоруськими матеріалами та незначна площа їх поширення, відзначені більшістю дослідників, вказують на слабку заселеність або короткочасність існування населеного пункту. Наявні нечисленні матеріали датуються XI–XII ст.

На сьогодні, спираючись на отримані археологічні дані, зокрема датування кераміки, ми не можемо надійно ідентифікувати городище в ур. Заводище з літописним Роднем. Наявні археологічні матеріали не дозволяють датувати городище X ст. Так, кераміка, що дозволяє попереднім дослідникам синхронізувати час існування пам'ятки та літописне повідомлення, зараз недоступна для наукового опрацювання. Зібрана протягом 2010 і 2012 років кераміка давньоруського часу датується в рамках XI–XII ст. Відкриття могильника, синхронного городищу, дозволило б з'ясувати умови життя та причини смертності населення, адже довготривала облога й пов'язане з нею голодування в літописному Родні мали б відобразитися на стані здоров'я його мешканців.

Остаточне вирішення питання ідентифікації літописного Родня з городищем в ур. Заводище потребує подальшого дослідження як безпосередньо пам'ятки так, і її округи. Зокрема, важливим завданням є складення інструментального плану городища, дослідження залишків укріплень, пошуку археологічних об'єктів для більш надійного датування.

Антонович В. Б. Археологическая карта Киевской губернии / В. Б. Антонович. — М., 1895. — 139 с.

Археологическая карта обоих берегов Днепра / [Чертил Диаконенко Е.]. — Б. м., 1874. — 1 к. (2 л.): 1 цв.; 74×50 см. — При названиях населенных местностей обозначен год, когда он первый раз упоминаются в летописях. — № 6545. — деф.: нет 1 л.

Борисов А. В. Звіт про археологічні розвідки, проведені на території Поросся в 2010 році / А. В. Борисов // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, 2010, 24 с.

Борисов А. В. Звіт про археологічні розвідки, проведені на території Поросся в 2012 році / А. В. Борисов // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, 2012.

Гречко Д. С. Грунтовое погребение скифского времени у с. Пекари в Поросье / Д. С. Гречко. — (У друці.)

Козюба В. К. Використання аерофотозйомки часів другої світової війни для вивчення городищ Середнього Подніпров'я / В. К. Козюба // Археологічні дослідження на Київщині. Матеріали І обласної наукової конференції 24–25 жовтня 2011 року. — Трипілля, 2012. — С. 93–104.

Петренко В. Г. Отчет о работах Поросского отряда / В. Г. Петренко // НА ІА НАНУ, ф. експедицій, № 1963/55, 24 с.

Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (Археологическая карта) / М. П. Кучера, О. В. Сухобоков, С. А. Беляева и др. — К., 1984. — 196 с.

Сказания о населенных местностях Киевской губернии или Статистические, исторические и церковные заметки о всех деревнях, селах, местечках и городах, в пределах губернии находящихся / [собр. Л. Похилевич]. — Біла Церква, 2005.

Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись / [под ред. А. А. Шахматова]. — СПб., 1908. — 638 с.

Сліпець В. Велика шевченкова дорога / В. Сліпець // Народна творчість та етнографія. — 2004. — № 3. — С. 103–107.

Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков / П. П. Толочко. — К., 1980. — 224 с.

Хойновский И. А. Краткие археологические сведенья о предках славян и руси и опись древностей собранных мною, с объяснениями и XX таблицами рисунков / И. А. Хойновский. — К., 1896. — Вып. I. — 221 с.

А. В. Борисов

Городище біля села Пекарі в урочищі Заводище

Городище є складовою частиною «Пороської оборонної лінії» на нижній Росі. Пам'ятка займає високий лівий берег р. Рось. Площа городища становить 3,5 га, «дитинця — 0,91 га. Складається з двох укріплених ліній (вал, рів з напільного боку). Під час досліджень виявлено матеріали середньодніпровської культури (канівська група пам'яток), поховання ранньоскіфського часу, давньоруська (XI–XII ст.) та пізньосередньовічна кераміка.

Пам'ятка зафіксована на картах другої половини XIX ст., фігурує в оглядах пам'яток В. Б. Антоновича та І. А. Хойновского під назвою «городище в ур. Бучаки». Археологічне вивчення розпочато роботами В. Г. Петренко 1963 р. Продовжено роботами 1970-х, 1990-х, 2000-х років.

Розташування пам'ятки біля гирла р. Рось пов'язує її з проблематикою літописного Родня. На думку автора, наявні на сьогодні археологічні матеріали не дозволяють надійно ідентифікувати городище в ур. Заводище з літописним Роднем. Задокументованими роботами на пам'ятці не зафіксовано матеріалів X ст. Наявні нечисленні матеріали датуються XI–XII ст. Слабка насиченість культурного шару городища давньоруськими матеріалами та незначна площа їх поширення, відзначені більшістю дослідників, вказують на слабку заселеність або короткочасність існування населеного пункту.

Перспективи вирішення питання ідентифікації літописного Родня з городищем в ур. Заводище пов'язані з продовженням археологічних досліджень пам'ятки та її безпосередньої округи. Важливими завданнями є складення інструментального плану городища, дослідження залишків укріплень, пошук археологічних об'єктів для більш надійного датування.

A. Borysov

Hillfort at the village Pekari in the tract Zavodyshhe

This hillfort is part of defensive line Old Rus. It located in the lower reach of the river Ross. This monument located on the higher left bank of the river. Total area of hillfort aggregate 3,5 hectare. The main body of hillfort is 0,91 hectare. This hillfort constitute of two fortified line (it means rampart and ditch outside). Pekaris hillfort has two fortification lines. In the monument revealed materials Bronze Age (Kaniv group of monuments of culture Middle Dnipro culture), of Old Rus (XI–XII century), Late Middle Ages and burial Scythian period.

This hillfort mapped the second half of the XIX century. Archaeological work began V. G. Petrenko 1963. Research carried out during 1970–2012. Location monument near the mouth Ross associates it with chronicle Rodney. The archaeological materials not allow reliable identification hillfort in ur. Zavodysche with chronicle Rodney. In the monument was find insignificant materials of XI–XII century. The cultural layer has a few find and has a small footprint. The facts point to a small number of people or a short time of existence this settlement.

It is necessary to continue archaeological research of the hillfort and its neighborhood for expansion the problem of identifying the chronicle Rodney. The important tasks during next investigation for exact dating are following: a) mapping instrumental plan of hillfort; b) research remainders of fortification; c) searching of archaeological objects.

А. П. Томашевский, С. В. Павленко

Городища и укрепления средневековой Овручской волости

В статье рассматриваются укреплённые поселения (городища и замчища) обследованные в ходе работ Овручской и Восточно-Волынской экспедиций ИА НАН Украины на территории северной Житомирщины (в пределах средневековой Овручской волости).

Ключевые слова: городища, замчища, укреплённые поселения, исторические населённые пункты, древнерусское время, средневековье, Житомирщина, Овручская волость

Исследование проблематики древнерусских городов, как известно, имеет длительную научную традицию и разветвлённую, во многих аспектах — альтернативную, историографию. Среди ключевых тем — происхождение городов и условия градообразования, дискуссии вокруг определения понятия средневекового города, проблемы его социальной и экономической типологии, социально-топографической структуры и демографического потенциала.

Некоторые актуальные проблемы изучения проблем древнерусских городов и городищ. Если базовые определяющие характеристики основных столичных многофункциональных древнерусских центров в той или иной степени известны и понятны[1], то проблемы археологической идентификации и функциональной интерпретации т.н. малых городов становятся всё более альтернативными, а значит — актуальными. Остается не вполне понятным и обоснованным, в какой мере критерии и индикаторы, определяющие выделение городов из массы не городских древнерусских населённых пунктов, сформированные на основе анализа относительно широко раскопанных крупных столичных центров [Куза, 1984, с. 63–64; 1989, с. 28; Кучера, 1984], могут применяться к вычленению и анализу малых городов Руси.

Общеизвестно, что чем меньше письменных сообщений имеется о том или ином городе, тем большую роль в его изучении играют археологические источники и их содержание. Это, прежде всего, относится к малым, не столичным городам, упоминаемым летописцами, в основном, при описании коммуникационных движений и деятельности князей в ходе внутри феодальных военно-политических, внешних военных конфликтов или вообще в контексте случайных эпизодов. Выдвижение на первый план археологических данных практически автоматически означает специальный акцент на тематике оборонных сооружений, их площади, форме, конструктивных особенностях и прочее.

Специально предпринимаемая фортификация для ограждения некой территории была необходима для реализации на защищённом участке определённых функций и создания необходимой для этого инфраструктуры. Укрепление могло быть частью города, его цитаделью. Исследователи считают некоторые городища порубежными оборонными крепостями на границах степной зоны или на рубежах между княжествами, волостями, уделами. Фортифицировались также административные

1. Терминология и стоящий за ней понятийный аппарат, описывающий структурные части древнерусских городских поселений (детинцы, предградья, окольные города, посады, приселки и т.п.) также нуждается в дальнейшей специальной разработке и унификации.

центры (погосты) — средоточия округ, места концентрации управленческих узлов (тиунов, княжеской администрации, дружинных контингентов, культовых центров и др.). Оборонные сооружения существовали, возможно, и на частновладельческих поселениях древнерусского боярства и верхушки дружины. В каждой бывшей племенной территории, а затем — в каждой земле, условия возникновения и формы развития укреплений имели свои этнокультурные, природно-географические, технологические и хронологические особенности.

Серьёзная диспропорция в распределении фокуса и объёма специальных археологических исследованиях между крупными столичными городами Руси разных рангов и другими населёнными пунктами, в основе которых лежат укреплённые части, сформировалась исторически. Столичные города изучаются значительно более длительно, глубоко и широко, чем другие городские или укреплённые поселения Древней Руси. Это относится, прежде всего, к масштабам и объёмам произведённых стационарных археологических раскопок. Количество специально археологически изученных и изучаемых раскопками малых городов и городищ остаётся крайне не представительным и не пропорционально малым по отношению к известному сегодня их общему числу во всех землях Руси.

Основной массив ключевых археологических признаков города, определённых А. В. Кузой, базируются, по сути, на интерпретации содержания артефактов — свидетельств: экономики (ремесла, промыслов, торговли и пр.), военного дела, административного управления, религиозной идеологии, культуры, быта феодалов. Другая группа категорий — это пространственные индикаторы в виде плановой структуры, размеров укреплённой площади, типа застройки и внутренней социальной топографии [Куза, 1984, с. 64]. Следует подчеркнуть, что эти пространственные признаки практически очень слабо связаны с разработанными ранее вариантами сложно совместимых между собой классификаций городищ П. А. Раппопорта и М. П. Кучеры [Раппопорт, 1956, с. 28–65; Древнерусские поселения …, 1984, с. 16–24; Кучера, 1999, с. 7–59;], построенных на нечётко структурированном (иногда внутренне противоречивом) симбиозе различных геоморфологических, топографических, геометрических и площадных характеристик городищ.

Вопрос о величине укреплённой площади, как решающем признаке для определения типа и статуса конкретного памятника также является, по нашему мнению, не совсем однозначным. Далеко не единичны (как минимум — в нашей практике) примеры, когда небольшое или даже миниатюрное по размерам городище в десятые и сотые части одного гектара окружено обширными и сложными по пространственной структуре синхронными древнерусскими поселениями[2].

По нашему мнению, перспективным является подход, учитывающий не только собственно размеры и конфигурацию самих укреплений, но оценивающий общий размер площади всего синхронного поселенческого комплекса, связанного с городищем. Вопрос пропорциональности соотношения укреплённой и неукреплённой площадей в таких комплексах, являющихся остатками древнего населённого пункта, также требует специального изучения и осмысления. Тем более, что такой подход приближает сложившееся специфическое историко-археологическое понимание проблематики городов и городищ к теории и методикам, используемым социально-экономической географией для научного изучения и оценки процессов образования и развития городов. Ключевыми понятиями в этой сфере являются численность и плотность населения, урбанизация и агломерация. Поиск археологически наблюдаемых проявлений этих процессов и методов их изучения является одной из самых актуальных и злободневных задач современной древнерусской археологии.

---

2. Нередко, такие древнерусские городища основывались на территории Житомирщины на месте и в очертаниях бывших городищ раннего железного века. Тема анализа соотношения городищ Древней Руси и раннего железного века (больших и малых скифских, милоградской культуры) также является очень актуальной.

Опыт полевого изучения и аналитического осмысления результатов, проведённых нами работ, предполагает фокусирование специального внимания на комплексных пространственных характеристиках укреплённых населённых пунктов и их округ. Речь идёт о том, что для правильного понимания сути и статуса конкретного средневекового населённого пункта важны не только размеры укреплённой части, но и объём всей совокупной заселённой площади всего древнего населённого пункта, состоящего, не редко, из нескольких исторически сложившихся топографических частей. Кроме того, важным и значимым, по нашему мнению, является также выявление и изучение проявления процессов древней агломерации, когда вокруг пространственно и функционально центрального пункта — города формируется сгусток соседних поселений и соответствующая инфраструктура. В таких случаях неизбежно возникает необходимость выявлять и анализировать позицию и вес того или иного комплекса археологических памятников, оставленного конкретным древнерусским населённым пунктом, в структуре, как локального участка системы заселения, так и в реконструируемой общей системе синхронного административно-территориального деления конкретного историко-социального организма (волости, земли).

В этой связи нельзя не упомянуть о некоторых важных наблюдениях, сделанных нашей экспедицией в ходе многолетних детальных исследований определённого региона древнерусского заселения Овручского кряжа. Речь идёт о микрорегионе у сс. Хлупляны — Нагоряны, где нами выявлена высочайшая концентрация множества обширных поселений (с соответствующими могильниками), специализировавшихся на добыче, первичной обработке пирофиллитового сланца (т.н. «розовый овручский шифер») и массовом, высоко технологичном производстве различных изделий из разновидностей этого сырья. Поселения непосредственно связаны с открытыми и исследованными нами карьерами. Объёмы производства и его технологические приёмы беспрецедентны для средневековья. С точки зрения принятых археологических и социально-географических индикаторов для выделения городских поселений центральное поселение Нагоряны (площадью 17 га) с окружающей его, пространственно очень плотной, агломерацией X–XIII вв. (её минимальная разведанная на сегодня площадь составляет 32 га) вполне возможно считать формирующимся городским пунктом. Концентрация высокоспециализированного ремесла и профессиональных грамотных ремесленников, бесспорно, владевших широкими математическими, минералогическим, технологическими, художественными познаниями, сочетается тут с безусловным наличием управляющих великокняжеских представителей. Нами собраны достоверные данные о специально созданной динамичной планировочной структуре самого поселения и существовании в окружающем микрорегионе разветвлённой дорожной инфраструктуры, обеспечивавшей перемещение сырья, полуфабрикатов и готовой продукции в пределах волости и в направлении Киева. Отсутствует лишь укрепление, потребности в котором, видимо, не было в условиях серединного положения на кряже в глубине великокняжеской Овручской волости (на севере Киевской земли), значительно отдалённой от всевозможных ландшафтных и административных границ.

Краткая характеристика изучаемого региона. Природно-географические особенности. Две основные природные зоны — лесная (Полесье) и лесостепная формируют ландшафтную структуру территории Житомирской области. Обе эти зоны сложены чрезвычайно пёстрыми, мозаичными и различными по своим потенциальным селитебным и хозяйственным свойствам. В пределах Лесостепи, у ландшафтного экотона мозаично расположены как степные, так и различные по происхождению и свойствам лесные массивы. Также в глубинах Полесской области этой, самой своеобразной, части Днепровского Правобережья находятся обширные лёссовые острова со сформированными на них лесостепными ландшафтами. Разнообразные ландшафты лесной зоны Житомирщины формировалась под действием разновременных ледниковых и тектонических процессов на очень сложном геологическом полиминеральном фундаменте.

Все перечисленные факторы, кроме ландшафтного разнообразия, сформировали сложную гидрографическую и орографическую структуру данной территории, обеспечившую изобилие выгодных геоморфологических и топографических приречных участков, пригодных как для открытого заселения, так и для сооружения укреплений.

Историко-культурная динамика развития региона. Длительно изучаемый нами регион исторически и территориально связан с летописным древлянским племенным союзом. Летописи достаточно полно фиксируют последовательную борьбу формирующегося Киевского государства с соседним мощным племенным союзом, окончившуюся вхождением подчинённого населения в его состав. Это означает, что на материалах Житомирщины возможно максимально детально проследить не только все основные стадии становления и развития отдельного племенного союза, но и исследовать археологическое отображение процесса «окняжения» и формирования Киевской земли.

Беспрерывное историко-культурное развитие древлянской племенной земли длилось более пятисот лет. К середине X ст. на этой территории сформировалась традиционная система племенного заселения со своими центрами, сложной коммуникационной сетью и хозяйственной инфраструктурой. Покорение и последующее вхождение в состав Киевской державы прекратило собственно племенную историю населения этой территории и стало началом качественно нового этапа в дальнейшем развитии истории и географии местного заселения, его культурной и экономической жизни. Последствия этих изменений археологически прослеживаются на протяжении второй половины X и фактически всего XI вв. За это время произошли существенные изменения в расположении и конфигурации основных зон и звеньев заселения, перегруппировка в зонально-ландшафтном распределении основных массивов населения. Пришли в упадок большинство старых бассейновых региональных центров племенного заселения, вместе с тем, возникли новые административно-территориальные центры округов, связанные между собой сложными пространственно-иерархическими связями и коммуникациями. Изменились типы и формы хозяйствования, появились специализированные производственные районы, сформированные своеобразием местных природных и социально-административных условий. Произошли значительные изменения в распределении населения в разных природно-ландшафтных зонах [Томашевський, 1993; Томашевский, 2008, с. 50–54].

На юге бывшей древлянской территории в зоне пёстрого мозаичного экотона сконцентрировались демографически мощные протоагломерационные районы, в пределах которых впервые фиксируется относительно массовый выход населения в приречные участки лесостепи. Здесь, начиная с XI в., формируется территория будущей летописной Болоховской земли, наивысший пик демографического, политического и хозяйственного развития которой приходится на I половину — середину XIII в.

Результаты поисков и исследований древнерусских и средневековых укреплённых пунктов, расположенных на территории Житомирской и соседних областей, но выходящих за пределы летописной средневековой Овручской волости, остались вне пределов настоящей работы. На территории летописной Болоховской земли в южной части современной Житомирской области нами, в рамках отдельного проекта, исследован ряд древнерусских укреплений — Райки, Разно, Заречаны, Жежелев. Также обследовались районные центры Бердичев, Черняхов, Чуднов, Червоноармейск, окрестности Житомира. На юго-западной окраине Киевской земли исследовались комплексы древнерусских памятников с городищами в Яроповичах (летописный Ярополч), Старой Котельне (летописный Котельнич) и Грубске.

На севере бывшей деревской земли, начиная с X в., образуется летописная Овручская волость. Овруч становится новым великокняжеским административным центром недавно подчинённой древлянской земли. Волость занимает фактически всю северную часть бывшего племенного образования и современной Житомирщины. Территориальным ядром и сердцевиной волости становится уникальное природное

образование — Овручский лёссовый кряж. Особая геотектоническая и геологическая история формирования кряжа обусловили наличие на южном и северном краях кряжа эксклюзивных месторождений уникального минерального сырья — овручских пирофиллитового сланца и красного кварцита. Здесь сформировалась уникальная производственная инфраструктура овручской пирофиллитовой индустрии, включавшая разветвлённую систему карьеров, мест первичной переработки сырья, сети специализированных ремесленных поселений и транспортных коммуникаций и административных узлов. Вокруг мест разработок месторождений пирофиллитового сланца образовались густонаселённые промышленные микрорегионы. Другой, чрезвычайно мощной отраслью местной специализации была чёрная металлургия, индикаторы которой массово зафиксированы на абсолютном большинстве поселений Овручской волости, как на Овручском кряже, так и вне него, во всех бассейновых регионах — на Уже, Уборти, Жереве, Норыни. Часто параллельно фиксируется также двойная специализация: обработка пирофиллита и следы производства железа [Павленко, 2010; Томашевский, 2008, с. 66].

Исторически и методически важно, что заселение, управление, хозяйственное освоение Овручской волости осуществлялось великокняжеской администрацией из Киева. Рюрик Ростиславич не только владел Овручской волостью как правящий киевский князь (условное держание), но и, возможно, расценивал эту волость как свою собственную (и своих потомков) наследственную отчину и «жизнь». Многократно теряя киевский стол, он сохранял за собой Овруч, укрывался в нем от враждебных обстоятельств, многократно ездил в Овруч по делам [ПСРЛ, 1908, стб. 669].

Постоянно накапливаемая и обрабатываемая в рамках программ Овручского проекта сумма информации разнообразных археологических, исторических, картографических, этнолингвистических, этнологических, антропологических и других источников всё увереннее подтверждает сформулированное в самом начале исследований наше утверждение о том, что Овручская волость XIV–XV вв., трансформируясь под воздействием внешних и внутренних факторов, наследовала и продолжала ключевые традиции заселения, территориальной организации и хозяйственного освоения, сформированные в древнерусское время.

Памятниковедческие проблемы изучения древнерусских и средневековых укреплений региона. На территории Житомирской области известно около 180 городищ. В «Археологической карте Волынской губернии» В. Б. Антоновича была зафиксирована и систематизирована накопленная в XIX в. информация о всех известных к тому времени памятниках, в том числе — и о городищах. В XX в. основной вклад в изучение городищ на данной территории внесли работы С. С. Гамченка, И. П. Русановой, М. П. Кучеры, Б. А. Звиздецкого. М. П. Кучера лично обследовал несколько десятков городищ, снял их планы, дал описания, хронологические определения и составил охранные паспорта. Под его авторством и редакцией вышло несколько обобщающих сводок городищ [Древнерусские поселения …, 1984; Кучера, 1999], а также специальных публикаций, посвящённых проблематике древнерусских укреплений региона [Кучера, 1979; 1982].

Необходимо отметить, что в информации о некоторых городищах данной территории до сих пор имеются неясности, путаница и дублирование данных, связанные с конкретными проблемами в документальной фиксации точного местонахождения городищ, их географической, топонимической идентификации, подтверждении времени возникновения и функционирования, выяснении особенностей фортификации и пр. Ситуация осложняется неравномерной степенью археологической исследованности всей территории и отдельных её регионов. Например, среди прочих археологических памятников, есть группа городищ или укреплений, сведения о которых содержатся в «Археологической карте» В. Б. Антоновича, на которых так и не побывал ни разу ни один профессиональный археолог (напр.: Грушки — Торчин, Пулины, Лагульск, Яблонец). Причины в каждом случае могут быть различными —

труднодоступность местности, отсутствие сколько-нибудь понятной привязки, неизвестность современному местному населению обозначенных в документации топонимов, необратимые антропогенные и техногенные изменения местности в конкретных регионах, сознательные искажения и технические ошибки в охранной и научной документации, наконец — отсутствие специального и целенаправленного интереса к поиску конкретного памятника.

В условиях современного состояния Житомирской и соседних с ней областей более чем значимым является техногенный фактор. В результате аварии на Чернобыльской АЭС и последовавшей эвакуации населения практически обезлюдели значительные территории ряда административных районов. Загрязнённые радиацией площади разрушающихся бывших населённых пунктов и окружающих угодий, заросли с момента аварии практически непроходимыми лесокустарниковыми «джунглями», которые кардинально изменили их вид и скрыли планировку. Вместе с отсутствием коренного местного населения это делает, как показывает опыт наших разведок последних лет, практически невозможным поиск городищ и других археологических памятников, зафиксированных в научной и охранной документации с помощью географических и топонимических привязок к каким либо отдельным постройкам или частям бывших сел. Не помогают даже сохранившиеся с тех времён планы собственно площадок городищ, если они не сопровождаются специальными рельефно-топографическими схемами всей окружающей местности и селитьбы (Лозница, Лелев, Максимовичи и др.). Кроме всего прочего, некоторые микрорегионы по-прежнему остаются недоступными из-за очень высокого уровня радиации.

Другим аспектом этой же проблемы является отсутствие всякой сохранившейся документации и любых данных о соответствующем памятнике, кроме, собственно, упоминания об его существовании или посещении (напр. городище у с. Радецкая Болярка).

Без удовлетворительной научной степени достоверности остаётся до сего времени точная локализация и надёжное отождествление с соответствующими археологическими комплексами памятников ряда летописных древнерусских городов региона — Ушеска, Мунарева, Семця, Жедьчевьева, Варовичей и др.

Методология, методика и приёмы поиска. В Овручском проекте наработан многолетний опыт ведения разнообразных видов полевых археологических разведок. Речь идёт о многократных мультисезонных полевых разведках, проводимых несколько раз в разные годы и сезоны при различных состояниях вегетации растений соответствующих природно-хозяйственных угодий. В зависимости от конкретных организационных и природных обстоятельств, нами практикуются комбинации вариантов сплошных, маршрутных, веерных и прочих способов реализации разведок.

Необходимо отметить, что в последние годы, в связи с кардинальными изменениями юридических и имущественных статусов всего земельного фонда способы проведения эффективных разведок также существенно корректируются. На территории приусадебных участков и земельных паёв ведение полевых обследований согласовывается и проводится с участием местной администрации. Работы на площадях сельскохозяйственных угодий вне пределов современной селитебной застройки проводятся в зависимости от их современного состояния в том или ином регионе соответствующего административного района. На месте давно заброшенных угодий поэтапно восстанавливаются природно-антропогенные фитоценозы, генетически связанные с глубинными особенностями соответствующих природно-территориальных ландшафтных комплексов. Зарастающие лесами и кустарниками бывшие сельскохозяйственные угодья требуют применения специфических приёмов разведок, предусматривающих проведение масштабной планиграфически системной шурфовки и многочисленных зондажей с целью выяснения площади, толщины и сохранности культурного слоя, а также получения артефактов, необходимых для надёжного культурно-хронологического определения памятников. На других территориях, интенсивно используемых сегодня новыми собственниками

и арендаторами (нередко — иностранными) приходится вести специальные, не всегда успешные, переговоры о допуске к той или иной территории.

Нельзя не отметить, что городища, как наиболее очевидные памятники, возвышающиеся или топографически выдающиеся на фоне окружающей местности, как правило, наиболее часто страдают от варварской псевдо-хозяйственной деятельности, грабительских раскопок или простого вандализма.

Осмысление практики и результатов исследовательских работ нашей экспедиции позволило, среди прочего, вывести определённую закономерность в пространственном соотношении древнерусских и средневековых памятников с территориями современных населённых пунктов и их исторических ядер. На просторах сердцевины Овручской волости на одноименном кряже и некоторых сопредельных территорий в бассейнах рек Норыни и нижнего Ужа (в Народичском районе) прослежено многократно повторяемые факты нахождения памятников древнерусского и ордынско-литовского времени в пределах соответствующих исторических населённых пунктов. Очень часто для таких поселений фиксируется практически беспрерывная хронологическая колонка археологических материалов, начиная с древнерусского времени и до современности. В некоторых случаях зафиксировано пространственно-временное перемещение пятен культурного слоя от изначального поселения вверх по склонам или на соседние участки, но все равно, — в пределах селитебной зоны соответствующего населённого пункта.

Научное планирование разведок, выбор мест и конкретных маршрутов их проведения базируется на совокупности методологических подходов и методических приёмах, выработанных и апробированных в течении многих лет успешной реализации программ Овручского проекта [Томашевський, 2002; Томашевский, 2008, с. 54–55]. В основе используемых методик лежат принцип историзма, исследовательский инструментарий социально-экономической географии и базовые положения пространственного подхода.

Историзм, в данном случае, предполагает рассмотрение возникновения и развития укреплённого или городского поселения в пространственно-временной динамической последовательности изменений его количественных параметров и качественных функциональных характеристик. Для изучаемой территории это означает также специальный интерес к выявлению и анализу признаков, подтверждающих или отрицающих беспрерывную преемственность и традиционность существования конкретного населённого пункта и его исторических составных частей.

Историко-географический подход, активно используемый в нашей поисковой практике, означает специальный исследовательский интерес к историческим населённым пунктам определённой территории, которые фиксируются в различных письменных и картографических источниках уже в ордынскую или литовско-русскую эпоху. Специальный и целенаправленный поиск древнерусских подоснов под такими средневековыми поселениями во многих случаях оказывается успешным и результативным. В свою очередь, ещё на стадии планирования будущих полевых исследований, это требует специальной организации и систематизации всей собранной массы исторических и историко-картографических материалов, поиска необходимых детальных различных картооснов, специального сбора, обработки и комплексного анализа микроисторической, микротопонимической, краеведческой и археологической информации.

Поиск древнерусских городищ в нашей практике неразрывно связан с проверкой и обследованием населённых пунктов, для которых в средневековых актовых источниках, люстрациях, исторических картах и описаниях упоминаются городища, замки, укреплённые усадьбы и т.п. Тоже касается специального анализа различных по масштабам и тематическим задачам географических и топографических карт XIX–XX вв., на которых также иногда обозначаются вероятные укрепления. Наконец, с таким историко-географическим подходом логически связана необходимость специального научного обследования современных существующих, а также, — исторически зафиксированных

районных и региональных административных центров соответствующих округ. В нескольких случаях, благодаря специально организованным поискам при содействии местных властей и краеведов, такие поиски ранних, т.е. древнерусских поселений IX–XIII вв. в основании современных райцентров оказались результативными. Несмотря на значительные многовековые перепланировки исторических ареалов таких населённых пунктов, нам впервые удалось выявить и документально зафиксировать надёжно диагностируемые материалы древнерусского времени и последующих эпох на участках, которые, судя по их рельефно-топографическим особенностям, могли быть специально укреплены. В условиях городской застройки дальнейшее более детальное исследование предполагает необходимость специальной организации археологических раскопок, невозможных без целенаправленной финансово-организационной поддержки и заинтересованности местных властей. Уже полученные научные результаты показывают перспективность и методическую оправданность исходной концепции о возможной традиционности и преемственности многих исторических населённых пунктов и административных центров территории Житомирщины на протяжении всего средневекового периода.

Городища Овручского кряжа. С самого начала работ Овручской экспедиции в 1996 г. развернулось активное изучение укреплённых поселений Овручского кряжа[3]. В литературе и охранной документации были известны, пять таких пунктов: Овруч, Норинск, Листвин, Городец и Збраньки. Все эти укрепления обследовались нами в течение ряда лет. В ходе полевых работ изучалась площадь и мощность культурных слоёв, выявлялась структура комплексов и составных археологических памятников, уточнялись хронологические и функциональные характеристики этих населённых пунктов. В Овруче, Городце, Листвине и Норинске в разные годы проводились специальные охранно-спасательные раскопки. В результате обработки накопленных в результате полевых исследований данных представления о датировке, площади, пространственной структуре, этнокультурных и функциональных особенностях большинства перечисленных памятников значительно изменились.

Овруч. Летописный Вручий, ставший новой столицей покорённой древлянской земли и центром древнерусской Овручской волости, впервые упоминается под 977 г. [ПСРЛ, 1908, стб. 62]. Летописные упоминания Овруча — административного и хозяйственного центра волости, наиболее часты в последней четверти XII ст., во времена правления князя Рюрика Ростиславича [ПСРЛ, 1908, стб. 541, 543, 547 и др.].

История любительских исследований Овруча начинается в 30–40-х гг. XIX в. (раскопки кургана «Олегова могила» и исследования внутри разрушающейся Васильевской церкви). Сведения об этих работах фрагментарные и практически не документированы. Разрозненные сообщения рубежа XIX–XX вв. об археологических находках, происходящих из Овруча, не содержали достоверных сведений о местоположении и культурно-хронологическом контексте найденных артефактов [Антонович, 1901, с. 20]. Предварительные исследования 1907–08 гг., проведённые П. П. Покрышкиным в ходе подготовки к восстановлению Васильевской церкви, имели не столько научно-археологическое, сколько практическое архитектурно-строительное значение, а их материалы остались фактически неопубликованным [Раппопорт, 1982, с. 83–84, 87–88]. Следует отдельно отметить, что, как не парадоксально, первые научно документированные специальные археологические исследования летописного Овруча развернулись только в 1996 г. с началом деятельности Овручской экспедиции [Томашевський, 1998, с. 46; 2004].

Несмотря на ограниченный объем и охранно-спасательный характер этих работ, нам удалось определить основные зоны распространения, мощность и характер культурного

3. Многолетние специально спланированные разведки, проводимые на территории Овручской волости, начиная с 2006 года, координировались также с Программой «Свода памятников истории и культуры Житомирской области».

слоя в исторической части города. Впервые были выявлены и исследованы археологические объекты древнерусского времени и материальная культура обитателей Овруча X–XIII вв.

Территория древнего города с самого начала была сформирована пересечением широтной долины р. Норыни и двух параллельных, меридионально ориентированных, обводнённых балок, восточная из которых имеет современное название «Пьяная долина», а западная — «Ручай» с одноименной улицей. Специальный геоинформационный анализ динамики развития топографии, проведённый нами при помощи послойного совмещения наиболее выразительных планов Овруча 1798, 1836, 1863 гг. с детальной современной картой Овруча позволил определить историко-топографическую структуру Овруча и выделить её основные составные компоненты [Томашевський, 2004, с. 266–272, рис. 2, А-Б].

Детинец на Замковой горе. Овальный останец «Замковой горы» высотой около 15 м находится в устье ручья «Ручай», впадающего в р. Норынь, в южной части исторического центра современного города. Останец с крутыми склонами отделен от плато с севера оврагом, шириной по верхней кромке не менее 30 м. По дну этого оврага и у подножия вокруг останца проведены городские улицы. Сегодня останец городища связан с прилегающей территорией плато узким, вероятно — насыпным, перешейком. Его искусственное происхождение подтверждают постоянные провалы с оседанием грунта и дорожного покрытия. На месте современного перешейка в древнерусское время существовал мост к городским воротам, на котором после поражения от брата Ярополка в 977 г. погиб овручский (древлянский) князь Олег Святославич. Этот мост изображён на одной из миниатюр Радзивиловского свода, иллюстрирующей летописные события [Радзивиловская …, 1994, л. 41 об.]. Площадь верхней поверхности «Замковой горы», в древнерусское время занятой городищем, составляет около 1,1 га.

На этом же останце в средневековье последовательно размещеалось несколько укреплённых замков, наиболее ранняя информация о которых, содержится в отрывке люстрации 1519 г. [Архив …, 1890, с. 11–12]. Замок неоднократно перепланировался, перестраивался и укреплялся. На естественно ограниченной территории, судя по описаниям люстраций, существовала и развивалась практически беспрерывная и плотная застройка, уничтожавшая культурный слой древнерусского времени. На территории «Замковой горы» в разное время размещались: православная церковь Косьмы и Дамиана, иезуитский коллегиум с монастырём и костёлом, доминиканский монастырь. С конца 70-х гг. XIX в. эти перестроенные сооружения стали городским православным Спасо-Преображенским собором, разрушенным в 30-х гг. XX в. Со слов местных старожилов, во времена первой мировой войны на «Замковой горе» функционировал военный госпиталь со своей инфраструктурой и казарма. В последние десятилетия XX в. полностью разрушенный Спасо-Преображенский собор восстановлен.

Собор занимает центральную часть останца. По периметру площадка и склоны «Замковой горы» сегодня заняты постройками и огородами частных усадеб. Древнерусские материалы XII–XIII вв. и позднесредневекового периода зафиксированы экспедицией на огородах нескольких усадеб по ул. Соборной [Томашевський, 2004, с. 268, рис. 3]. Наши исследования, в том числе и наблюдения за земляными работами во время завершающих стадий восстановления собора, позволяют констатировать, что культурный слой на площадке «Замковой горы» практически уничтожен. Уцелевшие участки в целом снивелированного слоя и какие-то археологические объекты, возможно, сохранились в западной, более пониженной части площадки останца на территории некоторых частных усадеб и на эскарпоподобных террасах южного склона «Замковой горы».

Васильевская Гора. К востоку от замкового останца, на большом мысу юго-восточной экспозиции, образованном устьем ручья «Пьяная долина» и долиной р. Норыни расположена «Васильевская гора». Сегодня это топографически единая территория, совокупная площадь которой составляет приблизительно 3,5 га, застроена частными

усадьбами и сооружениями комплекса женского монастыря и Васильевской церкви. Совмещение планов XVIII–XX вв. показывает динамику развития определённых частей этой территории. Бровка склона террасы плато над р. Норынь, была, в отличие от современности, изрезана оврагами и канавами, которые образовывали несколько отдельных мысовых выступов. На планах конца XVII — XIX вв. заметно, что самый край углового выступа в устье ручья «Пьяная долина» был вообще отделен от плато, и в этом месте, существовали два отделённых от террасы останца, чётко отмеченные на плане 1836 г. [Томашевський, 2004, рис. 2, Б].

Чрезвычайно насыщенная история заселения и застройки данной территории на протяжении всего средневековья и вплоть до сегодняшнего дня, также как и на «Замковой горе», отрицательно сказалась на сохранности наиболее ранних объектов и самого культурного слоя. Над самым краем террасы в шурфах нами был зафиксирован перемешенный характер почвы вплоть до искусственно углублённого материка. На «Васильевской горе» вокруг церкви Св. Василия и монастырских зданий, на частных огородах местных усадеб и склонах нами на площади около 2,5 га был обнаружен подъёмный материал XII–XIV вв. и более позднего времени [Томашевський, 2004, рис. 4]. Не исключено, что здесь располагался древнерусский княжеский двор, на котором Рюрик Ростиславич построил церковь Св. Василия. В более позднее время здесь, возможно, находились литовский княжеский и польский королевский дворы [Яроцкий, 1903а, с. 9].

Окольный град (возможно, первоначально — предградье). Окольный град занимает пространство площадью не менее 15,6 га между обеими долинами ручьев и, вероятно, был отделен от мысовых отрогов «Васильевской горы». С напольного, северного (мозырского) направления город окружали рвы и валы, которые пересекали плато между обеими меридиональными долинами. Совмещение планов XVIII–XIX вв. показывает относительную стабильность местонахождения линий древних, очевидно — древнерусских, линий валов — рвов [Томашевський, 2004, рис. 2, А-Б]. Некоторые топографические и планировочные намёки на места прохождения древних укреплений прослеживаются и сегодня.

Основные археологические раскопки в Овруче нашей экспедицией проводились именно в этой части древнего Овруча. Здесь, в исторической зоне, надзор за земляными работами 1997 г. перерос в спасательные раскопки по линии прокладывания траншей теплотрассы на перекрёстке центральных улиц. В траншее были исследованы остатки близко расположенных древнерусских объектов: двух жилищ, двух хозяйственных ям и других сооружений с многочисленными разнообразными находками X–XIII вв. и более поздних эпох в объектах и культурном слое [Томашевський, 2004, с. 272–276, рис. 5–6]. В этой же траншее были обнаружены и исследованы реликтовые участки сохранившегося слоя позднепалеолитической стоянки [Нужний, 1998, с. 74–78, 86–88]. В 1998 г. удалось зафиксировать многочисленные древнерусские и позднесредневековые комплексы в траншее, которая прокладывалась в части окольного града, приближенной к «Замковой горе» [Томашевський, 2004, с. 272–276, рис. 7].

Постоянный ежегодный мониторинг за земляными и строительными работами, проводимый экспедицией, позволил сформировать сводную карту сохранившихся участков древнерусского культурного слоя X–XIII вв., слоёв послемонгольского, литовско-русского времени, и более поздних периодов. Практически на территории всех составных частей древнерусского Овруча нами встреченные достоверные свидетельства обработки пирофиллитового сланца, остатки производства пирофиллитовых пряслиц и железообрабатывающего ремесла.

Для последующего более детального и масштабного изучения Овруча необходима организация стационарных раскопок и включение исторической зоны города в состав территории будущего заповедника «Древний Овруч».

Городец. Первые сведения о комплексе археологических памятников вблизи с. Городец известны с конца XIX вв. [Сборник …, 1888, с. 93–94; Антонович, 1901, с. 23].

Различные составные археологического комплекса в разное время исследовались В. А. Месяцем [Місяць, 1961/55, с. 5–6], М. П. Кучерой [Кучера, 1975/27, с. 3–6; 1982, с. 73, 77–78, рис. 2, *1*], Р. С. Орловым [Орлов, 1983/21, с. 66–67], Б. А. Звиздецким [Звиздецкий, 2005; Звіздецький, 1999, с. 367–368; 2008а, с. 23–25, 29–31, рис. 61–73]. Наибольший вклад в исследование укреплённых памятников комплекса внёс М. П. Кучера, который впервые снял глазомерный план городищ и посада, составил охранный паспорт, и ввёл их в научный оборот. Детальная история исследования данного археологического комплекса подробно изложена в нашей специальной публикации [Томашевський, 2008а, с. 156–161].

С 1996 г. и до настоящего времени постоянные исследования комплекса памятников у с. Городец проводятся Овручской экспедицией [Томашевський, 1998, с. 45–46; 2008а, с. 161–162]. Уже в начале исследований стало понятно, что мы имеем дело с комплексом связанных хронологически и функционально археологических памятников, образовывавших в древнерусское время крупный населённый пункт городского типа со сложной структурой из укреплённых городищ, посада, селищ и могильников. Важнейшим открытием стало выявление огромного селища, фактически занимавшего большую часть всего мысового отрога плато, ограниченного оврагами у истоков р. Городище — в начале речного бассейна р. Словечна. Разведанную на сегодня площадь населённого пункта без детальной инструментальной съёмки можно определить в пределах 28–35 га.

Полевые работы, которые в разные годы проводила Овручская экспедиция, в абсолютном большинстве были сконцентрированы на научном изучении повреждений (естественного и антропогенного происхождения) культурных слоёв и собственно археологических объектов на составляющих комплекс памятниках. Это касалось и грабительских ям (а позже — и «раскопов» на городищах), и повреждённых мародёрами курганов, и природных эрозионных канав и промоин, и незаконных противоэрозионных сооружений, и нарушений верхних грунтовых слоёв в результате сельскохозяйственной деятельности. В ходе спасательных исследовательских работ выяснялась стратиграфия и мощность локальных участков культурного слоя, уточнялось его культурно-хронологическое определения, вскрывались и изучались уничтожаемые археологические объекты или участки культурного слоя. В результате многолетних систематических обследований и мониторинга сформировалась детальная карта расположения различных по времени и функциональному назначению участков всех основных составляющих комплекс памятников.

В состав Городецкого археологического комплекса входят несколько памятников: два городища (№№ I и II в ур. «Городки»); прилегающий к городищам, укреплённый валами посад; огромное селище, площадью более 15 га, расположенное к юго-востоку от городищ с посадом в ур. «Городище-Церковище», возможно с востока укреплённое несколькими линиями валов; городище № 3 на южном краю селища; поселение на соседнем с юга мысовом отроге в ур. «Песчанка»; курганный могильник № 1 (верхний), насчитывающий около 70 сохранившихся на сегодня насыпей; курганный могильник № 2 (нижний), насчитывающий 23 насыпи; курганный могильник на землях с. Антоновичи, в 600–700 м к югу (через овраг) от селища и городища № 3, насчитывающий до 40 насыпей; курганы на окружающих микрорегион водораздельных, наиболее возвышенных орографически точках [Томашевський, 2008, рис. 1, А–В].

Топография трёх городищ, защищённого посада и огромного селища гидрографически и топографически детерминированы и жёстко увязаны с контурами естественной местной эрозионной овражной системы. Специально и дополнительно изолированные останцы городищ и посада вписаны в кромку правого борта древнего оврага с отвесными высокими склонами. Таким образом, при устройстве, планировке и фортификации составных частей данного населённого пункта были максимально оптимально использованы уникальные местные геоморфологические и топографические условия, а все составные археологического комплекса образуют пространственно и исторически единое целое.

Ещё более десяти синхронных древнерусских населённых пунктов образуют ближнюю округу Городца.

Городецкий комплекс контролировал всю западную часть Овручского кряжа, коммуникации на запад, на Озеряно-Топильнянский кряж, Уборть, Погорыну и Волынь. Наиболее показательными, относительно положения и структуры археологического комплекса возле с. Городец, есть трёхмерные модели рельефа с обозначенными на них составными, которые построены на основе ГИС-анализа [Томашевський, 2008а, рис. 2, 1–3; 3, *1–3*]. В момент наибольшего расцвета населения Городецкого комплекса, по нашим подсчётам, могло составлять около 5 тыс. человек.

Ещё одной важной особенностью Городца является тот факт, что именно здесь, в слое и археологических комплексах зафиксирована наиболее ранняя древнерусская керамика рубежа IX–X вв. из всех известных нам поселений древнерусского времени на Овручском кряже. Это горшки с прямыми, удлинёнными не резко отогнутыми венчиками с модификациями т.н. «косого среза». Присутствуют и формы с начальным острым манжетом и дальнейшие варианты развития профилирования на основе модификации манжета и образования закраины. Ранняя керамика Городца покрыта линейно-горизонтальной орнаментацией, часто по всему тулову. Есть уникальные формы, где на тулове параллельные горизонтальные линии комбинируются с оригинальным канелюром. Развитая древнерусская керамика конца XII — середины XIII ст. из Городца также своеобразна. Встречаются как тонкостенные сложно профилированные формы, так и более грубые, толстостенные с подогнутыми короткими венчиками, грубой поверхностью. Также на территории посада и поселения нами найдены фрагменты амфор.

Археологический комплекс возле с. Городец является одним из самых ярких образцов территориального и функционального объединения двух высокотехнологических, базовых для тогдашней экономики, отраслей производства Овручской волости: металлургии и камнеобработки. Добыча, переработка сырья и производство железа является наиболее яркой и масштабной отличительной особенностью промышленного производства комплекса. Артефакты — индикаторы технологических звеньев этого производственного процесса массово встречаются на посаде и селище. Большинство из 18 выявленных и срочно исследованных нами объектов X–XI вв., открытых на разрушенном участке селища в 2008 г., были связаны с циклами металлургического производства [Томашевський, 2008а, с. 172]. Объёмы этого производства впечатляющие, тем более, что речь идёт о его существовании уже на начальных и ранних этапах существования Городецкого комплекса. Заготовки, отходы и бракованные остатки производства пирофиллитовых пряслиц и жерновов найдены практически на всех памятках комплекса [Томашевський, 2008а, 172–175, рис. 10–11]. Кроме широко известных разновидностей красных пирофиллитовых сланцев, тут обрабатывали и более редкую породу серо-зелёного стеатитоподобного хлорито-серицитового сланца, привозимого, по нашему мнению, из окрестностей соседнего с запада Озеряно-Топильнянського кряжа [Павленко, 2010, с. 158]. Зафиксированы также археологические комплексы, связанные с лесохимическими промыслами.

Специально отметим, что практически из всех выявленных и изученных нами датированных археологических объектов, отбирались палеоботанические и палинологические пробы. В результате их обработки и анализа был получен сводный палеоботанический и споро-пыльцевой спектр древнерусских памятников комплекса. Он демонстрирует исключительно широкий ассортимент выращиваемых жителями Городца культурных растений [Безусько, 2000а, 2000б; Пашкевич, 2008]. Комплексный анализ экофактов: палеоботанических, палинологических, остеологических материалов из разновременных древнерусских объектов, дали важную информацию о составе естественной растительности, которая в разные периоды окружала данный древнерусский населённый пункт, а также о динамике антропогенном влияния на местную окружающую среду и характере хозяйственной деятельности населения.

Мы уже высказывали предположение о том, что Городец (возможно, в древнерусское время — Каменец-Камень) был военно-административным великокняжеским центром, в составе населения которого были выходцы из Прибалтики (ятвяги) [Томашевський, 2008а, с. 165–166]. Подтверждают это предположение, прежде всего, все местные могильники с курганами, в конструкции насыпей которых фиксируются каменные обкладки — кромлехи, и некоторые особенности керамики. Также интересным фактом является возникновение впоследствии именно в этом регионе Каменецкой и Убортской волостей, как владений виленского капитула и епископата, первые сохранившиеся исторические сведения о котором датируются самым началом XV в. (дарственная грамота Витовта от 22 апреля 1415 г.) [Крикун, 1993, с. 169–170]. Этно-территориальное наложение этих последовательных исторических явлений возможно не случайно. Вероятно, что прибалтийское население появилось на Овручском кряже после походов киевских князей на ятвягов. Переселенцы, оторванные от родины, не имели в местной среде своих корней и поддержки, ориентировались на службу киевскому князю. Они призваны были стать надёжной региональной опорой в деятельности киевской великокняжеской администрации по коренному перезаселению покорённой древлянской племенной земли и созданию новой поселенческой, управленческой, производственной инфраструктуры создаваемой Овручской волости. В свою очередь, для обеспечения контроля над чужеземцами-переселенцами зона их расселения на западе кряжа было окружена пожалованными дружинно-боярскими сёлами Овручской околичной шляхты [Томашевський, 2008б]. В легендах и преданиях окружающих сел известны сюжеты о давних битвах и стычках на краю «Литвы». Уместно также упомянуть о разновидностях местных преданий о перенесении древнего града на новое место и основании современного села, а также о достаточно интересной микротопонимии с. Городец, своими корнями, вероятно, уходящей в древнерусское время. Перспективы изучения обозначенных этнокультурных проблем связаны с возможностью организации будущих специальных археологических, антропологических и микро лингвистических исследований.

Вокруг памятников в Городце сформировался мощный тысячелетний комплекс историко-культурных и природных уникальностей. Неповторимый синтез этих особых реликтов создаёт неделимый территориально природно-исторический ансамбль вокруг памятника национального значения, но и без преувеличения объекта Всемирного природного и культурного наследия.

Норинск. Основные сведения о памятниках и археологических находках у с. Норинск, накопленные к рубежу XIX–XX вв., собрал и опубликовал в «Археологической карте Волынской губернии» проф. В. Б. Антонович. В издании перечислены городище «Гора» окружностью в 140 саженей, несколько групп курганов к северу от местечка (всего 120 насыпей), курганы в самом местечке. Также упомянуты стоянка каменного века, находки каменных крестиков, энколпионов и двух неопределённых монетных кладов [Антонович, 1901, с. 18].

В 1924 г. исследования у с. Норинск проводил С. С. Гамченко. Им были составлены описания 5 курганных групп. В одной из групп раскопано 2 кургана. В них зафиксированы погребения в колодах на древнем горизонте. Инвентарь погребений достаточно беден: железные гвозди (по-видимому, от колод), костяной гребень, фрагменты серебряной (?) ажурной бусины. В каждом кургане, с обеих сторон от колод, на уровне горизонта, стояли два керамических сосуда. В насыпи, судя по плану, зафиксированы следы кострищ, с фрагментами керамики [Гамченко, 1925б, с. 39–44].

С. С. Гамченком было также исследовано городище и составлен его план. Судя из сохранившихся дневников, он проводил также небольшие раскопки / шурфовку (?) на городище [Гамченко, 1925в, с. 43–44]. Однако полноценно использовать эти материалы пока не удаётся. Результаты работ С. С. Гамченко не были опубликованы и ранее не использовались исследователями.

Тоже, к сожалению, приходится констатировать и о работах, которые в 1954 г. проводил в Норинске В. А. Месяц. На территории села, им была обнаружена и частично исследована мастерская по производству пирофиллитовых пряслиц. Документация, оставленная В. А. Месяцем, не позволяет, несмотря на специально проведённые нами поисковые работы, точно локализовать описанные им объекты. Местонахождение коллекции материалов, полученных в результате этих работ также неизвестно [Місяць, 1954/32, с. 13–18].

Как и во многих других случаях, важный и значимый вклад в исследование и введение в научный оборот археологических памятников Норинска сделал М. П. Кучера. В 1975 г. он обследовал, описал и составил план городища, дал культурно-хронологическое определение, составил охранный паспорт на городище. Согласно исследователю, городище занимает высокий останец в южной части села, на расстоянии 250 м от правого берега г. Норынь. Останец овальной формы возвышается на 40 м над окружающей ровной и низменной местностью. Размеры верхней площадки, вытянутой с запада на восток, составляют 120 м, при наибольшей ширине в серединной части — 43 м. Основная средняя площадка подпрямоугольной формы, длиной 65 м, шириной 35–43 м, возвышается над поверхностью верхней площадки останца на 0,75 м с запада и на 1,6–1,3 м с востока. С этой возвышенной площадки начинается выезд, который спускается по овражно-подобному углублению к подножию в юго-восточной части городища. Валов на городище нет. На площадке городища и на дороге-въезде в гумусированном грунте найдены обломки стенок сосудов XII–XIII вв. В северо-западной части основной площадки М. П. Кучерой были заложены два шурфа. Культурный слой имел толщину свыше 1 м, в нем зафиксированы обломки керамики XII–XIII и XVII вв., фрагменты изразцов, камни, кости животных, пережжённая глина. Более поздние и ранние находки перемешаны. Исследователь пришёл к выводу о том, что на месте древнерусского городища было построено замчище, вследствие чего первоначальный вид городища изменился. М. П. Кучера не исключал, что среди керамики XII–XIII вв. были и стенки XI в. [Кучера, 1975/27, с. 6–7; 1982, с. 78, рис. 3, 6]. М. П. Кучера также отметил, что у подножия останца на небольших участках, которые спадают от городища до окружающей низины, кроме позднесредневековых материалов была найдена керамика XII–XIII вв. и один венчик XI в., при этом подчеркнув, что керамика вокруг городища случается очень редко. Также, со ссылкой на В. А. Месяца, было упомянуто о находках заготовок для изготовления пирофиллитовых пряслиц, находимых местными жителями, как у подножия городища, так и в 1 км на северо-запад от городища [Кучера, 1975/27, с. 7; 1982, с. 78].

В 1996 г., в начале работ Овручской экспедиции, были сделаны первые шаги в исследовании этого неординарного памятника. Осмотр площадок городища, и мест выходов культурного слоя на поверхность дал подъёмный материал XII–XIII вв. С целью более точного понимания стратиграфии памятника, его культурной и хозяйственной специфики, на центральной возвышенной площадке городища, были заложены три пробных шурфа, расположенных на единой, поперечной к простиранию городища, линии. Серединный шурф практически на глубине вскрытого дернового слоя показал наличие материковых суглинистых пород. Оба же шурфа, расположенные ближе к северному и южному краям городища в самой широкой его части, показали наличие мощных напластований, доходящих до глубины 1–1,5 м. Слои интенсивного гумусированного грунта чередовались с прослойками горелой органики, угля и печины. Возможно, что в обоих шурфах тогда были выявлены остатки частей углублённых археологических объектов жилого или хозяйственного характера. В их заполнениях были выявлены многочисленные и разнообразные материалы XII–XIII вв. и значительное количество костей животных [Томашевський, 1998, с. 47].

Так, в северном шурфе было обнаружено не менее 100 венчиков различных кухонных сосудов, и 10 практически полностью реконструируемых целых форм. Отсюда же происходит несколько ножей и наконечников стрел, 2 кресала, 10 фрагментов

различных стеклянных браслетов, железные пряжка, скобы, оковки, гвозди, каменные бруски и оселки, а также ряд других предметов. В южном шурфе было обнаружено не менее 50 венчиков различных кухонных сосудов, несколько железных ножей, скоб, оковок, гвоздей, сверлёный каменный оселок, астрагал с отверстием, фаланга с тремя регулярно размещёнными сквозными сверлёнными отверстиями, другие бытовые предметы [Томашевський, 1998, рис. 1].

Особый интерес представляют результаты определения многочисленных костей, происходящих из объектов, выявленных в шурфах. Домашние животные представлены здесь всеми основными категориями: бык, овца, коза, свинья, конь и собака. Среди диких животных, являющихся охотничьими трофеями, представлены: заяц (русак), бобёр, кабан, олень благородный, косуля европейская, лось и различные птицы [Журавльов, 2004, табл. 1]. Необходимо специально отметить, что по средневековым нормам добыча таких животных как бобёр, благородный олень, косуля и лось была прерогативой представителей высших социальных слоёв тогдашнего общества. Половозрастной анализ остеологического спектра показал преобладание молодых особей в объёме использованных костей.

Возвращаясь к особенностям керамических комплексов, отметим, что массивы гончарных сосудов из обоих результативных шурфов имеет между собой некоторые отличия. В северном шурфе среди обнаруженных более чем сотни различных кухонных горшков XII–XIII вв. различного литража значительную часть составляют сосуды (в том числе почти все, воссозданные при камеральной обработке, целые формы, извлечённые из нижних слоёв заполнения объектов), имеющие ряд специфических черт, характерных для керамики середины — второй половины XIII в. К таким особенностям можно отнести: различные варианты не симметричной орнаментации тулова и верхней выливной части, в том числе — косая неравномерная волна; неровные и неравномерные врезные горизонтальные линии, орнаментированные канелюрной волной; орнаментация насечками или нерегулярными вдавлениями на внешних и внутренних поверхностях венчиков. Зафиксировано несколько фрагментов стенок с высверленными отверстиями для ремонта треснувших сосудов. К наблюдениям над орнаментацией и морфологией сосудов следует добавить результаты анализа керамической массы и фактуры поверхностей этой группы сосудов послемонгольского времени, свидетельствующие о применении песка и дресвы при изготовлении самих форм и обработки внешних поверхностей горшков. В южном шурфе среди обнаруженных здесь сосудов XII–XIII вв. преобладают горшки с меньшей толщиной по сравнению с керамикой северного шурфа. Эта посуда несколько более изящна, хотя хронологически довольно близка к сосудам второй четверти — средины XIII в., но, возможно, не выходит за пределы монгольского нашествия.

Уже после первого полевого сезона, учитывая совокупность полученных археологических и остеологических материалов, нами было высказано предположение, что в Норинске мы имеем редкую возможность проследить трансформацию древнерусского городища в укрепление замкового типа ордынско-литовского времени [Томашевський, 1998, с. 47]. Такие уникальные особенности данного памятника, безусловно, требуют его дальнейшего специального изучения. Тем более, что городищу в последнее время угрожают грабительские раскопки и интенсивная промышленная деятельность.

Необходимо специально отметить, что Норинск в продолжении своей длительной истории всегда был крупным региональным населённым пунктом — местечком, центром Норинской волости и др. Его центральная историческая часть в средневековое, новое и новейшее время практически беспрерывно была плотно застроена, многократно перепланировалась, меняя владельцев и сам состав населения [см. напр.: Słownik geograficzny …, 1886, s. 178–182]. Следы этой сложной и насыщенной средневековой истории прослеживаются в виде мощных слоёв средневекового времени, находимых на всей площади исторического ядра Норинска. К разрушительным для

более ранних, древнерусских слоёв Норинска факторам, в послевоенное время прибавилась интенсивная промышленная, точнее — горнодобывающая деятельность. Прямо у самого подножия городища и далее, на юг вдоль русла Норыни, действует крупный карьер и завод по добыче и первичной переработке гранита. Разрастающимися карьерами и отвалами, а также строениями технической инфраструктуры уже заняты значительные площади исторической застройки, содержавшие, в том числе, и массивы культурного слоя древнерусского времени и последующих эпох.

Обследования, начавшиеся в 1996 г., продолжаются нами и по сей день. Важнейшим открытием стало выявление окружающих городище селищ — посадов и документальная фиксация всей окружающей древнерусской поселенческой структуры. Археологическая карта микрорегиона постоянно уточняется и дополняется новыми сведениями о многочисленных разновременных памятниках округи Норинска.

Два посада — южный и северо-восточный, окружают городище «Гора». По сути, они занимают все пригодные для проживания и заселения участки, на территории топографически слабовыраженного островного возвышения вокруг останца городища (общей площадью около 30 га), на гидрографически изолированном полуострове, образованном крутой излучиной р. Норыни с запада и севера и оконтуренном с юга и северо-востока впадающем в неё ручьём. Разведанная минимальная площадь южного посада составляет 2,2 га, северо-восточного — почти 5,5 га. Нельзя исключать, что площади этих массивов древнерусского культурного слоя смыкались, образуя единое кольцо вокруг городища. Площадь посадов занята огородами и приватной застройкой. Здесь, кроме многочисленных позднесредневековых материалов, найдены фрагменты древнерусской керамики XII–XIII вв.

На северо-восточном посаде, вдоль современной улицы села, по обе её стороны, на площади усадеб и огородов, во время строительных работ во второй половине XX в., в различных местах находили древнерусские артефакты и свидетельства обработки различных разновидностей пирофиллитового сланца. Наши обследования, проводимые в разные годы, позволили определить общую конфигурацию всего этого поселения и подтвердить его культурно-хронологическое определение.

К югу и востоку от городища проходил вал, который отгораживал полуостров в излучине р. Норынь с городищем и окружающими его посадами, упиравшийся обеими своими концами в правый берег Норыни. Линия прохождения вала зафиксирована на схематическом плане с. Норинска, найденном нами в дневниках С. С. Гамченка. Фрагмент этого вала, длиной около 100 м, сохранился к юго-востоку от городища, в месте его поворота с запада на северо-восток. С напольной стороны вала заметен слабо выраженный ров. Высота сохранившегося участка вала, почти на всей его протяжённости, — около 1 м. В месте поворота вал достигает высоты до 1,8 м. У вала с внутренней и внешней сторон нами обнаружены только позднесредневековые материалы.

Вполне возможно, что зона древнерусского заселения, непосредственно связанная с городищем, простиралась и далее в южном направлении, за пределами сохранившегося в селе вала. Отдельные древнерусские находки происходят из крайних огородов в юго-восточном сегменте упоминаемого нами островного массива. В 2000 г. нами было выявлено древнерусское поселение приблизительно в 500 м к югу от городища, через пару лет засыпанное свежими отвалами карьера.

К реконструируемому нами комплексу древнерусских памятников Норинска относятся также поселения, расположенные на противоположном от городища левом берегу р. Норынь. Расстояние от городища на запад через реку до поселений Норинск-Кайтановка (бывшее село в составе Норинска) в ур. «Паны» — до 200 м по прямой. Здесь, на мысовых выступах склонов надпойменной террасы зафиксированы два поселения с древнерусской керамикой X — сер. XIII и XV–XVII вв., остатками производства пирофиллитовых изделий, и другими материалами. Важно, что среди подъёмного материала этих поселений отчётливо преобладают венчики X–XI вв.,

что позволяет осторожно предполагать возможность наличия ранних древнерусских слоёв и на других составляющих комплекс памятниках, в том числе — и на городище.

Суммарно, строго документированная площадь разведанных поселенческих памятников древнерусского времени у с. Норинска на сегодня составляет не менее 10 га. В перспективе, при продолжении наших работ эта площадь может вырасти вдвое, учитывая имеющиеся у нас наблюдения и материалы отдельных местонахождений.

В состав этого крупного и сложного по структуре древнерусского комплекса входили и многочисленные курганные некрополи. Количество курганов в различных группах в течение XX в. последовательно сокращалось с более чем ста сорока в начале столетия до пятидесяти на сегодняшний день. Интерес представляет группа курганов «Турецкие могилы», расположенных на пахотном поле у северной окраины села вдоль дороги в с. М. Хайча. Сегодня она состоит из 6 курганов, 3 из которых интенсивно распахиваются. Наибольшие насыпи достигают высоты 5 м и диаметра 25 м. Некоторые признаки — форма и морфология насыпей, общий и локальный культурно-хронологический контекст всего археологического комплекса Норинска, позволяют предполагать древнерусское происхождение этих курганов, сопоставимых с широко известными ранними черниговскими курганными древностями. Нельзя исключать и намного более раннее время возникновения этой группы. Пространственное совмещение собранных свидетельств о местоположении курганов с данными разновременной картографии и аэрокосмическими изображениями окружающей Норинск местности, позволяет уверенно предполагать наличие вокруг этого древнерусского комплекса целых курганных полей, окружавших его в древности. Сохранившиеся на сегодня отдельные группы и курганы являются остатками большой сакральной зоны древнего Норинска.

Листвин. Городище к востоку от с. Листвин, на левом берегу р. Норынь, впервые открыто и исследовано Р. С. Орловым в 1983 г. [Орлов, 1983/21, с. 66]. С 1996 г. исследуется Овручской экспедицией.

У городища в с. Листвин, как археологического памятника, есть свои специфические особенности, связанные с отсутствием бесследно исчезнувшей (как бы срезанной) внешней, выдвинутой в пойму р. Норыни половины овальной площадки городища. Причём, ни в каких либо документах, ни в местной народной памяти о разрушении части городища нет никаких свидетельств. Сохранилась лишь часть овала городища, подчёркнутая серповидным валом и глубоким рвом, отделяющим площадку укрепления от напольной части. Наша нивелировка сохранившихся укреплений показала, что ров имеет ширину 26 м и глубину 6 м. Сегодня сохранившаяся часть площади укрепления (0,14 га) имеет сильный уклон (16–20°) в сторону поймы, что, судя по нашим разведочным шурфам и зондажам, способствовало интенсивному смыву грунта и возможного культурного слоя.

Культурный слой на площадке городища фактически сейчас не фиксируется. Лишь в нескольких местах были найдены фрагменты керамики середины — второй половины X в. Не очень многочисленные археологические материалы X в. были отмечены на эскарповидных террасах вокруг основания городища. В 1996 г. во время осмотра территории городища, в обнажении тела разрезанного осыпью или карьером восточного вала (на грани исчезнувшей части городища) нами были выявлены следы однократного кострища. В линзе кострища были найдены фрагменты двух разбитых горшков X в. и костные материалы. Из горелого заполнения линзы были отобраны палеоботанические и палинологические пробы, впоследствии давшие любопытную информацию о составе и степени антропогенного преобразования окружающих ландшафтов [Безусько, 2000а; Пашкевич, 2008, с. 62].

Мы предполагаем, что городище возникло после 945 г. вместе с другими укреплёнными памятниками вокруг южной оконечности Овручского кряжа — ядра создаваемой княжеской волости, и прекратило своё существование на рубеже X–XI вв. с исчезновением древлянской племенной угрозы.

Одним из важнейших результатов наших работ в Листвине стало выявление и изучение древнерусских поселений в ближайшей округе городища. В 170 м к западу от городища на сильно перепланированной песчаным карьером второй надпойменной террасе р. Норынь, в ур. «Кременыця», нами было открыто древнерусское поселение площадью 0,63 га. На площади поселения была найдена керамика X — рубежа XI вв. и XII–XIII вв. [Томашевський, 2007, табл.].

На плато с напольной части городища, Р. С. Орловым были найдены фрагменты керамики X–XI вв. [Орлов, 1983/21, с. 66]. Нашими работами древнерусских материалов на огородах к северу от городища обнаружено не было. На полях с напольной части городища, по свидетельствам краеведа А. В. Никончука, ранее существовал курганный могильник, от которого остался один сильно распаханный курган, зафиксированный ещё Р.С. Орловым [Орлов, 1983/21, с. 66].

Напротив городища, на противоположном берегу р. Норынь, на пологих склонах первой надпойменной террасы, занятыми огородами жителей соседнего с. Кошечки, нами выявлено поселение в ур. «Муралиха», датируемое X–XIII вв., и занимающее почти 3 га площади. К нему примыкают остатки сильно повреждённого курганного могильника, насчитывающего сегодня 17 насыпей, сохранившихся по краям и на склонах возвышения верхней террасы правого берега р. Норыни [Томашевський, 2009, табл.].

Збраньки. Укрепление находится на южной окраине с. Збраньки в ур. «Панська Гора». Осмотр и исследование памятника проводили К.А. Ставровский в конце XIX в. [Антонович, 1901, с. 19], С. С. Гамченко в 1924 г. [Гамченко, 1925б, с. 37], В. А. Месяц в 1954–56 гг., Б. А. Звиздецкий в 1997 г. [Звіздецький, 2008а, с. 32]. По сведениям В. Б. Антоновича, К. А . Ставровским были проведены небольшие раскопки у въезда на городище, в результате которых найдены недатированные железная кольчуга и бронзовая бляха. Остальные исследователи древнерусское происхождение этого памятника не подтверждали. С 1996 г. регулярные обследования и наблюдения проводиться Овручской экспедицией.

Памятник занимает наиболее возвышенную, крайнюю западную часть крупного природного лёссового грядоподобного останца, полого понижающегося к востоку вдоль правого берега р. Норынь. Река огибает останец с запада и севера. Высота останца с укреплениями над поймой Норыни — около 40 м. Укрепления сохранились в южной и частично восточной (напольной) части наиболее высокого участка останца. Высота сохранившихся валов около 3–3,5 м, при ширине до 7–8 м. С напольной части восточных валов заметны следы рва. С севера и северо-запада укрепления отсутствуют. Возможно снивелированы, поскольку в этой части прослеживается небольшое возвышение, которое с равной степенью вероятности может оказаться как остатками укреплений, так и ежегодно опахиваемой межой наделов. Таким образом, в плане укрепления прямоугольной формы, со слегка закруглёнными валами с юго-восточной стороны.

С юго-восточной стороны с уровня надпойменной террасы круто поднимается въезд, имеющий вид узкой лощины V-образного профиля. Склоны в этой части к югу от валов эскарпированы. Логично предположить, что мог существовать и другой, более удобный въезд — с востока, по более пологому понижающемуся склону останца.

В плане площадка укреплений прямоугольная, размерами около 100×70 м. Ныне занята огородами местных жителей. С их слов, в пределах укреплений в конце XIX — начале XX вв. существовала помещичья усадьба и экономия, при устройстве которой укрепления были перепланированы. В западной части площадки заметна группа повышений и впадин. При зачистке одного из таких возвышений Б.А Звиздецким был зафиксирован фрагмент кирпичной кладки. Очевидно, в этом месте размещалась стационарная постройка (помещичий дом).

На огородах в пределах площади укреплений, несмотря на многолетние исследования и шурфовку, на сегодняшний день выявлены лишь многочисленные поздние

археологические (фрагменты керамики, изразцов, стеклянных изделий) и строительные материалы XVII–XIX вв. На полях к востоку от укреплений, с напольной стороны, материалы древнерусского времени также не зафиксированы. Со слов местных жителей, ещё в средине XX в. на этом участке грядоподобного останца размещалось несколько курганных насыпей, которые ныне распаханы.

В 150 м к северо-востоку от укреплений, на небольшом возвышении поймы р. Норынь у северных склонов грядоподобного останца нами было найдено древнерусское поселение, площадью около 200×70–80 м, с материалами XII–XIII вв.

Таким образом, информация, содержащаяся в литературных источниках, тематических сводках [см. напр.: Куза, 1996, с. 168, № 933] и охранных реестрах о древнерусском городище в Збраньках пока не находит своего подтверждения. Время сооружения укреплений остаётся невыясненным.

В известных письменных источниках XV–XVIII вв. о существовании замка у с. Збраньки не упоминается. Если принять, высказанное нами ранее предположение, о строительстве системы городищ на южной границе ядра новосоздаваемой княжеской волости средине X в. для контроля древлянской угрозы и прекращения функционирования некоторых из них уже к концу X в., нельзя окончательно исключать древнерусское происхождение памятника [Томашевский, 2008, с. 72]. Это городище в Збраньках могло просуществовать весьма непродолжительное время, вследствие чего мощный культурный слой на памятнике, не сформировался. Интенсивная хозяйственная деятельность в XVII–XIX вв. способствовала полному его уничтожению. Другой гипотезой возможного появления этих укреплений, является образование здесь какого-то частновладельческого центра в XII–XIII вв., синхронного соседнему неукреплённому поселению, открытому нами. В то же время, вполне возможно, и значительно более позднее время сооружения укреплений «просвещённым» помещиком вокруг своей господской усадьбы.

Славечно. В результате деятельности Овручской экспедиции было открыто новое укрепление древнерусского времени у с. Словечна в западной части Овручского кряжа. Кроме нечётких данных письменных источников о возможном существовании тут средневекового замка, решающую роль в открытии данного укрепления сыграла обнаруженная нами фотография 60-х гг. XX в. На фото запечатлено начало строительства здания будущего музея партизанской славы в центре похожей на городище площадки, овально-яйцевидной формы, сильно выдвинутой в пойму р. Славечна. Из-за строительства на площадке отсутствовали деревья и чётко читалась кольцевая линия окружности возможного укрепления [Історія міст і сіл …, 1973, с. 506, фото].

Многолетние археологические обследования площадки, склонов, окружающей, застроенной сельскими усадьбами местности, наблюдения за выходами культурного слоя на поверхность и за земляными работами дали возможность реконструировать схематическую историко-археологическую картину возникновения и развития данного укреплённого пункта.

Площадка описанного, не исключено — специально выделенного подрезками, мысового отрога надпойменной террасы занимает площадь около 0,26 га, и возвышается на 6 м над сегодняшним уровнем запруженной в этом месте р. Славечна. Наземных следов укреплений не сохранилось. Сама площадка в значительной степени многократно перепланировалась и нивелировалась. Из описаний и пересказов местного населения выяснилось, что здесь размещались помещичьи усадьба и двор. В средневековье на этом же месте существовал замок [Мальченко, 2001, с. 256]. Культурный слой на самой площадке, скорее всего, не сохранился и уничтожен многоразовыми разновременными земляными и строительными работами. Остатки слоя и венчики ранних древнерусских сосудов X в. были выявлены на северо-восточных склонах останца городища.

Древнерусские материалы X–XIII вв. были обнаружены на соседних с севера от городища, окружающих склонах террас, занятых ныне огородами и застройкой, на

площади не менее 0,45 га. Можно предположить, что это остатки посада городища. Не обследованными до сих пор остаются некоторые участки, расположенные к востоку от городища и занятые сплошной плотной приватной застройкой. На всей прилегающей, доступной для осмотра площади этой центральной приречной части села зафиксированы многочисленные артефакты позднесредневекового времени, начиная с XIV в. и позже.

Необходимо отметить, что городище находится непосредственно на изолированном выступе надпойменной террасы, а за ним верх по склону уступы следующих террас взбегают ещё на 40–50 м выше. Непосредственно вблизи местонахождения Словечанского городища — замка проходят древние традиционные дороги широтного и меридионального направления и мостовой переход через р. Славечну.

Городища в системе заселения Овручского кряжа. Известные на Овручском кряже пять городищ[4]: Овруч, Норинск, Листвин, Городец и Словечна как бы опоясывают кряж с запада на восток, располагаясь вдоль контура южной террасы кряжа. Три крупнейших городища — Овруч, Городец и Норинск находятся в сложных по структуре археологических комплексах с посадами, прилегающими поселениями и могильниками. Первые два расположены на меридиональных краях кряжа — на востоке и западе, Норинское городище — на юге, на середине пути между Овручем и Городцом на древних трактовых дрогах, ведущих с кряжа на юг.

Городища являются, по сути, памятниками сильнейшего и сознательного антропогенного преобразования рельефа и ландшафта, происходившего как в процессе создания и обустройства, так и в последующее время. Особенно сильно и многократно изменялись городища в Словечне, Листвине. Городище на лёссовом останце в Норинске господствует над долиной р. Норыни и всей окружающей местностью.

Материалы, полученные в ходе проведённых нами разведок и раскопок, позволяют прояснить датировку городищ кряжа. На всех них найдена керамика X в. Материалов XI–XIII вв. на городищах в Листвине и Словечно пока не выявлено. Городец переживал в течение древнерусского периода различные фазы подъёма и некоторого затухания. Можно предполагать, что городища возникли приблизительно в середине X в., их основной функцией был контроль ситуации на границе только что покорённой древлянской племенной территории, защита и организация административного и хозяйственного порядка создаваемой великокняжеской Овручской волости. Время наибольшего расширения заселённой площади, культурного и хозяйственного развития Овруча и Норинска — XII–XIII века.

В результате специального моделирования с использованием средств ГИС были получены реконструкции зон потенциальной видимости для каждого из городищ. Картографирование этих зон видимости позволило определить несколько интересных особенностей, важных для понимания роли и значения соответствующего населённого пункта с укреплённой частью. Оказалось, что зоны видимости ближайших городищ смыкаются по краям и незначительно накладываются, образуя общую систему сплошного визуального контроля, охватывающую не только соответствующие подчинённые сегменты системы заселения, но и значительно более удалённые пространства вне кряжа [Томашевский, 2008, рис. XXXII].

Три крупнейшие городища (в Овруче, Норинске и Городце) на краях кряжа с выдающимся топографически положением имеют наибольшие зоны видимости. Эти доминирующие населённые пункты располагали природной потенциальной возможностью для реализации своей административно-управленческой, оборонной и контролирующей функции. Зона видимости в прилегающих долинах и террасах, сфера административной ответственности в сегментах заселения, коммуникациях и площадь тяготеющего к такому центральному месту агломерированного узла заселения XII–XIII вв. пространственно совпадают. Они взаимно пропорциональны, отвечают

4. Древнерусское происхождение укреплений у с. Збраньки не подтверждено, поэтому исключено из анализа.

демографическому потенциалу и сложности состава населённых пунктов. Есть корреляция и между качественными особенностями населённых пунктов близ городищ, размером зон их видимости, ответственности и хронологии. И наоборот. Величина и ранг площади населённого пункта, зона его видимости, позиция в системе заселения, размер контролируемого им сегмента этой системы пропорционально сопоставимы, адекватны функциям и историческому значению поселения.

Открытие неизвестных ранее городищ. Длительный опыт ведения специальных поисковых разведок в рамках Овручского проекта продемонстрировал, что совсем не всегда, локальная информация, известная местному населению и даже краеведам, попадала через информаторов, составлявших ответы на волосные анкеты, в «Археологическую карту» В. Б. Антоновича и последующие своды археологических памятников региона. Оказалось, что даже в последние десятилетия и годы на территории Житомирщины возможно открытие новых городищ, не известных ранее в научной литературе, в том числе и древнерусского времени. Речь идёт о городищах открытых нами в районе сс. Кремно — Путиловичи, В. Дывлын — Бучманы, Рыжаны и Радовель. Эти городища были выявлены благодаря информации, в разных формах и форматах, почерпнутой у местных краеведов.

Городище у сс. Кремно — Путиловичи, Лугинский р-н. Этот памятник, известный по краеведческой литературе [Атаманчук, 2006, с. 24], впервые научно исследован и документально описан с помощью местных краеведов — учителей сельских школ Лугинского р-на Н. А. Хоптинца и В. И. Головача в ходе разведки Восточно-Волынской экспедиции в 2008 г. [Томашевський, 2009, с. 294–295].

Городище находится в 180 м к северо-западу от северо-восточной окраины с. Кремно. Расположено на относительно ровной, слабо понижающейся к реке надпойменной террасе левого берега р. Кремно, у устья канализированного безымянного ручья.

Городище неправильной в плане под-овально-округлой формы. Размеры площадки около 45 (с запада на восток) × 35 м (с севера на юг), площадь — 0,14 га. Ширина вала, оконтуривающего площадку со всех сторон, в его основании, составляет от 10 до 12 м, высота определяется в пределах 2,5–3 м. В настоящее время подошва и нижние части склона внешнего наружного склона вала густо заросли кустарником и болотно-луговой растительностью. Периметр городища окружён обводнённым понижением, сильно изменённым мелиоративными стоками. Вполне возможно, что это заболоченное понижение является остатками рва, окружавшего городище, специальное исследование которого в момент первичного обследования провести не удалось. Въезд на городище расположен с северо-восточной стороны. С внешней стороны у въезда заметно понижение, а с внутренней части на площадке городища в месте въезда фиксируется локальное повышение. Площадка городища задернована. Подъёмный материал на городище довольно беден. При исследовании было найдено один венчик середины X в. и несколько лепных стенок, очевидно раннего железного века.

Для выяснения мощности культурного слоя на городище было заложено три шурфа. В двух шурфах встречен однородный серо-коричневый слой толщиной 30–40 см, подстилаемый материком. Слой насыщен находками очень слабо, артефакты аналогичны подъёмному материалу: фрагменты лепной керамики раннежелезного века (в том числе, венчик) и гончарной X в.

В шурфе, заложенном в западной части площадки городища в 5 м от вала, на глубине 70 см от уровня поверхности в материке было зафиксировано гумусированное пятно заполнения объекта. Шурф был расширен до небольшого раскопа размерами 3×2 м. Объект овальной в плане формы, ориентирован с северо-запада на юго-восток размерами 3×1,35 м, углублён в материк до 60 см (в самой глубокой центральной части). Заполнение объекта однородное, чёрное, сильно гумусированное с включением углей. Следов отопительных сооружений и конструкций не зафиксировано. В заполнении объекта найдено множество обожжённых дресвованных камней (гранитоиды,

гнейсо-кварцитоиды, известняки), серо-зелёный хлорито-серицитовый сланец, фрагменты обработанного кремня, фрагменты обмазки, в том числе, — и со следами соломы, кости животных, фрагменты гончарной керамики. Весь богатый керамический комплекс благодаря представительной коллекции венчиков с различными вариантами профилировки можно датировать X в. (от рубежа IX — начала X в. до конца X в.). Кроме ранних материалов был найден один венчик с закраинкой, который можно датировать XI–XII веком. Керамика из объекта богато орнаментирована. На стенках керамики присутствуют все основные виды и варианты орнаментации ранних древнерусских сосудов. В небольшом количестве в заполнении объекта присутствует полу-гончарная керамика славянского вида, а также лепная керамика раннежелезного века.

С севера к городищу непосредственно прилегает синхронный посад. Находки зафиксированы на площади длинной 416 м по террасе левого берега р. Кремно и шириной от 60 до 80 м вглубь террасы от поймы реки. На площади более пяти гектар в большом количестве зафиксированы металлургические шлаки и «чушки», фрагменты пирофиллитового сланца, в том числе и фрагменты жерновов, фрагменты обработанного хлорито-серицитового сланца, кости животных, фрагменты керамики начала — конца X в., а также несколько венчиков, которые можно датировать XI в.

Вверх по террасе, в приблизительно 570 м к северо-западу от городища, по информации краеведов, находился курганный могильник. На краю фруктового сада сохранился большой, сильно повреждённый курган, диаметром до 20 м, и высотой до 2 м. Рядом зафиксирована небольшая сильно повреждённая курганоподобная насыпь.

Городище у сс. Великий Дывлын — Бучманы, Лугинский р-н. Комплекс памятников каменного века и древнерусского времени вблизи сс. Бучманы и В. Дывлын открыт в 2004 г. группой местных краеведов [Атаманчук, 2006, с. 19–21]. Сведения об этих памятниках мы получили от учителя средней школы с. Липники Лугинского р-на Н. А. Хоптинца. В 2008 г. городище древнерусского времени в урочище «Гора Солтанка» и прилегающий посад исследовалось Восточно-Волынской экспедицией [Томашевський, 2009, с. 294-295]. В 2008-2013 гг. раскопки на памятниках каменного века комплекса проводила совместная экспедиция ГНЦЗКНТК МЧС Украины, и Кафедры археологии и музееведения КНУ им. Тараса Шевченка [Переверзєв, 2012].

Городище находится примерно в 2,5 км на юго-запад от юго-западной окраины с. В. Дывлын и в 670 м на северо-северо-восток от восточной окраины с. Бучманы, на территории земель Великодывлынского сельского совета. Городище занимает останец, сложенный песчаной супесью с мергелем и большим содержанием известняка. Останец, носящий название «Гора Султанка» возвышается над заливной террасой и поймой р. Дывлынки (правый приток р. Жерев) на высоту более 9 м. Основание останца имеет сегодня форму неправильного пятиугольника, размерами 110×100 м, высотой — 0,5–0,7 м. С южной стороны этот ярус основания подрезан современной грунтовой дорогой. Средний ярус останца, деформировано овальной в плане формы, ориентирован по линии северо-восток — юго-запад, размерами 85×75 м. Он подчеркнут опоясывающей сохранившуюся часть останца горизонтальной ступенькой — эскарпом. Следующий, верхний ярус останца, овальной в плане формы, ориентирован по линии северо-восток — юго-запад, имеет сегодня размеры 60×30 м.

Вся центральная (серединная) часть площадки и самого тела городища уничтожена карьером по добыче песка и песчаника. На сегодня городище имеет в плане вид искажённой подковы с уничтоженной срединной частью, своими концами смотрящей на юг. В юго-западном и северо-восточном краях сегодняшней верхней площадки, как нам кажется, прослеживаются сильно деформированные остатки оборонительных валов. Говорить о том, в какой мере они аутентичны и насколько сохранились, без специального археологического изучения трудно. Тем более, что раскопки могут окончательно уничтожить ещё сохранившиеся небольшие участки укреплений. Небольшой участок культурного слоя сохранился, скорее всего, только в северо-восточной части

площадки. В результате зачистки здесь были обнаружена керамика I пол. — конца X в., фрагменты пирофиллитового сланца, железный нож. В восточной части городища, на откосах уничтожившего его карьера, в ямах нами собраны фрагменты керамики рубежа X — начала XI в., фрагменты печины, обломки пирофиллитового сланца и обработанного хлорито-серицитового сланца.

В 2009 г. экспедицией ГНЦЗКНТК МЧС Украины, на участке сохранившего культурного слоя городища, при зачистке свежей грабительской ямы, зафиксированы остатки объекта древнерусского времени. На дне объекта были найдены фрагменты костей животных, точильный брусок из пирофиллитового сланца и фрагменты керамики, датируемые авторами срединой — второй половиной XI в. В подъёмном материале с площадки городища, кроме керамики было найдено две бусины из стекла темно-синего цвета, округлой формы [Переверзєв, 2012, с. 42–44].

В результате наших исследований обнаружен посад к северу, северо-востоку, востоку и югу от останца городища. Разведанная площадь посада, на данный момент, определяется в пределах 2 га. Находки древнерусского времени встречаются на огородах, окружающих городище и на большей площади (около 8 га). Более точное представление о конфигурации, распространении, мощности и датировке отдельных участков культурного слоя посада должны дать планируемые будущие специальные работы на данном комплексе. Полученные древнерусские материалы из посада датируются рубежом IX–X и XII–XIII вв. На посаде был найден жерновой круг, сделанный из пирофиллитового сланца.

К югу от городища, на расстоянии ок. 150 м, находиться ещё один природный, овальной формы, останец «Гора Дывлынская». В основании останец, вытянутый по оси юг-сервер, имеет размеры 150×100 м, а на уровне верхней покатой площадки — ок. 100×60 м. По краям площадки и склонам останец покрыт деревьями и кустарником. Следы видимых укреплений не обнаружены. В 2009 гг. экспедицией ГНЦЗКНТК МЧС Украины была проведена шурфовка площадки этого останца. В одном из шурфов был зафиксирован объект с небольшим очагом и каменной кладкой-вымосткой (?), в заполнении которого найдены фрагменты керамики второй половины IX — конца X вв., пряслице и точильный брусок из пирофиллитового сланца, железный нож. Во втором шурфе зафиксирована хозяйственная яма с аналогичным керамическим материалом [Переверзєв, 2012, с. 37–41].

Материалы древнерусского времени, в незначительном количестве, были зафиксированы и к югу от городища, в раскопах и шурфах на площади стоянок каменного века (скопление А, Д и Е), исследованных экспедицией ГНЦЗКНТК МЧС Украины [Переверзєв, 2012, с. 44] на линии, соединяющей два описанных выше, соседних останца.

Городище у с. Рыжаны, Володарск-Волынский р-н. Это неизвестное ранее городище также было выявлено благодаря местной краеведческой информации. Во время посещения местного школьного краеведческого музея на схематической карте микротопонимов с. Рыжаны, нами было обращено внимание на топоним «Замкова гора». Со слов автора карты, сельского головы (ранее — учительницы истории и директора школы, организатора музея) Вербыло Л. Л., в селе существует предание о том, что на этом месте существовал замок, деревянные конструкции которого, якобы, разбирали местные жители после последней войны. Нами было организовано специальное археологическое обследование данного урочища и прилегающих со всех сторон местностей.

Городище находится в 2,1 км на северо-восток от центра с. Рыжаны (по прямой) и примерно в 1,7–1,8 км на запад от с. Кропивенка, на правом берегу р. Ирши, в прибрежном массиве соснового леса с подлеском из рябины и кустарников. После сооружения Иршанского водохранилища пойменная терраса практически затоплена. Городище расположено на краю надпойменной террасы, менее чем в 20 м от обрыва современной береговой линии. Высота террасы в этом месте у края составляет 5–6 м, постепенно поднимаясь вглубь до 10 м.

Укрепления городища прослеживаются более-менее отчётливо в южной, напольной части. Нивелирование поверхности показало, что сохранившийся очень пологий вал с наружной (южной) стороны имеет сейчас ширину приблизительно 17 м, достигая максимальной высоты в 1 м. Чётче выражен внешний (наружный) склон вала шириной 7 м. Внутрь его склон еле заметно опускается на площадку на протяжении около 10 м. Окружность вала, наиболее заметная с южной, юго-западной и юго-восточной сторон практически не вычитывается орографически на севере, со стороны речного берега. Здесь, возможные укрепления наиболее стёрты и дополнительно искажены несколькими линиями лесных троп, спускающегося с террасы к реке и устью ручья, отделяющего описываемый участок с городищем с запада. Составленный нами план показывает, что городище имеет овально-округлую форму, основной, более удлинённой, осью вытянуто по линии северо-северо-восток — юго-запад-запад. Размеры площадки 37×32 м, её площадь — 0,06 га. Поверхность площадки полого наклонена в сторону реки, перепад высот — около 2 м.

С целью выяснения времени возникновения городища и наличия культурного слоя, в разных участках площадки были заложены 3 шурфа. Фактически сохранившегося культурного слоя выявлено не было. Под лесной подстилкой находится суглинистый оржавленный грунт. В двух шурфах были найдены фрагменты трёх венчиков древнерусских горшков XII–XIII вв. и несколько стенок. В целом, материал немногочисленный и очевидно — одновременный. В двух шурфах, поставленных вне городища с напольной части, материал не выявлен. Артефакты других эпох, кроме древнерусского времени, на городище не обнаружены. Обследование окружающих городище территорий приречной террасы выше и ниже по течению, а также противоположного городищу левого берега Иршанского водохранилища археологических памятников не выявило.

Интерес к этому микрорегиону обуславливался и тем, что в письменных и картографических источниках упоминается «Двор Грежаный» — значительный административный центр округи, который по нашему мнению может быть соотнесён с современным с. Рыжаны. В результате наших разведок в центральной древнейшей части села выявлено поселение ордынско-литовского времени. В самом селе древнерусские материалы пока не выявлены. Зато в ближайшей округе, кроме собственно описанного выше городища, найдено два поселения древнерусского времени XII–XIII вв.

Городище Радовель, Олевский р-н. Это ещё один пример, когда информация о ранее неизвестном в научной литературе городище, от жителей окрестных сел попала к региональным краеведам [Брицун-Ходак, 2008, с. 214-218]. Другим источником информации об этом памятнике стала топографическая карта РККА 30-х гг. XX в., на которой в ур. «Корабель» обозначены укрепления. Восточно-Волынская экспедиция провела в 2010 г. специальную разведку с целью проверки и уточнения имеющейся предварительной информации.

Городище находится в 4,5 км на юго-запад от с. Радовель, в ок. 1 км на юго-запад от шоссе А-255 (Киев — Варшава) и в ок. 3,6 км к северо-востоку от с. Столпинка, на землях Радовельского сельсовета. Городище, овально-округлой в плане формы, диаметром около 73 м, находится на небольшом возвышении среди пониженной болотистой, труднопроходимой местности. Каменистое возвышение покрыто сегодня лесонасаждениями. Через центр городища с востока на запад проходит лесная грунтовая дорога. В местах пересечения с дорогой валы разрушены (не исключено, что это въезды). Валы сохранились по всей окружности городища. Высота валов до 0,5 м, в нескольких местах с внешней стороны высота достигает 1 м.

Поставленные шурфы и детальный осмотр городища показали, что культурный слой и подъёмный материал на самом городище и в его окрестностях отсутствуют. Вероятно, памятник относится к округлым городищам т.н. «болотного типа» раннежелезного века (милоградской культуры).

Поиски летописных городов. Неотъемлемой составной частью изучения древнерусских городищ является поиск летописных населённых пунктов. Нами были предприняты специальные поиски двух древнерусских городов упомянутых в летописи — Мыческа и Ушеска.

Поиски летописного Мыческа (Радомышль). У жителей г. Радомышля существует легенда, впервые зафиксированная Л. И. Похилевичем [Похилевич, 1864, с. 108], согласно которой древний Мыческ находился на полуострове при впадении р. Мыки в р. Тетерев, на территории микрорайона «Мыкгород» в юго-западной части г. Радомышля. По преданию, в древности старый город был оставлен во время наводнения, а жители переселились на возвышенную террасу левого берега р. Тетерев, где находится центральная часть современного Радомышля. Большинство исследователей, вслед за Л. И. Похилевичем приняли такую версию локализации летописного древнерусского города [см. напр.: Грушевський, 1991, с. 40; Куза, 1996, с. 169, № 944]. Подтверждением такой локализации считались остатки укреплений на территории «Мыкгорода», известные с конца XIX в. [Антонович, 1895, с. 9].

Эти укрепления осматривались в 60-х гг. XX в. директором Житомирского музея В. А. Месяцем. Им же в 1979 г. был создан охранный паспорт на памятник (№ 1.1.1088 — 2.6.18 от 17.03.1979 г.) и установлен охранный знак. В охранном паспорте В. А. Месяц упоминает одиночные находки керамики древнерусского времени на площади памятника.

В 1973 и 1985 гг. это укрепление обследовалось М. П. Кучерой. По данным исследователя памятник представляет собой почти прямоугольную площадку, размерами примерно 90×65 м, ограниченную с востока обрывом к пойме Тетерева, с запада — современной улицей, с севера — долиной при впадении р. Мыки в р. Тетерев, а с юга — прямолинейным валом со рвом с внешней стороны. Вал расплывчатый, высотой 0,5–0,8 м, шириной до 5 м, ров узкий, шириной до 4 м, глубиной — 1,5 м, с крутыми стенками. На этой площадке в конце XIX в. существовала церковь, вокруг которой находилось кладбище, действовавшее ещё в начале XX в. Шурфовкой культурного слоя на площадке выявлено не было. М. П. Кучера считал этот памятник остатками позднесредневековой усадьбы, очевидно церковной, с южной наиболее доступной стороны ограждённой рвом с валом [Кучера, 1973/18, с. 4–5; 1985/30, с. 2–3]. На прилегающей местности к северу и востоку от земляного ограждения с кладбищем подъёмных материалов древнерусского времени зафиксировано не было. Лишь в одном месте к западу от ограждения и к северу от банно-прачечного комбината, на сравнительно низкой и пологой к реке местности, М. П. Кучерой обнаружено селище с разновременным материалом, в том числе и с единичными обломками раннегончарной керамики X в. [Кучера, 1985/30, с. 3–4].

Также существует краткое упоминание об исследовании городища в Радомышле П. Н. Третьяковым в 1938–40 гг. В этом сообщении Радомышль упоминается в перечне укреплённых пунктов с культурными слоями VIII–X вв. [Третьяков, 1946, с. 41]. Непонятным остаётся точная локализация городища, упомянутого П. Н. Третьяковым среди других памятников, и возможность его отождествления с укреплениями на территории «Мыкгорода». Иной информацией об этих исследованиях и их документацией на данный момент мы не располагаем.

Не исключено, что И. Г. Шовкопляс во время проведения исследований позднепалеолитической Радомышльской стоянки проводил также работы на территории центральной исторической части г. Радомышля. Один из авторов статьи видел в фондах Археологического музея ИА НАН Украины ящик с древнерусской гончарной керамикой маркированной как «Радомышль». Специальным обследованием было установлено, что на территории указанной выше палеолитической стоянки и прилегающей к ней местности древнерусские поселения не зафиксированы. Таким образом, нельзя исключать, что И. Г. Шовкопляс также нашёл древнерусский населённый пункт на территории современного города. В отчётной документации эта информация отсутствует.

В 2009 и 2011 гг. Восточно-Волынской экспедицией были осуществлены разведывательные работы на территории г. Радомышля. Основной целью этих работ был поиск точного места расположения летописного Мыческа [Павленко, 2012б, с. 224]. Наши специальные поиски историографических локализованного Л. И. Похилевичем и В. А. Месяцем летописного Мыческа на полуострове при впадении р. Мыки в р. Тетерев (микрорайон «Мыкгород») не дали никаких древнерусских материалов. На сегодня это место выглядит как подквадратное возвышение высотой около метра от уровня дороги среди современной застройки. Возвышение задерновано, сохранились могильные насыпи и памятники, видимых следов фортификации не зафиксировано. Охранный паспорт, составленный В. А. Месяцем, фиксирующий городище на территории старого кладбища микрорайона «Мыкгород», где установлен охранный знак, явно не соответствует действительной археологической ситуации.

В разных частях полуострова нами найдено несколько местонахождений эпохи камня — бронзы и позднего средневековья. К северу от усадьбы банно-прачечного комбината, сегодня используемой под склады, было исследовано селище, обнаруженное М. П. Кучерой. Среди массы позднесредневековых материалов были найдены фрагменты лепной и грубой гончарной (?) керамики, которые с разной долей вероятности можно отнести как к эпохе бронзы — раннего железа, так и ко времени раннего средневековья. Выразительных профильных частей (венчиков) обнаружено не было. Не исключено, что на территории полуострова при впадении р. Мыки в р. Тетерев могло существовать позднеславянское или раннее древнерусское поселение.

Таким образом, результаты наших двукратных исследований совпадают выводами, сделанными М. П. Кучерой, и свидетельствуют о том, что существование древнерусского летописного города в этой части современного Радомышля маловероятно. Топографические условия местности, отсутствие фортификационных сооружений, характерных для времени упоминания города, отсутствие культурного слоя и материалов XII–XIII вв. не позволяют локализировать летописный Мыческ в районе современного микрорайона «Мыкгород» на полуострове при впадении р. Мыки в р. Тетерев.

Учитывая изложенные обстоятельства и типичную топографию древнерусских летописных городов, наши поиски были перенесены на возвышенную террасу левого берега современного русла Тетерева в центральной исторической части г. Радомышль.

С помощью и при активном участии местного учителя-краеведа, городского депутата Г. В. Цвика и школьников — участников краеведческого кружка, нами проведено обследование на территории мысового отрога, который простирается вдоль реки от спуска по ул. Старокиевской и до ныне спланированного оврага на северо-восток от территории средней школы № 3. Здесь, на участке школьного сада и склонах, а также на огородах близлежащих усадеб, на площади приблизительно 140×100 м, найден многочисленный разновременный подъёмный материал средневекового времени. Наиболее важными являются находки древнерусского керамики середины — второй половины XI в. и XII–XIII вв. Здесь также встречаются многочисленные материалы эпохи позднего средневековья (XIV–XV; XVII–XVIII вв.). Пробный шурф, размером 1×1 м, доведённый до глубины 1,7 м, показал наличие мощного, сильно гумусированного культурного слоя, который, в нижних своих слоях относительно хорошо сохранился и содержит находки середины — второй половины XI в.

На этой же территории, в разных её участках, нами найдено 4 фрагмента древнерусской плинфы, датируемой, по определению к.и.н. Д. Д. Елшина, рубежом XI — первой третью XII в. Эти находки могут свидетельствовать о существовании на территории данной части летописного Мыческа каменной древнерусской церкви. Факт обнаружения древнерусской плинфы является неординарным для этой территории Киевской земли и побуждает к проведению специального комплексного архитектурно-археологического исследования с целью выявления и изучения доселе неизвестной древнерусского храма рубежа XI–XII вв.

Результаты проведённых нами полевых исследований подтверждаются и анализом картографических материалов. На плане Радомышля 1800 г. на левом берегу р. Мыки (современное русло р. Тетерев) показаны укрепления, состоящие из круглой цитадели и прямоугольного в плане окольного града (?) [Атлас …]. Эти укрепления сегодня снивелированы. Не исключено, что на месте древнерусского Мыческа в средневековые времена существовал замок. Совмещение этого плана с современным планом города, показало территориальное совпадение месторасположения цитадели на плане с местом обнаружения участка культурного слоя древнерусского времени.

Вопрос о локализации летописного Мыческа, который так давно интересовал несколько поколений исследователей, можно считать принципиально решённым. Для формирования полноценного представления о древнерусском Мыческе необходимо планирование и проведение дальнейших специальных дополнительных историко-археологических исследований с целью детального изучения исторической топографии, планировочной структуры, характера застройки, наличия фортификационных сооружений древнерусского города, определение площади распространения, мощности и состояния сохранности культурного слоя, особенностей материальной культуры населения и т.д. Отметим, что о сложной многокомпонентной структуре древнего Мыческа, свидетельствуют также проведённые нами предварительные обследования соседних мысовых отрогов плато центральной части современного г. Радомышля (территории костёла, Свято-Троицкой церкви), на которых также зафиксировано существование культурных слоёв эпохи бронзы, древнерусского и средневекового времени.

Поиски летописного Ушеска. Древнерусский город Ушеск упоминается в летописи два раза (в 1150 и 1151 гг., в контексте борьбы за Киев между Изяславом Мстиславичем и Юрием Владимировичем Долгоруким) как транзитный пункт на пути из Дорогобужа через Горынь — Случь — Уж — Чёртов лес к Мыческу на Тетереве [ПСРЛ, 1908, стб. 396, 411].

Единого взгляда на локализацию этого летописного города в исторической литературе на сегодня не существует. Также отсутствуют специальные изыскания и публикации, посвящённые изучению этого вопроса. Исследователи сходятся во мнении, что летописный Ушеск следует искать в среднем течении р. Уж в микрорегионе Ушица — Ушомир — Рудня Ушомирская [см., напр.: Етимологічний словник …, 1985, с.168]. Большинство авторов считали остатками летописного Ушеска известное с конца XIX ст. [Сборник …, 1888, с. 71; Антонович, 1901, с. 11] городище в урочище «Сайки» возле с. Ушомир. Этого мнения придерживались М. С. Грушевский [Грушевський, 1991, с. 40], К. И. Терещук [Терещук, 1981, с. 84], Л. Е. Махновец [Літопис руський, 1989, с. 573], Б. А. Звиздецкий [Звіздецький, 2008б, с. 128], О. П. Моця [Моця, 2010, с. 39, рис. 5], и, вероятно, П. П. Толочко [Толочко, 1975, с. 25, рис. 2]. А.В. Куза помещал летописный Ушеск на правом берегу р. Уж, вблизи с. Ушица, [Куза, 1996, с. 168, № 931].

В научной литературе почти не замеченной осталась версия В. Шевчука, изложенная им в историческом романе «Велесич». Писатель считал, что летописный Ушеск нужно искать в верховьях р. Уж и отождествлял его с городищем в с. Бараши (ныне Емильчинского района) [Шевчук, 1985, с. 9–21]. В. Шевчук родился и вырос в с. Бараши и, создавая исторический роман, использовал местные предания и легенды. Эту версию пытался археологически проверить М. П. Кучера [Кучера, 1985/30, с. 6–7] и рассматривал в своём диссертационном исследовании один из авторов данной статьи [Томашевський, 1993, с. 340].

Городища, с которыми исследователи идентифицируют летописный Ушеск, почти не исследовались археологически. Известно, что во время экспедиции Ф. Р. Штейнгеля 1900 г. был снят глазомерный план городища у с. Ушомир (на сегодня не найден). О других проведённых на городище работах и найденных материалах в источнике не упоминается [Отчёт Городецкого музея …, 1905, с. 7]. В 1975 г. городище вблизи с. Ушомир исследовал М. П. Кучера. По его данным урочище «Сайки», представляю-

щее собою незначительное песчаное возвышение, находится юго-восточнее с. Ушомир и южнее с. Ковбащина, на левом берегу небольшой реки. На момент исследований укрепления городища были практически запаханы. Прослеживался внутренний подковообразный вал со спланированными концами у поймы реки и частично внешний вал, в срединной части, в 35 м к югу от первого. Учёный предполагал существование третьей линии валов. Площадка городища возвышалась над поймой на 2,5 м. На месте городища и на протяжении 200–300 м к востоку от него были собраны фрагменты керамики XVII–XVIII вв. Материалы древнерусского времени не зафиксированы. М. П. Кучера не исключал существования в данном месте средневекового или более раннего укрепления, но отметил, что городище находилось в топографических условиях, которые не имели никакого защитного значения [Кучера, 1975/27, с. 7–8].

Городище в с. Бараши известно с XIX в. [Сборник …, 1888, с. 67–68; Антонович, 1901, с. 11]. Обследовалось И. П. Русановой в 1962 р. и М. П. Кучерой в 1985 р. И. П. Русановой на площадке городища среди строительного мусора найдены единичные фрагменты керамики XII–XIII вв. [Русанова, 1962/27, с. 6–7]. М.П. Кучерой собраны материалы позднего средневековья (обломки керамики, изразцов, кирпича) и несколько фрагментов гончарных стенок, которые исследователь датировал X в. Учитывая топографические условия, отсутствие чётких следов укреплений и отсутствие находок древнерусского времени, М. П. Кучера считал останец в центре с. Бараши остатками позднесредневековой владельческой усадьбы [Кучера, 1985/30, с. 6–7]. Очевидно в 70-х гг. XX в. городище также осматривал В. А. Месяц, который зафиксировал в окрестностях с. Бараши несколько курганных групп. Отчётность этих исследований не сохранилась, сведения о курганных группах отображены только в памятникоохранной документации.

Кроме упомянутых укреплений возле сс. Бараши и Ушомир, в научной литературе неизвестны никакие другие городища по течению р. Уж вплоть до Коростеня. Наши поиски летописного Ушеска, предполагали, прежде всего, археологическое обследование упомянутых памятников, а также разведку местностей в бассейне верхнего и среднего Ужа, созвучных названию летописного города. Использовались также разновременные картографические материалы. Полевые исследования в 2008–2012 гг. проведены: в микрорегионе сс. Ушомир — Рудня Ушомирская — Рудня в среднем течении р. Уж; в окрестностях с. Ушица и соседнего посёлка у ст. Ушица, в 15 км ниже по течению; у с. Бараши; в окрестностях с. Усолусы, расположенном на р. Хотозе (правый приток р. Уж); в микрорегионе между сс. Киянка — Сорочень — Новоалександровка, на истоках р. Уж, где ещё в начале XX в. существовало с. Ушично.

с. Ушомир — Рудня Ушомирская — Рудня. В с. Ушомир была обследована высокая терраса правого берега р. Уж от места впадения р. Бережницы (Красногорки) до восточной оконечности села. Терраса, особенно в восточной части села, претерпела сильные антропогенные изменения, и сегодня в основном занята приватными усадьбами. В селе распространена легенда о пане, который из-за ссоры с соседом, строил у местечка укрепления. Возможно, их аморфные следы сохранились на краях склонов прирусловой супесчаной террасы. Древнерусские материалы здесь не зафиксированы. В подъёмном материале представлены немногочисленные находки XVII–XVIII вв. Также было проведено исследование вдоль обоих берегов р. Бережницы от южной оконечности села до дамбы в 2–3 км южнее. Местность низменная, заболоченная, залесённая, сильно изменена строительством дамбы, мелиорацией, прирусловой обваловкой и окопами. Следы укреплений и подъёмный материал не зафиксированы. Урочища «Сайки» современное население села не знает. К сожалению, во время проведения нашей разведки, посещение места расположения городища, описанного у М. П. Кучеры, было не возможно.

Напротив с. Рудня, к востоку от Ушомира, нами был осмотрен вал «Вильська Гребля», расположенный в пойме Ужа между современным руслом и старицей. Вал, по-видимому, позднего происхождения. Его функциональное назначение не ясно.

Материалов древнерусского времени вокруг вала не обнаружено. На правом берегу р. Уж, напротив вала, при впадении безымянного ручья, было найдено два поселения древнерусского времени. Одно на левом берегу ручья на низменной местности, практически в пойме Ужа, второе — на правом берегу ручья на высокой террасе.

с. Ушица — станция Ушица. Учитывая локализацию Ушеска возле с. Ушица, предложенную А. В. Кузой, нами была проведена разведка вдоль левого берега р. Уж в окрестностях села. На северо-восточной оконечности с. Ушица найдено селище с материалами эпохи камня и позднего средневековья. К северо-востоку от ст. Ушица (посёлок Гранитный) найдено поселение времени мезолита и эпохи бронзы. На г. Точильнице южнее посёлка укреплений не зафиксировано.

с. Бараши. В 2011–2012 гг. Восточно-Волынской экспедицией обследовалось городище, расположенное в центре села, на правом берегу р. Уж. Оно занимает удлинённый возвышенный останец, выдающийся в широкую пойму Ужа, в настоящее время затопленную рукотворным прудом. Площадка городища в плане округло прямоугольной формы, длиной 100 м (с севера на юг) и шириной 70 м (с запада на восток). Вероятные следы перепланированных укреплений (валов и рвов) заметны с юго-западной стороны площадки, со стороны въезда. Площадь городища неоднократно подвергалась перепланировке (например, в связи со строительством ныне не существующего костёла), и сегодня занята двумя жилыми усадьбами, в которых, в середине XX в. размещались районный военкомат и школьный интернат.

Нашими работами в восточной части площадки городища, на площади приусадебного огорода, среди многочисленных средневековых материалов (XIV, XVI–XIX вв.), обнаружены немногочисленные фрагменты керамики X и XII–XIII вв., в том числе и венчики. В силу объективных условий шурфовка не проводилась. Также были осмотрены огороды на склонах надпойменной террасы к югу и юго-востоку от городища. Древнерусские материалы здесь на данный момент не зафиксированы. Учитывая наличие вокруг села нескольких курганных групп древнерусского облика, можно предполагать существование ещё не выявленных древнерусских поселений в приречной части этого древнего населённого пункта. Нами запланирована и будет организована сплошная разведка территории с. Бараши (центра округи) в будущем.

с. Усолусы. В окрестностях села укрепления не выявлены. На левом берегу р. Хотозы, напротив села, нами обнаружено поселение X — начала XI в.

с. Ушично (микрорегион сс. Киянка — Сорочень — Новоалександровка). Села Ушично, известного по топографическим картам XIX в. сегодня уже не существует. Вся территория поросла густыми лесами с подлеском, что вместе с заболоченностью, отсутствием дорог и населения значительно затрудняет проведение разведок в этом регионе. Проверка в полевых условиях показала, что обозначенные на картах РККА несколько курганных групп и круговых обваловок, оказались средневековыми «будами» и «гутами». Древнерусских поселений нами не зафиксировано.

Кроме того, нами были обследованы окрестности сс. Березовка, Неделище, Рясное, Каменка, Белка с целью поиска памятников славянского времени, открытых И. П. Русановой. Таким образом, осмотрены и исследованы окрестности почти всех населённых пунктов по течению р. Уж от его истоков до с. Ушицы.

На данный момент, вопрос о точной локализации летописного Ушеска остаётся открытым и требует дополнительных исследований, как в описанных регионах, так и в уже определённых нами других микрорегионах в бассейне рр. Ужа и Ирши. При этом следует учитывать, что комплекс археологических памятников летописного Ушеска с материалами как минимум XII в. должен включать городище и соответствующую статусу летописного города поселенческую структуру.

Изучение исторических районных центров. Кроме уже описанного нами выше Овруча, центра одноименной летописной волости, экспедицией целенаправленно исследуются все современные районные центры данной территории. Сумма собранных

исторических и картографических данных позволяет предполагать, что практически все они имеют древнее средневековое происхождение. В основе исторической территории большинства этих центров могли существовать замковые укрепления или более ранние городища. Имеются также, зачастую непроверенные или неподтверждённые документально, сведения об археологических материалах, происходящих с территории таких населённых пунктов.

Степень археологической исследованности райцентров также существенно различается. В Коростене, Олевске и Малине в последние десятилетия экспедицией Б. А. Звиздецкого, а позже — А. В. Петраускаса, проводились археологические раскопки, давшие новые данные о характере и особенностях древнерусского и средневекового облика этих городов [Звіздецький, 2004; 2008в; 2010; Петраускас, 2011; 2013]. Во время проведения археологических разведок в соответствующих административных районах нами посещались и осматривались археологические комплексы исторических центров этих городов. Задачей таких исследований является сведение всей историографически накопленной информации с новыми данными, полученными в результате работ последних десятилетий.

Коростень. Важной проблемой является создание сводной синтетической карты комплекса древнерусских памятников, являющихся отражением летописного столицы древлян — Искоростеня. Актуальной задачей остаётся создание детальной динамической исторической топографии Коростеня, включавшей 4 городища, соответствующие посады, поселения ближайшей округи и множества курганных некрополей. В рамках этих задач нами многократно посещались и обследовались известный комплекс городищ и курганных могильников с целью проверки состояния их сохранности и осуществление детальной привязки. В 2011 г. на площади городища № 4 (территория комплекса городских медицинских учреждений) в строительных коммуникационных траншеях было найдена керамика середины X и рубежа X — XI вв. [Павленко, 2012а, с. 225]. Эти материалы впервые документально подтверждают наличие на площади этого крупнейшего из коростенских останцовых городищ древнерусского поселения.

Малин. Во время посещения Малинского городища (бывш. с. Городище) уточнялся план памятника, и проводились поиски предполагаемых прилегающих поселений к востоку и западу (вдоль террасы левого берега р. Ирши) и к северо-западу от городища (вглубь плато, вдоль правого берега безымянного притока Ирши). С помощью местных старожилов удалось уточнить местонахождение несохранившегося курганного могильника.

В центральной части современного Малина разведки проводились вдоль высокой террасы левого берега р. Ирши, и на территории городского парка вдоль одного из её притоков. Древнерусских материалов не выявлено. Топография возвышенной центральной приречной части современного Малина вполне благоприятна для нахождения там древнерусского или средневекового укрепления. Поскольку она занята сегодня плотной городской застройкой, перспективной формой её изучения является согласованные археологические наблюдения за всеми земляными и строительными работами на этом участке.

Олевск. Городище в ур. «Бабина гора» на северо-восточной окраине г. Олевска известно с конца XIX в. [Антонович, 1901, с.23; Яроцкий, 1903б, с. 186; Куза, 1996, с. 168, № 928]. Исследовалось М. П. Кучерой в 1975 г. [Кучера, 1975/27, с. 1–2; 1982, с. 73, 76, рис. 3, *1*] и М. Б. Щукиным в 1976 г. [Щукин, 1976/104, с. 3]. С 2009 г. раскопки на городище проводит Житомирская экспедиция под руководством А. В. Петраускаса [Петраускас, 2011; 2013]. В 2013 г. нами был произведён осмотр городища с целью определения степени его современной сохранности. Основные наши работы были сосредоточены на поиске прилегающих посадов, установлении их границ и уточнении культурно-хронологической принадлежности.

В 1975 г. М. П. Кучерой на запад от городища было открыто и исследовано селище IX–XI в. Культурный древнерусского времени был зафиксирован на протяжении 260 м

от городища вдоль правого берега небольшого притока р. Уборть [Кучера, 1975/27, с. 2]. Почти вся площадь этого посада сегодня занята современной застройкой и для наших исследований оказалась недоступной. В 2011 г. разведками К.М. Капустина к северу от городища было открыто селище общей максимальной площадью 60×120 м. На площади памятника были собраны металлургические шлаки, а также гончарные стенки древнерусского времени [Капустін, 2011, с. 4–5, рис. 1]. Нашими исследованиями установлено, что селище (посад) расположено на высокой террасе левого берега р. Уборть. От городища терраса отделена узким глубоким каньоном безымянного притока Уборти. Площадь памятника занята приусадебными огородами, и в юго-западной части — спортивной площадкой. Подъёмный материал конца IX — рубежа X–XI вв. тянется в северо-северо-восточном направлении от городища (вдоль берега Уборти) полосой шириною до 70 м на протяжении 250 м (общая площадь не менее 2 га). С севера площадь селища ограничивает небольшое валоподобное возвышение, сложенное из камня. Нельзя исключать распространение культурного слоя в западном направлении на территорию современной застройки. К юго-востоку от городища в низменной, вероятно подтопляемой, местности подъёмный материал не зафиксирован. Ситуация на момент исследования не позволяла обследовать террасу и останцы к югу от городища. Вопрос о площади, конфигурации и распространении прилегающих к городищу поселений (посадов) остаётся до конца не прояснённым. Приделы распространения массивов древнерусского культурного слоя на запад и северо-запад, уходящего в зону современной застройки, и на юго-восток вдоль приречной террасы Уборти требует специальной программы согласованной с местными властями.

Учитывая сообщение М. Б. Щукина о возможном наличии городища на правом берегу р. Уборть в ур. «Довга Ныва» [Щукин, 1976/104, с. 3, рис. 3–4] нами было проведено исследование этой местности. Информация о городище не подтвердилась. На приречном возвышении террасы зафиксирована курганная группа из 5 насыпей, а у его подножия — поселение с материалами конца IX — X вв.

Народичи. Анализ общей системы древнерусского заселения региона, проделанный ранее, показывал большую вероятность нахождения в месте слияния рр. Ужа и Жерева укреплённого древнерусского пункта. Вопрос о специальном поиске такого пункта никогда не ставился и не проверялся практически. Согласно архивным материалам И. Ф. Левицкого, который проводил исследования в окрестностях Народич в 20-х гг. XX в., в центральной части местечка существовали видимые укрепления трёх городищ (замчищ) овальной формы и курганный могильник. Вокруг укреплений исследователем зафиксировано обширное поселение [Левицький, 1926, с. 8–10]. К сожалению, автор не уточняет культурно-хронологическую принадлежность описанных им памятников.

В 2012-2013 гг. нашей экспедицией, при поддержке местных властей, было проведено сплошное неоднократное (поусадебное) обследование высокой береговой террасы в месте слияния рр. Уж и Жерев и её склонов в историческом центре современного посёлка. Среди мощного массива позднесредневековых материалов, на нескольких усадьбах были впервые обнаружены и документировано зафиксированы материалы древнерусского (XII–XIII вв.) и послемонгольского времени (II пол. XIII — нач. XIV вв.).

Нашими работами установлено, что историческая часть современных Народич претерпела значительных преобразований в XX в. Остатков укреплений (рвов, валов, в том числе и каменных кладок) не сохранилось. Совмещение разновременных карт и глазомерного плана центральной «замковой» части Народич, составленного И. Ф. Левицким [Левицький, 1926, план между с. 11–12], позволило выяснить историческую топографию посёлка. Останец восточного укрепления, занятый ныне зданиями лечебного учреждения, наиболее перепланирован, хотя и сохраняет по краю остатков спланированной террасы, как нам кажется, следы позднесредневековых редутов, обозначенных на плане. Площадка центрального укрепления, ограниченная

с востока современной улицей, а с запада — оврагом, сейчас занята зданиями комунхоза, тоже претерпела значительные перепланировки. На южных склонах, занятых огородами, были найдены материалы XIII–XIV вв. На месте западного укрепления, на территории краеведческого музея и на огородах смежных частных усадеб, нами найдены выразительные древнерусские материалы XII–XIII вв. Практически на всей обследованной области центральной части Народич (на месте укреплений, а также на площади смежной поселковой застройки) фиксируется мощное средневековое заселения (XVI–XVIII вв.). Находки кремневых артефактов и типовой лепной керамики свидетельствуют, что территория посёлка была освоена и в эпоху неолита — бронзы.

Основным достижением первых разведочных работ, проведённых в пгт. Народичи считаем приобретение достаточно убедительных свидетельств существования на этой территории в древнерусское время населённого пункта, не исключено — фортифицированного. Вопросы детализации исторической топографии, поиск остатков укреплений, установление мощности и конкретных границ распространения культурных слоёв древнерусского города и средневекового замка (центра округи), точная локализация синхронных пригородов и некрополей могут быть решены в ходе дальнейших углублённых, специально организованных стационарных исследований.

Володарск-Волынский (Горошки). В центральной части г. Володарск-Волынский на правом берегу р. Ирши находится укрепление, называемое «Кутузовская крепость». Памятник известен с конца XIX в. [Антонович, 1901, с. 9]. Осматривался И. П. Русановой [Русанова, 1959/20а, с. 15] и В. А. Месяцем, который проводил раскопки стоянки среднего палеолита к востоку от укреплений [Місяць, 1961/55, с. 1–4].

Многорядные укрепления с северо-восточной, восточной и южной стороны окружают вершину возвышения мысового останца террасы правого берега р. Ирши. В северо-восточном и юго-восточном углах устроены редуты. Высота валов колеблется от 2,6 до 4,5 м, глубина рвов — до 1,5 м. Ныне на месте площадки укреплений и вокруг них устроен городской парк. Время постройки укреплений неизвестно, но, судя по форме, конструктивным элементам и фортификационными особенностям их можно датировать XVIII–XIX в. Существует местные предания, что укрепления были построены одновременно с разбивкой усадьбы имения М. И. Кутузова.

Известно, что Горошки (предыдущее название города) в средневековое время, были значительным административным центром. В начале XVII в. в местечке был построен замок [Мальченко, 2001, с. 129]. Точное местоположение средневекового замка неизвестно. Возможно, средневековые укрепления предшествовали «кутузовскому редуту» на этом же месте. Также не исключено, что средневековый замок мог вырасти на месте древнерусского укреплённого пункта.

В 2012 г. нами были произведены разведочные работы в центральной части Володарск-Волынска. На площадке укреплений подъёмного материала не зафиксировано. В центральной части нами был заложен шурф, доведённый до глубины 1,8 м. Грунт перемешан, находки, кроме отдельных стенок позднесредневекового времени, отсутствуют. В результате наших исследований склонов террасы правого берега р. Ирши к северу и к югу от «кутузовского редута», занятых огородами усадеб, собраны фрагменты керамики XVII–XVIII вв. Древнерусские материалы не зафиксированы.

Дальнейшие перспективы поиска древнерусских памятников, по нашему мнению, связаны с организацией специальных исследований и постоянных наблюдений за земляными работами на мысу западной оконечности останца с редутом, выдающемся в каньон р. Ирши и занятым церковной усадьбой, а также на противоположном берегу р. Ирши в центральной части современного города, занятой сплошной застройкой.

Во время исследований соответствующих районов области нами проводились обследования исторических, центральных частей районных центров Емильчино и Лугины. На данный момент следует констатировать, что в результате проведённых разведок древнерусские памятники на их территории не выявлены. Таким обра-

зом, нашими исследованиями все районные центры Житомирской области (включая Радомышль), находящиеся в пределах территории Овручской волости.

Следует также упомянуть, проведённые нами совместно с экспедицией ГНЦЗКНТК МЧС Украины поиски городища и замка в ныне отселённом райцентре Полесское (бывш. Хабное), находившемся на границе Овручской волости. Работы в Полесском планируется продолжить в будущем, в рамках нашего партнёрского участия в исследовании Чернобыльской зоны отчуждения. В рамках этой программы мы принимали участие в раскопках городища летописного Чернобыля, а также поиске и исследовании городищ у бывших сс. Лелев, Медвын, Фрузиновка и др., находящихся на территориях пострадавших от аварии на Чернобыльской АЕС.

Поиски и проверка информации о городищах и укреплениях, содержащихся в имеющихся научных источниках. В результате наших работ по программе «Свода памятников Житомирской области» была проверена информация о 12 городищах (шире — об укреплениях), известных в научной литературе и памятникоохранной документации. Информация об этих памятниках отрывочна, неполна и требовала своей специальной проверки в каждом конкретном случае. Большинство сведений об этих укреплениях восходит ещё к «Археологической карте Волынской губернии», и лишь некоторые из них посещались или обследовались археологами в прошлом веке.

Только на одном из памятников, на месте полностью уничтоженного городища «Торчин» у с. Грабняк нами были обнаружены древнерусские материалы. Четыре памятника, у сс. Бучки, Браженка, Минийки, Садовое, оказались позднесредневековыми замчищами. Один (Сущаны) — городищем раннежелезного века. В трёх случаях, у сс. Яблонец, В. Глумча и Хотиновка, городища нами найдены не были, и возможно уничтожены. Информация об укреплённых поселениях у сс. Радецкая Болярка, Фортунатовка и у х. Селища нами не подтверждена, и мы можем с большой долей вероятности утверждать, что городища возле этих населённых пунктов не существовали.

Городище у с. Грабняк (Грушки — Торчин), Володарск-Волынский р-н. По информации В. Б. Антоновича на истоках р. Ирши, в полутора версты от деревни Грушки, в урочище «Торчин» находилось круглое городище, 400 шагов в окружности, возле которого располагалась курганная группа [Антонович, 1901, с. 9]. В 1961 г. И. П. Русанова в 3 км от с. Грушки, к юго-западу от с. Торчин (ныне — с. Вишневое) и к северо-западу от с. Зорька (ныне — с. Грабняк) зафиксировала остатки вала, длинной до 15 м, при максимальной высоте до 3 м. Вокруг вала, на большой площади, был собран значительный подъёмный материал, датируемый X–XI вв. И. П. Русанова считала вал остатками городища, рядом с которым находилось большое селище. Неподалёку от вала ею зафиксированы три кургана [Русанова, 1961/23, с. 15]. В начале 90-х гг. XX в. поиски городища производил Б. А. Звиздецкий. Результаты этих работ неизвестны.

Совмещение различных карт XIX и XX вв. и анализ развития локального административно-территориального деления, позволил выделить зону проведения специальных археологических разведок в микрорегионе между современными сс. Торчин — Грабняк — Вишневое [о изменении и переименовании населённых пунктов см.: Адміністративно-територіальний ..., 2007, с. 230, 250, 471], в результате проведения которых в 2010 и 2012 гг. был выявлен комплекс древнерусских памятников Торчин — Грабняк.

На северно-восточной окраине с. Грабняк, на надпойменной террасе и ее склонах занятых в прошлом хмелеплантацией было найдено поселение XII–XIII вв. Минимальная разведанная площадь поселения превышает 2 га. На восточной оконечности массива поселения обращённом к пойме был визуально заметен очень слабо выраженный полукруг контура округлого в плане возвышения, диаметром 60-70 м. Эта же снивелированная окружность впоследствии чётко вычиталась на спутниковых снимках. Можно предположить, что здесь мы имеем дело с остатками спланированного древнерусского городища, ориентировочная реконструируемая площадь которого

составляет 0,3 га. В пределах этого контура были найдены древнерусские материалы XII–XIII вв. Шурфовка в восточной части площадки показала наличие культурного слоя, мощностью до 20 см, и сохранившихся археологических объектов. Таким образом, можно предположить, что описанный памятник является, по сути, остатками городища, с вплотную примыкающим к нему посадом. Ниже по склону от предполагаемого городища также прослеживаются (на 40 м вниз) древнерусские материалы.

Кроме того, в окрестностях с. Грабняк, было зафиксировано ещё два синхронных памятника: поселение к западу, в ок. 430 м от места вероятного городища и в 200 м от западного края описанного выше поселения, на огородах усадеб северной части села, разведанной площадью 3,4 га; поселение к северу от места площадки городища в ок. 550 м, на противоположной гряде, отделённой поймой ныне канализированного ручья, площадью не менее 0,5 га.

В «Археологической карте Волынской губернии» упоминается ещё одно городище в этом регионе, в 3-х верстах от с. Давидовка (село в ок. 3 км на северо-запад от с. Грабняк) [Антонович, 1901, с. 9]. Возможно, речь идёт об одном и том же памятнике, сведения о котором попали в карту В. Б. Антоновича из разных источников. Местным жителям о городище в окрестностях с. Давидовка ничего не известно. Для решения вопроса о возможном существовании второго городища в этом регионе необходимы дополнительные исследования.

Замчище у с. Бучки (Буки), Малинский р-н. Известно с конца XIX в. [Антонович, 1901, с. 10], исследовалось М. Мушкет в 1928 г. [Мушкет, 1929, с. 248], И. П. Русановой в 1961 г. [Русанова, 1961/23, с. 15], Р. С. Орловым в 1983 г. [Орлов, 1983/21, с. 67, рис. 13, 1], и Восточно-Волынской экспедицией в 2011–12 гг. [Павленко, 2012а, с. 226].

Памятник находится на юго-восточной окраине с. Бучки на правом берегу безымянного ручья, правого притока р. Тростяницы, в ур. «Замок / Замчище», в 130 м на север от дороги, ведущей из с. Буки к с. Луки. В плане укрепление неправильной четырёхугольной формы, со сторонами около 65–70 м. С северной и восточной сторон по периметру проходит вал и ров. Вал высотой до 1,5–2 м, шириной 4–5 м. Ров глубиной до 1,5 м. В северо-восточном и юго-восточном углах сохранились выступы-бастионы. Юго-западный угол укрепления, вероятно, уничтожен оползнем в каньон ручья. Площадка задернована, заросла сосновым лесом. Подъёмный материал не зафиксирован. Во многих местах площадки наличествуют грабительские ямы. Некоторые имеют вид правильных раскопов, размером 3×3 и 3×2 м. Эти ямы местные жители используют для вывоза мусора. Стенки некоторых ям нами были зачищены, культурный слой не обнаружен, материалы отсутствуют. Отсутствие культурного слоя на памятнике было также констатировано И. П. Русановой и Р. С. Орловым.

Нами также были исследованы склоны террасы вокруг памятника. К северу от замчища склоны по большей части задернованы и используются местными жителями под сенокосы, ранее распахивались. Подъёмный материал не зафиксирован. Шурфовкой культурного слоя не выявлено. В 1983 г. Р. С. Орловым к востоку от городища были собраны фрагменты лепной керамики эпохи бронзы и обломки печных изразцов с зелёной поливой. На сегодня эта местность занята посадкой молодого сосняка вперемешку с густым кустарником. Проверить наличие подъёмного материала не удалось.

Замчище у с. Браженка, Черняховский р-н. Укрепление возле с. Браженка известно с конца XIX в. [Антонович, 1895, с. 10]. Посещалось С. С. Гамченко в 1923 г. [Гамченко, 1925а, с. 197, рис. 315], И. П. Русановой в 1961 г. [Русанова, 1961/23, с. 15].

В литературе и памятникоохранной документации существуют противоречивые данные о датировке этого памятника. С. С. Гамченко считал его средневековым замчищем. И. П. Русанова констатировала на площади укреплений находки отдельных фрагментов керамики и изразцов XVII в. В «Реестре памятников археологии Житомирской области» (охранный № 1238) памятник датируется XVI–XVIII вв. В то же время, в охранном паспорте, составленном И. И. Ярмошиком в 1983 г. (№ I.I.1238-2.6.21), городище датируется XI–XII вв. Эту же датировку приводят составители «Краткого

списка» [Археологічні пам'ятки …, 1966, с. 107]. А. В. Куза, ссылаясь на указанное издание, датировал памятник древнерусским временем, впрочем, оставляя такую датировку под сомнением [Куза, 1996, с. 169, № 945]. Учитывая названные существенные противоречия в имеющейся информации, Восточно-Волынской экспедицией были проведены новые специальные исследования данного памятника в 2012 г.

Памятник находится в 600 м севернее от северо-восточной окраины с. Браженки, на правом берегу р. Очеретянки, в месте впадения в неё безымянного ручья. Укрепление, имеющее в плане форму неправильной трапеции, занимает всю площадь природной возвышенности, основание и тело которой является каменным. Почва на площадке памятника каменистая, на поверхность в некоторых местах также выходят камни. В юго-восточной части площадки замчища видны вырубленные в камне подквадратные углубления, глубиной до 2–3 м, вероятно — остатки погребов. Размеры возвышенности на уровне подошвы 116 м (с северо-запада на юго-восток) × 87–90 м (с севера на юг). Размеры верхней площадки, приблизительно, — 87×69 м. Относительная высота останца с разных сторон и в разных его частях колеблется от 2,5 до 4 м. Почти по всему периметру площадки проходит вал, высотой не более 0,5 м. Вал в некоторых местах разрезан, в некоторых местах почти не прослеживается.

Подъёмный материал на задернованной площадке памятника почти не встречается. Для выяснения датировки и стратиграфии в северо-восточной части памятника был заложен шурф, размером 1×1 м. Шурф опущен до глубины 65 см. Стратиграфия шурфа однородная. Грунт очень твёрдый, коричневый, спрессованный, насыщенный дресвоваными камнями. В заполнении шурфа в большом количестве встречается керамика XVI–XVIII ст., в том числе и расписная с поливой разного цвета, фрагменты изразцов, кирпичей, оконного стекла, железных изделий, гвоздей, скоб, много фрагментов костей животных. На площади вокруг возвышенности был собран аналогичный материал. Позднесредневековые материалы были найдены и на противоположном от замчища берегу ручья. В шурфе на север от возвышенности, на мысу в месте впадения ручья в р. Очеретянку, были выявлены артефакты времени мезолита — неолита. Древнерусские материалы, как на площадке памятника, так и на прилегающей территории, не обнаружены.

Следует особо подчеркнуть, что данные памятникоохранного паспорта (датировка, месторасположение, топографическая приуроченность, описание) не отвечают действительности.

Замчище в с. Минийки, Коростышевский р-н. Известно с XIX в. [Антонович, 1895, с. 10], археологически не исследовалось. Повторно локализовано, обследовано и зафиксировано разведкой Восточно-Волынской экспедиции в 2011 г. [Павленко, 2012а, с. 226].

Памятник расположен на северо-западной окраине правобережной части с. Минийки в ур. «Панська садыба», на террасе коренного правого берега р. Мыки. Высота террасы достигает 2,5–3 м над уровнем современного пруда на реке. Размеры памятника, с востока ограниченного котловиной, с севера — обрывом береговой террасы, с запада — остатками вала, а с юга — современной сельской улицей, составляют 70×65 м. Форма четырёхугольная. Остатки укреплений (вала), высотой до 0,5 м прослеживаются с запада, поперёк террасы на протяжении около 45 м. На конец XIX в. следы укреплений прослеживались с трёх сторон. Следов рвов не заметно. Площадь памятника занята двумя соседними усадьбами. На восточной усадьбе на момент обследования проводились строительные работы (постройка гаража). Западная усадьба заброшена, строения полуразрушены, площадь задернована. Подъёмный материал на возможной для исследования площади памятника не обнаружен. Шурфовка на площади памятника, учитывая объективные обстоятельства, на момент исследования была невозможной.

Выразительный подъёмный материал эпохи позднего средневековья (фрагменты гончарной посуды, стеклянных и железных изделий) зафиксирован

с южной и западной сторон памятника, на прилегающих огородах. С западной стороны подъёмный материал XVII–XVIII вв. прослежен вдоль склона террасы на протяжении 50 м, с южной стороны — на протяжении 35–40 м вглубь плато. Также на огородах к югу найден фрагмент каменного топора, вероятно эпохи бронзы и несколько кремневых артефактов. Древнерусские материалы не обнаружены.

Также отметим, что местные жители упоминали о существовании ещё одного городища к югу от села (в направлении к с. Бобрик) без точного указания его местоположения. Самостоятельно найти это городище нам пока не удалось. Не исключено, что именно это, второе городище, зафиксировано в «Реестре памятников археологии Житомирской области» (охранный № 80). Согласно «Реестру», городище площадью 9400 м^2, датируется IX–XII вв. Эта информация требует дальнейшей проверки и уточнения.

Замчище в с. Садовое (Березовка), Коростышевский р-н. Укрепление в с. Березовка (ныне — Садовое) известно с XIX в. [Антонович, 1895, с. 10]. Исследовалось И. П. Русановой в 1962 г. [Русанова, 1962/27, с. 2] и М. П. Кучерой в 1989 г. [Кучера, 1989/20а, с. 19] разведкой Восточно-Волынской экспедиции в 2011 г.

Памятник находится в центре села и расположен в северной части мысовой гряды, простирающейся с северо-запада на юго-восток, ограниченной руслом р. Березки (правый приток р. Мыки) и её левым притоком — пересыхающим ручьём Руда. Почти всю площадь памятника с конца XIX в. занимает церковная усадьба, ограждённая забором. Размеры усадьбы — 60–65×40–45 м. И. П. Русановой и М. П. Кучерой и к северо-востоку от церкви был зафиксирован отрезок вала (длиной от 40 до 60 м, шириной 6–8 м, высотой от 0,5 до 3 м). Нашими исследованиями этот вал не обнаружен. К северо-востоку, востоку, юго-востоку и югу от церковной усадьбы находятся усадьбы местных жителей. С севера и запада площадь усадьбы ограничена сельскими улицами.

Поверхность усадьбы задернована, подъёмный материал не зафиксирован. Шурфовка на площади действующей церковной усадьбы не проводилась. На огородах к северо-востоку от церковной усадьбы были собраны материалы XVI–XVIII вв. Древнерусские материалы, как и предыдущими исследователями, нами не обнаружены. Вероятно, памятник является остатками замчища эпохи развитого средневековья (XVII–XVIII вв.).

Городище у с. Сущаны, Олевский р-н. Городище на северо-восточной окраине с. Сущаны впервые открыто и обследовано М. П. Кучерой в 1975 г. [Кучера, 1975/27, с. 3–4, креслення 2; 1982, с. 76–77, рис. 3, 4]. Осматривалось в 1976 г. М. Б. Щукиным [Щукин, 1976/104, с. 6]. М. П. Кучера исходя из конструктивных и планиграфических особенностей городища, а также учитывая полное отсутствие культурного слоя и подъёмного материала на площадке памятника, считал его городищем милоградской культуры раннежелезного века.

Городище занимает северо-восточную часть мысовидного отрога террасы левого берега р. Уборть. С востока и юго-востока, по краю террасы со стороны реки оборонительные сооружения отсутствуют. Вал, высотой до 2,5-3 м, шириной до 10 м у основания, сохранился с северо-восточной, северной и северо-западной стороны. С северной стороны был въезд в городище. С западной и южной стороны валы спланированы устройством строений сельской усадьбы. Неглубокий заплывший ров сохранился с северо-восточной стороны. Площадка городища овальная в плане, размерами 50×55 м, используется под огороды. На момент нашего исследования в 2013 г. на площадке городища проводились сельскохозяйственные работы, подъёмный материал не зафиксирован, шурфовка не проводилась. В окрестностях городища подъёмный материал также не обнаружен. Валы городища разрушаются хозяевами усадьбы. Результаты наших исследований подтверждают выводы, сделанные в своё время М. П. Кучерой.

Поиски городища у сс. Великий Яблонец — Красногорка, Емильчинский р-н. Согласно «Археологической карте» В.Б. Антоновича в двух вёрстах от с. Яблонец, по

направлению к с. Нараевке, на берегу болота расположено круглое городище, 83 сажени в окружности [Антонович, 1901, с. 11]. Этот памятник фактически не был предметом специального поиска археологов, его местоположение и культурно-хронологическое определение не известны.

Предварительный анализ картографических материалов позволил определить возможные варианты местоположения искомого памятника в районе современного села Красногорка. Сопоставление современных и исторических карт микрорегиона позволило определить, что Яблонец В.Б. Антоновича сегодня — это село В. Яблонец. Нашей экспедицией были проведены разведки на западной окраине с. В. Яблонец, в окрестностях с. Красногорка, на восточной окраине с. Нараевка. Ландшафт этой части Житомирщины представляет собой низменную заболоченную местность в истоке многих мелких рек, изобилующую выходами гранитных, в своей основе, гряд и покрытых осадочными породами. Местные жители слышали о названии замчище, но достоверно не могли указать его местоположения, чаще всего показывая на ближайшую гору — сопку. Видимо, местная традиция устной истории была утеряна или деформирована в результате сложных до и после революционных процессов образования новых и исчезновения старых поселений в междуречье Ужа, Ирши, Уборти и Случи. Не исключено, что городище на каменной гряде могло быть уничтожено карьером. В ходе наших разведок различных участков данного микрорегиона памятники древнерусского времени (как, впрочем, и других эпох) не обнаружены. Поиски городища будут продолжены с использованием более специализированных подходов и более детальных карт.

Поиски городищ у сс. Великая и Малая Глумча, Емильчинский р-н. В «Археологической карте Волынской губернии» возле села В. Глумча упоминается пять городищ: 3 на территории села, одно — на острове среди болот в урочище «Окоп», и одно — в урочище «Сытно». Информация о конструктивных особенностях и культурно-хронологической принадлежности городищ отсутствует [Антонович, 1901, с. 25].

Сведения об этих памятниках частично проверялись И. П. Русановой в 1962 г. К югу от села В. Глумча, среди болот на небольшом возвышении, носящем название «Окоп», ею были найдены фрагменты гончарной керамики X в. Эти находки дали основание предположить, что именно в этом месте и находилось одно из городищ, валы которого на момент исследования были уже полностью распаханы [Русанова, 1962/27, с. 7, рис. 20]. При этом, в отчёте в текстовом описании памятника указывается с. В. Глумча, а в иллюстративном материале — М. Глумча. О поиске других городищ в окрестностях села не упоминается. В каталоге А.В. Кузы это городище ошибочно отнесено к с. Большая Хайча (село в Овручском районе) [Куза, 1996, с. 168, № 927]. Учитывая противоречивость накопленной информации, Восточно-Волынской экспедицией в 2013 г. были проведены разведки в окрестностях сел Великая и Малая Глумча.

Великая Глумча. Село расположено на невысокой, слабо расчленённой возвышенности, со всех сторон окружённой канализованной низменностью. Укреплений на территории села и окружающих территориях нами не зафиксировано. Старожилы села не помнят укреплений ни в центре села, ни на его окраинах. По их информации, на южной окраине села были небольшие возвышения, без каких либо следов фортификации, которые имели общее название «Окопы». На сегодня эти возвышения распаханы и заняты сельскохозяйственными угодьями. Также нам указали и на расположение урочища «Сытно» на северной окраине села. На момент исследования местности в урочищах «Окопы» и «Сытно» были заняты посевами кукурузы. На восточной окраине села на левом берегу р. Бродок нами было найдено два неукреплённых селища: поселение с материалами XII в. и поселение с материалами второй половины XIII — начала XIV в. и конца XV — XVIII вв.

Малая Глумча. В селе об уже упомянутых урочищах «Окоп» и «Сытно», а также о существовании городищ ничего не известно. В южной части села было найдено небольшое поселение с материалами раннежелезного века и древнерусского времени (X в.).

Поиски городища у с. Хотиновка, Коростенский р-н. По информации В.Б. Антоновича к востоку от села, возле ручья Липовки, находилось четырёхугольное с округлёнными углами городище до 4 вёрст в окружности [Антонович, 1895, с. 7]. Ещё И. П. Русанова, проверяя эту информацию, отмечала, что в месте указанном В. Б. Антоновичем, укреплений не сохранилось. Вместо городища к востоку от с. Хотиновки, ею было обнаружено селище с материалами, которые исследовательница датировала XIII–XIV вв. [Русанова, 1959/20а, с. 3].

В 2011 г. нами были исследованы окрестности с. Хотиновки. На площади поселения, открытого И. П. Русановой, экспедицией были собраны фрагменты керамики позднего средневековья XV и XVII–XVIII вв. Такие же материалы были обнаружены и в нескольких шурфах на площади поселения. Кроме керамических артефактов, в шурфах были найдены железные гвозди, фрагменты железных изделий, перстень-печатка. Исследования вокруг Хотиновки будут продолжены в нескольких намеченных нами микрорегионах.

Поиски городища у с. Фортунатовка, Малинский р-н. По сведениям В. Б. Антоновича, возле выезда из деревни в направлении с. Чоповичи (северо-западная окраина) существовало городище, окружённое высокими валами [Антонович, 1895, с. 8]. В 1962 г. разведки в окрестностях Фортунатовки провела И. П. Русанова. По её данным, в месте, которое указал В. Б. Антонович как городище, находилась стеклянная гута обнесённая валом. На момент исследований вал был срыт [Русанова, 1962/27, с. 5].

В 2011 г нами были проведены обследования окрестностей с. Фортунатовка. Оно расположено на очень низменной, ровной, заболоченной местности на истоках р. Визни (правый приток р. Ирши). В малолюдном вымирающем селе о городище ничего не знают. Никаких укреплений, а также других археологических памятников различных эпох, в результате исследований нашей экспедиции обнаружено не было.

Поиски городища у х. Селище, Коростенский р-н. В 1983 г. возле х. Селище в ур. «Церковщина» на левом берегу р. Рыхты Р. С. Орловым было обнаружено городище мысового типа. По описанию исследователя, городище в плане треугольной формы, размерами 60×50 м, возвышалось над поймой реки на 1–1,5 м. С напольной стороны прослеживался ров, глубиной до 1–1,5 м, и едва приметный вал. По описанию, задернованная площадка заросла лесом и кустарником. С востока к городищу примыкает возвышенность высотой до 1,5–2,5 м, которая, собственно, и носит название «Церковщина». Р. С. Орлов предположил существование на возвышенности неукреплённого селища, хотя ни на площади собственно городища, ни на площади предполагаемого селища, археологических материалов им найдено не было. Таким образом, культурную принадлежность памятника определить не удалось [Орлов, 1983/21, с. 67, рис. 13, *2*].

В 2011 г. нами были проведены исследования в окрестностях х. Селище. На сегодня хутор, находящийся в труднодоступной заболоченной местности на окраине административного района, как населённый пункт не существует (отселён). Русло реки протекает среди низменной заболоченной местности, с дюноподобными песчаными грядами-возвышениями. Хутор находился на правом берегу р. Рыхты. На противоположном берегу возвышается песчаная гряда, к которой ведёт деревянный мост. При осмотре местности следов сознательной древней фортификации зафиксировать не удалось.

Место, обозначенное Р.С. Орловым как площадка городища, находится на значительно более низком уровне, чем окружающие её территории. К востоку от этой площадки, между ней и песчаной грядой, возвышающейся над площадкой на 2–3 м, различимо заболоченное обводнённое понижение, вероятно — русло небольшого ручейка. Со стороны площадки русло ручейка обваловано. С севера площадку ограничивает грунтовая лесная дорога, по краям которой видны небольшие повышения бруствера. К западу от площадки зафиксированы остатки старой дамбы. На противоположной стороне реки видно продолжение этой насыпи. По-видимому, это — остатки дороги

и ныне разрушенного моста, отмеченных на топографической карте 70-х гг. XX в. Возможно, русло ручейка, было принято Р.С. Орловым за ров, а обваловка ручья, дороги и дамбы определена как вал. На наш взгляд, с описанной местностью произошли сильные антропогенные преобразования во время разновременных строительных работ по сооружению дамбы.

Шурфовка задернованной и заросшей смешанным лесом и кустарником «площадки городища» не выявили наличия культурного слоя. На возвышении «Церковщина» были сделаны зачистки нескольких ям-окопов. В стенках зафиксированы кремневые артефакты эпохи мезолита. Подъёмный материал на площади возвышения не зафиксирован. На противоположной стороне реки, на заброшенных огородах бывшего хутора, были найдены аналогичные мезолитические артефакты, а также фрагменты керамики XVII-XVIII вв.

Таким образом, все перечисленные наблюдения не подтверждают наличие здесь специально фортифицированного археологического памятника.

Поиски городища у с. Радецкая Болярка, Червоноармейский р-н. Единственным источником сведений о городище возле с. Радецкая Болярка является подготовленный в средине 60-х гг. XX в. «Краткий список археологических памятников Украинской ССР». В этом издании, со ссылкой на И.П. Русанову, фиксируется только наличие памятника возле села без точной привязки и приводится его датировка X–XII в. [Археологічні пам'ятки …, 1966, с. 111]. Позже информацию о городище включил в свой каталог А.В. Куза, ошибочно помещая его на берегу р. Уж [Куза, 1996, с. 168, № 930].

Этот памятник в 1969 г. был внесён в «Реестр памятников археологии Житомирской области» (охранный № 1207, решение о постановке на государственный учёт № 442 от 29.09.1969 р.). В «Реестре», кроме датировки, приводятся размеры городища (90×80 м) и упоминается, что памятник известен с XIX в. без указания на источник информации. Археологически (в полевых условиях) памятник не изучался.

В 2010 г. Восточно-Волынской экспедицией были проведены поиски городища в окрестностях с. Радецкая Болярка. Село находится среди ровной заболоченной местности у истоков р. Иршицы, левого притока р. Ирши. В результате наших работ городища отыскать не удалось. Местное население не знает о существовании древнего укреплённого пункта (городища, замчища или валов) в указанном регионе. Боле того, в окрестностях села, кроме немногочисленных и невыразительных материалов XVII–XVIII вв., никаких других артефактов и памятников нам отыскать не удалось.

Очевидно, что неверная информация об этом городище возникла в результате ошибки составителей «Краткого списка». В статье И. П. Русановой, на которую ссылаются авторы издания, городище у с. Радецкая Болярка не упоминается. В тексте статьи упоминается городище раннежелезного века возле с. Раденка (Полесского района Киевской области) [Русанова, 1961, с. 70–71]. Тот же памятник указан в отчёте о полевых исследованиях [Русанова, 1959/20а, с. 11–12]. По всей видимости, некоторое созвучие названий населённых пунктов и стало причиной ошибки в локализации этого памятника составителями «Краткого списка».

В представленной работе мы изложили результаты проведённых в полевых условиях исследований 35 отдельных пунктов с искусственными укреплениями. Из них 15 — являются древнерусским городищами, как правило, расположенными в составе комплексов синхронных поселенческих и погребальных памятников. Восемь укреплений — это средневековые замки, два — городища раннего железного века. Семь укреплений пока остаются не найденными. Проверка имевшейся предварительной информации, проведённая в ходе разведок, показала, что трёх укреплённых памятников фактически не существует. Для каждого конкретного памятника или комплекса памятников нами, кроме уже полученных результатов, очерчены перспективы и направления продолжения дальнейших поисков и научного изучения соответствующих микрорегионов.

Адміністративно-територіальний устрій Житомирщини: 1795–2006. Довідник: офіційне видання / Упоряд. Р. Ю. Кондратюк, Д. Я. Самолюк, Б. Ш. Табачник. — Житомир: Волинь, 2007. — 620 с.

Антонович В. Б. Археологическая карта Волынской губернии / В. Б. Антонович // Труды XI АС в Киеве. — М., 1901. — Т. I. — С. 1–140.

Антонович В. Б. Археологическая карта Киевской губернии (Приложение к XV тому «Древностей») / Антонович В. Б. — М., 1895. — 139 с.

Археологічні пам'ятки Української РСР (Короткий список) / [відп. ред. Д. Я. Телегін]. — К.: Наукова думка, 1966. — 462 с.

Архив Юго-Западной России, издаваемый Временной комиссией для разбора древних актов. Ч. 7, Т. II: Акты о заселении юго-западной России. — К., 1890. — 644 с.

Атаманчук М. Земля Лугів: Історико-краєзнавчі нариси / Атаманчук М., Таргонський П. — Коростень: Друк, 2006. — 312 с.

Атлас Киевской губернии, состоящей из Генеральной карты двенадцати городовых планов и двенадцати поветовых карт [Карты] / [сост.] Александр Масловский и др., копировал Яков [Тюньков] и др. — 1:[840 000] ; 20 вёрст в дюйме и др. – [К.] : Б. изд-ва, [1800]. — 29 фот. : 1 цв. ; 24×18 см. — Фотокоп. План города Радомысля. — 1:[8 400], 100 саж. в дюйме.

Безусько Т. В. До питання про природні умови існування середньовічних поселень на Овруцькому кряжі (за палінологічним даними) / Т. В. Безусько // Наукові записки Києво-Могилянської академії. — Т. 18. Спеціальний випуск, частина II. — К., 2000а. — С. 291–294.

Безусько Т. В. Палинологическое обоснование влияния антропогенного фактора на растительный покров Овручского кряжа в позднем голоцене (по материалам средневекового поселения Городец) / Т. В. Безусько // Тезисы VIII молодёжной конференции ботаников в Санкт-Петербурге. — СПб, 2000б. — С. 255.

Брицун-Ходак М. Велика Деревія. Земля Древлянського Князівства. Книга третя / Брицун-Ходак М. — Коростень: ПП Науменко В.А., 2008. — 427 с.

Гамченко С. Пятилетие археологических исследований на Волыни (1919–1923 гг.) / С. Гамченко // НА ИА НАНУ, ф. 3 (личный фонд С. С. Гамченко), д. 45, 1925а, 217 с.

Гамченко С. Раскопки 1924 г. на Волыни / С. Гамченко // НА ИА НАНУ, ф. 3 (личный фонд С. С. Гамченко), д. 46, 1925б, 109 с.

Гамченко С. Записная книжка № 4 [Дневник археологических исследований на Коростенщине] / С. Гамченко // НА ИА НАНУ, ф. 3 (личный фонд С. С. Гамченко), д. 61, 1925в, 150 с.

Грушевський М. С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя / Грушевський М.С. — К.: Наукова думка, 1991. — 560 с.

Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта) / [сост. Кучера М. П., Сухобоков О. В. и др. ; отв. ред. Баран В. Д.]. — К.: Наукова думка, 1984. — 196 с.

Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / [відп. ред. О. С. Стрижак]. — К.: Наукова думка, 1985. — 254 с.

Журавльов О. П. Тваринництво та мисливство у давньослов'янського та давньоруського населення Житомирщини // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст.: статті / О. П. Журавльов. — К., 2004. — С. 35-40.

Звіздецький Б. Археологічні дослідження в північно-східних районах Житомирського Полісся (матеріали та дослідження до археологічної карти області: Коростенський, Овруцький та Народицький райони) / Богдан Звіздецький. — Коростень, 2008а. — 130 с.

Звіздецький Б. Про деякі підсумки і перспективи вивчення археологічних пам'яток Овруччини // Полісся України: матеріали історико-етнографічного дослідження : статті / Б. Звіздецький. — Львів: Інститут народознавства НАН України, 1999. — Вип. 2. Овруччина. — С. 365–371.

Звіздецький Б. А. Городища IX-XIII ст. на території літописних древлян / Звіздецький Б.А. — К., 2008б. — 176 с.

Звіздецький Б. А. Дослідження Іскоростеня 2005–2008 рр. // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради : статті / Б. А. Звіздецький, В. І. Польгуй, А. В. Петраускас, О. В. Сірко. – Коростень, 2008в. — Т. 1. — С. 113–117.

Звіздецький Б. А. Малинське городище древлян // Археологія і давня історія України. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології : статті / Б. А. Звіздецький. – К.: Інститут археології НАН України, 2010. — С. 534–540.

Звіздецький Б. А. Нові дослідження стародавнього Іскоростеня // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. : статті / Б. А. Звіздецький, В. І. Польгуй, А. В. Петраускас. — К., 2004. — С. 51–86.

Звиздецкий Б.А. Новые данные о курганах с каменными обкладками на севере Житомирщины // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга : статьи / Б. А. Звиздецкий. — М.: Наука, 2005. — С. 281–286.

Історія міст і сіл Української РСР. Житомирська область / [відп. ред. П. Т. Тронько]. — К.: Головна редакція УРЕ АН УРСР, 1973. — 727 с.

Капустін К. М. Звіт про археологічні розвідки на території Малинського, Олевського та Радомишльського районів Житомирської області у 2011 р. / К. М. Капустін, Н. В. Федорченко, Ю. О. Чернат // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, 2011, 36 с.

Крикун М. Адміністративно-територіальний устрій Правобережної України в XV–XVIII ст. Кордони воєводств у світлі джерел / Крикун М. — К., 1993. — 185 с.

Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII веков. Свод археологических памятников / Куза А. В. — М.: Христианское издательство, 1996. — 256 с.

Куза А. В. Малые города Древней Руси / Куза А. В. — М.: Наука, 1989. — 168 с.

Куза А. В. Малые города Древней Руси X–XIII вв. / А. В. Куза // Древнерусский город (Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева). — К.: Наукова думка, 1984. — С. 61–65.

Кучера М. П. Дослідження городищ на Волині й Поділлі / М. П. Кучера // Археологія. — 1979. — Вип. 29. — С. 62–72.

Кучера М. П. Звіт про обстеження городищ на Волині й Поділлі у 1973 р. / М.П. Кучера // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, 1973/18, 27 с.

Кучера М. П. Звіт про обстеження пам'яток археології Житомирської обл. в 1989 р. / М. П. Кучера, І. С. Вітрик // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, 1989/20а, 22 с.

Кучера М. П. Звіт про розвідку городищ у 1975 р. (Житомирська область) / М. П. Кучера // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, 1975/27, 21 с.

Кучера М. П. Нові дані про городища Житомирщини / М. П. Кучера // Археологія. — 1982. — Вип. 41. — С. 72–82.

Кучера М. П. Отчёт о работе экспедиции по исследованию Змиевых валов на Левобережье Днепра в 1985 г. / М.П. Кучера // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, 1985/30, 27 с.

Кучера М. П. Размеры древнерусского города по данным городищ на территории Украинской СССР / М. П. Кучера // Древнерусский город (Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева). — К.: Наукова думка, 1984. — С. 69–72.

Кучера М. П. Слов'яно-руські городища VIII-XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем / Кучера М. П. — К.: ІА НАНУ, 1999. — 252 с.

Левицький І. Археологічні досліди в районі: Народичі – Ст. Шарно – Уманці – Булев – Селець – Болотниця Коростенської Округи, року 1925 / Іван Левицький // НА ИА НАНУ, ф. 4 (личный фонд И. Ф. Левицкого), д. 2, 1926, 137 с.

Літопис руський [пер. з давньорус. Л. Є. Махновця; відп. ред. О. В. Мишанич]. — К.: Дніпро, 1989. — XVI + 591 с.

Мальченко О. Укріплені поселення Брацлавського, Київського і Подільського воєводств (XV — середина XVIII ст.) / Олег Мальченко. — К., 2001. — 380 с.

Місяць В. О. Звіт про археологічні розвідки на Житомирщині за 1961 р. / В. О. Місяць // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, 1961/55, 7 с.

Місяць В. О. Короткий звіт про археологічні розвідки на Житомирщині 1954 р. / В. О. Місяць // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, 1954/32, 22 с.

Моця О.П. Шляхи часів Київської Русі: темпи руху на «путехъ» / О.П. Моця // Археологія. – 2010. – № 2. – С. 30-42.

Мушкет М. Коротке справоздання за передісторичні розшуки р. 1928 / Марія Мушкет // Антропологія 1928. — К., 1929. — Вип. II. — С. 241–249.

Нужний Д. Ю. Нові дані про пізній палеоліт Овруцького кряжу / Д. Ю. Нужний // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. — 1998. — Вип. 2. — С. 72–90.

Орлов Р.С. Отчёт о разведках в Житомирской области в составе экспедиции «Волынь» / Р. С. Орлов, Р. В. Терпиловский // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, 1983/21. — С. 62–68.

Отчёт Городецкого музея Волынской губернии барона Ф. Р. Штейнгель с 25 ноября 1989 г. по 25 ноября 1904 г. / [Ф. Р. Штейнгель]. — К.: Типография Н. А. Гирич, 1905. — 76 с.

Павленко С. В. Археологічні дослідження Східно-Волинської експедиції на території Житомирської області у 2011 році / С. В. Павленко, А. П. Томашевський, А. В. Борисов, С. В. Переверзєв, І. М. Хоптинець // Археологічні дослідження в Україні 2011. — К., 2012а. — С. 225–226.

Павленко С. В. Дослідження на території Радомишля / С. В. Павленко, А. П. Томашевський // Археологічні дослідження в Україні 2011. — К., 2012б. — С. 224.

Павленко С. В. Овруцька середньовічна пірофілітова індустрія: результати, проблеми та перспективи дослідження // Археологія і давня історія України. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології : статті / С. В. Павленко. — К.: Інститут археології НАН України, 2010. — С. 157–166.

Пашкевич Г. О. Палеоботанічний комплекс давньоруської Овруцької волості // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради : статті / Г. О. Пашкевич, А. П. Томашевський. — Коростень, 2008. — Т. 2. — С. 59–73.

Переверзєв С. В. Звіт про науково-дослідну роботу «Археологічне дослідження комплексу пам'яток Великий Дивлин (Лугинський район Житомирської області)» / С. В. Переверзєв, І. М. Хоптинець, А. А. Сорокун // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, 2012. — 195 с.

Петраускас А. В. Давньоруський Олевськ за результатами археологічних досліджень / А. В. Петраускас, О. А. Коваль, К. М. Купустін, М. В. Хададова // Церква — наука — суспільство: питання взаємодії. Матеріали одинадцятої міжнародної наукової конференції (29–31 травня 2013 р.). — К., 2013. — С. 32–34.

Петраускас А. В. Формування середньовічного Олевська за даними археологічних досліджень 2009–2010 рр. / А. В. Петраускас, О. А. Коваль, А. О. Петраускене, М. В. Хададова // Середньовічні міста Полісся: Тези доповідей учасників міжнародної наукової археологічної конференції (Олевськ, Україна, 30 вересня – 3 жовтня 2011 р.). — К. — Олевськ, 2011. — С. 56–58.

Похилевич Л. И. Сказания о населённых местностях Киевской губернии / Л. И. Похилевич. — К., 1864. — 764 с.

ПСРЛ. — Т. II: Ипатьевская летопись. — СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. — XVI с. — 938 стб. — 87 с.

Радзивиловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр / [отв. ред. М.В. Кукушкина]. — СПб.: Глагол; М.: Искусство, 1994. — Кн. 1.

Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. / П.А. Раппопорт // МИА. — 1956. — № 52. — 184 с.

Раппопорт П. А. Церковь Василия в Овруче / П. А. Раппопорт // СА. — 1972. — № 1. — С. 82–97.

Русанова И. П. Отчёт о работе Древлянского отряда Днепровской Славянской левобережной экспедиции за 1962 год / И. П. Русанова // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, 1962/27, 9 с.

Русанова И. П. Отчёт о работе Древлянского отряда Днепровской экспедиций института археологии АН СССР за 1961 год / И. П. Русанова // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, 1961/23, 15 с.

Русанова И. П. Отчёт о работе Правобережного отряда Черниговской экспедиции ИИМК АН СССР за 1959 г. / И. П. Русанова // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, 1959/20а, 22 с.

Русанова И. П. Разведка по реке Уж / И. П. Русанова // КСИА. — 1961. — Вып. 86. — С. 70–72.

Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России. Волынская губерния / [состав. Д. Самоквасов]. — СПб., 1888. — 99 с.

Терещук К. І. Середньовічні торговельні шляхи Східної Волині / К. І. Терещук // Археологія. — 1981. — Вип. 36. — С. 74–85.

Толочко П. П. Киевская земля / П. П. Толочко // Древнерусские княжества X–XIII вв. — М.: Наука, 1975. — С. 5–56.

Томашевский А. П. Изучение систем заселения Овручской волости в Овручском проекте // Сельская Русь в IX–XVI веках : статьи / А. П. Томашевский. — М.: Наука, 2008. — С. 50–73.

Томашевський А. П. Археологічні дослідження літописного Вручого в Овруцькому проекті // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. : статті / А. П. Томашевський. — К., 2004. — С. 264–278.

Томашевський А. П. Археологічні дослідження Овруцької волості у північних районах Житомирської області у 2008 році / А. П. Томашевський, С. В. Павленко // Археологічні дослідження в Україні 2008. — К., 2009. — С. 294–299.

Томашевський А. П. Городець. Комплекс археологічних пам'яток біля с. Городець Овруцького району Житомирської області // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради : статті / А. П. Томашевський, С. В. Павленко. — Коростень, 2008а. — Т. 2. — С. 156–196.

Томашевський А. П. Населення Східної Волині V–XIII ст. н.е. (Система заселення, екологія, господарство): дис. … кандидата іст. наук: 07.00.06 / Андрій Петрович Томашевський. — К., 1993. — 406 с.

Томашевський А. П. Овруцький проект: досвід реалізації комплексного міждисциплінарного вивчення і збереження історико-археологічної спадщини середньовічної Овруцької волості // Нові технології в археології : статті / А.П. Томашевський. — К. — Львів, 2002. — С. 170–176.

Томашевський А. П. Попередні підсумки археологічних досліджень Овруцької археологічної експедиції у 1996–1997 роках на території Овруцького району Житомирської області / А. П. Томашевський // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. — К., 1998. — С. 45–48.

Томашевський А. П. Попередні результати археологічних досліджень в Овруцькому та Коростенському р-нах Житомирської обл. У 2006 р. / А. П. Томашевський, С. В. Павленко // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007. — К. — Запоріжжя: Дике поле, 2007. — С. 382–386.

Томашевський А. П. Середньовічна Овруцька волость і феномен Овруцької околичної шляхти // Наукові записки з української історії : статті / А. П. Томашевський. — Переяслав-Хмельницький, 2008б. — Вип. 20. — С. 466–489.

Третьяков П. Н. Восточно-славянские племена в свете археологических исследований последних лет / П.Н. Третьяков // КСИИМК. — 1946. — Вып. XIII. — С. 39–44.

Шевчук В. Велесич : [роман] / Василь Шевчук. — К.: Дніпро, 1985. — 251 с.

Щукин М. Б. Отчёт о работе Полесской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1976 г. / М. Б. Щукин // НА ИА НАНУ, ф. экспедиций, 1976/104, 12 с.

Яроцкий Я. В. К топографии г. Овруча / Я. В. Яроцкий // Памятная книжка Волынской губернии на 1903 г. — Житомир, 1903а. — С. 6–9.

Яроцкий Я. В. Могильники по среднему течению р. Уборти / Я. В. Яроцкий // АЛЮР. — 1903б. — № 3–4. – С. 173–193.

Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich / [pod. red. F. Sulimierski, B. Chlebowski, W. Walewski]. — T. VII. — Warszawa, 1886. — 960 s.

А. П. Томашевский, С. В. Павленко

Городища и укрепления средневековой Овручской волости

В статье представлены результаты изучения 35 укрепленных поселений (городищ и замчищ), исследованных в ходе работ Овручской и Восточно-Волынской экспедиций ИА НАН Украины на территории северной Житомирщины (в пределах средневековой Овручской волости). Отдельно рассматриваются результаты многолетних исследований городищ ядра волости на Овручском кряже (Овруч, Городец, Норинск, Листвен, Славечно, Збраньки). Кратко вводятся в научный оборот данные о новых древнерусских городищах на территории волости (Кремно – Путиловичи, В. Дывлын — Бучманы, Рыжаны). Изложены результаты поисков летописных древнерусских городов — Мыческа и Ушеска. Представлены итоги изучения исторических населенных пунктов волости — современных районных центров (Коростень, Малин, Олевск, Народичи, Володарск-Волынский, Лугины, Емильчино). Отдельно рассматриваются результаты исследования городищ и укреплений, известных в научной литературе и памятникоохранной документации, отрывочная и неполная информация о которых требовала специальной проверки. Кратко рассматриваются новые аспекты и актуальные проблемы изучения городищ и малых городов в связи с результатами, полученными в ходе работ авторов. Освещаются аспекты и проблемы разработанной и апробированной авторами методики поиска и исследования укрепленных пунктов.

A. P. Tomashevsky, S.V. Pavlenko

Hilltop Fortified Settlements and Castles of Ovruch Volost

The paper is represents results of searching in a field of fortified settlements (35 hilltop fortified settlements and castles). These sites were discovered by Ovruch and East-Volyn expeditions of Archaeology institute of National academy of science (Ukraine) on a territory of North Zhytomyr region (within the limits of middle age Ovruch district (called Ovruch volost) on a Ovruch mountain-ridge.

Results of investigations the core of hilltop fortified settlements in an Ovruch volost (Ovruch, Horodets', Noryns'k, Lystvyn, Slovechne, Zbran'ky) viewed separetly. Information about new old russ hilltop fortified settlements is put into science circulation. These are such sites as Kremne — Putylovychi, Velykyi Dyvlyn — Buchmany, Ryzhany. Searching results of annalistic old russ sities Myches'k and Ushes'k and historic settlements (which are now districts centers — Korosten', Malyn, Olevs'k, Narodychi, Volodars'k-Volyns'kyi, Luhyny, Yemil'chyne) are also expounded in details.

In a special way is investigated hilltop fortified settlements which are known in a science literature and in archaeology documents and papers of Protection Department. The partly known information about this sites necessitated a special verification.

The new prospects and issue of the day in a field of researching the hilltop fortified settlements and small towns are also briefly investigated. All these aspects are illustrated according to the methods of analizing of fortified settlements which are developed by authors.

Л. В. Ясновська

До історії вивчення літописних міст Чернігово-Сіверщини в першій половині XIX ст.

У статті розглядаються результати історико-археологічних досліджень літописних міст Чернігівщини протягом першої половини XIX ст., що проводилися представниками перших наукових товариств, аматорами старовини, представниками української інтелігенції.

Ключові слова: Чернігово-Сіверщина, літописне місто, Тимчасовий комітет для розшуку старожитностей, городище, курган.

Пробудження інтересу до східнослов'янської старовини в Росії припадає на початок XIX ст. У цей час тривало нагромадження відомостей про давньоруські старожитності Чернігово-Сіверщини. Паралельно з вивченням літописних текстів було започатковано опис та фіксацію давньоруських пам'яток. Історики-антикварії значною мірою прислужилися зародженню інтересу до історико-культурної спадщини регіону, формуванню у цій царині місцевої дослідницької традиції.

Наукові товариства, що виникли у першій половині XIX ст., не мали спеціальних програм по дослідженню давньоруських пам'яток Чернігово-Сіверщини. Водночас заслуговують на увагу «наукові мандрівки», що мали на меті пошук та реєстрацію середньовічних старожитностей. Російська Академія наук «по Высочайшему повелению» створила експедицію під керівництвом К. М. Бороздіна, покликану виявити і зафіксувати давньоруські пам'ятки. У 1810 р. він разом з О. І. Єрмолаєвим, художником Д. І. Івановим та архітектором Максютіним об'їхали територію Північного Лівобережжя, відвідали літописні міста — Чернігів, Любеч, Остер, Ніжин та Біловежу [Поленов, 1871, с. 68–72].

У нотатках до опису Чернігова К. М. Бороздін щодо першої згадки про місто в давньоруському літописі під 907 р. зауважив, що «существование его без всякого сомнения, должно отнести ко времени более древнему». Учасники експедиції виготовили чотири плани, «служащие к объяснению Черниговского бытоописания», що являли собою карту володінь чернігівських князів до монголо-татарської навали, плани Чернігова та його «окружностей … в древности». У поясненні до них згадувались літописна річка Свинь та літописні міста Сновськ, Березна, Свенковичі, Гуричев [Поленов, 1871, с. 68].

Було також описано архітектурні пам'ятки давньоруської доби, виготовлено план і розріз Спасо-Преображенського собору й замальовано його східний фасад. К. М. Бороздін упевнено зазначив, що «по своей древности он превосходит даже Киевский Софийский собор, хотя точный год его основания и неизвестен». Щодо Успенської церкви Єлецького монастиря в Чернігові він підкреслив: «зодчество, кладка кирпичей и сам материал, сходные с древнейшими в России церквями, заставляют отнести время ее постройки по крайней мере к XII столетию»[Поленов, 1871, с. 69]. Це не суперечить сучасному датуванню цієї пам'ятки [Воробьева, 1974, с. 178; Раппопорт, 1982, с. 46]. До звіту К. М. Бороздіна увійшли і малюнки північного та західного фасадів Успенського собору.

У Любечі дослідники виготовили план «окружностей древнего города, с предположительным означением происходящего в 1016 году сражения и разбития Святополка Ярославом I» з історичним та топографічним поясненнями. Згадали вони і про битву між князями Ізяславом та Олегом у 1078 р., ототожнивши давньоруський Ніжин на р. Остер з Нежатиною Нивою [Поленов, 1871, с. 68], що суперечить висновкам сучасних дослідників [Коваленко, 1988; Коваленко, Сытый, 1989; Ситий, 2005]. У поясненнях до плану Остра К. М. Бороздін виправив похибку В. М. Татищева щодо місця розташування Городка Остерського, відзначивши, що «городок, вероятно был на самой сей реке (Остер) по правую ее сторону: там и теперь находится, в версте от города Остра, слободка, принадлежащая к городу, и именуемая Старогородка, где еще видны следы бывших укреплений» [Поленов, 1871, с. 70]. Ця локалізація літописного міста і сьогодні не викликає у дослідників жодного сумніву [Казаков, Гребень, 1989].

Учасники експедиції опрацювали план «Беловежского городка», відомого за описом О. Ф. Шафонського, чим ввели в оману дослідників, які слідом за ними визнали, що літописна Біловежа була розташована біля с. Белемеші. Лише у 80-х роках XX ст. В. П. Коваленко та Ю. М. Ситий спростували висновки О. Ф. Шафонського і К. М. Бороздіна щодо локалізації літописної Біловежі [Коваленко, 1983; Сытый, 1985; Коваленко, Сытый, 1991].

Крім того, К. М. Бороздін звернув увагу на помилку В. М. Татищева, який вважав літописний Беловес, що згадується під 1148, 1152 та 1154 рр., містечком, а насправді це «...речка, называемая теперь Белоус, и впадающая в Десну с левой стороны, в 9 верстах ниже Чернигова» [Поленов, 1871, с. 71].

Наукова експедиція під керівництвом К. М. Бороздіна засвідчила зростання інтересу до давньоруських старожитностей Чернігово-Сіверщини. Унікальні малюнки та плани давньоруських пам'яток збагатили вітчизняну науку новими відомостями, сприяли вивченню і популяризації історико-культурної спадщини.

Події першої половини XIX ст. — Вітчизняна війна 1812 р., повстання декабристів, діяльність Кирило-Мефодіївського товариства, революції в Західній Європі, національне відродження західних і південних слов'ян — сприяли зростанню самосвідомості українського народу, пробуджували його інтерес до національних традицій, звичаїв, мови, фольклору. Помітно зросло значення історичних студій. Істориків уже не задовольняло обмежене коло письмових джерел, і вони починають енергійно збирати і використовувати археологічний матеріал.

Помітним кроком до формування слов'яноруського напрямку в історичній науці стала діяльність Рум'янцівського гуртка, засновником якого був відомий державний діяч і вчений М. П. Рум'янцев (1754–1825 рр.). Йому вдалося об'єднати навколо себе плеяду талановитих учених, здебільшого істориків [Козлов, 1981, с. 4]. Розшуки в архівах, археологічні розкопки, етнографічні спостереження охопили усі регіони Росії і дали плідні результати. «Колумбы российских древностей», члени гуртка М. П. Рум'янцева значною мірою прислужилися вивченню давньоруських старожитностей, збиранню та публікації писемних пам'яток вітчизняної історії, що концентрувалися у знаменитому Рум'янцевському музеї. Гурток М. П. Рум'янцева став справжнім орієнтиром для дослідників регіональної історії, які підтримували постійний зв'язок із цим авторитетним науковим осередком.

Одним з кореспондентів М. П. Рум'янцева був чернігівський історик М. Є. Марков (1760–1819). Росіянин за походженням, він у 1790 р. перебрався на Чернігівщину й пов'язав свою долю з навчальними закладами регіону. Вірогідно, що вирішальний вплив на становлення М. Є. Маркова-історика справив відомий знавець місцевої старовини О. Ф. Шафонський, який на той час мешкав у Чернігові. У будь-якому разі М. Є. Марков неодноразово посилався на його студії у своїх наукових розвідках [Бережков, 1910, с. 286].

М. Є. Марков виявив і описав залишки укріплень літописних міст Чернігівщини — Любеча, Чернігова, Городця Остерського, Сновейська, Нежатина, Листвена,

Новгорода-Сіверського, Білої Вежі, Бохмача, Гюричева, Моровійська, Лутави, Беловеса. Стосовно Чернігова М. Є. Марков зауважив, що «можно только догадываться» про його «существование в VII столетии» [Марков, 1816, с. 1]. Цікаво, що це припущення М. Є. Маркова у другій половині XX ст. підтвердять археологи Б. О. Рибаков та В. П. Коваленко [Рыбаков, 1949, с. 63; Коваленко, 1988, с. 25].

Уявлення про дослідницькі стратегії М. Є. Маркова дозволяє скласти його стаття «О памятниках древности в Чернигове», яку оприлюднив М. М. Бережков [Бережков, 1911, с. 289–295]. Дослідник зосередив увагу на кількох основних сюжетах: залишки стародавніх оборонних споруд, курганні могильники, пам'ятки на території передмістя, монастирські комплекси. М. Є. Маркову було притаманне критичне ставлення до використаних джерел. Він ретельно вивіряв і співставляв природно-географічні й топографічні реалії з відомостями, запозиченими з давньоруських літописів, польських історичних хронік, досліджень російських учених, пам'яток фольклору. Водночас М. Є. Марков сміливо формулює власне бачення порушених проблем історії стародавнього Чернігова, вступає у дискусію з іншими фахівцями. Він розмірковував над різними версіями походження назви міста, упорядкував списки світських і церковних можновладців Чернігово-Сіверщини. Загалом, М. Є. Марков одним з перших «розговорив» старожитності давньоруського часу й нагадав місцевим мешканцям призабуті сторінки далекого минулого.

На початку XIX ст. під впливом історичної моди та суспільних запитів, які взаємно обумовлювали одне одного, розпочалося широке особисте ознайомлення освіченої публіки з Малоросією — цим, здавалося б, давнім, але все ще мало знаним краєм, уявлення про який, як виявилося при ближчому знайомстві, надзвичайно розходились із книжною історичною інформацією. Навіть Київ початку століття у допитливого мандрівника викликав швидше роздратування від кричущої невідповідності очікувань історичних раритетів, решток сивої, добре відомої з літописів давнини й місцевих реалій, до яких додавалася байдужість і необізнаність місцевих мешканців про давньоруські часи. Те саме історично орієнтовані сучасники зазначали, відвідуючи на початку XIX ст. і Чернігів [Толочко, 2004, с. 288–289].

На початок XIX ст. припадає справжній сплеск інтересу до пам'яток нумізматики [Разгон, 1971, с. 293–294]. Монети, що їх знаходили на території Причорномор'я, протягом тривалого часу затьмарювали слов'яноруські старожитності. Але з оприлюдненням перших знахідок давньоруських златників та срібників ставлення до них змінилося.

Так, у журналі «Отечественные записки» (1818–1830 рр.) з'явилась інформація про унікальні знахідки на терені Північного Лівобережжя [Формозов, 1967, с. 208–209]. Йшлося, зокрема, про золотий амулет-змійовик, знайдений у 1821 р. на березі р. Білоус на околиці Чернігова. Як наголосив В. Г. Анастасевич, ця пам'ятка «своею древностию всегда останется важным приобретением юной нашей археологии» [Анастасевич, 1821, с. 441].

На змійовик звернув увагу один із членів гуртка М. П. Рум'янцева митрополит Київський та Галицький Євгеній Болховитінов. Він висловив думку, що цей амулет «носили на шее» і дійшов висновку, що «черниговская медаль, вероятно, делана в России, потому что на ней русская надпись: «Г й помози рабу твоему Василию» безошибочна по древнему словенскому правописанию и произношению, а греческая с ошибками, чего грек бы не сделал». Він також вказав на ймовірну приналежність змійовика Володимиру Мономаху [Евгений, 1833, с. 123].

Водночас фахівці, зокрема, польський історик З. Я. Доленго-Ходаковський (Адам Чарнецький), порушили питання про дослідження давньослов'янських старожитностей (городищ і могильників) як важливого історичного джерела, розширення традиційного кола пам'яток за рахунок археологічних матеріалів, даних топоніміки й фольклору [Ровнякова, 1963, с. 79–80; Blombergowa, 1993, p. 12–13].

Київ став першим серед давньоруських міст об'єктом систематичних археологічних розкопок. Цьому сприяла активна наукова діяльність М. Ф. Берлінського та Єв-

генія Болховитінова. Саме з ініціативи останнього у 20–30-х роках XIX ст. було започатковано розкопки під керівництвом К. Ф. Лохвицького, а потім О. С. Анненкова та А. І. Ставровського. З точки зору методики, вони були достатньо недосконалі, але усе ж таки збагатили відомості з історії стародавнього Києва і сприяли зростанню інтересу до вивчення старожитностей. Збереглася також інформація про розкопки на території літописного Новгорода-Сіверського, де були знайдені брили з написами про будівництво у XI–XII ст. Миколаївської церкви та Спаського собору [Козлов, 1981, с. 87].

Уряд Російської імперії, зі свого боку, ініціював заходи щодо охорони історико-культурної спадщини. Своїм указом від 31 грудня 1826 р. Микола I забов'язав місцеву адміністрацію збирати відомості про «остатки древних замков и крепостей, или других зданий древности, и в каком они положении ныне находятся… чтобы строжайше воспретить таковые здания разрушать; что и должно оставаться на ответственности начальников городов и местной полиции» [Полное собрание, 1830, с. 1373]. Відтак на сторінках «Журнала Министерства внутренних дел» з'явилися повідомлення про старожитності Новгорода-Сіверського [Город, 1848], про Спаський собор та П'ятницьку церкву в Чернігові [Церковь св. Спаса, 1848], про «великий» курган, який чомусь ототожнили з курганом княжни Черни біля Єлецького монастиря, та інші кургани, «из коих некоторые в 1828 году уже были раскопаны» [Курган в Чернигове, 1837, с. 385].

Важливе значення для розвитку новонародженої слов'яноруської археології мали періодичні видання, що знайомили читачів зі знахідками дослідників. Так, у журналі «Отечественные записки» було надруковано нарис з історії Новгорода-Сіверського вчителя математики місцевої гімназії І. М. Сбітнєва. Проаналізувавши легенди та літописні свідчення, він дійшов висновку, що Новгород-Сіверський був заснований за князювання Володимира Святославича, а фортецю збудували за часів Ярослава Володимировича [Сбитнев, 1828, с. 106–107].

У Києві в 1835 р. з ініціативи ректора Київського університету М. О. Максимовича та Євгенія Болховитінова було засновано Тимчасовий комітет для розшуку старожитностей, що мав на меті проведення археологічних розкопок на території Києва та його околиць. Незважаючи на відчутний брак коштів, досвіду й спеціальних знань, його співробітники протягом 1835–1845 рр. провели розкопки на території Михайлівського монастиря, виявили фундаменти Іринінської, Трьохсвятської та Дмитрівської церков, зафіксували давньоруські печери на території Києво-Печерської лаври. Поступово вони охопили дослідженнями Вишгород, Чорнобиль і Переяслав [Курінний, 1994, с. 7].

На жаль, дослідники не звернули увагу на спробу відставного поручика О. С. Анненкова започаткувати археологічне вивчення одного з найдавніших міст Лівобережної України — Чернігова [Ясновська, 2002, с. 75–76]. 30 грудня 1839 р. на засіданні Тимчасового комітету для розшуку старожитностей було заслухано не тільки звіт О. С. Анненкова про археологічні дослідження на території Києва у 1838 р., а й клопотання щодо надання дозволу «по наступлению весны в будущем году (1840-ому) произвести поиски к открытию древностей Киевской губернии и Черниговской», зокрема в Переяславі та Чернігові, «как сие города по древности своей и связи с Киевом, заслуживают внимания».[1]

У доповідній записці О. С. Анненков виклав план роботи, зазначивши, що об'єкти досліджень будуть обиратися «на местах свободных и не застроенных и в древних валах», а в садах та навколо будинків «без позволения владельцев, таковых поисков отнудь производить не должны». Після закінчення робіт він брав на себе обов'язок «прорезы и рвы заровнять». Усі виявлені матеріали мали бути «представлены в оный Комитет немедленно».[2] Комітет звернувся із запитом до чернігівського цивільного губернатора В. О. Шереметьєва про дозвіл на проведення розшуків на території Чернігова — «города,

1. Державний архів м. Києва, ф. 299, оп. 1, спр. 8., арк. 1–2.

2. Державний архів м. Києва, ф. 299, оп. 1, спр. 8., арк. 2.

заслуживающего… внимания по своей древности и связи с Киевом».[3] Втім губернатор у відповідь порадив «испросить разрешения от высшего Начальства».[4] Принагідно зауважимо, що полтавський цивільний губернатор П. І. Могилевський натомість тому ж таки О. С. Анненкову дозволив розпочати розкопки з метою виявлення давньоруських храмів у Переяславі.

Не дало бажаних результатів і звернення Тимчасового комітету до полтавського, харківського та чернігівського генерал-губернатора М. А. Долгорукова. Оскільки, як відповів високопосадовець, «Временный комитет, по распоряжению которого поручается г. Анненкову производить открытия в Черниговской губернии, учрежден для изыскания только в Киеве, подобные предприятия не могут быть дозволены без особого на то Высочайшего соизволения Государя императора».[5] Відтак бюрократична тяганина надовго відбила бажання у київських археологів звертатися до вивчення старожитностей Північного Лівобережжя.

У 40–50-х роках дослідники не мали у своєму розпорядженні навіть приблизних еталонів для вивчення археологічних старожитностей [Брайчевський, 1964, с. 38]. Стародавні кургани, розкидані практично по всій території України, залишки оборонних споруд-городищ, майдани, так звані Змійові вали не могли не привернути увагу небайдужої до старовини людини, але сказати щось певне про їх походження тоді не міг ніхто. Відчувалася нагальна потреба у зіставленні археологічного матеріалу з даними писемних джерел. Відтак у 1840 р. була здійснена спроба об'єднати Тимчасовий комітет з розшуку старожитностей Києва з Археографічною комісією у Петербурзі. Проте столичні археографи з різних причин відхилили пропозицію киян [Журба, 1993, с. 36].

У 1843 р. при канцелярії Київського, Подільського та Волинського генерал-губернатора Д. Г. Бібікова з дозволу Миколи I була створена Тимчасова комісія для розгляду давніх актів [Журба, 1993, с. 37]. Нова наукова установа сприймалася владою як офіційна структура в системі Міністерства внутрішніх справ, своєрідний ідеологічний придаток апарату управління Південно-Західного краю Російської імперії. Хоча головне завдання комісії полягало у збиранні, опрацюванні, систематизації та підготовці до видання архівних матеріалів, її співробітники досліджували також пам'ятки історії та археології [Журба, 1993, с. 38].

У травні 1845 р. Д. Г. Бібіков домігся ліквідації Тимчасового комітету для розшуків старожитностей і передачі його функцій Тимчасовій комісії для розгляду давніх актів [Брайчевський, 1964, с. 40]. Для проведення розкопок було залучено професора Київського університету св. Володимира М. Д. Іванишева, якого М. О. Максимович називав «генералом від археології» [Журба, 1993, с. 58]. Йшлося передусім про реєстрацію і систематизацію археологічних старожитностей, що своїми наземними ознаками (земляними спорудами або залишками будівель) привертали увагу фахівців та аматорів.

Саме в цей час з Тимчасовою комісією для розгляду давніх актів починає співробітничати Т. Г. Шевченко. Працюючи над серією офортів «Живописная Украина», Т. Г. Шевченко у 1843–1844 рр. створив ряд малюнків, на яких були зображені краєвиди історичних міст, старовинні храми, замки та археологічні об'єкти. Тимчасова комісія для розгляду давніх актів потребувала співробітника, здатного за відсутності фотографічного обладнання замалювати їх. Відтак протягом 1845–1846 рр. Т. Г. Шевченко здійснив три досить тривалі поїздки в різні регіони України [Брайчевський, 1964, с. 40].

Наприкінці 1845 р. Т. Г. Шевченка було відряджено до Полтавської та Чернігівської губерній, і до Києва він повернувся лише в квітні 1846 р. [Брайчевський,

3. Там само, арк. 3.

4. Там само, арк. 22.

5. Державний архів м. Києва, ф. 299, оп. 1, спр. 8., арк. 1–2.

1964, с. 43; Иванцов, 1939, с. 95]. Увагу Т. Г. Шевченка привернули передусім стародавні укріплення та пам'ятки давньоруської архітектури. Він детально описав їх в історико-археологічних нотатках під назвою «Археологические заметки» [Шевченко, 2003, с. 217–219; Ясновська, 2011, с. 332–333].

Крім того, в повісті «Прогулка с удовольствием и не без морали» Т. Г. Шевченко згадав про «небольшое земляное четыреугольное укрепление. Точно такой формы и величины, как на поле около Листвена, близ Чернигова, где Мстислав Удалой резался с единоутробным братом своим Ярославом — с тою разницею, что лиственское укрепление засевается хлебом, а в этом забытом историей бастионе догадливый хозяин сложил в скирды собранный с поля хлеб» [Шевченко, 2003, с. 265–266]. Це порівняння спало авторові на думку, коли він пригадав свої враження від старожитностей Чернігівщини. Городище, про яке йдеться у цьому фрагменті біля с. Великий Листвен (нині — Городнянського р-ну Чернігівської області), протягом тривалого часу вважалося літописним Лиственом. Крім того, Т. Г. Шевченко згадав також кургани поблизу села: «за двумя большими курганами открылось еще несколько могил меньшего размера» [Шевченко, 2003, с. 265].

У мистецькій спадщині Т. Г. Шевченка наявні також малюнки археологічних пам'яток Седнева — акварелі «Коло Седнева» з високим курганом на передньому плані й «Чумаки серед могил» [Шевченко, 1961, № 135–136]. Завдяки цим малюнкам Т. Г. Шевченка можна скласти уявлення про вигляд курганного некрополя літописного Сновська до розкопок Д. Я. Самоквасова у 70-х роках XIX ст.

Значну увагу давньоруській добі приділив у своєму «Очерке города Чернигова и его области в древнее и новое время», виданому в 1846 р., професор Київського університету св. Володимира, член Тимчасової комісії для розгляду давніх актів В. Ф. Домбровський. В історичній довідці про місто він зазначив, що «Чернигов существовал уже в эпоху зарождения Руси» та був «душею Северской земли», виступаючи «главным звеном, соединяющим ее части между собою» [Домбровский, 1846, с. 1, 3].

Окрім загальних відомостей з історії міста В. Ф. Домбровський досить докладно охарактеризував пам'ятки давньоруської архітектури Чернігова, визнаючи їх «первенцами церковного зодчества в России» [Домбровский, 1846, с. 32]. Згадавши про знахідку срібного ідола неподалік від Спаського собору, В. Ф. Домбровський висловив припущення про те, що «этот храм, по всей вероятности, воздвигнут на месте древнего капища». Оскільки, з гіркотою зауважив, що «для исследователя старины, утрата их прежнего вида не вознаградима: без нее, быть может, мы имели бы более понятия об атрибутах божеств, которым поклонялись древние северяне, язычники» [Домбровский, 1846, с. 34]. В. Ф. Домбровський не обійшов увагою історичні обставини, за яких «целовали черниговские князья крест» і місцезнаходження князівських поховань «в особом тереме» [Домбровский, 1846, с. 36–37]. Згадав він і про Борисоглібський собор, зазначивши, що після монголо-татарської навали ця пам'ятка «была обновлена». В. Ф. Домбровський також зазначив, що св. Антоній, шукаючи «для себя большего уединения и с этой целью в горе Болдиной (в версте от монастыря Елецкого) ископал себе пещеру, в которой пребывал до возвращения в Киев» [Домбровский, 1846, с. 38–40].

Згадуючи ще один храм, відомий з літописного повідомлення як Благовіщенський, В. Ф. Домбровський відзначив і знахідку місцевого жителя А. К. Больмана, який під час спорудження будинку неподалік «гимназического здания, отыскал в земле остатки каменных стен и погребов». Як зауважив автор, це могли бути залишки «церкви Пресвятыя Богородицы» [Домбровский, 1846, с. 45].

Головною археологічною установою Російської імперії першої половини XIX ст. формально вважався Імператорський Ермітаж, підпорядкований Міністерству двора, в зібранні якого були представлені, головним чином, артефакти з античних пам'яток Причорномор'я. Формування в середині XIX ст. нових напрямків в археології, зокрема слов'яноруського, вимагало нових форм організації досліджень, об'єднання

наукових сил. Адекватною відповіддю на цей виклик стало створення в 1851 р. на базі Археологічно-нумізматичного товариства Імператорського Російського археологічного товариства (далі – ІРАТ) [Лебедев, 1992, с. 82, 86].

До поля зору членів ІРАТ практично одразу ж потрапили давньоруські старожитності Чернігово-Сіверщини. На засіданні 22 березня 1851 р. керуючий справами ІРАТ О. І. Войцехович довів до відома присутніх інформацію про кургани Седнева в Чернігівській губернії і запропонував звернутися до місцевого священика, аби той бодай стисло описав пам'ятки «с показаним, где они начинаются и где оканчиваются, и доставлением народных преданий от местных жителей об этих курганах».[6]

Член ІРАТ С. Лашкевич навів відомості про пам'ятки стародавнього Любеча, вказавши, однак, що на Замковій горі «следов земляных валов и тому подобных укреплений незамечены»[7]. Не дивно, отже, що І. І. Срезневський заперечив значення цієї інформації, «так как здесь не описано ни одного древнего памятника».[8]

Водночас зростає інтерес до давньоруських старожитностей Чернігово-Сіверщини з боку наукової та творчої інтелігенції України. Так, під час наукових екскурсій П. О. Куліша та М. М. Білозерського по Чернігівщині, що відбулися в два етапи — у 1851 р. та протягом 1853–1855 рр., були оглянуті літописні міста, городища, кургани, залишки оборонних споруд. Зокрема, у червні 1851 р. у Чернігові вони обстежили й описали чотири великі кургани Троїцької групи на території Болдиних гір. Вони відзначили, що найбільший насип «имеет посредине давнее правильное углубление», і висловили припущення, що на ньому «вероятно была сторожевая башня». Крім того, П. О. Куліш та М. М. Білозерський занотували переказ про розкопки одного з курганів, в якому начебто було знайдено «голову огромную гривы и нижнюю ножную кость». На їхню думку, на території могильника були мирні мешканці та воїни, які загинули під час монголо-татарської навали.[9] Це зайвий раз підтверджує, що фіксація археологічних пам'яток без проведення розкопок унеможливлювала адекватну інтерпретацію старожитностей.

Мандруючи Сосницьким повітом, вони відзначили, що на р. Мена «городок стояв» (скоріше за все, йшлося про городище Сидорівна). Крім того, П. О. Куліш та М. М. Білозерський уперше на території Подесення зафіксували залишки Змієвих валів від Осьмаків до Бурковки та Блистови.[10] Зауважимо, що ці земляні укріплення будуть обстежені й запроваджені до наукового обігу тільки в другій половині XX ст. О. О. Попком, І. І. Єдомахою та О. В. Шекуном [Ясновська, 1998, с. 46–47].

Згодом М. М. Білозерський та П. О. Куліш відвідали літописні міста Любеч та Листвен. У своїх нотатках про Любеч вони вперше описали курганну групу в ур. Мокріївщина, що складалася з «26 незначительных», заввишки від 1,5 м до 2 м, три з яких будуть розкопані в 1888 р. М. Ю. Бранденбургом [Журнал, 1908, с. 194]. Відвідавши Замкову або Мазепину гору, вони зробили висновок про відсутність укріплень. У товщі гори над Дніпром П. О. Куліш та М. М. Білозерський оглянули печеру, напівзасипану ґрунтом (яку, за переказами, викопав св. Антоній), але не прив'язали її до інших об'єктів.[11]

На околиці с. Малого Листвена вони обстежили й обміряли городище, яке свого часу описав О. Ф. Шафонський. За їхніми даними, окружність «городка» становилоа «120 саж.» (260 м), а висота валу «9–12 арш.» (6–8 м). Крім того, М. М. Білозерський та П. О. Куліш звернули увагу ще на одне городище, що розташоване неподалік від

6. РАПМК РАН, ф. 3, спр. 407, арк. 27.

7. РАПМК РАН, ф. 3, спр. 407, арк. 17.

8. РАПМК РАН, ф. 3, спр. 400, арк. 149 зв.

9. ІР НБУ, ф. 204, спр. 55, арк. 40–40 зв.

10. ІР НБУ, ф. 204, спр.55, арк. 4.

11. ІР НБУ, ф. 204, спр. 55, арк. 3.

першого. Вони підтвердили дані переказів, що саме тут відбулася битва між князівськими дружинами, про що свідчили знахідки зброї.[12] Це була перша спроба локалізувати літописний Листвен біля с. Малий Листвен.

Між м. Ріпки та с. Даничі мандрівники зафіксували один із курганів давньоруського могильника висотою «5 арш.» (3,5 м) та окружністю до «30 арш.» (21 м). На жаль, зібрана М. М. Білозерським та П. О. Кулішем інформація залишилася практично невідомою для науковців.

На початок 50-х років XIX ст. припадає формування церковно-історичного напрямку в регіональних студіях, яскравим представником якого був чернігівський архієпископ Філарет Гумілевський. Протягом 1860–1866 рр. він працював над історико-статистичним описом Чернігівської єпархії, фрагменти якого друкувалися у «Трудах Киевской духовной академии» та на шпальтах заснованого ним тижневика «Черниговские епархиальные известия» [Коваленко, Тарасенко, 1997, с. 196].

Історико-статистичні нариси Філарета Гумілевського містять різноманітні відомості з історії Чернігово-Сіверщини. Нариси архієпископа Філарета насичені археологічними, етнографічними, статистичними матеріалами, містять опис численних культових споруд, ікон, церковного начиння. Енергійний і непосидющий за вдачею, Філарет не тільки наполегливо вивчав праці своїх попередників, рукописні збірки історичного змісту, які, зокрема, зберігались у бібліотеці Чернігівської семінарії, а й під час своїх регулярних поїздок до єпархії особисто оглядав архітектурні й археологічні пам'ятки, обстежував ризниці церков та монастирів, де часом траплялись унікальні артефакти.

Саме Філарет здійснив одну з перших спроб поєднати археологічні та писемні свідчення про давньоруські старожитності Чернігівщини. Зібрані ним відомості можна розподілити на кілька груп: відомості про населені пункти, які згадуються в літописах; городища, селища та кургани; скарби й окремі знахідки. Зокрема, на території Чернігівської єпархії Філарет врахував близько 30 літописних топонімів, що дозволяє вважати його працю одним із найповніших реєстрів XIX — початку XX ст. Втім, не всі його локалізації визнаються сучасними фахівцями. Це стосується, зокрема, літописних Хоробора, який він ототожнив з с. Хоробичі, Ростовця — з с. Радичевим, Блистовита — з с. Блистова Новгород-Сіверського повіту, Листвена — з с. Великий Листвен та ін. Проте в ряді випадків припущення Філарета виявились досить вдалими, наприклад, Ігорево сільце біля с. Горбове, Свенковичі в гирлі р. Свинь та ін.

Праці Філарета є нині чи не єдиним свідченням існування літописних міст — Бобровиця на північній околиці Чернігова (літописний Гуричев), Сибереж, Мамекине та Макошино. Архієпископ однозначно ототожнив Седнів з літописним Сновськом і нарахував тут 74 великі й 290 малих курганів [Историко-статистическое, 1874, с. 110–111].

Особливе значення в контексті вивчення і популяризації давньоруських старожитностей Чернігівщини мали речові та монетні скарби. Наприкінці 40-х — у 50-х роках XIX ст. у містах Північного Лівобережжя пожвавилось будівництво, що передбачало проведення земляних робіт, під час яких знаходили скарби — унікальні пам'ятки старовини [Ясновська, 2007, с. 103].

Статті та повідомлення про давньоруські старожитності Чернігівщини систематично з'являлися на сторінках заснованого у 1838 р. часопису «Черниговские губернские ведомости». Значний інтерес становила, зокрема, студія С. О. Котлярова «Город Чернигов» [Котляров, 1951]. Крім давньоруських соборів і монастирів, він звернув увагу на курганні старожитності міста. С. О. Котляров навів пов'язані з ними легенди, а також засвідчив стан збереженості кургану княжни Черни. Якщо М. Є. Марков у 1816 р. бачив цей величний курган на подвір'ї Ремісничого училища неподалік від Чорної могили й відзначав, що «по высоте его и обширности …он насыпан… до исхода десятого столетия» [Марков, 1816, с. 25], то С. О. Котляров у 1851 р. занотував, що

12. ІР НБУ, ф. 204, спр. 55, арк. 3 зв.

«этот курган ныне местами срыт в уровень с грунтом» [Котляров, 1951, с. 238]. Саме у цей проміжок часу і відбулося руйнування кургану, який пов'язували з князівною Черною (Цорною), донькою князя Чорного. Крім того, С. О. Котляров спробував визначити кордони Окольного града Чернігова за залишками «небольших остатков вала внешнего и внутреннего» [Котляров, 1951, с. 239].

У 1852 р. У «Черниговских губернских ведомостях» була надрукована праця М. А. Маркевича «Историческое и статистическое описание Чернигова». У традиціях краєзнавців XVIII ст. історик намагався всебічно висвітлити життя старого Чернігова [Маркевич, 1852]. Дослідження М. А. Маркевича має досить складну структуру. Починається воно з характеристики природно-географічного середовища. Опісля досить докладно описуються православні храми й монастирі Чернігова, інші будівлі, що мали історичне значення, а також рештки колишніх укріплень. Так, намагаючись охопити усі церковні старожитності, у розділі монастирі та церкви М. А. Маркевич подав докладний опис Троїцько-Іллінського та Єлецького монастирів [Маркевич, 1852, с. 67–78]. Вперше він оприлюднив інформацію про знахідку «в северо-восточном углу крепости» свинцевих листів на березі Стрижня, де височів Благовіщенський собор, збудований Всеволодом Святославичем у 1186 р. [Маркевич, 1852, с. 45]. Другу частину книги становить власне нарис історії Чернігова. Пильну увагу М. А. Маркевич звернув на археологічні старожитності й історичну топографію міста, а також на перекази і легенди, що побутували серед місцевих мешканців. У додатках до книги було вміщено список давньоруських князів, похованих у Чернігові.

Попечитель ремісничого училища А. О. Рігельман у 1852 р. на сторінках «Черниговских губернских ведомостей» оприлюднив свої спостереження за земляними роботами на подвір'ях цього закладу в Чернігові: «на половине высоты кургана открылся толстый (в аршин) слой угля, в котором открыли кусок особенной массы … По очищении, нашли в нем железные кольца панцыря, …потом отрыли небольшой медный сосуд, … еще откопали серебряную (чистого серебра) обделку большого рога, с резьбою и чернью гладкой и тонкой работы, узкий конец ее был обделан в виде орлиной головки; несколько серебряных маленьких монет…» [Ригельман, 1852, с. 486]. Цікаво, що цей перелік дуже нагадує поховальний інвентар, який через 20 років виявить Д. Я. Самоквасов під час дослідження Чорної могили. На жаль, усі знахідки з кургану княжни Черни були втрачені.

Цей прикрий випадок зайвий раз засвідчив необхідність створення в країні установи, яка б мала всі повноваження для проведення археологічних робіт. Відтак у лютому 1859 р. у Петербурзі було засновано державну установу при Міністерстві двору — Імператорську Археологічну комісію. Проте зв'язки новоствореної установи з іншими науковими центрами та провінційними археологами зводились до директивних вказівок та адміністративного контролю, що не відповідало потребам подальшого розвитку історико-археологічних досліджень. Відчувалася відсутність наукового осередку, здатного об'єднати зусилля фахівців та аматорів, і в такий спосіб надати потужний імпульс для розгортання студій в усіх регіонах імперії.

У лютому 1864 р. з ініціативи графа О. С. Уварова було створено Імператорське Московське археологічне товариство, що поставило собі за мету координацію зусиль фахівців та аматорів старовини шляхом проведення Всеросійських Археологічних з'їздів. Сховані «в недрах самой земли», на думку О. С. Уварова, належало «отыскивать и отыскивать таким способом, чтобы они не утратили всей полноты своего научного достоинства», у чому й полягає завдання «систематических и вполне археологических раскопок» [Материалы, 1883, с. 297]. Отже, принципово новий етап у вивченні археологічних пам'яток на території Північного Лівобережжя розпочався з 70-х років XIX ст. і був пов'язаний з іменем Д. Я. Самоквасова.

Анастасевич В. Г. Любопытное известие о золотой гривне, найденной в Чернигове / В. Г. Анастасевич // Отечественные записки. — 1821. — № 20. — С. 425–441.

Бережков М. Михаила Егоровича Маркова разные сочинения к пояснению истории Чернигова / М. Бережков // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове. — М., 1911. — Т. 3. — С. 271–305.

Брайчевський М. Ю. Шевченко та археологія / М. Ю. Брайчевський // Історичні погляди Т. Г. Шевченка. — К., 1964. — С. 39–45.

Город Новгород-Северский // Журнал Министерства внутренних дел. — 1848. — Кн. 6. — С. 528–543.

Домбровский В. В. Очерк города Чернигова и его области в древнее и новое время / В. В. Домбровский. — К., 1846. — 49 с.

Евгений, митрополит Киевский. Замечания о Черниговской гривне / Евгений Болховитинов // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. — М., 1833. — Ч. VI. — С. 122–123.

Журба О. І. Київська археографічна комісія 1843–1921: Нарис історії і діяльності / О. І. Журба. — К., 1993. — 186 с.

Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888–1902: Работы в губерниях Киевской, Полтавской, Харьковской, Каменец-Подольской, Екатеринославской, Таврической, Черниговской, Могилевской, Новгородской, Смоленской и в Области войска Донского. — СПб., 1908. — 234 с.

Историко-статистическое описание Черниговской епархии. — Чернигов,1872. — Кн. 5. — 444 с.

Историко-статистическое описание Черниговской епархии. — Чернигов, 1873. — Кн. 7. — 440 с.

Историко-статистическое описание Черниговской епархии. — Чернигов, 1874. — Кн. 6. — 544 с.

Казаков А. Л. Новые раскопки Остерского городца / А. Л. Казаков, П. Н. Гребень // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: Второй областной научно-практический семинар. Тезисы докладов и сообщений. — Полтава, 1989. — С. 78–79.

Коваленко В. П. Летописная Белая Вежа (к вопросу о локализации) / В. П. Коваленко, Ю. Н. Сытый // Археология славянского Юго-Востока. —Воронеж, 1991. — С. 59–66.

Коваленко В. П. До питання про першопочатки Ніжина / В. П. Коваленко // Друга Чернігівська обласна наукова конференція з історичного краєзнавства. Тези доповідей. — Чернігів; Ніжин, 1988. — Вип. І. — С. 9–10.

Коваленко В. П. Исследования летописных городов на Черниговщине / В. П. Коваленко // АО 1981 г. — М., 1983. — С. 268–269.

Коваленко В. П. Летописный Уненеж / В. П. Коваленко, Ю. Н. Сытый // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Тезисы докладов и сообщений Второго областного научно-практического семинара. — Полтава, 1989. — С. 76–77.

Коваленко В. П. Основные этапы развития древнего Чернигова / В. П. Коваленко // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. — К., 1988. — С. 22–33.

Коваленко О. Б. До питання про авторство «Историко-статистического описания Черниговской епархии» / О. Б. Коваленко, О. Ф. Тарасенко // Україна і Росія в панорамі століть. Збірник наукових праць на пошану проф. К. М. Ячменіхіна. — Чернігів, 1997. — С. 195–206.

Козлов В. П. Колумбы российских древностей / В. П. Козлов. — М., 1981. — 168 с.

Котляров С. Город Чернигов / С. Котляров // Черниговские губернские ведомости. — 1851. — Часть неофициальная. — № 25–29.

Курган в Чернигове // Журнал Министерства внутренних дел. — 1837. — Ч. 26. — С. 384–386.

Курінний П. Історія археологічного знання про Україну. — Полтава, 1994. — 140 с.

Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1971 гг. / Г. С. Лебедев. — СПб., 1992. — 448 с.

Маркевич М. А. Историческое и статистическое описание Чернигова / М. А. Маркевич. — Чернигов, 1852. — 178 с.

Марков М. Е. О городах и селениях в Черниговской губернии**,** упоминаемых в Нестеровой летописи и в продолжении оной до 1206 года / М. Е. Марков // Окремий відбиток з: Периодические сочинения о успехах народного просвещения. — 1815. — № 40. — С. 1–60;

Марков М. Е. О достопамятностях Чернигова / М. Е. Марков // Окремий відбиток з: Периодические сочинения о успехах народного просвещения. — 1816. — № 41. — С. 1–40.

Материалы для биографии графа А. С. Уварова и статей по археологии. — М., 1883. — Т. III. — 345 с.

Поленов Д. В. Описание Бороздинского собрания рисунков к его археологическому путешествию по России с гг. Ермолаевым и Ивановым, в 1809–1810 гг. / Д. В. Поленов // Труды I Археологического съезда в Москве в 1869 г. / [под. ред. графа А. С. Уварова]. — М., 1871. — Т. 1. — С. 69–77.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — СПб., 1830. — Т. 1. — 1675 с.

Разгон А. М. Охрана исторических памятников в России XVIII — первая половина XIX в. / А. М. Разгон // Очерки истории музейного дела в СССР. — М., 1971. — Вып. 7. — С. 73–128.

Раппопорт П. А. Чернигово-Северская земля / П. А. Раппопорт // САИ. — Вып. Е1-47: Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. — Л., 1982. — С. 39–48.

Ригельман А. А. О срытом кургане в Чернигове / А. А. Ригельман // Черниговские губернские ведомости. — 1852. — № 44. — Часть неофициальная. — С. 484–490.

Ровнякова Л. В. Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский и его архив /

Л. В. Ровнякова // Из истории русско-славянских связей XIX в. — М.-Л., 1963. — С. 58–94;

Рыбаков Б. А. Древности Чернигова / Б. А. Рыбаков // МИА. — М.; Л., 1949. — № 11. — С. 7–99.

Сбитнев И. М. Новгород-Северский / И. М. Сбитнев // Отечественные записки. — 1828. — № 96. — С. 106–136.

Ситий Ю. М. Відкриття літописної Білої Вежі / Ю. М. Ситий // Перша Чернігівська обласна наукова конференція з історичного краєзнавства. Тези доповідей. — Чернігів, 1985. — С. 98–99.

Ситий Ю. М. До питання про локалізацію літописного Ніжатина та Уненіжа / Ю. М. Ситий // Ніжинська старовина: Науковий історико-культорологічний збірник. — Ніжин, 2005. — Вип. 1 (4). — С. 7–12.

Толочко О. П. Києво-руська спадщина в історичній думці України початку XIX ст. / О. П. Толочко // Україна і Росія в історичній ретроспективі: українські проекти в Російській імперії / В. Ф. Верстюк, В. М. Горобець, О. П. Толочко. — К., 2004. — С. 250–350.

Формозов А. А. Первый русский историко-археологический журнал / А. А. Формозов // Вопросы истории. — 1967. — № 4. — С. 208–212.

Церковь Св. Спаса в Чернигове // Журнал Министерства внутренних дел. — 1848. — Кн. 5. — С. 268–271.

Шевченко Т. Г. Повне зібрання творів. У 12 т. / [редкол.: М. Г. Жулинський (голова) та ін.]. — К., 2003. — Т. 4: Повісті. — 600 с.

Шевченко Т. Г. Повне зібрання творів. У 12 т. / [редкол.: М. Г. Жулинський (голова) та ін.]. — К., 2003. — Т. 5: Щоденник. Автобіографія. Статті. Археологічні нотатки. «Буквар Южнорусский». Записи народної творчості. — 2003. — 496 с.

Шевченко Т. Г. Повне зібрання творів: у 10 т. / [відп. ред. В. І. Касіян]. — К., 1961. — Т. 7: Живопис, графіка. 1830–1847. — Кн. 1. — 153 іл. + 64 с.

Шовкопляс Г. М. За покликом серця. Пам'ятки історії та культури в житті та творчості Т. Г. Шевченка / Г. М. Шовкопляс, І. Г. Шовкопляс. — К., 1990. — 145 с.

Ясновська Л. В. Археологічні дослідження давньоруських старожитностей Чернігівщини у 40–60-х рр. XX ст. / Л. В. Ясновська // Сіверянський літопис. — 1998. — № 6. — С. 37–48.

Ясновська Л. В. Невдала спроба / Л. В. Ясновська // Сіверянський літопис. — 2002. — № 5. — С. 75–80.

Ясновська Л. В. Археологічні дослідження Чернігова першої половини XIX ст. // Сіверщина в контексті історії України: Матеріали VI науково-практичної конференції. — Суми, 2007. — С. 102–104.

Blombergowa M. M. Podroze badawcze Zoriana Dolégi-Chodákowskiego / M. M. Blombergowa // Acta archeologica Lodziensia. — Łódź, 1993. — № 37. — p. 11–37.

Л. В. Ясновская

К истории изучения летописных городов Чернигово-Северщины в первой половине XIX в.

В статье рассматриваются результаты историко-археологических исследований летописных городов Черниговщины в первой половине XIX в., которые проводились представителями первых научных обществ, любителями древностей, представителями украинской интеллигенции.

L. Yasnovskaya

To history of study of annalistic cities of Chernihiv-Severschina in the first half of XIXth century

In the article the results of istoriko-arkheologicheskikh researches of annalistic cities of Chernihiv-Severschina in the first half of XIXth century, that was conducted by the representatives of the first scientific societies, lovers of antiquities, representatives of Ukrainian intelligentsia.

НАШІ АВТОРИ

Бережинський Володимир Григорович — Український інститут воєнної історії, заступник голови правління, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник. Україна, м. Київ.

Бєлєцкий Сергій Васильович — Інститут історії матеріальної культури РАН, провідний співробітник відділу слов'яно-фінської археології, доктор історичних наук, професор. Росія, м. Санкт-Петербург.

Бібіков Дмитро Валентинович — Інститут археології НАН України, аспірант. Україна, м. Київ.

Біляєва Світлана Олександрівна — Інститут археології НАН України, провідний науковий співробітник відділу давньоруської та середньовічної археології, доктор історичних наук. Україна, м. Київ.

Борисов Артем Вадимович — Інститут археології НАН України, відділ давньоруської та середньовічної археології. Україна, м. Київ.

Бубенько Тетяна Станіславівна — УО «Вітебський державний університет імені П. М. Машерова», кандидат історичних наук, доцент. Білорусь, м. Вітебськ.

Веремейчик Олена Михайлівна — Інститут історії, етнології та правознавства імені О. М. Лазаревського Чернігівського національного педагогічного університеті імені Т. М. Шевченка, доцент кафедри історії та археології України, кандидат історичних наук. Україна, м. Чернігів.

Вінніков Анатолій Захарович — Воронезький державний університет, кафедра історії середніх віків и зарубіжних слов'янських народів, доктор історичних наук, професор. Росія, м. Вороніж.

Вознесенська Галина Олексіївна — кандидат історичних наук, Україна, м. Київ.

Возний Ігор Петрович — Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича, філософсько-теологічний факультет, професор кафедри релігієзнавства та теології, доктор історичних наук. Україна, м. Чернівці.

Готун Ігор Анатолійович — Інститут археології НАН України, молодший науковий співробітник відділу давньоруської та середньовічної археології. Україна, м. Київ.

Грігор'єв Олександр Вадимович — старший науковий співробітник заповіднику «Куликово поле». Росія, м. Тула.

Єнуков Володимир Васильович — Курський державний університет, директор НДІ археології південного сходу Русі, доктор історичних наук. Росія, м. Курськ.

Єнукова Ольга Миколаївна — Курський державний університет, провідний науковий співробітник НДІ археології південного сходу Русі, кандидат історичних наук. Росія, м. Курськ.

Івакін Всеволод Глібович — Старший науковий співробітник Центру археології Києва Інституту археології НАН України, кандидат історичних наук. Україна, м. Київ.

Івануц Михайло Григорович — Національний університет державної податкової служби України, факультет військової підготовки, викладач. Україна, м. Київ.

Ієвлев Михайло Михайлович — Інститут археології НАН України, старший науковий співробітник відділу археології Києва, кандидат історичних наук. Україна, м. Київ.

Ільків Микола Володимирович — Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича, кандидат історичних наук, асистент. Україна, м. Чернівці.

Капустін Кирило Миколайович — Інститут археології НАН України, молодший науковий співробітник відділу наукових фондів ІА НАНУ, кандидат історичних наук. Україна, м. Київ.

Кашкін Олександр Володимирович — Інститут археології РАН, завідувач відділу археологічних зводів та карт, кандидат історичних наук. Росія, м. Москва.

Кедун Іван Станіславович — Ніжинський державний університет імені М. В. Гоголя, доцент кафедри всесвітньої історії, кандидат історичних наук. Україна, м. Ніжин.

Коваленко Володимир Петрович — Чернігівський національний педагогічний університет імені Т. М. Шевченка, директор Інституту археології та стародавньої історії Північного Лівобережжя, завідувач кафедри історії та археології України, кандидат історичних наук. Україна, м. Чернігів.

Коваль Володимир Юрійович — Інститут археології РАН, науковий співробітник відділу слов'яно-руської археології, кандидат історичних наук. Росія, м. Москва.

Козловський Аркадій Олександрович — Інститут археології НАН України, старший науковий співробітник відділу археології Києва, кандидат історичних наук. Україна, м. Київ.

Козюба Віталій Костянтинович — Інститут археології НАН України, молодший науковий співробітник відділу археології Києва. Україна, м. Київ.

Кулаков Володимир Іванович — Інститут археології РАН, провідний науковий співробітник відділу слов'яно-руської археології, доктор історичних наук. Росія, м. Москва.

Лапшин Володимир Анатолійович — Інститут історії матеріальної культури РАН, провідний науковий співробітник, доктор історичних наук. Росія, м. Санкт-Петербург.

Левко Ольга Миколаївна — Інститут Історії Національної академії наук Білорусі, завідувачка Центру історії доіндустріального суспільства, доктор історичних наук, професор. Білорусь, м. Мінськ.

Лівох Радослав — Археологічний музей у Кракові, ад'юнкт. Польща, м. Краків.

Мединцева Альбіна Олександрівна — Інститут археології РАН, провідний науковий співробітник, доктор історичних наук. Росія, м. Москва.

Мельникова Олена Олександрівна — Інститут всесвітньої історії РАН, головний науковий співробітник, завідувачка Центру «Східна Європа в античному и середньовічному світі», доктор історичних наук. Росія, м. Москва.

Михайлина Любомир Павлович — Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник, генеральний директор, доктор історичних наук. Україна, м. Київ.

Моргунов Юрій Юрієвич — Інститут археології РАН, провідний науковий співробітник відділу слов'яно-руської археології, доктор історичних наук. Росія, м. Москва.

Москаленко Володимир Васильович — Міський голова м. Коростень Житомирської області. Україна, м. Коростень

Моця Олександр Петрович — Інститут археології НАН України, завідуючий відділом давньоруської та середньовічної археології, доктор історичних наук, професор, член-кореспондент НАНУ. Україна, м. Київ.

Мурашева Вероніка Владиславівна — Історичнкий музей, завідувачка сектору археології розвинутого середньовіччя відділу археологічних пам'яток, кандидат історичних наук. Росія, м. Москва.

Назаренко Олександр Васильович — Інститут всесвітньої історії РАН, головний науковий співробітник, доктор історичних наук. Росія, м. Москва.

Непомящих Віталій Юрійович — Інститут археології НАН України, молодший науковий співробітник відділу давньоруської та середньовічної археології. Україна, м. Київ.

Нетьосов Павло Олександрович — Голова правління Громадської організації «Міжнародна асоціація дослідників фортифікації «Цитадель». Україна, м. Київ.

Осадчий Руслан Миколайович — завідувач відділу охорони культурної спадщини НДІ пам'яткоохоронних досліджень. Україна, м. Київ.

Павленко Сергій Васильович — Інститут археології НАН України, молодший науковий співробітник, відділ давньоруської та середньовічної археології. Україна, м. Київ.

Пашкевич Галина Олександрівна — доктор біологічних наук. Україна, м. Київ.

Петраускас Андрій Вальдасович — Інститут археології НАН України, старший науковий співробітник відділу давньоруської та середньовічної археології, кандидат історичних наук. Україна, м. Київ.

Пивоваров Сергій Володимирович — Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник, помічник генерального директора, доктор історичних наук. Україна, м. Київ.

Польгуй Володимир Іванович — Коростенський краєзнавчий музей, директор. Україна, м. Коростень.

Прищепа Богдан Анатолійович — Рівненський державний гуманітарний університет, доцент кафедри історії України, кандидат історичних наук. Україна, м. Рівне.

Профантова Надя — Інститут археології Академії наук Чеської Республіки, доктор філософії. Чехія, м. Прага.

Пуголовок Юрій Олександрович — Управління культури Полтавської обласної державної адміністрації, старший науковий співробітник Центру охорони та досліджень пам'яток археології, кандидат історичних наук. Україна, м. Полтава.

Рибіна Олена Олександрівна — Московський державний університет, історичний факультет, кафедра археології, доктор історичних наук, професор. Росія, м. Москва.

Романчук Сергій Павлович — Київський національний університет імені Т. Г. Шевченка, кандидат географічних наук, доцент. Україна, м. Київ.

Рябцева Світлана Станіславівна — Інститут культурної спадщини АН РМ, провідний науковий співробітник, кандидат історичних наук. Молдова, м. Кишинів.

Сагайдак Михайло Андрійович — директор Центру археології Києва Інституту археології НАН України, кандидат історичних наук. Україна, м. Київ.

Сергєєва Марина Сергіївна — Інститут археології НАН України, науковий співробітник Центру археології Києва Інституту археології НАН України, кандидат історичних наук. Україна, м. Київ.

Ситий Юрій Миколайович — Чернігівський національний педагогічний університет ім. Т. М. Шевченка, старший науковий співробітник кафедри історії та археології України Інституту історії, етнології та правознавства ім. О. М. Лазаревського. Україна, м. Чернігів.

Скороход В'ячеслав Миколайович — Чернігівський національний педагогічний університет ім. Т. М. Шевченка, старший науковий співробітник Інституту археології та стародавньої історії Північного Лівобережжя, кандидат історичних наук. Україна, м. Чернігів.

Тарабукін Олександр Олександрович — Житомирський обласний краєзнавчий музей, старший науковий співробітник відділу досліджень, обліку і паспортизації об'єктів культурної спадщини. Україна, м. Житомир.

Тараненко Сергій Пантелійович — Центр археології Києва Інституту археології НАН України, науковий співробітник. Україна, м. Київ.

Толочко Петро Петрович — директор Інституту археології НАН України, академік НАНУ, член Академії Європи (Лондон), іноземний член Російської академії наук. Україна, м. Київ.

Томашевський Андрій Петрович — Інститут археології НАН України, кандидат історичних наук, відділ давньоруської та середньовічної археології. Україна, м. Київ.

Фетісов Олександр Анатолійович — Державний музей Сходу, науковий співробітник лабораторії реставрації археологічного металу. Росія, м. Москва.

Хададова Марина Володимирівна — Житомирський державний університет імені І. Франка, асистент кафедри всесвітньої історії. Україна, м. Житомир.

Чекановський Андрій Анатолійович — Інститут археології НАН України, молодший науковий співробітник відділу археології Києва. Україна, м. Київ.

Черненко Олена Євгеніївна — Чернігівський національний педагогічний університет імені Т. М. Шевченка, доцент кафедри історії та археології України, кандидат історичних наук. Україна, м. Чернігів.

Чміль Леся Володимирівна — Інститут археології НАН України, науковий співробітник відділу археології Києва, кандидат історичних наук. Україна, м. Київ.

Шинаков Євген Олександрович — доктор історичних наук, професор, директор науково-освітнього центру археолого-етнологічних досліджень Брянського державного університету ім. акад. І. Г. Петровського. Росія, м. Брянськ.

Щавелєв Олексій Сергійович — Інститут всесвітньої історії РАН, старший науковий співробітник Центру «Східна Європа в античному и середньовічному світі», кандидат історичних наук. Росія, м. Москва.

Щавелєв Сергій Павлович — Курський державний медичний університет, завідувач кафедри філософії, доктор філософських наук, доктор історичних наук, професор. Росія, м. Курськ.

Ясновська Людмила Василівна — кандидат історичних наук, доцент Чернігівського національного педагогічного університету ім. Т. Г. Шевченка. України, м. Чернігів.

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

ААНД ГНУ — Архив археологической научной документации Государственного научного учреждения

АВУ — Археологічні відкриття в Україні

АДУ — Археологічні дослідження в Україні

АЛЛУ — Археологічний літопис Лівобережної України

АЛЮР — Археологическая летопись Южной России

АН ГССР — Академия наук Грузинской ССР

АН СССР — Академия наук СССР

АО — Археологические открытия

АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР

АС — Археологический съезд

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа

ВУАК — Всеукраїнський археологічний комітет

ВУАН — Всеукраїнська Академія наук

ГАЗ — Гістарычна-археалагічны зборнік

ГИМ — Государственный исторический музей

ГНЦЗКНТК МЧС Украины – Государственный научный центр защиты культурного наследия от техногенных катастроф МЧС Украины

ДИ — Декоративное искусство СССР

ДПСП — Древнерусские поселения Среднего Поднепровья

ЗНТШ — Записки Наукового товариства імені Т. Шевченка

ЗУНТ — Записки Українського наукового товариства в Києві

ІА НАНУ — Інститут археології Національної академії наук України

ІІМК — Інститут історії матеріальної культури

ІР НБУ НАН України — Інститут рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського НАН України

ИА НАН УССР — Институт археологии Национальной академии наук Украинской ССР

ИАК — Известия археологической комиссии

ИОРЯС — Известия отделения русского языка и словесности

КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МГУ — Московский Государственный университет

МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

НА ІА НАН України — Науковий архів Інституту археології Національної академії наук України

НА ИА РАН — Научный архив Института археологии Российской академии наук

НаУКМА — Національний університет «Києво-Могилянська академія»

НБУВ — Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського

НЗУІ — Наукові записки з української історії

НТЕ — Народна творчість та етнографія

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

ПЦП — Праці центру пам'яткознавства

ПКМ — Полтавський краєзнавчий музей

РА — Российская археология

РА ІІМК РАН (РА ИИМК РАН) — Рукописний архів Інституту історії матеріальної культури Російської Академії наук (Рукописный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук)

РГБ — Российская государственная библиотека

РГВА — Российский государственный военный архив

РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия

СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников

СМ — Советский музей

СЭ — Советская этнография

УГ — Українське гончарство

УІЖ — Український історичний журнал

УРЕ АН УРСР — Українська Радянська енциклопедія Академії наук УРСР

ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации

ЦДАВО України — Центральний державний архів вищих органів влади і управління України

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

Міста Давньої Русі

Збірка наукових праць
пам'яті А. В. Кузи

(українською, російською, польською мовами)

Редактор: І. І. Іванова
Верстка: А. В. Панікарський

ПП «Видавництво «Стародавній Світ»
тел.: (044) 599-34-43, 223-13-21
e-mail: books@ancientry.org
www.ancientry.org

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції ДК № 3991 від 24.02.2011 р.

Підписано до друку 17.04.2014 р. Формат 60 × 84 1/8. Папір офсетний.
Друк офсетний. Гарнітура Baskerville. Ум. друк. арк. 71,7.
Тираж 300 прим. Зам. № 11-11.